

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

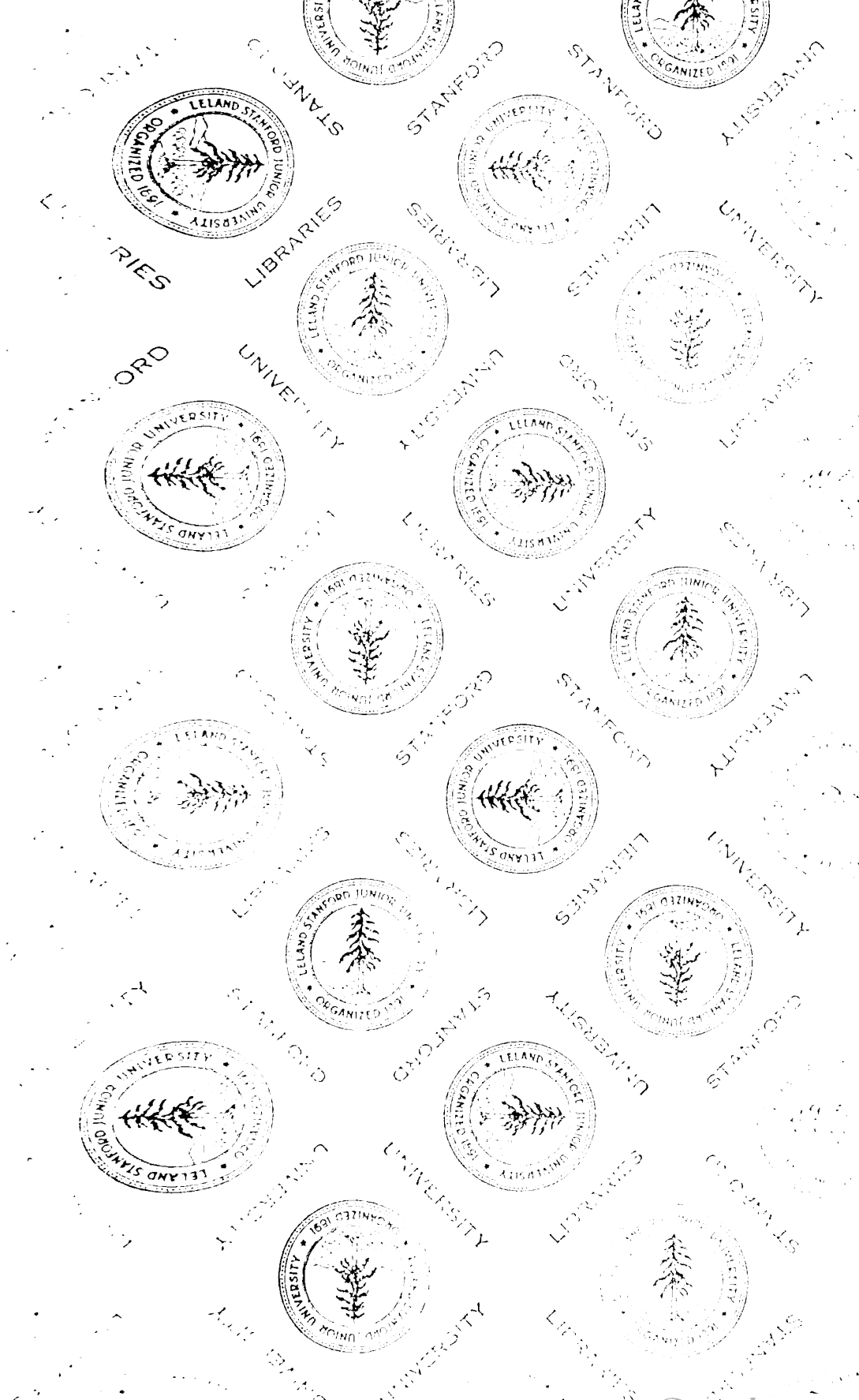
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 6105 131 064 938

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ
ИЗВѢСТІЯ.

Г О Д Ъ С О Р О К Ъ В О С Ъ М О Й .

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
APR 01 1970

№ 9 — СЕНТЯБРЬ.

К І Е В Ъ .

Типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул.

1908

MF 78

**Печатано поопредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владимира
Ректоръ Н. М. Цытовичъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть II—неофициальная.

- I. Къ вопросу о функціи сказуемаго. Соч., удостоенное Ист.-Филол. факульт. золотой медали.—Студ. **В. В. Зѣньковского**. 1—59
- II. Пушкинъ и Гёте. Сочин., удостоенное Истор.-Филол. факультетомъ золотой медали.—**В. А. Розова**. 188—311
- III. Обь атрофическихъ измѣненіяхъ при остромъ голоданіи. Сочин., удост. Медицинскимъ факульт. золотой медали.—Студ. **С. С. Бесли**. 1—60
- IV. Случай первичной саркомы легкаго у ребенка 1 года 9 мѣсяцевъ.—Д-ра **А. О. Новинскаго**. 485—492
- V. Изъ хирургическихъ наблюденій въ дни „красныхъ знаменъ“ и „погрома“.—Прив.-доц. **Ал. Г. Радзівскаго**. 493—509
- VI. Изъ области хирургіи желчныхъ путей. Случай флегмонознаго воспаленія желчнаго пузыря.—Проф. **Н. М. Волковича**. 510—524
- VII. Къ вопросу о застойномъ склерозѣ печени.—Прив.-доц. **В. Н. Константиновича**. 525—545

Научная хроника.

- VIII. Отчетъ и протоколы Физико-Математическаго Общества за 1907 г. (съ приложеніями). 1—62

Къ вопросу о функціи сказуемаго.

Представители новѣйшаго языкознанія считаютъ навсегда отошедшимъ въ исторію подчиненіе языкознанія логикѣ. Принято думать, что окончательный ударъ „логической грамматикѣ“ былъ нанесенъ еще Штейнталемъ въ его „Grammatik, Logik und Psychologie“. Дѣйствительно, впечатлѣніе, произведенное этой книгой, было настолько сильно, что, напр., Потебня думалъ, что „языкознание и въ частности грамматика ничуть не ближе къ логикѣ, чѣмъ какая-либо изъ прочихъ наукъ“¹⁾. Однако и до сихъ поръ въ настроеніи языковѣдовъ чувствуется враждебность къ логикѣ, до сихъ поръ они держатся по отношенію къ ней насторожѣ. Это одно уже показываетъ, что освобожденіе грамматикѣ отъ логики еще не закончено, что опасность смѣшенія логической и грамматической точекъ зрѣнія чувствуется еще очень сильно. Съ другой стороны и у логиковъ почти на каждомъ шагу можно найти скрытую или явную борьбу съ вліяніемъ грамматикѣ на логику. Такимъ образомъ взаимное размежеваніе до сихъ поръ ведется съ нѣкоторой страстностью, свидѣтельствующей, что узелъ не вполне развязанъ Штейнталемъ. „Логика обладаетъ какой-то притягательной силой, пишетъ напр. Д. Кудрявскій²⁾, вовлекая въ свои сѣти даже тѣхъ языковѣдовъ, которые, повидному, освободились отъ ея чаръ“. „Варьируя старое изреченіе, замѣчаетъ съ своей стороны В. Виндельбандъ³⁾, можно ска-

¹⁾ Изъ записокъ по русской грамматикѣ, т. I, стр. 63.

²⁾ Психологія и языкознание. Стр. 68.

³⁾ Прелюдія. Статья „Къ ученію объ отрицательномъ сужденіи“. Стр. 374.
Ср. Литтль. Логика. Стр. 2.

зять: *Logica, save grammaticam*“. Это настроеніе нѣкоторой враждебности сказывается и въ оцѣнкѣ зависимости одной науки отъ другой. „Грамматика должна быть понята изъ логики, а не наоборотъ“, читаемъ мы у Виндельбанда. Въ свою очередь Кудрявскій рѣшительно заявляетъ, что „скорѣе грамматика можетъ объяснять логику, а никакъ наоборотъ“.

Эти прямо противоположныя заявленія съ достаточной рѣзкостью свидѣтельствуютъ о томъ, что пограничная область, въ которой сталкиваются интересы логики и грамматики, размежевана неудовлетворительно. Хотя еще Штейнталь выставлялъ принципъ автономіи¹⁾, дающій право проводить непреходимую границу между логикой и грамматикой, но этотъ принципъ звучитъ скорѣе пожеланіемъ. „Если даже Вундтъ, признается Д. Кудрявскій въ своей статьѣ о *Völkerpsychologie* Wundt'a²⁾, не могъ устоять противъ соблазна отождествлять логическія категоріи съ грамматическими, то значить въ логическомъ толкованіи есть что-то похожее на истину или быть можетъ нѣкоторая доля истины“. Вслѣдъ за этой осторожной фразой мы читаемъ однако рѣшительныя и характерныя строки: „при оцѣнкѣ логическаго толкованія грамматическихъ явленій *невозможно допустить только частичной приложимости его*. Логическое толкованіе либо совершенно справедливо, либо совершенно ложно“. Эта рѣзкая альтернатива чрезвычайно характерна для пониманія самаго спора между логикой и грамматикой: либо полная независимость, либо полная зависимость. Но развѣ *tertium non datur*? Если идея логической грамматики безвозвратно осуждена, значить ли это, что система грамматическихъ понятій не можетъ и не должна включатьъ въ себя понятій, заимствованныхъ изъ логики? Развѣ принципиально недопустимо, что логика и грамматика уходятъ своими корнями въ болѣе общую дисциплину, создающую возможность взаимной, но неполной близости?

Фактически такой общей для грамматики и логики почвой является психологія,—и къ ней давно уже обратили свои взоры какъ языковѣды, такъ и логики. И въ той и въ другой области давно уже нашель свое мѣсто психологизмъ,—стремленіе психоло-

¹⁾ Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. S. 62.

²⁾ Психологія и языкознаніе. Стр. 61.

гически объяснять находимыя закономерности¹⁾. Однако привлечение психологін, какъ вспомогательной дисциплины, на нашихъ глазахъ замѣняется отведеніемъ ей доминирующей роли. Съ этой точки зрѣнія очень любопытна книга Дельбрюка, посвященная разбору *Völkerpsychologie Wundt's*, но и въ ней мы встрѣчаемся еще со взглядомъ²⁾, что для языковѣда равноцѣнны принципиально противоположныя конструкціи Гербарта и Вундта. Вундтъ справедливо обрушился въ своемъ отвѣтѣ Дельбрюку³⁾ на такое отношеніе къ психологін, являющееся отзвукомъ того времени, когда психологія въ глазахъ языковѣдовъ имѣла подчиненное значеніе. Къ сожалѣнію, психологіей языка до сихъ поръ интересовались главнымъ образомъ языковѣды, и лишь въ послѣднее время мы наблюдаемъ оживленіе чисто психологическаго изученія языка. Итоги этого изученія подводить, конечно, слишкомъ рано, но и теперь можно предполагать, что многое изъ того, чѣмъ занималось языкознаніе, перейдетъ изъ грамматики въ психологію языка. Если призракъ логической грамматики исчезъ и грамматика отмежевала себя отъ логики, торопясь впрочемъ замѣнить различіе точекъ зрѣнія полнымъ ихъ раздѣленіемъ, то теперь на очереди стоитъ отмежеваніе грамматики отъ психологін. Теперь ясно, что грамматикѣ не обойтись безъ услугъ психологін,—и тѣмъ настоятельнѣе чувствуется *необходимость выяснить составъ „грамматической точки зрѣнія“ на языкѣ*⁴⁾. Теперь, напр., въ ходу мысль, что „предложеніе—сужденіе“ можетъ быть изучаемо съ трехъ точекъ зрѣнія: логической, психологической и грамматической. Фактически однако мы не находимъ точнаго и яснаго разграниченія этихъ точекъ зрѣнія; часто одна точка зрѣнія подмѣняется другой,—и напр., грамматическое 'разсмотрѣніе структуры предложенія подмѣняется психологическимъ. Чисто внѣшнее примиреніе указанныхъ точекъ зрѣнія тѣмъ менѣе заслуживаетъ вниманія, что, напр., по вопросу о самостоятельности и значеніи психологическаго понятія о субъектѣ и предикатѣ расходятся такіе

¹⁾ Въ логикѣ это приводитъ къ устраненію нормативнаго характера этой науки, въ языкознаніи—къ отрицанію отождествленія его съ исторіей языка. Объ этомъ послѣднемъ см. Dittrich, Grundzüge der Sprachpsychologie. S. 5—63.

²⁾ Grundfragen der Sprachforschung. S. 43—44.

³⁾ Sprachgeschichte und Sprachpsychologie.

⁴⁾ Ср. замѣчанія Кудрявскаго. „Психологія и языкознаніе“, стр. 14—15. 71.

крупные *психологи*, какъ Вундтъ и Геффдингъ. Вундтъ¹⁾ находитъ излишнимъ понятіе психологическаго субъекта и предиката, Геффдингъ наоборотъ даетъ этимъ понятіямъ очень много мѣста въ своемъ анализѣ²⁾.

Колебанія въ этихъ основныхъ вопросахъ пронстекають главнымъ образомъ изъ невыясненности отношеній психологіи къ логикѣ. Если логическія функціи мышленія должны быть объяснены изъ психологической природы его, то ясно, что основной дисциплиной, которая должна дать содержаніе понятіямъ логики и грамматики, является психологія. Но если логическія функціи невыводимы изъ психологіи мышленія и могутъ быть поняты не изъ исторіи ихъ развитія, а лишь изъ тѣхъ *цѣлей*, которыя ими выполняются,—то дѣло, конечно, усложняется. Тогда не исключена возможность того, что грамматика, безсильная при вполнѣ независимомъ, самостоятельномъ изученіи рѣчи, должна будетъ искать союза не только съ психологіей, но и съ логикой. Можетъ оказаться, что многія явленія языка могутъ быть вполнѣ поняты изъ психологической стороны рѣчи; но возможно, что кое-что въ языкѣ только въ томъ случаѣ можетъ стать матеріаломъ грамматическаго изученія, *если будетъ охвачено понятіями, заимствованными изъ логики*. Это не значитъ, конечно, что логика поставитъ себѣ задачей „объяснить“ явленія рѣчи: кажется, теперь нѣтъ споровъ о томъ, что единственной *объясняющей* рѣчь дисциплиной является психологія. Но дѣло можетъ идти о *содержаніи тѣхъ или иныхъ грамматическихъ понятій*. Вѣдь какъ ни какъ, а рѣчь все же обслуживаетъ наше мышленіе; возможно, поэтому, что, лишь углубившись въ цѣли мышленія, т. е. появивъ мышленіе телеологически (а это и составляетъ задачу такъ называемой нормативной логики), мы можемъ понять многія стороны рѣчи. Эта возможность не исключена до тѣхъ поръ, пока задачи логики могутъ быть истолкованы нормативно; въ этомъ и лежитъ, на нашъ взглядъ, объясненіе того, почему Вундтъ возвращается къ логическому толкованію нѣкоторыхъ явленій языка. Призракъ логической грамматики слишкомъ испугалъ языковѣдцовъ, и нужно было, чтобы человѣкъ, стоящій достаточно вдали отъ живыхъ традицій

¹⁾ Völkerpsychologie. B. I, Th. II S. 263—269 (2-te Aufl.).

²⁾ La base psychologique des jugements. Revue philosophique 1901 г. X, XI.

науки о языкѣ, нашель въ себѣ смѣлость вернуться къ логикѣ при разработкѣ основныхъ вопросовъ языкознанія. Пусть спорно то, въ чемъ фактически логика оплодотворяетъ языкознаніе у Вундта, но важна самая тенденція его связать изученіе языка съ логикой.

Настоящій этюдъ ¹⁾, посвященный вопросу о функции сказуемаго, и ставитъ своей цѣлью выяснить зависимость грамматики отъ логики при опредѣленіи одного изъ основныхъ синтаксическихъ понятій. Принципіальное значеніе поднимаемаго вопроса для грамматики не подлежитъ сомнѣнію; менѣе ясно значеніе его для психологін и логики. Во всякомъ случаѣ мы присоединяемся къ Jerusalem'у, который называетъ вопросъ о сужденіи—предложеніи—*Fundamentalproblem der Philosophie* ²⁾.

Вопросъ о функции сказуемаго есть въ сущности вопросъ объ опредѣленіи сказуемаго. Это слѣдуетъ прежде всего изъ того, что предложеніе есть *организованное цѣлое*,—и ставя вопросъ о членахъ предложенія, мы ставимъ вопросъ о томъ, какую роль въ предложеніи играютъ входящіе въ него члены. Если бы не было этого послѣдняго вопроса, то для грамматики изученіе предложенія ограничивалось бы констатированіемъ того факта, что живая рѣчь большей частью осуществляется въ *рядѣ* словъ. Лишь въ томъ случаѣ, если входящія въ составъ предложенія слова различаются по ихъ „синтаксическому употребленію“, законна и умѣстна задача изученія „структуры“ предложенія и историческихъ судебъ ея. Поэтому опредѣлитель понятія подлежащаго, сказуемаго и т. д.—значить прежде всего отвѣтить на вопросъ о функции ихъ.

Можетъ однако возникнуть вопросъ—входитъ ли въ задачи грамматики опредѣленіе функций сказуемаго? Въдѣ грамматика можетъ пользоваться извѣстными понятіями, заимствуя ихъ изъ другихъ наукъ, которымъ она и должна предоставить опредѣленіе ихъ. Вотъ, напр., въ *Lateinische Grammatik Stolz'a* и *Schmalz'a* ³⁾ мы

¹⁾ Онъ представляетъ развитіе и обработку части прочитаннаго на практическихъ занятіяхъ у проф. Ф. Н. Кнауэра реферата „О сказуемомъ съ точки зрѣнія сравнительнаго синтаксиса“.

²⁾ Jerusalem. *Die Urtheilsfunction*. S. V.

³⁾ Dritte Auflage 1900 г. Оно обработано подъ вліяніемъ взглядовъ Ries'a (*Was ist Syntax?*). См. *Lat. Syntax*. S. 201.

находимъ отдѣлъ „о предикатѣ и субъектѣ“,—но нигдѣ не находимъ опредѣленія ни предиката ни субъекта: читателю предоставляется догадываться самому, что то, что авторъ говоритъ здѣсь о глаголѣ, и есть то, что онъ можетъ сказать о сказуемомъ. Такое „поведеніе“ конечно, не единично: оно вытекаетъ изъ стремленія точно опредѣлить границы грамматики. Авторъ пользуется понятіемъ сказуемаго, но, не давая ему грамматическаго опредѣленія, тѣмъ самымъ ясно показываетъ, что не считаетъ входящимъ въ задачи грамматики такое опредѣленіе. Иначе поступаетъ, напр., Потебня: онъ пользуется психологическимъ понятіемъ предиката и перейдя къ грамматическому выраженію его, всюду говоритъ уже не о сказуемомъ, а о „глаголѣ-сказуемомъ“¹⁾. Такимъ образомъ и Потебня фактически отклоняетъ отъ грамматики опредѣленіе понятія сказуемаго²⁾. Все это однако не отстраняетъ отъ грамматики задачи выяснить понятіе сказуемаго, т. е. выяснить понятіе о функціи сказуемаго. Если окажется, что грамматика не можетъ сама разрѣшить этого вопроса, то необходимо выяснить, какая дисциплина даетъ содержаніе понятію сказуемаго, чтобы употреблять его въ точномъ смыслѣ. Вѣдь если грамматика можетъ выработать для своихъ цѣлей то или иное формальное опредѣленіе сказуемаго (какъ это мы имѣемъ, наприм., у Потебни, говорящаго о „глаголѣ-сказуемомъ“), то очевидно, что до нахожденія этихъ формальныхъ признаковъ понятіе сказуемаго должно имѣть какое-нибудь содержаніе, чтобы быть пригоднымъ для цѣлей изслѣдованія. Вотъ почему и вопросъ о различеніи грамматическаго и логическаго понятія о предикатѣ умѣстенъ лишь тогда, когда произведена предварительная методологическая работа и выяснено опредѣленіе предиката.

Всѣмъ этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что до установленія точнаго опредѣленія сказуемаго мы не можемъ пользоваться никакими „фактами“. Если логически понятія предшествуютъ „фактамъ“ (такъ какъ научный фактъ есть продуктъ обработки матеріала понятіями),—то въ процессѣ развитія научнаго сознанія точныя понятія являются *итогами* научнаго развитія. Поэтому, утверждая необходимость предварительной методологической работы, которая должна предшествовать разработкѣ фактовъ, мы хотимъ только

¹⁾ Изъ зап. по р. гр., т. I, стр. 75--85.

²⁾ О пониманіи сказуемаго у Потебни мы будемъ еще говорить подробно.

сказать, что современное состояніе науки о языкѣ дѣлаетъ эту методологическую задачу *очередной*.

I.

Задача наша—выясненіе функціи сказуемаго—всего лучше можетъ быть выполнена при критическомъ разсмотрѣніи тѣхъ построеній, которыя выдвигались по этому поводу въ языкознаніи. Сдѣлать этотъ обзоръ со всей необходимой исторической полнотой мы не беремся, хотя и сознаемъ все значеніе и интересъ такой работы; мы ограничимся только разсмотрѣніемъ взглядовъ, высказанныхъ въ XIX вѣкѣ выдающимися языковѣдами. Въ виду разнообразія этихъ взглядовъ, мы остановимся только на наиболѣе цѣнныхъ и типичныхъ.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ трудовъ по вопросамъ общаго языкознанія является, безъ сомнѣнія, знаменитый трудъ *Steinthal*'я *Grammatik, Logik und Psychologie*. Въ этомъ трудѣ нашла себѣ всестороннюю критику „логическая грамматика“, прокладывались новые пути для постановки грамматическихъ проблемъ. Въ извѣстномъ смыслѣ этотъ трудъ можетъ быть названъ программнымъ, поскольку въ немъ въ зародышѣ или въ развитой формѣ содержались взгляды, впоследствии развитые болѣе подробно въ трудахъ другихъ языковѣдовъ. Для насъ онъ представляетъ особый интересъ въ виду того, что съ нимъ обыкновенно связываютъ принципиальное рѣшеніе вопроса объ отношеніи логики и грамматики; поэтому намъ необходимо углубиться въ трудъ Штейнталя, чтобы выдѣлить то, съ чѣмъ нельзя не считаться при анализѣ основныхъ грамматическихъ понятій.

Остановимся прежде всего на сравнительномъ анализѣ предложения и сужденія у Штейнталя. „Предложеніе не есть то же, что и сужденіе; оно только выражаетъ сужденіе,—и выражая его слѣдуетъ собственнымъ законамъ и категоріямъ—именно грамматическимъ; сужденіе же подчиняется своимъ законамъ—именно логическимъ“,—такими словами начинается Штейнталь свой анализъ ¹⁾. Само по себѣ сужденіе есть психологическая категорія, поскольку логика беретъ сужденіе уже готовымъ, даннымъ, не интересуясь его происхожденіемъ ²⁾; между тѣмъ „языкознаніе ставитъ своей цѣлью указать,

¹⁾ Gram. Log. und Psych. S. 168.

²⁾ Любопытную параллель къ этому можно найти въ указанной статьѣ Гейфдингга р. 520.

какъ возникаетъ предложеніе и въ чемъ оно отличается отъ простого слова“. Это послѣднее особенно отличаетъ языкознаніе отъ логики, которая не можетъ провести различіе между понятіемъ и сужденіемъ. Указанное принципиальное различіе въ исходныхъ точкахъ зрѣнія обѣихъ дисциплинъ находитъ свое выраженіе и въ томъ, что одно сужденіе можетъ выразиться въ нѣсколькихъ предложеніяхъ,—и наоборотъ одно предложеніе (особенно такъ наз. слитное предложеніе) можетъ содержать въ себѣ нѣсколько сужденій. Такимъ образомъ *сужденіе и предложеніе не покрываютъ другъ друга* ¹⁾.

Дальнѣйшее различіе обнаруживается въ томъ, что дѣленіе сужденій не совпадаетъ съ дѣленіемъ предложеній; факты этого рода приводятъ къ выводу, что между сужденіемъ и предложеніемъ нѣтъ не только тождества, но даже и простого параллелизма ²⁾.

Переходя къ сравнительному анализу элементовъ сужденія и предложенія, Штейнталь указываетъ, что въ сужденіи признаютъ два основныхъ элемента,—а въ предложеніи три (кромѣ субъекта и предиката еще и связку). Очень серьезнымъ пунктомъ различія является и то, что столь важное для грамматики ученіе о предикативномъ и атрибутивномъ сочетаніи не имѣетъ мѣста въ логикѣ, которая знаетъ только одинъ способъ сочетанія понятій—именно предикативный. Поэтому, при анализѣ предложенія, вопросъ о томъ, является ли данное сочетаніе предикативнымъ или атрибутивнымъ, разрѣшимъ только грамматикой. Все это приводитъ Штейнталья къ очень важному выводу, что основныя понятія субъекта и предиката имѣютъ *только общее для логики и грамматики названіе*,—но что обѣ науки необходимо мыслятъ различное подъ однимъ и тѣмъ же именемъ ³⁾. Въ то время какъ логическое сужденіе есть отраженіе реальныхъ связей,—*предложеніе отражаетъ не сужденіе, а тотъ психологическій процессъ, въ которомъ осуществилось сужденіе* ⁴⁾; вотъ почему не можетъ быть тождества между логическимъ и грамматическимъ понятіемъ о субъектѣ и предикатѣ. Этотъ же выводъ вытекаетъ изъ того, что не всякое сочетаніе понятій даетъ начало сужденію,—а только предикативное; между тѣмъ какъ въ предложеніи мы находимъ выраженіе и другихъ, психологически возможныхъ

¹⁾ Gram. Log. und Psych. 169—175.

²⁾ Ibidem S. 175—184.

³⁾ Ibidem S. 191.

⁴⁾ Ibidem S. 195.

сочетаній понятій. Очень важнымъ, является, наконецъ, тотъ фактъ, что грамматика часто переворачиваетъ логическое отношеніе субъекта и предиката. Возьмемъ предложенія: „глазь можетъ видѣть, если онъ имѣетъ преломляющую среднну“, „если глазь долженъ видѣть, то онъ долженъ имѣть преломляющую среднну“, „такъ какъ глазь имѣетъ“... Въ этихъ трехъ предложеніяхъ мы имѣемъ одинъ и тотъ же логическій субъектъ „обладаніе преломляющей серединой“ и логическій предикатъ—„видѣть“, такъ какъ именно второе понятіе присоединяется къ первому. Грамматика можетъ, конечно, создать „адекватное“ выраженіе логическаго отношенія понятій съ помощью такой перефразировки: „преломляющая среднна дѣлаетъ возможнымъ для глаза зрѣніе“,—и здѣсь грамматическій и логическій субъектъ совпадутъ,—но очевидно, что при тождествѣ логическаго содержанія три приведенныхъ предложенія грамматически совершенно различны ¹⁾.

Любопытно также и то различіе, которое устанавливаетъ Штейнталь относительно предиката „существованія“ въ предложеніи и сужденіи. Для логики сужденіе,—если оно только не является экзистенціальнымъ сужденіемъ,—выражаетъ только соединеніе двухъ понятій, ничего не говоря о реальности этихъ понятій; между тѣмъ для грамматки обстоитъ дѣло иначе. Говоря „Зевсъ посылаетъ молніи“, мы утверждаемъ не только дѣятельность, но и существованіе Зевса. Всѣ предложенія, заключаетъ Штейнталь, есть предложенія существованія (Existenzialsätze), но не всѣ сужденія—экзистенціальныя сужденія ²⁾. Такимъ образомъ въ предикатѣ лежитъ моментъ существованія; это „прибавленіе“—указаніе на существованіе создается связкой, которая и „означаетъ существованіе и принадлежность предиката къ субъекту“ ³⁾.

¹⁾ Ту же идею, что грамматическія варіаціи не измѣняютъ логическаго содержанія мысли, развиваетъ и Потебня (Изъ зап. по рус. грам. I, 60—63), причемъ считаетъ, что для логики безразлично, какое изъ сочетаемыхъ въ сужденіи понятій будетъ субъектомъ, какое предикатомъ,—такъ какъ для логики существенна только сочетаемость извѣстныхъ понятій. Этотъ взглядъ,—едва ли приѣмлемый, мы назвали бы *абстрактно-логическимъ*, поскольку онъ выходитъ изъ предположенія, являющагося продуктомъ чистѣйшей абстракціи—что логическое содержаніе предложеній измѣняющихъ одинъ и тотъ же смыслъ—одно и то же. Вѣрное наблюденіе здѣсь расширяется совершенно произвольно въ самую суть логической точки зрѣнія. См. объ этомъ ниже.

²⁾ *Gram. Logik und Psych.* S. 203.

³⁾ *Ibidem* S. 205.

Вотъ собственно и все существенное, что можно извлечь изъ второй части труда Штейнталя (*Grammatik und Logik*) по нашему вопросу. Однако мы не должны этимъ ограничиться; много интереснаго и важнаго высказалъ Штейнталь и въ третьей части своего труда (*Grundsätze der Grammatik*). Здѣсь особенно ясно видно, что основныя синтаксическія понятія имѣли у Штейнталя прежде всего *психологическій* смыслъ. Уже простыя названія предметовъ, которыя психологически предполагаютъ сліяніе новаго впечатлѣнія съ прежними,—могутъ быть съ полнымъ правомъ названы предложениями,—такъ какъ въ нихъ мы имѣемъ двойной синтезъ новаго воспріятія съ прежними воспріятіями и съ словомъ ¹⁾. *Если грамматически, словесно нѣтъ еще связи*, то въ свѣтъ нашей рѣчи легко открыть ее въ указанномъ синтезѣ,—который и есть ея психологическій носитель. То же слѣдуетъ, конечно, сказать и о предикатѣ, который—по психологическимъ признакамъ—легко усмотрѣть въ словѣ, служащемъ для названія предмета ²⁾. Все это однако можетъ быть названо предложениемъ *implicite*: лишь появленіе представленія создаетъ настоящее психологическое сужденіе, ищущее своего завершения въ предложениі. Представленіе уже знаетъ нѣкоторый устойчивый пунктъ, вокругъ котораго суммируются прежнія ощущенія; поскольку здѣсь происходитъ распадъ первоначальнаго единства ощущеній на центръ и периферію,—мы можемъ видѣть въ этомъ раздѣленіе вещи и ея дѣятельности. Именно это раздѣленіе и лежитъ въ основѣ структуры предложенія, которое и характеризуется Штейнталемъ какъ „сужденіе представленія“, а въ другомъ мѣстѣ какъ „представленіе представленія“ ³⁾. Въ настоящемъ логическомъ сужденіи мы имѣемъ „понятіе понятія“; но эта высшая ступень имѣетъ подъ собою низшую—предложеніе („представленіе представленія“),—подъ которымъ стоитъ отдѣльное слово («воспріятіе воспріятія»). Эта скала оправдывается между прочимъ и тѣмъ, что основой психологическаго развитія, о которомъ мы говоримъ, является нерасчлененное единство воспріятія; расчлененіе этого воспріятія и создаетъ сужденія—психологическія и логическія. Первая ступень—психологическія сужденія—ведетъ затѣмъ къ настоящимъ логическимъ сужденіямъ; въ

¹⁾ Ibidem S. 324—325.

²⁾ Ibidem S. 325.

³⁾ Ibidem S. 328.

этомъ смыслѣ грамматика есть «инстинктивное созерцаніе логики»¹⁾, въ нее заложена *implicite* логика.

Дальнѣйшая характеристика психологическаго и логическаго сужденія приводитъ Штейнталя къ выводу, что собственно логическими сужденіями слѣдуетъ называть только сужденія аподиктичeskія,— въ которыхъ мыслится со всей строгостью *необходимая* связь понятій; тамъ же, гдѣ имѣетъ мѣсто такъ наз. ассерторическое сужденіе, тамъ мы имѣемъ сужденіе, осуществляющееся въ представленіяхъ, а не въ понятіяхъ; отличая его отъ логическаго сужденія, Штейнталь называетъ его психологическимъ сужденіемъ. Это новое различеніе заставляетъ Штейнталя внести поправки въ свое прежнее построеніе, такъ какъ, по его мнѣнію, «грамматическое сужденіе²⁾ не совпадаетъ ни съ обычнымъ психологическимъ, ни съ строго логическимъ сужденіемъ». Дѣло въ томъ, что, мысля грамматически, мы мыслимъ субъектъ какъ живой источникъ дѣятельности, а предикатъ—какъ самую эту дѣятельность; очевидно, что обычныя сужденія (для средняго мышленія почти никогда не выходящія за предѣлы ассерторическихъ сужденій) вовсе не содержатъ въ себѣ этого осложненія.

Такъ раскрываются наконецъ мысли Штейнталя. «Грамматическое мышленіе»—тотъ матеріалъ, который подлежитъ изученію грамматики,—состоитъ въ особомъ типѣ созерцанія связи, которую создаетъ сужденіе (*Der Satz*, пишетъ онъ, *ist nur eine besondere Anschauungsweise des Urtheils*. Ibid. S. 337). Характернымъ отличіемъ грамматическаго матеріала является такимъ образомъ уже не внѣшняя структура,—а наличность особаго способа переживанія его. Вотъ почему одно и то же содержаніе можетъ выливаться въ различныя формы предложенія, *несколько отъ этого не мѣняясь*³⁾.

Мы изложили главные мысли Штейнталя. Прежде чѣмъ перейти къ критическому разсмотрѣнію ихъ, попробуемъ суммировать все, что сказано имъ о предикатѣ и его функціи. Попытка эта встрѣчаетъ затрудненія главнымъ образомъ въ томъ, что о предикатѣ и предикативной функціи Штейнталь говорилъ мимоходомъ,—а потому и не

¹⁾ „Instinctive Anschauung der Logik“ (Gram. Log. und. Psych. S. 337).

²⁾ Здѣсь ясно выступаютъ зародыши ученія о грамматическомъ мышленіи, развитого у насъ проф. Овсянникомъ Куликовскимъ. См. ниже.

³⁾ Ibidem, S. 339.

ведѣть съ должной послѣдовательностью. Мы прежде всего наталкиваемся у него на отдѣленіе понятія предиката отъ понятія предикативной функціи. При обсужденіи вопроса о связкѣ (S. 200—211) Штейнталь склоненъ подѣ предикатомъ разумѣть то лексическое содержаніе, которое мыслится напр. въ глаголѣ независимо отъ его формы (см. особенно стр. 204). То же, что мы называемъ предципированіемъ—отнесеніе предиката къ субъекту—выполняется связкой (см. стр. 205). Съ этой точки зрѣнія понятіе предикативной функціи нужно отдѣлять отъ понятія предиката. Въ простомъ глагольномъ сказуемомъ мы имѣемъ совпаденіе предиката и связки,—но въ составномъ сказуемомъ связка отдѣляется отъ предиката; предципированіе совершается въ этомъ случаѣ связкой¹⁾. Спросимъ себя—какое же опредѣленіе должны дать мы предикату съ этой точки зрѣнія? Если моментъ предципированія мы отдѣлимъ отъ лексическаго содержанія предиката, если эти понятія (предиката и предципированія) мы должны мыслить отдѣльно,—то что же, кромѣ лексическаго содержанія можетъ отдѣлять субъектъ отъ предиката? Вотъ почему Штейнталь, стараясь провести различіе между предложеніемъ и психологическимъ сужденіемъ, указываетъ на то, что въ предложеніи субъектъ и предикатъ всегда означаютъ дѣятеля и дѣятельность²⁾. Функція сказуемаго съ этой точки зрѣнія заключается въ развитіи опредѣленнаго лексическаго содержанія... Что касается предципирующей функціи, то, какъ мы знаемъ, она заключается въ присоединеніи предиката къ субъекту и въ указаніи на признакъ существованія.

Переходя къ критическому разсмотрѣнію ученія Штейнтала, мы, конечно, остановимся только на наиболѣе существенныхъ его пунктахъ. Особого вниманія заслуживаютъ прежде всего тезисъ Штейнтала, что логика и грамматика даютъ только общее *названіе* субъекта и предиката понятіямъ, совершенно различнымъ по своему содержанію, а затѣмъ ученіе о предложеніи, какъ *besondere Anschauungsweise des Urtheils*, стоящее въ связи съ ученіемъ объ основныхъ синтаксическихъ понятіяхъ (субъекта, предиката и связки). Что

¹⁾ Совершенно сходныя мысли (съ ссылками даже на Штейнтала) развиваетъ и Цотебня (Нзъ зап. по р. грам. I. 110 и дальше).

²⁾ Gram. Log. und Psych. S. 338.

касается перваго тезиса, то онъ вытекаетъ изъ ряда соображеній, къ разсмотрѣнiю которыхъ мы и обратимся.

Штейнталь, приводитъ рядъ фактовъ, доказывающихъ, что между предложенiемъ и сужденiемъ нѣтъ не только тождества, но и простого параллелизма,—и противъ этого нельзя спорить, такъ какъ это подсказывается простымъ различiемъ точекъ зрѣнiя логики и грамматики. Грамматика, изучая структуру предложенiя, не можетъ не учить о главныхъ и второстепенныхъ членахъ предложенiя, такъ какъ каждое отдѣльное слово есть отдѣльный членъ предложенiя. Логика, не связывая своего анализа съ количествомъ словъ или выражаемыхъ ими представленiй, понятiй,—разсматриваетъ сужденiе, какъ форму *познаванiя*,—и съ этой точки зрѣнiя различаетъ въ сужденiи субъектъ (то, о чемъ нѣчто утверждается) и предикатъ (то, что утверждается). Конечно, логика можетъ учить о сложныхъ сужденiяхъ, т. е. о томъ несомнѣнномъ фактѣ, что, мысля определенное сужденiе, мы можемъ примышлять къ нему рядъ другихъ сужденiй,—или потенциально заложенныхъ въ немъ или «непосредственно» изъ него вытекающихъ. Сужденiе «эта роза красна» можно разложить и на такiя сужденiя: „это—роза», «это—красное»¹⁾. Однако нужно строго различать между даннымъ, определеннымъ логическимъ сужденiемъ и тѣми сужденiями, которыя предполагаются имъ или изъ него вытекаютъ. Поэтому различiе точекъ зрѣнiя вполне объясняетъ, почему не можетъ быть ни тождества ни параллелизма между грамматическимъ и логическимъ анализомъ предложенiя—сужденiя. Тотъ фактъ, что логика «не знаетъ» атрибутивныхъ связей, говоритъ только о томъ, что грамматика, отводя каждому слову определенное мѣсто въ предложенiи, создаетъ больше основныхъ понятiй при своемъ анализѣ, чѣмъ логика. Однако этотъ фактъ вовсе не значитъ, что логика не учитываетъ атрибутивныхъ связей: мы видѣли, что они легко могутъ быть реализованы въ настоящiя сужденiя. Это одно показываетъ, что атрибутивная связь (которую можно назвать *implicite* предикативной) знакома не одной грамматикѣ. Если мы напр. познакомимся съ теорiей сужденiя Виндельбанда²⁾,

¹⁾ „Каждое атрибутивное соединенiе предполагаетъ ранѣе бывшее предикативное“ Jerusalem Urtheilsfunction S. 144 Ср. прекрасныя замѣчанiя Липса. Логика, стр. 31—32.

²⁾ Прелюдiи. Стр. 350—374. См. особенно стр. 363.

то увидимъ, что теоретическая функція сужденія по Виндельбанду ничѣмъ не отличается въ своемъ существѣ отъ того связыванія элементовъ сужденія, которое грамматика называетъ атрибутивнымъ. Для логики нѣтъ только никакихъ мотивовъ ближе анализировать тѣ связи понятій, которыя не являются явно предикативными; но если у насъ встанетъ вопросъ объ отношеніи любыхъ частей сужденія къ другимъ, то эта по Штейнталу внѣлогическая проблема имѣетъ чисто логическое рѣшеніе. Вѣдь *языкъ не создаетъ никакихъ новыхъ отношеній, кроме тѣхъ основныхъ, по существу логическихъ отношеній*, которыя систематизировалъ уже Аристотель подъ именемъ категорій. Но только въ то время, какъ предметомъ логическаго разсмотрѣнія эти отношенія становятся лишь въ качествѣ предикатовъ, грамматика изучаетъ ихъ, не превращая ихъ въ предикативную форму. Вотъ почему и Вундтъ въ своемъ опредѣленіи предложенія говоритъ, что въ немъ цѣлое разлагается на части, стоящія другъ къ другу въ *логическомъ* отношеніи¹⁾. Какъ объясняетъ Вундтъ въ своемъ этюдѣ «*Sprachgeschichte und Sprachpsychologie*», слово «логическій» въ этомъ опредѣленіи слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что отношенія между членами предложенія включаютъ въ себѣ условія, изъ которыхъ *развиваются* логическія категоріи, — хотя, конечно, эти отношенія не совпадаютъ съ этими категоріями²⁾. Логическія категоріи въ этомъ случаѣ могутъ быть названы тѣми идеальными условіями, которыя преобразуютъ простое слѣдованіе одного слова за другимъ въ опредѣленное «отношеніе»; и если бы грамматическія отношенія не имѣли ничего общаго съ логическими, если бы общія названія этихъ отношеній были только печальнымъ историческимъ воспоминаніемъ о подчиненіи грамматики логикѣ, — то это значило бы, что рѣчь вовсе не служитъ мышленію, а только его коверкаетъ.

Д. Кудрявскій полагаетъ³⁾, что „логическія понятія могутъ быть вовлечены въ строй предложенія и переработаться тамъ въ грамматическія категоріи, что именно такимъ путемъ логическій субъектъ и логическій предикатъ превратились внутри предложенія въ подлежащее и сказуемое“. Оставляя въ сторонѣ странную мысль, что

¹⁾ *Völkerpsychologie* B. I. Th. II. S. 245.

²⁾ S. 71.

³⁾ *Психологія и языковѣдѣніе*, стр. 65—66.

предложеніе было предложеніемъ и до того, когда „вовлеченные въ него логическій субъектъ и предикатъ“ превратились въ подлежащее и сказуемое, т. е. было предложеніемъ, не имѣя ни подлежащаго ни сказуемаго, мы должны отмѣтить, что и Д. Кудрявскій признаетъ, что рѣчь обогатилась подлежащимъ и сказуемымъ ради логики, для выраженія логическихъ отношеній. Пусть въ историческомъ своемъ развитіи рѣчь далеко ушла отъ простоты логическихъ отношеній, но и съ точки зрѣнія Кудрявскаго понятія подлежащаго и сказуемаго имѣютъ свой корень или, скажемъ точнѣе, *имѣютъ свою функцию* въ выраженіи логическихъ отношеній!).

Всѣ эти замѣчанія мы сдѣлали для того, чтобы показать, что различіе логическаго и грамматическаго анализа не даетъ права говорить, что основныя понятія логики и синтаксиса имѣютъ только общее названіе. Тѣ факты, которые приводитъ Штейнталь, указываютъ только на то, что одинъ и тотъ же матеріалъ различно обрабатывается грамматикой и логикой, — что основныя понятія синтаксиса и логики не тождественны. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что въ содержаніи данныхъ грамматическихъ и логическихъ понятій нѣтъ ничего общаго? Напередъ во всякомъ случаѣ этого нельзя утверждать.

Штейнталь, задавшись цѣлью доказать неприемлемость логической грамматики, доказываетъ слишкомъ много. Въ дѣйствительности, онъ не подвергаетъ серьезному анализу вопросъ, возможно ли точное грамматическое опредѣленіе такихъ понятій, какъ предложеніе, подлежащее, сказуемое, безъ внесенія въ нихъ логическихъ признаковъ. Онъ просто пользуется указанными понятіями въ ихъ обычномъ употребленіи, — и указавъ различіе между сужденіемъ и предложеніемъ, логическимъ и грамматическимъ субъектомъ и т. д., думаетъ, что установилъ *wundervolle Autonomie der Sprache*, призракъ которой играетъ очень важную роль въ постановкѣ проблемъ у Штейнталя. Не можемъ кстати не отмѣтить и того, что никакъ нельзя считать безспорными всѣ утвержденія Штейнталя относительно логики. Поэтому выводъ Штейнталя о томъ, что понятія субъекта имѣютъ въ грамматикѣ и логикѣ только общее названіе, нельзя назвать обоснованнымъ и пріемлемымъ безъ дальнѣйшей провѣрки.

1) Это не мѣшаетъ Д. Кудрявскому на той же страницѣ заявлять, что изученіе природы логическихъ категорій *несколько* не можетъ уяснить намъ природы грамматическихъ категорій подлежащаго и сказуемаго!

Не можемъ не коснуться еще одного важнаго различія, указаннаго Штейнталемъ, въ виду его несомнѣнной цѣнности въ глазахъ многихъ. Мы говоримъ о томъ абстрактно логическомъ пониманіи „смысла“ сужденія, которое признаетъ, что въ предложеніяхъ „Паллада любитъ Улисса“ и „Улиссъ любимъ Палладой“ мы имѣемъ безусловное тождество логическаго содержанія при рѣзкомъ различіи грамматической формы¹⁾. Принято думать, что логическій субъектъ въ обоихъ предложеніяхъ одинъ и тотъ же, грамматическій же, какъ ясно, различный; отсюда и выводятъ, что очевидно эти понятія не совпадаютъ. Мы считаемъ, что этотъ взглядъ основанъ на недоразумѣніи. Дѣйствительно, въ обоихъ случаяхъ передъ нами одинъ и тотъ же логическій *material*, но двѣ различныхъ мысли, два логически не тождественныхъ сужденія. Если нельзя не согласиться съ Геффдингомъ, что часто только удареніе можетъ открыть, какое изъ всѣхъ возможныхъ сужденій имѣется въ виду въ какомъ нибудь предложеніи, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о грамматически различныхъ предложеніяхъ: выражаемыя ими сужденія вовсе не тождественны. Только приверженностью къ абстрактно логическому взгляду можно объяснить мнѣніе Потебни, что для логики безразлично, какое изъ сочетаемыхъ понятій будетъ субъектомъ, какое предикатомъ. Въ сужденіи „Паллада любитъ Улисса“ мы утверждаемъ нѣчто о Палладѣ, а въ предложеніи „Улиссъ любимъ Палладой“ мы утверждаемъ нѣчто объ Улиссѣ, чего объ немъ не утверждали въ первомъ случаѣ. Правда, и въ томъ и въ другомъ случаѣ отношеніе Паллады къ Улиссу характеризуется какъ любовь,—но эта наша интерпретація есть *новое* сужденіе, хотя и вытекающее изъ первыхъ двухъ. Суть логическаго сужденія можетъ, конечно, характеризоваться какъ установленіе отношенія между понятіями²⁾, но это не должно подавать повода къ тому, чтобы думать, что для логики безразлично, какое изъ сочетаемыхъ понятій будетъ субъектомъ или предикатомъ. Логическое мышленіе не перестаетъ быть вполне опредѣленнымъ въ своей *конкретности*, хотя въ своихъ результатахъ оно далеко переходитъ за предѣлы того конкретнаго содержанія, въ которомъ оно осуществляется. Принимать два сужденія, въ которыхъ выражено одно и то

¹⁾ См. Потебня. Изъ зап. по р. грам. I. стр. 60. Ср. Кудрявскій. Психологія и языковзнаніе. Стр. 66. Примѣръ Штейнтала мы приводили выше.

²⁾ Ср. Липсень. Логика. Стр. 28.

же отношеніе, но въ противоположномъ направленіи, за одно, значить принимать свою абстракцію за дѣйствительность, сливать потенциальныя сужденія съ дѣйствительными. Поэтому никоимъ образомъ нельзя думать, что различіе грамматической формы не мѣшаетъ различію логическаго содержанія: этотъ взглядъ, основанный на игнорированіи конкретности, точной опредѣленности всякаго сужденія, безусловно нужно оставить ¹⁾.

Различіе между логическимъ и грамматическимъ анализомъ. поскольку оно не поставлено въ связь съ критической провѣркой основныхъ понятій, вѣрно рисуется поверхность, а не глубину отношенія логики и грамматики. Принципіально вполне допустимо, что несмотря на констатированное различіе, грамматика опирается въ основныхъ синтаксическихъ понятіяхъ на логику, что лишь съ помощью логическихъ понятій она въ состояніи охватить свой матеріалъ. Конечно, эта зависимость въ основныхъ понятіяхъ, сама по себѣ (т. е. рассуждая априорно) не исключаетъ того, что заимствованныя изъ логики понятія усложнятся и обогатятся въ ихъ грамматическомъ примѣненіи. Однако эти „наслоенія“ не могутъ затемнить основного ядра въ содержаніи понятій,—и это должно сказаться прежде всего при *опредѣленіи* основныхъ синтаксическихъ понятій.

Такая конструкція а priori вполне возможна даже при признаніи тѣхъ фактовъ, которые указалъ Штейнталь. Конечно, это еще не даетъ намъ рѣшенія проблемы,—его можно ожидать лишь отъ изученія психологической стороны вопроса,—но важно понять, что, если психологическій анализъ приведетъ насъ къ необходимости привлечь логику для раскрытія содержанія основныхъ понятій,—что этотъ путь не закрыть для насъ по принципіальнымъ соображеніямъ. Штейнталь же думалъ разъ навсегда, принципіально порвать связь между понятіями логики и грамматики, и эту попытку мы должны считать неудавшейся. Наоборотъ, разъ рѣчь обслуживаетъ мышленіе,—то невозможно, чтобы структура рѣчи не имѣла никакого отношенія къ структурѣ сужденія. Она можетъ отличаться, уклоняться,—но въ основѣ структура рѣчи должна быть близка къ строю мысли: это ясно изъ элементарныхъ принциповъ развитія.

¹⁾ Ср. близкія замѣчанія Вундта въ *Völkerpsychologie*. B. I. Th. II. S. 266—267. См. также Sigwart. *Logik*. B. I. S. 19—20. (3-te Aufl.).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію психологическихъ кон-струкцій Штейнталя, мы должны обратиться еще къ различенію предиката и предикативной функціи, которое поддерживаетъ Штейн-таль, Потебня и др.; для нашей проблемы этотъ вопросъ имѣетъ огромное значеніе.

Мотивы этого различенія лежатъ въ наличности связи, выступающей въ составномъ сказуемомъ. Въ этомъ случаѣ субъектъ и „предикать“ связываются вспомогательнымъ глаголомъ,—и обобщая этотъ примѣръ, пришли къ выводу, что вообще слѣдуетъ различать между предикатомъ и предикативной связью. Очевидно, что подъ предикатомъ разумѣютъ здѣсь то лексическое содержаніе, которое иногда выступаетъ отдѣльно отъ носителя предикативной связи (такъ бываетъ при составномъ сказуемомъ), иногда же само является носителемъ предикативной связи (при простомъ сказуемомъ). Ясно, что здѣсь устанавливается различіе между понятіемъ предиката, *какъ определеннаго лексическаго содержанія*, и между понятіемъ той функціи, которая даетъ жизнь ряду словъ, превращая ихъ въ пред-ложеніе. Предикатораніе однако берется здѣсь *не какъ актъ* (такъ какъ грамматика не изучаетъ психологическаго процесса рѣчи, хотя и отправляется отъ него), а какъ выраженіе той связи, которая харак-терна для предложенія, какъ носитель того единства, которое при-суще предложенію. Отбросьте предикативную связь,—и останется рядъ лексическихъ содержаній, останется группа ассоціацій—и только.

Весь рядъ этихъ мыслей приводитъ къ выводу, что функція главныхъ членовъ предложенія заключается лишь въ развитіи опре-дѣленнаго лексическаго содержанія,—а предикатораніе имѣетъ своимъ носителемъ связку, которая то сливается съ глаголомъ (въ простомъ сказуемомъ), то отдѣляется отъ предиката (въ составномъ сказуемомъ¹⁾).

Потебня, раздѣляющій эти воззрѣнія, самъ же высказывается въ другомъ мѣстѣ противъ отдѣленія предиката отъ предикатив-ной связи. „Имя можетъ быть, пишетъ онъ²⁾, частью состав-ного сказуемаго, то есть такого, изъ частей коего ни одна сама по себѣ не можетъ быть названа сказуемымъ. Такъ, хотя въ выра-женіи „морозъ показался невеликъ“ въ глаголѣ и заключенъ признакъ „казаться“, представляемый дѣятельностью подлежащаго, но *смысль*

¹⁾ См. Steintal. S. 200—211, 367. Потебня. Изъ зап. I, 110 и дальше.

²⁾ Изъ зап. по рус. грам. I, стр. 104—105.

предложенія не въ этомъ признакъ, а въ томъ, что представляется возникающимъ другою признакъ (невеликъ)“. Эти замѣчательныя строки очень цѣнны для насъ. Въ нихъ кратко, но съ достаточной ясностью указано, что терминъ „связка“ удобенъ лишь для того, чтобы дать особое названіе отдѣльному слову, —но сама по себѣ связка „живеть“, т. е. является реальнымъ грамматическимъ фактомъ лишь какъ часть сказуемаго. Лексическое содержаніе „невеликъ“ есть отдѣльное слово лишь при абстракціи, —а какъ реальный членъ *предложенія* оно не существуетъ. Простое и составное сказуемое поэтому отличны другъ отъ друга лишь съ той своей стороны, что въ одномъ случаѣ сказуемое осуществляется въ одномъ словѣ, а въ другомъ — въ двухъ; *понятіе же сказуемаго въ обоихъ случаяхъ имѣетъ одинаковое содержаніе.* Вотъ почему нельзя говорить, что при простомъ сказуемомъ это сказуемое является носителемъ предикативной связи, а при составномъ — носителемъ ея является связка, —такъ какъ понятіе сказуемаго не мѣняется въ зависимости отъ того, въ сколькихъ словахъ оно выражается. *Лишь абстраируя отъ реального факта,* мы можемъ выдѣлять въ составномъ сказуемомъ связку и имя; поэтому вопросъ о томъ, какая изъ этихъ абстрактно существующихъ частей является *реальнымъ* носителемъ предикативной связи, очевидно нецѣль. *Все* сказуемое выполняетъ эту предикативную функцію. —и мысля понятіе предикативной функціи отдѣльно отъ понятія сказуемаго, мы лишаемъ послѣднее его жизненнаго содержанія. Чѣмъ оно будетъ безъ предикативной функціи? Лексическимъ содержаніемъ? Но въ такомъ случаѣ вся синтаксическая проблема переносится на понятіе предикативной функціи, такъ какъ члены предложенія, взятые какъ лексическія содержанія, т. е. *взятыя абстрактно, синтаксически* ничѣмъ не могутъ отличаться другъ отъ друга и, какъ пѣшки, могутъ становиться одни на мѣсто другихъ.

Для синтаксиса лексическія содержанія неотдѣлимы отъ ихъ синтаксической функціи, и называть предикатомъ имя, становящееся сказуемымъ лишь благодаря связкѣ, —значить сходить съ плоскости синтаксиса. Проблема синтаксиса и заключается въ изученіи тѣхъ зависимостей, которыя наблюдаются въ живой рѣчи между отдѣльными словами, —т. е. въ изученіи той роли, которая выпадаетъ на долю отдѣльныхъ словъ при этомъ, такъ какъ морфологическое изученіе этихъ зависимостей не входятъ въ задачи синтаксиса.

Отдѣленіе предикативной функціи отъ предиката обязано опять таки абстракціи. Если взять отдѣльно субъектъ и предикатъ, произнести ихъ, какъ отдѣльные слова, а потомъ взять ихъ связано въ предложеніи, то можетъ возникнуть иллюзія, что субъектъ и предикатъ могутъ существовать, *какъ таковыя*, отдѣльно и что лишь въ актѣ предицированія они соединяются въ одно цѣлое. Очевидно, что такое пониманіе основывалось бы на чистѣйшей абстракціи, такъ какъ предиката „самого по себѣ“ не существуетъ; предикативная функція заключается не въ оживленіи или соединеніи изолированныхъ моментовъ,—а въ раскрытіи того содержанія, которое стоитъ въ опредѣленномъ отношеніи къ субъекту.

Понятіе предикативности, конечно, шире понятія предиката, такъ какъ оно охватываетъ не только дѣйствительныя (актуальныя), но и потенциальныя предикативныя связи. Въ живомъ синтаксическомъ анализѣ однако никакъ нельзя говорить о предикативной функціи, не считая носителемъ ея весь предикатъ. Функція предиката и предикативная функція есть одно и то же.

Перейдемъ теперь къ тому, что даетъ Штейнталь въ своемъ психологическомъ анализѣ предложенія. Мы не будемъ сейчасъ подробно останавливаться на критическомъ разсмотрѣніи этихъ взглядовъ Штейнталья, такъ какъ это будетъ удобнѣе связать съ болѣе развитой теоріей проф. Овсяннико-Куликовскаго,—а постараемся лишь отмѣтить существенныя особенности Штейнталья въ этомъ вопросѣ.

Въ систематической части своего труда Штейнталь даетъ естественную исторію рѣчи, выводя ея особенности изъ психологической природы процессовъ, лежащихъ въ основѣ языка. Высшія стадіи въ развитіи рѣчи освѣщаютъ для Штейнталья тѣ моменты ея, гдѣ безсилень чисто грамматическій анализъ (см. напр. *Gram. Log. und Psych. S. 325*). Этотъ методъ реконструкціи, конечно, выводитъ Штейнталья за предѣлы собственно грамматики,—и грамматическія понятія субъекта, предиката въ концѣ концовъ имѣютъ у него чисто психологическое содержаніе. „Подлежащее предложенія есть созерцаемое созерцаніе... а сказуемое—усмотрѣнное въ этомъ созерцаніи“. Эта формула, конечно вовсе не грамматическая, сближается съ тѣмъ, что говоритъ Потебня въ своей работѣ „Мысль и языкъ“¹⁾. Ниже

¹⁾ „Мысль и языкъ“. 2-ое изд. Стр. 143 и далѣе.

мы будемъ разбирать этотъ взглядъ, а сейчасъ мы хотимъ только отгнать чисто психологическое содержаніе понятій предиката и субъекта у Штейнталя.

Разложеніе первоначальнаго единства ведетъ къ сужденіямъ,— психологическимъ и логическимъ. Различіе здѣсь основывается на томъ, изъ какихъ элементовъ составляется сужденіе: изъ представленій или понятій. Но кромѣ этихъ сужденій есть еще „сужденіе внутренней формы языка“¹⁾—именно предложеніе. Съ психологической стороны оно характеризуется тѣмъ, что подлежащее выступаетъ здѣсь, какъ дѣятель, какъ активный производитель того признака, который выраженъ въ глаголь²⁾. Это ученіе, весьма плодотворное и интересное, легло въ основу двухъ построеній безусловно очень цѣнныхъ — теоріи Ierusalem'a и проф. Овсяннико-Куликовскаго. Но спрашивается — какое отношеніе имѣеть все это къ грамматикѣ? Если составъ грамматической точки зрѣнія на языкъ включаетъ и психологическую сторону рѣчи,—изученіе того, какъ переживается и истолковывается нами рѣчь³⁾, — то грамматика расширяется до объема языкознанія и вмѣсто точности мы получаемъ расплывчатую, вводящую въ заблужденіе программу. Между тѣмъ есть достаточно основаній отдѣлять грамматику отъ психологій языка,—хотя обѣ эти дисциплины входятъ въ составъ болѣе общей науки—языкознанія⁴⁾.

Интересное дополненіе къ психологическимъ взглядамъ Штейнталя даетъ ученіе Потебни, къ которому мы и перейдемъ теперь. Нельзя не считать законнымъ и цѣлесообразнымъ приведеніе въ связь грамматическихъ проблемъ съ данными психологій рѣчи,—но можно-ли подмѣнять одну точку зрѣнія другой—это уже иной вопросъ. У Потебни мы и находимъ ярко выраженный подмѣнъ⁵⁾,—особенно въ интересующемъ насъ вопросѣ о функціи сказуемаго. Сказуемое выполняетъ у Потебни чисто психологическую функцію: оно дѣлаетъ возможной апперцепцію. „Апперцепируемое и подлежащее объясненію есть субъектъ сужденія, апперцепирующее и опре-

¹⁾ Gram. Log. und Psych. 339.

²⁾ Ср. Потебня Изъ зап. по р. грам. стр. 93.

³⁾ Ср. Steinthal. Ibid. S. 310.

⁴⁾ Ср. Dittrich. Grundzüge der Sprachpsychologie. S. 43—63.

⁵⁾ Можно-ли считать напр. *грамматическимъ* опредѣленіе у Потебни глагола („глаголь обозначаетъ признакъ во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица“. Изъ зап. I стр. 84)?

дѣляющее—его предикатъ“. Въ этихъ словахъ дана формула, обличающая логику и грамматику и сообщающая чисто психологическое содержаніе понятіямъ субъекта и предиката. Исходя изъ указанной предпосылки Потебня утверждаетъ, что „для первобытнаго человѣка весь языкъ состоялъ изъ предложеній съ выраженнымъ въ словѣ однимъ только *сказуемымъ*“. Что значить этотъ терминъ „сказуемое“? Имѣеть-ли онъ какое-нибудь грамматическое содержаніе? Конечно, нѣтъ! Это ясно изъ того, что называя слово, составляющее предложеніе, не подлежащимъ, а *сказуемымъ*, Потебня руководствовался чисто психологическими признаками¹⁾. Зависимость грамматическихъ выводовъ Потебни отъ психологическаго пониманія *сказуемаго* особенно сильно сказалась въ главѣ „Члены предложенія и части рѣчи“ въ Зап. по рус. грам. (Стр. 75 и дальше).

Намъ впрочемъ кажется правильнымъ тотъ путь, на который ступилъ Потебня, такъ какъ мы считаемъ совершенно *невозможнымъ чисто грамматическое опредѣленіе сказуемаго*. Потебня самъ превосходно формулировалъ тѣ основанія, въ силу которыхъ отъ грамматики мы должны ожидать *ряда* опредѣленій *сказуемаго*²⁾. Но если грамматика не имѣеть сама никакого права, никакихъ данныхъ для выработки *общаго* понятія *сказуемаго*, то это не значитъ, что она не нуждается въ такомъ общемъ опредѣленіи. Должна же она имѣть какой-нибудь руководящій признакъ, прослѣживая историческія судьбы *сказуемаго*! Тотъ напр. фактъ, что въ нашихъ языкахъ предикативность всегда ищетъ выраженія въ глаголѣ, не даетъ намъ права отрицать предикативность въ періодъ до выработки глагола, т. е. не появленіе глагола создаетъ предикативность со всѣмъ ея психологическимъ и логическимъ осложненіемъ, а наоборотъ. Поэтому совершенно справедливо возражаетъ Дельбрюкъ противъ мысли Вундта, что предложенія, не имѣющія связки (то, что Дельбрюкъ называетъ *Nominalsätze*),—аттрибутивны; предикативность, обыкновенно выражаемая глаголомъ, въ случаѣ его отсутствія, выражается удареніемъ³⁾. Вообще должно быть ясно, что въ виду тѣсной ассоціаціи у насъ чувства предикативности съ глагольной формой, мы никакъ не можемъ рѣшить вопросъ—считать ли выраженія, какъ *omnia praesentia gaude*

¹⁾ Подробности см. Мысль и языкъ, стр. 145.

²⁾ Изъ зап. по р. грам., стр. 76—77.

³⁾ Grundfragen der Sprachforschung. S. 149.

лишенными предикативности или нѣтъ. *Грамматика во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакихъ средствъ рѣшить этотъ вопросъ*,—а психологія языка, если и можетъ рѣшить его, то лишь въ свѣтѣ общепсихологическихъ перспективъ.

Не имѣя возможности дать общее опредѣленіе сказуемого, грамматика однако нуждается въ немъ. По мнѣнію Потебни, мы можемъ пользоваться психологическимъ понятіемъ сказуемого,—и переходя отъ сказуемыхъ, выражаемыхъ безформеннымъ словомъ, мы находимъ сказуемое-глаголь. Это послѣднее выраженіе ясно соединяетъ грамматическій признакъ съ психологическимъ. Встаетъ однако вопросъ, насколько пригоденъ тотъ психологическій признакъ, по которому мы можемъ узнать „сказуемое“? Можно ли признать вмѣстѣ съ Потебней, что функція сказуемого (понятаго психологически)—осуществлять апперцепцію?—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь уловлена очень удачно та общая психологическая канва, въ которой выступаетъ сказуемое, но неопредѣленность и общность формулы лишаетъ ее значенія. Дѣло въ томъ, что признавая „подлежащимъ“—*terminus a quo* и „сказуемымъ“ *terminus ad quem*¹⁾, мы даемъ слишкомъ широкое и слишкомъ абстрактное выраженіе тому процессу, который фактически осуществляетъ „сказуемость“. Мы указываемъ только чисто внѣшніе психологическіе признаки, которые—безъ другихъ признаковъ—растворяютъ сказуемость въ потокъ переживаній. Если мы даже остановимся на болѣе узкой и содержательной формулѣ Штейнталя и Потебни и отбросимъ черезчуръ широкое опредѣленіе Гефдингга, то все же намъ придется находить сказуемость тамъ, гдѣ ее никакъ нельзя усмотрѣть. Конечно, есть несомнѣнное психологическое родство между простымъ узнаваніемъ, которое мы сознаемъ лишь въ его результатахъ, и настоящей апперцепціей, члены которой выступаютъ въ сознаніи отдѣльно,—но не странно ли было бы говорить о безсознательной сказуемости? Мы теряемъ тогда самое существенное въ понятіи сказуемого, если отвлекаемся отъ сознанія того результата, котораго мы достигаемъ. Съ другой стороны, считая сказуемое вторымъ членомъ апперцепціи, мы не охватываемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ сказуемое выступаетъ благодаря разложенію первоначальнаго цѣльнаго пред-

¹⁾ Такова близкая формула Гефдингга. См. *Revue philosophique* 1901 г. X.

ставленія (*Gesammtvorstellung* по терминологіи Вундта). Это *Gesamtvorstellung* вовсе не является подлежащимъ,—и не къ нему относится сказуемое, а къ опредѣленному подлежащему, хотя бы послѣднее и не выступало грамматически отдѣльно. Въ этомъ случаѣ сказуемое не является вторымъ членомъ апперцепціи и узнается нами по опредѣленному *логическому* отношенію къ подлежащему. Это именно и улавливается, какъ увидимъ ниже, въ другой психологической теоріи сужденій—предложеній Jerusalem'а и Овсяннико-Куликовскаго. Поэтому мы и считаемъ формулу Потебни абстрактной: переживаемое нами психологическое отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ гораздо богаче, чѣмъ оно представлено у Потебни. Нужно отвлечься отъ всего комплекса сознаваемой связи и зависимости сказуемаго отъ подлежащаго, нужно отбросить то богатое содержаніе, которое мы охватываемъ довольно блѣднымъ словомъ „логическое отношеніе“, чтобы увидеть тѣ контуры, которыя выдвинулъ Потебня въ своей формулѣ ¹⁾

Перейдемъ теперь къ другой психологической конструкціи понятія сказуемаго,—предложенной Jerusalem'омъ и Овсяннико-Куликовскимъ. Такъ какъ работа Jerusalem'а преслѣдуетъ больше общепсихологическія и даже гносеологическія цѣли, то въ основу нашего изложенія мы положимъ взгляды Овсяннико-Куликовскаго, лишь дополняя и комментируя ихъ ссылками на Jerusalem'а ²⁾.

II.

Овсяннико-Куликовскій ставитъ своей цѣлью найти правильную постановку грамматическаго вопроса о предложеніи и для этого отмежевываетъ это понятіе отъ сосѣднихъ понятій психологическаго и логическаго сужденія. „Сопоставляя ихъ, мы прежде всего убѣждаемся въ томъ, что они могутъ и должны быть расположены въ

¹⁾ Хотя взгляды Потебни сложились главнымъ образомъ подъ вліяніемъ нѣмецкихъ языковѣдовъ и психологовъ (см. Мысль и языкъ), но у Потебни они представлены очень выпукло и типично. Вотъ почему мы исходимъ изъ его формулы.

²⁾ Теорію Овсяннико-Куликовскаго мы излагаемъ по его статьѣ „Очерки науки о языкѣ“ (Русская Мысль 1896, XII), а также по его „Синтаксическимъ наблюденіямъ“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 и 1899), и „Синтаксису“.

порядкѣ генетическомъ и эволюціонномъ въ видѣ трехъ стадій развитія“. Первая стадія—психологическое сужденіе, *предшествующее языку и обходящееся безъ него*; вторая стадія—предложеніе, *т. е. психологическое сужденіе, уже переработанное и усовершенствованное тѣми умственными процессами, которые обусловлены рѣчью*; третья стадія—логическое сужденіе, процессъ отвлеченной мысли, *созданный силой языка, —т. е. возникшій изъ предыдущей стадіи—какъ результатъ ея переработки въ сторону наибольшей отвлеченности мышленія“*¹⁾.—Здѣсь дана общая канва разсужденій Овсяннико-Куликовскаго, на которой онъ вырисовываетъ свою теорію. Мы не будемъ приводить анализъ психологическаго сужденія, такъ какъ, построенный на „превосходной“, но въ сущности вовсе не психологической статьѣ И. М. Сѣченова („О предметномъ мышленіи“),—этотъ анализъ слишкомъ слабъ и имѣетъ самое внѣшнее отношеніе къ собственной теоріи Овсяннико-Куликовскаго.—Въ психологическомъ (безсловесномъ) сужденіи уже даны основные элементы предложенія—субъектъ, предикатъ и связка,—но рѣчь осложняетъ и по своему преобразовываетъ ихъ. Это преобразование выражается въ слѣдующихъ результатахъ:

1) Каждый членъ психологическаго сужденія въ словесномъ предложеніи приурочивается къ извѣстной категоріи. Такъ, подлежащее психологическаго сужденія, *превращаясь въ подлежащее словеснаго предложенія, „наряжается“ въ форму имени существ. въ имен. пад. Это уже не просто образъ, но образъ квалифицированный, приуроченный къ категоріи вещи, понятый какъ предметъ или субстанція.* Такое же осложненіе имѣетъ мѣсто по отношенію къ сказуемому и къ связкѣ.

2) Психологическое сужденіе неподвижно; напротивъ грамматическаго предложенія находится въ вѣчномъ движеніи. Тутъ намѣчаются два основныхъ факта: а) въ предложеніи связка вовсе не обязательна,—она можетъ быть устранена, и тогда вся предикативность сосредоточивается въ сказуемомъ; в) въ предложеніи можетъ быть устранено и само подлежащее—въ такъ наз. безсубъектныхъ предложеніяхъ.—Третье отличіе грамматическаго предложенія заключается въ созданіи второстепенныхъ членовъ предложенія.—обусловленномъ распадомъ основныхъ членовъ.

¹⁾ Очерки. Стр. 8—9.

Прежде чѣмъ перейти къ ближайшему разсмотрѣнію „зарожденія логики“ въ нѣдрахъ грамматическаго мышленія, мы должны отмѣтить еще очень важную грамматическую судьбу *связки* въ психологическомъ сужденіи. Моментъ „связыванія“ образовъ является наиболѣе важнымъ въ осуществленіи психологическаго сужденія,— и въ виду того, что у насъ образуется тѣсная ассоціація представленій—одушевленности, хотѣній, волевыхъ актовъ и тѣсно связанныхъ съ ними мускульныхъ усилій и чувствъ,—мы актъ связыванія сознаемъ въ свѣтѣ этихъ ассоціацій. Осуществляя психологическое сужденіе, т. е. связывая расчлененные моменты цѣлаго, мы осложняемъ содержаніе сужденія указанными ассоціаціями и *благодаря этому* приписываемъ „подлежащему“—хотѣніе, волю быть тѣмъ то и тѣмъ то. Закрѣпляясь, эта ассоціація становится „неразрывной“¹⁾ и образуетъ основное русло для „грамматическаго мышленія“,—или точнѣе для „психологическаго примышленія“ къ дѣйствительному содержанію нашей мысли²⁾.—Въ языкѣ, какъ показываютъ наблюденія, первоначально господствуетъ т. наз. конкретная связка, близко подходящая къ указанному психологическому осложненію безсловесной мысли, такъ какъ въ ней сказуемое представляется какъ волевой актъ подлежащаго. При дальнѣйшемъ развитіи отъ прежней связки, составлявшей нѣкогда особый моментъ въ сознаніи, гдѣ она жила, какъ представленіе конкретныхъ признаковъ, осталась только апперцепція предикативной связки, т. е. *умственный актъ отнесенія къ подлежащему того, что сказано въ сказуемомъ*. Языкъ, развиваясь въ этомъ направленіи дальше, какъ бы выдѣляетъ изъ себя отвлеченную мысль; логическое мышленіе постепенно освобождается отъ узъ грамматическаго.

Свои мысли Овсяннико-Куликовскій суммируетъ въ слѣдующемъ опредѣленіи предложенія: „грамматическое предложеніе есть такое соединеніе грамматически переработанныхъ представленій, которое можетъ быть претворено въ логическое сужденіе“. Комментируя это опредѣленіе, авторъ говоритъ: „предлагаемое мною опредѣленіе, выдвигающее впередъ возможность претворить предложеніе въ логическое

¹⁾ Последнія слова, принадлежа намъ, не противорѣчатъ основнымъ мыслямъ Овсяннико-Куликовскаго, который признаетъ „неподвижность“ психологическаго сужденія.

²⁾ Эта поправка принадлежитъ намъ.

сужденіе, *этимъ самымъ* указываетъ на предикативную связь между подлежащимъ и сказуемымъ, какъ на основной признакъ предложенія. Приведенное опредѣленіе „указываетъ на необходимость, изслѣдуя грамматическое предложеніе оглядываться на предшествующее ему психологическое сужденіе и на слѣдующее за нимъ логическое“.

Мы изложили вкратцѣ суть теоріи Овсяннико-Куликовскаго. Корни ея восходятъ глубоко,—достаточно указать на то, что въ разобранномъ трудѣ Штейнтала уже заложены основныя мысли этой теоріи¹⁾. Если не всѣ языковѣды раздѣляютъ взгляды Овсяннико-Куликовскаго, то нельзя не признать, что они имѣютъ свою опору въ основныхъ тенденціяхъ современнаго языкознанія, представляя законный и неизбѣжный этапъ въ развитіи синтаксическихъ понятій.—Чтобы выдѣлить въ нихъ цѣнное и нецѣнное въ постановкѣ и рѣшеніи нашего вопроса о функции сказуемаго, мы должны войти въ обсужденіе основныхъ чертъ развитой теоріи.

Теорія Овсяннико-Куликовскаго представляетъ не выводъ изъ фактовъ, а гипотезу, предлагаемую имъ для объясненія грамматическаго анализа рѣчи. Факты въ его теоріи представляютъ только иллюстрацію къ общимъ положеніямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ ничѣмъ не оправданное (и думаемъ—ничѣмъ не могущее быть оправданнымъ) предположеніе, что грамматическое предложеніе есть средній членъ между психологическимъ и логическимъ сужденіемъ. Я не говорю уже о томъ, что исторически эта схема никогда не можетъ быть провѣрена, такъ какъ нельзя надѣяться на то, что исторія развитія логическаго мышленія, *какъ способности человѣческаго духа*, будетъ когда нибудь поставлена на твердую историческую почву. Не говоря уже объ этомъ, и по принципиальнымъ соображеніямъ нельзя ставить на одну плоскость грамматику и логику,—и еще менѣе позволительно „объяснять логику изъ грамматики“²⁾. Можно, конечно (а съ извѣстной точки зрѣнія даже и должно) психологически истолковывать логику,—т. е. пытаться въ психологій мышленія искать исходныхъ точекъ и основныхъ мотивовъ развитія логики. Но попытки эти до сихъ поръ не увѣнчивались успѣхомъ,—и единственная выдающаяся попытка углубиться въ психологическія основы су-

¹⁾ Читателю нетрудно увидѣть въ теоріи Овсяннико-Куликовскаго развитіе напр. мысли Штейнтала, что *der Satz ist besondere Anschauungsweise des Urteils*.

²⁾ Выраженіе Д. Кудрявскаго. Психологія и языкознаніе. стр. 68.

ждения, принадлежащая Brentano¹⁾, привела къ тому, что основную логическую функцію сужденія Brentano призналъ неразложимымъ психологическимъ фактомъ. Эта функція—логическое содержаніе которой лучше всего раскрыто въ работахъ Виндельбанда и Риккерта²⁾),—для психологическаго анализа представляется невыводимой изъ общихъ условій мышленія. Сознавъ это, Brentano пришелъ къ мысли, что способность сужденія является однимъ изъ основныхъ свойствъ челоѳческаго духа; вотъ почему онъ классифицируетъ психическія явленія, какъ 1) представленія, 2) сужденія и 3) явленія любви и ненависти... Если попытка Brentano не встрѣтила особеннаго сочувствія среди психологовъ,—то во всякомъ случаѣ должно быть признано заслугой Brentano то, что онъ отрицательно доказалъ, что, если пытаться выводить логическое мышленіе изъ психологическихъ его условій, то это можно сдѣлать только такимъ образомъ, что признать неразложимымъ психологическимъ фактомъ то, что требовалось разложить. Функція челоѳческаго духа, какъ онъ проявляетъ себя въ логическомъ мышленіи, не можетъ быть построена изъ элементовъ, въ которыхъ нѣтъ еще никакихъ намековъ на логическое мышленіе; другими словами, логическая функція духа должна быть признана невыводимой изъ элементовъ, основной функціей духа.

Отсюда ясно, что психологическое и логическое сужденіе не могутъ быть признаны двумя различными явленіями, и лишь двумя различными понятіями, точками зрѣнія. Принять это мѣшаетъ предразсудокъ, что логическое мышленіе непремѣнно осуществляется въ понятіяхъ: доходятъ иногда даже до того, что склонны приписывать „настоящія“ логическія сужденія только ученымъ, такъ какъ только они мыслятъ связи вещей въ строгихъ и точныхъ понятіяхъ³⁾! Между тѣмъ логическое мышленіе, какъ таковое, функционируетъ и въ мышленіи съ помощью представленій. Теперь почти общепризнаннымъ является тотъ фактъ, что не сужденія возникаютъ изъ понятій,—а что наоборотъ понятія возникаютъ благодаря сужденіямъ.

¹⁾ Brentano. Psychologie vom empirischen Standpunkte. О попыткѣ Jerusalem'a мы будемъ говорить ниже.

²⁾ Виндельбандъ. Статя въ „Прелюдіяхъ“—къ ученію объ отрицательномъ сужденіи. Риккертъ. Предметъ познанія.

³⁾ Steinthal. Log. Gramm. und Psych. S. 338—339.

Какъ логическое мышленіе будетъ логическимъ, независимо отъ того, будетъ ли оно безошибочнымъ или ошибочнымъ,—такъ оно остается логическимъ вообще независимо отъ того, какъ и благодаря чему оно осуществляется. Однако, тенденціи абстрактно логической точки зрѣнія (см. раньше) ведутъ къ тому, что смѣшиваютъ результаты логическаго мышленія съ реальнымъ логическимъ сужденіемъ. Реальное логическое мышленіе почти всегда конкретно, хотя оно и выходитъ во своихъ результатахъ за предѣлы этой конкретности, раскрывая передъ нами отношенія и связи понятій. Поэтому видѣть въ „отвлеченности“ мышленія существенный признакъ логическихъ сужденій очевидно неправильно.

Овсяннико-Куликовскій разъединяетъ психологическое и логическое мышленіе, какъ два реально-отдѣльныхъ момента, что какъ мы видѣли неправильно; еще болѣе неправильно то, что среднимъ членомъ этого ряда онъ признаетъ грамматическое предложеніе. Что „грамматическое мышленіе“ есть фактъ и при томъ имѣющій большое историческое значеніе,—это мнѣ кажется, оспаривать невозможно; но чтобы этотъ фактъ имѣлъ какое нибудь отношеніе къ логическому мышленію въ его основныхъ чертахъ,—чтобы „логика зарождалась въ нѣдрахъ грамматическаго мышленія“—это, конечно, абсолютно неприемлемо.—Предложеніе становится грамматическимъ фактомъ постолько, поскольку выражается *въ языкѣ* то, что при этомъ мыслитъ или чувствуетъ говорящій. Грамматика и ставитъ себѣ задачей изученіе тѣхъ закономерностей въ развитіи языка, которыя доступны для историческаго изученія. Можно ли ожидать, чтобы изученіе историческихъ судебъ предложенія „объяснило“ намъ развитіе логическаго мышленія? Не слѣдуетъ ли наоборотъ ожидать, что развитіе предложенія обнаружитъ лишь болѣшую гибкость языка въ раскрытіи мысли? Видѣ не мышленіе обслуживаетъ рѣчь, а наоборотъ рѣчь обслуживаетъ мышленіе; слѣдовательно, мы не можемъ объяснять цѣли изъ средствъ, не можемъ говорить о зарожденіи логики въ нѣдрахъ грамматическаго мышленія. Конечно, если придерживатся точки зрѣнія, что логическое мышленіе „начинается, лишь съ того момента, когда умъ обладаетъ понятіями, то тогда еще можно было бы говорить о роли языка въ выработкѣ *элементовъ* логическаго мышленія,—но все же не самого мышленія. И для Овсяннико-Куликовскаго впрочемъ „въ нѣдрахъ грамматическаго мышленія“ должны зарождаться только элементы логики,—такъ какъ основная

форма мысли—сужденіе—и у него не создается языкомъ, а существуетъ до языка. Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія его схемы развитіе грамматическаго мышленія ведетъ лишь къ созданію элементовъ логическаго мышленія. Но и эта поправка не помогаетъ дѣлу, такъ какъ роль языка въ развитіи понятій учитывается психологіей, а не логикой. Какъ мы уже указывали, логическая функція сужденія не можетъ быть объяснена изъ элементовъ мышленія и должна быть признана основной функціей духа; поэтому появленіе понятій само по себѣ не создаетъ логическаго мышленія, а только болѣе адекватно осуществляетъ его. Если бы до возникновенія понятій логическая функція сужденія не имѣла мѣста, то она никогда и не могла бы возникнуть; поэтому все, что объясняетъ появленіе понятій,—объясняетъ не логику, а психологію мышленія.

Неправильность всей указанной схемы Овсяннико-Куликовскаго не отражается на той части его теоріи, которая касается вопроса объ основныхъ синтаксическихъ понятіяхъ. Эти понятія возводятся у него къ ихъ психологическому корню,—и грамматикѣ приходится лишь вносить свои добавленія въ то, что даетъ анализъ психологическаго сужденія. О чисто грамматическомъ опредѣленіи понятій предложенія, подлежащаго, сказуемаго у Овсяннико-Куликовскаго нѣтъ и рѣчи: онъ лишь ставитъ своей задачей выдѣлять тѣ осложненія этихъ понятій, которыя созданы языкомъ. Этотъ путь методологически, конечно, безспоренъ, такъ какъ для грамматикки остается одно изъ двухъ: либо совершенно отказаться отъ ученія о предложеніи и его частяхъ, либо воспользоваться тѣми понятіями, которыя даетъ въ этомъ случаѣ психологія или логика. Поскольку первая часть дилеммы отвергается, для грамматикки остается лишь тотъ путь, на который ступилъ вмѣстѣ съ другими и Овсяннико-Куликовскій. Онъ правъ также и въ томъ, что предложеніе прежде всего должно быть опредѣлено въ его психологическихъ признакахъ, такъ какъ рѣчь обслуживаетъ не только мышленіе, но и другія сферы душевной жизни (напр. сферу чувствъ). Однако этотъ послѣдній мотивъ совершенно не учитывается Овсяннико-Куликовскимъ, для котораго предложеніе имѣетъ свою психологическую почву лишь въ сужденіяхъ. Это конечно односторонне, и мы увидимъ ниже, какъ теорія Вундта восполняетъ этотъ недостатокъ.

Мы пройдемъ мимо вопроса о предложеніи и остановимся лишь на анализѣ пониманія предикативной функціи у Овсяннико-Куликов-

скаго; хотя онъ старательно отдѣляетъ понятіе предикативной функціи и предиката, но послѣ сдѣланныхъ выше замѣчаній по этому поводу мы считаемъ себя въ правѣ не возвращаться къ этому вопросу и сливать эти понятія.

Мы уже указывали, разбирая взгляды Потебни, что опредѣлять психологическую функцію сказуемаго—по его роли въ образованіи апперцепціи,—значитъ указать лишь самыя общіе контуры этой функціи. Фактически отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ богаче, чѣмъ это представляетъ формула Потебни. Теорія Овсяннико-Куликовскаго и является попыткой ближе опредѣлить и полнѣе сформулировать то, что Потебня охватывалъ своей формулой. По мысли Овсяннико-Куликовскаго, въ психологическомъ сужденіи и слѣдовательно въ предложеніи мы представляемъ себѣ отношеніе подлежащаго и сказуемаго, какъ отношеніе производителя къ производимому дѣйствию. Предикативная функція и заключается собственно въ переработкѣ данныхъ (въ подлежащемъ и сказуемомъ) лексическихъ содержаній въ это отношеніе¹⁾.

По объясненію Овсяннико-Куликовскаго, этотъ характеръ предикативной функціи имѣетъ свой источникъ въ осложненіи первоначальнаго предикативнаго различія различными ассоціаціями: простое соединеніе элементовъ сужденія, имѣющее само по себѣ чисто физиологическую основу, сознается нами въ свѣтѣ нашихъ собственныхъ переживаній. Мы переносимъ на объективный міръ ту „волю“, которую сознаемъ въ себѣ, какъ источникъ нашей дѣятельности. Можно ли однако удовлетвориться такимъ объясненіемъ? Не странно ли, что характерная основа нашего мышленія—сужденіе приобрѣла свои особенности въ зависимости отъ такого случайнаго фактора, какъ игра ассоціацій? Въдѣ въ психологическомъ сужденіи (беря его въ пониманіи Овсяннико-Куликовскаго) мы имѣемъ не простую связь

¹⁾ Въ своемъ „Синтаксисѣ“ Овсяннико-Куликовскій иначе истолковываетъ психологическій смыслъ предикативнаго различія. Здѣсь у него уже идетъ дѣло не о перенесеніи въ объективный міръ той волевой связи, которую мы наблюдаемъ въ себѣ между нашимъ „я“ и нашей дѣятельностью; онъ отмѣчаетъ только воспоминаніе о томъ *дѣйствительномъ* волевомъ актѣ, который лежитъ въ основѣ сужденія. „Предикативная функція, мы сознаемъ себя, какъ виновника акта предикативнаго“; „это самочувствіе есть перерожденный волевой актъ“. (Стр. 28). Для читателя ясно, что здѣсь Овсяннико-Куликовскій отступаетъ отъ своего толкованія предикативной связи, намѣчая въ ней совершенно иной моментъ.

подлежащаго и сказуемаго, а нѣчто, изъ чего развивается впоследствіи логическое отношеніе. Отсюда ясно, что простое суммированіе, сложеніе элементовъ сужденія не могло лежать въ основѣ того процесса, въ результатѣ котораго мы имѣемъ логическое отношеніе: *ex nihilo nihil est*. Конечно, можно еще понять развитіе этого логическаго отношенія, если исходнымъ его пунктомъ мы будемъ считать такую связь подлежащаго и сказуемаго, которая *implicite* содержитъ въ себѣ логическое отношеніе. Можно напр. признать, что психологической ячейкой связи подлежащаго и сказуемаго,—было то сужденіе, въ которомъ отношеніе этихъ двухъ элементовъ сужденія представлялось какъ отношеніе производителя къ производимому дѣйствию. Но въ такомъ случаѣ эта исходная форма сужденія,—*implicite* содержащая логическую связь—не можетъ быть объяснима дѣйствиемъ ассоціацій и должна имѣть болѣе глубокія основанія. Ихъ указываетъ напр. теорія Jerusalem'a, по которой сужденіе, т. е. расчлененіе и организація даннаго матеріала по схемѣ „существа“ и его „дѣятельности“—придаетъ матеріалу ту форму, которая *соответствуетъ нашему сознанию*¹⁾. Сознвая себя, мы всегда сознаемъ себя какъ „я“, которое является центромъ,—устойчивымъ моментомъ среди варьирующихъ его опредѣленій. И пока наши представленія не принимаютъ той же формы, пока и въ нихъ мы не выдѣляемъ центръ силъ, обнаруженіе которыхъ развертываетъ передъ нами разнообразныя, часто противорѣчивыя состоянія, до тѣхъ поръ процессъ сознанія не дошелъ до своей высшей формы—до апперцепціи. Мы апперцепируемъ вѣшнюю дѣйствительность въ свѣтѣ своего внутренняго опыта,—и это объясняетъ намъ то, почему наше ориентированіе во вѣшной дѣйствительности достигаетъ своей высоты въ сужденіяхъ, такъ и то, почему для сужденій характерна двучленность²⁾.

Можно ли принять эту точку зрѣнія? Мы пришли къ ней, отыскивая тѣ психологическіе признаки, которые характеризуютъ

¹⁾ Urtheilsfunction. S. 89. Такъ же высказывался и Gerber (Die Sprache und das Erkennen). См. S. 62, 80, 81, 82. Ср. Wundt. Völkerpsychologie. B. I. Th. II. S. 165—6.

²⁾ Очень любопытное психологическое толкованіе сужденія (какъ выдѣленіе константы и ея измѣненій) даетъ Dittrich. Grundzüge der Sprachpsychologie. S. 510—1. Мы не касаемся подробно его теоріи, такъ какъ и къ ней относятся возраженія, приведенныя противъ Jerusalem'a.

сказуемость и согласились уже въ томъ, что предикативная связь можетъ быть истолкована, какъ связь производителя и производимаго дѣйствія. Этотъ психологическій признакъ дѣйствительно настолько помогаетъ при отысканіи того, гдѣ сосредоточена сказуемость, что на практикѣ, въ школьномъ обученіи, мы научаемъ дѣтей довольно быстро ориентироваться въ предложеніи съ помощью вопросовъ: „кто и что *дѣлаетъ*?“ Но та же практика показываетъ, что не вездѣ умѣстенъ и пригоденъ такой вопросъ; въ предложеніи часто нѣтъ ни малѣйшаго намека на какую бы то ни было „дѣятельность“, а сказуемость все же „чувствуется“ нами достаточно ярко. Это одно показываетъ, что приведенный психологическій признакъ недостаточно глубокъ. Противъ этого нельзя возражать ссылками на исторію языка, которая дѣйствительно даетъ нѣкоторыя указанія въ защиту первоначальной конкретности связки. Пусть даже была такая „синтаксическая эпоха“, когда всѣ предложенія включали въ себя признакъ „дѣятельности“,— пусть было время, когда этотъ психологическій признакъ сразу фиксировалъ вниманіе на сказуемости,—но безспорно и то, что теперь этотъ признакъ недостаточенъ. Между тѣмъ психологическая конструкція Іерузалема, если бы она была права, разъ навсегда дѣлала бы характернымъ для сужденія, а слѣдовательно для предложенія указанный признакъ. Если психологическая сущность сужденія понятна изъ того, что мы интроецируемъ въ внѣшній міръ форму своего сознанія, то какимъ же образомъ сужденіе можетъ оставаться сужденіемъ, теряя эту форму? Если субъектъ всякаго сужденія есть центръ силъ, а предикатъ— дѣятельность, обнаруживаемая этимъ центромъ силъ, то какъ возможенъ прогрессъ сужденія,—переработка его въ тѣ высшія логическія сужденія, гдѣ мы имѣемъ сочетаніе понятій? Пестрота психологическаго рисунка, въ которомъ осуществляется логическое сужденіе, дѣлаетъ для насъ вообще методологически неправильнымъ тотъ путь, на который ступилъ Іерусалемъ въ своей попыткѣ психологически понять „суть“ сужденія. Какъ хорошо отмѣчаетъ тотъ же Іерусалемъ¹⁾, сужденіе является нѣкоторой біологической функцией, подлежащей развитію въ силу своей цѣнности для ориентировки въ окружающемъ. Отсюда ясно, что есть нѣчто въ сужденіи, что подлежитъ развитію; но несо-

¹⁾ Urtheilsfunction. S. 20—21.

мнѣнно и то, что сужденіе имѣетъ моменты, не подлежащіе развитію. Логическое мышленіе не можетъ „родиться“ постолько, поскольку основной актъ сужденія— „Anerkennung“ (по терминологіи Brentano¹⁾)—никакъ не можетъ быть выведенъ ни изъ наличности логическаго матеріала, ни изъ дѣйствія ассоціацій, ни изъ простого связыванія. Но изъ неразложимости и изначальности акта сужденія не слѣдуетъ того, чтобы осуществленіе этого акта было всегда однимъ и тѣмъ же. Въ сужденіи именно и подлежитъ развитію матеріаль сужденія, поднимающійся отъ низовъ психической жизни до ея вершинъ—понятій.

Иерусалемъ и впалъ въ ту ошибку, что не провелъ строгаго различія между измѣнчивостью матеріала сужденія и неизмѣнностью акта сужденія. Его теорія вводитъ насъ въ психологію мифологическаго мышленія, объясняетъ намъ слѣды этого мифологическаго мышленія въ современномъ сознаніи, но она смѣшиваетъ матеріаль и актъ сужденія. Если въ сужденіи мы часто сознаемъ отношеніе субъекта и предиката, какъ отношеніе производителя къ производимому дѣйствію, то это объясняетъ намъ то, какъ сознаемъ мы актъ сужденія, а не его внутреннюю природу. Осуществляя сужденія, мы осознаемъ этотъ актъ не во всей его полнотѣ, и лишь научное сознаніе, строгое, точное, дисциплинированное; осознаетъ свое познавательное поведеніе въ всей его чистотѣ. Обыденное же сознаніе, власть котораго особенно сильно чувствуется въ языкѣ, въ своихъ логическихъ функціяхъ не сознаетъ эти функціи въ ихъ чистотѣ. Мотивы, въ силу которыхъ мы не въ состояніи всегда оставаться въ сферѣ „чистой“ мысли, настолько серьезны, что мы дѣйствительно не можемъ никогда окончательно сбросить съ себя иго обыденнаго мышленія²⁾; но тѣмъ болѣе важно проводить различіе между логической функціей какъ таковой, и между тѣмъ психологическимъ матеріаломъ, въ которомъ она осуществляется и въ зависимости отъ котораго варьируется наше осознаніе ея.

Иерусалемъ, конечно, вноситъ поправки въ свою основную формулу, но они не измѣняютъ дѣла. Первая его поправка заключается въ томъ, что грубый антропоморфизмъ, проявляющійся въ сужденіяхъ о природѣ, какъ живомъ источникѣ силъ, постепенно смѣняется

¹⁾ Psychologie. S. 271, 276—277, passim.

²⁾ Cp. Urtheilsfunction. S. 93.

болѣе тонкимъ различіемъ носителя „способностей“, „свойствъ“, „возможностей“ и самихъ этихъ способностей и т. д.¹⁾),—но вся психологическая тонкость сведенія этихъ понятій къ ихъ корню не можетъ поправить дѣла. Изъ этой поправки мы только знакомимся съ новой вариациею того, что Овсяннико-Куликовскій называетъ „грамматическимъ мышленіемъ“, и что, въ дѣйствительности, представляетъ лишь психологическую канву, на которой для насъ вырисовывается связь субъекта и предиката²⁾. Эта связь, конечно, никогда не выражается только въ томъ, что обнимаетъ блѣдное слово „логическое отношеніе“,—и разъясненіе всего психического ореола, въ которомъ оно предносится нашему сознанію, составляетъ крупную заслугу Іерузалема. Но все же актъ сужденія вызываетъ къ жизни не только этотъ ореоль, но и его ядро, его основное содержаніе—„логическое отношеніе“.

Другая поправка Іерузалема относится къ различенію „дѣйствительныхъ“ сужденій и сужденій, представляющихъ изъ себя словесныя сочетанія, образованныя по аналогіи съ другими сужденіями³⁾. Первыя сужденія предполагаютъ дѣйствительную наличность того „Gesamtvorstellung“, которое носится передъ умственнымъ взоромъ при преобразованіи его въ сужденіе; вторыя возникаютъ иначе. Это различеніе, очень тонкое съ психологической стороны, говоритъ однако противъ Іерузалема, а не въ защиту его. Сужденія, образованныя не по слѣдамъ живого матеріала (Gesamtvorstellung), мало подходятъ къ теоріи Іерузалема,—но они все же остаются сужденіями, какъ въ логическомъ, такъ и психологическомъ⁴⁾ смыслѣ. Сознаніе наше, заполненное лишь словесными образами, не выветъ передъ собой того ореола, который предносится въ другихъ случаяхъ; но все же и эти „словесныя“ сужденія не есть съ психологической стороны рядъ образовъ. Мы отчетливо сознаемъ то единство, которое достигается въ сужденіи и которое почти сплошь заполняетъ сознаніе, заинтересованное именно этимъ единствомъ: не

¹⁾ Urtheilsfunction. S. 140—141.

²⁾ Самъ Овсяннико-Куликовскій (Очеркъ науки о языкѣ, стр. 18) относитъ уже къ психологическому сужденію ту переработку его содержанія, которая вноситъ „волю“ въ объективный міръ.

³⁾ Разсмотрѣніе психологической стороны такихъ „неосуществимыхъ въ сознаніи сужденій“ мы находимъ у Липса. Логика § 54 и 55, стр. 34—36.

⁴⁾ Urtheilsfunction. S. 145.

отвлекаемое образами и лишь скользя по нимъ, наше „я“ устремляетъ почти всю энергію на осознаніе „логическаго отношенія“. Въ этомъ между прочимъ и заключается огромный психологическій выигрышъ отъ того потускнѣнія лексическаго содержанія, которое мы замѣчаемъ при переходѣ конкретной связки въ чисто формальнаго „носителя“ связи подлежащаго и сказуемаго.

Такимъ образомъ, различіе „дѣйствительныхъ“ и словесныхъ сужденій еще ярче вырисовываетъ передъ нами необходимость выдѣлять два момента въ сужденіи: логическую функцію его и тотъ матеріалъ, въ которомъ осуществляется она. Нетрудно видѣть, что это совпадаетъ съ ранѣе указаннымъ различіемъ точекъ зрѣнія логики и психологии на сужденіе. Это различіе не есть различіе *явленій*, а различіе именно точекъ зрѣнія. Вотъ почему психологическій вопросъ о той „одеждѣ“, въ которой предстаётъ нашему сознанію сужденіе, не устраняетъ, а наоборотъ требуетъ логическаго вопроса о функціи сужденія.

Не можемъ, наконецъ, не коснуться еще одной стороны вопроса. Книга Іерузалема, вообще всесторонне освѣщающая проблему сужденія, достаточно хорошо обрисовываетъ то богатство результатовъ, которое достигается сужденіемъ. Сужденіе, какъ основа и орудіе познанія, актуально осуществляетъ всякій разъ какую нибудь одну задачу; но роль сужденія не исчерпывается лишь дѣйствительно достигнутыми результатами его. Въ каждомъ сужденіи какъ будто заложенъ потенциально цѣлый рядъ другихъ сужденій, реализующихъ то богатство мысли, которое скрыто въ сужденіи.—Психологія сужденій, какъ она разработана у Іерузалема, не можетъ намъ объяснить этого богатства содержанія въ сужденіи. Это вытекаетъ, конечно, изъ самаго существа *психологической* постановки проблемы сужденія: съ психологической точки зрѣнія всякое сужденіе есть *законченное* цѣлое. Правда, въ немъ могутъ таиться *мотивы* къ выявленію потенциально заложеннаго матеріала, но наличность мотивовъ къ выявленію этого потенциальнаго содержанія не объясняетъ „возможности“ этого содержанія. Іерузалемъ какъ будто избѣгаетъ трудности этого вопроса, когда говоритъ напр. о томъ, что всякое атрибутивное сочетаніе предполагаетъ ранѣе бывшее предикативное¹⁾),—но это врядъ ли вѣрно.

¹⁾ Urtheilsfunction. S. 144. Если Іерузалемъ считаетъ, что каждое атрибутивное сочетаніе въ *предложеніи* предполагаетъ ранѣе бывшее предика-

Если бы это было такъ, то потенциальное богатство содержанія сужденія, являясь итогомъ прежней работы мысли, было бы понятно въ своемъ источникѣ; но можно ли сказать, что *всякое* атрибутивное сочетаніе (*понимая его въ чисто-психологическомъ, безсловесномъ смыслѣ*) опирается на ранѣе бывшее предикативное? Исторически этого провѣрить никакъ нельзя, а психологически невѣроятно, чтобы первоначальныя ступени сужденія были такъ бѣдны содержаніемъ, какъ это предполагаетъ теорія Иерузалема.

Мы ограничимся лишь этими замѣчаніями о теоріи Иерузалема, полагая, что и сказанное достаточно уясняетъ, что *психологическіе признаки сказуемости сами по себѣ не существенны для акта предципирования*. Не только нельзя считать признакомъ сказуемости организацію представляемаго матеріала по схемѣ „существа“ и его „дѣятельности“, но вообще въ психологическихъ „признакахъ“ сказуемости нельзя видѣть ея дѣйствительныхъ признаковъ. Сказуемость имѣетъ рядъ психологическихъ характеристикъ, которыя, будучи, пожалуй, практически полезными для фиксированія сказуемости, не могутъ дать намъ настоящаго опредѣленія ея. Для нашей цѣли, — отыскать основное содержаніе понятія сказуемаго, — эти психологическія характеристики служить не могутъ, такъ какъ предципированіе вовсе не состоитъ напр. въ организаціи матеріала по аналогіи съ нашимъ собственнымъ существомъ, хотя и выражается въ немъ. Конечно, практически и та психологическая одежда, въ которую облекается актъ предципирования, достаточно выясняетъ для нашего сознанія, гдѣ сосредоточена сказуемость, — и именно потому языковѣды и довольствуются чисто психологическимъ критеріемъ сказуемости. Но даетъ ли это психологическое пониманіе сказуемости матеріалъ для точнаго опредѣленія ея? Сказанное, кажется, достаточно убѣждаетъ, что нѣтъ. Психологическіе „признаки“ сказуемости не обнимаютъ всѣхъ ея выраженій (ср. приведенныя выше оговорки Иерузалема о чисто словесныхъ сужденіяхъ) и этимъ обличаютъ извѣстную случайность той психологической формы, подъ которой является намъ сказуемость. Предикативная функція есть *актъ*, анализъ котораго не можетъ ограничиться выясненіемъ того, *какъ онъ*

тивное, то психологическая правда этого не освобождаетъ отъ указанной трудности.

протекаетъ; необходимо выяснитъ и тѣ цѣли, которыя достигаются имъ. Изъ этого слѣдуетъ, что сказуемое должно быть опредѣлено *телеологически*, какъ звено изъ общей цѣпи нашего „поведенія“. Всѣ попытки подмѣнить телеологическую постановку вопроса такъ называемымъ психологическимъ анализомъ должны быть поэтому признаны неудачными. Конечно, необходимо выяснять и психологію сужденія,—т. е. матеріалъ и процессъ сужденія; но нельзя думать, что это разрѣшаетъ всю проблему сужденія. Какъ актъ, сужденіе должно быть освѣщено телеологически; и поскольку цѣли мышленія, сначала безсознательно нормирующія его, сознаются нами въ такъ называемомъ логическомъ (т. е. въ данномъ случаѣ отвлеченномъ) мышленіи, это телеологическое разсмотрѣніе природы сужденія совпадаетъ съ логическимъ анализомъ его.

Психологія сужденія можетъ дать намъ много для пониманія той психологической атмосферы, которой насыщена и пропитана рѣчь; она можетъ раскрыть намъ тѣ мотивы, которые сыграли свою роль въ колебаніяхъ, измѣненіяхъ рѣчи. Но психологія сужденія не можетъ дать намъ отвѣта на вопросъ о „структурѣ“ сужденія, т. е. о томъ, какова функція его (такъ какъ морфологическая проблема всегда разрѣшается въ физиологическую). Такимъ образомъ на вопросъ объ *опредѣленіи* сказуемаго мы должны ждать отвѣта не отъ психологіи, а отъ логики.

Ни теорія Іерузалема, ни тѣмъ болѣе Овсяннико-Куликовскаго не рѣшаютъ той задачи, которую мы ставимъ себѣ. Почти безукоризненно рисуя психологическую сторону сужденія, формулируя то, что предносится нашему сознанію при сужденіяхъ и помогаетъ находить предикатъ,—эти теоріи не могутъ намъ дать законченнаго опредѣленія сказуемости. Поэтому, если грамматика хочетъ пользоваться понятіями сказуемаго, подлежащаго, а слѣдовательно и понятіемъ предложенія, то она должна обратиться къ логикѣ. То, что она найдетъ въ логикѣ, можетъ не имѣть никакой практической цѣнности, такъ какъ при извѣстномъ навыкѣ (легко напр. приобретаемомъ въ школѣ) мы легко „чувствуемъ“ сказуемость. Но это, конечно, вовсе не дѣлаетъ лишней задачу точнаго опредѣленія понятія сказуемаго.

Мы теперь и обратимся къ послѣднему типу теорій—къ взглядамъ Вундта, изложеннымъ въ его *Völkerpsychologie* (В. I, Th. II)

и содержащимъ въ себѣ логическое толкованіе основныхъ синтаксическихъ понятій¹⁾).

III.

Чтобы выяснитъ взгляды Вундта на сказуемость, мы должны познакомиться съ его общимъ пониманіемъ предложенія, при томъ въ свѣтъ тѣхъ историческихъ „недоразумѣній“, которыя хочетъ разрѣшить Вундтъ въ своей теоріи.

Старыя опредѣленія предложенія подчеркивали либо грамматическую, либо логическую сторону его, или же объединяли въ одномъ опредѣленіи оба эти момента. Чисто грамматическое опредѣленіе предложенія, какъ „группы словъ, представляющихъ въ живой рѣчи одно цѣлое“, по Вундту упускаетъ одну существенную сторону предложенія—не отвѣчаетъ на вопросъ, какъ должно быть организовано это цѣлое, чтобы быть предложеніемъ. Не всякое цѣлое, какъ таковое, является предложеніемъ,—такъ напр. рядъ чиселъ, будучи произнесенъ, даетъ группу словъ, но не даетъ предложенія. Недостатокъ чисто грамматическаго опредѣленія предложенія восполняется логическимъ опредѣленіемъ его; типичное сочетание этихъ двухъ опредѣленій Вундтъ видитъ въ очень популярномъ опредѣленіи предложенія, какъ „мысли, выраженной съ помощью *verbum finitum*“²⁾). Однако вносимый логикой коррективъ (предложеніе есть мысль) даетъ лишь мнимый выходъ изъ затрудненія. Что значитъ въ данномъ опредѣленіи „мысль“? Это понятіе, конечно, не грамматическое,—а если его понимать въ логическомъ смыслѣ, т. е. слѣвать предложеніе съ логическимъ сужденіемъ, то синтаксису придется ограничиться изученіемъ немногихъ предложеній, такъ какъ предложенія (въ широкомъ смыслѣ слова) не являются логическими сужденіями. Вотъ почему въ приведенномъ опредѣленіи „мысль“ обыкновенно понимаютъ въ широкомъ психологическомъ смыслѣ.

¹⁾ Мы оставили совершенно въ сторонѣ понятія психологическаго субъекта и предиката у ф. Габеленца (*Ideen zu einer vergleichenden Syntax. Zeitschr. für Völkerpsychologie* 1869),—такъ какъ они не имѣютъ никакой цѣнности. Уничтожающую критику и переработку этихъ понятій можно найти у Вундта (*Völkerpsychologie*, B. I. Th. II, S. 265 - 269).

²⁾ См. это опредѣленіе между прочимъ у Schmalz'a—*Lateinische Syntax*. S. 214.

Разъ этотъ шагъ сдѣланъ, неизбеженъ и дальнѣйшій. Одни, считая, что чисто грамматическое опредѣленіе предложенія невозможно, совершенно устраняютъ изъ синтаксиса ученіе о предложеніи (это по терминологіи Вундта „отрицательный синтаксисъ“, представителемъ котораго онъ считаетъ Миклошича); другіе переходятъ на почву чисто психологическаго пониманія предложенія. Первая позиція неприемлема, по Вундту, потому, что для нея послѣдовательно центръ тяжести долженъ перенестись на отдѣльные слова. Исходнымъ синтаксическимъ пунктомъ является при этомъ безсубъектныя предложенія, что грамматически едва-ли приемлемо.—Если перейти къ оцѣнкѣ психологическаго синтаксиса, то обращаетъ на себя вниманіе то, что центръ тяжести здѣсь переносится на *сознаніе* говорящаго и слушающаго; языковая же сторона при этомъ опредѣленіи не играетъ никакой роли¹⁾. Однако и съ чисто психологической стороны это опредѣленіе неудачно, такъ какъ, если говорящій включаетъ въ произносимое имъ „предложеніе“, кромѣ словъ, опредѣленныхъ добавочныя представленія, то у слушающаго эти добавочныя представленія (*которыя входятъ въ составъ предложенія*) могутъ быть совершенно иныя. Изъ этого ясно, что съ психологической точки зрѣнія сознаніе говорящаго и слушающаго должны дать начало двумъ различнымъ „синтаксисамъ“,—и менѣе всего въ выигрышъ отъ этого будетъ грамматика. Для нея вѣдь важно имѣть дѣло со всѣмъ психологическимъ контекстомъ, въ которомъ выступаетъ „словесное выраженіе“; но при наличности двухъ различныхъ психологическихъ контекстовъ психологическое опредѣленіе предложенія теряетъ свою научно-грамматическую цѣнность (сохраняя, конечно, свое психологическое значеніе).

Эта критика различныхъ опредѣленій приводитъ Вундта къ слѣдующимъ выводамъ: предложеніе есть прежде всего *языковое построеніе*. „Если спрашиваютъ о сущности предложенія, то при этомъ рѣчь можетъ идти только о его языковой природѣ“, говоритъ Вундтъ²⁾. Съ этой точки зрѣнія Вундтъ предпочитаетъ внѣшне-грамматическое

¹⁾ Ср. опредѣленіе Науля (Principien der Sprachgeschichte. S 111): „предложеніе есть словесное выраженіе,—символь того, что въ душѣ говорящаго совершилось соединеніе нѣсколькихъ представленій или группъ представленій,—и средство для воспроизведенія въ душѣ слушающаго того же самаго соединенія тѣхъ же самыхъ представленій“.

²⁾ Völkerpsychologie. B. I Th. II. S. 235.

пониманіе предложенія психологическому, такъ какъ оно все же вѣрно намѣчаетъ съ виѣшной стороны суть предложенія, хотя и не проникаетъ въ глубь его. Чтобы навсегда покончить съ тѣми сочетаніями словъ, которыя нуждаются еще въ психологическомъ дополненіи для того, чтобы стать „цѣлымъ“,—Вундтъ вводитъ весьма плодотворное различіе между полными и неполными предложеніями, при чемъ послѣднія онъ называетъ „эквивалентами предложенія“ за ихъ способность *замѣщать* цѣлое предложеніе.—Введя это существенное различіе, Вундтъ устанавливаетъ затѣмъ психологическую сторону предложенія, критикуя ту основную предпосылку дѣлавшихся до него опредѣленій, по которой въ предложеніи мы имѣемъ сочетаніе элементовъ, существовавшихъ до предложенія самостоятельно и независимо. Съ точки зрѣнія психологін то цѣлое, которое выражается въ предложеніи, существуетъ *до* своего разложенія на части. Нельзя сказать, что представленіе дерева и представленіе зелени въ своемъ сочетаніи даютъ то, что мы представляемъ себѣ, когда говоримъ „дерево—зелено“¹⁾. Наоборотъ: у насъ есть „совокупное представленіе“ (*Gesamtvorstellung*),—и лишь въ предложеніи мы разлагаемъ его на части.

Являясь продуктомъ разложенія совокупнаго представленія, предложеніе имѣетъ не только аналитическую, но и синтетическую функцію; подъ послѣдней нужно разумѣть не „соединеніе“ членовъ, а ихъ *отношеніе*, связывающее „части“ въ цѣлое²⁾. Отсюда ясно полное опредѣленіе предложенія у Вундта: предложеніе есть выраженіе средствами языка произвольнаго разложенія совокупнаго представленія на части, стоящія другъ къ другу въ логическомъ отношеніи.

Мы должны еще остановиться на классификаціи предложеній у Вундта. Для него существуетъ три основныхъ типа предложенія: восклицательный, изяснительный и вопросительный. Первый типъ—наиболѣе простой—особенно интересенъ для насъ. Восклицательныя предложенія дѣлятся на предложенія, выражающія 1) чувства и 2) желанія. Замѣчательная особенность первыхъ заключается въ томъ,

¹⁾ Въ исторіи логики есть любопытный фактъ, что именно невозможность возникновенія единства мысли изъ двухъ различныхъ элементовъ привела къ отрицанію т. наз. синтетическихъ сужденій.

²⁾ Подробности см. у Вундта. *Ibidem*. S. 241—2.

что *въ нихъ можетъ отсутствовать глаголъ*. Чтобы убѣдиться, что *въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предложіе*, слѣдуетъ проанализировать вслѣдъ за Вундтомъ приводимыя имъ слова императора Вильгельма I: „Welch eine Wendung durch Gottes Fügung!“ Разложіе совокупнаго представленія осуществляется въ данномъ случаѣ безъ глагола,—и хотя мы всегда могли бы дополнить приведенную фразу глаголомъ, но тонко замѣчаетъ Вундтъ, мы получили бы въ такомъ случаѣ *другое, ослабленное* выраженіе чувства. Вундтъ пишетъ: гдѣ на лицо два выраженія съ различной силой, тамъ болѣе энергичное является и первоначальнымъ.

Безглагольные предложіа лишены предикативности, носятъ атрибутивный характеръ, *такъ какъ въ нихъ нѣтъ никакого второго понятія, которое высказывалось бы о первомъ, а есть лишь ближайшее опредѣленіе, присоединяющееся къ первому понятію* ¹⁾. Это мѣсто раскрываетъ намъ взглядъ Вундта на понятіе предикативности. Съ точки зрѣнія языка нельзя установить, имѣемъ ли мы передъ собой атрибутивное или предикативное предложіе: для этого нужно отдать себѣ отчетъ, высказывается ли что-нибудь о субъектѣ или нѣтъ, т. е. *нужно вскрыть характеръ логическаго отношенія частей предложенія*. Такимъ образомъ предикативность характеризуется по Вундту своей логической функціей,—по крайней мѣрѣ, прежде всего. Исходя отсюда, Вундтъ находитъ, что предложіа могутъ быть лишены предикативности, такъ какъ не всегда предложіа носятъ повѣствовательный или вопросительный характеръ,—т. е. не всегда въ нихъ выражается сужденіе.

Въ системѣ мыслей Вундта это расширеніе понятія предложенія, признаніе, что объемъ этого понятія шире понятія предикативности, занимаетъ очень важное мѣсто. Какъ мы помнимъ, психологическая школа искала предикативность во всемъ, „что имѣетъ смыслъ“ ²⁾, т. е. считала понятіе предикативности по объему равнымъ понятію предложенія. Вундтъ, исходя изъ чисто психологическихъ соображеній, пытается создать болѣе широкое въ психологическомъ отношеніи понятіе предложенія. Мы уже приводили раньше замѣчаніе Дельбрюка по поводу грамматической убѣдительности анализа Вундта по этому вопросу и считаемъ вообще правильнымъ, что ни-

¹⁾ Ibidem S. 272

²⁾ Ср. Потебня. Мысль и языкъ. Стр. 145.

какіе грамматическіе анализы не могутъ выяснитъ вопроса о томъ, возможны ли предложенія, лишеныя предикативности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя считать, что психологически немислимы предложенія безъ предикативности, такъ какъ молъ мы „чувствуемъ“ предикативность даже и въ безглагольныхъ предложеніяхъ. Показанія нашего чувства, вѣрнѣе *нашей предцирирующей аттерценціи* свидѣтельствуютъ только о томъ, что предикативныя предложенія вытѣсняють другія формы,—и ничего не могутъ сказать о принципиальной немислимости непредикативныхъ предложеній. Поэтому, если даже признать, что Вундтъ не развилъ съ полной доказательностью свою мысль о возможности лишеныя предикативности предложеній,—нужно согласиться съ тѣмъ, что эта мысль во всякомъ случаѣ заслуживаетъ самаго живого вниманія.

Вернемся однако къ понятію предикативности у Вундта.

Признавъ, что логическій и грамматическій субъектъ и предикатъ совпадаютъ, что предикативность несетъ логическую функцію, Вундтъ дѣлаетъ дальше мало обоснованный скачекъ, сливая грамматическія понятія предикативности и глагольности¹⁾. Фактъ преобладанія предикативной формы предложенія въ наше время, по Вундту, связанъ съ ростомъ глагольности; но въ былыя времена чисто именныя предложенія, т. е. *аттритбутивныя* (а не предикативныя) предложенія были очень распространены. Какъ видитъ читатель, Вундтъ здѣсь сливаетъ понятія предиката и глагола,—и всѣ безглагольныя предложенія считаетъ лишеными предикативности. Хотя раньше Вундтъ признавалъ, что предикативность есть тамъ, гдѣ осущест-

¹⁾ Вундтъ указываетъ, что съ логической стороны изъяснительныя предложенія объединяють двѣ различныхъ формы: аттритбутивную и предикативную. Аттритбутивнымъ характеромъ обладаютъ, по его мнѣнію, всѣ предложенія, въ которыхъ такъ наз. предикатъ выражаетъ свойство или отношеніе предметовъ,—т. е. такъ называемыя описательныя и объяснительныя предложенія, имѣющія связку. *Настоящимъ* же предикативнымъ характеромъ отличаются предложенія съ глагольнымъ предикатомъ... Намъ кажется, что ясно само собою, какъ отступаетъ въ этихъ строкахъ Вундтъ отъ приведеннаго выше логическаго признака предикативности. Развѣ въ предложеніи „Богъ справедливъ“ второе понятіе просто ближе опредѣляетъ первое, а не „высказываетъ“ (въ логическомъ смыслѣ этого термина) нечто о немъ? Поэтому мы считаемъ необоснованнымъ то сліяніе понятія предикативности и глагольности, которое особенно рѣзко выразилось въ главѣ „Attributive und prädicative Aussagesätze“. См. особенно S. 275—276

вляется логическая функція предиката,—т. е. понятіе предикативности никомъ образомъ не связано съ грамматическимъ выраженіемъ ея,—теперь Вундтъ не признаетъ предикативными безглагольныя предложенія, хотя бы въ нихъ и осуществлялась логическая функція предиката ¹⁾).

Чѣмъ объяснить это явное противорѣчіе?

Припомнимъ ту критику, какой подвергаетъ Вундтъ различныя опредѣленія предложенія. Исходнымъ пунктомъ этой критики является убѣжденіе, что чисто грамматическое („языковое“) опредѣленіе предложенія *возможно*. Въ защиту этого убѣжденія Вундтъ выставляетъ только то соображеніе, что есть *грамматическое* различіе между предложеніемъ и группой словъ (напр. названій чиселъ), заключающееся въ томъ, что предложеніе всегда организовано. Если это такъ, то грамматика обладаетъ своими, чисто грамматическими опредѣленіями синтаксическихъ понятій. Вотъ откуда у Вундта стремленіе пользоваться грамматическими признаками понятія предложенія, предиката,—и надо только пожалѣть, что Вундтъ не былъ достаточно послѣдовательнымъ на этомъ пути. Если мы не ошибаемся, только въ развитіи понятія предикативности у него сыгралъ свою роль грамматическій признакъ (сказуемое=глаголу): различіе атрибутивныхъ и предикативныхъ изъяснительныхъ предложеній опирается именно на грамматическое понятіе сказуемаго. Дальше Вундтъ не пошелъ,—и потому не замѣтилъ, что понятіе сказуемаго у него носитъ двойственный характеръ. Тамъ, гдѣ ему нужно до-

¹⁾ Вундтъ оговаривается (S. 276), что при превращеніи (благодаря связкѣ) первоначально атрибутивнаго выраженія въ предикативное дѣло идетъ лишь о *внѣшней* формѣ, но что по существу предложеніе и со связкой остается атрибутивнымъ. Но этимъ онъ именно и выдаетъ себя съ головой, проводя различіе между предикативностью, понимаемой со стороны ея логическихъ признаковъ, и предикативностью, понимаемой со стороны языковой формы. Въ послѣднемъ случаѣ предикативность дѣсть тамъ, гдѣ есть глаголь.. Такимъ образомъ Вундтъ даетъ два совершенно различныхъ понятія предикативности,—и грамматика, опираясь на послѣднія неосторожныя замѣчанія Вундта, могла бы ограничиться чисто формальнымъ опредѣленіемъ предикативности, сливая ее съ глагольностью. Развѣ не подаютъ повода къ этому Вундтъ такой напр. фразой (S. 277): “слѣдуетъ принимать двѣ формы изъяснительныхъ предложеній: атрибутивную, въ которой съ субъектомъ соединенъ атрибутъ, и предикативную, въ которой съ нимъ соединенъ *предикцирующій „глаголь“*”.

казывать возможность предложений, лишенных предикативности, тамъ, гдѣ онъ критикуетъ понятія психологическаго субъекта и предиката, созданныя ф. Габеленцомъ, онъ становится вполне определенно на логическую точку зрѣнія;—тамъ же, гдѣ онъ хочетъ доказать атрибутивный характеръ чистыхъ *Nominalsätze*, онъ приравниваетъ предикативность глагольности. Такимъ образомъ у Вундта соединяются два момента въ развитіи понятія сказуемаго—грамматическій и логическій. Характерно между прочимъ полное отсутствіе у Вундта психологизма ¹⁾ въ пониманіи предикативности. Въ Вундтѣ какъ бы воскресаетъ иллюзія „*wundervoller Autonomie der Sprache*“,—и потому съ такой силой и убѣдительностью онъ возстаетъ противъ *смѣшенія* грамматической и психологической точекъ зрѣнія. Онъ требуетъ для грамматики грамматической постановки синтаксическихъ вопросовъ, мечтаетъ о раскрытіи „языковой природы“ предложенія,—и въ то же время... отчетливо сознаетъ, что основное содержаніе синтаксическихъ понятій чисто логическое. „Такъ какъ каждое сужденіе есть изъяснительное предложеніе и въ то же время каждое изъяснительное предложеніе *можетъ* разсматриваться какъ логическое сужденіе, то чисто логическія понятія субъекта и предиката могутъ быть безъ сомнѣнія перенесены на изъяснительныя предложенія“ (*Ibidem*, S. 264). Два основныхъ мотива, направляющіе синтаксическіе анализы Вундта, однако не связаны другъ съ другомъ. Вѣдь можно искать грамматическаго опредѣленія предложенія, не подчиняя синтаксисъ логикѣ; можно и наоборотъ—логически опредѣлять основныя понятія синтаксиса и не мечтать о чисто грамматическомъ истолкованіи ихъ. Мысль языковѣдовъ какъ будто описала кругъ; отъ полнаго раздѣленія логики и грамматики у Штейнталя, отъ замѣчаній Потемни, что грамматика относится къ логикѣ, какъ любая другая наука,—грамматическая мысль ушла къ психологій, увлеклась психологическимъ толкованіемъ и, наконецъ, разочарованная снова вернулась къ сближенію грамматики и логики. Устранивъ ошибку логической грамматики, психологическая грамматика

¹⁾ Вундтъ, конечно, прекрасно учитываетъ психологическую сторону рѣчи и мышленія, но для него психологія не выдвигаетъ какой-нибудь особой, не учитываемой ни грамматикой ни логикой стороны въ предикативности, какъ то мы имѣемъ даже у Штейнталя.

сама впала въ ошибки, устранимыя лишь при возвращеніи къ логикѣ ¹⁾.

Перейдемъ къ анализу взглядовъ Вундта.

Коснемся прежде всего стремленій Вундта точно опредѣлить границы грамматическихъ понятій. Нельзя не согласиться съ нимъ, что существеннымъ признакомъ грамматическаго опредѣленія понятій является *языковая характеристика его*. Понятіе, напр., предложенія опредѣляется нами *грамматически* лишь въ томъ случаѣ, если достаточнымъ для его характеристики признакомъ является то, что раскрываетъ его „языковую природу“. Это положеніе совершенно справедливо: если грамматическое опредѣленіе понятія предложенія возможно, то оно не должно содержать въ себѣ никакихъ психологическихъ или логическихъ признаковъ; если же для полного опредѣленія понятія предложенія необходимы эти послѣдніе, то это значтъ, что *чисто грамматическое опредѣленіе предложенія невозможно*. Этотъ послѣдній выводъ, развитой изъ другихъ (хотя и близкихъ) оснований особенно ярко Потемней, такъ сказать навязывается намъ,—да и живая практика языкознанія представляетъ неоспоримое свидѣтельство того, что опредѣленіе предложенія невыполнимо средствами языка. Конечно, отсюда вовсе не слѣдуетъ, что нечего стремиться къ „общему опредѣленію предложенія“, какъ то думалъ Потемня ²⁾: система языкознанія, трактующая о предложеніяхъ въ его различныхъ формахъ, не можетъ не нуждаться въ общемъ опредѣленіи предложенія. Невозможность дать общее грамматическое опредѣленіе предложенія вѣдь не исключаетъ для грамматики возможности пользоваться понятіемъ предложенія, заимствованнымъ напр. изъ психологіи языка. Ries справедливо указываетъ въ своей критикѣ школы Миклошича, что вмѣсто развитія и обоснованія общаго ученія о предложеніи, отрицающіе его все же пользуются понятіемъ предложенія, какъ *наличнымъ и известнымъ* ³⁾.

Что же даетъ Вунтъ въ своемъ опредѣленіи предложенія, какъ раскрываетъ онъ его языковую природу? Единственный „языковой“

¹⁾ Ср. мысли Marty „Ueber subjectlose Sätze“. Vierteljaresschr. für wiss. Philos. B. XIX. S. 333.

²⁾ Къ этому присоединяется и Кудрявскій. Психологія и языкознаніе. Стр. 70.

³⁾ Ries. Was ist Syntax. S. 50.

признакъ предложенія у Вундта—это „выраженіе средствами языка“ (Sprachliche Ausdruck) произвольнаго расчлененія цѣльнаго представленія. Этотъ признакъ настолько общъ и неопредѣленъ, что онъ рѣшительно ничего не даетъ для грамматики. Справедливо говорить по этому поводу Кудрявскій, что „анализомъ Вундта не затрагивается и не опредѣляется предложеніе и потому языковѣдамъ не слѣдуетъ считать вопроса о предложеніи *разрѣшеннымъ*“¹⁾. Какъ ни интересно оживаніе у Вундта идей объ „языковомъ“ опредѣленіи предложенія, но нельзя не признать, что оно закончилось крахомъ и еще болѣе выяснило невозможность дать чисто грамматическое опредѣленіе предложенія.

Вундта смущаетъ признакъ „организациі“, который, какъ мы видѣли, грамматически отдѣляетъ предложеніе отъ „группы словъ“. Въ формальныхъ языкахъ этотъ признакъ дѣйствительно является грамматическимъ, а въ языкахъ, не развившихъ формъ, онъ грамматически почти не выражается. Вотъ почему у Вундта въ его опредѣленіи предложенія отъ признака „организациі“ остался только одинъ слѣдъ: тѣ „логическія“ отношенія, въ которыхъ находятся члены предложенія. Это нельзя считать, конечно, личной неудачей Вундта, такъ какъ построить понятіе предложенія безъ его психологическихъ и логическихъ признаковъ невозможно³⁾.

Ставъ на ложную дорогу, Вундтъ, конечно, не избѣгъ ошибокъ,—и къ такимъ мы причисляемъ ничѣмъ не обоснованное отождествленіе понятій глагола и сказуемаго. Когда Вундтъ отказывается, на основаніи логическихъ признаковъ сказуемости, признать за восклицательными предложеніями предикативность,—то онъ правъ во всякомъ случаѣ методологически: если признать вслѣдъ за нимъ, что логическая функція сказуемаго состоитъ въ высказываніи чего-нибудь о субъектѣ²⁾, то нельзя не признать, что восклицательныя предложенія лишены предикативности. Но утверждать затѣмъ, что предикативность и глагольность одно и то же,—это, конечно, очень рискованно... Когда Потебня устанавливаетъ минимумъ того, что

¹⁾ Психологія и языковѣдѣніе. Стр. 72.

²⁾ Ries (Was ist Syntax. S. 48) рѣшается только утверждать, что априори не устранена возможность найти формальные признаки предложенія. Противъ „априорной возможности“ возражать, конечно, не приходится.

³⁾ О многозначности логической функціи сказуемаго см. ниже.

должно содержаться въ предложеніи нашихъ языковъ съ психологической и грамматической точки зрѣнія,—и найдя, что въ языкѣ всегда бываетъ выражено сказуемое, а съ другой стороны нѣтъ предложенія безъ глагола,—говорить дальше всегда о „глаголѣ—сказуемомъ“,—то ясно, что правильность этого опредѣленія ограничена рамками глагольныхъ предложеній. Но у Вундта, далеко выходящаго за предѣлы глагольныхъ предложеній, нѣтъ, какъ мы видѣли, никакихъ серьезныхъ основаній для сліянія глагольности съ предикативностью.

Грамматика, въ сущности, должна отнестись совершенно нейтрально къ вопросу, возможны ли предложенія, лишеныя предикативности. Мы приводили уже замѣчаніе Дельбрюка, указывающаго на то, что предикативность можетъ быть выражена удареніемъ; говоря общѣе—средства языка не исчерпываются только въ словахъ и потому, на основаніи присутствія или отсутствія слова, фиксирующаго предикативность, нельзя заключать о предикативности или атрибутивности даннаго предложенія. Этотъ вопросъ разрѣшимъ только тогда, когда мы выяснимъ понятіе предикативности въ *его источникъ*: лишь тамъ мы можемъ поставить вопросъ и объ объемѣ этого понятія. Вундтъ правильно указалъ на ту сферу, гдѣ мы имѣемъ такъ сказать *experimentum crucis*—на предложенія, выражающія чувства. Самъ онъ лишь коснулся психологическаго анализа ихъ и потому его рѣшеніе вопроса можетъ имѣть лишь предварительное значеніе,—но во всякомъ случаѣ именно на этихъ предложеніяхъ можетъ быть рѣшена проблема о границахъ понятія предикативности.

Какъ понимаетъ Вундтъ предикативную функцію? Къ сожалѣнію, онъ совершенно не считается съ психологической характеристикой предикативности, представленной на западѣ лишь въ намекахъ Штейнталя, Гумбольдта, да въ теоріи Иерусалема. Отвергнувъ понятіе психологическаго предиката, созданное ф. Габеленцемъ и отмѣтивъ лишь вскользь путаницу, которая господствуетъ въ опредѣленіи логическаго и психологическаго субъекта и предиката¹⁾, Вундтъ прямо заявляетъ, что основная функція сказуемаго,—находящая свое полное выраженіе лишь въ *Aussagesatz*—логическая. Вундтъ долженъ,

¹⁾ *Völkerpsychologie* B. I. Th. II, S. 265 Anm.

конечно, признать, что не во всякихъ предложеніяхъ находится „адекватное“ выраженіе того, что хотѣлъ сказать авторъ предложенія,—и этихъ онъ самъ указываетъ слабое мѣсто своей теоріи предикативности. Дѣло въ томъ, что для логическаго анализа понятія предиката и субъекта неотдѣлимы одинъ отъ другого, между тѣмъ какъ наличность безсубъектныхъ предложеній сама по себѣ уже ясно говоритъ, что понятія грамматическаго субъекта и предиката могутъ и не совпадать съ параллельными логическими понятіями. Если даже Вундтъ правъ относительно изначальной двучленности безсубъектныхъ предложеній, то, какъ правильно указалъ Sütterlin¹⁾, это не ослабляетъ расхожденія указанныхъ логическихъ и грамматическихъ понятій при анализѣ современнаго языка.

Ошибка Вундта заключается по нашему мнѣнію въ томъ, что, правильно признавъ чисто логическое содержаніе понятія предиката, онъ расширилъ этотъ фактъ до полной идентичности грамматическаго и логическаго предиката. Вотъ почему говоритъ онъ и объ „неадекватномъ“ выраженіи мысли... Мы уже видѣли, что и самъ Вундтъ забываетъ объ этомъ (хотя къ сожалѣнію неудачно) въ вопросѣ объ атрибутивномъ характерѣ безглагольныхъ предложеній,—да и вообще можно было бы считать послѣ работы Штейнталя разъ навсегда неприемлемымъ отождествленіе предложенія и сужденія. Однако это не должно закрывать для насъ и правильной стороны въ взглядѣ Вундта на предикативность.

Вопросъ о логическомъ содержаніи понятія предиката встаетъ, какъ мы старались показать, неизбежно и неустранимо при опредѣленіи этого понятія. Дать чисто грамматическое опредѣленіе этого понятія (вспомнимъ „глаголь-сказуемое“ Потевни) оказывается возможнымъ, если только имѣть предварительное, „извѣстное“, какъ говоритъ Ries, понятіе предиката. Дѣйствительно, мы видѣли напр., что у Потевни было понятіе психологическаго сказуемаго (какъ втораго члена анперценціи), которымъ онъ и пользовался при нахожденіи грамматическаго опредѣленія его. Но если вдуматься въ психологическое понятіе сказуемаго, то ясно, что оно не дастъ того, что намъ нужно. Какъ нельзя было бы опираться при отысканіи сказуемаго

¹⁾ Sütterlin. Das Wesen der sprachlichen Gebilde. Kritische Bemerkungen zu Wilhelm Wundts Sprachpsychologie. S. 146.

на то, что у насъ есть „непосредственное чувство сказуемости“,— хотя оно есть у насъ дѣйствительно ¹⁾,—такъ нельзя и опредѣлять понятіе сказуемаго его психологическими „признаками“. И чувство сказуемости и та психологическая форма, подѣ которой мы мыслимъ сказуемое, являются лишь тѣмъ, что въ логикѣ называется „собственнымъ признакомъ“, т. е. производной, вытекающей изъ основныхъ особенностей понятія чертой. Это становится особенно яснымъ, если мы вспомнимъ, что логическія функціи мышленія никакъ не могутъ быть выведены ни изъ матеріала мышленія, ни изъ той психологической канвы, въ которой предстаетъ нашему сознанію этотъ матеріаль. Поэтому, если мы признаемъ, что психологическое сказуемое можетъ иногда выполнять логическую функцію (а этого не могутъ отрицать защитники психологизма въ синтаксисѣ,—ср. напр. опредѣленіе предложенія у Овсяннико-Куликовскаго), то этимъ мы безповоротно осудимъ психологическую опредѣляемость сказуемаго. Логическія функціи не могутъ „выдѣляться“, „рождаться“ въ нѣдрахъ психологическаго мышленія,—онѣ могутъ лишь выясняться и глубже осознаваться. Поэтому, допустивъ логическую опредѣляемость сказуемаго для нѣкоторыхъ случаевъ, мы должны допустить вообще его логическую опредѣляемость и отвергнуть возможность опредѣлить его психологически.

Признакъ сказуемаго, указываемый Вундтомъ („въ сказуемомъ мы утверждаемъ нѣчто о подлежащемъ“), конечно, гораздо универсальнѣе, чѣмъ признакъ „дѣятельности“, указываемый психологической школой. Вопросъ „что дѣлается“ или „кто что дѣлаетъ“ часто не подходитъ для отысканія сказуемаго (напр. въ предложеніи „это похвально“); между тѣмъ какъ вопросъ: „что здѣсь утверждается“, кажется, всегда помогаетъ отыскать сказуемое.

Согласившись въ томъ, что логическое опредѣленіе сказуемаго раскрываетъ намъ его функцію, посмотримъ однако, правильно ли опредѣляетъ Вундтъ сказуемое въ его логической природѣ?

Вундтъ въ своей *Völkerpsychologie* не задается вопросомъ о логической функціи сказуемаго, принимая ее такъ, какъ ее даетъ логика. Это и понятно: логика имѣетъ свои особенные мотивы анализировать функцію сказуемаго, и грамматика должна принять отъ

¹⁾ Бѣглый анализъ его читатель можетъ найти въ „Синтаксисѣ“ Овсяннико-Куликовскаго, стр. 27—29.

логики то опредѣленіе сказуемаго, какое она даетъ. Но въ томъ-то и дѣло, что современная логика не можетъ считать рѣшеннымъ вопросъ о функціи сказуемаго. Подробно раскрывать это здѣсь мы не станемъ, но нѣсколько замѣчаній все таки будутъ нелишними.

Замѣтимъ себѣ, что у большинства современныхъ логиковъ вопросъ о функціи предиката и о функціи сужденія сливаются. Лишь школа Виндельбанда отдѣляетъ эти функціи, видя въ предикаторованіи простое связываніе, а функцію сужденія—въ оцѣнкѣ этого связыванія. Вотъ почему Виндельбандъ, примыкая къ Brentano, считаетъ, что „предикація не принадлежитъ къ существу сужденія“¹⁾. У другихъ логиковъ, если и отдѣляются функція сужденія и функція предиката, то лишь постольку, поскольку они стоятъ на абстрактной точкѣ зрѣнія и подъ предикатомъ разумѣютъ изолированное представленіе или понятіе; отсюда ясно, что то, что мы называемъ предикативной функціей и что въ нашемъ пониманіи является *актомъ*, совпадаетъ съ функціей сужденія²⁾.

Въ чемъ же состоитъ функція сужденія, т. е. предикативная функція? На этотъ вопросъ логики отвѣчаютъ очень различно,—настолько различно, что классифицировать ихъ отвѣты очень трудно. Оставляя въ сторонѣ классификацію, предложенную проф. Ланге³⁾, остановимся на приводимыхъ Иерузалемомъ рѣшеніяхъ нашего вопроса.

Одна группа логиковъ видитъ функцію сужденія въ томъ, чтобы *обединить* то содержаніе, которое предносится нашему сознанію въ сужденіи; въ сужденіи это содержаніе подымается до высшаго единства. Эта точка зрѣнія (выдвинутая особенно ярко Зигвартомъ, а ранѣе его намѣченная Кантомъ, правда болѣе съ гносеологической стороны), безусловно правильно характеризуетъ *результаты* сужденія, но врядъ ли вѣрно описываетъ самый актъ сужденія. Дѣло въ томъ, что она предполагаетъ наличность изолированныхъ элементовъ сужденія, которые лишь въ синтетическомъ актѣ спаиваются въ новое единство; такое предположеніе едва-ли приемлемо. Вундтъ въ своей

¹⁾ Прелюдіи. Стр. 362.

²⁾ Ср. напр. Sigwart, Logik. B. I (3 Aufl.) S. 27, 65. Типичъ. Логика. Стр. 26, 28, особенно 30.

³⁾ Психологическія изслѣдованія. (Глава: „Замѣтки къ теоріи сужденія“). Стр. 58.

теоріи сужденія и выясняетъ природу того акта, благодаря которому осуществляется сужденіе: онъ видитъ его въ *разложеніи* по закону двучленности нѣкоего *Gesamtvorstellung*. Какъ ни удачно вскрывается здѣсь процессъ сужденія, но нельзя не признать это описаніе улавливающимъ лишь самыя общіе контуры процесса.

Вотъ почему Іерусалемъ самъ примыкаетъ къ взглядамъ Gerber'a и Bradley, которые видятъ въ сужденіи не только разложеніе цѣльнаго представленія, но и *формированіе* представляемаго содержанія. Въ этой новой характеристикѣ лучше отмѣчается тотъ фактъ, что элементы сужденія, объединенные въ немъ, находятся другъ къ другу въ *опредѣленномъ логическомъ отношеніи*. Однако какъ же мыслить это логическое отношеніе? Если ограничиться краткой характеристикой сужденія, какъ формированія матеріала, то мы все еще будемъ *на пороѣ* той проблемы, которая насъ интересуетъ. Это станетъ особенно ясно, если мы обратимся къ той теоріи сужденій, которая подчеркиваетъ въ сужденіи моментъ *вѣры*, моментъ оцѣнки. Уже Милль признавалъ, что въ сужденіи мы утверждаемъ или отвергаемъ что-нибудь; вотъ почему съ сужденіемъ неразрывно связана вѣра въ объективное значеніе той связи, которая устанавливается въ сужденіи. Какая же связь этой несомнѣнной психологической особенности сужденія съ самимъ процессомъ сужденія, съ тѣми результатами, которые достигаются въ немъ? Если считать напр. вмѣстѣ съ Виндельбандомъ, что практическая функція сужденія (т. е. оцѣнка той связи, которая достигается въ сужденіи) должна мыслиться нами отдѣльно отъ „теоретической функціи сужденія“, то это значитъ только признаться въ невозможности объединить двѣ основныхъ функціи сужденій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что одна изъ функцій должна быть признана основной, — и поэтому не рѣшеніемъ, а устраненіемъ проблемы надо признать взглядъ, что обѣ функціи существуютъ рядомъ¹⁾. Нужно, очевидно, такъ истолковать актъ сужденія, чтобы невыводимая ни изъ чего практическая функція его (характеризуемая то какъ вѣра въ объективность связи, то какъ признаніе цѣнности связыванія) психологически²⁾ была связана съ его теоретической функціей, а также съ результатами сужденія, какъ

¹⁾ См. сочувственныя замѣчанія Виндельбанда. Прелюдіи. Стр. 359.

²⁾ Говоримъ „психологически“, такъ какъ вопросъ о связи теоретической и практической функціи сужденія есть вопросъ психологическій.

формы познания. Такъ понимаемъ мы тенденціи современной логики. Какъ видимъ, логика не знаетъ еще окончательнаго разрѣшенія проблемы сужденія, а слѣдовательно и вопроса о логической функціи предиката. Можно только отмѣтить необычайное оживленіе логической мысли по этому вопросу¹⁾. Мы думаемъ, что абрисъ правльнаго разрѣшенія проблемы данъ въ трудѣ проф. Лопатина²⁾, стоящаго на очень плодотворной психологической точкѣ зрѣнія. Мы не излагаемъ теоріи проф. Лопатина, такъ какъ она едва лишь (только попутно) намѣчена имъ, да это и не нужно для нашей цѣли. Мы хотѣли только показать, что обращеніе къ логикѣ не предполагаетъ того, что эта наука „сказала свое послѣднее слово“. Важно признать лишь принципиально, что функція предиката есть чисто логическая функція. Содержаніе этой функціи предварительно можно принимать и въ приведенной нами уже формулировкѣ Вундта³⁾, но самая невыясненность логической функціи предиката не можетъ служить возраженіемъ противъ нашего тезиса.

Намъ остается коснуться еще одного важнаго пункта. Если мы признаемъ, что понятіе сказуемости имѣетъ чисто логическое содержаніе, то какъ же намъ избѣжать ошибокъ Вундта, ставшаго на путь параллелистическаго анализа грамматической и логической стороны предложенія—сужденія? Какъ намъ провести логическую точку зрѣнія на предикатъ въ безсубъектныхъ предложеніяхъ, гдѣ нѣтъ грамматическаго субъекта?

Вопросъ этотъ составляетъ основную задачу грамматическаго ученія о предложеніи и его членахъ. Признавъ, что понятія предиката и субъекта имѣютъ прежде всего логическое содержаніе, грамматика должна рѣшить вопросъ о томъ, какъ ей пользоваться этими понятіями. Очевидно, что она не можетъ ими пользоваться такъ сказать однообразно, т. е. понятіе предиката, сохраняя свои основные признаки, должно имѣть рядъ грамматическихъ характеристикъ. Не говоря уже о томъ, что сказуемое можетъ грамматически совершенно отсутствовать (чѣмъ, конечно, вовсе не уничтожается психо-

¹⁾ Нѣкоторое представленіе о немъ даетъ отмѣченная нами статья Вингельбанда въ „Прелюдіяхъ“.

²⁾ Положительныя задачи философіи. Т. II, стр. 30—54.

³⁾ Sigwart (Logik. В. I. S. 27, 29) считаетъ эту формулировку предварительно годной, какъ *эмпирию*.

логическая, а слѣдовательно и логическая наличность его),—оно можетъ имѣть самое разнообразное грамматическое выраженіе. Историческое изученіе различныхъ грамматическихъ формъ сказуемаго приводитъ къ любопытному психологическому факту, что минимумъ того, что должно быть выражено въ языкѣ—это сказуемое. Но значитъ ли это, что, говоря въ такомъ случаѣ о „сказуемомъ“, мы отступаемъ отъ основного содержанія этого понятія? Хотя логическое понятіе сказуемаго необходимо предполагаетъ понятіе подлежащаго, но это не значитъ, что въ грамматикѣ логическая характеристика понятія сказуемаго предполагаетъ наличность грамматическаго подлежащаго. Мнѣ кажется, что нѣтъ никакой методологической надобности доказывать изначальную двучленность безсубъектныхъ предложений (хотя она и очень вѣроятна): этого вовсе не требуетъ грамматическая характеристика понятій сказуемаго и подлежащаго. Предложеніе вовсе не тождественно съ сужденіемъ¹⁾,—и въ немъ вовсе не должны быть выявлены всѣ члены сужденія. Совершенно справедливо замѣчаетъ Липпсъ²⁾, что „отношеніе между представленіемъ предиката, состоящее въ томъ, что первый требуетъ второго или понуждаетъ насъ осуществить его, не связано съ сознательнымъ присутствіемъ этихъ представленій“; они могутъ находиться за порогомъ сознанія. Устраняетъ ли это однако примѣнимость и къ послѣднему случаю логическаго анализа? Очевидно, что нѣтъ. Психологически необходимо лишь, чтобы то, чѣмъ заполнено сознаніе въ такой моментъ, было, какъ говоритъ Липпсъ, косвенно связано съ субъектомъ и предикатомъ. *То же мы должны сказать и о предложениіи.* То, что доступно грамматическому анализу, можетъ подлежать логической характеристикѣ либо само по себѣ, либо въ связи съ тѣмъ, что находится за „порогомъ грамматическаго сознанія“. Не нужно забывать, что „реальная полнота явленій языка“, какъ выражается Dittrich³⁾, не исчерпывается тѣмъ, что изучаетъ грамматика. Поэтому, если въ иныхъ случаяхъ грамматическій анализъ предложенія не расходится съ логической характеристикой его, то

¹⁾ Липпсъ (Логика, стр. 32—33, § 51, 56, 57) даетъ очень любопытный перечень различныхъ отношеній предложеній къ „выражаемымъ“ ими сужденіямъ

²⁾ Липпсъ. Логика. Стр. 33.

³⁾ Grundzüge der Sprachpsychologie. S. 47.

возможно, конечно, что въ другихъ случаяхъ онъ разоидется. Случаи расхожденія не особенно рѣдки въ литературной, вообще письменной рѣчи, но живая рѣчь, особенно тѣхъ, кто испыталъ слабое воздѣйствіе литературнаго языка, порой поразительно „неправильна“: нныя фразы не кончаются, состоятъ только изъ подлежащихъ, или сказуемыхъ, даже второстепенныхъ частей предложенія, и все же въ нихъ можетъ биться логически безукоризненная мысль. Какъ ни затруднителенъ синтаксическій анализъ живой рѣчи, но если однако онъ возможенъ, то лишь въ томъ случаѣ, если синтаксическія понятія подлежащаго, сказуемаго и т. д. не теряютъ своего опредѣленнаго содержанія. Другими словами, неправильная живая рѣчь можетъ синтаксически анализироваться *лишь по аналогіи* съ „правильной“ рѣчью, т. е. такой, въ которой не расходятся грамматическій и логическій анализъ.

Вундтъ напрасно говоритъ о томъ, что возможно несовпаденіе логическаго и грамматическаго субъекта и т. д. Объясняя это несовпаденіе посторонними мотивами (см. *Völkerpsychologie*. В. I, Th. II, S. 267), онъ самъ подчеркиваетъ, что „несовпаденіе“ имѣетъ здѣсь мѣсто между даннымъ, опредѣленнымъ конкретнымъ мышленіемъ и тѣмъ мышленіемъ, которое должно было бы быть. Сама *мысль* человѣка можетъ принимать „неадекватную“ форму, — и логически безукоризненное, не требующее поправокъ мышленіе вообще составляетъ идеаль, а не фактъ. Поэтому логическій анализъ конкретнаго, дѣйствительно имѣвшаго мѣсто мышленія (а не того, которое должно было быть) можетъ расходиться съ грамматическимъ не въ томъ смыслѣ, что логическій субъектъ будетъ выраженъ грамматическимъ сказуемымъ и наоборотъ, а въ томъ, что часто въ грамматическомъ анализѣ не хватаетъ того, что даетъ логическій анализъ (напр. нѣтъ особаго слова для подлежащаго) — или же рѣчь, грамматически анализируемая лишь по аналогіи съ правильной рѣчью, должна быть взята во всей „реальной полнотѣ явленій языка“, чтобы вмѣстить въ себя логическій анализъ.

Этими замѣчаніями, опирающимися главнымъ образомъ на отлччіе конкретнаго мышленія отъ мышленія, „какъ оно должно быть“ намѣчается лишь *путь* для разрѣшенія массы отдѣльныхъ недоразумѣній въ вопросѣ о согласіи логическаго и грамматическаго анализа, — но для насъ и этого достаточно.

Подведемъ теперь общіе итоги.

Мы видѣли, что дать чисто грамматическое опредѣленіе сказуемаго невозможно; это вытекаетъ прежде всего изъ текучести той формы, въ какой находятъ свое выраженіе сказуемое. Разъ нельзя оторвать понятіе сказуемаго отъ понятія сказуемости (такъ какъ это было бы смѣшеніемъ абстракцій съ подлинной синтаксической реальностью), то нельзя съ грамматической точки зрѣнія провести дѣйствительную, а не условную границу между атрибутивными и предикативными предложеніями. Вотъ почему съ сравнительно-грамматической точки зрѣнія нельзя установить того, безъ чего невозможно опредѣленіе сказуемаго: нельзя установить *объема* этого понятія. Правда, стоя на почвѣ формальныхъ языковъ, мы могли бы сказать, что глаголь есть *minimum* того, что необходимо для наличности предложенія, но какіе *грамматическіе* мотивы могли бы дать основаніе для того, чтобы отождествлять понятія глагола и сказуемаго и изъ указанного факта извлекать опредѣленіе сказуемаго для индо-европейскихъ языковъ? Развѣ грамматика не могла бы безъ всякаго ущерба устранить понятіе сказуемаго и просто учить о семасіологическихъ судьбахъ глагола, какъ то предлагаетъ напр. Добіашъ¹⁾? „Грамматическое подлежащее есть такое же семасіологическое дополненіе глагола, какъ и многія другія“, пишетъ онъ²⁾. Съ этой точки зрѣнія совершенно лишнее учить и о сказуемомъ: „если совсѣмъ отказаться отъ членовъ предложенія, то уясненіе языка вовсе не страдаетъ“, говоритъ Добіашъ.

Нельзя не признать послѣдовательности въ этихъ несомнѣнныхъ блужданіяхъ грамматической мысли. Если желать мечту найти „языковую природу“ предложенія и его членовъ, то нужно совсѣмъ отказаться отъ этихъ понятій: перейти отъ ученія объ отдѣльныхъ словахъ къ ученію о предложеніи и его членахъ нельзя, оставаясь на почвѣ грамматики и не учитывая тѣхъ психологическихъ и логическихъ мотивовъ, которые играютъ роль въ образованіи предложенія. Это становится особенно ясно тамъ, гдѣ руководить нами при анализѣ предложенія могутъ лишь психологическіе и логическіе признаки его, напр. въ случаяхъ безглагольныхъ предложеній. Тотъ

¹⁾ Добіашъ. Опытъ семасіологии частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка.

²⁾ Добіашъ Стр. 177.

же фактъ, что мы въ нашихъ языкахъ сразу „чувствуемъ сказуемость“, очевидно нисколько не говоритъ противъ необходимости пользоваться хотя бы психологической характеристикой этого понятія. Наоборотъ: разъ необходимо „чувствовать“ сказуемость, значитъ необходимо принимать во вниманіе психологическіе признаки ея...

Съ грамматической точки зрѣнія нельзя было бы опредѣлять функцію сказуемаго тѣмъ, что оно необходимо для образованія предложенія, такъ какъ построеніе понятія сказуемаго *до* понятія предложенія очевидно нелѣпо,—а въ предѣлахъ предложенія нѣтъ *грамматическихъ* признаковъ того, что было необходимо для его образованія.

Итакъ грамматика, опредѣляя функцію сказуемаго, должна воспользоваться указаніями психологій и логики. Но мы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, что понятіе сказуемости не имѣетъ психологическихъ признаковъ, хотя, конечно, имѣетъ психологическую характеристику. Сказуемость не можетъ быть понята психологически потому, что, опредѣляя функцію, мы должны главнымъ образомъ отвѣтить, *для чего* она служитъ. Какъ бы ни была разнообразна ея форма, но это не можетъ устранить вопроса о тѣхъ цѣляхъ, которыя достигаются въ ней. Опредѣлить сказуемость, какъ завершеніе процесса апперцепціи въ созданіи ея второго члена, какъ привнесеніе въ матеріаль предложенія момента дѣятельности по аналогіи съ нашимъ „я“ и т. д., это значитъ избѣгать вопроса о функціи сказуемаго. Развѣ въ этомъ дѣйствительно его функція? То, что мы представляемъ себѣ, когда переживаемъ сказуемость, зачастую состоитъ, конечно, въ представленіи дѣятеля и дѣятельности, но конкретность этой оболочки мышленія не означаетъ, что мышленіе наше исчерпывается суммой переживаемыхъ образовъ. Лишь логическая точка зрѣнія, трактующая о цѣляхъ и результатахъ мышленія, открываетъ передъ нами функцію сказуемаго, говоритъ о роли сказуемости въ образованіи предложенія. И это понятно уже изъ того, что спрашивать о функціи сказуемаго—значитъ спрашивать о томъ, что достигается въ сказуемомъ. Вотъ почему на этотъ вопросъ не можетъ быть *психологическаго* отвѣта: можно было бы говорить только о грамматической функціи сказуемаго (но мы видѣли, что въ дѣйствительности это неосуществимо для грамматики), или о логической его функціи; *tertium non datur*.

Нужно принять во внимание, что логическая точка зрѣнія и есть собственно психологическая, но задающаяся вопросомъ о цѣляхъ и результатахъ мышленія. Психологія мышленія ставитъ себѣ цѣлью описаніе и истолкованіе того, какъ, въ какихъ формахъ, при какихъ условіяхъ протекаетъ мышленіе; всѣ же вопросы о томъ, каковы цѣли и результаты мышленія, изучаетъ логика. Вотъ почему психологическая проблема сказуемости заключается въ анализѣ того, какъ переживается сказуемость, но не въ уясненіи ея функціи. И если бы понятіе сказуемаго можно было построить, не разрѣшая вопроса о функціи сказуемаго, то для этого вполне достаточной оказалась бы психологическая характеристика его. Признавъ же, что понятіе сказуемаго опредѣлимо лишь въ его функціи, мы тѣмъ самымъ неизбѣжно становимся передъ дилеммой—дать либо грамматическое, либо логическое опредѣленіе сказуемаго. Невозможность дать чисто грамматическое опредѣленіе сказуемаго, тѣмъ самымъ рѣшаетъ эту дилемму въ пользу логической точки зрѣнія.

Не возвращаемся ли мы въ такомъ случаѣ къ логической грамматикѣ? Кажется, что изъ предшествующаго изложенія должно быть ясно, что отношеніе логики къ грамматикѣ не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ понимаемо въ духѣ Беккера. Грамматика нуждается въ логикѣ для опредѣленія основныхъ синтаксическихъ понятій, но эта зависимость не растворяетъ синтаксическій анализъ въ логическомъ, какъ это было у Беккера. Главнымъ отличіемъ современнаго синтаксическаго анализа является то, что онъ опирается на изученіе психологической стороны рѣчи, что онъ принимаетъ во вниманіе всю ткань тѣхъ представленій, чувствъ, которыя входятъ въ реальный составъ явленій языка. Вотъ почему возвращеніе къ логическому опредѣленію основныхъ синтаксическихъ понятій вноситъ лишь необходимыя поправки и дополненія къ современному анализу рѣчи,— а главное реабилитируетъ значеніе логическихъ признаковъ въ характеристикѣ явленій рѣчи. Фактически синтаксисъ и такъ не обходится безъ помощи логики въ своемъ анализѣ, но нѣтъ ничего опаснѣе случайныхъ обращеній къ логикѣ. На нашей проблемѣ мы видѣли, что по вопросу объ отношеніи грамматики къ психологіи и логикѣ царитъ страшная путаница, что подъ именемъ грамматическаго анализа часто даютъ либо психологическій либо логическій. Необходимость точнаго разграниченія понятій, точнаго выясненія

состава грамматической точки зрѣнія на языкъ и учитыванія того, что привноситъ въ грамматику психологія и логика,—вотъ тотъ общій выводъ, который намъ хотѣлось бы считать итогомъ нашей работы.

В. В. Зыльковскій.

Пушкинъ и Гёте.

Эпоха романтизма и бурныхъ стремленій.

1. Гете.

Но оба гениальные поэта недолго оставались на плоской почвѣ авакреонтизма. Его поверхностность и материализмъ могли удовлетворять ихъ развѣ въ самой зеленой юности. Вскорѣ почувяли они пробужденіе могучихъ силъ своей природы. Важнѣйшіе запросы человѣчества стали и ихъ достояніемъ, привлекли и ихъ вниманіе. Расправивъ орлиныя крылья, они смѣло направили свой полетъ въ высочайшія сферы человѣческаго духа. Постараемся намѣтить хотя важнѣйшія точки, которыхъ эти гениальные умы достигали въ своемъ пареніи.

Въ то время тяжелый гнетъ тяготѣлъ надъ личностью, въ особенности, если она не была дворянской крови. Всѣ пути для проявленія ея духовныхъ силъ были или закрыты, или крайне затруднены. Въ государственной жизни царилъ деспотизмъ правителей и господствующихъ классовъ. Въ жизни общественной человѣкъ наталкивался на часто непроницаемыя перегородки, созданныя сословными и религіозными различіями. Такъ обстояло съ дѣятельностью практической, но и въ болѣе отвлеченной области духъ не встрѣчалъ желаемой свободы. Вся цивилизація эпохи носила односторонній, раціоналистическій характеръ. Въ религіи торжествовалъ ортодоксальный догматизмъ. Раціонализмъ пропитывалъ освободительную философію и социальныя науки. Даже въ поэзіи, даже въ лирикѣ, своихъ исконныхъ владѣніяхъ, чувство было, сколь возможно, стѣснено. Оно должно было изливаться по правиламъ въ одѣ и приспособляться къ единствамъ въ драмѣ. Немудрено, что

каждая даровитая личность чувствовала себя крайне стѣсненной. Вдвойнѣ тяжелѣе приходилось людямъ незнатнаго происхожденія, которые подвергались болѣе значительнымъ ограниченіямъ въ государственной и общественной дѣятельности.

Наконецъ, сильное своимъ богатствомъ, численностью, изобиловавшее талантами третье сословіе почувствовало свою мощь и рѣшилось раздвинуть сферу своей дѣятельности. Оно выдвинуло борцовъ изъ своей среды, нашло себѣ вождей и въ другихъ сословіяхъ: дѣло, имѣющее будущее, всегда найдетъ достаточно дальновидныхъ сторонниковъ. Цѣлью его усилій сдѣлалось разрушеніе этой ненавистной ему, стѣснявшей свободное развитіе его генія, этой обдѣлившей его цивилизаціи. Такъ вспыхнула великая революція, проявившаяся, впрочемъ, различно въ разныхъ странахъ, въ зависимости отъ національнаго характера охваченныхъ ею народностей и другихъ историческихъ условій. Во Франціи она произвела политическій переворотъ, потрясшій въ ихъ основаніи всѣ европейскія государства. Въ Германіи-же она проявилась въ особомъ умственномъ и литературномъ движеніи, носящемъ названіе „Sturm = und Drangperiode“, которое высоко подняло значеніе нѣмецкой литературы и завоевало ей вниманіе образованныхъ людей всѣхъ народовъ.

Свободы! Свободы! сдѣлалось общимъ кликомъ челоуѣчества. Свобода стала его лозунгомъ во всѣхъ областяхъ его дѣятельности. Но для кого-же она завоевывалась? Смотря по широтѣ сердца борца, для личности единичной или и для личности коллективной, для народа. Такъ, на первыхъ-же порахъ въ новомъ движеніи возникли индивидуализмъ и націонализмъ. Но что-же является у челоуѣка наиболѣе индивидуальнымъ? Было рѣшено, что чувство. „Что знаю я, можетъ знать всякій;—мое сердце принадлежитъ мнѣ одному“, рѣшаетъ Вертеръ. „Чувство—все“, провозглашаютъ Гердеръ и Гете. Но свобода—понятіе отрицательное. Оно требуетъ разрушенія стѣснительныхъ для личности старыхъ формъ жизни, но не указываетъ новыхъ. Между тѣмъ какія-либо формы неизбѣжны, онѣ появятся сами собой. Нужно постараться, чтобы онѣ были не хуже прежнихъ. Гдѣ-же искать наилучшихъ? Старая цивилизація казалась негодною въ корнѣ, не думали болѣе о ея частичной перестройкѣ, рѣшились возвратиться къ природному состоянію, исходному пункту всякой цивилизаціи. Такъ возникаетъ культъ природы. Умѣть прислуши-

ваться къ ея голосу, слѣдовать ея внушеніямъ—вотъ высшая мудрость человѣка. Отсюда вниманіе и любовь къ классамъ и народамъ, живущимъ простою, безыскусственною, близкою къ природѣ жизнью. Отсюда же и культъ генія, т. е. необыкновенно одареннаго отъ природы человѣка. Свободный отъ предвзятостей извращенной культуры, прислушиваясь лишь къ голосу самой природы, говорящей въ немъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ людяхъ, именно геній призванъ быть основателемъ и законодателемъ новой, совершеннѣйшей цивилизаціи. Такъ, имѣемъ мы всѣ важнѣйшія черты Sturm und Drang'a: индивидуализмъ, націонализмъ, культъ чувства, природы и ея любимаго дитяти—генія.

Конечно, ни анакреонтизмъ, ни туманы средневѣковой каббалистики не могли удовлетворить Гете или особенно способствовать развитію его духа и творчества. Зато когда Гердеръ, одинъ изъ главнѣйшихъ родоначальниковъ новаго движенія, ознакомилъ поэта съ существеннѣйшими положеніями своего ученія, геній Гете вернулся во всемъ своемъ блескѣ и сразу вознесъ его на міровую высоту.

Новые взгляды молодой поэтъ усвоилъ себѣ въ 1770—71 годахъ въ Страсбургѣ, гдѣ онъ заканчивалъ свое университетское обученіе. Прежде всего они высказываются въ статьяхъ о нѣмецкой архитектурѣ, отрывки которыхъ принадлежатъ еще къ страсбургской эпохѣ жизни Гете ¹⁾. Въ нихъ онъ проводитъ мысль, что лишь чувство, настроеніе создаетъ художника, и ратуетъ за національное искусство. Въ томъ-же году (или годомъ позже) были написаны поэтомъ двѣ статьи по религіознымъ вопросамъ: „Письмо пастора при*** къ пастору при****“ и „Два важные еще не разъясненные библейскіе вопроса, впервые основательно рѣшенные однимъ сельскимъ священникомъ изъ Швабін“ ²⁾. Онѣ привлекли на ихъ автора вниманіе знаменитаго въ то время проповѣдника Лафатера именно потому, что Гете въ нихъ первенствующее мѣсто въ религіи отводитъ чувству. Вслѣдъ за Гердеромъ, въ довѣрціи къ себѣ, къ правильности своего чувства, онъ восклицаетъ: „Вѣра есть ощущеніе божественной любви, чувство—все“. И лирическія произве-

¹⁾ Heinemann, стр. 125

²⁾ Ib., стр. 123.

денія, писанныя въ Страсбургѣ, вѣрны этимъ завѣтамъ. По содержанию они стремятся выразить состояніе души поэта, а по формѣ—приблизиться къ народной пѣснѣ. Насколько это стремленіе удалось, показываетъ слѣдующій фактъ. Одну изъ своихъ пѣсенокъ Гете передалъ Гердеру въ числѣ другихъ народныхъ пѣсень, и Гердеръ, нисколько не сомнѣваясь въ ея подлинности, помѣстилъ и ее въ своемъ сборникѣ произведеній народной поэзіи.

Гораздо болѣе значенія и для самого поэта и для германской литературы имѣла появившаяся въ печати лѣтомъ 1773 г. трагедія „Гецъ фонъ Берлихингенъ“. Первая мысль о ней явилась у Гете еще въ Страсбургѣ. Въ декабрѣ 1771 г. былъ уже готовъ первый набросокъ ея подъ названіемъ: „Исторія Готфрида фонъ Берлихингенъ“. Подъ вліяніемъ Гердера она подверглась значительной переработкѣ, закончившейся лишь въ февралѣ 1773 г.

Прежде всего эта трагедія—произведеніе вполне національное: 1) сюжетъ ея заимствованъ изъ эпохи, чрезвычайно важной въ исторіи Германіи, 2) въ ея героѣ Гете идеализировалъ одного изъ послѣднихъ представителей рыцарства, которое является однимъ изъ характернѣйшихъ явленій германскаго средневѣковья. Онъ ставитъ даже въ причинную связь паденіе политическаго могущества Германіи съ упадкомъ рыцарства. Его императоръ цѣнитъ Геца, Зельбица и Сикингена. именно какъ опору своей военной мощи. „Я очень хотѣлъ бы“.—говоритъ онъ Вейслингену пощадить этихъ людей. Они храбры и благородны. Если бы я велъ войну, они были бы со мной въ полѣ“¹⁾. Поэтъ восхваляетъ „достоинство свободнаго рыцаря, который зависитъ лишь отъ Бога, своего императора и себя самого“²⁾. Онъ думаетъ, что, если бы всѣ походили на его героя, то тогда именно и наступилъ бы для Германіи золотой вѣкъ. „Да здравствуетъ свобода! И если она насъ переживетъ“,—говоритъ Гецъ соратникамъ.—„мы можемъ умереть спокойно. Вѣдь мы духовно видимъ счастливыми нашихъ внуковъ и императоровъ нашихъ внуковъ. Если бы слуги служили князьямъ такъ благородно и свободно, какъ вы мнѣ, если бы князья служили императору такъ, какъ я служилъ бы ему.

¹⁾ Gœthes-Werke. Bd. 8. Стр. 82.

²⁾ Ib., стр. 31.

Тогда (все) было бы совершенно иначе“, доканчиваетъ Георгъ ¹⁾). Но эта блаженная пора не настала. Усплія духовенства, ученыхъ юристовъ ²⁾, князей ³⁾, торговаго и промышленнаго сословія, представляемаго имперскими городами ⁴⁾, сломили силу рыцарства. Этимъ поэтъ объясняетъ упадокъ нѣмецкаго могущества. Умирающій Гецъ, предсказывая печальную судьбу Германіи, высказываетъ собственныя мысли автора: „Умри, Гецъ! Ты пережилъ самого себя, пережилъ благородныхъ. Наступаютъ времена обмана, ему дана свобода. Негодяи будутъ править помощью хитрости и благородный упадетъ въ ихъ сѣти“. „Благородный мужъ!“ восклицаетъ Гете устами Маріи. „Благородный мужъ! Горе вѣку, который отвергъ тебя“ ⁵⁾! И это мнѣніе не только героевъ піесы, но и самого автора. 28 ноября 1771 года онъ пишетъ Зальцману: „Я драматизирую исторію благороднѣйшаго мужа, спасаю память доблестнаго чловѣка“ ⁶⁾.

Наконецъ, и восхищеніе, съ которымъ эта драма была встрѣчена въ Германіи и которое она до сихъ поръ вызываетъ у нѣмецкихъ читателей, показываетъ, что поэтъ сумѣлъ затронуть интимнѣйшія струны нѣмецкаго сердца. Это лучше всего подтверждаетъ, что „Гецъ фонъ Берлихингенъ“—произведеніе глубоко національное.

Далѣе, въ своей драмѣ Гете является борцомъ за свободу творчества. Онъ отвергаетъ условныя правила неоклассическаго театра, не обращаетъ вниманія даже на необходимѣйшія требованія сцены. Слѣдуя лишь порывамъ творческаго воображенія, онъ пишетъ „Lesedrame“, въ которой не только не соблюдены единства мѣста и времени, но нѣтъ и единства дѣйствія. Въ противовѣсъ неоклассицизму, избѣгавшему ужасныхъ сценъ и тогда, когда онѣ были необходимы по ходу піесы, онъ наполняетъ „Геца“ всякаго рода злодѣйствами. И въ переработанномъ видѣ она приводила въ негодованіе Лессинга массой эпизодическихъ лицъ и происшествій.

¹⁾ Ib., стр. 114.

²⁾ Ib., стр. 34—41.

³⁾ Ib., стр. 113.

⁴⁾ Ib., стр. 57 и 80—81.

⁵⁾ Ib., стр. 169.

⁶⁾ Ib., Abt. IV, Briefe, Bd. 2, стр. 7.

Что жъ бы сказалъ онъ, если бы прочелъ „Исторію Готфрида“? Въ ней мы находимъ еще другіе, откинутые впослѣдствіи эпизоды: любовь къ Адельгейдѣ Сикингена, цыганскаго юноши, внезапную страсть мстителя, посланнаго тайнымъ судомъ. Рядъ сценъ оказался впослѣдствіи выброшенъ: „Рейхстагъ въ Аусбургѣ“¹⁾, „Ночь. Дикій лѣсъ. Францъ. Сикингенъ. Рыцари“²⁾, „Прихожая Адельгейды.— Францъ.— Адельгейда. Сикингенъ.— Вейслингенъ. Адельгейда“³⁾, „Тюрма. Готфридъ. Елизавета“⁴⁾, „Замокъ Вейслингена. Адельгейда. Францъ“⁵⁾, „Тамъ-же. Елизавета. Марія“⁶⁾, „Спальня Адельгейды. Убійцы“⁷⁾. Другія замѣнены новыми и подверглись значительнымъ измѣненіямъ для приданія піесѣ большаго единства: „Ночь. Дикій лѣсъ. Цыганки.— Полковникъ. Четыре цыгана.— Адельгейда“⁸⁾, „Ночь. Полуразрушенная часовня“⁹⁾, „Прихожая Адельгейды. Францъ. Адельгейда“¹⁰⁾, „Замокъ Адельгейды. Адельгейда. Францъ въ ея объятіяхъ“¹¹⁾, „Замокъ Вейслингена. Вейслингенъ.— Марія.— Дѣвушка“¹²⁾, „Гостинница. Марія. Лерзе“¹³⁾. Мало того, „Готфридъ“ наполненъ грубымъ, отталкивающимъ, ужаснымъ. Герои піесы— одинъ безъ руки, другой безъ ноги. Засосанный болотомъ солдатъ, грабежи, схватки, дикій цыганскій таборъ, необузданная, доходящая до насилія страсть цыгана къ Адельгейдѣ, страшныя жестокости возставшихъ крестьянъ, отравленіе Вейслингена, Франца, подробное изображеніе его конвульсій¹⁴⁾, удавленіе Адельгейды— все это мучитъ и гнететъ наше воображеніе, терзаетъ нашу душу. Многое изъ этого было выброшено и смягчено въ послѣдующей переработкѣ. Но въ томъ именно и заключалась заслуга Гете для

¹⁾ Gœthes-Werke. Bd. 39, стр. 79—84.

²⁾ Ib., стр. 146—148.

³⁾ Ib., стр. 162—165.

⁴⁾ Ib., стр. 165—167.

⁵⁾ Ib., стр. 168—169.

⁶⁾ Ib., стр. 169—170.

⁷⁾ Ib., стр. 182—184.

⁸⁾ Ib., стр. 140—145.

⁹⁾ Ib., стр. 148—154.

¹⁰⁾ Ib., стр. 154—156.

¹¹⁾ Ib., стр. 170—172.

¹²⁾ Ib., стр. 172—173.

¹³⁾ Ib., стр. 180—181.

¹⁴⁾ Объ этомъ см. ib., стр. 175.

своего времени, что онъ огонь вдохновенья, чувство, одушевляющее поэта, поставилъ выше разсудочныхъ правилъ. Эта масса лишнихъ сценъ, эпизодическихъ лицъ и происшествій истекаетъ изъ этого именно источника. Поэтому правъ Heinemann, когда цѣнить „Готфрида“, какъ выраженіе революціоннаго направленія въ литературѣ, извѣстнаго подъ именемъ Sturm und Drang'a, еще выше, чѣмъ „Геца“¹⁾. Любимую свою мысль, что чувству принадлежитъ первенствующая роль въ поэтическомъ творествѣ, Гете вложилъ и въ уста одного изъ героев драмы. „Такъ, я чувствую въ это мгновенье“ — восклицаетъ Францъ, — что дѣлаетъ поэтомъ? Полное, однимъ чувствомъ преисполненное сердце!“²⁾.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ проповѣдуемый этимъ произведеніемъ культъ личности. Гете самъ говоритъ о причинѣ своихъ симпатій къ Гецу: „Фигура грубаго благомыслящаго самоуправца въ эпоху дикой анархіи возбуждала мое глубочайшее сочувствіе“³⁾. Рассказывая объ общественныхъ стремленіяхъ литературы того времени, поэтъ иронизируетъ: „Ни съ какимъ внѣшнимъ врагомъ бороться не приходилось; тогда стали создавать себѣ тиранновъ, и для этого должны были послужить моделью сперва въ общемъ, а затѣмъ мало по малу и въ частностяхъ князья и ихъ придворные“⁴⁾. „Поскольку эта страсть захватила и меня, я стремился скорѣе же освободиться отъ нея въ „Гецѣ фонъ Берлихингенъ“, въ которомъ я изображалъ, какъ въ дикія времена благомыслящій и благородный человѣкъ рѣшился стать на мѣстѣ закона и исполнительной власти“⁵⁾. Такимъ образомъ поэтъ ставитъ личность выше государственно-правовыхъ отношеній. Ея внутреннее чувство уполномочиваетъ ее на все. Всякому, читавшему Геца, характеристика героя пьесы, данная Гете, не потребуетъ подтвержденій. Вся драма изображаетъ рядъ самоуправствъ Берлихингена, предпринимаемыхъ отчасти для возстановленія справедливости, отчасти чтобъ отомстить врагамъ и тѣмъ поддержать свое достоинство. Но не только „благомыслящія“ личности привлекали вниманіе и симпатіи молодого автора. Адельгейда, типъ хищной, честолюбивой и сладо-

¹⁾ Heinemann. Стр. 175.

²⁾ Gœthes-Werke. Bd. 8, стр. 50.

³⁾ *Ib.*, Bd. 27, стр. 321. „Dichtung und Wahrheit“, ч. II, кн. 10-я.

⁴⁾ *Ib.*, Bd. 28, стр. 142. „Dichtung und Wahrheit“, ч. III, кн. 12-я.

⁵⁾ *Ib.*, стр. 142.

страстной женщины, искусная интриганка, соблазнительница Сиккингена, Вейслингена, Франца, убійца обоихъ послѣднихъ,—не можетъ быть, конечно, причислена къ разряду таковыхъ. Между тѣмъ она явно пользуется любовью своего творца. „Къ концу“,—признается Гете,—„меня бессознательно увлекла удивительная страсть. Пока я старался изобразить Адельгейду достойной любви, я самъ влюбился въ нее. Невольно мое перо посвятило себя только ей, интересъ къ ея судьбѣ взялъ перевѣсъ, и такъ какъ Гець и безъ того къ концу (пѣсы) остается безъ дѣятельности и возвращается затѣмъ лишь для неудачнаго участія въ крестьянской войнѣ, то вполне естественно, что плѣнительная женщина вытѣснила его у автора, который, страшнувъ искусственныя оковы, думалъ испробовать себя на новомъ поприщѣ“¹⁾. Что же плѣнило въ этой фигурѣ ея автора? Очевидно, ей нельзя приписывать „благомысленность“, какъ Гецу. Нужно искать привлекшихъ его чертъ въ чемъ-то другомъ. Этими чертами являются мощь и энергія характера Адельгейды, грандіозность ея честолюбивыхъ замысловъ, смѣлость и рѣшительность, не останавливающіяся для ихъ достиженія ни передъ чѣмъ, словомъ, могучая индивидуальность героини. Это именно, наряду съ ея неотразимой красотой, и увлекаетъ идеальнаго рыцаря Сиккингена, который восклицаетъ, обращаясь къ Адельгейдѣ: „Ты живешь здѣсь въ кругу самыхъ горделивыхъ предпріятій!... Ты была бы достойна трона“²⁾. Эти слова можно считать выражающими взглядъ на героиню пьесы самого Гете.

Итакъ, это первое крупное произведеніе Гетевского Sturm und Drang'a обнаруживаетъ слѣдующія черты: введеніе національнаго элемента, освобожденіе поэтическаго чувства отъ необходимости считаться съ какими-бы-то ни было теоретически выведенными стѣснительными для него правилами, перенесеніе въ государственной жизни центра тяжести на личность, внутреннее убѣжденіе которой ставится выше закона, наконецъ, культъ могучей индивидуальности.

Шесть мѣсяцевъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ „Геца“ его авторомъ было начато другое произведеніе, составляющее какъ-бы дополненіе къ первому. Оконченное въ мартѣ 1774 года, оно по-

¹⁾ *Ib.*, стр. 199. „Dichtung und Wahrheit“ ч. III, кн. 13-я.

²⁾ *Ib.*, Bd. 39, стр. 163.

явилося въ печати лишь въ сентябрѣ того-же года и произвело еще большее впечатлѣніе, чѣмъ „Гецъ фонъ Берлихингенъ“. Мы имѣемъ въ виду знаменитый романъ въ письмахъ: „Страданія молодого Вертера“.

Никто не станетъ спорить, что Вертеръ глубоко націоналенъ. Прочувствованныя картины нѣмецкой природы, вѣрное изображеніе общественнаго строя Германіи, масса лицъ, какъ бы выхваченныхъ изъ окружающей поэта жизни, наконецъ созданіе такого типа, какъ Лотта, — все подтверждаетъ это. Примѣрная дочь, добродѣтельная невѣста, заботливая сестра, сентиментальная почитательница Клопштока¹⁾ и Оссіана²⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ образцовая хозяйка, сама нарѣзывающая дѣтямъ тартинки и посылающая Вертера съ шестомъ на дерево сбивать плоды, она до сихъ поръ привлекаетъ къ себѣ всѣ симпатіи нѣмецкихъ критиковъ и читателей, рисуясь для многихъ изъ нихъ недосыгаемымъ идеаломъ³⁾. И разлитая по всему произведенію преувеличенная чувствительность также легче всего найдетъ дорогу именно къ нѣмецкому сердцу.

Но для насъ важнѣе всего то новое, что „Вертеръ“ даетъ сравнительно съ „Гецомъ“. Гецъ видитъ причину всѣхъ бѣдъ лишь во властолюбіи князей и епископовъ. Пусть лишь вновь появятся вѣскольکو благородныхъ князей, какихъ Гецъ знавалъ ранѣе, — и Германія вновь исполнится благоденствія⁴⁾. Все дѣло такимъ образомъ въ личности, а не въ системѣ. Вертеръ же борется противъ самой цивилизаціи своего времени. Ея представитель, болѣе культурный слой общества, подвергается его беспощаднымъ насмѣшкамъ. Люди интеллигенціи кажутся ему неразумными дѣтьми, которыя сами не знаютъ, чего они хотятъ, и что имъ нужно: „Они, словно дѣти, шатаются кругомъ по земному шару и, какъ тѣ, не знаютъ, откуда они пришли и куда они идутъ, такъ же мало стремятся къ истиннымъ цѣлямъ, такъ же управляются помощью бисквитовъ, пирожныхъ и березовыхъ розогъ. Этому никто не хочетъ вѣрить, а мнѣ кажется, это можно осязать руками“. „Они, словно дѣти, живутъ безтолково, таскаютъ вездѣ своихъ куколъ, одѣваютъ

¹⁾ Ibid., Bd. 19, стр. 36.

²⁾ Ibid. стр. 165—176.

³⁾ Heinemann, стр. 192.

⁴⁾ Goethes-Werke. Bd. 8, стр. 114—115.

и раздѣвають ихъ и съ большимъ почтеніемъ скользятъ вокругъ ящика, гдѣ мама заперла пирожныя, а если, наконецъ, захватятъ желаемое, то упишываютъ за обѣ щеки и кричатъ: „Еще!“... Они своимъ ничтожнымъ интересамъ или, пожалуй, страстямъ даютъ великолѣпныя названія и прописываютъ ихъ человѣческому роду, какъ чудовищныя операціи, (необходимыя) для его здравія и благополучія¹⁾. Итакъ, люди не знаютъ настоящихъ, достойныхъ цѣлей, они блуждаютъ вмѣсто того, чтобы идти правильнымъ путемъ. Ихъ идеалы и стремленія—не серьезное дѣло, а куклы и игрушки, громкія названія которыхъ служатъ лишь прикрытіемъ ихъ пустоты или, еще хуже, недобросовѣстности. Вертеру душно и тяжело въ этомъ обществѣ, въ этой „темницѣ“²⁾, въ этомъ „печальномъ гнѣздѣ“³⁾. „Не распространяй этого“, заканчиваетъ юноша одно изъ своихъ писемъ другу: „Есть люди, которые истолкуютъ это въ худую сторону“⁴⁾. „Я завязалъ всяческія знакомства“,—начинаетъ онъ другое,—„но общества еще не нашелъ“⁵⁾. „Мнѣ встрѣчались порой на пути нныя кривляки-оригиналы, въ которыхъ все несносно, но невыносимѣе всего ихъ изъявленія дружбы“⁶⁾. „Какъ изсохли мои чувства!“ восклицаетъ онъ, измученный суетой и пустотой окружающихъ его: „Ни мгновенья полноты сердца! ни одного блаженнаго часа! ничего! ничего! Я стою, словно предъ ящикомъ съ рѣдкостями, и смотрю, какъ человѣчки и лошадки движутся предо мной, и часто спрашиваю себя, не оптическій-ли это обманъ. Я играю съ ними, или скорѣе, со мной играютъ, какъ съ маріонеткой; я хватаю иной разъ моего сосѣда за деревянную руку и съ ужасомъ отскакиваю“⁷⁾. „За все время, которое я (нахожусь) здѣсь“,—жалуется Вертеръ въ другой разъ,—„на небѣ не появилось для меня ни одного прекраснаго дня, котораго бы мнѣ кто-нибудь не испортилъ и не сдѣлалъ противным“⁸⁾. Всю дѣятельность этого общества онъ сводитъ къ нулю, находитъ ее равно-

¹⁾ Gœthes-Werke. Bd. 19, стр. 15.

²⁾ Ib., стр. 16.

³⁾ Ib., стр. 96.

⁴⁾ Ib., стр. 10.

⁵⁾ Ib., стр. 11.

⁶⁾ Ib., стр. 14.

⁷⁾ Ib., стр. 96—97.

⁸⁾ Ib., стр. 98.

сильной безцѣльному считанію гороха или чечевицы: „Моя мать, говоришь ты, желала-бы отъ меня дѣятельности. Это заставило меня разсмѣяться. Развѣ я теперь не дѣятельнѣ? И въ сущности не все-ли равно: считаю-ль я горохъ или чечевичу? Все на свѣтѣ сводится къ вздору“¹⁾. Но все это относится лишь къ интеллигенціи. Ея суетѣ Вертеръ противопоставляетъ истинную, жизненную дѣятельность и довольство бюргера, превращающаго свой садикъ въ рай рабочаго, который, задыхаясь, несетъ свою ношу²⁾. „Вы.. мнѣ такъ много напѣли о дѣятельности. Дѣятельность“! ironically восклицаетъ герой романа: „Если тотъ, кто садитъ картофель и вздиръ въ городѣ продавать свою рожь, дѣлаетъ не больше, чѣмъ я, то я готовъ еще десять лѣтъ отработать на этой галерѣ, къ которой я теперь прикованъ“³⁾.

Но въ чемъ-же причины недовольства Вертера современнымъ образованнымъ обществомъ? Онъ является борцомъ за попираемыя тѣмъ права личности, чувства и природы.

Больше всего возмущаетъ героя недостатокъ въ общественной жизни свободы. „Капелька свободы, которая имъ осталась, такъ пугаетъ ихъ, что они изыскиваютъ всѣ средства отдѣлаться отъ нея“⁴⁾. Онъ не хочетъ служить, такъ какъ его возмущаетъ то, которое налагается общественными условіями на каждаго общественнаго дѣятеля⁵⁾. Особенно приводятъ Вертера въ негодованіе сословныя различія. „Что меня болѣе всего раздражаетъ“, — сознается онъ другу. — „такъ это фатальныя гражданскія отношенія (die fatalen bürgerlichen Verhältnisse). Хотя я хорошо знаю, какъ необходимо различіе сословій, какъ много преимуществъ оно создало мнѣ самому, но только оно не должно стоять мнѣ на дорогѣ какъ разъ (тамъ), гдѣ я могъ-бы еще насладиться каплей радости, отблескомъ счастья на этой землѣ“⁶⁾. Положимъ тутъ нѣтъ рѣшительнаго отверженія сословности, какъ у Руссо. Вертеръ непрочь сохранить свои преимущества и раздражается лишь тогда, когда чужія преимущества становятся поперекъ дороги ему самому. Но направляя

¹⁾ *Ib.*, стр. 56.

²⁾ *Ib.*, стр. 15.

³⁾ *Ib.*, стр. 93.

⁴⁾ *Ib.*, стр. 12.

⁵⁾ *Ib.*, стр. 56, 93.

⁶⁾ *Ibid.* стр. 94.

свои усилія противъ всеильнаго и высокоумнаго дворянства, онъ этимъ служить общему дѣлу равенства. „Эта нація ему противна“¹⁾. Онъ обзываетъ ее „дворянскимъ пометомъ“. Портреты лицъ высшаго круга, которые набрасываетъ Вертеръ, лучше всего рисуютъ его отношенія къ дворянству. Все ставится имъ въ упрекъ—не только нравственные, но и физическіе недостатки, даже скудость матеріальныхъ средствъ²⁾. Негодованіе героя поднимается до крайнихъ предѣловъ послѣ скандала на вечерѣ у графа К*, когда его попросили удалиться изъ титулованнаго общества. Причиной скандала было высокое мнѣніе Вертера о личномъ достоинствѣ человѣка. Ему и въ голову не приходило, что подчиненному человѣку, незнатному не мѣсто среди аристократовъ. Гордый своими талантами и довѣріемъ графа, своего начальника, онъ никакъ не ожидалъ возможности столь позорнаго приглашенія³⁾. Возбѣшенный обидой, онъ исполняется жаждой мести и крови: „Я бѣсновался про себя. Я хотѣлъ, чтобы кто-нибудь осмѣлился упрекнуть меня въ этомъ для того, чтобы я могъ проколоть ему тѣло шпагой; если-бы я увидѣлъ кровь, мнѣ стало-бы легче“⁴⁾

Но и въ другихъ случаяхъ Вертеръ является всегда защитникомъ права личности на самоопредѣленіе въ самомъ широкомъ смыслѣ. Онъ требуетъ невмѣшательства окружающихъ въ ея жизнь и дѣятельность: „Я охотно предоставляю другимъ идти своей дорогой, если-бъ только и они могли предоставить мнѣ идти своей“⁵⁾. Цѣлыя страницы посвящены защитѣ часто оспариваемаго права человѣка располагать своею жизнью⁶⁾. Онъ пытается обезоружить своего главнаго противника въ этомъ вопросѣ—христіанство: „Могъ-ли бы сердиться отецъ — человѣкъ, если-бы его неожиданно вернувшійся сынъ бросился ему на шею и воскликнулъ: я опять тутъ, мой отецъ! Не сердись, что я прервалъ путешествіе, которое я долженъ былъ согласно твоей волѣ продолжать далѣе. Міръ вездѣ одинаковъ, за трудомъ и работой (слѣдуетъ) награда и радость; но что мнѣ въ этомъ? Мнѣ хорошо лишь (тамъ), гдѣ ты; предъ твоимъ лицомъ

¹⁾ *Ib.*, стр. 101.

²⁾ *Ib.*, стр. 93—95, 101—105.

³⁾ *Ib.* стр. 101—102.

⁴⁾ *Ib.* стр. 106.

⁵⁾ *Ib.*, стр. 94.

⁶⁾ *Ib.*, стр. 65—72, 106, 125, 159—160 и др.

хочу я страдать и наслаждаться. — А Ты, милый небесный Отецъ, неужели Ты оттолкнулъ-бы его отъ Себя“¹⁾? Здѣсь самоубійство выставляется даже заслугой, какъ стремленіе горячей любви сына къ скорѣйшему соединенію съ Отцомъ. Самъ Вертеръ доставляетъ своему сердцу все, что ему пожелается: „И я обхожусь съ моимъ сердечкомъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ; каждое желаніе дозволено ему“²⁾. Такъ поступать — естественнѣйшее побужденіе человѣчества. „Захватъ есть однако естественнѣйшее стремленіе человѣка. Развѣ дѣти не хватаютъ всего, что имъ взбредетъ въ голову“³⁾? Поэтому оно и не заслуживаетъ осужденія.

Дѣло доходить до оправданія насильственныхъ поступковъ надъ другими. Вертеръ несогласенъ съ мыслью Альберта, что есть дѣйствія безусловно дурныя, какими-бы причинами они не вызывались. Не шаблонъ обычной морали, внутреннее состояніе человѣка опредѣляетъ цѣну его поступка: хорошъ онъ или дуренъ? „Вы, люди“ — восклицаетъ онъ, — „говоря о чемъ-либо, тотчасъ должны изрекать: это глупо, это умно, это хорошо, а то дурно! А что говорить все это? Развѣ Вы изслѣдовали для этого внутреннія условія поступка? Умѣете-ли Вы съ опредѣленностью развить причины, почему оно случилось, почему должно было случиться? Если-бы вы знали это, вы не были-бы такъ поспѣшны съ вашими приговорами“⁴⁾. Эта теорія вскорѣ приводится въ дѣйствіе. Попытка влюбленнаго батрака силою овладѣть своею хозяйкой вызываетъ у Вертера полное сочувствіе, даже восторгъ. Сила и рѣшительность этой страсти кажется ему достойнымъ образцомъ подражанія. „Эта любовь, эта вѣрность, эта страсть такимъ образомъ не поэтической вымысль. Она живетъ, она существуетъ въ своей величайшей чистотѣ въ классѣ людей, который мы зовемъ необразованнымъ, грубымъ. Мы образованные — въ ничто преобразованные! Читай, мой милый, и думай при этомъ, что это исторія и твоего друга. Да, со мной такъ случилось, со мной такъ будетъ, а я и въ половину не такъ благороденъ, и въ половину не такъ рѣшителенъ, какъ этотъ бѣдный несчастливецъ, съ которымъ я почти не отваживаюсь себя

¹⁾ Ibid., стр. 133.

²⁾ Ibid., стр. 10.

³⁾ Ib., стр. 127.

⁴⁾ Ib., стр. 66.

сравнивать“¹⁾). Но мысль сравниться съ нимъ западаетъ Вертеру въ душу. Мы присутствуемъ при рядѣ его сомнѣній и колебаній. Иногда его намѣреніе силою овладѣть Лоттою кажется ему „естественнѣйшимъ побужденіемъ человѣчества“, и онъ ободряетъ себя примѣромъ дѣтей, хватающихъ все, что имъ понравится²⁾). Иногда же, повидимому, онъ признаетъ свое желаніе грѣхомъ, но тутъ-же въ раздумьи, какъ-бы сомнѣваясь, прибавляетъ: „грѣхъ-ли“³⁾? Наконецъ, колебанія кончаются, слѣдуетъ сцена поцѣлуя, возмущающая всю вѣрность долгу и душевную чистоту Лотты, затѣмъ разрывъ и самоубійство Вертера. Даже двойное убійство, совершенное отвергнутымъ работникомъ, вызываетъ въ героѣ романа сочувствіе главнымъ образомъ не къ жертвамъ, а къ виновнику преступленія: „Его охватило невыразимое желаніе спасти этого человѣка. Онъ чувствовалъ, что тотъ такъ несчастенъ, онъ находилъ его, какъ преступника, такимъ невиннымъ, онъ такъ глубоко входилъ въ его положеніе, что сталъ твердо вѣрить, что и другихъ убѣдить въ этомъ“⁴⁾). Культъ личности въ полномъ расцвѣтѣ. Личность Геца поставлена выше закона, Адельгейда, не смотря на свои преступленія, безсознательно для своего творца увлекаетъ его мощными чертами своего характера. Въ Вертерѣ человѣкъ ставится выше общественныхъ отношеній и перегородокъ, и дѣлается попытка смягчить строгія требованія обычной морали, приспособивъ ее къ единичному индивидууму. Его чувство дѣлается единственнымъ мѣриломъ нравственной цѣнности поступка.

Тутъ мы соприкасаемся съ областью чувства. И этотъ девизъ написанъ на знаменахъ Вертера. Онъ такъ переполненъ чувствомъ, что оно, если можно такъ сказать, брызжетъ изъ всѣхъ поръ его и иногда переходитъ въ приторнѣйшую чувствительность. Тому, кто читалъ этотъ романъ, подтвержденія не понадобятся. Отзывъ Вертера о самомъ себѣ вполне справедливъ. „А какъ часто я убаюкивалъ свою возмущенную кровь, пока она успокоится. Вѣдь ты не видалъ ничего столь неравномѣрнаго, столь непостояннаго, какъ это сердце. Милый! тебѣ-ли говорю это я, тебѣ, который такъ часто

¹⁾ *Ib.*, стр. 119.

²⁾ *Ib.*, стр. 127.

³⁾ *Ib.*, стр. 133.

⁴⁾ *Ib.*, стр. 146.

сносилъ бремя зрѣлища, какъ я отъ грусти переходилъ къ раздузданной веселости и отъ сладкой меланхоліи къ гибельной страсти“¹⁾?

Сердце его кумирь. Ему онъ дозволяетъ все и цѣнитъ его превыше всего. Онъ недоволенъ княземъ: „Онъ цѣнитъ мой умъ и мои таланты болѣе, чѣмъ это сердце, а оно моя единственная гордость, единственный источникъ всего, всѣхъ силъ, всѣхъ радостей и всей скорби. Ахъ, что я знаю, можетъ знать каждый—мое сердце имѣю я одинъ“²⁾! Чувство составляетъ всю силу генія. Поэтому ограничивающія чувство правила разсудка ограничиваютъ и геній. „Въ пользу правилъ можно сказать многое, приблизительно то же, что и въ похвалу гражданского общества. Человѣкъ, который воспитается на нихъ, никогда не создастъ чего-либо безвкуснаго или дурнаго, какъ и тотъ, кто позволяетъ себя формировать законамъ и приличіямъ, никогда не можетъ стать несноснымъ сосѣдомъ или выдающимся злодѣемъ. Но всякое правило, что бы тамъ ни говорили, разрушаетъ истинное чувство природы и истинное выраженіе его“³⁾. Поэтому человѣкъ, который, повинуваясь голосу разсудка, умѣрилъ проявленіе своего чувства, годенъ лишь въ чиновники—творческой мысли отъ него нечего ждать⁴⁾. Авторъ, исправляющій свое произведеніе въ угоду разсудочнымъ соображеніямъ, необходимо вредитъ себѣ: „Первое впечатлѣніе овладѣваетъ нашими симпатіями, а человѣкъ такъ устроенъ, что его можно убѣдить и въ самомъ удивительномъ... Горе тому, кто его (свое произведеніе) вновь выскрабываетъ и выглаживаетъ“⁵⁾.

Вертеръ вообще противъ книжнаго знанія и разсудочности. Онъ отказывается отъ книгъ, которыя предлагаетъ ему другъ, находя достаточнымъ имѣть „сердце, кипящее черезъ край“⁶⁾. „Человѣкъ разсудка“ для него порицаніе⁷⁾. И онъ очень не жалуется такихъ людей, въ особенности, если они кичатся своими знаніями.

¹⁾ Ib., стр. 10.

²⁾ Ib., стр. 111.

³⁾ Ib., стр. 17—18.

⁴⁾ Ib., стр. 18.

⁵⁾ Ib., стр. 73.

⁶⁾ Ib., стр. 10.

⁷⁾ Ib., стр. 111—112.

Молодой Ф*¹⁾, докторъ²⁾, князь³⁾, ученая жена пастора⁴⁾, Альбертъ именно этимъ отталкиваютъ его. Наоборотъ графа Вертеръ уважаетъ именно за то, что „въ его обхожденіи просвѣчивается такъ много чувствительности къ дружбѣ и любви“⁵⁾. Въ Лоттѣ его плѣняетъ способность безъ всякой рефлексіи всѣмъ сердцемъ отдаваться настроенію. „Ее нужно видѣть въ танцахъ! Если-бъ ты видѣлъ, какъ она всѣмъ сердцемъ и всею душою отдается имъ. Все ея тѣло—одна гармонія. Она такъ беззаботна, такъ искренна, словно бы въ этомъ для нея было все, словно бы она ни о чемъ болѣе не думала, ничего не чувствовала; и конечно въ это мгновеніе все прочее исчезаетъ для нея“⁶⁾. И во влюбленномъ работникѣ-убійцѣ его прельщаетъ именно неразсуждающая сила страсти. Онъ хочетъ видѣть въ разсудкѣ вообще корень зла человѣческаго. Встрѣтивъ сумашедшаго, счастливаго въ своемъ безуміи, Вертеръ восклицаетъ: „Господи на небеси! неужели ты опредѣлилъ въ судьбу людямъ, чтобъ они были счастливы только пока не придутъ въ разумъ или когда наконецъ опять его теряютъ“⁷⁾.

Далѣе, романъ вводитъ культъ природы. „Письма Вертера наполнены описаніями ея, причемъ картины природы тѣсно переплетаются съ душевнымъ состояніемъ его. Вспомнимъ хоть замѣчательное письмо его отъ 18 августа: „Неужели такъ должно быть, чтобы то, что составляетъ отраду человѣка, превращалось въ источникъ страданія. Теплое чувство любви къ живой природѣ, которымъ полно было мое сердце, переполняло меня такою нѣгою, преобразовывало міръ кругомъ меня въ рай, а теперь оно обращается для меня въ невыносимаго истязателя, въ духа-мучителя, который всюду преслѣдуетъ меня. Бывало, я обозрѣвалъ съ этой скалы плодоносную равнину за рѣкою вплоть до тѣхъ холмовъ и видѣлъ, какъ все кругомъ меня пускало ростки и наливалось. Я видѣлъ тѣ горы, отъ подошвы до макушки одѣтыя высокимъ густымъ лѣсомъ, тѣ долины съ ихъ многочисленными извилинами,

¹⁾ Ib., стр. 13.

²⁾ Ib., стр. 40.

³⁾ Ib., стр. 107, 111—112.

⁴⁾ Ibid., стр. 122—123.

⁵⁾ Ib., стр. 91.

⁶⁾ Ib., стр. 31.

⁷⁾ Ib., стр. 136.

освѣненныя прелестнѣйшими рощами. Тихая рѣка скользила вдаль между лепечущимъ тростникомъ и отражала прелестныя облака, которыя кроткій вечерній вѣтерокъ несъ, баюкая, по небу. Я слышала птицъ, оживлявшихъ вокругъ меня лѣсъ. Въ послѣднемъ красномъ лучѣ солнца весело танцовали милліонныя рои комаровъ, и его послѣднее мигающее мерцанье вызывало жужжащаго жука изъ его травы на свободу. И на землѣ вокругъ меня привлекали мое вниманіе та-же разноголосица и дѣятельность, и мохъ, добывавшій съ борьбою свою пищу изъ моей суровой скалы, и дрокъ, поросшій по склонамъ сухихъ песчаныхъ холмовъ, обнаруживали мнѣ внутреннюю, горячую, святую жизнь природы: какъ обнимала я все это своимъ теплымъ сердцемъ. Я чувствовалъ себя среди лющейся чрезъ край полноты жизни, словно обожествленнымъ. Величественныя образы безконечнаго міра волновались, все оживляя, въ моей душѣ. Огромныя горы вставали кругомъ меня, пропасти лежали предо мною, потоки низвергались внизъ, рѣки стремились подо мной, и лѣсъ и горы звучали. И я видѣлъ, какъ въ глубинахъ земли вмѣстѣ дѣйствуютъ и создаютъ все онѣ, непостижимыя силы (природы). И вотъ на землѣ подъ сводомъ небеснымъ кишатъ поколѣнія разнообразныхъ созданій. Все населено тысячами фигуръ. И люди собираются себѣ въ домикъ, и безопасны, и гнѣздятся въ немъ, и господствуютъ, по ихъ понятію, надъ обширнымъ міромъ. Жалкій глупецъ! Ты все это такъ мало цѣнилъ, потому что ты былъ такъ малъ.

Теперь... словно завѣса открылась предъ моею душой, и зрѣлище безконечной жизни превратилось для меня въ пропасть вѣчно открытой могилы. Можешь-ли ты сказать: „это существуетъ!“, когда все проходитъ? когда все съ быстротою бури катится мимо, и такъ рѣдко можетъ устоять при всѣхъ усиліяхъ своего существа. когда—ахъ!--все увлекается въ потокъ, тонетъ на дно, раздробляется о скалы. Нѣтъ мгновенія, которое не уничтожило-бы тебя и тебѣ дорогого кругомъ тебя; нѣтъ мгновенья, когда ты не былъ-бы разрушителемъ и не вынужденъ былъ-бы быть имъ. Невиннѣйшая прогулка стоитъ жизни тысячъ бѣдныхъ червяковъ. Одинъ шагъ разрушаетъ трудныя сооруженія муравьевъ и втаптываетъ въ позорную могилу маленькій міръ. Великія, рѣдкія бѣдствія міра, эти наводненія, которыя смываютъ ваши деревни, эти землетрясенія, которыя разрушаютъ ваши города, они не трогаютъ меня. Мнѣ над-

рываетъ сердце уничтожающая сила, которая скрыта въ цѣломъ природы. Она ничего не создала, что не уничтожало бы своего со-сѣда, себя самого. Я словно пьянъ отъ ужаса. Небо, земля и ихъ дѣятельныя силы вокругъ меня: я вижу лишь вѣчно поглощающее, вѣчно отрывающее жвачку чудовище¹⁾.

Такъ-же любить Вертеръ и классы общества, живущіе на лонѣ природы и управляющіеся ея законами. Ихъ лишь дѣятельность, какъ мы видѣли, считаетъ онъ единственно полезной. При изображеніи сладости ихъ жизни Вертеръ ударяется въ сентиментальность: „Какъ хорошо мнѣ, что мое сердце можетъ сочувствовать простой, невинной отрадѣ человѣка, который приноситъ на свой столъ имъ самимъ выращенный кочанъ капусты. Не одной капустой, онъ наслаждается въ одно мгновеніе всѣмъ: всѣми хорошими деньками, прекраснымъ утромъ, когда онъ ее садилъ; прелестными вечерами, когда онъ поливалъ ее, когда онъ радовался ея быстро подвигающемуся росту“²⁾. Вертеръ наслаждается обстановкой крестьянскаго дворика³⁾, стремится пріобрѣсти любовь и довѣріе поселянъ⁴⁾, негодуетъ на лицъ высшихъ классовъ, высокоомѣрно относящихся къ нимъ⁵⁾; онъ съ участіемъ относится къ хозяйкѣ деревенской гостиницы⁶⁾, интересуется душевнымъ міромъ и судьбою влюбленнаго батрака⁷⁾, неизвѣстной дѣвушки, кончившей жизнь самоубійствомъ⁸⁾. Иногда онъ доставляетъ себѣ удовольствіе, помогая уборкѣ плодовъ въ садикѣ Лотты⁹⁾, самъ обрывая и приготавливая себѣ на завтракъ горохъ¹⁰⁾, пособляя дѣвушкѣ поднять на плечо сосудъ съ водою¹¹⁾. Всюду чувствуется уваженіе къ этому здоровому и трудящемуся классу, симпатія и интересъ къ его „патріархальной“ и близкой къ природѣ жизни. И Гомера онъ любитъ, какъ изобразителя этой патріархальной, еще не искаженной цивили-

¹⁾ *Ib.*, стр. 73—76.

²⁾ *Ib.*, стр. 40.

³⁾ *Ibid.*, стр. 16.

⁴⁾ *Ib.*, стр. 10.

⁵⁾ *Ib.*, стр. 10.

⁶⁾ *Ib.*, стр. 19—21, 114.

⁷⁾ *Ib.*, стр. 21—23, 115—119, 144—148.

⁸⁾ *Ibid.*, стр. 69—71.

⁹⁾ *Ib.*, стр. 79.

¹⁰⁾ *Ib.*, стр. 39.

¹¹⁾ *Ib.*, стр. 11.

лизация: „Мнѣ нужна колыбельная пѣсня“,—говоритъ Вертеръ—„и ее я нахожу со всею полнотою въ моемъ Гомерѣ“¹⁾. Сидя у колодца, куда приходятъ дѣвушки за водою, онъ предается мечтамъ о временахъ, описанныхъ Гомеромъ, когда еще не было такого различія сословій и сами цари занимались тѣми же занятіями, что и рабы ихъ. „Сюда приходятъ“,—пишетъ Вертеръ другу,—„изъ города дѣвушки и берутъ воду, невиннѣйшее и необходимѣйшее занятіе, которое нѣкогда исправляли даже дочери королевъ. Когда я сижу тутъ, патриархальная идея такъ живо оживляется вокругъ меня, словно они сами, праотцы, заводятъ знакомства и сватаются у этого колодца, словно кругомъ колодца и источника витають благодѣтельные духи“²⁾.

Въ испорченномъ, исковерканномъ ложной цивилизаціей обществѣ Вертеръ съ особою любовью обращается къ дѣтямъ. Они одни еще естественные, не развращенные люди. „Да, дорогой Вильгельмъ“,—пишетъ онъ другу,—„дѣти ближе всего на землѣ моему сердцу... въ нихъ все не испорчено, такъ цѣльно!—всегда, всегда повторяю я золотое слово Учителя людей: „Если вы не будете, какъ одинъ изъ нихъ!“ А теперь, дорогой мой, съ ними, которыя равны намъ, на которыхъ мы должны были взирать, какъ на образецъ, мы поступаемъ, какъ съ подвластными. Они не должны имѣть своей воли!—А у насъ нѣтъ своей? откуда-же наша привилегія?—Мы старше и умнѣе! Благій Боже, Ты съ небесъ видишь старыхъ дѣтей и малыхъ дѣтей, и ничего больше; а которыя Тебя болѣе радуютъ, это уже давно возвѣстилъ Твой Сынъ. Но они вѣрятъ въ Него и не слушаютъ Его;—старая пѣсня!—и воспитываютъ дѣтей по своему образцу³⁾. Дѣти сами по себѣ естественнѣй и потому лучше взрослыхъ, вмѣшательство старшихъ лишь пагубно для нихъ. И Вертеръ съ ними самъ обращается въ ребенка, строитъ имъ карточные домики, ползаетъ съ ними по полу⁴⁾, всячески балуетъ ихъ⁵⁾ и возится съ ними⁶⁾. Онъ рассказываетъ имъ сказки⁷⁾,

¹⁾ *Ib.*, стр. 10.

²⁾ *Ib.*, стр. 9.

³⁾ *Ib.*, стр. 41.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 40, 41.

⁵⁾ *Ib.*, стр. 20.

⁶⁾ *Ib.*, стр. 27, 48—50, 60.

⁷⁾ *Ib.*, стр. 72—73, 98, 189.

принимаетъ участіе въ устройствѣ имъ елки ¹⁾, въ ихъ маленькихъ секретахъ ²⁾. И дѣти отвѣчаютъ ему горячей любовью ³⁾; трогательна сцена прощанья братьевъ Лотты съ умирающимъ Вертеромъ ⁴⁾.

Такъ имѣемъ мы законченнымъ кругъ любимыхъ стремленій Sturm und Drang'a: Национализмъ, борьба противъ старой цивилизаціи за права личности, чувства и природы.

Но къ нимъ присоединяется новая черта, черта романтизма, происшедшая впрочемъ изъ того-же первоисточника. Богатая силами душа въ своей жаждѣ свободы стремится расшириться до безконечности. Желаніе построить высочайшій всеобъемлющій идеаль дѣлаетъ этотъ идеаль недосягаемымъ и нѣсколько туманнымъ. Отсюда вѣчная неудовлетворенность, хотя и не всегда вполне сознательная, всякою реальностью, а потому жизнь въ мечтахъ, стремленіе въ неопредѣленную даль, въ глубь вѣковъ (что мы замѣчаемъ уже у автора Геца), высь къ иному міру, склонность къ мистическому созерцанію природы. У Вертера мы находимъ эту неизбежную, беспокойную неудовлетворенность всякимъ настоящимъ, каково бы оно ни было, потому что оно не можетъ ни въ какомъ случаѣ удовлетворить сверхчеловѣческимъ требованіямъ его. „Странно: когда я сюда пріѣхалъ“,—пишетъ онъ другу,—„и посмотрѣлъ съ холма на дивную долину, какъ все вокругъ привлекало меня... Я спѣшилъ туда и возвращался обратно, и не нашелъ того, на что надѣялся. О! съ далью, какъ съ будущимъ. Великое туманное цѣлое поконится предъ нашей душой, наши чувства тонуть въ немъ, какъ и нашъ глазъ, и мы стремимся—ахъ!—отдаться ему всѣмъ нашимъ существомъ, чтобы съ полною нѣгой исполниться единымъ, великимъ, прекраснымъ чувствомъ.—Но, ахъ! если мы поспѣшимъ туда, если *тамъ* превратится въ *здѣсь*, дальше все тоже, и мы стоимъ въ нашей бѣдности, въ нашей ограниченности, и наша душа томится жаждою по ускользнувшей усладѣ“ ⁵⁾.

Находимъ у Вертера и мистическое созерцаніе природы, какъ зеркала безконечнаго. „Когда надъ прелестной долиной стоитъ ту-

¹⁾ Ib, стр. 156.

²⁾ Ib., стр. 161.

³⁾ Ib, стр. 10.

⁴⁾ Ib., стр. 191.

⁵⁾ Ib., стр. 38—39.

мань, и солнце покоится въ вышинѣ надъ непроницаемымъ мракомъ моего лѣса, и лишь отдѣльные лучи прокрадываются въ его внутреннее святилище, тогда я лежу въ высокой травѣ у текущаго ручья и тысяча разнообразныхъ травокъ ниже у земли кажутся мнѣ любопытными. Когда я чувствую ближе къ моему сердцу эту суетню маленькаго міра между стеблями, безчисленныя, непостижимыя формы червячковъ, комариковъ, и чувствую присутствіе Всемогущаго, который насъ создалъ по своему образу, вѣянье Вселюбящаго, который паритъ надъ нами и всегда подкрѣпляетъ насъ вѣчной отрадой; мой другъ! тогда въ глазахъ у меня темнѣетъ, и міръ окружающій меня, и небо покоются, словно возлюбленная, въ моей душѣ; тогда я томлюсь желаніемъ и думаю: ахъ, если-бъ ты могъ это выразить, вдохнуть бумагѣ то, что такъ полно, съ такой теплотой живетъ въ тебѣ, чтобы она сдѣлалась зеркаломъ твоей души, какъ твоя душа—зеркало безконечнаго Бога¹⁾.

Стремленіе къ другому міру выражается въ бесѣдѣ Лотты объ отлетѣвшей туда матери²⁾ и въ самоубійствѣ Вертера, который неудовлетворенный землею спѣшитъ къ любимому Отцу³⁾. Стремленіе же романтизма въ неопредѣленную даль и къ безконечности трудно выразить сильнѣе, чѣмъ дѣлаетъ это герой романа въ словахъ: „Жалкій глупецъ! я все это (красоту міра) такъ мало цѣнилъ, потому что былъ такъ малъ. Отъ непроходимыхъ горъ черезъ пустыни, на которыя не ступаетъ ничья нога до неизслѣдимыхъ предѣловъ океана вѣетъ духъ Вѣчеотворящаго и радуется каждой пылинкѣ, которая его принимаетъ и оживотворяется. Ахъ, какъ часто тогда я на крыльяхъ журавля, который пролеталъ надо мною, стремился на берегъ неизмѣримаго моря, чтобы изъ пѣнящагося кубка безконечности испить этой вздымающейся нѣги жизни, и хоть одно мгновенье въ ограниченной силами груди почувствовать каплю блаженства бытія, которое все созидетъ въ себѣ и собою“⁴⁾.

„Клавиго“ и „Стелла“ имѣютъ уже гораздо меньшее значеніе чѣмъ „Гецъ“ и „Вертеръ“. Въ „Клавиго“ уже нѣтъ безпорядочнаго вагроможденія эпизодическихъ лицъ и дѣйствій, какъ въ „Гецѣ“.

¹⁾ Ib., стр. 8.

²⁾ Ib., стр. 81—86.

³⁾ Ib., стр. 138.

⁴⁾ Ib., стр. 75.

Въ немъ—ни одного лишняго лица, ни одной лишней сцены. Но въ немъ проводится мысль устами Карлоса о необходимости двойной морали, одной — для гения, другой — для толпы. Человѣкъ, чувствующій въ себѣ мощныя силы долженъ стремиться къ полному ихъ развитію, не считаясь съ нравственными требованіями. Клавиго обманулъ Марію и мучится этимъ. — „Удивительно“! негодуетъ Карлосъ. „Мнѣ кажется, однажды только живетъ человѣкъ на свѣтѣ, однажды только владѣетъ онъ этими силами, этими надеждами, и кто ими не пользуется для достиженія наилучшаго, кто не стремится такъ далеко, какъ только возможно, тотъ—глупецъ! А жениться! жениться какъ разъ въ то время, когда твоя жизнь впервые получаетъ надлежащій размахъ! приковать себя къ семьѣ, ограничиться, когда человѣкъ не прошелъ еще половины своего пути, не сдѣлалъ еще и половины своихъ завоеваній! Что ты ее любишь, это было естественно; что ты обѣщаль ей жениться, было глупостью, но если-бъ ты сдержалъ слово, это было-бы сумашествіемъ“ ¹⁾. „Съ твоимъ духомъ, съ твоими дарованіями это непростительно“ ²⁾. Тѣмъ-то и отличается выдающійся человѣкъ, что его не останавливаютъ препятствія, мѣшающія обыкновеннымъ людямъ, хотя-бы это были даже требованія нравственнаго чувства. „Горе тебѣ“, обращается Карлосъ къ другу, — „что ты вступилъ на путь, котораго не кончишь! Съ твоимъ сердцемъ, съ твоимъ образомъ мыслей, которые составили-бы счастье мирнаго бюргера, ты связалъ несчастное стремленіе къ величію! Но что есть величіе, Клавиго? возвыситься надъ другими чинами и вліяніемъ? Не думай этого! Если твое сердце не сильнѣе другихъ сердець, если ты не въ состояніи освободиться отъ отношеній, которыя мучили-бы обыкновеннаго человѣка, то со всѣми твоими лентами и звѣздами, даже съ короной ты—лишь обыкновенный человѣкъ“ ³⁾.

Пусть душа твоя расширится, пусть тебя проникнетъ чувство великой истины, что люди необыкновенные именно въ томъ и являются необыкновенными людьми, что ихъ обязанности расходятся съ обязанностями обыкновенныхъ людей; что тотъ, кого дѣломъ является

¹⁾ Gœthes-Werke Bd. XI, стр. 51—52.

²⁾ Ib., Bd. II, стр. 95.

³⁾ Ib., стр. 102.

надирать за великимъ цѣлымъ, управлять имъ и поддерживать его, не долженъ дѣлать себѣ никакихъ упрековъ, если онъ пренебрегъ ничтожными отношеніями, пожертвовалъ мелочами благу цѣлаго. Такъ дѣйствуетъ Творецъ въ своей природѣ, король въ своемъ государствѣ; почему и мы не должны такъ поступать, чтобы стать имъ подобными¹⁾? Сама умирающая отъ любви къ Клавиго Марія оправдываетъ его: „Въ сущности на что я жалуясь... Любовь Клавиго дала мнѣ много радости, быть можетъ, болѣе, чѣмъ ему моя, чего-же болѣе“²⁾? „Какъ прелестенъ онъ! Всѣ его великія качества, которыя прежде прикрывались скромностью, развернулись. Онъ стать мужемъ... онъ увлечетъ сердца всѣхъ. — И онъ будетъ моимъ?— Нѣтъ, сестра, я не была и прежде достойна его, а теперь и того менѣе“³⁾! Но Клавиго не оказывается на высотѣ призванія. Мучимый совѣстью, онъ погибаетъ. Но въ этомъ нельзя непремѣнно видѣть наказаніе героя, протестъ противъ подобныхъ взглядовъ. Они такъ естественны для представителя Sturm und Drang'a, для эпохи разнузданныхъ геніевъ. Самъ Гете поступалъ по рецепту Карлоса и до и послѣ написанія этой трагедіи. Такъ обошелся онъ и съ Фридерикою Брионъ и съ Лили Шёнemannъ.

Тотъ-же особый взглядъ на добродѣтель могучихъ душъ находимъ и въ шутиливой піескѣ: „Боги, герои и Виландъ“. Геркулесъ послѣдняго совершаетъ всѣ подвиги изъ-за добродѣтели. Это возмущаетъ подлиннаго полубога, за которымъ скрывается самъ Гете. „Изъ-за добродѣтели! Что означаетъ этотъ девизъ? Видѣлъ-ли ты добродѣтель, Виландъ? Я исходилъ кругомъ міръ и не встрѣтилъ ничего подобнаго“⁴⁾. „Это такая-же нелѣпость, какъ всякая фантазія, не уживающаяся съ ходомъ вещей. Ваша добродѣтель представляется мнѣ кентавромъ; пока онъ мчится рысью въ вашемъ воображеніи, какъ онъ прекрасенъ, какъ могучъ! А если ваятель поставитъ его передъ вами, что за нечеловѣческая фигура!.. Онъ или умретъ въ минуту рожденія, какъ всякій уродъ, или никогда не появится внѣ вашей головы“⁵⁾. Но и у Геракла Гете есть добродѣтель, только она совпадаетъ съ обиліемъ силы и стремленіемъ

¹⁾ Ib., стр. 104.

²⁾ Ib., стр. 55.

³⁾ Ib., стр. 109—110.

⁴⁾ Gœthes-Werke, Bd. 38, стр. 32.

⁵⁾ Ib., стр. 33.

расширить сферу ея проявленія. „Самый богатый есть и самый лучший. Если у него было изобиліе силы, онъ колотилъ другихъ. И понятно, порядочный человекъ не возится со слабѣйшими, а лишь съ равными себѣ, или даже сильнѣйшими. Если у него избытокъ соковъ, онъ надѣлялъ женщинъ такимъ количествомъ дѣтей, какое имъ было угодно, и даже безъ просьбъ“. Если онъ былъ богатъ, „онъ открывалъ двери и привѣтливо зазывалъ тысячи наслаждаться вмѣстѣ съ собою“¹⁾. „Если-бъ ты не вздыхалъ слишкомъ долго въ рабствѣ у твоего ученія о нравственности“, заканчиваетъ Гете—Геркулесъ свои насмѣшки надъ Виландомъ, — „изъ тебя бы еще могло что-нибудь выйти. Ты все еще слишкомъ привязанъ къ своимъ пустымъ идеаламъ“²⁾.

Переходимъ къ „Стеллѣ“. Герой піесы Фернандо женатъ на Цециліи и любитъ ее, но потомъ увлекается Стеллой, бросаетъ жену безъ средствъ къ жизни съ маленькой дочерью, покупаетъ себѣ имѣніе и поселяется тамъ со своею возлюбленной. Спустя нѣкоторое время онъ покидаетъ и Стеллу и исчезаетъ неизвѣстно куда. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, бѣглець возвращается, застаётъ обѣихъ покинутыхъ женщинъ сведенными случаемъ вмѣстѣ. Слѣдуетъ взаимное признаніе и послѣ многихъ тревоженій дружественное соединеніе всѣхъ въ одну семью. Не смотря на такіе поступки, Фернандо въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ изображенъ самымъ привлекательнымъ образомъ. Не взирая на испытанную жестокою обиду, обѣ женщины не устаютъ хвалить его высокія душевныя достоинства. Нѣсколько минутъ знакомства завоевываютъ ему расположеніе Лючіи³⁾. Въ своихъ колебаніяхъ между Цециліей и Стеллой онъ обнаруживаетъ искренній, благородный характеръ. Онъ сознаетъ глубоко свои обязанности по отношенію къ каждой изъ нихъ и желалъ-бы по силамъ загладить свою вину. Но на немъ нѣтъ даже и вины. Сама покинутая жена беретъ его подъ защиту. „Я“,—говоритъ она о мужѣ, — „сожалѣю мужчину, который привязывается къ дѣвушкѣ. Я смотрю на него, какъ на плѣнника. И они всегда говорятъ, что это такъ: онъ изъ своего міра спускается въ нашъ, съ которымъ у него въ сущности нѣтъ ничего общаго. Нѣкоторое время

¹⁾ Ib., стр. 33—34.

²⁾ Ib., стр. 35.

³⁾ Goethes-Werke, Bd. стр. 141—143.

онъ обманываетъ себя—и горе намъ, когда у него раскроются глаза. Я, конечно, могла быть для него лишь доброй хозяйкою, которая была привязана къ нему съ самимъ горячимъ стремленіемъ угодить ему, заботиться о немъ; посвящала всѣ свои дни на заботы о его домѣ, его ребенкѣ и, конечно, должна была возиться съ такой массой мелочей, что не могла быть интересной собесѣдницей, что моя голова и сердце часто становились пустыми, такъ что при живости его духа онъ неминуемо долженъ былъ находить мое общество скучнымъ. Онъ не виновенъ“¹⁾ Но и Стелла, которая „любить его не любовью жены, а страстью любовницы“²⁾ не долго удержала Фернандо. Изъ приведенныхъ словъ Цециліи мы видимъ причину и этого. Разносторонность, безконечная высота духа Фернандо не могутъ быть удовлетворены ни одной изъ этихъ женщинъ въ отдѣльности, ограниченныхъ сравнительно съ нимъ, не смотря на всю высоту ихъ души. Каждая удовлетворяетъ извѣстнымъ сторонамъ его духа и потому вызываетъ его любовь, но каждая-же не можетъ удовлетворить другимъ запросамъ Фернандо и потому недостаточна для него. Наконецъ, понявъ это, Цецилія находитъ исходъ. Она вспоминаетъ о рыцарѣ, спасенномъ мусульманкою отъ тяжелой неволи. Благодарная жена уступила освободительницѣ половину супружескихъ правъ. „Онъ схватили его за руки, повисли на немъ.— И Богъ съ небесъ радовался этой любви и его святой намѣстникъ далъ на это свое благословеніе. И ихъ счастье и ихъ любовь одали блаженствомъ общее жилище, общее ложе и общую могилу“³⁾. Фернандо видитъ въ этомъ внушеніе ангела, ниспосланнаго Богомъ съ небесъ⁴⁾. Рѣшеніе сообщается Стеллѣ, та тоже въ восторгѣ. И „піеса для влюбленныхъ“, какъ называлъ Гете свое произведеніе, завершается слѣдующей поучительной для нихъ картиной: Фернандо обнимая обѣихъ:

Моя! Моя!

Стелла, хватая его за руку и повисая ему на шеѣ:

Я твоя!

Цецилія, хватая его за руку и обнимая его:

Мы твои“⁵⁾!

¹⁾ Ib., стр. 167—168.

²⁾ Ib., стр. 187.

³⁾ Ib., стр. 191.

⁴⁾ Ib., стр. 415.

⁵⁾ Ib., стр. 416.

Какъ серьезно нравилась Гете идея его произведенія, видно изъ нижеизложеннаго. Родственница Гете Иоганна Фальмеръ съ дѣтства находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Фрицемъ Якоби, другомъ поэта. Но женатъ былъ Фрицъ на другой особѣ, тоже пріятельницѣ нашего автора. Имъ-то въ поученіе и написалъ юноша свою піесу. „Я зналъ“, — сообщаетъ онъ въ мартѣ 1775 года Иоганнѣ, — „что Стелла вамъ будетъ по сердцу... сколько радости будетъ Фрицу“¹⁾?! „Если-бъ ты зналъ, какъ я люблю Стеллу, и люблю именно ради тебя“, сообщаетъ Гете самому Якоби. Но ожиданія юноши были обмануты. Тотъ возмущенъ такою профанаціей своихъ чистѣйшихъ, завѣтнѣйшихъ чувствъ²⁾. Вообще піеса не вызвала симпатій. Гете впоследствии съ горечью говорилъ, что наше „общество слишкомъ свыклось съ христіанскою моралью, чтобы понимать такія произведенія“.

Итакъ „Клавиго“, „Боги, герои и Виландъ“, „Стелла“ сражаются за свободу личности создавать себѣ свою нравственность. При этомъ нравственность христіанская, нравственность самоотреченія называется „мѣщанскою“³⁾, предоставляется въ удѣлъ людямъ обыкновеннымъ, ничтожнымъ. На мѣсто ея ставится нравственность могучей личности, если можно такъ выразиться „нравственность саморасширенія“.

Въ связи съ этими вопросами привлекаютъ вниманіе поэта великіе законодатели нравственности. Сохранились отрывки изъ трагедіи „Магометъ“ и поэмы „Вѣчный жидъ“, въ которой выводится Христось. Остатки первой незначительны и указываютъ только, что Магометъ вѣрилъ въ единаго Бога. Идея же ея, по словамъ старика--Гете, желала показать, какъ великій умъ, вынужденный уступать людской пошлости, искажаетъ первоначальную чистоту и величіе своего ученія. Это идея Sturm und Drang'a. Относительно „Вѣчнаго жида“ мы встрѣчаемся съ небольшимъ затрудненіемъ. Сорокъ лѣтъ спустя Гете сообщаетъ: „Меня нельзя было лишить моей склонности къ Священному Писанію, къ Основателю церкви и

¹⁾ Ib., Abt. IV, Briefe. Bd. 2, стр. 244. Все письмо чрезвычайно любопытно для характеристики моральнаго состоянія Гете той эпохи. См. и другое письмо ей-же, стр. 239—240.

²⁾ Heinemann, стр. 206.

³⁾ Goethes-Werke, Bd. 11, „Клавиго“, стр. 102, 3, 10, 12.

его первымъ послѣдователямъ“¹⁾). Въ поэмѣ онъ собрался-де въ бесѣдахъ Христа съ Агасферомъ изобразить величественную созерцательность перваго и тупую ограниченность втораго. Онъ хотѣлъ нарисовать картину прославленія Спасителя. Его, идущаго на казнь, Агасферъ осыпаетъ насмѣшками и ругательствами. Истомленный и измученный Иисусъ отираетъ лицо платкомъ, и на томъ изображается „ликъ Господа, не страждущій какъ въ настоящее время, а прославленный, испускающій сіяніе божественной жизни“²⁾). Но уцѣлѣвшіе отрывки поэмы таковы, что трудно представить себѣ среди нихъ столь патетическую сцену. Открывается пѣса пародирующимъ классицизмъ обѣщаніемъ „воспѣть многоблуждавшаго мужа, который чудесъ безъ числа увидалъ“³⁾). Объ Агасферѣ, Спасителѣ, Богъ-Отцѣ говорится въ шутовомъ профанирующемъ тонѣ. Вотъ Богъ-Отецъ посылаетъ Сына на землю для искупительной миссіи: „Отецъ сидѣлъ на своемъ тронѣ,

Тогда позвалъ онъ своего милаго сына
 Долженъ былъ дважды и трижды кричать.
 Тогда пришелъ, спотыкаясь о звѣзды,
 И сталъ какъ разъ насупротивъ сынъ,
 И спросилъ его, что ему угодно.
 Отецъ спросилъ его, гдѣ онъ былъ.
 „Я былъ на звѣздѣ, которая блеститъ тамъ,
 Я помогаль тамъ одной женщинѣ
 Отъ ребенка въ ея тѣлѣ“.
 Отецъ былъ крайне разсерженъ
 И сказалъ: „Ты поступилъ глупо,
 Но посмотри-ка на эту землю“⁴⁾).

А разговоръ съ кухаркой первосвященника! Христосъ со спутниками подошли къ его дому. „Они стучали, они бранились“, пока разсерженная кухарка не выскочила, выронивъ изъ фартуха кочанъ капусты, и не объявила, что тотъ въ синедрионѣ. Такъ-же сердито встрѣтила она и просьбу указать туда дорогу, но смягчи-

¹⁾ Gœthes-Werke. Bd. 28, стр. 308. Dichtung und Wahrheit. Ч. III, кн. XV.

²⁾ Ib., стр. 309. См. вообще стр. 306—310.

³⁾ Ib., Bd. 38, стр. 55.

⁴⁾ Ib., стр. 58.

лась просьбами Иисуса „Она не имѣла духу отказать. Какъ знаетъ онъ путь въ грудь женщины, пожалуй еще съ давнихъ поръ“¹⁾! Грубая сцена заканчивается двусмысленностью. Эти сцены заслуживали-бы мѣста въ Гаврилиадѣ Пушкина и нисколько не намекаютъ на намѣреніе возвеличить Христа, какое приписываетъ поэмѣ Гете въ старости. „Вѣчный жидъ“ - порожденіе ничего не щадившаго Sturm und Drang'a. Ученіе Спасителя о дѣтской покорности Небесному Отцу, о смиреніи и самообузданіи не могло особенно привлекать бурныхъ геніевъ. „Мнѣ нравилось“, говоритъ Гете,— „представлять то миролюбивое, пластическое, но терпѣливое сопротивление, которое признаетъ верховную силу, но хотѣло-бы противопоставить себя ей, какъ равное. И смѣльчаки въ родѣ Танталя, Иксиона, Сизифа были моими святыми. Принятые въ общество боговъ, они не пожелали вести себя достаточно покорно, какъ заносчивые гости, заслужили гнѣвъ своего гостепріимнаго покровителя и навлекли на себя печальную ссылку“²⁾.

Такъ подходимъ мы къ религіознымъ воззрѣніямъ поэта. Они изложены съ наибольшою полнотою въ „Прометей“. Гете самъ заявляетъ объ этомъ. „Мнѣ о Прометей снова пріобрѣтала жизнь во мнѣ. Старую одежду титана я перекраивалъ по моему росту и, не долго думая, принялся писать піесу, гдѣ изображалась борьба съ Зевсомъ и новыми божествами, въ которую попалъ Прометей“³⁾. Мы увидимъ, что религіозные взгляды этой драмы носятъ черты пантензма. Это міровоззрѣніе разсматриваетъ міръ, какъ произвольное изліяніе самой сущности божества. Поэтому божество такъ тѣсно, нераздѣльно слито, сплавлено съ міромъ, что каждая частица матеріи проникнута имъ. Поэтому-же міръ живетъ по закону необходимости, произвольнымъ законамъ самого божества. Не можетъ быть и рѣчи о Богѣ—личности, сознательномъ управителѣ міра, благомъ Промыслителѣ его. Душа человѣка — частица божественнаго духа. Она подобна пузырьку на поверхности воды. По смерти человѣка она вновь сливается съ общей духовной стихіей, чтобы затѣмъ опять начать въ новыхъ формахъ обособленное существованіе. Приблизительно тоже встрѣчаемъ и въ данной піесѣ.

¹⁾ Ib., стр. 64.

²⁾ Ib., Bd. 28, стр. 314. Dichtung und Wahrheit. Ч. III, кн. XV.

³⁾ Ib., стр. 312.

Прометей признаетъ верховныя силы, управляющія міромъ (= боговъ), но считаетъ ихъ подчиненными закону необходимости. „Боги?.. Безконечные? Всемогущіе? Что вы можете? Можете-ли вы широкое пространство неба и земли сжать въ мой кулакъ? Въ состояніи-ли раздѣлить меня со мною-же? Въ силахъ-ли меня распространить, расширить въ пѣлый міръ“? „Судьба“! отвѣчаетъ представитель боговъ Меркурій. „Ты признаешь ея силу“? возражаетъ титанъ. „Я также. Ступай-же, я не служу вассаламъ“¹⁾! Онъ съ тѣхъ поръ и пересталъ чтить боговъ, когда пересталъ вѣрить въ премудрость ихъ управленія міромъ. „Прежде“! — жалуется онъ Минервѣ, — „Развѣ ты не видала часто, какъ я въ самомъ позорномъ рабствѣ таскалъ тяжесть, которую они вваливали мнѣ на плечи съ торжественною серьезностью? Развѣ я не совершалъ каждой работы, всякой поденщины по ихъ приказанію, такъ какъ я вѣрилъ, что они въ настоящемъ видятъ прошедшее и будущее, что ихъ руководство, ихъ приказаніе есть первоначальная, безкорыстная мудрость“²⁾? Отъ нихъ нечего ждать благого промысла, участливаго отношенія къ людямъ. „Что-бъ я тебя чтилъ“? обращается Прометей къ Зевсу. „За что? Смягчили-ли ты когда-либо страданія обремененнаго? Осушили-ли когда-либо слезы измученнаго? И мужа выковали изъ меня не всемогущее-ли время и вѣчная судьба. владыки мои и твои“³⁾? Лишь дѣти и нищіе, бѣдняки, живущіе надеждами, могутъ еще чтить боговъ и чего-либо ждать отъ ихъ благой воли⁴⁾. Самъ титанъ не желаетъ стѣсняться въ своей дѣятельности ни ихъ бессильными угрозами, ни пустыми обѣщаніями. Боги предлагаютъ ему власть надъ землею, если онъ признаетъ ихъ. Съ негодовапіемъ отвергаетъ Прометей такое предложеніе. „Быть ихъ управителемъ? Мое предложеніе гораздо выгоднѣе: они хотятъ дѣлиться со мною, а я думаю, что намъ дѣлиться нечѣмъ. Что я имѣю, они не могутъ у меня отнять, что принадлежитъ имъ, пусть они защищаютъ. Вотъ мое, а вотъ твое—и мы раздѣлены... Какія права на меня имѣютъ тѣ звѣзды тамъ вверху, что пялятъ на меня свои глаза“⁵⁾? Какъ ничтожны эти боги, которые не въ силахъ ни обуздать нечестивца,

¹⁾ Gœthes-Werke, Bd. 39, стр. 196—197.

²⁾ Ib., стр. 200—201.

³⁾ Ib., стр. 214.

⁴⁾ Ib., стр. 213.

⁵⁾ Ib., стр. 198.

ни угѣшить несчастнаго, механическаго орудія властнаго рока, безсильные созерцатели хода вещей! Не мудрено, что Прометей, ощущая въ себѣ могучую индивидуальность, способность самоопредѣленія, чувствуетъ себя выше всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ. „Я могу чѣ!“ восклицаетъ онъ¹⁾. „И я существую всегда, какъ они. Мы всѣ вѣчны! Моего начала я не помню, окончится не чувствую призыва, и не вижу конца. Я вѣченъ, потому что я есмь“²⁾! Онъ смѣло и насмѣшливо бросаетъ имъ вызовъ: „Я не хочу, скажи это имъ! Коротко и ясно, я не хочу! Ихъ воля противъ моей! Одно на одно, мнѣ кажется шансы равны“³⁾! Полный творческою силой, въ ней, въ проявленіи своей индивидуальности видитъ Прометей все свое счастье. На вопросъ Эпиметея, что-же онъ считаетъ своимъ, титанъ отвѣчаетъ: „Кругъ, который заполняетъ моя дѣятельность! Ничего внизу и ничего сверху! Здѣсь мой міръ, мое все! Здѣсь я чувствую себя; здѣсь всѣ мои желанія въ тѣлесныхъ образахъ, мой духъ. раздѣленный тысячекратно и всецѣло отраженный въ моихъ дорогихъ дѣтяхъ“⁴⁾. Человѣкъ достаточно огражденъ отъ стихійныхъ, неразумныхъ катастрофъ природы, ему нѣтъ причинъ относиться къ силамъ, производящимъ ихъ, съ трепетнымъ благоговѣніемъ. „Покрывай твое небо, Зевесъ, туманомъ облаковъ, упражняйся, подобно мальчику, который сбиваетъ головки бодякамъ, надъ дубами и высями горъ. Моя земля останется мнѣ, и моя хижина, которую не ты выстроилъ, и мой очагъ, теплу котораго ты завидуешь. Я не знаю подъ солнцемъ ничего болѣе жалкаго, чѣмъ Вы, боги“⁵⁾. „Вотъ я сижу, создаю людей по своему подобію, племя, которое походить на меня, чтобы оно страдало и плакало, наслаждалось и радовалось, и не обращало вниманія на тебя, какъ я“⁶⁾! Эти порывы злобы противъ безсильныхъ и безобидныхъ боговъ были-бы странны въ Прометее. Они объясняются борьбою Гете противъ ученій, которыя вмѣшиваются въ людскую дѣятельность, ссылаясь на Богомъ данные законы... И смерть Прометей объясняется пантеистически: „Когда все—желаніе, радость и горе—разрѣшится бурнымъ

¹⁾ *Иб.*, стр. 200.

²⁾ *Иб.*, стр. 201.

³⁾ *Иб.*, стр. 195.

⁴⁾ *Иб.*, стр. 198—199.

⁵⁾ *Иб.*, стр. 213.

⁶⁾ *Иб.*, стр. 215.

наслажденіемъ, тогда находишь освѣженіе въ сладостномъ снѣ,— затѣмъ оживаешь, встаешь вновь въ самомъ юномъ видѣ, чтобы снова бояться, надѣяться, желать“¹⁾! Очевидно, рѣчь идетъ не о загробномъ существованіи, а о пантеистическомъ переходѣ въ новыя формы бытія²⁾).

Heinemann видитъ у Гете этой эпохи христіанство чувства. Онъ ссылается при этомъ на „границы человѣчества“ и „Ганимеда“. Но, во-первыхъ, это небольшія сравнительно съ Прометеемъ произведенія. Они могутъ быть выраженіемъ мгновенія, тогда какъ драма потребовала серьезнаго размышленія. Во-вторыхъ, и „въ стародавнемъ Отцѣ, сѣющемъ молніи“ и во „вселюбящемъ Отцѣ“ этихъ стихотвореній можно видѣть лишь поэтическія олицетворенія природы и ея силъ, то могучихъ и ужасающихъ, то наполняющихъ отрадой душу человѣка.

Свои политическія воззрѣнія того времени Гете принялся излагать въ „Эгмонтѣ“, но пьеса эта писалась очень долго въ разныхъ мѣстахъ и при различныхъ міровоззрѣніяхъ поэта. Поэтому къ ней нужно относиться съ осторожностью. Къ первоначальной части принадлежатъ, несомнѣнно, народныя сцены и сцены съ Альбой³⁾. Въ нихъ молодой авторъ является борцомъ за свободу совѣсти, націи и сторонникомъ ограниченія королевской власти. „Инквизиторы прокрадываются и подсматриваютъ всюду; много честныхъ людей сдѣлались несчастными благодаря имъ. Еще не доставало притѣсненія совѣсти! Если я не смѣю дѣлать, что хочу, могутъ они оставить мнѣ свободу думать и пѣть, что мнѣ угодно“, возмущается портной. „Инквизиція не удержится“, утѣшаетъ его лавочникъ. „Мы не такъ устроены, какъ испанцы, чтобы позволять тиранить нашу совѣсть. И дворянство должно заранѣе постараться подрѣзать ей крылья“⁴⁾. Графъ Эгмонтъ въ своей провинціи допускаетъ полную свободу исповѣданія⁵⁾. Онъ-же выступаетъ защитникомъ права нидерландцевъ управляться лишь своими соотечественниками. „Если ты хочешь ѣздить на благородной лошади,

¹⁾ Ib., стр. 212.

²⁾ И. Геттнеръ видитъ въ Прометеевѣ представителя пантеизма. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. III, отд. I. Москва. 1875, стр. 162—164.

³⁾ Heinemann, стр. 407.

⁴⁾ Gœthes-Werke, Bd. 8, стр. 180.

⁵⁾ Ib., стр. 179.

ты долженъ изучить ея нравъ, ты не долженъ ничего неразумнаго, ничего неразумно отъ нея требовать. Поэтому гражданинъ желаетъ сохранить свое старое государственное устройство, управляться своими соотечественниками, такъ какъ онъ понимаетъ тогда, какъ имъ управляютъ, такъ какъ онъ можетъ надѣяться отъ нихъ безкорыстія и участія къ своей судьбѣ¹⁾. „Естественно, что гражданинъ хочетъ быть управляемымъ тѣмъ, кто съ нимъ родился и воспитался, который воспринялъ одинаковое съ нимъ понятіе о правомъ и неправомъ, въ комъ онъ можетъ видѣть своего брата“²⁾. Не менѣе горячо защищаются и права народа на участіе въ управленіи государствомъ. Правильная, мирная государственная жизнь возможна лишь при согласіи правителя съ народомъ. „Развѣ добрая воля народа не самый надежный, не самый благородный залогъ (величія и силы короля)? Боже мой! Когда король можетъ считать себя обезпеченнѣе какъ не тогда, когда всѣ стоятъ за одного и одинъ за всѣхъ? (Когда онъ) болѣе обезпеченъ отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ“³⁾? Но для этого нужно, чтобы власть не принадлежала одному ему и его любимцамъ. На слова Альбы, что народъ всегда остается ребенкомъ, Эгмонтъ возражаетъ: „Какъ рѣдко король поступаетъ благоразумно! Неужели многіе не должны довѣрять многимъ-же болѣе, чѣмъ одному? и при томъ не только ему одному, но и немногимъ приближеннымъ его, толпѣ, которая старѣетъ на глазахъ своего господина. Вѣдь, только это даетъ право быть мудрымъ“. Идеаль гражданинъ нидерландецъ. „Я знаю моихъ земляковъ! Это люди, достойные ступать по землѣ. Каждый самъ себя господинъ, маленькій король, непоколебимый, спокойный, вѣрный, привязанный къ старымъ обычаямъ. Трудно заслужить ихъ довѣріе, легко удержать. Упорные и непоколебимые! Ихъ можно угнетать, но не заставить терпѣть гнетъ“⁴⁾. Идеальное правленіе — прежняя конституція штатовъ: „когда нами нидерландцами управляли сперва отдѣльные князья, все по заведеннымъ законамъ, привилегіямъ и обычаямъ; когда наши предки относились со всеобщимъ уваженіемъ къ своему князю, если онъ правилъ ими какъ

¹⁾ Ib., стр. 268.

²⁾ Ib., стр. 269.

³⁾ Ib., стр. 263.

⁴⁾ Ib., стр. 267.

должно; и когда они тотчасъ принимали мѣры, если онъ желалъ выйти изъ границъ“¹⁾). И единый король, смѣнившій князей, долженъ былъ поступать такъ-же. „Если имъ случалось повздорить съ государемъ, они хватали его сына и наследника, держали его у себя и возвращали его лишь на самыхъ выгодныхъ условіяхъ“²⁾). Нарушеніе правъ и вольностей народа возмущаетъ Эгмонта даже при наилучшихъ намѣреніяхъ нарушителя ихъ. Услышавъ объ инструкціяхъ, данныхъ королемъ Альбъ, онъ восклицаетъ: „Итакъ, онъ рѣшился на то, на что не долженъ былъ рѣшаться ни одинъ государь. Силу своего народа, его душу, его чувство достоинства онъ хочетъ ослабить, унижить, разрушить, чтобъ удобно было управлять имъ. Онъ хочетъ погубить внутреннее зерно его самобытности; конечно съ намѣреніемъ сдѣлать его счастливымъ. Онъ хочетъ его уничтожить, чтобы сдѣлать изъ него что-то, что-то другое! Не встаютъ противъ короля; здѣсь лишь возражаютъ королю, который дѣлаетъ первые несчастные шаги по ложной дорогѣ“³⁾).

Если мы теперь перейдемъ къ Фаусту, мы найдемъ въ немъ мало новаго. Въ „Фаустъ“, какъ въ фокусъ, собраны всѣ важнѣйшія черты Sturm und Drang'a. Поэтому эта драма является наиболѣе мощнымъ и совершеннымъ выразителемъ этой эпохи.

Піеса въ высшей степени національна. Сюжетъ ея—ставшая популярнѣйшей среди всѣхъ слоевъ Германіи легенда о докторѣ Фаустѣ. А ея эпизоды, принятые почти буквально, обращены поэтому въ глубокіе символы для высочайшихъ выводовъ нѣмецкой мысли.

Культь генія, можно сказать, олицетворенъ въ Фаустѣ. Геніальнѣйшій представитель человѣчества, прошедшій одну за другою всѣ глубины знаній и всѣ бездны жизни, членъ сверхъестественнаго міра духовъ—онъ невольно вызываетъ въ насъ чувство удивленія, граничащаго съ благоговѣніемъ. Его могучимъ, высокимъ стремленіямъ все дозволено и все прощено. Какъ полубогъ, является онъ намъ въ то мгновенье, когда единственно всемогущимъ поры-

¹⁾ Ib., стр. 205.

²⁾ Ib., стр. 207.

³⁾ Мы видимъ, въ Эгмонтѣ дѣло идетъ не о разрушеніи государственнаго строя, а о лучшемъ его устройствѣ, о сочетаніи въ немъ „вольности святой и мощныхъ законовъ“.

вомъ могучаго духа, безъ помощи какихъ-либо каббалистическихъ приемовъ, заставляетъ явиться на свой властный зовъ духа земли:

„Облака клубятся надо мною—
 Мѣсяцъ скрываетъ свой свѣтъ—
 Лампа гаснетъ!
 Туманъ дымится!—Красные лучи сверкаютъ
 У меня вокругъ головы—Ужась
 Вѣтъ отъ свода
 И охватываетъ меня.

Я чувствую, ты витаешь около меня, смягченный духъ.

Откройся!

А.! какъ рвется мое сердце!
 Къ новымъ чувствованьямъ
 Порываются всѣ мои чувства!
 Я чувствую, все мое сердце отдается тебѣ!
 Явись! Явись! пусть это стоитъ мнѣ даже жизни!
 Ужасный ликъ!
 Неужели я долженъ тебѣ уступить, пламенный духъ?
 Я, я—Фаустъ, я—тебѣ равенъ!
 Ты, дѣятельный духъ, носящійся
 Надъ обширнымъ міромъ, сколь близкимъ къ тебѣ чув-
 ствую я себя“ ¹⁾.

Есть и борьба противъ обветшалой цивилизаціи; и какъ мощно звучить протестъ противъ нея изъ устъ мудреца, постигшаго послѣднее слово человѣческой мудрости, которой такъ гордятся дѣти земли, и познавшаго ея тщету: „Ахъ, вотъ я исполнѣ изучилъ съ горячимъ усердіемъ философію, юриспруденцію и медицину, къ сожалѣнію также и богословіе. И вотъ я стою теперь жалкій глупецъ! И не болѣе уменъ, чѣмъ прежде; зовусь магистромъ, называюсь даже докторомъ и десять уже лѣтъ вожу за носъ кругомъ, вверхъ, внизъ, вдоль и поперекъ моихъ учениковъ—а вижу, что мы ничего не можемъ знать. Это сожжетъ наконецъ мое сердце. Хотя я умнѣе всѣхъ этихъ шутовъ, докторовъ, магистровъ, писакъ и по-

¹⁾ Faust. Schröber. ч. I, стихи 468—482, 499—500, 510—511.

повъ; меня не мучать никакія недоумѣнія и сомнѣнія, я не боюсь ни ада, ни чорта—зато у меня отняты и всѣ радости, я не воображаю, будто я что-либо знаю въ самомъ дѣлѣ, не воображаю, будто я могу чему-либо учить, обращать и улучшать людей... Ни одна собака не могла бы такъ жить долѣе¹⁾! Предъ этой полной паэосарѣчью блѣднѣють ѣдкія васмѣшки Мефистофеля надъ факультетами въ его разговорѣ со студентомъ. Критически-анализирующій умъ, дойдя до крайнихъ предѣловъ знанія, все разрушилъ около себя, наконецъ, усомнился въ своихъ собственныхъ силахъ, въ своей способности познать хоть что-нибудь. Природа и чувство, вотъ два начала, призванные оздоровить книжную и разсудочную ученость. „Лунный свѣтъ, о если-бъ ты въ послѣдній разъ смотрѣлъ на мою муку, съ которой я столько полуночныхъ часовъ прободрствовалъ у этой конторки: тогда, надъ книгами и бумагами, печальный другъ, являлся ты мнѣ! Ахъ, я могъ-бы однако бродить въ твоёмъ миломъ сіяніи по высямъ горъ, носиться по горной пещерѣ съ духами, сновать на лугахъ въ твоёмъ мерцаніи, и, освобождаясь отъ всякой муки знанія, купаться на здоровье въ твоей росѣ! Увы! Я еще торчу въ этой тюрьмѣ? Проклятая душная каменная дыра, куда даже милый небесный свѣтъ печально пробивается сквозь цвѣтныя окна! Стѣсенная этой кучей книгъ, которую грызутъ черви, покрываетъ пыль, утыканной до самаго высокаго свода пожелтѣвшей бумагой; заставленная кругомъ стаканами, бапками, биткомъ набитая инструментами, со всунутой между ними первобытной утварью—вотъ твой міръ! и это называется міромъ!

И ты спрашиваешь еще, почему твое сердце такъ боязливо сжимается въ твоей груди? Почему неизъяснимая скорбь препятствуетъ всѣмъ твоимъ живымъ движеніямъ? Въмѣсто живой природы, куда Богъ ввелъ людей, тебя окружаютъ въ пыли и плѣсени скелеты животныхъ и нога мертвеца. Вставай! Бѣги! Вонъ на просторъ земли! И этой таинственной книги собственной руки Нострадамуса развѣ не достаточно тебѣ въ спутники?... И природа тебя научить... Напрасно здѣсь сухой разсудокъ объясняетъ тебѣ ея (книги) священныя знаки²⁾. Гдѣ можно найти болѣе могучій при-

¹⁾ Ib., стихи 354—373, 376.

²⁾ Faust. Schröder. Стихи 336—421, 423, 426—427.

зываетъ отъ мертваго знанія, созданія сухого анализирующаго разсудка, спѣшить на просторъ земли въ объятія великой учительницы живого знанія— природы.

И Фаустъ уходитъ изъ своего ученаго кабинета, чтобъ погрузиться въ кипящую ключемъ жизнь, и вѣрный завѣтамъ Sturm und Drang'a влюбляется въ простую, естественную, свѣженькую дѣвушку, какъ Гете— въ Фридерiku Бріонъ, Вертеръ—въ Лотту, Эгмонтъ—въ Клару. Особенно близко подходитъ послѣдняя пара— гениальный представитель человѣческаго рода и скромная мѣщаночка, безыскусственное дитя природы.

Природа возвеличивается, одухотворяется, обожествляется. Кажется, слѣдуетъ согласиться съ Куно-Фишеромъ, что въ первоначальномъ планѣ „Фауста“ не имѣлось въ виду выводить божество такъ, какъ оно является въ величественной сценѣ пролога на небесахъ. Гете совсѣмъ было выкинулъ изъ легенды и Бога и дьявола, чего не сдѣлали ни Марлоу, ни Лессингъ. Какъ пантеистъ, онъ знаетъ одну религію природы. Для него существуетъ лишь духъ земли. Мефистофель—одинъ изъ подвластныхъ тому стихійныхъ демоновъ ¹⁾. Дѣйствительно, описанія макрокосма и микрокосма дышутъ пантеизмомъ. „Я чувствую“, говоритъ Фаустъ при взглядѣ на таинственные знаки книги Нострадамуса,—„какъ молодое, святое счастье жизни вновь горячо бѣжитъ по моимъ нервамъ и жиламъ. Не божество ли начертало эти знаки, которые успокаиваютъ во мнѣ внутреннее бушеваніе, наполняютъ мое бѣдное сердце радостью и таинственнымъ стремленіемъ, раскрываютъ предо мной силы природы? Не Богъ-ли я? Мнѣ такъ свѣтло! Я вижу, въ этихъ отчетливыхъ чертахъ лежитъ предъ моей душою сама природа въ дѣйствиіи... Какъ все составляетъ цѣлое, одно въ другомъ дѣйствуетъ и живетъ! Какъ небесныя силы поднимаются и спускаются и подаютъ другъ другу золотыя ведра. Съ благоухающимъ, благословеннымъ вѣяніемъ они тѣсняются съ неба черезъ землю, наполняя вмѣстѣ все гармоническимъ созвучіемъ!... Гдѣ обйму я тебя, безконечная природа? Гдѣ вы ея груди? Вы, источники всей жизни, отъ которыхъ питаются небо и земля, куда тѣснится моя иссохшая

¹⁾ Kuno-Fischer. Goethe's Faust. Stuttgart 1878. Стр. 178—184, 191—197, 205—216.

грудь—вы течете, вы поите, и неужели-же я томлюсь жаждой такъ напрасно“¹⁾? Мы слышимъ благоговѣйнаго жреца природы, для котораго рядомъ съ нею не существуетъ ничего во вселенной. „При сосцахъ ея питаются небо и земля. Небесныя силы, проникающія и наполняющія своей дѣятельностью землю, по справедливому замѣчанію Schröer'a,—„прекрасное олицетвореніе силъ природы“; это—„оживляющіе соки, которые, какъ волшебствомъ, проникаютъ въ организмы и оживотворяютъ ихъ“²⁾. А изображеніе духа земли, гдѣ онъ выступаетъ предъ нами существомъ стихійнымъ, субстанціей и комплексомъ всѣхъ разнообразныхъ проявленій естественныхъ силъ!

„Въ волнахъ жизни, въ вихрѣ дѣятельности

Ношусь я вверхъ и внизъ,

Сную туда и сюда!

Рожденіе и могила,

Вѣчное море,

Смѣняющаяся дѣятельность,

Огненная жизнь,

Такъ дѣйствую я на свистящемъ ткацкомъ станкѣ времени

И создаю живую одежду божества“³⁾!

Но Фаустъ является не только благоговѣйнымъ читателемъ природы, но и такимъ-же почитателемъ чувства. Вотъ какъ изъясняетъ онъ свое исповѣданье Гретхенъ:

„Всеобъемлющій!

Всеподдерживающій!

Развѣ онъ не объемлетъ и не поддерживаетъ

Тебя, меня и себя самого?

Развѣ не вздымается сводомъ небо тамъ наверху?

Не лежитъ неколебимо земля внизу?

Не восходятъ, дружелюбно сверкая,

Вѣчныя звѣзды?

Развѣ я не вижу всего этого, смотря тебѣ въ глаза?

¹⁾ Faust. Schröer. Стихи 432—441, 447—453, 455—459.

²⁾ Faust. Schröer, ч. I, стр. 41.

³⁾ Faust. Schröer. Стихи 501—509.

Развѣ не тѣснится это
 У тебя въ головѣ и сердцѣ,
 И не витаетъ съ вѣчной отрадой
 Невидимо—видимо около тебя?
 Если твое сердце, сколько оно вмѣщаетъ, полно этимъ,
 И если ты совершенно блаженна въ этомъ чувствѣ,
 Называй его тогда, какъ хочешь,
 Зови его счастьемъ! сердцемъ! любовью! Богомъ!
 Я не имѣю имени
 Для этого! Чувство—все“¹⁾!

А бесплодныя попытки разъяснить значеніе чувства Вагнеру!

„Вы ничего не достигнете, если вы не чувствуете,
 Если чувство не тѣснится у васъ изъ груди
 И съ могучей увлекательностью
 Не покоряетъ сердца всѣхъ слушателей.
 Вы всегда лишь корпите! склеиваете вмѣстѣ,
 Готовите рагу изъ остатковъ чужого пиршества
 И раздуваете жалкій огонекъ
 Въ вашей кучкѣ пепла
 На удивленіе младенцамъ и глупцамъ,
 Если оно вамъ по вкусу!
 Но никогда не удастся вамъ соединить во едино сердца съ
 сердцами,
 Если рѣчь ваша не идетъ у васъ изъ сердца“.
 „Неужели этотъ пергаментъ есть священный колодезь,
 Питье изъ котораго удовлетворяетъ жажду навѣки?
 Ты нигдѣ не найдешь освѣженія,
 Если оно не истекаетъ у тебя изъ твоей собственной души“²⁾.

Фаустъ презираетъ ученое витійство, это—осенній дождь, шелестящій по сухимъ листьямъ³⁾. Онъ не видитъ проку въ исторіи. Въ выводахъ историка отражается не духъ эпохи, а его собственная душа. Понять прошлое намъ не дано, въ лучшемъ случаѣ мы

¹⁾ Ib., стихи 3438—3456.

²⁾ Ib., стихи 534—545, 566—569.

³⁾ Ib., стихи 548—557.

накопляемъ археологическій хламъ или устанавливаемъ фактическую сторону исторіи ¹⁾). Книжную ученость вообще Фаустъ отвергаетъ—не ей удовлетворить стремленія человѣческаго духа ²⁾). Не знанія, а чувство, собственное сердце человѣка составляютъ его силу и счастье.

Но „Фаустъ“ не только наиболѣе могучее проявленіе Sturm und Drang'a, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшее произведеніе романтизма. Высокій, превышающій все человѣческое идеаль, если не сознательно живетъ, то неотступно витаетъ надъ душою героя. Туманный, но величественный, онъ не даетъ Фаусту успокоиться ни на какой конкретности—всякая ниже его. Отсюда вѣчная неудовлетворенность, безпокойное исканіе, постоянное блужданіе изъ одной области мысли въ другую, отъ одной жизнедѣятельности къ другой. А эта вѣчная, неизбѣжная неудовлетворенность неопредѣленнаго стремленія не есть-ли существеннѣйшая черта романтизма? И гдѣ она выражена величественнѣе и огненнѣе, чѣмъ въ Фаустѣ? Но рядомъ съ нимъ вскорѣ появляется другая фигура. Это—Мерфифиль, представитель всеуничтожающаго скептицизма. Онъ не знаетъ идеаловъ, для него нѣтъ ничего святаго. Истинный духъ отрицанія,—для него является наслажденіемъ презирать и унижать. Высокія, полусознанныя стремленія Фауста, наивная приверженность наукѣ юнаго студента, дѣтская невинность и набожность Гретхенъ, растущая чистая страсть влюбленныхъ, трагическая судьба несчастной—на все изливаетъ онъ ядъ своей цинической насмѣшливости. Онъ соображаетъ студента итти въ медики перспективой быть дамскимъ врачомъ, увлекаетъ Фауста въ Ауэрбаховъ кабачекъ въ грязную компанію забулдыгъ, сближаетъ его съ Гретхенъ, наталкиваетъ обоихъ на преступленія, доводитъ дѣвушку до гибели и послѣ указываетъ Фаусту: вотъ что ты надѣлалъ! „Кто ввергъ ее въ погибель? Я или ты?... Еще тяготѣетъ надъ городомъ невинная кровь, пролитая твоей рукою. Надъ мѣстомъ убійства витаютъ духи-мстители и подкарауливаютъ возвращеніе убійцы“, патетически заявляетъ онъ ³⁾). Неудивительно, что такой спутникъ мучителенъ и ненавистенъ Фаусту. Съ горькимъ недоумѣніемъ обращается онъ

¹⁾ П., стихи 574—585.

²⁾ П., стихи 566—569.

³⁾ П., стр. 294.

къ духу земли: „Великій прекрасный духъ, ты, который удостоиль явиться мнѣ, который знаетъ мое сердце и мою душу, зачѣмъ скрывать ты меня съ безстыднымъ спутникомъ, который тѣшится вредомъ и услаждается гибелью?“¹⁾

Каково въ самомъ дѣлѣ было назначеніе Мефистофеля въ ту эпоху „Фауста“? Кажется, нельзя согласится съ Куно-Фишеромъ, видящимъ въ немъ *только* стихійнаго духа, земнаго демона. Его насмѣшки и поступки не походятъ на безцѣльную, такъ сказать, добродушную проказливость гномовъ, кобольдовъ и т. п. Въ нихъ видна злостная цѣль непременно унижить, растоптать все лучшее, все благороднѣйшее. Повидимому, назначеніе Мефистофеля не измѣнилось съ его превращеніемъ изъ земнаго демона въ діавола. Оно высказано Гете, хотя и въ позднѣйшую эпоху, словами Бога въ прологѣ: „Дѣятельность человѣка слишкомъ скоро засыпаетъ, онъ скоро находитъ удовольствіе въ безусловномъ покоѣ; поэтому я охотно даю ему такого спутника, который подстрекаетъ и дѣятеленъ и дѣйствуетъ, какъ чортъ“. Но „добрый человѣкъ въ своемъ неясномъ стремленіи хорошо сознаетъ правильный путь“²⁾. Такимъ образомъ въ Фаустѣ выражено мечтательное, неопредѣленное стремленіе къ идеалу. Въ Мефистофелѣ же воплощенъ разрушительный скептицизмъ, который, „желая зла, постоянно создаетъ добро“³⁾. Онъ не даетъ человѣку заснуть въ покоѣ, удовлетвориться одностороннимъ, мелкимъ, неабсолютнымъ идеаломъ. Сомнѣніе и скепсисъ найдутъ способъ его подточить и разрушить, увлекая въ паденіе ничтожную душу, великую-же лишь подстрекая и возбуждая къ новымъ усиліямъ, къ дальнѣйшему стремленію и совершенствованію. Такъ Мефистофель является необходимымъ спутникомъ Фауста, нераздѣльною частью его и его страстнаго, непрерывнаго старанія подняться надъ человѣческимъ до высоты абсолютнаго идеала.

Гете этой эпохи хорошо извѣстенъ Пушкину. Съ Вертеромъ онъ ознакомился, вѣроятно, еще въ Петербургѣ. Романъ этотъ пользовался у насъ большимъ успѣхомъ и вызвалъ рядъ переводовъ: Галченкова въ 1781 (Сопиковъ. „Опытъ російской библіографіи“

¹⁾ Ib., стр. 294.

²⁾ Ibid., стихи 340—343, 328—329.

³⁾ Ibid., стихъ 1336.

Сиб. 1821 г., № 11,575), его-же въ 1786 г. („Біографія Александра Ивановича Кошелева“, Колюпановъ. М. 1889. Т. I, кн. 2, стр. 356), Ив. Виноградова 1798 (Сопиковъ, 11,576) или 1796 (Колюпановъ ib.), его-же 1817 (Сопиковъ, 13,227, Колюпановъ, ib.). Явились „стихи на гробъ Вертера“ Вельяшева-Волынцева (Колюпановъ. Т. I, кн. 1, стр. 89), подражанія: „Вертеровы чувствованія etc.“ Клушина 1802 г. и „Вертеръ Россійскій etc.“ Сушкова 1802. (Сопиковъ, 2433 и 2434), журнальныя замѣтки въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ 1781 и въ современномъ Пушкину „Другѣ Юношества“ 1807—1815. (Колюпановъ. Т. I, кн. 1, стр. 115. 194). Было-бы странно, чтобъ Пушкинъ не ознакомился со столь знаменитой книгой. Въ 1823—24 годахъ мы встрѣчаемъ въ „Евг. Онѣгинѣ“ намеки на Вертера. Строфа XXXVIII первой пѣсни писана еще въ Кишиневѣ¹⁾. Слѣдовательно, Пушкинъ перечиталъ романъ не позже кишиневскаго періода.

Рано могъ стать извѣстнымъ поэту и „Клавиго“, такъ какъ онъ тоже ходилъ уже въ Россіи въ русскомъ переводѣ 1780 г.²⁾ Онъ упоминается поэтомъ въ разговорахъ со Смирновой³⁾. „Прометей также упоминается въ этихъ запискахъ⁴⁾. Гець фонъ Берлингенъ и Эгмонтъ, повидимому, прочтены Пушкинымъ въ Михайловскомъ въ 1825 г., когда онъ въ связи съ занятіями надъ своей драмой усердно изучалъ драму вообще, въ особенности-же, конечно, историческую. Во всякомъ случаѣ, Гець долженъ былъ стать ему неизбежно извѣстнымъ въ 1828 г., когда появился переводъ Погодина⁵⁾; Эгмонтъ-же, повидимому,— не позже 1830 года, такъ какъ въ статьяхъ этого года Пушкинъ рѣзко выдвигаетъ заслуги Гете въ дѣлѣ созданія исторической драмы, которая, какъ извѣстно, цѣликомъ покоятся на Гець и Эгмонтѣ. Въ 1831 году одинъ изъ пріятелей Пушкина, Погодинъ, издалъ подъ заглавіемъ: „Избранный нѣмецкій театръ“⁶⁾ переводы нѣмецкихъ драматурговъ, сдѣланные

¹⁾ Гротъ. Хронологическая канва, стр. 198. См. и Соч. Пушкина. Изд. литературнаго фонда 1887 г. Т. III, примѣчанія къ строфѣ L первой пѣсни.

²⁾ Сопиковъ, № 11,916.

³⁾ Записки А. О. Смирновой. Спб. 1895 стр. 294.

⁴⁾ Ib., стр. 205.

⁵⁾ Колюпановъ. т. I, кн. 2, стр. 356.

⁶⁾ „Избранный нѣмецкій театръ“. Переводъ Александра Шишкова 2. Москва 1831. Т. I - IV. Въ немъ изданы „Пикколомини“, „Смерть Валленштейна“ (т. I) и „Марія Стюартъ“ Шиллера, „Князя Хованскіе“ Раупаха (т. II). „Фор-

другимъ его пріятелемъ, Ал. Шишковымъ. Четыре тома увидѣли свѣтъ, а пятый, въ которомъ долженъ былъ появиться „Эгмонтъ“, встрѣтилъ пренятствія со стороны цензуры. Уже послѣ смерти Шишкова, въ 1834 году, Пушкинъ какъ мы видѣли, хлопоталъ о напечатаніи этого перевода „Эгмонта“. Врядъ-ли можно утверждать, что при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нашъ поэтъ не ознакомился съ этой драмой Гете и что его отзывъ о ней въ письмѣ къ Уварову сдѣланъ съ чужого голоса. Эгмонта встрѣчаемъ и въ разговорахъ со Смирновой¹⁾. Съ Фаустомъ онъ, повидимому ознакомился еще въ Петербургѣ чрезъ посредство Кюхельбекера, Жуковского и Тургеневыхъ. Первое-же произведеніе ссылки носитъ эпиграфъ изъ Фауста и отчасти родственно ему. Ко времени написанія „Демона“ 1823, какъ показываетъ анализъ этого стихотворенія, Пушкинъ былъ основательно знакомъ съ этой драмой. А „Сцены изъ Фауста“ 1825 года не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія.

Вертера Пушкинъ, какъ мы видѣли, не особенно долюбивалъ. О Клавиге также отзывался онъ не вполне одобрительно²⁾. Зато высоко цѣнитъ онъ историческія драмы Гете и признаетъ ихъ вліяніе на французскій и русскій театръ. Конечно, говоря это, онъ могъ имѣть въ виду лишь первыя попытки создать у насъ національную историческую драму—своего Бориса Годунова“, да „Марю-Посадницу“ Погодина. Прямое указаніе вліянія Гете на это произведеніе нашего поэта! Но Фаустъ заполонилъ Александра Сергѣевича совершенно. Стремленіе изобразить ту же болѣзнь вѣка, которую изображаетъ Фаустъ, указать это вліяніе „духа отрицанія и сомнѣнія“ на современное человѣчество проходитъ чрезъ „Кавказскаго Плѣнника“, „Демона“, „Цыганъ“, „Евгенія Онѣгина“ и „Сцены изъ Фауста“. Въ этомъ смыслѣ всѣ они чада этого могучаго произведенія человѣческаго духа.

тунать“, обѣ части. Людвигъ Тика (т. III), „Аттила“ Вернера и „Тони“ Кёрнера (т. IV). Всѣ эти произведенія необходимо поэтому считать извѣстными и Пушкину.

¹⁾ Записки Смирновой, ч. I, стр. 198, 286.

²⁾ Записки Смирновой, ч. I, стр. 294. Этотъ отзывъ Пушкина вполне соответствуетъ упорному молчанію собственныхъ произведеній поэта объ этой драмѣ.

2. Пушкинъ.

И у Пушкина встрѣчаемъ мы черты Sturm und Drang'a, Въ этомъ, конечно, нельзя видѣть подражанія западно-европейскимъ писателямъ. У насъ существовали на лицо всѣ необходимыя условия для возникновенія собственнаго подобнаго движенія. Какъ и въ прочей Европѣ, у насъ царилъ гнетъ деспотизма. Какъ и тамъ, права гражданина и члена общества опредѣлялись преимущественно происхожденіемъ. Въ церкви замѣчаемъ такой же формализмъ и ортодоксальный догматизмъ. Въ наукѣ, искусствахъ, литературѣ-отголоски тѣхъ-же теченій и теорій, какія господствовали на Западѣ. Если и тамъ односторонность этой цивилизаціи душила выдашіеся умы, то въ Россіи она должна была казаться вдвое тягостнѣе, такъ какъ была здѣсь пришлой гостьей, порожденіемъ чуждой для насъ жизни. Такъ собственная русская жизнь готовляла въ нашемъ отечествѣ такую же революцію духа, какая пятьюдесятью годами раньше имѣла мѣсто у другихъ европейскихъ народовъ. Намъ было только легче формулировать свои требованья— нужно было лишь приспособить къ русской дѣйствительности уже существовавшія на Западѣ формулы.

Въ жизни государственной движеніе сказалось учрежденіемъ „Союза Благоденствія“, распространеніемъ ложъ „свободныхъ каменщиковъ“, наконецъ оно разразилось декабрьской революціей. Въ области религіозной также замѣчаемъ неудовлетворенность и броженіе: появляются масоны, мартинисты, хлысты. „Батюшка“ Селивановъ, изворотливый глава скопчества, умѣло эксплуатируетъ это настроеніе и играетъ видную роль въ средѣ петербургской аристократіи.

Пушкинъ также одно время явился представителемъ бурныхъ стремленій, преимущественно на литературной почвѣ. Но при этомъ мы бы напрасно искали во взглядахъ нашего поэта именно тѣ черты Sturm und Drang'a, которыя мы нашли у Гете. Различіе эпохи, національности и личности наложило на нихъ свой отпечатокъ.

Начнемъ съ центральнаго вопроса. Какъ относился Пушкинъ къ современной цивилизаціи? Конечно, многое въ ней ему не совсѣмъ нравилось. Въ лирикѣ его встрѣчаются мѣста въ родѣ:

„Гдѣ капля блага—тамъ на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ“¹⁾.

Онъ видитъ „вездѣ... предразсудковъ послушныхъ рабовъ“²⁾.

Поэмы Пушкина ведутъ насъ отъ очаговъ цивилизаціи къ полудикимъ горцамъ Кавказа, цыганамъ, татарамъ, разбойникамъ. Его герои болѣе или менѣе разрываютъ свою связь съ цивилизованнымъ обществомъ.

Но присмотримся ближе къ этимъ поэмамъ и ихъ героямъ. Начнемъ съ „Кавказскаго Плѣнника“. Что такое представляетъ изъ себя плѣнникъ? Молодого офицера русской службы, который

„бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье...“³⁾.

Такимъ именно путемъ „Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ“ и узналъ „невѣрной жизни цѣну.

Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучилъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы“.

Тогда онъ сталъ „отступникъ свѣта, другъ природы“,
„И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы“⁴⁾,

Въ правѣ-ли мы видѣть въ плѣнникѣ такого представителя цивилизаціи и сознательнаго борца противъ ея основъ, какъ Вертеръ, Фаустъ? Поэтъ едва намекнулъ на интересъ героя къ выс-

¹⁾ Соч., т. VШ, стр. 201. См. примѣчанія къ стихотворенію „къ морю“. 1824 г. Въ окончательной редакціи его этотъ стихъ замѣненъ точками. Въ рукописныхъ спискахъ и изданіяхъ этотъ стихъ чрезвычайно варьируется. Эти варианты, можетъ быть, можно отнести къ собственнымъ исправленіямъ Пушкина въ разныя эпохи. Данный вариантъ почерпнутъ изъ подлинной рукописи Пушкина, хотя и изъ черновой. Вариантъ, принятый изд. Ефремова: „Иль самовластье, иль тиранъ, кажется намъ наименѣе удачнымъ, такъ какъ заключаетъ ненужную тавтологію, См. т. VШ, стр. 201—202.

²⁾ Т. VШ, стр. 189.

³⁾ Соч. Пушкина. Изд. Ак. Наукъ. Т. II, стр. 231.

⁴⁾ Ib., стр. 231.

шимъ вопросамъ человѣческой мысли. Свобода!... страстями сердце погубя,

Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
 Съ волненіемъ пѣсни онъ внималъ,
 Одушевленные тобою;
 И съ вѣрой, пламенной мольбою
 Твой гордый идолъ обнималъ¹⁾.

Мы видимъ предъ собою юношу, пресыщеннаго матеріальными наслажденіями, разочаровавшагося въ душевномъ благородствѣ своихъ пріятелей собутыльниковъ, въ довершеніе бѣдствій несчастно влюбленнаго²⁾. Но разочарованіе во всемъ этомъ еще не затрогиваетъ лучшихъ и существеннѣйшихъ сторонъ цивилизаціи. Поэтому и неудивительно, что, проживъ нѣкоторое время вдали отъ нея, герой вновь всѣмъ сердцемъ стремится къ возврату въ ея лоно.

„Взошла заря. Тропой далѣкой
 Освобожденный плѣнникъ шѣлъ,
 И передъ нимъ уже въ туманахъ
 Сверкали Русскіе штыки
 И окликались на курганахъ
 Сторожевые козаки“³⁾.

При желаніи поэтъ могъ-бы удержать своего героя въ средѣ дикихъ сыновъ природы, изъ созерцателя ихъ вольной жизни онъ могъ бы превратить его въ дѣятельнаго участника ея, воспользо-вавшись для этой цѣли хоть тою-же черкешенкой. Но Пушкинъ чувствовалъ, что это дикое существованіе чуждо душѣ плѣнника, и успѣшилъ воротить своего героя къ недавно бранному тѣмъ и вновь оцѣненному культурному обществу. Но по собственному призванію Пушкина, характеръ плѣнника неудаченъ, большую и лучшую часть поэмы составляютъ описанія кавказской природы и нравовъ горцевъ. Можетъ быть, антипатія поэта къ цивилизаціи сказалась явственнѣе тутъ? Несомнѣнно, Пушкинъ любитъ черкесовъ „жизни простоту,

¹⁾ Ib., стр. 231—232.

²⁾ Ib., стр. 244—246, 247.

³⁾ Ib., стр. 252.

Гостепрѣмство, жажду брани,
 Движеній вольныхъ быстроту,
 И легкость ногъ, и силу длани“ 1).

Его плѣняетъ „красота одежды бранной и простой“ и „непобѣдимый, непреклонный видъ“ горцевъ 2). Словомъ, онъ отдаеть должное хорошимъ сторонамъ ихъ быта. Это не мѣшаетъ ему при- вѣтствовать успѣхи русскаго оружія на Кавказѣ и грядущее во- двореніе тамъ помощью русскаго штыка европейской цивилизаціи.

Смирись, Кавказъ: идетъ Ермоловъ!
 И смолкнулъ ярый крикъ войны:
 Все Русскому мечу подвластно.
 Кавказа гордые сыны,
 Сражались, гибли вы ужасно;
 Но не спасла васъ ваша кровь,
 Ни очарованныя брови,
 Ни горы, ни лихіе кони,
 Ни дикой вольности любовь!
 Подобно племени Батыя.
 Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
 Забудеть алчной брани гласъ,
 Оставить стрѣлы боевыя.
 Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
 Подѣдетъ путникъ безъ боязни,
 И возвѣстятъ о вашей казни
 Преданья темныя молвы 3).

1) Ib. стр. 236.

2) Ib. стр. 236—237.

3) Ib., стр. 256—257. „Эпилогъ“ этотъ возмутилъ кн. Вяземскаго. „Мнѣ жаль, пишетъ онъ, что Пушкинъ окровавилъ послѣдніе стихи своей повѣсти. Что за герой Котляревскій, Ермоловъ? Что хорошаго, что онъ, „какъ черная зараза, губилъ, ничтожилъ племена?“ Отъ такой славы кровь стынетъ въ жи- лахъ, и волосы дыбомъ становятся. Если бы мы просвѣщали племена, то бы- ло-бы что воспѣть. Поэзія не союзница палачей; политикъ они могутъ быть нужны, и тогда суду исторіи рѣшить, можно-ли ее оправдывать или нѣтъ; но гимны поэта не должны быть никогда славословіемъ рѣзни. Мнѣ досадно на Пушкина: такой восторгъ—настоящій анахронизмъ“. (Остаф. Арх., т. II, стр. 260). Замѣчаніе редакторовъ Академическаго изданія Пушкина, что этотъ

Еще яснѣе тѣ-же мысли высказалъ поэтъ прозою: „Кавказскій краѣ, знойная граница Азіи—любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. *Ермоловъ наполнилъ ея своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ.* Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. *Дороги становятся чисты отъ часу безопасныя*, многочисленные конвои—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы для Россіи, скоро *сблизитъ насъ въ Персіями безопасною торовлею*, не будетъ намъ преградю въ будущихъ войнахъ“¹⁾. Мы видимъ, Пушкинъ цѣнить именно культурное значеніе военныхъ подвиговъ Ермолова.

Переходимъ къ „Бахчисарайскому Фонтану“. Это триумфъ христіанской цивилизаціи. Строгая чистота и духовная высота христіанки вытѣсняють изъ сердца Гирея и самого поэта дико-прекрасную, страстную и необузданную Зарему. Даже на этого полудикаго деспота, жизнь котораго проходила между кровавыми набѣгами и нѣгою гарема, подѣйствовало исходившее отъ Маріи вѣяніе высокой нравственной культуры, созданной христіанствомъ. Не менѣе многозначителенъ и эпилогъ:

„Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣнѣ утопалъ.
Еще конныя дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы.
И злато блещетъ на стѣнахъ...
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.

„упрекъ... справедливъ“ (см. т. II, примѣч., стр. 484), показываетъ, что и они раздѣляютъ взглядъ Вяземскаго. Намъ кажется, при внимательномъ чтеніи „Эпилога“ видно, что въ побѣдахъ Ермолова Пушкина увлекала не самая „рѣзня“, которую онъ лишь констатируетъ съ точностью историка и съ пышностью образовъ художника, а именно приобщеніе дикаго Кавказа къ европейской цивилизаціи, которую, чтобы тамъ ни говорить, несла съ собою Россія.

¹⁾ Переписка. Т. I, стр. 19—20. Письмо Л. С. Пушкину отъ 24 сентября 1820 г.

Сии надгробные столбы,
 Вънчанны мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
 Гласили внятною молвою.
 Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?¹⁾

Какъ видимъ, поэтъ выражается о татарахъ не особенно лестно. Но въ чемъ-же состоялъ завѣтъ судьбы? Намъ кажется, отвѣтъ даетъ эпилогъ „Кавказскаго Плѣнника“: „подобно племени Батыя, измѣнить прадѣдамъ Кавказъ etc.“ Еще яснѣе выступаетъ онъ при сравненіи нарисованной въ поэмѣ картины прошлой жизни Крыма съ его настоящимъ, какъ Пушкинъ изобразилъ его въ стихотвореніи „Желаніе“. Сравненіе это намѣчено и въ эпилогѣ поэмы, въ одной части весьма напоминающемъ данное стихотвореніе:

„Я помню горъ высокія вершины
 Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
 И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостеприимной.
 Все мило тамъ красою безмятежной,
 Все путника плѣняетъ и манить,
 Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
 Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатитъ,
 Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
 Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.
 Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
 Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
 Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
 Монастыри, селенья, города,
 И моря шумъ, и говоръ водопада
 И средь валовъ бѣгущія суда“²⁾.

¹⁾ Соч., т. III, стр. 20—21.

²⁾ Ib., т. I, стр. 388—389. Курсивъ нашъ. Ср. и отрывокъ „Таврида“, ib., стр. 476—477.

Вмѣсто разбойничьяго гнѣзда и притона сладострастія мы видимъ мирно-цвѣтущій культурный край. Неизбѣжность такого превращенія, не она-ли именно и есть тотъ великій „завѣтъ судьбы“, который поэтъ прочиталъ на развалинахъ ханскаго дворца? Цивилизаціи должно въ концѣ концовъ принадлежать торжество надъ необузданными, дикими силами.

„Братья Разбойники“ знакомятъ насъ ужъ не съ полудикими народами, а съ отщепенцами культуры. Пушкинъ не мевѣ Шиллера и Байрона сознаетъ, что общество само виновато въ порожденіи подобныхъ типовъ. Вотъ начало исторіи братьевъ:

„Насъ было двое: братъ и я:
 Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
 Вскормила чуждая семья;
 Намъ, *дѣтямъ, жизнь была не въ радость:*
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
 И рано волновало насъ
 Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля,
Мы жили въ горь. средь заботъ.
 Наскучила намъ эта доля...“¹⁾

Мы видимъ, жестокосердіе и равнодушіе людей толкнуло бѣдныхъ сиротъ на кровавую дорогу преступленія. Рѣзкое социальное неравенство и высокоумѣренная кичливость болѣе счастливыхъ побудили обездоленныхъ взяться за ножъ. Но Пушкинъ не ударяется вслѣдствіе такого сознанія въ крайность, не идеализируетъ, не превозноситъ подобныхъ борцовъ противъ общественности. Онъ знаетъ, что, несмотря на всѣ недостатки цивилизованнаго общества, въ немъ, а не въ анархіи „Разбойниковъ“ и „Корсаровъ“ заключается здоровое зерно человѣческаго благосостоянія.

„Они стеклися для стяжаній!
 Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець—
 Живуть безъ власти, безъ закона...“

¹⁾ Ib., т. II, стр. 540—541. Курсивъ нашъ.

Опасность, кровь, развратъ, обманъ—
 Суть узы страшнаго семейства;
 Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
 Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
 Кто рѣжетъ хладною рукою
 Вдовицу съ бѣдной сиротой,
 Кому смѣшно дѣтей стenanье,
 Кто не прощаетъ, не щадить,
 Кого убійство веселить,
 Какъ юношу любви свиданье“ 1).

Тѣни положены густыя и мрачныя. Тѣмъ ярче выступаетъ оптимистическая увѣренность автора въ непрочности этого, казалось-бы, столь полнаго освобожденія личности отъ путъ нравственности, внушаемой каждымъ цивилизованнымъ обществомъ своимъ сочленамъ.

„Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцахъ дремлетъ совѣсть:
 Она проснется въ черный день“ 2).

Но специально посвящены вопросу объ отношеніи личности къ цивилизаціи „Цыганы“. Быть можетъ, онъ былъ поставленъ предъ молодымъ поэтомъ подвигавшимся впередъ изученіемъ Байрона и Гете. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе онъ получилъ оригинальное. Въ этой поэмѣ противъ цивилизованнаго общества устами Алеко выдвинутъ рядъ тяжкихъ обвиненій, и самъ авторъ не несогласенъ съ ними. По крайней мѣрѣ, онъ также жалуется на „окровы просвѣщенья“ и видитъ въ дикой бѣдности цыганъ противоположность „мертвымъ нашимъ нѣгамъ“ и „нашей жизни празднои, какъ *тѣнь рабовъ однообразной*“ 3). Какъ Вертеръ и Фаустъ, Алеко является борцомъ за права личности, природы и чувства. Онъ ставитъ въ упрекъ цивилизаціи, что она отдалила челоуѣка отъ природы. „Когда бъ ты знала“, говоритъ онъ Земфирѣ, когда-бы ты воображала

1) Ibid. стр. 539—540.

2) Ib., стр. 547.

3) Ib., т. III, стр. 37, 32.

„Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ“¹⁾.

Она укоренила въ челоѣкъ рядъ нелѣпыхъ предразсудковъ:

„Что бросилъ я? продолжаетъ онъ;
Предразсужденій приговоръ“...²⁾.
„Останься посреди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья—
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикою люлькою твоей“, напѣваетъ Алеко сыну³⁾.

Тутъ, очевидно, намекъ на несогласное съ „естественнымъ правомъ“ различіе сословіи. Далѣе, цивилизація извратила первобытную природу челоѣка, она дала ему излишнія потребности, „ложныя нужды“, „простые пороки“ превратила въ „образованный развратъ“, измѣнила самую душу людскую, населивъ её „напрасными угрызениями“⁴⁾.

Эти „предразсужденія“ въ особенности направлены противъ свободы чувства. „Люди тамъ... любви стыдятся, мысли гонять“⁵⁾. Поэтому жизнь цивилизованнаго общества поражаетъ мертвенностью („мертвыхъ нѣтъ“), отлилась въ однообразныя, стѣснительныя формы („какъ пѣснь рабовъ однообразной“)⁶⁾. Земфира выше городскихъ дѣвъ именно простотой и искренностью своего чувства⁷⁾.

Наконецъ, цивилизація лишила личность свободы. Люди не цѣнятъ „неоцѣненный даръ свободы“⁸⁾,

¹⁾ Ib., стр. 34.

²⁾ Ib., стр. 35.

³⁾ Ib., стр. 53. См. „невошедшіе въ поэму“, но чрезвычайно важные для ея пониманія стихи.

⁴⁾ Ib., стр. 53—54.

⁵⁾ Ib., стр. 35.

⁶⁾ Ib., стр. 32.

⁷⁾ Ib., стр. 35.

⁸⁾ Ib., стр. 53.

„Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей“¹⁾).

И главный изъ этихъ ничтожныхъ кумировъ—„идолъ безумной чести“²⁾).

Того, кто задумаль-бы идти своей дорогою, необходимо постигнуть „предразсужденіи приговоръ“ и „толпы безумное гоненье“³⁾).

Даже наука испытала на себѣ скептицизмъ Алеко. Онъ видитъ въ ней лишь „пышную суету“⁴⁾).

Понятно, какъ тяжела должна быть жизнь въ подобныхъ условіяхъ. Алеко самъ бѣжитъ отъ цивилизаціи и тому-же поучаетъ сына:

„Останься здѣсь среди степей...
Отъ общества, быть можетъ, я
Отъемлю нынѣ граждаина.
Что нужды?—я спасаю сына...
Зато безпечень, здравъ и волень...
Онъ будетъ жребіемъ доволенъ“⁵⁾).

Но что-же противопоставляется этой цивилизаціи? Цыганскій таборъ. Уже давно замѣчено, что Пушкинъ правдиво передалъ лишь внѣшнюю сторону цыганской жизни, внутреннюю-же сильно идеализировалъ. Цыганы не принимаютъ никакихъ мѣръ къ обузданію своеволия личности:

„Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стонновъ“⁶⁾, говорятъ они.

Ихъ скудное имущество является какъ-бы общимъ. Бѣглецу городовъ Алеко они радушно даютъ пріютъ и гостепрѣимство. Даже покидая страшнаго убійцу, они выдѣляютъ ему часть изъ своего

¹⁾ *Ив.*, стр. 35.

²⁾ *Ив.*, стр. 54.

³⁾ *Ив.*, стр. 35.

⁴⁾ *Ив.*, стр. 54.

⁵⁾ *Ив.*, стр. 53—54.

⁶⁾ *Ив.*, стр. 50.

убогаго инвентаря. Несмотря на такую свободу личности, въ таборѣ цыганъ царить полная гармонія. Это высоко-воспитанные нравственно люди, которые „добры душою“¹⁾ и никогда не насилуютъ своевольно свободы своего ближняго. Они не „для себя только хотятъ воли“²⁾. Даже отплатившаго имъ зломъ за гостепрѣмство Алеко они оставляютъ полнымъ господиномъ своей особы и надѣляютъ его необходимымъ для жизни:

„И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ“³⁾.

Чрезвычайно интересенъ вопросъ, считаль-ли Пушкинъ эту нравственную высоту слѣдствіемъ полудикой жизни? указываль-ли онъ цивилизованному обществу на цыганскій таборъ и „юрту остяка“, какъ на образецъ, по которому нужно перестроить свою жизнь? Мы не думаемъ этого. Ни Кавказскіе горцы, ни татары не представляются намъ въ такомъ идеальномъ свѣтѣ. „Удалыхъ шайка“ составлена главнымъ образомъ изъ представителей полудикихъ народовъ. Тутъ:

„И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, башкирецъ безобразный,
И рыжій финнъ, и съ льною праздною
Вездѣ кочующій цыганъ“⁴⁾.

А мы знаемъ уже, насколько эта компанія противоположна идеализированной цыганской общинѣ.

Наконецъ, вотъ прозаическій отзывъ поэта объ этомъ народѣ: „Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью—вездѣ утомила мѣры, принятія для преобразования *праздной жизни* сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англіи: мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, *обманываютъ и крадутъ*; жен-

¹⁾ Ib., стр. 50.

²⁾ Ib.,

³⁾ Ib., стр. 51.

⁴⁾ Ib., т. II, стр. 539. Курсивъ нашъ.

щины промышленяють ворожбой, пѣснями и плясками“¹⁾. Въ этихъ словахъ виденъ вполне трезвый взглядъ на цыганъ и отчетливо выступаютъ затушеванныя въ поэмѣ отрицательныя стороны цыганской жизни. Пушкинъ не могъ такое паразитное существованіе ставить въ образецъ цивилизованному обществу. Идеализація цыганъ ему нужна была съ цѣлью показать, что людей, подобныхъ Алеко, отталкивають отъ цивилизаціи не только ея недостатки, но и чрезмѣрное развитіе ихъ собственной личности и ея эгоистическихъ стремленій, тотъ „безнадежный эгоизмъ“, который приблизительно въ это-же время нашъ поэтъ открылъ и въ Байронѣ²⁾, пѣвцѣ и апологетѣ подобныхъ Алеко типовъ. Разнузданность героя поэмы растетъ съ ослабленіемъ противодѣйствія среды. Кроткіе и добрые цыгане спасаются отъ него:

„Оставь насъ, гордый человекъ!
Мы жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли...
Ты золь и смѣль—оставь-же насъ“³⁾.

„Ты не рожденъ для дикой доли“, говоритъ Пушкинъ устами старика-цыгана людямъ, вооружавшимся противъ современной цивилизаціи; при всемъ ея несовершенствѣ, она хороша ужъ тѣмъ, что полагаетъ извѣстный предѣлъ своеволію эгонистическихъ личностей. Идеальное, по ихъ взгляду, общество онѣ наполнили-бы своими кровавыми подвигами. Въ эпилогѣ поэтъ сознается, что онѣ идеализировалъ цыганъ и что они далеко не такъ безусловно „кротки и добры душою“ и глухи къ голосу страстей, терзающихъ образованное человѣчество:

„Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ изданными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевья
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣды.

¹⁾ Ib., т. III, стр. 27. Курсивъ нашъ.

²⁾ Ib., т. IV, стр. 71. „Евгеній Онѣгинъ“, гл. III, стр. XII.

³⁾ Ib., т. III, стр. 50.

И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ“¹⁾.

Лирика и проза поэта явно обнаруживаютъ, какъ высоко онъ цѣнилъ европейскую образованность. Уже въ 1815 году въ посланіи Жуковскому онъ „подастъ руку ученью“. Въ 1819 году онъ желаетъ своему народу не только свободы, но и просвѣщенья: „свободы просвѣщенной“. Въ „Посланіи Чаадаеву“ Пушкинъ сообщаетъ:

„Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“²⁾.

Въ греческомъ возстаніи Александръ Сергѣевичъ считаетъ благоприятнымъ для грековъ обстоятельствомъ ихъ просвѣщеніе и невѣжество турокъ³⁾. Въ 1822 году поэтъ въ противоположность Вертеру, отвергавшему книги, чтобы предаваться чувствамъ (вспомнимъ его письмо отъ 13 мая), пишетъ брату: „Учись... Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой-же невѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе“⁴⁾. Къ тому же времени принадлежатъ „Историческія замѣчанія“, въ которыхъ Пушкинъ прославляетъ Петра за то, что онъ приобщилъ насъ европейской цивилизаціи, и коритъ Екатерину II за то, что „лишивъ духовенство независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ *просвѣщенію народному*. *Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ*. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію“⁵⁾. А вотъ замѣчанія о самомъ воспринятомъ нами просвѣщеніи: „Новое поколѣніе, воспитанное подъ вліяніемъ европейскимъ, часъ-отъ-часу болѣе привыкало къ *выгодамъ просвѣщенія*... *Схоластическій педантизмъ* по прежнему *приносилъ свою непримѣтную пользу*... Дѣйствія

¹⁾ *Ив.*, стр. 52.

²⁾ *Ив.*, т. I, стр. 400—401.

³⁾ Черновыя письма А. Н. Раевского въ мартѣ 1821 г. См. Переписка. Г I, стр. 26.

⁴⁾ *Ив.*, стр. 49. См. письмо отъ 21 іюля 1822 г.

⁵⁾ Соч., т. V, стр. 358—359. Курсивъ нашъ.

правительства были выше собственной его образованности, и добро производилось ненарочно, между тѣмъ какъ азіатское невѣжество обитало при дворѣ... *Твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ наряду съ просвѣщенными народами Европы*"¹⁾. Мы видимъ полное признаніе пользы европейскаго просвѣщенія и стремленіе сравняться въ немъ съ другими націями Европы. Въ 1824 году Пушкинъ сѣтуеъ на помѣху развитію у насъ европейскаго просвѣщенія, созданную цензурою:

„когда святой отецъ,
Омара да Гали пріавъ за образецъ,
Усердно заглушить старался просвѣщеніе“.
„Вотъ.... въ чьи пакостныя руки
Вы были преданы, печальныя науки!“²⁾.

Онъ надѣется, что впредь „свѣтильникъ просвѣщенія“ будетъ „горѣть ярче“³⁾. Въ статьѣ „О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности“ поэтъ пишетъ: „Всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ... Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ..., но ученость, политика, философія по-русски еще не изъяснились“⁴⁾. Та же мысль и въ XXVII—XXVIII строфахъ третьей пѣсни „Овѣгива“, написанныхъ около того же времени:

„Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки...
Конечно, сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ...
Но дорожить
Одними-ль звуками пѣтъ?
И гдѣ-жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья;
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?“

¹⁾ *Иб.*, стр. 354—356. Курсивъ нашъ.

²⁾ *Иб.*, т. I, стр. 529—530. „Второе посланіе цензурѣ“.

³⁾ *Иб.*, стр. 530.

⁴⁾ *Иб.*, т. V, стр. 368—369.

Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
 Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
 Зады твердить и лжетъ за двухъ“¹⁾.

Трудно сильнѣе выразить значеніе для русскихъ европейскаго просвѣщенія. Въ слѣдующемъ 1825 году читаемъ панегирикъ научной и просвѣтительной дѣятельности Ломоносова. Пушкинъ цѣнить даже то, что тотъ „даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія“²⁾. Онъ горько сожалѣетъ, что изъ нашихъ литераторовъ никто не учится. „Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій—таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты—да, кажется, Вяземскій—одни изъ нашихъ литераторовъ—учатся“, пишетъ Пушкинъ Бестужеву, „всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить“³⁾. Не говоримъ ужъ о томъ, что по свидѣтельству Липранди и собственной переписки Пушкина онъ усердно занимался изученіемъ европейскихъ писателей и на югѣ и въ особенности въ Михайловскомъ. Такимъ образомъ, изъ года въ годъ мы встрѣчаемъ выраженія глубокаго уваженія къ цивилизаціи Европы и стремленіе усвоить ее себѣ и Россіи. Разрушительныя стремленія Пушкина направлялись не противъ самой цивилизаціи, какъ у Руссо и его вѣмецкихъ послѣдователей, а противъ нѣкоторыхъ ея частныхъ. Онъ желалъ, сообразно новымъ вѣяніямъ, расширенія правъ въ ней природы, чувства и личности. И неудивительно: Россія была еще слишкомъ бѣдна просвѣщеніемъ, чтобъ можно было не цѣнить его выгодъ.

Итакъ, необходимо увеличить свободу личности. Но насколько? Въ этомъ Пушкинъ не походитъ на Гете—автора „Геца фонъ-Берлихингена“. Онъ никогда не пытается идеализировать личность, поставившую себя выше закона. Подобныхъ людей онъ выводитъ въ „Братьяхъ-Разбойникахъ“ и „Цыганахъ“. Разбойника, помимо кары закона, постигаютъ еще мученія совѣсти, какъ неизбѣжное, естественное, коренящееся въ самой душѣ человѣка наказаніе

¹⁾ *Ib.*, т. IV, стр. 80—81.

²⁾ *Ib.*, т. V, стр. 376. См. „О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басень И. А. Крылова“.

³⁾ Переписка. Т. I, стр. 307. Письмо А. А. Бестужеву отъ 30 ноября 1825 г

законопреступной дѣятельности. Это подмѣтскій и увлеченный западнымъ романтизмомъ нашему поэту: „Братья-разбойники больше кар нежелли подражаніе. Бопинваръ страдаетъ для

Спасти души своей любовь,—
и какъ ни жестоки его мученья, но въ нихъ
которая принуждаетъ насъ къ участію; между
описаніе страданій пойманныхъ разбойниковъ
одно отвращеніе, чувство, подобное тому, какъ
мученія преступника, присужденнаго къ заслуж-
и въ „Цыганахъ“. Насильственное возстанов.
„правъ своихъ“²⁾, столь идеализируемое въ Г
зуюется сочувствіемъ поэта. Законъ преслѣдуетъ
община извергаетъ его изъ нѣдръ своихъ⁴⁾,
гають мученія совѣсти, почти превосходящія

„Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда-же ихъ заръ
Послѣдней горстію земно:
Онъ, молча, медленно ска
И съ камня на траву сва
Настала ночь; въ телѣгѣ
Огня никто не разложилъ
Никто подъ крышею подъ
До утра сномъ не опочи.

¹⁾ Л. Майковъ. „Пушкинъ“. Спб. 1899. См. стр.

²⁾ Соч., т. III, стр. 45.

³⁾ *Ив.*, стр. 30.

⁴⁾ *Ив.*, стр. 50.

⁵⁾ *Ив.*, стр. 50--51. Ср. еще стихотворенія: „Дочшаль“. Въ первомъ читаемъ:

„Чудесный твой отецъ, *преступни*
И ужаса людей и славы былъ до
Ты бурный вѣкъ отца
Смирненной жизнію предъ небомъ

Изд. Ак. Наукъ. Т. II, стр. 211). Во второмъ при совѣсти убійцы:

„Съ тѣхъ поръ не цѣлую преле:
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселы
Гляжу какъ безумный на черну
И хладную душу терзаетъ печа.

Не анархическій произволь (хотя бы и благонамѣренной) личности—идеаль Пушкина, а „съ Вольностью Святой законовъ мощныхъ сочетанье“¹⁾. Въ этомъ онъ напоминаетъ Гете — автора „Эрмонта“. Какъ Эрмонтъ нашъ поэтъ ненавидитъ деспотизмъ и произволь:

Лишь тамъ
 Народовъ не легло стечанье
 Гдѣ крѣпко съ Вольностью Святой
 Законовъ мощныхъ сочетанье;
 Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердой щитъ,
 Гдѣ сжатый вѣрными руками
 Гражданъ надъ равными главами
 Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ
 И преступленье свысока
 Сражаетъ праведнымъ размахомъ,
 Гдѣ неподкупна ихъ рука
 Ни къ злату алчностью, ни страхомъ“²⁾.

Если переписка Александра Сергѣевича за этотъ періодъ заключаетъ до сотни враждебныхъ правительству выходокъ, если онъ „презираетъ свое отечество съ головы до ногъ“²⁾, обзываетъ его

¹⁾ „Вольность“, см. Соч. Пушкина. Изд. Ак. Наукъ. Т. II, стр. 491.

²⁾ *Иб.*, стр. 491—492. Другія мѣста: „Я.. ненавижу деспотизмъ“. (Переписка. Т. I, стр. 11. Письмо П. Б. Мансурову отъ 27 октября 1819 г.). „Самовластительный злодѣй“, обращается поэтъ къ Наполеону, „Тебя, твой тронъ я ненавижу“. „Глядитъ задумчивый пѣвецъ На грозно спящій средь тумана Пустынной памятникъ тирана Забвенью брошенный дворецъ“, выражается Пушкинъ объ одномъ изъ петербургскихъ дворцовъ. (Соч. Пушкина. Изд. Ак. Наукъ. Т. II. Примѣчанія, стр. 492 и 493. „Вольность“). „Въ нашъ гнусный вѣкъ“, возмущается поэтъ въ письмѣ Вяземскому отъ 14 августа 1826 г., „на вѣкъ стихіяхъ челоуѣкъ Тиранъ, предатель или узникъ“. (Переписка. Т. I, стр. 364). См. „Кинжалъ“ (Изд. Ефремова. Т. I, стр. 398—399. Стих. 1821 г.). Отрывокъ: „Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ“, 1823 г. (*Иб.*, стр. 489—491), „Андрей Шенья“, 1825 г. (*Иб.*, т. II, стр. 1—8). Можно привести въ подтвержденіе и много другихъ цитатъ; изъ нихъ видно, что гнѣвъ поэта одинаково возбуждаетъ какъ тиранія наследственная, такъ и тиранія личная, выдвинутыхъ народными волненіями.

³⁾ Переписка. Т. I, стр. 352. Письмо П. А. Вяземскому отъ 27 мая 1826 г.

„Турціей“¹⁾, „Азіей“²⁾ и жаждетъ вырваться изъ него³⁾, то это происходитъ именно изъ убѣжденія, что въ Россіи царятъ азіатскіи произволъ и деспотизмъ. Въ то время такъ думалъ не одинъ Пушкинъ. Тѣ же мнѣнія мы встрѣаемъ въ „Запискахъ Якушкина“⁴⁾, письмахъ Николая Тургенева⁵⁾, Вяземскаго⁶⁾. Рѣзче всего и оригинальнѣй всего формулировалъ отношенія пріятелей къ русскому правительству князь Вяземскій: „Скажите ради Бога, какъ дубинѣ Петра Великаго, которая не сошла съ нимъ въ гробъ, бояться прозы и стишковъ какого-нибудь молокососа, никакія вирши (tout vers qu'ils sont) не проточать ея! Она, православная матушка наша, зеленѣетъ да дебелиѣтъ себѣ такъ что люби!“⁷⁾.

Въ особенности возмущаетъ поэта и его друзей крѣпостное право. Вся дѣятельность Николая Тургенева и всѣ его помыслы направлены противъ этого зла⁸⁾. Съ нимъ-же борется Якушкинъ⁹⁾. И Александръ Сергѣевичъ въ немъ-же видитъ главное бѣдствіе Россіи. Вспомнимъ всѣмъ извѣстную „Деревню“, гдѣ крѣпостничество нарисовано такими яркими чертами, которыя смутили даже и либераловъ того времени. А. Тургеневъ остался этимъ стихотвореніемъ нѣсколько недоволенъ именно за безпощадность обличенія¹⁰⁾. Далѣе

¹⁾ Ib., стр. 34. См. письмо С. И. Тургеневу отъ 21 авг. 1821 г.

²⁾ Ib., стр. 93. См. письмо кн. Вяземскому отъ 20 декабря 1823 г.

³⁾ См. „Евгеній Онѣгинъ“, глава I, строфа L, 1822 г. (соч., т. IV, стр. 29—30); „Узникъ“, 1822 г. (ib. т. I, стр. 447); „Къ морю“, 1824 г. (ib., т. I, стр. 503—505); „Презрѣвъ и шопоть укоризны“ (ib., т. I, стр. 549); письма Пушкина: Л. С. Пушкину отъ второй половины декабря 1824 г. (Переписка. Т. I, стр. 165), В. А. Жуковскому конца мая—начала іюня 1825 г. (ib., стр. 222), два черновыя прошенія императору Александру мая—іюня 1825 г. (ib., стр. 224 и 226), А. Н. Вульффу отъ конца августа и отъ 10 октября 1825 г. (ib., стр. 276 и 303), П. А. Плетневу отъ первой половины декабря 1825 г. (ib., стр. 314), князю П. А. Вяземскому отъ 27 мая 1826 г. (ib., стр. 352); прошеніе на Высочайшее имя, поданное 11 мая 1826 г. (Изд. Ефремова. Т. VII, стр. 251); отрывокъ изъ письма неизвѣстному лицу изъ эпохи пребыванія въ Михайловскомъ (Изд. Суворина. 1887 г. Т. VІІІ, стр. 334).

⁴⁾ Особенно стр. 3, 4, 8, 16—17.

⁵⁾ Остаф. Арх. Т. II, стр. 22; Русская Старина. 1901. Май. „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ“. Сообщ. А. А. Фоминъ, стр. 262, 264, 267, 270, 271.

⁶⁾ Остаф. Арх. Т. II, стр. 58, 107, 327.

⁷⁾ Ib., т. III, стр. 74.

⁸⁾ См. всѣ его письма въ Русск. Стар. 1901. Май.

⁹⁾ Записки. стр. 8, 10, 24, 25, 27, 40, 43, 49, 50 etc.

¹⁰⁾ Остаф. Арх., т. I, стр. 296.

слѣдуетъ „программа комедіи“, 1821 г. (Изд. Ефремова. Т. V, стр. 350—351). Въ „Историческихъ замѣчаніяхъ“ поэтъ радуется безсилію попытокъ нашей аристократіи захватить власть въ свои руки именно потому, что это затруднило-бы уничтоженіе рабства. „Нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ; желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла“¹⁾. Екатеринѣ ставится въ особенности въ упрекъ закрѣпощеніе „около милліона государственныхъ крестьянъ“, „вольной Малороссіи и польскихъ провинцій“²⁾. Крѣпостнымъ-же порядкамъ посвящено нѣсколько мѣстъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ и примѣчаніяхъ къ нему³⁾. Всѣ они обнаруживаютъ антипатію автора къ этому учрежденію.

Удивительно, что мы ни въ Вертерѣ, ни въ другихъ раннихъ произведеніяхъ Гете не встрѣчаемся съ этимъ вопросомъ. Между, тѣмъ крѣпостное состояніе въ ту эпоху еще существовало и въ Германіи.

Далѣе, какъ Гете въ „Эгмонтѣ“ борется за свободу религіозной мысли, такъ и Пушкинъ является защитникомъ свободы мысли. Конечно, первымъ противникомъ поэта явилась цензура. „Благодарю за щелчокъ цензурѣ“,—пишетъ онъ Вяземскому,—но она и не этого стоитъ: стыдно, что благороднѣйшій классъ народа, *классъ мыслящій* какъ бы то ни было, подверженъ самовольной расправѣ трусливаго дурака... Презрѣніе къ русскимъ писателямъ нестерпимо⁴⁾. Но и тутъ Пушкинъ обнаруживаетъ умѣренность въ своихъ требованіяхъ. Онъ не отрицаетъ временно цензуры, онъ допускаетъ: „что нужно Лондону, то рано для Москвы“⁵⁾. Въ Англіи долготѣвняя привычка къ свободѣ выработала осторожное, разсудительное отношеніе къ основамъ, на которыхъ зиждется общественное и государственное благополучіе. У насъ этого драгоценнаго качества пока нѣтъ. Поэтому у насъ цензоръ долженъ быть „блюстителемъ“⁶⁾, „престоловъ, алтарей и правовъ“⁷⁾. Поэтъ даже предостерегаетъ его:

¹⁾ Соч., т. V, стр. 356.

²⁾ *Ib.*, стр. 358.

³⁾ См. главу II, строфы 4 (соч., т. IV, стр. 38) и 32-ую (*ib.*, стр. 58), главу III-ью, строфу 39-ую (*ib.*, стр. 91) и примѣчаніе къ строфѣ 18-ой (*ib.*, т. VIII, стр. 527), главу IV-ую, вариантъ къ строфѣ 43-ей (*ib.*, т. IV, стр. 116).

⁴⁾ Переписка. Т. I, стр. 67. Курсивъ нашъ.

⁵⁾ Соч., т. I, стр. 523. См. „Первое посланіе цензору“

⁶⁾ *Ib.*, стр. 524.

⁷⁾ *Ib.*, стр. 530. „Второе посланіе цензору“.

Будь строгъ, но будь уменъ; не просячь у тебя,
 Чтобъ всё законныя преграды истребя,
 Все мыслить, говорить, печатать безопасно
 Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно“¹⁾.

Цензура можетъ быть даже „строкою“, соглашается, скрѣпя сердце, Пушкинъ²⁾, но она не должна быть произвольною. Цензоръ „не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ“³⁾, онъ не долженъ „заставой своевольной“ „преграждать пути“ не только „скромной истинѣ и мирному уму, но даже глупости невинной и довольной“, разъ въ авторѣ не видно „престоловъ, алтарей и нравовъ супостата“⁴⁾. Не должна цензура быть и „безсмысленной“⁵⁾. Важнѣйшіе вопросы общаго блага не должны быть вовсе изъяты изъ области литературы, какъ это было въ Россіи, гдѣ писателямъ остались лишь

„Поэмы, триолеты
 Баллады, басенки, элегии, куплеты,
 Досуговъ и любви невинныя мечты,
 Воображенія минутныя цвѣты“⁶⁾,

гдѣ

„Никто не смѣлъ отечества назвать
 И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!“⁷⁾.
 „Нѣтъ, цензоръ гражданинъ, и санъ его священный!
 Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
 Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
 Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
 Закону преданный, отечество любя,
 Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
 Полезной истинѣ путей не заграждаетъ
 Живой поэзіи развиваться не мѣшаетъ;

¹⁾ Ib., стр. 530.

²⁾ Переписка. Т. I, стр. 67. Письмо князю П. А. Вяземскому отъ 6 февраля 1823 г.

³⁾ Соч., т. I, стр. 524. „Первое посланіе цензору“.

⁴⁾ Ib., стр. 530. „Второе посланіе цензору“.

⁵⁾ Переписка. Т. I, стр. 67. Письмо князю П. А. Вяземскому отъ 6 февраля 1823 г.

⁶⁾ Соч. т. I, стр. 525. „Первое посланіе цензору“.

⁷⁾ Ib., стр. 526.

Онъ другъ писателю, предъ знатю не трусливъ,
Благоразумень, твердъ, свободенъ, справедливъ“¹⁾.

Итакъ, цензура, охраняя государственныя основы, должна вмѣстѣ съ тѣмъ не тѣснить и свободнаго развитія мысли и просвѣщенія, ибо „на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“²⁾. Задача, конечно, не легкая, требующая отъ цензора глубокой образованности и значительнаго гражданскаго мужества.

Но стоящіе у власти часто склонны ею злоупотреблять. Поэтому Гете въ „Эгмонтѣ“ лучшую гарантію народной свободы видитъ въ благородной независимости характера нидерландцевъ и Эгмонта, не позволяющей имъ покориться недостойнымъ требованіямъ короны. И Пушкинъ высоко цѣнилъ эту гражданскую доблесть. Онъ, какъ мы только что видѣли, требуетъ ея отъ цензора. Особенно возвеличилъ онъ ее въ „Андрѣ Шенѣ“. И въ своей жизни Пушкинъ старался слѣдовать своему идеалу. Въ стихотвореніи „Къ Овидію“ онъ гордо восклицаетъ:

Я „не унижилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной“³⁾.

Сосланный въ Михайловское, поэтъ пишетъ Вяземскому: „Ты конечно правъ; болѣе, чѣмъ когда-нибудь, обязанъ я уважать себя—унизиться передъ правительствомъ было-бы глупость—довольно ему одного Граббе“⁴⁾. Посылая же просьбу о смягченіи своей участи, онъ больше всего беспокоится, нельзя ли увидѣть подлость въ этомъ поступкѣ или въ выраженіяхъ⁵⁾. Вступая въ договоръ съ имп. Николаемъ, поэтъ сохраняетъ за собою, такъ сказать, домашнюю независимость. „Какъ-ковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный“,—пишетъ онъ въ письмѣ, которое Жуковскій долженъ былъ показать императору,—„я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости“⁶⁾. А въ тайномъ письмѣ тому-же Жуковскому Пушкинъ выказываетъ рѣшеніе и впредь, несмотря на условіе, подчиняться лишь высшимъ требованіямъ своей совѣсти: „Я готовъ условливаться (буде условія

¹⁾ *Иб.*, стр. 524.

²⁾ *Иб.*, стр. 526.

³⁾ *Иб.*, стр. 427. „Къ Овидію“.

⁴⁾ Переписка Т. I, стр. 172. Письмо конца января 1825 г.

⁵⁾ *Иб.*, стр. 222. Письмо В. А. Жуковскому конца мая—начала іюня 1825 г.

⁶⁾ *Иб.*, стр. 335. Письмо В. А. Жуковскому отъ 7-го марта 1826 г.

необходимы), но вамъ рѣшительно говорю не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ. отъ обхожденія со мной правительства etc.“¹⁾

Но „нашъ вѣкъ торгашъ. Въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ“²⁾.

Поэтому Пушкинъ ищетъ и матеріальной независимости, для достиженія которой пользуется своимъ гениемъ. „Я стремлюсь только къ независимости (простите мнѣ это слово ради сущности дѣла). Рѣшительностью и настойчивостью добьюсь я, наконецъ, что буду ею пользоваться. Я уже преодолѣлъ свое отвращеніе писать и продавать стихи изъ-за средствъ къ жизни“³⁾. „Стихотворство просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость“⁴⁾. Александра Сергѣевича можно считать первымъ русскимъ поэтомъ, для котораго его талантъ сталъ главнымъ источникомъ существованія.

При такихъ взглядахъ поэта неудивительно, что и онъ, какъ Гете въ „Эгмонтъ“, относился сочувственно къ освободительнымъ движеніямъ народовъ. Пушкинъ сочувствуетъ французской революціи⁵⁾, карбонаріямъ⁶⁾, германскому движенію⁷⁾, сербскому⁸⁾ и греческому возстаніямъ⁹⁾. Даже разочаровавшись въ самихъ гре-

¹⁾ *Иб.*, стр. 318. Письмо В. А. Жуковскому второй половины января 1826 г.

²⁾ Соч. т. I, стр. 521. „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“.

³⁾ Переписка. Т. I, стр. 114. Черновое письмо А. И. Казначееву начала юня 1824 г. Подлинникъ писанъ по-французски.

⁴⁾ *Иб.*, стр. 108. Черновое письмо А. И. Казначееву отъ 25 мая 1824 г. См. и вариацию этой фразы въ другомъ черновомъ тому же лицу отъ 22-го мая 1824 г. (*иб.*, стр. 110). Другія относящіяся сюда мѣста встрѣчаемъ въ письмахъ—Л. С. Пушкину отъ начала января 1824 г. (*иб.*, стр. 94), ему же отъ 1-го апрѣля 1824 г. (*иб.*, 104), князю П. А. Вяземскому отъ 8-го марта 1824 г. (*иб.*, стр. 102), въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“ (Соч., т. I, стр. 521—522), въ отрывкѣ 1824 г.: „На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной“ (Сочиненія. Изд. Лит. фонда 1887 г., т. VII, стр. 68).

⁵⁾ „Наполеонъ“ (Соч., т. I, стр. 415), „Андрей Шенье“ (*иб.*, т. II, стр. 2—3).

⁶⁾ *Иб.*, т. I, стр. 435. „Вас. Льв. Давыдову“.

⁷⁾ *Иб.*, стр. 399. „Кинжалъ“.

⁸⁾ *Иб.*, стр. 374. „Дочери Карагеоргія“.

⁹⁾ „Война“, 1821 г. (*иб.*, т. I, стр. 42¹⁾); „Къ Овидію“, 1821 г. (*иб.*, стр. 427); „Возстанъ, о Греція, возстанъ“, 1823 г. (*иб.*, стр. 492); „Изъ журнала греческаго возстанія“, 1821 г. (*иб.*, т. V, стр. 348—350); „Изъ Кишиневскаго дневника“.

кахъ, сравнивая ихъ съ неграми, поэтъ дорожить великимъ дѣломъ ихъ освобожденія. Эта-же причина заставляла Пушкина сочувствовать и стремленіямъ декабристовъ, со многими изъ которыхъ онъ былъ очень друженъ и въ общество которыхъ такъ стремился попасть. Вспомнимъ общеизвѣстный фактъ изъ времени пребыванія поэта въ Каменкѣ, рассказанный въ „Запискахъ Якушкина“¹⁾.

Итакъ, отсутствіе деспотизма и произвола, строгая законность, свобода мысли и слова, благородная независимость характера гражданъ и умѣнье постоять за свои законныя требованія—вотъ главнѣйшія условія нормальнаго государственнаго строя.

Что касается формы правленія, Гете и Пушкинъ нѣсколько расходятся. Оба они наиболѣе склонялись къ конституціи. Но Гете при этомъ болѣе на сторонѣ аристократіи. Въ „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“ онъ прославляетъ феодализмъ и снискиваетъ этимъ себѣ расположеніе высшаго нѣмецкаго дворянства²⁾. Эгмонтъ прямо выступаетъ въ защиту дворянскихъ преимуществъ³⁾. Только Вертеръ позволяетъ себѣ выходки противъ этого сословія, но благоговѣніе предъ графомъ и стояніе на колѣняхъ предъ письмомъ министра достаточно искупаютъ эту вину. Неудивительно, что, по словамъ Гете, дворянство охотно простило ему эту черту его романа⁴⁾.

Пушкинъ-же этой эпохи является яркимъ демократомъ. Онъ самъ называетъ себя таковымъ⁵⁾. Феодализмъ, по его мнѣнію, худшее, что могла-бы дать намъ исторія. Онъ предпочитаетъ ему не только нивелирующую дубинку заботившагося о народѣ Петра,

1821 г. (ib., стр. 346); письма Пушкина: черновое А. Н. Раевскому отъ марта 1821 г. (Переписка. Т. I, стр. 24—27), князю П. А. Вяземскому отъ 5 апрѣля 1823 г. (ib., стр. 69), ему же отъ середины іюня 1824 г. (ib., стр. 118—119), двѣ черновыхъ А. Н. Раевскому отъ іюня 1824 г. (ib., стр. 111—112 и 112—113). Того же вопроса касается поэтъ въ письмѣ Вяземскому отъ 14 октября 1823 г. (ib., стр. 78).

¹⁾ „Записки Якушкина“, стр. 68—70.

²⁾ Goethes-Werke. Bd. 29, стр. 71—73. „Dichtung und Wahrheit“, ч. IV, кн 17-ая

³⁾ Goethes-Werke. Bd. 8, стр. 269.

⁴⁾ Goethes-Werke. Bd. 29, стр. 71.

⁵⁾ „Вас. Льв. Давыдову“, 1821 г. (Соч., т. I, стр. 434). Письма Пушкина: А. Н. Тургеневу отъ 1 декабря 1823 г. (Переписка. Т. I, стр. 91), черновое А. Н. Казначееву начала іюня 1824 г. (ib., стр. 114), Н. Н. Кривцову въ сентябрь-октябрь 1824 г. (ib., стр. 135). Въ письмѣ Н. Н. Гнѣдичу отъ 4 декабря 1820 г. поэтъ причисляетъ себя къ демагогамъ (ib., стр. 22).

но даже невѣжественный деспотизмъ преемниковъ великаго императора¹⁾. Привилегіи, пріобрѣтенныя дворянствомъ въ ущербъ прочимъ сословіямъ, возмущаютъ Пушкина: „Памятниками неудачнаго боренія аристократіи съ деспотизмомъ остались только два указа Петра III *о вольности дворянъ*, указы, коими предки наши столько гордились и коихъ, справедливыѣ, должны были-бы стыдиться“²⁾. Особенно приводитъ въ негодованіе поэта право дворянства владѣть себѣ подобными. Мы видѣли, какъ отрицательно относился онъ къ крѣпостному праву.

Тутъ маленькое разъясненіе! Еще Рылѣевъ упрекалъ Пушкина въ аристократизмъ³⁾ за его гордость своимъ шестисотлѣтнимъ дворянствомъ⁴⁾. Но гордиться шестью стами лѣтъ участія своихъ предковъ въ культурной и государственной жизни родины еще не значитъ быть сторонникомъ аристократическаго строя государства. Вотъ, если бы Пушкинъ на этомъ основаніи потребовалъ какихъ-либо преимуществъ для себя, тогда другое дѣло. Правда, въ одной фразѣ Пушкинна можно видѣть намекъ на это. „На избраніи Романовыхъ“,—пишетъ поэтъ,—„шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?“. Намъ кажется, и тутъ незачѣмъ отыскивать аристократическихъ тенденцій. Пушкина просто поразило сопоставленіе вліятельной роли въ государственной жизни его безграмотныхъ предковъ и ничтожность и безсиліе его самого, ихъ геніальнаго потомка. Значеніе первыхъ обуславливалось конституціей земскихъ соборовъ, положеніе Пушкина было результатомъ современнаго ему образа правленія.

Итакъ, расширяя права личности въ политической сферѣ, Пушкинъ держался все-таки въ границахъ умѣренности и не доходилъ до возвеличенія анархіи, какъ нѣмецкіе представители Sturm und Drang'a.

¹⁾ Соч., т. V, стр. 355. „Историческія замѣчанія“.

²⁾ *Ib.*, стр. 356.

³⁾ Письма К. Θ. Рылѣева Пушкину отъ первой половины іюня 1825 г. (Переписка. Т. I, стр. 232) и въ сентябрѣ-октябрѣ того-же года (*ib.*, стр. 298—299).

⁴⁾ Ее Пушкинъ выражаетъ въ письмѣ А. А. Бестужеву конца мая-начала іюня 1825 г. (Переписка. Т. I, стр. 227) и черновомъ наброскѣ письма К. Θ. Рылѣеву второй половины іюня 1825 г. (*ib.*, стр. 233).

Совсѣмъ не то замѣчаемъ въ сферѣ личной нравственности. Жизнь Александра Сергѣевича въ Кишиневѣ полна самыми грубыми выходками противъ благопристойности и нравственнаго чувства. Основываясь на своей готовности подставить лобъ подъ пулю, поэтъ позволялъ себѣ все. Эта жизнь нашла свое выраженіе въ кишиневскихъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ къ тому-же многія не дошли до насъ. Чрезвычайно циничныя и грубыя, они возбуждаютъ непріятное чувство даже въ небрезгливомъ человѣкѣ. Крупнѣйшими и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшими произведеніями этой эпохи являются „Благовѣщеніе“ и „Царь Никита“.

Межъ тѣмъ мы знаемъ, что Пушкина уже не привлекали, какъ прежде, чувственныя наслажденія. Мы видѣли, какъ въ элегіи: „Погасло дневное свѣтило“¹⁾ онъ осуждалъ свою легкомысленную петербургскую жизнь. За нею идетъ рядъ покаянныхъ стихотвореній: „Мнѣ васъ не жаль, года моей весны“²⁾, „Чаадаеву“³⁾, „Алексѣеву“⁴⁾, „Къ***“⁵⁾, „Глинкѣ“⁶⁾, „Ты правъ, мой другъ!“⁷⁾, „Красы Лаисъ“⁸⁾, „Пиръ, любовницы, друзья“⁹⁾. Всѣ они написаны параллельно съ „кишиневскими стихотвореніями“ и показываютъ, какъ мало удовлетворенія находилъ ихъ авторъ въ чувственномъ разгулѣ. Близко знавшіе Пушкина люди: Липранди, Вигель¹⁰⁾, Якушкинъ считали поведеніе поэта напускнымъ. „Иногда“,—говорить Якушкинъ,—*онъ корчилъ лихача...* при этомъ онъ разсказывалъ про себя *самые отчаянные анекдоты*, и все вмѣстѣ выходило какъ-то очень пошло“¹¹⁾. Самъ Пушкинъ въ послѣдствіи намекаетъ на это, говоря, что человѣкъ иногда нарочно выставляетъ напоказъ „не лучшія стороны своего характера“. Чѣмъ-же объяснить себѣ такое своенравное поведеніе? Во-первыхъ, это была попытка бурной жизнью заглушить потребность въ дѣятельности, свойствен-

¹⁾ Соч., Т. I, стр. 363.

²⁾ Ib., стр. 367.

³⁾ Ib., стр. 400.

⁴⁾ Ib., стр. 410.

⁵⁾ Ib., стр. 420.

⁶⁾ Ib., стр. 469.

⁷⁾ Ib., стр. 474.

⁸⁾ Ib., стр. 475.

⁹⁾ Ib., стр. 476.

¹⁰⁾ „Записки“, ч. VI, стр. 98.

¹¹⁾ „Записки“, стр. 67.

ной огненной натурѣ Пушкина, лишеннаго необходимой свободы въ примѣненіи своихъ силъ. Это отлично понималъ Вяземскій: „Страшусь за Пушкина! въ его лѣта, съ его душою, которая также кипучая бездна огня... Нельзя надѣяться, чтобы одно занятіе, одна дѣятельность мыслей удовольствовались-бы его. Тутъ поневолѣ примешься за твое геттингенское лѣкарство: ...пить пуншъ“¹⁾. Во-вторыхъ, это бравоированье понятіями общества имѣло цѣлью манифестировать презрѣніе поэта къ нему. Какъ-бы то ни было, пренебреженіе къ общественной нравственности въ поступкахъ и стихахъ Пушкина кишиневской эпохи шокировало друзей и современниковъ нашего писателя не менѣе, чѣмъ „Стелла“ Гете пріятелей и читателей нѣмецкаго поэта.

Ту же свободу замѣчаемъ мы и въ сферѣ религіозной. Пушкинъ отрицательно относится къ церковной обрядности. Въ письмѣ 1821 г. Дельвигу онъ пародируетъ великопостную молитву: „Желаю ему (Кюхельбекеру) въ Парижѣ духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина духа смиренномудрія и терпѣнія; объ духѣ любви не беспокоюсь: въ этомъ нуждаться не будетъ; о празднословіи молчу—далекій другъ не можетъ быть излишне болтливъ“²⁾. Въ письмѣ Давыдову нашъ поэтъ смѣется надъ постомъ и таинствомъ Евхаристіи:

Я сталъ уменъ и лицемѣрю:
 Пошусь, молюсь и твердо вѣрю.
 Что Богъ проститъ мои грѣхи.
 Говѣтъ Инзовъ, и наемни
 Я промѣнялъ Вольтера бредни
 И лиру, грѣшный даръ судьбы,
 На часословъ и на обѣдни,
 Да на сушеные грибы...
 Но я молюсь и воздыхаю
 Крещусь не внемля сатанѣ,
 А все невольно вспоминаю,
 Давыдовъ, о твоемъ винѣ...
 Вотъ Эвхаристія другая и т. д.³⁾

¹⁾ Остаф. Арх. Т. III, стр. 74.

²⁾ Переписка. Т. I, стр. 28. Письмо А. А. Дельвигу отъ 23 марта 1821 г.

³⁾ „Вас. Льв. Давыдову“ (Соч., т. I, стр. 434. Въ виду неполноты изданнаго здѣсь текста необходимо смотрѣть также т. VII, стр. 31 и VIII, стр. 173).

Какъ относился Александръ Сергѣевичъ къ церковному богослуженію, показываютъ одно изъ кишиневскихъ стихотвореній: „Раззѣвавшись отъ обѣднѣ“¹⁾ и письма брату и Вяземскому. Въ первомъ читаемъ: „А вотъ важное: тетка умерла! Ёду завтра въ Святыя горы и велю отпѣть молебенъ, или панихиду, смотря по тому, что дешевле“²⁾. „Няня“,—сообщаетъ поэтъ сестрѣ объ исполненіи ея порученія, „ѣздила въ Святыя горы и отправила панихиду или что было нужно“³⁾. Вяземскому Пушкинъ пишетъ, что его няня, несмотря на свою старость, выучила наизусть „молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитвы, вѣроятно, сочиненной при ц. Иванѣ. Теперь у *ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ*“⁴⁾. Обѣдня по Байронѣ порождена больше стремленіемъ къ оригинальности, чѣмъ зарождающимся религіознымъ чувствомъ⁵⁾.

То же пренебреженіе и къ духовенству. „Мой попь“⁶⁾, „слѣпой попь“⁷⁾, „попы“⁸⁾—обычныя названія для нихъ у Пушкина. Письмо къ Давыдову высмѣиваетъ только что умершаго митрополита:

На этихъ дняхъ среди собора
М—, сѣдой обжора,
Велѣлъ жить долго всей Россіи“⁹⁾.

А въ тетрадяхъ Вульфа сохранилась шутка поэта: „Дѣдушка-пгумень“¹⁰⁾. Пушкину приписывается и слѣдующая „эпитафія“ духовнику его тетушки:

Наиболѣе кощунственныя строки еще не могутъ быть напечатаны иначе, какъ въ видѣ отрывочныхъ словъ.

Кромѣ того, пародированіе передпричастной молитвы находимъ въ письмѣ поэта брату отъ 13 іюня 1824 г.: „Посылаю ему лобзаніе, не яко Іуда-Арзамасецъ, но яко Разбойникъ-Романтикъ“. (Переписка. Т. I, стр. 117).

¹⁾ Соч., т. I, стр. 444.

²⁾ Переписка. Т. I, стр. 148. Письмо Л. С. Пушкину отъ второй половины ноября 1824 г.

³⁾ *Ив.*, стр. 156 Письмо Л. С. и О. С. Пушкинымъ отъ 4-го декабря 1824 г.

⁴⁾ *Ив.*, стр. 382. Письмо князю П. А. Вяземскому отъ 9 ноября 1826 г. Разрядка принадлежит изданію Ак. Наукъ, курсивъ нашъ.

⁵⁾ *Ив.*, стр. 202 Письмо князю П. А. Вяземскому отъ 7 апрѣля 1825 г. *Ив.*, стр. 203. Письмо Л. С. Пушкину 7-го апрѣля 1825 г.

⁶⁾ *Ив.*, стр. 202. Письмо П. А. Вяземскому 7 апр. 1825 г.

⁷⁾ *Ив.*, стр. 183. Письмо Л. С. Пушкину конца февраля-начала марта 1825 г.

⁸⁾ *Ив.*, стр. 382. Письмо князю П. А. Вяземскому отъ 9 ноября 1826 г.

⁹⁾ „Вас. Льв. Давыдову“ (Соч., т. I, стр. 433—434).

¹⁰⁾ Соч., т. I, стр. 550.

„Не памятникъ, а диво:
Въ могилѣ гробъ,
Во гробѣ попъ,
Въ попѣ вино и пиво“¹⁾.

Скептицизмъ Пушкина распространялся и на Св. Писаніе и основные догматы христіанства. Онъ не разъ высказываетъ сомнѣніе, можно ли довѣрять библейскимъ писателямъ²⁾. Результатомъ сомнѣній являются многочисленные случаи пародирования Св. Книгъ. Письмо къ брату 1821 года содержитъ пародію на десятую заповѣдь: „Скажи ему (Всеволожскому), что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его (марки винъ), Овощникову его (танцовщица). Лампу его— и все елико друга моего“³⁾. Ту же заповѣдь пересмѣиваетъ особое стихотвореніе⁴⁾. Въ письмѣ Тургеневу пародируется „Пѣснь на рѣкахъ вавилонскихъ“⁵⁾. Въ 1823 году встрѣчаемъ письмо къ Вигелю, начинающееся прославленіемъ Содома, а заканчивающееся словами: „Я пью, какъ Лотъ содомскій, и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки“⁶⁾, черезъ годъ читаемъ: „Что это у васъ? потопъ!... не найдется ли между вами Ноя для насажденія винограда? На святой Руси не штука ходить нагишемъ, а хамы смѣются“⁷⁾. „Esse femina“ напоминаетъ извѣстное изреченіе Пилата о Христвѣ⁸⁾. Привѣтствіе Вульффу: „Vale, mi fili in spirito“ взято изъ посланій апостольскихъ⁹⁾. Наибольше крупнымъ произведеніемъ этого

¹⁾ *Ив.*, т. VІІ, стр. 177, Примѣчаніе 2-е.

²⁾ „Вотъ еврейка съ Тодорашкой“, 1821 г. (Соч., т. I, стр. 445 и добавленія въ т. VІІІ, стр. 178); письмо Ф. Ф. Вигелю 1823 г. (*иб.*, т. VІІ, стр. 92. Въ изд. Ак. Наукъ нѣтъ нужнаго слова: „Моисею“; см. Переписка, т. I, стр. 80).

³⁾ Переписка. Т. I, стр. 33. Письмо Л. С. и О. С. Пушкинымъ отъ 27 іюня 1821 г. Слова, поставленныя въ скобки, въ текстѣ отсутствуютъ.

⁴⁾ Соч., т. I, стр. 430. „Десятая заповѣдь“.

⁵⁾ Переписка. Т. I, стр. 33—34. Письмо А. И. Тургеневу второй половины іюля 1821 г.

⁶⁾ *Ив.*, стр. 82. Письмо Ф. Ф. Вигелю въ ноябрѣ 1823 г.

⁷⁾ *Ив.*, стр. 148. Письмо Л. С. Пушкину второй половины ноября 1824 г.

⁸⁾ *Ив.*, стр. 191. Письмо Л. С. Пушкину отъ 14 марта 1825 г.

⁹⁾ *Ив.*, стр. 276. Письмо А. Н. Вульффу конца августа 1825 г. Другіе случаи шутиваго употребленія текстовъ и выраженій Св. Писанія встрѣчаемъ въ письмахъ: Н. Н. Гнѣдичу отъ 27 іюня 1822 г. (*иб.*, стр. 47), А. А. Дельвигу отъ 16-го ноября 1823 г. (*иб.*, стр. 87), А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 г.

направленія является знаменитая Гаврилиада, высмѣивающая разсказъ Евангелиста и догматъ церкви о безгрѣшномъ зачатіи Христа. Догматъ о Троицѣ послужилъ поводомъ къ скептическому четверостишію: „кн. Урусовой“: „Не вѣровалъ я Троицѣ доньянѣ, мнѣ Богъ тройной казался все мудренъ; но вижу васъ и, вѣрой озаренъ, молось тремъ граціямъ въ одной богинѣ“¹⁾.

Такимъ образомъ, сужденіе Пушкина о Коранѣ: онъ „естъ собраніе новой лжи и старыхъ басенъ“²⁾ повидимому выражаетъ и его мнѣніе о Библии.

Временами у Пушкина попадаютъ и фразы атеистическаго характера: „Беру уроки чистаго Аѳензма. Здѣсь Англичанинъ глухой философъ, единственный умный Аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ 1000, чтобъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur,—мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система *не столь утѣшительная*, какъ обыкновенно думаютъ, но *къ несчастію*, болѣе всего правдоподобная“³⁾. Быть можетъ, эти уроки дали нѣкоторый плодъ. Когда впоследствии Пушкинъ сравниваетъ судьбу съ „обезьяной, которой дана полная воля“, мы находимъ тутъ отсутствіе вѣры въ разумаго Создателя и Промыслителя⁴⁾.

Но было-бы рискованно считать Александра Сергѣевича атеистомъ. Мы видѣли, что съ разумнымъ обоснованіемъ этого воззрѣнія онъ познакомился лишь весной 1824 г. Оно ему не особенно попра-

(ib., стр. 91), Н. В. Всеволожскому второй половины іюня 1824 г. (ib., стр. 120), А. И. Тургеневу отъ 14 іюля 1824 г. (ib., стр. 124), В. Ф. Вяземской первой половины октября 1824 г. (ib., стр. 137), Л. С. Пушкину второй половины ноября 1824 г. (ib., стр. 149), П. А. Вяземскому отъ 29-го ноября 1824 г. (ib., стр. 151), ему-же отъ 25 января 1825 г. (ib., стр. 171), ему-же отъ 19 февраля 1825 г. (ib., стр. 181), В. А. Жуковскому въ концѣ мая - началѣ іюня 1825 г. (ib., стр. 222), П. А. Вяземскому начала іюля 1825 г. (ib., стр. 235), В. А. Жуковскому отъ 17 августа 1825 г. (ib., стр. 267), П. А. Плетневу первой половины декабря 1825 г. (ib., стр. 314), ему-же отъ 3 марта 1826 г. (ib., стр. 331), А. А. Дельвигу отъ 20 февраля 1826 г. (ib., стр. 327), П. А. Вяземскому второй половины мая 1826 г. (ib., стр. 349), ему-же отъ 9 ноября 1826 г. (ib., стр. 383). Не могу поручиться, что этотъ списокъ полонъ.

¹⁾ Соч., т. II, стр. 96.

²⁾ Ib., т. I, стр. 534.

³⁾ Переписка. Т. I, стр. 103. Письмо князю Вяземскому (?) первой половины марта 1824 г.

⁴⁾ Ib., стр. 349. Письмо П. А. Вяземскому второй половины мая 1826 г.

вилось, и уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя поэтъ возмущается обвиненіемъ въ безбожій. „Отецъ“, — пишетъ онъ Жуковскому, — „началь упрекать брата, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ“¹⁾. „Увѣряють“, — жалуется онъ Вяземской, — „будто я преподаю безбожіе сестрѣ моей, этому небесному созданію и моему брату“²⁾. Свое мнѣніе объ атеизмѣ Пушкинъ неоднократно называетъ „глупымъ“,³⁾ „легкомысленнымъ сужденіемъ“⁴⁾ „сужденіемъ, достойнымъ конечно всякаго порицанія“⁵⁾; это говорится даже въ интимной перепискѣ.

Кромѣ того, въ письмахъ поэта мы встрѣчаемся болѣе сотни разъ съ призываніемъ имени Божія, выраженіями въ родѣ: „ради Бога“, „Боже мой“, „дай Богъ“, „слава Богу“ и т. п. При этомъ они часто совпадаютъ съ минутами глубокаго душевнаго волненія, на примѣръ, въ письмахъ, гдѣ онъ выражаетъ тревогу по поводу Карамзина⁶⁾, Дельвига⁷⁾, Раевского⁸⁾, Кюхельбекера⁹⁾, своихъ сочиненій и себя самого. Эти мгновенныя выраженія душевнаго настроенія показываютъ, быть можетъ, невольную вѣру ихъ автора въ промыслъ и всемогущество Бога. Вѣрилъ Пушкинъ и въ безсмертіе души. Объ этомъ свидѣтельствуютъ „надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну“,¹⁰⁾ „на смерть Ризничъ“¹¹⁾, и стихотвореніе: „Люблю вашъ сумракъ“.

„Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни... въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;

¹⁾ *Иб.*, стр. 142. Письмо В. А. Жуковскому отъ 31 октября 1824 г. и черновая къ нему.

²⁾ *Иб.*, стр. 137. Письмо В. Ф. Вяземской первой половины октября 1824 г.

³⁾ *Иб.*, стр. 152. Письмо В. А. Жуковскому отъ 22 ноября 1824 г. см. и черновое къ нему на стр. 153.

⁴⁾ Прошеніе на Высочайшее имя 11 мая 1826 г., см. соч., т. VII. стр. 250—251.

⁵⁾ Переписка, Т. I, стр. 335. Письмо В. А. Жуковскому отъ 7 марта 1826 г.

⁶⁾ *Иб.*, стр. 330. Письмо П. А. Плетневу отъ 3 марта 1826 г.; *иб.*, стр. 352. Письмо П. А. Вяземскому отъ 27-го мая 1826 г.

⁷⁾ *Иб.*, стр. 240. Письмо А. А. Дельвигу отъ 23 іюля 1825 г.

⁸⁾ *Иб.* стр. 319. Письмо А. А. Дельвигу второй половины января 1826 г.

⁹⁾ *Иб.*, стр. 47. Письмо Н. И. Гнѣдичу отъ 27-го іюня 1822 г.

¹⁰⁾ Соч., т. I, стр. 495.

¹¹⁾ *Иб.*, т. II, стр. 74

Онѣ, безсмертіе вкушая,
 Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
 Какъ ждеть на пирѣ семья родная
 Своихъ замедлившихъ гостей...
 Но, можетъ быть, мечты пустыя -
 Быть можетъ, съ ризой гробовой
 Всѣ чувства брошу я земныя,
 И чуждѣ мнѣ будетъ міръ земной;
 Быть можетъ, *тамъ, идѣ все блистаетъ*
Нетлѣнной славой и красой,
Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія
 Минутныхъ жизни впечатлѣній
 Не сохранить душа моя“ 1)

Мы видимъ, что нашего поэта никакъ нельзя назвать атеистомъ. Его представленіе о Богѣ весьма приближается къ христіанскому, если не принимать въ соображеніе троичность. Но Пушкинъ, какъ мы видѣли изъ его обращенія съ св. книгами, не вѣрилъ въ св. Откровеніе. Познаніе-же Бога разумомъ онъ находилъ превышающимъ пониманіе человѣка. „Скажите имъ,—пишетъ поэтъ Вигелю,—„что Пушкинъ цалуетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ (объ нихъ) еще достаточныхъ свѣдѣній“ 2). „Какъ это можно быть вашимъ мужемъ?“—спрашиваетъ онъ Кернъ,—„Объ этомъ я *не могу себѣ составить понятія какъ и о раѣ*“ 3). Шутка тутъ скрываетъ серьезную мысль. Вслѣдствіе этого наши представленія о Богѣ субъективны: „Мужайся—дай отвѣтъ скорѣй какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова“ 4), „Благодаря русскаго Бога“ 5). Богъ можетъ быть Богомъ русскимъ, Богомъ Іова, Ломоносова, такъ какъ каждый представляетъ его по своему.

1) Ib., т. I, стр. 456—457.

2) Переписка. Т. I, стр. 82. Письмо Ф. Ф. Вигелю ноября 1823 г.

3) Ib., стр. 263. Письмо А. П. Кернъ отъ 14 августа 1825 г. Подлинникъ писанъ по французски.

4) Ib., стр. 122. Письмо А. А. Бестужеву отъ 29 іюня 1824 г.

5) Ib., стр. 119. Письмо П. А. Вяземскому середины іюня 1824 г.

Отсюда самая широкая терпимость къ религіознымъ воззрѣніямъ. Въ стихотвореніи: „Еврейскъ“ поэтъ предлагаетъ за поцѣлуй ея „приступить завтра къ вѣрѣ Моисея“¹⁾. Въ письмѣ брату онъ говоритъ:

„У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ вѣвъ“²⁾.

Сквозь шутку проглядываетъ либеральная формула религіозной терпимости.

Итакъ, религіи съ ихъ догматами и обрядностями—созданіе человѣческое. Лично для себя Пушкинъ поэтому не придавалъ значенія, какъ мы видѣли, ни тѣмъ, ни другимъ. Но религіи играютъ важную роль въ жизни народовъ, способствуютъ ихъ самобытности³⁾ и политической независимости⁴⁾, поэтому подлежатъ, какъ важнѣйшія основы государственной и національной жизни, охранѣ законовъ и цензуры⁵⁾.

При такомъ значеніи религіи весьма понятенъ интересъ къ наиболѣе выдающимся религіознымъ системамъ, который обнаруживается въ Пушкинѣ съ 1821 года. Онъ начинаетъ изучать языческой міръ. Прежде всего онъ тщательно знакомится съ Овидіемъ⁶⁾. За нимъ послѣдовали Тацитъ⁷⁾, Аврелій Викторъ, подавшій поэту мысль къ написанію отрывка: „Клеопатра“⁸⁾, Валерій Флаккъ⁹⁾. Въ

¹⁾ *Ib.*, стр. 61. Письмо П. А. Вяземскому конца декабря 1822 г.—начала января 1823 г.

²⁾ *Ib.*, стр. 158. Письмо Л. С. Пушкину первой половины декабря 1824 г.

³⁾ „Можетъ быть, нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего церковнаго. Жаль! ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ“. См. Соч., т. V, стр. 359. „Историческія замѣчанія“, 1822 г.

⁴⁾ „Отдѣльная Вѣра, отдѣльный языкъ.. все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ“, говоритъ Пушкинъ по поводу греческаго возстанія въ письмѣ А. Н. Раевскому марта 1821 г. (Переписка. Т. 1, стр. 26).

⁵⁾ Соч., т. I, стр. 524. „Первое посланіе цензору“; стр. 530. „Второе посланіе цензору“. Второе посланіе, впрочемъ, по свидѣтельству самого Пушкина, не вполнѣ искренне.

⁶⁾ *Ib.*, стр. 424—427. „Къ Овидію“, 1821 г.; *ib.*, т. IV, стр. 9—10 и 260. „Евгеній Онѣгинъ“, глава I. строфа 8-ая и примѣчаніе къ ней; *ib.*, т. III, стр. 35—37. „Цыганы“.

⁷⁾ *Ib.*, т. V, стр. 332—385. „Замѣчанія на анналы Тацита“, 1825 г.

⁸⁾ *Ib.*, т. V, стр. 81. „Египетскія Ночи“.

⁹⁾ См. Русскій Архивъ. 1866 г., кн. 8—9, стр. 1261.

письмѣ Бестужеву 1825 г. Пушкинъ говоритъ о Виргиліи, Горации, Тибуллѣ, Лукреціи, какъ о писателяхъ, хорошо ему извѣстныхъ ¹⁾. Ознакомился поэтъ и съ нѣкоторыми греческими поэтами, не говоря уже о его раннемъ любимцѣ Анакреонѣ ²⁾.

Результатомъ этого изученія классиковъ является стихотвореніе „Клеопатра“, поражающее своимъ глубокимъ проникновеніемъ въ религиозную мысль древняго міра. Поэтъ освѣтилъ и возвысилъ религиознымъ чувствомъ легенду о жестокости Клеопатры:

*„Клянусь... о мать наслажденій,
Тебѣ несмыслано служу:*

На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!

Внемли-же, мощная Киприда,

И вы, подземные цари

И боги грознаго Аида.

Клянусь, до утренней зари

Моихъ властителей желанья

Я сладострастно утолю,

И всѣми тайнами лобзанья

И дивной нѣгой утомлю!

Но только утренней порфирой

Аврора вѣчная блеснетъ,

Клянусь, подь смертною сѣкирой

Глава *счастливецъ* отпадетъ!“ ³⁾.

Благословенные жрецами

Теперь изъ урны роковой

Предъ неподвижными гостями

Выходятъ жребіи чредой“ ⁴⁾.

¹⁾ Переписка. Т. I, стр. 225. Письмо А. А. Бестужеву конца мая—начала юня 1825 г.

²⁾ См. статью Лернера: „Еще о стихотвореніи Пушкина: «Земля и море»“. Русскій Архивъ 1899 г., кн. XII, стр. 612. Источникомъ этого знакомства, по мнѣнію Лернера, служила книга Кошанскаго: „Цвѣты греческой поэзіи“. М. 1811 г.

³⁾ Соч., т. II, стр. 23. Курсивъ нашъ.

⁴⁾ Ib., стр. 22.

Въ томъ-же 1821 году начато Пушкинымъ изученіе Ветхозавѣтныхъ книгъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ „Пѣснь пѣсней Соломона“, „Десятая заповѣдь“¹⁾, прозаическія пародіи на нее-же и на „Плачь на рѣкахъ Вавилонскихъ“ въ письмахъ поэта²⁾. Въ слѣдующемъ году присоединяется и Новый Завѣтъ. По словамъ Дыдицкой, ея дядя засталъ разъ поэта за чтеніемъ Евангелія³⁾. Дѣло происходило въ Кишиневѣ и, повидимому, въ 1822 году. Тогда-же начинаютъ встрѣчаться въ перепискѣ Александра Сергѣевича слово „Христосъ“ и цитаты изъ Евангелистовъ. Цитированье Св. Писанія продолжается до 1826 года включительно, а затѣмъ дѣлается до крайности рѣдкимъ. Это наводитъ на мысль, что эта эпоха и была временемъ наиболѣе усерднаго изученія поэтомъ Библии.

Прямые указанія самого Пушкина на чтеніе ея находимъ впервые въ 1823 и 24 годахъ. „На дняхъ“ --нищеть онъ Тургеневу, — „я закаялся, и смотря и на западъ Европы и вокругъ себя, обратился къ Эвангельскому источнику, произнесъ сію притчу въ подражаніе баснѣ Иисусовой“⁴⁾. „Читая... Библию, Святыи Духъ иногда мнѣ по сердцу“, сообщаетъ онъ въ мартѣ 1824 года“⁵⁾.

Первоначально ознакомленіе происходило на церковно-славянскомъ языкѣ. По крайней мѣрѣ, Пушкинъ обнаруживаетъ несомнѣнное знакомство со славянскимъ текстомъ Библии⁶⁾. Затѣмъ черезъ брата онъ достаетъ и французскую⁷⁾. Такимъ образомъ, нашъ поэтъ имѣлъ въ своихъ рукахъ оба извода Св. Писанія. Быть мо-

¹⁾ *Иб.*, т. I, стр. 428—429, 430.

²⁾ Переписка. Т. I, стр. 33. Письмо Л. С. и О. С. Пушкинымъ отъ 27-го іюня 1821 г.: *иб.*, стр. 33—34. Письмо А. И. Тургеневу второй половины іюля 1821 г.

³⁾ Отзвыы о Пушкинѣ съ Юга Россіи. В. А. Яковлевъ. 1887. Одесса. Стр. 73.

⁴⁾ Переписка. Т. I, стр. 91, примѣчаніе первое. Отрывокъ изъ черновой письма А. И. Тургеневу отъ 1-го декабря 1823 г.

⁵⁾ *Иб.*, стр. 103. Письмо П. А. Вяземскому (?) первой половины марта 1824 г.

⁶⁾ См. письма: Л. С. и О. С. Пушкинымъ отъ 27 іюня 1821 г. (*иб.*, стр. 33). Н. П. Гнѣдичу отъ 27-го іюня 1822 г. (*иб.*, стр. 47), Л. С. Пушкину отъ 4-го сентября 1822 г. (*иб.*, стр. 51), князю П. А. Вяземскому отъ 4 ноября 1823 г. (*иб.*, стр. 91), ему-же отъ 14 іюля 1824 г. (*иб.*, стр. 124).

⁷⁾ *Иб.*, стр. 149 и 155. Письмо Л. С. Пушкину второй половины ноября 1824 г. и Л. С. и О. С. Пушкинымъ 4-го декабря 1824 г.

жетъ, онъ сличалъ иногда переводъ и съ латинскимъ текстомъ— въ пародіяхъ на тексты Св Писанія у него иногда появляется латынь¹⁾

Немного позже обратился Пушкинъ къ Корану, но во всякомъ случаѣ не позднѣе начала 1824 года. 13 іюня онъ пишетъ Вяземскому по поводу смягченія цензурныхъ строгостей: „Я и радъ и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозиція Русская... приходила уже въ какое-то нетерпѣніе... А теперь... вся эта сволочь опять уgomонится... Съ другой стороны деньги, Опѣгинъ, святая заповѣдь корана — вообще мой эгонзмъ“²⁾. Очевидно, дѣло идетъ о намѣреніи поэта печатать „Опѣгина“ и „Подражанія Корану“, на что подали ему надежду цензурныя облегченія. Слѣдовательно, хотя часть „Подражаній“ уже должна была существовать. Во всякомъ случаѣ, къ концу года они на лицо, и затѣмъ Коранъ надолго предается забвенію³⁾.

¹⁾ *Ib.*, стр. 191. Письмо Л. С. Пушкину отъ 14 марта 1825 г.; *Ib.*, стр. 276. Письмо А. Н. Вулефу конца августа 1825 г.

²⁾ *Ib.*, стр. 119. Письмо П. А. Вяземскому середины іюня 1824 г. Другія мѣста: *ib.*, стр. 144. Письмо Л. С. Пушкину начала ноября 1824 г.; *ib.*, стр. 150. Письмо П. А. Вяземскому отъ 29 ноября 1824 г.

³⁾ Спорнымъ представляется вопросъ о „Пророкѣ“. Обычно его считают по формѣ подражаніемъ Исаиѣ, по содержанію изложеніемъ взгляда Пушкина на значеніе поэта. Недавно Н. И. Черняевъ въ обширной статьѣ старался доказать ошибочность этого взгляда. Онъ видитъ въ этомъ стихотвореніи одно изъ подражаній Корану, а въ самомъ пророкѣ Магомета. (См. „Пророкъ Пушкина въ связи съ его-же подражаніями Корану“. Русское Обозрѣніе. 1897 г. №№ 1, 2, 3, 11 и 12). Не отвергаю того, что на обработку „Пророка“ вліяли и впечатлѣнія, вынесенныя Пушкинымъ изъ изученія Корана. Но достаточно прочесть рядомъ это произведеніе и 6—9 стихи шестой главы книги пророка Исаи, чтобы увидѣть между ними рядъ точекъ соприкосновенія, не оставляющихъ сомнѣнія относительно ихъ внутренняго родства. Еще менѣе можно отрицать, что „Пророкъ“ есть „аллегорическое изображеніе высшаго воззрѣнія поэта на поэзію“. Это произведеніе имѣетъ несомнѣнное авто-біографическое значеніе. Пушкинъ въ 1825—1826 гг. не разъ называетъ себя пророкомъ, при томъ въ такомъ контекстѣ, изъ котораго ясно видно, что онъ имѣетъ въ виду свою поэтическую дѣятельность. Въ письмѣ П. А. Плетневу первой половины декабря 1825 г. онъ проситъ друзей хлопотать объ освобожденіи его изъ ссылки въ Михайловское и прибавляетъ: „Да нельзя-ли дамъ взбуторажить?... Душа! я пророкъ, ей богу пророкъ! я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя От. и Сы. etc.—Выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вамъ Трагедію свою“. Переписка, т. I, стр. 314) Мы видимъ, Пушкинъ называетъ себя пророкомъ, а лучшее свое про-

Перейдемъ къ вопросу о націонализмѣ. Нельзя отрицать у Александра Сергѣевича стремленія быть народнымъ. Онъ понимаетъ, что его назначеніе „быть эхомъ русскаго народа“¹⁾. Уже „Русланъ и Людмила“ явная попытка къ народности. Сюжетъ и частности поэмы взяты изъ сборниковъ русскихъ сказокъ и пѣсень, какъ показалъ проф. Владимировъ²⁾. Правда сборники эти были итальянизированы издателями. Но этого никто тогда не подозрѣвалъ. „Житель Бутырской слободы“ обрушился на молодого поэта именно за простонародность сюжета и языка поэмы. Онъ видитъ въ ней „гостя съ бороною, въ армякѣ, въ лаптяхъ“, кричащаго „зычнымъ голосомъ: здорово ребята“³⁾!

Далѣе, поэтъ присматривается къ быту, воззрѣніямъ, вѣрованіямъ простонародія. Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этого служатъ: „Деревня“⁴⁾, „Домовому“⁵⁾, „Примѣты“⁶⁾, „Птичка“⁷⁾, „Историческія замѣчанія“⁸⁾.

Онъ обращается и къ исторіи Россіи, начинаетъ драму и поэму изъ жизни древняго Новгорода⁹⁾, поэму о Мстиславѣ Тмутараканскомъ¹⁰⁾, драму изъ эпохи правленія царицы Софіи¹¹⁾.

изведеніе обѣщаетъ напечатать церковными буквами, какъ книги ветхозавѣтныхъ пророковъ въ ц.-слав. Библіи. 3 марта 1826 г. тому-же Шлетневу поэтъ пишетъ: „Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія Иліады—или реку въ сердцѣ своемъ: нѣсть тебѣ. Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде чѣмъ не выпишите меня въ П. Б.“ (Переписка, стр. 330—331). Опять Пушкинъ называетъ себя пророкомъ въ такомъ контекстѣ, изъ котораго явствуетъ, что онъ имѣетъ въ виду поэтическую дѣятельность. А церковно-славянская окраска нѣкоторыхъ выраженій приведенныхъ отрывковъ свидѣтельствуетъ, что для Пушкина мысль о пророкѣ соединялась именно съ впечатлѣніями, вынесенными изъ чтенія Библіи.

¹⁾ Соч. Пушкина. Изд. Ак. Наукъ. Т. II, стр. 27. „Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь ея императорскаго величества государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны“, 1819 г.

²⁾ Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1895 г.

³⁾ Вѣстникъ Европы, 1820 г., № 11.

⁴⁾ Соч. Пушкина. Изд. Ак. Наукъ. Т. II, стр. 52.

⁵⁾ *Ib.*, стр. 55.

⁶⁾ Изд. Ефремова. Т. I, стр. 458.

⁷⁾ *Ib.*, стр. 455.

⁸⁾ *Ib.*, т. V, стр. 359.

⁹⁾ *Ib.*, т. V, стр. 362—363; т. II, стр. 549—550 и 550—555.

¹⁰⁾ *Ib.*, т. V, стр. 363—364.

¹¹⁾ *Ib.*, т. V, стр. 365.

Онъ пишетъ „Пѣснь о Вѣщемъ Олержъ“ п поэмѣ изъ быта поволжскихъ разбойниковъ, изъ которой уцѣлѣлъ только отрывокъ¹⁾.

Современную русскую жизнь Пушкинъ пытается отразить въ отрывкахъ комедій и поэмы 1822 года, Кавказскомъ Плѣнникѣ, Цыганахъ, Евгении Онѣгинѣ.

Онъ любитъ народный русскій языкъ. „Русланъ и Людмила“, „Братья-Разбойники“ полны простонародныхъ выраженій. Онъ изучаетъ русскія сказки, пѣсни и былины²⁾. Для героини любимаго романа Пушкинъ избралъ имя „изъ дѣвичьей“. Онъ подсмѣивается надъ своими конституціонными друзьями, которые такъ радѣютъ о русскомъ народѣ, но съ которыми можно разучиться говорить по-русски, требуетъ отъ брата русскихъ писемъ³⁾.

Но „французское воспитаніе“, на которое Пушкинъ такъ жаловался впоследствии, по словамъ Анненкова⁴⁾, дѣлало свое дѣло. Попытки Александра Сергѣевича къ національному творчеству или были брошены, какъ непосильныя, или уничтожены, какъ неудачныя, или не шли дальше изображенія европеизированной молодежи: „Плѣнника, Алеко, Онѣгина, Ленскаго. Поэтому Пушкинъ справедливо называлъ себя „министромъ иностранныхъ дѣлъ на русскомъ Парнасѣ“⁵⁾...

Лишь съ возвращеніемъ въ Михайловское могъ поэтъ опять начать сближеніе съ народомъ. „Знаешь-ли мои занятія“? — пишетъ онъ брату, — „до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!.. Вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Сенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи“⁶⁾.

¹⁾ Ib., т. V, стр. 365; т. II, стр. 548.

²⁾ В. Е. Якушкинъ (Русская старина, 1884 г., августъ, стр. 329) справедливо указываетъ, что планъ сказки о царѣ Салтанѣ набросанъ уже въ 1822 г. Поэма о Мстиславѣ Тмутараканскомъ того-же времени проникнута былиннымъ элементомъ. Въ поэмѣ о поволжскихъ разбойникахъ находятъ отзвукъ народныхъ „разбойничьихъ пѣсней“.

³⁾ Переписка. Т. I, стр. 32. Письмо Л. С. и О. С. Пушкинымъ отъ 27 іюня 1821 г.

⁴⁾ Матеріалы, стр. 119.

⁵⁾ Переписка. Т. I, стр. 179. Письмо Л. С. Пушкину первой половины февраля 1825 г.

⁶⁾ Ib., стр. 140—141. Письмо Л. С. Пушкину конца октября 1824 г.

„Время пребыванія въ Псковѣ онъ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли—изученію народной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми и весьма почтенные люди города видѣли его передѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ“¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ дѣятельно изучаетъ русскую исторію, читаетъ лѣтописи²⁾, знакомится со старымъ русскимъ театромъ, какъ показываетъ первоначальное заглавіе Бориса Годунова³⁾, съ Четырехминями и Прологомъ⁴⁾, добываетъ изустныя и рукописныя свѣдѣнія о недавнихъ историческихъ эпохахъ⁵⁾.

Только теперь осуществляются давнишнія стремленія Александра Сергѣевича: онъ проникается вполне и совершенно духомъ народнымъ и становится авторомъ глубоко-національных произведеній. Онъ пишетъ „Бориса Годунова“, III, IV и V пѣсни „Евгенія Онѣгина“, шутку изъ помѣщицкой жизни—„Графа Нулина“, „Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ“, балладу „Женихъ“, „Зимній вечеръ“, „Только что на проталинахъ весеннихъ“, „Колокольчики звенятъ“, „Черный воронъ выбирать бѣлую лебедушку“, „Стрелотунью бѣлобоку“, „Зимнюю дорогу“. Наконецъ вопросъ о народности въ литературѣ настолько выясняется для поэта, что онъ набрасываетъ родъ статьи, гдѣ онъ такъ опредѣляетъ народность: „Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тѣмъ обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому особенную физиономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи“⁶⁾.

Мы видѣли, что и у Пушкина еще съ петербургской эпохи замѣчается общее Sturm-und Dranger'амъ стремленіе къ народности.

Теперь культъ чувства. Уже раньше мы замѣтили, что у Александра Сергѣевича нѣтъ того преувеличеннаго превозношенія чувства и пренебреженія знаніемъ, какое встрѣчалось намъ у Вертера и Фауста. И брата и друзей онъ подстрекаетъ учиться и самъ усердно

¹⁾ Матеріалы, Анненкова, т. I, стр. 151.

²⁾ Соч., т. V, стр. 428. „Замѣтки о Борисѣ Годуновѣ“ (пятая и шестая).

³⁾ Переписка. Т. I, стр. 237. Письмо II А. Вяземскому отъ 13 іюля 1825 г.

⁴⁾ Ibid., стр. 267. Письмо В. А. Жуковскому отъ 17 августа 1825 г.

⁵⁾ Ibid., стр. 260. Письмо II А. Осиповой отъ 11 августа 1825 г.

⁶⁾ Соч., т. V, стр. 380. „О народности въ литературѣ“.

работаетъ надъ своимъ образованіемъ. Онъ признаетъ свою цѣнность даже за „схоластическимъ педантизмомъ“ и „законами классическаго краснорѣчія“, этими врагами чувства.

Но Пушкинъ находилъ, что наша общественная жизнь даетъ слишкомъ мало свободы для проявленія этой стороны душевной дѣятельности. Въ посланіи Чаадаеву 1821 г. читаемъ: „Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ, не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ, гдѣ *праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ и правду пылкую приличій хладъ объемлетъ*“¹⁾. И мы знаемъ, что онъ въ Кишиневѣ не стѣснялся приличіями. Алеко жалуется, что люди „любви стыдятся“, самъ поэтъ—на то, что „намъ чувство дико и смѣшно“²⁾. Онѣгину ставится въ похвалу, что онъ „вчуужь чувство уважалъ“³⁾. И Татьяну поэтъ оправдываетъ въ томъ, что она

„любитъ безъ искусства,
Послушная влеченью чувства...
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя“⁴⁾.

Болѣе, эта черта ея характера является одною изъ симпатичнѣйшихъ и трогательнѣйшихъ въ ней. Ленскаго Пушкинъ хвалитъ за искренность его произведеній:

„Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Олыгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ алегіи рѣкой“⁵⁾.

Тутъ мы подходимъ къ области, гдѣ нашъ поэтъ отводилъ наиболѣе свободы чувству, Извѣстно его отношеніе къ стѣснявшему

¹⁾ Ib., т. I, стр. 401. Курсивъ нашъ.

²⁾ Ib., т. IV, стр. 45. „Евгеній Онѣгинъ“, гл. II, строфа 14-ая.

³⁾ Ib., стр. 46. Таже 14-ая строфа.

⁴⁾ Ib., стр. 78. „Евгеній Онѣгинъ“, глава III, строфа 24-ая.

⁵⁾ Ib., стр. 109—110. „Евгеній Онѣгинъ“, глава IV, строфа 31-ая.

чувство неоклассицизму. Онъ рѣшительно примкнулъ къ его врагамъ, объединявшимся подъ общимъ именемъ романтиковъ, и сталъ главною мишенью сторонникамъ прежняго направленія: Каченовскому, Надеждину и др.

Романтическаго поэта, по мнѣнію Пушкина, характеризуетъ полное отверженіе всѣхъ правилъ и абсолютная свобода вдохновенія.

„Гдѣ онъ“,—пишетъ Александръ Сергѣевичъ объ Озеровѣ Вяземскому,—„не слѣдовало жеманнымъ правиламъ фр. театра? Знаю, за что полагаешь его поэтомъ романтическимъ: за мечтательный монологъ Фингала.—Нѣтъ! и ѣснямъ никогда надгробнымъ я не внемлю; но вся трагедія написана по всѣмъ правиламъ парнасскаго православія: *а романтическій трагикъ принимаетъ за правило одно вдохновеніе.* „Французская болѣзнь умертвила бы нашу отроческую словесность“¹⁾.

Мы встрѣчаемся тутъ съ тѣми-же взглядами на поэзію и классицизмъ, какіе видѣли уже у Гете. Впрочемъ, по всей вѣроятности, здѣсь подъ „вдохновеніемъ“ не слѣдуетъ понимать того почти безсознательнаго, не контролируемаго творчества, какое по словамъ Гете, породило „Готтфрида фонъ-Берлихингена“ и „Страданія молодого Вертера“²⁾.

По крайней мѣрѣ, въ 1824 году мы встрѣчаемся со статьей Александра Сергѣевича по этому вопросу: „О вдохновеніи и восторгѣ“. Въ ней поэтъ даетъ предпочтеніе творчеству, регулируемому сознаниемъ, предъ хаотическимъ порывомъ его. „Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи... Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ состояніи произвести истинное, великое совершенство... Единный *планъ* Дантова „Ада“ есть уже плодъ высокаго генія!“³⁾ Мы не

¹⁾ Переписка. Т. I, стр. 67. Письмо П. А. Вяземскому отъ 6-го февраля 1823 г. Разрядка принадлежитъ Изд. Ак. Наукъ, курсивъ намъ.

²⁾ Goethes-Werke., Bd. 28, стр. 198 и 224, 13—18 и 24—27. Dichtung und Wahrheit, ч. III, кн. 13-ая.

³⁾ Соч., т. V, стр. 369—370. Курсивъ принадлежитъ изд. Ефремова, разрядка намъ.

замѣчаемъ въ этихъ словахъ ничего общаго съ Гетевскимъ „луна-тизмомъ творчества“. Эта замѣтка написана по поводу статьи въ „Мнемозинѣ“: „О направленіи нашей поэзіи особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе“, которая проводила вполне романтическую теорію объ исключительномъ значеніи чувства въ поэзіи.

Вообще, можно сказать, идеаломъ Пушкина было „сочетать съ глубокимъ чувствомъ разумъ вѣрный“¹⁾... Особенно расширяетъ поэтъ участіе чувства въ лирикѣ. „Торжественныя оды“ отжили свой вѣкъ²⁾. Поэзія—свободный откликъ поэта на все, что волнуетъ и интересуетъ его, изліяніе его души. Стихотворенія — „исповѣдь поэта“, поэтический дневникъ его³⁾.

„Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
 Въ порывахъ сердца своего,
 Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
 И сводъ элегій драгоцѣнный
 Представитъ нѣкогда тебѣ
 Всю повѣсть о твоей судьбѣ“⁴⁾.

Никто не станетъ отрицать, что вся лирика и самого Пушкина послѣ—петербургскаго періода, дѣйствительно, является такой поэтической лѣтописью его душевной жизни.

Чувство, лиризмъ вторгаются и въ область эпоса. Не тайна, что южныя поэмы Александра Сергѣевича въ сильной степени лиричны. Въ „Плѣнникѣ“ онъ изображаетъ свое собственное душевное состояніе⁵⁾. Отличительныя черты героя „бездѣйствіе“ и „равнодушіе“⁶⁾ врядъ-ли могутъ служить для истинно-эпическаго произведенія. Самъ „Онѣгинъ“ сперва долженъ былъ явиться лирическимъ изліяніемъ, на подобіе Байронова Донъ-Жуана⁷⁾ и лишь впоследствии развернулся въ широкую эпическую картину жизни всѣхъ слоевъ русскаго общества.

¹⁾ *Иб.*, т. II, стр. 84. „О ты, который сочеталъ“, 1826 г.

²⁾ *Иб.*, т. IV, стр. 110—111. „Евгеній Онѣгинъ“, глава IV, строфа 33-ья.

³⁾ Переписка. Т. I, стр. 287. „Письмо П. А. Вяземскому первой половины сентября 1825 г.

⁴⁾ Соч., т. IV, стр. 110. „Евгеній Онѣгинъ“, глава IV, строфа 31-ая. Курсивъ нашъ.

⁵⁾ Переписка. Т. I, стр. 36. Письмо В. П. Горчакову 1821—1822 года.

⁶⁾ *Иб.*, стр. 41. Черновое Н. П. Гнѣдичу отъ 29 апрѣля 1822 г.

⁷⁾ *Иб.*, стр. 84. Письмо П. А. Вяземскому отъ 4-го ноября 1823 г.

Но, вообще говоря, въ борьбѣ за чувство Пушкинъ не преувеличивалъ его значенія и стремился лишь отвоевать ему законную его область.

То-же и съ культомъ природы. Напрасно-бы мы искали у Пушкина того восторженнаго пантеистическаго обожествленія ея, слѣды котораго замѣчаются у Вертера и которое достигаетъ полнаго развитія въ „Прометей“ и „Фаустъ“ Гете.

Нѣтъ у Пушкина и предпочтенія полудикой, первобытной жизни культурному состоянію. Первую онъ всегда характеризуетъ варварствомъ, жестокостью, лѣнью и другими несимпатичными качествами. Вспомнимъ „красавыя забавы“ горцевъ:

„Но... часто игры воли праздной
Игрою жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ¹⁾).

Припомнимъ звѣрскую жестокость Пушкинскихъ разбойниковъ, совсѣмъ непохожихъ на благороднаго Карла Моора, и полудикій составъ ихъ шайки: „...дикіе... калмыкъ... башкирецъ... финнъ... съ лѣнью праздною... цыганъ“²⁾. А описаніе татарскихъ набѣговъ на „цвѣтушій Польши край“³⁾ и „села мирныя Россіи“⁴⁾, изображеніе жизни этого народа, проходившей межъ „ужасовъ набѣга“ и „роскошной лѣнью“⁵⁾. Наконецъ, даже идеальные цыганы—праздное и лѣнливое племя, живущее кражей и милостыней.

Неудивительно поэтому, что, хотя Пушкинъ, какъ видно изъ „Кавказскаго Штѣнника“ и „Цыганъ“, цѣнитъ многія преимущества мало-культурной жизни: близость къ природѣ, свободу чувства, личности и т. п., онъ предпочитаетъ ей быть цивилизованный. Онъ привѣтствуетъ приобщеніе Крыма къ благамъ мира и просвѣщенія

¹⁾ Соч. Пушкина. Изд. Ак. Наукъ. Т. II, стр. 239—240. Курсивъ нашъ.

²⁾ Изд. Ефремова. Т. II, стр. 539—540.

³⁾ *Иб.*, т. III, стр. 10. „Бахчисарайскій фонтанъ“.

⁴⁾ *Иб.*, т. III, стр. 18—19.

⁵⁾ *Иб.*, т. III, стр. 20.

и превращеніе татаръ въ „трудолюбивыхъ“ земледѣльцевъ¹⁾. Того же желаетъ поэтъ и Кавказу, хотя бы благой результатъ былъ достигнуть потоками крови²⁾. Разбойникамъ, отвергнувшимъ „оковы просвѣщенія“ для вольной, необузданной жизни, ояъ грозитъ пробужденіемъ совѣсти „въ черный день“. Въ „Цыганахъ“, идеализируя въ своихъ цѣляхъ бытъ этого племени, Пушкинъ заканчиваетъ поэму предостереженіемъ тѣмъ, кто задумалъ-бы дѣйствительно искать счастье человѣчества въ подобныхъ условіяхъ жизни.

Далѣе, у Пушкина нѣтъ того приторно-сентиментальнаго отношенія къ низшимъ слоямъ культурнаго общества, какое такъ нерѣдко у Вертера. Нѣтъ у него призывовъ Гетевскаго героя учиться у простонародья естественной силѣ страсти³⁾. Не учиться, а учить его призвана, по мнѣнію Александра Сергѣевича, интеллигенція. Въ „Историческихъ замѣчаніяхъ“ ояъ съ горечью жалуется, что Екатерина, отнявъ у духовенства монастырскія имущества, поставила его въ невозможность успѣшно продолжать дѣло народнаго просвѣщенія: „Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію... Жаль“⁴⁾. „Деревня“ также желаетъ народу просвѣщенія. Впослѣдствіи идеальныя отношенія интеллигентнаго человѣка къ крестьянину рисовались Пушкину въ видѣ сочувственнаго и просвѣщеннаго воздѣйствія перваго на втораго.

Пушкинъ, конечно, любилъ по временамъ пожить и въ цыганскомъ таборѣ и въ русской деревнѣ, но большею частью его тянуло къ культурнымъ центрамъ и цивилизованной жизни. Россіини и итальянская опера для него „представители Рая небеснаго“⁵⁾. „Ресторація и Итальянская! Опера“⁶⁾ въ Одессѣ „обновили ему душу“⁶⁾. „Увѣряю васъ“—пишетъ ояъ Вяземскому „что уединенье въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и

¹⁾ *Иб.*, т. I, стр. 388—399. „Желаніе“, 1821 г.

²⁾ Переписка. Т. I, стр. 19—20. Письмо Л. С. Пушкину отъ 24 сентября 1820 г. См. и „Эпиграммъ къ „Кавказскому Пльнику“.

³⁾ *Goethes Werke*. Bd. 19, стр. 119.

⁴⁾ Соч., т. V, стр. 338—359.

⁵⁾ Переписка. Т. I, стр. 87. Письмо А. А. Дельвигу отъ 16 ноября 1823 г.

⁶⁾ *Иб.*, стр. 75. Письмо Л. С. Пушкину отъ 25 августа 1823 г.

поэтамъ, которые притворяются будто-бы жилали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину“¹⁾. Мы встрѣчаемъ и далѣе рядъ подобныхъ заявленій. Изъ лица поэта тянетъ въ Петербургъ, изъ Кишинева—въ Одессу, изъ Михайловскаго въ столицы и за границу: „когда воображаю Лондонъ, чугуныя дороги, паровые корабли, Англ. журналы или Парижскіе театры и «.....», то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство“²⁾. Столь плѣнительная для Вертера деревенская идиллія мало удовлетворяетъ нашего поэта.

Любимцы Вертера Гомеръ и Оссіанъ, пѣвцы природы и первобытной жизни, одинъ вовсе забыть Пушкинымъ, а другой упоминается только въ письмахъ Гнѣдичу и по поводу Гнѣдича. Несомнѣнно, Александръ Сергѣевичъ высоко цѣнилъ поэмы Гомера, но онѣ не были для него настольной книгой, какъ для Гете. Наоборотъ, его вниманіе привлекаютъ поэты и писатели расцвѣта римской и отчасти греческой цивилизаціи: Лукрецій, Овидій, Тацитъ, Горацій, Виргилій, Катуллъ, Біонъ, Мосхъ и др.

Итакъ, у Пушкина 1820—1826 г.г. нѣтъ ни религіи природы—пантеизма Гете, ни возвеличенія быта полудикихъ племенъ предъ культурной жизнью, какъ у Шатобріана, ни униженія цивилизованныхъ слоевъ общества предъ менѣ просвѣщенными, какъ въ „Вертеръ“, ни Вертеровскаго исключительнаго предпочтенія поэтовъ первобытной жизни.

Правда, мы видѣли, Александръ Сергѣевичъ относится сочувственно ко многимъ сторонамъ полудикой жизни („Кавказскій Плѣнникъ“ и „Цыганы“). Правда, въ „Цыганахъ“, „Онѣгинъ“, лирикѣ его мы находимъ сильныя упреки нашему обществу, въ особенности большому свѣту (Вся первая глава „Онѣгина“). Все это такъ, но при наличности выше изложеннаго должно видѣть въ нихъ лишь частныя поправки къ современной цивилизаціи, въ смыслѣ ея приближенія къ природѣ.

Культъ природы сказанъ въ Пушкинѣ особенной чуткостью къ ея красотамъ, умѣняемъ находить поэзію даже въ картинахъ русской осени. Множество лирическихъ піесъ, „Кавказскій Плѣн-

¹⁾ *Иб.*, стр. 3. Письмо П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г.

²⁾ *Иб.*, стр. 352. Письмо П. А. Вяземскому отъ 27 мая 1826 г.

викъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Цыганы“ и въ особенности чудныя картины нашей природы въ „Евгении Овѣгинѣ“ служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ сказаннаго.

Культъ генія нашель у Пушкина свое выраженіе преимущественно въ преклоненіи предъ Наполеономъ и Байрономъ. Какое исключительное мѣсто отводилъ имъ поэтъ, видно изъ того, что послѣ ихъ смерти для него „міръ опустѣлъ... Теперь куда-же меня-бъ ты вынесъ, океанъ“? спрашиваетъ онъ море, отказываясь отъ мысли бѣжать за границу¹⁾. Особенно привлекала Александра Сергѣевича ихъ мощная, одаренная почти стихійными силами личность. „Ты вель мечи на ниръ обильный“, обращается онъ къ Наполеону:

*„Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа шбла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.
Сбылось! Въ величїи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!“*²⁾

Въ другой разъ поэтъ такъ изображаетъ великаго императора:

*„Чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтъ здравїя, и мужества, и мощи.*

Владыкъ Полунощи
Владыка Запада *грозящій* предстоятъ“ и т. д.³⁾

А вотъ изображеніе Байрона:

*„И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній....
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ;*

¹⁾ „Къ морю“, 1824 г. Соч., т. I, стр. 504—505.

²⁾ „Наполеонъ“, 1821 г., ib., т. I, стр. 416. Курсивъ нашъ.

³⁾ Ib., т. I, стр. 490. „Отрывокъ. Недвижный стражъ дремать на парственомъ порогѣ“. 1823 г. Курсивъ нашъ.

Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничьмъ неукротимъ“¹⁾.

Въ этихъ словахъ предъ нами ясно выступаетъ стихійно-могучій человекъ. Направленіе этихъ силъ уже не столь важно. Пушкинъ находитъ, что „Байронъ гордости поэтъ“²⁾, что „онъ облекъ въ увылый романтизмъ и безнадежный эгонизмъ“³⁾. Онъ сознаетъ, что Наполеонъ

„Въ его надеждахъ благородныхъ
 Человѣчество презрѣлъ.
 Въ свое *поибельное* счастье
 Дерзкой вѣрвалъ душой“⁴⁾.

Онъ называетъ его „тираномъ“⁵⁾, „хладнымъ кровопійцей“⁶⁾, полагаетъ, что на его могилѣ по заслугамъ „народовъ ненависть почилъ“⁷⁾. Но все это не мѣшаетъ Пушкину требовать отъ человѣчества благоговѣйнаго отношенія и къ Наполеону и къ Байрону.

Причиной является свойственное Sturm und Drang'у преклоненіе предъ гениальностію самой по себѣ. „Врете, подлецы!“—защищаетъ Александръ Сергѣевичъ англійскаго поэта отъ нападковъ толпы,—„онъ и малъ и мерзокъ—не такъ какъ вы—иначе“⁸⁾. Это преклоненіе отчасти основывается на высококомъ предназначеніи гениальныхъ личностей. По крайней мѣрѣ, о Наполеонѣ нашъ поэтъ говоритъ:

„Сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
 Свершитель роковой безвѣстнаго вѣльня“⁹⁾.

¹⁾ Ib., т. I, стр. 504—505. „Къ морю“, 1824 г. Курсивъ нашъ.

²⁾ Ib., т. IV, стр. 33. „Евгеній Онѣгинъ“, глава I, строфа 56-ая. Она написана въ октябрѣ 1823 г.

³⁾ Ib., стр. 71. „Евгеній Онѣгинъ“, глава III, строфа 12-ая. Она писана въ началѣ 1824 г.

⁴⁾ Ib., т. I, стр. 415. „Наполеонъ“.

⁵⁾ Ib., стр. 417.

⁶⁾ Ib., стр. 490. „Отрывокъ“, 1823 г.

⁷⁾ Ib., стр. 413. „Наполеонъ“.

⁸⁾ Переписка. Т. I, стр. 287. Письмо П. А. Вяземскому первой половины сентября 1825 г.

⁹⁾ Соч., т. I, стр. 490. „Отрывокъ“, 1823 г.

Ясно, что „роковой“ „посланникъ Провидѣнья“ имѣеть полное право на благоговѣніе къ себѣ. А „безвѣстное велѣнье“ служить, хоть неполнѣ опредѣленнымъ, но совершенно достаточнымъ полномочіемъ на всякаго рода поступки. Судить ихъ можетъ лишь тотъ, кому ясно это „безвѣстное велѣнье“. Другой причиной къ оправданію необузданности гевія служить ничтожество человѣчества. Презрѣніе къ людямъ постоянно сквозить въ произведеніяхъ Пушкина данной эпохи. По его мнѣнію,

„Кто жилъ и мыслить, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей“¹⁾.

Презрѣніе къ людямъ приписываетъ онъ своему Пльннику²⁾, Юрику³⁾, Алеко⁴⁾, Онѣгину⁵⁾, Наполеону и Петру Великому⁶⁾.

Но съ особенною, даже неожиданною для Пушкина рѣзкостью сказалось оно въ письмѣ 1821 года: „Вы достойный мой руководитель, смѣлый, острый, злой--но этого мало: нужно быть жестокимъ, тираномъ, мстительнымъ. Люди не стоятъ того, чтобы ихъ цѣнили по нѣкоторымъ искрамъ гевія и чувства... Нужно сдѣлаться такимъ же эгоистомъ, каковы они всѣ вообще“⁷⁾.

Далѣе, Пушкинъ указываетъ, что дѣятельность Байрона и Наполеона принесла неощѣненную пользу людямъ. Борясь, хотя бы и изъ эгоистическихъ побужденій, они разрушали традиціи и порядки, стѣснявшіе все вообще человѣчество. О Байронѣ поэтъ выражается символически: „исчезъ, оплаканный свободой, оставя міру свой вѣнецъ“⁸⁾. Въ примѣненіи къ Наполеону эта мысль развита полнѣе:

¹⁾ *Иб.*, т. IV, стр. 27. „Евгеній Онѣгинъ“, глава I, строфа 46-ая.

²⁾ Соч. Пушкина, Изд. Ак. Наукъ. Т. II, стр. 231.

³⁾ Изд. Ефремова. Т. V, стр. 362. Программы „Вадима“, 1822 г.

⁴⁾ *Иб.*, т. III, стр. 34—35.

⁵⁾ *Иб.*, т. IV, стр. 45. „Евг. Он.“, глава II, строфа 14-ая.

⁶⁾ *Иб.*, т. V, стр. 355. „Историческія замѣчанія“, 1822.

⁷⁾ *Иб.*, т. VII, стр. 36. Въ изд. Ак. Наукъ этого письма нѣтъ. Подлинникъ писанъ по французски на листкѣ съ отрывкомъ кишиневскаго дневника. Адресъ невѣстенъ. Но сопоставленіе этого отрывка съ другимъ письмомъ Пушкина (См. Переписка, стр. 79) и съ письмомъ С. Г. Волконскаго Пушкину (*Иб.*, стр. 138) не оставляетъ сомнѣнія, что оно написано А. Н. Раевскому.

⁸⁾ *Иб.*, т. I, стр. 505. „Къ морю“, 1824. !

„Хвала!.. Онъ... міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщать“¹⁾).

И „вѣнецъ“ Байрона и наслѣдство Наполеона есть тотъ духъ свободы, который былъ порожденъ поэзіей одного и побѣдами другого²⁾).

Еще яснѣе это высказано въ извѣстномъ „Отрывкѣ“..

„Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ:
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ *стѣсненные* метали,
Чредою выпадали

И міру *тихую неволю въ даръ несли...*

Все молча ждетъ удара,

Все нало подъ ярмомъ, склонились вст главы...

„Свершилось“! молвилъ онъ... „Давно ль судьбой народа
Ужъ правила свобода.

И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?“

„Давно ль? И гдѣ же вы, зиждители свободы?

Ну, что жъ? Витѣствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!

Вотъ кесарь—гдѣ же Бругъ? О, грозные вити,

Цѣлуйте жезлъ Россіи

И васъ поправшую желѣзную стопу!“³⁾).

Эта кичливая рѣчь прерывается появленіемъ грознаго призрака. Могучій императоръ возстаетъ предъ нимъ во всей своей прежней мощи и приводитъ его въ трепетъ. Наполеонъ погибъ, но ненависть къ политическому гнету, которая его выдвинула⁴⁾, которая помогла ему разрушать закоснѣлыя въ своемъ деспотизмѣ правительства, осталась.

„Свобода!“ поетъ Шенье „сокрылась ты отъ насъ“...

„Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—

И вновь твои враги падуть.

¹⁾ Ib., стр. 418. „Наполеонъ“, 1821 г.

²⁾ Относительно этого см. письмо А. И. Тургеневу отъ 1 декабря 1823 г. (Переписка, т. I, стр. 90—91).

³⁾ Соч., т. I, стр. 489—490.

⁴⁾ Ср. „Мятежной вольницы наслѣдникъ“ (ib., стр. 490).

Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный.
 Все ищетъ вновь ушиться имъ;
 Какъ будто Вакхомъ разъяренный.

Онъ бредить, жаждою томимъ...“¹⁾

Наконецъ, Пушкинъ указываетъ на „мученія великой души“ Байрона²⁾, на то, что Наполеону „отплачены до послѣдней всѣ обиды“³⁾. Онъ ищетъ смягчить читателя къ „сему хладному кровопийцѣ“ изображеніемъ нѣжности его чувства, когда

„Забывъ войну, потомство, тронъ,
 Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
 Въ раздумьи горькомъ думалъ онъ“⁴⁾.

Итакъ, мы видимъ, нашъ поэтъ оправдываетъ необузданность гевія и презрѣніе къ людямъ личностей выдающихся. Съ другой стороны онъ не раскрашиваетъ ихъ чрезмѣрно, умѣетъ называть ихъ пороки ихъ собственнымъ именемъ и ищетъ *извинить* (а не превозносить) эти пороки съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Поэтому гениальная личность у него не такъ самодовлѣюща, какъ у Гете. Въ концѣ концовъ она подлежитъ тому же суду, что и прочіе люди.

Мы видѣли, всѣ девизы Гете являются девизами и Пушкина, но рѣдко проявляетъ онъ ту силу разрушенія, которая дала эпохѣ Sturm und Drang'a ея выразительное имя.

Его исканіе свободы и стремленіе къ идеалу выразилось не столько въ видѣ яростно-мятежнаго Sturm und Drang'a, сколько въ формѣ неопредѣленнаго мятущагося романтизма.

Мы знаемъ, широта стремленій романтизма не допускала его вполне опредѣленной формулировки. Ихъ разносторонность давала возможность созданія многихъ формулъ, но ни одна не была способна покрыть его вполне. Всегда получался нѣкоторый ирраціональный остатокъ. Отсюда неизбѣжная, лежащая въ самомъ его существѣ туманность романтизма. Высота запросовъ не позволяла

¹⁾ *Иб.*, т. II, стр. 3. „Андрей Шенье“, 1825 г.

²⁾ Переписка, т. I, стр. 287. Письмо П. А. Вяземскому первой половины сентября 1825 г.

³⁾ Соч., т. I, стр. 417. „Наполеонъ“, 1821 г.

⁴⁾ *Иб.*, стр. 418.

романтикамъ мириться ни съ какою конкретностью. Отсюда столь разнообразно проявлявшееся у нихъ стремленіе въ безвѣстную, загадочную даль, которая одна могла служить убѣжищемъ имъ и ихъ мечтаніямъ.

Въ жизни и поэзіи Пушкина періода 1820—1826 гг. мы на каждомъ шагу замѣчаемъ это безпокойное блужданіе.

Во-первыхъ, любовь къ скитальчеству. Ссылка на первыхъ порахъ едва ли не обрадовала его. „Петербургъ душень для поэта, я жажду краевъ чужихъ; авось, полуденный воздухъ оживитъ мою душу“, пишетъ Александръ Сергѣевичъ незадолго до своей ссылки на югъ Вяземскому ¹⁾. На югѣ онъ почти все время проводитъ въ разъѣздахъ ²⁾. Онъ появляется на Кавказѣ, въ Крыму, въ Каменкѣ, Кіевѣ, ѣздитъ съ Липранди по Бессарабіи, гоститъ въ Одессѣ, кочуетъ съ цыганами. Всего этого Пушкину мало—онъ мечтаетъ, какъ какъ мы видѣли, о бѣгствѣ за границу. Эти мечты несомнѣнно носятъ на себѣ характеръ романтическаго стремленія въ „туманную даль“ безъ опредѣленной цѣли. Такъ, въ строфахъ Евгенія Онѣгина, посвященныхъ мысли о побѣгѣ, поэтъ самъ не можетъ vybrать, куда ему направить свой путь: то онъ стремится въ Италію“, то „подъ небо Африки своей“ ³⁾. Въ элегіи: „Погасло дневное свѣтило“ (1820 г.) читаемъ:

„Лети, корабль, неси меня къ *предѣламъ дальнимъ*
По грозной *прихоти* обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей“ ⁴⁾.

Мы видимъ тутъ полное безразличіе поэта, куда ни плыть; прочь, вдаль отъ родины—единственное условіе.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣдѣлый!
Спокойной пристани давно ли ты достигъ,

¹⁾ Переписка, т. I, стр. 15. Письмо П. А. Вяземскому первой половины марта 1820 г.

²⁾ Анненковъ. Матеріалы. I, стр. 84.

³⁾ Соч., т. IV, стр. 29—30. „Евг. Он.“, глава I, строфы 49—51.

⁴⁾ Соч. Пушкина. Изд. Ак. Наукъ. Т. II, стр. 201.

Давно ли тишины вкусилъ отраднѣй мигъ?
И снова ты бѣжишь Евроны обветшалой:
Ищи другихъ стихій, земли жилецъ усталый¹⁾.

Здѣсь та же романтическая любовь къ опасностямъ скитанія по морю ради нихъ самихъ, какъ и въ „Парусѣ“ Лермонтова. Не достиженіе какой-либо цѣли, самое стремленіе въ безпредѣльную даль среди бурь и опасностей плѣняетъ поэта.

Но поэтичнѣй всего это смутное влеченіе въ заманчивую даль выражено въ стихотвореніи „Узникъ“ 1822 г.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой...
Зоветь меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочеть: „давай улетимъ!
Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣть гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ да я!... 2)“

Невольно вспоминается стремленіе Вертера за журавлиной стаей „на берегъ неизмѣримаго моря“ или полетъ Фауста на крыльяхъ фантазіи во слѣдъ уходящему солнцу.

Какъ другіе романтики, Пушкинъ погружался въ фантастическій міръ народныхъ сказокъ, легендъ и вѣрованій. Такъ появились „Русланъ и Людмила“, „Домовому“, „Дочери Карагеоргія“, „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“, „поэма объ Ильѣ Муромцѣ и князѣ Мстиславѣ“, „Царь Никита“, „Птичка“. Это романтическое стремленіе въ „сумракъ неизвѣстный“ народной поэзіи привело Александра Сергѣевича къ ея серьезному изученію. Болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ до Сахарова, онъ составляетъ сборники пословицъ, пѣсенъ, сказокъ и относится къ нимъ съ бѣльшимъ пониманіемъ, съ большею ученою добросовѣстностью, нежели этотъ заслуженный собиратель³⁾.

Пытается поэтъ уйти и въ туманъ прошедшаго. Свидѣтели— драма изъ эпохи правленія Софьи, „Бахчисарайскій фонтанъ“, и

¹⁾ Изд. Ефремова. Т. I, стр. 439.

²⁾ *Ib.*, т. I, стр. 447.

³⁾ А. Кирпичниковъ. „Пушкинъ, какъ европейскій поэтъ“. Одесса. 1887. Стр. 21—24.

особенно драма и поэма о Вадимѣ. Это стремленіе также закончилось научными занятіями исторіей. Въ „Борисѣ Годуновѣ“ прошлое не идеализировано сообразно съ тенденціей автора, какъ въ „Гецѣ фонъ-Берлихингенѣ“ и вообще у романтиковъ, а объективно воссоздано.

Вѣчная неудовлетворенность заставляетъ поэта особенно интересоваться новыми, чуждыми, странными для него условіями жизни. Онъ ведетъ насъ въ „дымную саклю“ дикаго чеченца, къ кострамъ разбойничьей шайки, въ гаремъ татарскаго хана, въ кочевую кибитку бродящаго цыгана. Такъ же капризенъ Пушкинъ и въ своихъ чувствахъ и занятіяхъ. Онъ то идеально („очень глупо“, по его выраженію)¹⁾ влюбляется въ Екатерину Николаевну Раевскую²⁾, то отдается разгулу страстей; то ищетъ мирной тишины³⁾, то жаждетъ битвы и сраженій⁴⁾, то сближается съ тайными обществами⁵⁾; то забавляется дѣтскими проказами⁶⁾, то съ жаромъ принимается за пополненіе своего образованія⁷⁾. „Авей“ Гунчисонъ и „Святый Духъ“. мятежный мученикъ Байронъ и Олимпіецъ-Гете, таинственный, чудесный Востокъ и прозрачная ясность антики, высшія произведенія европейской мысли и полудикая молдаванская или цыганская пѣсенка одновременно привлекаютъ его. Какъ въ Фаустѣ, мы видимъ душу, безпокойно мятущуюся въ смутномъ предчувствіи еще не вполне яснаго ей, но всегда носящагося предъ нею идеала.

Этотъ души „неясный идеалъ“⁸⁾ не воплощался ни въ какой дѣйствительности. Отсюда у Пушкина чувства неудовлетворенности, сомнѣній и разочарованія, равно и стихотворенія, отражающія эти

¹⁾ Переписка. Т. I. стр. 75. Письмо Л. С. Пушкину отъ 25 августа 1823 г.

²⁾ Что рѣчь идетъ именно о ней, можно видѣть изъ Остаф. Арх. См. т. II, стр. 168.

³⁾ „Посланія Чаадаеву“ 1820 и 1821 гг.; „земля и море“, 1821 г.

⁴⁾ „Мнѣ бой знакомъ“, 1820 г.; „война“, 1821 г.

⁵⁾ Записки Якушкина, стр. 68—70. Переписка, т. I, стр. 318. Письмо В. А. Жуковскому второй половины января 1826 г.

⁶⁾ Анненковъ. Матеріалы. Т. I, стр. 87; „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля“, т. IV, стр. 121; В. А. Яковлевъ. „Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи“, Одесса 1887. Стр. 71—72, 79—80.

⁷⁾ „Воспоминанія Липранди“. „Русскій Архивъ“, 1866 г.; „Чаадаеву“. 1821 г.

⁸⁾ Соч. Пушкина. Изд. Ак. Наукъ, т. II, стр. 214. „Фонтану Бахчисарайскаго дворца“, 1820 г.

чувства. Изъ множества ихъ наиболѣ замѣчательнъ „Демонъ“, какъ завершеніе цѣлаго ряда попытокъ поэта уяснить себѣ происходившій въ его душѣ процессъ ¹⁾.

Каковъ же ходъ этого процесса по стихотвореніямъ Пушкина? Съ одной стороны, мы видимъ „задумчивую младость“ съ ея восторженными, но смутными стремленіями („восторгами“) ко всему высокому ²⁾. Но на ряду съ этими грезами стоитъ дѣйствительность, „расхолаживающая юношескій пылъ“, „ужасный опытъ“ ³⁾. „Вѣчныя противорѣчія сущестственности рождаютъ сомнѣнія“ ⁴⁾. Предъ нами появляется тотъ же скептической и насмѣшливой „духъ отрицанія“, котораго мы видѣли въ „Фаустѣ“, съ тѣми же разрушительными и подстрекающими функциями ⁵⁾. Наивная „вѣра и легкомысленныя надежды“ исчезаютъ ⁶⁾. „Плѣнительные кумиры“, „казавшіеся прежде“ поэту „столь величавыми и прекрасными“, теперь „разоблачаются“ ⁷⁾. Даже „лучшіе и поэтическіе предразсудки души“ не въ состояніи устоять противъ его „язвительныхъ рѣчей“ ⁸⁾. Въ „Демонѣ“ Пушкинъ изображаетъ лишь разрушительную сторону дѣятельности „духа отрицанія или сомнѣнія“, „печальное вліяніе его на нравственность нашего вѣка“ ⁹⁾, но родственныи этому стихотворенію вариантъ къ 45-ой строфѣ I-ой главы „Евгенія Онѣгина“ показы-

¹⁾ Изд. Ефремова, т. I, стр. 481—482.

²⁾ *Иб.*, т. VIII, стр. 479.

³⁾ *Иб.*, т. I, стр. 475. „Къ***“. „Ты правъ, мой другъ! Напрасно я презрѣлъ“. 1822 г.

⁴⁾ *Иб.*, т. V, стр. 366. „О стихотвореніи Демонъ“, 1824 г.

⁵⁾ *Иб.*

⁶⁾ *Иб.*, т. IV, стр. 27. „Евгеній Онѣгинъ“, глава I, къ строфѣ 45.

⁷⁾ *Иб.*, т. VIII, стр. 189—190

⁸⁾ *Иб.*, т. V, стр. 366.

⁹⁾ *Иб.* Другія стихотворенія неудовлетворенности и разочарованія: 1820 г. „Погасло дневное свѣтило“, „Фонтану Бахчисарайскаго дворца“, „Мнѣ васъ не жаль, года весны моей“. 1821. „Кто видѣлъ край“ (Желаніе), Элегія „Я пережилъ свои желанья“, Чаадаеву „Въ странѣ, гдѣ я забылъ“, „Алексеѣву“, „Умолкну скоро я“ (Элегія). „Къ***. Мой другъ забыты мной“, „Война“, „Къ Овидію“. „Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый“, нѣкоторыя изъ Кишиневскихъ стихотвореній. 1822. „Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный“, „Друзьямъ“, „Узникъ“, „Птичка“, „Гречанкѣ“, „Къ***. Ты правъ мой другъ!“, „Красы Лаисъ“. „Пыры, любовницы, друзья“, „Я говорилъ предъ хладною толпой“, „Таврида“. 1823. „Демонъ“, „Голицыной“, „Свободы сѣятель пустынный“, 1824. „Къ морю“, „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“, „Коварность“. Въ 1825 подобныхъ чтивовъ почти не встрѣчаемъ.

васть, что Пушкинъ, какъ и Гете, сознавалъ и положительную сторону ея. Послѣ уничтоженія „заблужденій“, по разрушеніи скептической мыслью всего болѣзненнаго въ туманныхъ и мечтательныхъ, заоблачныхъ стремленіяхъ романтизма человѣкъ естественно долженъ возвратиться къ дѣйствительности, къ реальному міру.

„Я сталъ взирать его очами“, говоритъ поэтъ:
Открылъ я жизни бѣдной кладъ“¹⁾.

Пусть послѣ прежняго полета духа дѣйствительность, „жизнь“, покажется „бѣдной“, лишь въ ней заключается возможное человѣку счастье, его „кладъ“. Мы видимъ уже, хотя еще издали, и исходъ изъ тумановъ и неудовлетворенности романтизма.

Герои Пушкина переполнены тѣми же романтическими стремленіями и тѣми же романтическимъ разочарованіемъ. Блѣднѣе всѣхъ „Кавказскій Плѣнникъ“. Мы уже знакомы съ нимъ и знаемъ его разочарованность, меланхолю и ихъ причины. Ни тѣхъ ни другихъ нельзя назвать глубокими.

Уже Чаадаевъ замѣтилъ, что герой поэмы „недовольно blase“²⁾. Дѣйствительно, онъ слишкомъ легко для разочарованнаго „оживаетъ“ отъ взора черкешенки³⁾, слишкомъ быстро сближается съ ней⁴⁾, чрезчуръ оптимистически „возврата солнечнаго ждетъ“, любуясь кавказской природой⁵⁾. Онъ съ любовью присматривается къ быту горцевъ и страстно жаждетъ возвращенія къ „брегамъ желаннымъ“⁶⁾. Все показываетъ, что характеръ „Плѣнника“ набросанъ неполно, блѣдно, еще неискусной рукою, но и у него мы замѣчаемъ все-же романтическое влеченіе вдаль, тревожность полусознанныхъ порывовъ и постоянную неудовлетворенность дѣйствительностью.

Мотивированнѣе и глубже неудовлетворенность Гирея. Онъ воспитанъ „въ безумной нѣгѣ“ и „роскошной лѣни“ среди „рабѣтнаго двора и „ужасовъ набѣга“. Онъ — „повелитель горделивый“ и деспотичный „буйнаго“ народа, Божій „бичъ“ для окрестныхъ

¹⁾ Иб., т. IV, стр. 27. „Евг. Он.“, гл. I. къ строфѣ 45.

²⁾ Переписка. Т. I, стр. 68. Письмо П. А. Вяземскому отъ 6 февраля 1823 г.

³⁾ Соч. изд. Ак. Наукъ, т. II, стр. 233.

⁴⁾ Иб., стр. 233—231 и 243.

⁵⁾ Иб., стр. 236.

⁶⁾ Иб., стр. 247—248.

странъ, сладострастный владыка многочисленнаго гарема. И вотъ необузданному хану, какъ призракъ изъ чуждаго, страннаго міра, воплотясь въ прелестный, женственный обликъ, является высокій, непостижимый ему нравственный идеаль. „Нѣжный образъ“ и „чистая душа“ Маріи заронили ему въ сердце сѣмена невѣдомыхъ чувствъ. Таинственно для него самого въ его душѣ зарождается идеальная любовь.

„Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой“¹⁾

„Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хава краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы“²⁾.

Новый идеаль остался непонятнымъ и недоступнымъ для Гирея. Его неумѣнье сблизиться съ Маріей, хотя-бы цѣной мусульманства³⁾, (сравните: *Renegat*, Мицкевича. *Wydanie jubileuszowe*. Warszawa 1897, т. I, стр. 154), варварская казнь Заремы, новыя опустошенія „Кавказа странъ и сель мирныхъ Россіи“ достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Но онъ навсегда поселяется въ душѣ хава, какъ маячившій, неясно мерцающій въ туманной дали огонекъ маяка. Превъжая жизнь опустыла ему. Гирей „скупаетъ бранной славой“. „Война отъ мыслей далека“⁴⁾. Онъ тяготится своимъ дворомъ⁵⁾, забылъ „еще недавно милыхъ женъ“⁶⁾, „разлюбилъ Зарему“, „звѣзду любви, красу Гарема“, идеальное воплощеніе дикой страсти и красоты“⁷⁾. „Чувствъ иныхъ пламень безотрадный“, не въ силахъ потушить ни дальніе набѣги, ни „кровожадные“ подвиги, ни долгіе годы (ср. „*старыютъ* жены. Между ними *давно* грузинки нѣтъ“⁸⁾).

Мы находимъ здѣсь и неясный самому хану, возвышенный идеаль, и разочарованіе подъ его влияніемъ въ дѣйствительности,

¹⁾ Соч., т. III, стр. 11.

²⁾ *Иб.*, стр. 10—11.

³⁾ Ср. „*Renegat*“ Мицкевича. См. *Dziela Adama Mickiewicza*. *Wydanie Towarzystwa literackiego imienia Adama Mickiewicza*. Т. I, we Lwowie. 1896 г., стр. 203—204.

⁴⁾ Соч., т. III, стр. 4.

⁵⁾ *Иб.*, стр. 3.

⁶⁾ *Иб.*, стр. 7.

⁷⁾ *Иб.*, стр. 8—9.

⁸⁾ *Иб.*, стр. 18—19.

и тщегныя попытки скитальчествомъ и тревогами заглушить грызущую сердце тоску.

Третьимъ по времени романтическимъ героемъ Пушкина является Алеко. Это ужъ вполне опредѣленный типъ вѣчнаго „скитальца“, какъ справедливо характеризовалъ его Достоевскій. Онъ непосѣдливъ и непостояненъ. Что-то непрестанно гонить его изъ одного мѣста въ другое, влечетъ въ новыя мѣста, въ иныя условія жизни:

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была почлега сѣнь;
Проснувшись по утру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его, порой, волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безопасно подъ грозою
И въ ведро ясное дремалъ.
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой“¹⁾.

Страстный, не терпящій никакихъ ограниченій характеръ Алеко навѣялъ ему его идеалы. Абсолютная свобода личности, чувства и право природы стали его кумирами. Неосуществленность и даже неосуществимость этого идеала — вотъ причины разочарованія нашего героя во всемъ, чѣмъ гордится человѣчество, разочарованія, которое загнало его наконецъ въ „пустыню“, „подъ сѣнь дымной кущи дикаго цыгана“²⁾. Лишь здѣсь при полной свободѣ на лонѣ

¹⁾ *Ib.*, стр. 33—34.

²⁾ *Ib.*, стр. 37.

природы находить онъ на нѣкоторое время успокоеніе. Вскорѣ, однако, обнаруживается, что Алеко руководится не опредѣленнымъ идеаломъ, а бѣшеной игрою страстей, что безграничность его эгоизма порождаетъ безпредѣльность требованій, которую ничто не въ состояніи удовлетворить.

Противникъ тираніи общества самъ становится тираномъ въ податливой средѣ „робкаго и добраго душою“ племени. Сторонникъ свободы чувства пытается наложить узду долга на чувство Земфиры. Защитникъ природы, врагъ „оковъ“ и „предразсужденій“ „просвѣщенья“ требуетъ отъ дикой цыганки супружеской вѣрности, понятіе о которой создано проклятой имъ цивилизаціей. Наконецъ, оставленный всѣмъ человѣчествомъ, онъ самъ становится жертвой безконечности своихъ притязаній и внутреннихъ бурь.

Мы видимъ, въ „Цыганахъ“ Пушкинъ отнесся къ романтизму крайне отрицательно. Безграничность стремленій и вѣчную неудовлетворенность романтиковъ поэтъ объясняетъ ничѣмъ не насыщающеюся безпредѣльностью эгоистическихъ требованій сильно развитой индивидуальности.

Мягче отношеніе Александра Сергѣевича къ этому литературному направленію въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Въ этомъ произведеніи всѣ главныя лица романичны. Правда, относительно Евгенія и Ленскаго Пушкинъ самъ предупреждаетъ: „Волна и камень.

Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой“¹⁾,

но на дѣлѣ между ними не мало общаго. Ихъ обонхъ интересуютъ

„Племень минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковныя,
Судьба и жизнь“²⁾,
„Судьба души, судьба вселенной,
„царей судьба“³⁾.

¹⁾ Ib., т. IV, стр. 44. Гл. II, строфа 13-ая.

²⁾ Ib., стр. 47. Гл. II, строфа 16-ая.

³⁾ Ib., стр. 46. Гл. II, первоначальный набросокъ 16-ой строфы.

Свобода и чувство — кумиры обонхъ. Разочарованность — достояніе и Ленскаго и Евгенія.

Если Ленскій привезъ изъ заграницы „вольнoлюбивыя мечты“¹⁾, то и Онѣгинъ „яремъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнить—и Небо рабъ благословилъ“²⁾.

Если Владимиръ „поклонникъ свободы“³⁾ и врагъ „предразсужденій“⁴⁾, то и Евгеній не меньше⁵⁾. Первый былъ воплощеніемъ чувства, второй „чувство уважать“⁶⁾. Одинъ влюбленъ, другой, „въ любви считаеясь инвалидомъ“, однако „любилъ слушать иногда страстей чужихъ языкъ мятежный“ и „говорилъ объ нихъ съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнія“⁷⁾. Если Ленскій „мечтатель“⁸⁾, то и у Онѣгина замѣчаемъ „мечтамъ невольную преданность“⁹⁾. Если у перваго видимъ „духъ довольно странный“¹⁰⁾, то и у другого найдемъ „неподражательную странность“¹¹⁾. Владимиръ вѣрилъ,

„Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья,
Что ихъ безсмертная семья
Неотразимыи лучами
Когда-нибудь насъ озарить,
И міръ блаженствомъ одарить“¹²⁾.

И Евгеній знаетъ культъ гения. Въ комнатѣ у него встрѣчаемъ

„Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками сжатыми крестомъ“¹³⁾.

¹⁾ Иб., стр. 39. Гл. II, строфа 6-ая.

²⁾ Иб., стр. 38. Гл. II, строфа 4-ая.

³⁾ Иб., стр. 111. Гл. II, строфа 34-ая.

⁴⁾ Иб., стр. 47. Образцы стиховъ Ленскаго.

⁵⁾ Иб., стр. 113. Гл. IV, къ строфѣ 38-ой; иб., стр. 251. „Альбомъ Онѣгина“.

⁶⁾ Иб., стр. 46. Гл. II, строфа 14-ая.

⁷⁾ Иб., стр. 51. 48. Гл. IV, строфы 19, 18 и 17-ая.

⁸⁾ Иб., т. VIII, стр. 481. Одинъ изъ вариантовъ къ 6-ой строфѣ II-ой главы.

⁹⁾ Иб., т. IV, стр. 27. Гл. I, строфа 45-ая.

¹⁰⁾ Иб., стр. 39. Гл. II, строфа 6-ая.

¹¹⁾ Иб., стр. 27. Гл. I, строфа 45-ая.

¹²⁾ Иб., стр. 40. Гл. II, строфа 8-ая.

¹³⁾ Т. е. статуетку Наполеона. Иб., стр. 170. Гл. VII, строфа 19-ая.

Если онъ „къ жизни вовсе охладѣть“¹⁾, если вездѣ „хандра ждала его на стражѣ и бѣгала за нимъ, какъ тѣнь, или вѣрная жена“²⁾, то и Владимиру Ленскому знакомо разочарованіе. Въ своихъ стихахъ онъ называлъ жизнь „уродливымъ кумиромъ“³⁾ и „пѣль поблеклый жизни цвѣтъ, безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“⁴⁾. Вотъ сколько точекъ соприкосновенія! Если прибавимъ, что оба героя были воспитанниками западно-европейской литературы и мысли, что обоимъ были чужды русская жизнь и русское общество, мы поймемъ какъ то, что изъ всѣхъ сосѣдей Ленскаго „одинъ Евгений могъ оцѣнить его дары“, такъ и то, почему они вскорѣ-же сдѣлались друзьями⁵⁾.

Но между ними и важное различіе.

Ленскій олицетворялъ по преимуществу пылкую восторженность и туманную мечтательность нѣмецкаго романтизма.

„Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь.
И кудри черныя до плечъ“⁶⁾.

„Пламенная младость“, „пламень“, „пылкій разговоръ“, сближающійся на „эклогу“, и „вѣчно вдохновленный взоръ“ — рѣзко отличаютъ его отъ охлажденнаго Онѣгина. Восторженное и приподнятое настроеніе никогда не покидаетъ его⁷⁾.

Другой характерной чертой Ленскаго является полное невѣдѣніе жизни и мечтательный оптимизмъ.

¹⁾ *Иб.*, стр. 24. Гл. I, строфа 38-ая.

²⁾ *Иб.*, стр. 32. Гл. I, строфа 54-ая.

³⁾ *Иб.*, стр. 47. Образцы стиховъ Ленскаго.

⁴⁾ *Иб.*, стр. 43. Гл. II, строфа 10-ая.

⁵⁾ Добавлю, что по первоначальнымъ вариантамъ Ленскій еще ближе стоялъ къ Онѣгину. Въ его характерѣ первоначально намѣчались бурность и кипѣніе страстей, отброшенные Пушкинымъ въ послѣдствіи.

⁶⁾ *Иб.*, стр. 39. Гл. II, строфа 6-ая. Курсивъ нашъ.

⁷⁾ *Иб.*, стр. 40—41, 47, 51—52, 61, 65, 111, 120, 143—144, 150—152, 154—156, 157 и др. Гл. II, строфы 9, 1^а, 20, 37—38; гл. III, строфа 2-ая; гл. IV, строфы 34, 50; гл. V, строфы 44—45; гл. VI, строфы 12—14, 20—23, 26. См. и варианты къ строфамъ 6, 7 и 8 главы II-ой (*иб.*, т. VШ, стр. 481—482).

Онъ сердцемъ *милой* былъ *неотжда*;
 Его лелѣяла надежда,
 И міра новый блескъ и шумъ
 Еще плѣняли юный умъ.
 Онъ забавлялъ мечтою сладкой
 Сомнѣнья сердца своего,
 Цѣль нашей жизни для него
 Была заманчивой загадкой;
 Надъ ней онъ голову ломалъ,
 И чудеса подозрѣвалъ¹⁾.

Онъ „вѣрится міра совершенству“²⁾. вѣруетъ въ идеальную любовь, дружбу, спасительную роль генія, въ грядущее счастье человечества...

Но оторванность отъ реальной дѣйствительности, вѣчное витаніе въ сумракѣ заоблачныхъ грезъ не прошли даромъ и ему. Туманность стремленій и неизбѣжная при этомъ неудовлетворенность характеризуютъ и его. „Онъ вѣдалъ къ *чему-то* жизни молодой *неизъяснимое влеченье*“, говоритъ о своемъ героѣ Пушкинъ³⁾. Въ стихахъ юнаго поэта найдемъ „разлуку и *печаль* и *ничто*, и туманну (романтическую) даль, и романтическія (умирающія) розы, и дальняя страны, и живыя слезы“⁴⁾, и отвращеніе къ жизни, и стремленіе къ загробному міру⁵⁾. Эпитеты: „ужасный, мрачный, хладный, безотрадный, скорбный, обманчивый, печальный, унылый“, „таинственный, вѣчный, безконечный“, слова: „идеаль, туманъ, глубокая мгла, гробницы сѣнь, ранняя урна, пучины безконечны“, такъ и пестрятъ въ немногочисленныхъ извѣстныхъ намъ произведеніяхъ Ленскаго. И Пушкинъ вполне справедливо сказалъ о немъ, что „онъ писалъ *темно* и *вяло* (что романтизмомъ мы зовемъ)“⁶⁾. Это поэтическое разочарованіе весьма оригинально сочетается въ Ленскомъ съ инстинктивной юношеской жизнерадостностью.

¹⁾ Ib., стр. 39—40. Гл. II, строфа 7-я. Курсивъ нашъ.

²⁾ Ib., стр. 46. Гл. II, строфа 15-ая.

³⁾ Ib., стр. 39. Гл. II, вариантъ къ 7-й строфѣ. Курсивъ нашъ.

⁴⁾ Ib., стр. 43. Гл. II, строфа 10-ая. Курсивъ нашъ. Варианты, поставленные въ скобкахъ, см. т. VIII, стр. 483.

⁵⁾ Ib., стр. 47—48. Образцы стиховъ Ленскаго.

⁶⁾ Ib., стр. 156. Гл. VI, строфа 23-ья. Курсивъ принадлежитъ изданію Ефремова.

Онѣгинъ, какъ показываетъ его излюбленное чтеніе, образовался на французской и англійской литературахъ. Онъ—отраженіе мрачнаго разочарованія и мятежныхъ порывовъ, свойственныхъ романтикамъ этихъ національностей.

Благодаря бойкимъ статьямъ Писарева значительная часть нашей интеллигенціи расположена видѣть въ Евгеніи просто пресытившагося жуира и фата. Такой взглядъ далекъ отъ истины. Какъ долго остаются для многихъ привлекательными разсѣянная свѣтская жизнь и чувственныя удовольствія, такъ быстро пріѣвшіяся герою романа! Ужь это показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ личностью незаурядною. Маленькій Фаустъ, терзаемый душевнымъ гломъ, онъ мечется отъ одной дѣятельности къ другой, нигдѣ не находя удовлетворенія. Ленскій—невѣжда въ жизни; опытъ Онѣгина широкъ и разнообразенъ. Сеѣтскіе успѣхи, беззаботные кутежи съ веселыми друзьями-товарищами, упоеніе сладострастія, комфортъ и роскошь богатства, увлеченіе театромъ, прелесть опасности¹⁾, литературная работа, созданія великихъ представителей человѣческой мысли и творческаго генія, идиллія деревенской природы и жизни, хозяйничанье въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, жаръ патриотизма²⁾, новостъ путешествій и знакомство съ многообразіемъ быта и дѣятельности человѣка—все привлекало вниманіе Евгенія, все перепробовалъ онъ.

Но онъ, дѣйствительно, „не созданъ для блаженства“³⁾. Ничто не могло удовлетворить запросовъ его души, вѣчный голодь его духа. Для Ленскаго разочарованіе было скорѣе поэтическимъ украшеніемъ, риторической фигурой, для Онѣгина неудовлетворенность—обычная стихія, тоска—неизбѣжная спутница существованія. „Роптанье вѣчное души“ преслѣдуетъ его повсюду⁴⁾. „Понемногу имъ овладѣлъ недугъ, подобный англійскому *сплину*, короче русская *хандра*“⁵⁾. „Хандра ждала его на стражѣ и бѣгала за нимъ, какъ тѣнь, иль вѣрная жена“⁶⁾. Наконецъ, Онѣгину „все на свѣтѣ на-

¹⁾ *Ив.*, стр. 24. Гл. I, строфа 37-ая.

²⁾ *Ив.*, стр. 234. „Отрывки изъ путешествія Онѣгина“, строфа 2-ая.

³⁾ *Ив.*, стр. 100. Гл. IV, строфа 14-ая.

⁴⁾ *Ив.*, стр. 98. Гл. IV, строфа 9-ая.

⁵⁾ *Ив.*, стр. 24. Гл. I, строфа 38-ая. Курсивъ нашъ.

⁶⁾ *Ив.*, стр. 32. Гл. I, строфа 44-ая.

добло“¹⁾ и онъ „къ жизни вовсе охладѣлъ“²⁾. Охлажденность и равнодушіе—его отличительныя черты. „Угрюмый, томный, скучный, печальный, чудакъ, охлажденный“—его обычные эпитеты.

Понятно, мы не найдемъ у него и слѣда той оптимистической вѣры и надеждъ, которыя отличали Ленскаго. Скептицизмъ Онѣгина показываетъ уже подборъ его библіотеки, составленной изъ книгъ:

„Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безвѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ.
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ“³⁾.

Не „эклоги“ и „восторженная рѣчь“ льются изъ его устъ, мы слышимъ „язвительный споръ, шутку съ желчью пополамъ и злость мрачныхъ эпиграммъ“⁴⁾.

Несмотря на свои годы, огромный запасъ опытности, „рѣзкій умъ“⁵⁾, Онѣгинъ не болѣе способенъ разобраться въ хаосѣ своей души, чѣмъ юный Ленскій въ своей. Еще менѣе, чѣмъ у того, можно искать у Евгенія опредѣленности идеаловъ. Какъ и Ленскимъ, имъ управляетъ „къ чему-то жизни молодой неизъяснимое влеченье“. Поэтъ неоднократно указываетъ на „душевную пустоту“ его героя⁶⁾, на отсутствіе „цѣли“ въ его жизни и поступкахъ⁷⁾. Очувтившись въ деревнѣ, Онѣгинъ „очень радъ, что прежній путь перемѣнилъ *на что нибудь*“⁸⁾. Облегченіемъ судьбы крестьянъ онъ занялся, „чтобъ только время проводить“⁹⁾.

¹⁾ П., стр. 206. Гл. VIII, строфа 13-ая.

²⁾ П., стр. 24. Гл. I, строфа 38-ая.

³⁾ П., стр. 180—181. Гл. VII, строфа 22-ая.

⁴⁾ П., стр. 28. Гл. I, строфа 46-ая.

⁵⁾ П., стр. 27. Гл. I, строфа 45-ая.

⁶⁾ П., стр. 26. Гл. I, строфа 44-ая.

⁷⁾ П., стр. 206. Гл. VIII, строфы 12-ая и 13-ая.

⁸⁾ П., стр. 31. Гл. I, строфа 53-ья. Куревнѣ нашѣ.

⁹⁾ П., стр. 38. Гл. II, строфа 4-ая.

„Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ,
 До двадцати шести годовъ,
 Томясь въ бездѣйствіи досуга,
 Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ
 (Онѣгинъ) ничѣмъ заняться не умѣлъ“¹⁾.

Эта пустота души, отсутствіе какой-либо цѣли и неумѣнье за-
 вяться чѣмъ-нибудь были бы немислимы, еслибъ у Евгенія сло-
 жился какой-либо опредѣленный идеалъ. Онъ подчинить-бы и на-
 править-бы его волю. Но Пушкинъ смѣшитъ предупредить насъ,
 чтобъ мы не оцѣнили слишкомъ низко его героя:

„Зачѣмъ-же такъ неблагоклонно
 Вы отзываетесь о немъ?
 За то-ль, что пылкихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
 Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
 И что посредственность одна
 Намъ по плечу и не странна?“²⁾
 „Блаженъ“, насмѣшливо продолжаетъ Пушкинъ.
 „Кто въ жизни шелъ большой дорогой,
 Большой дорогой столбовой;
 Кто шлъ имѣлъ и къ ней стремился;
 Кто зналъ, зачѣмъ онъ въ свѣтъ явился,
 И Богу душу передалъ,
 Какъ откупщикъ иль генералъ.
 „Мы рождены“, сказать Сенека,
 „Для пользы ближнихъ и своей“,
 Нельзя быть проще и яснѣй!“³⁾.

Эта горячая защита и эта проническая похвала показываютъ,
 что не дѣйствительная пустота души и ничтожность характера по-
 мѣшали Онѣгину намѣтить себѣ цѣль жизни. Человѣкъ ограничен-
 ный легко разрѣшаетъ подобные вопросы; для него все ясно и

¹⁾ Ib., стр. 206. Гл. VIII, строфа 12-ая.

²⁾ Ib., стр. 203—204. Гл. VIII, строфа 8-ая.

³⁾ Ib., стр. 204—205. Гл. VIII, строфа 10-ая. Курсивъ нашъ.

просто, такъ какъ его собственная душа бѣдна и несложна. Именно богатство духа превратило для Евгенія эту задачу въ запутанный Гордіевъ узелъ. Именно сложность стремленій и высота запросовъ мѣшаютъ имъ такъ скоро вылиться въ опредѣленную форму.

Истинно романтическій характеръ и у Татьяны. Еще ребенкомъ она не походила на другихъ дѣтей:

„Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пальцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна“¹⁾.
„Куклы... Татьяна въ руки не брала,
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела“.
„Были дѣтскія проказы ей чужды“
„Маленькихъ подругъ... ей скучень бытъ и звонкій смѣхъ.
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ“²⁾

Словомъ, она чуждалась всего, что обыкновенно такъ интересуетъ ея сверстницъ. Неясное броженіе происходитъ въ ея душѣ и уже рано обнаруживается влеченіемъ ко всему мечтательному, таинственному, высокому.

„Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей“³⁾.

Она любила одинокія прогулки въ располагающей къ мечтательности обстановкѣ, въ „глуши и тишинѣ лѣсовъ“⁴⁾, „въ сумракѣ липовыхъ аллей“ „дикаго сада“⁵⁾, въ „полѣ чистомъ, луны при свѣтѣ серебристомъ“⁶⁾.

Конечно, Татьяна вообще цѣнила красоту природы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ трогательное прощаніе ея съ родными мѣстами

¹⁾ Ib., стр. 55. Гл. II, строфа 26-ая.

²⁾ Ib., стр. 56. Гл. II, строфа 27-ая.

³⁾ Ib., стр. 55. Гл. II, строфа 26-ая.

⁴⁾ Ib., стр. 184, 69. Гл. VII, строфа 27-ая и гл. III, строфа 10-ая.

⁵⁾ Ib., стр. 197, 229. Гл. VII, строфа 53-ья и гл. VIII, строфа 46-ая.

⁶⁾ Ib., стр. 177. Гл. VII, строфа 15-ая.

предъ отъѣздомъ въ Москву и стремленіе изъ шума столицы въ свой деревенскій уголокъ¹⁾. Но наиболѣе привлекали ее таинственныя и сумрачныя картины природы. „Глушь“ и „тишина лѣсовъ“, лунныя ночи²⁾, предразсвѣтный сумракъ и величественное рожденіе солнца³⁾ особенно близки сердцу Татьяны.

Ей нравились таинственные и „страшные“ рассказы зимою въ темнотѣ ночей⁴⁾.

Ея романтическую душу привлекалъ загадочный, фантастическій полумракъ народныхъ вѣрованій.

„Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старинны,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны“⁵⁾.

Міръ для нея принялъ какой-то очарованный, таинственный видъ, гдѣ все неясно говорило ея сердцу.

Ее тревожили примѣты:
Таинственно ей всѣ предметы:
Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь“⁶⁾.

Ея душа наполнялась неясными предчувствіями, смутными тревогами, но это именно и влекло романтическую дѣвушку. „Тайну прелесть находила и въ самомъ ужасѣ она“⁷⁾. Какъ сжилась Таня съ народной фантастикой, какъ ея образы заполнили ея душу показываетъ ея „вѣщій сонъ“.

Кромѣ природы и народныхъ вѣрованій, мечтательность нашей героини находила себѣ обильную пищу въ сентиментальной и романтической литературѣ. Ричардсонъ, Руссо, m-me Coffin, баронесса

¹⁾ *Ив.*, стр. 184, 186, 197, 229. Гл. VII, строфы 28—29, 32, 53; гл. VIII, строфа 46-ая.

²⁾ *Ив.*, стр. 184, 69; 73, 75, 146, 173, 177, 217. Гл. VII, строфа 27-ая; гл. III, строфа 10-ая. Гл. III, строфы 16, 21; гл. VI, строфа 2-ая; гл. VII, строфы 7, 15; гл. VIII, строфа 28-ая.

³⁾ *Ив.*, стр. 56. Гл. II, строфа 28-ая.

⁴⁾ *Ив.*, стр. 56. Гл. II, строфа 27-ая.

⁵⁾ *Ив.*, стр. 123. Гл. V, строфа 5-ая.

⁶⁾ *Ив.*, См. вообще стр. 123—133. Гл. V, строфы 5—24.

⁷⁾ *Ив.*, стр. 124. Гл. V, строфа 7-ая.

Крюднеръ, m-me Сталь, Гете были ея любимыми авторами¹⁾. „Романы... ей замѣняли все“²⁾.

Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
 Одна съ опасной книгой бродить;
 Она въ ней ищетъ и находитъ
 Свой тайный жаръ, свои мечты,
 Плоды сердечной полноты;
 Вдыхаетъ и, себѣ присвоя
 Чужой восторгъ, чужую грусть,
 Въ забвеньѣ шепчетъ наизусть
 Письмо для милаго героя“³⁾.

Эта склонность къ туманнымъ мечтамъ и неопредѣленности грезъ не можетъ имѣть мѣсто у человѣка, для котораго все ясно и опредѣленно. Мечтательность Татьяны имѣетъ тотъ-же первоисточникъ, что и восторженность Ленскаго и скептическая охлажденность Онѣгина: неясное броженіе высокихъ запросовъ и чувствъ, „смутное влеченіе чего-то жаждущей души“.

Ничто такъ не рисуетъ возвышенности и вмѣстѣ смутности стремленій нашей героини, какъ ея любовь къ Евгенію.

Давно ея воображеніе,
 Сгорая нѣгой и тоской,
 Алкало пищи роковой.
 Давно сердечное томленіе
 Тѣснило ей младую грудь;
*Душа ждала... кою-нибудь“*⁴⁾.

Какъ растяжимы и безформенно-туманны должны быть ея идеалы, чтобы ихъ фантастической ризой можно было облечь cadaго! Такъ Софья умѣетъ примирить свои романтическія грезы даже съ особенностями Молчалинскаго характера и поведенія.

Полюбивъ Онѣгина, Татьяна сливается въ одинъ туманный обликъ всѣхъ разнородныхъ героевъ ея излюбленныхъ романовъ.

¹⁾ Ib., стр. 57 и 69. Гл. II, строфа 29 и гл. III, строфы 9 и 10-ая.

²⁾ Ib., стр. 57. Гл. II, строфа 29-ая.

³⁾ Ib., стр. 69. Гл. III, строфа 10-ая.

⁴⁾ Ib., Гл. III, строфа 7-ая. Курсивъ нашъ.

„Счастливой силою мечтанья
 Одушевленные созданья,
 Любовникъ Юліи Вольмаръ,
 Малекъ—Адель и де-Линаръ,
 И Вертеръ мученикъ мятежный,
 И безподобный Грандисонъ,
 Который намъ наводитъ сонъ;
 Всѣ для мечтательницы нѣжной
 Въ единый образъ облеклись,
 Въ одномъ Онѣгинѣ слились“¹⁾.

Въ результатъ послѣдній превратился въ какое-то сказочное, мифически-туманное, непостижимое, недосыгаемо-высокое, неизъяснимо-прекрасное существо. Любовь Татьяны облеклась религиозно-мистической оболочкой:

„То въ высшемъ суждено совѣтъ...
 То воля неба: я твоя;
 Вся жизнь моя была залогомъ
 Свиданья вѣрнаго съ тобой;
 Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
 До гроба ты хранитель мой...
 Ты въ сновидѣннѣхъ мнѣ являлся,
 Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
 Твой чудный взглядъ меня томилъ,
 Въ душѣ твоей голосъ раздавался
 Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!...
 Не правда-ль? я тебя слыхала:
 Ты говорилъ со мной въ тиши,
 Когда я бѣднымъ помогала,
 Или молитвой услаждала
 Тоску волнуемой души?
 И въ это самое мгновенье
 Не ты-ли, милое видѣнье,
 Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
 Приникнуль тихо къ изголовью?

¹⁾ 1б., стр. 69. Гл. III, строфа 9-ая.

Не ты-ль съ отрадой и любовью
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой ангель-ли хранитель,
Или коварный искуситель?“¹⁾).

Сколько красокъ почерпнулъ отсюда Лермонтовъ для своего романтически-прекраснаго и загадочно-туманнаго Демона!

Врядъ-ли осуществленіе подобнаго рода грезъ возможно. Какъ и прочіе романтики, Татьяна обречена на вѣчную неудовлетворенность.

„Вообрази“, читаемъ въ ея письмѣ,
„Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна“²⁾).

„Тоска волнуемой души“ ея всегдашній удѣлъ. Она всегда „дика, печальна“³⁾, „грустна и молчалива, какъ Свѣтлана“⁴⁾.)

Такою мы знаемъ героиню еще до ея знакомства съ Онѣгинимъ и несчастной любви къ нему. Такою-же замкнутой и меланхоличной натурой видимъ ее и въ концѣ романа:

А, мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,—
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ, мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ.
Да за смиренное кладбище,

¹⁾ Ib., стр. 85--86. Письмо Татьяны.

²⁾ Ib., стр. 86.

³⁾ Ib., стр. 55. Гл. II, строфа 25-ая.

⁴⁾ Ib., стр. 66. Гл. III, строфа 5-ая.

Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной пянею моею¹⁾.

Но что отличаетъ Татьяну отъ другихъ романтическихъ героевъ Пушкина, это—богатство любви и нѣжности, переполняющее ея сердце. Не говоримъ уже о ея вѣрности до гроба Онягину, вспомнимъ ея любовь къ столь пескожей съ нею Олыѣ, ея трогательную привязанность къ старушкѣ-пянѣ и „бѣднымъ поселянамъ“, ея вѣрную память о несчастномъ Ленскомъ. Эта любовь къ ближнему подстрекаетъ Татьяну къ живой дѣятельности и даетъ ей ту нравственную устойчивость, которой мы напрасно бы искали у другихъ представителей Пушкинскаго романтизма. Она „помогаетъ бѣднымъ“, скупается въ разсѣяніи свѣта и стремится душою къ „бѣднымъ поселянамъ“, гдѣ она можетъ быть полезна и проявлять свою любовь. Скромная провинціальная барышня изъ любви къ Евгенію по его слѣдамъ подымается на высоту современной образованности²⁾. Ради мужа она изъ „дѣвочки несмѣлой, влюбленной, бѣдной и престои“ превращается въ „равнодушную княгиню, въ неприступную богиню роскошной, царственной Невы“³⁾. Дорожа его именемъ и покоемъ, она умѣетъ остаться ему вѣрною, несмотря на влеченіе своего сердца.

Такъ дѣятельная любовь способствуетъ совершенствованію Татьяны и даетъ ей, если не счастье, то душевное равновѣсіе, плодъ сознанія исполненнаго нравственнаго долга.

Если въ „Цыганахъ“ Пушкинъ доказываетъ, что счастье личное и общественное невозможно безъ самоограниченія, обузданія страстей, то здѣсь онъ указываетъ и положительную дѣятельность, приводящую къ той же самой цѣли, дѣятельную любовь къ ближнимъ.

Одновременно съ „Онягининымъ“ Пушкинъ осмѣлился коснуться и Фауста, этого титана романтизма.

Нашему поэту въ это время была извѣстна лишь первая часть грандіозной драмы. Гете въ ту пору уже замолкъ и многимъ казался „полупокойникомъ“. Повидимому, величайшему произведенію патріарха нѣмецкой поэзіи суждено было остаться недоконченнымъ.

¹⁾ Ib., стр. 229. Гл. VIII, строфа 46-ая.

²⁾ Ib., стр. 181—182. Гл. VII, строфы 23—25. Особенно смотри набросокъ черновой при строфѣ 22-ой (ib., т. VIII, стр. 505).

³⁾ Ib., стр. 216. Гл. VIII, строфа 27-ая.

И вотъ въ душѣ юнаго поэта явилась мысль подхватить нити, казалось, оставленныя навсегда германскимъ гениемъ, дать смѣлую попытку использованія великаго созданія и хоть намекнуть на разрѣшеніе великой проблемы, поставленной въ немъ.

Конечно, прежде всего является вопросъ, понялъ ли Пушкинъ твореніе Гете? У насъ на него обыкновенно дается два отвѣта. Еще Бѣлинскій отнесся къ Пушкинской „Сценѣ“ крайне отрицательно. По его мнѣнію, нашъ поэтъ не понялъ и измелъчилъ Фауста. Большинство и теперь держится такого мнѣнія. Еще недавно его повторилъ Алексѣй Веселовскій въ своей статьѣ: „Пушкинъ и европейская поэзія“¹⁾. „Отзывы Пушкина о Гетевскомъ Фаустѣ“, пишетъ онъ, „приняли оттѣнокъ благоговѣнія... Но въ этомъ благоговѣніи чувствуется, однако, скорѣе разсудочная, нѣсколько холодная почтительность, естественная лишь въ томъ случаѣ, если ее вызываетъ нѣчто недосыгаемое, ни съ чѣмъ несоизмѣримое. Нашему поэту, правда, чудились какіе-то отголоски легенды о Фаустѣ“. Слѣдуютъ неодобрительныя замѣчанія объ участи Фауста въ „сценахъ изъ рыцарскихъ временъ“ и о драмѣ: „Папесса Іоанна“. „Наконецъ, привлекательность сюжета привела къ созданію „отрывка“, въ которомъ разработанъ лишь одинъ мотивъ хандры и сознанія пустоты жизни, что даетъ только намекъ на сложное душевное состояніе Фауста. Замыселъ былъ оставленъ неразвитымъ и недовершеннымъ; „взыскательный художникъ“, вѣроятно созналъ гигантскую трудность задачи“²⁾.

Другіе, не касаясь вопроса, искажилъ ли Пушкинъ Фауста, ограничиваются уклончивымъ замѣчаніемъ, что онъ измѣнилъ его. Впервые подобное отношеніе замѣчаемъ у Анненкова: „Пушкинъ измѣнилъ, отчасти, образы Германскаго поэта, но съ замѣчательной силой и энергіей поэзіи“³⁾. То же встрѣчаемъ и въ статьѣ о Веневитиновѣ въ студенческомъ сборникѣ подъ редакціей Кирпичникова.

Лишь Варнгагенъ фонъ-Энзе открыто высказался, что Пушкинъ „могъ бы съ успѣхомъ продолжать этотъ трудъ Гете“. Изъ русскихъ у Незеленова встрѣчаемъ восторженно-патріотическое мнѣніе, что

¹⁾) Жизнь. 1899. Май, стр. 124—125.

²⁾) Ib.

³⁾) Матеріалы. Т. I, стр. 185.

Александръ Сергѣевичъ тутъ превзошелъ самаго германскаго патріарха.

Впрочемъ, всё эти критики посвящали интересующей насъ піесѣ всего по нѣсколько строкъ, не пытаясь обосновать свои взгляды на детальномъ разборѣ ея. Попробуемъ же именно такимъ путемъ разобраться въ этомъ спорѣ.

Прежде всего опредѣлимъ, чего мы въ правѣ ожидать отъ Пушкинскаго „Отрывка“? Конечно, отъ нашего поэта нельзя требовать, какъ дѣлаетъ А. Веселовскій, чтобъ онъ сжалъ въ одну сцену все содержаніе „Фауста“. Думаемъ, если бы предъявили подобную претензію къ самому Гете, тотъ не былъ бы въ состояніи удовлетворить ее. Отдѣльная сцена есть естественное продолженіе и развитіе предшествовавшихъ сценъ. Если Пушкинъ подхватилъ нить драмы именно тамъ, гдѣ ее тогда покинулъ нѣмецкій авторъ и развилъ ее согласно характерамъ и положеніямъ, даннымъ въ ней, мы не имѣемъ права упрекать его ни въ непониманіи, ни въ искаженіи „Фауста“.

Нашъ поэтъ удѣляетъ, впрочемъ, довольно много мѣста установленію связи своей сцены съ предшествовавшими ей. Онъ не только продолжаетъ драму, но вкратцѣ набрасываетъ и важнѣйшія черты первой части, какъ онѣ представлялись его пониманію.

У Гете Фаустъ противопоставляется Богомъ Мефистофелю, какъ истинный представитель человѣчества ¹⁾. Люди являются надѣленными искрой небснаго огня. Она постоянно возбуждаетъ ихъ стремиться къ небсамъ, къ идеальному міру, но при ограниченности силъ человѣка, эти безсильныя попытки приводятъ лишь къ большому паденію. Отсюда вѣчная неудовлетворенность и душевныя терзанія человѣка, дѣлающія его, по мнѣнію Мефистофеля, несчастнѣйшимъ и наиболѣе жалкимъ изъ созданій.

„Я не думаю ничего болтать о солнцѣ и мірахъ“, заявляетъ онъ Богу.

„Я вижу только какъ мучатся люди.

Этотъ маленькій богъ земли остается всегда одинаковымъ.

И такъ же чуденъ, какъ въ первый день.

Немного лучше жилось бы ему.

¹⁾ Schröer. Faust. 299 v.

Если бь Ты не далъ ему сіянья небснаго звѣта;
 Онъ называетъ его разумомъ и пользуется имъ,
 Чтобъ превзойти животностью любое животное.
 Съ позволенья Вашей Вѣчной Милости, онъ мнѣ пред-
 ставляется
 Длинноногой цикадой,
 Которая вѣчно летаетъ и, летая, прыгаетъ
 И тотчасъ вновь въ травѣ поетъ свою старую пѣсенку:
 И добро-бы, онъ всегда леталъ себѣ только въ травѣ!
 Во всякую грязь засовываетъ онъ свой носъ ¹⁾.
 Мнѣ жаль людей въ ихъ горестныхъ дняхъ,
 И я самъ даже не могу ихъ мучить ²⁾.

То же находимъ и у Пушкина. Фаустъ жалуется на свою не-
 удовлетворенность: „мнѣ скучно, бѣсъ“. Мефистофель въ отвѣтъ
 указываетъ, что, какъ представитель человѣчества, онъ лишь не-
 сетъ общую и неизбѣжную участь.

„Что дѣлать, Фаустъ!
 Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
 Ею жь никто не преступаетъ“.

Разумъ, которымъ надѣленъ человѣкъ, его стремленія и за-
 блужденія виною этой неудовлетворенности его и душевныхъ тер-
 заній.

Вся тварь разумная скучаетъ:
 Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣль;
 Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;
 Тотъ насладиться не успѣлъ,
 Тотъ насладился черезъ мѣру,
 И всякъ зѣваетъ да живетъ—
 И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
 Зѣвай и ты ³⁾.

По мысли Гете, Фаустъ является представителемъ: 1) именно
 этого неяснаго стремленія человѣческаго разума къ идеальному.

¹⁾ Ib., стихи 279—292.

²⁾ Ib., стихи 297—298.

³⁾ Соч., т. III, стр. 193. Курсивъ нашъ.

сверхземному и 2) полного ошибокъ, заблужденій и душевныхъ терзаний, скитанія ощущью, въ надеждѣ удовлетворить ничѣмъ земнымъ ненасытимый голодъ души.

„Въ его темномъ стремленіи“
 „Не земныя питье и пища глупца:
 Его броженіе (духа) гонить въ даль,
 Онъ наполовину сознаетъ свое безуміе;
 Отъ неба требуетъ онъ прекраснѣйшихъ звѣздъ,
 И отъ земли всѣхъ высшихъ наслажденій,
 И все близкое и все отдаленное
 Не удовлетворяетъ его глубоко взволнованной груди“¹⁾.

Мы видимъ его неудовлетвореннымъ въ его ученомъ кабинетѣ, тяготящимся своей извѣстностью на народномъ празднествѣ, скучающимъ на студенческой пирушкѣ, терзающимся своими отношеніями къ Маргаритѣ, недовольнымъ на Блоксбергѣ, въ гнѣвѣ и отчаяніи въ заключительныхъ сценахъ первой части.

Тѣ же надземныя стремленія замѣчаемъ и у Пушкинскаго героя: „Мірская честь безсмысленна, какъ сонъ“, думаетъ онъ²⁾. У него то же блужданіе отъ одной дѣятельности къ другой въ смутныхъ поискахъ удовлетворенія и та-же вѣчная неудовлетворенность.

„Скажи, когда ты не скучалъ?“ упрекаетъ его Мефистофель.

„Подумай, поищи. Тогда-ли,
 Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
 А розги умъ твой возбуждали?
 Тогда-ль, какъ розами вѣнчалъ
 Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
 И въ буйствѣ шумномъ посвящаль
 Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
 Тогда-ль, какъ погрузился ты
 Въ великодушныя мечты,
 Въ пучину темную науки?
 Но, помнится, тогда со скуки,
 Какъ арлекина, изъ огня

¹⁾ Schreber. Стихи 328, 301—307.

²⁾ Соч., т. III, стр. 195.

Ты вызвалъ, наконецъ, меня.
 Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
 Развеселить тебя старался
 Возилъ и къ вѣдьмамъ, и къ духамъ,
 И что-же? все по пустякамъ,
 Желалъ ты славы--и добился,
 Хотѣлъ влюбиться--и влюбился.
 Ты съ жизни взялъ возможну дань,
 А былъ-ли счастливъ?“¹⁾

Мы видимъ, Фаустъ Пушкина пережилъ не менѣе Гетевского Фауста первой части поэмы. Подобно Гетевскому Фаусту, и Пушкинскій бросаетъ „пучину темную науки“ изъ любви къ живой дѣятельности, дающей работу всѣмъ сторонамъ души, а не одностороннему разсудку. Онъ „проклялъ знаній ложный свѣтъ“ именно потому, что „въ глубокомъ знаньи жизни нѣтъ“²⁾.

Какъ и Гете, Пушкинъ особенно подробно останавливается на эпизодѣ съ Гретхенъ. Мы узнаемъ, что отношеніе Фауста къ ней не было идеальной любовью; это была чувственная страсть, преступная „прихоть“³⁾. Ея противорѣчіе благороднѣйшей сторонѣ его души и не даетъ ему насладиться „этимъ чудомъ красоты“⁴⁾. Онъ чувствуетъ себя преступникомъ, притомъ обманувшимся въ своихъ эгоистическихъ расчетахъ⁵⁾. Едва погасивъ пылъ своей страсти, ужъ онъ терзается угрызеніями:

„Агнецъ мой послушный!
 Какъ жадно я тебя желалъ!
 Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
 Я грѣзы сердца возмущалъ!
 Любви невольной, безкорыстной
 Невинно предалась она....
 Что-жъ грудь моя теперь полна
 Тоской и скукой ненавистной!
 На жертву прихоти моей

¹⁾ Ib., стр. 194—195.

²⁾ Ib., стр. 195.

³⁾ Ib., стр. 197.

⁴⁾ Ib., стр. 196.

⁵⁾ Ib., стр. 197.

Гляжу, упившись наслажденьемъ,
 Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
 Такъ безрасчетный дуралей,
 Вотще рѣшась на злое дѣло,
 Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
 Бранить ободранное тѣло;
 Такъ на продажную красу,
 Насытая ею торопливо,
 Развратъ косится боязливо....¹⁾

Но чистота души и безкорыстная любовь его жертвы будять въ Фаустѣ его лучшія чувства, а трагическая гибель Гретхенъ окончательно превращаетъ мутную страсть въ благородное стремленіе къ „прямому благу: *сочетанью двухъ душъ*“²⁾.

Внимательно отнесясь къ произведенію Гете, мы найдемъ тамъ то-же самое. Выпивъ волшебный напитокъ, нечистое издѣліе гнусной лабораторіи вѣдьмы, Фаустъ долженъ исполниться чувственнаго пыла.

„Съ этимъ напиткомъ въ тѣлѣ, ты будешь видѣть
 Вскорѣ Елену въ каждой бабѣ“, шепчетъ бѣсъ³⁾.

Дѣйствительно, вскорѣ нашъ герой нахально затрагиваетъ на улицѣ Гретхенъ и въ грубыхъ выраженіяхъ требуетъ отъ Мефистофеля обладанія ею: „Höre, du musst mir die Dirne schaffen!“⁴⁾. Мы замѣчаемъ у него нечистоту мыслей. „Вѣдь ей, однако, болѣе четырнадцати лѣтъ“, возражаетъ онъ на замѣчаніе черта, что онъ невластенъ надъ невинной душой Гретхенъ⁵⁾. Онъ берется и не будучи чертомъ, „въ семь часовъ соблазнить такое созданье“⁶⁾ и надѣется достигъ этого подарками⁷⁾. Его возжеланія откровенно грубы:

„Я говорю тебѣ коротко и ясно,
 Если сегодня-же ночью эта сладостная, молодая

¹⁾ Ib., стр. 196—197.

²⁾ Ib., стр. 195. Курсивъ нашъ.

³⁾ chrbeg. стихи 2603—2604.

⁴⁾ Ib., ст. 2619.

⁵⁾ Ib., ст. 2627.

⁶⁾ Ib., ст. 2642—2644.

⁷⁾ Ib., ст. 2673—2674.

Дѣвушка не будетъ покониться въ моихъ объятіяхъ,
То въ эту полночь мы расстаемся“¹⁾.

На предложеніе Мефистофеля поэзіей ухаживанья увеличить цѣну наслажденія, онъ отвѣчаетъ: „у меня аппетитъ хорошъ и безъ этого“²⁾. Словомъ, Фаустъ ведетъ себя, по выраженію его адскаго спутника, „какъ французъ“³⁾.

Лишь въ „чистенькой комнаткѣ“ Маргариты, гдѣ все дышетъ дѣвической чистотой и покоемъ невинности, въ немъ впервые пробуждается болѣе высокое чувство. Онъ испытываетъ стыдъ за свои первоначальные помыслы:

„Какъ дышетъ кругомъ чувство тишины,
Порядка и довольства!“⁴⁾
А ты! Что привело тебя сюда?
Какъ глубоко тронутымъ чувствую я себя!
Чего ты хочешь здѣсь? Что тяготитъ твое сердце?
Несчастный Фаустъ! Я не узнаю тебя болѣе⁵⁾.
Прочь! Прочь! Я не вернусь сюда никогда!“⁶⁾

Въ пещерѣ въ лѣсу мы застаемъ героя среди мучительныхъ колебаній. Высокій духъ его борется съ чувственнымъ влеченіемъ. Мефистофель подстрекаетъ послѣднее. „Нечестивецъ!“ взываетъ Фаустъ. „Не называй этой прекрасной женщины, не возбуждай вновь вождельнія къ ея сладостному тѣлу въ (моей) полу-обезумѣвшей душѣ“⁷⁾. Бѣсъ раздражаетъ его намеками на физическую красоту Гретхенъ: „Я часто завидовалъ вамъ изъ-за пары близнецовъ, пасущейся межъ розъ“⁸⁾. „Вѣдь, вы должны идти въ спальню вашей милой, а не на смерть“⁹⁾. Наконецъ Фаустъ сдается:

„Ее, ея покой долженъ былъ я похоронить!
Адь, ты долженъ получить эту жертву!
Чертъ, помоги мнѣ сократить время тоски!

¹⁾ Ib., ст. 2635—2639.

²⁾ Ib., ст. 2646—2653.

³⁾ Ib., ст. 2645.

⁴⁾ Ib., ст. 2691—2692.

⁵⁾ Ib., ст. 2717—2720.

⁶⁾ Ib., ст. 2730.

⁷⁾ Ib., ст. 3326—3329.

⁸⁾ Ib., ст. 3336—3337.

⁹⁾ Ib., ст. 3348—49.

Что должно свершиться, пусть свершится тотчасъ!
 Пусть ея судьба обрушится на меня
 И погубить ее вмѣстѣ со мною¹⁾.

Мы видимъ, Фаустъ идетъ къ Гретхенъ, увлекаемый пыломъ чувственности, почти противъ воли, въ полномъ сознаниіи совершаемаго преступленія и съ предчувствіемъ, что онъ губитъ невинную. Вполнѣ понятно, что въ моментъ нѣги съ Маргаритой онъ долженъ былъ себя чувствовать точно такъ, какъ изобразилъ это Пушкинъ²⁾: пресыщеніе, раскаяніе и желаніе бѣжать отъ Гретхенъ и всего, что напоминаетъ о совершенномъ преступленіи.

Это подтверждается и его поведеніемъ въ Вальпургіеву ночь. Разлученный съ Маргаритой, убійца ея матери и брата, онъ наслаждается бодрою свѣжестью своихъ членовъ, лазаньемъ по горамъ и освѣжительнымъ дыханіемъ весны³⁾. На Блоксбергѣ онъ пытается вновь отдаться утѣхамъ разнузданной чувственности въ обществѣ красавицы вѣдьмы⁴⁾. Очевидно, раздѣлавшись какою-бы то ни было цѣной съ Гретхенъ, онъ чувствуетъ себя на первыхъ порахъ обрадованнымъ и облегченнымъ своимъ бѣгствомъ отъ нея. Лишь въ послѣдствіи смутная тревога совѣсти, олицетворенная таинственнымъ видѣніемъ среди вакханаліи бѣсовской ночи, овладѣваетъ его душой.

„По истинѣ, это глаза мертвеца,
 Которыхъ не закрыла любящая рука.
 Вотъ грудь, которую предложила мнѣ Гретхенъ,
 Вотъ ея сладостное тѣло, которымъ я наслаждался“⁵⁾.

Только безуміе и гибель невинной жертвы его прихоти окончательно потрясаютъ и покоряютъ душу Фауста и вполнѣ очищаютъ его сердце отъ чувственного шлака.

Мы видимъ, Пушкина врядъ-ли можно упрекнуть въ непониманіи или искаженіи Фауста и его роли въ первой части знаменитой драмы. Перейдемъ къ Мефистофелю.

¹⁾ *Иб.*, ст. 3360—3365. Курсивъ нашъ.

²⁾ Ср. „Чертъ, помоги мнѣ сократить время тоски!“

³⁾ *Иб.*, ст. 3838—3847.

⁴⁾ *Иб.*, ст. 4126—4143.

⁵⁾ *Иб.*, ст. 4195—4199.

Это—злое начало. Онъ—„часть той силы, которая постоянно желаетъ зла“¹⁾. „Все, что вы называете грѣхомъ, разрушеніемъ, короче зломъ, есть моя особенная стихія“, говоритъ онъ самъ о себѣ Фаусту²⁾. Это—духъ разрушенія и уничтоженія. Онъ хотѣлъ-бы, „чтобъ ничего не возникало“³⁾. Но разъ что-нибудь возникло, онъ борется съ нимъ всѣми силами и средствами:

То, что противопоставляется ничему,
 Это нѣчто, этотъ громоздкій міръ,
 Какъ многое я ужъ предпринималъ противъ него,—
 И не умѣлъ приступить къ нему,
 Съ помощью волнъ, урагановъ, землетрясеній, пожара,—
 Море и земля остаются въ концѣ концовъ вполне спо-
 койными!
 И этой проклятой дряни, звѣриному и людскому отродью,
 И ему даже нельзя ничѣмъ повредить.
 Какъ многихъ я уже похоронилъ!
 И всегда циркулируетъ новая, свѣжая кровь!
 Если такъ продолжится, можно-бы сбѣситься!
 Изъ воздуха, воды, какъ изъ земли,
 Выбываются тысячи зародышей,
 Они—въ сухомъ, влажномъ, въ тепломъ, холодномъ!
 Если-бъ я не выговорилъ себѣ пламени,
 У меня не оставалось-бы ничего особнаго“⁴⁾.

Безсильный разрушить цѣлое, онъ разрушаетъ по мелочамъ⁵⁾. Въ сферѣ мысли и нравственности природа Мефистофеля обнаруживаетъ себя разрушительнѣйшимъ скептицизмомъ. Это—„духъ, который постоянно отрицаетъ“⁶⁾. Среди сонма ангеловъ онъ одинъ находитъ „отъ сердца“ величественное созданіе Божіе дурнымъ⁷⁾. Для него не существуютъ нравственная красота и величіе души и онъ смѣло вступаетъ въ пари съ Богомъ относительно Фауста. Онъ

¹⁾ Ib., ст. 1335—1336.

²⁾ Ib., ст. 1342—1344.

³⁾ Ib., ст. 1341.

⁴⁾ Ib., ст. 1363—1373.

⁵⁾ Ib., ст. 1360—1361.

⁶⁾ Ib., ст. 1338.

⁷⁾ Ib., ст. 296.

осмѣливается пронизировать надъ самимъ Творцомъ¹⁾. Но именно благодаря этому скептицизму, онъ является желательнымъ и необходимымъ спутникомъ человѣчества. Тутъ именно онъ „желая зла, творить добро“²⁾. Онъ не даетъ человѣку успокоиться на бытомъ. Разъѣдающій анализъ скептической мысли, которую онъ олицетворяетъ, разрушаетъ все несовершенное, и человѣку остается или впасть въ полное отчаяніе, или стремиться все выше и выше, пока онъ не достигнетъ сферъ, недоступныхъ ядовитому жалу сомнѣнія. Правда, по договору Фауста съ Мефистофелемъ, онъ подпадаетъ власти послѣдняго, когда для него наступитъ моментъ удовлетворенія. Однако же, Богъ, посылая къ Фаусту бѣса, рассчитываетъ какъ разъ на обратное: именно Мефистофель не дастъ Фаусту уснуть душой³⁾. И самъ адскій духъ не намѣренъ выигрывать по буквѣ договора, онъ хочетъ сдѣлать какъ разъ обратное:

„Я повлеку его чрезъ дикую жизнь,
 Чрезъ плоское ничтожество,
 Онъ долженъ мнѣ барахтаться, вязнуть, цѣпенѣть въ немъ,
 Предъ жадными губами его ненасытимости
 Должны витать пища и питье;
 Онъ будетъ напрасно вымаливать себѣ освѣженія,
 И если-бъ онъ даже не отдался черту,
 Ему пришлось бы погибнуть“⁴⁾.

Мы видимъ, цѣль Мефистофеля именно довести Фауста до полного отчаянія и безсилія, такъ чтобъ онъ пересталъ стремиться вверхъ и пресмыкался во прахъ⁵⁾. Что побѣдитъ: скепсисъ или стремленіе къ идеалу? Вотъ грозная альтернатива, стоящая предъ Фаустомъ. Часто скептицизмъ и тонкій анализъ прорываются у Мефистофеля даже вопреки его выгодамъ, какъ бѣса. Онъ вышучиваетъ буршей, въ компанію которыхъ самъ-же заманилъ Фауста. Едва возбудивъ въ немъ чувственность волшебнымъ питьемъ, онъ самъ-же начинаетъ подсмѣиваться надъ ней. Наконецъ, въ сценѣ: „Сумрачный день. Поле“, онъ является грознымъ обличителемъ

¹⁾ Ib., ст. 350—353.

²⁾ Ib., ст. 1336.

³⁾ Ib., ст. 340—343.

⁴⁾ Ib., ст. 1860—1867.

⁵⁾ Ib., ст. 334—335.

Фауста, олицетворяя собой голос критической самооцѣнки послѣднимъ своихъ поступковъ.

Тѣ-же функціи и Пушкинскаго Мефистофеля. Когда онъ, чтобъ „даромъ времени не тратить“, отправляется „утопить“ „испанскій корабль“, онъ является намъ вѣчно-дѣятельнымъ духомъ зла, разрушителемъ по мелочамъ великаго существующаго, особеннымъ врагомъ всего живого ¹⁾. Когда-же онъ бесѣдуетъ съ Фаустомъ, мы видимъ тонкаго знатока человѣческой души, прослѣживающаго скептическимъ, насмѣшливымъ взоромъ ея таинственнѣйшія, незамѣтнѣйшія движенія и извилины. Его анализъ раскрываетъ всю подноготную, и ни одна иллюзія не ускользнетъ отъ его остраго взгляда. Когда Фаустъ идеализируетъ, мучимый раскаяніемъ, свои отношенія къ Гретхенъ, Мефистофель съ безпощадной насмѣшливостью обнаруживаетъ ему его самообманъ и напоминаетъ истинное состояніе его души въ то время:

„Творецъ небесной!
Ты бредишь. Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты“ и т. д. ²⁾.

Такъ и для Пушкинскаго Фауста Мефистофель является олицетвореніемъ живущей въ его собственной душѣ скептической и критической мысли, разрушительницы ложныхъ иллюзій, не дающей найти обманчиваго успокоенія.

И цѣль свою адскій духъ понимаетъ у Пушкина такъ-же, какъ у Гете. Онъ напрямикъ отказывается облегчить чѣмъ-нибудь тоску Фауста, насмѣшливо рекомендуя ему:

„Доволенъ будь
Ты доказательствомъ разсудка.
Въ своемъ альбомѣ запиши:
Fastidium est quies—скука
Огдохновеніе души“ ³⁾.

Болѣе, онъ тщательно „растравляетъ тайную язву“ его сердца ⁴⁾ и исчезаетъ, разрушивъ послѣднюю иллюзію его и забрызгавъ его

¹⁾ Соч., т. III, стр. 197—198.

²⁾ *Иб.*, стр. 195—196.

³⁾ *Иб.*, стр. 194.

⁴⁾ *Иб.*, стр. 195.

душу грязью воспоминаній. Очевидно, онъ желаетъ погрузить душу Фауста въ безпросвѣтное отчаяніе, обуздать его порывы къ идеальному, принизить его до тѣхъ людей, которые „не преступаютъ положеннаго имъ предѣла“ и, „зѣвая“, равнодушно дожидаются своего превращенія въ полное ничтожество:

„И всякъ зѣваетъ да живетъ—
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты“¹⁾.

Какъ видимъ, и Мефистофель понятъ и обрисованъ Пушкинымъ вполне правильно.

Но каждая сцена должна не только тѣсно примыкать къ предыдущему, но и вносить новый моментъ въ развитіе драмы. Это новое сразу бросается въ глаза и оно то и вызывало обыкновенно нареканія на нашего поэта. Это новое—оцѣпенѣлость, какъ-бы омертвѣлость души Фауста отъ тоски и угрызений. Многимъ кажется, что такое состояніе несовмѣстимо съ вѣчно-дѣятельнымъ, вѣчно стремящимся къ новымъ задачамъ духомъ героя Гете.

Но посмотримъ, какимъ представляетъ намъ Фауста вторая часть произведенія нѣмецкаго гения: „Пріятная страна. Фаустъ распростертый на дернѣ и цвѣтахъ, утомленный, безпокойный, жаждущій сна“. Аріэль приглашаетъ эльфовъ помочь страждущему:

Святъ-ли онъ? дурень-ли онъ?
(Эльфамъ) жаль несчастнаго²⁾.
Смягчите яростную борьбу въ этомъ сердцѣ;
Удалите пылающія, горькія стрѣлы упрека,
Очистите его душу отъ пережитаго ужаса!³⁾
Сперва опустите его голову на прохладную подушку.
Затѣмъ омойте его росой изъ волягъ Леты;
Скоро станутъ гибкими судорожно-оцѣпенѣвшіе члены,
Если онъ, укрѣпленный нами, будетъ покоиться до утра“⁴⁾.
„Нашептывайте ему тихонько сладостный миръ“, поютъ
духи.

¹⁾ *Ib.*, стр. 194.

²⁾ Schröder. Faust. Т. II, стихи 4619--4620.

³⁾ *Ib.*, ст. 4623--4625.

⁴⁾ *Ib.*, ст. 4628--4631.

„Баюкайте это сердце въ дѣтскомъ покоѣ,
И замкните передъ взорами этого усталаго двери дня“¹⁾.

Исполнивъ свою задачу возстановленія оскудѣвшихъ силъ Фауста, Эльфы подстрекають его къ новой кипучей дѣятельности:

„Уже изглажены тѣ часы,
Исчезли (ихъ) горе и счастье;
Предчувствуй это! Ты будешь здоровъ;
Довѣрься блеску новаго дня“²⁾.

„Что-бы достигать желанія за желаніемъ,
Взирай туда на этотъ блескъ (зари)!
Ты лишь слегка объять (сномъ)!
Сонъ—скорлупа, сбрось ее прочь!
Не колеблись дерзать,
Гдѣ толпа колеблется;
Все можетъ совершить благородный,
Который дѣйствуетъ разсудительно и быстро“³⁾.

И Фаустъ, дѣйствительно, пробуждается въ полномъ блескѣ своихъ гигантскихъ силъ и устремляется къ новымъ задачамъ.

Мы видимъ, и у героя Гете былъ періодъ, когда онъ, истерзанный душевною борьбой и угрызеніями совѣсти, истомленный, падая отъ усталости и страданій, жаждалъ лишь забвенья, когда не могло быть и рѣчи о немедленномъ продолженіи его кипучей дѣятельности. Время, понадобившееся для такого возстановленія его энергіи и силъ, было, конечно, значительно долѣе одной ночи. Этотъ періодъ жизни Фауста символизированъ его сномъ, а цѣлительныя силы времени и природы—Аріэлемъ и его эльфами. Одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ „Фауста“, потратившій на изученіе его десятки лѣтъ, Schröber понимаетъ эту сцену совершенно такъ: „Фаустъ, котораго мы помнимъ по сценѣ въ тюрьмѣ, гдѣ Мефистофель, наконецъ, увлекаетъ его прочь отъ Гретхенъ въ то мгновенье, когда ее должны вести на эшафотъ, вновь появляется здѣсь, словно-бы падая отъ усталости послѣ долгаго странствованія, истер-

¹⁾ Ib., ст. 4638—4641.

²⁾ Ib., ст. 4650—4653.

³⁾ Ib., ст. 4658—4665.

занный пытками душевныхъ мукъ¹⁾. „Появленіе Фауста, который долженъ здѣсь явиться въ бодрой дѣятельности, направленной къ новымъ цѣлямъ, было-бы нестерпимо непосредственно послѣ событій конца первой части. Послѣ тѣхъ происшествій его душу должны были истерзать сознание тяжелой вины и раскаяніе. Ничто не могло быть настолько сильнымъ, чтобъ оторвать его отъ ужасныхъ воспоминаній, пока исцѣляющія силы природы мало-по-малу годами (*nach Jahren etwa*) не возстановили его вновь, такъ что онъ могъ чувствовать и дѣйствовать, какъ новый человѣкъ. Этотъ необходимый процессъ исцѣленія былъ однако неизобразимъ. Онъ могъ быть представленъ лишь въ символѣ, какъ здѣсь и случилось, хотя и въ оперной формѣ. Этотъ символъ имѣетъ задачей возстановить настроеніе, которое теперь требуется и которое должно быть вполне свободно отъ мысли о виновности, обременяющей Фауста.

Первая часть показала намъ Фауста въ страстной юности. Онъ вовлеченъ Мефистофелемъ въ преступленіе и лишь внутренно остался не побѣжденнымъ. Его неразрушимая любовь къ Гретхенъ противостояла уловкамъ Мефистофеля заставить Фауста забыть ее и увлечь его къ новымъ радостямъ. Такъ замѣчаемъ мы его, наконецъ, какъ бы послѣ долгаго страствованья, утомленнымъ, бросившимся на дернъ и цвѣты, „безпокойнымъ, жаждущимъ сна“. Въ такомъ положеніи онъ соответствуетъ нашему представленію, такимъ его желаетъ видѣть наше чувство. Затѣмъ, время и природа, символизированныя эльфами возстановляютъ его силы и дѣлаютъ способнымъ къ новой борьбѣ²⁾.

Итакъ, эта эпоха бездѣятельности и тоски, наполненная ужасными воспоминаніями, любовью къ памяти Гретхенъ и угрызениями совѣсти, была естественна и неизбежна. Это одинаково понимали и оба гениальные поэта и лучшіе ихъ толкователи. Но Гете скользнулъ надъ нею, изобразивъ ее символически, а Пушкинъ далъ подробный и точный анализъ ея.

Гораздо важнѣе другое различіе. Гете въ сценѣ: „Пріятная страна“ обратилъ по преимуществу вниманіе на моментъ возстановленія силъ героя и поручилъ это дѣло безразличнымъ къ добрымъ и злымъ людямъ стихійнымъ духамъ. Эльфы стараются изгладить

¹⁾ Schröer. Faust. T. II, стр. 3.

²⁾ Schröer. Faust. Th. II, стр. XLIII—XLV.

прошедшее въ душѣ Фауста также дѣлкомъ: и „горе и счастье“. Повидимому, память о Гретхенъ и дѣйствіе ихъ взаимной любви совершенно устраниются до самаго конца пьесы. Лишь въ послѣднемъ дѣйствіи Маргарита появляется вновь.

Это дало Schröder'у поводъ утверждать, что возстановленіе душевныхъ силъ Фауста произошло исключительно подъ механическимъ воздѣйствіемъ времени и природы. Онъ пассивно подчиняется тому, какъ они стираютъ въ его сердцѣ шагъ за шагомъ черты прошлаго. „Вотъ“, пишетъ Schröder, „предъ нами снова Фаустъ, какимъ мы его хотимъ имѣть; очищенный, просвѣтленный, способный къ дѣлу и достойный нашего участія. Что время, которое смягчаетъ всякую скорбь, въ состоящиіи исцѣлить и виновнаго, котораго сердце разстерзано душевными муками, такъ что онъ вновь возвращается жизни.— это мы, конечно, можемъ принять. Природѣ Гете спасеніе грѣшника было важнѣе, чѣмъ наказаніе, спасеніе дѣломъ, заслугами его. *Но что могъ предложить взору Фаустъ въ своемъ отчаяніи и сокрушеніи, что могъ сдѣлать для своего спасенія? Онъ сперва долженъ былъ стать здоровымъ, а затѣмъ могъ вновь начать борьбу, чтобъ снова остаться не побѣжденнымъ и наконецъ побѣдить. Если теперь всеисцѣляющая сила времени и природы не могла быть представленной, то всетаки должна была дать отчетъ нашему чувству, которое не могло оставить безъ вниманія случившееся, и изобразить постепенное возстановленіе героя символически, какъ дѣло добрыхъ духовъ“¹⁾.*

Пушкинъ-же первую роль отвелъ не времени съ его всеисцѣляющимъ забвеніемъ, а собственной душевной дѣятельности Фауста. Онъ постарался разобраться въ хаосѣ его чувствъ и нашелъ между ними одно высокое, идеальное, безкорыстное. Вѣчно-женственное въ Гретхенъ, нѣжность и высота ея любви уже давно поражали Фауста:

„Агнецъ мой послушный!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она“.

Сцена въ тюрьмѣ еще усилила впечатлѣніе, и сердце Фауста зажгло въ отвѣтъ такимъ-же чистымъ и несебялюбивымъ пламе-

¹⁾ Schröder. Faust. Th. II. стр. XLV.

немъ. Онъ понялъ, что „есть“ лишь одно „прямое благо“: это „сочетанье двухъ душъ“... Межъ тѣмъ еще его воспоминанія о Маргаритѣ на Блоксбергѣ носятъ чувственный характеръ: „Вотъ грудь, которую давала мнѣ Гретхенъ. Вотъ ея сладостное тѣло, которымъ я наслаждался“¹⁾. Очевидно, мы имѣемъ дѣло тутъ не съ гложущими, мало-по-малу забываемыми пережитками стараго чувства, а съ продолжающимся *творчествомъ* души, углубляющимъ и идеализирующимъ его.

Новое чувство росло и расширялось. Ему стало мало настоящего, вскорѣ и прошлое приобрѣло идеальную окраску. „Обманывая себя услужливымъ воспоминаньемъ“, Фаустъ нашелъ въ прошедшемъ и чистоту и возвышенность отношеній и безмятежное счастье, которое онъ будто-бы переживалъ тогда.

„Нельзя-ль узнать,
Кого изволишь поминать?
Не Гретхенъ-ли“?

спрашиваетъ Мефистофель, и Фаустъ воспламеняется:

„О сонъ чудесный!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ—гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесный,
Гдѣ сладко-звонкія струи,
Тамъ на груди ея прелестной
Покою томную главу,
Я счастливъ былъ...“²⁾.

Безпощадно обнаруживая истину, адскій духъ разрушаетъ сладкую Фаусту иллюзію, но самого чувства онъ не въ силахъ разрушить. Фаустъ возмущенъ попыткой забросать грязью лучшія, святѣйшія для него движенія его сердца. Онъ тяготится Мефистофелемъ и прогоняетъ его:

„Сокройся адское творенье!
Бѣги отъ взора моего“!

Первый шагъ къ освобожденію отъ демоническихъ свѣтъ, такимъ образомъ, сдѣланъ. Мы не сомнѣваемся, что и въ будущемъ

¹⁾ Schröder. Faust. Th. I, ст. 4197—4199.

²⁾ Соч., т. III, ст. 195.

женственно-прекрасный образъ Гретхенъ, ея чистая, полная безкорыстной любви, чуждая всякаго эгоизма душа будуть оказывать возвышающее дѣйствіе на нашего героя, какъ изобразилъ это Гете въ заключительной сценѣ своей драмы: „Иди!“ говоритъ Mater glorioiosa Маргаритѣ. „Возносись въ болѣе высокія сферы; если опъ почуветь тебя, онъ послѣдуетъ за тобой“¹⁾. „Вѣчно-жественное („вѣчная любовь“, по толкованію Schröder'a) увлекаетъ насъ ввысь“, заканчиваетъ пьесу хоръ мистиковъ²⁾.

Мы видимъ, въ окончательномъ выводѣ оба великіе поэта согласны. Лишь „пламя чистое“ „безкорыстной любви“ освобождаетъ насъ отъ путъ зла, просвѣтляетъ нашу душу и возвышаетъ ее къ небеснымъ сферамъ. Но Пушкинъ прямо пошелъ къ этой цѣли, непосредственно связавъ начинающееся возрожденіе Фауста съ трагедіей Гретхенъ. Гете-же, слѣдуя собственному развитію, считалъ нужнымъ подвергнуть героя сперва эстетическому воспитанію и для этого воздѣйствіемъ времени и силъ природы нѣсколько затуманить въ немъ память о Маргаритѣ. Но непомѣрно большою объемомъ „Gretchentragödie“, рѣшительный переходъ послѣ нея Фауста въ болѣе высокія области дѣятельности и роль Маргариты въ заключительной сценѣ показываютъ, что Гете придавалъ любви къ Гретхенъ важное воспитательное значеніе въ духовномъ развитіи героя. Память о ней живетъ на днѣ его души, даже когда опъ ничѣмъ не обнаруживаетъ этого, и она именно поддерживаетъ его на нравственной высотѣ и возноситъ его душу все выше и выше.

Еще и позже у Пушкина встрѣчаются романтическіе типы, но романтизмъ, какъ эпоха жизни, окончился для него съ „Сценой изъ Фауста“ и „Евгеніемъ Онегиннымъ“. Онъ изученъ тутъ поэтомъ, раскрыты его сильныя и слабыя стороны, намѣченъ путь къ выходу изъ этого смутнаго состоянія къ свѣту и счастью. Этотъ путь — чистая, безкорыстная любовь (у Фауста) и самопожертвованье для другихъ (Евгеній Онегинъ).

Мы сопоставили другъ съ другомъ Гете 1770—1775 и Пушкина 1820—1826 годовъ. Мы видимъ, что въ ихъ воззрѣніяхъ, чувствахъ

¹⁾ Schröder. Faust. Th. II, ст. 12094—12095.

²⁾ *Ib.*, ст. 12110—12111.

и идеалахъ много общаго. Въ произведеніяхъ обоихъ поэтовъ нерѣдко звучать однѣ и тѣ же струны. Но есть между ними и громадное различіе. У Пушкина почти не встрѣчаемъ того крайняго развитія новыхъ идеаловъ, той рѣзкости ихъ постановки, тѣхъ бурныхъ протестовъ противъ современныхъ цивилизаціи и общественнаго строя, которыя сдѣлали юношу Гете вождемъ и главою нѣмецкаго Sturm und Drang'a. Пушкинъ по преимуществу романтикъ. Не бурные призывы къ борьбѣ и разрушенію стараго, разочарованіе, меланхолія и задумчивость преобладаютъ въ его лирикѣ. Герои его поэмъ не страстные и мощные титаны, а скорбные меланхолики и бездѣятельные мечтатели. Быть можетъ, тутъ сказались индивидуальныя качества нашего поэта, а быть можетъ, отразилась разница эпохъ. Въдъ со времени провозглашенія Гете идеаловъ Sturm und Drang'a протекло около 50-ти лѣтъ, и человѣчество успѣло въ теченіе ихъ во многомъ разочароваться и извѣриться.

Объ атрофическихъ измѣненіяхъ при остромъ голоданіи.

„Въ мірѣ есть царь—этотъ царь
безпопаденъ. Голодъ названіе ему“.
Некрасовъ.

Голодъ, какъ вопросъ громадной практической важности, не могъ не останавливать на себѣ вниманія пытливаго человѣческаго ума. Съ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ дней ученые стремятся объяснить тѣ загадочные процессы, которые наблюдаются въ голодающемъ организмѣ. Уже въ глубокой древности, когда младенческій умъ человѣка, все недоступное его пониманію, объясняли какъ нѣчто сверхъестественное, его занималъ и голодъ, и люди, пытаясь дать объясненіе этому явленію, смотрѣли на голодъ, какъ на проявленіе гнѣва какого-то высшаго существа, или какъ на торжество злого духа надъ добрымъ. Однако въ тѣ времена понятіе о голодѣ связывалось съ понятіемъ о бѣдствіи постигшемъ то или другое количество людей, и человѣка не занималъ тогда голодъ, какъ самостоятельный процессъ, влекущій за собой гибель отдѣльныхъ членовъ общества.

Прошло много вѣковъ, прежде чѣмъ люди стали интересоваться голодомъ съ этой точки зрѣнія и такимъ человѣкомъ былъ Гиппократъ. Однако только въ XVII столѣтіи итальянецъ Реди примѣнилъ опытъ надъ животными для разрѣшенія интересовавшихъ его вопросовъ въ процессѣ голоданія. Эти опыты были продолжены въ 1757 году Галлеромъ, но первая обстоятельная работа по этому вопросу появилась въ 1828 году и принадлежитъ Коллару де-Мартиньи, однако она не возбудила особаго интереса и только послѣ

изданія въ 1843 году капитальнаго труда С. Chossat'a появляется цѣлый рядъ работъ по вопросу о голоданіи. Изъ авторовъ, работавшихъ по этому вопросу, кромѣ упомянутыхъ выше, могу назвать: А. Bouchart'a, Piorry, Marotte, Duriau, Шульца, В. Schuchardt'a, Pflüger'a, Frerichs'a, F. Biddera, С. Schmidt'a, Bischoff'a, R. P. Heidenhein'a, Th. Köhler'a, O. Schultzen'a, Pettenkofer'a, Panum'a, Voit'a, Eulenburg'a, Манассейна, Пашутина, Розенфельда, Охотина, Попова, Любомудрова, Симоновича, Маньковскаго, Статкевича, Лебедева, Лукьянова, Линдемана, Лазарева, Бруннера, Окинчица, Немзера, Подвысоцкаго, Поссажнаго, Альбицкаго, Кагана, Виноградова, Годнева, Угрюмова, Петрова, Скориченко, Константиновича. Конечно, этотъ краткій перечень фамилій авторовъ, трудами которыхъ я пользовался при составленіи своей работы, не исчерпываетъ литературы, накопившейся по данному вопросу.

Collard de Martigny дѣлитъ голодь на три періода. Въ первомъ періодѣ животныя были довольно покойны, во второмъ они проявляли нѣкоторое безпокойство, а въ третьемъ — марантическую слабость. По наблюденіямъ Chossat, картина явленій при остромъ голоданіи довольно монотонна, и если замѣчается возбужденность, то обыкновенно въ среднемъ періодѣ.

Пашутинь даетъ намъ подробную картину голоданія собакъ. Въ его опытахъ возбужденное состояніе замѣчалось въ началѣ голоданія. Собаки сильно безпокоились и какъ будто чего-то искали. Съ приближеніемъ смерти животныя дѣлались вялыми и апатичными; у нихъ появлялась все прогрессирующая слабость и подавленность чувствительности и они погибали при легкихъ судорожныхъ движеніяхъ тѣла. Rosenbach,* экспериментально доказалъ, что въ позднѣйшихъ стадіяхъ голоданія возбудимость мозга къ электрическому раздраженію ослаблена. Опыты свои онъ производилъ на психомоторныхъ центрахъ собакъ и кошекъ.

Лукьяновъ дѣлитъ время остраго голоданія на четыре періода: въ первомъ онъ не замѣтилъ никакихъ отклоненій отъ нормы. Во второмъ періодѣ животныя старались уйти изъ клѣтки, т. е. были въ стадіи возбужденія. Въ третьемъ періодѣ ясно было видно угнетеніе: животныя не двигались и спокойно спали. Наконецъ, въ 4-омъ періодѣ на первый планъ выступали паралитическія явленія. Мои-же опыты, произведенные надъ котами, нѣсколько противорѣчатъ сказанному выше. Такъ, періодъ возбужденія у нихъ замѣчался весьма

продолжительное время. Коты съ перваго-же дня громко мяукали, царапали рѣшетку клѣтки. Если-же приходилось выпимать ихъ изъ клѣтки, напр., при измѣреніи температуры, то это стоило большихъ трудовъ, такъ какъ они прилагали всѣ старанія, чтобы вырваться изъ рукъ, царапались, кусались. Слабость замѣчалась у нихъ только за 3—4 дня до смерти; сопровождалась она паденіемъ температуры на нѣсколько градусовъ ниже нормы и большой апатіей. Послѣ второго поднятія азота въ мочѣ, т. е. наканунѣ смерти, животныя лежали неподвижно и на слѣдующій день при слабыхъ судорожныхъ явленіяхъ погибали.

Продолжительность жизни при голоданіи находится въ зависимости отъ величины, пола, возраста, свойствъ породы, предварительнаго способа питанія животныхъ, и внѣшнихъ условій содержанія ихъ во время опыта, главнымъ же образомъ отъ количества запасныхъ депо въ ихъ тѣлѣ и суточныхъ потерь во время опытовъ. Вѣдь—общеизвѣстный фактъ, что животныя тѣмъ скорѣе исчерпываютъ свои запасныя силы, чѣмъ больше ихъ тратятъ. Сама же трата зависитъ отъ напряженности метаболизма въ тѣлѣ даннаго индивидуума. По Лукьянову продолжительность жизни при остромъ голоданіи равняется въ среднемъ—для собакъ 33 днямъ, лошадей 21 дню, кошекъ 20 днямъ, кроликовъ 13 днямъ, крысъ и мышей 1—3 днямъ. Значитъ, чѣмъ больше объемъ тѣла животнаго, тѣмъ медленнѣе расходуются запасы его, между тѣмъ какъ маленькія животныя быстро гибнутъ, ибо и окислительные процессы въ ихъ тѣлѣ болѣе напряженны.

Установлено также, что самки долше живутъ, чѣмъ самцы, такъ какъ суточные потери ихъ въ вѣсѣ меньше. Такъ, небольшая собака самка проф. Линдемана прожила 25 дней. Что касается возраста, то молодыя животныя хуже переносятъ голодъ, скорѣе исчерпывая свои и безъ того еще незначительные запасы тѣла. Кромѣ того самъ метаморфозъ въ молодомъ возрастѣ отличается большей напряженностью. Эта разница особенно замѣтна при опытахъ. Такъ напр., годовая собака Falka* прожила всего около трехъ недѣль, между тѣмъ какъ старая—8 недѣль. Въ лабораторіи Пашутина новорожденные щенки жили 5 дней, средняго возраста—20—30 дней, новорожденные же котята жили 3—4 дня, мѣсячный котенокъ 20 дней, а ихъ мать 49 дней. Къ тѣмъ же результатамъ пришли Альбицкій, Угрюмовъ, В. А. Петровъ и Schimanski*, произво-

дившіе опыты надъ щенками, котятами, цыплятами и надъ курами.

Кромѣ того оказалось, что плотоядные животныя лучше переносятъ голодъ, чѣмъ травоядные.

Особенной же стойкостью къ голоданію обладаютъ хладнокровныя животныя. Не вырабатывая столько тепла, сколько животныя теплокровныя, они не такъ быстро сжигаютъ себя, и при этомъ несутъ самыя незначительныя суточные потери въ вѣсѣ. Гремучая змѣя способна голодать 2½ года, черепаха 2—3 мѣсяца, лягушка около 16 мѣсяцевъ.

Не безъинтересны въ данномъ случаѣ опыты Годнева* и Fubini*, показывающіе вліяніе свѣта на продолжительность жизни при голоданіи. Первый производилъ опыты надъ теплокровными животными, второй надъ лягушками; и оба нашли, что вѣсѣ животныхъ скорѣе падаетъ подъ вліяніемъ свѣта, чѣмъ если опытъ производить въ темномъ помѣщеніи.

Другими словами, при свѣтѣ окислительныя процессы выражены сильнѣе и по этому голодающія животныя погибаютъ скорѣе. Joung* приводитъ очень интересныя опыты надъ головастиками, которые скорѣе умирали въ фіолетовомъ и голубомъ свѣтѣ, чѣмъ въ другихъ лучахъ спектра. Намъ неизвѣстно, сколько дней быльбы въ состояніи прожить человѣкъ безъ пищи, такъ какъ произведенные опыты, естественно, не могли быть доведены до конца. По мнѣнію Лукьянова, который наблюдалъ одного профессиональнаго голодовщика, человѣкъ безъ воды могъ бы прожить 20—30 дней; ни одинъ же изъ опытовъ надъ людьми, когда они получали воду, не могъ быть проведенъ болѣе 50 дней въ виду угрожающихъ симптомовъ. По Luciani* человѣкъ могъ бы прожить около 60 дней, по Coletta* у истеричной фанатички голоданіе продолжалось 196 дней.

Кромѣ вышеприведенныхъ факторовъ, продолжительность жизни находится въ прямой зависимости отъ тѣхъ запасныхъ депо, которыми обладаетъ тѣло, даннаго индивидуума. Что же надо понимать подъ словомъ запасныя депо организма? На этотъ вопросъ Пашутинъ даетъ обстоятельный отвѣтъ.

По его мнѣнію, подъ словомъ запасы тѣла не надо понимать запасы „въ видѣ какого-то простаго пищевого склада“, а все „разрушающееся въ организмѣ при голоданіи, что при обычныхъ усло-

віяхъ составляетъ часть самой организованной матеріи“. Поэтому-то „сами запасы тѣла, подлежащіе разрушенію ранѣ наступленія голодной смерти, мы представляемъ себѣ какъ нѣчто живое, подобно остальной части организма, и даемъ это названіе, какъ условное, въ томъ смыслѣ, что извѣстная часть организованной матеріи тѣла, въ любой моментъ существованія послѣдняго, можетъ быть разрушена, не вызывая смерти остальной части. У умершихъ отъ голоданія граница эта очевидно перейдена“. Попытаемся теперь выяснитъ какимъ количествомъ запасовъ обладаетъ взрослый организмъ у всевозможныхъ видовъ животныхъ.

Chossat* пришелъ къ такому заключенію, что количество запасовъ какъ у теплокровныхъ, такъ и хладнокровныхъ животныхъ равняется приблизительно 40—45%, вѣса ихъ тѣла. Для демонстративности я составилъ таблицу, (по литературнымъ даннымъ Пашутина), изъ которой мы можемъ судить о количествѣ этихъ запасовъ, сначала для взрослыхъ, а затѣмъ молодыхъ животныхъ.

Авторы.	Голуби.	Горлицы.	Куры.	Воробьи.	Кролики.	Морскія свинки.	Коты.	Собаки.
Chossat . . .	41,6	37,9	52,7	—	37,4	33	—	—
Каганъ . . .	42—47	—	—	—	—	—	—	—
Альбицкій . .	38—44	—	—	—	—	—	59	—
Schimanski .	—	—	39—42	—	—	—	—	—
Виноградовъ.	—	—	—	40	—	—	—	—
Скориченко .	—	—	—	—	42—43	—	—	—
Охотинъ . . .	—	—	—	—	33—37	—	—	—
Манассеинъ .	—	—	—	—	57,8	—	—	40
Falk	—	—	—	—	—	—	—	48
Поссажный .	—	—	—	—	—	—	—	44,5—52
Угрюмовъ . .	—	—	—	—	—	—	41	—

Изъ этой таблицы видно, что взрослый организмъ у разнаго вида животныхъ по отношенію къ количеству запасовъ колеблется въ предѣлахъ между 33 и 57,8%, вѣса ихъ тѣла. У новорожден-

ныхъ эти запасы гораздо меньше, чѣмъ у взрослыхъ животныхъ. По Пашутину они равняются приблизительно 10% первоначальнаго вѣса. Для новорожденныхъ щенковъ и котятъ привожу слѣдующую таблицу.

Авторы.	Щенки.	Котята.	Воробьи.
Falk	19,3—26,3	—	—
Угрюмовъ . .	9,95—23,2	10,2—33,6	—
Альбицкій . .	13,7—30,2	9,3—54,0	—
Виноградовъ .	—	—	8—32,4

Если подвозъ питательныхъ субстанцій, вслѣдствіе голоданія, прекращенъ, то, естественно, организмъ начинаетъ черпать энергію на счетъ своихъ запасныхъ депо, и это не можетъ не отразиться на его вѣсѣ, который со дня на день падаетъ.

Пашутинъ, раздѣливъ валовую потерю въ вѣсѣ за все время голоданія на число прожитыхъ дней, даетъ намъ среднюю суточную потерю для слѣдующихъ животныхъ: у собаки она равняется 2% вѣса тѣла, взятаго до начала голоданія, у кошки около 2,5%, у кроликовъ—3%, у морской свинки 5%, у мышей (по Виноградову)* 20%, для куръ около 3%, голубя—4%, воробья (по Виноградову) 20%.

Производя такимъ образомъ вычисленія для своихъ котовъ, я нашель среднюю суточную потерю въ вѣсѣ равной 2,47%. Однако, въ виду того, что эти среднія величины довольно неточны, Пашутинъ, изобразивъ графически при остромъ голоданіи суточные потери первоначальнаго вѣса тѣла въ %, нашель, что у однихъ животныхъ наибольшую длину отличаются обыкновенно линіи первыхъ, а затѣмъ послѣднихъ дней голоданія, а у другихъ наибольшія потери выпадаютъ на послѣдніе дни голоданія. Впервые пришелъ къ такому заключенію Chossat*. Онъ раздѣлилъ время полнаго голоданія голубей и горлицъ на три періода и получилъ, что за первую (отнявъ вѣсѣ кала) и послѣднюю треть, въ среднемъ величины суточныхъ потерь оказываются равными.

Къ такимъ же результатамъ пришелъ Альбицкій. Манассеинъ отмѣчаетъ, что у кроликовъ maximum суточныхъ потерь въ вѣсѣ

приходится на послѣднюю треть голоданія. Лукьяновъ говоритъ, что „паденіе вѣса тѣла подчинено опредѣленнымъ законамъ, допускающимъ даже математическую формулировку. Такъ, въ опытахъ на собакахъ, паденіе вѣса тѣла отвѣчаетъ равносторонней гиперболю“.

Luciani* думаетъ, что линія, соединяющая вершины ординатъ паденія вѣса есть гипербола и даетъ даже формулу послѣдней — $0,00832 x y + y - 61,493 = 0$ (по наблюденіямъ надъ Succі).

Довольно интересно объясненіе Пашутина кривой при остромъ голоданіи.

По его мнѣнію, въ первый и второй день потери велики вслѣдствіе выдѣленія значительныхъ количествъ пищевого кала, который находился въ кишечникѣ животнаго еще до опыта; затѣмъ наступаетъ средній періодъ—періодъ равновѣсія организма, такъ какъ каловыхъ массъ уже почти нѣтъ и кишечникъ выдѣляетъ незначительное количество слизи, которое не даетъ значительныхъ колебаній въ вѣсѣ, наблюдаемыхъ въ первые дни.

Наконецъ, въ послѣдній періодъ, приходится maximum потерь, такъ какъ самъ организмъ теряетъ maximal'ную часть своего собственного вещества.

Мнѣ кажется, что такая кривая при полномъ голоданіи, особенно, когда животнымъ даютъ воду, не можетъ дать точныхъ указаній на суточную потерю вѣса. Она подтверждаетъ намъ только тотъ фактъ, что вѣсъ при полномъ отсутствіи пищевого матеріала падаетъ. Но судить объ истинныхъ суточныхъ тратахъ въ организмѣ по такимъ кривымъ мы не можемъ уже потому, что почти у всѣхъ животныхъ во всякое время въ кишечномъ каналѣ содержится калъ, хотя бы въ самомъ незначительномъ количествѣ, который маскируетъ дѣйствительныя потери въ вѣсѣ. Это подтверждается тѣмъ, что животныя въ продолженіе почти всего опыта время отъ времени выдѣляютъ калъ, который какъ бы незначителенъ по количеству и ни былъ, однако не можетъ не вліять на точность цифръ. Для примѣра приведу количество содержаемаго въ желудочно-кишечномъ трактѣ у кролика въ нормальное время, которое по Falk'у* равняется 253 грм. (вѣсъ кролика = 1530 грм.), т. е. 16,7% вѣса тѣла. У котовъ оно составляетъ 283 грм. (вѣсъ кота 3596), т. е. 7,83% вѣса тѣла.

Вскрывая своих умерших отъ голода котовъ, я всегда находилъ въ ихъ кишечникѣ довольно значительныя количества кала и слизи, чѣмъ и объясняю тѣ значительныя колебанія вѣса (10—100 грм.), которыя я получалъ при ежедневномъ взвѣшиваніи животныхъ. Особенное значеніе я придаю въ этомъ случаѣ тому, что коты мои получали воду *ad libitum*, въ частности-же котъ № 1 пилъ ея довольно много и какъ разъ этотъ котъ и давалъ мнѣ наиболѣе рѣзкія колебанія при взвѣшиваніи, въ то время какъ другіе коты, употреблявшіе значительно меньше воды, не давали мнѣ такихъ рѣзкихъ колебаній. Вообще-же наибольшее паденіе вѣса приходится на первые и послѣдніе дни голоданія и паденіе это, разъ начавшись, идетъ неудержимо все дальше и дальше пока животное не погибаетъ.

Такимъ образомъ трудно судить о метаболизмѣ въ организмѣ голодающаго животнаго по кривымъ суточныхъ потерь въ вѣсѣ, и только кривая азота въ мочѣ даетъ намъ истинную картину тратъ организованной матеріи въ тѣлѣ голодающаго животнаго. О кривой азота въ мочѣ и о ея значеніи при голоданіи я коснусь въ отдѣлѣ объ азотистомъ метаморфозѣ. Что касается отдѣльныхъ органовъ и тканей при полномъ голоданіи, то выяснено, что они несутъ потери не пропорціонально общей потерѣ въ вѣсѣ. Одни органы теряютъ больше, другіе меньше, а третьи отличаются особенной стойкостью по отношенію къ голоду. Такъ напр. потери сердца въ вѣсѣ меньше, чѣмъ печени и селезенки, нервная-же система несетъ ничтожныя потери.

Только мышцы и кровь, по Лукьянову, убываютъ пропорціонально общей вѣсовой потерѣ.

Въ общемъ, однако, организмъ при голоданіи таетъ, и отдѣльныя части его, какъ бы живутъ на счетъ другихъ.

Температура тѣла при остромъ голоданіи обыкновенно держится въ предѣлахъ нормы довольно значительное время и только въ послѣдніе дни сильно падаетъ. Пониженіе это достигаетъ иногда нѣсколькихъ градусовъ ниже нормы. У Falk'a* собаки умирали при 22°C. (*in recto*), у Посажнаго одна собака погибла при 36°, другая при 28,2°, у Пашутина при 28,2°. Морскія свинки Chossat* умирали при температурѣ около 24°C, а кролики при 25,4°C. У птицъ наибольшее пониженіе доходило до 18,5°C. Изъ моихъ котовъ одинъ № 1 погибъ при 28°C, другой № 2 при 32°C.

Въ общемъ кривая температуры при голоданіи подвергается сильнымъ колебаніямъ и собственно рѣзкое паденіе наблюдается лишь въ послѣдніе дни жизни животныхъ.

По этому трудно не согласиться съ данными, полученными въ лабораторіи Пашутина, по которымъ у нѣкоторыхъ животныхъ кривая температуры остается въ предѣлахъ нормы въ теченіе $\frac{2}{3}$ $\frac{3}{4}$, и даже $\frac{4}{5}$ всего голоданія, и только за нѣсколько дней до смерти прогрессивно падаетъ. Приведенныя мною ниже таблицы кривыхъ, подтверждають, что температура сильно падаетъ только за 3—4 дня до смерти, а въ продолженіе остального времени держится на одинаковой высотѣ, приблизительно въ предѣлахъ нормы.

Перейдемъ теперь къ обзору тѣхъ отклоненій отъ нормы, которымъ подвергаются различные органы и ихъ функціи при остромъ голоданіи.

Относительно измѣненій въ аппаратѣ кровообращенія при голоданіи въ литературѣ очень мало данныхъ. Я. Каганъ, раздѣливъ все время остраго голоданія на четыре періода, нашелъ, что кровяное давленіе въ теченіе первыхъ двухъ періодовъ немного увеличивается, въ третьемъ остается безъ измѣненій и только въ четвертомъ начинаетъ прогрессивно падать.

Chossat* замѣтилъ тоже у голубей, причемъ шокъ у нихъ въ послѣднихъ стадіяхъ голоданія наступалъ отъ самыхъ ничтожныхъ насилій.

Лукьяновъ даетъ намъ слѣдующую картину разстройствъ со стороны дѣятельности сердца. По его наблюденіямъ ритмъ и энергія сердечныхъ сокращеній остаются безъ измѣненія довольно продолжительное время и только за нѣсколько дней до смерти сердечныя сокращенія становились рѣже и слабѣе. У человѣка эта брадикардія особенно рѣзко выступаетъ при голоданіи и можетъ доходить до 35 сокращеній въ минуту, а пульсъ 36 ударовъ въ 1'. Объ энергій сердечныхъ сокращеній мы судимъ, при помощи манометра, по внутрисосудистому давленію. По Лукьянову у собакъ, потерявшихъ 46,4% первоначальнаго вѣса, кровяное давленіе въ крупномъ сосудѣ равнялось 40,9 м.м. ртутнаго столба; между тѣмъ въ нормѣ высота артеріальнаго давленія равняется 130—190 Hg.

Что касается дыханія, то и оно представляетъ значительное отклоненіе отъ нормы, а именно: дыханіе у голодающихъ животныхъ замедлено. По Chossat число дыханій у нормальныхъ голубей

равняется 31 въ 1'. Раздѣливъ время голоданія на 4 періода, онъ нашелъ, что въ 1-ый періодъ число дыханій равнялось 25 въ минуту, во 2-ой 23, въ 3-ій 21, въ послѣдній періодъ 19 въ 1', у горлицъ число дыханій въ 1-ый періодъ равнялось 41 въ 1', во второй 38, въ третій 34, въ четвертый 29 въ 1', (въ нормѣ 49).

Посмотримъ теперь, какъ реагируетъ на голодъ желудочно-кишечный каналъ. Пашутинъ того мнѣнія, что секретія во время голоданія совершенно останавливается.

Причиною этого служить отсутствіе раздраженія пищевыми массами секреторныхъ приборовъ пищеварительнаго тракта. Лукьяновъ, напротивъ, нашелъ, что выдѣленіе пищеварительныхъ соковъ уменьшается, но до полного прекращенія ихъ никогда не доходитъ, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что въ позднѣйшихъ стадіяхъ голоданія всегда можно найти въ желудкѣ извѣстное количество кислой жидкости. Изъ отдѣльныхъ секретій желчь выдѣляется въ продолженіи всего голоданія, но количество ея уменьшается. Пашутинъ однако склоненъ думать, что въ нѣкоторые періоды голоданія количество ея даже увеличивается противъ нормы. Онъ высказалъ это предположеніе на томъ основаніи, что почти у всѣхъ животныхъ, погибшихъ отъ голода, найдено было въ желчномъ пузырьѣ увеличенное количество желчи. Кромѣ того довольно часто у голодающихъ животныхъ находили *icterus*, который по мнѣнію Пашутина является, по всей вѣроятности, вслѣдствіе полихоліи и изліянія ея въ пустой кишечный каналъ. По послѣднимъ изслѣдованіямъ пришли къ заключенію, что желтуха при голоданіи носитъ типъ акатектической, т. е. зависитъ отъ измѣненія свойствъ печеночныхъ клѣтокъ какъ при отравленіи и инфекціонныхъ заболѣваніяхъ. Frerichs* даже указалъ на красящія вещества желчи, найденныя въ мочѣ у голодающихъ собакъ и кроликовъ. Однако Манассеинъ очень рѣдко находилъ у кроликовъ въ мочѣ красящія вещества желчи. Объяснить это можно тѣмъ, что желудочно-кишечный каналъ у кроликовъ содержитъ всегда довольно большія количества кала и сама желчь, изливаясь въ кишечникъ, встрѣчаетъ условія болѣе подходящія къ нормѣ.

По наблюденіямъ Лукьянова выработка желчи у кроликовъ въ послѣдній періодъ голоданія уменьшена больше чѣмъ въ полтора раза, какъ по отношенію къ единицѣ вѣса тѣла, такъ и въ отно-

шеніи къ единицѣмъ вѣса печени. Сама желчь, по изслѣдованіямъ Spica и другихъ авторовъ, при голоданіи болѣе концентрирована.

Кишечникъ во все время голоданія содержитъ фекальныя массы, но количество ихъ рѣзко уменьшается.

Каль при голоданіи состоитъ изъ остатковъ пищевого матеріала, слущившагося эпителия пищевого тракта и выдѣленной железы.

Почки также ограничиваютъ свою дѣятельность. Мышцы несутъ весьма значительныя вѣсовыя потери. Такъ, по Фойту* онѣ теряютъ 30,5,/^о своего порвоначальнаго вѣса.

Сѣменные железы дѣятельны въ продолженіи всего голоданія. Пашутинъ даже замѣчалъ, что до самыхъ позднихъ моментовъ половая сфера животныхъ находится въ состояніи возбужденія. Убѣдился онъ въ этомъ, осматривая городскія скотобойни, гдѣ быки и другія животныя, не ѣвши по 1—2 недѣли, выражали усиленное половое влеченіе.

По наблюденію Альбицкаго одинъ кроликъ, голодавшій 20 дней, свободно отправлялъ половыя отношенія, другой же, послѣ 38 дней голодовки, съ ясно обнаруженными признаками слабости и апатіи, также сохранилъ способность къ coitus'у.

Альбицкій, а впоследствии Манассеинъ, спустя 33 часовъ послѣ смерти кроликовъ, находили подвижность сѣмянныхъ нитей. Я также у своихъ котовъ въ мочѣ находилъ сперматозоиды.

Интересно, что и у людей слабо упитанныхъ, половая потребность усилена, напр. у чахоточныхъ. Что служитъ причиною этого возбужденію трудно сказать.

Пашутинъ даетъ слѣдующее объясненіе усиленію половой функціи у голодающихъ. По его мнѣнію „организмъ, какъ носитель вѣчно юной организованной матеріи, служащей для поддержанія вида, естественно торопится дать этой матеріи по возможности большее и скорѣйшее примѣненіе, когда является опасность его собственному существованію“.

Нервная система, какъ сказано было выше, хотя и несетъ при голоданіи весьма незначительныя вѣсовыя потери, однако подвергается, очевидно, глубокимъ качественнымъ измѣненіямъ. Именно въ началѣ голоданія мы видимъ возбужденіе центральной нервной системы, которое, продолжаясь довольно долгое время, переходитъ затѣмъ въ угнетеніе и глубокое сопорозное, почти коматозное, со-

стояніе, результатомъ чего является паденіе кровяного давленія и числа дыханія. Смерть-же мнѣхъ животныхъ, кромѣ того, всегда сопровождалась судорогами.

Вообще по М. Немзеру органы теряютъ въ вѣсѣ сравнительно больше, чѣмъ все тѣло. Такъ, при средней потерѣ въ вѣсѣ тѣла = 21%, средній вѣсѣ печени падаль на 29,3%, средній вѣсѣ почек на 26,4%, средній вѣсѣ желудочно-кишечнаго канала—на 39,6%.

Исчерпывая свои запасные депо, организмъ гибнетъ. Наступленіе смерти наблюдается обыкновенно послѣ предѣльной потери въ вѣсѣ, т. е. потери равной приблизительно 45%, первоначальнаго вѣса. Величина эта для млекопитающихся является постоянной. Лукьяновъ говоритъ, что „смерть наступаетъ не потому, что организмъ исчерпалъ вещества, способныя служить къ развитію живыхъ силъ, а потому, что уцѣлѣвшіе запасы оказываются недоступными для дѣятельныхъ частей тѣла, которыя теряютъ способность утилизировать эти оставшіеся запасы“. Однако такое опредѣленіе смерти при голоданіи не даетъ намъ объясненія, отчего же именно наступаетъ смерть? Въроятнѣе всего смерть при голоданіи наступаетъ отъ асфиксіи, ибо голодь, нарушая дѣятельность всѣхъ органовъ, ведетъ къ накопленію въ организмѣ вредно дѣйствующихъ веществъ, которыя, отравляя центры продолговатаго мозга, служатъ причиной значительнаго паденія кровяного давленія и дыханія, и, понижая такимъ путемъ окислительную способность организма, способствуетъ накопленію углекислоты, результатомъ чего является остановка дыханія. Въ этомъ убѣждаетъ меня еще и картина смерти животныхъ, такъ какъ всѣ мои коты погибли въ сопорозномъ, даже коматозномъ, состояніи при явленіяхъ судорогъ.

Производя опыты надъ животными, мы видимъ, что голоданіе вліяетъ на обмѣнъ веществъ, а именно: количество поглощаемаго кислорода и выдѣляемой угольной кислоты уменьшается.

Regnault и Reiset², производившіе опыты въ респираторныхъ аппаратахъ, показали, что собакой голодавшей 2,53 дня было поглощено кислорода 26,65, а выдѣлено углекислоты 21,53 грм. въ 24 часа (на кило вѣса тѣла) между тѣмъ та-же накормленная собака, поглощая кислорода 26,36, выдѣляла CO₂ 34,17.

Вообще при голоданіи количество кислорода, выдѣляющагося въ видѣ угольной кислоты, значительно ниже по отношенію къ количеству кислорода воспринимаемаго изъ атмосферы. Такъ, изъ

таблицы Reiset и Regnault, мы видимъ, что собаки, кролики и куры въ среднемъ выдѣляли во время голоданія въ видѣ углекислоты 68,15% кислорода, тогда какъ нормально они выдѣляютъ 92,07% (въ среднемъ).

Посажный очень точно измѣрялъ газообмѣнъ у собакъ, производя при этомъ каждый день вентиляцію камеръ, и пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. У собаки № 1-й поглощеннаго кислорода выдѣлялось въ видѣ CO_2 —при питаніи 79%, а при голоданіи 74%; у собаки № 2-ой при питаніи 87%, а при голоданіи 79%; у собаки № 3-й при питаніи 78%, а при голоданіи 76%. Въ среднемъ для трехъ собакъ выдѣлилось при нормальномъ состояніи 81%, а при голоданіи 77%, т. е. всего 4% разницы. Regnault и Reiset какъ для собакъ, такъ и для кроликовъ получили разницу въ 22%. Такое разногласіе въ цифрахъ можно объяснить тѣмъ, что среда въ которой производились опыты у Regnault и Reiset была слишкомъ искусственной, а именно воздухъ камеръ очищался химическимъ способомъ и не испытывалъ, какъ въ опытахъ Посажнаго, полнаго возобновленія.

Въ общемъ однако напряженность окислительныхъ процессовъ, судя по таблицамъ Посажнаго, Охотина и другихъ авторовъ, довольно равномерна, за исключеніемъ первыхъ и послѣднихъ дней, гдѣ она значительно ослаблена (на кило вѣса тѣла). Не касаясь опытовъ многихъ другихъ авторовъ, ради краткости изложенія и во избѣжаніи излишнихъ повтореній, я позволю себѣ привести только общій выводъ полученный лабораторіей Пашутина по этому вопросу. Онъ говоритъ, что поглощеніе кислорода при голоданіи падаетъ у собакъ сравнительно съ нормою на 14—27%, а выдѣленіе CO_2 на 17—37% (по отношенію на кило вѣса тѣла). У кроликовъ, судя по опытамъ Охотина, Альбицкаго, Regnault и Reiset, эти паденія въ выдѣленіи угольной кислоты достигаютъ большихъ колебаній, а именно отъ 5—37,4%.

Посмотримъ теперь, какъ объяснить пониженіе при голоданіи количества кислорода, выдѣляемаго въ видѣ угольной кислоты, по сравненію съ кислородомъ поглощеннымъ при дыханіи. По Пашутину въ голодающемъ организмѣ подвозъ питательнаго матеріала, богатаго кислородомъ, т. е. углеводовъ, очень незначителенъ. По этому-то метаболизмъ въ организмѣ „пронсходитъ главнымъ образомъ на счетъ бѣлковъ и жировъ сравнительно бѣдныхъ кислородомъ и богатыхъ водородомъ“. Вслѣдствіе этого при голоданіи

большая часть изъ вдыхаемаго атмосфернаго воздуха идетъ на окисленіе водорода и такимъ путемъ образуется наблюдаемый нами при опытахъ недочетъ его въ видѣ выдѣлившейся углекислоты. Если бѣлка будетъ больше горѣть чѣмъ жира, то этотъ недочетъ будетъ меньше, если же жира горѣть будетъ больше, то, наоборотъ, такъ какъ большая часть кислорода пойдетъ не на окисленіе С, а на окисленіе водорода. Такъ, напр. у кроликовъ Reiset'a и Reg-pault'a горѣло относительно больше жира, чѣмъ у кроликовъ Альбицкаго. а у этихъ болѣе, чѣмъ у кроликовъ Охотина. Результатомъ этого получился валовой недочетъ выдѣленнаго кислорода въ сравненіи съ поглощеннымъ. Такой недочетъ у французскихъ авторовъ равнялся за все время голоданія приблизительно 30%, у кроликовъ Альбицкаго 28%, а у кроликовъ Охотина 24%. Недочетъ кислорода у 4 голодавшихъ собакъ (3 собаки Посажнаго и 1 французскихъ авторовъ) равнялся въ среднемъ лишь 24,6%.

Азотистый метаболизмъ при голоданіи мы опредѣляемъ по количеству выдѣляемаго азота мочей, каломъ, а также кожей. Однако количество азота, выдѣляемаго кожей и каломъ, настолько незначительно, что мы не принимаемъ его въ расчетъ, такъ какъ азотъ, предварительно окислившись или отщепившись въ организмѣ, почти исключительно выводится изъ него почками не только въ видѣ мочевины и мочевой кислоты, какъ конечныхъ продуктовъ азотистаго распада, но и въ видѣ бѣлковъ и ихъ дериватовъ. Для меня очень важно было прослѣдить этотъ азотистый метаморфозъ, такъ какъ по кривой азота мочевины я судилъ о суточныхъ потеряхъ организма. Вообще же только по обмѣну веществъ мы можемъ судить объ истинныхъ тратахъ самой организованной матеріи.

Въ работахъ Frerichs'a, Bischoffa, Voit'a и Pettenkofer'a мы находимъ, что количество мочевины при остромъ голоданіи съ самаго начала падаетъ. Такъ напр. по Bischoff'у и Voit'у у собаки, голодавшей шесть дней, суточное количество мочевины уменьшилось съ 24,5 на 15,3 грм. Frerichs же и Voit нашли, что количество мочевины въ началѣ опыта падаетъ, потомъ нѣкоторое время стоитъ на одномъ уровнѣ и незадолго до смерти начинаетъ нарастать. Наростаніе это доходить иногда до чиселъ вдвое вышихъ, чѣмъ въ первый день. Этотъ maximum мочевины чаще приходится за 1—2 дня до смерти.

Итакъ мы видимъ, что при голоданіи въ первые дни количество мочевины падаетъ. Затѣмъ послѣ періода равновѣсія, наступаетъ медленное нарастаніе ея, доходящее передъ смертью до удвоеннаго количества въ сравненіи съ первымъ днемъ. Это паденіе и нарастаніе мочевины мы можемъ объяснить слѣдующимъ образомъ: такъ какъ подвозъ веществъ богатыхъ бѣлками въ первые дни голоданія внезапно прекращенъ, а организмъ еще не успѣлъ къ этому приспособиться, то естественно, что и азотистый метаморфозъ въ организмѣ долженъ понизиться. Отсюда мы и наблюдаемъ въ первые дни остраго голоданія рѣзкое паденіе кривой выдѣленія азота. Далѣе организмъ ищетъ выхода изъ неблагопріятныхъ условій, начинаетъ приспособляться къ нимъ, начинаетъ жить на свой собственный счетъ, расходуя продукты своихъ запасныхъ депо, а также бѣлки уже вошедшіе равьше въ составъ параплазмы клѣтокъ. Вотъ почему въ дальнѣйшихъ стадіяхъ голоданія становится довольно постояннымъ количество мочевины. Рѣзкое же увеличеніе мочевины, которое наблюдается передъ самой смертью, говоритъ уже за усиленный распадъ бѣлковъ самой организованной протоплазмы. Falk очень точно опредѣлялъ количество мочевины и мочи у собакъ, ежедневно катетеризуя ихъ. Кривая его похожа на кривую Voit'a съ той только разницей, что по его изслѣдованіямъ количество мочи, мочевины и другихъ продуктовъ обмѣна у животныхъ оставалось довольно постояннымъ. Альбицкій же, на основаніи своихъ опытовъ надъ собаками и кроликами, отвергаетъ это постоянство выдѣленій воды и другихъ составныхъ частей мочи. У одной его собаки выдѣленіе воды, мочевины и фосфатовъ шло сравнительно равномерно, причемъ въ началѣ голоданія количество ихъ упало, но скоро стало нарастать. У другой собаки количество мочевины и воды подъ конецъ голоданія слабо нарастало, а количество фосфатовъ не измѣнилось. У кроликовъ Альбицкій получилъ тоже всевозможныя отступленія отъ предполагаемой равномерности; такъ у кролика № 2-ой количество мочи и мочевины сначала сильно упало, затѣмъ меньше, и въ концѣ слабо повышалось; фосфаты же постоянно падали и наконецъ дошли до нуля, хлориды сначала прибыли, затѣмъ количество ихъ уменьшилось и въ концѣ концовъ стало снова нарастать.

„Отсутствіе полнаго параллелизма въ выдѣленіи мочою различныхъ продуктовъ, входящихъ въ составъ распадающейся при

голоданіи организованной матеріи, а также и разнообразіе количественныхъ комбинацій между этими продуктами въ мочѣ отдельныхъ индивидовъ могутъ имѣть“, по мнѣнію Пашутина, „различное объясненіе“. Сущность такого разнообразія заключается по всей вѣроятности въ томъ, что при горѣніи въ тѣлѣ въ однихъ случаяхъ горятъ вещества богатыя хлоромъ, въ другихъ фосфоромъ и т. д.—т. е. состоитъ въ химическомъ свойствѣ распадающагося матеріала. На недостаточность же въ мочѣ опредѣленныхъ продуктовъ можетъ вліять и то, что освободившееся изъ органическихъ соединеній Cl, Ph. и т. д. могутъ поступить въ кровь въ видѣ солей и захватываться другими тканями раньше, чѣмъ они попадутъ въ почки. Кромѣ того это разнообразіе можетъ зависеть также и отъ нарушенія функціи самыхъ почекъ, въ особенности во время позднѣйшихъ стадій голоданія, когда онѣ перестаютъ выдѣлять изъ организма всё, что для него является чуждымъ.

Перейдемъ теперь къ анализу самой мочи во время полного голоданія. Количество мочи, выдѣляемой собаками, по Falku составляетъ отъ 42,5 до 53,5% потери вѣса тѣла. У Посажнаго собака № 1-ый дала около 41%, а собака № 2-ой 34% всей понесенной животными потери въ вѣсѣ. У Альбицкаго получились тѣже результаты.

Въ общемъ количество выдѣляемой собаками мочи, при полномъ голоданіи безъ воды, составляетъ „отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ и болѣе въ сравненіи съ понесенной животными потерей вѣса“ (по Пашутину). Въ среднемъ, по Альбицкому, мочею кроликовъ за всё время голода терялось 51%, а у собакъ 43% всей валовой потери тѣла.

Цвѣтъ мочи становится болѣе насыщеннымъ темнокоричневымъ съ зеленоватымъ оттѣнкомъ (по Пашутину).

У моихъ котовъ, голодавшихъ съ водою, цвѣтъ мочи по большей части зависѣлъ отъ количества выпитой ими воды, во всякомъ случаѣ моча была болѣе насыщена, а цвѣтъ большею частью походилъ на цвѣтъ хорошаго портвейна.

Запахъ нормальный.

Удѣльный вѣсъ мочи у собакъ Пасажнаго повышался съ 1023 до 1081.

Реакція въ большинствѣ случаевъ кислая.

Изъ патологическихъ составныхъ частей мочи Манассеинъ почти у всѣхъ голодающихъ животныхъ находилъ бѣлокъ, Альбиц-

кій же нашелъ его только въ немногихъ случаяхъ. Въ такой мочѣ появлялись и форменные элементы. Изъ мочевыхъ цилиндровъ чаще всего попадались зернистые, затѣмъ гіалиновые, рѣже эпителиальные.

Что касается мочи моихъ котовъ, то, за исключеніемъ кота № 1, я у всѣхъ находилъ ясные слѣды бѣлка, а изъ цилиндровъ чаще всего гіалиновые, особенно подъ конецъ голоданія.

Кромѣ бѣлка въ мочѣ у голодающихъ животныхъ многіе авторы находили желчные пигменты, эпителиальныя клѣтки мочевыхъ канальцевъ, а также поверхностныхъ мочевыхъ путей и пузыря, мочевые цилиндры и сѣмяныя нити. Послѣднія и я находилъ въ мочѣ голодавшихъ котовъ.

Кончая первую часть своей работы, я долженъ еще выяснитъ разницу между полнымъ голоданіемъ и голоданіемъ съ водою. Авторы рѣзко расходятся въ вопросѣ о томъ, какой эффектъ производитъ въ организмъ вода при голоданіи, такъ напр. Chossat нашелъ, что голуби голодающіе съ водою, умирали скорѣе, чѣмъ не получающіе ея. Альбицкій и Виноградовъ пришли къ довольно неопредѣленнымъ результатамъ, хотя послѣдній склоненъ думать, что животныя, голодающія съ водою, живутъ дольше. По Охотину голоданіе безъ воды переносится дольше. Becksegev тоже находить, что голодъ съ водою переносится животными лучше и легче. У Манассеина собаки и кошки, голодающія безъ воды въ среднемъ выводѣ переживали животныхъ, получавшихъ её, кролики же наоборотъ. По Игнатьеву быки тоже лучше переносятъ голодъ съ водою. Значить, на кроликовъ и быковъ вода дѣйствуетъ благотворно. Объясняется это особенными свойствами ихъ желудочно-кишечнаго канала. Для насъ однако безразлично, какую роль играетъ вода въ гибели животныхъ, т. е. ускоряетъ ли она смерть, или нѣтъ. Для насъ важно знать усиливаетъ ли она процессы распаденія въ организмъ, или нѣтъ. Усиливая метаморфозъ, вода съ одной стороны вредитъ организму, скорѣе разрушая запасныя депо его; съ другой стороны помогаетъ, такъ какъ мѣшаетъ иссушенію тканей голодающаго при неизбежныхъ потеряхъ воды испареніемъ и мочею. Имѣя въ виду это иссушеніе тканей, многіе ученые, въ томъ числѣ Luciani и Buffalini весьма недовѣрчиво относились къ результатамъ наблюдений надъ животными голодавшими безъ воды. Въ общемъ однако вопросъ о вліяніи воды на обитанъ при голоданіи остается

и до сихъ поръ открытымъ. Такъ Becker, Genth, Mosler, Voit, Чирьевъ и др стояли за то, что вода при голоданіи усиливаетъ метаморфозъ, между тѣмъ какъ опыты Bidderta и Schmidta на кошкахъ, Seegen, Jagnes и Mayer'a на собакахъ, дали противоположные результаты. По предложенію Пашутина, д-ръ Тувима производилъ опыты надъ собаками, желая изучить вліяніе воды на напряженность окислительныхъ процессовъ въ организмѣ. Сначала онъ получилъ колебаніе то въ ту, то въ другую сторону, но послѣдніе его опыты, съ насильственнымъ введеніемъ воды въ количествѣ 0,1 вѣса тѣла, дали лишь ничтожное повышеніе окислительныхъ процессовъ. Пашутинъ поэтому держится того мнѣнія, что если воды вводится въ организмъ гораздо больше, чѣмъ это требуется, то послѣдній реагируетъ усиленіемъ окислительныхъ процессовъ, а вѣроятно также и азотистаго распада, и что количество воды, выпиваемое животными произвольно, настолько ничтожно, что значенія въ метаболизмъ не имѣетъ.

Выяснивъ въ краткихъ чертахъ основныя данныя и симптоматику голоданія, перейдемъ теперь къ морфологичи голоданія.

„Въ общепити подъ словомъ „голоданіе“ подразумѣвается по большей части одно изъ двухъ: либо введеніе пищи въ недостаточномъ количествѣ, либо ощущеніе неудовлетворенной потребности въ пищѣ“. Патологъ „смотритъ на голоданіе шире: подъ голоданіемъ онъ подразумѣваетъ то состояніе организма, когда клѣтки тѣла лишаются возможности возмѣщать свои обычныя (или даже сверх-обычныя траты) въ надлежащей мѣрѣ, и когда вещества съ запасомъ потенциальной энергій не притекаютъ къ клѣткамъ въ достаточномъ количествѣ“. Поэтому, говоритъ Лукьяновъ, „въ глазахъ патолога голоданіе есть нѣчто независимое отъ количества вводимой пищи, ибо ввести пищу еще не значитъ усвоить еѣ“. Лучшимъ примѣромъ неустройства пищи можетъ служить хотя-бы пораженіе туберкулезомъ лимфатическихъ железъ кишекъ у дѣтей. Сущность голоданія поэтому заключается не въ отсутствіи поступленія пищи въ желудочно-кишечный каналъ, а въ количественномъ измѣненіи крови. Такъ напр., при полномъ голоданіи мы имѣемъ дѣло какъ съ количественной атрофіей, такъ и съ качественнымъ измѣненіемъ самой протоплазмы клѣтокъ, а именно въ нихъ происходятъ рѣзкіе дегенеративные процессы. Если-же мы заставимъ организмъ принимать одну какую-нибудь составную

часть пищи, лишивъ его другихъ необходимыхъ составныхъ частей, то мы вызовемъ въ такомъ случаѣ неполное голоданіе. Это неполное голоданіе дастъ точно такія-же измѣненія, какія мы наблюдаемъ при полномъ только самый процессъ проходить болѣе медленно и не такъ интенсивно. Значитъ полное голоданіе—это такое состояніе обмѣна когда ощущается недостатокъ веществъ, необходимыхъ организму для конструктивнаго метаморфоза, безъ котораго не мыслимо правильное теченіе и деструктивнаго метаморфоза. Вслѣдствіе этого въ раннихъ стадіяхъ голоданія мы находимъ только чисто количественную атрофію; особенно хорошо это видно у низшихъ животныхъ, то какъ я уже упомянулъ, количественная атрофія сопровождается обыкновенно и качественнымъ измѣненіемъ протоплазмы, т. е. болѣе глубокимъ нарушеніемъ ея физико-химическаго строенія, какъ то мутнымъ набуханіемъ, зернистымъ перерожденіемъ, къ которымъ часто присоединяется и жировая метаморфоза. Жировая метаморфоза сводится главнымъ образомъ къ двумъ основнымъ явленіямъ. Во первыхъ, въ послѣднемъ стадіи голоданія замѣчается образованіе мелкихъ капелекъ жира на счетъ протоплазмы клѣтокъ, а во вторыхъ, жиръ можетъ не подвергаться дальнѣйшему распаду (съ образованіемъ CO_2), если клѣтка больна. Сущность послѣдняго явленія заключается въ томъ, что при жировомъ метаморфозѣ во многихъ случаяхъ жиръ дѣлается замѣтнымъ только потому, что клѣтка утрачиваетъ способность утилизировать имѣющійся жиръ.

По мнѣнію Подвысоцкаго, хотя вѣсь при голоданіи падаетъ и объемъ органовъ и клѣтокъ уменьшается повсюду, тѣмъ не менѣе атрофическіе процессы происходятъ неравномѣрно. „Степень атрофическихъ измѣненій, по скольку она сказывается въ паденіи вѣса, обратно пропорціональна функціональному совершенству тканей и органовъ и важности ихъ для жизни индивидуума; другими словами, наиболѣе важныя для жизни организма части какъ центральная нервная система и сердце, при полномъ голоданіи животныхъ, теряютъ въ вѣсѣ наименѣе, напротивъ такія части, какъ жировая ткань, соединительная ткань и мускулатура скелета теряютъ наиболѣе“.

Существуетъ законъ, согласно которому чѣмъ выше дифференцировка тканей при голоданіи, тѣмъ рѣзче и разница въ степени атрофіи ихъ.

У высшихъ животныхъ въ первую очередь подвергаются атрофїи менѣе нужныя ткани, а затѣмъ ткани жизненно необходимыя. У животныхъ не съ такой высокой дифференцировкой такой разницы однако не замѣчается. Такъ, на примѣръ, медуза, будучи положена въ акваріумъ, и не имѣя возможности питаться тѣми мелкими животными, которыя находятся въ морской водѣ и потому голодающая зимою можетъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ, постепенно уменьшаясь во всѣхъ своихъ частяхъ. Внѣшній видъ ея и отношеніе частей сохраняется неизмѣнимо такъ, что послѣ гибели она представляетъ совершенно правильную форму медузы, но только становится значительно меньше.

Совершенною противоположностью представляетъ организмъ млекопитающихъ. Здѣсь мы имѣемъ большія варіаціи въ атрофїи отдѣльныхъ частей организма. Для доказательства привожу таблицу К. Фойта.

Потеря вѣса при голоданіи.	% первон. вѣса.	% общ. вѣса.
Жирь	97,0	26,2
Селезенка	66,7	0,6
Печень	53,7	4,8
Сѣмянныя железы	40,0	0,1
Мышцы	30,5	42,2
Кровь	27,0	3,7
Почки	25,9	0,6
Кишечникъ	18,0	2,0
Легкія	17,7	0,3
Поджелудочныя железы	17,0	0,1
Скелетъ	13,9	5,4
Нервная система	3,2	0,1
Сердце	2,6	0,02

Значитъ, больше всего подвергается атрофїи жировая ткань, меньше же всего нервная система и сердце. Теперь посмотримъ, какія части клѣтки подвергаются болѣе всего атрофїи?

Въ первую очередь происходитъ исчезаніе метаплазматической зернистости, такъ какъ клѣтка потребляетъ прежде всего свои запасы. Затѣмъ подвергается атрофїи параплазма. Вслѣдствіе этого

протоплазма сгущается, клѣтка становится болѣе темной и зернистость ея болѣе интенсивно окрашивается. Далѣе происходитъ атрофія собственно протоплазмы. Кромѣ того подвергаются атрофіи ядро и ядрышко (Лукьяновъ) и даже центрозома.

М. Г. Немзеръ говоритъ, что въ ядрахъ печеночныхъ клѣтокъ бѣлыхъ мышей, потерявшихъ при остромъ голоданіи 21% первоначальнаго вѣса, абсолютное количество нуклеиновъ падаетъ на 19%. Слѣдовательно разница между потерей въ объемѣ ядеръ и потерей въ количествѣ нуклеиновъ довольно значительна. По этому Немзеръ склоненъ думать, что голодающія клѣточные ядра печени уменьшаются въ объемѣ не столько вслѣдствіе исчезновенія нуклеиновъ, сколько отъ „оскуднѣнія ядеръ т. наз. ядернымъ сокомъ, не содержащимъ нуклеиновъ. Впрочемъ можно предположить, что сложная нуклеопротендная частица, продуктомъ распадѣнія или составной частью которой является нуклеинъ, утрачиваетъ— то въ большей, то въ меньшей степени— тѣ или другія входящія въ нее группы. На эту-же мысль насъ наводитъ и сопоставленіе каріометрическихъ и аналитическихъ данныхъ, касающихся почекъ (работа С. Лукьянова), хотя наблюдаемая здѣсь отношенія представляются еще болѣе сложными.

Исслѣдуя въ организмѣ послѣдовательно органы и ткани, Немзеръ приходитъ къ заключенію, что при голоданіи нуклеиновая основа клѣточныхъ ядеръ голодаетъ въ неодинаковой степени въ различныхъ органахъ. Напр. у животныхъ, потерявшихъ 21% первоначальнаго вѣса, больше всего измѣняются ядра желудочно-кишечнаго канала, немного меньше—печени, менѣе же всего ядра почекъ. Абсолютное количество нуклеиновъ въ мышцахъ падаетъ на 6%.

Сама же атрофія ядра и протоплазмы, пока она является чисто количественной, можетъ еще и не повлечь за собою гибели клѣтки; но если процессъ идетъ дальше и захватываетъ и другія составныя части клѣтки, т. е. изъ количественнаго онъ переходитъ въ качественный, и жизнь клѣтки становится не мыслимой. Что здѣсь дѣйствительно происходятъ болѣе глубокія измѣненія физическаго строенія клѣтокъ, доказывается тѣмъ, что эти измѣненія могутъ быть открыты не только подъ микроскопомъ, но и химическимъ анализомъ. Значитъ, величина клѣтки уменьшается главнымъ образомъ на счетъ протоплазмы и понятно, почему ядра кажутся относительно большими, придвигаются ближе другъ къ другу и рѣзче

видны. Въ силу этого не удивительно, что раньше многіе авторы думали, что ядра при голоданіи увеличиваются. Уменьшеніе же ядеръ доказаль впервые Лукьяновъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Въ своихъ изслѣдованіяхъ я измѣрялъ ядра печени, почки, надпочечниковъ, селезенки, мышцъ сердца, *m. pectoralis* и *testis'a*, по 100 ядеръ каждаго органа и также нашелъ, что они рѣзко уменьшаются. Для демонстративности разницу между нормой и атрофіей отъ полнаго голоданія (съ водою) я выразилъ въ рядахъ Galton'a.

Кстати еще замѣчу, что въ послѣднее время нѣкоторые авторы старались выяснитъ химическія измѣненія тканей при остромъ голоданіи, но къ сожалѣнію не пришли пока ни къ какимъ результатамъ и самъ вопросъ остался открытымъ.

Теперь я остановлюсь на выясненіи судьбы жира при голоданіи. Извѣстно, что при голоданіи организмъ расходуетъ готовые запасы жира, а такъ какъ извнѣ они не пополняются, то естественно, что долженъ наступитъ такой моментъ, когда весь запасъ жира въ организмѣ долженъ исчезнуть. Однако этого никогда не наблюдается; мы всегда находимъ въ трупахъ погибшихъ отъ голода животныхъ большія количества жира во многихъ органахъ. По мнѣнію Подвысоцкаго это происходитъ потому, что „бѣлокъ, наименѣе нужныхъ для поддержанія жизни индивидуума и наименѣе функционирующихъ клѣтокъ, подвергается постепенному жировому перерожденію, очевидно съ той цѣлью, чтобы въ распоряженіи организма находился легко окисляемый матеріалъ. Явленіе это наблюдается во всѣхъ почти органахъ при голоданіи“. Дѣйствительно, у голодающихъ лягушекъ почти во всѣхъ мышцахъ скелета замѣчается жировая метаморфоза отдѣльныхъ мышечныхъ фибриллей. У голодающихъ собакъ Статкевичъ (лабораторія проф. Подвысоцкаго) нашелъ жировое перерожденіе не только серозныхъ клѣтокъ железистыхъ органовъ, но также въ слизистыхъ клѣткахъ подчелюстной железы. Эту точку зрѣнія до послѣдняго времени раздѣляли почти всѣ патологи, но въ настоящее время взгляды на сущность жировой метаморфозы рѣзко измѣнились. Превращеніе бѣлка протоплазмы въ жиръ *in loco*—жировое перерожденіе въ смыслѣ Вирхова многими не признается совершенно, другимъ же разсматривается какъ явленіе второстепеннаго значенія, никогда не ведущее къ образованію новыхъ частицъ жира въ организмѣ. Главной сущностью во всѣхъ процессахъ патологической жировой метаморфозы

оказался транспортъ жира, играющій существенную роль уже и въ нормѣ. Для того, чтобы сгорѣть, жиръ долженъ быть перенесенъ въ органы, для функціонированія которыхъ необходимо истребленіе этого горючаго матеріала. Жировыя депо при этомъ процессѣ сильно истощаются. Такъ, въ костномъ мозгу кролика и жировыхъ тѣлахъ лягушки при фосфорномъ отравленіи, какъ это доказалъ проф. Линдеманъ. Въ подкожной клѣтчаткѣ при голоданіи нашли ясныя картины расщепленія жира. Флемингъ*, а Schulz показалъ, что исчезнувшій изъ жировыхъ депо жиръ можетъ быть обнаруженъ въ крови—такъ у голодающихъ кроликовъ въ крови количество жира увеличивается отъ 50—83%, а у голубей еще больше.

Въ крови подъ вліяніемъ фермента липазы (Hanriot*, Cohnstein*) нейтральный жиръ исчезаетъ измѣняя свои свойства и въ видѣ какихъ-нибудь растворимыхъ соединеній попадаетъ въ клѣтку, гдѣ снова появляется въ нерастворимомъ видѣ. Жиръ различныхъ органовъ голодающаго организма такимъ образомъ происходитъ изъ жира депо, причемъ онъ переходитъ изъ одного мѣста въ другое путемъ вторичнаго синтеза. Причина по которой отлажившійся въ различныхъ органахъ жиръ не окисляется какъ это имѣетъ мѣсто въ нормѣ, а сохраняется безъ измѣненій и при голоданіи зависитъ прежде всего отъ пониженія жизнедѣятельности ослабленной, больной клѣтки.

Теперь я перехожу къ изложенію результатовъ собственнаго изслѣдованія органовъ голодавшихъ котовъ. Въ опредѣленіи періодовъ голоданія я руководился выдѣленіемъ азота въ мочѣ. Для этого ежедневно опредѣлялось содержаніе N въ мочѣ по Бородину (см. табл.). Котъ № 1-й и № 2-й умерли отъ голода приблизительно потерявъ—первый 51,7%, второй 31,1% первоначальнаго вѣса. Котъ № 3-й былъ убитъ уколомъ въ продолговатый мозгъ при вторичномъ повышеніи азота, потерявъ 30,8% первоначальнаго вѣса; и, наконецъ, котъ № 4 убитъ также уколомъ въ стадіи равномернаго выдѣленія азота, потерявъ 9,6% первоначальнаго вѣса. Кроме того, для контроля, я убилъ двухъ нормальныхъ котовъ. Во избѣжаніе трупнаго разложенія, быстро наступающаго у животныхъ при полномъ голоданіи (Пашутинъ, Манассенъ, Chachart*) вслѣдствіе того, что еще при жизни всѣ органы и ткани прогрессивно умираютъ, а послѣ смерти живутъ самое незначительное время, я вскрывалъ своихъ котовъ, спустя 10—20 минутъ послѣ смерти.

Органы фиксировались въ 10% Form. +0,1% Ac. chrom. и, послѣ обыкновенныхъ въ этомъ случаѣ приѣмовъ, часть органовъ заключалась въ целлоидинъ, а часть въ параффинъ. Для микрометрическихъ измѣреній я употреблялъ препараты, предварительно заключенные въ параффинъ. Измѣренія производилъ при иммерсии (Aper-tur 1,25, 18 b. Nomog. imm. $\frac{1}{12}$, длина трубы 160). Передъ заключеніемъ въ канадскій бальзамъ препараты просвѣтлялись только въ carbol хулолѣ. Я особенно отмѣчаю этотъ фактъ, такъ какъ препараты при измѣреніи должны быть просвѣтлены въ одномъ и томъ же просвѣтителѣ и обработаны въ одной и той же смѣси, ибо препараты просвѣтленные въ чистомъ хулолѣ или креозотѣ, а также целлоидиновые, даютъ разницу въ величинѣ клѣтки и ядра, именно: въ креозотѣ ядро не такъ сильно сморщивается какъ въ карболъксилолѣ, больше же всего сморщивается клѣточное ядро въ чистомъ ксилолѣ.

Срѣзы я производилъ на падающемъ микротомѣ и, предварительно выбросивъ порядочное ихъ количество, бралъ приблизительно только каждый 11-й и наблюдалъ въ немъ не менѣе 10 ядеръ съ тою цѣлью, что-бы получить ихъ измѣренія въ различныхъ плоскостяхъ. Пользуясь подвижнымъ столикомъ Reichert'a, я производилъ по 10 измѣреній каждаго препарата при чемъ съ каждаго органа я дѣлалъ 10 срѣзовъ. Измѣреніе ядеръ я произвелъ въ слѣдующихъ органахъ: въ сердцѣ m. pectoralis, печени, почкѣ, надпочечникѣ, яичкѣ, селезенкѣ, а въ общемъ произвелъ около 5000 измѣреній, самихъ же препаратовъ сдѣлано мною около 700.

Изъ ядерокрасящихъ красокъ употреблялъ я гематоксилинъ Вѣгнера, желѣзный гематоксилинъ (по способу Heidenhain'a), карминъ (амміачный борокарминъ) Hamalaun, Safranin, Фуксинъ. Изъ диффузныхъ красокъ—эозинъ (водный растворъ $\frac{1}{2}$: 500), пикриновую кислоту; а изъ сложныхъ красокъ примѣнялъ способъ Van Gieson'a или Ernst'a и пикроиндигокарминъ. При окраскѣ ядеръ Safranin'омъ съ дополнительной окраской пикроиндигокарминомъ получалась очень изящная картина.

Въ виду того, что фиксация свѣжихъ кусковъ въ растворахъ осміевои кислоты и Флемминговской жидкости дала мнѣ очень неравномѣрную окраску жира, не смотря на очень тонкіе кусочки, я, слѣдуя методу испытанному Константиновичемъ, клалъ сначала препараты для фиксаціи въ смѣсь формалина съ хромовой кислотой

на 1—3 дня и, послѣ промывки ихъ въ текучей водѣ (6 часовъ), выдерживалъ ихъ въ крѣпкой Флемминговской жидкости 4—6 дней. (15 к. сант. 1% хромовой кислоты, 2—4 к. сант. 2% осміевои кислоты и 1 к. сант. концентрированной кислоты). Такимъ образомъ получалъ я препараты (толщиною въ 2—3 *mlm.*), насквозь пропитанные осміевои кислотой. Кстати замѣчу, что въ Кіевскомъ Патолого-Анатомическомъ Институтѣ, даже послѣ годичнаго пребыванія препаратовъ въ формалинѣ съ хромовой кислотой и послѣ обработки ихъ Флемминговской жидкостью или окрашиванія Sudan'омъ, препараты прекрасно окрашивались и жиръ оставался безъ измѣненія. Кромѣ того при такомъ методѣ я никогда не замѣчалъ въ своихъ препаратахъ какихъ-либо осадковъ.

Препараты заключались мною въ целлюидинъ, а не въ парафинъ, такъ какъ послѣдній всегда извлекаетъ часть осмированного жира. Затѣмъ, при помощи салазочнаго микротомы, я производилъ срѣзы (въ 3—7 μ) и окрашивалъ ихъ гематоксилиномъ Böhmer или воднымъ растворомъ Safranina, для болѣе точнаго опредѣленія топографическаго расположенія жира.

Что касается самого дѣйствія осміевои кислоты, то по мнѣнію Starke* почернѣніе препаратовъ бываетъ, во-первыхъ Fettosmium reduction отъ соприкосновенія осміевои кислоты съ редуцирующими веществами, т. е. съ олеиновой кислотой, и во-вторыхъ—Alcoholosmium reduction отъ лежанія препарата въ спиртѣ въ присутствіи стеариновой и пальметиновой кислоты. Sata* того мнѣнія, что кромѣ жира осміевая кислота окрашиваетъ и специфическій бѣлокъ. Daddi* пишетъ, что отъ нея окрашиваются и другія вещества. Константиновичъ, сравнивая препараты, окрашенные осміемъ и Sudan'омъ, отвергаетъ мнѣніе Sata и Daddi.

Изъ другихъ красокъ Daddi предлагать окрашивать жиръ Sudan'омъ III, но, какъ впоследствии оказалось, онъ не окрашиваетъ пальметиновую и стеариновую кислоты (Rieder* и Handverk*). Herxheimer* совѣтуетъ окрашивать жиръ Scharlach-roth'омъ по слѣдующему рецепту: смѣсь изъ 70 к. с. Alcohol. abs.: 20 к. с. ѣдкаго натра 10%; 10 к. с. Aquae destil. насыщаютъ Scharlach-roth'омъ. Большія капли красятся черезъ 1', маленькія—черезъ часъ.

Неудобство этого метода заключается въ томъ, что эта окраска даетъ осадокъ, который маскируетъ картину топографіи жира. Traina, во избѣжаніе осадка, совѣтуетъ поступать слѣдующимъ образомъ:

въ 70% алкохолѣ растворяется Scharlach до насыщѣнія. Бутылка ставится въ термостатъ при +40°, на 15 дней, и передъ употребленіемъ каждый разъ нужно фильтровать краску и закрывать бутылку пробкой. Послѣ окраски препарата этой смѣсью, его нужно перенести въ Syropus laevulosae или глицеринъ. Такой способъ окраски имѣетъ свои неудобства, ибо препаратъ можетъ сохраняться только 4 мѣсяца и маленькія капельки жира плохо окрашиваются. По этому Traina совѣтуетъ употреблять для окраски жира комбинацію красокъ—осміевую кислоту, а затѣмъ Scharlach, т. е. надо класть препараты сначала въ осмію и послѣ, сдѣлавъ срѣзы на замораживающемъ микротомѣ окрашивать Scharlach'омъ. Недостатокъ окраски Sudan'омъ и Scharlach roth'омъ заключается въ томъ, что хотя она и даетъ очень красивую картину (желтый и малиново-красный цвѣтъ), однако, при примѣненіи ея на свѣжихъ препаратахъ и полученіи срѣзовъ на замораживающемъ микротомѣ, отдѣльныя капельки жира могутъ сдвинуться и такимъ образомъ измѣнится ихъ настоящее топографическое расположеніе.

На основаніи вышесказаннаго, я опредѣлялъ расположеніе жировыхъ капелекъ въ своихъ препаратахъ, окрашивая ихъ осміемъ.

Протоколъ вскрытій.

Трупы котовъ № 1 и № 2 представляютъ рѣзкіе признаки истощенія, а именно: шерсть на нихъ держалась слабо, если пробовали ее выдергивать. Подкожная жировая клѣтчатка у кота № 1 отсутствовала вполне, у кота же № 2 было замѣтно еще нѣкоторое количество ея.

Полость черепа и позвоночника.

Твердая оболочка головного и спинного мозга имѣла блѣдный и блестящій видъ. Консистенція бѣлаго и сѣраго вещества мозга тѣстовата съ влажно-блестящимъ отгѣнкомъ на разрѣзѣ; мозговые желудочки содержали умеренное количество прозрачной жидкости. Сѣрое вещество очень рельефно выступало на бѣломъ фонѣ.

Полость груди.

Въ полости плевры и около сердечной сумки замѣчается самое ничтожное количество прозрачной жидкости. При вскрытіи грудной клѣтки легкія спались хорошо. Величина ихъ нормальна, въ верх-

нихъ частяхъ они анемичны, въ нижнихъ—нѣсколько гиперемичны, въ общемъ однако цвѣтъ ихъ синевато-розовый.

Сердца котовъ какъ будто уменьшены въ объемѣ, дряблы, вялы; въ бороздахъ жиръ почти отсутствуетъ. Мускулатура сердца у кота № 1 мутновата и блѣдна и имѣетъ нѣсколько желтоватый оттѣнокъ. Клапаны нормальны. Въ правомъ желудочкѣ было незначительное количество темной жидкой крови. Отверстія венъ нормальны. *Intima aortae* гладка, причемъ у кота № 1 съ желтоватымъ, а мѣстами съ блестящимъ оттѣнкомъ. Бронхіальныя железы пигментированы. *Thyreoideae* никакихъ отклоненій отъ нормы не представляли.

Полость живота.

Въ самой полости живота скопленія жидкости не наблюдалось.

Селезенка котовъ № 1 и № 2 дрябла, сильно уменьшена въ объемѣ, почти что вдвое противъ нормы; цвѣтъ ея краснобурый; на разрѣзахъ очень ясно выступаютъ трабекулы и Мальпигіевы тѣльца, послѣднія въ видѣ сѣроватыхъ зеренъ. Пульпа довольно рыхла и легко соскабливается скальпелемъ. Сальникъ и брызжейка безъ жира, отечны. Печень также сильно уменьшена въ объемѣ, дрябла; серозный покровъ ея безъ измѣненій. Изъ-подъ ниже-передняго его края выступаетъ желчный пузырь, сильно наполненный густой, тѣмно-зеленой желчью. Мѣстами ткань печени мутна. Кишки содержать незначительное количество каловыхъ массъ и производили впечатлѣніе какъ-бы сморщенныхъ. Слизистая оболочка желудочно-кишечнаго тракта отличается блѣдностью и сухостью. *Pancreas* нѣсколько уменьшена. У кота № 1 жировая клѣтчатка, окружающая почки, отсутствовала, у кота-же № 2 нѣкоторое количество ея сохранилось. Поверхность почекъ гладка съ сильно инъецированными венами; капсула снимается легко; консистенція почекъ нѣсколько дрябла. На разрѣзѣ видно рѣзкое отграниченіе корковаго слоя отъ медулярнаго; само вещество почекъ довольно блѣдно съ сѣрымъ оттѣнкомъ. Между корковымъ и медулярнымъ слоемъ довольно ясно замѣтна синяя полоска, вѣроятно, какъ результатъ венознаго застоя. Мочевой пузырь наполненъ нѣсколько мутноватой мочей.

Органы и ткани кота № 3, убитаго при вторичномъ поднятіи азота, были похожи на органы кота № 2 и отличались только большимъ количествомъ подкожной и околопочечной жировой клѣт-

чатки; сальникъ этого кота содержалъ еще нѣкоторое количество жира.

Органы-же и ткани кота № 4 никакихъ отклоненій отъ нормы не представляли, поэтому я не буду останавливаться на подробномъ описаніи ихъ. Ниже я привожу таблицу потерь въ вѣсѣ всѣхъ изслѣдованныхъ мною котовъ.

№№ котовъ.	Число дней голоданія.	Первонач. вѣсъ въ грам.	Общая потеря въ вѣсѣ за время голоданія въ грам.	Общая потеря въ вѣсѣ за время голоданія въ %.	Вѣсъ органовъ послѣ вскрытія.						
					Печень.	Почка	Надпочечникъ.	Селезенка.	Легкія.	Яичко	Сердце.
Норма.		2800,0	—	—	112,0	27,0	2,0	6,0	23,0	4,0	18,0
Норма.		3650,0	—	—	168,0	55,0	2,0	20,0	21,0	7,0	16,0
1	28	2850,0	1470,0	51,2	38,0	13,0	—	1,0	11,0	—	5,0
2	10	1800,0	500,0	31,1	50,0	10,0	2,0	6,0	2,0	2,0	8,0
3	10	3600,0	1100,0	30,8	100,0	40,0	2,0	6,0	23,0	5,0	16,0
4	3	2600,0	2500,0	9,6	80,0	27,0	2,0	8,0	16,0	—	15,0

Изъ приведенной таблицы видно, что печень кота № 1 уменьшилась (конечно, относительно) почти втрое въ сравненіи съ печенью кота не голодавшего и имѣвшего почти тотъ-же вѣсъ, а почки уменьшились вдвое. Въ общемъ-же всѣ органы у изслѣдованныхъ мною котовъ, кромѣ надпочечниковъ и яичекъ, при остромъ голоданіи сильно упали въ вѣсѣ.

Желая посмотрѣть какое вліяніе имѣетъ паденіе вѣса органовъ и уменьшеніе ихъ объема на величину ихъ клѣточныхъ ядеръ, я произведя цѣлый рядъ послѣдовательныхъ каріометрическихъ измѣреній ядеръ пришелъ къ заключенію, что уменьшеніе органовъ и тканей безусловно ведетъ за собой и уменьшеніе клѣточныхъ ядеръ.

Послѣ макроскопическаго описанія органовъ и тканей, перейдемъ теперь къ обзору атрофическихъ измѣненій при голоданіи и топографическаго расположенія въ нихъ жира на основаніи какъ давнихъ литературы, такъ и моихъ собственныхъ препаратовъ.

Жировая ткань при голоданіи подвергается наибольшей атрофії, такъ какъ представляетъ изъ себя запасъ горючаго матеріала, изъ котораго организмъ черпаетъ свою энергію. Во время голоданія протоплазма жировой клѣтки, въ нормѣ едва замѣтная около ядра, становится все болѣе и болѣе ясною и, при высшей стадіи атрофії, превращается въ рядъ соединительно тканнихъ клѣтокъ вялаго отечнаго вида. Последнее особенно рѣзко было замѣтно у моихъ котовъ, умершихъ съ голоду. По Альбицкому во время голоданія жировая ткань атрофируется неравномѣрно; такъ, сильнѣе всего разрушается жиръ подкожной клѣтчатки, который почти весь исчезаетъ, между тѣмъ какъ около почекъ и въ сальникѣ его находится еще достаточное количество.

Carville и Bouchenfontaine у голодающихъ собакъ нашли превращеніе жировой ткани въ какую-то желатинозную массу безъ всякихъ слѣдовъ жира. По Пашутину жировая клѣтка уменьшается, причемъ большія капли жира распадаются на болѣе мелкія и въ концѣ концовъ жиръ замѣщается seröse Fettzellen. По Янчичю, уменьшеніе объема жировыхъ клѣтокъ, у голодающихъ щенятъ, зависитъ отъ исчезновенія жира. По Train'у величина жировыхъ клѣтокъ уменьшается и форма ихъ становится неправильной. Соответственно уменьшенію тѣла клѣтки увеличивается студенистая промежуточная субстанція, но всего жира ни одна клѣтка не теряетъ. Я вполне присоединяюсь къ последнему мнѣнію Train'a, такъ какъ въ сальникѣ моего кота № 1, представлявшемъ макроскопически вялый и отечный видъ, при окраскѣ его осміемъ я нашелъ достаточное количество среднихъ и маленькихъ капелекъ жира.

Селезенка, какъ органъ разрушающей лишнія красныя кровяныя тѣльца, при остромъ голоданіи быстро атрофируется, ибо организмъ при такихъ условіяхъ не нуждается въ аппаратѣ съ такой функціей, такъ какъ и безъ того эритроцитовъ образуется мало.

Константиновичъ нашелъ у голодающаго кролика селезенку какъ будто сморщенной. Мальпигіевы тѣльца видны ясно, клѣтки ruhr'y содержали бурый пигментъ, сосуды же были полнокровны.

Жировыя капельки у различныхъ животныхъ при голоданіи опять находилъ, какъ и въ нормѣ въ крупныхъ клѣткахъ ruhr'y и въ эндотеліи капилляровъ.

У взрослых же котовъ жировыхъ капелекъ въ селезенкѣ онѣ не наблюдались.

Я тоже никогда не могъ обнаружить ихъ у своихъ пяти котовъ, какъ въ нормѣ, такъ и при голоданіи. Что касается объема селезенки, то онѣ рѣзко уменьшался, теряя въ то-же время конечно и вѣсъ. Такъ, у кота № 1 она потеряла 83,3% первоначальнаго вѣса, у кота № 3—70%. Само уменьшеніе органа зависитъ отъ уменьшенія элементовъ пульпы. Трабекулы никакого участія въ этомъ не принимаютъ. Подъ микроскопомъ такая селезенка кажется какъ будто состоящей изъ однѣхъ трабекулъ, такъ близко онѣ расположены другъ къ другу и не смотря на то, что селезенка котовъ и въ нормѣ содержитъ очень много ихъ, я, сравнивая нормальную селезенку съ селезенкой котовъ умершихъ отъ голода, нашелъ рѣзкую разницу въ ихъ расположеніи. Мальпигіевы тѣльца также уменьшены въ объемѣ и тоже прилежатъ очень близко другъ къ другу. Что касается капилляровъ пульпы, то мѣстами они расширены и заполнены кровью. Измѣряя лимфондыя клѣтки Мальпигіевыхъ тѣлецъ, я получилъ слѣдующіе ряды Гальтона.

	2,1—2,8 μ .	2,8—3,5 μ .	3,5—4,2 μ .	4,2—4,9 μ .	4,9—5,6 μ .	5,6—6,3 μ .
Норма	3	38	18	35	1	5
Перв. пад. азот.	9	57	19	13	2	—
Втор. подн. азот.	12	70	12	6	—	—
Смерть	14	57	20	9	—	—

Печень есть органъ, перерабатывающій пищевые матеріалы въ вещества, способныя ассимилироваться тканями. При голоданіи, когда пищевыхъ матеріаловъ въ организмъ больше уже не поступаетъ, она становится не столь нужной и довольно скоро атрофируется.

Манассеинъ говоритъ, что въ печени явленія атрофіи гнѣздятся въ отдѣльныхъ фокусахъ, не поражая ея сплошь, такъ что, рядомъ съ полнымъ распадомъ клѣтокъ, можно найти участки, на видъ совершенно нормальные; причемъ, по его измѣреніямъ, са-

мый большой поперечникъ клѣтокъ уменьшается на 60%. Левъ Поповъ* наблюдалъ атрофію и прогрессивныя измѣненія въ клѣткахъ и стромѣ печени у человѣка и животныхъ, умершихъ съ голода, а также скопленіе пигмента съ обозначеніемъ желчныхъ ходовъ внутри клѣтокъ и геморрагій. Gaglio*, кромѣ атрофическихъ и дегенеративныхъ процессовъ въ печени у голодающихъ лягушекъ, нашелъ увеличеніе интерлобулярной и периваскулярной соединительной ткани, въ особенности въ развѣтвленіи v. portae; кромѣ того онъ отмѣчаетъ и циррозъ ел. Morigno* даетъ намъ слѣдующую картину измѣненій печени у голодающихъ кроликовъ: объемъ ея уменьшается, край заостряется, паренхима блѣднѣетъ, въсѣ въ сравненіи съ первоначальнымъ уменьшается на 47%. Сами клѣтки уменьшаются, очертанія ихъ дѣлаются не такъ ясны, а протоплазма менѣе зернистой. Ядра остаются безъ измѣненій и хорошо окрашиваются. Циррозъ онъ отрицаетъ, а геморрагій видѣлъ только одинъ разъ. У его-же голубей объемъ печеночной клѣтки уменьшился при голоданіи на 31%.

Охотинъ отмѣчаетъ у своихъ животныхъ, потерявшихъ 30—36% первоначальнаго вѣса, кромѣ ясной атрофіи всѣхъ органовъ ихъ бѣловое, зернистое жировое и гіалиновое перерожденіе, а также гибель самихъ клѣтокъ съ ихъ ядрами и увеличеніе соединительной ткани. Соен* наблюдалъ у голодающихъ кроликовъ воспаленіе печени, пролиферацію ея оболочки, а также атрофію и бѣловое перерожденіе.

Очень интересны данныя работъ Лукьянова и его учениковъ (Лондонъ, Бруннеръ, Довнарловичъ, Лазаревъ, Окинчицъ, Араповъ), которые произвели цѣлый рядъ измѣреній печеночныхъ ядеръ при всевозможныхъ формахъ голоданія. Они нашли, что при жировой діетѣ ядра теряютъ 6,5%, при бѣлковой 22%, при пептонной 26,5%, при сахарной 19,5%, при полномъ голоданіи 44,6%. Значитъ величина ядеръ по сравненію съ нормою уменьшается въ слѣдующемъ порядкѣ. Наименьшая потеря приходится на жировую діету, а наибольшая на полное голоданіе. Объясняетъ Лукьяновъ этотъ фактъ тѣмъ, что ядра для своего питанія захватываютъ изъ прилежающаго къ нимъ пищевого матеріала, главнымъ образомъ жиръ и бѣлокъ, меньше всего углеводы. Поэтому-то и неудивительно, что клѣтка при жировой діетѣ иногда немножко увеличивается. Изъ этого Лукьяновъ заключаетъ, что ядро въ клѣткѣ обладаетъ извѣстной са-

мостоятельностью и ведет самостоятельную жизнь. Оно представляется изъ себя какъ-бы органъ въ клѣточномъ организмѣ. Кромѣ того Лукьяновъ думаетъ, что какъ при полномъ, такъ и неполномъ голоданіи морфологическая структура ядеръ печеночныхъ клѣтокъ существенно не измѣняется.

Мнѣ кажется, что разъ ядро при остромъ голоданіи теряетъ около 50% своего первоначальнаго объема, то это не можетъ не отразиться и на его морфологической структурѣ. Если-же допустить мнѣніе Лукьянова, то чѣмъ объяснить болѣе интенсивную окраску ядеръ голодающихъ животныхъ, не смотря на то, что мои препараты красились въ одномъ и томъ-же гематоксилинѣ и одинаковое время, а также встрѣчающійся мѣстами пикнозъ печеночныхъ ядеръ? Должно быть химическая натура хроматиновой субстанціи ядеръ при голоданіи измѣняется и отъ того происходитъ диффузная ихъ окраска гематоксилиномъ. По Лазареву*—у морскихъ свинокъ, при остромъ голоданіи, потерявшихъ 20% первоначальнаго вѣса, объемъ ядра уменьшается на 8%, а при потерѣ 35% на 29,3. Константиновичъ нашель у животныхъ, погибшихъ отъ голода атрофическія измѣненія, заключающіяся въ неясности контуровъ клѣтокъ въ уменьшеніи какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ ядеръ и въ меньшей зернистости клѣточной протоплазмы. Кромѣ того онъ замѣтилъ расширение сосудовъ въ паренхиматозныхъ органахъ, вслѣдствіе наступившей атрофіи клѣтокъ. Я лично также наблюдалъ у своихъ котовъ неравномѣрную, рѣзкую атрофію въ клѣткахъ печени. Атрофія сопровождалась мутнымъ набуханіемъ, такъ какъ получалась болѣе диффузная окраска печеночныхъ ядеръ. Специфическихъ окрасокъ бѣлковаго перерожденія я не примѣнялъ, а руководился только лишь отношеніемъ клѣточныхъ ядеръ къ ихъ краскамъ.

Протоплазма нѣкоторыхъ клѣтокъ имѣла сѣтчато-зернистый видъ, а наряду съ этимъ замѣчалась гомогенизація ея. Многія клѣточные ядра были въ состояніи пикноза и имѣли зубчатую форму, а также интенсивно окрашивались гематоксилиномъ. У кота № 2 кое-гдѣ попадались фигуры дѣленія и сами атрофическіе процессы были выражены не такъ рѣзко. Самъ процессъ, какъ и у кота № 1 идетъ гнѣздами. Кромѣ того у этихъ котовъ было замѣтно мѣстами расширение мелкихъ желчныхъ капилляровъ, внутри которыхъ располагались буроватая масса желчи. У кота № 3 атрофическія явленія тѣ-же что и у котовъ № 1 и № 2. Здѣсь кромѣ пикноза пече-

ночныхъ клѣтокъ встрѣчается и пикнозъ эндотелія печеночныхъ капилляровъ, при чемъ, это состояніе ядеръ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ данномъ случаѣ эндотелій, хотя и отчетливо окрашивается ядерными красками, но всетаки нѣсколько слабѣе чѣмъ это обыкновенно замѣчается при окраскѣ самихъ печеночныхъ клѣтокъ. У кота № 4 клѣточные ядра, придавленные и отодвинутыя большимъ количествомъ жира, приняли форму полумѣсяца.

Ряды Гальтона:

	2,8—3,5 п.	3,5—4,2 п.	4,2—4,9 п.	4,9—5,6 п.	5,6—6,3 п.	6,3—7,0 п.	7,0—7,7 п.	7,7—8,4 п.	8,4—9,1 п.
Норма	—	—	11	6	5	7	27	—	4
Перв. пад. азот.	2	5	50	24	17	1	1	—	—
Втор. подн. азот.	—	6	56	33	5	—	—	—	—
Смерть	4	6	35	17	34	2	2	—	—

Прежде чѣмъ коснуться топографическаго расположенія жира въ печени голодающаго животнаго, я замѣчу, что и въ нормѣ онъ встрѣчается въ печеночныхъ клѣткахъ (въ эпителии желчныхъ протоковъ и желчнаго пузыря), на что указалъ еще Virchow* и что подтвердили многіе другіе ученые (Lereboullet., Hausmann., Veber., Kölliker., Frerichs., Rokitansky* и др.). Такъ Ostertag* находилъ мелкія капельки жира въ клѣткахъ (норма) печени у кроликовъ, собакъ, кошекъ, морскихъ свинокъ, крысъ и голубей. Platen* встрѣчалъ мелкія капельки жира у кроликовъ въ Купферовскихъ клѣткахъ, какъ при жировой инфильтраціи, такъ и дегенераціи, при отравленіи іодоформомъ. Онъ же находилъ у мертворожденныхъ дѣтей жировыя капельки не только въ самыхъ печеночныхъ клѣткахъ, но и въ межкѣлочной ткани. Chabas даетъ слѣдующую картину распредѣленія жира въ печени, какъ въ нормѣ, такъ и при голоданіи, причемъ онъ окрашивалъ жиръ осміевою кислотой.

„1) При жировой инфильтраціи печени человѣка накопленіе жира наблюдается не только въ печеночныхъ клѣткахъ, но и въ веретенообразныхъ и звѣздчатыхъ клѣткахъ Купфера.

2) Въ печени свиньи получаютъ измѣненія, аналогичныя измѣненіямъ человѣческой печени.

3) Въ печени куръ и гусей жиръ отлагается въ эндотелинъ кровеносныхъ сосудовъ и въ печеночныхъ клѣткахъ.

4) Купферовскія клѣтки у человѣка и свиньи и эндотелийъ сосудовъ у птицъ, повидимому представляютъ изъ себя постоянныя склады для жира; печеночныя же клѣтки инфильтруются жиромъ только при избыточномъ поступленіи его въ печень и уже послѣ того какъ клѣтки Купфера и эндотелийъ сосудовъ захватятъ въ себя maximum этого вещества.

5) При недостаточномъ питаніи или при низшихъ степеняхъ голоданія печеночныя клѣтки быстро обезжириваются; Купферовскія же клѣтки и эндотелийъ сосудовъ у птицъ не теряютъ жира. Они даже при болѣе высокихъ степеняхъ голоданія бываютъ пронизаны каплями жира и только при самыхъ высокихъ степеняхъ голоданія, при потерѣ въ вѣсѣ тѣла животныхъ до 40—45%, совершенно лишаются его.

6) Печеночныя клѣтки при голоданіи подвергаются сморщиванію, вакуолизациі и бѣлковой метаморфозѣ.

7) При откармливаніи же голодающихъ животныхъ жиръ прежде всего появляется въ клѣткахъ Купфера у поросятъ и эндотелии сосудовъ у птицъ.

8) Когда-же клѣтки пресыщаются жиромъ, то послѣдній начинаетъ отлагаться и въ печеночныхъ клѣткахъ.

9) Жиръ въ Купферовскихъ клѣткахъ и въ эндотелии сосудовъ представляетъ собою постоянный резервный матеріалъ, потребляемый только при высшихъ степеняхъ голоданія.

10) При откармливаніи животныхъ жиръ отлагается не только въ печени, но отчасти переносится изъ нея и въ нормальныя лимфатическія железы“. Statkewitch держится того мнѣнія, что каждая клѣтка въ началѣ голода отдаетъ крови маленькую часть своей субстанции, но спустя опредѣленное время забираетъ ее обратно. Затѣмъ уже въ первыхъ стадіяхъ онъ замѣчалъ потерю гликогена и мутное набуханіе протоплазмы клѣтокъ. Въ болѣе позднихъ стадіяхъ въ нѣкоторыхъ клѣткахъ появлялись жировыя капли, которыхъ особенно много было въ области *v. portae*. Кромѣ того онъ замѣчалъ не только дегенеративныя измѣненія клѣтокъ, но и ихъ ядерь. Въ концѣ голоданія перерождаются почти всѣ клѣтки, нѣкоторыя-же распадаются и на мѣстѣ ихъ образуются пустоты. Очертаніе клѣтокъ дѣлается яснымъ—ядра ихъ неправильной формы—

зубчаты, причѣмъ количество хроматина уменьшается, а въ самихъ адрахъ остаются какъ-бы пустоты. Жировое-же перерожденіе наступаетъ главнымъ образомъ въ железистыхъ органахъ.

Е. Соѣн* у голодающихъ кроликовъ и кошекъ отвергаетъ жировое перерожденіе.

Jones* наблюдалъ у собаки, умершей отъ голода въ печеночныхъ клѣткахъ капельки жира, а Beale* у 14-лѣтней дѣвочки.

Schultzen* нашель у 19-лѣтней дѣвицы, умершей отъ суженія пищеваго жировую дегенерацію въ печени. Blachez* наблюдалъ тоже явленіе у людей, погибшихъ отъ различнаго рода кахексін.

Parrot* находилъ жировую дегенерацію въ печени труповъ новорожденныхъ, погибшихъ отъ истощенія, а также у морскихъ свинокъ и крысъ, погибшихъ отъ голода.

Проф. Линдемманъ у собаки погибшей отъ голода нашель въ печени жировое и незначительную степень бѣлкового перерожденія.

По Константиновичу количество жировыхъ капелекъ при голоданіи у различныхъ животныхъ уменьшается по сравненію съ нормою. Это уменьшеніе количества жира заставляеть его думать, что при остромъ голоданіи мы имѣемъ дѣло съ жировой инфилтраціей, необходимой для фізіологической функціи клѣтокъ. Жировую-же дегенерацію онъ вообще отвергаетъ. Въ печени вьюна, голодавшаго 33 дня, онъ нашель уменьшеніе клѣточной протоплазмы, болѣе гомогенный видъ ея и уменьшеніе ядеръ (къ краскамъ они относились нормально). Въ периферическихъ-же частяхъ печеночныхъ клѣтокъ онъ замѣтилъ мелкія жировыя капельки, и немного большія въ эндотеліи ихъ капилляровъ. У ящерицы жиръ располагался такъ-же. У лягушки № 2-ой, голодавшей 8 мѣсяцевъ, контуры клѣтокъ слабо различались, клѣтки и ядра уменьшались и послѣднія рѣзче окрашивались. Около v. portae встрѣчались некротическіе участки, въ которыхъ ни ядеръ печеночныхъ клѣтокъ, ни даже эндотелія капилляровъ нельзя было окрасить. Расположеніе же и количество жира у лягушки было такое-же, какъ у вьюна и ящерицы. У двухъ-же кроликовъ онъ наблюдаетъ разростаніе желчныхъ протоковъ, атрофію клѣтокъ и ядеръ, причѣмъ контуры ихъ были не ясны, протоплазма гомогенизирована, ядра красились хорошо. Далѣе были замѣтны мелкія капельки жира въ протоплазмѣ и въ эндотеліи капилляровъ, а также среди соединительной ткани въ окружности v. portae и желчныхъ прото-

ковъ. У морскихъ свинокъ и мышей топографическое расположеніе жира похоже на таковое-же у кроликовъ, только у ежа въ печени онъ нашель очень мало жировыхъ капелекъ.

Traina у животныхъ, потерявшихъ 10% первоначальнаго вѣса, никакихъ измѣненій жира не нашель, у потерявшихъ же 25—30% ясно видно было, что центральныя и периферическія зоны долекъ отдали извѣстное количество жира, причемъ въ самыхъ зонахъ жира оставалось одинаковое количество. Купферовскія клѣтки по отношенію къ жиру не измѣняются, онѣ только уменьшаются нѣсколько въ объемѣ, сохраняя то же количество Альтмановскихъ granuli, что и въ нормѣ. У животныхъ же, погибшихъ отъ голода, печень микроскопически уменьшена съ желтоватымъ оттѣнкомъ. Форма Plasmosomъ кругла, какъ и въ нормѣ и количество ихъ не уменьшено. Клѣтки и ядра уменьшены. Traina говоритъ, что при этомъ больше всего теряетъ протоплазма, однако очертаніе ядра вполне правильное, и процессовъ разрушенія онъ нигдѣ не констатироваль. Кровеносные же сосуды сильно переполнены и вокругъ нихъ замѣтно болѣе усиленное развитіе соединительной ткани. Что касается жира, то, по его мнѣнію, печеночныя клѣтки теряютъ его не весь и всегда часть его остается. Поэтому то онъ склоненъ думать, что жиръ печени можно раздѣлить на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна измѣняется согласно различнымъ качествамъ принятой пищи, другая же часть его остается безъ измѣненій (физиологическая норма). У монхъ двухъ котовъ, убитыхъ для установленія нормальнаго расположенія жира въ печени, была найдена ясная картина жировой инфильтраціи, выразившая въ томъ, что эндотелиальныя клѣтки капилляровъ печени были набиты большими каплями жира. Въ самыхъ же печеночныхъ клѣткахъ были обнаружены среднія и мелкія капельки жира. Я задался цѣлью установить распределеніе жира не по потерѣ въ вѣсѣ животныхъ, какъ это опредѣляли прежніе авторы, а по кривой азота, чтобы кромѣ опредѣленія истинныхъ потерь самого организма и его организованной матеріи, найти также отношеніе къ этимъ потерямъ жировыхъ депо, и тѣмъ самымъ выяснитъ, имѣемъ ли мы дѣло въ различныхъ стадіяхъ голоданія съ жировой инфильтраціей, или жировой дегенераціей.

Въ печени, при первомъ паденіи азота въ эндотелии ея капилляровъ, я нашель жиръ въ видѣ крупныхъ круглыхъ капель, бо-

лѣе мелкія и средней величины капельки были обнаружены мною въ самыхъ печеночныхъ клѣткахъ. Дегенеративныхъ измѣненій я не нашелъ и думаю, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо организмъ въ этотъ періодъ тратитъ изъ запасныхъ депо, кромѣ углеводовъ, еще и жиры и должно быть въ этотъ моментъ происходитъ самый энергичный жировой транспортъ. При вторичномъ же поднятіи азота картина расположенія жира рѣзко измѣнилась. Въ эндотеліальныхъ клѣткахъ капилляровъ печени жира почти не оказалось и только мѣстами попадались маленькія капельки его. Чѣмъ это объяснить? Не является ли это лучшимъ подтвержденіемъ того, что при голодавіи происходитъ жировой транспортъ и что въ моментъ вторичнаго поднятія азота жировыя депо настолько истощались, что эндотеліальныя клѣтки не могутъ уже захватить больше жира? И дѣйствительно, въ этотъ моментъ организмъ уже истратилъ запасы, такъ какъ увеличенное количество азота говоритъ за распадъ самыхъ клѣтокъ, т. е. организованной матеріи ихъ бѣлка. Въ самихъ же клѣткахъ въ этотъ моментъ жировыя капельки какъ будто становятся большаго размѣра; я объясняю это тѣмъ, что послѣ передачи жира эндотеліемъ капилляровъ въ печеночныя клѣтки, въ крови количество его на столько уменьшилось, что нечего было больше захватить. Чтобы избѣгнуть ошибки въ окраскѣ жира осіемъ, я бралъ нѣсколько разъ изъ различныхъ мѣстъ печени самые тонкіе куски и клалъ во Флемминговскую жидкость и получалъ аналогичные препараты. У животныхъ, умершихъ отъ голода, въ печеночныхъ клѣткахъ я нашелъ, подобно тому, какъ и въ нормѣ, жировую инфильтрацію, причемъ жировыя капли были не такъ круглы, а болѣе расплывчаты и мѣстами какъ бы изъ нѣсколькихъ сливались, отличались большой величиной. Я думаю, что передъ смертью, когда уже всѣ запасы тѣла болѣе или менѣе утилизированы и организмъ достигъ высшей степени истощенія, то послѣдніе компоненты жира, которые еще успѣлъ захватить эндотелій капилляровъ, не могли уже быть переданы имъ въ печеночныя клѣтки, такъ какъ самъ эндотелій въ высшей степени утратилъ свои жизненныя способности. Вотъ почему, я думаю, мы и находимъ жиръ послѣ смерти голодавшихъ животныхъ въ эндотеліи ихъ сосудовъ. Въ самыхъ печеночныхъ клѣткахъ количество мелкихъ капелекъ жира было безъ измѣненій. Жирового перерожденія въ нихъ трехъ стадіяхъ я не наблюдаю, но я долженъ прибавить,

что въ этомъ отношеніи т. е. при вторичномъ повышеніи азота, я наблюдалъ только одного кота, а потому и не могу дѣлать какихъ либо окончательныхъ выводовъ.

Съ прекращеніемъ половой функціи сѣмянныя железы, хотя и не совсѣмъ, но все таки участвуютъ въ атрофіи. Эта атрофія конечно подлежитъ большимъ колебаніямъ у различной породы животныхъ. И. Симоновичъ находилъ въ клѣткахъ сѣмянныхъ железъ при полномъ голоданіи мутное набуханіе и зернистое перерожденіе, причемъ паренхиматозному перерожденію „сопутствуетъ жировое; клѣтки вакуолизируются, принимаютъ сѣтчатый видъ и въ нихъ замѣтенъ хроматолизъ, а нѣкоторыя клѣтки погибаютъ отъ простаго некробіоза“. Самые процессы распределены участками, и мѣстами попадаются сѣмянныя железы съ нормальнымъ строеніемъ. Lubarsch и Hansemann нашли жиръ въ эпителии сѣмянныхъ канальцевъ. Константиновичъ наблюдалъ въ протоплазмѣ клѣтокъ сѣмянныхъ канальцевъ жировыя капельки въ довольно большомъ количествѣ, причемъ отвергаетъ мнѣніе Симоновича, который считаетъ это явленіе жира при голоданіи жировымъ перерожденіемъ ихъ, ибо, сравнивая органы голодавшихъ животныхъ съ органами нормальныхъ, онъ не нашелъ разницы въ распределеніи жира. Въ препаратахъ моихъ котовъ жировыя капельки располагались не только въ периферическихъ частяхъ канальцевъ, но также и между самими канальцами, въ громадномъ количествѣ, причемъ въ содержаніи жира (во всѣхъ стадіяхъ голоданія) не было замѣтно между органами какой-нибудь разницы. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жира меньше, можно видѣть мелкія и средней величины капельки въ большихъ плазматическихъ клѣткахъ. Какихъ-нибудь дегенеративныхъ процессовъ во всѣхъ стадіяхъ голоданія вплоть до смерти, у своихъ котовъ я не наблюдалъ.

Измѣряя ядра сперматогоній перваго порядка, я нашелъ не рѣзко выраженную атрофію, которая въ рядахъ Гальтона представляетъ слѣдующую картину.

	4,9—5,6 μ.	5,6—6,3 μ.	6,3—7,0 μ.	7,0—7,7 μ.	7,7—8,4 μ.	8,4—9,1 μ.	9,1—9,8 μ.	9,8—10,5 μ.
Норма	—	11	21	45	3	16	—	4
Втор. подн. азот.	2	35	13	41	4	5	—	—
Смерть	—	50	15	35	—	—	—	—

Мышцы при голодавіи подвергаются довольно значительной атрофіи, которая наступаетъ потому, что животное инстинктивно старается пребывать въ покоѣ и мышечная система такимъ образомъ перестаетъ работать.

Neumann* наблюдалъ у голубей, погибшихъ отъ голода, уменьшеніе объема мышечныхъ волоконъ *m. pectoralis*.

По мнѣнію Манассейна и Охотина сильнѣе всего перерождаются при голодавіи мышцы сердца и діафрагмы. Манассейнъ даетъ намъ слѣдующую таблицу дегенеративныхъ явленій расположенную въ понижающихся степеняхъ дегенерациі: прямая мышца глаза, діафрагмы, мышцы живота, *adductores*, межреберныя, чресленные мышцы. Измѣненія въ мышцахъ, найденныя Манассейнымъ, подтвердили Carville, Bochefontaine*, Gasser* и Perls*.

А. Соколовъ* и Gaglio* наблюдали у голодающихъ лягушекъ чрезмѣрную зернистость съ исчезновеніемъ полосатости, а главнымъ образомъ такъ называемое Ценкеровское перерожденіе, причемъ Gaglio нашель, что эти зернышки носятъ бѣлковый характеръ, такъ какъ осміемъ не окрашивались. По Соколову болѣе дѣятельныя мышцы подвергались большей атрофіи, нежели мышцы туловища.

Hauey* отвергаетъ Ценкеровское перерожденіе у голодающихъ свинокъ и говоритъ, что видѣлъ только бѣлковую дегенерацию. Константиновичъ у кроликовъ наблюдалъ и то и другое, т. е. въ нѣкоторыхъ мышцахъ утонченіе самихъ волоконцевъ съ едва замѣтной исчерченностью и болѣе интенсивнымъ окрашиваніемъ ядеръ, въ нѣкоторыхъ же—набуханіе волоконъ и превращеніе саркоплазмы въ комкообразную массу, т. е. такъ называемое Ценкеровское перерожденіе. У лягушки во многихъ волокнахъ наблюдается Ценкеровское перерожденіе, а также атрофія мышцъ съ размноженіемъ мышечныхъ ядеръ. У ящерицы же замѣчается только утонченіе волоконъ и уменьшеніе ядеръ сарколеммы. Что касается жира, то, по мнѣнію такихъ выдающихся ученыхъ какъ Kölliker*, Stöhr, Böhm и Давыдовъ, такъ называемыя „интерстиціальныя зернышки“ по Böhm'у (состоятъ онѣ изъ жира или изъ лецитина), постоянно находятся въ поперечно-полосатыхъ мышцахъ. Ostertag* подтверждаетъ это, говоря, что въ мышечныхъ волокнахъ скелета (и сердца) морскихъ свинокъ даже въ нормѣ всегда встрѣчаются жировыя капельки. По Ranvier* жиръ появляется въ мышечныхъ волокнахъ, какъ результатъ ослабленнаго питанія кѣттокъ; при усиленіи же

питанія онъ исчезаетъ. Къ противоположнымъ выводамъ пришелъ Valbaum*, который нашелъ у рахитическихъ дѣтей меньшее количество жира, чѣмъ у здоровыхъ и думаетъ, что количество его зависитъ отъ дѣятельности мышцъ, а также отъ хорошаго питанія. Константиновичъ у голодающихъ животныхъ, а именно у кроликовъ и морскихъ свинокъ, только изрѣдка находилъ въ мышечныхъ волокнахъ жировыя капельки, причемъ расположеніе ихъ отличалось неравномѣрностью и онѣ обнаруживались даже тамъ, гдѣ сохранилась исчерченность. Появленіе капелекъ жира Константиновичъ считаетъ явленіемъ постояннымъ, причемъ жиръ, по его мнѣнію, находится въ мышцахъ или уже въ готовомъ видѣ, или въ видѣ своихъ компонентовъ, которые при нѣкоторыхъ условіяхъ могутъ или выпадать въ видѣ нейтральнаго жира, или же можетъ передаваться лимфой. Изъ крови жиръ не можетъ попасть въ мышцы, ибо эндотелій капилляровъ мышцъ и мозга (Высоковичъ) не отличается фагоцитарной способностью, доказательствомъ чего служитъ то обстоятельство, что въ немъ никогда жира не обнаружено. Разницы же въ расположеніи жира при голоданіи сравнительно съ нормой, Константиновичъ не замѣтилъ. Я во всѣхъ стадіяхъ голоданія не замѣчалъ жировыхъ капелекъ въ мышечныхъ волокнахъ. Въ общемъ, при голоданіи въ мышцахъ млекопитающихъ, мы встрѣчаемъ мутное набуханіе и стекловидное (Ценкеровское) перерожденіе при общихъ явленіяхъ атрофіи. Въ литературѣ встрѣчаются указанія и на жировое перерожденіе (Schultzen*, Vlachez* и др.), но я такового не замѣчалъ. Въ мышцахъ своихъ котовъ я при первомъ паденіи азота никакихъ отклоненій отъ нормы не замѣчалъ.

Мышечныя-же волокна у кота № 1 и № 2, погибшихъ отъ голоданія, были нѣсколько гомогенизированы и не совсѣмъ равномерно окрашивались. Ядра тоже не совсѣмъ одинаково относились къ окраскѣ. Встрѣчались мышечныя волокна, въ которыхъ видна нѣжная продольная полосчатость. Возлѣ этихъ волоконъ замѣчалось увеличенное количество ядеръ сарколеммы. Эти ядра располагались небольшими группами и имѣли сочный видъ.

Въ мышцахъ (m. pectoralis) кота № 3 встрѣчались волокна, потерявшія поперечную исчерченность и правильность своихъ контуровъ. По ходу этихъ волоконъ замѣчается рѣзкое размноженіе

ядеръ сарколеммы. Капилляры въ этихъ мѣстахъ нѣсколько расширены и заполнены кровью.

Что касается жировыхъ капелекъ, то онѣ встрѣчаются у всѣхъ котовъ въ клѣтчаткѣ между мышечными волокнами. Сама атрофія выражена мною въ рядахъ Гальтона.

	2,1—2,8 п.	2,8—3,5 п.	3,5—4,2 п.	4,2—4,9 п.	4,9—5,6 п.	5,6—6,3 п.	6,3—7,0 п.	7,0—7,7 п.	7,7—8,4 п.	8,4—9,1 п.
Норма	2	18	22	31	20	6	1	—	—	—
Вторичное подн. азот.	3	7	26	16	18	12	7	4	6	1
Смерть	4	33	34	18	8	3	—	—	—	—

Кровь, какъ болѣе важная составная часть организма, сохраняется при голоданіи дольше. По изслѣдованіямъ Schultza*, Манассенна, а впоследствии Jonesa*, многія изъ красныхъ кровяныхъ тѣлецъ при голоданіи становятся какъ-бы зазубрены и шиноваты. Каганъ въ первые дни голоданія у собаки не замѣчалъ особенныхъ отклоненій отъ нормы, между тѣмъ какъ въ средній періодъ голоданія многіе эритроциты по периферіи были какъ-бы зазубрены и уменьшались, въ самые же послѣдніе дни почти всѣ эритроциты были звѣздчаты, а также превалировали въ числѣ микроцитовъ. Число красныхъ кровяныхъ тѣлецъ при голоданіи возрастаетъ, по всей вѣроятности, отъ того, что убываетъ кровяная плазма (W. Müller*, Buntzen*). У собаки Hayem'a*, умершей на 25-тый день голоданія, онъ до 16 дня замѣчалъ возрастаніе количества эритроцитовъ (съ 4,2 милл. до 5,5 милл.) затѣмъ эритроциты нѣсколько убывали, но въ концѣ жизни было ихъ больше (4,8 милл.) чѣмъ въ первый день. Число же гематобластовъ во время голоданія прогрессивно уменьшалось. Каганъ, Collard de-Martigny* и H. Nasse* доказали, что въ различныя стадіи голоданія повышается плотность составныхъ частей крови, именно бѣлка. Gaglio* у лягушки, послѣ 1½ годового голоданія, не нашелъ измѣненій въ отношеніи между форменными элементами крови. Что касается бѣлыхъ тѣлецъ, то, по изслѣдованіямъ (Neumann*, Donders*, Moleschott*) количество ихъ въ началѣ голоданія уменьшается, а потомъ наро-

стаетъ, по Манассеину-же увеличивается, по изслѣдованіямъ Erba, Naum'a, число ихъ остается безъ измѣненія.

По Ускову* въ первой стадіи голоданія у человѣка замѣчается уменьшеніе количества бѣлыхъ шариковъ. Любомудровъ же наблюдаетъ въ первую половину голоданія наростаніе эритроцитовъ, причемъ въ среднихъ и въ позднихъ періодахъ количество макроцитовъ хотя и увеличивается, но въ меньшей степени. Бѣлые шарики въ первую половину голоданія падаютъ въ числѣ, но потомъ опять нарастаютъ. Изъ разныхъ видовъ бѣлыхъ шариковъ рѣзче всего падаютъ въ числѣ лимфоциты. Одноядерные лейкоциты колеблются въ числѣ, то нарастая, то падая, однако они держались всетаки выше всѣхъ другихъ видовъ бѣлыхъ шариковъ. Многоядерные только въ началѣ рѣзко падаютъ, а потомъ быстро нарастаютъ. Количество эозинофиловъ увеличивается особенно въ среднихъ стадіяхъ голоданія.

По моей просьбѣ д-ръ В. В. Виноградовъ изслѣдовалъ кровь у голодающаго кота, и въ первую треть голоданія число кровяныхъ тѣлецъ равнялось въ 1 куб. мм. 6,950,000, бѣлыхъ-же было 10,000, въ послѣднюю же треть число эритроцитовъ равнялось 8,000,000, бѣлыхъ—5,400, т. е. количество красныхъ тѣлецъ подѣ конецъ голоданія возросло, бѣлыхъ же уменьшилось. Никакихъ морфологическихъ измѣненій элементовъ крови при этомъ не наблюдалось. Кстати замѣчу, что Е. С. Окунчыцъ, работавшій въ лабораторіи проф. Лукьянова, нашелъ, что при полномъ голоданіи относительное количество лимфоцитовъ и шариковъ съ полиморфными ядрами убываетъ, количество-же эозинофиловъ и большихъ круглоядерныхъ элементовъ прибываетъ.

Почки, какъ очень важные органы, сохраняются при голоданіи дольше. По Охотину, у животныхъ, потерявшихъ 10—15% своего первоначальнаго вѣса, измѣненія въ почкахъ очень незначительны. При потерѣ-же 30—36% замѣчалось мутное набуханіе и исчезновеніе жира изъ эпителия мочевыхъ канальцевъ. Поповъ* нашелъ у человѣка, умершаго отъ голода (Pylorus stenosis), наряду съ атрофіей, помутнѣніе и пролиферацію эпителия. По наблюденіямъ Щастнаго* у человѣка (психозъ), голодавшаго 35 дней, въ эпителии канальцевъ было найдено мутное набуханіе, зернистое перерожденіе, а въ самыхъ канальцахъ гіалиновые цилиндры. Лукьяновъ нашелъ у животныхъ, потерявшихъ 28% первоначальнаго вѣса, уменьшеніе

ядеръ почки на 23,03%, причеъ, сравнивая ихъ съ печенью, находить, что почки болѣе стойки къ голоду. Константиновичъ у голодающихъ кроликовъ наблюдалъ атрофію клѣтокъ съ расширеніемъ межканальцевыхъ капилляровъ. Въ нѣкоторыхъ канальцахъ были гіалиновые цилиндры, протоплазма клѣтокъ немного гомогенизирована, ядра окрашивались удовлетворительно. Статкевичъ нашель при голоданіи въ извитыхъ канальцахъ паренхиматозное перерожденіе. Въ эпителии Неп'евскихъ петель было замѣтно исчезновеніе жира, въ эпителии-же прямыхъ канальцевъ измѣненіи найдено было мало. Кромѣ того, по его мнѣнію, количество жира при болѣе позднихъ стадіяхъ голоданія увеличивается. Самые же атрофическіе процессы у котовъ и собакъ рѣзче выражены, чѣмъ у кроликовъ и морскихъ свинокъ. Атрофическіе процессы и я наблюдаю у своихъ котовъ, причеъ у котовъ № 1 и № 2 протоплазма клѣтокъ была набухшая, зернистая. Многія ядра слабо окрашивались и были неправильной формы. Мѣстами, но рѣдко встрѣчался пикнозъ ядеръ. У кота № 3 также замѣчалось мутное набуханіе протоплазмы и въ нѣкоторыхъ клѣткахъ—явленіе пикноза ядеръ. Клубочки нѣсколько сжаты и тѣсно прилежать къ Баумановской капсулѣ.

У кота № 4 въ нѣкоторыхъ извитыхъ канальцахъ протоплазма сѣтчато-зернистая, въ другихъ же мѣстами какъ бы гомогенизирована.

Сама атрофія выражена мною въ слѣдующей таблицѣ, изображенной схематично въ рядахъ Гальтона.

Извитые канальцы.

	2,8—3,5 п.	3,5—4,2 п.	4,2—4,9 п.	4,9—5,6 п.	5,6—6,3 п.
Норма	2	11	49	34	4
Первое паденіе азота .	2	19	61	17	1
Вторич. поднятіе азота .	9	23	63	5	—
Смерть	2	18	66	14	—

Прямые каналы.

	2,1—2,8 μ .	2,8—3,5 μ .	3,5—4,2 μ .	4,2—4,9 μ .	4,9—5,6 μ .	5,6—6,3 μ .	6,3—7,0 μ .
Норма	—	—	15	49	23	13	—
Первое падение азота	—	3	22	48	16	10	1
Вторич. поднятие азота	—	3	17	51	23	6	—
Смерть	1	27	36	35	1	—	—

Манассеинъ всегда наблюдалъ въ эпителии почекъ дегенеративныя измѣненія, отъ мутнаго набуханія до полнаго разрушенія, „такъ что каналы представлялись въ видѣ трубочекъ, наполненныхъ жировыми каплями весьма различной величины, а нѣкоторыя и совершенно спались“. Мальпигіевы клубочки были почти всегда переполнены кровью; кромѣ того замѣчался незначительный циррозъ.

Лукьяновъ, измѣряя ядра правыхъ почекъ, нашелъ, что при потерѣ 28,1% первоначальнаго вѣса продольный и поперечный диаметры уменьшаются противъ нормы на 8,47% и 8,21%.

Изъ гистологовъ Kölliker и Лавдовскій указываютъ на присутствіе жировыхъ капелекъ, какъ на постоянное явленіе въ эпителии мочевыхъ канальцевъ (по Kölliker'у въ базальной части). Шахова* нашла жиръ во всѣхъ отдѣлахъ канальцевъ; исключеніе представляли нисходящія части Генлевской петли и части соединяющія каналы, въ восходящихъ-же частяхъ жиръ находится только у новорожденныхъ. Изъ авторовъ, находившихъ жиръ въ почкахъ здоровыхъ животныхъ, можно назвать: Rokitanski*, Gluge*, Foister*, Rosenstein*, Vulpian*, Frerichs*, Ostertag*, Perl*, Forsbach*, Strassman*. Линдеманъ (у нормальныхъ лягушекъ) и др. Hansemann* находилъ у кошекъ въ почкахъ много жира, и присутствіе его считалъ физиологическимъ явленіемъ; у собакъ-же онъ находилъ жиръ или въ коркѣ или въ мозговомъ слое или въ Генлевскихъ петляхъ. Присутствіе жира Hansemann считаетъ жировой инфильтраціей, а не жировой дегенерацией, ибо послѣ извлечения его, ядра кѣтокъ мочевыхъ канальцевъ и клубочковъ были безъ измѣненій.

Константиновичъ въ эпителии мочевыхъ канальцевъ, а у котовъ въ извитыхъ и прямыхъ, нашель у многихъ здоровыхъ животныхъ среднія и мелкія жировыя капельки. Въ почкѣ голодающей лягушки онъ обнаружилъ въ ничтожномъ количествѣ мелкія жировыя капельки, которыя размѣщались въ эпителии канальцевъ въ базальной его части, и кое-гдѣ въ эндотелии межканальцевыхъ капилляровъ, въ капиллярахъ-же клубочковъ ихъ было очень мало. Константиновичъ объясняетъ присутствіе жира въ мочевыхъ канальцахъ переходомъ жира „изъ крови черезъ стѣнки капилляровъ клубочковъ въ канальцы, а оттуда въ эпителий“, на томъ основаніи, что мелко-раздробленный жиръ, вводимый въ кровяное русло, появляется въ мочѣ „въ противоположность твердымъ мелкозернистымъ веществамъ онъ способенъ довольно легко проходить черезъ стѣнки капилляровъ клубочковъ“. Другимъ путемъ трудно объяснить появленіе его въ эпителии канальцевъ хотя бы потому, что „эндотелий межканальцевыхъ капилляровъ отдѣляется отъ почечнаго эпителия нѣкоторымъ количествомъ промежуточной ткани, а также и мембрана propria этихъ канальцевъ. Поэтому въ такихъ органахъ трудно предположить тотъ-же механизмъ захватыванія жира эндотелиемъ капилляровъ изъ крови и передачу его клѣткамъ паренхимы, что и въ другихъ органахъ“.

По Traina жировыя капли въ почкѣ кролика находятся не только въ свѣтломъ эпителии, но и въ петляхъ Henle, причемъ въ свѣтломъ ихъ больше, чѣмъ въ темномъ эпителии. Величина этихъ капель варьируетъ—самыя маленькія равняются клѣточной гранулѣ, самыя большія въ 3—4 раза больше первыхъ. Располагаются онѣ въ большинствѣ случаевъ въ базальной части клѣтокъ. Въ общемъ у здоровыхъ животныхъ въ протоплазмѣ ихъ клѣтокъ онѣ всегда встрѣчаль жировыя капельки. У голодающихъ кроликовъ Traina находилъ жировыя капли безъ измѣненій. Объемъ клѣтки, а равно ядра и ядрышка уменьшаются. Альтмановскія гранулы лежатъ ближе другъ къ другу и общее количество ихъ уменьшено. Я у своихъ котовъ въ нормѣ нашель мелкія и среднія жировыя капельки въ эпителии какъ извитыхъ (базальной части), такъ и прямыхъ канальцевъ, а также въ эндотелии капилляровъ. Кромѣ того по сравненію съ нормою количество жира въ эпителии нѣсколько уменьшилось. Жировой дегенерации не было обнаружено.

Barbera и Ricci* у голодающих животных в коркѣ находили многоугольныя клѣтки съ неровными сторонами и притупленными углами. Клѣточная протоплазма ихъ была уменьшена и ядро занимало почти всю клѣтку. Хроматиновая же субстанція его окрашивалась диффузно. Въ периферіи корки клѣтки были какъ будто отдѣлены другъ отъ друга. Въ мозговомъ слоѣ протоплазма и ядро, хотя и уменьшились въ объемѣ, но не такъ, какъ въ коркѣ, причемъ самыя клѣтки не были отдѣлены другъ отъ друга. Значительное измѣненіе корки, въ сравненіи съ мозговой субстанціей, зависить отъ различнаго эмбриональнаго происхожденія и различной ихъ функціи, именно одна секреторная, другая же нервная. Bazzucini и Veretta* наблюдали у животныхъ, во время зимней спячки, мутное набуханіе, въ особенности зоны fascicularis и мозговой субстанціи, а также уменьшеніе жира. У здоровыхъ животныхъ Stöhr, Бѣмъ и Давыдовъ только иногда находили въ корковомъ слоѣ жировыя капельки. Kölliker и Kaufmann* отрицаютъ присутствіе ихъ въ клѣткахъ поверхностнаго слоя корки, а только „In der mittleren Rindenschichte“ находили капли жира въ большомъ количествѣ. По Лукьянову и Овсянникову протоплазма железистыхъ клѣтокъ содержитъ будто-бы жиръ, въ среднемъ-же слоѣ корки происходитъ жировое перерожденіе. Константиновичъ также находилъ у здоровыхъ животныхъ въ надпочечникѣ много жира; у голодающихъ же кроликовъ, морскихъ свинокъ и мышей мелкія и средней величины жировыя капельки находились въ большомъ количествѣ въ глубокихъ частяхъ корки, въ поверхностныхъ-же мало. Разницы же въ количествѣ жира, находящагося въ надпочечникахъ у голодающихъ и здоровыхъ животныхъ, онъ не замѣчалъ. Постоянное содержаніе жира въ надпочечникахъ и непостоянное содержаніе его въ эндотелии капилляровъ заставляютъ, по его словамъ, смотрѣть на присутствіе жира не какъ на отложеніе его путемъ транспорта, а какъ на необходимую для нормальной функціи надпочечниковъ составную часть его клѣтокъ.

Самыя клѣтки голодающихъ кроликовъ хорошо окрашиваются, но ряды железистыхъ трубочекъ не выступаютъ такъ ясно, какъ въ нормѣ, т. е. контуры клѣтокъ не ясны. Кровеносныя сосуды въ центральныхъ частяхъ надпочечника переполнены кровью. Въ корковомъ слоѣ надпочечника, какъ у здоровыхъ котовъ, такъ и у голодающихъ, я замѣчалъ большое количество жира. Особенной же

разницы въ количествѣ жира у животныхъ голодавшихъ въ сравненіи съ нормальными я не наблюдаю. Жировой дегенерациі у ко- товъ, погибшихъ отъ голода, я не видалъ, ибо ядра коркового слоя хорошо красились. Самыя клѣтки и ихъ ядра, по сравненіи съ нормою, были уменьшены, причемъ въ корковомъ слое больше, чѣмъ въ мозговомъ. Атрофическіе процессы, изображенныя мною въ рядахъ Гальтона, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

	3,5—4,2 μ.	4,2—4,9 μ.	4,9—5,6 μ.	5,6—6,3 μ.	6,3—7,0 μ.	7,0—7,7 μ.	7,7—8,4 μ.	8,4—9,1 μ.
Норма	—	—	—	19	21	58	—	2
Перв. пад. азот.	—	2	9	56	23	10	—	—
Втор. подн. азот	—	—	2	26	33	38	1	—
Смерть	5	36	31	23	5	—	—	—

Кожа атрофируется слабо, такъ какъ состоитъ она изъ инертной соединительной ткани. У ящерицы, голодавшей 6 дней, Константиновичъ нашелъ утонченнымъ не только основной и Мальпигіевъ слой, но и слой пигментныхъ клѣтокъ. на видѣ, быть болѣе узкій, чѣмъ въ нормѣ.

Кишечникъ тоже состоитъ главнымъ образомъ изъ соединительной ткани и потому мало уменьшается въ вѣсѣ, но за то, эпителий кишечника, какъ и вообще элементы другихъ железъ, сильно атрофируется, такъ какъ организмъ во время голоданія не нуждается въ ихъ функціи. Жировыя капельки находятся въ кишечникѣ у молодыхъ и взрослыхъ животныхъ только во время пищеваренія, (Virchow*, Кишечскій*, Константиновичъ и мн. др.) у новорожденныхъ же жиръ во всякое время находится въ большомъ количествѣ въ эпителии ворсинокъ тонкихъ кишекъ и въ лимфатическихъ синусахъ, а между ворсинками кишекъ въ небольшомъ количествѣ. У голодающаго кролика жировыя капельки были расположены ближе къ membrana propria (Константиновичъ).

Легкія относятся къ голоду стойко и потери ихъ незначительны. По Фойту потеря первоначальнаго вѣса равняется 17,7%, общаго вѣса 0,3%.

Константиновичъ въ легкихъ у кролика, голодающаго 3 недѣли, никакихъ измѣненій не обнаружилъ, только сосуды ихъ были

рѣзко переполнены. Жира же въ альвеолярномъ эпителии у голодающихъ кроликовъ и морскихъ свинокъ онъ не обнаруживалъ.

Я лично, изслѣдуя легкія во всѣхъ стадіяхъ голодавія, никакихъ измѣненій не замѣчалъ. Въ альвеолярномъ же эпителии и въ эпителии бронховъ—жира не было. Только въ клѣтчаткѣ, сопровождавшей большаго размѣра бронхи попадались различной величины капли жира.

Поджелудочная железа, не смотря на то, что функція ея во время голодавія значительно ограничивается, подвергается сравнительно небольшимъ измѣненіямъ. По предположенію проф. Лукьянова поджелудочную железу изслѣдовали Г. Бруннеръ и А. Яроцкій, причемъ первый нашелъ, что у кроликовъ (полное голодавіе), потерявшихъ 35,3% первоначальнаго вѣса, наибольшій продольный и наибольшій поперечный діаметры клѣтки теряютъ 10,11% и 13,25% а такіе же діаметры ядра 3,09% и 6,90%.

Яроцкій же говоритъ, что у бѣлыхъ мышей, при кормленіи, средній объемъ ядра клѣтокъ pancreatis равняется 86,82 куб. м. при полномъ же голодавіи (потеря 30,6%) равняется 66,80 куб. м. Значить, убыль составляетъ 23,1%.

Въ опытахъ Константиновича у голодающаго кролика клѣтки pancreatis были уменьшены и контуры не совсѣмъ ясны; кромѣ того онъ нашелъ жировыя капельки въ немногихъ клѣткахъ железистыхъ пузырьковъ, сравнительно больше ихъ онъ нашелъ въ железистыхъ клѣткахъ голодающихъ морскихъ свинокъ и очень мелкія капельки въ клѣткахъ островковъ Langerhans'a.

Костная ткань въ вѣсѣ теряетъ мало. Указаній же на то, какія она терпитъ измѣненія при голодавіи въ морфологическомъ смыслѣ, я въ литературѣ не нашелъ.

Хрящевая ткань тоже мало теряетъ въ вѣсѣ, въ самихъ же клѣткахъ Манассениъ и Охотинъ находили неизвѣстной природы „какія-то зернышки преломляющія свѣтъ“, причемъ промежуточное вещество хряща изъ гомогеннаго дѣлалось мелкозернистымъ. (Цитир. по Пашутину).

Нервная система служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что малыя потери въ вѣсѣ какого либо органа еще не даютъ намъ права думать, что и дегенеративные процессы въ этомъ органѣ незначительны. Такъ, по наблюденіямъ Rosenbacha, строма центральной нервной системы подвергается незначительнымъ измѣненіямъ, также

относится къ голоду бѣлое вещество (Rosenbach) и первныя стволы (Carville*, Vochefontaine*, Rosenbach и А. Соколовъ). Сама нервная клѣтка при голоданіи сильно страдаетъ (Л. Поповъ*, Н. Поповъ*, Маньковскій, Охотинъ и др.), и кромѣ атрофическихъ измѣненій мы находимъ въ ней бѣлковую дегенерацию съ вакуолизациею (Rosenbach). Пашутинъ принимаетъ это измѣненіе за коагуляціонный некрозъ. Такія клѣтки имѣютъ видъ гомогенной бляшки, ядро ея чуть чуть замѣтно и едва красится ядерными красками. По наблюденіямъ Л. Попова въ одной и той-же клѣткѣ спинного мозга можно встрѣтить зернистый распадъ съ гомогенными участками. Иногда же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при голоданіи онъ встрѣчалъ разрушенныя нервныя клѣтки, замѣненныя эксудатомъ. Маньковскій кромѣ пораженія гангліозныхъ клѣтокъ отмѣчаетъ и пораженіе сосудовъ (набуханіе ядеръ эндотелія и его пролиферація). Нервныя волокна и невроглии остаются безъ измѣненія. Раздѣливъ нервныя клѣтки по категоріямъ, Rosenbach нашель, что не всѣ одинаково реагируютъ на голодъ. По его мнѣнію сильнѣе всего страдаютъ клѣтки спинно-мозговыхъ узловъ и его переднихъ роговъ; что касается клѣтокъ задняго рога, то, кромѣ мутнаго набуханія, онъ ничего больше не находилъ. По Traïna измѣненія въ спинномъ мозгу находятся въ зависимости отъ періода голоданія, жиръ, напр., никогда вполне не исчезаетъ; часть его всегда остается, но, по мѣрѣ исчезанія его, клѣтки измѣняютъ свою форму и объемъ.

Затѣмъ слѣдуетъ пораженіе клѣтокъ симпатическихъ узловъ и клѣтокъ коры мозжечка. Въ послѣднемъ случаѣ поражаются клѣтки Пуркинѣ, прогрессивно сморщиваясь и вакуолизируясь. Мозговая кора подвергается незначительнымъ измѣненіямъ, и Rosenbach'у стоило очень много труда найти хотя бы слабыя признаки мутнаго набуханія. Еще труднѣе было найти вакуолизацию и коагуляціонный некрозъ въ пирамидальныхъ многоугольныхъ и веретенообразныхъ клѣткахъ корки. Психомоторныя центры слабо поражаются, хотя иногда Rosenbach наблюдалъ въ нихъ разрушеніе мелкихъ пирамидальныхъ клѣтокъ. Круглыя нервныя клѣтки корки поражаются сильнѣе и это пораженіе состоитъ „въ разрѣженіи протоплазмы, которая становится еще нѣжнѣе, еще прозрачнѣе, чѣмъ въ нормальномъ состояніи“. Ядра этихъ клѣтокъ оказываются менѣе устойчивыми, чѣмъ въ другихъ клѣткахъ, въ томъ смыслѣ, что въ нихъ очень часто замѣчается накопленіе зернышекъ, между тѣмъ

какъ контуры ядра сохраняются и вислолько не теряютъ своей рѣзкости“. (Цитир. по Пашутину). По обширности пораженія первое мѣсто занимаютъ спинно-мозговые узлы и передніе рога, затѣмъ слѣдуетъ мозжечекъ и наконецъ головной мозгъ. Въ послѣднемъ нервѣдко поражаются только отдѣльныя клѣтки. Неодинаковое пораженіе нервныхъ клѣтокъ въ различныхъ отдѣлахъ центральной нервной системы Rosenbach объясняетъ эмбриологическимъ развитіемъ ихъ, причеиъ при голоданіи наибольшую устойчивость обнаруживаютъ клѣтки тѣхъ центровъ, которые достигаютъ полного развитія позже другихъ, наименьшую-же тѣ, которые раньше всего развиваются“. (Цитир. по Пашутину).

Мышца сердца, по Фойту теряетъ 2,6% первоначальнаго вѣса и 0,02% общаго вѣса, причеиъ, какъ органъ до послѣдняго дня функционирующій и крайне необходимый, подвергается меньшей атрофіи, чѣмъ другіе органы и ткани. Манассеинъ, кромѣ простой атрофіи, замѣчалъ при голоданіи и глубокія дегенеративныя измѣненія въ сердцѣ, состоящія въ исчезновеніи поперечной полосатости, само-же „волокно представлялось зернистымъ, причеиъ зернистость была то очень равномерна, мелка и блѣдна, то болѣе крупная и неравномерная“. На ряду съ такими перерожденными волокнами попадались совершенно нормальныя волокна, а иногда только съ продольной исчерченностью. Больше всего перерождались мышцы лѣваго желудочка, особенно сосцевидныя, затѣмъ въ перегородкѣ, въ толщѣ праваго желудочка, а меньше всего въ ушкахъ. И. Охотинъ, провѣряя опыты Манассеина, пришелъ къ тождественнымъ выводамъ, но отрицаетъ восковидное перерожденіе, которое наблюдалъ Л. Поповъ*. Константиновичъ говоритъ, что у голодающихъ кроликовъ замѣчается утонченіе волоконъ, болѣе рѣзкое окрашивание ядеръ и отсутствіе исчерченности. По Лукьянову сердечная мышца голодающихъ голубей дрябла и безъ жировыхъ отложеній. Что касается жировыхъ капелекъ въ сердцѣ здоровыхъ животныхъ, то по Штер'у и Kölliker'у онѣ находятся въ саркоплазмѣ клѣтокъ. Ostertag* находилъ жировыя капельки въ мышечныхъ волокнахъ сердца кролика, морскихъ свинокъ и старыхъ собакъ. Hausmann* у новорожденныхъ, Aschoff* у зародыша мыши, Константиновичъ у лягушки, ящерицы, карася, щуки, фкуня, сойки, 7-дневнаго кролика, теленка, мыши, морскихъ свинокъ, собакъ, летучей мыши и коровы. У поползня кромѣ того онъ нашелъ въ протоплазмѣ эндо-

телиа кровеносныхъ капилляровъ сердца. У голодающей морской свинки онъ наблюдалъ небольшія скопленія мелкихъ жировыхъ капелекъ, у кроликовъ же и ящерицы обнаружить этого онъ не могъ. Д-ръ Константиновичъ даетъ интересное объясненіе появленію жировыхъ капелекъ въ мышцахъ сердца. По его мнѣнію эти измѣненія сопутствуютъ умиранію организма, „за это говоритъ и то, что жиръ ясно былъ найденъ въ саркоплазмѣ между мышечными волокнами, а не въ нихъ самихъ; послѣднее обстоятельство позволяетъ думать, что жиръ содержится можетъ быть, въ саркоплазмѣ мышцъ въ видѣ компонентовъ, которые даютъ нейтральное соединеніе подъ вліяніемъ вещества, освобождающагося при умираніи организма и нѣкоторыхъ другихъ состояніяхъ ткани, подобно тому, какъ это извѣстно относительно фибринъ фермента и алексиновъ“.

Нѣкоторые авторы при голоданіи наблюдали жировую дегенерицію (Манассеинъ, Любомудровъ), но Gaglio* и Eichhorst* отвергаютъ ее, признавая наличность бѣлковой дегенерации.

Въ мышцахъ сердца въ нормѣ я находилъ жиръ между волокнами; то-же явленіе наблюдалось при первомъ паденіи и вторичномъ поднятіи азота. Сами мышечныя волокна были истончены. Протоплазма мышечныхъ клѣтокъ представляла нѣжную продольную волокнистость. Ядра не одинаково относились къ окраскѣ: одни ядра окрашивались, какъ и въ нормѣ и имѣли обычную правильную форму, другіе были истончены, интенсивно окрашены, сморщены, поперечная исчерченность въ такихъ волокнахъ не замѣчалась. У кота № 3 мутное набуханіе было не такъ ясно выражено и поперечная исчерченность во многихъ мѣстахъ сохранена.

Атрофія сердца въ рядахъ Гальтона выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

	2,8—3,5 р.	3,5—4,2 р.	4,2—4,9 р.	4,9—5,6 р.	5,6—6,3 р.	6,3—7,0 р.	7,0—7,7 р.	7,7—8,4 р.	8,4—9,1 р.	9,1—9,8 р.	9,8—10,5 р.	10,5—11,2 р.	11,2—11,9 р.
Норма	—	6	14	39	17	12	5	6	1	—	—	—	—
Перв. пад. азот.	5	7	2 ²	19	7	9	6	6	12	—	1	—	—
Втор. подн. азот.	9	15	25	13	16	6	5	—	3	5	—	2	1

Дѣлая краткій выводъ всему сказанному выше, можно прійдти къ заключенію, что уменьшеніе клѣточныхъ ядеръ въ объемѣ находится въ зависимости отъ уменьшенія органовъ и тканей въ вѣсѣ и зависимость эта прямо пропорціональна т. е. чѣмъ больше уменьшается данный органъ зъ вѣсѣ, тѣмъ болѣе уменьшаются его клѣточные ядра въ объемѣ. Сравнивая далѣе таблицу потерь въ вѣсѣ при голоданіи различныхъ органовъ, составленную К. Фойтомъ и ряды Гальтона, составленные мною приблизительно для тѣхъ-же органовъ, мы видимъ, что и здѣсь наблюдается одинаковая послѣдовательность именно, что чѣмъ важнѣе данный органъ или ткань для организма, тѣмъ меньше онъ падаетъ въ вѣсѣ и тѣмъ незначительнѣе уменьшеніе діаметра его клѣточныхъ ядеръ.

Дѣлая затѣмъ краткій обзоръ наиболѣе характернымъ измѣненіямъ въ органахъ голодавшихъ котовъ, мы видимъ, что во 1) у котовъ, умершихъ отъ голода, а равно и убитыхъ въ стадіи вторичнаго повышенія выдѣленія азота, атрофія селезенки состояла въ уменьшеніи объема самого органа и въ уменьшеніи лимфоидныхъ клѣтокъ его Мальпигіевыхъ тѣлецъ, причемъ селезенка состояла почти изъ однѣхъ лишь трабекулъ—настолько близко послѣднія были расположены другъ подлѣ друга. Мальпигіевы тѣльца тоже сильно уменьшены въ объемѣ и тоже близко прилежатъ другъ къ другу. Уменьшеніе органа зависитъ отъ уменьшенія пульпы; трабекулы-же никакого участія въ этомъ уменьшеніи не принимаютъ. Мѣстами замѣтно было расширеніе капилляровъ пульпы. Жировыхъ капелекъ не было обнаружено.

Во 2) у котовъ, умершихъ отъ голода, въ печени, протоплазма нѣкоторыхъ клѣтокъ имѣла сѣтчато-зернистый видъ; на ряду-же съ этимъ мы встрѣчаемъ и гомогенизированные мѣста. Ядра нѣкоторыхъ клѣтокъ были уменьшены въ объемѣ, утратили сѣтчатое строеніе, диффузно и интенсивно окрашивались, что указываетъ на сгущеніе хроматиновой субстанціи. Эта картина повидимому подходитъ подъ опредѣленіе пикноза, данное Шмаусомъ. Такія-же измѣненія ядеръ наблюдались нами и въ эндотеліальныхъ клѣткахъ печени, правда въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ при голоданіи, заставляя насъ, въ формѣ предположенія, объяснять этотъ фактъ различными стадіями функціональнаго состоянія отдѣльныхъ эндотеліальныхъ клѣтокъ.

У кота № 2 кое-гдѣ попадались фигуры дѣленія и атрофическіе процессы не были выражены такъ рѣзко, какъ у кота № 1. Въ самихъ печеночныхъ клѣткахъ наблюдались мелкія и средней величины жировыя капельки. Въ эндотеліальныхъ клѣткахъ, какъ въ нормѣ, такъ и у животныхъ погибшихъ отъ голода наблюдалось много жира. У кота № 3 атрофическія явленія тѣ-же, что и у кота № 1 и 2, причемъ кромѣ пикноза печеночныхъ клѣтокъ былъ замѣтенъ рѣзкій пикнозъ эндотелія. Жировыя капельки средней величины попадались въ печеночныхъ клѣткахъ, въ эндотеліи-же жиръ встрѣчался очень рѣдко.

Въ 3) Въ почкѣ у котовъ, погибшихъ отъ голода и кота убитаго при вторичномъ повышеніи азота, протоплазма клѣтокъ набухшая зернистая. Многія ядра слабо окрашивались и были неправильной формы. Въ нѣкоторыхъ клѣткахъ замѣчалось явленіе пикноза ядеръ. Клубочки были сжаты и тѣсно прилежали къ Баумповской капсулѣ.

Мелкія и средней величины жировыя капельки наблюдаются постоянно въ громадномъ количествѣ въ базальной части эпителия извитыхъ канальцевъ, въ меньшемъ же количествѣ мы встрѣчали въ эпителии прямыхъ канальцевъ. Попадались также жировыя капельки въ эндотеліи капилляровъ. По сравненію съ нормою количество жира у котовъ, погибшихъ отъ голода, какъ будто нѣсколько уменьшилось.

Въ 4) въ надпочечникахъ никакихъ дегенеративныхъ процессовъ не было обнаружено. Замѣтно было только уменьшеніе клѣтокъ и ядеръ у котовъ, погибшихъ отъ голода. Жировыя капельки были найдены въ громадномъ количествѣ въ корковомъ слоѣ. Что касается количества жира, то никакой разницы во всѣхъ стадіяхъ голоданія не было замѣтно.

Въ 5) у котовъ, погибшихъ отъ голода, мышечныя волокна (*m. pectoralis*) были уменьшены въ объемѣ, нѣсколько гомогенизированы и неравномѣрно окрашивались. Ядра также были уменьшены и неодинаково относились къ окраскѣ. Поперечная исчерченность была потеряна. Около мышечныхъ волоконъ, сохранившихъ нѣжную продольную полосчатость, замѣчалось увеличенное количество ядеръ сарколеммы. У кота № 3 также встрѣчались волокна, потерявшія поперечную исчерченность и правильность своихъ контуровъ и по ходу этихъ волоконецъ замѣчалось рѣзкое размно-

женіе ядеръ сарколеммы, причемъ капилляры въ этихъ мѣстахъ были нѣсколько расширены и заполнены кровью. Жировыя капельки встрѣчались у всѣхъ котовъ въ клѣтчаткѣ между мышечными волокнами.

• Въ 6) въ яичкахъ никакихъ дегенеративныхъ процессовъ во всѣхъ стадіяхъ голоданія вплоть до смерти не наблюдалось. Что касается жировыхъ капелекъ, то онѣ въ большомъ количествѣ были обнаружены не только въ периферическихъ частяхъ канальцевъ, но также между самими канальцами, причемъ въ содержаніи жира не было замѣтно между органами какой-нибудь разницы. Въ тѣхъ-же мѣстахъ гдѣ жира меньше, можно видѣть мелкія и средней величины капельки въ большихъ плазматическихъ клѣткахъ.

Въ 7) Мышечныя волокна сердца истончены. Протоплазма клѣтокъ представляетъ нѣжную продольную волокнистость. Ядра уменьшены, неправильной формы и не одинаково относятся къ окраскѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ окрашиваются интенсивно и сморщены. Поперечная исчерченность большей частью не наблюдается. Въ клѣткахъ между мышечными волокнами попадаютъ мелкія и средней величины капельки жира.

Въ 8) количество красныхъ кровяныхъ шариковъ въ послѣднемъ стадіи голоданія повышается, а количество бѣлыхъ уменьшается.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность многоуважаемому учителю профессору Владимиру Карловичу Линдемману за предложенную тему и его цѣнное руководство при составленіи настоящаго сочиненія, а также его многоуважаемому ассистенту д-ру Константину Рудольфовичу Мирану за помощь въ работѣ и за его добрыя товарищескія отношенія.

Протоколы собственныхъ опытовъ.

Опытъ № 1-й.

Котъ № 1 (смерть отъ голоданія).

День голоданія.	Число.	Вѣсъ.	Т-га.	Количество азота.	Суточное количество мочи
0	9—II 1906 г.	2850,0	37,8	0	0
1	съ 9—10	2750,0	37,6	0	0
2	10—11	2700,0	37,1	0	0
3	11 12	2600,0	37,2	6,2	31 ctm.
4	12—13	2550,0	37,7	6,2	39 ..
5	13—14	2500,0	37,8	4,7	26 ..
6	14—15	2400,0	37	0	0 ..
7	15—16	2400,0	37,2	6,7	41 ..
8	16—17	2350,0	37,8	5,3	33 ..
9	17—18	2250,0	38	5,6	52 ..
10	18—19	2220,0	37,5	0	0 ..
11	19—20	2150,0	36,5	9,3	20 ..
12	20—21	2100,0	37,7	7,4	22 ..
13	21—22	2000,0	36,9	5,9	16 ..
14	22—23	2000,0	36,9	8,3	21 ..
15	23—24	1980,0	37,1	0	0 ..
16	24—25	1900,0	36,3	11,2	15 ..
17	25—26	1870,0	37,3	6,5	50 ..
18	26—27	1870,0	37,1	0	0 ..
19	27—28	1850,0	36,7	12,3	15 ..
20	28—I/III	1800,0	37,1	7,3	14 ..
21	1—2	1780,0	37,3	9,0	10,1 ..
22	2—3	1700,0	36,8	9,5	25 ..
23	3—4	1650,0	37,1	8,0	12 ..
24	4—5	1600,0	35,3	8,4	9 ..
25	5—6	1550,0	34,8	8,5	11 ..
26	6—7	1500,0	34,3	19,3	15 ..
27	7—8	1490,0	28	18,1	13 ..
28	8—9	1390,0	погибъ.	15,3	10 ..

въ мочевомъ
пузырѣ.

Опыт № 2-й.

Котъ № 2 (смерть отъ голоданія).						
День голоданія.	Число.	Вѣсъ.	Т-ра.	Количество азота.	Суточное количество мочи.	
0	31/xi 1906.	1800,0	37,5	0	0	
1	1—2/xii	1700,0	37,5	0	0	
2	2—3	1690,0	37,7	7,8	22 см.	
3	3—4	1670,0	37,7	6,7	20 "	Слѣды бѣлка.
4	4—5	1630,0	37,4	6,4	13 "	"
5	5—6	1560,0	37,6	9,7	22 "	"
6	6—7	1500,0	37,5	8,2	21 "	"
7	7—8	1460,0	37,7	10,7	18 "	"
8	8—9	1400,0	37,0	11,2	11 "	"
9	9—10	1320,0	35,0	16,2	28 "	"
10	10—11	1300,0	въ 10 ч. утра по-гибъ.	9,0	7 "	изъ пу-зыря.

Опыт № 3.

Котъ № 3 (при вторичномъ поднятіи азота котъ убитъ уколомъ въ продолговатый мозгъ).							
День голоданія.	Число.	Вѣсъ.	Т-ра.	Количество азота	Колич. мочи.	Количество крас. кров. шариковъ.	Количество бѣл. кров. шариковъ.
	15/i 1907.	3600,0	38,5	0	0	—	—
1	16—17	3400,0	38,4	11,0	68 см.	6,950,000	10,000
2	17—18	3300,0	37,5	0	0		
3	18—19	3150,0	38	9,8	76 "		
4	19—20	3150,0	38,5	8,0	45 "		
5	20—21	3125,0	37,5	7,2	72 "		
6	21—22	3100,0	36,5	0	0		
7	22—23	3000,0	37	11,5	132 "		
8	23—24	2800,0	37,8	12	42 "	8,000,000	5,400
9	24—25	2700,0	37,3	14,5	50 "	Съ 4 д. голод. слѣды бѣлка въ мочѣ.	
10	25—26	2600,0	35,6	убитъ укол. въ продол. мозгъ.	180 "	Слѣды бѣлка.	

Опытъ № 4.

Котъ № 4 (при первомъ паденіи азота убитъ уколомъ въ продолговатый мозгъ).						
День голоданія.	Число.	Вѣсъ.	Т-га.	Количество азота ¹⁾ .	Количество мочи.	
0	26 - 27/п	2600,0	38,5	0	0	
1	27—28	2550,0	38,5	8,2	60 ctm.	
2	28 -- 29	2500,0	38,3	7,0	30,2 "	Слѣды бѣлка. убитъ.
3	29—1/ш	2350,0	37,5		26 .	

¹⁾ Количество азота опредѣлялось приборомъ Бородина въ 10% мочъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

- Альбицкий.* О вліяніи кислороднаго голоданія на азотист. обм. вещ. въ животномъ организмѣ. Дисс. Спб. 1884.
- Бемъ и Давыдовъ.* Учебникъ гистологіи челоуѣка. Изд. 3-е. Москва. 1899.
- Фонъ-Бетлингъ.* Къ вопросу объ измѣненіи химическаго состава организма при голоданіи. Архивъ біол. наукъ, т. V, вып. 1-й. 1896.
- Хабасъ.* Къ вопросу о состояніи Купферовскихъ кѣтокъ и эндотелія кровеносныхъ сосудовъ печени при ожиреніи этого органа. Дисс. Спб. 1897.
- Каганъ.* Кровь и кровяное давленіе у голодающихъ. Дисс. 1882.
- S. von-Kahllden.* Technik der Histologischen Untersuchung Pathologisch Anatomischer Präparate 7-e vermehrte und verbesserte Auflage bearbeitet von E. Gierke. Iena. 1904.
- Константиновичъ.* Къ вопросу о жировомъ перерожденіи. Дисс. Кіевъ. 1903.
- Кульчицкій.* Техника микроскопическаго изслѣдованія. Изд. 2-е. Харьковъ. 1897.
- Кульчицкій.* Основы Гистологіи животныхъ и челоуѣка. Изд. 2-е. Харьковъ 1903.
- Lindemann.* Ueber Pathologische Fettbildung. Beitr. zur. path. Anat. und zur allgemeinen Pathologie. 1899.
- Линдеманъ.* Запѣтки изъ лекцій читанныхъ во 2-омъ полугодіи 1905 года студентамъ мед. фак.
- Линдеманъ.* О рвотѣ беременныхъ. Москва. 1893.
- Лавдовскій и Овсянниковъ.* Основанія къ изученію микроскопической анатоміи челоуѣка и животныхъ. Спб. 1887-88.
- Лукьяновъ.* Основанія общей патологіи кѣтки. Варшава 1890.
- Лукьяновъ.* О голоданіи (Рѣчи и очерки Спб. 1899).
- Лукьяновъ.* О голоданіи кѣточного ядра. (Рѣчи и очерки. Спб. 1899).

- Лукьяновъ.* О вліяніи полнаго голоданія на размѣры ядеръ почечнаго эпителія у бѣлой мыши. Архивъ біологическихъ наукъ. Спб. 1898. т. VII, вып. 1-й и 2-й.
- Любомудровъ.* Измѣненія крови и нѣкоторыхъ органовъ при голоданіи. Дисс. Спб. 1893.
- Манассеинъ.* Матеріалы для вопроса о голоданіи. Дисс. Спб. 1869.
- Маньковский.* Къ вопросу о голоданіи. (гистол. изслѣд). Дисс. Сиб. 1882.
- Немзеръ.* Къ вопросу объ отношеніи нуклеиновъ клѣточныхъ ядеръ къ голоданію. Архивъ Біологическихъ наукъ. Сиб. 1899, т. VII вып. 3-й.
- Никифоровъ.* Микроскопическая техника—пособіе при практическомъ изученіи патологической гистологіи. Изд. 6-е. Москва. 1906.
- Охотинъ.* Патолого-анатомическія измѣненія и газовой обмѣнъ у голодающихъ кроликовъ. Дисс. Спб. 1885.
- Пащутинъ.* Курсъ общей и экспериментальной Патологіи (Патол. физиологіи). Спб. 1885, т. I ч. I-я.
- Пащутинъ.* Курсъ общей и экспериментальной Патологіи (Патологической Физиологіи), Спб. 1902, т. II ч. II-я.
- Петровъ.* Къ вопросу о голоданіи. Три варіаціи одной изъ формъ т. наз. „неполнаго голоданія“. Приложение къ протокол. заздъ. Имп. В. М. Академіи Сиб. 1884.
- Повысоцкій.* Основы общей и экспериментальной Патологіи. 4-е изд. Спб. 1905.
- Посажный.* Газообмѣнъ у голодающихъ собакъ. Дисс. Сиб. 1886.
- Ribbert.* Учебникъ общей Патологіи и общ. Патол. Анатоміи. Кіевъ. 1905.
- Симоновичъ.* О патолого-анатомическихъ измѣненіяхъ сѣмянныхъ желѣзъ при полномъ и неполномъ голоданіи животныхъ и при откармливаніи Дисс. Сиб. 1896.
- Schulz.* Ueber den Fettgehalt des Blutes im Hunger. Arch. für die gesamt Physiologie. Bd. 65. 1896.
- Статкевичъ.* Ueber Veränderungen des Muskel—und Drüsengewebes, sowie der Herzganglien beim Hungern. Arch. f. experim. Pathol. und Pharmakologie. Bd. 33. 1894.
- Traina.* Ueber das Verhalten des Fettes und der Zellgranula bei chronischen Marasmus und akuten Hungerzustanden. Beiträge zur path. Anat. und zur allgemeinen Pathologie.
- Тарасевичъ.* Рѣчь на тему: О голоданіи. X създъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.
- Штёръ.* Учебникъ гистологіи и микроскопической анатоміи человѣка. Пер. подъ ред. проф. Догеля съ 8-го Нѣм. изд. съ приложе-

нїемъ измѣненїй въ текстѣ сообразно съ 9-мъ нѣм. изд. Спб. 1901.

Яроцкій. Объ измѣненїяхъ величины и строенїя клѣтокъ поджелудочной железы при нѣкоторыхъ видахъ голоданїя. Дисс. Спб. 1898.

* Трусами авторовъ фамилїи которыхъ обозначены звѣздочкой я не имѣлъ возможности пользоваться въ подлинникѣ.

Случай первичной саркомы легкаго у ребенка 1 года 9 мѣс.

Д-ра А. О. Новинскаго.

Изъ дѣтской клиники Императорскаго Университета Св. Владиміра.

Изъ злокачественныхъ новообразованій въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ извѣстно, чаще всего наблюдаются саркомы, и по этому вопросу существуетъ уже порядочная литература. Знакомаясь съ нею, можно однако замѣтить, что легкія принадлежатъ къ такимъ органамъ, въ которыхъ первичныя саркомы наблюдаются въ высшей степени рѣдко. Даже въ самыхъ обширныхъ руководствахъ по дѣтскимъ болѣзнямъ мы не находимъ описанія первичныхъ саркомъ въ дыхательныхъ органахъ, или встрѣчаемся лишь съ самыми краткими указаніями, и только въ послѣднемъ изданіи 1904 года „Traité des maladies de l'enfance“ изд. подъ редакціей J. Grancher и J. Comby, мы находимъ главу специально посвященную новообразованіямъ легкиихъ, гдѣ удѣляется мѣсто и саркомамъ. Также и въ специальныхъ статьяхъ о первичныхъ саркомахъ легкиихъ мы находимъ указанія на крайнюю рѣдкость этого заболѣванія у дѣтей. Проф. *Schech*¹⁾, описывая случаи первичной саркомы легкаго у взрослога мужчины, приводитъ литературу о 20-ти случаяхъ, изъ которыхъ, однако, только въ 17-ти діагнозъ былъ точно установленъ. Изъ числа этихъ 17-ти случаевъ на возрастъ до 3¹/₂ лѣтъ не приходится ни одного больного, на возрастъ отъ 3¹/₂ до 10¹/₂ лѣтъ 2 случая и на возрастъ отъ 10 до 20 лѣтъ тоже 2. Д-ръ *Mandrel*²⁾ собралъ всѣ

¹⁾ Primäres Lungensarcom. Deutsch. Arch. für Klin. Medicin. 1891.

²⁾ Inaug.—Diss. Basel 1895. привод. по рефер. въ Arch. f. Kinderheilkunde. 1897.

случаи саркомъ, которые наблюдались въ дѣтской больницѣ въ Базелѣ за 20 лѣтъ и не нашель между ними ни одного больного съ первичной саркомой легкаго. Проф. *Araoz Alfaro* и д-ръ *Manuel A. Santos*¹⁾ приводятъ статистику саркомъ внутреннихъ органовъ у дѣтей за послѣдніе годы въ ихъ больницѣ и на 10 наблюдавшихся ими случаевъ только въ одномъ была первичная саркома легкаго у дѣвочки 4-хъ лѣтъ. *Letailleur*²⁾ въ своей диссертациіи тоже приводитъ изъ литературы 1 случай саркомы легкаго у дѣвочки 14-ти лѣтъ. Между случаями саркомъ, наблюдавшимися въ нашей клиникѣ у дѣтей въ брюшной полости, въ *mediastinum anticum* и въ плеврѣ, первичной саркомы легкаго мы не встрѣтили ни одного разу.

Такимъ образомъ, изъ доступной мнѣ литературы оказывается, что общее число случаевъ первичной саркомы легкихъ у дѣтей не превышаетъ 4—6, а возрастъ въ наблюдавшихся случаяхъ былъ не ниже 3½ лѣтъ.

Конечно, благодаря такой рѣдкости заболѣванія, и клиническая картина болѣзни является совсѣмъ неизученной, а потому думаю, что нижеописываемый случай будетъ небезынтереснымъ. тѣмъ болѣе что по раннему возрасту онъ является чуть-ли не первымъ въ литературѣ.

Георгій К., 1 года 9 мѣсяцевъ, православный, сынъ мѣщанъ г. Кіева, поступилъ въ дѣтскую клинику Унив. Св. Владимира 18/хп 1906 года.

Изъ разспросовъ матери оказывается, что ребенокъ приблизительно съ послѣднихъ чиселъ ноября 1906 г. сталъ сухо кашлять. Приглашенный врачъ опредѣлилъ бронхитъ, но, такъ какъ кашель не проходилъ, черезъ недѣлю былъ приглашенъ второй врачъ, который діагносцировалъ катарральное воспаленіе легкихъ. Спустя еще нѣсколько дней мать замѣтила, что у ребенка немного „опухли ножки и подъ глазами“; приглашенный третій врачъ высказалъ предположеніе относительно воспаленія почекъ, которое, однако, не подтвердилось анализомъ мочи. Болѣзнь протекала безъ замѣтно повышенной температуры, хотя послѣдняя и не измѣрялась.

Ребенокъ родился въ срокъ, кормился грудью матери 9 мѣс. и все это время былъ здоровъ; зубы стали рѣзаться на 8-мъ мѣс., ходить началъ въ 1 г. 4 мѣс. На 1-мъ году жизни перенесъ ко-

¹⁾ Les sarcomes viscéraux chez les enfants. Archives de Médecine des enfants. 1905.

²⁾ Contrib. a l'étude du sarcome chez les enfants. Thèse de Lille. 1895.

клюшь; 1½ лѣтъ болѣлъ дизентеріей больше мѣсяца, послѣ которой осталось выпаденіе прямой кишки и склонность къ кишечнымъ катаррамъ. Больной—первый ребенокъ; отецъ, 30-ти лѣтъ—здоровъ; мать—24-хъ лѣтъ, на видъ малокровна, болѣла сухимъ плевритомъ. На сифились и алкоголизмъ указаніи нѣтъ. Всю эту болѣзнь ребенокъ продѣлалъ въ Кубанской области, гдѣ родители его занимали сырую квартиру.

Status praesens. Ребенокъ нѣсколько рахитическаго сложенія, ослабленнаго питанія; кожа чиста, блѣдна, съ просвѣчивающими венами на груди; слизистыя оболочки блѣдноваты; микрополиденія выражена не рѣзко; небольшая отечность лица и ногъ. При перкуссіи легкихъ слѣва сверху до-низу, спереди и сзади рѣзкій тупой свукъ съ небольшою примѣсью тимпанита по аксиллярной линіи; справа перкуторный звукъ нормальный. При выслушиваніи слѣва спереди отъ ключицы до 3-го ребра, сзади до гребня лопатки, а также по аксиллярной линіи до 4-го ребра—бронхіальное дыханіе съ амфорическимъ оттѣнкомъ, ниже—дыханіе рѣзко ослабленное; хриповъ нѣтъ. Справа нѣсколько жесткое дыханіе и изрѣдка и немного влажныхъ хриповъ. Бронхофонія и голосовое дрожаніе слѣва рѣзко ослаблены. Кашель сухой, частый, короткій и во время кашля изо рта слышится вонючій запахъ. Верхняя и лѣвая границы сердца не опредѣляются изъ-за тупого звука со стороны легкихъ, правая же—на 1—1½ поперечныхъ пальца кнутри отъ правой сосковой линіи. Тоны сердца чисты, яснѣе всего слышны у праваго края грудины; пульсъ 132 въ 1 мин., слабого наполненія, ровный. Животъ нѣсколько вздутъ; печень съ 5-го ребра по сосковой линіи, съ 6-го — по аксиллярной; нижній край ея пальца на 2 выходитъ изъ подъ края реберъ. Селезенка — съ 8-го ребра, выступаетъ изъ подъ края реберъ на 1 поперечный палецъ. Полудунное пространство Траубе нѣсколько уменьшено. Моча ничего ненормальнаго не представляетъ. На низъ 1 — 3 раза въ сутки полужидко.

Изъ данныхъ объективнаго изслѣдованія мы видимъ, что случай нашъ въ діагностическомъ отношеніи не представлялъ никакихъ трудностей. Мы имѣли всѣ признаки экссудативнаго плеврита, и если можно было еще о чемъ-нибудь думать, такъ это о воспаленіи легкихъ, описанномъ проф. *Grancher* подъ названіемъ „Spleno-pneumonie“, которое, какъ извѣстно, даетъ всѣ симптомы плеврита до смѣщенія сердца включительно. Для окончательнаго рѣшенія этого сомнѣнія больному былъ сдѣланъ пробный проколъ въ 7-мъ межреберномъ промежуткѣ по задней аксиллярной линіи,

при которомъ было получено около 5-ти куб. цент. густого гноя. Въ виду положительныхъ данныхъ прокола, всѣ сомнѣнія относительно гнойнаго плеврита исчезли и больному на другой-же день подъ хлороформнымъ наркозомъ была сдѣлана резекція 7-го ребра приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ былъ сдѣланъ проколъ. Однако, послѣ разрѣза плевры, вмѣсто ожидаемаго гноя, оказалась надрѣзанной подлежащая часть легкаго, внутри котораго находилась полость величиною въ волошскій орѣхъ, наполненная гноемъ; кругомъ разрѣза легкое было сращенно съ плеврой. Изъ этой полости выдѣлилось около 2-хъ чайн. лож. пѣнистой гнойной жидкости. Рана была затампонирована марлей и наложена повязка. Дальнѣйшее теченіе болѣзни не представляло ничего особеннаго: t° колебалась все время между $37,5^{\circ}$ — 39° , при перевязкахъ выдѣлялось немного гноя, по временамъ съ примѣсью крови, а въ правомъ легкомъ развились явленія катарральной пневмоніи и ребенокъ при явленіяхъ упадка сердечной дѣятельности скончался 7-го января 1907 года.

Въ виду интереса случая позволю себѣ привести полностью протоколъ вскрытія, произведеннаго прозекторомъ при Городской Александровской больницѣ д-ромъ *Г. И. Квятковскимъ*.

Трупъ значительно исхудалый: на лѣвой сторонѣ груди по подмышечной линіи имѣется поперечная рана съ расходящимися краями и съ частичной резекціей подлежащаго ребра, соединяющаяся съ полостью въ легкомъ величиною болѣе чѣмъ въ лѣсной орѣхъ. Брюшная полость свободна отъ посторонняго содержимаго; верхушка діафрагмы справа на 3-мъ, слѣва на 4-мъ ребрѣ. Правое легкое выполняетъ плевральный мѣшокъ, свободно отъ сращеній, а лѣвое — приращено почти на всемъ протяженіи. Оба легкія увеличены въ объемѣ; правое въ переднихъ отдѣлахъ пушисто, эмфизематозно, а въ заднихъ и нижнихъ имѣются плотные участки, на разрѣзѣ представляющіеся безвоздушными, сѣровато-краснаго цвѣта, зернистыми, освобождающими мутноватую жидкость; прилежащіе отдѣлы легочной ткани отечны. Лѣвое легкое значительно увеличено въ объемѣ, плотно, плевра его утолщена; на разрѣзѣ ткань представляется безвоздушной, мраморнаго вида, состоящей изъ сѣроватыхъ, бѣловато-желтоватыхъ и, изрѣдка, блѣдно-розовыхъ гнѣздъ, освобождающихъ при соскабливаніи гноевидную жидкость. Бронхіальная железа рѣзко увеличена въ объемѣ, на разрѣзѣ ткань ихъ блѣдна, отечна. Сердце увеличено въ поперечникѣ, полости желудочковъ расширены, мышца вяла, мутна, сѣровато-розоваго цвѣта; клапаны и сосуды безъ особыхъ измѣненій. Селезенка пѣ-

сколько велика, плотность ея понижена, на разрѣзѣ пульпа блѣдно-краснаго цвѣта съ сѣроватыми узелками соскабливается въ небольшомъ количествѣ. Печень объемиста, тѣстовата, поверхность разрѣза гладкая, желтовато-коричневатаго цвѣта, дольки неясны. Почки приблизительно нормальной величины, пониженной плотности, капсулы снимаются легко; на гладкой желтоватой поверхности выступаютъ расширенныя венозныя звѣздочки; на разрѣзѣ корковый слой слегка набухъ, помутнѣлъ, желтоватаго цвѣта съ красными полосками, ясно ограниченъ отъ пирамидокъ краснаго цвѣта. Слизистая желудочно-кишечнаго тракта, кромѣ рѣзкой блѣдности и набуханія фолликулярнаго аппарата, другихъ замѣтныхъ измѣненій не представляетъ. Брюжечныя железы нѣсколько увеличены въ объемѣ, на разрѣзѣ ткань ихъ сочна, блѣдно-розоваго цвѣта.

Анатомическiй діагнозъ. Degeneratio parenchimatosa m-li cordis, hepatis et renum. Pleuro-pneumonia cum suppuratione sinistra. Pneumonia catarrhalis acuta dextra. Hyperplasia acuta corpusculorum Malpighii lienis.

Такимъ образомъ изъ данныхъ патолого-анатомическаго вскрытія мы убѣдились только, что въ нашемъ случаѣ не было гнойнаго плеврита и что въ легкомъ происходилъ какой-то воспалительный процессъ, который по своему наружному виду былъ діагносцированъ какъ „pleuro-pneumonia cum suppuratione“. Однако микроскопическое изслѣдованіе препаратовъ, взятыхъ изъ различныхъ мѣстъ легкаго и окрашенныхъ гематоксилиномъ и эозиномъ, показало слѣдующее: строеніе легкаго въ значительной степени измѣнено. Только кое-гдѣ небольшими участками попадаетъ проходима для воздуха ткань легкаго съ свободными альвеолами, но съ перегородками нѣсколько утолщенными; остальная-же часть оказывается превращенной какъ-бы въ однородную (при маломъ увеличеніи) клѣточковую ткань. При ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что эта ткань мѣстами, какъ-бы гнѣздами, состоитъ изъ кругловатыхъ и овальныхъ клѣточныхъ элементовъ величиною въ $1\frac{1}{2}$ —2 раза больше бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, съ ядромъ интенсивно красящимся, кругловатой и нѣсколько неправильной формы, и съ достаточно широкимъ слоемъ протоплазмы. Въ остальной, большей части препарата, клѣточки представляются болѣе вытянутой, веретенообразной формы. Эта (клѣточковая) ткань находится какъ въ основѣ ткани легкаго между альвеолами, мѣстами ихъ сдавливая, такъ и внутри легочныхъ альвеолъ, почти сплошь выполняя просвѣты ихъ. Въ различныхъ мѣстахъ препарата, среди болѣе мелкихъ, замѣчаются многоядерныя исполинскія клѣтки съ неправиль-

нымъ расположеніемъ ядеръ и зернистой рыхлой протоплазмой. Эти клѣтки встрѣчаются, какъ среди новообразованной ткани, такъ и мѣстами, въ просвѣтѣ легочныхъ пузырьковъ. Мѣстами въ содержимомъ легочныхъ пузырьковъ, кромѣ вросшей въ просвѣтъ ихъ новообразованной ткани, замѣчается примѣсь сѣтки фибрина не рѣзко выраженной, и полинуклеары въ маломъ числѣ. По сосудамъ и бронхамъ замѣчается мѣстами развитіе болѣе плотной, бѣдной ядрами волокнистой соединительной ткани. Сами бронхи также мѣстами расширены, покрыты многочисленнымъ цилиндрическимъ эпителиемъ, а въ нѣкоторыхъ бронхахъ имѣются, кромѣ того небольшія сосочкообразныя выпячиванія, слизистой оболочки, покрытой многоряднымъ цилиндрическимъ эпителиемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ препаратовъ, вырѣзанныхъ на мѣстѣ имѣвшихся въ легкомъ полостей, оказалось при изслѣдованіи, что стѣнки этихъ полостей образованы тою-же развившеюся въ легкомъ тканью вслѣдствіе простого некроза ея. При изслѣдованіи увеличенной бронхиальной железы оказалось, что она состоитъ изъ подобныхъ-же какъ и въ легкомъ, молодыхъ, нѣсколько неправильной формы клѣтокъ богатыхъ протоплазмой, съ тѣми-же особенностями ядра и той-же величины. Эта клѣточная ткань располагалась, главнымъ образомъ, въ монофолликулярныхъ промежуткахъ железы, значительно ее утолщая. Фолликулы мѣстами еще сохранены, но представляются сдавленными, неправильной формы, уменьшенными, а мѣстами совсѣмъ атрофированными. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ препарата попадаются небольшіе некротическіе участки, происшедшіе, какъ это ясно замѣтно, изъ простого некроза той-же клѣточной ткани. При изслѣдованіи на туберкулезныя палочки на срѣзахъ онѣ нигдѣ не обнаружены.

Принимая во вниманіе во 1-хъ, что въ данномъ случаѣ нигдѣ ничего похожаго на бугорки при изслѣдованіи не обнаружено; во 2-хъ, что некротическіе участки получались путемъ некроза клѣточекъ новообразованной ткани; въ 3-хъ, что въ легкомъ въ большинствѣ имѣлись веретенообразныя формы клѣтокъ, а въ бронхиальныхъ железахъ кругловатыя, очевидно болѣе молодыя; въ 4-хъ что исполинскія клѣтки показывали ядра съ безпорядочнымъ расположеніемъ, не типичнымъ для бугорчатки—мы приходимъ къ заключенію, что данный процессъ въ легкомъ слѣдуетъ отнести къ *первичной саркомѣ, къ диффузной ея формѣ*; по виду клѣтокъ—къ *смѣшанной кругло и веретенообразно клѣточной*, а по присутствію довольно значительнаго количества исполинскихъ клѣтокъ—къ *лиморфно исполинско-кльточной саркомѣ*.

Разсматривая теперь нашъ случай и сопоставляя его съ случаями, исторіи болѣзни которыхъ мнѣ были доступны (*Letailleur*¹⁾ *Araoz Alfaro*²⁾), рѣзко бросается въ глаза поразительное сходство общей клинической картины. Какъ въ моемъ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ перкуторныя и аускультативныя явленія говорили въ пользу выпотнаго плеврита; если къ этому прибавить еще повышенную температуру и смѣщеніе сердца въ противоположную сторону, какъ это наблюдалось въ моемъ и въ случаѣ *Araoz Alfaro*, то возможныя сомнѣнія относительно правильнаго опредѣленія болѣзни могли-бы быть разрѣшены только повторными пробными пункціями и дѣйствительно, во всѣхъ описанныхъ случаяхъ данныя пробныхъ проколовъ были отрицательныя и о плевритѣ, слѣдовательно не могло быть и рѣчи, а потому являлась возможность дѣлать дальнѣйшія предположенія до новообразованія включительно; у нашего же больного положительный результатъ пункціи устранялъ всякое сомнѣніе о гнойномъ плевритѣ.

Трудность предположенія злокачественнаго новообразованія въ легкомъ усугублялась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что кахексія и увеличеніе лимфатическихъ железъ, которыя такъ характерны для злокачественныхъ новообразованій, въ моемъ и большинствѣ другихъ описанныхъ случаевъ отсутствовали. Указаніе на отсутствіе повышенной температуры при злокачественныхъ новообразованіяхъ тоже не можетъ имѣть распознавательнаго значенія по отношенію къ новообразованіямъ въ легкихъ, такъ какъ во всѣхъ описанныхъ случаяхъ температура была повышенной.

Зависитъ-ли это повышеніе отъ токсиновъ, вырабатываемыхъ новообразованіемъ, или отъ вторичной инфекціи—вопросъ остается открытымъ, хотя у нашего больного на основаніи данныхъ вскрытія въ повышеніяхъ температуры значительную роль должна была играть вторичная инфекция. Остается еще одинъ признакъ, позволяющій иногда поставить правильный прижизненный діагнозъ—это изслѣдованіе выбрасываемыхъ съ мокротою отрывковъ ткани; но, не говоря уже о непостоянствѣ этого признака, у дѣтей, особенно маленькихъ, онъ непримѣнимъ, такъ какъ дѣти проглатываютъ мокроту.

Словомъ нашъ случай еще лишній разъ подтверждаетъ, что мы не располагаемъ ни однимъ признакомъ, который позволялъ-бы

¹⁾ L. c.

²⁾ *Traité des maladies de l'enfance* изд. подъ редакціей Grancher и Comby 2-me edition, tome III.

безошибочно опредѣлять первичную саркому легкаго у дѣтей при жизни.

Въ заключеніе считаю своей пріятной обязанностью выразить сердечную благодарность проф. *В. Е. Чернову* за предоставленіе мнѣ этого въ высшей степени интереснаго случая и проф. *В. К. Высоковичу* за его объясненія при изслѣдованіи микроскопическихъ препаратовъ.

Изъ хирургическихъ наблюдений въ дни „красныхъ знаменъ“ и „погрома“.

Fractura cranii simplex et contusio cerebri Fractura cranii complicata et ruptura torcularis Herofili. Trauma sclopetarium colonis transversi et renis sinistri.

Прив.-доц. Ал. Г. Радзіевскаго.

(Изъ хирургическаго отдѣленія Киевской Кирилловской больницы).

Октябрьскіе дни 1905 года, дни „красныхъ знаменъ“ и „погрома“ нарушили мирный сравнительно характеръ хирургическаго матеріала Кирилловской больницы. Въ завѣдуемое мной мужское хирургическое отдѣленіе этой больницы было доставлено въ теченіе двухъ дней до 20 случаевъ раненій. Изъ нихъ подавляющее большинство приходилось на раненія солдатскими пулями. Это были большею частью сквозныя пулевья раненія. Оказывались пропизанными пулями то основаніе кисти, то середина стопы, то голень, то предплечье. Въ одномъ случаѣ пуля вошла въ тѣло черезъ подмышку, унесла часть *art. axillaris*, вошла въ грудь, наткнулась на ребро по его длинному діаметру, разможила его вплоть до позвоночника, откуда и была вынута. Надорванная *art. axillaris* не дала никакого кровотеченія; въ периферическіи конецъ кровь не переходила, такъ какъ пульсація въ *art. radialis* отсутствовала; не кровоточила *art. axillaris* и послѣ того, какъ была обнажена во время операціи; выше мѣста раненія была ясная пульсація¹⁾. Ра-

¹⁾ Оригинальное явленіе отсутствія сколько-нибудь значительнаго кровотеченія при раненіи крупныхъ стволонъ, мною наблюдалось еще въ четы-

ненія эти, различной тяжести, окончились благополучно, за исключением одного раненія, вызвавшего смерть больного через сутки при явлениях двусторонняго pneumothorax: пуля въ этомъ случаѣ вошла въ грудь справа по подмышечной линіи на уровнѣ 5 ребра, вышла слѣва надъ ключицею (вскрытіе не могло быть произведено). Меньшинство раненій было нанесено тупыми орудіями, и револьверными выстрѣлами. Изъ нихъ три случая заслуживаютъ особеннаго вниманія и потому я излагаю ихъ подробно.

I. Fractura cranii simplex et contusio cerebri.

Больной Сруль Р., 21 года, чернорабочій, подобранъ на улицѣ и доставленъ полиціею 19 октября. Больной находится въ безсознательномъ состояніи, весь дрожитъ, блѣденъ; пульсъ ощущается съ трудомъ, не ускоренъ, t-га 37,3°. На головѣ ничтожныя поверхностныя раненія въ области правыхъ темянной и височной костей и надъ лѣвымъ глазомъ; кости черепа нигдѣ не обнажены, на нихъ нѣтъ вдавленій. На шеѣ справа находится округлой формы опухоль величиною въ куриное яйцо, покрытая истонченной синеватаго цвѣта кожей, ясно флюктуирующая. Очистка ранъ, присыпка іодоформомъ, повязка, вино, камфора.

20/x. Т-га утр. 37,9°, вечер. 37,8°. Пульсъ 80, хорошаго наполненія. Сознаніе слабое, но болѣе ясное, чѣмъ наканунѣ. Больной, видимо, слышитъ, пытается отвѣчать на вопросы, но издаетъ только непонятные звуки; глазъ не открываетъ. Зрачки одинаковой величины. Правая рука и нога безъ движенія; пассивныя движенія ими встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны мышцъ. Больной глотаетъ, мочится подъ себя.

21/x. Т-га утр. 38,3°, вечер. 39,6°. Пульсъ 106 хорошаго наполненія. Дыханіе вполне правильное, спокойное. По временамъ намеки на сознаніе. Зрачки одинаковой величины, застойнаго соска нѣтъ. Складки лица правильныя. Явленія моноспазма въ правой рукѣ и ногѣ. Сзади слѣва около макушки найдена тѣстоватая припухлость.

рехъ случаевъ. Все это были огнестрѣльныя раненія: въ двухъ случаяхъ была ранена art. axillaris, въ двухъ art. subclavia. Три изъ нихъ окончились вполне благополучно послѣ перевязки выше и ниже мѣста раненія. Одинъ окончился смертью; это былъ случай тяжелой дилеммы для хирурга. Рана была желто-зеленаго цвѣта: оперированіе было рискованно въ виду мѣстнаго септического процесса; безъ операціи приходилось рисковать вторичнымъ смертельнымъ кровотеченіемъ. Больной былъ оперированъ и погибъ отъ сепсиса.

22/x. Т-га утр. 38,9°, вечер. 39,2°. Пульсъ 110 хорошаго качества. Сознаніе немного яснѣе. Больной на вопросы крайне неясно произноситъ свое имя. Дыханіе совершенно правильное. Зрачки одинаковой величины, отсутствіе застойнаго соска. На болевня раздраженія больной реагируетъ. Правая рука и нога парализованы. *Operatio*. Бросается въ глаза форма головы больного, нѣсколько заостренная кверху, какъ бы сжатая съ боковъ. При ощупываніи позади стрѣловиднаго шва ничего ненормальнаго. Безъ наркоза сдѣлавъ разрѣзь по припухлости въ верхне-задней части черепа. Найдена гематома, лежавшая непосредственно на кости. Кости черепа цѣлы. Въ виду неясности симптомовъ рѣшено подождать съ трепанаціей до слѣдующаго дня.

23/x. Т-га утр. 38,8°, вечер. 39,2°. Пульсъ 130, удовлетворительный. Намеки на сознаніе. Контрактура въ правой рукѣ и ногѣ усилилась. Зрачки реагируютъ на свѣтъ, одинаковой величины, отсутствіе застойнаго соска. Дыханіе правильное, спокойное. Мышцы шеи свободны. Въ виду предложенной трепанаціи черепа родные больного требуютъ консультаціи, которая состоялась только на слѣдующій день.

24/x. Т-га утр. 38,2°, вечер. 38,8°. Пульсъ 130, болѣе слабый, чѣмъ наканунѣ. Сознаніе болѣе затемнено, чѣмъ наканунѣ. Дыханіе правильное. Зрачки одинаковаго вида, реагируютъ на свѣтъ, отсутствіе застойнаго соска. Правая рука и нога парализованы. *Monospasmus* въ правой рукѣ болѣе слабый, чѣмъ въ правой ногѣ. Сильное дрожаніе, подергиваніе въ лѣвой рукѣ и ногѣ: больной протеръ себѣ ссадины на лѣвомъ локтѣ и на лѣвой пяткѣ.

Послѣ консультаціи *operatio*. Безъ наркоза трепанированы кости черепа соотвѣтственно средней части лѣвой Роландовой борозды. Между костями и твердой мозговой оболочкой ничего не найдено. Твердая мозговая оболочка темносняго цвѣта, не пульсируетъ, нѣсколько напряжена. Проколъ далъ кровь. Твердая мозговая оболочка разсѣчена. Вытекло много полусвернувшейся темной крови. Кровь выходила почти исключительно со стороны переднихъ частей черепа. Введеннымъ мизинцемъ найдена полость кпереди и книзу отъ Роландовой борозды. Тампонъ, частичный шовъ на кожу. Разсѣчена для изслѣдованія поверхностная рана надъ лѣвымъ глазомъ. Раненіе найдено поверхностнымъ.

25/x. Повязка пропитана кровью. Пульсъ 144 слабого наполненія и силы, Сознаніе вполне отсутствуетъ. Нижняя челюсть приоткрыта. Лѣвый зрачекъ уже праваго. Ночью наступилъ *exitus*.

Случай этотъ представляетъ значительный интересъ въ виду трудностей для распознаванія. Явленія, которыя наблюдались у больного при его поступленіи въ больницу, т. е. безсознательное состояніе, дрожь, съ трудомъ ощущиваемый пульсъ, блѣдность, были истолкованы, какъ явленія шока. Такое объясненіе явленій нужно было допустить въ виду того, что при осмотрѣ головы не было найдено ни припухлостей, ни вдавленій въ черепныхъ костяхъ, ни обнаженій костей. Правда, не наблюдалось замедленнаго пульса. Характернаго для шока; но отсутствіе замедленія пульса находило себѣ объясненіе въ томъ, что шокъ былъ не полный. Дрожь больного указывала на то, что психомоторные центры не были вполне подавлены, а находились въ состояніи слабого раздраженія; была подавлена функція частей мозга, лежавшихъ болѣе впереди. Между тѣмъ только при полномъ подавленіи функцій всего черепного мозга наблюдаются типичныя формы шока съ замедленіемъ пульса. вызываемымъ повышеніемъ дѣятельности продолговатаго мозга. Опухоль на шеѣ, судя по всѣмъ даннымъ, распавшаяся лимфатическая железа, признапа была не имѣющей отношенія къ наблюдавшейся тяжелой картинѣ.

На слѣдующій день распознаваніе въ смыслѣ шока отчасти подтвердилось. У больного появилось нѣкоторое сознаніе въ томъ смыслѣ, что больной пытался отвѣчать на вопросы, издавая только какіе-то непонятные звуки. Но тутъ-же стало очевиднымъ, что заболѣваніе больного было сложнѣе, чѣмъ казалось наканунѣ. Именно обнаружено было, что больной не можетъ двигать правой рукой и ногой; при ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что правая рука и правая нога находятся въ состояніи контрактуры, въ состояніи *monospasmus*. Это указываго на раздраженія въ лѣвой Роландовой бороздѣ. Для шока контрактура конечностей не характерна. Но не было и паралича конечностей, характернаго для внутрочерепныхъ кровоизліяній.

Конечно, мысль о кровоизліяніи—первая мысль, которая является у хирурга передъ больнымъ съ признаками травмы черепа. Картина самыхъ частыхъ травматическихъ кровоизліяній въ полости черепа, обусловленныхъ разрывомъ *art. meningea media* и ея вѣтвей, вполне характерна. Но въ данномъ случаѣ отсутствовали уже одинъ изъ первыхъ признаковъ повышеннаго внутрочерепнаго давленія—замедленіе пульса: пульсъ былъ вполне удовлетворительный безъ какого-бы то ни было замедленія, такъ какъ давалъ 60 ударовъ въ минуту.—Рѣшено выждать дальнѣйшихъ симптомовъ.

На слѣдующій день пульсъ не только не замедленъ, а ускоренъ до 106 ударовъ, будучи вполне хорошимъ въ остальныхъ отношеніяхъ. Сознаніе не затемнено въ сравненіи съ предшествующимъ днемъ. Явленія моноспазма остаются безъ перемѣны. Поиски за симптомами повышеннаго внутричерепнаго давленія отрицательны: зрачки найдены одинаковыми по величинѣ, застойнаго соска не найдено ни на той ни на другой сторонѣ.

Очевидно, мысль о шокѣ нужно было окончательно оставить. Всякій шокъ, затянувшійся болѣе одного, двухъ дней, подозрителенъ; подавленную работу переднихъ полушарій трудно объяснить шокомъ, если только больной не приходитъ въ сознаніе въ теченіе двухъ дней. Явленія моноспазма говорили въ томъ же смыслѣ. Между тѣмъ въ высокой степени важно было понять картину болѣзни въ виду надвигавшейся мысли о такой серьезной операціи, какъ трепанація черепа.

Внутричерепное кровоизліяніе? Картина все таки не такова. *Непрямые* и *прямые* симптомы кровотеченія назъ *art. meningea med.* были въ данномъ случаѣ представлены не ясно и, что важнѣе, противорѣчиво. Изъ непрямыхъ симптомовъ была подавленность сознанія, но не его исчезновеніе; не было характернаго *свободнаго промежутка*. Сознаніе больного на второй день улучшилось самымъ явнымъ образомъ, въ дальнѣйшемъ ухудшенія въ сознаніи не было. Не было замедленія пульса, а наоборотъ, его ускореніе. И это ускореніе не отвѣчало состоянію сознанія оставшагося безъ перемѣны. Оставшійся безъ перемѣны моноспазмъ также противорѣчилъ ускоренію пульса. Естественно было бы найти параличъ вмѣсто моноспазма, если только понимать ускореніе пульса, какъ вторичный, финальный симптомъ внутричерепнаго кровоизліянія. Для гнѣзнаго внутричерепнаго кровоизліянія чрезвычайно характерно стертосное дыханіе;—между тѣмъ больной дышалъ совершенно спокойно, безъ всякой неправильности, безъ явнаго замедленія.

Что касается *прямыхъ*, мѣстныхъ симптомовъ, то они были въ данномъ случаѣ также не полны и противорѣчивы. Явленія моноспазма не характерны для гнѣзнаго кровоизліянія, поведшаго къ значительному угнетенію сознанія, естественно ожидать широкихъ симптомовъ повышенія внутричерепнаго давленія: давленіе на центры должно выражаться не въ контрактурѣ, разъ оно повело къ подавленію впереди лежащихъ центровъ;—оно давало бы измѣненіе зрачковъ, расширяя или суживая ихъ;—давало бы измѣненіе глазнаго дна въ видѣ застойнаго соска. Между тѣмъ явленія со стороны глазъ отсутствовали. Былъ на лицѣ параличъ рѣчи,

центра, лежащаго по сосѣдству съ Роландовою бороздой. Не было признаковъ растройства со стороны n. facialis, такъ какъ складки лица были правильныя.

Разъ мысль о гнѣздномъ кровоизліяніи также должна была быть оставлена, оставалось допустить заболѣваніе, являющееся болѣе рѣзкимъ выраженіемъ тѣхъ патолого-анатомическихъ растройствъ, которыя были находимы въ нѣкоторыхъ случаяхъ шока. Шокъ можетъ не имѣть подъ собою никакой анатомической подкладки; подкладка эта иногда не уловима для самыхъ тонкихъ микроскопическихъ изслѣдованій. Въ другихъ случаяхъ выраженіемъ шока являются точечныя кровоизліянія въ веществѣ мозга. Еще шагъ дальше, и мы будемъ имѣть передъ собою разсѣянныя кровоизліянія, разстраивающія функціи пострадавшихъ отдѣловъ мозга. Другими словами, являлось необходимымъ допустить въ данномъ случаѣ контузію мозга.

Контузія мозга даетъ чрезвычайно разнообразныя клиническія картины. „Въ то время какъ шокъ мозга хорошо извѣстенъ клинически, но представляетъ много темнаго въ патолого-анатомическомъ отношеніи, контузія мозга даетъ виолнѣ опредѣленныя анатомическія измѣненія наряду съ неясной симптоматологіей“ (*Dentu*). Нарушенія цѣлости вещества мозга, его сосудовъ, его оболочекъ, въ связи съ этимъ болѣе или менѣе значительныя кровоизліянія.— такова анатомическая картина контузіи мозга. Легко представить себѣ все разнообразіе клинической картины, если принять во вниманіе всѣ разнообразныя функціи различныхъ частей мозга. Описаны случаи, когда контузія мозга не сказывалась ничѣмъ, кромѣ явленій быстротечнаго шока; только впоследствии при вскрытіи больныхъ подобнаго рода, погибшихъ отъ другихъ причинъ, находимы были явныя доказательства бывшихъ кровоизліяній, разрывовъ въ веществѣ мозга. Съ другой стороны трудность распознаванія въ случаяхъ, выраженныхъ клинически, признается всѣми авторами.

Относительно леченія, примѣнимаго въ случаяхъ контузіи мозга, единства пока нѣтъ. *Horsley* на съѣздѣ нѣмецкихъ хирурговъ въ 1890 году предложилъ трепанацію черепа, вскрытіе твердой мозговой оболочки и удаленіе свертковъ при всякой контузіи мозга. Съ другой стороны описаны случаи (*Wiesmann*), окончившіеся выздоровленіемъ при выжидательномъ леченіи, несмотря на безсознательное состояніе, длившееся до трехъ недѣль. По мнѣнію большинства авторовъ вмѣшательство является показаннымъ при всѣхъ нарушеніяхъ цѣлости черепа, особенно связанныхъ съ нарушеніемъ цѣлости наружныхъ покрововъ. Не такъ ясно поведеніе хирурга въ

случаяхъ, подобныхъ настоящему, гдѣ имѣлись только поверхностныя кожныя царапины, гдѣ нельзя было убѣдиться въ нарушеніи цѣлости костей. Рѣшающимъ моментомъ является въ послѣднемъ случаѣ наличность или отсутствіе локализациі мозговыхъ явленій. При отсутствіи локализациі относительнымъ показаніемъ могли бы служить угрожающія явленія со стороны повышенія внутрочерепнаго давленія. Показаніе это относительно, потому что трудно разсчитывать на успѣхъ, выбирая мѣсто для трепанаціи на основаніи общихъ разсужденій, до извѣстной степени наугадъ. При наличности же локализациі трепанація можетъ быть болѣе успѣшна, но производится только въ виду общихъ угрожающихъ явленій.

Указаніе на одну изъ локализациій въ данномъ случаѣ были: подвергалась раздраженію лѣвая Роландова борозда, страдалъ также и центръ *Broca*. Угрожающія общія явленія на третій день послѣ раненія отсутствовали, такъ какъ дыханіе было правильное, пульсъ не былъ замедленъ, ни значительно ускоренъ. Но на ряду съ этимъ на третій день было подмѣчено образованіе небольшой припухлости на макушкѣ сзади и слѣва. Въ виду этого рѣшено было на слѣдующій день раскрыть припухлость и осмотрѣть черепъ; при наличности трещины или вдавленія являлась показанной трепанація.

На 4 день послѣ раненія прибавилось нѣчто новое. Температура больного была до этого времени нѣсколько повышена, что ставилось въ связь съ кровоизліяніями въ мозгу. Но на третій день вечеромъ и на четвертый поутру температура поднялась до 39,5°—39,9° безъ того, чтобы общія явленія измѣнились: пульсъ былъ хорошаго качества, на болевья ощущенія больной реагировать рѣзкимъ движеніемъ руки, правая рука и нога оставались по прежнему въ состояніи контрактуры, сознаніе стало, даже будто немного яснѣе, такъ какъ больной реагировать на вопросы, произнесъ довольно невнятно свое имя. При разрѣзѣ припухлости, произведенномъ безъ наркоза, найдено небольшое кровоизліяніе непосредственно на кости, но самыя кости черепа найдены неповрежденными. Съ трепанаціей рѣшено выждать до слѣдующаго дня.

На 5 день пульсъ поднялся до 130 (*Schluckpneumonie?*), сознаніе стало болѣе затемненнымъ, контрактура правой руки и ноги рѣзко усилилась. Рѣшено было немедленно произвести трепанацію; но родные больного настойчиво требовали консультаціи, которая могла состояться только на слѣдующій день.

На 6 день состояніе больного рѣзко ухудшилось: нельзя было вызвать никакой психической реакціи; пульсъ 130, слабый; зрачки реагируютъ на свѣтъ, одинаковы; застойный сосокъ отсут-

ствуесть; правая нога почти парализована; подергиваніе въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Безъ наркоза трепанированъ черепъ соотвѣтственно Роландовой бороздѣ. Lamina interna найдена цѣлой, найдено большое кровоизліяніе *подъ* твердой мозговой оболочкой, распространявшееся кпереди и книзу. Улучшенія не послѣдовало. Появилась неравно-мѣрность зрачковъ, контрактура нижней челюсти, пульсъ поднялся до 144. Въ началѣ восьмыхъ сутокъ больной погибъ.

Случай, несмотря на данныя, полученные во время операціи, все таки оставался неяснымъ прежде всего относительно источника кровотечения. Вскрытіе, произведенное при не вполне нормальныхъ условіяхъ (въ силу вышнихъ обстоятельствъ, обусловленныхъ „кровавыми“ днями)—вскрыта была одна черепная полость—дало дѣйствительно, новые факты.

При отдѣленіи покрововъ черепа было найдено нарушеніе цѣ-лости костей черепа въ очень рѣдкой формѣ. То, что при осмотрѣ черепа вслѣдъ за поступленіемъ больнаго бросилось въ глаза и было принято за рѣдкую форму аномаліи черепа, оказалось на са-момъ дѣлѣ патологическимъ явленіемъ. Между тѣмъ были осно-ванія считать неправильную форму черепа за аномалію, такъ какъ подобная приостренная съ боковъ форма головы наблюдалась мною у больнаго, который не имѣлъ основанія жаловаться на свою голову.

Именно, узкій кусокъ лѣвой лобной кости у самой средней линіи и вблизи стрѣловиднаго шва былъ *приподнятъ* надъ окру-жающими частями. Кусокъ этой неправильной формы до 3 см. длиною, до 2—1½ см. шириною, съ длиннымъ діаметромъ сзади напередъ, широкимъ концомъ сзади, узкимъ кпереди былъ припод-нять больше спереди, очень мало сзади. Линіи стрѣловиднаго шва сзади отъ выбитаго куска наполнены свернувшейся кровью. Соотвѣт-ственно приподнятому куску кости небольшое кровоизліяніе въ видѣ свернувшейся крови (ощупываніемъ при жизни оно не опре-дѣлялось). По снятіи черепной покрывки найдено, что лобныя кости *легко подвижны* другъ около друга по средней линіи въ части лобныхъ костей, лежавшей кпереди отъ приподнятаго куска. На твердой мозговой оболочкѣ найдено *небольшое* количество крова-ныхъ сгустковъ соотвѣтственно приподнятому куску кости. Но сама твердая мозговая оболочка *найденa всюду цѣлой*, кромѣ мѣста опе-раціи. По вынутіи мозга найдено слѣдующее. Твердая мозговая оболочка окрашена въ синеваго-коричневатый цвѣтъ въ передней лѣвой нижне-боковой части. Небольшое скопленіе крови на поверх-

ности мозга соответственно лѣвой—передней части мозга, а также задней поверхности мозга. Вены мягкой мозговой оболочки расширены. Гною нигдѣ не найдено. Особой мутности мягкой мозговой оболочки не найдено. Въ передней *правой* части мозга и въ задней лѣвой—и то и другое вблизи средней линіи и основанія мозга найдены кровоналіянія въ видѣ свернувшейся крови до небольшого каштана величиною.

Таковы данныя вскрытія, показавшія, что кромѣ контузіи мозга въ данномъ случаѣ было также и нарушеніе цѣлости костей черепа въ очень рѣдкой формѣ. Трещины и вдавленія являются обычными формами нарушенія цѣлости костей черепа. Если и наблюдаются изрѣдка выстоянія костей, то только въ связи съ вдавленіемъ, которое имѣетъ мѣсто въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ выстоящей костью. Очевидно, что и въ данномъ случаѣ приподнятію кости предшествовало вдавленіе, которое затѣмъ изгладилось. Процессъ выдвиганія кости нужно въ данномъ случаѣ представить себѣ такимъ образомъ, что передняя часть черепа была сильно сдавлена съ боковъ. Въ моментъ сдавливанія и вгибанія костей произошло переломъ въ силу того, что вдавливаніе встрѣтило препятствіе со стороны лежавшаго по средней линіи узкаго участка костей. Этотъ участокъ, будучи малымъ, слѣдовательно обладая малою эластичностью, отвѣчающей величинѣ сгибаемой поверхности, отломился; сосѣднія кости подошли слегка подъ него, а потомъ, выравниваясь, его приподняли. Дальше впередъ дѣло ограничилось нарушеніемъ цѣлости строго по средней линіи путемъ возстановленія подвижности въ *Sutura frontalis*. Трудно, во всякомъ случаѣ, подыскать другое объясненіе для этой удивительной формы перелома. Кровотеченіе на лѣво-передней поверхности мозга *подъ* твердой мозговой оболочкой естественно связать съ описанной сейчасъ формой перелома. Для этого нужно допустить разрывы мелкихъ венъ, впадающихъ въ продольный синусъ. Во всякомъ случаѣ разорванныя вены должны были быть очень малы, потому что на вскрытіи оны не были видны. Возможно съ другой стороны, что кровотеченіе это явилось результатомъ разрыва мелкихъ венъ мягкой мозговой оболочки. Два геморрагическихъ фокуса, найденныхъ въ веществѣ мозга, обусловленныхъ несомнѣнно разрывомъ сосудовъ мозга, говорятъ именно въ этомъ смыслѣ.

Таковъ настоящій случай. Главныя его особенности, кромѣ удивительной формы перелома, заключаются въ отсутствіи замедленнаго пульса, отсутствіи стертормознаго дыханія, застойнаго соска и

повышеніи температуры. Французскіе авторы ¹⁾ держатся положенія, что всякое учащеніе пульса при черепныхъ кровоизліяніяхъ указываетъ на менинго-энцефалитъ, такъ какъ пульсъ по ихъ мнѣнію „*est ralenti dans toutes les autres affections traumatiques de l'encephale*“. Нѣмецкіе хирурги держатся другаго мнѣнія ²⁾, допуская, что при какихъ то неизвѣстныхъ пока условіяхъ можетъ быть наблюдаемо ускореніе пульса. *Allen Starr* полагаетъ, что при субдуральныхъ кровоизліяніяхъ сразу-же наступаетъ ускореніе пульса. Появленіе застойнаго соска является, вообще признакомъ непостояннымъ при черепныхъ кровоизліяніяхъ. За то отсутствіе стерторознаго дыханія въ описанномъ случаѣ является вполне оригинальнымъ, такъ какъ стерторозное дыханіе принадлежитъ къ числу типичныхъ признаковъ повышеннаго внутричерепнаго давленія. Очевидно, послѣднее правило допускаетъ исключенія. Въ высокой степени интересны явленія со стороны температуры. Держась ниже 38° въ теченіе первыхъ двухъ дней, на 3 день температура достигла 39,5°; въ слѣдующіе два дня держалась около 39° утромъ и вечеромъ; въ день трепанаціи упала до 38,2; послѣ трепанаціи держалась на 38,6—38,3 и только за нѣсколько часовъ до смерти поднялась снова до 39,2°. Хотѣлось бы думать прежде всего, что высокая температура обусловливалась развитіемъ травматическаго менингита. Въ видѣ исключенія наблюдаются менингиты и при цѣлости черепной покрывки и крововъ. Въ нашемъ случаѣ внутричерепныя кровоизліянія находились внѣ сообщенія съ наружными поверхностными раненіями. Но при вскрытіи не найдено было никакихъ указаній на менингитъ; гною не было найдено, расширеніе венъ находило себѣ объясненіе въ давленіи, подъ которымъ находились вены. Съ другой стороны всѣми авторами отмѣченъ чрезвычайно своеобразный фактъ подвѣтія температуры иногда до значительной высоты особенно при субдуральныхъ кровоизліяніяхъ. По мнѣнію *Battle* ³⁾ повышеніе температуры при этихъ условіяхъ находится въ связи съ контузіей основанія мозга, что, дѣйствительно, имѣло мѣсто въ нашемъ случаѣ. Являлась мысль о возможности *pneumoniae cibatariae*, но при жизни больнаго не было найдено данныхъ въ пользу этого предположенія.

¹⁾ Dufhay et Reclus. Traité de chirurgie. Pag. 466 2 edition.

²⁾ Bergmann Bruns und Miculicz. Handbuch der practischen Chirurgie.

³⁾ Цитиров по *Traité de chirurgie*—Dufhay et Reclus.

II. *Ruptura confluentis sinuum, fractura cranii complicata.*

Больной Эль Г, 18 лѣтъ, доставленъ полиціей 20 октября 1905 г. Больной въ сознаніи; пульса сосчитать нельзя, такъ какъ больной не можетъ справиться со своей дрожью; по качеству пульсъ удовлетворительный. Голова завязана тряпками. По снятіи повязки и удаленіи волосъ на головѣ найдено шесть линейныхъ раненій отъ 3—15 см. длиною. Большинство этихъ раненій проникаетъ до кости. Кости всюду цѣлы, кромѣ большаго задняго раненія. Последнее раненіе неправильной формы до 16 см. длиною. Лоскутъ крововъ оторванъ отъ самой кости по направленію внизъ къ началу шен. Обнаженная кость вдавлена; она отвѣчаетъ верхней части затылочной кости; *protuberantia occipitalis ext.* находится на ея верхнемъ краю. Длинный діаметръ вдавленной кости идетъ справа налѣво, достигаетъ 10 см. Вдавлена кость по правому и верхне-правому краю; лѣвый край не вдавленъ, лежитъ на общемъ уровнѣ, но образуетъ уголь съ лежащей дальше слѣва частью затылочной кости, такъ какъ, начиная отъ лѣваго края, кость начинаетъ подниматься.

Очистить голову, сбрить всѣ волосы представляется дѣломъ очень труднымъ, такъ какъ вся голова состоитъ собственно изъ грязныхъ рытвинъ.

Разрывы мягкихъ частей шиты, подведены полоски марли. Снять долотомъ весь костный край надъ вдавленной костью; это было необходимо, такъ какъ кость была вдавлена за уровень вышележащихъ костей и ущемилась подъ этими костями. Долотомъ, упертымъ въ правый конецъ вдавленной кости, послѣдняя приведена въ нормальное положеніе. Кость поднималась туго, съ трудомъ и прочно фиксировалась въ своемъ нормальномъ положеніи. При подниманіи изъ-подъ вдавленнаго куска по средней линіи и вправо отъ нея хлынула *громаднымъ* потокомъ темная кровь. Моментально подъ кость набиты тампоны. Сорванный кожный лоскутъ подтянуть кверху, пришить, оставлено мѣсто для широкаго тампона.

21/х. Пульсъ слегка ускоренъ. Лице не синее. Вокругъ праваго глаза образовался большой кровоподтекъ; больной не можетъ открыть глазъ. Т-ра 39,5°.

22/х. Повязка промокла. Вынуты всѣ тампоны, кромѣ тампона на мѣстѣ прорыва поперечнаго синуса. Всѣ раневыя поверхности отдѣляютъ ихоръ. Новые тампоны. Пульсъ не замедленъ. Оба глаза кровоподтечны. Лихорадить. Сильная головная боль.

23/x. Пульсъ не замедленъ, Головная боль по прежнему. Больной не можетъ открыть глазъ. Окраска лица нормальная.

24/x. In statu quo ante. Перевязка. Лихорадить.

25/x. Головная боль сильнѣе. Пульсъ нѣсколько ускоренъ. Ихорозныя отдѣленія въ большомъ количествѣ. Швы прорѣзываются. Т-ра пала.

27/x. Головная боль слабѣе. Припухлость глазъ уменьшается.

29/x. Удалены все тампоны въ томъ числѣ и тампонъ на мѣстѣ поперечнаго синуса; здѣсь видна въ глубинѣ раны твердая мозговая оболочка. Больной можетъ раскрывать глаза.

3/xi. Отдѣленія гнойныя по всей головѣ.

5/xi. Остается слабая головная боль.

15/xi. Раны хорошо гранулируютъ.

3/xii. Ходъ подъ приподнятую кость почти выполненъ.

16/xii. Пересадка по *Thiersch'y* на грануляціонныя поверхности.

20/xii. Въ области затылочной раны пересаженные лоскуты хорошо прижились, въ другихъ мѣстахъ сошли.

12/1 1906. Б. выписанъ здоровымъ.

Настоящій случай не заслуживалъ бы упоминанія, какъ случай раненія синуса. Подобные случаи не рѣдки. Случайное раненіе сигмоиднаго синуса при трепанациі сосцевиднаго отростка не принадлежитъ къ числу особенно рѣдкихъ осложненій операціи. Подобныя случайныя раненія мало беспокоятъ хирурга, такъ какъ исходомъ ихъ благоприятенъ. Интересъ даннаго случая кроется въ раненіи *confluentis sinuum*, мѣста соединенія боковыхъ и продольнаго синусовъ, этого, можно сказать, главнаго венознаго резервуара содержамаго черепа. Нужно было видѣть эту громаду темной крови, съ большою силою, фонтаномъ хлынувшей изъ-подъ приподнятой кости. Быстро введенный и туго набитый тампонъ долженъ былъ, конечно, уничтожить просвѣтъ синуса, придавливая другъ къ другу его стѣнки. Если принять во вниманіе, что, благодаря этому, были закрыты главные пути для оттока крови изъ черепа, то въ высокой степени интереснымъ являлся вопросъ, насколько быстро организмъ приспособится къ новымъ условіямъ и не будетъ-ли это приспособленіе сопровождаться тѣми или другими временными расстройствами со стороны частей, скрытыхъ въ черепѣ.

Наблюденіе показало, что эти расстройства были минимальны и выразились только въ сильной головной боли, продолжавшейся въ теченіе двухъ недѣль, да кровоподтекахъ вокругъ глазъ, закрывшихъ ихъ на недѣлю. Описаны случаи, гдѣ вѣдѣть за раненіями черепныхъ синусовъ развивались симптомы давленія на мозгъ.

которыя могли быть объяснены только внутричерепными кровоизліяніями. Для объясненія подобныхъ случаевъ необходимо было бы допустить, что вслѣдъ за раненіемъ давленіе въ венахъ поднималось настолько что становилось равнымъ или же превосходило высоту давленія въ капиллярахъ. Допускали, что подобное повышеніе давленія можетъ наступать во время усиленныхъ выдыханій, обусловленныхъ раздраженіемъ дыхательнаго центра. Настоящій случай раненія мѣста, гдѣ сходятся главные мозговые синусы,—въ которомъ, слѣдовательно, даны всѣ условія для значительнаго повышенія давленія въ синусахъ съ его послѣдствіями, можетъ служить указаніемъ на то, что приведенныя выше объясненія врядъ-ли отвѣчаютъ фактамъ. Въ данномъ случаѣ не было ни одного симптома, который указывалъ бы на внутричерепное кровоизліяніе, аналогичное по своимъ послѣдствіямъ съ кровоизліяніями изъ *art. meningea med.* и т. д. Является болѣе вѣроятнымъ предположеніе,—на что уже и указывалось авторами,—что разорваны были не только синусы, но и артеріи въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдъ за раненіемъ синусовъ наблюдались рѣзкіе симптомы повышеннаго внутричерепнаго давленія.

Не лишень интереса настоящій случай также и въ томъ отношеніи, что протекъ онъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ со стороны асептики. Невозможно было очистить сколько-нибудь основательно эту грязную, изсѣченную повсюду голову, завязанную грязными тряпками. Отдѣленія изъ ранъ были долгое время ихорозными, больной высоко лихорадитъ первые дни, большинство ранъ только поздно покрылось болѣе или менѣе здоровыми грануляціями (большая часть пересаженныхъ доскутовъ не приросла). Были всѣ данныя опасаться за то, что нагноится тромбъ подъ тампономъ со всѣми ужасными послѣдствіями. Тампонъ на синусѣ долженъ быть плавать въ гною до девятаго дня, когда онъ быть удалень... Судьба и молодость больнаго судили иначе.

III. Vulnus sclopetarium colonis transversi, flexurae lienalis colonis et renis sinistri.

Больной Илья Г., 18 лѣтъ, сторожъ у трамвая, доставлень въ больницу 19 октября. Ранень, по его словамъ, нѣсколько часовъ назадъ. Пульсъ 100 хорошаго качества. Между 8 и 9 реберными хрящами по линіи продолженнаго наружнаго края лѣвой прямой мышцы видна круглая рана величиной въ 5 копѣечную серебряную монету. Больной жалуется на боль при дыханіи, на болѣзненность

въ верхней части живота. Животъ болѣзненъ при надавливаніи въ его верхней части слѣва; мышцы живота слѣва напряжены. Выпущенная катетеромъ моча чернубураго цвѣта, содержитъ много крови. Сердце даетъ хорошіе тоны.

Немедленно приступлено къ операціи. Продольный разрѣзъ по краю лѣвой прямой мышцы длиною до 12 см.; въ дальнѣйшемъ къ нему прибавленъ разрѣзъ влѣво подъ реберной дугою до *linea axillaris sinistra anterior*. Кишечникъ нормальнаго вида. Найдено три отверстія въ части поперечной кишки, лежавшей у лѣваго нижняго края желудка. Отверстія достигали величины 5 коп. серебряной монеты, лежали всѣ близко одно отъ другаго по одной линіи, перпендикулярной къ длиннику кишки въ части кишки противоположной брызжейкѣ. Изъ отверстій выходилъ калъ, смѣшанный съ кровью. Поперечная кишка наполнена плотнымъ комкообразнымъ каломъ. Всѣ отверстія закрыты двойнымъ швомъ путемъ образованія поперечной складки на кишкѣ. Убрана послѣ перевязки кровоподтечная часть сальника, лежавшая вблизи мѣста раненія. Желудокъ, осмотрѣнный черезъ отверстіе въ *Lig. gastro-colicum*, найденъ цѣлымъ. Въ дальнѣйшемъ найдены еще два отверстія также въ 5 коп. серебряную монету, лежавшія на $\frac{1}{2}$ см. одно отъ другаго въ фиксированной *flexura lienalis*. Оба эти отверстія защищены путемъ образованія поперечной складки, какъ и первыя, но съ значительными затрудненіями въ силу глубокаго положенія фиксированной *flexurae lienalis*. При дальнѣйшемъ осмотрѣ найдена въ глубинѣ кровоподтечная почечная капсула. Мѣсто брюшной операціи временно затампопировано; больной положенъ на бокъ; сдѣланъ поясничныи разрѣзъ для отысканія почки. При освобожденіи почки изъ ея капсулы найдена небольшихъ размѣровъ револьверная пуля, лежавшая сейчасъ-же за почкой въ почечномъ жиру. Почка извлечена и въ ней найденъ дефектъ на срединѣ выпуклой части до 2 см. шириною, до $2\frac{1}{2}$ глубиною, захватывавшій всю толщю почки. Почка поставлена на мѣсто, передняя и задняя ея поверхность прикрыты тампонами. Нижняя часть поясничнаго разрыва уменьшена швами. Брюшная рана уменьшена и слѣва, верхняя часть оставленъ широко открытой; сюда введенъ большой тампонъ по *Mikulicz'y*. Брюшная и почечная рана отдѣлены другъ отъ друга ликиимъ пластыремъ.

20/х. Пульсъ 106. Икота. Животъ слегка вздутъ, не болѣзненъ. Мочи въ повязкѣ нѣтъ. Моча *per vias naturales* безъ крови. Трубка въ прямую кишку.

21/х. Пульсъ 130, малый. Икота, рвота. Жалуется на боль въ животѣ. При надавливаніи чувствительность не велика. Моча чиста. Переменная наружныхъ слоевъ повязки.

22/х. Пульсъ 130, слабый. Жидкій стулъ повторно. Т-га оріи.

23/х. Пульсъ 120, слабоватый. Слабитъ повторно. Т-га оріи. Мочи въ повязкѣ нѣтъ. Переменная наружныхъ слоевъ повязки.

24/х. Стула не было. Животъ не вздутъ, мало болѣзненъ. Пульсъ значительно тверже, 110. Удалены всѣ тампоны. Слабый каловой запахъ на тампонахъ изъ живота. Слабый мочевоу запахъ на тампонахъ, облежавшихъ почку. Вложенъ небольшой тампонъ только до мѣста раненія почки. Тампоны въ животѣ. Т-га оріи.

26/х. Пульсъ прекрасный. Вчера жидкій стулъ два раза

30/х. Отдѣленій гнойныхъ со стороны живота довольно много. Большая часть швовъ на животѣ прорѣзалась.

3/х. Въ виду хорошаго вида почечной раны, наложенъ вторичный шовъ на края раны, оставлено небольшое отверстие для тампона. Мочи, кала въ повязкѣ нѣтъ, какъ и раньше.

6/х. Изъ почечной раны появилось довольно много гноу. Рана на животѣ превратилась въ поверхностную.

8/х. Со стороны живота хорошая грануляціонная поверхность. На тампонѣ изъ почечной раны каловой запахъ, но кала не видно.

10/х. На тампонѣ изъ раны каловой запахъ, но кала не видно.

15/х. Каловой запахъ на тампонахъ изъ почечной раны.

22/х. Со стороны почки остается узкій грануляціонный ходъ. Рана на животѣ быстро уменьшается.

8/х. Все зажило. Больной выписанъ съ указавіемъ носить навсегда впредь корсетъ на животѣ, показаться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ для возможнаго сшиванія покрововъ въ случаѣ образованія грыжи въ брюшныхъ стѣнкахъ.

Черезъ годъ больной, оставшіися служить при городскомъ трамваѣ, былъ найденъ въ прекрасномъ видѣ. Всегда носить корсетъ. Стѣнки живота въ прекрасномъ видѣ безъ малѣйшихъ намековъ на грыжу.

Настоящій случай является грознымъ въ виду полученныхъ пораненій важныхъ органовъ, въ виду сложности произведенныхъ операций. Интересно въ немъ прежде всего расположеніе отверстій въ поперечной кишкѣ и ея селезеночномъ изгибѣ. Въ поперечной кишкѣ найдено было три отверстия на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Каковы условія ихъ происхожденія? Входное отверстие было одно, слѣдовательно, внутрь живота попала одна пуля. Направление пули было нѣсколько косое по отношенію къ тѣлу, иду-

шее спереди и справа и вальво. Нужно допустить, что кишка образовала складки *resp.* выступы въ моментъ прохожденія пули, причѣмъ пуля прошла черезъ самыя верхушки складокъ. Во время операціи въ ободочной кишкѣ прощупывались плотные комки кала. Эти комки кала и обусловили образованіе выступовъ въ моментъ прохожденія пули.

Операція, при томъ немедленная въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ случаяхъ сколько-нибудь глубокихъ раненій живота отвѣчала абсолютному показанію. Такому-же абсолютному показанію отвѣчала въ данномъ случаѣ и операція на почкѣ. Пуля, прошедши черезъ кишечникъ, ранила почку и вызвала гематурію. Трудно было при такихъ условіяхъ разсчитывать на возможную доброкачественность раненія почки и ея капсулы. Если при раненіяхъ почки, не связанныхъ съ раненіемъ кишечника и можно придерживаться выжидательнаго метода, то при явномъ раненіи кишечника, на мой взглядъ, явно показано и энергичное хирургическое вмѣшательство въ смыслѣ и обследованія почки и, что еще важнѣе, созданія условій для пониженія тканеваго давленія въ благопріятномъ для околопочечныхъ процессовъ мѣстѣ. Микробная флора кишечника, особенно богатая въ толстыхъ кишкахъ, нашла-бы вполнѣ благопріятныя условія для своего размноженія въ околопочечной клѣтчаткѣ. Не было-бы рационально обследовать околопочечную клѣтчатку и почку со стороны широкаго брюшнаго разрѣза. Это повело-бы къ увеличенію маленькаго отверстія въ надпочечной брюшинѣ, имѣло-бы результатомъ установку широкаго сообщенія между брюшной полостью и почечнымъ жиромъ. Въ случаѣ легко допустимаго нагноенія въ околопочечномъ жирѣ все равно пришлось бы впослѣдствіи при менѣе благопріятныхъ условіяхъ прокладывать путь къ почкѣ сзади. Введеніе тампона въ почкѣ черезъ весь животъ повело-бы кромѣ того къ созданію новыхъ излишнихъ срощеній, фиксацій. Поэтому, на мой взглядъ, было не только благоразумно, но необходимо сразу проложить къ почкѣ отдѣльный путь, установить отдѣльный дренажъ околопочечной области, изолировать обѣ раны въ разсчетъ на скорое исчезновеніе сообщенія между брюшной полостью и областью почки. Важно устранивать зло, но еще важнѣе его предвидѣть, идя ему навстрѣчу хоть-бы путемъ нанесенія новаго большаго раненія.

Дѣйствительность вполнѣ подтвердила всѣ эти соображенія. Если присутствіе гноя на почечныхъ тампонахъ въ первые дни и могло быть объяснено общими условіями операціи, когда пришлось соприкасаться съ каломъ, то каловый запахъ, обнаруженный на

этихъ тампонахъ черезъ 18 дней послѣ операціи долженъ быть объясненъ только какъ результатъ самага пулевого раненія. Другими словами, поясничный разрѣзъ сдѣлать невозможнымъ развитіе околопочечной флегмоны. При отсутвіи этого разрѣза пришлось бы имѣть дѣло съ бурными явленіями перинефрита и пришлось-бы кончить той-же самой операціей, съ которой нужно было начать.

Кала на повязкѣ не было; кишечные швы отвѣчали своей цѣли удовлетворительно. А между тѣмъ условія для швовъ не были такъ благопріятны, какъ на тонкихъ кишкахъ, гдѣ ихъ приходится чаще всего накладывать. Твердый калъ, обнаруженный въ кишкѣ во время операціи, являлся своего рода затрудненіемъ для наложеннаго шва. Къ счастью отъ неизвѣстныхъ причинъ у больного развился поносъ вскорѣ послѣ операціи, сравнявшій въ данномъ случаѣ толстую кишку съ тонкой. Перистальтику кишечный шовъ прекрасно выдерживаетъ. Это доказывается какъ наблюденіями *Roux*, кормящаго больныхъ плотной пищей въ первые же часы послѣ гастроэнтеростоміи, такъ и правиломъ хирурговъ не давать опія послѣ кишечныхъ операцій при осторожномъ, впрочемъ кормленіи одной жидкой пищей. Всѣ мои кишечныя операціи протекали также всегда благопріятно безъ приемовъ опія при кормленіи всякаго рода жидкой пищей по прошествіи первыхъ 20 часовъ послѣ операціи. Правда въ данномъ случаѣ пришлось, хоть и безрезультатно, прибѣгнуть къ опію, но по другимъ причинамъ. У больного въ первые дни послѣ операціи развился явный перитонитъ, а послабленія сдѣлались частыми. Нужно было дать опій, чтобы съ одной стороны удержать кишечникъ отъ бурныхъ передвиженій въ виду необходимого образованія спаекъ, съ другой стороны, чтобы предотвратить ослабленіе коллябировавшаго больного частымъ жидкимъ стуломъ.

У больного были всѣ данныя для образованія брюшной грыжи. Часть кишечника лежала у него сейчасъ подъ кожей, какъ это имѣетъ мѣсто послѣ широкой тампонады по *Mikulicz*'у. Но какъ этотъ случай, такъ и другой мой случай широкой тампонады при гнойномъ перитонитѣ съ явленіемъ *deus'a*, вызванномъ прободеніемъ червеобразнаго отростка, показываютъ, что при благоразуміи со стороны больныхъ, при постоянномъ ношеніи бандажа на животѣ, опасность послѣдовательной грыжи вполне устраняется.

Изъ области хирургіи желчныхъ путей.

Случай флегмонознаго воспаленія желчнаго пузыря.

Проф. Н. М. Волковича.

Больная О. Х. 39 лѣтъ, жена офицера. Отецъ больной умеръ на 80-мъ году, матери теперь 62 г. Въ теченіи 5—8 лѣтняго возраста больная послѣдовательно перенесла корь, перемежающуюся лихорадку и скарлатину, въ 16 же лѣтъ натуральную оспу (не оставившую наружныхъ слѣдовъ). Менструаціи начались на 14-омъ году и сперва были очень обильными. Замужемъ больная съ 22 лѣтъ. Имѣла 5 дѣтей и 2 выкидыша, изъ послѣднихъ одинъ въ первый годъ замужества на 2-омъ мѣсяцѣ и другой въ 4-ый на 5-омъ мѣсяцѣ. Младшему ребенку теперь 2½ года. Всѣ роды протекали безъ осложненій. Въ анамнезѣ есть однако указаніе на женскую болѣзнь—воспаленіе яичниковъ (?), бывшее 2 раза, 5 и 2 года тому назадъ, а также на то, что въ послѣдніе годы менструаціи сдѣлались обильными и неправильными. Наконецъ, изъ словъ больной можно заключить, что она со времени своего замужества, при скудныхъ матеріальныхъ средствахъ въ семьѣ, принуждена была очень много трудиться: сама возилась съ дѣтьми, обмывала ихъ и проч.

Что касается настоящей болѣзни, то еще 10 лѣтъ тому назадъ, въ началѣ беременности 4-ымъ ребенкомъ, больная испытывала, хотя непостоянно боли въ правомъ подреберьи, прекратившіяся къ концу беременности и невозвращавшіяся потомъ около года, но дальше онѣ появились потомъ вновь, принявши къ тому же болѣе острое свойство. Онѣ сосредоточивались преимущественно въ пра-

вомъ подреберья и въ подложечной области, иногда длились по нѣскольку часовъ и доводили больную до обморока. Во время беременности послѣднимъ ребенкомъ (около 3 лѣтъ тому назадъ) боли прекратились совершенно и возобновились съ прежними свойствами около 2 лѣтъ назадъ. Со времени появленія указанныхъ болей, и даже раньше, больная жаловалась на тошноту и отрыжку. Кромѣ того, у нея были, какъ постоянное явленіе, запоры. Желтухи никогда не было.

22-го апрѣля этого года появился приступъ болей, превышающихъ интензивностью прежнія и сопровождающихся ознобомъ, повышеніемъ температуры до 38°, рвотой желчью и проч. Это тянулось около 3 дней, послѣ чего въ теченіи недѣли оставались только болѣе недѣли боли. Черезъ 2 недѣли вновь появилось повышение температуры до 38°, продолжавшееся 2 дня, вновь паденіе ея на нѣсколько дней, а съ 18-го мая начались уже весьма сильныя боли въ правомъ подреберья и поясницѣ съ повышеніемъ температуры до 39°. Желтухи и въ этомъ періодѣ болѣзни не было.

19-го мая я впервые видѣлъ больную и тогда уже ясно выступала закругленная, въ высшей степени чувствительная опухоль въ небольшой кулакъ, соотвѣтствовавшая по своему положенію желчному пузырю. Опухоль эта и, вообще, мѣстныя явленія со стороны живота оставались безъ замѣтныхъ измѣненій до дня операціи, т. е. 29-го мая. Потому коснусь ихъ здѣсь же подробнѣе. Указанная опухоль, благодаря вялости брюшныхъ покрововъ и худобѣ больной, замѣтна была уже на глазъ. Вообще, область праваго подреберья представлялась на глазъ болѣе выпяченной, чѣмъ лѣваго. Выпячиваніе это слагалось какъ изъ указанной опухоли, такъ отчасти изъ опущенія печени, которое въ извѣстной степени опредѣлялось уже до операціи, хотя прибавлю здѣсь, верхняя граница печени при постукиваніи не представляла замѣтныхъ отклоненій отъ нормы. Наконецъ, хотя также съ неполной ясностью (въ виду чувствительности при изслѣдованіи), можно было еще до операціи опредѣлить одновременное опущеніе правой почки. Границы самой опухоли пузыря, несмотря на болѣзненность изслѣдованія, благодаря благоприятнымъ условіямъ со стороны брюшныхъ покрововъ, представлялись довольно ясными. Внизу граница приходилась на 1½—2 пальца ниже пупка. Внутрь она лежала развѣ только немного правѣе средней линіи и сваружи приблизительно совпадала

съ наружнымъ краемъ прямой мышцы живота, хотя здѣсь граница опухоли, въ виду и наибольшей болѣзненности и какъ бы сливанія съ другой, менѣе ясной, опухолью, относимой, какъ сказано выше на счетъ опустившейся почки, было менѣе всего ясна. Остальныя области живота были безболѣзненны. Діафрагма не была высока. Сильная склонность къ запорамъ. Языкъ обложенный, но не сухой. Больная худая и въ высшей степени нервная. Со стороны сердца и легкихъ измѣненій не опредѣлялось. Въ мочѣ 2 анализа ея, сдѣланные за 8 дней и наканунѣ операциі, показали слѣды бѣлка, рѣзкіе широкіе гіалиновые цилиндры безъ наслоевій, много лейкоцитовъ, а послѣдній анализъ также много эритроцитовъ, слабые слѣды желчныхъ пигментовъ и пептоновъ. Изслѣдованіе крови показало количество бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ=12135. Температура съ указанного 19-го мая, когда я впервые видѣлъ больную, держалась на той же высотѣ—39—39,5° вечеромъ и 38° утромъ. Только 4 послѣднихъ дня передъ операцией, которые больная провела въ лѣчебницѣ, высота какъ вечерней, такъ утренней температуры уменьшилась на 1/2°. Замѣчу, что въ это время и опухоль пузыря сдѣлалась какъ бы меньше и не столь болѣзненной. Указанной переменѣ, кромѣ лучшей обстановки, въ какую попала больная, переѣхавши въ лѣчебницу, способствовало еще спеціально предпринимаемое, какъ приготовительная мѣра передъ операцией, тщательное очищеніе кишечника. Говорю это на основаніи наблюденій у другихъ больныхъ, оперируемыхъ изъ за холецистита: благодаря такому очищенію кишечника они подчасъ настолько чувствуютъ себя хорошо, что готовы даже отказаться отъ операциі.

V/29 1907. Операциа. Общее усиленіе хлороформомъ, не смотря на всѣ принятые предосторожности, переносилась плохо—вначалѣ было даже кратковременное syncope съ прекращеніемъ пульса. Разрѣзъ продольный черезъ правую прямую мышцу живота съ ея расщепленіемъ. (Разрѣзъ этотъ, приходящійся нѣсколько кнаружи отъ средины протяженія этой мышцы въ ширину, обычно принимается мной при операциі на желчныхъ путяхъ. Онъ даетъ и вполне достаточный доступъ и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе другихъ нарушаетъ цѣлость мускулатуры брюшной стѣнки; такъ ни въ одномъ изъ 8—10 изслѣдованныхъ мной случаевъ спустя продолжительное время послѣ операциі я не нашелъ грыжи въ рубцѣ). Пузырь оказался очень напряженнымъ, плотнымъ, съ закругленными конту-

рами, и выступалъ изъ подъ края печени пальца на $1\frac{1}{2}$, при чемъ прикрывающая его часть печени по направленію къ своему свободному краю представлялась растянутой и истонченной (долька *Rie-del'я*). Обращало на себя вниманіе также измѣненіе въ цвѣтъ: нормальнаго отсвѣчиванія желчью не было, а по цвѣту пузырь мало отличался отъ окружающихъ кишекъ. Нижняя поверхность пузыря была широко срослена съ подлежащей ободочной кишкой и дальше къ шейкѣ съ двѣнадцатиперстной. Но сращенія были рыхлыя и легко разъединяемыя. Печень была опущена: край ея выступалъ пальца на $2-2\frac{1}{2}$ ниже реберной дуги. Изъ этого положенія печень легко отдавливалась, отходя при этомъ дальше кнаружи и принимая болѣе горизонтальное положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ была значительно опущена и почка и также легко отдавливалась вверхъ. Изслѣдованные по отдѣленіи сросненій выносящіе протоки на ощупь не содержали камней, а только замѣчалось расширеніе ductus chodochus—онъ былъ толще обыкновеннаго карандаша. Кромѣ того найдены двѣ увеличенныя и твердыя лимфатическія железки. Одна, нѣсколько больше лѣснаго орѣха, у мѣста впаденія ductus cysticus въ ductus cholodochus, другая въ лѣсной орѣхъ ближе къ duodenum.

Пузырь обложенъ марлею и пунктированъ. Получилась мутная сѣрватая жидкость съ примѣсю слизи. Качество жидкости, по сравненію хотя бы съ однимъ оперированнымъ мною раньше типичнымъ случаемъ эмпіемы желчнаго пузыря, не вполне соответствовало послѣдней. Это тѣмъ болѣе было непонятно, что клиническое теченіе болѣзни и всѣ ея симптомы несомнѣнно говорили за эмпіему. Предполагая, что иглою шприца высосана только болѣе жидкая часть содержимаго, пункція повторена троакаромъ, но послѣдній не далъ больше, чѣмъ шприць. Къ тому же и все количество содержимаго было мало въ сравненіи съ объемомъ пузыря. Замѣчу, что предварительная пункція предпринята мною съ той цѣлью, чтобы, если бы оказалась эмпіема, предпочесть операцію въ 2 приема, какъ я и поступилъ съ полнымъ успѣхомъ въ указанномъ предшествовавшемъ случаѣ эмпіемы: сперва только холецистостомія и поздне, по минованіи опасности отъ инфекціи и укрѣпленіи силъ больной, удаленіе пузыря. Вслѣдъ за проколомъ я вскрылъ пузырь съ цѣлью лучше обследовать его содержимое. При этомъ вполне выяснилась громадная толщина стѣнки пузыря, въ то время какъ по-

лость его дѣйствительно было очень мала. Въ ней ясно прощупывались камни. Рѣшено было перейти къ удаленію пузыря. Но и при этомъ случилось не вполнѣ обычное явленіе: по надрѣзѣ брюшиннаго покрова пузыря снизу, при первыхъ попыткахъ къ его выдѣленію показался въ значительномъ количествѣ настоящій густой желтый гной, (при отсутствіи его, какъ видно изъ вышесказаннаго, по крайней мѣрѣ въ такомъ же видѣ въ полости самаго пузыря. Такое истеченіе гноя происходило и изъ нѣсколькихъ другихъ мѣстъ при выдѣленіи пузыря. Такъ что уже теперь было ясно, что гнойные очаги помѣщались въ самой стѣнкѣ пузыря. Замѣчательной въ связи съ этимъ представлялась сравнительная нетронутость съ виду брюшнаго покрова пузыря, гдѣ не только не было указанія хотя бы на готовящійся прорывъ, но покровъ этотъ внѣ сращеній (да и то, какъ сказано выше, рыхлыхъ) представлялся гладкимъ и блестящимъ. Также не было прорыва стѣнки и по направленію къ печени. Послѣ выдѣленія пузыря перевязанъ ductus cysticus и подъ мѣстомъ перевязки разъединенъ Пакеленомъ. Къ этому мѣсту подведены полоски іодоформенной марли, выведенныя наружу. Остальная рана зашита. Для брюшины бралися кѣгутъ, при чемъ въ верхнемъ углѣ, съ цѣлью удержать печень въ ея нормальномъ приподнятомъ положеніи въ эти швы захватывалась и прилежащая ткань печени (hepatorexia). Остальные слои брюшныхъ покрововъ подхватывались глубокими узловыми шелковыми швами. Больная перенесла операцию въ общемъ хорошо и уже къ концу ея пришла въ сознаніе.

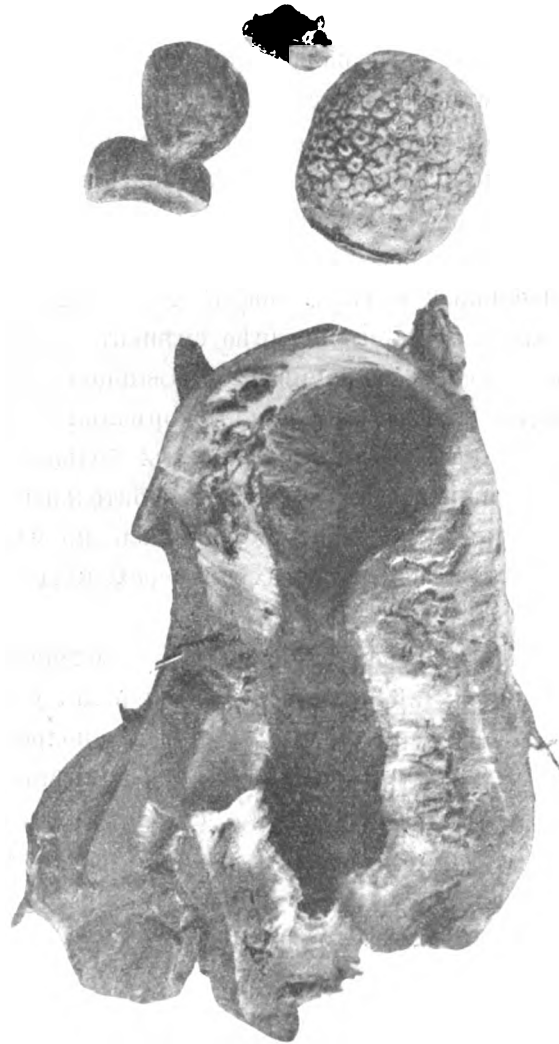
Послѣоперационное теченіе въ общемъ гладкое. Уже непосредственно послѣ операциі температура пала до нормы. Въ дальнѣйшіе дни она оставалась на 37 или съ немногими десятыми. Только первые сутки послѣ операциі была рвота, съ примѣсью желчи. Боли въ животѣ, сильныя въ первый день, также прошли уже ко 2-ому дню послѣ операциі. Вѣтры отошли къ вечеру 2-го дня и даже былъ небольшой жидкій стулъ. Съ этого времени больной начали давать жидкое черезъ ротъ. До сего же времени она обходилась только полосканіями рта и вливаніями per rectum согрѣтаго физиологическаго раствора порціями не больше стакана черезъ каждые 2—3 часа. Первая смѣна повязки черезъ 6 дней. Она къ этому времени нѣсколько сползла вверхъ. Тогда же вынуты тампоны: па нихъ были только слѣды желчи, судя по полному высыханію ея, вышедшей

первое время послѣ операциі. Введены свѣжіе полоски стерилизованной марли до дна раны. Черезъ 3 дня послѣ этого, resp. черезъ 9 дней послѣ операциі, сразу въ первый разъ появилось весьма обильное пропитываніе повязки желчью, явленіе, которое нерѣдко наблюдалось и въ другихъ моихъ случаяхъ и которое можно отнести на счетъ преждевременнаго отхожденія лигатуры съ ductus cysticus, въ то время какъ наблюдавшееся также нерѣдко пропитываніе желчью тампона въ первые дни (обыкновенно не столь значительное) скорѣе всего должно быть относимо на счетъ обнаженія печеночной ткани на мѣстѣ лежанія желчнаго пузыря. При перевязкѣ по поводу такого протеканія сняты швы. Расхожденія раны не было. Желчь на повязкѣ показывалась послѣ этого еще въ теченіи приблизительно 2 недѣль, послѣ чего выдѣленіе ея постепенно прекратилось. Тампонъ позднѣе смѣненъ резиновой дренажной трубкой, постепенно укорачиваемой. Больной разрѣшено вставать черезъ 16 дней послѣ операциі. Ненормальной представлялась только сильная склонность къ запорамъ: больной приходилось пользоваться то клизмами, то легкими слабительными. Правда, и эта ненормальность постепенно уменьшилась по мѣрѣ того, какъ больная больше оставалась на ногахъ и переходила къ обыкновенной пищѣ.

Послѣ операциі больная была подъ наблюденіемъ мѣсяць съ небольшимъ. Первые 2--3 недѣли послѣ операциі у нея было еще ощущеніе какъ бы опусканія чего то въ правомъ подреберьи. Дальше же это исчезло. Она очень поправилась и несомнѣнно значительно увеличилась въ вѣсѣ. Къ сожалѣнію, опредѣлить послѣдній до операциі не удалось, въ виду тяжелаго состоянія больной. Къ концу наблюденія (больная уѣхала на родину) отъ раны оставался только неглубокій дренажный ходъ. Въ рубцѣ отъ остальной раны не было склонности къ выпячиванію.

Удаленный пузырь былъ длиною въ 11—12 см. (Прилагаемая фотографія въ натуральную величину сдѣлана съ препарата, уже около мѣсяца пролежавшаго въ спирту). Окружность его въ самой широкой части (вблизи дна) было 14—15 см. Дно пузыря было нѣсколько отклонено влѣво. Тѣло образовывало изгибъ, обращенный влѣво, такъ что въ общемъ длинникъ пузыря представлялъ собой нѣсколько S образную фигуру. (Если все это не такъ выступаетъ на фотографіи, то потому, что вскрытіе пузыря сдѣлано не

прямо по нижней его поверхности, а, какъ это оказалось удобнѣе при операци, значительно больше вправо. О толщинѣ стѣнокъ говорилось раньше. Толщина эта доходила до $1\frac{1}{2}$ стм., а мѣстами до 2 и даже больше. Только въ шейкѣ по направленію къ выходу пу-

Удаленный при операци желчный пузырь и извлеченные изъ него камни.

зря стѣнка постепенно утончалась, хотя и здѣсь была значительно толще нормальной. На разрѣзахъ стѣнки въ ней ясно выступали гнойные очаги, представлявшіеся постѣ опорожненія, какъ это и видно на фотографіи, въ видѣ щелевидныхъ, неправильной формы полостей, содержащихъ то тамъ, то здѣсь остатки гнойнаго содер-

жимаго. Въ окружности этихъ очаговъ ткань мѣстами была въ значительной степени имбибирована кровянымъ пигментомъ, что довольно рѣзко выдѣляло ее отъ остальной ткани стѣнки, представлявшейся почти бѣлой. Гнойники были уплощенной формы, т. е. съ значительно большимъ протяженіемъ въ ширину, чѣмъ въ толщину. По своимъ размѣрамъ они содержали отъ $\frac{1}{2}$ до чайной ложки гноя и даже больше. Ихъ было 7. 3 изъ нихъ помѣщались въ тѣлѣ пузыря со стороны печеночной его поверхности, 2 на противоположной сторонѣ, 1 въ днѣ и одинъ въ шейкѣ. Только гнойники въ днѣ и шейкѣ имѣли замѣтное на глазъ сообщеніе съ полостью пузыря (это выяснилось только на препаратѣ). Другіе же, по крайней мѣрѣ макроскопически, представлялись совершенно замкнутыми. Часть гнойниковъ, какъ сказано выше, была вскрыта при удаленіи пузыря, 2-же обнаружены только на препаратѣ при надрѣзѣ стѣнки на мѣстѣ опредѣлявшагося здѣсь зыбленія. Гнойныя полости располагались такъ, что приблизительно соответствовали срединѣ протяженія стѣнки въ толщину. Брюшина нигдѣ не была прорвана или хотя бы истончена. Также не было указанія на подготовляющійся прорывъ со стороны печеночной поверхности пузыря. Слизистая пузыря не имѣла складчатости, была груба, темно гиперемирована и мѣстами поверхностно изъязвлена. Полость пузыря была мала и, благодаря угловому выступу стѣнки справа, какъ бы раздѣлялась здѣсь на 2: одна была въ тѣлѣ пузыря, другая въ шейкѣ, причемъ сообщенія между обѣими было не больше, какъ въ толстый карандашъ (на фотографіи, благодаря искусственному распластанію раскрытаго пузыря это, сообщеніе представляется значительно шире). Полость въ шейкѣ представлялась въ видѣ настоящаго круглаго дивертикула, болѣе крупнаго по своему діаметру, чѣмъ полость въ тѣлѣ. Уже съ перваго взгляда можно было сказать, что такая форма полости поддерживалась искусственно, свойствомъ ея содержимаго. И дѣйствительно, полость эта вполнѣ была выполнена камнемъ такой же закругленной формы и только нѣсколько удлиненнымъ по направленію длинника полости пузыря, діаметромъ $2\frac{1}{2} \times 2\frac{3}{4}$ см. Замѣчу, что образованіе дивертикула въ шейкѣ на счетъ помѣщающагося здѣсь крупнаго камня, закрывающаго вмѣстѣ съ тѣмъ выходъ изъ пузыря, чуть ли не обычное явленіе на удаляемыхъ при операцин желчныхъ пузыряхъ. Указанный камень былъ съ ясными бородавчатыми бугристостями на

своей поверхности. Къ полюсамъ, считая таковыя по направленію большаго діаметра камня, поверхность сглаживалась въ фасетки, при чемъ изъ послѣднихъ наиболѣе выраженной была верхняя, т. е. обращенная къ просвѣту остальной полости пузыря. На мѣстѣ фасетокъ мѣстами выступалъ бѣлый цвѣтъ, указывающій на составъ камня изъ холестеарина, за что говорила и его легкость. Остальная поверхность была бураго цвѣта, въ зависимости отъ примѣси пигмента. Распила камня не сдѣлана ради лучшаго его сохраненія. Далѣе въ полости тѣла пузыря помѣщались еще 2 камня (см. фотографію, гдѣ камни изображены въ натуральную величину) темнубураго цвѣта, неправильной угловатой формы. Здѣсь также были широкія фасетки, то прямо горизонтальныя, то выпуклыя или углубленныя. Но это не были всѣ камни, и круглый камень въ дивертикулѣ шейки не былъ заключительнымъ, какъ это чаще всего бываетъ, а въ самомъ ductus cysticus лежалъ еще одинъ камень, меньшій изъ всѣхъ остальныхъ, съ максимальнымъ діаметромъ въ 1 см. съ небольшимъ, совершенно неправильной угловатой формы и съ ясно выраженными фасеточными поверхностями. Онъ очевидно упирался въ нижній полюсъ крупнаго камня въ дивертикулѣ. Цвѣтъ его былъ бѣлѣе цвѣта другихъ камней.

При микроскопическомъ изслѣдованіи стѣнки пузыря по направленію совнугри кнаружи замѣчалось слѣдующее: слизистая въ общемъ была истончена въ сравненіи съ нормальной, такъ что мѣстами слѣдующій мышечный слой чуть ли не подходилъ къ свободной внутренней поверхности пузыря. Складки были совершенно сглажены. Столь характернаго въ нормальномъ состояніи обильнаго количества лейкоцитовъ въ ткани не наблюдалось, а скорѣе преобладали волокнистые соединительно-тканные элементы. Въ другихъ мѣстахъ наоборотъ выступало мелко-кѣтчатая инфильтрація моно-и полинуклеарамн, и даже вся ткань состояла изъ такихъ элементовъ. Это были мѣста (не такъ часто встрѣчавшіяся на препаратахъ), гдѣ мелко-кѣтчатый инфильтратъ, начинаясь въ болѣе наружныхъ слояхъ стѣнки пузыря продолжался сплошной массой, въ видѣ все суживающейся полосы, черезъ мышечный слой до свободной поверхности слизистой. Далѣе, поверхностные слои слизистой во многихъ мѣстахъ, не будучи покрыты эпителиемъ, который, конечно, отчасти могъ мацерироваться (что напр., обычно наблюдается на препаратахъ желчнаго пузыря, взятаго

изъ трупа) состоялъ изъ ткани болѣе безструктурной и своему зернисто-волокнутому строенію, похожей на фибринъ. Наконецъ, еще одно, что составляло характерное отличіе этой слизистой отъ нормальной, это присутствіе въ ней большого количества железъ, преимущественно трубчатой формы, при чемъ отдѣльныя трубкообразныя фигуры ихъ проникали глубоко между мышечными слоями. (Какъ извѣстно, железы эти столь рѣдко наблюдаются при нормальномъ состояніи пузыря, что присутствіе ихъ нѣкоторыми авторами даже совсѣмъ отрицается). *Tunica muscularis*, наоборотъ, была сильно утолщена въ сравненіи съ нормальной,—въ 5—6 разъ. Утолщеніе это относилось отчасти насчетъ гиперплазій самыхъ мышечныхъ слоевъ, отчасти также разъединяющей ихъ волокнистой соединительной ткани. О мелко-клетчатой инфильтраціи этого слоя, по крайней мѣрѣ въ замѣтной степени, можно было бы и не говорить, если бы не тѣ отдѣльныя мѣста, гдѣ, какъ сказано, инфильтратъ изъ фибрознаго слоя какъ бы прорывался черезъ мышечный къ самой поверхности слизистой. Такія болѣе или менѣе значительныя, а иногда и громадныхъ размѣровъ скопленія мелко-клетчатыхъ элементовъ (поли-и мононуклеаровъ) и наблюдались въ слѣдующемъ, фибрознамъ, слой стѣнки, приходясь по своему мѣстоположенію какъ бы на средину ея толщины. Выражаюсь такъ потому, что вся *tunica fibrosa* потеряла свой видъ въ томъ отношеніи, что здѣсь не было ни слѣдовъ слоистости ея, а была въ нѣкоторомъ родѣ сплошная повсюду почти одинаковая волокнистая ткань, выдѣлявшаяся то бѣльшимъ, то меньшимъ пропитываніемъ ея лейкоцитами, а потому здѣсь не могло быть рѣчи о дѣленіи ея, какъ это наблюдается въ нормальномъ состояніи, на болѣе рыхлый (внутренній) и болѣе наружный (компактный) слой. На мѣстѣ бѣльшаго скопленія клетокъ замѣчалось и бѣльшее развитіе сосудовъ, крупныхъ и тонкостѣнныхъ. Мѣстами сосуды эти были сплошь затромбированы. Въ такихъ мѣстахъ и окружающая ткань часто состояла изъ сѣтки фибрина съ многочисленными красными кровяными шариками и рѣдкими лимфоцитами. Изъ сосѣднихъ съ такими сплошными инфильтратами мѣстѣ фибрознаго оболочки продолженіе инфильтраціи наблюдалось главнымъ образомъ по направленію къ *tunica muscularis*. Что мѣстами большіе очаги, суживаясь въ своемъ протяженіи, непосредственно продолжались черезъ *tunica muscularis* до самой слизистой, сказано выше. Нечего и говорить,

что эти сплошные очаги лимфоцитовъ соотвѣтствовали наблюдавшимся макроскопически гнойникамъ въ стѣнкѣ, а продолженіе ихъ къ слизистой—подготавливающемуся прорыву въ полость пузыря. Также вполне соотвѣтственно макроскопическому виду, менѣе всего пострадавшей частью стѣнки пузыря представлялись болѣе наружные слои ея и въ частности перитонеальный покровъ. Такъ, послѣдній болѣе, чѣмъ подлежащіе слои сохранили свое нормальное строеніе, а въ подлежащемъ подсерозномъ слое, если и наблюдалась мелкоклѣтчатая инфильтрація, то только отдѣльными островками или узкими полосками, по ходу сосудовъ.

Содержимое пузыря взято для бактериологическаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, этого не сдѣлано по отношенію къ содержимому самыхъ гнойниковъ, хотя, а priori, на основаніи всѣхъ данныхъ, можно думать, что главное бактерійное начало и тамъ и здѣсь было одинаково. Изслѣдованіе это съ возможной тщательностью произведено докторомъ *В. Ю. Любинскимъ* въ его институтѣ. Данные его, какъ не свою собственность, я передаю здѣсь со словъ самаго изслѣдователя.

Въ послѣвахъ содержимаго желчнаго пузыря на агаръ-агарѣ и средѣ Conradi-Drigalsk'аго послѣ 20 час. пребыванія въ термостатѣ (37°) получена въ чистомъ видѣ обильная культура короткихъ, очень подвижныхъ, неокрасящихся по Граму палочекъ, которыя при детальномъ изученіи оказались, какъ видно изъ нижеприведенныхъ данныхъ, тождественными съ *b. paratyphi B.*

Морфологія. Короткія палочки съ закругленными концами; наклонность давать въ бульонныхъ культурахъ нитевидныя формы значительно слабѣе, чѣмъ у *b. typhi abdominalis.*

Подвижность—рѣзко выражена.

Ростъ на косомъ агаръ-агарѣ—въ видѣ довольно обильнаго полупрозрачнаго сѣроватаго налета; въ конденсаціонной жидкости густая, равномерная муть.

Желатина—не разжижается; поверхностныя колоніи въ различныхъ культурахъ кругловаты съ ровными краями.

На картофель.—слабый ростъ въ видѣ слегка буроватаго влажнаго налета.

Въ бульонѣ—ростъ въ видѣ равномерной мути; къ 3-мъ-4-мъ суткамъ на поверхности тонкая пленка.

Индоловая реакція съ культурами въ бульонѣ и пептонной водѣ не получается.

На средѣ Conrad-Drigalsk'аю—растетъ въ видѣ синихъ колоній, отличающихся отъ тифозныхъ нѣсколько большей величиной и меньшей прозрачностью.

Въ Neutralrotagar'н—обильное развитіе газовъ и флуоресценція.

Молоко не свертывается, превращаясь постепенно въ прозрачную, желтоватую жидкость.

Лакмусовая молочная сыворотка въ теченіе первыхъ сутокъ слегка краснѣетъ и мутится; съ четвертыхъ сутокъ роста, при увеличивающейся мутности, начинается посинѣніе сыворотки; къ концу 3-й недѣли сыворотка просвѣтляется и принимаетъ интенсивно-синюю окраску.

Въ средѣ Барзикова съ винограднымъ сахаромъ—сильное развитіе газовъ, съ покраснѣніемъ и свертываніемъ среды; въ той же средѣ съ молочнымъ сахаромъ—очень слабое броженіе безъ измѣненія внѣшняго вида среды.

При подкожной прививкѣ животнымъ, бѣлая мышь, получившая одну петлю агаровой культуры, погибла черезъ 20 часовъ; морская свинка (вѣсомъ 423 грм.), получившая 1 к. с 14-ти часовой бульонной культуры, погибла черезъ двое сутокъ и кроликъ отъ той же дозы—по прошествіи 3 сутокъ. Въ посѣвахъ изъ внутреннихъ органовъ и крови сердца—обильная культура палочекъ.

Для окончательной діагностики полученныхъ палочекъ произведена реакція агглютинаціи съ агглютинирующей (паратифозной) сывороткой, приготовленной въ Бернскомъ бактериологическомъ институтѣ (нотированный титръ—1:10000), при чемъ агглютинація получилась въ разведеніи—1:5000; такую же предѣльную агглютинирующую способность обнаружила сыворотка при контрольномъ опытѣ съ культурой *b. paratyphi B.*, полученной изъ Берлинскаго института для инфекціонныхъ болѣзней.

Результатъ бактериологическаго изслѣдованія, какъ мы видимъ, получился въ нѣкоторомъ родѣ неожиданный. Хотя въ анамнезѣ нѣтъ указанія на заболѣваніе, которое можно было отнести къ паратифу, но это еще не доказательство, что его не было, разъ и самая болѣзнь такъ легко можетъ быть смѣшана съ другими, особенно сопровождающимися желудочно-кишечными расстройствами. И въ этомъ отношеніи данный случай можетъ считаться.

по крайней мѣрѣ пока, рѣдкимъ. Говорю „пока“, такъ какъ вообще бактериологическое изслѣдованіе содержимаго желчнаго пузыря, хотя бы даже только въ хирургическихъ случаяхъ, до сихъ поръ производилось далеко не съ такой постоянностью, какой бы оно заслуживало. Какъ напр., видно изъ учебника *Kolle* и *Wassermann'a* 1907. Handbuch d. pathogenen Mikroorganismen, Ergänzungsband, стр. 660, на живомъ изъ содержимаго пузыря разводки интересующей насъ палочки получены до сихъ поръ только въ 5 случаяхъ (1 *Pratt'a* и 4 *Forster'a* и *Kayser'a*).

Подводя итогъ всему изложенному, мы видимъ слѣдующее: больная въ теченіи многихъ лѣтъ имѣла повторяющіеся отъ времени до времени припадки холецистита. Послѣдній поддерживался существующими въ пузырь камнями. Самый холециститъ едва-ли восходилъ до болѣе тяжелой формы, чѣмъ катаральной. Въ пользу давности страданія и, въ частности, катаральной формы его, говорятъ, помимо клиническаго теченія, патолого-анатомическія измѣненія на удаленномъ пузырь—рѣзкое фиброзное измѣненіе слоевъ стѣнки, гипертрофія мышечнаго слоя, образованіе железъ въ слизистой, сравнительная нетронутость брюшиннаго покрова и проч. Но вотъ у больной въ послѣднее время появляется гораздо болѣе тяжелый припадокъ, приведшій ее уже прямо къ хирургу. Этотъ припадокъ выразился не въ видѣ какъ-бы слѣдующей по тяжести степени пораженія пузыря, наступающей при усиленіи инфекціи или условій, болѣе благоприятныхъ для ея дѣйствія,—гнойнаго катарра—эмпіемы пузыря, а еще въ болѣе тяжелой и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразной формѣ процесса—глубокаго гнойнаго, настоящей флегмоны желчнаго пузыря. Характернымъ для этого процесса явилось распространеніе его именно въ толщъ стѣнки, стѣсненіе его, другими словами, въ своемъ распространеніи къ поверхности, какъ наружной, такъ отчасти и къ внутренней, свойствами прилежащихъ слоевъ стѣнки. А эти свойства именно были таковы, что для прорыва гноя представлялась стойкая преграда: со стороны слизистой былъ мощно развившійся слой мышечной ткани, съ наружной фиброзная ткань. Препятствіе, представляемое этими слоями для распространенія гноя, можно было бы сравнить, напр., съ тѣмъ, какое оказываютъ фасціальныя и другія физиологически существующія образованія. Гной какъ бы только слѣдовалъ протяженію отдѣльныхъ фиброзныхъ пластовъ, имѣя возможность скорѣе разъединить

ихъ, чѣмъ прорвать. Отсюда же и уплощенная форма гнойниковъ. гесп. съ ихъ значительно большимъ распространеніемъ въ ширину, чѣмъ въ толщину. Такому измѣненію слоевъ стѣнки пузыря въ смыслѣ ихъ большей резистентности, больная обязана предшествовавшему, долго тянувшемуся холециститу. Какъ мы уже сказали выше, насчетъ именно этого, нужно отнестъ и фиброзное перерожденіе слоевъ и гипертрофію мышечнаго слоя, а если бы тогда осмотрѣть пузырь, то навѣрное бы мы нашли и уплотнѣніе его стѣнки и увеличеніе ея въ толщину во много разъ въ сравненіи съ нормальной. Присоединившійся гнойный процессъ въ видѣ объемистыхъ включеній въ стѣнкѣ, въ связи съ неизбежной при этомъ отечностью тканей, и далъ ту мощную толщину стѣнки, какую мы получили въ этомъ случаѣ.

Указанное уплотнѣніе стѣнки пузыря и, въ частности, наружныхъ слоевъ ея, можно сказать, и спасло больную отъ той бѣднѣйшей опасности, которая могла бы угрожать ей при указаннаго рода осложненіи—это прорыва пузыря кнаружи со всѣми его тяжелыми послѣдствіями. Такъ оно на самомъ дѣлѣ чаще всего и бываетъ, разъ процессъ принимаетъ столь бурное теченіе, что переходитъ за предѣлы слизистой на наружные слои стѣнки. Потому-то данный случай и является столь рѣдкимъ въ практикѣ, какъ доказывается и статистическими данными, Такъ *Courvoisier*¹⁾ въ 1780 собранныхъ имъ случаевъ нашелъ флегмонозную инфильтрацію стѣнки пузыря въ 7. По его описанію, пузырь, расширенный и большею частью наполненный мутной отъ примѣси гноя желчью, былъ то здѣсь, то тамъ изъязвленъ и въ толщѣ своихъ стѣнокъ пронизанъ гноемъ, одинъ разъ въ видѣ пустуль, другой—подбрюшинныхъ абсцессовъ, чаще же диффузно. Въ одномъ случаѣ, оперированномъ *Courvoisier* омомъ, было приростаніе пузыря къ *colon transversum* и въ этой спаивающей оба органа массѣ было гнойное гнѣздо. Соответственно ему было изъязвленіе на слизистой, ведущее къ гнѣзду. Кромѣ того, въ стѣнкахъ пузыря было еще нѣсколько мелкихъ абсцессовъ. Дальше, *Körte*²⁾ описываетъ случай флегмонознаго воспаления, судя по приложенному къ монографіи рисунку, сходный съ монмъ, хотя не съ

¹⁾ Casuistisch-statistische Beiträge zur Pathologie und Chirurgie der Gallenwege 1890, стр. 70.

²⁾ Beiträge zur Chirurgie der Gallenwege u. der Leber 1905, стр. 61.

столь сильнымъ утолщеніемъ стѣнки (но въ этомъ случаѣ и страданіе холециститомъ было недавнимъ). Кромѣ того, *Körte* упоминаетъ, что еще въ 10 случаяхъ (всѣхъ у него было 500) онъ встрѣчалъ абсцессы въ стѣнкѣ пузыря. Но просматривая исторію болѣзни этихъ случаевъ, я убѣдился, что они, кромѣ присутствія абсцессовъ, обыкновенно мелкихъ и немногочисленныхъ и иногда только въ одной слизистой, далеко не подходили къ той типичной картинѣ, какая наблюдалась въ моемъ случаѣ. И здѣсь, какъ въ случаяхъ *Courvoisier*'а, повсюду подчеркивается широкое изъязвленіе слизистой и абсцессы явились только продолженіемъ гнойныхъ ходовъ, начинающихся на мѣстѣ изъязвленія.

Но не только по аналогіи со случаями *Courvoisier*'а и *Körte*'а, но также на основаніи другихъ данныхъ можно сказать, что въ нашемъ случаѣ инфекция несомнѣнно произошла изъ полости пузыря, а не извнѣ, путемъ переноса. Въ пользу этого говоритъ наличность тѣхъ явленій въ пузырьѣ, которыя ведутъ какъ бы къ концентраціи заразнаго начала и способствуютъ проявленію его дѣйствія—это присутствіе камней, поддерживающихъ раздраженіе стѣнки и, главное, закупорка ими выхода изъ пузыря.

Путемъ для распространенія заразы могли быть какъ лимфатическіе, такъ и кровеносные пути. Процессъ локализовался въ фиброзномъ слоѣ стѣнки пузыря и, судя по всему, въ части его, граничащей съ *muscularis*, которая и по своему гистологическому строенію, большей рыхлости въ сравненіи съ наружнымъ слоемъ, представляютъ лучшія условія для сосредоточенія здѣсь процесса.

Къ вопросу о застойномъ склерозѣ печени.

Пр.-доц. В. Н. Константиновича.

Ассистента при Патолого-Анатомическомъ Институтѣ Императорскаго Университета Св. Владиміра.

I.

Извѣстно, что застойныя измѣненія (склерозъ) печени, наблюдающіяся при болѣзняхъ сердца, діафрагмы, легкихъ, половой вены и пр., подъ микроскопомъ выражаются атрофіей паренхимныхъ клѣтокъ этого органа, одновременнымъ расширеніемъ центральныхъ и печеночныхъ венъ, а также утолщеніемъ ихъ стѣнокъ на счетъ увеличенія количества плотной, безъядерной соединительной ткани. При этомъ макроскопически органъ бываетъ или нѣсколько увеличеннымъ, или сохраняетъ свой нормальный объемъ, или, наконецъ, особенно въ случаяхъ длительного застоя, можетъ быть нѣсколько уменьшеннымъ; однако, если дѣло идетъ только объ застойныхъ измѣненіяхъ, онъ имѣетъ почти всегда гладкую, а не зернистую, какъ при циррозѣ, поверхность, но представляется при этомъ настолько плотнымъ, что на секціонномъ столѣ хруститъ подъ ножомъ, подобно тому какъ это наблюдается и при циррозѣ печени.

Прежнія клиническія наблюденія надъ застойной и цирротической печенью, а равнымъ образомъ и морфологическія изслѣдованія, показавшія въ нѣкоторыхъ случаяхъ застойно измѣненной (склерозированной) печени клѣточковую инфильтрацію перипор-

тальныхъ участковъ, многимъ дало возможность усматривать связь между застоємъ крови въ печени и появленіемъ въ ней цирротическаго процесса (*Becquerel, Dreschfield, Green, Oppolzer, Osler, Talamon* и др.). Такойъ взглядъ поддерживался и теоретическими воззрѣніями на причины воспаленія, одну изъ которыхъ признавали въ раздражающемъ вліяніи застойной гипереміи (*Virchow*). Если принять во вниманіе при этомъ, что многіе ошибочно локализовали застойныя (склеротическія) измѣненія печени въ периферіи дольки (*Handfield Jones, Liebermeister, Klebs, Rindfleisch, Green, Dreschfield, Talamon, Rendu* и др.), то станетъ понятнымъ и появленіе взгляда, что склеротическія и цирротическія измѣненія печени по существу являются сходными процессами, а этимъ оправдывалось и наименованіе застойнаго склероза печени „застойнымъ (сердечнымъ) циррозомъ“. Другіе авторы, строго разграничивая эти два процесса, все же находили нѣкоторое сходство между высоко застойной печенью въ той стадіи, когда могутъ явиться признаки воспаленія (*Virchow*), и цирротической. Признавалось также при этомъ, что начальныя и главныя измѣненія застойной печени въ видѣ атрофіи печеночныхъ клѣтокъ и развитія (на почвѣ гиперплазіи клѣтокъ) соединительной ткани располагаются въ центральныхъ частяхъ долекъ: развивающаяся же соединительная ткань, (иногда и въ периферіи печеночныхъ долекъ), послѣдовательно сморщиваясь, ведетъ къ рѣзкой индурации органа (*Rokitansky, Virchow, Finster, Frerichs, Potain, Sabourin, Orth, Ziegler, Weichselbaum, Kaufmann*). Такъ по *Orth*’у: „bei langsamer Entwicklung der Stauung tritt zuweilen eine gewisse Induration und Zunahme des Bindegewebes ein, welche auch in dem periportalen Bindegewebe nicht fehlt“. Такая печень представляетъ: „grosse Aehnlichkeit mit einer gewöhnlichen cirrhotischen“. *Ziegler* указываетъ, что иногда перипортальная ткань бываетъ при застоѣ „hypertrophisch und zellig infiltrirt so dass eine besondere Art der Cirrhose entsteht“. У *Kaufmann*’а говорится: „Bei reichlicher Bindegewebsbildung kann ein der Cirrhose in etwa aehnliches Bild entstehen“ и т. д. Развитие при этомъ соединительной ткани относилось всецѣло на счетъ *гиперплазіи* клѣтокъ подъ вліяніемъ выраженного венознаго застоя. Этотъ процессъ по *Подвысокому* представляется слѣдующимъ: „рядомъ съ атрофіей паренхиматозныхъ элементовъ при хроническихъ венозныхъ гипереміяхъ происходитъ разрастаніе соединительной стромы органа, доводящее

иногда до состоянія такъ называемаго застойнаго затвердѣнія, ціанотической индурации“. Объясняется это разрастаніе соединительной ткани тѣмъ, „что при огромной стойкости этой ткани, сравнительно съ остальными тканевыми элементами, атрофія паренхиматозныхъ элементовъ, нарушающая равновѣсіе въ органѣ. и, вѣроятно, раздражающее дѣйствіе задержанныхъ продуктовъ обмѣна, служатъ стимулами къ росту соединительной ткани“.

Разсматривая застойное затвердѣніе (склерозъ) печени какъ результатъ кліточной гиперплазіи, авторы не могли не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ мѣстахъ увеличеннаго количества склерозированной, безъядерной соединительной ткани никогда не приходится видѣть молодой соединительной ткани, въ періодѣ эмбриональнаго ея состоянія, а потому неизбѣжно приходилось допустить, что этотъ процессъ гиперплазіи протекаетъ чрезвычайно медленно и незамѣтно. Отсюда понятно почему и общее названіе „склерозъ“ ткани понималось, да и понимается многими, особенно французскими авторами, какъ уплотненіе соединительной ткани путемъ медленно протекающей гиперплазіи ея, вслѣдствіе хроническаго на почвѣ застоя крови раздраженія или даже воспаленія (Nouveau dictionnaire de med. et de chir. pratique. Tome 32. Art. „Sclérose“, Paris, 1882).

Согласно, однако, главнымъ образомъ позднѣйшимъ изслѣдованіямъ, имѣвшимъ цѣлью выяснить дѣйствительное значеніе венознаго застоя для развитія (размноженія) въ печени соединительной ткани, позволительно думать, что венозный застой, какъ таковой, вызываетъ измѣненія печеночныхъ клітокъ, но развитію соединительной ткани не способствуетъ, и что при наличности развитія въ застойной печени соединительной ткани—такое должно быть отнесено на счетъ вліянія другихъ факторовъ. Такъ многіе авторы высказывались, что застой въ печени нарушаетъ обмѣнъ веществъ и является въ силу этого моментомъ лишь усугубляющимъ вредное вліяніе на печень различныхъ веществъ, циркулирующихъ въ крови при интоксикаціяхъ (алкоголь, свинець), аутоинтоксикаціяхъ желудочно-кишечнаго происхожденія, инфекціяхъ (туберкулезъ, lues, ревматизмъ и др.), и что эти собственно причины, а не механическій застой имѣютъ „action sclérogène“ и вызываютъ въ печени развитіе соединительной ткани (*Debove, Lance-*

reaux, Talamon, Rendu, Tapret, Barth, Hanot, Sevedavy, Parmentier, Oppenot, Piéry, Eisenmenger и др.).

Parmentier производилъ животнымъ при помощи вальвулотома искусственный порокъ трехстворки и получалъ рѣзкій застой органовъ, ясную мускатную печень съ напряженіемъ капсулы и расширеніемъ венозныхъ сосудовъ, а въ одномъ случаѣ, гдѣ животное погибло въ теченіи 3-хъ дней при явленіяхъ асистолии, нашелъ даже кровоизліянія въ печеночной паренхимѣ. Ни въ одномъ случаѣ авторъ не находилъ „склероза“ печеночной ткани, а лишь расширеніе печеночныхъ венъ и атрофію соответственныхъ печеночныхъ балокъ. *Parmentier* полагаетъ, что болѣе или менѣе выраженный „склерозъ“ печени является слѣдствіемъ раздраженія соединительной ткани токсическими веществами, находящимися при извѣстныхъ условіяхъ въ крови.

Oppenot развитіе „склероза“ печени ставитъ въ связь съ „une prédisposition, une tare hépatique antérieure“, благодаря чему печень является locus minoris resistentiae; анатомическимъ же условіемъ при этомъ служитъ „une disposition spéciale d'aboutement et de calibre, qu'affectent les veines sushépatiques“.

Piéry изслѣдовалъ микроскопически эффектъ застоя въ печени въ 9 случаяхъ, гдѣ были чистыя застойныя явленія, и не нашелъ „aucune trace de prolifération conjonctive dans le foie“; наблюдались только явленія атрофіи печеночныхъ балокъ и расширеніе капилляровъ, очевидно механическаго происхожденія, и авторъ заключаетъ, что „la stase sanguine même prolongée. ne suffit pas à produire la sclérose du foie cardiaque“, понимая „la sclérose“ въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Eisenmenger указываетъ, что большой процентъ изъ всѣхъ изслѣдованныхъ (болѣе 100 случаевъ) имѣ печени, въ которыхъ застои были рѣзко выражены и продолжительны, не показывалъ и слѣдовъ развитія соединительной ткани, и что для застойной печени вообще является типичнымъ—отсутствіе развитія соединительной ткани. Встрѣчающееся же и въ нормальныхъ печеняхъ неодинаковое количество, то болѣе, то меньшее, соединительной ткани можетъ служить причиной ошибочнаго иногда распознаванія увеличеннаго ея противъ нормы количества въ застойной печени. Что касается гибели печеночныхъ клѣтокъ, то, не наблюдая такихъ фигуръ сдавленія клѣтокъ, какъ это встрѣчается въ окружности кистъ, опу-

холей, эхинококковъ и пр., авторъ полагаетъ, что клѣтки гибнутъ не отъ давленія, а отъ простой атрофіи вслѣдствіе пониженія при застоѣ питательныхъ свойствъ крови. Гибель при этомъ клѣтокъ въ центральныхъ частяхъ долекъ можетъ вызывать гипертрофію ихъ въ периферическихъ частяхъ (ср. *Салтыковъ*). Плотная консистенція печени по *Eisenmenger*'у зависитъ отъ уменьшенія количества паренхимы и *относительнаго* увеличенія соединительной ткани.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ новѣйшихъ работахъ значеніе застоя крови, какъ фактора вызывающаго развитіе и увеличеніе соединительной ткани оспаривается въ довольно категорической формѣ. Да и вообще къ значенію всякой гипереміи—будетъ ли послѣдняя зависѣть отъ увеличенія притока крови или уменьшенія оттока—для развитія соединительной ткани нѣкоторые авторы въ послѣднее время относятся также отрицательно.

Особенно интересны въ этомъ отношеніи опыты *Bizzogero* и *Renzo*, заключавшіеся въ томъ, что животное (морская свинка) содержалось въ особомъ аппаратѣ такъ, что одно ухо его находилось постоянно при $t\text{-рѣ } +10^{\circ} \text{ C.}$, а другое при $t\text{-рѣ } +38^{\circ} \text{ C.}$ и такимъ образомъ въ первомъ поддерживалась анемія, въ то время какъ во второмъ наблюдалась гиперемія. Опыты производились надъ старыми и молодыми животными и показали, что въ нагрѣвавшемся ухѣ явленія роста въ эпителии кожи и сальныхъ железъ были рѣзче выражены, чего, однако, соединительная ткань и хрящъ не показывали. У молодыхъ животныхъ кромѣ того оказалось, что ухо находившееся при высокой $t\text{-рѣ}$ по истеченіи 8 дней было длиннѣе другого на 3 mlm. По удаленіи аппарата отставшее въ ростѣ ухо начало расти быстрѣе и по истеченіи мѣсяца разница была всего на 3 mlm. При обратной постановкѣ опыта на томъ же животномъ въ высокую $t\text{-ру}$ помѣщено было ухо, находившееся раньше при низкой $t\text{-рѣ}$ и оно по истеченіи 13 дней стало длиннѣе другого на 4 mlm. Микроскопическое изслѣдованіе снова обнаружило въ нагрѣвавшемся большее количество митозовъ въ эпителии кожи и железъ, въ соединительной же ткани и въ хрящѣ гиперплазіи не наблюдалось. При наличности увеличенія длины нагрѣваемаго уха опытнаго животного и при отсутствіи гиперплазіи въ соединительной ткани и хрящѣ—можно было заключить, что *образовалось въ большемъ количествѣ междуклѣточковое вещество.* Параллельно съ этимъ *Renzo*

показаль, что раненія заживають лучше при гипереміи вслѣдствие нагрѣванія. Изъ этихъ опытовъ *Bigzozero* заключаетъ, что гиперемія улучшаетъ пролиферацію тканей, находящихся въ состояніи физиологической регенераціи, или въ состояніи раздраженія, какъ раненія, но она не можетъ пробудить въ ткани (соединительной) угасшей пролифераціи.

Приведенныя изслѣдованія, отрицая значеніе активной и пассивной гипереміи для развитія соединительной ткани, тѣмъ самымъ даютъ основаніе для производства настоящаго морфологическаго изслѣдованія, которое имѣетъ цѣлью затронуть наиболѣе спорную сторону вопроса, а именно—происхожденіе и сущность наблюдающагося при хроническомъ застоѣ печени увеличенія склерозированной соединительной ткани въ центральныхъ частяхъ долекъ. Въ этомъ отношеніи, мы видѣли, мнѣнія авторовъ существенно расходятся. Въ то время какъ одни изслѣдователи, наблюдая въ застойной печени увеличеніе количества соединительной ткани усматривали въ этомъ эффектъ гиперплазіи соединительно-тканыхъ кѣлокъ подъ вліяніемъ венознаго застоя, или ирритативнаго дѣйствія на нихъ вредныхъ веществъ, циркулирующихъ при этомъ въ крови (большинство авторовъ), или даже приписывали это особому предрасположенію (*Oppenot*), другія развитія (размноженія) соединительной ткани въ застойной печени вовсе не наблюдали (*Parmontier*, *Piéry*, *Eisenmenger*), и допускали лишь относительное (кажущееся) увеличеніе соединительной ткани (*Eisenmenger*), выступающее вслѣдствіе гибели извѣстной части паренхимы застойной печени.

Съ послѣднимъ мнѣніемъ однако мы никакъ не можемъ согласиться и утверждаемъ, что почти каждый случай хроническаго застоя печени, когда органъ ціанотически индурированъ представляетъ до очевидности ясную картину такого увеличенія количества безъядерной соединительной ткани въ центральныхъ частяхъ долекъ, и особенно въ стѣнкахъ печеночныхъ венъ какого въ нормѣ вовсе не приходится наблюдать. Дѣйствительное увеличеніе безъядерной соединительной ткани при застоѣ есть фактъ не подлежащій сомнѣнію. И если что представляется неяснымъ, то это способъ ея развитія, такъ какъ мнѣніе, что застойный склерозъ печени имѣетъ въ основѣ процессъ кѣлочной гиперплазіи соединительной ткани—едва ли можетъ быть принятымъ.—Кстати

упомянемъ, что въ послѣднее время *Hart* указывалъ на то, что въ хронически застойной печени, одновременно съ гибелью печеночныхъ клѣтокъ, наблюдается отложение фибрина въ периваскулярныхъ пространствахъ кровеносныхъ капилляровъ, болѣе центральныхъ частей долекъ, — обстоятельство, которое, пожалуй, могло бы быть использовано въ цѣляхъ особаго объясненія происхожденія, наблюдающагося въ застойной печени увеличенія количества волокнистаго безъядернаго вещества; однако при провѣркѣ работы *Hart'a* (*L'Engle, Hayami*) она оказалась ошибочной. Съ своей стороны мы можемъ указать, что на многихъ случаяхъ длительно застойной печени, картинъ подобныхъ тѣмъ, которыя описываются *Hart'омъ* намъ видѣть не приходилось.

II.

Настоящее сообщеніе является результатомъ изслѣдованія больше 20 случаевъ рѣзко выраженнаго хроническаго застоя печени у различныхъ лицъ въ возрастѣ отъ 15 до 57 лѣтъ. Сообщаемые случаи являются частью матеріала, который былъ собранъ мною въ бытность мою за границей главнымъ образомъ въ Лейпцигскомъ патологическомъ институтѣ.

Такъ какъ застойныя измѣненія въ печени были во всѣхъ случаяхъ ясно выражены, были совершенно характерны и не представляли какихъ либо особенностей, мы ограничимся приведеніемъ лишь краткаго анатомическаго діагноза.

Что касается методики изслѣдованія, то она была слѣдующая: вырѣзанные кусочки фиксировались въ формалинѣ, въ формалинѣ съ хромовой кислотой или съ Мюллеровской жидкостью, въ алкогольъ и Флемминговой жидкости. Заключались кусочки по обычнымъ правиламъ въ целлондинѣ. Для окраски срѣзовъ служили: гематоксилинъ + эозинъ, гематоксилинъ + *Van-Gieson*, Thionin, Safranin, Orcein, способъ *Weigert'a* и способъ *Mallory*.

Случай 1-й.

Мущина 43 лѣтъ.

Анатомическій діагнозъ. Stenosis et insufficientia valv. mitralis Dilatatio atrii cordis et ventriculi sinistri. Dilatatio et hypertrophia ventriculi dextri. Endocarditis verrucosa valv. mitralis et tricuspidalis recens. thrombus plexus venosi prostatici et venae femoralis sinistrae. Infarctus multiplices et oedema pulmonum. Pleuritis fibrinosa recens. Induratio cyanotica hepatis, lienis et renum.

Микроскопическое изслѣдованіе. Центральныя части долекъ до $\frac{1}{2}$ радіуса дольки залиты кровью. Печеночныя балки здѣсь исчезли, кое-гдѣ лишь встрѣчаются отдѣльныя, атрофированныя, неправильно округлой формы, съ болѣе или менѣе слабо окрашеннымъ, или вовсе не окрашивающимся, иногда же пикнотизированнымъ ядромъ печеночныя клѣтки, часто переполненныя буроватымъ желчнымъ пигментомъ. Въ слѣдствіе наступившей атрофіи печеночныхъ балокъ рядомъ лежащіе кровеносныя капилляры центральныхъ частей долекъ сближены до взаимнаго соприкосновенія своими стѣнками. Послѣднія во многихъ мѣстахъ представляются утолщенными, какъ бы набухшими, и имѣютъ безструктурный, или вѣжно-волоконистый видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно съ масляной системой можно видѣть, что нѣсколько волнообразныя, вѣжныя волоконца располагаются въ непосредственной близости къ эндотеліальнымъ клѣткамъ кровеносныхъ капилляровъ, являясь какъ бы составною частью поверхностнаго слоя ихъ протоплазмы. Мѣстами же межкѣточной волокнистой ткани нѣсколько больше, она имѣетъ болѣе плотный, а иногда и гомогенный характеръ, являясь, повидимому, гиалинизированной. Въ этихъ слабо волоконистыхъ и гомогенныхъ участкахъ, окрашивающихся по *Van-Gieson*'у въ красный цвѣтъ, болѣе интензивный въ гомогенныхъ участкахъ,—кѣточныхъ ядеръ вовсе не встрѣчается; послѣдніе располагаются обыкновенно по периферіи названныхъ участковъ, т. е. на внутренней поверхности рядомъ лежащихъ капилляровъ и являются выраженіемъ эндотеліальныхъ кѣтокъ капилляровъ. Названныя ядра имѣютъ характерное пузырькообразное, или нѣсколько вытянутое ядро, и значительное количество протоплазмы по окружности. Кѣтки находятся во взаимной связи, прикасаются другъ къ другу частями протоплазмы, если слѣдить за ними на серіи срѣзовъ. Окраска по *Weigert*'у, а равно и при помощи *Orcein*'а на присутствіе эластическихъ волоконъ въ центральныхъ частяхъ дольки, гдѣ обнаруживаются упомянутые участки волокнистаго вещества, даетъ отрицательный результатъ, подобно тому какъ это обыкновенно получается и въ нормальной печени (*Мельниковъ-Разведенковъ*). Въ расширенныхъ капиллярахъ центральныхъ частей долекъ—неизмѣненные красныя кровяныя шарики, среди которыхъ въ небольшомъ количествѣ, какъ и при нормѣ, встрѣчаются лейкоциты—полиуклеары, рѣдко моноуклеары. Мѣстами въ эндотеліальныхъ

клеткахъ встрѣчаются такія же желтыя зернышки желчнаго пигмента, какъ и въ атрофирующихся печеночныхъ клеткахъ, являющіяся выраженіемъ фагоцитарной способности эндотеліальныхъ клетокъ. Стѣнки печеночныхъ венъ, въ капиллярной сѣти которыхъ застой крови наиболѣе выраженъ, представляются ясно утолщенными, то волокнистаго, то болѣе гомогеннаго вида, но количество ядеръ въ нихъ не увеличено. Въ стѣнкахъ венъ болѣе значительнаго калибра, у которыхъ стѣнки естественно представляются болѣе толстыми, заключая въ себѣ больше клеточныхъ слоевъ,—и клеточныхъ ядеръ встрѣчается нѣсколько больше. Эти ядра почти исключительно принадлежатъ эндотеліальнымъ клеткамъ, частью подходящихъ къ венѣ кровеносныхъ капилляровъ, частью проходящихъ здѣсь лимфатическихъ сосудовъ. Мѣстами эндотеліи внутренней оболочки болѣе крупныхъ венъ также представляется нѣсколько измѣненнымъ въ томъ смыслѣ, что протоплазма его увеличена въ количествѣ и представляется нѣсколько болѣе компактной въ части своей, обращенной въ просвѣтъ сосуда. Жировыя капельки въ печеночныхъ клеткахъ располагаются возлѣ центральныхъ частей долекъ; периферіи долекъ совершенно свободны отъ жира. Въ перипортальныхъ участкахъ измѣненій нѣтъ; въ соединительной ткани ихъ попадаются болѣе интензивно окрашивающіяся круглыя небольшія ядра, принадлежащія молодымъ соединительно-тканнымъ клеткамъ, но количество ихъ не выходитъ изъ предѣловъ нормы.

Случай 2-й.

Мущина 18 лѣтъ.

Анатомическій діагнозъ. *Kyphosis gravis columnae vertebralis thoracicae. Endocarditis chronica fibrosa valv. aortae et mitralis. Endocarditis verrucosa recens valv. mitralis. Insufficiencia valv. aortae et mitralis. Dilatatio et hypertrophia cordis totius gravis. Atelectasis partialis et induratio fusca pulmonum. Cyanosis universalis.*

Микроскопическое изслѣдованіе. Картина весьма сходна съ вышеизложенной. Застойныя измѣненія захватываютъ центральныя и часть срединныхъ зонъ долекъ печени. Стѣнки печеночныхъ венъ утолщены. По способу *Mallory* волокнистыя, а равно и гомогенныя участки особенно въ области печеночныхъ венъ а также и соприкасающихся между собой стѣнокъ смежныхъ расширенныхъ капилляровъ окра-

шиваются значительно интензивнѣе въ синій цвѣтъ, чѣмъ это обыкновенно показываетъ клѣточная протоплазма. Волокнистое строение въ этихъ мѣстахъ выступаетъ ясно. По *Van-Gieson*'у волокнистые участки принимаютъ малиново-красный цвѣтъ. Жировая инфильтрація располагается ближе къ центральной части долекъ: 2—3 ряда клѣтокъ у периферіи перипортальныхъ участковъ жира совсѣмъ не содержатъ.

Случай 3-й.

Мущина 16 лѣтъ.

Анатомическій діагнозъ. Endocarditis verrucosa valv. mitralis et tricuspidalis. Insufficiencia valv. mitralis. Degeneratio adiposa myocardii. Dilatatio cordis totius. Hypertrophia mediocris ventr. sinistri cordis. Induratio fusca pulmonum. Cyanosis lienis, hepatis, renum. Ascites. Hydrothorax. Thrombosis venae subclaviae dextrae.

Микроскопическое изслѣдованіе. Застойныя явленія въ центрахъ долекъ столь же рѣзки, какъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ. Въ толщѣ стѣнокъ печеночныхъ венъ и соприкасающихся стѣнокъ капилляровъ видны мѣстами болѣе, мѣстами меньше выраженные, но въ общемъ ясно волокнистые, безъядерные участки, лишь кое-гдѣ приобретающіе нѣсколько гомогенный видъ. Тамъ гдѣ волокнистое вещество въ небольшомъ количествѣ оно въ видѣ тонкихъ волоконцевъ и прослоекъ располагается снаружи (въ сторону сосѣдняго капилляра) эндотеліальныхъ клѣтокъ. Со стороны крови и перипортальныхъ участковъ измѣненій не замѣтно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ печеночныя балки еще не совсѣмъ исчезли можно видѣть, что кровь находится въ перикапиллярномъ пространствѣ: эндотеліальная стѣнка капилляровъ въ этихъ случаяхъ показываютъ не одинаковую толщину, благодаря присутствію въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ бы наслойки на поверхности клѣточной протоплазмы. Жировыя капельки въ клѣткахъ возлѣ центровъ долекъ периферіи послѣднихъ свободны отъ жира.

Случай 4-й.

Анатомическій діагнозъ утерянъ.

Микроскопическое изслѣдованіе. Картина сходная съ вышеизложенной. Стѣнки печеночныхъ венъ утолщены. Перипортальные участки безъ измѣненій. Периферіи долекъ свободны отъ жира.

Случай 5-й.

Мущина 44 лѣтъ.

Анатомическiй диагнозъ. *Obesitas universalis. Hypertrophia idiopathica cordis totius. Dilatatio maxima ventric. sinistri, atrii et ventr. dextri cordis. Insufficiencia valv. mitralis et tricuspidalis. Cyanosis universalis. Induratio cyanotica pulmonum et lienis. Cyanosis hepatis renum et pancreatis. Gastroenteritis cyanotica. Errosiones haemorrhagicae mucosae ventriculi. Contenta sanguinolenta ventriculi. Hydrops universalis. Hydrothorax dextra. Hydropericardium. Ascites. Anasarca. Oedema piae matris. Arteriosclerosis levis aortae et universalis. Pleuritis chronica fibrosa adhaesiva. Eczema cruris.*

Микроскопическое изслѣдованiе. Капилляры центральныхъ частей долекъ (центральныя зоны) сильно расширены. Стѣнки печеночныхъ венъ и капилляровъ въ центрахъ долекъ мало утолщены. Нѣжно-волокнистое вещество встрѣчается лишь въ незначительномъ количествѣ. Въ центральныхъ частяхъ много небольшихъ круглыхъ (атрофирующихся) печеночныхъ клѣтокъ со значительнымъ количествомъ желчнаго пигмента внутри. Многiя клѣтки эндотелия капилляровъ также содержатъ пигментныя зернышки. Жиры въ периферической зонѣ дольки нѣтъ. Небольшое количество жировыхъ капелекъ находится въ клѣткахъ по сосѣдству съ застойными центрами долекъ.

Случай 6-й.

Мущина 22 лѣтъ.

Анатомическiй диагнозъ. *Phtisis pulmonum tuberculosa ulcerosa. Vomica permagna lobi sup. pulmonis sinistri. Vomicae parvae pulmonis utriusque. Peribronchitis tuberculosa. Haemorrhagia ex erosione rami art. pulmonalis. Contenta sanguinolenta vomicarum pulmonum, tracheae, ventriculi. Necrosis circumscripta pleurae lobi infer. pulmonis sinistri. Pleuritis fibrinoserosa recens. Ulcera tuberculosa laryngis et intestini. Hepar adiposum et cyanoticum.*

Микроскопическое изслѣдованiе. Чрезвычайно рѣзкая жировая инфильтрація периферической части долекъ. Милiарный туберкулезъ печени. Центры долекъ слабо застойны. Стѣнки печеночныхъ венъ лишь незначительно утолщены. Въ перипортальныхъ частяхъ

много круглыхъ и слегка вытянутыхъ соединительно-тканыхъ ядеръ. Въ сосудахъ увеличенное количество лейкоцитовъ. Количество ядеръ въ стѣнкахъ печеночныхъ венъ также увеличено.

Случай 7-й.

Женщина 30 лѣтъ.

Анатомическiй диагнозъ. Endocarditis chron. fibrosa valv. mitralis. Endocarditis recens verrucosa valv. mitralis, aortae, tricuspidalis et pulmonalis. Insufficiencia valv. mitralis et stenosis ostii atrioventric. sinistri. Hypertrophia et dilatatio maxima praecipue ventriculi dextri cordis. Pericarditis chron. fibrosa adhaesiva circumscripta. Cyanosis universalis. Gastritis cyanotica. Ascites. Hydrothorax bilateralis. Hydropericardium. Anasarca universale. Perihepatitis et perisplenitis chronica fibrosa adhaesiva.

Микроскопическое изслѣдованіе. Центры долекъ сильно застойны (центральныя зоны). Атрофирующіяся печеночныя кѣтки и эндотелий капилляровъ содержатъ зернышки желчнаго пигмента. По сосѣдству съ центральными частями долекъ сохранившіяся печеночныя кѣтки нѣсколько инфильтрированы жиромъ. Стѣнки печеночныхъ венъ и соприкасающихся капилляровъ центральныхъ частей долекъ немного утолщены. Мѣстами при окраскѣ по *Van-Gieson*'у онѣ принимаютъ желтоватый, мѣстами красноватый цвѣтъ. Вытянутыя кѣточныя ядра въ области застоя принадлежатъ эндотелию капилляровъ. Въ междольковой соединительной ткани измѣненій не видно. Препаратъ вообще нѣсколько богаче ядрами, чѣмъ это наблюдается въ другихъ случаяхъ. Въ периферіи долекъ печеночныя кѣтки очень часто содержатъ по 2 ядра.

Случай 8-й.

Женщина 46 лѣтъ.

Анатомическiй диагнозъ. Endocarditis chron. fibrosa et insuff. valv. aortae. Aortitis fibrosa aortae ascendentis et arcus. Hypertrophia et dilatatio cordis totius praecipue ventriculi sinistri. Pericarditis chron. fibrosa et synechiae circumscriptae pericardii. Degeneratio adiposa myocardii. Cyanosis et hydrops universalis. Induratio cyanotica pulmonum, ienis, hepatis et renum. Perimetritis et perioophoritis chron. adhaesiva.

Occlusio ostii abdominalis tubae utriusque. Hydrosalpinx duplex. Polypus mucosae uteri. Myoma interparietale uteri. Struma colloides, partim cystica. Hydrothorax duplex. Hydropericardium. Ascites. Anasarca.

Микроскопическое изслѣдованіе. Рѣзкій застой въ области центральныхъ и частью срединныхъ зонъ дольки. Утолщеніе стѣнокъ венозныхъ венъ и капилляровъ столь же выражено и носить такой же какъ и въ первыхъ случаяхъ характеръ. Жировая инфильтрація не въ периферической зонѣ а возлѣ центральныхъ частей долекъ.

Случай 9-й.

Женщина 57 лѣтъ.

Анатомическій діагнозъ. Endocarditis chron. fibrosa valv. mitralis. Stenosis ostii atrioventricularis sin. Dilatatio atrii sin. et dextri cordis. Degeneratio adiposa myocardii. Thrombosis parietalis atrii dextri cordis et venarum plexus uterini et vaginalis. Infarctus haemorrhagicus pulmonis utriusque ex embolia ram. art pulmonalis. Infarctus anteriores lienis et renum. Arteriosclerosis mediocris universalis. Cyanosis universalis. Cyanosis hepatis et lienis. Haemorrhagia mucosae uteri e cyanosi. Cicatrix lateris dextri colli et linguae.

Микроскопическое изслѣдованіе. То же что и въ первомъ случаѣ.

Случай 10-й.

Мущина 52 лѣтъ.

Анатомическій діагнозъ. Arteriosclerosis gravis aortae et universalis. Hypertrophia et dilatatio cordis totius. Cyanosis et hydrops universalis. Anasarca. Ascites. Hydrothorax dexter. Hydropericardium. Induratio fusca pulmonum. Infarctus haemorrhagicus lobi sup. pulmonis sin. ex embolia ramorum art. pulm. sin. (e thrombosi venae femoralis utriusque). Gastritis cyanotica et erosiones haemorrhagicae mucosae ventriculi. Tuberculosis obsoleta glandularum bronchialium.

Микроскопическое изслѣдованіе. Измѣненія тѣ же, что въ другихъ случаяхъ.

Случай 11-й.

Женщина 15 лѣтъ.

Анатомическій діагнозъ. Glomerulonephritis chronica et degeneratio adiposa gravis renum. Hypertrophia et dilatatio gravis cordis.

praecipue ventriculi sinistri. Hepar cyanoticum. Atrophia circumscripta multiplex hepatis. Hydrops universalis gravis. Ascites. Hydrothorax duplex. Hydropericardium. Anasarca. Hypertrophia tunicae mediae et intimae aortae. Retinitis albuminurica oculi utriusque.

Микроскопическое изслѣдованіе. Характеръ утолщенія стѣнокъ печеночныхъ венъ и капилляровъ такой же, какъ это выше изложено при описаніи 1-го случая.

Изложенный фактическии результатъ микроскопическаго изслѣдованія застойныхъ печеней въ отношеніи интересующаго насъ вопроса можетъ быть выраженъ въ немногихъ заключеніяхъ положительнаго и отрицательнаго характера:

1) Во всѣхъ нашихъ 10 случаяхъ печень была ясно склерозирована на почвѣ застоя и имѣла соотвѣтственный видъ и въ общемъ одинаковое микроскопическое строеніе.

2) Въ центральныхъ частяхъ изслѣдованныхъ печеней наблюдалось увеличеніе количества (родъ набуханія) волокнистаго, не содержащаго ядеръ вещества, окрашивающагося въ рѣзкіи синіи цвѣтъ по *Mallory* и въ желтоватый или красный по *Van-Gieson*'у.

3) Вещество это вначалѣ нѣжно-волокнистое, а затѣмъ болѣе плотное, гомогенное, располагалось въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ капиллярной эндотелиальной стѣнкой и, повидимому, находилось съ нею въ близкой генетической связи.

4) Увеличенія количества соединительно-тканныхъ ядеръ, т. е. гиперплазиі соединительно-тканныхъ клѣтокъ въ центральныхъ частяхъ дольки въ 10 изслѣдованныхъ случаяхъ застойной печени не наблюдалось. Исключеніе въ этомъ отношеніи представлятъ случай 6-й, гдѣ одновременно съ нѣрѣзко выраженнымъ застоємъ въ печени наблюдался милиарный туберкулезъ.

III.

Обращаясь къ результатамъ микроскопическаго изслѣдованія застойной печени нельзя не признать, что найденныя измѣненія, выражающіяся главнымъ образомъ въ увеличеніи количества волокнистой соединительной ткани въ стѣнкахъ печеночныхъ венъ и въ центральныхъ частяхъ печеночныхъ долекъ, не могутъ быть истолкованы въ смыслѣ эффекта клѣточной гиперплазиі, такъ какъ объективныхъ данныхъ для этого рѣшительно не имѣется. Микроскопическое изслѣ-

дованіе не только не даетъ ни малѣйшихъ указаній на размноженіе въ центрахъ долекъ мѣстныхъ мезодермальныхъ (эндотеліальныхъ) клѣтокъ, но даже не позволяетъ предполагать, что таковое, хотя-бы въ нервзкой степени, имѣло мѣсто и уже закончилось. Если-бы въ основѣ появленія въ застойной печени волокнистой, склерозированной ткани лежала гиперплазія мезодермальныхъ элементовъ, то подѣ микроскопомъ мы неизбѣжно должны были бы наблюдать, въ виду постоянного наростанія застойныхъ измѣненій печени, увеличенное противъ нормы количество соединительно-тканныхъ въ собственномъ смыслѣ или эндотеліальныхъ¹⁾ элементовъ, и, хотя-бы изрѣдка фигуры дѣленія клѣтокъ, или по крайней мѣрѣ тѣ или инныя формы клѣтокъ, позволяющія судить о протекшемъ процессѣ дѣленія. Между тѣмъ ничего подобнаго намъ видѣть не приходилось, какъ не видѣли этого и другіе авторы, работавшіе по вопросу объ эффектахъ застоя крови въ печени (*Parmentier, Piéry, Eisenmenger*), и что также можно заключить изъ опытовъ *Bizzozero-Penzo*, наблюдавшихъ при гипереміи лишь увеличеніе *межклеточнаго* соединительнаго вещества. А кромѣ того въ противоположность образующейся въ результатѣ клѣточной гиперплазіи соединительной ткани, которая обычно носитъ грубоволокнистый, рубцовый характеръ, въ изслѣдованныхъ случаяхъ въ стѣнкахъ печеночныхъ венъ и въ центральныхъ частяхъ долекъ соединительная ткань состояла изъ болѣе нѣжнаго, слабо волокнистаго, безъядернаго вещества, иногда пріобрѣтавшаго гомогенный характеръ.

Если нѣтъ данныхъ видѣть въ основѣ индуративнаго измѣненія въ застойной печени процессъ гиперплазіи, то увеличеніе соединительной ткани можно отнести или на счетъ своего рода набуханія мѣстно существующей въ небольшомъ количествѣ мезодермальной ткани, или на счетъ отложенія какого-то вещества въ области сосудистыхъ стѣнокъ. Замѣтимъ, однако, что едва ли можно признать здѣсь набуханіе въ общепринятомъ смыслѣ, какъ слѣдствіе сильнаго пропитыванья ткани жидкостью, ибо интересующая насъ соединительная ткань обладаетъ признаками плотнаго вещества: долго противодѣйствуетъ высыханію, мало при

¹⁾ Какъ извѣстно, по мнѣнію большинства авторовъ за эндотеліальными клѣтками признается способность выдѣлять межклеточное вещество и давать стойкую волокнистую соединительную ткань (*Kundrat, Ranvier, Waldeyer, Baumgarten, Cornil, Duval, Thoma, Pick, Zahn* и др.).

этомъ сокращается въ объемѣ, хорошо окрашивается кислымъ фуксиномъ, что скорѣе говорить въ пользу того, что здѣсь имѣется дѣло съ плотнымъ гиалино-подобнымъ веществомъ. Посему скорѣе слѣдуетъ думать, что склерозированная соединительная ткань въ застойной печени обязана своимъ происхожденіемъ особому процессу протекающему при участіи мѣстныхъ мезодермальныхъ эндотелиальныхъ элементовъ, близкое отношеніе которыхъ къ появляющемуся въ центрахъ долекъ волокнистому соединительному веществу на препаратахъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію. Это отношеніе выступаетъ ясно на тѣхъ препаратахъ, гдѣ наблюдается начало образованія соединительнаго вещества: безструктурное вещество и тонкія, нѣжныя волоконца появляются здѣсь по периферіи клѣточной протоплазмы, но изъ периферическихъ-ли слоевъ ея, или изъ выдѣленнаго клѣтками вещества — сказать трудно. И мы думаемъ, что наблюдающееся въ застойной печени увеличеніе количества соединительнаго волокнистаго вещества скорѣе всего представляетъ собою наростаніе межкѣлочнаго вещества, находящагося, какъ извѣстно, въ ближайшей связи съ дѣятельностью эндотелиальныхъ клѣтокъ.

Такой взглядъ на образованіе въ данномъ случаѣ волокнистаго безъядернаго вещества, вытекающій изъ нашихъ наблюденій, находится въ согласіи и съ данными нормальной гистологіи.

Извѣстно, что различныя межкѣлочные соединительныя вещества представляются характерными соединительно-тканными образованіями, гомогенными и безструктурными, въ которыя включены волокнистыя составныя части и клѣточные элементы соединительной (въ широкомъ смыслѣ) ткани (соединительно-тканные въ собственномъ смыслѣ, эндотелиальные, фибробласты и пр.). По консистенціи межкѣлочныя вещества могутъ быть различны—отъ полужидкаго въ слизистой ткани, до плотнаго въ хрящѣ и омѣлотовеннаго въ кости. (*Waldeyer*). Волоконца, встрѣчающіяся въ межкѣлочномъ веществѣ въ большинствѣ представляютъ клей дающій составъ и „имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ соединительно-тканнымъ клѣткамъ“ (*Лавдовскій*).

Что касается способа образованія межкѣлочныхъ веществъ, то одни авторы принимали самую близкую генетическую связь его со звѣдчатыми и вытянутыми мезодермальными клѣтками, допуская образованіе волоконъ путемъ удлиненія клѣтокъ и потери ядра (*Schwann, Henle, Schulze, Boll, Valentin, Lebert, Reinhardt* и др.);

другіе находили связь между волокнами и самимъ межкѣточнымъ веществомъ, которое является продуктомъ секреторной дѣятельности кѣтокъ— („metamorphosierte Zellsubstanz“—*Billroth*'a) (*Virchow, Donders, Kölliker, Ranvier, Merkel* и др.). Высказывались также за образованіе волоконъ внутри протоплазмы кѣтокъ (*Flemming, Reinke*). По мнѣнію *Waldeyer*'а межкѣточные вещества обязаны своимъ происхожденіемъ „nicht einer Secretion der Gewebszellen, sondern einer Metamorphose des Protoplasmas derselben“.

Marchand также признаетъ „dass die erste Bildung der Zwischensubstanz nur in unmittelbarem Anschluss an die Zellen und durch Umwandlung von Teilen des Zellkörpers selbst entsteht“, и кѣтка, давшая матеріалъ для образованія межкѣточного вещества по *Marchand*'у сохраняетъ способность къ митотическому дѣленію, т. е. полного превращенія самой кѣтки и гибели ея при этомъ не наступаетъ.

По *Максимова* образованіе коллагеновыхъ волоконъ межкѣточного вещества имѣетъ ближайшее отношеніе къ самымъ периферическимъ частямъ фибробластовъ; при этомъ, однако, по мнѣнію автора, скорѣе всего можетъ быть рѣчь „um eine Ausscheidung einer besonderen Substanz von Seiten des reticulären Protoplasmas in den peripherischen Schichten des Zelleibes“ { „und um eine nachträgliche Verwandlung derselben in collagene Fibrillen“: коллагеновые пучки при этомъ могутъ далѣе *самостоятельно увеличиваться* въ объемъ въ жидкомъ и полужидкомъ основномъ, находящемся между фибробластами, веществѣ. Появленіе фибриллъ, по автору, наблюдается преимущественно по ходу молодыхъ сосудовъ.

Такимъ образомъ и данныя нормальной гистологіи о происхожденіи межкѣточного вещества, приведенныя въ соотношеніе съ той микроскопической картиной, которую представляетъ застойно индурированная печень, стоятъ въ согласіи съ высказаннымъ взглядомъ, что волокнистое соединительное вещество, появляющееся въ застойной печени и увеличивающееся въ количествѣ, на подобіе отложенія, безъ наличности пролиферационнаго процесса, происходитъ главнымъ образомъ на счетъ непосредственнаго участія мѣстныхъ мезодермальныхъ (эндотеліи) элементовъ. Въ чемъ выражается это участіе, въ томъ-ли, что части протоплазмы кѣтокъ идутъ на постройку межкѣточного веще-

ства, или въ томъ, что подъ вліяніемъ такихъ патологическихъ условій, какъ вепозный застои, мезодермальныя клѣтки реагируютъ усиленной секреторной дѣятельностью — рѣшить трудно. Имѣя, однако, дѣло съ появленіемъ плотнаго вещества можно думать, что подобно тому, какъ это наблюдается при гіалиновомъ перерожденіи и здѣсь также имѣеть мѣсто, какъ нарушеніе секреторной функціи, такъ и измѣненіе частей тѣла клѣтокъ. Последніе два процесса, повидному, и обусловливаютъ появленіе волокнисто-гомогеннаго соединительнаго вещества въ застоиной печени, а въ дальнѣйшемъ — и затверденіе, *склерозъ* органа, происходящій, какъ мы видимъ, безъ всякихъ признаковъ клѣточной пролифераціи.

Такимъ образомъ застоиный склерозъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что при застоѣ увеличивается количество (въ нормѣ очень незначительное) безъядерной соединительной ткани на счетъ образованія межкѣточного вещества, приобретающаго при этомъ гіалиноподобный видъ. Плотный, гомогенный характеръ появляющейся въ застоиной печени ткани позволяетъ нѣсколько сблизить застоиный „склерозъ“ „и гіалиновый метаморфозъ“, тѣмъ болѣе что при гіалиновой метаморфозѣ, подобно тому какъ это мы наблюдали и при застоиномъ склерозѣ (печени), дѣло сводится къ функціональному или анатомическому измѣненію эндотелія, въ результатѣ чего появляется въ обоихъ случаяхъ вещество вѣтше сходное и одинаково относящееся къ кислымъ краскамъ. Это измѣненіе эндотелія при гіалиновой метаморфозѣ не представляетъ чего либо спеціально патологическаго, ибо и въ предѣлахъ нормы намъ знакомы процессы физиологической гіалинизации, наблюдающейся, напр., при образованіи membr. propriae железъ и membr. fenestratae сосудовъ. Да, и вообще говоря, гіалиновый метаморфозъ, являясь метаморфозомъ „эндотелія и его производныхъ“ (*Высоковичъ*) такъ широко распространенъ при нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ, что уже аргюти не должно представляться удивительнымъ, если въ условіяхъ нарушеннаго кровеполненія и кровообращенія появляются измѣненія, которыя морфологически съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ могутъ быть отнесены въ широкую и общечерченную, и то съ морфологической лишь стороны, группу гіалиноваго метаморфоза.

Согласно изложенному процессъ ціанотической индурации является, такимъ образомъ, совершенно отличнымъ отъ цирротиче-

скаго процесса въ печени, при которомъ развитіе соединительной ткани въ противоположность склерозу печени находится въ непосредственной зависимости отъ степени клѣточной гиперплазіи. Но надо, конечно, имѣть въ виду, что застойный склерозъ печени можетъ быть одновременно скомбинированъ и съ цирротическимъ процессомъ. Тогда разобратся въ имѣющуюся картинѣ бываетъ трудно. Эти собственно случаи и привели къ тому, что застойныя измѣненія печени получали неправильное осеѣщеніе въ смыслѣ гиперпластическаго процесса, въ то время какъ именно для застойнаго склероза печени главнымъ характернымъ признакомъ является полное отсутствіе клѣточной гиперплазіи, какъ на это въ послѣднее время справедливо указывалъ *Eisenmenger*.

Такимъ образомъ микроскопическое изслѣдованіе даетъ намъ основаніе строго различать уже по характеру и способу развитія соединительной ткани такіе процессы, какъ застойный склерозъ и циррозъ печени. Кромѣ того всегда слѣдуетъ помнить другое кардинальное различіе этихъ двухъ процессовъ, а именно, что „die Stauung als solche niemals zum Umbau der Leber im Sinne der Cirrhose führt“. (*Eisenmenger*). Изъ сказаннаго ясно, что и самое названіе „сердечный (застойный) циррозъ печени — cirrhose cardiaque“ — полученное нами отъ французскихъ авторовъ, и нынѣ довольно еще распространенное, какъ совершенно не соответствующее сущности процесса, происходящаго въ печени при хроническомъ непозномъ ея застоѣ, должно быть оставлено.

Болѣе правильнымъ является названіе „застойный склерозъ“ печени, или, согласно нѣмецкимъ авторамъ— „цианотическая индурация“ печени. При этомъ, повторяемъ, „склерозъ“, выраженіемъ котораго является увеличеніе количества и уплотненіе межкѣточной соединительной ткани, согласно вышензложенному слѣдуетъ понимать въ смыслѣ процесса, происходящаго, вопреки мнѣнію многихъ авторовъ, безъ участія клѣточной пролифераціи.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

Подробныя литературныя указанія собраны въ работахъ *Parmentier*, *Piéry*, *Eisenmenger*'а.

Baumgarten. Zur Lehre von der sogenannten Organisation der Thromben und zur Frage von der pathol. Gewebsueubildung. Virch. Arch. Bd. 78. 1879.

- Bizzozero*. Influenza della temperatura e dell' afflusso sanguigno sulla attività produttiva degli elementi. Giornale della Reale Acad. di Med. Vol II. 1896.
- Cornil*. Des modifications, que subissent les cellules endothéliales dans les inflammations et en particulier dans les adhérences des membranes séreuses et dans la pneumonie. Arch. de méd. expérim. Tome 9. 1897.
- Cornil et Ranvier*. Manuel d'histol. path. Paris. 1901.
- Eisenmenger*. Ueb. die Stauungscirrhose der Leber. Zeitschr. f. Heilk. Bd. 23. 1902.
- Engle (L')*. Ueb. Fibrinbildung in der Stauungsleber. Ziegl. Beitr. Bd. 38. 1905.
- Flemming*. Ueb. die Entwicklung der collagenen Bindegewebsfibrillen bei Amphibien und Säugetieren. Arch. f. Anat. und Phys. Anat. abt. 1897.
- Hayami*. Ueb. die chronische Stauungsleber. Ziegl. Beitr. Bd. 38. 1905.
- Hart*. Untersuch. üb. die chronische Stauungsleber. Ziegl. Beitr. Bd. 35. 1904.
- Kaufmann*. Lehrb. d. spec. path. Anatomie, Berlin 1904.
- Kölliker*. Handbuch d. Gewebelehre. 6. Aufl. Bd. I. 1889.
- Kundrat*. Ueb. die krankhaften Veränderungen der Endothelien. Wiener. med. Jahrb. 1871.
- Лавдовскій*. Основанія микроскоп. анатоміи. т. I. СІБ 1887.
- Мельниковъ-Разведенковъ*. Histol. Untersuchungen üb. das elastische Gewebe in norm. und. path. veränderten Organen. Ziegl. Beitr. Bd. 26. 1899.
- Marchand*. Der Process der Wundheilung. Stuttgart 1901.
- Макеи.иовъ*. Exper. Untersuch. üb. die entzündliche Neubildung von Bindegewebe. Supplementheft der Ziegl. Beitr. Jena 1902.
- Merkel*. Zur Histogenese des Bindegewebes. Verhandl. der. Anatom. Gesellsch. 1895.
- Orth*. Lehrb. d. spec. path. Anat. Bd. I. 1887.
- Oppenot*. Contribution à l'étude de l'asystolie hépatique. Thèse de Paris 1895.
- Penzo*. Einfluss d. Temperatur auf die Regeneration der Zellen. Centralbl. f. path. Anat. Bd. II 1891. Ref. Подробно цитирована у *Piéry*.
- Parmentier*. Études cliniques et anatomopathologiques sur le foie cardiaque. Thèse de Paris. 1890.
- Pick*. Ueb. die Rolle der Endothelien bei der Endarteriitis post ligaturam. Zeitschr. f. Heilk. Bd. 6. 1885.
- Piéry*. Pathogénie de la cirrhose cardiaque. Stase sanguine et sclérose du foie. Arch. gén. de med. 1900.

Piéry. De l'oedème et de la congestion dans leurs rapports avec la sclérose.
Thèse de Lyon. 1899.

Подвысоцкий. Основы общей и эксперим. патологии СИБ. 1905.

Ranvier. Mécanisme histologique de la cicatrisation. Comptes rendus de
l'Ac. des Sc. Tome 126. 1898.

Reinke. Zellstudien. Arch. f. mikr. Anat. Bd. 43. 1894.

Салтыковъ Ueb. Stauungsleber. Verhandl. der Pathol. Geselsch. geh. zu
Karlsbad. 1902. Berlin 1903.

Serclavy. De la congésion isolée du foie dans les cardiopathies. Thèse de
Paris. 1897.

Talamon. Recherches anatomo-pathologiques et cliniques sur le foie cardia-
que. Thèse 1881.

Thoma. Ueb. Gefäss- und Bindegewebsneubildung in der Arterienwand.
Ziegl. Beitr. Bd. 10. 1891.

Virchow. Die Cellularpathologie 4. Aufl. Berlin. 1871.

Weichselbaum. Grundriss der path. Histol. 1892.

Waldeyer. Kittsubstanz und Grundsubstanz, Epithel und Endothel Arch. f.
mikrosk. Anatomie Bd. 57. 1901.

Waldeyer. Ueb. Bindegewebszellen insbesondere üb. Plasmazellen. Sitzungs-
ber. d. K. pr. Akad. Phys. math. Cl. 1895.

Высоковичъ. Патологическая Анатомія. Кіевъ. 1901.

Zahn. Ueb. die Vernarbung von Querrissen der Arterien-Intima und Media.
Virch. Arch. Bd. 85. 1881.

Ziegler. Lehrb. d. path. Anat. Bd. 2. Jena 1902.

Barth, Becquerel, Tierfelder, Debove, Frerichs, Förster, Schmaus, Oppolzer,
Osler, Lancereaux, Potain, Sabourin—см. у Eisenmenger'a.

Liebermeister, Klebs, Rindfleisch, Dreshfield, Tapret, Rendu, Hanot, Green,
Hadnfield Jones—см. у Piéry.

Boll, Donders, Lebert, Billroth, Reihhardt, Valentin, Duval—см. у Mar-
chand'a

Schwann, Henle, Schulze—см. у Лавдовскаго.

Списокъ трудовъ профессора В. К. Высоковича.

1875 г.

1. *Sarcoma myelogenicum.*
(Архивъ Руднева т. IX).

1876 г.

2. *Узлы несороспермій, какъ причина нѣкоторыхъ новообразованій.*
(Архивъ Руднева т. X).

1877 г.

3. *Изъ прозектуры Тифлискаго военнаго госпиталя.*
(Протоколы Кавказскаго Медицинскаго Общества
1877 г. № 17).

1878 г.

4. *О хлѣбно-мясныхъ сужаряхъ.*
(Протоколы Кавказскаго Медицинскаго Общества
1878 г. № 9).

1882 г.

5. *О заболѣваніи кровеносныхъ сосудовъ при сифилисѣ.*
(Диссертація на степень доктора медицины). Харь-
ковъ.

1883 г.

6. *Къ этиологіи сибирской язвы.*
(Ветеринарный Вѣстникъ).

II

7. *О contagiи сибирской язвы.*

(Труды Медицинской Секции Общества Опытных
Наукъ при Харьковскомъ Университетѣ).

8. *Къ вопросу о природѣ рыбнаго яда.*

(Труды Медицинской Секции Общества Опытных
Наукъ при Харьковскомъ Университетѣ).

1884 г.

9. *О низшихъ организмахъ при крупозномъ воспаленіи легкихъ.*

(Труды Медицинской Секции Общества Опытных
Наукъ при Харьковскомъ Университетѣ).

10. *Микрококки перелоя.*

(Труды Медицинской Секции Общества Опытных
Наукъ при Харьковскомъ Университетѣ).

11. *Исходы otitis mediae purulentae.*

(Труды Медицинской Секции Общества Опытных
Наукъ при Харьковскомъ Университетѣ).

1885 г.

12. *Къ этиологii острыхъ эндокардитовъ.*

Врачъ № 42.

13. *Искусственный микотическii эндокардитъ.*

Врачъ № 42.

1886 г.

14. *Beiträge zur Lehre von der Endocarditis.*

Virchows Archiv Bd. 103.

15. *Ueber die Schicksale der ins Blut injeciren Microorganismen.*

Zeitschrift f. Hygiene Bd. 1.

16. *О прививкѣ ослабленнаго яда водобоязни.*

Врачъ № 29,

1887 г.

17. *О молочной кислотѣ крови.*

(Медицинское Обзорѣніе № 14).

18. *Die Gewinnung der Milchsäure des Blutes.*

(Archiv f. Anatomie u. Physiologie).

19. *О причинахъ нагноенія.*

(Врачъ № 39).

III

1888 г.

20. *О результатах послѣднихъ предохранительныхъ прививокъ сибирской язвы въ Бѣлозеркѣ.*
(Врачъ № 2).
21. *О причинахъ невосприимчивости.*
(Врачъ № 25).

1889 г.

22. *Ueber Schutzimpfung gegen Milzbrand im Russland.*
(Fortschr. d. Medicin № 1).
23. *Дальнѣйшіе опыты съ прививкой обезлуженныхъ вакцинъ сибирской язвы.*
(Врачъ № 10).
24. *Ueber die Passirbarkeit der Lunge für die Bakterien.*
(Mittheilungen aus der Heilanstalt v. Dr. Brehmer).

1890 г.

25. *О проходимости легкихъ для бактерій.*
(Клиническая Газета Боткина).
26. *Объ отношеніи золотухи къ бугорчаткѣ.*
(Труды Харьковскаго Медицинскаго Общества).
27. *Ueber die Beziehung der Scrophulose sur Tuberculose.*
(Mittheilungen aus Dr. Brehmers Heilanstalt).
28. *Ueber den Einfluss des Ozons auf das Wachsthum der Bakterien*
(Mittheilungen aus Dr. Brehmers Heilanstalt).
29. *Ueber die Impfung mit kleiner Quantität der Tubercelbacillen.*
(Vortrag an X Internationalen Medicinischen Congress.
Münchener medicinische Wochenschrift № 42).
30. *Къ вопросу о локализациіи яда бѣшенства въ организмъ животныхъ.*
(Труды Харьковскаго Медицинскаго Общества).
31. *La statistique de l'Institut Pasteur à Charkow.*
(Annales de l'Institut Pasteur).

1891 г.

32. *Zur Frage ueber die Localisation des Tollwutwirus im Organismus der Thiere.*
(Centralblatt für Bacteriologie Bd. X).
33. *О вліяніи озона на ростъ бактерій.*
(Вѣстникъ Общественной гигіены Іюль — Августъ).

34. *Къ ученію о сибирской язвѣ.*
(Врачъ № 43 и 44).
35. *La statistique de l'Institut Pasteur à Charkow.*
(Annales de l'Institut Pasteur).

1892 г.

36. *Объ антисептическихъ свойствахъ камомеля.*
(Вѣстникъ Общественной Гигіены).
37. *Случай сапа у человека.*
(Врачъ № 16).
38. *Въ ожиданіи холеры.*
(Популярная брошюра, Харьковъ).

1893 г.

39. *Бактеріологическія наблюденія во время холеры въ Харьковъ въ 1892 году.*
(Врачъ №№ 12, 15, 16, 17).
40. *Zur Lehre vom Milzbrand.*
(Fortschritte der Medicin).
41. *La statistique de l'Institut Pasteur à Charkow.*
(Annales de l'Institut Pasteur).

1894 г.

42. *О причинахъ слабого развитія эпидеміи холеры въ Харьковъ въ 1892 и 1893 году.*
(Докладъ V Пироговскому съѣзду).

1895 г.

43. *Къ ученію о брюшнотифозныхъ періоститахъ.*
(Врачъ № 14).
44. *О микрококкахъ сходныхъ съ гонококками.*
(Врачъ № 17).

1896 г.

45. *О самозащитѣ организма.*
(Университетскія Извѣстія Императорскаго Университета Св. Владиміра въ Кіевѣ).
46. *Ползучая саркома лица и костей черепа.*
(Архивъ Подвысоцкаго).

47. *Пастеровскія прививки въ Россіи.*
(Архивъ Подвысоцкаго).
48. *О цылесообразности противудифтеритныхъ прививокъ съ предохранительною цѣлью.*
(Вѣстникъ Медицины).

1897 и 1898 г.

49. *Предварительное сообщеніе о результатахъ, добытыхъ русской экспедиціей, командированной для изученія чумы въ Бомбей.*
(1897 г. Annales de l'Institut Pasteur).
(1898 г. Труды XII международнаго конгресса (на англ. языкѣ).
(1898 г. Труды Общества Кіевскихъ врачей).
50. *Случай злокачественнаго малокровія на почвѣ просовидной бурчатки,* (совмѣстно съ проф. В. П. Образцовымъ).
(Больничная газета Боткина 1898 г.).

1900 г.

51. *Рефератъ относительно нѣкоторыхъ послѣднихъ работъ по дезинфекціи формалиномъ.*
(Труды Общества Кіевскихъ врачей).
52. *Два случая первичной саркомы печени.*
(Труды Общества Кіевскихъ врачей).
53. *О предохранительныхъ прививкахъ противъ брюшнаго тифа.*
(Труды Общества Кіевскихъ врачей).
54. *О подозрительныхъ заболѣваніяхъ въ Самарѣ въ Августъ 1899 г.*
(Труды Общества Кіевскихъ врачей).
55. *О чумѣ въ Колобовкѣ.*
(Труды Общества Кіевскихъ врачей).

1901 г.

56. *Dermatomyositis* (совмѣстно съ прив.-доц. Яновскимъ).
(Труды Физико-медицинскаго Общества въ Кіевѣ).
(Deutsches Archiv f. Klin. Medicin).
57. *Иммунитетъ и противузъмная сыворотка.*
(Труды Общества Кіевскихъ врачей).
58. *Случай многокамернаго эхинококка печени.*
(Труды Общества Кіевскихъ врачей).

59. *О раковых ключеніяхъ.*
(Труды Общества Кіевскихъ врачей).
60. *Zur Symptomatologie und Pathogenese der käsigen Pneumonie* (совмѣстно съ прив.-доц. Г. Яновскимъ).
(*Zeitschrift f. Klin Medicin*).
61. *О чумѣ въ киргизской степи и Владиміровкѣ въ 1900—1901 г.*
(Врачъ № 11).
1903 г.
62. *О подозрительныхъ заболѣваніяхъ въ Батумѣ и Одессѣ.*
(VIII годичный отчетъ Общества для борьбы съ различными болѣзнями).
63. *О легочной формѣ сибирской язвы въ Камышинскомъ уездѣ.*
(Врачебная газета).
1907 г.
64. *Aneurysma spurium cordis.*
(Харьковскій Медицинскій Журналъ).
65. *Къ вопросу объ этиологіи творожистой пневмоніи.*
(Харьковскій Медицинскій Журналъ).
-

Списокъ научныхъ трудовъ, вышедшихъ изъ Патолого-Анатомическаго Института Императорскаго Университета Св. Владиміра за время завѣдыванія

Проф. В. К. Выековича.

Въ 1897 г.

1. Докторантъ *В. Косовскій* „О выдѣленіи микроорганизмовъ и жировыхъ капель почками“. Петербургъ 1897 г.
2. Прозекторъ *В. Недѣльскій* „Протоколъ вскрытія и бальзамированія трупа проф. Е. И. Афанасьева“. Труды Об. Кіев. Врачей 1897 г.
3. Студ. VIII с. *Титовъ* „О разницѣ въ нагноеніи, вызываемомъ различными микроорганизмами“. По постановленію факультета въ декабрѣ 1897 г. удостоено награды серебряной медалью.
4. Студ. VIII с. *Воскресенскій* „Исслѣдованіе легкихъ и бронхіальныхъ железъ на содержаніе пылевыхъ частицъ съ обращеніемъ особеннаго вниманія на кремневые соединенія“. Удостоено факультетомъ золотой медали съ напечатаніемъ въ Университ. Ивѣстіяхъ.

Въ 1898 г.

5. Докторъ *Бобовичъ* „Объ измѣненіяхъ нервныхъ узловъ сердца“.
6. Докторъ *Уклеинъ* „Къ вопросу о всасывающихъ повязкахъ“.
7. Докторъ *Гофманъ* „О Weil'евской болѣзни“.
8. Пом. Прозектора *Литтваревъ* „Объ измѣненіи мозга при диабетѣ“.
9. Прозекторъ *Недѣльскій* „О вѣмяточной беременности“. Сообщено въ Акушерско-Гинекологическомъ Обществѣ.

VIII

10. Прозекторъ *Недѣльскій* „Объ Амитотическомъ дѣленіи ядеръ въ опухоляхъ“.
11. Стипендіатъ *Константиновичъ* „Случаи morbi maculosi Werlhofii“. Доложено въ Общ. Кіев. Врачей.
12. — „Situs inversus totalis“. Доложено въ Общ. Кіев. Врачей.
13. Лекаръ *Титовъ* „О бѣлой флегмонѣ“. Въ Общ. Кіев. Врач.
14. Лекаръ *Кульженко* „О сдавленномъ міэлитѣ“. Доложено въ Психіатрич. Обществѣ.
15. Студ. *Де-Мезеръ* „О посмертныхъ измѣненіяхъ въ нервныхъ клѣткахъ при окраскѣ по Nissl'ю“. Удостоено Факультетомъ золотою медали.

Въ 1900 г.

16. Докторъ *М. А. Воскресенскій* „Uterus cysticus“. Доложено въ Общ. Кіев. Врачей.
17. Докторъ *Титовъ* „Сифилитическая язва желудка“. Доложено въ Дерматол. Обществѣ.
18. Докторъ *Константиновичъ* „О туберкулезѣ грудной железы“. Больничная газ. Боткина.
19. — „Къ вопросу объ экспериментальныхъ гранулемахъ“.
20. — „Отчетъ о командировкѣ въ Петербургъ“.
21. Прозекторъ *Недѣльскій* „О ретроперитонеальныхъ грыжахъ“. Доложено въ Общ. Кіев. Врачей.
22. — „Объ амитотическомъ дѣленіи клѣтокъ въ саркомахъ и ракахъ“. Диссертація.
23. Студ. VIII с. *Де-Мезеръ* „Случаи кожного рака со спорами ликоподія внутри“. Доложено въ Общ. Кіев. Врачей.

Въ 1901 г.

24. Прозекторъ *Недѣльскій* 1) „Peritonitis villosa“. Въ Дерматол. Обществѣ. 2) „Объ эрозіяхъ“. Въ Акушерско-Гин. Обществѣ и 3) „Endarteriitis obliterans“. Доложено въ Дерматологич. Обществѣ.
25. Докторъ *Константиновичъ* „Zur Frage über experimentelle Granulomen“. Virchow's Arch. 1900.

Въ 1902 г.

26. *Недѣльскій* „О сифилитическомъ эндартеритѣ“. Доложено въ Дерматол. Обществѣ.

Въ 1903 г.

27. *Константиновичъ* „О фізіологическомъ распредѣленіи жира въ органахъ позвоночныхъ животныхъ“. Диссертация.
28. — „О флегмонѣ желудка“. Врачеб. газета
29. Д-ръ *Янушкевичъ* „Случай острой лейкеміи“.
30. Д-ръ *Станкевичъ* „Случай острой желтой атрофіи печени“. Въ Общ. Кіев. Врачей.
31. Д-ръ *Лисянскій* „Случай острой желтой атрофіи печени“. Въ Акушер.-Гин. Обществѣ.

Въ 1904 г.

32. Д-ръ *Константиновичъ* „О содержаніи и значеніи жира въ око-лоплодной жидкости“.
 33. — „О роли бактериологическихъ отрядовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій“.
 34. *Нестельскій* 1) „Endometritis decidualis“. 2) „Endometritis polyposa“.
-

**Списокъ работъ, вышедшихъ изъ Пастеровскаго Отдѣленія Кіевскаго
Бантеріологическаго Института за время завѣдыванія.**

ПроФ. В. К. Высокочича.

1. *Пальчиковскій*. Нѣсколько экспериментальныхъ наблюдений относительно измѣненія дифтеритной сыворотки и дифтеритнаго токсина при введеніи ихъ черезъ пищевые пути.
Больничная Газета Боткина 1898 г.
2. *Цвиткисъ*. Къ вопросу о значеніи вуалей, какъ средства, предохраняющаго отъ зараженія бактеріями черезъ легкія.
Больничная Газета Боткина 1900 г.
3. *Нелловъ*. Къ вопросу о фагоцитарной способности дѣтскаго мѣста.
Centr. f. Bakt. 1902.
4. *Krasnitzki*. Immunisation antirabique au moyen des injections intravasculaires du virus rabique.
Annales de l'Institut Pasteur 1902.
5. *Клейнъ*. Опытъ примѣненія антидизентеритной сыворотки.
Терапія 1904 г.
6. *Klein*. Ueber die Immunisirung gegen Cholera mittelst Bacterien extracten.
Centrbl. f. Bact. XLI 1906.
7. *Клейнъ*. Къ вопросу объ иммунизациі противъ дизентеріи.
Русскій Врачъ 1906.
8. *Klein*. Notiz ueber Dysenterietoxin.
Centrbl. f. Bact. XLI 1906.
9. *Фурсенко*. О ходѣ сибиреязвенной инфекціи.
Арх. вет. наукъ 1906 № 6.
10. — О тѣльцахъ Negri въ virus fixe.
Арх. вет. наукъ 1906 № 10.

11. *Fursenko*. Ueber die Negrischen Körperchen im Virus fixe.
Centrbl. f. Bact. XLIII 1907.
 12. *Фурсенко*. Заразительна ли цереброспинальная жидкость бѣшечныхъ животныхъ?
Арх. вет. наукъ 1907 № 2.
 13. *Klein*. Ueber die löslichen Gifte der Ruhrbacillen.
Centrbl. f. Bakt. LIII 1907.
-

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Физико-Математическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра за 1907 годъ.

Въ 1907 году Общество имѣло 21 очередное засѣданіе, на которыхъ были выслушаны слѣдующія 53 сообщенія:

- А. Д. Билимовича.*
1. Къ вопросу о разложеніи e въ непрерывную дробь.
 2. Реформа преподаванія математики въ Германіи.
 3. 200-лѣтіе рожденія Л. Эйлера.
 4. О сопряженіи геометрическихъ образовъ.
 5. Демонстрація двухъ моделей.
- Н. М. Бубнова.*
6. Деноминаціонно-дифференціальный методъ классической ариѳметики (первое сообщеніе).
 7. Деноминаціонно-дифференціальный методъ классической ариѳметики (второе сообщеніе).
- И. И. Бѣлянкина.*
8. Замѣчаніе по поводу сообщенія В. П. Ермакова—Теорема Пифагора.
 9. Общая задача вариационнаго исчисленія.
 10. Демонстрація серіи 24-хъ портретовъ знаменитыхъ математиковъ, изданной въ Чикаго.
 11. Начало наименьшаго дѣйствія.
 12. Къ вопросу о движеніи по кривой второго порядка.
 13. Объ одномъ свойствѣ геликоида.
 14. Замѣтка о мгновенныхъ центрахъ.
 15. Объ одной изопериметрической задачѣ.

16. Выводъ необходимаго условія \max - \min . интеграловъ въ параметрахъ Вейерштрасса.
17. Обобщеніе теоремы Фурье по Рунге.
- Ч. Т. Бялбжескаго.* 18. Отношеніе электронной теоріи къ механикѣ (первое сообщеніе).
19. Отношеніе электронной теоріи къ механикѣ (второе сообщеніе).
20. Отношеніе электронной теоріи къ механикѣ (третье сообщеніе).
- В. П. Вельмина.* 21. Нѣкоторыя формулы изъ теоріи функціи комплекснаго переменнаго.
- В. П. Воронца.* 22. Гильбертовъ примѣръ интеграла, не имѣющаго минимума.
23. О катаніи диска по поверхности (первое сообщеніе).
24. О катаніи диска по поверхности (второе сообщеніе).
- А. Г. Гольдмана.* 25. Фотоэлектрическій токъ и потенциалъ.
- Д. А. Граве.* 26. Объ эллиптическихъ функціяхъ.
- Н. Б. Делоне.* 27. Простѣйшая формула сложенія эллиптическихъ функцій.
- П. А. Домушина.* 28. Приближенныя вычисленія.
29. Относительное положеніе окружностей въ учебникѣ геометріи Давидова.
30. Методика приближеннаго вычисленія.
31. О стереометрическихъ чертежахъ.
- В. П. Ермакова.* 32. Одна задача изъ теоріи квадратичныхъ формъ.
33. Теорема Пифагора.
34. Оптическій приборъ.
- М. Ф. Зимина.* 35. Къ вопросу о мгновенныхъ центрахъ.
- І. І. Косоногова.* 36. Демонстрація электрическихъ волнъ въ безвоздушномъ пространствѣ.
37. Спектры гелія и аргона.
38. О превращеніи матеріи.
39. О наблюденіи электролиза съ ультрамикроскопомъ.
40. Ультрамикроскопическое изслѣдованіе явленій электролиза.
- Н. В. Оглобина.* 42. Учебникъ геометріи Бореля.
- Е. И. Скибинскаго.* 43. Объ одномъ весьма общемъ неопредѣленномъ рѣшеніи проблемы упругости изотропныхъ тѣлъ.

- С. П. Сьсаревскаго.* 44. О цвѣтной фотографіи.
- Г. К. Сулова.* 45. Уравненія движенія несвободнаго твердаго тѣла.
46. По поводу одной вступительной лекціи.
47. О предѣлахъ.
- К. М. Щербини.* 48. Обзоръ главнѣйшихъ трудовъ и мнѣній по вопросу объ улучшеніи программъ математики въ русской средней общеобразовательной школѣ (первое сообщеніе).
49. Обзоръ главнѣйшихъ трудовъ и мнѣній по вопросу объ улучшеніи программъ математики въ русской средней общеобразовательной школѣ (второе сообщеніе).
- А. П. Шереметьева.* 50. Демонстрація прибора для опредѣленія оптической оси въ цилиндрическихъ линзахъ.
- Б. А. Шишковскаго.* 51. О калиброваніи капилляровъ.
52. Этюды диссоціирующей способности солей.
- А. Н. Яницкаго.* 53. Къ теоріи гальванометра.

Кромѣ очередныхъ засѣданій дѣятельность Общества выразилась въ 5 засѣданіяхъ „Комиссіи для разработки вопроса о реформѣ преподаванія математики въ Россіи“, на которыхъ былъ выработанъ „Проектъ учебнаго плана по математикѣ для мужскихъ гимназій“. Послѣ единогласнаго одобренія проекта Обществомъ онъ былъ отпечатанъ и разосланъ надлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ.

Распорядительный Комитетъ въ отчетномъ году состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Предѣдатель Г. К. Суловъ, его товарищи: I. I. Косоноговъ (онъ же казначей) и В. П. Ермаковъ, секретарь—А. Д. Билимовичъ, бібліотекаръ—Ч. Т. Бялобжевскій.

Число лицъ, избранныхъ въ почетные и дѣйствительные члены Общества достигло въ 1907 году 283 человекъ, изъ коихъ 40 человекъ внесли членскіе взносы до 1-го января 1907 г. и еще 3 человекъ до составленія прилагаемаго списка. Такимъ образомъ въ число наличныхъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Общества въ настоящее время входятъ 49 лицъ, считая въ томъ числѣ одного члена, внесшаго временно 30 рублей. Остальные члены, значившіеся по прежнимъ спискамъ, считаются, на основаніи § 13 устава Общества, добровольно выбывшими изъ Общества къ 1-му января 1908 года.

Въ истекшемъ году Общество понесло утрату въ лицѣ скончавшагося почетнаго члена Общества, заслуженнаго профессора Николая Васильевича Бобрцакаго.

Избранная въ силу § 22 устава Общества ревизионная коммисія въ составъ коей вошли И. И. Бѣлянкинъ, П. А. Долгушинъ и А. Б. Шешковскій, произвела 14 января провѣрку приходоу и расходоу Общества.

Расходы и приходы Общества къ 1-му января 1908 года представляются въ слѣдующемъ видѣ.

П Р И Х О Д Ъ.

1) Остатокъ отъ 1906 года.	275 р. 21 к.
2) Членскіе взносы отъ 10 лицъ за 1906 годъ.	30 р. — к.
3) Членскіе взносы отъ 38 лицъ за 1907 годъ.	114 р. — к.
4) Членскіе взносы отъ 1 лица за 1908 годъ.	3 р. — к.
5) Добровольные взносы отъ 16 лицъ	16 р. — к.
6) Доходъ отъ продажи изданій Общества.	7 р. — к.
7) % на капиталъ Общества	2 р. 80 к.
	<hr/>
Всего	448 р. 01. к.

Р А С Х О Д Ъ.

1) Печатаніе изданій Общества и другіе типографскіе расходы	24 р. 10 к.
2) Почтовые и канцелярскіе расходы	33 р. 97 к.
3) Вознагражденіе прислугѣ	81 р. — к.
4) Хозяйственные расходы	48 р. 22 к.
	<hr/>
Всего	182 р. 29 к.
Остатокъ къ 1-му января 1908 года	265 р. 72 к.

СПИСОКЪ

членовъ Кіевскаго Физико-Математическаго Общества къ 1 января
1908 года.

Почетные члены:

1) Ермаковъ В. П.	3) Зилевъ П. А.
2) Жуковскій Н. Е. (иног.)	4) Сусловъ Г. К.
5) Шиллеръ Н. Н. (иног.)	

Дѣйствительные члены:

6) Астрябъ А. М.	28) Мишинъ Я. П.
7) Барсуковъ Н. Ф.	29) Остроменскій Д. А.
8) Башинскій В. В.	30) Оглоблинъ Н. В.
9) Билимовичъ А. Д.	31) Орловскій В. О.
10) Бѣлянкинъ И. И.	32) Пфейфферъ Г. В.
11) Бялобжевскій Ч. Т.	33) Савченко-Боженко Д. Н.
12) Вельминъ В. П.	34) Слѣсаревскій С. Т.
13) Воронецъ П. В.	35) Скибинскій Е. И.
14) Делоне Н. Б.	36) Снѣгуровскій С. И.
15) Дехтеревъ А. Н.	37) Стеценко Ѡ. П.
16) Динникъ А. Н.	38) Столяровъ Н. А.
17) Долгушинъ П. А.	39) Семашкевичъ Е. Е.
18) Заіончевскій В. И.	40) Страшкевичъ М. А.
19) Зиминъ М. Ф.	41) Толочиновъ С. Н.
20) Карповъ Н. А.	42) Черный С. Д.
21) Картавецъ М. П.	43) Чемолосовъ С. С.
22) Киричинскій Р. И.	44) Шейнбергъ С. А.
23) Косоноговъ І. І.	45) Шейнбергъ С. П.
24) Крыловъ Н. М. (иног.).	46) Шишковскій Б. А.
25) Кобелева Е. Н.	47) Щербина К. М.
26) Кистяковскій Ю. А.	48) Юскевичъ-Красковскій В. И.
27) Левицкій И. Р.	49) Яницкій А. Н.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ.

Протоколь 316 очередного засѣданія.

29 января 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Су слов ѣ; присутствовало 13 членовъ.

- 1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.
- 2) Г. Предсѣдателемъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1906 г.
- 3) Прослушаны сообщенія:
И. В. Воронца, — „Гильбертовъ примѣръ интеграла, неимѣющаго минимума“.
А. Д. Билимовича, — „Къ вопросу о разложеніи e въ непрерывную дробь“.
- 4) Избранъ въ члены Общества Владиміръ Александровичъ Плотниковъ.

Протоколь 317 очередного засѣданія.

12 февраля 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Су слов ѣ; присутствовало 22 члена.

- 1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.
- 2) Прослушанъ и утвержденъ докладъ ревизіонной комиссіи.
- 3) Сообщено приглашеніе членовъ Общества отъ лица Постояннаго Комитета съѣздовъ и Кіевскаго Городскаго Управленія принять участіе въ 4 Всероссийскомъ Электротехническомъ съѣздѣ.
- 4) Произведены выборы членовъ Распорядительнаго Комитета. Избраны: товарищами предсѣдателя - И. И. Косоноговъ (онъ-же казна-

чеемъ) и В. П. Ермаковъ, секретаремъ А. Д. Билимовичъ и библиотекаремъ Ч. Т. Бялобжевскій.

5) Прослушаны сообщенія:

В. П. Ермакова—„Одна задача изъ теоріи квадратичныхъ формъ“.

Н. Б. Делоне—„Простѣйшая формула сложения эллиптическихъ функций“.

П. А. Долгушина—„Приближенныя вычисленія“.

Протоколь 318 очереднаго засѣданія.

19 февраля 1907 года.

Предсѣдательствовалъ Г. К. Су словъ, присутствовало 19 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Прослушано сообщеніе:

К. М. Щербинны—„Обзоръ главнѣйшихъ трудовъ и мнѣній по вопросу объ улучшеніи программъ математики въ русской средней общеобразовательной школѣ“.

Протоколь 319 очереднаго засѣданія.

5 марта 1907 года.

Предсѣдательствовалъ Г. К. Су словъ, присутствовало 18 членовъ и группа г. директоровъ Кіевскаго Учебнаго Округа.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Прослушаны сообщенія:

К. М. Щербинны—„Обзоръ главнѣйшихъ трудовъ и мнѣній по вопросу объ улучшеніи программъ математики въ русской средней общеобразовательной школѣ“, (второй докладъ).

П. А. Долгушина—„Относительное положеніе окружностей въ учебникѣ геометріи Давидова“.

В. П. Ермакова—„Теорема Пифагора“.

Протоколь 320 очереднаго засѣданія.

12 марта 1907 года.

Предсѣдательствовалъ Г. К. Су словъ, присутствовало 19 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Прослушаны сообщенія:

Н. М. Бубнова— „Деноминаціонно-дифференціальный методъ классической арифметики“.

И. И. Бѣлянкина — „Замѣчаніе по поводу реферата В. П. Ермакова — Теорема Пифагора“.

Н. В. Оглоблина — „Учебникъ геометріи Бореля“. И. Г. Рекашевымъ была переведена глава изъ этого учебника о параллельныхъ.

Протоколь 321 очереднаго засѣданія.

19 марта 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Сусловъ, присутствовало 28 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Прослушаны сообщенія:

И. И. Косоногова — „Демонстрація электрическихъ волнъ въ безвоздушномъ пространствѣ“, и „Спектры гелія и аргона“.

А. П. Шереметьева — „Демонстрація прибора для опредѣленія оптической оси въ цилиндрическихъ линзахъ“.

Н. М. Бубнова — „Деноминаціонно-дифференціальный методъ классической арифметики“ (второй докладъ).

Протоколь 322 очереднаго засѣданія.

2 апрѣля 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Сусловъ, присутствовало 17 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Прослушаны сообщенія:

А. Д. Билимовича — „Реформа преподаванія математики въ Германіи“.

П. А. Долгушина — „Методика приближеннаго исчисленія“.

3) Принято предложеніе Г. К. Суслова организовать засѣданія комиссіи для разработки вопроса о реформѣ преподаванія математики въ Россіи. Комиссія состоитъ изъ членовъ Распорядительнаго Комитета, а также П. А. Долгушина и К. М. Щербинны. Участіе въ работахъ комиссіи могутъ принимать всѣ члены Общества.

Протоколь 323 очереднаго засѣданія.

9 апрѣля 1907 года.

Предсѣдательствовалъ Г. К. Су словъ, присутствовало 18 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Доложено Обществу предложеніе Кіевскаго Городскаго Головы назначить въ одинъ изъ дней 4 Всероссийскаго электротехническаго съѣзда въ г. Кіевѣ очередное засѣданіе Кіевскаго Физико-Математическаго Общества съ заключеніемъ г. товарища предсѣдателя проф. І. І. Косоногова, въ которомъ І. І. Косоноговъ отказывается принять участіе въ организаціи засѣданія по причинѣ обремененности работой. Другіе члены Общества также признали въ настоящее время невозможнымъ принять активное участіе въ предполагаемомъ засѣданіи. Въ виду этого Общество постановило отказаться отъ устройства вышеупомянутаго засѣданія.

3) Доложено сообщеніе Распорядительнаго Комитета объ организаціи засѣданія памяти Д. И. Менделѣева. Общество постановило обсудить просьбу въ началѣ осенняго семестра.

4) Прослушаны сообщенія:

А. Д. Билимовича—„200-лѣтіе рожденія Л. Эйлера“.

Г. К. Су слова—„Уравненія движенія несвободнаго твердаго тѣла“.

Протоколь 324 очереднаго засѣданія.

14 мая 1907 года.

Предсѣдательствовалъ Г. К. Су словъ, присутствовало 25 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Доложено г. Предсѣдателемъ о дѣятельности комиссіи для разработки вопроса о реформѣ преподаванія математики въ Россіи. Комиссія имѣла пять засѣданій, на которыхъ выработала проектъ новаго учебнаго плана по математикѣ. Проектъ сопровождается препроводительной запиской, которая и была прочитана г. Предсѣдателемъ. Составленіе подробной объяснительной записки было отложено комиссіей до осени. Затѣмъ г. Секретаремъ былъ прочитанъ проектъ учебнаго плана по математикѣ. Общество единогласно одобрило проектъ плана и препроводительную записку къ нему и постановило: напечатать ихъ и разослать надлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ. Въ концѣ засѣданія присутствующіе члены Общества выразили благодарность участникамъ комиссіи: А. Д. Билимо-

вичу, П. А. Долгушину, Г. К. Суслову и К. М. Щербинѣ за ихъ труды по составленію плана.

Протоколь 325 очереднаго засяданія.

5 юня 1907 года.

Предсѣдательствовалъ Г. К. Сусловъ, присутствовало 14 членовъ.

- 1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засяданія.
- 2) Г. Предсѣдателемъ было доложено объ окончаніи печатанія проекта новаго учебнаго плана, экземпляры котораго были розданы присутствующимъ членамъ.
- 3) Прослушаны сообщенія:
Г. К. Сусллова—„По поводу одной вступительной лекціи“.
А. Д. Билимовича—„О соприкосновеніи геометрическихъ образовъ“.

Протоколь 326 очереднаго засяданія.

24 сентября 1907 юда.

Предсѣдательствовалъ Г. К. Сусловъ, присутствовало 20 членовъ.

По предложенію Г. Предсѣдателя Общество почтило вставаніемъ память почетнаго члена Общества заслуженнаго профессора Н. В. Бобрѣцкаго.

- 1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засяданія.
- 2) Г. Предсѣдателемъ доложено о выраженіи благодарности за присылку проекта учебнаго плана отъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, его товарища и попечителей Одесскаго и Оренбургскаго округовъ.
- 3) Г. Секретаремъ доложено о полученномъ разрѣшеніи отъ Г. Губернатора на приобрѣтеніе копирующаго аппарата—шапирографа, который и приобрѣтенъ.
- 4) Отъ редакціи газеты „Кіевскій Курьеръ“ получено письмо съ просьбой присылать въ редакцію сообщенія о засяданіяхъ Общества. Согласно этому письму въ редакцію будутъ посылаться повѣстки о засяданіяхъ.
- 5) Предложены въ члены Общества: Владиміръ Петровичъ Вельминъ, Данииль Наумовичъ Савченко-Боженко, Дмитрій Антоновичъ Остроменскій, —предлагають Г. К. Сусловъ и П. В. Воронецъ.

6) Прослушаны сообщенія:

Д. А. Граве—„Объ эллиптическихъ функціяхъ“.

И. И. Бѣлянкина—„Общая задача варіаціоннаго исчисленія“.

Протоколь 327 очереднаго засѣданія.

1 октября 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Сусловъ, присутствоваль 21 членъ.

1) Прослушанъ и утверждень протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Г. Предсѣдателемъ доложено о выраженіи благодарности за присылку проекта учебнаго плана отъ Г. Попечителя Казанскаго округа.

3) Предложены въ члены Общества: Александръ Николаевичъ Зарубинъ, Евгенийъ Ивановичъ Скибинскій,—предлагають І. І. Косоноговъ и Ч. Т. Бялобжевскій. Елена Николаевна Кобелева,—предлагають Г. К. Сусловъ и А. Д. Вилимовичъ. Сергій Степановичъ Чемолосовъ,—предлагають В. И. Юскевичъ-Красковскій и И. И. Бѣлянкинъ.

4) Избраны въ члены Общества В. П. Вельминъ, Д. Н. Савченко-Боженко, Д. А. Остроменскій.

5) Прослушаны сообщенія:

И. И. Бѣлянкина—„Демонстрація серіи 24-хъ портретовъ знаменитыхъ математиковъ, избранной въ Чикаго“.

П. А. Долгушина—„О стереометрическихъ чертежахъ“.

Протоколь 328 очереднаго засѣданія.

8 октября 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Сусловъ, присутствовало 19 членовъ.

1) Прослушанъ и утверждень протоколь предыдущаго засѣданія.

Избраны въ члены Общества: А. Н. Зарубинъ, Е. И. Скибинскій, Е. Н. Кобелева.

2) Прослушаны сообщенія:

И. И. Бѣлянкина—„Начало наименьшаго дѣйствія“.

А. Г. Гольдмана—„Фотоэлектрическій токъ и потенциалъ“.

І. І. Косоногова—„О превращеніи матеріи“.

Протоколь 329 очереднаго засьданія.

22 октября 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Су словъ, присутствовало 24 члена.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засьданія.

2) Избранъ въ члены Общества С. С. Чемолосовъ.

3) Доложено Г. Предсѣдателемъ о присылкѣ журналовъ: 1) Сообщеній Харьковскаго Математическаго Общества, 2) Извѣстій Казанскаго Физико-Математическаго Общества, 3) Записокъ Новороссійскаго Общества Естествоиспытателей и 4) Извѣстій Петербургскаго Политехническаго Института.

4) Прослушаны сообщенія:

С. П. Слѣсаревскаго — „О цвѣтной фотографіи“.

В. П. Вельмина — „Нѣкоторыя формулы изъ теоріи функций комплекснаго переменнаго“.

А. Д. Билимовича — „Демонстрація двухъ моделей“.

П. В. Воронца — „О катаніи диска по поверхности“.

Протоколь 330 очереднаго засьданія.

29 октября 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Су словъ, присутствовало 17 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засьданія.

2) Предложенъ въ члены Общества Евгений Евстафіевичъ Семашевичъ, — предлагають Г. К. Су словъ и П. В. Якубинскій.

3) Прослушаны сообщенія:

И. И. Бѣлянкина — „Къ вопросу о движеніи по кривой второго порядка“; „Объ одномъ свойствѣ геликоида“; „Замѣтка о мгновенныхъ центрахъ“.

М. Ф. Зими́на. — „Къ вопросу о мгновенныхъ центрахъ“.

Г. К. Сулова — „О предѣлахъ“.

П. В. Воронца — „О катаніи диска по поверхности“, (второй докладъ).

Протоколь 331 очереднаго засьданія.

5 ноября 1907 года

Предсѣдательствоваль Г. К. Су словъ, присутствовало 19 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засьданія.

2) Избранъ въ члены Общества Е. Е. Семашкевичъ.

3) Прослушаны сообщенія:

А. Н. Яницкаго—„Къ теоріи гальванометра“.

І. І. Косоногова—„О наблюденіи электролиза съ ультрамикроскопомъ“.

Протоколь 332 очереднаго засѣданія.

12 ноября 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Су словъ, присутствовало 17 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

Предложены въ члены Общества: Александръ Матфеевичъ Астрябъ, —предлагають Н. В. Оглоблинъ и А. Д. Билимовичъ; Степанъ Николаевичъ Влайковъ.—предлагають В. П. Вельминъ и А. Д. Билимовичъ.

3) Прослушаны сообщенія:

Е. И. Скибинскаго—„Объ одномъ весьма общемъ неопредѣленномъ рѣшеніи проблемы упругости изотропныхъ тѣлъ“.

В. П. Ермакова—„Оптический приборъ“.

Протоколь 333 очереднаго засѣданія

26 ноября 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Су словъ, присутствовало 25 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Избраны въ члены Общества: А. М. Астрябъ и С. Н. Влайковъ.

3) Прослушаны сообщенія:

І. І. Косоногова—„Ультрамикроскопическое изслѣдованіе явленій электролиза“.

Ч. Т. Бялбжевскаго—„Огношеніе электроннои теоріи къ механикѣ“.

В. А. Шишковскаго—„О калиброваніи капиларовъ“.

Протоколь 334 очереднаго засѣданія.

3 декабря 1907 года.

Предсѣдательствоваль Г. К. Су словъ, присутствовало 20 членовъ.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Прослушаны сообщенія:

И. И. Бѣлянкина— „Объ одной изопериметрической задачѣ“;
„Выводъ необходимаго условія max.-min. интеграловъ въ параметрахъ
Вейерштрасса“.

Ч. Т. Бялобжевскаго— „Отношеніе электронной теоріи къ ме-
ханицѣ“ (второй докладъ).

Протоколь 335 очереднаго засѣданія.

10 декабря 1907 года.

Предсѣдательствовалъ И. И. Косоноговъ, присутствовало 10 членовъ.

По предложенію предсѣдательствовавшаго присутствующіе члены
почти вставаніемъ память скончавшагося лорда Кельвина (Вильяма Том
сона).

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Предложены въ члены Общества: Степанъ Прокофьевичъ Тимо-
шенко,— предлагаютъ В. П. Ермаковъ и И. Р. Левицкій; Але-
ксандръ Ивановичъ Мовчанъ,— предлагаютъ А. М. Астрябъ и А. Д.
Блимовичъ.

3) Прослушано сообщеніе:

Б. А. Шишковскаго— „Этюды диссоціирующей способности солей“.

Протоколь 336 очереднаго засѣданія.

17 декабря 1907 года.

Предсѣдательствовалъ Г. К. Сусловъ, присутствовало 22 члена.

1) Прослушанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

2) Произведены выборы членовъ ревизіонной комиссіи; избраны:
И. И. Бѣлянкинъ, П. А. Долгушинъ, Б. А. Шишковскій.

3) Избраны въ члены Общества: С. П. Тимошенко (безъ балло-
тировки), А. И. Мовчанъ.

4) Прослушаны сообщенія:

Ч. Т. Бялобжевскаго— „Отношеніе электронной теоріи къ меха-
никѣ“ (третій докладъ).

И. И. Бѣлянкина— „Обобщеніе теоремы Фурье по Рунге“.

Zur Theorie der elliptischen Functionen.

Dr. D. Grawe,

Ord. Prof. an der Univ. Kiew.

Die elliptischen Theta Functionen sind von grosser theoretischen und praktischen Bedeutung, daher erlangt die Frage der Berechnung der Grösse

$$q = e^{-\pi \frac{K_1}{K}}$$

wenn k bekannt ist herforragende Wichtigkeit.

Weierstrass ¹⁾ hat bewiesen das q in eine Reihe der form

$$\gamma_1 k^2 + \gamma_2 k^4 + \dots$$

entwickelt werden kann, wobei die Reihe absolut conwergirt im Kreise dessen Radius gleich Eins ist.

Mertens ²⁾ hat mittelst eines höchst eleganten Verfahrens nicht nur sehr einfach die Weierstrass'sche Resultate bewiesen, sondern auch den Grad der Annäherung gegeben.

Jetzt will ich einen anderen Weg in dieser Frage einschlagen, indem ich die erwähnten Entwicklungen in Zusammenhang mit den alten Legendre'schen Formeln bringe.

¹⁾ *Weierstrass.* Zur theorie der elliptischen Functionen. Sitzungsberichte der. K. Preuss. Akadem. der Wissenschaften zu Berlin. 1833. s. 193.

²⁾ *Mertens.* Zur theorie der elliptischen Functionen. Sitzungsberichte der Math. Nat. Wiss. Classe der Kais. Academie der Wiss. Wien 1835. s. 974.

Wir werden zwei Integrale

$$K = \int_0^{\frac{\pi}{2}} \frac{d\varphi}{\sqrt{1-k^2 \sin^2 \varphi}}; \quad K_1 = \int_0^{\frac{\pi}{2}} \frac{d\varphi}{\sqrt{1-k_1^2 \sin^2 \varphi}}$$

betrachten, wo k und k_1 complementäre Moduln sind die die Relation

$$k^2 + k_1^2 = 1$$

befriedigen.

Wir führen die Bezeichnung $k^2 = t$, $k_1^2 = t_1$, ein. Die beiden Grössen K , K_1 als Functionen von t befriedigen die Differentialgleichung

$$t(1-t)\omega'' + (1-2t)\omega' - \frac{1}{4}\omega = 0. \quad (1)$$

Wenn die Variable t zur Null strebt, so ist die Function K_1 unendlich. Man kann sich leicht überzeugen dass die Function

$$K_1 \sim \frac{1}{\pi} K \lg \frac{16}{t} \quad (2)$$

den Grenzwert 0 hat, wenn t zur Null strebt.

Wollen wir diese Function (2) in die Reihe nach steigenden Potenzen von t entwickeln.

Es ist bekannt das

$$K = \frac{\pi}{2} \sum_{i=0}^{\infty} m_i t^i$$

wo

$$m_0 = 1, \quad m_i = \frac{1^2 \cdot 3^2 \dots (2i-1)^2}{2^2 \cdot 4^2 \dots (2i)^2}$$

Substituieren wir jetzt in die Gleichung (1) anstatt ω die Function

$$K_1 = \frac{1}{\pi} K \lg \frac{16}{t} + \varphi$$

wo

$$\varphi = \sum_{i=1}^{\infty} m_i a_i t^i$$

und a_i unbekannte Coefficienten sind.

Wir bekommen für die Berechnung der Coefficienten der Function φ die folgende Differentialgleichung:

$$(t - t^2) \varphi'' + (1 - 2t) \varphi' - \frac{1}{4} \varphi + \frac{4}{\pi} K'(1 - t) - \frac{K}{\pi} = 0$$

oder

$$\begin{aligned} (t - t^2) \sum m_i a_i i (i - 1) t^{i-2} + (1 - 2t) \sum m_i a_i i t^{i-1} - \frac{1}{4} \sum m_i a_i t^i = \\ = -2(1 - t) \sum m_i i t^{i-1} + \sum m_i t^i \end{aligned}$$

zuerst bekommen wir $a_1 = 1$.

Dann, indem wir die Coefficienten in beiden Seiten bei der Potenz t^k vergleichen, bekommen wir nach den leichten Berechnungen

$$a_{k+1} - a_k = \frac{2}{(2k + 1)(2k + 2)}$$

wovon

$$a_k = 1 + \frac{2}{3 \cdot 4} + \frac{2}{5 \cdot 6} + \dots + \frac{2}{(2k - 1) 2k}$$

Die Reihe

$$1 + \frac{2}{3 \cdot 4} + \frac{2}{5 \cdot 6} + \dots \tag{3}$$

ist leicht zu summiren.

Entwickeln wir wirklich die Function

$$u(x) = x \lg \frac{1+x}{1-x} - \lg(1-x^2)$$

in eine Reihe, so haben wir

$$\begin{aligned} u(x) = 2x^2 + \frac{2x^4}{3} + \frac{2x^6}{5} + \dots \\ - x^2 - \frac{x^4}{2} - \frac{x^6}{3} - \dots = x^2 + \frac{2x^4}{3 \cdot 4} + \frac{2x^6}{5 \cdot 6} + \dots \end{aligned}$$

so das die Summe der Reihe (3) gleich $u(1)$ ist. Aber

$$u(x) = (1+x) \lg(1+x) + (1-x) \lg(1-x)$$

folglich

$$u(1) = 2 \lg 2.$$

Wir sehen also, dass sämtliche Coefficienten a_k positiv und kleiner als $2 \lg 2$ sind.

Es bleibt uns nur die Function $\frac{\varphi(t)}{\psi(t)}$ wo $\psi = \frac{1}{2} \sum_{i=0}^{i=\infty} m_i t^i$ nach steigenden Potenzen von t entwickeln, so dass

$$\frac{\varphi(t)}{\psi(t)} = 2 \sum_{i=1}^{i=\infty} a_i t^i.$$

Für die Rechnung der Coefficienten a_i haben wir solche Recursionsformeln

$$\begin{aligned} m_1 a_1 &= a_1 \\ m_2 a_2 &= a_1 m_1 + a_2 \\ m_3 a_3 &= a_1 m_2 + a_2 m_1 + a_3 \\ &\dots \end{aligned}$$

Aus diesen Gleichungen bekommt man für die Coefficienten a_k solche allgemeine Formeln

$$a_k = \begin{vmatrix} 1 & 0 & 0 & \dots & m_1 a_1 \\ m_1 & 1 & 0 & \dots & m_2 a_2 \\ m_2 & m_1 & 1 & \dots & m_3 a_3 \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ m_{k-1} & m_{k-2} & m_{k-3} & \dots & m_k a_k \end{vmatrix}$$

Man kann beweisen, dass sämtliche Coefficienten positiv a_i sind. In der That, wollen wir die Determinante als summe der anderen Determinanten darstellen, in denen die letzten verticale Zeilen folgende

$$\begin{matrix} m_1 & 0 & 0 & & 0 \\ m_2 & m_2 \frac{2}{3 \cdot 4} & 0 & & 0 \\ m_3 & m_3 \frac{2}{3 \cdot 4} & m_3 \frac{2}{5 \cdot 6} & \dots & 0 \\ \vdots & \vdots & \vdots & \dots & \vdots \\ m_k & m_k \frac{2}{3 \cdot 4} & m_k \frac{2}{5 \cdot 6} & \dots & m_k \frac{2}{(2k-1)2k} \end{matrix}$$

sind.

In solcher Weise bekommen wir die Formeln

$$a_i = 2 \sum_{i=0}^{i=k-1} (2k-2i-1) \frac{V_i^{(k)}}{(2k-2i)}$$

wo

$$V_0^{(k)} = m_k, \quad V_i^{(k)} = \begin{vmatrix} 1, & 0, & 0, & 0, & \dots & m_{k-i} \\ m_1, & 1, & 0, & 0, & \dots & m_{k-i+1} \\ m_2, & m_1, & 1, & 0, & \dots & m_{k-i+2} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ m_i, & m_{i-1}, & \dots & \dots & \dots & m_k \end{vmatrix}$$

Gehen wir jetzt über zum Beweise, dass alle Determinanten $V_i^{(k)}$ (wo $i < k$) positiv sind.

Entwickeln wir die Determinanten nach den Gliedern der ersten horizontalen Zeile, so bekommen wir

$$V_i^{(k)} = V_{i-1}^{(k)} + (-1)^i m_{k-i} \mu_i \tag{4}$$

wo

$$\mu_i = \begin{vmatrix} m_1, & 1, & 0, & \dots & 0 \\ m_2, & m_1, & 1, & \dots & 0 \\ m_3, & m_2, & m_1, & \dots & 0 \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ m_{i-1}, & m_{i-2}, & \dots & \dots & 1 \\ m_i, & m_{i-1}, & \dots & \dots & m_1 \end{vmatrix}, \quad \mu_1 = m_1.$$

Indem wir die Formel (4) für alle Werthe von i von 1 bis $l < k$ anwenden, bekommen wir die Formeln

$$\left. \begin{aligned} V_l^{(k)} &= V_{l-1}^{(k)} + (-1)^l m_{k-l} \mu_l \\ V_{l-1}^{(k)} &= V_{l-2}^{(k)} + (-1)^{l-1} m_{k-l+1} \mu_{l-1} \\ \dots & \dots \dots \dots \dots \dots \dots \dots \\ V_2^{(k)} &= V_1^{(k)} + m_{k-2} \mu_2 \\ V_1^{(k)} &= V_0^{(k)} - m_{k-1} \mu_1 \end{aligned} \right\} \dots \dots \dots \tag{3}$$

Indem wir μ_i entwickeln bekommen wir

$$\mu_i = \mu_{i-1} m_1 - \mu_{i-2} m_2 + \dots + (-1)^{i-1} \mu_2 m_{i-2} + (-1)^i \mu_1 m_{i-1} + (-1)^{i+1} m_i$$

oder

$$-m_i = -\mu_1 m_{i-1} + \mu_2 m_{i-2} - \dots + (-1)^{i-1} \mu_{i-1} m_1 + (-1)^i \mu_i.$$

Multipliciren wir jetzt die Gleichungen (5) durch die Factoren

$$\frac{1}{m_{k-i}}, \quad \frac{m_1}{m_{k-i+1}}, \quad \frac{m_2}{m_{k-i+2}}, \quad \dots \quad \frac{m_{i-1}}{m_{k-1}}$$

und addiren, so bekommen wir

$$\begin{aligned} & \frac{1}{m_{k-l}} V_l^{(k)} + \frac{m_1}{m_{k-l+1}} V_{l-1}^{(k)} + \frac{m_2}{m_{k-l+2}} V_{l-2}^{(k)} + \dots + \frac{m_{l-1}}{m_{k-1}} V_1^{(k)} = \\ & = \frac{1}{m_{k-l}} V_{l-1}^{(k)} + \frac{m_1}{m_{k-l+1}} V_{l-2}^{(k)} + \dots + \frac{m_{l-1}}{m_{k-1}} V_0^{(k)} = m_l. \end{aligned}$$

Oder

$$\frac{1}{m_{k-l}} V_l^{(k)} = \sum_{i=0}^{l-1} V_i^{(k)} \left[\frac{m_{l-i-1}}{m_{k-i-1}} \dots \frac{m_{l-i}}{m_{k-i}} \right]$$

wo $m_0=1$.

Die Grösse

$$\frac{m_{l-i}}{m_{k-i}}$$

bei dem wachsenden i nimmt zu so dass die sämtliche Klammerdifferenzen positiv sind.

Vorausgesetzt aber dass das Theorem für erste $l-1$ Functionen $V_1^{(k)}$, $V_2^{(k)}$, ..., $V_{l-1}^{(k)}$ bewiesen ist bekommt man den Beweis auch für $V_l^{(k)}$. Aber es ist leicht sich zu überzeugen dass $V_1^{(k)}$, $V_2^{(k)}$ positiv sind, so bekommt man die Positivität der allen anderen $V_i^{(k)}$ und also die Positivität der allen Coefficienten α_i , was zu beweisen war. Gleichzeitig haben wir die Ungleichungen

$$\alpha_i < m_i \alpha_i.$$

Wollen wir jetzt beweisen das die Reihe

$$\sum \alpha_i t^i$$

für alle Werthe von t die nicht grösser als 1 sind Convergiert. Dazu genügt es die Convergenz der Reihe nur für $t=1$ zu beweisen.

Aus der Positivität der Coefficienten m_i und α_i kommt unmittelbar für positive Werte von t die Ungleichung

$$m_1 \alpha_1 t + \dots + m_{2n} \alpha_{2n} t^{2n} > (1 + m_1 t + \dots + m_n t^n) (\alpha_1 t + \alpha_2 t^2 + \dots + \alpha_n t^n)$$

woraus

$$\alpha_1 t + \alpha_2 t^2 + \dots + \alpha_n t^n < \frac{m_1 \alpha_1 t + \dots + m_{2n} \alpha_{2n} t^{2n}}{1 + m t + \dots + m_n t^n}$$

für $t=1$

$$\begin{aligned}
 a_1 + a_2 + \dots + a_n &< 2 \lg 2 \frac{m_1 + \dots + m_{2n}}{1 + m_1 + \dots + m_n} \\
 &< 2 \lg 2 \frac{1 + \dots + m_{2n+1}}{1 + m_1 + \dots + m_n} < 2 \lg 2 \left(1 + \frac{m_{n+1} + m_{n+2} + \dots + m_{2n+1}}{1 + m_1 + \dots + m_n} \right) \\
 &< 2 \lg 2 (1 + 1)
 \end{aligned}$$

oder

$$a_1 + a_2 + \dots + a_n < \lg 16$$

für alle Werthe von n .

Wir sehen also, das die Summe $a_1 + \dots + a_n$ mit wachsendem n zu einem Grenzwert strebt, der nicht grösser als $\lg 16$ ist. Davon bekommen wir alle Resultate von Weierstrass über die Convergenz der betreffenden Reihen.

Wien. 29 Nov. 1906.

Къ вопросу о разложѣніи e въ непрерывную дробь.

(Библиографическая записка).

Въ третьемъ выпускѣ XXV тома „Математическаго Сборника“, издаваемого Московскимъ математическимъ обществомъ напечатана статья В. П. Вельмина: „Разложене числа e въ обыкновенную непрерывную дробь“, гдѣ приводится разложене вида $e = (2, 1, 2m, 1)$. Авторъ статьи получаетъ свое разложене, основываясь на разложени въ непрерывную дробь выраженія $\frac{e^2 - 1}{2} = (0, 1, 4m + 2)$, данномъ L. Euler'омъ въ его *Introductio in analysin infinitorum*. Въ статьѣ говорится: „До сихъ поръ, повидимому, не было извѣстно весьма простое разложене числа e “.... Редакція „Математическаго Сборника“ помѣщаетъ статью безъ всякихъ оговорокъ и тѣмъ можетъ ввести читателя въ заблужденіе.

Въ настоящее время математики въ отношеніи знакомства съ литературой поставлены въ очень хорошее положене—всѣмъ доступна *Encyclopädie der mathematischen Wissenschaften*. Въ первомъ томѣ (*Arithmetik und Algebra*) этой энциклопедіи въ *Bandregister*ѣ находимъ e . Здѣсь читаемъ:

e , als Grenzwert 73, als Basis der natürlichen Lögarithmen 73; 154: 993 u. 272; Irrationalität von e und e^m 60 f.; 669; Transzendenz von e 670 f.; Kettenbruch für $e^2 - 1/e^2 + 1$ 136; 669. S. auch Exponentialfunction.

Естественно просмотрѣть надлежащія мѣста, а также и литературу, тамъ указанную. Въ данномъ случаѣ работа упрощается. На стр. 670 читаемъ:.... $e = (2, 1, 2m, 1)$. $e^2 = (7, 3m - 1, 1, 1, 3m, 12m + 6)$, deren

erste schon bei Euler, Petr. Comm. 9, 1744 (1737), p. 120 sich findet,....
 Въ этомъ томѣ Commentarii academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae
 дѣйствительно находимъ Dissertatio auctore Leonh. Euler.—De fractionibus
 continuis. На стр. 120 видимъ разложение:

$$e = 2 + \frac{1}{1 + \frac{1}{2 + \frac{1}{1 + \frac{1}{1 + \frac{1}{4 + \frac{1}{1 + \frac{1}{1 + \frac{1}{6 + \frac{1}{1 \text{ etc.}}}}}}}}}}}}$$

Въ той же энциклопедіи можно прочесть, что по вопросу о пред-
 ставленіи бесконечныхъ рядовъ непрерывными дробями существуетъ огром-
 ная литература—см. стр. 133 и слѣд. Здѣсь говорится не только о про-
 стомъ гипергеометрическомъ рядѣ, но также и объ обобщенномъ (Heine).

Въ заключеніе нѣсколько словъ по поводу самого доказательства
 автора статьи. Исходной точкой разложения служитъ разложение $\frac{e-1}{2}$ со
 ссылкой на L. Euler'a. L. Euler же разложение этого выраженія получаетъ
 непосредственнымъ дѣленіемъ, подмѣчая законъ и допуская, что онъ
 останется справедливымъ и въ дальнѣйшемъ. Логическій дефектъ такого
 вывода переносится, очевидно, и на всѣ слѣдствія, вытекающія изъ раз-
 ложенія L. Euler'a. А если такъ, то не проще ли при разложеніи самого
 e прибѣгнуть также къ непосредственному дѣленію, какой методъ, оче-
 видно, L. Euler'омъ и предполагается при указаніи разложения въ мемуарѣ
 De fractionibus continuis.

Кіевъ, 30 января 1907 г.

Ан. Д. Вилимовичъ.

Реформа преподаванія математики въ Германіи.

Въ настоящее время Россія переживаетъ несомнѣнно періодъ оживленія своего внутренняго строительства: многое, самое основное, до сихъ дней считавшееся неизбѣемымъ на всемъ земномъ шарѣ, подвергается у насъ самой ожесточенной критикѣ и несомнѣнно подлежитъ дамѣненію. Вниманіе россиянина отвлечено теперь крупными, мировыми вопросами, „соціальными проблемами“—право народной власти (самоуправленія въ широкомъ смыслѣ этого слова), экономическіе вопросы, право частной собственности, капитализмъ и положеніе трудящихся массъ, вопросы народнаго просвѣщенія, всеобщее народное обученіе, національный вопросъ и пр. и пр.—все это требуетъ неотступно рѣшенія. Вопросы эти встали въ современной рѣзкой формѣ передъ россияниномъ не сразу,—давно уже въ жизни Россіи замѣчалось много ненормальностей—они только ясно обнаружались въ послѣднее время, благодаря кризису, послѣдовавшему послѣ международнаго пораженія. Одной изъ застарѣлыхъ болѣзней въ жизни Россіи былъ вопросъ о народномъ просвѣщеніи: положеніе университетовъ, средней школы и элементарнаго (начальнаго) образованія. Вопросы о реформѣ этихъ институтовъ подымались почти тотчасъ послѣ установленія въ нихъ того или другаго порядка. Въ настоящее время каждый изъ этихъ институтовъ переживаетъ переходное состояніе: въ университетахъ—неустановившаяся автономія, съ крайне неопредѣленными и туманными правами и обязанностями, какъ профессорскихъ коллегій, такъ и студентовъ, въ средней школѣ—хаосъ программъ и учебныхъ плановъ, въ элементарномъ образованіи—канунъ всеобщаго народнаго обученія. Къ сожалѣнію надо отмѣтить, что не смотря на то, что при такомъ переходномъ положеніи естественно возникаетъ масса вопросовъ, связанныхъ съ преобразованіемъ этихъ институтовъ, вопросовъ, которые требуютъ самаго тщательнаго и вдумчиваго отношенія, требуютъ большаго къ себѣ вниманія,—русское общество, будучи отвлечено болѣе важными задачами, въ самое послѣднее время весьма мало удѣляетъ вниманія школьному вопросу и въ

особенности положенію средней школы. Но и въ то время, когда русское общество было всецѣло поглощено вопросомъ университетскимъ и вопросомъ средней школы, этотъ послѣдній состоялъ главнымъ образомъ въ вопросѣ о „школьномъ классицизмѣ“, — вопросомъ же о преподаваніи математики интересовались только постольку, поскольку математику съ естественными науками можно противопоставить древнимъ языкамъ. О сущности же преподаваемыхъ въ средней школѣ математическихъ предметовъ и о методахъ самаго преподаванія раздавались только единичные голоса. Объясняется это съ одной стороны тѣмъ, что общество, взятое въ цѣломъ, является весьма мало свѣдущимъ въ математикѣ, а свойства этой науки къ счастью таковы, что невѣжество въ ея области легко можетъ быть обнаружено, поэтому въ то время, какъ о классицизмѣ рьядилъ и судилъ всякій и каждый, о математикѣ говорить побаивались. Съ другой стороны общество вѣрило и до сихъ поръ вѣрить, что математики вздору не учатъ, — это въ значительной мѣрѣ правильно: истины „Началь Эвклида“ и „Коническихъ свѣченій Аполлонія“, скажемъ, не утратили своей справедливости и до нашихъ дней, но, вѣдь, вопросъ не только въ томъ, чтобы ученики усвоили истину, но также и въ томъ, чтобы матеріалъ, доступный ихъ усвоенію, представлялъ наибольшую цѣнность, съ одной стороны по своему содержанию, а съ другой и по формѣ, давая надлежащее развитіе мыслительныхъ способностей. Но если дѣло обстоитъ такъ, то тѣмъ чутче должны отнестись спеціалисты, люди свѣдущіе — они должны ставить преподаваніе математики на высотѣ времени, слѣдить и не запускать дѣла до того, чтобы даже слѣпому стало ясно, что подъ видомъ математики учатъ совсѣмъ не тому, что представляетъ собой собственно говоря математика. Къ чести Кіевскаго Физико-Математическаго Общества и кружка кіевскихъ педагоговъ-математиковъ надо отнести то, что они неоднократно и давно уже подымали вопросъ, какъ на засѣданіяхъ Общества, такъ и при Округѣ о пересмотрѣ программъ по математикѣ и введеніи въ курсъ средней школы элементовъ, такъ называемой, высшей математики. Естественно, что при вопросѣ о нововведеніяхъ полезно ознакомиться съ тѣмъ, не сдѣланы ли гдѣ либо такія нововведенія и какіе результаты они принесли. Для насъ это тѣмъ болѣе необходимо потому, что наша средняя школа не является самобытной формы ея привнесены къ намъ изъ Западной Европы, изъ Германіи. Что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Германіи? Вотъ вопросъ, который невольно возникаетъ при мысли о преобразованіи преподаванія математики у насъ.

Какъ я усмотрѣлъ при бѣгломъ обзорѣ, въ нѣмецкой литературѣ существуетъ такая масса статей, разбросанныхъ въ книгахъ, брошюрахъ, журналахъ, педагогическихъ и спеціально математическихъ, что ознакомиться полностью съ ними я не былъ въ состояніи, будучи отвлеченъ

болѣ прямыми моими обязанностями. Поэтому я позволю себѣ остано-
виться на двухъ характерныхъ моментахъ въ дѣлѣ реформы преподаванія
математики въ Германіи: на мнѣніи выдающагося нѣмецкаго ученаго Ф.
Клейна, горячаго борца за реформу, который вмѣстѣ съ Д. Гильбертомъ
представляютъ въ Гёттингенѣ центръ германскаго математическаго міра,
и затѣмъ на ту болѣе или менѣе окончательную форму, въ которую вы-
лилась реформа—на такъ называемый Меранскій учебный планъ.

Ф. Клейнъ о реформѣ.

Феликсъ Клейнъ родился въ 1849 году; получивши образование въ Боннѣ, Гёттингенѣ и Берлинѣ, читалъ лекціи въ качествѣ профессора въ Эрлангенѣ, Мюнхенѣ (въ высшей технической школѣ), въ Лейпцигѣ и съ 1886 года въ Гёттингенѣ. Извѣстенъ своими работами въ области неевклидовой геометріи, Абелевыхъ функций, интегрированія дифференціальныхъ уравненій, рѣшенія уравненій 5-ой, 6-ой и 7-ой степени и во многихъ другихъ вопросахъ анализа, геометріи и механики.

Можно подумать, что, будучи университетскимъ профессоромъ, занимаясь сложными спеціальными вопросами высшей математики, онъ недостаточно компетентенъ въ вопросахъ школьной математики; предвидя такой упрекъ, Ф. Клейнъ приводитъ доказательства того, что ему не чужда школа. Участвуя въ вакаціонныхъ курсахъ (Ferienkursen) для учителей математики въ Гёттингенѣ (до 1902 года единственные въ Германіи) онъ постоянно входитъ въ близкое общеніе со своими слушателями, которые дѣлятся своими наблюденіями надъ средней школой. Какъ результатъ лекцій на этихъ курсахъ явились его работы:

1) Лекціи по избраннымъ вопросамъ геометріи (Vorträge über ausgewählte Fragen der Elementargeometrie)—существуетъ русскій переводъ. Въ книгѣ этой изложены взгляды современной науки на классическія проблемы: трисекцію угла, квадратуру круга и удвоеніе куба.

2) Въмѣстѣ съ Зоммерфельдомъ—Теорія волчка (Theorie des Kreisel) — полное и наглядное изученіе явленій движенія волчка съ многочисленными теоретическими дискурсами.

3) Въмѣстѣ съ Рикке—Значеніе прикладной математики и физики для образованія въ средней школѣ (Über angewandte Mathematik und Physik in ihrer Bedeutung für den Unterricht an den höheren Schulen) ¹⁾.

¹⁾ Подъ „höheren Schulen“ надлежитъ понимать школы трехъ типовъ: Gymnasium, Realgymnasium, Oberrealschule, что соответствуетъ нашей средней школѣ.

Вопросы, трактуемые в этих книгах не могут, конечно, быть включены в материал для школы—они предназначены для учителей, которые могли бы более живо, шире и научнее относиться к задаче школьной математики.

Кроме того Ф. Клейн затрагивает вопросы школьной математики и во многих других своих сочинениях, специально же вопросу о реформе посвящены следующие его работы:

1) О преподавании математики в средней школе (Über den mathematischen Unterricht an den höheren Schulen).

2) Развитие преподавания математики в средней школе Пруссии в XIX вѣкѣ (Die Entwicklung des mathematischen Unterrichts an den höheren preussischen Schulen währen des 19. Jahrhunderts).

3) Замѣчания по поводу школьной конференціи 1900 года (Bemerkungen im Anschluss an die Schulkonferenz von 1900).

4) Замѣчания по поводу такъ называемыхъ гамбургскихъ тезисовъ биологовъ (Bemerkungen zu den sogenannten Hamburger Thesen der Biologen).

5) О современномъ преобразованіи математическаго образованія в средней школѣ (Über eine zeitgemässe Umgestaltung des mathematischen Unterrichts an den höheren Schulen) и еще нѣсколько болѣе мелкихъ замѣтокъ.

Перечня этихъ работъ, мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы освободить Ф. Клейна отъ упрека в томъ, что онъ мало занимался вопросомъ о школьной математикѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору современнаго положенія математики и желательныхъ реформъ, мы позволимъ себѣ вмѣстѣ съ Ф. Клейномъ бѣгло оглянуться на историческія судьбы ея в средней школѣ; судьбы эти были крайне капризны: то математику считали весьма важнымъ знаніемъ, то къ ней относились пренебрежительно и даже враждебно. Опустимъ дискурсы в область древняго и средневѣковаго времени—основой современнаго преподаванія математики в Германіи послужилъ XVIII вѣкъ. В школахъ придерживались элементарной геометріи Эвклида, но впрочемъ преподавались и другіе предметы, которые получили научное развитіе в XVI и XVII вѣкахъ—сюда надо отнести буквенное (выражалось языкомъ того времени) исчисленіе, ученіе о логарифмахъ, начала аналитической геометріи. На положеніе математики вліяли двѣ тенденціи XVIII вѣка: первая—практическая цѣль, обращали особое вниманіе на изобрѣненіе, низшую механику и фортификацію, какъ отдѣлъ начертательной геометріи, а вторая—известный уровень математическихъ знаній являлся необходимымъ предварительнымъ условіемъ для философскаго по-

знанія и вообще для высшаго образования. Въ этомъ направленіи имѣли значеніе сначала ученики Лейбница, а затѣмъ могучее вліяніе И. Канта.

Рѣзкій переходъ въ положеніи вообще образования и въ частности математическаго происходитъ въ началѣ XIX столѣтія въ связи съ крупными историческими событіями происходившими въ Германіи. Столкнувшись съ Наполеономъ, Пруссія потерпѣла полное пораженіе и заключила позорный Тильзитскій миръ. Но великій народъ не палъ духомъ и рѣшилъ вознаградить матеріальныя потери развитіемъ духовныхъ силъ. Настаетъ періодъ обновленія. Въ вопросѣ воспитанія рѣшено поставить цѣлью полное и всестороннее развитіе индивидуума, а такъ какъ только греческая культура, по мнѣнію того времени, доставляла примѣры полно, свободно и изящно развитыхъ личностей, то и современное воспитаніе должно стремиться къ классическому, эллинскому образцу. Такой идеей были проникнуты Гумбольдтъ, Вольфъ, Шлейермахеръ, а съ ними и вся просвѣщенная Германія. Результатомъ этого теченія появился знаменитый Зюфернскій планъ. Все послѣдующее представляетъ только отклоненія отъ Зюфернскаго плана и притомъ въ нежелательномъ направленіи. „Дайте намъ въ области математики только то, что полагалось по Зюфернскому плану, восклицаетъ Ф. Клейнъ, мы измѣнимъ сообразно съ требованіями современной науки и удовольствуемся“. По этому плану основными предметами были родной, греческій и латинскій языки; обстоятельное знакомство съ послѣднимъ было въ то время необходимо. Затѣмъ слѣдовала математика и естественныя науки. По математикѣ полагалось при шести часахъ въ недѣлю:

На двухъгодичномъ курсѣ Secund'ы—теорія уравненій и рѣшеніе ихъ въ числахъ по приближенію, основанія ученія о рядахъ, элементарное ученіе о соединеніяхъ; по геометріи—сферическая тригонометрія, аналитическая геометрія до коническихъ сѣченій включительно.

На трехгодичномъ курсѣ Prim'ы—рѣшеніе уравненій 3-ой и 4-ой степеней, основы неопредѣленнаго анализа, рядъ Тейлора, теорія вѣроятностей. Механика.

Отъ этого плана, говоритъ Ф. Клейнъ, вѣтъ юношескимъ воодушевленіемъ: все приносится на службу обществу и никто не смѣетъ отказаться употребить крайнее напряженіе въ интересахъ этого общества.

Зюфернскій планъ не былъ первоначально даже опубликованъ и нигдѣ въ точности не былъ выполненъ. Едва онъ сформировался и сталъ входить въ жизнь, какъ... палъ Наполеонъ, образовался Священный Союзъ, королевская власть усилилась, наступила реакція. Фридрихъ-Вильгельмъ III отказывается отъ услугъ многихъ слишкомъ „самостоятельныхъ“ дѣятелей—народное просвѣщеніе изъ рукъ Гумбольдта и Зюферна переходятъ къ министру Альтенштейну и его сотруднику Іоганну Шульцу—извѣстному

насадителю формальнаго классицизма въ Германіи. „Принципа“ всесторонняго образованія и онъ придерживался, но какъ осуществилъ онъ этотъ принципъ сравнительно съ Зюферномъ, говоритъ эта таблица (проценты числа уроковъ по отдѣльнымъ предметамъ къ общему числу годовыхъ часовъ):

	Латинск. яз.	Греческій яз.	Нѣмецкій яз.	Математика.
Планъ Зюферна	23	15	13	19
Планъ Шульца	30	15	7	11

Требованія по математикѣ, естественно, при такомъ уменьшеніи числа часовъ, должны были сильно сократиться—они свелись къ элементамъ алгебры, геометріи и тригонометріи.

Организація математическаго преподаванія Шульца неизмѣнно сохранила свое значеніе на практикѣ приблизительно до 1870 года. Преподаваніе носило отвлеченный характеръ—Ф. Клейнъ по собственнымъ воспоминаніямъ характеризуетъ этотъ періодъ (60-ые годы): теоремы геометріи излагались догматически, на наглядное представленіе о пространствѣ не обращалось никакого вниманія, въ тригонометріи вычисляли углы съ точностью до сотыхъ долей секунды (у насъ это и до сихъ поръ въ ходу), не обращая вниманія на то, что точность тончайшихъ геодезическихъ приборовъ едва достигаетъ секунды. Преподаваніе алгебры было не лучше. Для большинства учениковъ уроки математики были часами страшной скуки. Такое тяжелое положеніе школьной математики смягчалось нѣсколько подъемомъ математическаго знанія въ университетахъ, молодые преподаватели вносили, насколько это было возможно, свѣжую струю и въ среднюю школу, къ числу такихъ преподавателей надо отнести впоследствии выдающихся ученыхъ—Грассмана, Куммера, Плюккера, Штейнера и Вейерштраса.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ намѣчается новое теченіе въ постановкѣ математики. Въ связи съ идеей, что образованіе должно разлиться въ широкихъ народныхъ массахъ, что учиться должны не только отдѣльныя, особо одаренныя личности, но всѣ юноши среднихъ способностей, центръ тяжести школьной задачи переходитъ на развитіе учениковъ, хотя бы при этомъ пришлось пользоваться и весьма ограниченнымъ матеріаломъ—главное вниманіе обращается на учебный методъ. Начинаютъ вводиться эвристическій методъ, аналитическія приемы для доказательствъ, стараются развить представленіе о пространствѣ, вводится геометрическое

черчение, широко пользуются наглядными пособиями, моделями и т. д. Вылилось это въ определенную форму на школьной конференціи 1882 года, на которой былъ введенъ новый порядокъ испытаній кандидатовъ на должность школьнаго учителя. На этой же конференціи былъ введенъ пропедевтический курсъ геометріи.

На школьной конференціи 1890 года это теченіе получило дальнѣйшее развитіе: матеріалъ былъ еще сокращенъ, на методъ было обращено еще большее вниманіе.

Но въ это время начинается зарождаться въ педагогической мысли новое стремленіе. Подъ влияніемъ увеличенія интереса къ естественнымъ наукамъ, особенно къ физикѣ, и все возрастающаго значенія техники— раздаются голоса за „прикладную“ математику, горячіе сторонники заявляютъ, что математика должна быть „вспомогательной“ наукой для физики. Болѣе умѣренные „брауншвейгскія“ заключенія собранія общества „для содѣйствія преподаванія математики и естественныхъ наукъ“ говорятъ:

„Ученики средней школы въ общемъ слишкомъ мало способны познавать математическій элементъ въ явленіяхъ жизни; причину этого надо искать въ томъ, что математическія теоріи примѣняются въ искусственно построенныхъ примѣрахъ, вмѣсто того, чтобы имѣть въ виду отношенія, которыя представляются дѣйствительностью. Поэтому система школьной математики, безъ ущерба своей полной самостоятельности, какъ предмета преподаванія, въ деталяхъ должна быть построена такъ, чтобы она имѣла въ виду практическое примѣненіе (въ физикѣ, химіи, астрономіи и др. областяхъ, въ коммерческомъ счетоводствѣ); поэтому разбираемые примѣры должны пріучить учениковъ разбираться въ качественномъ и количественномъ элементѣ дѣйствительности и это должно стать безсознательной потребностью для ученика“.

Надо замѣтить, что такое движеніе особенно сильно проявилось въ Англіи и Америкѣ.

На встрѣчу этому движенію въ Германіи было принято нѣсколько мѣръ. Прежде всего реорганизуется нѣсколько университетское преподаваніе математики— на прикладные отдѣлы обращаютъ большее вниманіе, къ кандидатамъ на должность учителя математики предъявляются требованія знать отчасти и прикладную математику, для чего рекомендуется прослушать нѣкоторые курсы въ высшихъ техническихъ школахъ; затѣмъ, что весьма важно, на послѣдней конференціи (1900 г.) уравниваются въ общемъ права всѣхъ трехъ типовъ средней школы: классической гимназій, реальной гимназій и реального училища— абитуриенты реальныхъ училищъ наконецъ получаютъ право поступленія въ университетъ.

Реформы эти, конечно, не замедлятъ оказать свое влияніе на оживленіе преподаванія математики.

Но задаваясь такой цѣлью связать математику съ жизнью,—надо поставить себѣ вопросъ: пригоденъ ли тотъ учебный матеріалъ, который въ настоящее время находится въ школьномъ обиходѣ для этой цѣли и если онъ не удовлетворителенъ, то какія измѣненія надо въ немъ произвести.

Такимъ образомъ мы подходимъ къ основному вопросу.

Рѣшеніе этого вопроса мы находимъ у Ф. Клейна въ его основной статьѣ: „О реформѣ“. Задачу этой статьи онъ характеризуетъ такимъ образомъ:

„Я съ удовольствіемъ обращаю вниманіе на то, что прусскіе учебные планы 1901 года содержатъ требованіе, чтобы ученики высшихъ классовъ получали обстоятельное понятіе о функціяхъ, а также понятіе о координатахъ. Моя цѣль—убѣдительно предложить: указанныя въ планахъ идеи должны, начиная съ „Unterscund'ы“ (соотвѣтствуетъ нашему пятому классу), въ правильной методической послѣдовательности составлять неотъемлемую принадлежность всякаго математическаго преподаванія; понятіе о функціяхъ въ геометрическомъ смыслѣ должно, подобно ферменту, проходить черезъ весь прочій учебный матеріалъ. Въ этомъ заключается точное пониманіе аналитической геометріи и началъ дифференціального и интегрального исчисленій. Послѣднія являются въѣнцомъ этого широкаго метода“.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію своей темы, Ф. Клейнъ дѣлаетъ два замѣчанія—возражаетъ на тѣ два упрека, которые могутъ ему бросить. Первый упрекъ—въ повышевіи уровня научныхъ требованій, на это Ф. Клейнъ возражаетъ, что задача его не поднятіе уровня, а только измѣненіе цѣли преподаванія и путей, которые ведутъ къ этой цѣли. Онъ готовъ довольствоваться тѣмъ же числомъ часовъ, которое существуетъ теперь.

Второй упрекъ, что профессора университетовъ въ своихъ запросахъ, касающихся системы преподаванія, имѣютъ въ виду исключительно тѣхъ учениковъ, которые въ послѣдствіи въ университетахъ намѣрены продолжать занятія математикой,—„будущихъ математиковъ я совершенно не буду имѣть въ виду“, говоритъ Ф. Клейнъ, „съ ними мы справимся въ университетѣ, какова бы ни была система ихъ предварительнаго образованія. Гораздо важнѣе другіе—медики, химики, юристы. Я хочу, чтобы школа давала имъ въ дальнѣйшій путь такую математическую подготовку, которая въ послѣдствіи дѣйствительно принесетъ плоды“.—Замѣчу, что разсужденія Ф. Клейна относятся ко всѣмъ типамъ средней школы.

Прежде всего Ф. Клейнъ останавливается на томъ: что надо считать элементарной математикой,—надо разобратъ въ этомъ понятіи.

Нѣкоторые подъ элементарной математикой понимаютъ всѣ тѣ и только тѣ отдѣлы математики, въ которые не входитъ понятіе о предѣлѣ (1-ое опредѣленіе), другіе включаютъ понятіе о предѣлѣ, исключая особой

формы предѣла, выраженной символически $\frac{dy}{dx}$ и $\int y dx$ (2-ое опредѣленіе)—оба эти опредѣленія критики не выдерживаютъ: первое не включаетъ ирраціональныхъ чиселъ, напр. $\sqrt{2}$ и трансцендентныхъ $-\pi$, второе—вѣдь говорятъ же о касательной къ кривой, площади ограниченной кривой, длинѣ кривой, скорости, ускоренія, работѣ. Съ другой стороны эти опредѣленія считаютъ элементарнымъ такія области, которыя отнюдь не могутъ быть включены въ школу—говорятъ, напр. „объ элементарной теоріи аналитическихъ функцій комплекснаго переменнаго“. Развѣ можно назвать элементарными многіе труднѣйшіе выводы теоріи чиселъ, наконецъ, по Кронекеру, всей математикѣ можно дать такую форму, при которой можно избѣжать понятія о предѣлѣ.

Область геометріи дала третье опредѣленіе: элементарно все то, что предложено было древними геометрами—тогда надо отбросить простѣйшія положенія изъ области измѣняемости и преобразованія фигуръ—такъ сказать духъ новѣйшей геометріи и включить труднѣйшія изслѣдованія объ основахъ этой науки. Такимъ образомъ оказывается, что такой дисциплины—элементарной математики не существуетъ.

Единственное опредѣленіе элементарной математики, которое пригодно для школы—практическое: элементарными должно считать тѣ части различныхъ отдѣловъ математики, которыя доступны для мальчика среднихъ способностей безъ продолжительной специальной подготовки. Область такъ понимаемой элементарной математики измѣняется съ теченіемъ времени: области, которыя первоначально не были элементарными, мало-помалу, благодаря усовершенствованному представленію, становятся элементарно доступными. Нѣкогда была недоступна геометрія древнихъ, а теперь доступны начала дифференціального и интегрального исчисленія.

Новая математическая идея большей частью проходитъ въ школу слѣдующимъ путемъ: сперва ее принимаетъ часть профессоровъ и процвѣтаетъ на лекціяхъ, эти профессора образуютъ поколѣніе гимназическихъ преподавателей, которые воспринимаютъ эту идею и придаютъ форму, удобную для всеобщаго распространенія—пока, наконецъ, эта идея, если она можетъ имѣть значеніе общаго достоянія всѣхъ специалистовъ, не войдетъ въ организацію школы. Въ лучшемъ случаѣ процессъ этотъ длится десятки лѣтъ. Основамъ дифференціального и интегрального исчисленія надо сдѣлать послѣдній шагъ—надо войти въ школьную организацію. Въ школьную практику нѣкоторыхъ округовъ эти начала уже даже вошли (Вюртенбергъ), но въ другихъ строго придерживаются запрещенія вводить ихъ въ школьный обиходъ, однако... избѣжать ихъ нельзя, они пробиваются, ихъ надо прятать: создается цѣлая литература о томъ, какъ дифференцировать и интегрировать, не прибѣгая при этомъ къ методамъ дифференціаль-

наго и интегрального исчисления—дѣло доходитъ до курьезовъ. Ф. Клейнъ приводитъ нѣсколько примѣровъ того, къ какому неуклюжему остроумію прибѣгаютъ авторы въ погонѣ за „элементарнымъ“ изложеніемъ. Въ лучшемъ случаѣ составители учебниковъ пользуются методомъ дифференціального и интегрального исчисления, избѣгая только ихъ терминовъ. И это не только въ математикѣ—такъ обстоитъ дѣло и въ механикѣ, физикѣ. Дифференціальное и интегральное исчисления завоевали себѣ въ школахъ несравненно большую область, чѣмъ объ этомъ обыкновенно думаютъ. И завоеванія эти будутъ продолжаться, но они идутъ ощупью, безъ системы—такъ вотъ надо разбросанныя по различнымъ ступенямъ школьнаго обученія идеи дифференціального и интегрального исчисленій собрать въ центръ, а остальной, подлежащій разсмотрѣнію матеріалъ, сгруппировать около этого центра.

Ф. Клейнъ обрисовываетъ далѣе въ общихъ чертахъ планъ преподаванія: я началъ бы, говоритъ онъ, въ *Untersecund*ѣ (нашъ пятый) съ графическаго представленія простѣйшихъ функцій, въ родѣ $y = ax + b$, $y = x^2$, $y = \frac{1}{x}$. Теорія алгебраическихъ уравненій, и съ другой стороны тригонометрія, дали бы поводъ къ разсмотрѣнію болѣе сложныхъ функцій и кривыхъ, выражающихъ эти функціи. Въ этомъ направленіи большую роль играютъ примѣры изъ прикладной области, особенно изъ физики (математическіе выводы многихъ положеній, которые Ф. Клейнъ рекомендуетъ немедленно ввести въ учебные часы по математикѣ, какъ это достигнуто новыми учебными планами; особенно напрашивается идея, что функція можетъ быть задана эмпирически, даже прямо посредствомъ записывающаго аппарата). Въ *Prim*ѣ (соотвѣтствуетъ нашему седьмому и восьмому) надо ознакомить съ общей идеей дифференціального и интегрального исчисленій.

Примѣры, которыхъ надо держаться при преподаваніи, будутъ различны въ зависимости отъ цѣлей различныхъ типовъ школъ; во всякомъ случаѣ должны быть математически усвоены законы паденія тѣлъ, движеніе маятника и волнообразное движеніе. Примѣры эти должны быть разработаны также и по формѣ, но формализмъ не долженъ преобладать: суть дѣла заключается въ ясномъ представленіи основныхъ понятій и пониманіи ихъ значенія.

Часто можно слышать, что вступленіе въ область высшей математики, называемой дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ, сопровождается якобы „насилованнымъ переворотомъ мышленія“ ученика. Предлагаемый Ф. Клейномъ ходъ занятій избавитъ ученика отъ этого переворота, онъ развивается исподволь. Я уже говорилъ, что Клейнъ не допускаетъ увеличенія учебнаго матеріала. Принятыя въ настоящее время

отдѣлы свободно размѣщаются въ новой системѣ, дѣлаясь при этомъ болѣе доступными и понятными. Кромѣ того, безъ ущерба для математическаго образованія можно выбросить нѣкоторые отдѣлы нынѣшняго курса, напр. сложныя задачи на построение, искусственное рѣшеніе уравненій, сложные тригонометрическіе выводы и т. д.

Таковы соображенія Ф. Клейна. Къ этому онъ еще добавляетъ нѣсколько словъ о томъ, какъ даетъ себя знать въ университетѣ нецѣлесообразность современнаго школьнаго преподаванія математики. Видѣ, школьное преподаваніе, насколько это возможно въ его сферѣ, должно руководить дальнѣйшими научными занятіями ученика, а не затруднять ихъ или даже дѣлать невозможными. Въ качествѣ типичныхъ случаевъ онъ приводитъ научное образованіе юристовъ, медиковъ и химиковъ.

У юристовъ и медиковъ само собой исчезло нѣкогда существовавшее требованіе прослушать, какъ вступленіе, краткій курсъ математики: спеціальныя занятія не допускаютъ этого за недостаткомъ времени. Студенты совершенно не имѣютъ представленія о теоріи функций, о началахъ диф. и интегральнаго исчисленій—въ результатъ для нихъ остаются совершенно недоступными нѣкоторыя стороны ихъ специальности. У юристовъ это обнаружилось только въ послѣднее время въ вопросахъ статистики, страхованія и др.,—у медиковъ давно—лекціи по экспериментальной физикѣ стоятъ на чрезвычайно низкомъ уровнѣ, а въ физиологіи безъ высшей математики совершенно недоступны количественныя соотношенія. Авторы учебниковъ принуждены предпосылать небольшое „математическое введеніе“. Не лучше обстоитъ дѣло у химиковъ. Знаніе высшей математики при изученіи химіи (особенно физической) настолько необходимо, что напр. въ Гёттингенѣ давно уже существуетъ особый курсъ математики для химиковъ (какъ результатъ чтенія этихъ лекцій, вышелъ курсъ приватъ-доцентовъ Нернста и Шенфлисса—существуетъ русскій переводъ). Однако слушателей на этихъ курсахъ очень мало—будучи отвлечены лабораторными работами они не имѣютъ времени посвятить эти лекціи. Сколь цѣлесообразно было бы для нихъ прохожденіе высшей математики въ средней школѣ!

О будущихъ слушателяхъ высшихъ техническихъ школъ ужъ и говорить не приходится.

Такимъ образомъ желательность введенія высшей математики въ среднюю школу не подлежитъ сомнѣнію—возникаетъ вопросъ только о практическомъ осуществленіи этого желанія.

Учебные планы 1901 года предоставляя значительную свободу преподавателю, въ значительной мѣрѣ облегчаютъ задачу—ввести хотя небольшую долю можно и въ настоящее время. Требуется только въ деталяхъ обсудить методъ и подумать о руководствахъ, такъ какъ пока ихъ

нѣтъ. Французскіе учебники, будучи очень интересными—въ нихъ, говоритъ Ф. Клейнъ, проглядываетъ много остроумія нашего талантливаго со-
сѣда—не могутъ быть, однако, цѣликомъ перенесены на нѣмецкую почву.

Заканчиваетъ Ф. Клейнъ призывомъ къ преподавателямъ средней школы: проникнуться идеей реформы и заняться организаціей, упорно, неотступно будировать. Воодушевився юношескимъ порывомъ, восклицаетъ Клейнъ, и съ бодрымъ духомъ приступимъ къ этой задачѣ; математическое преподаваніе трудно; въ него надо вкладывать много силъ, чтобы достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ, но математикъ можетъ быть увѣренъ, что широкое математическое образованіе, несмотря на всѣ колебанія окружающихъ насъ условій въ вихрѣ современнаго быстро растущаго прогресса, будетъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе.

Меранскій планъ.

Въ этой части своей статьи я остановлюсь на той практической формѣ, въ которую вылились идеальные принципы реформы, проповѣдуемой Ф. Клейномъ.

Материаломъ для ознакомленія съ настоящимъ состояніемъ преподаванія математики въ Германіи послужилъ мнѣ рядъ статей и отчетовъ, помѣщенныхъ въ журналахъ: „Zeitschrift für mathematischen und naturwissenschaftlichen Unterricht“, „Jahresbericht der Deutschen Mathematiker-Vereinigung“, „Unterrichtsblätter für Mathematik und Naturwissenschaften“, нѣкоторыя статьи вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ В. G. Teubner'a, а также статья француза Marotte'a о математическомъ образованіи въ Германіи, помѣщенная въ сборникѣ, изданномъ „Conferences du musée pédagogique“ въ 1904 году въ Парижѣ. Материалъ этотъ полностью, съ педагогической детальностью охватываетъ все дѣло реформы. На почвѣ литературнаго обсужденія дѣла постановки преподаванія математическихъ и естественныхъ наукъ, трудится много самыхъ разнообразныхъ людей—здѣсь профессора, директора—вообще педагога, техники, инженеры, врачи. Всѣ общества, имѣющія то или другое прикосновеніе къ математическимъ и естественнымъ наукамъ, посвящаютъ свои засѣданія обсужденію, дебатамъ по этому вопросу. На всѣхъ послѣднихъ Ferienkursen обсуждался этотъ вопросъ и обсуждался даже молодыми педагогами серьезно, съ желаніемъ искреннимъ принести посильную помощь дѣлу народнаго образованія въ своей узкой, спеціальной части, не отвлекаясь въ сторону общихъ, широкихъ вопросовъ.

Изъ того обширнаго матеріала, который былъ у меня подъ рукой, я позволю себѣ извлечь только самое существенное, именно такъ называемый меранскій учебный планъ. Германія, состоя изъ союзныхъ государствъ, не имѣетъ одинаго характера во всѣхъ отношеніяхъ—школы востока и запада, сѣвера и юга имѣютъ иногда весьма существенныя различія. Я

остановляюсь только на школахъ Пруссіи -- ей принадлежит не только територіальное преимущество предъ другими государствами, но также и руководящее значеніе во многихъ вопросахъ германской культуры.

Стремленія къ реформѣ (въ той или другой формѣ) преподаванія математическихъ и естественныхъ наукъ стали проявляться въ Германіи десятилѣтія два тому назадъ. Но дѣло ограничивалось первоначально критикой существовавшей системы и высказываніемъ въ то время еще утопическихъ желаній. Впервые дѣло приняло практической оборотъ у біологовъ и вылилось въ такъ называемыхъ „гамбургскихъ тезисахъ“ — я не стану ихъ приводить, такъ какъ это выходитъ изъ предѣловъ моей задачи — дѣло идетъ о поднятіи на должную высоту преподаванія біологическихъ наукъ. На Кассельскомъ собраніи въ 1903 году „Общество естествоиспытателей и врачей“, около котораго группируются всѣ Vereine стоящіе за реформу, принимаетъ единогласно гамбургскіе тезисы и высказываетъ желаніе, чтобы было должное вниманіе обращено на науки математическія и физическія и что надлежитъ выставить первоначально общіе принципы. На Бреславльскомъ собраніи въ 1904 году выступаетъ рядъ ораторовъ, во главѣ съ Ф. Клейномъ, по вопросу о реформѣ математическаго и физическаго образованія. Общество постановило избрать двѣнадцатичленную комиссію, которой и поручено разработать матеріаль къ слѣдующему собранію. Такъ какъ эта комиссія играетъ основную роль во всемъ дѣлѣ реформы, то я позволю себѣ привести списокъ тѣхъ лицъ, которыя ее составляли: *Gutzmer* — редакторъ „Jahresbericht der Deutschen Mathematiker Vereinigung“, *Schotten* — редакторъ „Zeitschrift für mathematischen und naturwissenschaftlichen Unterricht“, *Pietzker* — редакторъ „Unterrichtblätter“, *Bastian Schmidt* — редакторъ „Natur und Schule“, *Leubuscher* и *Verworn* — медики-педагоги, *Fricke* и *Kraepelin* — натуралисты, *Poske* — физикъ, редакторъ „Zeitschrift für physikalischen und chemischen Unterricht“, *von Borries* и *Duisberg* — инженеры, и наконецъ — *F. Klein*. Часть изъ нихъ состоитъ профессорами университетовъ и высшихъ техническихъ институтовъ, другая — стоитъ во главѣ того или другого средне-учебнаго заведенія — все это люди весьма близко стоящіе къ педагогическому дѣлу.

Первое засѣданіе комиссіи состоялось въ концѣ декабря того же 1904 г. въ Берлинѣ. Здѣсь разрабатывались общія соображенія. Въ виду обширности предстоящей задачи, рѣшено было ограничиться математическими и естественными науками, да и то только въ преобладающихъ трехъ типахъ прусской школы (*Gymnasium*, *Realgymnasium* и *Oberrealschule*), отложивши въ сторону пока всѣ прочіе вопросы — о другихъ школахъ, о подготовкѣ учителей, въ связи съ университетскимъ преподаваніемъ, объ оборудованіи учебныхъ заведеній коллекціями и приборами, чему нѣмцы придаютъ справедливо весьма большое значеніе, о физическомъ воспитаніи

и мн. другихъ. Образовываются при этомъ четыре подкомиссіи: первая— для общихъ вопросовъ, вторая— для математическо-физическаго образованія, третья— для химико-біологическаго образованія и, наконецъ, четвертая, такъ называемая *Presse-commission*, на обязанности которой лежить самое широкое опубликованіе работъ комиссіи, какъ въ видѣ общихъ отчетовъ, такъ и въ видѣ частныхъ, специальныхъ обзоровъ. Такое широкое опубликованіе имѣеть цѣлью вызвать интересъ къ дѣятельности комиссіи и предоставить возможность всему кругу заинтересованныхъ лицъ выступить съ критикой дѣятельности комиссіи съ одной стороны, а съ другой дать комиссіи возможность черпать что либо положительное также и отъ лицъ не принадлежащихъ къ ея составу.

Остановлюсь прежде всего на общихъ постановленіяхъ этой комиссіи:

I. Комиссіа желаетъ, чтобы образованіе не было бы ни односторонне лингвистическо-историческое, ни односторонне математико-естественное.

II. Комиссіа считаетъ математику и естественныя науки равносильными образовательными средствами съ языками.

III. Комиссіа признаетъ дѣйствительное равноправіе всѣхъ трехъ типовъ средней школы— гимназій, реальныхъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Всѣ эти три пункта отвѣчаютъ на одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ нѣмецкой школы— на поворотъ отъ классическаго образованія къ болѣе реалистическому. Надо отмѣтить, что классицизмъ въ Германіи и до сихъ поръ находится въ большомъ почетѣ. Вѣдь, только реформа 1901 года дала возможность поступать реалистамъ на соответствующіе факультеты университетовъ, а въ военныя училища до самаго послѣдняго времени можно было поступать только изъ кадетскихъ корпусовъ и классическихъ гимназій.

Затѣмъ я перейду къ общимъ соображеніямъ, касающимся математики. Прежде всего комиссіа обращаетъ вниманіе на число часовъ— она оставляетъ это число такимъ же, какимъ оно установлено прусскимъ планомъ 1901 года, съ маленькимъ только измѣненіемъ въ III (*Tertia*), гдѣ надлежитъ прибавить одинъ часъ, посвященный нѣкогда греческому языку; противъ такого измѣненія ничего не имѣютъ даже специалисты-лингвисты. Такимъ образомъ нормой часовъ математики являются 4 часа во всѣхъ классахъ. Это норма классическихъ гимназій, что же касается реальныхъ гимназій и реальныхъ училищъ, то она абсолютно не подлежитъ измѣненію. Такимъ образомъ число часовъ отводимыхъ математикѣ, распределеніе которыхъ указано въ этой таблицѣ, остается безъ измѣненія.

	VI	V	IV	III	OIII	UII	OII	UI	OI	Сумма.
Гимназія.	4	4	4	4(3)	4(3)	4	4	4	4	36 (34)
Реальная гимназія.	4	4	4	5	5	5	5	5	5	42
Реальное училище.	5	5	6	6	5	5	5	5	5	47

Математикѣ поэтому нѣтъ надобности бороться за надлежащее положеніе внутри школьнаго организма—ей надо только извѣстнымъ образомъ примѣниться къ новымъ задачамъ школы и бороться съ гнетомъ вѣковой традиціи. Принципъ этого примѣненія уже выступаетъ въ объяснительной запискѣ къ прусскому учебному плану 1901 года.—Обученіе математикѣ надо старательнѣе примѣнить къ ходу естественнаго развитія ребенка, надо постепенно вводить его въ кругъ наглядныхъ представленій, которыя находятся въ органической связи съ наукой, надлежитъ все время поддерживать связь между отдѣльными частями науки, послѣдующаго съ предыдущимъ. Необходимо, говорится далѣе, отказаться смотрѣть на математику, какъ на формальную образовательную дисциплину, односторонне спеціальную и лишенную практическаго значенія,—нѣтъ, этому надо противоставить развитіе математическаго пониманія окружающаго насъ міра явленій. Достичь этого возможно, по мнѣнію комиссіи, выполненіемъ двухъ задачъ—*усиленіемъ способности пространственнаго представленія и развитіемъ привычки къ функціональному мышленію*. Это тѣ два базиса, сообразно съ которыми перестраивается учебный планъ. При этомъ логическая сила математическаго образованія не только не погибнетъ, но еще больше разовьется—къ тому же, несомнѣнно, повысится интересъ къ математикѣ, и ученики будутъ проявлять свои логическія способности не формально, а на дѣлѣ.

Таковы основныя положенія.

Теперь я перейду къ изложенію того учебнаго плана, который былъ выработанъ комиссіей и затѣмъ принятъ общимъ собраніемъ общества естествоиспытателей и врачей осенью 1905 года въ Меранѣ. Планъ приведенъ только для классическихъ гимназій, а, что касается реальныхъ гимназій и реальныхъ училищъ, то упоминается только о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя надлежитъ произвести въ планѣ классической гимназіи. Объ этихъ незначительныхъ измѣненіяхъ я скажу въ концѣ.

Но я долженъ нѣсколько оговориться относительно цѣлесообразности для насъ разбора Меранскаго плана. Всѣ три основные типа средней школы Германіи, т. е. гимназіи, реальныя гимназіи и такъ называемыя *Oberrealschulen*, имѣютъ девятигодичный курсъ. У насъ въ гимназіяхъ восемь лѣтъ—приготовительнаго класса считать нельзя, потому что и въ

Германіи есть приготовительные классы (Vorschule)—ихъ даже три. Въ самый младшій классъ нѣмецкой средней школы—въ Sext'y—, какъ и у насъ въ первый, принимаются въ среднемъ девятилѣтнія дѣти по экзамену изъ Закона Божія, родного языка и ариѳметики. Требования во всякомъ случаѣ не уступають нашимъ. Эта разница въ числѣ школьныхъ лѣтъ—9, а у насъ восемь, а въ реальныхъ училищахъ даже 7, не даетъ возможности сравнивать наши учебные планы непосредственно съ германскими—надо такимъ образомъ сравнивать, не пользуясь классными распредѣленіями, надо сравнивать только матеріалъ по существу. Я приведу поэтому параллельно прусскій планъ 1901 года, который весьма близокъ къ нашему современному плану, и новый Меранскій планъ.

Учебная цѣль.

Прусскій планъ 1901 года.

Увѣренность и сноровка въ счисленіи съ числами, особенно умственный счетъ; примѣненіе къ обыденнымъ соотношеніямъ гражданской жизни. Ариѳметика до бинорма Ньютона съ цѣлымъ положительнымъ показателемъ. Алгебра до уравненія второй степени включительно. Планиметрия и стереометрія. Плоская тригонометрія. Понятіе о координатахъ. Основныя положенія о коническихъ сѣченіяхъ.

Меранскій планъ 1905 года.

- 1) Общій научный взглядъ на расчлененіе математическаго матеріала, который разсматривается въ школѣ;
- 2) извѣстная способность къ математическому мышленію и приложеніе ея къ рѣшенію частныхъ задачъ;
- 3) наконецъ, и прежде всего, взглядъ на значеніе математики для точнаго знанія природы и современной культуры вообще.

Учебныя задачи отдѣльныхъ классовъ.

VI.

Основные способы счета съ цѣлыми числами—отвлеченными и именованными. Нѣмецкія мѣры, вѣсъ и монеты съ упражненіями въ десятичномъ писаніи и простомъ десятичномъ счетѣ. Подготовительный счетъ съ дробями.

Основные способы счета съ цѣлыми числами—именованными и отвлеченными, въ ограниченной числовой области. Нѣмецкія мѣры, вѣсъ и монеты. Упражненія въ десятичномъ писаніи и въ простомъ десятичномъ счетѣ, какъ подготовительный счетъ съ дробями.

V.

Дѣлимость чиселъ. Обыкновенныя дроби. Продолженіе упражненій съ именованными десятичными числами какъ и въ VI. (Простыя задачи на тройное правило—способомъ приведенія къ единицѣ или къ общей мѣрѣ).

Счетъ. Продолженіе упражненій въ счетѣ съ именованными десятичными числами (расширеніе области употребительныхъ мѣръ—также иностранный вѣсъ и монеты). Различнаго рода измѣренія длины (также въ полѣ); простѣйшія задачи на вычисленіе площадей и объемовъ, пользуясь соотношеніемъ между объемомъ и вѣсомъ (при всѣхъ такихъ вычисленіяхъ всегда предпосылать предварительный подсчетъ порядка величины результата). Дѣлимость чиселъ. Обыкновенныя дроби (сначала именованныхъ чиселъ).

Пропедевтическое ученіе о пространствѣ. Введеніе въ основныя понятія пространственнаго представленія, однако такимъ образомъ, чтобы пространство представлялось носителемъ преимущественно планиметрическихъ соотношеній. Пространныя протяженія, поверхности, линіи, точки, выясненныя сначала на окружающихъ предметахъ и закрѣпленныя на самыхъ разнообразныхъ тѣлахъ. Плоскія фигуры, сначала какъ часть границы тѣла, а затѣмъ какъ самостоятельные образы, на которыхъ выясняются понятія направленія, угла, параллелизма, симметріи. Упражненія въ употребленіи линейки и циркуля; постоянное черченіе и измѣреніе.

IV.

Счетъ. Счисленіе съ десятичными дробями. Простое и сложное тройное правило съ цѣлыми числами

Счетъ. Счисленіе съ десятичными дробями (сокращенное счисленіе—на простѣйшихъ примѣрахъ).

и дробями. Задачи изъ гражданской жизни, именно простѣйшіе случаи на вычисленіе процентовъ, прибылей и учетовъ.

Планиметрия. Пропедевтичeskій наглядный курсъ геометріи. Упражненія въ употребленіи циркуля и линейки. Ученіе о прямыхъ, углахъ и треугольникахъ.

Арифметика. Основныя операціи надъ абсолютными числами; введеніе положительныхъ и отрицательныхъ числовыхъ величинъ, ограничиваясь самымъ необходимымъ. При упражненіяхъ пользоваться также уравненіями первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ.

Тройное правило, избѣгая всякаго преувеличенія схематическ. формъ. Задачи изъ гражданской жизни, въ особенности простые случаи на вычисленіе процентовъ (прибылей и учетовъ). Подготовленіе арифметическаго матеріала путемъ надлежащаго повторенія прежде рѣшенныхъ задачъ съ примѣненіемъ буквъ вмѣсто чиселъ. Значеніе предлагаемыхъ буквенныхъ выраженій, нахожденіе ихъ значеній при подстановкѣ опредѣленныхъ чиселъ. Связь правилъ умственнаго счета съ правилами скобокъ.

Ученіе о пространствахъ. Ученіе о прямыхъ, углахъ и треугольникахъ. Подвижность фигуръ; взаимная зависимость элементовъ треугольника; переходные случаи (прямоугольный треугольникъ, равнобедренный, равносторонній). Простыя теоремы о параллелограммѣ, вытекающія изъ построенія образовъ.

III.

Арифметика. Систематическій обзоръ правилъ основныхъ операцій при помощи буквенныхъ формулъ. Понятіе относительной величины, развиваемое на практическихъ примѣрахъ и поясняемое на простирающейся безконечно въ обѣ стороны линіи чиселъ. Правила операцій надъ относительными величинами. Продолженіе упражненій въ подчисленіяхъ буквенныхъ выраженій, привлекая при этомъ отрицательныя величины; надлежитъ постоянно обращать вниманіе на функціональный характеръ встрѣчаемыхъ измѣненій

величинъ. Приложение къ рѣшенію и составленію уравненій первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ. Различіе между тождествомъ и уравненіемъ.

Планиметрия. Расширеніе ученія о треугольникѣ. Ученіе о параллелограммѣ, ромбѣ и углахъ въ кругѣ. Задачи на построеніе.

Ученіе о пространствѣ. Расширеніе ученія о параллелограммѣ. Трапеція. Основныя положенія въ ученіи о кругѣ. Рассмотрѣніе вліянія, которое оказываетъ измѣненіе величины и положенія отдѣльныхъ элементовъ на общій характеръ фигуры. Въ качествѣ небольшого приложения къ прохожденію курса задачи на построеніе, совершенно исключая при этомъ задачи, рѣшаемыя только искусственными приемами.

О III.

Арифметика. Повтореніе счисленія съ дробями въ приложеніи къ буквеннымъ выраженіямъ. Дополненіе пройденнаго въ U III. Простыя положенія ученія о пропорціяхъ. Уравненія первой степени съ однимъ и многими неизвѣстными. Степени съ цѣлыми положительными показателями.

Планиметрия. Повтореніе и продолженіе ученія о кругѣ. Положенія о равновеликости фигуръ (Теорема Пифагора). Опредѣленіе площадей прямолинейныхъ фигуръ. Задачи на построеніе.

Арифметика. Дополненіе и расширеніе счисленія съ буквами, разложеніе многочленовъ. Самыя простыя положенія ученія о пропорціяхъ. Рѣшеніе и составленіе уравненій первой степени съ однимъ и многими неизвѣстными. Зависимость величины выраженія отъ одной переменнѣйшей. Графическое представленіе простыхъ линейныхъ функцій и использование этого представленія для рѣшенія уравненій.

Ученіе о пространствѣ. Сравненіе площадей и вычисленіе ихъ (привлекая образы со сложными прямолинейными границами). Приближенное вычисленіе площадей, ограниченныхъ криволинейнымъ контуромъ. Повтореніе встрѣчавшихся въ V пространственныхъ исчисленій. Задачи тѣ же, что и въ U III.

III.

Арифметика. Ученіе о степеняхъ, корняхъ и логариюмахъ. Упражненія съ логариюмическими (пяти- или четырехзначными) вычисленіями. Простыя квадратныя уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ.

Планиметрия. Ученіе о подобіи, пропорціональности прямыхъ линій въ кругѣ, безпредѣльное дѣленіе. Правильные многоугольники. Длина окружности и площадь круга. (Задачи на построеніе).

Арифметика. Уравненія, особенно квадратныя, со многими неизвѣстными.

Арифметика. Степени и корни. Рѣшеніе и составленіе уравненій второй степени съ однимъ неизвѣстнымъ. Связь коэффициентовъ съ корнями. Разсмотрѣніе при помощи графическаго представленія квадратнаго выраженія, зависящаго отъ одного переменнаго. Рѣшеніе задачъ второй степени съ однимъ неизвѣстнымъ при помощи пересѣченія прямыхъ и параболъ. Разсмотрѣніе графическаго представленія, какъ средства къ выраженію эмпирически найденной зависимости.

Ученіе о пространствѣ. Ученіе о подобіи, обращая особое вниманіе на подобную расположенность. Пропорціи въ кругѣ. Вычисленіе при помощи приближенныхъ значеній длины окружности и площади круга изъ приближенія многоугольниковъ. Зависимость между отношеніемъ сторонъ и углами въ треугольникѣ, особенно въ прямоугольномъ. Составленіе и новѣрка таблицъ для этой зависимости (какъ введеніе въ тригонометрію); въ качествѣ приложенія къ этому практическія задачи (съемки съ мензулой).

III.

Арифметика. Развитіе понятія о степени, пониманіе степени какъ показательной величины, понятіе и приложеніе логариюма. Арифметическая и геометрическая прогрессіи; приложеніе послѣднихъ къ задачамъ на проценты и ренту (къ простѣйшимъ, заимствованнымъ изъ

дѣйствительности, задачамъ). Графическое представленіе числа и логарифма. Таблицы для вычисленій. Рѣшеніе квадратныхъ уравненій съ двумя неизвѣстными, какъ вычисленіемъ, такъ и при помощи графическаго представленія.

Планиметрия. Кое что о гармоническихъ точкахъ и лучахъ, также о трансверсаляхъ. Приложение алгебры къ геометріи. Задачи на построеніе, особенно съ приложеніемъ алгебраическаго анализа.

Тригонометрія. Гоніометрія. Простые случаи рѣшенія треугольниковъ.

Ученіе о пространствѣ. Тригонометрія въ связи съ планиметрическими построеніями. Приложение къ практическимъ задачамъ на измѣреніе треугольниковъ и четырехугольниковъ. Характеристика зависимости между измѣненіемъ угла и измѣненіемъ функций изъ формулъ гоніометріи; графическое представленіе этой зависимости. Рѣшеніе надлежащихъ задачъ различными путями—построеніемъ и помощью вычисления. Введеніе въ ученіе о гармоническомъ отношеніи и основныя положенія новѣйшей геометріи, какъ вѣнецъ планиметріи.

UI и OI.

Ариѳметика. Ариѳметическая и геометрическая прогрессіи; задачи на проценты. Основное изъ комбинаторики и приложеніе его къ теоріи вѣроятностей. Биноміальный рядъ для цѣлаго положительнаго показателя. При повтореніи установить ходъ ариѳметическаго ученія. Развитіе понятія о числѣ при помощи алгебраическихъ операцій отъ положительнаго до комплекснаго числа. Уравненія; также высшихъ степеней, приводимыя къ квадратнымъ.

Продолженіе упражненій по тригонометріи и въ рѣшеніи плани-

I.

UI.

Ариѳметика. Связное разсмотрѣніе до сихъ поръ встрѣчавшихся функций, ихъ измѣненія при возрастаніи и убываніи (привлеченіе понятія производной—дифференціального коэффициента—и интеграла), пользуясь при этомъ многочисленными примѣрами изъ геометріи, физики и особенно механики. Простѣйшія положенія изъ комбинаторики съ немногими примѣрами.

Ученіе о пространствѣ. Стереометрія и важнѣйшія положенія изъ ученія о проекціяхъ. Упражненія въ геометрическомъ черченіи

метрических задач на построение.

Стереометрия и приложение ея къ космографіи. Введеніе въ перспективное черченіе пространственныхъ образовъ.

Понятіе о координатахъ. Основное въ ученіи о коническихъ сѣченіяхъ. Дополненія, сопоставленія и упражненія изъ всѣхъ областей предыдущихъ классовъ.

Простѣйшія положенія сферической тригонометріи. Математическая географія, включая ученіе о проекціяхъ картъ.

ОІ.

1. Ученіе о коническихъ сѣченіяхъ, какъ въ аналитической, такъ и въ синтетической формѣ съ приложеніемъ къ элементамъ астрономіи.

2. Повторенія изъ всей области школьнаго математическаго образованія съ рѣшеніемъ по возможности болѣе крупныхъ задачъ, какъ вычисленіемъ, такъ и черченіемъ.

3. Обзоръ съ точекъ зрѣнія исторической и философской.

Выполненіе цѣли.

Рѣшеніе четырехъ математическихъ задачъ изъ четырехъ различныхъ областей.

Съ одной стороны, связанное изложеніе общей темы, съ другой, полное (вычисленіемъ и черченіемъ) рѣшеніе задачи. — При устномъ испытаніи главное вниманіе должно быть обращено на пониманіе, а не на вышнее знаніе многихъ специальныхъ формулъ.

Къ плану приложена краткая объяснительная записка. Я не стану приводить ее полностью, а позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ выдержкахъ.

При обученіи счисленію въ младшихъ классахъ кругъ чиселъ долженъ быть ограниченъ. Задачи должны строиться на дѣйствительныхъ, реальныхъ соотношеніяхъ жизни, а не носить характеръ фантастической, выдуманной. Наглядный, предметный характеръ преподаванія долженъ постепенно переходить въ болѣе отвлеченный. Цѣлесообразно должны выбираться обозначенія, которыя не становились бы въ противорѣчіе съ дальнѣйшимъ ходомъ математическаго образованія. Для единства преподаванія—это относится къ постановкѣ всѣхъ предметовъ— для установленія правильной связи предыдущаго съ послѣдующимъ, какъ по содержанию, такъ и по

формъ—въ каждомъ учрежденіи должно существовать что либо объединяющее математиковъ, напр. предметные комитеты.

Геометрическое образованіе должно соединяться съ наглядностью и исходить изъ практическихъ измѣреній. Нѣтъ необходимости проводить всѣ тонкости логическаго доказательства такой истины, которая очевидна здорovому уму благодаря ея наглядности—замѣчу, что здѣсь очень легко поскользнуться и потерять стройную красоту единственно логически, хотя тоже не вполнѣ, проведеннаго въ средней школѣ предмета—геометріи. Нѣмцевъ выручить здѣсь ихъ природная любовь къ систематичности; намъ надо быть осторожнѣе.—При черченіи для наглядности слѣдуетъ пользоваться штрихованіемъ, употребленіемъ красокъ и прочимъ; затрудненія побочными вещами, сложныя вычерчиванія должны быть устранены. Въ планиметріи, гдѣ это возможно, поддерживать живую связь съ трехмѣрнымъ пространствомъ, привлекая при этомъ наглядные примѣры изъ дѣйствительности. Широко пользоваться моделями.

И въ среднихъ классахъ при преподаваніи ариѳметики также слѣдуетъ избѣгать педантическихъ доказательствъ, потому что, какъ мотивируетъ объяснительная записка, легко впасть въ *circulus vitiosus*. Здѣсь важнѣе обращать вниманіе на взаимную научную связь положеній теоретической ариѳметики. Всѣхъ искусственныхъ операций, дѣленія сложныхъ многочленовъ и др. слѣдуетъ избѣгать; взамѣнъ слѣдуетъ обратить вниманіе на разложеніе многочленовъ. Въ ученіи о пропорціи ограничиться понятіемъ прямой и обратной пропорціональности. Удаляется такимъ образомъ много балласта—остающееся время съ несравненно большой пользой можетъ быть затрачено на развитіе функціональнаго мышленія, на разборъ измѣняемости буквенныхъ выраженій, когда вмѣсто буквъ подставляются различныя числа.

Въ геометріи слѣдуетъ также подчеркнуть функціональное измѣненіе образовъ при измѣненіи элементовъ, какъ по величинѣ, такъ и по положенію. Матеріалъ—измѣненіе характера треугольника и четырехугольника, измѣненіе относительнаго положенія окружностей и друг. Разсмотрѣвъ сопутствующія аналитическія соотношенія, обратить вниманіе на переходные случаи, разобрать понятіе предѣла, границы.—Для сохраненія времени многое выбросить и упростить: если, напр., какое либо положеніе доказано для раціональныхъ чиселъ, то нѣтъ нужды доказывать его для ирраціональныхъ,—въ одномъ какомъ либо случаѣ можно доказать.

Что касается преподаванія въ старшихъ классахъ, то по этому поводу въ объяснительной запискѣ только нѣсколько замѣчаній. Здѣсь особенно важно небольшое замѣчаніе по поводу введенія основъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Упоминается о нихъ въ программѣ VI. Коммиссія находятъ, что вопросъ этотъ еще не достаточно

выясненъ, а потому она предоставляет въ этомъ отношеніи полную свободу самимъ учебнымъ заведеніямъ. Гдѣ есть силы и желаніе—тамъ ихъ можно ввести, но при этомъ, конечно, въ самой простѣйшей формѣ, въ широкой мѣрѣ пользуясь примѣрами изъ механики и физики, что будетъ особенно цѣнно, такъ какъ преподаваніе физики отягчено большимъ бременемъ при весьма скудномъ числѣ часовъ. Уклонюсь въ маленькую деталь.—Ф. Клейнъ, какъ я уже говорилъ, безусловный сторонникъ введенія основъ дифференціального и интегрального счисленій въ курсъ средней школы, но въ той подкоммиссіи, которая этотъ вопросъ обсуждала, выступили и противъ введенія въ настоящій моментъ, особенно стояли противъ обозначеній $\frac{dy}{dx}$ и $\int y dx$, боясь игры символами—единодушіе было нарушено, вопросъ остался открытымъ, хотя большинство было за введеніе. Важно конечно, что почва подготовлена—съ одной стороны функціональное мышленіе само втягиваетъ въ понятіе о производной, съ другой, благодаря предоставленной преподавателю свободѣ, жизнь не стѣснена и если, слѣдовательно, введеніе основъ дифференціального и интегрального счисленія жизненно, опирается на требованія самой жизни, то онѣ войдутъ въ школу и займутъ тамъ надлежащее положеніе,—да онѣ уже и вошли, но о томъ, гдѣ привился Меранскій планъ, скажу нѣсколько позже.

Чтобы покончить съ объяснительной запиской, замѣчу, то она настаиваетъ на прохожденіи въ ОI, какъ аналитической, такъ и синтетической стороны теоріи коническихъ сѣченій. Въ синтетической рекомендуются чертежи; надлежитъ изслѣдовать сѣченіе, какъ при измѣненіи самого конуса, такъ и положенія сѣкущей плоскости. Обратитъ вниманіе на положеніе фокусовъ и директриссы. Предѣльные случаи подлежатъ особому вниманію.

Планъ этотъ и объяснительная записка относятся, собственно говоря, только къ классической гимназій, самому распространенному типу средней школы въ Германіи (въ 1902 году было 482 гимназій, 131 реальная гимназія и 69 реальныхъ училищъ). По вопросу о постановкѣ преподаванія математики въ двухъ послѣднихъ типахъ коммиссія ограничивается нѣсколькими общими замѣчаніями—она находитъ, что подъ вліяніемъ новыхъ теченій настоящаго времени эти учебныя заведенія находятся еще пока въ крайне неустойчивомъ состояніи, они еще развиваются, для нихъ трудно установить всѣ частности. Они, кромѣ того, весьма сильно разнятся другъ отъ друга, смотря по тому, въ какомъ государствѣ они находятся. Колеблется даже распредѣленіе часовъ. Что касается реальныхъ гимназій, то коммиссія находитъ—не стану приводить ея соображеній—, что лишніе часы по математикѣ, начиная съ VIII, слѣдуетъ пожертвовать естественнымъ наукамъ, и тогда планъ классическихъ гимназій будетъ безъ измѣненія

принять и реальными. Что касается реальных училищъ, то здѣсь избытокъ математическихъ часовъ полностью сохраняется—онъ долженъ быть затраченъ на болѣе глубокое усвоеніе того матеріала, который разрабатывается въ гимназіяхъ. Надлежитъ увеличить матеріалъ, причемъ большее вниманіе слѣдуетъ обратить на общеобразовательные моменты этого матеріала. Большое мѣсто должно быть отведено практическимъ приложениямъ и культу черченія. Меньшинство комиссіи хотѣло этимъ и ограничиться, большинство же рекомендовало дальнѣйшее расширеніе матеріала введеніемъ систематической аналитической геометріи и исчисленія безконечно малыхъ. Это рѣшеніе вполнѣ послѣдовательно примыкаетъ къ плану классическихъ гимназій. Основы исчисленія безконечно малыхъ должны быть пройдены въ такихъ размѣрахъ, чтобы изучившіи ихъ могли удовлетворительно выводить законъ безконечно малыхъ колебаній маятника или Кеплеровы законы движенія планетъ, какъ слѣдствія основныхъ положеній механики и закона тяготѣнія Ньютона.

Много въ этомъ планѣ и объяснительной запискѣ къ нему недоговореннаго, много неопредѣленнаго—разрѣшить не только детали, но и весьма существенные вопросы, напр., введеніе основъ исчисленія безконечно-малыхъ, предоставляется учителю. Комиссіа настойчивымъ образомъ рекомендуетъ самую широкую свободу учителя въ выборѣ отдѣльныхъ частныхъ, метода, распредѣленія работъ и т. п. Но, предоставляя свободу, комиссіа надѣется, что педагоги будутъ стоять на должной высотѣ своего, весьма ответственнаго передъ родной, положенія. Учитель, желающій вести свое преподаваніе сообразно съ Меранскимъ планомъ, долженъ быть хорошо вооруженъ противъ всѣхъ возможныхъ нападокъ яснымъ, отчетливымъ и при томъ строго систематическимъ знаніемъ, это систематическое знаніе должно твердо закладываться въ университетахъ. А потомъ залогъ успѣха—въ искусствѣ учителя.

Въ настоящее время реформа пустила уже весьма глубокіе корни въ преподаваніе математики, полное же значеніе ея скажется, конечно, только по истеченіи ряда лѣтъ. Еще до Меранскихъ постановленій въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ подъ вліяніемъ проповѣди Ф. Клейна и благодаря значительной свободѣ, предоставляемой уже планомъ 1901 г., преподаваніе стало видоизмѣняться въ духѣ проводимой реформы. Послѣ Меранскихъ постановленій прусское министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило ввести полностью Меранскій планъ въ пяти учрежденіяхъ—въ гимназіяхъ Гёттингена и Мюндена (Ганноверъ), реальной гимназіи въ Дюренѣ и въ реальныхъ училищахъ Киля и Кенигсберга. Ревизіи, произведенныя министерствомъ, дали весьма хорошіе результаты. Такимъ образомъ накапливается и опытъ; изученіе недостатковъ, обнаруженныхъ

при преподаваніи въ этихъ учрежденіяхъ, дастъ возможность избѣжать ихъ, когда дѣло будетъ касаться учебныхъ заведеній всей Германіи.

Реформа вызвала, конечно, тотчасъ и цѣлую учебную литературу. Самъ Ф. Клейнъ каждые Ferienkurse читаетъ спеціальныя курсы по элементарной математикѣ примѣнительно къ средней школѣ. Написана уже масса учебниковъ.—Педагогическій міръ широко дѣлится своими взглядами на реформу—въ массѣ такъ называемыхъ программъ, которыя издаются отдѣльными выпусками всѣми средними учебными заведеніями, появился рядъ работъ, какъ общаго характера, такъ и спеціальнаго—разрабатываются детально всѣ отдѣлы курса. Книжный рынокъ Германіи прямо наводненъ теперь различнаго рода печатными произведеніями по поводу преподаванія математики. И дѣло обстоитъ такъ не только въ Германіи, Франціи и Англии. Австрія, Италія, Испанія, Швеція и Норвегія, Сѣверные и Южные Штаты Америки, Японія—всѣ эти страны неустанно работаютъ надъ постановкой преподаванія математики.

Выработавши Меранскій планъ, въ которомъ рассмотрѣнъ весь циклъ математическихъ и естественныхъ наукъ—математика, физика, химія, геологія и біологическія науки—коммиссія не прекратила своей дѣятельности, а занялась рассмотрѣніемъ дальнѣйшихъ вопросовъ—преподаваніемъ наукъ въ другихъ типахъ мужскихъ школъ,—особенно въ такъ называемыхъ Reformschulen: Reformgymnasium, Reformrealgymnasium и Reformoberrealschule; существенное отличіе этихъ школъ состоитъ въ томъ, что раздѣленіе на эти три вѣтви начинается только послѣ шестого школьнаго года. Для этихъ школъ Меранскій планъ принимается почти безъ измѣненій. Затѣмъ обсуждался вопросъ о преподаваніи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о подготовкѣ учителей, о школьной гигиенѣ и пр.

На этомъ я позволю себѣ закончить обзоръ реформы въ Германіи.

Кіевъ. 2 апрѣля 1907 г.

0 сопрікосновеніи геометрическихъ образовъ.

Въ настоящей замѣткѣ, находящейся въ тѣсной связи съ нашей работой „Приложеніе геометрическихъ производныхъ къ теоріи кривыхъ и поверхностей“. Кіевъ. 1906 г., мы задаемся цѣлью изложить вопросъ о сопрікосновеніи геометрическихъ образовъ, кривыхъ и поверхностей, исходя изъ представленія послѣднихъ, какъ годографовъ перемѣнныхъ векторовъ: въ случаѣ кривой—векторъ-функція одного перемѣннаго, въ случаѣ поверхности—векторъ-функція двухъ перемѣнныхъ.

1. Положимъ, что одинъ образъ (кривая или поверхность) служить геометрическимъ мѣстомъ конца вектора r (онъ соотвѣтственно будетъ или векторъ-функція одного перемѣннаго или двухъ), а другой—геометрическимъ мѣстомъ конца вектора r_1 , также функція либо одного перемѣннаго, либо двухъ. Начала ихъ для удобства разсужденія будемъ считать совпадающими.

Дадимъ независимымъ перемѣннымъ, отъ которыхъ зависятъ r и r_1 безконечно-малыя приращенія одного и того же порядка и значенія векторовъ, соотвѣтствующія приращеннымъ аргументамъ, обозначимъ соотвѣтственно черезъ r' и r'_1 .

Скажемъ, что два образа находятся при данныхъ значеніяхъ независимыхъ перемѣнныхъ въ сопрікосновеніи n 'аго порядка, если геометрическая разность

$$(r') - (r'_1)$$

для этихъ значеній независимыхъ перемѣнныхъ можетъ быть сдѣлана $n + 1$ порядка относительно приращеній независимыхъ перемѣнныхъ ¹⁾.

¹⁾ Порядокъ вектора опредѣляется порядкомъ его длины; координаты вектора какого либо k 'аго порядка относительно безконечно-малой ϵ всѣ, очевидно, должны быть порядка не ниже k 'аго относительно той же безконечно-малой, причемъ хотя одна координата порядка k .

Нетрудно показать, на чемъ останавливаться не будемъ, что изъ приведеннаго опредѣленія соприкосновенія образовъ непосредственно слѣдуютъ опредѣленія, установленныя Ch. Dupin'омъ, и A.-L. Cauchy ¹⁾ для случаевъ соприкосновенія двухъ кривыхъ, кривой съ поверхностью и двухъ поверхностей.

2. Обозначимъ независимыя перемѣнныя, отъ которыхъ въ общемъ случаѣ зависятъ векторы r и r_1 , соответственно черезъ u , v и u_1 , v_1 .

Значенія r' и r'_1 , соответствующія приращеннымъ значеніямъ аргументовъ разложимъ по обобщенной строкѣ Taylor'a (Möbius'a ²⁾)

$$(r') = (r) + (dr) + \left(\frac{1}{2!} d^2r\right) + \left(\frac{1}{3!} d^3r\right) + \dots + \left(\frac{1}{n!} d^n r\right) + \dots$$

$$(r'_1) = (r_1) + (dr_1) + \left(\frac{1}{2!} d^2r_1\right) + \left(\frac{1}{2!} d^2r_3\right) + \dots + \left(\frac{1}{n!} d^n r_1\right) + \dots$$

гдѣ вообще черезъ $(d^k V)$ обозначенъ полный геометрическій дифференціалъ k 'аго порядка отъ вектора V ³⁾.

Пользуясь этими разложеніями, геометрическую разность (1) можно представить такимъ образомъ:

$$\begin{aligned} (r') - (r'_1) &= (r) - (r_1) + (dr) - (dr_1) + \\ &+ \left(\frac{1}{2!} d^2r\right) - \left(\frac{1}{2!} d^2r_1\right) + \dots + \left(\frac{1}{n!} d^n r\right) - \left(\frac{1}{n!} d^n r_1\right) + \dots \end{aligned} \quad (2)$$

По опредѣленію, для того, чтобы годографъ вектора r находился при опредѣленныхъ значеніяхъ независимыхъ перемѣнныхъ въ соприкосновеніи k 'аго порядка съ годографомъ вектора r , необходимо, чтобы въ выраженіи (2) всѣ члены порядка n и ниже обратились въ нули.

Установимъ зависимость между дифференціалами du_1 , dv_1 и du , dv :

$$\begin{aligned} du_1 &= a_{11} du + a_{21} dv + a_{12} du^2 + a_{22} du dv + a_{32} dv^2 + \dots + a_{1,n} du^n + \\ &+ a_{2,n} du^{n-1} dv + \dots + a_{n,n} du dv^{n-1} + a_{n+1,n} dv^n. \end{aligned} \quad (3)$$

$$\begin{aligned} dv_1 &= b_{11} du + b_{21} dv + b_{12} du^2 + b_{22} du dv + b_{32} dv^2 + \dots + b_{1,n} du^n + \\ &+ b_{2,n} du^{n-1} dv + \dots + b_{n,n} du dv^{n-1} + b_{n+1,n} dv^n. \end{aligned} \quad (4)$$

¹⁾ Ch. Dupin. Developpements de géométrie. Paris. 1813.

A.-L. Cauchy. Leçons sur les applications du calcul infinitésimal à la géométrie. T. I. Paris. 1826.

²⁾ H. Möbius. Über die phoronomische Deutung des Taylorschen Theorems. Crelle's Journal. XXXVI B. 91 S.

³⁾ См. вышеназванную работу „Приложеніе геометрическихъ производныхъ къ теоріи кривыхъ и поверхностей“. Кіевъ. 1906.

Геометрическіе дифференціалы отъ вектора r_1 выразятся тогда такимъ образомъ черезъ безконечно-малые векторы различныхъ порядковъ относительно du и dv ³⁾:

$$\begin{aligned} (dr_1) &= (r_{u_1} du_1) + (r_{v_1} dv_1) = (r_{u_1} a_{11} du) + (r_{v_1} b_{11} du) + (r_{u_1} a_{21} dv) + (r_{v_1} b_{21} dv) + \\ &+ (r_{u_1} a_{12} du^2) + (r_{v_1} b_{12} du^2) + (r_{u_1} a_{22} du dv) + (r_{v_1} b_{22} du dv) + \\ &+ (r_{u_1} a_{23} dv^2) + (r_{v_1} b_{23} dv^2) + \dots \\ &= [(r_{u_1} a_{11}) + (r_{v_1} b_{11})] du + [(r_{u_1} a_{21}) + (r_{v_1} b_{21})] dv + [(r_{u_1} a_{12}) + (r_{v_1} b_{12})] du^2 + \\ &+ [(r_{u_1} a_{22}) + (r_{v_1} b_{22})] du dv + [(r_{u_1} a_{23}) + (r_{v_1} b_{23})] dv^2 + \dots \\ (d^2 r_1) &= (r_{u_1}^2 du_1^2) + (2r_{u_1 v_1} du_1 dv_1) + (r_{v_1}^2 dv_1^2) = \\ &= [(r_{u_1}^2 a_{11}^2) + (2r_{u_1 v_1} a_{11} b_{11}) + (r_{v_1}^2 b_{11}^2)] du^2 + \\ &+ 2[(2r_{u_1}^2 a_{11} a_{21}) + (2r_{u_1 v_1} (a_{11} b_{21} + b_{11} a_{21})) + (2r_{v_1}^2 b_{11} b_{21})] du dv + \\ &+ [(r_{u_1}^2 a_{21}^2) + (2r_{u_1 v_1} a_{21} b_{21}) + (r_{v_1}^2 b_{21}^2)] dv^2 + \dots \end{aligned}$$

Приравнивая нулю геометрическія суммы, стоящія коэффициентами при различныхъ степеняхъ du и dv въ выраженіи (2) послѣ замѣны дифференціаловъ (dr_1) , $(d^2 r_1)$... написанными выше выраженіями, получимъ слѣдующія геометрическія условія для существованія соприкосновенія n 'аго порядка:

$$(r) = (r_1);$$

$$(r_u) = (r_{u_1} a_{11}) + (r_{v_1} b_{11}), \quad (r_v) = (r_{u_1} a_{21}) + (r_{v_1} b_{21}); \tag{5}$$

$$(r_{u^2}) = (2r_{u_1} a_{12}) + (2r_{v_1} b_{12}) + (r_{u_1}^2 a_{11}^2) + (2r_{u_1 v_1} a_{11} b_{11}) + (r_{v_1}^2 b_{11}^2),$$

$$(r_{uv}) = (r_{u_1} a_{22}) + (r_{v_1} b_{22}) + (2r_{u_1}^2 a_{11} a_{21}) + (2r_{u_1 v_1} [a_{11} b_{21} + b_{11} a_{21}]) + (2r_{v_1}^2 b_{11} b_{21}),$$

$$(2r_{v^2}) = (2r_{u_1} a_{23}) + (2r_{v_1} b_{23}) + (r_{u_1}^2 a_{21}^2) + (2r_{u_1 v_1} a_{21} b_{21}) + (r_{v_1}^2 b_{21}^2);$$

.....

Число этихъ геометрическихъ условій равно, очевидно, $\frac{(n+1)(n+2)}{2}$, число же произвольныхъ параметровъ, введенныхъ при разсужденіи равенствами (3) и (4) выразится числомъ $n(n+3)$, кромѣ того произвольны значенія параметровъ u_1 и v_1 —такимъ образомъ всѣхъ параметровъ будетъ числомъ $n(n+3) + 2 = (n+1)(n+2)$.

³⁾ Для упрощенія набора обозначены \dot{r}_{1u_1} , \dot{r}_{1v_1} и слѣдующія производныя соотвѣтственно черезъ r_{1u_1} , r_{1v_1} ...

Группа геометрических условий (5) может быть развернута въ условия скалярныя, для чего надлежит проектировать векторы входящія въ каждое равенство на три, произвольно выбранныхъ для каждаго равенства, направленія, удовлетворяющія лишь тому условию, что каждыя три направленія не лежатъ въ одной плоскости. Число такимъ образомъ полученныхъ скалярныхъ условий выразится такъ: $\frac{3}{2} (n + 1) (n + 2)$; если исключить изъ нихъ введенные произвольные параметры, что всегда возможно, такъ какъ они (кромѣ u_1 и v_1) входятъ въ равенства линейно, то число скалярныхъ условий сократится до $\frac{(n + 1) (n + 2)}{2}$.

Если проектировать векторы на три взаимно перпендикулярныя оси, для всѣхъ векторовъ однѣ и тѣ же, то получимъ рядъ обычно приводимыхъ скалярныхъ условий ¹⁾.

Въ частныхъ случаяхъ, когда оба или одинъ векторъ являются функциями только одной независимой переменнѣй эти разсужденія общаго характера значительно упрощаются. Условия (5) могутъ также значительно упроститься, какъ это мы увидимъ ниже, при той или другой удобной формѣ заданія геометрическихъ образовъ.

3. Разсмотримъ соприкосновеніе двухъ кривыхъ; ихъ можно разсматривать, какъ годографы векторовъ r и r_1 , зависящихъ соответственно отъ переменныхъ u и u_1 .

Зависимость (3) между дифференціалами въ этомъ случаѣ можетъ быть написана въ такой формѣ:

$$du_1 = a_1 du + a_2 du^2 + \dots + a_n du^n.$$

Выраженія для дифференціаловъ отъ вектора r_1 примутъ видъ:

$$(dr_1) = (\dot{r}_1 du_1) = (\dot{r}_1 a_1) du + (\dot{r}_1 a_2) du^2 + \dots + (\dot{r}_1 a_n) du^n.$$

$$(d^2r_1) = (\ddot{r}_1 du_1^2) = (\ddot{r}_1 a_1^2) du^2 + (2\ddot{r}_1 a_1 a_2) du^3 + \dots$$

.....,

Условия (5) примутъ форму:

$$(r) = (r_1),$$

$$(\dot{r}) = (a_1 \dot{r}_1),$$

$$(\ddot{r}) = (2a_2 \dot{r}_1) + (a_1^2 \ddot{r}_1),$$

$$(r) = (2 \cdot 3a_3 \dot{r}_1) + (3 \cdot 2a_1 a_2 \ddot{r}_1) + (a_1^3 r_1^{(3)}),$$

.....

(6)

¹⁾ См. напр. E. Picard. Traite d'analyse. T I. Paris. 1891.

Число ихъ, очевидно, будетъ равно $n + 1$, параметровъ также $n + 1$. Число независимыхъ скалярныхъ условий $2(n + 1)$.

Разсмотримъ теперь такой частный случай. Положимъ, что наши векторы r и r_1 обладаютъ такимъ свойствомъ, что проекціи ихъ на нѣкоторое постоянное направленіе выражаются одинаковыми ¹⁾ функціями отъ переменныхъ u и u_1 , т. е.

$$r \cos(rm) = f(u), \quad r_1 \cos(r_1 m) = f(u_1). \quad (7)$$

Соблюденіе этого условія имѣетъ мѣсто, напримѣръ, при такомъ заданіи кривыхъ:

$$\begin{aligned} x &= x, & x_1 &= x_1, \\ y &= f_1(x), & y_1 &= F_1(x_1), \\ z &= f_2(x), & z_1 &= F_2(x_1). \end{aligned}$$

Разсматриваемое постоянное направленіе является въ данномъ случаѣ осью x ’овъ.

При соблюденіи условій (7) изъ (6) слѣдуетъ:

$$a_1 = 1, \quad a_2 = a_3 = \dots = a_n = 0.$$

Дѣйствительно, проектируя обѣ части равенства перваго изъ (6) на направленіе m , получимъ:

$$r \cos(rm) = r_1 \cos(r_1 m) = f(u) = f(u_1)$$

откуда заключаемъ, что въ точкѣ соприкосновенія

$$u = u_1. \quad (8)$$

Переходя къ слѣдующему равенству, находимъ:

$$\dot{r} \cos(\dot{r}m) = a_1 \dot{r}_1 \cos(\dot{r}_1 m), \quad (9)$$

условія же (7) даютъ

$$\dot{r} \cos(\dot{r}m) = f'(u), \quad \dot{r}_1 \cos(\dot{r}_1 m) = f'(u_1),$$

откуда при (8) имѣемъ

$$\dot{r} \cos(\dot{r}m) = \dot{r}_1 \cos(\dot{r}_1 m); \quad (10)$$

¹⁾ Достаточно, впрочемъ, равенства самихъ проекцій и ихъ n производныхъ только для тѣхъ значеній независимыхъ переменныхъ, при которыхъ разсматривается соприкосновеніе.

сопоставляя это равенство съ (9) заключаемъ, что

$$a_1 = 1. \quad (11)$$

Изъ третьяго равенства, принимая во вниманіе (11), пишемъ:

$$\ddot{r} \cos(\ddot{r}m) = 2a_2 \dot{r}_1 \cos(\dot{r}_1 m) + \ddot{r}_1 \cos(\ddot{r}_1 m), \quad (12)$$

но изъ (10) слѣдуетъ:

$$\ddot{r} \cos(\ddot{r}m) = \ddot{r}_1 \cos(\ddot{r}_1 m),$$

а потому изъ (12) приходимъ къ заключенію:

$$a_2 = 0.$$

Изъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія убѣдились бы въ справедливости остальныхъ изъ равенствъ:

$$a_2 = a_3 = \dots = a_n = 0. \quad (13)$$

Такимъ образомъ въ нашемъ случаѣ соотношеніе между дифференціалами приметъ такую форму:

$$du_1 = du.$$

Принимая во вниманіе равенства (13), условія (6) переишемъ въ такой простой формѣ:

$$\begin{aligned} (r) &= (r_1), \\ (\dot{r}) &= (\dot{r}_1), \\ (\ddot{r}) &= (\ddot{r}_1), \\ &\vdots \\ ({}^{(n)}r) &= ({}^{(n)}r_1). \end{aligned} \quad (14)$$

Произвольно введенные параметры исчезли, но и число скалярныхъ условій, въ которыя разворачивается каждое изъ равенствъ (14) сократилось съ трехъ на два, потому что проектировать каждое равенство мы вправѣ только на два направленія отличныя отъ направленія m , которое при этомъ не можетъ лежать въ плоскости любой пары направленій.

4. Въ случаѣ соприкосновенія кривой съ поверхностью r будемъ считать векторъ-функціей одного переменнаго u , а r_1 двухъ— u_1 и v_1 .

Соотношенія между дифференціалами напишутся такимъ образомъ:

$$\begin{aligned} du_1 &= a_1 du + a_2 du^2 + a_3 du^3 + \dots \\ dv_1 &= b_1 dv + b_2 dv^2 + b_3 dv^3 + \dots \end{aligned}$$

Дифференціалы отъ вектора r , выразятся суммами:

$$\begin{aligned} (dr_1) &= [(a_1 r_{u_1}) + (b_1 r_{v_1})] du + [(a_2 r_{u_1}) + (b_2 r_{v_1})] du^2 + \dots \\ (d^2r_1) &= [(a_1^2 r_{u_1^2}) + (2a_1 b_1 r_{u_1 v_1}) + (b_1^2 r_{v_1^2})] du^2 + \dots \\ &\dots \end{aligned}$$

Условія напишутся въ такой формѣ:

$$\begin{aligned} (r) &= (r_1), \\ (\dot{r}) &= (a_1 r_{u_1}) + (b_1 r_{v_1}), \\ (\ddot{r}) &= (2a_2 r_{u_1}) + (2b_2 r_{v_1}) + (a_1^2 r_{u_1^2}) + (2a_1 b_1 r_{u_1 v_1}) + (b_1^2 r_{v_1^2}). \\ &\dots \\ &\dots \end{aligned}$$

Число этихъ геометрическихъ условій равно $n + 1$, при подсчетѣ же числа параметровъ надлежитъ разсматривать два случая—1) если точка задана на поверхности, то произвольнымъ является параметръ u и коэффициенты a и b числомъ $2n$, такимъ образомъ всего $2n + 1$ произвольныхъ параметровъ и 2) когда точка задана на кривой—число параметровъ будетъ равно $2(n + 1)$ —на единицу больше.

И здѣсь надлежитъ разсмотрѣть тѣ важные особые случаи, когда проекціи векторовъ r и r_1 подчиняются условіямъ:

$$\begin{aligned} r \cos(rm) &= f(u), & r_1 \cos(r_1 m) &= f(u_1); \\ r \cos(rn) &= \varphi(u), & r_1 \cos(r_1 n) &= \varphi(v_1). \end{aligned}$$

Не трудно показать, что въ такомъ случаѣ:

$$\begin{aligned} a_1 &= b_1 = 1, \\ a_2 &= a_3 = a_4 = \dots = a_n = 0, & b_2 &= b_3 = b_4 = \dots = b_n = 0. \end{aligned}$$

Условія же (5) напишутся слѣдующимъ образомъ:

$$\begin{aligned} (r) &= (r_1), \\ (\dot{r}) &= (r_{u_1}) + (r_{v_1}), \\ (\ddot{r}) &= (r_{u_1^2}) + (2r_{u_1 v_1}) + (r_{v_1^2}), \\ &\dots \end{aligned}$$

5. Замѣтимъ, что и въ общемъ случаѣ соприкосновенія двухъ поверхностей, условія соприкосновенія значительно упрощаются при существованіи такого характера зависимостей:

$$r \cos (r m) = f(u v), \quad r_1 \cos (r_1 m) = f(u_1 v_1),$$

$$r \cos (r n) = \varphi(u v), \quad r_1 \cos (r_1 n) = \varphi(u_1 v_1).$$

Равенства эти, напр., имѣютъ мѣсто при такомъ весьма употребительномъ способѣ заданія поверхностей:

$$x = x, \quad x_1 = x_1,$$

$$y = y, \quad y_1 = y_1,$$

$$z = F(x y), \quad z_1 = F(x_1 y_1).$$

• Дифференціалы независимыхъ переменныхъ будутъ тогда удовлетворять равенствамъ:

$$du_1 = du, \quad dv_1 = dv.$$

Условія соприкосновенія примутъ форму:

$$(r) = (r_1),$$

$$(r_u) = (r_{u_1}), \quad (r_v) = (r_{v_1}),$$

$$(r_{u^2}) = (r_{u_1^2}), \quad (r_{uv}) = (r_{u_1 v_1}), \quad (r_{v^2}) = (r_{v_1^2}),$$

.....

Для иллюстраціи вышеизложенныхъ общихъ положеній теоріи и выясненія какимъ образомъ геометрическія условія могутъ быть использованы помимо обязательнаго проектированія на декартовы оси мы позволимъ себѣ привести рядъ примѣровъ.

6. Разсмотримъ сначала плоскую кривую. Положимъ, что она задана, какъ годографъ векторъ-функція r , причемъ за независимое переменное взята дуга этой кривой.

Установимъ соприкосновеніе этой кривой въ точкѣ s_0 съ прямой, которую въ свою очередь будемъ разсматривать, какъ годографъ векторъ-функціи r_1 (также функціи отъ длины прямой).

Не трудно обнаружить, что при такомъ заданіи — когда оба вектора являются функціями дугъ своихъ годографовъ — будутъ справедливы условія:

$$a_1 = 1, \quad a_2 = a_3 = \dots = a_n = 0. \quad (14)$$

Дѣйствительно, условіе

$$(\dot{r}) = (a_1 \dot{r}_1)$$

непосредственно даетъ $a_1 = 1$, такъ какъ длины обоихъ векторовъ \dot{r} и \dot{r}_1 , какъ индексовъ касательныхъ, равны единицамъ. Затѣмъ проектируя обѣ обѣ части равенства

$$(\ddot{r}) = (2a_2 \dot{r}_1) + (a_1^2 \ddot{r}_1)$$

на направленіе \dot{r} , совпадающее съ направленіемъ \dot{r}_1 получимъ

$$(0) = (2a_2 \dot{r}_1),$$

откуда и приходимъ къ заключенію

$$a_2 = 0.$$

Дальнѣйшее разсмотрѣніе привело бы насъ къ справедливости и остальныхъ равенствъ (14).

Такимъ образомъ въ нашемъ случаѣ условія (6) могутъ быть написаны въ такой формѣ:

$$\begin{aligned} (r) &= (r_1), \\ (\dot{r}) &= (\dot{r}_1), \\ (\ddot{r}) &= (\ddot{r}_1), \\ &\dots\dots\dots \\ &\dots\dots\dots \end{aligned} \tag{15}$$

Первое изъ этихъ условій требуетъ, чтобы прямая—годографъ вектора r_1 —проходила бы черезъ ту точку кривой, соприкосновеніе въ которой намъ желательно установить.

Второе условіе указываетъ на то обстоятельство, что касательная къ нашей кривой, направленіе которой характеризуется индексомъ \dot{r} должна совпасть съ прямой, такъ какъ направленіе послѣдней совпадаетъ съ направленіемъ \dot{r}_1 .

Болѣе высокаго порядка соприкосновеніе, чѣмъ первый установить, вообще говоря, съ прямой нельзя, что можно обнаружить и подсчетомъ параметровъ, такъ какъ для нея всѣ остальные геометрическія производныя $\ddot{r}_1, r_1 \dots$ ⁽³⁾ обращаются въ нули, что можетъ не имѣть мѣста для производныхъ \ddot{r}, r, \dots ⁽³⁾; если \dot{r} обращается въ нуль (точка перегиба), то въ данной точкѣ прямая имѣетъ съ кривой соприкосновеніе второго порядка, если $(r) = 0$ ⁽³⁾—третьяго порядка и т. д.

Разсмотримъ еще случай соприкосновенія кривой съ окружностью, которую станемъ считать годографомъ вектора r_1 .

Первое изъ условій (15) требуетъ, чтобы окружность проходила черезъ данную точку на кривой; второе, чтобы касательныя къ кривой и окружности совпадали, другими словами, чтобы центръ окружности лежалъ на нормали къ кривой; кромѣ того, изъ того обстоятельства, что направленіе \ddot{r} и \ddot{r}_1 совпадаютъ, если, конечно, центръ окружности лежитъ въ сторонѣ вогнутости кривой, слѣдуетъ, что окружность будетъ находиться съ кривой въ соприкосновеніи второго порядка, если длины векторовъ \ddot{r} и \ddot{r}_1 будутъ одинаковы, такъ какъ тогда будетъ соблюдаться третье изъ условій (15). Но \ddot{r} —векторъ кривизны—по величинѣ равенъ $\frac{1}{R}$, гдѣ черезъ R обозначенъ радіусъ кривизны кривой въ данной точкѣ, а \ddot{r}_1 равенъ $\frac{1}{R_1}$, причемъ R_1 величина постоянная равная радіусу круга; такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что радіусъ „соприкасательной“ окружности равенъ радіусу круга кривизны и центръ ея совпадаетъ съ центромъ кривизны.

7. Въ случаѣ пространственной кривой легко показать, что прямая соприкасательная съ данной кривой является касательной къ ней въ данной точкѣ, а окружность лежитъ въ соприкасательной плоскости, причемъ центръ ея находится на главной нормали къ кривой въ разстояніи $\frac{1}{r}$ отъ точки на кривой.

Разсмотримъ соприкосновеніе пространственной кривой съ винтовой линіей.

Положеніе и характеръ винтовой линіи можетъ быть вполне определенъ такими семью параметрами: двумя координатами точки пересѣченія оси съ плоскостью xu , двумя независимыми координатами изъ координатъ индекса A направленія оси, длиной a радіуса круглаго цилиндра, на поверхности котораго находится разсматриваемая винтовая линія, угломъ, который образуетъ ось x' овъ съ радіусомъ-векторомъ точки винтовой линіи, лежащей на плоскости xu , и, наконецъ, шагомъ винта—разстояніемъ двухъ ближайшихъ точекъ винтовой линіи, лежащихъ на одной производящей цилиндра.

Какъ мы уже указали выше, для того, чтобы установить соприкосновеніе третьяго порядка, необходимо соблюсти восемь скалярныхъ условій—отсюда слѣдуетъ, что, вообще говоря, нельзя опредѣлить винтовую линію такимъ образомъ, чтобы она имѣла съ данной кривой соприкосновеніе третьяго порядка. Винтовая линія можетъ имѣть съ пространственной кривой лишь соприкосновеніе второго порядка, причемъ въ силу про-

извольности остающагося одного параметра винтовыхъ линій такого рода можетъ быть безчисленное множество. Не трудно показать, что ось цилиндра любого изъ этихъ гелисовъ должна поресѣкать главную нормаль къ данной кривой и быть параллельна плоскости содержащей касательную и бинормаль. Радиусъ a цилиндра гелиса и уголъ α между осью цилиндра и бинормалью связаны такого рода зависимостью:

$$R \cos^2 \alpha = a,$$

гдѣ черезъ R обозначенъ радиусъ кривизны данной кривой; шагъ винта h черезъ эти два параметра выразится такимъ образомъ:

$$h = 2\pi a \operatorname{tg} \alpha.$$

Произвольностью одного изъ параметровъ a и α можно воспользоваться для того, чтобы прировнять завитіе данной кривой завитію винтовой линіи; въ такомъ случаѣ a и α должны удовлетворять второй зависимости:

$$T = \frac{a}{\sin \alpha \cos \alpha},$$

гдѣ черезъ T обозначимъ радиусъ завитія данной кривой. Если при этомъ точки на данной кривой такова, что

$$\frac{d\dot{r}}{ds} = 0,$$

то гелисъ будетъ имѣть съ кривой соприкосновеніе третьяго порядка.

8. Не останавливаясь теперь на примѣрѣ соприкосновенія кривой съ плоскостью перейдемъ къ разсмотрѣнію соприкосновенія кривой со сферой, опредѣлимъ координаты соприкасающейся сферы.

Примемъ, что векторъ r , географомъ котораго является наша кривая, представляетъ собой векторъ-функцию длины s дуги кривой. Радиусъ векторъ r_1 точекъ сферы станемъ считать функцией двухъ дугъ s_1 и s_2 координатныхъ линій на сферѣ. Между дифференціалами ds_1 и ds установимъ зависимость

$$ds_1 = ds.$$

дифференціалъ же ds_2 будемъ считать независимымъ отъ ds , другими словами будемъ устанавливать соприкосновеніе нашей кривой съ координатной линіей на сферѣ

$$s_2 = \text{const.}$$

При такомъ выборѣ зависимостей между дифференціалами условія соприкосновенія приведенныя въ § 4 напишутся такимъ образомъ:

$$\begin{aligned}(r) &= (r_1), \\ (\dot{r}) &= (\dot{r}_{s_1}), \\ (\ddot{r}) &= (\ddot{r}_{s_1}^2), \\ \overset{(3)}{(r)} &= \overset{(3)}{(r_{s_1}^3)}.\end{aligned}$$

Замѣчая, что радіусъ векторъ r_1 можетъ быть представленъ геометрической суммой

$$(r_1) = (r_0) + (R),$$

гдѣ r_0 —постоянный радіусъ векторъ центра сферы, а R —переменный радіусъ точекъ сферы, условія перепишемъ въ такой формѣ:

$$\begin{aligned}(r) &= (r_0) + (R), \\ (\dot{r}) &= (\dot{R}_{s_1}), \\ (\ddot{r}) &= (\ddot{R}_{s_1}^2), \\ \overset{(3)}{(r)} &= \overset{(3)}{(R_{s_1}^3)}.\end{aligned}\tag{16}$$

Первое изъ этихъ условій говоритъ, что сфера должна проходить черезъ точку нашей кривой; центръ ея, однако, можетъ находиться пока въ произвольной точкѣ пространства.

Второе условіе требуетъ геометрическаго равенства индексовъ касательныхъ—къ нашей кривой и къ координатной линіи на сферѣ

$$s_2 = const.$$

Такъ какъ R векторъ постоянной длины, то \dot{R}_{s_1} перпендикуляренъ къ R , а слѣдовательно и \ddot{r} перпендикуляренъ къ R другими словами:

$$R \cos \angle RT = 0,$$

гдѣ черезъ T обозначено направленіе касательной къ нашей кривой въ данной ея точкѣ. Условіе это въ такой формѣ указываетъ на то обстоятельство, что центръ соприкасающейся сферы долженъ лежать въ нормальной къ кривой плоскости.

Третье изъ условій (16) отвѣтитъ на вопросъ, на какой линіи въ нормальной плоскости долженъ лежать искомый центръ сферы.

Направлѣніе \ddot{r} совпадаетъ съ направлѣніемъ главной нормали къ кривой, а по величинѣ этотъ векторъ равенъ $\frac{1}{\rho}$, гдѣ ρ —радіусъ кривизны кривой; векторъ же \ddot{R}_{s_1} совпадаетъ съ направлѣніемъ радіуса k малаго круга сферы и по величинѣ представится, какъ обратная величина этого радіуса, такимъ образомъ:

$$\ddot{R}_{s_1} = \frac{1}{k} = \frac{1}{R \cos(R\ddot{r})},$$

такъ какъ по условію направлѣніе этого радіуса совпадаетъ съ направлѣніемъ главной нормали къ нашей кривой; принимая во вниманіе кромѣ того равенство величинъ векторовъ \ddot{r} и \ddot{R}_{s_1} , получимъ такое соотношеніе:

$$R \cos(R\ddot{r}) = \rho,$$

откуда заключаемъ, что центръ сферы лежитъ на полярной оси—прямой параллельной бинормали и проходящей черезъ центръ кривизны кривой.

Обратимся, наконецъ, къ послѣднему изъ условій (16).

Для сферической кривой не трудно установить такого рода зависимость ¹⁾:

$$R \cos(Rb) = -\frac{1}{\vartheta} \frac{dk}{ds}, \quad (17)$$

гдѣ черезъ ϑ обозначено завитіе кривой, а черезъ b —направлѣніе бинормали къ ней.

Такъ какъ

$$\vartheta = \pm \frac{1}{\ddot{R}_{s_1}} \overset{(3)}{R}_{s_1} \cos(\overset{(3)}{R}b).$$

и

$$\frac{dk}{ds} = -\frac{1}{\ddot{R}_{s_1}} \frac{d\ddot{R}_{s_1}}{ds} = -\frac{\overset{(3)}{R}_{s_1}}{\ddot{R}_{s_1}} \cos(\overset{(3)}{R}_{s_1} \ddot{R}_{s_1}).$$

¹⁾ Дѣйствительно, изъ равенства $k = R \cos(Rk)$ имѣемъ:

$$\frac{dk}{ds} = -R \sin(Rk) \frac{d\omega}{ds}, \quad (18)$$

гдѣ черезъ ω обозначенъ уголъ между R и k . Такъ какъ

$$\sin(Rk) = \cos(Rb),$$

а

$$\frac{d\omega}{ds} = \vartheta,$$

то изъ (18) и придемъ къ (17).

то, въ силу равенства

$$\begin{aligned} (\ddot{R}_{s_1} z) &= (\ddot{r}), \\ (R_{s_1} z) &= (r), \end{aligned}$$

завитіе сферической кривой будетъ равно завитію разсматриваемой. а также

$$\frac{dk}{ds} = \frac{d\rho}{ds} = -\frac{1}{r} \frac{d\ddot{r}}{ds}.$$

Такимъ образомъ соотношеніе (17) можетъ быть такъ переписано:

$$R \cos(Rb) = -\frac{1}{\vartheta} \frac{d\rho}{ds} = \frac{1}{\vartheta r} \frac{d\ddot{r}}{ds},$$

гдѣ подѣ ϑ надлежитъ понимать уже завитіе данной кривой.

Равенство это опредѣляетъ положеніе центра сферы на полярной оси.

9. Изъ примѣровъ на соприкосновеніе двухъ поверхностей позволимъ себѣ остановиться на соприкасающемся параболоидѣ.

Примемъ уравненіе данной поверхности въ такой формѣ:

$$z = F(xy),$$

причемъ начало координатъ помѣстимъ въ ту точку поверхности, въ которой устанавливается соприкосновеніе, а ось z' овъ заставимъ совпасть съ нормалью къ поверхности; тогда, очевидно, для этой точки

$$\frac{\partial F}{\partial x} = \frac{\partial F}{\partial y} = 0.$$

Отнеся параболоидъ къ такимъ же осямъ, напишемъ его уравненіе въ такой формѣ:

$$z_1 = ax_1^2 + by_1^2.$$

Очевидно, что каковы бы ни были a и b , первыя два изъ условий § 5 удовлетворятся въ началѣ координатъ, такъ какъ въ этой точкѣ координаты векторовъ r , r_1 , \dot{r}_x , \dot{r}_y , \dot{r}_{x_1} , \dot{r}_{y_1} все обращаются въ нули.

Если, кромѣ того, направленія осей x и y въ касательной плоскости совмѣстимъ съ направленіемъ линій кривизны въ началѣ координатъ, то

$$\frac{\partial^2 F}{\partial x^2} = \theta_1, \quad \frac{\partial F}{\partial x \partial y} = 0, \quad \frac{\partial^2 F}{\partial y^2} = \theta_2,$$

гдѣ черезъ θ_1 и θ_2 обозначены главные изгибы поверхности въ данной точкѣ.

Пользуясь этими выражениями, изъ третьяго условія того же § 5 придемъ къ такой формѣ уравненія соприкасательнаго параболоида:

$$z_1 = \theta_1 x_1^2 + \theta_2 y_1^2.$$

Для точки эллиптической—онъ эллиптическій, для гиперболической—гиперболическій, для параболической обращается въ параболическій цилиндръ.

Ан. Билимовичъ.

Х. Гуйва. Июнь. 1907.

Объ одномъ преобразованіи къ новымъ переменнымъ.

Въ настоящей замѣткѣ я желаю обратить вниманіе на одну почти очевидную лемму, которая въ приложеніи къ динамикѣ твердаго тѣла даетъ возможность во многихъ случаяхъ избѣжать длинныхъ выкладокъ.

1. Пусть имѣемъ три функціи X, Y, Z отъ трехъ независимыхъ переменныхъ x, y, z и другія три функціи Ξ, Υ, Z отъ новыхъ независимыхъ переменныхъ ξ, η, ζ . Тогда

$$\begin{aligned}dX &= \frac{\partial X}{\partial x} dx + \frac{\partial X}{\partial y} dy + \frac{\partial X}{\partial z} dz; \\dY &= \frac{\partial Y}{\partial x} dx + \frac{\partial Y}{\partial y} dy + \frac{\partial Y}{\partial z} dz; \end{aligned} \quad (1)$$

$$dZ = \frac{\partial Z}{\partial x} dx + \frac{\partial Z}{\partial y} dy + \frac{\partial Z}{\partial z} dz.$$

$$\begin{aligned}d\Xi &= \frac{\partial \Xi}{\partial \xi} d\xi + \frac{\partial \Xi}{\partial \eta} d\eta + \frac{\partial \Xi}{\partial \zeta} d\zeta; \\d\Upsilon &= \frac{\partial \Upsilon}{\partial \xi} d\xi + \frac{\partial \Upsilon}{\partial \eta} d\eta + \frac{\partial \Upsilon}{\partial \zeta} d\zeta; \end{aligned} \quad (2)$$

$$dZ = \frac{\partial Z}{\partial \xi} d\xi + \frac{\partial Z}{\partial \eta} d\eta + \frac{\partial Z}{\partial \zeta} d\zeta.$$

Допустимъ, что между частными производными существуютъ зависимости типа

$$\frac{\partial X}{\partial x} = \frac{\partial \Xi}{\partial \xi}; \quad \frac{\partial X}{\partial y} = \frac{\partial \Upsilon}{\partial \xi}; \quad \dots \quad (3)$$

Въ такомъ случаѣ нетрудно видѣть, что, если примемъ X, Y, Z и Ξ, Γ, Z за независимыя переменныя, а x, y, z и ξ, η, ζ за функціи, то снова будемъ имѣть зависимости вида

$$\frac{\partial x}{\partial X} = \frac{\partial \xi}{\partial \Xi}; \quad \frac{\partial x}{\partial Y} = \frac{\partial \eta}{\partial \Xi}; \quad \dots \quad (4)$$

На самомъ дѣлѣ, рѣшая (1) относительно dx, dy, dz , а (2) относительно $d\xi, d\eta, d\zeta$, будемъ имѣть

$$\begin{aligned} \frac{\partial(XYZ)}{\partial(xyz)} dx &= \frac{\partial(YZ)}{\partial(yz)} dX + \frac{\partial(ZX)}{\partial(yz)} dY + \frac{\partial(XY)}{\partial(yz)} dZ; \\ \frac{\partial(XYZ)}{\partial(xyz)} dy &= \frac{\partial(YZ)}{\partial(zx)} dX + \frac{\partial(ZX)}{\partial(zx)} dY + \frac{\partial(XY)}{\partial(zx)} dZ; \\ \frac{\partial(XYZ)}{\partial(xyz)} dz &= \frac{\partial(YZ)}{\partial(xy)} dX + \frac{\partial(ZX)}{\partial(xy)} dY + \frac{\partial(XY)}{\partial(xy)} dZ. \end{aligned} \quad (5)$$

$$\begin{aligned} \frac{\partial(\Xi\Gamma Z)}{\partial(\xi\eta\zeta)} d\xi &= \frac{\partial(\Gamma Z)}{\partial(\eta\zeta)} d\Xi + \frac{\partial(Z\Xi)}{\partial(\eta\zeta)} d\Gamma + \frac{\partial(\Xi\Gamma)}{\partial(\eta\zeta)} dZ; \\ \frac{\partial(\Xi\Gamma Z)}{\partial(\xi\eta\zeta)} d\xi &= \frac{\partial(\Gamma Z)}{\partial(\zeta\xi)} d\Xi + \frac{\partial(Z\Xi)}{\partial(\zeta\xi)} d\Gamma + \frac{\partial(\Xi\Gamma)}{\partial(\zeta\xi)} dZ; \\ \frac{\partial(\Xi\Gamma Z)}{\partial(\xi\eta\zeta)} d\xi &= \frac{\partial(\Gamma Z)}{\partial(\xi\eta)} d\Xi + \frac{\partial(Z\Xi)}{\partial(\xi\eta)} d\Gamma + \frac{\partial(\Xi\Gamma)}{\partial(\xi\eta)} dZ. \end{aligned} \quad (6)$$

Но по (3) опредѣлители, служащіе коэффициентами въ предыдущихъ выраженіяхъ, связаны другъ съ другомъ соотношеніями:

$$\begin{aligned} \frac{\partial(XYZ)}{\partial(xyz)} &= \frac{\partial(\Xi\Gamma Z)}{\partial(\xi\eta\zeta)}; \\ \frac{\partial(YZ)}{\partial(yz)} &= \frac{\partial(\Gamma Z)}{\partial(\eta\zeta)}; \\ \frac{\partial(ZX)}{\partial(yz)} &= \frac{\partial(\Gamma Z)}{\partial(\zeta\xi)}; \\ &\dots \end{aligned}$$

Отсюда на основаніи (5) и (6) и вытекають зависимости (4):

$$\begin{aligned} \frac{\partial x}{\partial X} &= \frac{\partial(YZ)}{\partial(yz)} : \frac{\partial(XYZ)}{\partial(xyz)} = \frac{\partial(\Gamma Z)}{\partial(\eta\zeta)} : \frac{\partial(\Xi\Gamma Z)}{\partial(\xi\eta\zeta)} = \frac{\partial \xi}{\partial \Xi}; \\ \frac{\partial x}{\partial Y} &= \frac{\partial(ZX)}{\partial(yz)} : \frac{\partial(XYZ)}{\partial(xyz)} = \frac{\partial(\Gamma Z)}{\partial(\zeta\xi)} : \frac{\partial(\Xi\Gamma Z)}{\partial(\xi\eta\zeta)} = \frac{\partial \eta}{\partial \Xi}; \\ &\dots \end{aligned}$$

2. Съ цѣлью дать хотя бы одно приложеніе доказанной леммы, примѣнимъ её къ выводу уравненій вращенія несвободнаго твердаго тѣла по отношенію къ осямъ, неизмѣнно съ тѣломъ связаннымъ.

Пусть φ, ψ, θ будутъ Эйлеровы углы: φ —нутаціонный, ψ —прецесіонный, θ —чистаго вращенія. Проекціи мгновенной угловой скорости тѣла на оси $A\xi, A\eta, A\zeta$, неизмѣнно съ тѣломъ связанныя, означимъ p, q, r , такъ что

$$\begin{aligned} p &= \varphi' \cos(\xi\Phi) + \psi' \cos(\xi\Psi) + \theta' \cos(\xi\Theta), \\ q &= \varphi' \cos(\eta\Phi) + \psi' \cos(\eta\Psi) + \theta' \cos(\eta\Theta), \\ r &= \varphi' \cos(\zeta\Phi) + \psi' \cos(\zeta\Psi) + \theta' \cos(\zeta\Theta), \end{aligned} \quad (7)$$

гдѣ большими буквами Φ, Ψ, Θ означены соответственно направленія осей нутаціи, прецессіи и чистаго вращенія.

Моментъ силъ, приложенныхъ къ твердому тѣлу, относительно осей $A\xi, A\eta, A\zeta$, а также Φ, Ψ, Θ означимъ соответственно

$$L_\xi, L_\eta, L_\zeta; L_\varphi, L_\psi, L_\theta.$$

Тогда, какъ извѣстно,

$$\begin{aligned} L_\varphi &= L_\xi \cos(\xi\Phi) + L_\eta \cos(\eta\Phi) + L_\zeta \cos(\zeta\Phi); \\ L_\psi &= L_\xi \cos(\xi\Psi) + L_\eta \cos(\eta\Psi) + L_\zeta \cos(\zeta\Psi); \\ L_\theta &= L_\xi \cos(\xi\Theta) + L_\eta \cos(\eta\Theta) + L_\zeta \cos(\zeta\Theta). \end{aligned} \quad (8)$$

Если силы имѣютъ потенціалъ ($-U$), то

$$L_\varphi = \frac{\partial U}{\partial \varphi}, \quad L_\psi = \frac{\partial U}{\partial \psi}, \quad L_\theta = \frac{\partial U}{\partial \theta}. \quad (9)$$

Пусть тѣло подчинено k дифференціальнымъ связямъ, линейнымъ относительно φ', ψ', θ' :

$$F_\nu = 0; \quad \nu = 1, 2, 3 \dots k. \quad (10)$$

Если имѣются связи конечныя: $f_\nu = 0$, то подъ F_ν' будемъ подразумѣвать полную производную по времени t : $\frac{df_\nu}{dt}$.

Уравненія Лагранжа второго рода для вращательнаго движенія будутъ:

$$\begin{aligned} \frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial \varphi'} - \frac{\partial T}{\partial \varphi} &= L_\varphi + \sum_\nu \lambda_\nu \frac{\partial F_\nu'}{\partial \varphi'}; \\ \frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial \psi'} - \frac{\partial T}{\partial \psi} &= L_\psi + \sum_\nu \lambda_\nu \frac{\partial F_\nu'}{\partial \psi'}; \\ \frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial \theta'} - \frac{\partial T}{\partial \theta} &= L_\theta + \sum_\nu \lambda_\nu \frac{\partial F_\nu'}{\partial \theta'}. \end{aligned} \quad (11)$$

гдѣ T живая сила твердаго тѣла, а λ_ν множитель связи F_ν' .

Суммы, стояція въ правыхъ частяхъ уравненій (11), представляютъ собою моменты силъ реакціи относительно соответственныхъ осей; означимъ ихъ для сокращенія Λ_z , Λ_ψ , Λ_ζ .

Уравненія вращения, отнесенныя къ осямъ $A\xi\eta\zeta$, будутъ имѣть видъ:

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial p} + q \frac{\partial T}{\partial r} - r \frac{\partial T}{\partial q} + u' \frac{\partial T}{\partial u''} - u'' \frac{\partial T}{\partial u'} = L_z + \Lambda_z;$$

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial q} + r \frac{\partial T}{\partial p} - p \frac{\partial T}{\partial r} + u'' \frac{\partial T}{\partial u} - u \frac{\partial T}{\partial u''} = L_\psi + \Lambda_\psi;$$

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial r} + p \frac{\partial T}{\partial q} - q \frac{\partial T}{\partial p} + u \frac{\partial T}{\partial u'} - u' \frac{\partial T}{\partial u} = L_\zeta + \Lambda_\zeta.$$

Здѣсь u , u' , u'' означаютъ проекціи скорости полюса A на соответствующія оси, а Λ_z , Λ_ψ , Λ_ζ моменты силъ реакціи относительно новыхъ осей. Посмотримъ, какъ написать подробныя выраженія для этихъ моментовъ. Между количествами Λ_z , Λ_ψ , Λ_ζ и количествами L_z , L_ψ , L_ζ имѣются тѣ же зависимости (8), что и между L_z , L_ψ , L_ζ и L_z , L_ψ , L_ζ . Такъ какъ выраженія (8) линейныя и однородныя, то мы можемъ написать

$$\Lambda_z = \Lambda_z \frac{\partial L_z}{\partial L_z} + \Lambda_\psi \frac{\partial L_z}{\partial L_\psi} + \Lambda_\zeta \frac{\partial L_z}{\partial L_\zeta}.$$

Сравнивая (7) и (8), замѣчаемъ, что между количествами

$$L_z, L_\psi, L_\zeta; L_z, L_\psi, L_\zeta;$$

$$p, q, r; \varphi', \psi', \theta';$$

существуютъ какъ разъ тѣ соотношенія, которыя были въ леммѣ между количествами

$$X, Y, Z; x, y, z;$$

$$\Xi, \Upsilon, Z; \xi, \eta, \zeta.$$

Поэтому, на основаніи леммы, можемъ прямо написать:

$$\Lambda_z = \Lambda_z \frac{\partial \varphi'}{\partial p} + \Lambda_\psi \frac{\partial \psi'}{\partial p} + \Lambda_\zeta \frac{\partial \theta'}{\partial p}.$$

Или, подставляя изъ (11):

$$\Lambda_z = \sum_j \lambda_j \frac{\partial F'_j}{\partial p}.$$

Подобнымъ образомъ найдемъ:

$$\Lambda_\psi = \sum_j \lambda_j \frac{\partial F'_j}{\partial q}; \quad \Lambda_\zeta = \sum_j \lambda_j \frac{\partial F'_j}{\partial r}.$$

Если силы имѣютъ потенциалъ и если полную производную по времени отъ силовой функціи U означимъ черезъ U' , то мы нашли бы

$$L_z = \frac{\partial U'}{\partial p}, \quad L_q = \frac{\partial U'}{\partial q}, \quad L_r = \frac{\partial U'}{\partial r}.$$

Такимъ образомъ уравненія вращательнаго движенія принимаютъ видъ:

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial p} + q \frac{\partial T}{\partial r} - r \frac{\partial T}{\partial q} + u' \frac{\partial T}{\partial u''} - u'' \frac{\partial T}{\partial u'} = \frac{\partial U'}{\partial p} + \sum \lambda_v \frac{\partial F'_v}{\partial p};$$

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial q} + r \frac{\partial T}{\partial p} - p \frac{\partial T}{\partial r} + u'' \frac{\partial T}{\partial u} - u' \frac{\partial T}{\partial u''} = \frac{\partial U'}{\partial q} + \sum \lambda_v \frac{\partial F'_v}{\partial q};$$

$$\frac{d}{dt} \frac{\partial T}{\partial r} + p \frac{\partial T}{\partial q} - q \frac{\partial T}{\partial p} + u' \frac{\partial T}{\partial u'} - u'' \frac{\partial T}{\partial u} = \frac{\partial U'}{\partial r} + \sum \lambda_v \frac{\partial F'_v}{\partial r}. \quad ^1)$$

U' и F'_v должны быть, конечно, выражены какъ функціи отъ p, q, r .

Проф. Г. Суслевъ.

¹⁾ Сравни. „Суслевъ. Основы анал. мех.“ 4. II § 269 (53), (54).

О простѣйшей формулѣ сложения эллиптическихъ функцій.

Для обыкновенныхъ формулы для $sn(u \pm v)$ и $cn(u \pm v)$ одну на другую и раздѣливъ числителя и знаменателя полученной дроби на $сnu \cdot сnv$, получимъ

$$tn(u \pm v) = \frac{tnu \cdot dnv \pm tnv \cdot dnu}{1 \mp tnu \cdot dnv \cdot tnv \cdot dnu}.$$

Полагая здѣсь:

$$tnv \cdot dnv = tg \alpha,$$

$$tnu \cdot dnu = tg \beta,$$

получимъ:

$$am(u \pm v) = \alpha \pm \beta.$$

Это интерпретируется въ сферическомъ треугольникѣ тѣмъ, что, если двѣ стороны его суть amu и amv , то третья, равная $am(u + v)$, дѣлится перпендикулярнымъ къ ней большимъ кругомъ, проведеннымъ изъ противоположной вершины на части α и β , имѣющія указанныя выше значенія.

Обозначая уголь, составляемый кривошипомъ съ поршневымъ штокомъ, чрезъ φ , а уголь, составляемый шатуномъ съ поршневымъ штокомъ, чрезъ θ , доказываемъ, что

$$\cos \theta = dnu$$

если принять φ за амплитуду переменнаго u и если положить модуль k равнымъ отношенію кривошипа a къ шатуну m , такъ что:

$$k = \frac{a}{m}.$$

Отсюда выводится слѣдующее построение $am(u+v)$ по даннымъ amu и amv :

Проводимъ касательную MS въ точкѣ M къ окружности, описываемой концомъ кривошипа около центра O , принимая OM за прямую, по которой расположенъ поршневой штокъ. Выбираемъ шатунъ m по формулѣ $k = \frac{a}{m}$. Строимъ $\angle AOM = amk$; $A'OM = amv$ и шатуны AB и $A'B'$. Изъ M составляемъ перпендикуляры MN и MN' шатунамъ. Отмѣчаемъ на касательной MS точки пересѣченія ея P и P' съ продолженіями кривошиповъ. Откладываемъ на MN длину $MQ_1 = MP_1$ и на MN' длину $MQ_2 = MP_2$. Опускаемъ перпендикуляры QD и $Q'D'$ на касательную MS . Находимъ, что

$$\angle DOM = \alpha$$

$$\angle D'OM = \beta$$

и что

$$\angle DOM + \angle D'OM = am(u+v).$$

Н. Делоне.

Университетскія Извѣстія въ 1908 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, Екатерининская улица, № 4-й, и въ Кіевъ, Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Улюкинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I—официальная.

- I. Расписанія лекцій въ Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра въ осеннемъ полугодіи 1908—1909 г.
- II. Отчетъ о командировкѣ въ Австрію, совершенной лѣтними каникулами 1907 года.—Прив.-доц. **В. А. Розова**. 1—46

Часть II—неофициальная.

- I. Петроній и его романъ. Пробная лекція для соисканія званія приватъ-доцента.—**В. П. Клингера** 1—14
- II. Разысканія въ области поэтики французскаго романтизма.—Прив.-доц. гр. **Ф. Э. де-Ла-Барта** 401—443
- III. Германское земледустройствоное законодательство.—Прив.-доц. **А. Д. Билимовича** 1—118

Критика и библиографія.

- IV. Новые труды о „жидовствующих“ XV в. и ихъ литература.—Проф. **В. Н. Перетца** 1—42

Научная хроника.

- V. Отчетъ и протоколы Физико-Математическаго Общества за 1907 г. (съ приложеніями) 63—96

Прибавленія.

- Приложенія къ сочин. „Отношеніе творчества Гоголя къ западно-европейскимъ литературамъ“.—Оконч. курсъ **Г. И. Чудакова**. I—IV+127—184
-

ОБОЗРѢНІЕ ПРЕПОДАВАНІЯ
ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Св. Владиміра

на 1908—1909 учебный годъ.

ПО ЮРИДИЧЕСКОМУ ФАКУЛЬТЕТУ.

Съ приложеніемъ росписанія лекцій.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра. Акц. Общ.
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.
1908.

Обозрѣніе преподаванія на Юридическомъ факультетѣ Императорскаго университета св. Владиміра въ 1908—1909 учебномъ году.

Обозрѣніе заключаетъ въ себѣ:

1. Общій обзоръ преподаванія съ перечисленіемъ предметовъ преподаванія въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 457 части I тома XI свод. зак., уст. учеб. зав. (Таблица).

2. Распредѣленіе учебныхъ занятій на оба полугодія, съ подраздѣленіемъ cadaго изъ нихъ на учебные семестры студентовъ и съ указаніемъ времени занятій по днямъ недѣли и часамъ. (Таблица).

3. Списокъ учебныхъ пособій, рекомендуемыхъ г.г. преподавателями г.г. студентамъ при изученіи отдѣльныхъ наукъ. (Стр. 7—16).

4. Росписаніе лекцій на первый (осенній) семестръ 1908—1909 учебнаго года. (Таблица).

5. (Приложеніе). Программа лекцій проф. протоіерея П. С. Свѣтлова по богословію. (Стр. 19—20).

THE
MUSEUM OF
ARTS AND
ARCHITECTURE
OF
THE
CITY OF
NEW YORK
AND
THE
METROPOLITAN MUSEUM OF ART

3.

**Списокъ учебныхъ пособій, рекомендуемыхъ г.г. преподавателями
г.г. студентамъ при изученіи отдѣльныхъ наукъ.**

I. Богословія.

(Рекомендуемыхъ проф. протоіереемъ. П. С. Свѣтловымъ).

Проф. Свѣтловъ. Курсъ апологетическаго богословія, изд. 2-е.
Кіевъ. 1905.

Его-же. Что читать по богословію? Систематическій указатель
апологетической литературы на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и
англійскомъ языкахъ. Кіевъ. 1907 г. (Библиографія по всѣмъ вопро-
самъ университетскаго курса богословія и руководство къ самообра-
зовательному религіозному чтенію).

II. Римскаго права.

а. Исторіи и общей части системы.

(Рекомендуемыхъ проф. А. К. Митюковымъ).

Sohm. Geschichte u. System d. römischen Privatrechts, 13 Auf-
lage. 1908.

Girard. Manuel élémentaire de droit romain, 4 édition.

Учебники: Богольцова и Хвостова.

По системъ: Дербургъ, Пандекты (часть общая).—К. Митюковъ.

Курсъ римскаго права. 2 изданіе.

Источники: Corpus juris civilis. ed Mommsen-Krueger.

Bruns. Fontes juris romani antiqui.

Girard. Textes de droit romain.

6. *По прочимъ частямъ системы.*

(Рекомендуемыхъ проф. М. М. Катковымъ).

Учебники: Дернбурга, Барона и Митюкова.

III. **Гражданскаго права и процесса.**

а. *Гражданскаго права.*

(Рекомендуемыхъ проф. А. М. Гуляевымъ).

А. М. Гуляевъ. Русское гражданское право.

К. П. Побѣдоносцевъ. Курсъ гражданскаго права.

Г. Ф. Шершеневичъ. Учебникъ русскаго гражданскаго права.
1907 г.

Мейеръ. Русское гражданское право, изд. А. Х. Гольмстена.

К. Анненковъ. Система русскаго гражданскаго права.

б. *Гражданскаго процесса (судопроизводства).*

1.—(Рекомендуемыхъ проф. А. М. Гуляевымъ).

И. Е. Энгельманъ. Учебникъ русск. гражд. судопроизводства.

2.—(Рекомендуемыхъ проф. В. Г. Демченко).

Сводъ законовъ, т. XVI, изд. 1892 г., и Сводное продолженіе,
1906 г.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г., съ разсужденіями, на ко-
ихъ они основаны, изд. 1867 г.

Проекты новой редакціи Учрежденія судебныхъ установлений и
Устава гражданскаго судопроизводства, съ объяснительными къ нимъ
записками, 1900 г.

Малышевъ. Курсъ гражданскаго судопроизводства, т. I—III, изд.
1875—1879 г.

Цитовичъ. Гражданскій процессъ (конспектъ лекцій), 1894 г.

Энгельманъ. Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства,
изд. 2-е, 1904 г.

Glasson. Précis théorique et pratique de procédure civile, 1902.

Engelmann. Der deutsche Civilprozess, 1900.

Указаніе сенатскихъ разъясненій Судебныхъ Уставовъ въ изданіяхъ Устава гражданскаго судопроизводства—Боровиковскаго, Гордона, Рошковскаго и въ комментаріяхъ Анненкова и Исаченко.

IV. Торговаго права и торговаго судопроизводства.

(Рекомендуемыхъ проф. В. А. Удинцевымъ).

Удинцевъ. Русское торгово-промышленное право. Общія ученія и специальная часть. Кіевъ. 1907 г.

Учебники и курсы проф. Азаревича, Бапилова, Гольмстена, Нерсесова, Федорова и Шершеневича.—Сводъ Законовъ, т. XI, ч. 1, изд. 1903 г.—Сводъ Законовъ, т. XII, ч. 1.—Общій Уставъ Россійскихъ жел. дор., изд. 1906 г.—Сводъ Законовъ, т. V: Уставъ о Прям. Налог., изд. 1903 г., и Уставы объ Акцизн. Сбор., изд. 1901 г.—Сводъ Зак., т. XIV.—Сводъ Законовъ, т. X, ч. 1, изд. 1900 г.—Продолженіе Свода Зак. 1906 г.

V. Уголовнаго права и уголовнаго судопроизводства.

а. Уголовнаго права.

(Рекомендованныхъ покойнымъ проф. Л. С. Бѣлогриць-Котляревскимъ).

Учебники уголовнаго права:

Кистяковскаго (1891 г.).

Л. С. Бѣлогриць-Котляревскаго (1903 г., съ добавленіемъ).

«Русское уголовное право» Таганцева, т. 1—2, 1902 г.

Фойницкій: 1) Ученіе о наказаніи. 1889 г., и 2) Посягательства на личность и имущество. 1907.

Неклюдовъ. Руководство къ особенной части уголовнаго права, т. I—IV, 1876.—1880 г.

Liszt. Lehrbuch des deutschen Strafrechts.

Garraud. Précis de droit criminel, 7 изд., 1901 г.

Уложеніе и Уставъ о нак., съ Продолженіями.

Уголовное Уложеніе 1903 г., съ объяснительными записками къ его проекту. 1895 г.

Сергѣевскій. Сборникъ судебныхъ случаевъ.

б. *Уголовнаго судопроизводства.*

(Рекомендуемыхъ приватъ-доцентомъ Н. В. Самофаловымъ).

Курсы и учебники уголовного судопроизводства профессоровъ Чебышева-Дмитріева, Фойницкаго, Тальберга, Случевского и Духовскаго.

М. Faustin Hélie. *Traité de l'instruction criminelle*, v. I—VII, deuxième édition. 1866—67.

Le C-te de Franqueville, *le système judiciaire de la Grande Bretagne*, deux volumes, 1893.

Е. Bonnier. *Traité théorique et pratique des preuves en droit civil et en droit criminel*, 5 édition, 1888.

Для практическихъ занятій: В. Случевскій. *Уголовно-процессуальная казуистика*. 1893.

VI. *Исторія русскаго права.*

а. *По источникамъ исторіи русскаго права.*

(Рекомендуемыхъ проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ).

В. И. Сергѣевичъ. *Изслѣдованія и лекціи по исторіи русскаго права.*

Его-же. *Русскія юридическія древности.*

А. Н. Филипповъ. *Учебникъ исторіи русскаго права.*

Обзоръ Исторіи русскаго права, самого преподавателя.

Хрестоматія по Исторіи русскаго права, его-же.

Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права, проф. М. Н. Ясинскаго.

б. *Внутренней исторіи русскаго права.*

(Рекомендуемыхъ проф. М. Н. Ясинскимъ).

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. *Обзоръ исторіи русскаго права, Кіевъ, 1907 г.*

Его-же. *Хрестоматія по исторіи русскаго права, вып. I—III.*

В. И. Сергѣевичъ. *Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 1899.*

Его-же. Древности русскаго права, т. III, Спб., 1903 г. (земле-
владѣніе, тягло, порядокъ общественный).

В. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи.
Спб., 1899 г.

А. Н. Филипповъ. Учебникъ исторіи русскаго права. Ч. 1-ая.
(Юрьевъ, 1907 г.).

Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича въ изданіи: Кар-
новича (Собраніе узаконеній Русскаго государства, 1874 г.), или исто-
рико-филологическаго факультета Московскаго университета. (Москва
1907 г.).

Лптовскій Статутъ 1529 г., 1566 г. и 1588 г. (Времен. Моск.
Общ. Ист. и Древн., кн. 18, 19 и 23).

Отдѣльныя монографіи по указанію преподавателя.

VII. Государственнаго права.

а. *Русскаго государственнаго права, со включеніемъ общаго ученія о
государствѣ.*

(Рекомендуемыхъ проф. С. А. Егіазаровымъ).

В. Ивановскій. Учебникъ государственнаго права.

Его-же. Русское государственное право.

Н. Лазаревскій. Лекціи по русскому государственному праву.

Н. Коркуновъ. Русское государственное право.

Его-же. Государственное право западно-европейскихъ державъ.

Градовскій. Начала русскаго государственнаго права.

Его-же. Государств. право важнѣйшихъ западно-европейск.
державъ.

Его-же. Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи.

Чичеринъ. Курсъ государственной науки.

Іеллинекъ. Право современнаго государства.

Сводъ законовъ Россійской Имперіи, т.т. I, II, III и IX.

I. Гессенъ. Сборникъ конституцій.

б. *Государственнаго права иностранныхъ державъ.*

(Рекомендуемыхъ прив.-доц. А. А. Жилинымъ).

Чичеринъ. О народномъ представительствѣ.

Градовскій. Государств. право важнѣйшихъ европейск. державъ.
 Коркуновъ. Государственное право иностранныхъ державъ.
 Котляревскій. Конституціонное государство.
 Esmein. Eléments de droit constitutionnel.
 Daresté. Les constitutions modernes. Т. I—II.
 G. Meyer. Lehrbuch des deutschen Staatsrechts.
 Лоу. Государственный строй Англіи.
 Другія пособія будутъ указываемы на лекціяхъ.

в. *Для практическихъ занятій по русск. госуд. праву пособія будутъ указываемы Прив.-доц. А. А. Жилинымъ на каждый разъ особо.*

УШ. Международнаго права.

(Рекомендуемыхъ проф. О. О. Эйхельманомъ).

Учебники: Ullmann, Vulmerincq, Rivier, Bonfils, Calvo, Мартенса, Даневскаго, Казанскаго.—Эйхельмана: 1) Хрестоматія русскаго международнаго права, ч. I и II; 2) Очерки изъ лекцій по международному праву.

IX. Полицейскаго права.

(Рекомендуемыхъ проф. Н. М. Цытовичемъ).

Сводъ Законовъ, т.т. XI, XII, XIII, XIV.

Mohl. Die Polizeiwissenschaft.

Lorenz v. Stein: 1) Verwaltungslehre; 2) Handbuch der Verwaltungslehre.

Курсы полицейскаго права: Бунге, Тарасова, Андреевскаго, Дерюжинскаго, Ивановскаго.

Schönberg. Handbuch der politischen Oekonomie.

Conrad. Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

X. Финансоваго права.

(Рекомендуемыхъ проф. Н. II. Яснопольскимъ).

В. А. Лебедевъ. Финансовое право, 1-е изд: т. I. 1882 г.; т. II, 1883—5 г.г.—2-е изд: т. I, в. 1-й, 1889 г.; в. 2-й, 1890 г.; вып. 3-й.

И. И. Янжиль. Основныя начала финансовой науки, 4 изд. 1904 г. (Ч. I: о доходахъ).

Л. В. Ходскій. Основы государственнаго хозяйства, 2 изд.;—I вып.
3 изд.

Нитти. Основныя начала финансовой науки.

С. И. Иловайскій. Учебникъ финансоваго права, 1904 г.

И. Н. Озеровъ: 1. Основы финансовой науки. 2 изд., ч. 1—2.

Тарасовъ. Очеркъ финансовой науки. 1 изд., а 1 в. 2 изд.

Рау. Основныя начала финансовой науки. Т. I и II.

Adolph Wagner, Lehrbuch der Finanzwissenschaft, 1) Theil (3 Auflage), 2 Theil (1896), 3 Theil (1889), 4 Theil, 1899—1901.

L. von Stein. Lehrbuch der Finanzwissenschaft.

Roscher. System der Finanzwissenschaft, 5 Aufl. (von Gerlach).

A. Schäffle. Die Steuern. Allgemeiner Theil, 1895; Besonderer Theil 1897.

Handbuch der politischen Oekonomie, herausgegeben von Prof. Schönberg, Band. III, 4 Aufl., 1897—8. (Finanzwissenschaft).

Paul Leroy-Beaulien, Traité de la science des finances. 7 éd.

K. Th. von Eneberg. Finanzwissenschaft, 9 Aufl., 1908.

Сводъ законовъ Россійской Имперіи, (новѣйшія изданія Государственной Канцеляріи или же частное изданіе, подъ редакціей Волкова и Филиппова) т.т. IV, V, VI, VII и VIII, а изъ остальныхъ—относящееся къ финансамъ.

Продолженіе свода законовъ Россійской Имперіи, 1906 г., ч.ч. 1, 2, 3 и 4.—Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, (за послѣдніе годы).—Указатель правительственныхъ распоряженій по Министерству Финансовъ.

XI. Церковнаго права.

(Рекомендуемыхъ проф. П. П. Соколовымъ).

Суворовъ. Учебникъ церковнаго права. 3 изд. 1908 г.

XII. Политической экономіи и статистики.

а. *Политической экономіи.*

1.—(Рекомендуемыхъ прив.-доц. К. Г. Воблымъ).

Чупровъ. Политическая экономія, 1907 г.

Исаевъ. Начала политической экономіи, изд. 7, 1908 г.

Иванюковъ. Политическая экономія. 3 изд., М. 1891 г. (гл. объ общияѣ).

Желѣзновъ. Очерки политической экономіи, 1905 г. (соціальное законодательство).

Мануиловъ. Пособіе къ лекціямъ по политической экономіи. вып. I., М., 1907 г. (отд. объ обращеніи).

Филипповичъ. Основанія политической экономіи. СПб. 1901 г.

Schmoller. Grundrissd allgemeinen Volkswirtschaftslehre. I Theild. Leipzig, 1900 г.; II Theil, Leipzig, 1904 г.

Kleinwächter. Lehrbuch der Nationalökonomie. Leipzig, 1902 г.

Seligman. Principles of Economics, 2 ed. revised. London, 1906 г. (Русскій переводъ 1908 г.).

Gide. Printipes d'économie politique, 10 éd., 1906 (есть русскій переводъ).

Leroy-Beaulieu. Traité d'économie pol., I—IV, 3 éd., 1900.

Marshall. Principles of economics, Vol. I, 4 ed., 1898 (есть нѣмецкій переводъ).

По исторіи политической экономіи:

Чупровъ. Очерки исторіи политической экономіи, 1907 г.

Ингрэмъ. Исторія политической экономіи, 1897 г.

Туганъ-Барановскій. Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи, 4 изд., 1907 г.

Oncken. Geschichte der Nationalökonomie. I Theil: die Zeit vor Ad. Smith.

Eisenhart. Geschichte der Nationalökonomik. 2 Aufl., 1901.

Словари (правочныя изданія).

Conrad. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, I—VII, 2 Aufl. 1898—1901.

Elster. Wörterbuch der Volkswirtschaftslehre, B. I—II, 2 Aufl. 1906—7.

б. Статистики.

(Рекомендуемыхъ привать-доцентомъ А. Д. Билимовичемъ).

Янсонъ. Теорія статистики, 4 изд., 1907 г.

Его-же. Сравнительная статистика населенія, 1893 г.

Ходскій. Основанія теоріи и техники статистики. 2 изд. 1907 г.

Бертильонъ. Курсъ административной статистики, 1897 г.

- Г. Майръ. Закономерность въ общественной жизни. М., 1899 г.
 Его-же. Статистика и обществовѣдѣніе, т. I—II, 1899—1901 г.г.
 А. Фортунатовъ. О статистикѣ. М., 1907 г.
 А. Чупровъ. Статистика. (Курсъ лекцій).
 К. Вобль. Статистика. (Курсъ лекцій). К. 1907 г.
 Meitzen. Geschichte, Theorie und Technik der Statistik, 3 Auflage,
 Berlin, 1903.
 J. Conrad. Grundriss zum Studium der Pol. Oek., Th. IV. Sta-
 tistik, I. 2 Anfl. Iena, 1902.
 A. Fircks. Bevölkerungslehre und Bevölkerungspolitik. Leipzig,
 1898.
 W. Lexis. Abhandlungen zur Theorie der Bevölkerungs und Mo-
 ralstatistik. 1903.
 M. Block. Traité théorique et pratique de statistique. Paris, 1878,
 John. Geschichte der Statistik, Th. I, Stuttgart, 1884.
 Fer. Faure. Eléments de statistique, 1906.

ХІІІ. Энциклопедія права и исторія философіи права.

а. Энциклопедія права.

(Рекомендуемыхъ проф. Г. В. Демченко).

- Коркуновъ. Лекція по общей теоріи права.
 Ренненкампфъ. Юридическая энциклопедія.
 Кн. Е. Трубецкой. Лекція по энциклопедіи права.
 Петражицкій. Теорія права и государства.
 Залъсскій. Власть и право.
 Шершеневичъ. Общее ученіе о правѣ и государствѣ.

б. Исторія философіи права.

(Рекомендуемыхъ проф. Г. В. Демченко).

- Чичеринъ: 1) Исторія политическихъ ученій, и 2) Политическіе
 мыслители древняго и новаго міра.
 Коркуновъ. Исторія философіи права.
 Шершеневичъ. Исторія философіи права.
 Залъсскій. Лекція по исторіи философіи права.
 Кн. Е. Трубецкой. Лекція по исторіи философіи права.

Новгородцевъ. Лекціи по исторіи философіи права.

Прочія пособия и литература будутъ указываемы при чтеніи лекцій по энциклопедіи и исторіи философіи права.

XIV. Судебной медицины.

(Рекомендуемыхъ проф. Н. А. Оболонскимъ).

Н. А. Оболонскій. Пособникъ къ судебно-медицинскому изслѣдованію труповъ и изслѣдованію вещественныхъ доказательствъ.

Э. фонъ Гофманъ. Учебникъ судебной медицины (переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Д. П. Косоротова).

Штрассманъ. Учебникъ судебной медицины (переводъ съ нѣмецкаго).

XV. Психологін и судебной психопатологін.

(Рекомендуемыхъ проф. И. А. Сикорскимъ).

Судебная психопатологія: 1) Крафтъ-Эбинга, 1897 г., 2) Ковалевскаго, 1895 г., 3) В. Сербскаго, ч. I и II, 1896 г. и 4) В. Чижя.— Э. Лоранъ. Уголовная антропология и новыя теоріи преступности. Перев. подъ ред. проф. И. Сикорскаго, 1897 г.

Habelock-Ellis. Преступникъ, 1898 г.

P. Aubry. La contagion du meurtre, étude d'antropologie criminelle, 1866.

Проф. Владиміровъ. Психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ судѣ, 1901 г.

Деканъ Юридическаго факультета О. Эйхельманъ.

Б.

(Приложеніе).

Программа лекцій по богословію проф. протоіерея П. С. Свѣтлова.

Въ осеннемъ полугодіи.

Отдѣлъ I.

Введеніе въ богословіе: о религіозномъ самообразованіи или объ основныхъ вопросахъ религіозной гносеологія, ученія о религіозномъ познаніи.

Отдѣлъ II.

Философія и исторія религіи въ главныхъ ихъ основаніяхъ.

Въ весеннемъ полугодіи.

Отдѣлъ III.

Критическій обзоръ наиболѣе извѣстныхъ, нашей русской университетской аудиторіи, теченій современной научно-философской и общественной мысли въ ихъ отношеніи къ религіи вообще и христіанству въ частности, а именно: позитивизмъ въ его отношеніи къ религіи, или наука и религія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію позитивизма; эволюціонизмъ и дарвинизмъ; теорія эволюціи и міросозерцаніе современнаго человѣка; матеріалистическій монизмъ Геккеля (особ. въ его «Міровыхъ загадкахъ»); экономической матеріализмъ или марксизмъ въ его отношеніи къ религіи вообще и хри-

стіанству въ частности; христіанство и соціалізмъ; о такъ называемомъ «новомъ христіанствѣ», или «новомъ религіозномъ сознаніи» (Мережковскаго, Розанова, Минскаго, Бердяева и др.); «синехологическій спиритуализмъ», или ученіе Фехнера о всеобщемъ одушевленіи въ его русской имитаціи; философія эгоистическаго индивидуализма (Фр. Ницше, М. Штирнеръ); западно-европейскій демонизмъ и богоборчество въ русскихъ отголоскахъ Л. Андреева и др.; Ибсенизмъ.

Обозрѣніе преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ
Императорскаго университета св. Владиміра на осеннее полугодіе
1908 г.

Лекціи Богословія.

Профессоръ богословія протоіерей П. Я. Свѣтловъ. (2 ч.).

I. Введеніе въ богословіе: о религіозномъ самообразованіи или
объ основныхъ вопросахъ религіозной гносеологии, ученія о религіоз-
номъ познаніи.

II. Философія и исторія религіи въ главныхъ ихъ основаціяхъ —
въ *осеннемъ* полугодіи 2 ч. въ нед. (среда и пятница 10—11 ч. у.).

III. Критическій обзоръ наиболее извѣстныхъ нашей русской
университетской аудиторіи теченій современной научно-философской и
общественной мысли въ ихъ отношенія къ религіи вообще и христіан-
ству въ частности, а именно: позитивизмъ въ его отношенія къ рели-
гіи или наука и религія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію
позитивизма; эволюціонизмъ и дарвинизмъ; теорія эволюціи и міросо-
зерпаніе современнаго человѣка, матеріалистическій монизмъ Геккеля
(особ. въ его «Міровыхъ загадкахъ»); экономическій матеріализмъ или
марксизмъ въ его отношенія къ религіи вообще и христіанству въ
частности; христіанство и социализмъ; о такъ называемомъ «новомъ
христіанствѣ» или «новомъ религіозномъ сознаніи» (Мережковскаго,
Розанова, Минскаго, Бердяева и др.); «сипехологическій спиритуализмъ»
или ученіе Фехнера о всеобщемъ воодушевленіи въ его русской ими-
таціи; философія эгоистическаго индивидуализма (Фр. Ницше, М. Штир-

нерь); западноевропейскій демонизмъ и богоборчество въ русскихъ отголоскахъ Л. Андреева и др.; ибсенизмъ.

Пособія: Проф. *Святловъ*, Курсъ апологетическаго богословія, изд. 2-е, 1905.

Его-же. Что читать по богословію? Систематическій указатель апологетической литературы на русск. нѣмец., французск. и англійск. языкахъ. Кіевъ, 1907. (Библиографія по всѣмъ вопросамъ университетскаго курса богословія и руководство къ самообразовательному религіозному чтенію).

Совѣщательные часы на дому, въ понедѣльникъ и среду 2—3 ч.

I.

**Преподаватели историко-филологического факультета, съ указаніемъ
читаемыхъ ими курсовъ и рекомендуемыхъ пособій.**

1. Ординарный профессоръ А. Н. Г и л я р о в ь (8 ч.)

I. Психологія, 3 часа въ недѣлю; II. Введеніе въ философію, 3 часа въ недѣлю; III. Педагогика, 2 часа въ недѣлю.

Пособіи: I. Бензъ, Психологія; *Гейфдинъ*, Очерки психологіи.

II. «Введенія въ философію» — проф. *Гилярова*, *Паульсена* и *Челпанова*. III. *Schumann und Voigt, Lehrbuch der Pädagogik*.

2. Приватъ-доцентъ П. В. Т и х о м и р о в ь (2 ч.).

Практическія занятія по логикѣ, 2 часа въ недѣлю, для студентовъ, прослушавшихъ теоретическій курсъ.

Пособія: *Н Лосскій*. Сборникъ элементарныхъ упражненій по логикѣ 1908; пособія для рефератовъ будутъ указаны въ связи съ предлагаемыми темами.

3. Заслуженный профессоръ Ю. А. К у л а к о в с к і й.

I. Тацитъ, *Annales*, I, 4 часа въ недѣлю.—II. Исторія Византіи, 2 часа въ недѣлю.

Пособія: I. *Cornelii Taciti Annales*, изд. *Nipperdey-Andresen* или стереотипное *Bibliot. Teubner*.—II. *Герибертъ*, Исторія Византіи, рус. пер. Безобразова; *Терновскій*, Грековосточная церковь въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ; *Финлей*, Греція подъ Римскимъ владычествомъ.

4. Ординарный профессоръ I. A. Л е ц і у с ь (7 ч.).

I. Государственное право античной Греціи, 4 часа въ недѣлю. II. Греческій семинарій: чтеніе греческихъ лириковъ и упражненія въ переводѣ съ латинскаго языка на греческій (для студентовъ классиковъ) 2 часа въ недѣлю. III. Греческій просеминарій, чтеніе фрагментовъ греческихъ философовъ, (для желающихъ) 1 часъ въ недѣлю.

Пособія: I. *Бузольтъ*, Греческія государственныя древности, Харьковъ 1891. *Латышевъ*, Очеркъ греческихъ древностей, Спб. 1897 и 1899. II. *Anthologia lyrica* ed. *Hiller*, Leipzig, 1897. *Cornelius Nepos*, ed. *Volkman*, Lpz. 1878. III. *Die Fragmente der Vorsokratiker*, ed. *Diels*, Berlin 1907.

5. Ординарный профессоръ А. И. Сонни (6 ч.).

I. Стихотворенія Катулла, 4 часа въ недѣлю. II. Семинарій: интерпретація стихотвореній Марціала 1 часть въ недѣлю, III. Упражненія въ переводѣ съ греческаго языка на латинскій 1 часть въ недѣлю (для студентовъ классиковъ).

Пособія: I. *Catulli carmina*, rec. *Bernh. Schmidt*, 1887; *Die Gedichte des Catullus* erkl. von A. Riese. 1884. II. *Martialis* rec. *Gilbert*, 1886, *Martialis* erkl. v. *Friedländer*, 1886. III. *Lysias*, ausgewählte Reden hsgg. v. *Thalheim*, 1898.

6. Приватъ-доцентъ В. П. Петръ (8 ч.).

I. «Ипполитъ» Еврипида, 4 часа въ недѣлю.

Пособіе: изданіе текста «Ипполита» *Наука*.

II. Греческій языкъ для начинающихъ (4 ч. въ нед.).

7. Приватъ-доцентъ А. О. Поспишилъ (4 ч.).

Практическія занятія: I. Діалогъ Платона «Протагоръ» 2 часа въ недѣлю. II. Практическія упражненія по латинскому языку 2 часа въ недѣлю.

Пособія: *Platons «Protagoras» für den Schulgebrauch* erklärt v. d-r I. *Deuschle*, s-te Aufl. v. *E. Vochemann*, Leipzig, 1895.

8. Приватъ-доцентъ В. П. Кливеръ.

Александрійская поэзія, 2 часа въ недѣлю.

Пособія: *Comat*, *Poésie Alexandrine*; *Mahaffy*, *Greek life and thought from the death of Alexander*; *Susemihl*, *Geschichte der alexandr. Litteratur*.

9. Ординарный профессоръ О. И. Кнауэръ (8 ч.).

I. Сравнительная грамматика, фонетика, 3 часа въ нед.; II. Санскритская грамматика (для желающихъ) 2 часа въ недѣлю; III. Готская грамматика 2 часа въ недѣлю; IV. Практическія упражненія по санскриту 1 часть въ недѣлю.

Пособія: *Brugmann*, *Kurze vergleichende Grammatik d. indogrm. Sprachen*, Strassburg 1902, I.—II. *Кнауэръ*, Учебникъ санскритскаго языка, Лейпцигъ 1908.—III. *Braune*, *Gotische Grammatik*, Halle, 1900.

10. Ординарный профессор В. Н. Перетцъ (6 ч.).

I. Старославянскій языкъ, 3 часа въ недѣлю. II. «Слово о полку Игоревѣ съ введѣніемъ, 1 часъ въ недѣлю. III. Семинарій по русской филологіи (по вопросамъ исторіи языка и древнерусской литературы) 2 часа въ недѣлю.

Пособія I. Грамматика старославянскаго языка *Лескина*, *Vond-rák'a*; Хрестоматія *Каринскаго*. II. Любой текстъ «Слова о полку Игоревѣ», предпочтительно 1 изд. (при Ист. др.-р. литер. проф. Владимірова) или — учебное изданіе Тихонравова.

11. И. д. экстраординарнаго профессора А. М. Лобода (8 ч.).

I. Исторія русской литературы XVIII—XIX ст. 4 часа въ недѣлю. II. Народная словесность, 2 часа въ недѣлю. III. Практическія занятія по исторіи литературы—библіографія, чтеніе образцовъ, чтеніе и разборъ студенческихъ сочиненій и рефератовъ по вопросамъ рус. литер. XVIII—XIX в., 2 часа въ недѣлю.

Пособія: I. *Порфирьевъ*, Исторія р. словесности, II—III; *Пыдинъ*, Исторія р. литературы III—IV; *Покровскій*, Историческая хрестоматія IV—IX и XIII; *Л. Майковъ*, Батюшковъ, его жизнь и произведенія; *А. Н. Веселовскій*, «Жуковскій»; Юбилейный сборникъ въ память А. С. Пушкина, изд. Университетомъ св. Владиміра. (Унив. Изв. 1899 г. № 5); Юбилейный сборникъ въ память Н. В. Гоголя, изд. Обществомъ Нестора лѣтописца. — II. *Архангельскій*, Къ лекціямъ по исторіи р. литературы; *Владиміровъ*, Введеніе въ исторію р. словесности; *Лобода*, Р. богатырскій эпосъ; *Пытинъ*, Исторія р. литературы I и III тт.

12. Приватъ-доцентъ В. А. Розовъ (4 ч.).

I. Пушкинъ, 2 часа въ недѣлю; II. Практическія занятія по церковнославян. и древнерусскому языкамъ, 2 часа въ недѣлю.

Пособія: I. *Ситовскій*, Пушкинъ. Жизнь и творчество. Сочиненія А. С. Пушкина въ изданіи Импер. Академіи Наукъ I—II, и въ изд. Ефремова или Морозова—II. *Каринскій*, Хрестоматія по древне-церковнославянскому и русскому языкамъ.—*Лескинъ*, Грамматика ц. слав. яз.—*Соболевскій*, Лекціи по ц. слав. яз.

13. Приватъ-доцентъ В. Н. Малиницъ (2 ч.).

Исторія новѣйшей русской литературы: (Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій), 2 часа въ недѣлю.

Пособія: *Скабичевскій А.*, Исторія новѣйшей русской литературы, Спб. 1906 г., изд. 6. *Миллеръ О. Ѳ.*, Русскіе писатели послѣ Гоголя, Спб. 1907 г. изд. 4. *A. von Reinholdt*, *Geschichte der russischen Literatur*, Leipzig. 1886. *A. Brüchner*, *Geschichte der russischen Literatur*, Leipzig. 1905. *А. Незеленовъ*, Тургеневъ въ его произведеніяхъ, Спб. 1885. *И Ивановъ*, И. С. Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество, Спб. 1896. *Ев. Ляцкий*, И. А. Гончаровъ, Спб. 1904 г. *К. Головинъ*, Русскій романъ и русское общество. Спб. изд. 2. Маркса. *Алексій Веселовскій*, проф. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, Москва 1907, изд. 3.

14. Ординарный профессоръ Т. Д. Флоринскій (8 ч.).

I. Славяновѣдѣніе (общ. курсъ) 2 часа въ недѣлю.—II. Исторія чешскаго народа, 2 часа въ недѣлю.—III. Исторія чешской литературы, 2 часа въ недѣлю. IV. Основы сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, 1 часть въ недѣлю.—V. Практическія занятія по славянской филологіи: чтеніе и разборъ литературныхъ памятниковъ на польскомъ языкѣ; чтеніе и разборъ рефератовъ г.г. студентовъ (2 ч. въ недѣлю).

Пособія: *Т. Д. Флоринскій*, Славянское племя, 1907 г.—II. *Томекъ*, Исторія чешскаго королевства; *А. Гильфердингъ*, Очеркъ исторіи Чехіи.—III. *Пыпинъ* и *Спасовичъ*, Исторія славянскихъ литературъ; *А. Степовичъ*, Обзоръ исторіи чешской литературы. Другія пособія будутъ указаны при чтеніи курсовъ.

15. Приватъ-доцентъ А. І. Степовичъ (2 ч.).

I. Исторія новѣйшей сербской литературы, 1 часть въ недѣлю.—II. Чтеніе и объясненіе произведеній славянскихъ литературъ и народной словесности, 1 часть въ недѣлю.

Пособія: I. *Пыпинъ* и *Спасовичъ*, Исторія славянскихъ литературъ. *Степовичъ*. Очерки исторіи сербохорватской литературы; *Šurmin*, *Povjest književnosti hrvatskei srbske*.—II. *Воскресенскій*, Славянская хрестоматія. Сборники народн. пѣсенъ *Карadžича*, *Шинкарева*, *Truhlara*. *Výbor z literatury české, doba nová*.

16. Приватъ-доцентъ А. М. Лукьяненко—въ командировкѣ.

17. И. д. экстра-ординарнаго профессора П. В. Шаровольскій (7 ч.).

I. Исторія западноевропейскихъ литературъ (Новое время), 4 ч. въ недѣлю.—II. Чтеніе средневерхненѣмецкихъ памятниковъ (Mittelhochdeutsch), 3 часа въ недѣлю.

Пособія: I. *Стороженко*, Очерки по исторіи западноевропейской литературы, М. 1908. *Коганъ*, Очерки по исторіи зап.-европ. литературы, т. I изд. 2-е, 1905; *Лансонъ*, Исторія французской литературы, тт. I—II. *Гаспари*, Исторія итальянской литературы, I—II, М. 1895—1897; *В. Шереръ*, Исторія нѣмецкой литературы, чч. I—II, 1893 г. *Тихморъ*, Исторія испанской литературы, т. II, 1896; *Тэнъ*, Развитие политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ исторіей литературы, 1871; *Геттнеръ*, Исторія всеобщей литературы XVIII в., 3 тома 1896 г.—II. *Н. Faul* *Mittelhochdeutsche grammatik*, Halle, 1900; *К. Wenholt*, *Mittelhochdeutsches Lesebuch*, Wien, 1891.

18. Заслуженный профессор В. С. Иконниковъ — читать не будетъ.

19. Ординарный профессор М. В. Довнаръ-Запольскій (6 час.).

I. Русская исторіографія, 2 часа въ недѣлю; II. Источниковѣдѣніе (памятники юридическіе) 1 часть въ недѣлю; III. Экономическая исторія Россіи, 1 часть въ недѣлю. IV. Практическія занятія по Московскому періоду русской исторіи, 2 часа въ недѣлю.

Пособія: I. *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія, I, введение; *Загоскинъ*, Исторія права русскаго народа, т. I; *Иконниковъ*, Опытъ русской исторіографіи, т. I—II; *Кояловичъ*, Исторія русскаго самознанія; *Милуковъ*, Главныя теченія русской истор. мысли.—II. *Филипповъ*, Курсъ исторіи русскаго права.—III. Пособія будутъ указаны при чтеніи курса. — IV. Христоматія по исторіи русскаго права *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*.

Совѣщательный часъ—по воскресеньямъ, 9—10 час. на дому

20. Приватъ-доцентъ В. Е. Данилевичъ (6 час.).

I. Общій курсъ древнерусской исторіи, 4 часа въ нед.; II. Источниковѣдѣніе (вещественные и историческіе памятники) 1 часть въ нед.; III. Практическія занятія по древне-русской исторіи, 1 часть въ нед.

Пособія: I. *Соловьевъ*, Исторія Россіи, тт. I—V; *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія, тт. I и II, вып. I; *Иловайскій*, Исторія Россіи тт. I (2-е изд.) и II; *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи

русск. права: *Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права; *Ключевскій*, Курсы русской исторіи, чч. I и II. — П. *Иконниковъ*, Опытъ русской исторіографіи кн. 1 и 2; *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія, т. I; *Коллодичъ*, Исторія русскаго самосознанія; *Залоскинъ*, Истор. права рус. народа, т. I.

21. Привать-доцентъ Василій Гр. Ляскоронскій (2 ч.)

Очерки исторической географіи древней Руси, 2 часа въ нед.

Пособія: Лѣтописи — Ипатская, Лаврентьевская, Воскресенская, Новгородская и др. *Карамзинъ*, Исторія гос. російскаго; *Соловьевъ*, Исторія Россіи I—IV тт.; *Иловайскій*, Исторія Россіи, (Кіев. и Владим. періодъ); *Погодинъ*, Собраніе сочиненій. *Барсовъ*, Очерки русской истор. географіи; *его-же* — Географическій словарь русской земли; *Грушевскій*, Исторія Кіевской земли; *Багалъ и Голубовскій*, Исторія Сѣверской земли; *Молчановскій*, Исторія Подольской земли; *Андріяшевъ*, Ист. Волынской земли; *Антоновичъ*, Историч. монографія и карты Кіевской и Волынской земель.

22. Ординарный профессоръ С. Т. Голубевъ (4 ч.)

Исторія русской церкви, 4 ч. въ нед.

Пособія: *Голубинскій*, Исторія рус. церкви, 2-е изд.; м. *Макарій*, Исторія рус. церкви т. I—XII; архіеп. *Филаретъ*, Исторія русской церкви; *Знаменскій*. Руководство по исторіи рус. церкви.

23. Привать-доцентъ Иосифъ (1 ч.)

Первые три вѣка христіанства, 1 часть въ недѣлю.

24. Заслуженный профессоръ И. В. Лучицкій — читать не будетъ.

25. И. д. экстраординарнаго профессора А. И. Покровскій (6 час.).

I. Римская исторія, 4 часа въ недѣлю. — II. Источниковѣдніе древней исторіи (археологія, нумизматика, эпиграфика, папирологія), 2 часа въ недѣлю.

Пособія: *Низе*, Очеркъ римской исторіи и источниковѣднія; *Виллемсъ*, Римское государственное право, в. I, К. 1888; *Моммзенъ*, Римская исторія, т. I—III, М. 1887.—П. *Wachsmuth*, Einleitung in das studium der alten Geschichte, 1895; *Бузескулъ*, Введеніе въ исторію Греціи, изд. 2-е, 1904.

26. Ординарный профессор Н. М. Бубновъ (6 ч.)

I. Исторія среднихъ вѣковъ (*начало*), 4 часа въ нед. II. Практическія занятія по средней исторіи 2 часа въ недѣлю.

Пособія: *Лависъ и Рамбо*, Всеобщая исторія съ IV в. до нашего времени, тт. I—IV; *Виноградовъ*, Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ; *Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte; *Viollet*, Histoire des institutions politiques et administratives de la France, I—II.

27. Ординарный профессор П. П. Ардашевъ—въ заграничной командировкѣ.

28. Привать-доцентъ В. В. Новодворскій (4 ч.).

I. Исторія Англій XVI в. 2 часа въ недѣлю. II. Практическія занятія: чтеніе и разборъ «Magna Charta Libertatum» 2 часа въ нед.

Пособія: I. *Гринъ*, Исторія англійскаго народа, 3 выпуска, перев. Богучарскаго, М. 1897—1900; *S. R. Gardiner*, A student's History of England, London 1905; *Th. P. Toswell-Langmead*, English constitutional history from the Teutonic Conquest to the present time, 6 ed. London 1904; соотв. отдѣлы изъ The Cambridge modern History. II. *W. Stubbs*, Select Charters and other illustrations of english Constitutional History.

29. Привать-доцентъ Владиміръ Гр. Ляскоронскій (2 ч.).

Исторія французскаго общества XII—XIII вв. 2 часа въ нед.

Пособія: *R. Rosières*, Histoire de la société française au moyen âge, I—II, Paris, 1882; *A. Rambaud*, Histoire de la civilisation française, I, Paris, 1893; *E. Lavisse*, Histoire de France, I—III; Paris, 1901; *Лависсъ и Рамбо*, Всеобщая исторія съ IV в. до нашего времени, М. 1897; *Виноградовъ*, Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, вып. 2-й (1897) и 4-й (1899).

30. Ординарный профессор Г. Г. Павлуцкій (6 ч.).

I. Исторія классическаго искусства, 4 часа въ недѣлю. II. Исторія эстетики, 1 часъ въ недѣлю. III. Практическія занятія по исторіи искусствъ. 1 часъ въ недѣлю.

Пособія: I. *Павловскій*, Курсъ исторіи древняго искусства, 1905; *Верманъ*, Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ, пер. Сомова.

1903: *Brumm*, Griechische Kunstgeschichte, München, 1893; *Overbeck*, Plastik, 4-te Aufl.; *Collignon*, Histoire de la sculpture grecque, I—II; *Durm*, Handbuch der Architectur, I—II; *Martha*, L'art étrusque, 1889.—II. Schasler Aestetik, Berl. 1872.

31. Лекторъ французскаго языка гр. Ф. Г. Д'е-Лабартъ (4 ч.).

Эпизодическій курсъ французскаго языка съ практическими занятіями, 4 часа въ недѣлю.

Пособія: Грамматика *Ларусса* и сборникъ статей *Кротте* и *Манна*.

32. Лекторъ нѣмецкаго языка М. И. Бруненекъ (4 ч.).

33. Лекторъ англійскаго языка К. Д. Рамматъ (4 ч.).

34. Лекторъ итальянскаго языка А. Бартоломуччи (4 ч.).

Совѣщательные часы у гг. профессоровъ и преподавателей, гдѣ онѣ не указаны особо—назначаются въ университетѣ послѣ лекцій.

Деканъ *Н. Бубновъ*.

Секретарь *В. Перетичъ*.

II.

Перечень лекцій и практических занятій по десяти спеціальностямъ въ осеннемъ семестрѣ 1908 года.

I. Философія.

1. Введеніе въ философію, 3 ч. въ нед.
 2. Психологія, 3 ч.
 3. Педагогика, 2 ч.
 4. Практ. зан. по логикѣ, 2 ч. пр.-доц. *Тихомировъ*.
 5. Исторія эстетики, 1 ч. проф. *Павлуцкій*.
- } проф. *Гиляровъ*.

II. Классическая филологія.

1. Государственное право античной Греціи, 4 ч. проф. *Лециусъ*.
2. Стихотворенія Катулла, 4 ч. проф. *Сонни*.
3. «Ипполитъ» Еврипида, 4 ч. пр.-доц. *Петръ*.
4. «Александрійская поэзія», 2 ч. пр.-доц. *Климеръ*.
5. Греческій языкъ для начинающихъ (4 ч.), пр.-доц. *В. Петръ*.

Практическія занятія:

1. Греческій семинарій: греческіе лирики, 1 ч. проф. *Лециусъ*.
2. Переводы съ латин. на греческій, 1 ч. проф. *Лециусъ*.
3. Греческій просеминарій: фрагменты греч. философовъ, 1 ч. (для желающихъ) проф. *Лециусъ*.
4. Семинарій: Марціалъ, 1 ч. проф. *Сонни*.
5. Переводы съ греч. яз. на латинскій, 1 ч. (для студ. классиковъ), проф. *Сонни*.

6. Чтеніе и толкованіе діалога Платона «Протагоръ», 2 ч. въ недѣлю, пр.-доц. *Поспишилъ*.

7. Практич. упражн. въ латинск. яз. 2 ч. пр.-доц. *Поспишилъ*.

III. Сравнительное языкознание.

1. Сравнительная грамматика, фонетика, 3 ч.	} проф. <i>Кнауэрзъ</i> .
2. Санскритъ (для желающихъ) 2 ч.	
3. Готская грамматика 2 ч.	
4. Практическія занятія по санскриту 1 ч.	

IV. Русская филологія.

1. Старославянскій языкъ, 3 ч. проф. *Перетичъ*.
2. «Слово о Полку Игоревъ» съ введеніемъ, 1 ч. проф. *Перетичъ*.
3. Исторія новой рус. литературы, 4 ч. проф. *Лобода*.
4. Народная словесность, 2 ч. проф. *Лобода*.
5. «Пушкинъ», 2 ч. пр.-доц. *Розовъ (реком.)*.
6. Новая русская литература, 2 ч. пр.-доц. *Малининъ (необяз.)*.

Практическія занятія.

1. Семинарій по русской филологіи (вопросы древней литерат. и исторіи языка), 2 ч. проф. *Перетичъ*.
2. Практич. зап. по исторіи новой р. литерат. XVIII—XIX в., проф. *Лобода*.
3. Практич. занятія по разбору и объясн. старослав. и древне-русскаго памятн. языка, 2 ч. пр.-доц. *Розовъ (рекоменд.)*.

V. Славянская филологія.

1. Славяновѣдѣніе, общ. к., 2 ч. проф. *Флоринскій*.
2. Исторія чешскаго народа, 2 ч. проф. *Флоринскій*.
3. Исторія чешской литературы, 2 ч. проф. *Флоринскій*.
4. Основы сравнит. грамм. славянск. языковъ, 1 ч. проф. *Флоринскій*.
5. Исторія новѣйшей сербской литературы, 1 ч. пр.-доц. *Степановичъ (реком.)*.

Практическія занятія.

1. Читеніе и разборъ литерат. памятниковъ на польскомъ языкѣ
чтеніе и разборъ рефератовъ гг. студентовъ, 1 ч. проф. *Флоринскій*.
2. Читеніе и объясненіе произведеній славянскихъ литературъ и
народной словесности, 1 ч. пр.-доц. *Стетовичъ (обяз.)*.

VI. Романская филологія.

1. Общій курсъ исторіи западноеврп. литературы (нов. врем.),
4 ч. проф. *Шаровольскій*.

VII. Германская филологія.

1. Общій курсъ по исторіи западноевроп. литер. (нов. врем.),
4 ч. проф. *Шаровольскій*.
2. Читеніе средневерхненѣмецкихъ памятниковъ, 3 ч. проф. *Шаровольскій*.
3. Готскій языкъ, 2 ч. проф. *Кнауэръ*.

VIII. Русская исторія.

1. Древнерусская исторія (общ. к.), 4 ч. пр.-доц. *Данилевичъ*.
2. Экономическая исторія Россіи, 1 ч. проф. *Довнаръ-Зитольскій*.
3. Русская исторіографія, 2 ч. проф. *Довнаръ-Запольскій*.
4. Источники русской исторіи (юридич.), 1 ч. проф. *Довнаръ-Запольскій*.
5. Источники русской исторіи (веществ. и историч. пам.), 1 ч. пр.-доц. *Данилевичъ*.
6. Очеркъ исторической географіи древней Руси, 2 ч. пр.-доц. *Василій Гр. Ляскоронскій (реком.)*.
7. Исторія русской церкви, 4 ч. проф. *Голубевъ*.

Практическія занятія.

1. Практич. занятія по Московскому періоду русской исторіи,
2 ч. проф. *Довнаръ-Запольскій*.
2. Практич. занятія по древней русской исторіи, 1 ч. пр.-доц. *Данилевичъ*.

IX. Всеобщая история.

1. История государственного права античной Греции, 4 ч. проф. *Лециусъ* (для спец. по древней истории).
2. История Рима, 4 ч. проф. *Покровский*.
3. Источниковѣдѣніе древней истории, 2 ч. проф. *Покровскій* (для спец. по древней ист.).
4. История средних вѣковъ, 4 ч. (нач.), проф. *Бубновъ*.
5. История Англіи XVI в., 5 ч. пр.-доц. *Новодворскій* (реком.).
6. История французскаго общества XII—XIII в., пр.-доц. *Владимиръ Гр. Ляскоронскій* (необ.).
7. Первые три вѣка христіанства, 1 ч. пр.-доц. *Посновъ* (необ.).

Практическія занятія.

1. Практич. занятія по средней исторіи, 2 ч. проф. *Бубновъ*.
2. Практич. занятія по средней исторіи: «Magna Charta Libertatum» съ комментариемъ, 2 ч. пр.-доц. *Новодворскій*.

X. История искусства.

1. История классическаго искусства, 4 ч. 2. История эстетики, 1 ч. 3. Практ. зан. по исторіи искусства, 1 ч.	}	проф. <i>Павлуцкій</i> .

III.

Десять плановъ преподаванія на Историко-Филологическомъ факультетѣ по спеціальностямъ на осеннее полугодіе 1908 года.

Согласно принятымъ факультетомъ *учебнымъ планомъ и правиламъ* (см. особую брошюру), каждый студентъ при поступленіи избираетъ себѣ одну изъ десяти спеціальностей (*учебн. планы*, § 8). Съ этого момента предметы историко-филологическаго факультета дѣлятся для него на: а) основные, б) дополнительные, в) рекомендуемые и г) необязательные (см. *учебн. п.*, § 6). Ознакомившись съ установленнымъ факультетомъ циклами предметовъ каждой спеціальности за 4 года впередъ (*уч. п.* § 14), студентъ самъ устанавливаетъ для себя планъ прохожденія курса. Въ настоящемъ осеннемъ полугодіи по каждой изъ десяти спеціальностей будутъ читаться указанныя ниже въ десяти планахъ лекціи. Студентъ не обязанъ записываться въ данномъ полугодіи на всѣ поименованныя ниже по избранной имъ спеціальности курсы, а выбираетъ изъ нихъ нѣкоторые, сообразуясь съ тѣмъ планомъ, который онъ для себя выработалъ, и съ чередованіемъ предметовъ въ установленномъ факультетомъ четырехлѣтнемъ циклѣ.

Планъ I.

Философія.

Основные предметы:

Психологія, проф. <i>Гиляровъ</i>	3 ч.
Педагогика, проф. <i>Гиляровъ</i>	2 ч.

Практич. занят. по логикѣ, пр.-доц. <i>Тихоміровъ</i>	2 ч.
Исторія эстетики, проф. <i>Павлуцкій</i>	1 ч.

Дополнительные:

Введение въ философію, проф. <i>Гиляровъ</i>	3 ч.
Каталъ, проф. <i>Сонин</i>	4 ч.
Тацитъ проф. <i>Кулаковскій</i>	4 ч.
«Исполить» Еврипида, пр.-доц. <i>Петръ</i>	4 ч.

Затѣмъ въ зависимости отъ избранной дополнительной къ философіи специальности (см. учебные планы § 8) дополнительными предметами являются:

а) для *классической* филологіи:

Госуд. право античн. Греціи, проф. <i>Лециусъ</i>	4 ч.
Исторія Рима проф. <i>Покровскій</i>	4 ч.

б) для *русской* филологіи:

Старославянскій яз., проф. <i>Перетцъ</i>	3 ч.
Истор. новой русск. литер., проф. <i>Лобода</i>	4 ч.
Народная словесность, проф. <i>Лобода</i>	2 ч.

в) для *русской* исторіи:

Древняя русская исторія пр.-доц. <i>Данилевичъ</i>	4 ч.
Исторія Рима, проф. <i>Покровскій</i>	4 ч.
Истор. средн. вѣк. (нач.) проф. <i>Бубновъ</i>	4 ч.
Источники рус. исторіи, проф. <i>Довнаръ-Запольскій</i>	1 ч.
» пр.-доц. <i>Данилевичъ</i>	1 ч.

г) для *всеобщей* исторіи:

Исторія Рима, проф. <i>Покровскій</i>	4 ч.
Истор. средн. вѣковъ (нач.) проф. <i>Бубновъ</i>	4 ч.
Древняя русск. истор. пр.-доц. <i>Данилевичъ</i>	4 ч.

Планъ П.

Классическая филологія.

Основные предметы.

Госуд. право Греція, проф. <i>Лещіусъ</i>	4 ч.
Греческій семинарій, греч. лирика проф. <i>Лещіусъ</i>	2 ч.
Катуллъ, проф. <i>Сонни</i>	4 ч.
Лат. семинарій, Марціалъ и переводы, пр. <i>Сонни</i>	2 ч.
Еврипидъ, пр.-доц. <i>Петръ</i>	4 ч.
Александрійская поэзія, пр.-доц. <i>Клингеръ</i>	2 ч.

Дополнительные:

Сравнительная грамMAT. (фонет.) проф. <i>Кнауэръ</i>	3 ч.
Истор. Рима, проф. <i>Покровскій</i>	4 ч.
Истор. классич. искусства, проф. <i>Павлуцкій</i>	4 ч.

Планъ Ш.

Сравнительное языкознаніе.

Основные предметы:

Сравнительная грамматика (фонет.) проф. <i>Кнауэръ</i>	3 ч.
Санскритская грамMAT. проф. <i>Кнауэръ</i>	2 ч.
Готская грамMAT. проф. <i>Кнауэръ</i>	2 ч.
Практич. упражн. по санскриту, проф. <i>Кнауэръ</i>	1 ч.
Старославянскій яз. проф. <i>Неретцъ</i>	3 ч.

Дополнительные:

Катуллъ, проф. <i>Сонни</i>	4 ч.
Еврипидъ, пр.-доц. <i>Петръ</i>	4 ч.
Психологія, проф. <i>Гильяровъ</i>	3 ч.

Далѣе, въ зависимости отъ дополнительной спеціальнойности (см. уч. планы § 8) дополнительными предметами этой группы являются:

а) для *классической филологіи:*

Исторія Рима, проф. <i>Покровскій</i>	4 ч.
---------------------------------------	------

б) для *русской филологии*:

Тоже что въ планѣ I, б, и основы сравнит. грамм.
слав. яз. проф. *Флоринскій* 1 ч.

в) для *славянской филологии*:

Славяновѣдѣніе, проф. *Флоринскій* 2 ч.

Основы сравнит. грамм. слав. яз., проф. *Флоринскій* 1 ч.

г) для *романской филологии*:

Общ. курсъ исторіи западноевропейск. литерат.
проф. *Шаровольскій* 4 ч.

д) для *германской филологии*:

Общій курсъ исторіи западноевропейской литер.,
проф. *Шаровольскій* 4 ч.

Средневерхненѣм. языкъ, проф. *Шаровольскій* 3 ч.

Планъ IV.

Русская филологія.

А. Литературный отдѣлъ.

Основные предметы:

Исторія новой р. литер., проф. *Лобода* 4 ч.

Народная словесность, проф. *Лобода* 2 ч.

Пушкинъ, пр.-доц. *Розовъ* 2 ч.

Слово о полку Игоревѣ, проф. *Перетизъ* 1 ч.

Практич. занятія по исторіи русской литературы
у проф. *Лободы* или *Перетиза* 2 ч.

Дополнительные:

Катуль, проф. *Сенинъ* 4 ч.

Еврипидъ, пр.-доц. *Петръ* 4 ч.

Исторія западноевр. литер., проф. *Шаровольскій*. 4 ч.

Исторія чешской литературы, проф. <i>Флоринскій</i> .	2 ч.
Славяновѣдѣніе, проф. <i>Флоринскій</i>	2 ч.
Сравн. грамм. слав. языковъ, проф. <i>Флоринскій</i> .	1 ч.
Древняя русская исторія, пр.-доц. <i>Данилевичъ</i> . .	4 ч.
Старославянскій языкъ, проф. <i>Перетцъ</i>	3 ч.
Практ. занятія по старослав. яз., пр.-доц. <i>Розовъ</i> .	2 ч.

Б. Лингвистическій отдѣлъ.

Основные предметы:

Старославянскій языкъ, проф. <i>Перетцъ</i>	3 ч.
Исторія новой русской литер., проф. <i>Лобода</i>	4 ч.
Народная словесность, проф. <i>Лобода</i>	2 ч.
Практич. занятія по русской литературѣ у проф. <i>Лободы</i> или <i>Перетца</i> или пр.-доц. <i>Розова</i> .	2 ч.

Дополнительные:

Сравнит. грамм. индоевр. языка, проф. <i>Кнауэръ</i> .	3 ч.
Санскритъ, проф. <i>Кнауэръ</i>	2 ч.
Сравнит. грамм. славян. язык., проф. <i>Флоринскій</i> .	1 ч.
Славяновѣдѣніе, проф. <i>Флоринскій</i>	2 ч.
Катуллъ, проф. <i>Сонни</i>	4 ч.
Еврипидъ, пр.-доц. <i>Петръ</i>	4 ч.

Планъ V.

Славянская филологія.

Основные предметы:

Исторія чешской литературы, проф. <i>Флоринскій</i> .	2 ч.
Сравн. грамм. слав. языковъ, проф. <i>Флоринскій</i> .	1 ч.
Старославянскій языкъ, проф. <i>Перетцъ</i>	3 ч.
Практическія зан. по слав. филологіи у проф. <i>Флоринскаго</i> .	1 ч.
Практическія зан. по слав. филологіи, пр.-доц. <i>Степовичъ</i> .	1 ч.

Дополнительные:

Катуль, проф. <i>Сонни</i>	4 ч.
Еврипидъ, пр.-доц. <i>Петръ</i>	4 ч.
Исторія новой русск. литер., проф. <i>Лобода</i>	4 ч.
Народная словесность, проф. <i>Лобода</i>	2 ч.
Славяновѣдѣніе, проф. <i>Флоринскій</i>	2 ч.
Исторія чешскаго народа, проф. <i>Флоринскій</i>	2 ч.
Сравнит. грамм. индоевр. яз., проф. <i>Кнауэръ</i>	3 ч.
Исторія западноевр. литер. общ. к. проф. <i>Шаровольскій</i>	4 ч.

Планъ VI.

Романская филологія.

Планъ будетъ объявленъ, когда явится преподаватель.

Планъ VII.

Германская филологія.*Основные предметы:*

Исторія западноевроп. литерат. (Общій курсъ), проф. <i>Шаровольскій</i>	4 ч.
Средневерхненѣм. памяти., проф. <i>Шаровольскій</i>	3 ч.
Готскій языкъ, проф. <i>Кнауэръ</i>	2 ч.

Дополнительные:

Сравнит. грамм. индоевроп. яз., проф. <i>Кнауэръ</i>	3 ч.
Катуль, проф. <i>Сонни</i>	4 ч.
Еврипидъ, пр.-доц. <i>Петръ</i>	4 ч.

Рекомендуемые:

Исторія новой р. литературы, проф. <i>Лобода</i>	4 ч.
Народная словесность, проф. <i>Лобода</i>	2 ч.
Психологія, проф. <i>Гиляровъ</i>	3 ч.

Исторія средних вѣковъ (начало), проф. <i>Бубновъ</i> .	4 ч.
Александрійская поэзія, пр.-доц. <i>Климентъ</i>	2 ч.

Планъ VIII.

Русская исторія.

Основные предметы:

Исторія древней Россіи, пр.-доц. <i>Данилевичъ</i>	4 ч.
Экономическая исторія Россіи, проф. <i>Довнаръ-Запольскій</i>	1 ч.
Русская историографія, проф. <i>Довнаръ-Запольскій</i>	2 ч.
Источники р. исторіи, проф. <i>Довнаръ-Запольскій</i> (веществ. и историч.)	1 ч.
Практич. занятія по р. исторіи у проф. <i>Довнаръ-Запольскаго</i> или у пр.-доц. <i>Данилевича</i>	2 ч.

Дополнительные:

Истор. Рима, проф. <i>Покровскій</i>	4 ч.
Истор. Среднихъ вѣковъ (нач.), проф. <i>Бубновъ</i>	4 ч.
Исторія чеховъ, проф. <i>Флоринскій</i>	2 ч.
Исторія русской церкви, проф. <i>Голубевъ</i>	4 ч.
Исторія новой русской литературы и нар. словесности, проф. <i>Лобода</i>	6 ч.
Тацитъ, проф. <i>Кулаковскій</i>	4 ч.

Кромѣ того рекомендуются по выбору для слушанія (см. уч. планы § 8, отд. VIII).

Политическая экономія, пр.-доц. <i>Битимовичъ</i>	4 ч.
Государственное право, проф. <i>Эгiazаровъ</i>	4 ч.

Планъ IX.

Всеобщая исторія.

Предметы *основные*.

Для *вспѣхъ* отдѣловъ (А—древн., Б—средн., В. пов.)

Исторія Рима, проф. <i>Покровскій</i>	4 ч.
---------------------------------------	------

Исторія середнихъ вѣковъ (нач.), проф. <i>Бубновъ</i>	4 ч.
Практич. занятія по исторіи средн. (проф. <i>Бубновъ</i>)	2 ч.

для отд. *A*:

Государств. право Греціи, проф. <i>Лециусъ</i>	4 ч.
Источниковѣдніе древн. исторія, проф. <i>Покровский</i>	2 ч.
Александрійская поэзія, пр.-доц. <i>Клигеръ</i>	2 ч.

Дополнительные для отд. *A, B, B*.

Исторія чеховъ, проф. <i>Флоринскій</i>	2 ч.
Исторія западноевропейской литерат. (для <i>B</i>), проф. <i>Шаровскій</i>	4 ч.
Тацитъ, проф. <i>Кулаковскій</i>	4 ч.

Кромѣ того *рекомендуются* по выбору (см. учебн. планы § 8, отд. *VIII*) всѣмъ отд. *A, B* и *B*:

Политическая экономія, пр.-доц. <i>Билимовичъ</i>	4 ч.
Государственн. право, проф. <i>Эіазаровъ</i>	4 ч.
Исторія античнаго искусства (для отд. <i>A</i>)	4 ч.

Планъ X.

Исторія искусства.

Основные предметы:

Исторія античнаго искусства проф. <i>Павлуцкій</i>	4 ч.
Исторія эстетики, проф. <i>Павлуцкій</i>	1 ч.
Практическія занятія по исторіи искусства у проф. <i>Павлуцкаго</i>	1 ч.

Дополнительные:

Катуллъ, проф. <i>Сонни</i> или Тацитъ, проф. <i>Кулаковскій</i>	4 ч.
Еврипидъ, пр.-доц. <i>Петръ</i>	4 ч.

Затѣмъ въ зависимости отъ избранной дополнительной специальности (см. уч. планы § 8, отд. *X*):

а) для *классической филологии*:

Исторія Рима, проф. *Покровскій* 4 ч.

б) для *русской филологии*:

тоже, что въ планѣ I, б.

в) для *русской истории*:

тоже, что въ планѣ I, в.

г) для *всеобщей истории*:

тоже, что въ планѣ I, г.

Лекції Богословія.

Профессоръ Богословія протоіерей П. Я. Свѣтловъ будетъ читать по 2 часа въ недѣлю.

Въ осеннемъ полугодіи:

I. Введеніе въ богословіе: о релігіозномъ самообразованіи или объ основнхъ вопросахъ релігіозной гносеологіи, ученія о релігіозномъ познаніи. II. Философію и исторію релігіи въ главнхъ ихъ основаніяхъ.

Въ весеннемъ полугодіи:

III. Критическій обзоръ наиболѣе извѣстныхъ русской нашей университетской аудиторіи теченій современной [научно-философской и общественной мысли въ ихъ отношеніи къ релігіи вообще и христіанству въ частности, а именно: позитивизмъ въ его отношеніи къ релігіи или наука и релігія въ ихъ взаимнхъ отношеніяхъ по воззрѣнію позитивизма; эволюціонизмъ и дарвинизмъ; теорія эволюціи и міросозерцаніе современнаго человѣка; матеріалистической монизмъ Геккеля (особенно въ его „Міровыхъ задачахъ“); экономическій матеріализмъ или марксизмъ въ его отношеніи къ релігіи вообще и христіанству въ частности; христіанство и социализмъ; о такъ называемомъ „новомъ христіанствѣ“ или „новомъ релігіозномъ сознаніи“ (Мережковскаго, Розанова, Бердяева и др.); „синехологическій спиритуализмъ“ или ученіе Фехнера о всеобщемъ одушевленіи въ его русской имитациі; философія эгоистическаго индивидуализма (Фр. Ницше: М. Штирнеръ); западно-европейскій демонизмъ и богоборчество въ русскихъ отголоскахъ Л. Андреева и др.; ибсенизмъ.

Пособія: Проф. *Сятловъ*. Курсъ апологетическаго богословія. Изданіе 2-е. Кіевъ. 1905.—*Его же*. Что читать по богословію? Систематическій указатель апологетической литературы на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Кіевъ. 1907. (Библиографія по всѣмъ вопросамъ университетскаго курса богословія и руководство къ самообразовательному религіозному чтенію).

Совѣщательные часы на дому въ понедѣльникъ и среду 2—3 ч.

А. Общій обзоръ преподаванія на физико-математическомъ факультетѣ на 1908—1909 учебный годъ.

а) Въ *осеннемъ* полугодіи 1908 года, согласно учебнымъ планамъ, гг. профессора и приватъ-доценты будутъ читать лекціи и вести практическія занятія сообразно съ нижеслѣдующимъ распределеніемъ недѣльныхъ часовъ:»

Отдѣленіе математическихъ наукъ.

- Проф. М. Ф. Хандриковъ. Интегральное исчисленіе. 2 ч.
Проф. Б. Я. Букрѣевъ. Введеніе въ высшую математику. 4 ч.
" Геометрическія приложенія дифференціальнаго исчисленія. 3 ч.
" Интегрированіе функцій. 2 ч.
Проф. Д. А. Граве. Аналитическая геометрія. 6 ч.
" Алгебраическій анализъ. 3 ч.
Прив.-доц. Г. В. Пфейфферъ. Интегрированіе обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій 3 ч.
" Разностное исчисленіе 2 ч.
" Практическія занятія по дифференціальному исчисленію 2 ч.
Прив.-доц. И. И. Бѣлякинъ. Эллиптическія функціи (дополн. курсъ) 2 ч. (спец.).
" Специальный курсъ по геометріи 1 ч. (спец.).
" Практ. зан. по аналитической геометріи 3 ч. (спец.).
Проф. Г. К. Сусловъ. Кинематика неизмѣняемой системы 2 ч.
" Гидродинамика 2 ч.
" Динамика твердаго тѣла 2 ч.

- Проф. П. В. Воронецъ. Введение въ механику 2 ч.
 „ Вариационное исчисленіе 3 ч.
 „ Практич. зан. по механикѣ точки 2 ч.
 Проф. Р. Ф. Фогель. Описательная астрономія 2 ч.
 „ Сферическая астрономія 2 ч.
 „ Теорія астрономическихъ инструментовъ
 3 ч. (спец.).
 „ Практич. зан. по теоріи астрономическихъ
 инструментовъ 3 ч. (спец.).
 Проф. Г. Г. Де-Метцъ. Основной курсъ физики 6 ч. (совмѣстно
 со студ. естеств.).
 Проф. І. І. Косоноговъ. Спец. курсъ опытной физики 3 ч. (спец.)
 (совмѣстно со студентами естеств.).
 „ Практич. зан. по физикѣ 3 ч.
 „ Лабораторныя работы по физикѣ 4 ч. (спец.).
 Проф. Я. Н. Барзильовскій. Общій курсъ химіи 5 ч.

Отдѣленіе естественныхъ наукъ.

- Проф. Г. Г. Де-Метцъ. Основной курсъ физики 6 ч. (общій со
 студентами математиками).
 „ Практич. зан. по физикѣ 2 ч. (для желающихъ).
 Проф. І. І. Косоноговъ. Спец. курсъ опытной физики 3 ч. (со-
 вмѣстно со студентами математик.).
 „ Лабораторныя работы по физикѣ 4 ч. (спец.).
 Проф. С. Н. Реформатскій. Избр. главы по органической химіи
 (альдегиды, кетоны и углеводы) 2 ч.
 „ Практич. зан. по органическому анализу и
 методамъ изслѣдованія органическихъ со-
 единеній 4 ч.
 „ Практич. зан. по приготовленію органическихъ
 препаратовъ 4 ч.
 „ Специальныя работы по органической хи-
 мии 4 ч.
 Проф. Я. Н. Барзильовскій. Прак. зан. по качественному хими-
 ческому анализу 6 ч.
 Проф. И. В. Егоровъ. Общая технологія 4 ч.
 „ Практич. зан. по качественному анализу 6 ч.
 „ Практич. зан. по количественному анализу 4 ч.
 „ Практич. зан. по приготовленію органиче-
 скихъ препаратовъ 4 ч.

- Проф. И. В. Егоровъ. Спеціальныя работы по химіи 4 ч.
 „ Практ. зан. по техническому анализу 2 ч.
- Проф. Л. В. Сперанскій. Основной курсъ химіи 6 ч.
 „ Физическая химія 2 ч.
 „ Практ. зан. по количественному анализу 4 ч.
 „ Практ. зан. по физической химіи 2 ч.
- Прив.-доц. В. А. Плотниковъ. Избр. главы неорганической химіи 3 ч.
 „ Доп. курсъ физической химіи 2 ч.
- Проф. А. А. Коротневъ. Зоологія безпозвоночныхъ (Vermes и Echinodermata) 4 ч.
 „ І практ. зан. по зоології безпозвоночныхъ 2 ч.
- Проф. А. Н. Съверцевъ. Основной курсъ зоології 5 ч.
 „ Сравнительная анатомія позвоночныхъ 3 ч.
 „ Зоотомія позвоночныхъ 1 ч.
 „ Практ. зан. по зоотоміи позвоночныхъ 3 ч.
- Проф. В. К. Совинскій. Анатомія человѣка 3 ч.
 „ Спец. курсъ зоології млекопитающихъ животныхъ 2 ч.
 „ Практич. занят. по зоотоміи млекопитающихъ 2 ч.
- Прив.-доц. В. Пospѣловъ. Сельскохозяйственная энтомологія 2 ч.
- Прив.-доц. М. М. Воскобойниковъ. Эмбриологія животныхъ 2 ч.
 „ Демонстраціи къ основному курсу зоології 2 часа.
- Проф. С. Г. Навашинъ. Основной курсъ ботаники 4 ч.
 „ Систематика растеній (папоротникообразныя и сѣмянные) 2 ч.
 „ Практ. зан. по спеціальной морфології растеній 3 ч.
- Проф. К. А. Пуріевичъ. Физиологія растеній 4 ч.
 „ Микробиологія (бактеріологія) 2 ч.
 „ Практ. зан. по анатоміи растеній 4 ч.
 „ Практ. зан. по микробиології (бактеріології) 2 ч.
- Проф. Ю. П. Лауденбахъ. Физиологія животныхъ 4 ч.
 „ Практ. зан. по физиології животныхъ 2 ч.
- Проф. П. Я. Армашевскій. Основной курсъ минералогії 4 ч.
 „ Спец. курсъ кристаллографіи, кристаллофизики и кристаллохиміи 2 ч.
 „ Практ. зан. по опредѣленію минераловъ 2 ч.

- Проф. П. Я. Армашевскій. Практик. зан. по кристаллографіи 3 ч.
 Проф. Н. И. Андрусовъ. Динамическая геометрія 5 ч.
 „ Общій курсъ палеонтологіи 1 ч.
 „ Біономія моря 1 ч.
 „ Практик. зан. по палеонтологіи 2 ч.
 Прив.-доц. В. И. Лучицкій. Петрографія 2 ч.
 „ Практик. зан. по петрографіи 2 ч.
 Прив.-доц. И. В. Бельговскій. Общая зоотехнія 4 ч.
 „ Практик. зан. по агрономіи 3 ч.
 Проф. Д. А. Граве. Высшая математика 4 ч.

б) Въ *весеннежъ* полугодіи 1908 года, согласно учебнымъ планамъ, гг. профессора и приватъ-доценты будутъ читать лекціи и вести практическія занятія сообразно съ нижеслѣдующимъ распределеніемъ недѣльныхъ часовъ.

Отдѣленіе математическихъ наукъ.

- Проф. М. Ф. Хандриковъ. Дифференціальное исчисленіе 4 ч.
 Проф. Б. Я. Букрѣевъ. Дифференціальное исчисленіе (теорія и аналитическія приложенія) 4 ч.
 „ Определенные и кратныя интегралы 4 ч.
 Проф. Д. А. Граве. Аналитическая геометрія 5 ч.
 „ Алгебраическій анализъ 3 ч.
 Прив.-доц. Г. В. Пфейфферъ. Интегрированіе дифференціальныхъ уравненій съ частными производными 1 ч.
 „ Теорія вѣроятностей 1 ч.
 „ Практик. зан. по приложеніямъ дифференціального исчисленія къ геометріи 2 ч.
 „ Практик. зан. по интегральному исчисленію 2 ч.
 „ Практик. зан. по интегрированію дифференціальныхъ уравненій 2 ч.
 Прив.-доц. И. И. Бѣлякинъ. Эллиптическія функціи (доп. курсъ) 2 ч. (спец.).
 „ Спец. курсъ по геометріи 1 ч. (спец.).
 „ Практик. зан. по аналитической геометріи 3 ч. (спец.).
 Проф. Г. К. Сусловъ. Динамика системы 4 ч.
 „ Динамика твердаго тѣла 2 ч.
 Проф. П. В. Ворѣнецъ. Механика точки 3 ч.
 „ Теорія упругости (доп. курсъ) 3 ч. (спец.).
 „ Практик. зан. по механикѣ системы 2 ч.

- Проф. Р. Ф. Фогель. Описательная астрономія 2 ч.
 „ Сферическая астрономія 2 ч.
 „ Практич. зан. по теоріи астрономическихъ инструментовъ 3 ч.
- Проф. Г. Г. Де-Метцъ. Основной курсъ физики 6 ч. (совмѣстно со студ. естеств.).
- Проф. І. І. Косоноговъ. Спец. курсъ опытной физики 3 ч. (спец.) (совмѣстно со студ. естеств.).
 „ Практич. зан. по физикѣ 3 ч.
 „ Лабораторныя работы по физикѣ 4 ч. (спец.)

Отдѣленіе естественныхъ наукъ.

- Проф. Г. Г. Де-Метцъ. Основной курсъ физики 6 ч. (совмѣстно со студ. матем.).
 „ Практич. зан. по физикѣ 2 ч. (спец.).
- Проф. І. І. Косоноговъ. Спец. курсъ опытной физики 3 ч. (спец.) (совмѣстно со студ. матем.).
 „ Лабораторныя работы по физикѣ 4 ч. (спец.).
- Проф. С. Н. Реформатскій. Основной курсъ химіи 6 ч.
 „ Практич. зан. по органическому анализу и методамъ изслѣдованія органическихъ соединенийъ 4 ч. (спец.).
 „ Специальныя работы по органической химіи 4 ч. (спец.).
- Проф. Я. Н. Барзиловскій. Атомическая теорія и установленіе атомныхъ вѣсовъ химическихъ элементовъ (спец.) 3 ч.
 „ Практич. зан. по качественному анализу 6 ч.
- Проф. И. В. Егоровъ. Общая технологія 4 ч.
 „ Практич. зан. по качественному анализу 6 ч.
 „ Практич. зан. по количественному анализу 4 ч. (спец.).
 „ Практич. зан. по приготовленію органическихъ препаратовъ 4 ч. (спец.).
 „ Специальныя работы по химіи 4 ч. (спец.).
 „ Практич. зан. по техническому анализу 2 ч. (спец.).

- Проф. А. В. Сперанскій. Физическая химія 2 ч. (спец.).
 „ Избр. главы неорганической химіи 2 ч.
 „ Практич. зан. по количественному анализу
 4 ч. (спец.).
 „ Практич. зан. по физической химіи 2 ч.
 (спец.).
- Прив.-доц. В. А. Плотниковъ. Избр. главы неорганической химіи
 3 ч.
 „ Доп. курсъ физической химіи 2 ч.
- Проф. А. А. Куротневъ. Зоологія безпозвоночныхъ (Tunicata Mol-
 lusca) 4 ч.
 „ Практич. зан. по зоологiи безпозвоночныхъ 2 ч.
- Проф. А. Н. Сѣверцовъ. Основной курсъ зоологiи 5 ч.
 „ Сравнительная анатомія позвоночныхъ 3 ч.
 (спец.).
 „ Зоотомія позвоночныхъ 1 ч.
 „ Практич. зан. по зоотомiи позвоночныхъ 3 ч.
- Проф. В. К. Совинскій. Анатомія челоуѣвка 3 ч.
 „ Спец. курсъ зоологiи млекопитающихъ жи-
 вотныхъ 2 ч. (спец.).
 „ Практич. зан. по зоотомiи млекопитающихъ
 2 ч. (спец.).
- Прив.-доц. В. Поспѣловъ. Сельскохозяйственная энтомологія
 2 ч. (спец.).
- Прив.-доц. М. М. Воскобойниковъ. Эмбриологія животныхъ
 2 ч.
 „ Демонстраціи къ основному курсу зоологiи
 2 ч.
- Проф. С. Г. Навашинъ. Основной курсъ ботаники 4 ч.
 „ Систематика растений (папоротникообраз-
 ные и сѣмянные) 2 ч.
 „ Практич. зан. по специальной морфологiи ра-
 стений 3 ч.
- Проф. К. А. Пуріевичъ. Анатомія растений 4 ч.
 „ Микробиологія (бактеріологія) 2 ч.
 „ Практич. зан. по анатомiи растений 4 ч.
 „ Практич. зан. по микробиологiи (бактеріологiи)
 2 ч.
- Проф. Ю. П. Лауденбахъ. Физиологія животныхъ 4 ч.
 „ Практич. зан. по физиологiи животныхъ 2 ч.

- Проф. П. Я. Армашевскій. Основной курсъ минералогіи 4 ч.
 „ Спец. курсъ кристаллографіи, кристалло-
 физики и кристаллохиміи 2 ч.
 „ Практич. зан. по опредѣленію минераловъ
 2 ч.
 „ Практич. зан. по кристаллографіи 3 ч.
 Проф. Н. Н. Андрусовъ. Историческая геологія 5 ч.
 „ Спец. курсъ палеонтологіи 2 ч.
 „ Практич. зан. по палеонтологіи 1 ч.
 „ Практич. зан. по геологіи (инструменты и
 графическіе методы) 1 ч.
 Прив.-доц. В. И. Лучицкій. Петрографія 2 ч.
 „ Практич. зан. по петрографіи 2 ч.
 Прив.-доц. И. В. Бельговскій. Частная зоотехнія 4 ч.
 „ Практич. зан. по агрономіи 3 ч.
 Проф. Д. А. Граве. Высшая математика 4 ч.

Б. Распредѣленіе занятій по предметамъ.

1) Математика.

1. Заслуж. проф. М. Ф. Хандриковъ.

Въ *осеннемъ* полугодіи: интегральное исчисленіе по 2 ч.

Въ *весеннемъ* полугодіи: дифференціальное исчисленіе съ ана-
 литическими приложеніями по 4 ч.

Пособія: Хандриковъ, Анализъ безконечно малыхъ; *Hermite*,
 Cours d'Analyse.

2. Орд. проф. Б. Я. Букрѣевъ.

Въ *осеннемъ* полугодіи: 1) Введеніе въ высшую математику по
 4 ч.; 2) Геометрическія приложенія дифференціального исчисленія
 по 3 ч.; 3) Интегрированіе функцій по 2 ч.

Въ *весеннемъ* полугодіи: 1) Дифференціальное исчисленіе (тео-
 рія и аналитическія приложенія) по 4 ч. въ недѣлю; 2) Опредѣлен-
 ные и кратные интегралы по 4 ч.

Пособія: 1) Б. Букрѣевъ, Введеніе въ теорію рядовъ. Кіевъ.
 1906. Выпускъ I-ый; 2) *его-же*, Элементы теоріи опредѣлителей.
 Кіевъ. 1907; 3) *его-же*, Курсъ приложеній дифференціального и инте-
 грального исчисленія. Кіевъ. 1900; 4) *Goursat*, Cours d'analyse ma-
 thématique. Paris. I—II, 1902—1905; 5) *Césaro*, Elementares Lehrbuch
 der algebraischen Analysis und der Infinitesimalrechnung (deutsch

von Kowalewsky). Lpz. 1904; 6) *Czuber*, Vorlesungen über Differential- und Integralrechnung I—II 2-te Auflage. Lpz. 1906; 7) *J. Pierpont*, The theory of functions of real variables; 8) *Ch. de la Vallée Poussin*, Cours d'analyse infinitésimal. Tomes I—II. Paris—Louvain.

3. Орд. проф. Д. А. Граве.

Въ *осеннемъ* полугодіи: аналитическая геометрія 6 час.; алгебраическій анализъ 3 часа; высшая математика для натуралистовъ 4 часа.

Въ *весеннемъ* полугодіи: аналитическая геометрія 5 час.; алгебраическій анализъ 3 часа; высшая математика для натуралистовъ 4 часа.

Пособія: По аналит. геом. — *G. Salmon*, Traité des sections coniques 1870; *G. Salmon*, Traité de géométrie analytique à trois dimensions 1892; *Briot et Bouquet*, Leçons de géométrie analytique 1860; *Niewenglowsky*, Cours de géométrie analytique 1894—6; *Grasse*, Курсъ аналитической геометріи 1893; *Андреевъ*, Основной курсъ аналитической геометріи 1899; *Ермаковъ*, Аналитическая геометрія 1900; *Ващенко-Захарченко*, Аналитическая геометрія 1887.

По алгебрѣ — *Serret*, Cours d'algèbre supérieure 1877—9; *Weber*, Lehrbuch der Algebra 1898—9; *Сохоникій*, Высшая алгебра 1882; *Ващенко-Захарченко*, Алгебраическій анализъ 1887.

По высшей математикѣ для натуралистовъ — *Nernst und Schönflies*, Einführung in die mathematische Behandlung der Naturwissenschaften. München. 1895 (есть русскій переводъ); *Делюке*, Курсъ высшей математики для натуралистовъ.

4. Экстраордин. проф. И. В. Воронежъ.

Въ *осеннемъ* полугодіи: вариационное исчисленіе по 3 часа.

Пособія: *Анисимовъ*, Вариационное исчисленіе, Варшава, 1904; *Ермаковъ*, Вариационное исчисленіе по Вейерштрассу; *Bolza*, Lectures on the Calculus of Variations, Chicago, 1904; *Pascal*, Die Variationsrechnung, Leipzig, 1899; *Lindelöf et Moigno*, Leçons de calcul des variations, Paris, 1861.

5. Прив.-доцентъ Г. В. Пфейфферъ.

Въ *осеннемъ* полугодіи: интегрированіе обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій по 3 часа; разностное исчисленіе по 2 часа; практическія занятія по дифференціальному исчисленію по 2 часа.

Въ *весеннемъ* полугодіи: интегрированіе дифференціальныхъ уравненій въ частныхъ производныхъ по 1 часу; теорія вѣроятностей по 1 часу; практическія занятія по приложенію дифферен-

ціальнаго исчисленія къ геометріи по 2 часа; практическія занятія по интегральному исчисленію по 2 часа; практическія занятія по интегрированію дифференціальныхъ уравненій по 2 часа.

Пособія: По интегрированію дифференціальныхъ уравненій: *G. Boole*, A treatise on differential equations; *A. Forsyth*, Lehrbuch der Differentialgleichungen; *E. Goursat*, Cours d'analyse mathématique. Т. II; *Y. Serret*, Lehrbuch der Differential- und Integral-Rechnung. В. III; *М. Тихомандричій*, Курсъ дифференціального и интегрального исчисленія; *М. Хандриковъ*, Анализъ безконечно малыхъ; *Н. Алексеевъ*, Интегрированіе дифференціальныхъ уравненій; *В. Ермаковъ*, Нелинейныя дифференціальныя уравненія съ частными производными 1-го порядка; *E. Goursat*, Leçons sur l'intégration des équations aux dérivées partielles du premier ordre; *J. Graindorge*, Mémoire sur l'intégration des équations aux dérivées partielles des deux premiers ordres.

По разностному исчисленію: *А. Марковъ*, Исчисленіе конечныхъ разностей; *М. Ващенко-Захарченко*, Лекціи разностнаго исчисленія *М. Тихомандричій*, Курсъ теоріи конечныхъ разностей; *А. Markoff*, Differenzenrechnung; *D. Seliwanoff*, Lehrbuch der Differenzenrechnung; *Г. Пфейфферъ*, Замѣтка о функціяхъ Бернуллі.

По теоріи вѣроятностей: *E. Czuber*, Wahrscheinlichkeitsrechnung und die Anwendung auf Fehlerausgleichungen, Statistik und Lebensversicherung; *J. Bertrand*, Calcul des probabilités; *А. Марковъ*, Исчисленіе вѣроятностей; *П. Некрасовъ*, Теорія вѣроятностей; *В. Ермаковъ*, Теорія вѣроятностей; *В. Ермаковъ*, Способъ наименьшихъ квадратовъ.

Задачки: *F. Frenet*, *F. Tisserand*, *В. Шиффъ*, *И. Томпентеръ*, *А. Пароменскій*, *П. Роцинь* и др.

6. Прив.-доц. И. И. Бѣлянкинъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: эллиптическія функціи 2 часа; спеціальный курсъ по геометріи 1 часъ; практическія занятія по аналитической геометріи 3 часа.

Пособія будутъ указаны на лекціяхъ и на практическихъ занятіяхъ.

2) *Механика.*

7. Орд. проф. Г. К. Сусловъ.

Въ *осеннемъ* полугодіи: кинематика неизмѣняемой системы 2 часа; гидродинамика 2 часа; динамика твердаго тѣла 2 часа.

Въ *весеннемъ* полугодіи: динамика твердаго тѣла 2 часа и динамика системы 4 часа.

Пособія: *Бобылевъ*, Аналитическая механика, Спб. 1880; *Сусловъ*, Основы апалитической механики, т. I и II, Кіевъ, 1900—02; *Сусловъ*, Теорія потенціала и гидродинамика, т. I, Кіевъ 1904; *Appell*, Traité de mécanique rationnelle, Paris, 1893 - -1902; *Schell*, Theorie der Bewegung und der Kräfte, Lpz. 1879; *Rauth*, Elementary rigid dynamics, London, 1882; *Kirchhoff*, Vorlesungen über mathematische Physik, Mechanik, Lpz. 1883; *Lamb*, Hydrodynamics, Cambridge, 1895.

8. Экстраорд. проф. П. В. Воронецъ.

Въ *осеннемъ* полугодіи: введеніе въ механику 2 часа; практическія занятія по механикѣ точки 2 часа.

Въ *весеннемъ* полугодіи: динамика точки 3 часа; практическія занятія по механикѣ системы 2 часа; теорія упругости 3 часа.

Пособія по механикѣ: *Сусловъ*, Основы аналитической механики, т. I, Кіевъ 1900; *Бобылевъ*, Аналитическая механика, Спб. 1880; *Schell*, Theorie der Bewegung und der Kräfte, B. I, Lpz. 1879; *Appell*, Traité de mécanique rationnelle, t. I, Paris, 1902.

По теоріи упругости: *Бобылевъ*, Гидростатика и теорія упругости, Спб., 1886; *Kirchhoff*, Vorlesungen über mathematische Physik, B. I, Lpz. 1883; *Clebsch*, Theorie der Elasticität fester Körper, Lpz.. 1862; *Love*, A treatise on the mathematical theory of Elasticity, Cambridge, 1892.

Для практическихъ занятій: задачки Jullien, S. Germain, Villié, Walton, Fuhrmann.

Примѣчаніе. Механическій кабинетъ открытъ для занятій студентовъ по субботамъ отъ 2 часовъ.

3) *Астрономія.*

9. Орд. проф. Р. Ф. Фогель.

Въ *осеннемъ* полугодіи: описательная астрономія 2 часа; сферическая астрономія 2 часа; теорія астрономическ. инструментовъ 3 ч.

Въ *весеннемъ* полугодіи: описательная астрономія 2 часа; сферическая астрономія 2 часа; практическія занятія по теоріи астрономическихъ инструментовъ 3 часа.

Примѣчаніе. *Практическія занятія* (въ обсерваторіи) будутъ заключаться въ предвычисленіи восходовъ, закатовъ, солнечныхъ и лунныхъ затменій, покрытіи звѣздъ луною, составленіи эфемеридъ планетъ и кометъ и въ наблюденіяхъ сектантомъ и пассажнымъ инструментомъ.

Пособія: I. По сферич. астрономіи. *Brünnow*, Lehrbuch der Sphärischen Astronomie (подлинникъ или французскій или русскій пе-

реводъ); *Francesco Porro*, *Astronomia sferica elementarmente esposta*; *J. Herr*, *Lehrbuch der sphärischen Astronomie*; *Циммеръ*, Курсъ астрономіи (часть теоретическая).

II. По описательной („общей“) астрономіи. *Ньюкомбъ-Эгеманъ*, Популярная астрономія; *A. Berry*, *A short history of astronomy*; *Покровский*, Путеводитель по небу.

III. По теоріи инструментовъ. *Sawitsch*, *Abriss der practischen Astronomie*; *J. Herr*, *Lehrbuch der Sphärischen Astronomie*; *Brünnow*, *Lehrbuch der Sphärischen Astronomie*; *Циммеръ*, Курсъ астрономіи (часть практическая).

4) Физика.

10. Орд. проф. Г. Г. Де-Метцъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: основной курсъ физики по 6 часовъ (для студентовъ обонхъ отдѣленій); практическія занятія по соглашенію со студентами 2 часа.

Пособія: *Хвольсонъ*, Курсъ физики. Сокращенное изданіе; *Зиловъ*, Курсъ физики, 4-е изд.; *Столытовъ*, Введеніе въ акустику и оптику; *Жуберъ*, Основаніе электричества и магнетизма; *Де-Метцъ*, Звукъ и свѣтъ, изд. 1908 г. и Теплоота, изд. 1894 г. Остальныя указанія дѣлаются при чтеніи курса.

11. Орд. проф. I. I. Косоноговъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: специальный курсъ опытной физики по 3 часа; лабораторныя работы по физикѣ 4 часа; практическія занятія по физикѣ 3 часа.

Пособія: I. *O. Хвольсонъ*, Курсъ физики; II. *Зиловъ*, Курсъ физики; *Chapuis et Berget*, *Leçons de physique générale*; *Pellat*, *Cours d'électricité*; *A. Столытовъ*, Введеніе въ акустику и оптику; *Planck*, *Thermodynamik*.

II. *Kohlrausch*, *Leitfaden der practischen Physik*; *Вейнберъ* и *Точибловскій*, Руководство къ практическимъ занятіямъ по физикѣ.

5) Химія.

12. Заслуж. проф. Я. Н. Барзиловскій.

Въ *осеннемъ* полугодіи: общій курсъ химіи для студентовъ математическаго отдѣленія по 5 часовъ; практическія занятія по качественному химическому анализу.

Въ *весеннемъ* полугодіи: специальный курсъ „атомическая теорія и установленіе атомныхъ вѣсовъ химическихъ элементовъ“ по 3 часа;

практическія занятія по качественному химическому анализу по 6 часовъ.

Пособія: По общему курсу химіи: *Каблуковъ*, Основныя начала неорганической химіи. *Сперанскій*, Краткій курсъ химіи. *А. Реформатскій*, Неорганическая химія. *A. F. Slolleman*, Lehrbuch der anorganischen Chemie; *Troost*, Traité élémentaire de chimie. Для болѣе подробнаго изученія: *Менделѣевъ*, Основы химіи, 8-е изданіе.

По качественному химическому анализу: *Меншуткинъ*, Аналитическая химія; *A. Classen*, Handbuch der analytischen Chemie. *Тредъуэлль*, Качественный химическій анализъ; *W. Ostwald*, Die wissenschaftlichen Grundlagen der analytischen Chemie.

По специальному курсу: *A. Würtz*, La theorie atomique. Ostwald's Klassiker der exakten Wissenschaften: Dalton und Wallaston, Humboldt und Gay-Lussac, Berzelius, Doebereiner und Pettenkofer, Cannizzaro и др., а также Изслѣдованія Дюма, Мариньяка, Стассо и др., въ курсу относящіяся, по указанію Профессора.

13. Орд. проф. С. Н. Реформатскій.

Въ *осеннемъ* полугодіи: избранныя главы по органической химіи (альдегиды, кетоны, углеводы) по 2 часа; практическія занятія по органическому анализу и методамъ изслѣдованія органическихъ соединеній по 4 часа; практическія занятія по приготовленію органическихъ препаратовъ по 4 часа; специальныя работы по органической химіи по 4 часа.

Въ *весеннемъ* полугодіи: основный курсъ органической химіи по 6 часовъ; практическія занятія по органическому анализу и методамъ изслѣдованія органическихъ соединеній по 4 часа, специальныя работы по химіи по 4 часа.

Пособія: А) *По основному курсу.* *С. Реформатскій*, Начальный курсъ органической химіи. Изд. 8-е, 1907 г. Кіевъ; *J. Schmidt*, Kuzes Lehrbuch d. organ. Chemie, 1906; *A. Holleman*, Lehrbuch d. organ. Chemie, 1907. Есть и русскій переводъ.

В) *По избраннымъ главамъ.* *V. Meyer u. P. Jacobson*, Lehrbuch d. organ. Chemie.

С) *По приготовленію препаратовъ.* *С. Реформатскій*, Начальный курсъ орган. химіи. Изд. 8-е; *L. Gattermann*, Die Praxis d. organ. Chemikers. 8-te, Aufl; *E. Fischer* Anleitung z. Darstellung organ. Präparate, 7-te Aufl.

Д) *По анализу и методикъ.* *Н. Меншуткинъ*, Аналитическая химія, 1901 г.; *L. Gattermann*, Die praxis d. organ. Chemikers, 8-te

Auf); *Lassar-Cohn*, Arbeitsmethoden für organ. chem. Laboratorien, 1901—1902; *W. Vaubel*, Die physikalischen u. chem. Methoden 1902.

Е) По спеціальнымъ работамъ. *F. Beilstein*, Handbuch d. organ. Chemie; Химическіе Журналы.

Совѣщательные часы ежедневно 9—12 ч. въ лабораторіи.

Примѣчаніе 1-е. Послѣдовательность выполненія практическихъ занятій по органической химіи: 1) приготовленіе препаратовъ и анализъ могутъ быть проходимы и одновременно, и разновременно; въ послѣднемъ случаѣ безразлично, начать ли съ анализа или съ приготовленія препаратовъ; 2) по выполненіи предыдущихъ занятій приступаютъ къ ознакомленію съ методами изслѣдованія органическихъ соединений и, наконецъ, 3) къ спеціальнымъ работамъ.

Примѣчаніе 2-е. Практическія занятія, кромѣ спеціальныхъ работъ, могутъ быть закончены въ теченіи двухъ семестровъ, при условіи 15-часовой еженедѣльной работы. На спеціальныя работы требуется не менѣе двухъ семестровъ, при чемъ число рабочихъ часовъ не подлежитъ точному учету.

Примѣчаніе 3-е. Къ приготовленію органическихъ препаратовъ допускаются лица, прослушавшія основной курсъ химіи. Если приступающій къ этимъ занятіямъ не сдалъ еще экзамена по основному курсу химіи, то онъ обязанъ предварительно сдать коллоквиумъ по органической химіи по краткой программѣ.

Примѣчаніе 4-е. Къ органическому анализу допускаются лица, представившія удостовѣреніе объ окончаніи занятій по качественному и количественному минеральному анализу.

Примѣчаніе 5-е. Спеціальныя работы по органической химіи не обязательны.

14. Испр. д. экстра-орд. проф. А. П. Сперанскій.

Въ *осеннемъ* полугодіи: основной курсъ химіи 6 часовъ; физическая химія 2 часа; практическія занятія по количественному анализу 4 часа; практическія занятія по физической химіи 2 часа.

Въ *весеннемъ* полугодіи: физическая химія 2 часа; избранныя главы неорганической химіи 2 часа; практическія занятія по количественному анализу 4 часа; практическія занятія по физической химіи 2 часа.

Пособія: По основному курсу химіи: *Каблуковъ*, Основныя начала неорганической химіи, 4-е изд., Москва 1908; *А. Реформатскій*, Неорганическая химія, изд. 5-е, Москва 1908; *А. Сперанскій*, Краткіи

курсъ химіи. Изд. 2-е. Кіевъ. 1908; *Голлеманъ*, Неорганическая химія. Спб. 1904; *Оствальдъ*, Основанія неорганической химіи. Москва. 1904; *Менделѣевъ*, Основы химіи. Изд. 8-ое. Спб. 1907.

По физической химіи: *Оствальдъ*, Основанія теоретической химіи. М. 1902; *Рейхлеръ*, Физико-химическія теоріи. Спб. 1902; *Сапожниковъ*, Общая теоретическая химія. Спб. 1906; *Рудольфи*, Общая и физическая химія. Кіевъ. 1902.

По количественному анализу: *Меншуткинъ*, Аналитическая химія. 9-ое изд. Спб. 1901; *Тредвелль*, Курсъ аналитической химіи, т. II. Одесса. 1906.

По практическимъ занятіямъ физической химіей: *Ostwald-Sutter*, Physiko-Chemische Messungen. 3 Auflage. Leipzig. 1908.

15. Прив.-доц. В. А. Плотниковъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: избранныя главы неорганической химіи 3 часа; дополнительный курсъ физической химіи 2 часа.

Пособія: 1) *Ostwald*, Grundriss der allgemeinen Chemie (Переводъ). *Оствальдъ*, Основанія теоретической химіи. 1902 г.; 2) *Каблюковъ*, Основныя начала физической химіи; 3) *Arrhenius*, Theorien der Chemie (Есть русск. перев.); 4) *Van't Hoff*, Химическое равновѣсіе (Переводъ); 5) *Nernst*, Theoretische Chemie (Есть русск. перев.); 6) *Van't Hoff*, Vorlesungen über theoretische und physikalische Chemie; 7) *Duhem*, Introduction à la mécanique chimique; 8) *Duhem*, Thermodynamique et Chimie; 9) *Whetham*, A Treatise of the Theory of Solutions; 10) *M. Planck*, Vorlesungen über Thermodynamique; 11) *Findlay*, The Phase Rule; 12) *Ostwald*, Lehrbuch der allgemeinen Chemie; 13) *Arrhenius*, Lehrbuch der Elektrochemie; 14) *Le Blanc*, Lehrbuch der Elektrochemie; 15) *Lehfeldt*, Elektrochemie; 16) *Borchers*, Elektrometallurgie; 17) *Jahn*, Grundriss der Elektrochemie (II-te Aufl.); 18) *Haber*, Grundriss der technischen Elektrochemie auf theoretischen Grundlagen. ▀

6) Геологія и минералогія.

16. Орд. проф. П. Я. Армашевскій.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: основной курсъ минералогіи по 4 часа; кристаллографія, кристаллофизика и кристаллохимія по 2 часа въ недѣлю; практическія занятія по опредѣленію минераловъ по 2 часа; практическія занятія по кристаллографіи и по кристаллофизикѣ по 3 часа въ недѣлю.

Пособія: Гротъ, Физическая кристаллографія 1896; *Liebisch*, Grundriss der physikalischen Kristallographie, 1896; *Самойловъ*, Введеніе въ кристаллографію, 1906; *Кокшаровъ*, Лекціи минералогіи, 1863; *С. Глинка*, Кристаллографія, 1894; *С. Глинка*, Кристаллофизика и кристаллохимія, 1896; *Земляченскій*, Краткій курсъ кристаллографіи, 1899; *Земляченскій*, Учебникъ Минералогіи, 1906; *Нечаевъ*, Кристаллографія, 1907; *Bruhns*, Elemente der Kristallographie, 1902; *Tschermack*, Lehrbuch der Mineralogie, 1897 (первая часть перваго изданія переведена на русскій языкъ подъ ред. Лебедева въ 1884 г.; *Bauer*, Lehrbuch der Mineralogie, 1889; *Naumann-Zirkel*, Elemente der Mineralogie, 1897; *Лебедевъ*, Учебникъ минералогіи, 1907; *Лантанъ*, Минералогія, 1899; *Вейсбахъ*, Таблицы для опредѣленія минераловъ, 1888; *Браунсъ*, Химическая минералогія (пер. подъ редакціею Левинсона-Лессинга), 1904; *Фуксъ*, Таблицы для опредѣленія минераловъ, 1904; *Брюкнеръ*, Земная кора, 1903.

Совѣщательные часы *послѣ лекцій*.

17. Орд. проф. Н. И. Андрусовъ.

Въ *осеннемъ* полугодіи: динамическая геологія 5 часовъ; палеонтологія, общій курсъ, 1 часть; біономія моря 1 часть; практическія занятія по палеонтологіи 2 часа.

Въ *весеннемъ* полугодіи: историческая геологія 5 часовъ; палеонтологія, спеціальній курсъ, 2 часа; практическія занятія по палеонтологіи 1 часть и по геології (инструменты и графическіе методы) 1 часть.

Пособія: Динамическая геологія: *Брюкнеръ*, Земная кора и ея формы. Спб. 1903; *Мушкетовъ*, Физическая геологія. 2-ое изд. *Иностранцевъ*, Геологія. Томъ 1-ый; *Credner*, Elemente der Geologie; *Haug*, Traité de Geologie 1 vol. 1908.

Историческая геологія: *Иностранцевъ*, Геологія, т. 2-ой; *Kauser*, Geologische Formationskunde, 2 Ausg.

Палеонтологія: *Лагузенъ*, Палеонтологія; *Ворисьякъ*, Палеонтологія; *Steinmann*, Einführung in die Paleontologie; *Beccard*, Paleontologie.

Біономія моря: *J. Walther*, Einleitung in die Geologie, als historische Wissenschaft. Bd.

Практическія занятія по палеонтологіи: *Koken*, Leitfossilien.

Прив.-доц. В. И. Лучицкіи.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: петрографія 2 часа и практическія занятія по петрографіи 2 часа.

Пособія по описанію горнихъ породъ: *Rosenbusch*, Mikroskopische Physiographie der massigen Gesteine. Bd. II. 1896. Bd. II. 1 Th. 1907. Id. Elemente der Gesteinslehre, 1901; *Zirkel*, Lehrbuch der Petrographie, 1891—1893; *Федоровъ*, Основанія петрографіи, 1897; *Weinschenk*, Grundzüge der Gesteinskunde. I Bd. 1907. II Bd. 1907; *Rheinisch*, Petrographisches Praktikum, II Th. 1904; *Harker*, Petrology for Students. 1895; *Grubenmann*, Die kristallinen Schiefer. I Th. 1904. II Th. 1907; *Doelter*, Petrogenesis. 1906; *Левинсонъ-Лессинъ*, Петрографическія таблицы. 1905.

По методамъ изслѣдованія и описанію породообразующихъ минераловъ: *Левинсонъ-Лессинъ*, Оптическое изслѣдованіе минераловъ подъ микроскопомъ. 1903; *Вейнштейнъ*, Поляризаціонный микроскопъ. Сиб.; *Weinschenk*, Anleitung zum Gebrauch des Polarisationsmikroskops. 1906. Die Gesteinsbildenden Mineralien. 1907; *Michel-Levy et Lacroix*, Les mineraux des roches. 1888; *Rosenbusch*, Mikroskopische Physiographie der petrographisch wichtigen Mineralien. I Bd. 1904—1905; *Iddings*, Rock Minerals. 1906; *Duparc et Pearce*, Traité de technique mineralogique et pétrographique. 1907; *Rheinisch*, Petrographisches Praktikum. I Th. 1907.

7) Ботаники.

19. Орд. проф. С. Г. Навашинъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: основной курсъ ботаники 4 часа; систематика растений (папоротникообразныя и сѣмянныя) 2 часа; практическія занятія по специальной морфологіи растений 3 часа.

Пособія: По основному курсу ботаники: *Бекетовъ*, Учебникъ Ботаники. Спб. 1885; *Страсбургеръ*, *Нолль*, *Шенкъ*, *Шимперъ*, Учебникъ Ботаники, переводъ Голенкина. Москва. 1898. По специальной морфологіи растений и систематикъ: *Варминъ*, Систематика растений, переводъ Ростовцева. Москва. 1893; *Вейнштейнъ*, Курсъ систематики растений (изданіе не окончено).

20. Орд. проф. К. А. Пуріевичъ.

Въ *осеннемъ* полугодіи: физиологія растений 4 часа; микробиологія (бактеріологія) 2 часа; практическія занятія по анатоміи растений 4 часа и по микробиологіи (бактеріологіи) 2 часа.

Въ *весеннемъ* полугодіи: анатомія растений 4 часа; микробиологія (бактеріологія) 2 часа; практическія занятія по анатоміи растений 4 часа и по микробиологіи (бактеріологіи) 2 часа.

Пособія: а) по *физиології растений*: *В. Палладинъ*, Физиология растений, 5-е изд., 1908; *В. Ротертъ*, Курсъ физиологии растений, 1891; *L. Jost*, Vorlesungen über Pflanzenphysiologie, 2-е изд. 1907; *Vines*, Lectures on the physiology of plants, 1887.

б) по *анатоміи растений*: *И. Бородинъ*, Курсъ анатоміи растений, 4-е изд.; *Belzung*, Anatomie et physiologie végétales, 1900; *Страсбургеръ*, *Нолль*, *Шенкъ* и *Шимперъ*, Учебникъ ботаники, пер. подъ ред. Гоби.

в) по *микробиології*: *A. Fischer*, Vorlesungen über Bacterien, 2-е изд. (также въ русскомъ переводѣ „Лекціи о бактеріяхъ“ съ перваго нѣмецкаго изданія); *Lofar*, Technische Mykologie (русскій переводъ чюдъ заглавіемъ: Грибки и бактеріи); *Jørgensen*, Mikroorganismen der Gärungsindustrie; *Duclaux*, Traité de microbiologie (вышли 4 тома).

г) для практическихъ занятій по *анатоміи растений*: *Страсбургеръ*, Краткое руководство для практическихъ занятій по микроскопической ботаникѣ, пер. Дейнеги, Москва; *Пуріевичъ*, Краткое руководство къ практическимъ занятіямъ по анатоміи растений, 1907.

д) для практическихъ занятій по *микробиології*: *A. Meyer*, Practicum der botanischen Bakterienkunde, 1903; *E. Küster*, Anleitung zur Kultur der Mikroorganismen, 1907.

Совѣщательные часы *послѣ лекцій*.

8) Зоологія.

21. Орд. проф. А. А. Коротневъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: зоологія безпозвоночныхъ по 4 часа; практическія занятія по зоології безпозвоночныхъ по 2 часа.

Пособія: 1) Учебникъ Зоології, *Гертвига*; 2) Зоологія *Бобрюкаю*, какъ Общій Курсъ, такъ и Медіц. Зоологія; 3) Учебникъ Зоології, *Холодковскаю*; 4) Allgemeine Biologie, *Hertwig*, 1906; 5) Zelle und Gewebe, *Gurwitsch*, 1906.

22. Орд. проф. А. Н. Сѣверцовъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: сравнительную анатомію позвоночныхъ 3 часа; основной курсъ зоології 5 часовъ; зоотомію позвоночныхъ 1 часъ; практическія занятія по зоотоміи позвоночныхъ 3 часа.

Пособія: по основному курсу зоологій: *Мензбиръ*, Введеніе въ изученіе зоологій и сравнительной анатоміи; *Шимкевичъ*, Біологическія основы зоологій; *Бобрецкій*, Учебникъ зоологій.

По сравнительной анатоміи: *Шимкевичъ*, Курсъ сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ; *Wiedersheim*, Vergleichende Anatomie der Wirbeltiere, 1906.

23. Испр. д. экстраорд. проф. В. К. Совинскій.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: анатомія челоуѣка 3 часа; специальный курсъ зоологій млекопитающихъ животныхъ 2 часа; практическія занятія по зоотоміи млекопитающихъ 2 часа.

Пособія: По анатоміи челоуѣка: *C. Gegenbaur*, Lehrbuch der Anatomie des Menschen. 4 Aufl. 1890; *Паничъ*, Основы анатоміи челоуѣка. Спб. 1887.

По специальному курсу млекопитающихъ: *Max Weber*, Die Säugethiere. 1904; *Н. Бобрецкій*, Основанія зоологій, 2-ой томъ, 1891 г.

24. Прив.-доц. В. Писинъловъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: сельскохозяйственная энтомологія 2 часа.

Пособія: 1) *Холодковскій Н.*, Курсъ энтомологіи теоретической и прикладной. 1896. Спб.; 2) *Кулакинъ Н.*, Энтомологія. 1906. Москва. 3) *Шарль Давидъ*, Насѣкомыя. 1902; 4) *Карпенгеръ Г.*, Насѣкомыя, ихъ строеніе и жизнь. 1903; 5) Труды Бюро по Энтомологіи Ученаго Комитета Главн. Управл. Землеустройства. Томы I—II; 6) *Raschard*, A Text-Book of Entomology. 1903; 7) *Henneguay*, Les Insectes. 1904 г.

25. Прив.-доц. М. М. Воскобойниковъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодіяхъ: эмбриологія животныхъ 2 часа; демонстрація къ основному курсу зоологій 2 часа.

Пособія: По эмбриологій: *Гертовигъ Оскаръ*, „Учебникъ эмбриологій животныхъ позвоночныхъ и челоуѣка“; *М. Маршалъ*, „Руководство къ эмбриологій“; *Львовъ В.* „Курсъ эмбриологій позвоночныхъ“. Общая часть. (Исторія половыхъ продуктовъ и оплодотвореніе). *Р. Бергъ*, „Курсъ общей эмбриологій“.

Для демонстрацій пособія тѣ же, что и къ основному курсу зоологій проф. *Сверцова*.

26. Орд. проф. П. Ю. Лауденбахъ.

Въ *осеннемъ* полугодіи: физиологія животныхъ (физиологія всасыванія, обменъ веществъ и силъ въ организмѣ, физиологія выдѣ-

леній, центральной нервной системы, органовъ чувствъ) 4 часа; пр. зан. по физиологiи (методика физиологическихъ изслѣд.) 2 часа.

Въ *весеннемъ* полугодiи: физиологiя животныхъ (общая мышечная и нервная физиологiя, физиологiя крови и кровообращенiя, физиологiя дыханiя и пищеварительныхъ процессовъ) 4 часа; практ. зан. по физиологiи (методика физиологическихъ изслѣдованiй) 2 ч.

Пособiя: *P. Тигерстедтъ*, Учебникъ физиологiи, пер. подъ ред. проф. Павлова, Спб. 1900—1901; *L. Hermann*, Lehrbuch d. Physiologie 11 Aufl. 1896; *G. N. Stewart*, A manual of physiology, fourth edit. London. 1900; *Бернштейнъ*, Учебникъ физиологiи животнаго организма, пер. док. М. Лiона. 1895; *И. А. Чусскiй*, Физиологiя челоука (конспектъ) 3 изд.

9) *Техническая химiя.*

27. Испр. д. экстраорд. проф. И. В. Егоровъ.

Въ *осеннемъ* и *весеннемъ* полугодiяхъ: общую технологiю 4 часа; практическiя занятiя по качественному анализу 6 часовъ: количественному анализу 4 часа; по приготовленiю органическихъ препаратовъ 4 часа и по техническому анализу 2 часа; специальныя работы по химiи 4 часа.

Пособiя: По курсу — Учебникъ химической технологiи: *Осмъ*, По качественному и количественному анализу; *Treadwell*, Курсъ аналитической химiи 2 тома. По приготвл. органич. препаратовъ: *Fischer*, Anleitung zur Darstellung organischer Präparate; *Gattermann*, Die Praxis des organisch. Chemikers.

10) *Агрономiя.*

28. Прив.-доц. И. В. Бельговскiй.

Въ *осеннемъ* полугодiи: общую зоотехнiю (основы заводского искусства, экстерьеръ и зоогигiена) 4 часа; практическiя занятiя по агрономiи (ботаническiй и химическiй анализъ кормовыхъ средствъ, анализъ воздуха и воды, измѣренiе животныхъ скелетовъ, опредѣленiе зараженности почвъ патогенными микробами) 3 часа.

Въ *весеннемъ* полугодiи: частную зоотехнiю (ученiе о породахъ дом. животныхъ, молочное хозяйство, шерстовѣденiе) 4 часа; практическiя занятiя по агрономiи (анализъ молочныхъ продуктовъ, приготвл. различныхъ сортовъ масла, опредѣленiе быстроты и силы движенiя рабочихъ животныхъ, опредѣленiе живого вѣса метрическимъ путемъ, бонитировка шерсти) 3 часа.

Пособія: И. Калужинъ, Главнѣйшіе моменты въ области теоріи скотозаводскаго искусства. 1904; *И. Поповъ*, Скотоводство. 1905; *Н. П. Чирвинскій*, Общее животноводство; *А. Е. Бодановъ*, Конспект лекцій по общей зоотехніи. 1903; *Schwarzmecker Rassen*, Züchtung und Haltung des Pserdes; *Tanson*, Traité de zootechnie; *Damman*, Die Gesundheitspflege der landwirtschaftlichen Haussäugethiere. 1902; *O. Kellner*, Die Ernährung der ländw. Nutzthiere. 1906; *П. Н. Кулешовъ*, Коневодство, Рогатый скотъ, Овцеводство и Свиноводство; *Симоновъ* и *Мердеръ*, Капскія породы; *A. Goubaut* и *G. Barrier*, Экстерьеръ Лошади; *К. К. Веберъ*, Молочное хозяйство—маслодѣліе и сыродѣліе. Спб. 1902.

Совѣщательные часы гг. преподавателей послѣ лекцій.

Декань *П. Армашевскій*.

**Обозрѣніе преподаванія въ Императорскомъ
Университетѣ Св. Владиміра на 1908—1909
учебный годъ.**

Лекціи Богословія.

Профессоръ богословія протоіерей П. Я. Свѣтловъ будетъ читать по 2 часа въ недѣлю въ осеннемъ полугодіи.

I. Введеніе въ богословіе: о религіозномъ самообразованіи или объ основныхъ вопросахъ религіозной гносеологіи, ученіе о религіозномъ познаніи.

II. Философію и исторію религіи въ главныхъ ихъ основаніяхъ.

Лекції медицинскаго факультета.

Въ осеннемъ полудіи 1908—1909 годѣ.

1) **Ординарный профессоръ Ф. А. Стефанисъ** (20 час.) въ помѣщеніи анатомическаго театра: нормальная анатомія челоуѣка (8 ч.). Костная система съ ученіемъ о суставахъ и связкахъ: вторникъ 11—1 час., суббота 9—11, центральная и периферическая нервная система; органы пищеваженія: понедѣльникъ 9—11, пятница 10—12.

Практическія занятія по анатоміи (12 ч., въ томъ числѣ 6 часовъ бесплатныхъ), — ежедневно отъ 6—8 час. вечера: Изученіе костей по готовымъ препаратамъ. Приготовленіе препаратовъ сосудовъ и нервовъ, изученіе головного и спинного мозга по готовымъ препаратамъ.

Примѣчаніе: Къ препарированію сосудовъ и нервовъ допускаются лишь студенты, выполнившіе всѣ обязательныя работы по міологіи и артросиндесмологіи и выдержавшіе по этимъ отдѣламъ повѣрочныя экзамены.

Секціонный залъ и учебный музей открыты для занятій студентовъ ежедневно отъ 9 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Выдача и пріемъ препаратовъ производится въ часы, означенные для практическихъ занятій.

Пособія: *Зерновъ Д.* Руководство описательной анатоміи челоуѣка, 1906.—*Gegenbauer С.* Lehrbuch der Anatomie des Menschen, 1899.—*Kopsch Fr.* Rauber's Lehrbuch der Anatomie des Menschen, 1906, и русскій переводъ подъ ред. Шавловскаго, 1904—1907.—

Toldt A. Langer's Lehrbuch der systematischen und topographischen Anatomie, 1902.—v. Bardeleben K. Lehrbuch des systematischen Anatomie des Menschen 1906.—Debierre Ch. Traité d'anatomie de l'homme.—Gray, Anatomy descriptive and surgical. Я. Блуменау. Мозгъ челоѣка 1901.—Атласы: Шпальтеюльцъ В. и Гисъ В. Атласъ по анатоміи челоѣка, переводъ Батуева 1901—1904. Toldt. C. Anatomischer Atlas, 1902. David Waterston The Edinburgh stereoscopic atlas of anatomy 1906.

Совѣщательные часы: ежедневно послѣ лекцій и практическихъ занятій.

2) *Ординарный профессор Ю. П. Лауденбахъ (6 час.) въ помѣщеніи физиологическаго института; физиологія здороваго челоѣка: общая физиологія мышечной и нервной ткани, физиологія крови, кровообращенія и дыханія. Вторникъ 11—1, среда и суббота 9—11.*

Физиологическій институтъ открытъ для спеціальныхъ научныхъ занятій ежедневно 9—3 час. дня.

Пособія: С. И. Чирьевъ. Курсъ лекцій физиологіи челоѣка, читанный проф. С. И. Чирьевымъ, изданіе студентовъ. Кіевъ, 1899 г., Н. Beauvis Nouveaux éléments de physiologie humaine, Paris, 1888. Ландуа. Учебникъ физиологіи, переводъ Данилевскаго, Харьковъ 1898. L. Hermann. Lehrbuch der Physiologie. Berl. 1895. — P. Tigerstedt, Lehrbuch der Physiologie des Menschen. Leipzig, 1901—1902. S. Steiner, Grundriss der Physiologie. Lpz. 1894. — W. Wundt, Lehrbuch der Physiologie des Menschen, Stuttg. 4-e Aufl — Ch. Richet, Physiologie des muscles et des nerfs, Paris 1882. A Manual of Physiology by C. W. Steuart, London 1902. — A. Шефферъ, Физиологическая химія, Кіевъ, 1882;—Г. Бунге, Учебникъ физиологической и патологической химіи, пер. Дерить, 1888;—Hammarsten. Lehrb. der physiol. Chemie, Wiesbaden, 1905.

Совѣщательные часы: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ послѣ лекцій.

3) *Сверхштатный заслуженный ординарный профессор С. И. Чирьевъ (2 ч.) въ помѣщеніи физиологическаго института: физиологія здороваго челоѣка — электрическія явленія на мышечной, нервной и другихъ животныхъ тканяхъ. Четвергъ отъ 11—1 ч.*

Пособія: С. Чирьевъ, Физиологія челоуѣка, Кіевъ, 1899. Работы С. Чирьева Изв. Им. Акад. Наукъ 1901, X, 1902. III, VI, 1903 VIII, Кіев. Унив. Изв. 1904 V, 1905 V, 1906 VIII, X, 1907 IX, XII. Р. Тирриететъ, Учебникъ физиологіи челоуѣка. 1901. G. N. Steuart, A manual of physiology 1905. L. Luciani. Physiologie des Menschen 1907. Hitzig Untersuchungen ueber das Gehirn 1874. D. Ferrier On the functional Topography of the brain. Journ. of the antr. Inst. XVII 1887. H. Munk Ueber die Functionen der Grosshirnrinde 1890. Charcot et Pitres Les centres moteurs corticaux chez l'homme 1895. S. Exner. Localisation der Functionen in der Groshirnrinde des Menschen. Wien 1881. P. Flechsig Gehirn und Seele. Die Localisation d. geistigen Vorgänge 1896. Beevor, Horsley and Shaper. Phil. Trans. 1887, 1888, 1890.

4) Приватъ-доцентъ А. В. Леонтовичъ (6 час.) въ помѣщеніи физиологическаго института: избранные отдѣлы физиологической методики. Методика изслѣдованій общей физиологіи мышечной и нервной ткани. Суббота отъ 4—6 час.

Пособія: С. И. Чирьевъ, Курсъ лекцій физиологіи челоуѣка. Изд. студ. Кіевъ, 1899.—Ландуа, Учебникъ физиологіи. Харьковъ 1902.—Тирриететъ, Учебникъ физиологіи, С.-Петербургъ, 1902.—Nagel. Handbuch der Physiologie des Menschen, Bd. III-er. Braunschweig 1905. Бурдонъ-Сандерсонъ, Фостеръ, Лаудеръ-Бруммонъ. Практическій курсъ физиологіи. С.-Петербургъ, 1886 г.—Schenk Physiologisches Practicum. Stuttgart 1895 г.—Гедонъ. Учебникъ физиологіи 1907 г.—Luciani: Physiologie des Menschen 1907.

Свѣщательные часы: послѣ лекцій и практическихъ занятій.

5) Экстраординарный профессоръ О. И. Ломискій (8 ч.) въ помѣщеніи гистологическаго института: гистологія съ эмбриологіей (8 ч.): о микроскопѣ и вспомогательныхъ микроскопическихъ приборахъ; микроскопическая техника; Общая гистологія и системы органовъ кровообращенія и лимфатическая. Вторникъ 9—12. Курсы эмбриологіи. Среда 9—11; практическія занятія по гистологіи: понедѣльникъ и пятница 9—11, четвергъ и суббота 9—11.

Пособія: а) По гистологіи. Кульчицкій Н., Основы гистологіи животныхъ и челоуѣка 1903.—Ф. Штеръ, Учебникъ гистологіи, пер. подъ ред. А. С. Догеля, Спб. 1904—1905.—А. Белъ и М. Давыдовъ,

Учебникъ гистологiи человѣка, перев. Львова, Москва 1902. *L. Szymonowicz*, Lehrbuch der Histologie 1902. *Hooyer*. Podręcznik histologie ciała ludzkiego 1901. — *Омевъ Н.* Курсъ нормальной гистологiи ч. I Ученiе о клѣткѣ, 1903. — *Гертовъ*, Клѣтка и ткани, перев. Н. Бородинъ и Холодковскаго т. I и II 1903—1904. — *Кульчицкiй*, Техника микроскопич. изслѣдованiя, 1897. — *Циммерманъ*, Микроскопъ, перев. Кивиша 1896. — *Heidenhain* Plasma und Zelle 1907.

b) *По эмбриологiи*: *Р. Белъ*, Курсъ общей эмбриологiи, переводъ Кольцова 1901. — *М. Муршалъ*, руководство къ эмбриологiи, переводъ подъ ред. Львова 1901. — *Paul Gilis*, краткое изложенiе эмбриологiи, 1893. — *O. Schultze*, Grundriss der Entwicklungsgeschichte des Menschen und der Säugethiere, 1897. — *O. Hertwig*, Lehrbuch der Entwicklungsgeschichte des Menschen und der Wirbelthiere, 1906. — *Röthig*, Handbuch der embryologischen Technik 1904. *Bonnet* Lehrbuch d. Entwicklungsgesch. — *Михаэлисъ*, Повторительный курсъ исторiи развитiя человѣка 1904. — *Беръ*, Курсъ общей эмбриологiи.

Совѣщательные часы: послѣ лекцiй.

6) *Ординарный профессоръ А. А. Садовень* (12 ч.) въ помещенiи лаборат. медицинск. химiи: Медицинская химiя 4 ч. въ томъ числѣ одинъ безплатный: о бѣлкахъ и углеводахъ, о пищевыхъ веществахъ и пищеваренiи, о крови и лимфѣ. Понедѣльникъ 11—1, пятница 1—2, суббота 11—1. Практическiя занятiя по медицинской химiи (10 час.) въ томъ числѣ 8 безплатныхъ. Понедѣльникъ 1—3, вторникъ 9—11, четвергъ 1—3, среда 9—12.

Лабораторiя медицинской химiи открыта для практическихъ занятiй ежедневно 9—4 ч.

Пособiя: *Hammarsten*, Lehrbuch der physiolog. Chemie, 4-te Aufl. 1899. — *Гаммарстенъ*, Учебникъ физиологической химiи, перев. проф. Щербакова 1892. — *Бунге*, Учебникъ физиологической и патологической химiи 1886; — *Bunge*, Lehrbuch der physiolog. und patholog. Chemie, 4 Aufl., 1898; — *Крюгеръ*, Краткiй учебникъ медицинской химiи, Томскъ, 1897. Для болѣе подробнаго ознакомленiя съ предметомъ: *Neumeister*, Lehrbuch der physiolog. Chemie, 2-te Aufl. 1897; — *Gautier* Leçons de chimie biologique normale et pathologique 2-eme edit. 1897; — *Gamgee*, Die physiolog. Chemie der Verdauung, 1897; — *Павловъ* Лекцiи о работѣ главныхъ пищеварительныхъ железъ, 1897; — Руко-

водство для практических занятій въ лабораторіи: *Salkowski, Practicum der physiolog. und patholog. Chemie* 1893;—*Ковляковъ*. Анализъ мочи, 2.e изд. 1887;—*Neubauer und Vogel. Anleitung zur quantitativ. Analyse des Harns. Wiesbaden* 1898—99. 10 Aufl.

Совѣщательные часы: ежедневно 9—3, въ часы, свободные отъ лекцій.

7) Экстраординарный профессоръ Т. И. Доначевскій-Петруняка для фармацевтовъ и для студентовъ, въ помѣщеніи фармацевтической лабораторіи: фармація и фармакогнозія (2 час.). Химическая часть фармаціи: элементы, неорганическія соед., органическія соединенія и рецептура. Среда 1—2, пятница 12—1, суббота 1—2 для фармацевтовъ. Практическія занятія по фармаціи и судебной химіи (9 час., для фармацевтовъ четвергъ, пятница и суббота 4—7 ч.). Практическія занятія по производству судебно-химическихъ изслѣдованій (2 час.—для фармацевтовъ): суббота 11—1 час.

Фармацевтическая лабораторія и кабинетъ открыты для практическихъ занятій ежедневно 10—6 час., исключая праздничные дни.

Пособія: Для медиковъ и фармацевтовъ — *В. А. Тихомировъ*, Курсъ фармаціи. Москва 1896 г.; — *Н. Ф. Ментинъ*, Курсъ фармакогнозіи Спб. 1901;—*Н. Hager, F. Fischer und C. Hartwich*, Kommentar zum Arzneibuch für das Deutsche Reich, 3 te Aufl. in zwei Bänden Berlin 1891—1892; — *И. Кальнинъ*, Комментарій къ V-му изданію Россійской фармакопеи, Москва 1905;—*А. Климе*, Новыя и новѣйшія лѣкарств. средства, Спб. 1903—1905;— Для фармацевтовъ 1-го и 2-го курса: *Давыдовъ*, Учебникъ фармаціи, Варшава, 1906;— *F. Flückiger*, Pharmaceutische Chemie. Berlin, 1888;—*В. А. Тихомировъ*, Учебникъ фармакогнозіи, 2 тома, Москва, 1900;—*Н. Hager*, Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, перев. съ нѣмец., Спб. 1888—1894, дополнение къ нему 1903;—*F. Flückiger*, Pharmakognosie des Pflanzenreiches, Berlin 1901; *Bernhard Fischer*, Die neueren Arzneimittel, Berlin, 1894; *A. Brestowski*, Handwörterbuch der Pharmacie, 2 Bd. Wien и Leipz. 1893—1895; *Варлицъ*, Русскія лѣкарств. растенія, Спб., 1901; *Hager*, Handbuch der pharmaceutischen Praxis in 2 B. Berlin, 1902; *Дворниченко*, Практическій пособникъ при суд. химич. изслѣд. ядовъ, Харьковъ, 1900; *Г. Вахтель*, Руководство къ техническому анализу, пер. подъ ред. Н. Тавильда-

рова, Спб. 1887; *И. Канонниковъ*, Руков. къ химич. изслѣдованію питательныхъ и вкусовыхъ веществъ, Спб. 1891; *Юлій Трапъ*, Наставленіе для судебно-химическаго изслѣдованія ядовъ, Спб. 1875; *Г. Драгendorffъ*, Судебно-химическое изслѣдованіе ядовъ, Спб. 1875; *G. Dragendorff*, Die gerichtlich-chemische Ermittlung von Giften, 3 te Auflage 1895; *Bolley's*, Handbuch der technisch-chemischen Untersuchungen. Leipz, 1899; *I. Mindes*, Manual der neuen Arzneimittel, Zürich, 1892; *Алмединенъ*, Руководство къ техно-химич. анализу, Спб. 1897.

Совѣщательные часы: среда и суббота 11—12.

8) Свободная кафедра фармакологіи съ рецептурою, токсикологіею и ученіемъ о минеральныхъ водахъ (4 час.) въ помѣщеніи фармакологической лабораторіи: Неорганическія лѣкарственныя вещества, среда 1—2, четвергъ 1—2, пятница 8—10. Практическія занятія по фармакодинамикѣ и токсикологіи: производство опытовъ надъ животными (4 часа бесплатно): вторникъ, четвергъ 3—4 и пятница 2—4.

Фармакологическая лабораторія открыта для практическихъ занятій ежедневно 10—4, кромѣ праздничныхъ.

Пособія: *O. Schmiedeberg*, Gr̄undriss des Arzneimittellehre, Leipzig 1902 г. и русскій переводъ, Кіевъ, 1905 г.; *К. Биниъ*, Лекціи по фармакологіи, изд. журнала «Практич. Медицина», и 2-е нѣмецкое изданіе Vorlesungen über Pharmakologie Berlin 1891; *Потнагель и Россбахъ*, Руководство къ фармакологіи, русскій перев. подъ ред. д-ра Н. П. Иванова., и 7-е нѣмецкое изданіе, Handbuch der Arzneimittellehre, Berlin 1894; *A. Manquai*, Traité élémentaire de thérapeutique, de matière medical et de pharmacologie, Paris 1894 и русскій переводъ подъ ред. д-ра Котляра, изд. журнала «Соврем. Медицины» 1896; *Kunkel*, Handbuch der Toxikologie, Iena 1901; *Б. Шапиро*, Фармакологія, 7-е изд.; *Н. П. Кравковъ*, Основы фармакологіи, ч. I, 1904. и ч. II, 1905 г. По рецептурѣ: *R. Kobert*, Arzneiverordnungslehre, Stuttgart 1900. Русскій переводъ д-ра Серебrenикова, 1901 г., изд. журнала «Соврем. Медицины».

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

9. Ординарный профессоръ *В. К. Линдеманъ* (4 ч.); Общая и экспериментальная патологія, въ аудиторіи при лабораторіи общей па-

тологiи (4 ч.). Введенiе въ предметъ. Общая этиологiя, патологiя клѣтки и тканей. Среда и суббота 10—12 час.

Пособiя: В. В. Подвысоцкiй, Основы общей патологiи, изданiе 1905 г., Спб. *Ribbert Lehrbuch der allgemeinen Pathologie* и его-же, Учебникъ Общей Патологiи, изд. студ. 1905 г; *Krehl, Pathologische Physiologie*; В. Лундеманъ, Наслѣдственность и измѣнчивость какъ причина болѣзней; *Lubarsch Die Allg. Pathologie. Kitt.* Руководство общей патологiи. *Тарасевичъ*, Общая патологiя.

Совѣщательные часы: Среда отъ 12—1, суббота отъ 12—1.

10. Ординарный профессоръ В. К. Высоковичъ, въ патолого-анатомическомъ институтѣ: Патологическая анатомiя (4 час.); Общая часть патологической анатомiи, ученiе объ атрофическихъ, дегенеративныхъ и гипертрофическихъ процессахъ, ученiе о воспаленiи. Частная патологическая анатомiя (демонстративный курсъ на органахъ со вскрытiй). Вторникъ и четвергъ 10—12. Повторительный курсъ частной патологической анатомiи съ демонстрацiей препаратовъ (2 часа—*бесплатно*): пятница 1—3. Практическiя занятiя по патологической гистологiи: общая часть, дегенерациа и воспалительные процессы въ органахъ и тканяхъ (6 ч.) по группамъ: вторникъ, четвергъ и пятница 5—7 ч. веч. Техника патолого-анатомическихъ вскрытiй (курсъ обязательный, но *бесплатный*) по 3 часа въ недѣлю; по мѣрѣ поступленiя труповъ изъ факультетскихъ клиникъ (9—12 час.). Патолого-анатомическiя вскрытiя въ военномъ госпиталѣ и Александровской больницѣ по 9 час. въ недѣлю, именно: понедѣльникъ 1—4, среда и пятница 12—3.

Патолого-анатомическiй институтъ открытъ для практическихъ занятiй ежедневно 9—3 час.

Пособiя по патологической анатомiи.

- Kaufmann.* Lehrbuch d. speciell. path. Anat., 2 изд., 1901.
I. Orth. Lehrb. d. speciell. path. Anat. Bb. 1—8; 1883—1902.
Никифоровъ. Очеркъ патологической анатомiи, 2 т., 1905 г.
Schmaus. Grundriss d. path. Anatomie. Русск. пер. 1895 г.
E. Ziegler, Lehrb. d. path. Anat., изд. 1905—1906 г.
Риббертъ, Руков. части. патол. анатом., 2 т., 1904 г.

Lubarsch und Ostertag, Ergebnisse des Allgemeinen Pathologie u. d. path. Anatomie, 1905—1907.

По патологической истологии.

Weichselbaum, Grundr. d. patholog. Histol. Русск. пер. 1890 и русск. перев.

R. Virchow, Die Geschwülste, 3 тома 1864 — 5, Русск. перев., 1—2 т., 1887 г.

Borst, Die Lehre von d. Geschwülsten. 2 т. 1904.

По технику.

М. Покровский, Руководство къ вскрытію труновъ. 1901.

Ортъ, Патолого-анатомическая діагностика. Русск. перев. 1890.

По технику гистологич. изслѣдов.: *Kahlden, Техника гистологич. изслѣдов. Русск. перев. 1901 г. Пикифоровъ, Гистологическая техника, 1904 г.*

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

11. Приватъ-доцентъ *В. Н. Константиновичъ* въ патолого-анатомич. институтѣ: Практическія занятія по діагн. новообр. среда 2—3. Патологическая анатомія (2 ч.). Среда 1—2.

Пособія: Borst, Die Lehre. von. den. Geschwülsten 1902.

Henke, Mikroskopische Geschwulstdiagnostik 1904.

Ribbert, Geschwulstehre 1904.

Virchow, Die Krankhaften Geschwülste 1863—1867.

Wilms, Die Mischgeschwülste 1899—1900.

Ziegler, Lehrb. der allgem Path. und pathol. Anatomie 1905.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

12. Экстраординарный профессоръ *Θ. Г. Яновскій* (8 час.) въ пропедевтической клиникѣ Александровской больницы: Врачебная діагностика (4 ч.): Наружный осмотръ больного: положеніе тѣла, тѣлосложеніе, осмотръ кожи и подкожной клѣтчатки, походка, вѣсъ тѣла: температура тѣла; изслѣдованіе органовъ дыханія; выслушиваніе и выстукиваніе. Попедѣльникъ и пятница 10—12. Практическія занятія по пропедевтической клиникѣ (4 ч.): ознакомленіе студентовъ съ при-

знаками болѣзней соотвѣтственно клиническому матеріалу. Вторникъ и четвергъ 5—7 час.

Пропагандическая клиника въ Александровской больницѣ открыта для практическихъ занятій ежедневно отъ 8 час. утра до 4 ч. дня.

Пособія: 1) *Eichorst*, Руководство къ физическимъ методамъ изслѣдованія. Изд. 1893 г.—2) *Котовицковъ*, изд. 1891, Казань. Способы изслѣдованія общихъ и внутреннихъ болѣзней. 3) *Ю. Т. Чудновскій*, Лекціи изд. 1883, Спб. 4) *Voillez*, О постукиваніи и выслушиваніи. Русск. перев. 1880, Спб. 5) *Jaksch*, Клиническая діагностика внутр. болѣзней. Русскій перев. 1897, Спб. 6) *Spehl*, Руководство къ клиническому изслѣдованію распознаванію. Русск. пер. 1895, Спб. 7) *Wesener*, Medicinisch-klinische Diagnostik. Изд. 1892, Berlin. 8) *Sahli*, Учебникъ клинич. методовъ изслѣдованія. Русск. пер. 1886, Спб. 9) *Vierordt*, Diagnostik der inneren Krankheiten Изд. 1892, Leipz. 10) *Guttman*, Руков. къ клинич. методамъ изслѣдованія. Русск. перев. 1883, Спб. 11) *Seitz*, Основы физическихъ методовъ изслѣдованія внутреннихъ болѣзней. Русск. пер. 1892, Харьковъ. 12) *Jakob*, Atlas der klinischen Untersuchungsmethoden. 1897. München. 13) *М. И. Афанасьевъ*, Лекціи по микроскопіи и бактериологіи. 1896, Спб. 14) *Rieder*, Руков. къ врачебной техники. Русскій перев. 1896, Спб. 15) *Salomonsen* и *Черевковъ*, Руководство къ практической бактериологіи. 1894, Харьковъ. 16) *Klemperer* и *Levy*, Основы клинической бактериологіи. Русскій переводъ, 1895, Спб. 17) *И. И. Георгиевскій*, Клиническія изслѣдованія крови 1897, Кіевъ. 18) *Котовицковъ*, X—лучи Röntgen'a и значеніе рентгеноскопіи для діагностики внутреннихъ болѣзней. 1897, Казань. 19) *Lenharz*, Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Русскій переводъ, 1894, Кіевъ. 20) *Leube*. Частная діагностика внутр. болѣзней. Русскій переводъ, т. I—1890, и т. II—1895, Спб.

Совѣщательные часы: понедѣльникъ, четвергъ и пятница отъ 11—12 час. утра.

13) Экстраординарный профессоръ Г. М. Малковъ. (9 час.) въ Александровской больницѣ: Частная патологія и терапія (4 час.): болѣзни обмѣна веществъ, болѣзни крови, болѣзни почекъ, болѣзни инфекціонныя: Понедѣльникъ 8—10 час. и пятница 12—2 ч. Практическія занятія по частной патологіи и терапіи (4 ч.): Понедѣльникъ

вторникъ и суббота 2—3 (амбул.) и воскресенье 11—1 ч. (Кирил. больн.) въ помѣщеніи Кирилловской больницы и амбулаторіи частной патологіи (Карав. ул.).

Амбулаторія и лабораторія открыта для практическихъ занятій отъ 12 до 3 час. утра.

Пособія: Штрюмпель, Руководство къ частной патологіи и терапіи, изд. журн. «Практическая медицина» 1905—07; *Эйхорстъ*, Руководство къ частной патологіи и терапіи, перев. подъ ред. Фридберга, Спб. 1899; *Nothnagel*, Specielle Pathologie und Therapie. Учебникъ частной патологіи и терапіи, перев. подъ редакц. Левина, 1901; *Charcot, Bouchard et Brissaud*, Traité de médecine, tt. I—V; *Боткинъ*, Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней; *Захаринъ*, Клиническія лекціи; *Поповъ*, Клиническія лекціи; *W. Ebstein und I. Schwalbe*, Руководство къ практической медицинѣ, 1901; *Dieulafoy*, Руководство къ внутренней патологіи, 1899 г.; *А. Соколовскій*, Болѣзни органовъ дыханія, Руководство по внутр. медиц. 19

Совѣщательные часы: по средамъ и субботамъ 11—12.

14) Приватъ-доцентъ В. О. Бушувъ (3 ч.) въ аудиторіи № 8 и въ военномъ госпиталѣ: Частная патологія и терапія: климатическое и діетическое лѣченіе (1 ч.); четвергъ 6—7 час. вечера. Практическія занятія: Массажъ (2 ч.) среда 8—10 ч.

Кіевскій военный госпиталь открытъ съ 8 час. утра до 6 часовъ вечера.

Пособія: Руководства по частой патологіи и терапіи: *Leyden*, *Handbuch der Ernährungstherapie und Diätetik*; *Ziemssen'a*, *Eichorst'a*, *Strümpel'a*, *Jaccoud*, *Charcot et Brissaud*, *Nothnagel'a*, *Eebstein'a* и *Schwalbe*; по частной терапіи: *Lenzoldt'a* и *Stintzing'a*, *Robin'a*; по діагностикѣ: *Чудновскаго*, *Eichhorst'a*, *Sahli*, *Jaksch'a*, *Voillez'a*, по массажу: *Reichmayer'a*, *Беркунда*, *Вернера*, *Nörström'a*, *Bum'a*; клиническія лекціи: *Боткина*, *Попова*, *Захарина*.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

15) Приватъ-доцентъ Э. А. Жебровскій въ госпит. терап. клиникѣ: Болѣзни легкихъ и плевры, бугорчатка легкихъ, ея лѣченіе специфическое и гигиеническое (климатотерапія, гидротерапія, діететика). Вторникъ 5—7.

Пособія: Руководство частной патол. и терап.: *Либермейстеръ*, Болѣзни грудныхъ органовъ *К. Turban*, Beiträge zur Kenntniss der Lungentuberculose; *Соколовскій*, Болѣзни трахеи и бронховъ, 1904; *Cornet*, Die Tuberculose, Wien, 1907.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

16) Приватъ-доцентъ А. Косткевичъ (4 ч.) въ больницѣ для черноработчихъ: Клиника внутреннихъ болѣзней, болѣзни сердца,—вторникъ и суббота 1—3 изъ нихъ 2 часа безплатныхъ.

Пособія: С. И. Боткинъ, Клиническія лекціи; О. Fraentzel, Лекціи о болѣзняхъ сердца; *Трахтенбергъ*, Лекціи о болѣзняхъ сердца. *Dujardin-Beaumont et G. Sée*, клиническія лекціи; *Н. Huchard*, Traité clinique des maladies du coeur et des vaisseaux *С. Lehr*, Die nervöse Herzschwäche (Neurasthenia vasomotorica); *А. Hoffmann*, Die paroxysmale Tachycardie; Его же, Die nervöse Herzleiden; *І. Hoffmann*, Funktionelle Herzmuskelschwäche; *Н. Hetz*, Zur Lehre von den Neurosen des perif. Kreislaufsapparates. Отдѣлы болѣзней сердца и легкихъ въ руководствахъ частной патологіи и терапіи *Эйхгорста*. *Штрюмеля*, *Brouardel*; Лечение легочной чахотки: *К. Turban*, Beiträge zur Kenntniss der Lungentuberculose; *Brissaud*, Traité de médecine, Т. I—V; Проф. *Захаринъ*, Клиническія лекціи; Проф. *Застыкскій*, Лекціи по частной патол. и терапіи внутр. болѣзней; Проф. *Понозъ*, Клиническія лекціи; Проф. *Филатовъ*, Лекціи объ инфекціонныхъ болѣзняхъ у дѣтей; *Neumann*, Сифилисъ внутр. органовъ.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

17) Приватъ-доцентъ К. И. Коровицкій (3 ч.) въ помѣщеніи терапевтической факультетской клиники: частная патологія и терапія; Болѣзни крови со включеніемъ описанія методовъ клиническаго изслѣдованія крови—понедѣльникъ 8—9 час., пятница 6—7 ч. Практическія занятія по клинической гематологіи—пятница 7—8 час.

Пособія для студентовъ обоихъ полугодій: *Впрюжскій*, Болѣзни крови; *Георгиевскій*, Клиническіе способы изслѣдованія крови и результаты ими полученные (до 1895 г.) 1897 г.; *Усковъ*, Кровь, какъ ткань. *Габричевскій*, Нормальная и патологическая морфологія крови: *Е. Grawitz*, Klinische Pathologie des Blutes, II Aufl. 1902 (Русск. пер. изд. «Совр. мед.» 1903 г.); *Limbeck*, Grundriss einer klinischen

Pathologie des Blutes, Aufl. II, 1896; *Schmaltz*, Die Pathologie des Blutes und die Blutkrankheiten, 1896; *Ehrlich* und *Lazarus* (und *Pincus*), Die Anaemie (und die Leukaemie, Haemoglobinaemie etc); *Hayem*, Leçons sur les modifications du sang, 1889; *Hayem*, Leçons sur les maladies du sang, 1900; *Grawitz*, Methodik. d. Blutuntersuchung. Aufl II, 1903; *Engel*, Leitfaden für klinische Untersuchungen des Blutes, 1898; *Labbé*, Le sang, 1902; *Ehrlich* и *Lazarus*, Патологія и терапія различныхъ формъ малокровія, изд. «Современной клиники», 1902; *Чирковъ*, Колич. опредѣленіе гемоглобина крови при помощи спектрометра Glan'a (Мед. Обозр., 1891 г.).

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

18) Приватъ-доцентъ А. А. Тржецѣскій (2 ч.) въ факульт. терапевт. клиникѣ: частная патологія, болѣзни органовъ пищеваенія по вторникамъ и четвергамъ 5—6 час.

Пособія: для студентовъ обохъ полугодій: *Ewald*, Klinik der Verdauungskrankheiten. Berlin 1893; *Boas*, Diagnostik u. Therapie der Magenkrankheiten. Leipzig, 1896—97 и русскій переводъ; *Nothnagel*, Die Erkrankungen des Darms und des Peritoneums. Wien 1898; *Boas*, Diagnostik u. Therapie der Darmkrankheiten. Leipzig 1898—99 и русскій переводъ; *Mathieu*; Traité des maladies de l'estomac et de l'intestin. Paris 1901; *Riegel*, Die Erkrank. des Magens 1897; *Ewald*, Klinik der Verdauungskrankheiten. Bd. III, 1902.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

19) Приватъ-доцентъ Н. А. Свенсонъ (2 ч.) въ Александровской больницѣ: частная патологія и терапія, инфекціонныя болѣзни. Вторникъ 1—2. Пятница 2—3.

Пособія: *Штрюмпель*, Учебн. частн. патолог. и терапіи внутр. заболѣв. Т. I, 1901; *Эпштейнъ* и *Швальбе*, Руководство по практич. медицинѣ 1901; *Эйхгорстъ*, Руководство по частн. патол. и терапіи 1897—98; *Филатовъ*, Инфекціонныя болѣзни, 1895; *Мечниковъ*, Невосприимчивость въ инфекц. болѣзняхъ, 1903; *Dieudonné*, Immunität und Serumtherapie, 1905; *Уетти*, Лихорадка, перев. 1896; *Jacoby*, Immunität und Disposition 1906.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

20) Приватъ-доцентъ А. С. Своехотовъ. Въ хирургической факультетской клиникѣ; клиника внутреннихъ болѣзней; болѣзни органовъ брюшной полости (4 ч.) по средамъ и воскресеньямъ отъ 8—10 час. утра.

Пособія: Штрюмпель, Учебн. частн. патол. и терапіи внутр. болѣзней I, II и III т.; *Эйхгорст*, Руководство къ частн. патол. и терапіи, т. I, II и III; *Schwarz*, Руков. по внутр. болѣзнямъ, I—II; *Боткинъ*, Клинич. лекціи вып. I и II; *Захарынъ*, Клинич. лекціи вып. I, II, III и IV; *Delafoy* Клинич. лекціи; *Трахтенбергъ*, Лекціи по болѣзнямъ сердца; *Broadbent*, Болѣзни сердца; *Соколовъ*, Лекціи изъ курса частн. патол. и терапіи.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

21) Экстраординарный профессоръ М. Н. Лапинскій (5 ч.) въ Александровской больницѣ и въ военномъ госпиталѣ: невропатологія и психіатрія. Невропатологія (3 час.). Заболѣванія головного мозга: страданія продолговатаго мозга и Варолиева моста. Понедѣльникъ 1—2 и среда 12—2 ч. Психіатрія (2 ч.): Невропсихозы. Въ военномъ госпиталѣ по субботамъ 8—10 ч. утра.

Практическія занятія по клиникѣ нервныхъ болѣзней: ежедневно 8—12 час. Практическія занятія по психіатріи ежедневно 8—12 ч.

Кабинетъ, лабораторіи и клиника открыты для практическихъ занятій ежедневно отъ 8 ч. утра до 12 ч. дня.

Пособія: Дашкевичъ, Общій курсъ нервныхъ болѣзней; *Щербакъ*, Клиническія лекціи по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ; *Оррenheim*, Учебникъ нервныхъ болѣзней; *Корниловъ*, Діагностика нервныхъ заболѣваній; *Корсаковъ*, Учебникъ психіатріи. *Кретелинъ*, Психіатрія; *Джемсъ*, Психологія; *Сухановъ*, Семіотика и діагностика душевныхъ болѣзней; *Raumont*, Клиническія лекціи.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

22) Приватъ-доцентъ П. И. Нечай (2 ч.) въ Кирилловской больницѣ: Клинич. психіатрія (1 часъ), среда 2—3 ч. Практическія занятія по психіатріи среда 3—4.

Кирилловская больница открыта для практическихъ занятій въ вечерніе часы 6—8 час.

Пособія: Учебники *Корсакова*, *Крафтъ-Эбинга*, *Шюле*.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

23) Привать-доцентъ К. М. Леплинскій (2 часа) въ лечебницѣ Леплинскаго; Психіатрія (2 часа); Уходъ за душевнобольными. діагностика душевныхъ болѣзней: пятница 4—6; психіатрія: пятница: среда 4—6.

Пособія: По психіатріи: *Крафтъ-Эбинъ*, Учебникъ психіатріи. 3-е русск. изд. 1901 г. Проф. *Сикорскій*, Всеобщая психологія съ фізіогномикой изд. 1905; *Крепелинъ*, Психіатрія; *Поповъ*, Лекціи по общей психопатологіи.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

24) Привать-доцентъ В. Г. Киселевъ (1 часъ) въ военномъ госпиталѣ: душевныя болѣзни (1 часъ)—избранные отдѣлы;—суббота 2—4. Практическія занятія по душевнымъ болѣзнямъ, суббота 3—4.

Кіевскій военный госпиталь открытъ для практическихъ занятій ежедневно отъ 10 ч. утра до 12 час. дня.

Пособія: Учебники психіатріи: *Корсакова*, *Kraft-Ebing'a*, *Kraepelin'a*, *Эрлицига*, *Ковалевскаго*.

25) Привать-доцентъ В. С е л е ц к і й (4 часа) въ Александровской больницѣ: Нервныя и душевныя болѣзни. Нервныя болѣзни (2 часа): Симптоматологія и діагностика разстройствъ двигательнаго аппарата и чувствительности, по понедѣльникамъ 6—8 час. Душевныя болѣзни (1 часъ). Общая психологія, по субботамъ 2—3 ч. Общая терапія душевныхъ болѣзней (1 часъ), по четвергамъ 2—3, аудиторія № 6.

Пособія: 1) по діагностикѣ нервныхъ заболѣваній и электродіагностикѣ: *Розенбахъ*, Основы діагностики нервныхъ болѣзней; *Корниловъ*, Методика и планъ изслѣд. болѣзней нервн. системы. *P. Moebius*. Diagnostik der Nervenkrankheiten. Руководства по нервн. болѣзнямъ: *Говерса*, *Штрюмпеля*, *Оппенгейма*; *H. Obersteiner*, Руководство къ изуч. центральной нервной системы, 1897; *Коротковъ*, Основы электродіагностики и электротерапіи. 2) По діагностикѣ душевныхъ заболѣваній: *Сухановъ*, Семіотика и діагностика душевныхъ болѣзней, 1904, ч. II 1905; *Kraepelin*, Введеніе въ психіатрическую клинику, 1901. Руководства по психіатріи *Корсакова*, *Крафтъ-Эбинга*, *Крепелина*. 3) По общей терапіи душевныхъ болѣзней: *Emminghaus*, Лѣченіе су-

машествія вообще, 1817; *И. Ковалевскій*, Лѣченіе душевныхъ и нервныхъ болѣзней, 1899; *И. Сижорскій*, Основные вопросы нервно-психическаго здравоохраненія; сборникъ научно-литературныхъ статей кн. III, 1900.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

26) Приватъ-доцентъ М. Колесниковъ (2 часа) въ военномъ госпиталѣ. Нервные и душевные болѣзни. Нервные болѣзни (1 часть). Методика изслѣдованія нервныхъ болѣзней: систематическое изслѣдованіе болѣзней спинного мозга по вторникамъ 6—7 час. вечера. Душевные болѣзни (1 часть). Распознаваніе душевныхъ болѣзней; методы изслѣдованія и наблюденія душевно-больныхъ; уходъ за душевно-больными по пятницамъ 6—7 час. вечера. Практическія занятія по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ ежедневно за исключеніемъ воскресныхъ дней и праздниковъ, 11—12 час.

Пособія: По нервнымъ болѣзнямъ: *Розенбахъ*, Курсъ діагностики нервныхъ болѣзней, Спб. 1887; *Говерсъ*, Діагностика болѣзней спинного мозга, Спб. 1881; *Бехтеревъ*, Проводящіе пути головного и спинного мозга, 2 тома, 1896 и 1898 г.; *Raymond*, Клиническія лекціи о болѣзняхъ нервной системы, 1895. Перев. съ франц. Автократова; *André*, Клиническій обзоръ болѣзней нервной системы. Пер. съ франц. Блуменау и Вырубова 1898 г.; По душевнымъ болѣзнямъ; *Крафтъ-Эбингъ*, Учебникъ психіатріи, русск. пер., Спб. 1897 г.; *Корсаковъ*, Учебникъ психіатріи, Москва 1901 г.; *Крепелинъ*, Учебникъ психіатріи, 1901 г.; *Эрлихъ*, Клинич. лекціи по душевнымъ болѣзнямъ, Спб. 1899 г.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

27) Приватъ-доцентъ В. Ларионовъ (2 ч.) въ помѣщ. Кіевск. Воен. Госпит. Нервные и душевные болѣзни. Нервн. болѣзни: топическая діагностика. Среда 8—9 ч. утра. Душевные болѣзни: классификація (1 ч.) пятница 8—9 час. утра. Практическія занятія по нервнымъ болѣзнямъ, понедѣльникъ 8—9 ч. утра въ военномъ госпиталѣ: по душевнымъ болѣзнямъ, четвергъ 8—9 ч. утра.

Пособія: *André*, Клиническій обзоръ болѣзней нервной системы, русскій перев. 1868 г.; *Gowers*, Руководство къ болѣзнямъ нервной системы, 2 тома, 1894—96; *Oppenheim*, Руководство по нервнымъ

болѣзнямъ, 1896; *Корсаковъ*, Методика и планъ изслѣдованія болѣзней нервн. системы 1862; *Е. Ретакъ*, Основы электродиагностики и электротерапии, 1901; *Корсаковъ*, Курсъ психіатріи, 1901; *Raymond*, Клинич. лекціи о болѣзняхъ нервной системы, 2 тома; *Эрлицкій*, Клинич. лекціи по душевнымъ болѣзнямъ, 1896; *Kraft-Ebing*, Учебникъ психіатріи, 1897; *Бехтеревъ*, Проводящіе пути мозга, 1896 и 1898.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

28) Ординарный профессоръ С. П. То м а ш е в с к і й (9 час.) въ военномъ госпиталѣ: Систематическое и клиническое ученіе о на-кожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ. Дерматологія (3 часа): Общая патологія, морфологія, діагностика и систематика болѣзней кожи; воспалительнаго, ангионейротическаго и нервнаго происхожденія. Си-филлидологія. Историческій очеркъ ученія о сифилисѣ и венерическихъ болѣзняхъ. Первичныя проявленія сифилиса: сифилитическія пораже-нія кондиломатознаго періода болѣзни. Вторникъ 10—12, четвергъ 11—1 час. пятница 12—2. Практическія занятія по кожн. болѣзнямъ и сифиллидол. по соглашенію со слушателями.

Кабинетъ, лабораторія и клиника открыты для практическихъ занятій ежедневно отъ 8 час. утра до 3 час. дня.

Пособія: По дерматологіи: *Дюрингъ*, Руководство къ изученію болѣзней кожи, перев. съ фр. Спб. 1884; *Капози М.* Патологія и терапия накожныхъ болѣзней, перев. съ нѣм. Харьковъ, 1881; *Берендъ* Учебникъ накожныхъ болѣзней, пер. съ нѣм. Москва, 1889. *Hardy A.* Traite pratique et descriptif des maladies de la peau, Paris 1889; *Постыловъ А.*, Краткій учебникъ кожнхъ болѣзней 3-е изд. Москва, 1896. По сифиллидологіи: *Лансеро Э.*, Ученіе о сифилисѣ, перев. съ фр. Сиб. 1887; *Лангъ Э.*, Лекціи по патологіи и терапіи сифилиса, перев. съ нѣм. Спб. 1886; *Fournier Alfred*, Leçons cliniques sur la syphilis 2 édit. Paris 1881; *Jullien Louis*, Traité pratique des mala-dies vénériennes. Paris, 1886; *Ге А.*, Курсъ венерическихъ болѣзней 6-е изд. Казань 1898.

Совѣщательный часъ: по четвергамъ 12—3.

29) Привать-доцентъ В. К. Б о р о в с к і й (3 часа) въ помеще-ніи патолого-анатомическаго института: Сифиллидологія и дерматологія. Сифиллидологія (1 часть): Историческій очеркъ ученія о сифилисѣ:

первичныя сифилитическія явленія; формы кондиломатознаго періода сифилиса. Вторникъ 7—8 час. веч. Дерматологія (1 часть): Анатомія и фізіологія кожи; патологія и діагностика кожныхъ придатковъ; симптоматическія болѣзни кожи, суббота 7—8 час. веч. Практическія занятія по сифиллологіи въ военномъ госпиталѣ—по 1 часу въ недѣлю: среда 2—4 час.

Сифилитическое отдѣленіе Кіевскаго военнаго госпиталя открыто для практическихъ занятій ежедневно 9—12 час. дня.

Пособія: для студентовъ обояхъ полугодій: *Э. Лансеро*. Ученіе о сифилисѣ, перев. подъ ред. проф. Тарновскаго, Спб. 1877; *Э. Лангъ*, Лекціи по патологіи и тераціи сифилиса, пер. Фейнберга Спб. 1886; *Дюрингъ*, Болѣзни кожи перев. 1884; *Лессеръ*, Кожныя болѣзни, 1894; *Постриловъ*, Учебныхъ кожныхъ болѣзней, послѣдн. изд.; *Джемсонъ*, Болѣзни кожи. перев. 1894; *Капози*, Патологія и терація сифилиса, перев. 1882; *Фурнье*, Сифилисъ мозга перев. 1882; *Rumpf*, Die syphilitischen Erkrankungen des Nervensystems 1887; *Фурнье*, Лѣченіе сифилиса перев. 1894; *Ге А.*, Курсъ венерическихъ болѣзней, Казань, 1888.

Совѣщательныя часы: послѣ лекцій.

30) Ординарный профессоръ В. П. Образцовъ (6 час.) Терапевтическая факультетская клиника — клиническій разборъ терапевтическихъ больныхъ съ болѣзнями преимущественно инфекціонными, органовъ дыханія, кровообращенія и мочеотдѣленія. Вторникъ, четвергъ и суббота 9—11 ч. Клиника открыта для практическихъ занятій отъ 8 до 2 час. дня и отъ 6 до 8 час. вечера.

Пособія: *Штрюмпель*, Руков. къ частной патологіи и тераціи, 1898; *Charcot, Bouchard et Brissaud*, Traité de médecine t. I—IV; *Nothnagel*, Specielle Pathologie und Therapie. *Leyden und Klemperer*, Deutsche Klinik am Eingange des zwanwingsten Jahrhunderts, Leyden, Handbuch d. Ernährungstherapie und Diäetik; *Боткинъ*, Клинич. лекціи; *Л. В. Поповъ*, Клинич. лекціи.

Совѣщательныя часы: по вторникамъ и субботамъ.

32) Ординарный профессоръ К. Э. Вагнеръ (6 час.) (военный госпиталь). Терапевтическая и госпитальная клиника. Клиническія лекціи соотвѣтственно накопленію клиническаго матеріала. Понедѣль-

никъ, четвергъ и пятница, 9—11 час. утра. Практическія занятія по госпит. терап. клиникъ, среда и суббота 4—6 час.

Терапевтическая госпитальная клиника и лабораторія при ней открыты для практическихъ занятій ежедневно отъ 8 час. утра до 8 час. вечера.

Пособія: *Боткинъ*, Курсъ клиники внутр. болѣзней и клинич. лекція, 2 тома 1899; *Захарьинъ*, Клинич. лекціи 4 выпуска, Москва, 1893; *Остроумовъ*, Клинич. лекціи 1895; *Засницкій*, Лекціи по частной патологіи и терапіи; *Соколовъ*. Лекціи частн. патол. и терапіи. *Barie*, Les maladies du coeur et de l'aorte 1903; *Ribbert*, Lehrbuch der speciellen Pathologie und d. speciellen pathol. Anatomie 1902; *Kühnemann*, Pract. Diagnostik der inneren Krankheiten mit besonderer Berücksichtigung d. differential Diagnostik, *Edlefsen*, Lehrbuch der Diagnostik der inneren Krankheiten, 1899; *Jakob*, Atlas d. klinischen Untersuchungsmethoden nebst Grundriss der klinischen Diagnostik. *Предмеченскій*, Руководство клинич. микроскопіи 1903; *Herz*, Die Störungen des Verdauungsapparates, als Ursache und Folge anderer Erkrankungen; *Rieder*, Руководство къ врачебной техникѣ, 1896; *Schwalbe*, Учебникъ частной патологіи и терапіи, 1901 г. *Potain*, Клинич. лекціи по болѣзнямъ сердца и ихъ лѣченію, 1898 г. *Huchard*, Maladies du coeur et des vaisseaux; *Л. В. Поповъ*, Клиническія лекціи; *Leyden und Klemperer*, Deutsche Klinik, 1893; *Leyden*, Физиологія, общая патологія и терапія питанія, 1903; *Соколовскій*, Болѣзни трахеи и бронховъ, 1906; *Эйхлорстъ*, Руковод. къ частной патологіи и терапіи, перев. подъ ред. Шапиро изд. 1895 г., 1890; *Charcot, Bouchard et Brissaud*. Traité de médecine tt. I—V 1891—1893; *Specielle Pathologie und Therapie*, herausgegeben von Prof. Dr. *H. Nothnagel*.

Совѣщательные часы: понедѣльникъ, четвергъ и пятница 11—12 час. дня.

30) Заслуженный ординарный профессоръ П. И. Морозовъ (14 ч.) въ аудиторіи оперативной хирургіи: Оперативная хирургія съ топографической анатоміей (4 ч.) Общее ученіе объ операціяхъ и наиболѣе употребительныхъ хирургическихъ инструментахъ: основные приемы разъединенія и соединенія тканей: операціи на кровеносныхъ

сосудахъ, мышцахъ, сухожиліяхъ и нервахъ: операціи на конечностяхъ, ампутаціи и вычлененія. По средамъ и субботамъ 8—10 ч. утра.

Практическія занятія по оперативной хирургіи съ топографической анатоміей (6 час. изъ коихъ платн. 2 ч.): Демонстрація важнѣйшихъ топографо-анатомическихъ областей на трупѣ и перевязка артеріальныхъ сосудовъ на протяженіи ихъ, — по группамъ, въ понедѣльникъ, среду и субботу 5—7 ч. веч.

Краткій повторительный курсъ оперативной хирургіи и топографической анатоміи (2 ч.). Курсъ необязательный (для желающихъ), пятница 7—9 час. вечера. Для фармацевтовъ: оказаніе медицинской помощи въ случаяхъ, требующихъ безотлагательнаго пособія (2 ч.), среда 1—3 ч.

Операціонная открыта для практическихъ занятій ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней) 5—8 час. вечера.

Пособія: По предмету оперативной хирургіи: *Бобровъ*, курсъ оперативной хирургіи, 4-е изд. Москва 1898; *Treves*, A Manual of operative Surgery, London 1903; *Kocher*, Chirurgische Operationslehre, 4-te, Aufl. Jena 1902, (русскій переводъ д-ра Мартынова, подъ ред. проф. Н. В. Склифасовскаго, изд. Риккера, Спб. 1899); *Löbker*, Chirurgische Operationslehre. 3-te, Aufl., Wien und Leipz. 1892, (русск. переводъ подъ редакц. проф. Подреза, съ 1-го нѣм. изд., Харьковъ, 1888); *Hueter-Lossen*, Grundriss der Chirurgie, 6-te, Aufl., Leipzig, (1889—90), русскій переводъ подъ редакціей проф. Левшина съ 1-го нѣм. изд. Спб. 1882—85); *Albert*, Lehrbuch der Chirurgie und Operatioslehre, 5-te, Aufl. Wien und Leipzig, 1897—98, (русскій переводъ д-ра Орѣчкина, Спб. 1899—1900); *Chalot*, Traité élémentaire de chirurgie et de med. opératoire 3-me édit Paris, 1898; *Esmarch und Kowalzig*, Chirurgische Technik. 3 Aufl., 1899, (русскій перев. подъ редакціей проф. Максимова, Спб. 1893); *Mac-Cormac*, Surgical Operations London 1889—1891; *Jacobson and Steward*, The Operations of Surgery 4-th edit., London. 1902; *Kocher u. Quervain*, Encyclop. d. gesammten Chirurgie, Leipzig 1902—03; *Bockenheimer und Frohse*, Atlas tyrischer chirurg. Operat. Jena 1906 г.; *Фишеръ*, Общее ученіе объ операціяхъ и инструментахъ, перев. 1882. По предмету топографической и хирургической анатоміи: *Hyrtl*, Handbuch der topographischen Anatomie 7-te. Aufl., Wien 1882; *Rüdinger*, Topographisch-chirurgische Anatomie des Menschen, Stuttgart 1878—79; *Puuz*, Прак-

тичск. руководство хирургической анатоміи, перев. подъ редакціей проф. П. Ф Лесгафта 1885; *Рюдинеръ*, Курсъ топографической анатоміи; перев., Спб., 1893; *Пироговъ*, Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій, Спб. 1881--82; *Henke*, Topographische Anatomie des Menschen, Atlas. Berlin, 1879; *Henke*, Handatlas und Anleitung zum Studium der Anatomie des Menschen, Berlin 1889; *Bardleben* und *Haeckel*, Atlas der topograph. Anatomie des Menschen, Jena; letzte Aufl.; *Merkel*, Handbuch der topograph. Anatomie. Braunschweig, Bd. I und II 1885—99; *Joessel* u. *Waldeyer*, Lehrbuch der topographisch-chirurgischen Anatomie, Bonn, 1884—99 I und II Th.; *Deaver*, Surgical Anatomy, London, 1899—901; *Zuckerkanndl*, Atlas der topogr. Anatomie des Menschen, Wien u. Leipzig, 1900—1901; *Schultze*, Atlas und Grundriss der topograf. und angewandten Anatomie. München 1903. По предмету оказанія скорой медицинской помощи въ случаяхъ, требующихъ безотлагательнаго пособія: *Erste ärztliche Hilfe*, bearb. und herausg von Meyer., Berlin. 1903. Русскій переводъ д-ра Гершуна, Спб. 1904; *Блау*, Диагностика и терапия при угрожающихъ опасностью болѣзни симптомахъ, пер. Спб. 1885 г.

Совѣщательные часы: вторникъ 10—11 и четвергъ 1—2.

34) Сверхштатный заслуженный ординарный проф. О. А. Рустичскій (4 ч.) въ секционной залѣ судебно-медицинскаго кабинета: Оперативная хирургія: Практическія занятія по предмету оперативн. хирургіи: операц. на кровеносныхъ сосудахъ, мышцахъ, сухожиліяхъ и нервахъ: операція на конечностяхъ: ампутаціи, вычлененія и резекціи. Вторникъ и четвергъ 5—7.

Пособія: *Бобровъ*, Курсъ оперативной хирургіи, Москва 1898; *Treves*, Руководство по хирургическимъ операціямъ для учащихся, Спб. 1899; *Esmarch* и *Kowalzig*, Хирургическая техника II и III томы, русск. перев. Максимова Спб. 1895.

Совѣщательные часы: послѣ практическихъ занятій.

35) Ординарный профессоръ А. Д. Павловскій (12 ч.) Хирургическая патологія и терапия съ десмургією и ученіемъ о переломахъ и вывихахъ и Бактеріологія съ ученіемъ объ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Хирургическая патологія и терапия (3 ч.). Ученіе о воспаленіи и нагноеніи: нарывы, флегмонозные нагноенія, ученіе о раненіи, классификація и виды ранъ—кровотеченіе и кровеостанавливаніе, уче-

ніе о тромбозѣ и эмболии, — *prima* и *secunda intentio* ранъ,—осложненія при заживленіи ранъ, особенно острыя и хроническія инфекціонныя болѣзни ранъ, объ язвахъ и свищахъ, объ омертвѣніи, объ ушибахъ и сотрясеніи тканей, объ ожогахъ и отмороженіи, ученіе объ опухоляхъ. Въ главномъ зданіи Университета Аудиторіи XIII и XV; понедѣльникъ 12—2 и вторникъ, 10—12. Десмургія съ ученіемъ о переломахъ и вывихахъ (2 ч.): Перевязка ранъ антисептическая и асептическая, теорія дѣйствія антисептическихъ веществъ. Физическая антисептика ранъ, теорія асептическаго метода леченія ранъ и приборы для асептики, постоянное орошеніе и ванны; повязки бинтовья, косыночныя, шинныя и отвердѣвающая; повязки Desault'a, Sayr'a, Байнтона, Фрике и др.: важнѣйшіе ортопедическіе аппараты; корсеты, бандажи, турникеты, протезы и искусственныя конечности. Малыя операціи; ученіе о переломахъ и вывихахъ. Суббота 12—2. Бактеріологія съ ученіемъ объ инфекціонныхъ болѣзняхъ; (2 ч. Курсъ необязательный). Общія понятія о морфологіи и физиологіи микробовъ, ихъ біологія, методы бактериологическихъ изслѣдованій и основные методы бактериологіи: ученіе объ инфекціи и иммунитѣ, жизнь, болѣзнь и смерть организма; ученіе объ основныхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Среда 5—7 въ аудит. XIII и XV. Практическія занятія по десмургіи съ ученіемъ о переломахъ и вывихахъ (2 часа бесплатно)—четвергъ 5—7 час. вечера.

Лабораторія хирургической патологіи и терапіи открыта для практическихъ занятій ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 9 утра до 4 час. дня.

Пособія: По хирургической патологіи и терапіи: *Tillmans*, *Lehrbuch der allgemein und speciell. Chirurgie*, 4-te Aufl., Leipzig, 1896; въ русск. перев. изд. журн. «Практич. медиц.», Спб. 1890 — 93 и подъ ред. Введенскаго, Москва 1895; *Landerer*, Руководство общей хирургической патологіи и терапіи, русск. переводъ, Спб. 1894 (2-е изд.) его: *Handbuch d. Allegem. chirurg. Pathologie u. Therapie*, 2, Aufl. Wien u. Leipzig 1898; *Билльротъ* и *Винивартеръ*, Общая хирургическая патологія и терапія, русскій переводъ подъ редакціей Навроцкаго, Москва, 1890; *Erich Lechser*, *Lehrbuch der allegem. Chirurgie* Bd. I, Stuttgart 1904; *Leser*, Спеціальная хирургія, русскій переводъ, изд. «Практич. медиц.» 1905 г.: *Dentu et P. Delbert*, *Traité de chirurgie clinique*, Paris vol. I—VIII 1896—1900; *Bergmann*,

Brunс и *Mikulicz*, Руководство практическ. хирургіи т. I—IV, русск. пер. 1902—1903; *Ribbert*, Die Lehre von Geschwülsten 1903; *Borst*, Geschwülste Bd. 1—2, 1905. Русская хирургія. Изд. подъ ред. Дьяконова, Москва 1903—904 г., Спб. 1903. По десмургіи съ учениемъ о переломахъ и вывихахъ: *Турнеръ*, Руководство къ наложенію повязокъ, Спб. 1899 г.; *А. Бобровъ*, Руководство къ изученію хирургическихъ повязокъ, изд. 4-е, Москва 1896; *Esmarch und Kowalzig*, Хирургическая техника. Спб. 1893—94 г., 2 т. изд. Главн. Военно-Медицинскаго Управленія; *Шиммельбушъ*, Руководство къ асептическому пользованію ранъ. русскій переводъ изд. Риккера, Спб. 1892; *Штеттеръ*, Компендіумъ ученія о переломахъ, Спб. 1895 (изд. Петрова); *Hoffä*, Handbuch der Verbandlehre, München 1894; *Hoffä*, Учебникъ ортопедической хирургіи, въ русскомъ переводѣ журналъ «Практ. Мед.» Спб. 1893—94; *Бобровъ*, Ученіе о вывихахъ, Москва 1896; *Kocher*, Beitr. zur Kenntniss einiger praktischwichtigen Frakturformen. Basel u. Leipzig 1896. По бактериологіи съ учениемъ объ инфекціонныхъ болѣзняхъ: *Габричевскій*, Медицинская бактериологія, 2 изд. Спб. 1903 г.; *Hunter*, Бактеріологія, русскій переводъ, изд. ред. Галлера 2-е изд. *Mace*, Traité de Bakteriologie, Paris 1901, 4-е изд.; *Wassermann* и *Kolle*, Handb. der pathogenen Mikroorganismen 1909; *Kolle u. Hetsch*, Die experimentelle Bakteriologie u. die Infektionskrankheiten, Berlin Wien 1906.

Совѣщательные часы: понедѣльникъ, вторникъ и четвергъ, одинъ часъ послѣ лекцій.

36) Приватъ-доцентъ Б. С. Козловскій (3 ч.) въ помѣщеніи секціоннаго зала при судебно-медицинскомъ кабинетѣ: Хирургическая патологія и терапія, патологія и терапія травматическихъ поврежденій черепной, грудной и брюшной полости. Пятница 5—6, Ученіе о вывихахъ и переломахъ, среда 6—7.

Практическія занятія по хирургической патологіи и терапіи травматическихъ поврежденій.

Пособія: *Bergmann*, *Brunс*, *Mikulicz*, Руководство къ практической хирургіи, русскій переводъ 1901; *Лежаръ*, Хирургическая помощь въ неотложныхъ случаяхъ 1902—903 г. русскій переводъ; *Эсмархъ* и *Ковальшицъ*, Хирургическая техника т. I—IV русскій переводъ 1895; *Дьяконовъ*, *Рейнъ*, *Лысенковъ*, Лекціи оперативной хирур-

гій вып. I — IV 1601 — 1904; *Kocher, Chirurgische Operationslehre* 1903, русскій переводъ.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

37) Приватъ-доцентъ Н. Н. Жукъ (2 ч.) болѣзни уха, носа и горла въ тереневтической факультетской клиникѣ по вторникамъ 5—7 час.

Пособія: В. Н. Никитинъ — болѣзни носовой полости 1902; В. Н. Никитинъ — болѣзни горла 1906; *Албертъ Гериманъ*, ушныя болѣзни 1900 г.; *Ф. Шежъ*, болѣзни полости рта, носа и зѣва 1903; *I. Gottstein*, болѣзни горла 1896.

Совѣщательный часъ — послѣ лекцій.

38) Приватъ-доцентъ П. Качковскій (1 ч.) въ дѣтской лечебницѣ (Бульв.-Кудрявск. 20) Хирургическая діагностика съ терапіей (1 ч.) понедѣльникъ 1—2 час. Практическія занятія по хирургической діагностикѣ съ терапіей 12—2 ч. понедѣльникъ, среда и пятница въ дѣтской лечебницѣ, Бульв.-Кудр., № 20 9—11 час. понедѣльникъ, среда и пятница въ больницѣ для чернорабочихъ 12—2 час.

Пособія: для студентовъ всѣхъ полугодій D-г *A Hoffà*, Руководство ортопедической хирургіи 1894; проф. *Landerer* и проф. *Л. Леоншинъ* — Руководство къ хирургической діагностикѣ, 1896 г.; D-г *Zuckerkindl*, Атласъ и основы ученія о хирургическихъ операціяхъ. Русскій переводъ 1901; *Ф. Лежаръ*, Хирургическая помощь въ неотложныхъ случаяхъ 1902—1903.

Совѣщательные часы — ежедневно 12—2 ч.

39) Приватъ-доцентъ Н. Трофимовъ (4 ч.) въ хирург. фак. клиникѣ: Болѣзни уха, горла и носа: методы изслѣдованія, патологія и терапія болѣзней уха, носа и горла (2 ч.) понедѣльникъ и среда 7—9 час. Практическія занятія въ хирург. фак. клиникѣ. Клиника болѣзней уха, горла и носа. Въ военномъ госпит. 2 ч. Суббота 12—2 ч. Практическія занятія по болѣзнямъ уха, горла и носа. Въ хирургич. факульт. клиникѣ 2 ч. Понедѣльникъ и среда 8—9 ч. веч.

Пособія: *Бецольдъ*, Руководство ушныхъ болѣзней; *Геринъ*, хирургическое лѣченіе болѣзней носа и придат. полостей; *Розенбергъ*, лѣченіе болѣзней носа и глотки.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

40) **Ординарный профессор Л. А. Малиновскій** (6 час.) въ помѣщеніи хирургической факультетской клиники. Хирургическая факультетская клиника: Частная хирургія—клиническія лекціи. Вторникъ, четвергъ и суббота 11—1. Практическія занятія по клинической хирургіи, приемъ амбулаторныхъ больныхъ и наложеніе повязокъ, ежедневно отъ 1 до 2 часовъ дня и вечернія визитаціи больныхъ въ клиникѣ, ежедневно 5—7 час. вечера.

Пособія: *Борнмаунтъ*, Руководство къ хирургической патологіи и терапіи, Кіевъ, 1890; *Венитъ*, Частная хирургія, 1897; *Albert*, Lehrbuch d. speciellen Chirurgie; *Tillmans*, Руководство къ частной хирургіи, Спб. 1896; *Duplay et Reclus*, Traité de chirurgie. Русская хирургія изд. подъ ред. Дьяконова.

Совѣщательные часы: ежедневно 1—2.

41) **Экстраординарный профессор Н. М. Волковичъ** (6 час.) въ военномъ госпиталѣ. Хирургическая госпитальная клиника, хирургическая клиника: понедельник 11—1, среда и суббота 10—12. Практическія занятія по клинической хирургіи: операціи, перевязки, наблюденія надъ больными въ нелекціонные дни 9—3 час.

Хирургическая клиника открыта ежедневно отъ 9 час. утра до 3 час. по полудни.

Пособія: *König*, Lehrbuch d. spec. Chirurgie 1894; *Leser*, Die specielle Chirurgie in 60 Vorlesungen, 1904; *Bergmann, Bruns und Miculicz*, Handbuch d. practischen Chirurgie 1902—1903 и русскій переводъ; *Le-Dentu et Delbet*, Traité de chirurgie clinique et opératoire 1896—1900.

Совѣщательныя часы: ежедневно 8—10 час. утра.

42) **Приватъ-доцентъ А. Г. Радзиевскій** (2 часа) хирургія мочевыхъ путей (1 часъ) среда 6—8 час. фак. хирург. клип.

Пособія: для студентовъ обоеихъ полугодій: *J. Duplay et P. Reclus*, Traité de chirurgie V. *Bergmann, Bruns und v. Miculicz*, Handb. der practischen Chirurgie Bd. III, 2-te Hälfte (тоже въ русск. перев.); *König*, Частная хирургія, 1897; *Nitze*, Kystoscopie; *Гюйонъ*, Лекціи по хирургіи мочевыхъ путей: Русская хирургія подъ ред. проф. Дьяконова, Левшина, Разумовскаго и Субботина.

Совѣщательныя часы: послѣ лекцій.

43) Экстраординарный профессор Шимановскій (6 час.) въ офтальмологической клиникѣ: Офтальмологія съ клинкою. Теоретическая офтальмологія (2 часа): Рефракція и аккомодация глаза; болѣзни глазницы, слезныхъ органовъ и слезопроводящихъ каналовъ; болѣзни соединительной оболочки глаза, роговицы, склеры и сосудистой оболочки глаза; болѣзни хрусталика. Понедѣльникъ и пятница 8—9 ч. Офтальмологическая клиника (4 часа). Клиническій разборъ больныхъ стационарныхъ и приходящихъ, вторникъ и среда 8—10 час. Глазныя операціи по четвергамъ 9—10 часовъ утра.

Глазная клиника открыта для практическихъ занятій ежедневно отъ 9 час. утро до 7 час. вечера, кромѣ праздниковъ.

Пособія: *Ходинъ*, Практическая офтальмологія; *Крюковъ*, Курсъ глазныхъ болѣзней; *М. Манделъштамъ*, Клиническія лекціи по глазнымъ болѣзнямъ. *Шмидтъ-Римлеръ* Глазныя болѣзни и офтальмоскопія; *Панасъ*, Клиническія лекціи по офтальмологіи; *Науб*, Основы глазныхъ операцій.

Совѣщательныя часы: отъ 10 до 2 часовъ ежедневно кромѣ часовъ занятыхъ лекціями.

44) Ординарный профессоръ А. А. Муратовъ (9 час.) въ акушерско-гинекологической клиникѣ: Систематическій курсъ акушер. 3 часа въ недѣлю: вторникъ 8—9, четвергъ 8—10. Акушерско-гинекологическая клиника (6 час.) понедѣльникъ, среда и пятница 9—11 ч. Гинекологическая поликлиника (необязательно), время по соглашенію со слушателями.

Практическія занятія по практическому акушерству и гинекологіи по группамъ: 1) пріемъ амбулаторныхъ больныхъ ежедневно, 2) Присутствованіе при родахъ по группамъ.—по мѣрѣ поступленія роженецъ, 3) гинекологическія операціи—по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ 9—11 час. дня, 4) ежедневныя очередныя дежурства по клиникѣ, 5) акушерская поликлиника ежедневно, — по мѣрѣ поступленія приглашеній отъ больныхъ и 6) упражненія на фантомѣ съ ординаторами клиники.

Акушерская клиника открыта для практическихъ занятій ежедневно отъ 7 часовъ утра до 4 час. дня и отъ 5 до 8 часовъ вечера. Для дежурства при трудно больныхъ и для присутствованія при ро-

дахъ въ поликлиникѣ студенты приглашаются во всякое время дня и ночи.

Пособія: *Шредеръ*, Акушерство; *Альфелдъ* Акушерство *I. Фритчъ*, Женск. болѣзни посл. изд.; *Кюстнеръ О.*, Гинекологія, посл. изд.; *К. Шредеръ*, Учебникъ акушерства, переводъ подъ редакціей проф. Г. Е. Рейна; посл. русск. изд. Мах. *Runge*, Lehrbuch der Geburtshilfe, 1901; *Fehling*, Lehrbuch der Frauenkrankheiten, 1900; *Chrobak und Resthorn*, Die Erkrankungen der weiblichen Geschlechtsorgane 1900; *Лазаревичъ И.* Акушерство, посл. изд.; *Буденъ*, Руков. къ изученію акушерства пер. проф. Островскаго; *Budin*, Clinique obstetricale; *Славянскій*, частная патологія и терапія жепскихъ болѣзней; *Толочиноваъ*, Женскія болѣзни; Акад. *Красовскій*, Оперативное акушерство 4-е изд. *Фритчъ*, Женскія болѣзни, посл. изд. и клиника акушерскихъ операций; *А. Муратовъ*, Клиническія лекціи по акушерству и женскимъ болѣзнямъ; *Феноменоваъ*. Оперативное акушерство, послѣднее изданіе.

Совѣщательные часы: ежедневно за исключеніемъ праздниковъ, отъ 9 до 12¹/₂ час. дня кромѣ часовъ занятыхъ лекціями.

46) Приватъ-доцентъ В. А. Добронравовъ (8 час.) въ Александровской больницѣ и лѣчебницѣ Благотворительнаго общества: Діагностика съ поликлиникой женскихъ болѣзней (4 часа). Воспалительныя формы и новообразованія матки, среда и пятница 11—2 ч. Оперативное акушерство (4 часа) полный курсъ съ практическими упражненіями,—вторникъ и четвергъ 4—6. Практическія занятія по діагностикѣ съ поликлиникою женскихъ болѣзней и по оперативному акушерству производятся въ концѣ каждой лекціи.

Кабинетъ гинекологической діагностики и лѣчебницы Благотворительнаго общества открыты для практическихъ занятій въ часы, назначенные для лекцій.

Пособія: по діагностикѣ съ поликлиникою женскихъ болѣзней: Курсъ лекцій по діагностикѣ съ поликлиникою женскихъ болѣзней, прив.-доп. д-ра медиц. В. А. Добронравова, Кіевъ изд. 2-е дополненное, 1894; По оперативному акушерству: Лекціи проф. *Феноменова*, Казань изд. 3-е 1897.

Совѣщательный часъ послѣ лекцій.

47) Привать-доцентъ П. Г. Бондаревъ (3 час.) въ помѣщ. Акушер. Клин., оперативное акушерство. Оперативное акушерство (2 час.). Понедѣльникъ 7—8 час. вечера; суббота 7—8.

Учебники *Красовскаго*, *Феноменова*, *Толочинова*, *Döderlein'a*, *Снешревъ*, Маточныя кровотеченія; *Толочиновъ*, Учебникъ женскихъ болѣзней *Küstner*: Краткій учебникъ гинекологіи *Fritsch*: Женскія болѣзни 1903.

Совѣщательный часъ: послѣ лекцій.

48) Привать-доцентъ А. И. Ивановъ (4 час.) въ Александровской больницѣ; Акушерство (2 час.). Вторникъ 7—8 ч. среда. 5—6 ч. четвергъ 6—7 ч.; 7—8 час.

Пособія: *Красовскій*, Оперативное акушерство; *Феноменовъ*, Оперативное акушерство; *Zweifel*. Handbuch d. Geburtshülfe, 4-е изд. *Fournier et Budin* Accouchements; *Бумъ*, Акушерство.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

49) Привать-доцентъ Н. К. Неёловъ (2 часа) въ помѣщеніи факультетской клиники: Акушерство и женскія болѣзни. Акушерство. Послѣродовыя заболѣванія; среда 8—9 час. веч. По гинекологіи: болѣзни яичниковъ и трубъ, пятница 7—8 час. вечера.

Пособія: Учебники: *Шредера*, *Славянскаго*, *Феноменова*, *Скутша*, *Костюрина*, *Красовскаго*, *Толочинова*, *Krönig* и *Döderlein*, *Veit*, *Martin*, *Неёловъ*, Лекціи о послѣродовыхъ заболѣваніяхъ и ихъ лѣченіи, привать-доцента.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

50) Привать-доцентъ А. П. Яхонтовъ (1 часъ) въ аудиторіи общей патологіи. Оперативное акушерство на фантомѣ (практическія занятія). Четвергъ 6—7 час. вечера.

Пособія: *Ф. Славянскій*. Частная патологія и терапія женскихъ болѣзней, 1888—1897; *E. Doyen*, *Technique chirurgicale générale, opérations gynécologiques*; *Ortmann*, Курсъ гинекологическихъ операций, Спб. 1901; *M. Hoffmeier*, Очеркъ основъ гинекологическихъ операций, Спб. 1893; *Pozzi*. Руководство клинической и оперативной гинекологіи, 1897; *O. Küstner*, Краткій учебникъ гинекологіи, переводъ подъ

редакціей проф. В. Груздева: *H. Fritsch*, Женскія болѣзни, перев. съ 10 вѣмецкаго изд. Спб. 1903 г.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

51) Приватъ-доцентъ Г. П и с е м с к і й (2 часа) въ Александровской больницѣ: оперативная и практическая гинекологія. Четвергъ 10—11 час. Практическія занятія по гинекологической діагностикѣ суббота 10—11 час.

Пособія: *Славянскій К.*, Частная патологія и терапія женскихъ болѣзней, Т. I, Спб. 1888 г. и т. II, Спб., 1897 г.; *Снегиревъ В. Ф.* Маточныя кровотеченія, Москва, 1895; *Толочиновъ Н. Ф.* Учебникъ женскихъ болѣзней, Харьковъ, 1897 г.; *Küstner O.* Краткій учебникъ гинекологіи Спб. 1903 г.; *Красовскій*, Оперативное акушерство; *Феноменовъ*, Оперативное акушерство; *Von Winckel*, Handb. d. Geburtshilfe. *Döderlein und Kröning*, Operative gynäkologie, *Kelly*, Operative Gynecologie.

Совѣщательные часы: ежедневно 10—12 ч.

52) Ординарный профессоръ В. Е. Ч е р п о в ъ (5 час.) въ Александровской больницѣ: Дѣтскія болѣзни (4 часа). Анатомио-физиологическія особенности дѣтскаго организма; женское, коровье и другихъ животныхъ молоко; естественное и искусственное вскармливаніе грудныхъ дѣтей; суррогаты, замѣняющіе женское молоко при искусственномъ вскармливаниі грудныхъ дѣтей: діететика и гигиена дѣтскаго возраста; физическое воспитаніе дѣтей; болѣзни новорожденныхъ; болѣзни рта, зѣва, глотки, носоглоточнаго пространства, заднеглоточные нарывы: болѣзни пупка и vulvo-vaginitis дѣвочекъ; острые и хроническія заболѣванія кишечника. Дѣтская холера. Паразиты кишечника. Понедѣльникъ 11—1, пятница 1—3.

Практическія занятія по дѣтскимъ болѣзнямъ (1 часть бесплатно) четвергъ 3—4.

Клиника дѣтскихъ болѣзней открыта для практическихъ занятій отъ 7 часовъ утра до 5 пополудни.

Пособія: *O. Heubner*, Lehrbuch der Kinderheilkunde, 1906; *A. Baginsky*, Руков. къ дѣтскимъ болѣзнямъ 1897; *Prof. M. Pfandler* и *A. Schlossmann* Lehrbuch der Kinderheilkunde 1896; Leipzig, проф. *Н. Филатовъ*, Лекція объ острыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ

у дѣтей, Москва, 1903; его-же, Семіотика и діагностика дѣтскихъ болѣзней, 1905 г.; его-же. Клинич. лекціи 1901—1902; *Миллеръ*, Анатомио-физиологическія особенности дѣтскаго организма, Москва, 1885; Проф. *Якоби*, Терапія дѣтскаго возраста, русскій переводъ, Кіевъ, 1898; Проф. *Гундобинъ*, Особенности дѣтскаго возраста, 1906 г.

Совѣщательные часы: понедѣльникъ 10—11 часовъ и пятница 11—12 часовъ.

53) Приватъ-доцентъ А. Карницкій (2 часа) въ факультет. терап. клиникѣ. Дѣтскія болѣзни, болѣзни новорожденныхъ. Вторникъ и суббота 2—3.

Поликлиника и клиника дѣтскихъ болѣзней. Больница Императора Николая II при Покровскомъ монастырѣ; по соглашенію со студентами.

Пособія: для студ. обоихъ полугодій: *Н. Филатовъ*, Семіотика дѣтскихъ болѣзней; Его-же, Клинич. лекціи 1901—1902; *Якоби*, Общая терапія дѣтскихъ болѣзней, 1898 г. *Неночъ*, Лекціи по дѣтскимъ болѣзнямъ, русск. перев. *Baginsky, Lehrb. der Kinderkrankheiten*, 1899; Проф. *Гундобинъ*, Особенности дѣтскаго возраста, 1906; проф. *Якоби*, Терапія дѣтскаго возраста, русскій переводъ 1898; проф. *Гундобинъ*, Общая терапія дѣтскаго возраста, 1900.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

54) Ординарный профессоръ и деканъ факультета Н. А. Оболонскій (6 час.). Судебная медицина съ судебной психопатологіей и токсикологіей. Судебная медицина (2 ч.) въ зданіи Анатомическаго театра: Введеніе, исторія судебной медицины; обрядовой отдѣлъ; изслѣдованіе трупа, разные виды насильственной смерти. Среда 11—12 и четвергъ 1—2. Клиническія лекцій по судебной психопатологіи, утаиванію и симулированію болѣзни (3 часа) въ клиническомъ судебно-медицинскомъ отдѣленіи военнаго госпиталя; вторникъ 12—2 и пятница 11—12.

Практическія занятія: Судебно-медицинское изслѣдованіе труповъ по мѣрѣ ихъ накопленія (3 часа) въ помѣщеніи судебно-медицинскаго кабинета: понедѣльникъ, четвергъ и суббота 10—11 час. Судебно-медицинское изслѣдованіе (1 часъ безплатно) вещественныхъ доказа-

тельство въ помѣщеніи судебно-медицинскаго кабинета, — понедѣльникъ 6—7 час. вечера.

Лабораторія и музей открыты для практическихъ занятій ежедневно 10—2 ч.

Пособія: *Оболонскій*, Пособникъ при судебно медицинскомъ изслѣдованіи труповъ, Спб. 1894; Учебникъ судебной медицины, д-ра *Э. фонъ-Гофмана*, перев. съ 5-го нѣм. изд. подъ ред. проф. Сорокина, Спб. 1891, — или же переводъ съ тогоже изд. подъ ред. проф. Штольца, Спб. 1891; *Штрассманъ*, Руководство къ судебной медицинѣ; Проф. *Косоротовъ*, Токсикологія; *Крафтз Эбинъ*, Судебная психопатологія 1905.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

55) Ординарный профессоръ В. Д. Орловъ (5 ч.) въ помѣщеніи гигиенической лабораторіи: Общественная и частная гигиена, медицинская полиція и статистика. Гигиена, медицинская полиція и статистика (4 ч.); Общее введеніе; Статистическій методъ въ приложеніи къ задачамъ гигиены; Группа климата: а) внѣшній климатъ, б) жилище и его матеріалы; отопленіе, освѣщеніе, вентиляція, в) одежда и ея матеріалы; значеніе отдѣльныхъ частей одежды, чистота одежды и критерій чистоты, дезинфекція жилища и одежды, дезинфицирующія средства и дезинфекціонные приборы и аппараты. Больницы, ихъ типы и системы, школы и ихъ устройство. Заразныя болѣзни и мѣры борьбы съ ними. Профессиональная гигиена въ ея главныхъ видахъ, фабрики, ремесла, войска, тюрьмы. Вторникъ 9—10 и четвергъ 8—10. Практическія занятія по предметамъ гигиены (методика) и медицинской полиціи (2 ч.) по группамъ, — понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятница 5—7 час. вечера.

Гигиеническая лабораторія открыта для практическихъ занятій ежедневно 10—3 часовъ дня и вечеромъ въ часы практическихъ занятій.

Пособія: *К. Флюге*, Основы гигиены, перев. Спб. 1893; Его-же, Руководство къ гигиеническимъ методамъ изслѣдованія, переводъ подъ редакц. Шмелева, Спб. 1882; *Эрисманъ, Ф. Ф.*, Курсъ гигиены большой и малый, Москва, 1897 и 1899; *Доброславинъ А. П.*, Курсъ гигиены ч. I, Спб., 1889 и ч. II, 1887; *К. Фойтз*, Физиологія общаго питанія и обмѣна веществъ, пер. проф. А. П. Щербакова, Спб 1885;

Бауэрз, О питанія больныхъ и діететическихъ способахъ лѣченія, пер. М. Я. Капустина, Спб. 1885; *А. О. Щербаковъ*, Способы санитарныхъ изслѣдованій, ч. I, Спб. 1877 и ч. II, 1882; *Скворцовъ И.*, Планы и способы санитарныхъ изслѣдованій, Харьковъ 1889; *König J.*, Chemische Zusammensetzung der menschlichen. Nahrungs und Genussmittel, посл. изд., Berlin; *Richard J.*, Encyclopedie d'hygiène et de médecine publique, Paris, tomes, I—IV, 1889—92; *Leyden*, Die Ernährungstherapie und Diätetik Bd. I и II, 1899; *Lehmann K.*, Die Methoden der praktischen Hygiene, Wiesbaden, 1890 и русскій пер. 1903; *Рубнеръ М.*, Учебникъ гигиены пер., Спб. 1898; *Emmerich und Trillich H.*, Anleitung zur hygienischen Untersuchungen, München, 1892 и посл. изд.; *Weil Th.*, Handbuch der Hygiene, Berlin, 1900—1905; *Hueppe F.*, Handbuch der Hygiene, Berlin, 1900; Его-же русскій перев. Спб. 1901; *Левицъ*, Краткое руководство къ химическому изслѣдованію воды, 1901; *Froust A.*, Traité d'hygiène, Paris 1902; *Prausnitz W.*, Основы гигиены, перев., 1904; *В. Д. Орловъ*, Пособіе къ практическимъ занятіямъ по гигиенѣ и медиц. полиціи, для студ. медиц. фак. универс. св. Владимира, 1905 г.; *Ohrmüller W.*, Анализъ воды, переводъ съ нѣм., 1900.

Совѣщательные часы: въ часы практическихъ занятій.

56) Приватъ-доцентъ А. В. Корчакъ-Ченурковскій (1 ч.) въ аудиторіи глазной клиники, эпидемиологія и общественная медицина, по 1 ч. въ недѣлю, среда 7—8 час. вечера. Курсъ общей эпидемиологіи. Понятіе объ эпидеміяхъ. Системы раздѣленія эпидемій. Этіологія эпидемической среды. Понятіе о заразѣ. Отношеніе животного организма къ заразѣ. Предрасположеніе и иммунитетъ. Теченіе эпидемій. Борьба съ эпидеміями.

Пособія: а) по эпидемиологіи: Prof. *A. Weichselbaum*, Epidemiologie, Jena, 1899 и русск. перев., изд. журн. «Практ. медиц.» 1900; *M. Léon Colin*, Epidemiologie (въ Encyclopedie d'hygiène et de médecine publique, red. par. Jules Richard I и II, Paris); *A. Gottstein*, Allgemeine Epidemiologie, Leipzig, 1897; б) По социальной гигиенѣ: Проф. *Капустинъ*, Основные вопросы земской медицины, 1889; *Е. А. Осиповъ*, *И. В. Поповъ* и *П. Куркинъ*, Русская земская медицина; *Feugelberger*, Geschichte, Einteilung und Organisation der oeffentlichen Gesundheitspflege in den Kulturstaaten, *Ziemsens*, Руков. частн. патол., т. I, Общ. Гиг. и промысл. болѣзни.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

57) Приватъ-доц. засл. проф. И. П. Скворцовъ. Эпидемиологія и санитарная полиція, 2 часа въ недѣлю въ гигиенич. лабор. Общая эпидемиологія, исторія, условія происхожденія и распространенія эпидемій вообще, общія мѣры борьбы съ ними международнаго, государственнаго, общественнаго и личнаго характера. Понедѣльникъ, 10—12 часовъ.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

58) Ординарный профессоръ Я. Н. Барзиловскій (6 час.), изъ нихъ 2 часа бесплатныхъ, въ помѣщеніи неорганическаго отдѣленія химической лабораторіи: Неорганическая химія (6 час.); Металлоиды и металлы, вторникъ и среда 1—2 ч., четвергъ 9—11 час. и суббота 1—3 час.

Практическія занятія по аналитической химіи (4 ч.) понедѣльникъ, вторникъ, среда и четвергъ 2—3 час.

Химическая лабораторія открыта ежедневно отъ 8 часовъ утра до 7 часовъ вечера.

Пособія: для студентовъ 1-го полугодія: *Потылицынъ*, Начальный курсъ химіи; *Каблуковъ*, Основныя начала неорганической химіи; *Флавинскій*, Общая или неорганическая химія; *Ergmann*, Lehrbuch der anorganischen Chemie; *Troost*, Traité élémentaire de Chimie 13-edition; *Меншуткинъ*, Аналитическая химія; *Аксеновъ*, Краткій курсъ качественного химического анализа.

Совѣщательные часы: ежедневно послѣ лекцій.

59) Ординарный профессоръ О. О. Косоноговъ (5 ч.) Физика: Общая часть (механич. отд.) звукъ и свѣтъ—понедѣльникъ, пятница и суббота 11—1.

Практическія занятія ежедневно 5—7 час. вечера (по группамъ).

Пособія: *Косоноговъ*, Основанія физики; *Терешинъ*, Курсъ физики.

60) Ординарный профессоръ А. А. Коротневъ (3 ч.) Зоологія съ сравнительной анатоміей; Зоологія безпозвоночныхъ въ особенности паразитовъ человѣка. Понедѣльникъ и четвергъ 11—12 . пятница 1—2.

Пособія: Н. Бобрецкій, Учебникъ зоологiи, Кiевъ, 1897; Н. Braun, Die thierischen Parasiten des Menschen, 3-te Aufl. П. Бержосъ и И. Именицкій, Практическая зоотомiя.

61) Ординарный профессор К. А. Пуріевичъ (3 ч.) Ботаника; Общій курсъ, понедѣльникъ 1—2 и четвергъ 12—2.

Пособія: П. Шмалъгаузенъ, Краткій учебникъ ботаники, 2-е изд., Кiевъ 1899; И. Бородинъ, Краткій учебникъ ботаники, Сп. 1898.

Совѣщательный часъ: четвергъ 1—2 час.

Деканъ *Н. Оболонскій.*

Секретарь *В. Линдеманъ.*

Въ весеннемъ полугодіи 1908—1909 учебн. года.

А. Лекціи Богословія.

По 2 часа въ недѣлю (среда и пятница въ 10—11 час. у.).

Ш. Критическій обзоръ наиболее извѣстныхъ русской нашей университетской аудиторіи теченій современной научно-философской и общественной мысли въ ихъ отношеніи къ религіи вообще и христіанству въ частности, а именно: позитивизмъ въ его отношеніи къ религіи или наука и религія въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣніямъ позитивизма; эволюціонизмъ и дарвинизмъ; теорія эволюціи и мирозерцаніе современнаго человѣка; матеріалистическій монизмъ Геккеля (особ. въ его «Міровыхъ загадкахъ»); экономическій матеріализмъ или марксизмъ въ его отношеніи къ религіи вообще и христіанству въ частности; христіанство и социализмъ; о такъ наз. «новомъ христіанствѣ» или новомъ религіозномъ сознаніи (Мережковскаго, Розанова, Минскаго, Бердяева и др.); «синехологическій спиритуализмъ» или ученіе Фехнера о всеобщемъ одушевленіи въ его русской имитациі; философія эгоистическаго индивидуализма (Фр. Ницше, М. Штирнеръ); западно-европейскій демонизмъ и богоборчество въ русскихъ отголоскахъ Л. Андреева и др.; ибсенизмъ.

Пособія: проф. *Святловъ*, Курсъ апологетическаго богословія. Изданіе 2-е Кіевъ, 1905; *Ело-же*, Что читать по богословію? Систематическій указатель апологетической литературы на русск., нѣмецк., французск. и англійск. язык. Кіевъ, 1907. (Библиографія по всѣмъ вопросамъ университетскаго курса богословія и руководство къ самообразовательному религіозному чтенію).

Совѣщательные часы на дому въ понедѣльникъ и среду 2—3 ч.

Б. Лекції Медичинського факультета.

1) Ординарний професоръ Ф. А. Стефанисъ (20 ч.) въ помѣщеніи анатомическаго театра: Нормальная анатомія челоуѣка (8 ч.). Мышечная система (окончаніе и сосудистая система: дыхательные и мочеполовые органы; органы чувствъ Понедѣльникъ отъ 9—11 и вторникъ 11—1 ч., пятница 10—12, суббота 9—11.

Практическія занятія по анатоміи 12 ч. (въ томъ числѣ 6 час. бесплатныхъ)—ежедневно отъ 6 до 8 ч. вечера. Препарированіе мышцъ и связокъ; препарированіе органовъ дыханія, пищеваренія и мочеполовыхъ.

Примѣчаніе: Къ препарированію мышцъ и связокъ допускаются лишь студенты, выдержавшіе повѣрочный экзаменъ по остеологіи; къ препарированію внутренностей, выполнившіе всѣ обязательныя работы по ангио-неврологіи и выдержавшіе по этимъ отдѣламъ повѣрочныя испытанія.

Секціонный залъ и учебный музей открыты для занятій студентовъ ежедневно отъ 9 ч. утра до 8 ч. вечера. Выдача и пріемъ препаратовъ производится въ часы, означенные для практическихъ занятій.

Пособія указаны выше, въ обзорѣннн преподаванія на осеннее полугодіе.

Совѣщательные часы ежедневно послѣ лекцій и практическихъ занятій.

2) Ординарний професоръ Ю. П. Лауденбахъ (6 ч.): въ помѣщеніи физиологическаго института: физиологія здороваго челоуѣка:

физиологія пищевого обмѣна веществъ въ тѣлѣ; физиологія животной теплоты: физиологія органовъ чувствъ, нервной системы, органовъ движенія и физиологія размноженія. Вторникъ, среда и суббота 9—11.

Физиологическій институтъ открытъ для специальныхъ научныхъ занятій ежедневно съ 9 час. утра до 3 час. пополудни.

Пособія: указаны выше.

Совѣщательные часы: Вторникъ, четвергъ и суббота послѣ лекцій.

3) Сверхштатный заслуженный ординарный профессор С. И. Чирьевъ (2 ч.); въ помѣщеніи военного госпиталя 6-е отдѣленіе. Физиологія здороваго человѣка; физиологія большихъ полушарій головного мозга. Для студ. X сем. по субботамъ 1—3 час. по полудни.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

4) Приватъ-доцентъ А. В. Леонтовичъ (4 час.); въ помѣщеніи физиологическаго института. Методика изслѣдованія органовъ кровообращенія и дыханія, органовъ чувствъ, центральной нервной системы по субботамъ отъ 4—6 часовъ вечера.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы тѣ-же.

5) Экстраординарный профессоръ Ѡ. И. Ломинскій (8 час.); въ гистологическомъ институтѣ: Гистологія (2 ч.): о строеніи органовъ дыханія, пищеваренія; системы: кожа, мочеполовая, нервная и органы чувствъ. Среда и вторникъ 9—11 час. Практич. занятія по гистологіи, понедѣльникъ и пятница 9—11 ч. по эмбриологіи (2 часа).

Гистологическая лабораторія открыта для практическихъ занятій ежедневно съ 9—3 ч.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы—послѣ лекцій.

6) Ординарный профессоръ А. А. Садовень (12 ч.) въ помѣщеніи лабораторіи медицинской химіи: Медицинская химія (4 ч., въ томъ числѣ 1 часъ бесплатный); Химія тканей, о молокѣ, мочѣ и обмѣнѣ веществъ. Понедѣльникъ 11—1, пятница и суббота 1—2. Практическія занятія по медицинской химіи (8 ч., въ томъ числѣ 6 часовъ бесплатныхъ); понедѣльникъ и четвергъ 1—3, вторникъ 1—3 и среда 8—11.

Лабораторія открыта для практическихъ занятій ежедневно 9—4.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы — ежедневно 9—3 ч. въ часы свободные отъ лекцій.

7) Экстраординарный профессоръ Т. И. Л о н а ч е в с к і й - П е т р у н я к а, въ помѣщеніи фармацевтической лабораторіи; фармація и фармакогнозія (2 ч.). Химическая часть фармаціи: органическія соединения; по предмету ботанико-зоологической части фармаціи: растительныя и животныя вещества; рецептура. Среда 1—2, пятница 2—3; суббота 1—2 ч. для фармацевтовъ. Практическія занятія: по фармаціи и судебной химіи (для фармацевтовъ) 9 ч., четвергъ, пятница и суббота 4—7 пополудни; по производству судебно-химическихъ изслѣдованій (для фармацевтовъ 4-го полугодія) 2 часа: суббота 11—1. По фармаціи (2 ч.) для студентовъ. Среда 4—6 ч. пополудни.

Фармацевтическая лабораторія и кабинетъ открыты для практическихъ занятій съ 10—6 часовъ.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: среда и суббота 11—12 час.

8) Свободная кафедра фармакологія съ рецептурою, токсикологіею и ученіемъ о минеральныхъ водахъ (4 ч.) въ фармакологической лабораторіи: Органическія лекарственныя вещества. Среда и четвергъ 1—2 пятница 8—10. Практическія занятія: Фармакодинамика и токсикологія, производство опытовъ надъ животными (4 ч. безплатно): вторникъ, четвергъ 3—4 и пятница 2—4.

Фармакологическая лабораторія открыта для практическихъ занятій ежедневно 9—4 ч.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

9) Ординарный профессоръ В. К. Л и н д е м а н ъ (4 ч.). Общая патологія (систематическій курсъ) въ помѣщеніи при лабораторіи Общей Патологіи: Органопатологія: патологія кровообращенія, дыханія, пищеваренія и выдѣленія. Патологія крови; патологія теплого обмѣна; патологія общаго обмѣна веществъ. Среда и суббота 10—12.

Лабораторія общей патологіи открыва въ тѣ же дни, какъ и въ осеннемъ полугодіи.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: среда и четвергъ 11—1.

10) Ординарный профессоръ В. К. Высоковичъ въ патолого-анатомическомъ институтѣ: Патологическая анатомія (4 ч.) Ученіе объ инфекціонныхъ заболѣваніяхъ. Частная патологическая анатомія органовъ съ демонстраціей макро-и микроскопическихъ препаратовъ и органовъ, получаемыхъ со вскрытій. Вторникъ и четвергъ 10—12. Повторительный курсъ частной патологической анатоміи съ демонстраціей музейныхъ препаратовъ (2 ч. бесплатно), пятница 1—3.

Практическія занятія по патологической гистологіи (инфекціонныя гранулемы и опухоли) вторникъ, четвергъ и пятница 5—7 ч. и по техникѣ вскрытій по мѣрѣ поступленія труповъ изъ факультетскихъ клиникъ 9—12. Патолого-анатомич. вскрытія въ военномъ госпиталѣ и Александровской больницы: понедѣльникъ 1—4; среда и пятница 12—3.

Патолого-анатомическій институтъ открытъ для практическихъ занятій ежедневно съ 9—3 часовъ.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

11) Приватъ-доцентъ В. Н. Константиновичъ. Въ патолого-анатомическомъ институтѣ: Патологическая анатомія (2 ч.) среда 4—2. Практическія занятія 2—3.

12) Экстраординарный профессоръ Ѳ. Г. Яновскій (9 ч.), въ пропедевтическомъ отдѣленіи Александровской больницы: Врачебная діагностика (4 часа): Изслѣдованіе сердца и сосудовъ; изслѣдованіе пульса; изслѣдованіе желудочно-кишечнаго канала, печени, почекъ, мочи, крови, мокроты, испраженій: значеніе бактериологическихъ данныхъ для діагностики: значеніе Рентгеновскихъ лучей для діагностики: Тѣ-же дни и часы, что и въ осеннемъ полугодіи.

Практическія занятія по пропедевтической клиникѣ (5 ч.); Ознакомленіе студентовъ съ признаками болѣзней и комбинаціей этихъ признаковъ соотвѣтственно клиническому матеріалу. Тѣ-же дни и часы, что и въ осеннемъ полугодіи.

Процедурная клиника открыта ежедневно 8—4 ч.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы въ понедѣльникъ, четвергъ и пятница 11—12 час.

13) Экстраординарный профессоръ Г. М. Малковъ (8 час.) въ Александровской больницѣ: Частная патологія и терапія (4 час.): Болѣзни—органовъ дыханія, кровообращенія, органовъ движенія и пищеварительныхъ органовъ. Понедѣльникъ 8—10 и пятница 12—2 ч. Практическія занятія по частной патологіи и терапіи, въ тѣ-же часы и дни.

Амбулаторія открыта для практическихъ занятій ежедневно съ 12—3 час. утра.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: среда и суббота 11—12.

14) Приватъ-доцентъ В. Ѳ. Бушуевъ (2 ч.); клиническое и діетическое лѣченіе—четвергъ 6—7 час. вечера: практическія занятія по частной патологіи и терапіи, упражненія по массажу—среда 9—10. Госпиталь открытъ для практическихъ занятій съ 8 час. утра до 6 час. вечера.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

15) Приватъ-доцентъ Э. А. Жебровскій Частная патологія и терапія 2 час. въ недѣлю въ госпит. клиникѣ—Вторникъ 5—7. Болѣзни бронховъ, легочной паренхимы и плевры.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: тѣ-же, что и въ осеннемъ полугодіи.

16) Приватъ-доцентъ А. Косткевичъ (4 час.) въ больницѣ для чернорабочихъ; Клиника внутреннихъ болѣзней. Болѣзни легкихъ и плевры: инфекціонныя болѣзни,—вторникъ и суббота 11—3.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

17) Приватъ-доцентъ К. Коровицкій (3 час.) въ помещеніи терапевтической факультетской клиники: частная патологія и терапія.

Болѣзни крови—понедѣльникъ 8—9 час. утра пятница 6—7 ч. Практическія занятія по клинической гематологіи пятница 7—8 час.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

18) Приватъ-доцентъ А. А. Тржецкскій (2 ч.) въ терапевтической клиникѣ: болѣзни органовъ пищеваренія—по вторникамъ и четвергамъ 5—6 час.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: послѣ лекцій.

19) Приватъ-доцентъ Н. А. Свенсонъ (2 ч.). Систематическое изложеніе инфекціонныхъ заболѣваній съ демонстраціей больныхъ. Въ Александровской больницѣ—Вторникъ 1—2, пятница 2—3.

20) Приватъ-доцентъ А. С. Своехотовъ. Въ хирург. факульт. клиникѣ. Клиника внутреннихъ болѣзней; Болѣзни органовъ грудной полости; Инфекціонныя болѣзни (4 час.)—среда и воскресенье 8—10 час. утра.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

21) Экстраординарный профессоръ М. Н. Лапинскій (5 ч.) въ Александровской больницѣ. Невропатологія: заболѣванія спиннаго мозга, периф. нервовъ и мышечной ткани: понедѣльникъ 1—2 час. и среда 12—2 ч. Психіатрія: психическія разстройства при органич. измѣненіяхъ головного мозга. Военный госп. Суббота 8—10.

Практическія занятія по клиникѣ нервныхъ болѣзней, ежедневно 8—12 час. въ Александровской больницѣ. Практическія занятія по клиникѣ душевныхъ болѣзней, ежедневно 8—12 час. въ военномъ госпиталѣ.

Кабинетъ, лабораторія и клиника открыты для практическихъ занятій ежедневно съ 10 ч. утра до 12 час. дня.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

22) Приватъ-доцентъ П. И. Нечай (2 час.) въ Кирилловской больницѣ по средамъ 2—3 час.

Практическія занятія по клинич. психіатріи. Среда 3—4 час.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

23) Привать-доцентъ К. М. Леплинскій (2 ч.) въ лѣчебницѣ Леплинскаго: Психіатрія (2 ч.): Систематическій курсъ лекцій душевныхъ болѣзней у постели больного по пятницамъ 4—6. Практическія занятія по душевнымъ болѣзнямъ по средамъ 4—6.

Частная лѣчебница Леплинскаго открыта для практическихъ занятій по соглашенію съ записавшимися.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

24) Привать-доцентъ В. Г. Киселевъ (1 ч.) въ военномъ госпиталѣ: Душевные болѣзни (1 ч.): избранные отдѣлы—суббота 2—3. Практическія занятія по душевнымъ болѣзнямъ въ военномъ госпиталѣ, суббота 3—4 ч.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

25. Привать-доцентъ В. Селецкій (3 ч.) въ Александровской больницѣ: электро-діагностика; расстройства рефлексовъ (2 ч.); понедѣльникъ 6—8. Общая діагностика отдѣльныхъ психическихъ заболѣваній въ аудиторіи № 6 (1 ч.) суббота 2—3.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

26) Привать-доцентъ М. Колесниковъ (3 ч.) въ военномъ госпиталѣ. Нервные и душевные болѣзни. Нервные болѣзни (1 ч.): Методика изслѣдованій нервныхъ болѣзней; Систематическое изложеніе болѣзней спинного мозга. Вторникъ 6—7. Душевные болѣзни (1 ч.) Распознаваніе душевныхъ болѣзней: методы изслѣд. и наблюд. душевно-больныхъ, уходъ за душевно-больными: пятница 6—7. Практическія занятія по душевнымъ болѣзнямъ по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ 11—12 ч. По нервнымъ болѣзнямъ по четвергамъ, пятницамъ и субботамъ 11—12 час.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

27) Приватъ-доцентъ В. Ларионовъ (1 ч.) въ аудиторіи № 10 Душевные болѣзни (1 ч.) Пятница 8—9 ч. у. Практическія занятія по душевнымъ болѣзнямъ—четвергъ 8—9 ч. по нервнымъ болѣзнямъ, понедѣльникъ 8—9 час. утра.

Пособія указаны выше

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

28) Ординарный профессоръ С. П. Томашевскій (9 ч.) въ военномъ госпиталѣ: Систематическое и клиническое ученіе о наложныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ. Дерматологія (3 ч.): Гипертрофія и атрофія кожи; новообразованія кожи; паразитарныя болѣзни кожи, Сифилитическая (2 часа): Общій очеркъ гуммознаго періода сифилиса; висцеральныя пораженія гуммознаго характера; наследственный сифилисъ; профилактика и терапия сифилиса. Вторникъ 10—12, четвергъ 11—1 ч., пятница 12—2 час. Практическія занятія по сифилитическимъ по соглашенію со слушателями.

Кабинетъ, лабораторія и клиника открыты для практическихъ занятій ежедневно съ 8—3 ч.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

31) Ординарный профессоръ В. П. Образцовъ (6 ч.). Терапевтическая факультетская клиника: Разборъ больныхъ съ болѣзнями органовъ пищеваренія, крови, обмѣна веществъ и органовъ движенія. Вторникъ, четвергъ и суббота 9—11.

Клиника открыта для практическихъ занятій съ 8—2 час. и съ 6—8 час. вечера.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы вторникъ и суббота.

32) Ординарный профессоръ К. Э. Вагнеръ (6 час.) въ военномъ госпиталѣ. Терапевтическая госпитальная клиника: Клиническія лекціи соотвѣтственно клиническому матеріалу. Понедѣльникъ, четвергъ и пятница 9—11. Практическія занятія по частной терапевтической клиникѣ—среда и суббота 4—6.

Терапевтическая госпитальная клиника и лабораторія при ней открыты для практическихъ занятій съ 8 ч. утра до 8 час. вечера.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

33) Засл. ординарный профессор П. И. Морозовъ (8 час.) въ аудиторіи операт. хирургіи. Оперативная хирургія съ топографической анатоміей (4 ч.). Резекци; спеціальныя операціи по областямъ тѣла (на головѣ, шеѣ, груди, животѣ, тазѣ и промежности); пластическія операціи. По средамъ и субботамъ 8—10 час утра.

Практическія занятія по оперативной хирургіи съ топографической анатоміей (6 час. платныхъ 2 час.): Операціи на трупѣ: перевязки сосудовъ, ампутаціи, вычлененія, резекци и нѣкоторыя изъ спеціальныхъ операцій (трахеотомія, герниотомія),—по группамъ: въ понедѣльникъ, среду и субботу 5—7 час. вечера.

Краткій повторительный курсъ оперативной хирургіи и топографической анатоміи (2 ч.). Курсъ необязательный (для желающихъ)—пятница 7—9 час. вечера.

Операціонная открыта ежедневно съ 5—8 ч. вечера, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: вторникъ 10—11 час., четвергъ 1—2 ч.

34) Сверхштатный ординарный профессор О. А. Рустикій (4 ч.) въ Анатомическомъ театрѣ. Оперативная хирургія: практическія занятія по операціямъ на головѣ и лицѣ, на дыхательныхъ, пищеварительныхъ и моче-половыхъ органахъ. Вторникъ и четвергъ 5—7 час. вечера.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы—послѣ лекцій.

35) Ординарный профессор А. Д. Павловскій (8 час.): хирургическая патологія и терапія: (4 часа, — въ томъ числѣ 1 часъ бесплатно): Болѣзни кожи и подкожной кѣтчатки, заячья губа, волчья пасть, полипы носа и гортани; болѣзни сухожильныхъ влагалищъ, сухожилій и мышцъ, болѣзни серозныхъ и слизистыхъ сумокъ; болѣзни лимфатическихъ сосудовъ и железъ; болѣзни артерій, венъ и нервовъ; болѣзни костей и суставовъ, — искривленіе позвоночника и конечностей; болѣзни железъ: грудной, предстательной, околоушной, подчелюстной, подъязычной и яичка; раны черепа, — грудныхъ и брюшныхъ органовъ, грыжи черепа и живота; болѣзни моче-полового аппарата. Понедѣльникъ 12—2 ч. Суббота 12—2. Практическія занятія по предмету хирургической патологіи и терапіи (2 час.

бесплатно) среда 7—9 час. вечера. Бактеріологія съ ученіемъ объ инфекціонныхъ болѣзняхъ: ученіе объ инфекціонныхъ болѣзняхъ и ихъ микроорганизмахъ (2 ч. необязательный курсъ. Среда 5—7 час. вечера.

Лабораторія хирургической патологіи и терапіи открыта для практическихъ занятій ежедневно 9—4 ч. кромѣ праздничныхъ дней.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы: понедѣльникъ, вторникъ и четвергъ, одинъ часъ послѣ лекцій.

36) Приватъ-доцентъ Б. С. Козловскій (4 часа) въ помещеніи секціоннаго зала при судебно-медицинскомъ кабинетѣ: хирургическая патологія и терапія травматическихъ поврежденій, среда 6—7 час. вечера и пятница 6—7. Практическія занятія по хирургич. патол. и терапіи. Пятница 6—7.

Пособія тѣ-же, что и въ осеннемъ полугодіи,

Совѣщательные часы — послѣ лекцій.

37. Приватъ-доцентъ П. Качковскій (1 часъ) въ дѣтской лечебницѣ. Хирургическая діагностика съ терапіей (1 часъ) Понедѣльникъ 1—2.

Дѣтская лѣчебница открыта для практическихъ занятій въ тѣ же часы какъ и въ осеннемъ полугодіи.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы — тѣ же.

38) Ординарный профессоръ Л. А. Малиновскій (6 час.) въ помещеніи факультетской хирургической клиникки. Частная хирургія, клиническія лекціи. Вторникъ, четвергъ и суббота 11—1, Практическія занятія по клинической хирургіи. Приемъ амбулаторныхъ больныхъ, наложніе повязокъ и вечернія визитаціи больныхъ въ клиникѣ — въ тѣ же дни и часы, какъ въ осеннемъ полугодіи.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы — тѣ же.

39) Приватъ-доцентъ Н. Трофимовъ (6 часовъ) въ хирург. факульт. клиникѣ. Болѣзни уха, носа и горла (2 часа) патологія и терапія болѣзней уха, носа и горла. Понедѣльникъ и среда 7—9 час.

вечера. Клиника болѣзней уха, горла и носа. Въ военномъ госпиталѣ.
 Суббота 12—2 час.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

40) Приватъ-доцентъ А. Радзиевскій (3 часа) въ факульт. хир. клин.: хирургія мочевыхъ путей; среда 6—8. Практическія занятія по цистокопіи: понедѣльникъ 6—7.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

41) Экстраординарный профессоръ Н. Волковичъ (6 час.) въ военномъ госпиталѣ въ хирургической госпитальной клиникѣ. Хирургическая госпитальная клиника. Понедѣльникъ, среда и суббота 11—12. Практическія занятія; обходъ больныхъ, перевязки и операціи въ нелекціонные дни 9—3 час.

Хирургическая госпитальная клиника открыта въ тѣ же дни и часы какъ и въ осеннемъ полугодіи.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы—тѣ же.

42) Приватъ-доцентъ Н. Жукъ (2 часа) для студентовъ 6-го полугодія. Болѣзнь носа, горла и уха; въ терапевтической клиникѣ по вторникамъ 5—7.

43) Экстраординарный профессоръ А. Ф. Шимановскій (6 час.): въ офтальмогической клиникѣ; Офтальмологія съ клинкою. Офтальмологія—систематическій курсъ (2 часа): болѣзни сѣтчатки, зрительнаго нерва и двигательнаго прибора глазъ съ пострадавшею зрительной способностью; симуляціи глазныхъ заболѣваній, понедѣльникъ и пятница 8—9 час. Офтальмологическая клиника (4 часа). Клиническіи разборъ больныхъ (стаціонарныхъ и приходящихъ), вторникъ и среда 8—10 час. Глазныя операціи четвергъ 9—10 час. утра.

Глазная клиника открыта въ тѣ же дни и часы, какъ и въ осеннемъ полугодіи.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы—тѣ же.

Ординарный профессор А. А. Муратовъ (8 час.) въ акушерской гинекологической клиникѣ: Акушерско-гинекологическая клиника (6 час.), понедѣльникъ, среда и пятница 9—11. Клинич. лекціи по акушерству и гинекологіи, имѣя въ виду наличность клинич. матеріала 2 часа въ нед., среда и пятница 11—12. Гинекологическая поликлиника (необязательна) (1 часть) суббота 1—2 ч.

Систематическій курсъ; вторникъ 8—9, четвергъ 8—10 час.

Практическія занятія по практическому акушерству и гинекологіи по группамъ для студентоѡ 8-го полугодія: 1) пріемъ амбулаторныхъ больныхъ, 2) присутствіе при родахъ, 3) гинекологическія операціи, 4) очередныя дежурства по клиникѣ, 5) акушерская поликлиника и 6) упражненія на фантомѣ, — въ тѣ же дни и часы какъ и въ осеннемъ полугодіи.

Акушерская клиника открыта для практическихъ занятій — въ тѣ же дни и часы, какъ и въ осеннемъ полугодіи.

Пособія указаны выше.

Совѣщательныя часы—тѣ же.

45) Приватъ-доцентъ В. А. Добронравовъ (8 час.) въ помѣщеніи Университетскаго барака въ Александровской больницѣ и лѣчебницѣ Благотворительнаго общества по предметамъ: 1) Діагностика съ поликлиникой женскихъ болѣзней (4 часа). 2) Оперативное акушерство (4 часа) въ тѣ же дни и часы, что и въ осеннемъ полугодіи. Практическія занятія въ концѣ каждой лекціи.

Кабинетъ діагностики и лѣчебница Благотворительнаго общества открыты въ тѣ же дни и часы, какъ и въ осеннемъ полугодіи.

Пособія тѣ же.

Совѣщательный часъ — тотъ-же.

46. Приватъ-доцентъ П. Г. Бондаревъ (2 часа). Оперативное акушерство въ акушерско-гинекологической клиникѣ. Понедѣльникъ 7—8 часовъ вечера, суббота 6—8 час.

Пособія указаны выше

Совѣщательныя часы—тѣ же.

47) Приватъ-доцентъ А. И. Ивановъ (2 часа) въ Александровской больницѣ. Акушерство; Акушерская препедевическая клиника;

вторникъ 7—8 час., среда 5—7 час., четвергъ 6—7 час., Суббота 7—8 час.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы—тѣ же.

48) Привать-доцентъ Н. К. Неёловъ (2 часа) въ акушерской факультетской клиникѣ. Акушерство: операт. акуш. (4 часа) среда 8—9 часовъ вечера. Гинекологія: болѣзни яичниковъ и брюшины (2 часа) пятница 8—0 часовъ вечера.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы—тѣ же

49) Привать-доцентъ Г. Писемскій (2 часа) въ Александровской больницѣ. Оперативное акушерство и гинекологія, четвергъ 10—11. Практическія занятія по гинекологической діагностикѣ, суббота 10—11.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы тѣ же что и въ осеннемъ полугодіи.

50) Привать-доцентъ А. П. Яхонтовъ (1 часъ) въ аудиторіи общей патологіи: оперативное акушерство на фантомѣ (практическія занятія). Четвергъ 7—9 час. вечера.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы—тѣ же.

51) Ординарный профессоръ В. Е. Черновъ (4 часа) въ Александровской больницѣ. Дѣтскія болѣзни (4 часа). Катарръ дыхательныхъ путей у дѣтей, воспаленіе легкаго, золотуха, рахить, сифилисъ дѣтей, туберкулезный менингитъ, hydrocephalus chronicus, eclampsia, cholera minor, корь, скарлатина, дифтеритъ, оспа, краснуха, гриппъ, коклюшь, цереброспинальный менингитъ, болотная лихорадка и ея особенности, воспаленіе почекъ острое и хроническое. Понедѣльникъ 11—12, пятница 1—3.

Клиника дѣтскихъ болѣзней открыта въ тѣ же дни и часы, какъ и въ осеннемъ полугодіи.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы — тѣ же.

52) Приватъ-доцентъ А. Карницкій (2 часа) въ терап. клин. Дѣтскія болѣзни: Ученіе о пищевомъ режимѣ у дѣтей, болѣзни по средамъ и пятницамъ 2—3 часовъ.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы— послѣ лекцій.

53) Ординарный профессоръ и деканъ факультета Н. А. Оболенскій. Судебная медицина съ токсикологіей Судебная медицина (2 часа) въ зданіи анатом. театра. Изслѣдованіе живого человѣка (освидѣтельствованія). Неспособность къ брачному сожитію; противуестественное и противузаконное половое сношеніе; беременность, выкидышъ. Поврежденія. Отравленія. Изслѣдованіе вещественныхъ доказательствъ. Клиническіе лекціи по судебной и психопатологіи, по утаиваемымъ и симулируемымъ болѣзнямъ (3 часа) въ клиническомъ судебно-медицинскомъ отдѣленіи военнаго госпиталя вторникъ 12—2 часовъ и пятница 11—12 час.

Практическія занятія: Судебно-медицинское изслѣдованіе труповъ (3 часа) въ помѣщеніи судебно-медицинскаго кабинета,—попедѣльникъ, четвергъ и суббота 10—11 (по мѣрѣ поступления труповъ). Судебно-медицинское изслѣдованіе вещественныхъ доказательствъ и судебно-химическое изслѣдованіе въ помѣщеніи судебно-медицинск. кабинета (1 часъ бесплатно) пятница 6—7 часовъ вечера.

Лабораторія и музей открыты въ тѣже дни и часы, какъ въ осен. полугодіи.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы— тѣ же

54) Ординарный профессоръ В. Д. Орловъ (5 час.) въ помѣщеніи лабораторіи гигиены: Общественная и частная гигиена и медицинская полиція (3 часа). Группа питанія: пища съ точки зрѣнія обмѣна веществъ; діететика здороваго и больного человѣка. Обзоръ главнѣйшихъ пищевыхъ и вкусовыхъ веществъ. Медико-полицейскій надзоръ за продуктами рынка. Вода, ея составъ, источники происхожденія. Оцѣнка годности воды для питья. Водоснабженіе населенныхъ мѣстъ. Бани, вапны, купанье. Отбросы человѣка. Системы удаленія нечистотъ. Обеззараживаніе нечистотъ. Почва. Ея гигиеническое значеніе. Кладбища, ихъ значеніе и устройства. Требования медицинской полиціи относительно кладбищъ. Группа половой жизни. Проституція. Взглядъ на

нее съ точки зрѣнія русскаго законодательства. Надзоръ за проституціей. Вторникъ 8—10 и четвергъ 8—10 и четвергъ 8—10.

Практическія занятія по методикѣ гигиѣны и медицинскои полиціи (2 часа)—по группамъ: понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятница 5—7 ч. вечера.

Гигиеническая лабораторія открыта въ тѣ же дни и часы, какъ и въ осеннемъ полугодіи.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы—тѣ же.

55) Приватъ-доцентъ А. В. Корчакъ-Чепурковскій (2 часа) въ помѣщеніи аудиторіи глазной клиники: Общественная медицина. Введеніе въ курсъ медицины.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы послѣ лекцій.

56) Приватъ-доцентъ заслужен. профессоръ И. П. Скворцовъ. Эпидемиологія и санитарная полиція (2 часа) въ гигиенической лабораторіи. Частная эпидемиологія по отдѣльнымъ болѣзнямъ людей и животныхъ. По понедѣльникамъ 10—12 час.

Пособія указаны выше.

Совѣщательные часы тѣ же, что и въ осеннемъ полугодіи.

Сверхъ того студенты медицинскаго факультета слушаютъ лекціи нижеслѣдующихъ профессоровъ физико-математическаго факультета.

57) Ординарный профессоръ С. Н. Реформатскій (6 час.) въ химической лабораторіи: Органическая химія. Понедѣльникъ 10—12, вторникъ 1—3, четвергъ 12—2.

Пособія: С. Реформатскій, Начальный курсъ органической химіи, изд. 8-е.

Совѣщательные часы послѣ лекцій въ органическомъ отдѣленіи химической лабораторіи.

58) Ординарный профессоръ И. И. Косоноговъ (5 час.): Физика: электричество. Понедѣльникъ 12—1, пятница и суббота 11—1 ч. Практическія занятія—ежедневно вечеромъ 5—7.

Пособія указаны выше.

59) Ординарный профессоръ А. А. Коротневъ (3 час.) Зоологія съ сравнительной анатоміей: Сравнительная анатомія позвоночныхъ и основы классификаціи ихъ. Понедѣльникъ и четвергъ 11—12. Пятница 1—2 час.

Пособія указаны выше.

60) Экстраординарный профессоръ П. Я. Армашевскій (2 ч.) Минералогія: морфологическія, физическія и химическія свойства минераловъ; свѣдѣнія о залеганіи и происхожденіи минераловъ; физиографія важнѣйшихъ минераловъ; краткія свѣдѣнія по геологіи. Четвергъ 1—3.

Пособія: Чермакъ, Учебникъ минералогіи, переводъ Лебедева, 1884; Кричагинъ, Учебникъ минералогіи и физической географіи, 1892; Неймайръ, Исторія земли, перев. подъ ред. Иностранцева, т. I, 1898; т. II, 1898; Аицфоносъ, Настоящее и прошлое земли, 1895.

Деканъ Н. Оболонскій.

Секретарь В. Линдеманъ.

ОТЧЕТЪ

приватъ-доцента Императорскаго университета св. Владимира по кафедрѣ русскаго языка и словесности В. А. Розова о командировкѣ въ Австрію, совершенной лѣтними каникулами 1907 года.

Поѣздка моя была предпринята съ цѣлью ознакомленія съ чрезвычайно важными для всякаго изучающаго славянскій міръ библиотеками Галиціи и Чехіи. Къ сожалѣнію, несмотря на все ихъ значеніе, даже крупнѣйшія изъ нихъ, какъ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ, Музея Королевства Чешскаго въ Прагѣ, не имѣютъ достаточно полныхъ печатныхъ описаній ихъ богатствъ. Каталоги, издаваемые учрежденіями Оссолинскихъ и Чарторыйскихъ, далеко не доведены до конца, а изъ славянскаго отдѣла Музея Королевства Чешскаго описаны только рукописи Шафарика¹⁾. Я не говорю тутъ, разумѣется, объ описаніяхъ отдѣльныхъ памятниковъ, разбросанныхъ по статьямъ и трудамъ различныхъ ученыхъ. Они, конечно, имѣются въ значительномъ количествѣ, но составить себѣ по нимъ сколько-нибудь точное понятіе о библиотекахъ чрезвычайно затруднительно. Поэтому до сихъ поръ каждому изслѣдователю русской или славянской старины необходимо лично посѣтить эти книгохранилища. Это и было одной изъ задачъ моей поѣздки.

Кромѣ того, въ Галиціи существуетъ много небольшихъ рукописныхъ собраній, еще весьма недостаточно извѣстныхъ русскимъ

¹⁾ М. Н. Сперанскій. „Рукописи Павла Іосифа Шафарика (нынѣ Музея Королевства Чешскаго) въ Прагѣ“. См. Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ при Моск. унив. М. 1894 г. кн. 1 и отд.

ученымъ. Эти собранія большею частью принадлежатъ знатнымъ польскимъ фамиліямъ, въ теченіе столѣтій являлись ихъ чисто семейнымъ достояніемъ и лишь въ сравнительно недавнее время, благодаря любви къ наукѣ и щедрости своихъ владѣльцевъ, были открыты для общественнаго пользованія. Почти всѣ они до настоящаго времени не имѣютъ не только печатныхъ, но даже и рукописныхъ каталоговъ. Второй моей задачей и было ознакомиться хотя съ нѣкоторыми изъ этихъ библиотекъ и собрать свѣдѣнія относительно находящихся въ нихъ матеріаловъ для изученія исторіи русскаго языка и литературы.

Выполненіе этихъ предначертаній я началъ со Львова. Въ немъ, какъ главномъ городѣ Галиціи, сосредоточено наибольшее количество различнаго рода научныхъ учрежденій, книжныхъ и рукописныхъ собраній, возникшихъ какъ на общественныя, такъ и на частныя средства.

Здѣсь особенно привлекла мое вниманіе библиотeka графовъ Баворовскихъ. Основаніе ея составили собранія рукописей и книгъ, принадлежавшія раньше фамиліи графовъ Борковскихъ и еще въ 60-хъ годахъ XIX-го столѣтія хранившіяся въ ихъ имѣніи, Островѣ. Теперь они перевезены во Львовъ и открыты для публики.

Для посѣтителей отведена особая комната, приспособленная для научныхъ занятій. Она снабжена всѣми нужными для изслѣдованія рукописей приборами: лупами разной силы для текста и для печатей, сантиметрами, циркулями и т. п., а также необходимѣйшими справочными изданіями. Нельзя не поблагодарить владѣльцевъ библиотекъ за такую внимательность, благодаря которой работа происходитъ безъ всякихъ помѣхъ. Такъ же обыкновенно обставлены и другія польскія учрежденія подобнаго типа. Въ этомъ отношеніи ихъ должно поставить въ примѣръ русскимъ архивамъ и библиотекамъ, изъ которыхъ даже наиболѣе посѣщаемыя не имѣютъ самыхъ примитивныхъ приспособленій для научной работы, а справочныхъ изданій часто нельзя найти на мѣстѣ даже въ университетскихъ библиотекахъ.

Отдѣлъ русскихъ и церковно-славянскихъ рукописей собранія графовъ Баворовскихъ оказался не особенно значительнымъ.

Изъ грамотъ здѣсь находятся всего нѣсколько русско-молдавскихъ и одна малорусская 1419 года. Но объ этихъ документахъ я

буду говорить подробнѣе въ особой работѣ, теперь-же остановлюсь на рукописяхъ литературнаго и религіознаго содержанія.

Древнѣе другихъ пергаменный отрывокъ житійнаго содержанія. Писанъ онъ на пергаменѣ очень желтаго цвѣта, тонкомъ до того, что буквы, находящіяся на одной сторонѣ, проступаютъ съ другой, со многими протертыми мѣстами. Внизу листа, уже подъ текстомъ, прорѣзаны двѣ дыры. Вверху его также сдѣлано два соответственныхъ прорѣза. Верхній край, правая сторона и всѣ четыре угла срѣзаны. Около одного изъ нижнихъ отверстій красноватое полинялое пятно. Длины пергаменъ имѣеть 43 снт., между верхними углами это разстояніе, благодаря срѣзамъ, сокращается до $33\frac{1}{2}$, а между нижними до 35 снт. Высота его $24\frac{1}{2}$ снт., но по правому краю она уменьшается до $14\frac{1}{2}$, а по лѣвому до 14 снт.

На этомъ лоскутѣ съ каждой стороны сохранилось по 3 столбца текста. Чернила сильно выцвѣли, особенно съ оборотной стороны листа. Буквы теперь выглядятъ свѣтло-коричневыми и на первый взглядъ едва проступаютъ на пергаменѣ. Поэтому памятникъ читается съ большимъ трудомъ. Писанъ онъ красивымъ, крупнымъ, продолговатымъ уставомъ, весьма напоминающимъ почеркъ другихъ южно-русскихъ рукописей XIII—XIV вѣковъ, на примѣръ Пандекты Антиоха 1307 года.

Языкъ его церковно-славянскій, русскаго извода, такъ называемой галицко-волинской ороеграфіи.

Первый столбецъ занятъ житіемъ какого то изъ спутниковъ апостола Павла:

„мы.....¹⁾ | мѣ (или ѣ) домоу своимъ оу | чѣньма ѣго насла-
дивъ | са многыма ѣлины ко | ѣвѣ вѣрѣ ѡбращ²⁾ аше оу | видѣвъ
же бы (sic!) изгнанъ же бы³⁾ и тѣ с павло | мѣ и дѣшедѣ ѣлисно |
лвнѣска града и пари | ма и вѣселивъса при мо | ри многы твораше
ни | щимъ млтына купецъ сѣни нѣ павлу иду | щу въ ѣрл⁴⁾ мѣ и
много имѣннѣе на службу ѣго | поручи и до самого ри | ма послѣ-
дова и пакы | прииде въ ѣлиспотъ и ѡбрѣте ту ан(ь)³⁾ дриа и а³⁾ |
а⁴⁾ нтупата и не повину“.

¹⁾ Цѣлую строку нельзя прочесть.

²⁾ Черточка внизу щ едва-едва замѣтна.

³⁾ Отъ этой буквы видна только верхняя часть.

⁴⁾ Это „а“ повторяется въ оригиналѣ.

Во второмъ столбцѣ находимъ мученіе св. Фенни(?)

„и бѣша и ту... та (не) | ро... омь (или ъ) (р)ати бывше и въ
градъ кесарню при | ведены прѣдѣсташа | князю и въпрошени бы |
вше исповѣдаша ꙗко бѣа | истиньнаго и жгоша | лѣвѣмъ ногы ихъ и
деснаа | очеса ихъ избодоша и | мечи и ѿгнемъ скончашася | и сними
мнози му | жи и жены вѣровавшен ꙗко сѣтаа же ф(еннин)³⁾ а |
дрѣвѣ повѣшена бывъ | ши и... рѣ... на бы и се | стра ѿвѣ... итина
на судию нападши разори“.

Въ третьемъ столбцѣ помѣщено житіе св. мученика (Ѳ)оукинѣфа:

„ѿ²⁾ снованіе тве(р)жѣніе и градъ(ъ) | и столпъ неѿборимъ и |
(да)роваса гра(ж)ан(о)мъ сво(и) | мѣ стртотерпечъ гнѣ ве(ли) | кодарне
макоже имѣа... | дерзновѣніе ѿ ꙗко бѣа сѣп... | градъ свои ѿ всякого
гнѣ | ва дарумъ намъ бѣа(ти о)... | бл҃гослвленіе ицѣлѣни | и твоихъ“.

Затѣмъ слѣдуетъ съ новой строки.

„(...)³⁾ оукинѣ(или ѣ¹⁾)фѣ ꙗвъ мчнкъ | бѣ родителю бл҃говѣ | рну
феѿклита и фе | ѿнлы при иракъ | лѣви ѿппѣ мастридь | стѣмъ⁴⁾
тогда оубо при | мѣ имѣ ѿ квлѣнныа а“.

На оборотной сторонѣ первый столбецъ занимаетъ какая-то
исторія изъ эпохи иконоборчества:

„... ца и мче | ... а(с)ѿмъ и проче | ... з ... ш ... | ... тамъ
ибо м(а) | ... и ялву злочъ | (ст)ивом(у) цртвовати... | ... нѣши по
феѿдосѣи | (б)л҃гочестивѣмъ... и... | ... ѿ мучитѣль възбра | ни по-
кланатиса икуна | мѣ и непокорш(ю)са ѿго | повелѣнію великаго
гѣ | рмана патримарха (дрко) | лѣмъ и с мечи оуж(е)сѣ (яли ѣ)... |
прѣсто... а ... вса (?) (ч)истую вла | дѣчну икуну ꙗко бѣа наше | го
поставленную надъ | враты ѿвѣ⁵⁾ ѿбраза ради | стго глѣ(ъ)са мѣданаа |
сию потщася снети и ѿ“.

¹⁾ Слово написано очень неразборчиво. Какъ будто-бы оно читается та-
кимъ образомъ. Но я бы ждалъ „фетинна“, а А. можетъ быть, здѣсь стоитъ
„фенна на“?

²⁾ Отъ этой буквы осталось лишь выцвѣтшее круглое пятно краснова-
таго цвѣта.

³⁾ Отъ этой буквы сохранилось лишь выцвѣтшее красноватое пятно, за-
нимающее въ длину четыре строки.

⁴⁾ Лѣваго крыла буквы Т не видно уже, такъ что она имѣетъ видъ
буквы Г.

⁵⁾ М. б., здѣсь стоитъ не ѿ, а и.

Второй столбецъ мнѣ вовсе не удалось прочесть. Можно разобрать только отдѣльныя слова. Въ третьемъ столбцѣ помѣщено какое то поученіе о зависти:

„зависти какъ болѣзн(ь) | люби... | а ст(р)ить н...ами | гла и не ѿсудити ни | досадити или (ко)то | р... трудъ не клатиса | тѣмъ и мудрыи оучи | тѣль гла крѣпльша | тебе нѣ ищи¹⁾ и глубль | шаа тебе не пытан а | же повелѣна ти быша | си разумѣвати ва | щешаа болѣль сего²⁾ въ | скровѣи (?) ѿ нихъ же вѣси | (с)лави а ѿ нихъ же не вѣ | си не съблажнаса ѿбо | а бо потрѣбно бѣ створи | ова оубо ѿкры ѿва же | покры твою смотря“.

Несмотря на небольшіе размѣры отрывка, онъ представляетъ довольно значительное число галицко-волинскихъ особенностей. Такъ въ немъ послѣдовательно выдержано „новое *н*“, открытое ак. А. И. Соболевскимъ. См. формы: оу | чѣньм, тве(р) | жѣннѣ, дерзновѣннѣ мвлѣньм, мучитѣль, гѣ | рмана, оучи | тѣль, нѣ ищи. Исключение представляетъ лишь одно слово, явно литературное: „кѣсаклєннѣ“.

Замѣчается смѣшеніе *н* и *и* (напр., оу | видѣнь вѣ. оу | вѣдѣнь), приставное *и*, (см. илву), частое появленіе *и*, *и*а, *и*е вѣ. *и*и, *и*а, *и*е. Особенно нужно отмѣтить смѣшеніе *ч*, и *ц*: стротерпечь гѣнь, т. к. принадлежность этой черты галицко-волинскимъ памятникамъ является вопросомъ спорнымъ. Быть можетъ, на той-же южно-русской почвѣ нужно искать объясненія формъ: андрик (при праць | лѣи), икунамъ, икуну, хотя онѣ допускаютъ и иное толкованіе.

Врядъ-ли нужно приводить общерусскія примѣты памятника. Онѣ бросаются въ глаза при самомъ бѣгломъ чтеніи текста. Юса большого нѣтъ: а смѣшивается съ *к*; послѣ шипящихъ вмѣсто него находимъ *а*; вмѣсто *жд* вездѣ *жс*; церковно-славянскую группу: плавный + глухой замѣнила группа: чистый + плавный.

Форма *смети*, быть можетъ, указываетъ на сербскаго предка для нашего памятника, но она стоитъ одиноко, а потому можетъ быть объясняема различно.

Далѣе идутъ рукописи бумажныя.

Во-первыхъ, Тріодъ постная. Переплетъ ея состоитъ изъ двухъ деревянныхъ досокъ обтянутыхъ снаружи кожей съ тисненными по

¹⁾ Быть можетъ, здѣсь стоитъ „Щ“, но буква очень стерлась.

²⁾ М. б., него.

ней узорами. По серединѣ первой доски выбита, кромѣ того, какъ то иконка и надпись: „триод постнаа“, сдѣланная вязью. Внутри доски наклеены бумагой. Переплетъ имѣетъ двѣ застѣжки.

На рукописи стоитъ отмѣтка: „Triod postny, to iest nabozenstwa na každy dzien postu, zaczawszy od 33 niedzieli po rest. Ducha S., w ktorey czyta sie jevangelie o faryzeuszu i mitniku“. Немного ниже „Manuskrypt ten różni si mocno od drukowanego we Lwowie w 1753 roku triodu“.

Кромѣ того, имѣется надпись, опредѣляющая вѣкъ памятки, сдѣланная извѣстнымъ въ свое время знатокомъ южно-русской старины, Зубрицкимъ: „Albo z konca XIV, lub pierwszey połowy XV wieku. Zubrzycki“. Опредѣленіе это грѣшитъ большою неточностью. Рукопись Евѣиміевской ороографіи, а потому ея нельзя отодвигать далѣе XV вѣка. Водяной-же знакъ скорѣе побуждаетъ отнести ее къ XVI столѣтію. Онъ представляетъ собою „вепря“ (самку), на высокихъ ногахъ, свирѣпаго вида; щетина поднята, сосцы отвисли, хвостъ крючкомъ. Вепрь очень частъ въ молдавскихъ рукописяхъ именно XVI столѣтія.

Первый листъ занятъ польскими и латинскими надписями, читаемыми съ трудомъ, поздними и мало интересными. Далѣе слѣдуетъ 322 листа текста. На послѣдней страницѣ внизу опять польскія и нѣсколько русскихъ приписокъ.

Почеркъ нашей Тріоди изъ образцовъ, изданныхъ проф. Карскимъ, наиболѣе близокъ къ западно-русской Псалтыри XVI вѣка, находящейся въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 335 ¹⁾.

Правописаніе западно-русское, Евѣиміевской ороографіи, однако несполнѣ выдержанной.

Ѥ употребляется, хотя чаще замѣняется черезъ Ѹ: дѣѣж, зовѣщи л. 3, повелеваѣщи л. 3 об., смѣж, помѣлѣ. възываѣ, твоѣ л. 4, но мѣгътъ, грѣшнѣю л. 2, злѣбъ л. 2 об.; изрѣдка находимъ жвм. у : емж л. 3.

Ѧ стоитъ не только тамъ, гдѣ слѣдуетъ, но и на мѣстѣ ѡ: мытара л. 2, оѣста моѡ л. 3. Послѣ гласныхъ и шипящихъ очень часто видимъ ѡ вм. ѡ и ѡ: изведѡша л. 2, ѡкааннѣ, фѡрисѣѡ 2 об. возношенѣѡ 3, но есть и написанія, какъ печѡ 4 об., частѣѡ ѡв.

¹⁾ См. Е. Ѡ Карскій. Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ. Изд. 2-ое. Варш. 1902 г. стр. 65.

Ѣ и Ѧ мѣняются: съшедѣ на землѣ¹⁾. Особенно любопытны формы, какъ высотѣ ѣнѣа въплъщѣа 4 об.; стѣа велѣкѣа 5 об.

ѢѢ и ѢѢ вовсе не попадаются.

Б обычно употребляется на концѣ словъ, з въ серединѣ, но есть и исключенія.

При плавныхъ обычнѣй сочетаніе рѣ, лѣ, но иногда видимъ чистую гласную въ русской постановкѣ: въпрѣси, ѡдрѣжимѣ 3, дрѣжавно, ѡврѣса, въплѣтѣла 4, слѣзы, прѣси, въплѣщѣа, ѡврѣзи 4 об., даже злѣ 3, злѣ 3 об., но рядомъ: вседержителю, слезы, смертныхъ 2, не ѡвѣзѣн 4.

Въ часто замѣщается черезъ е. Мы находимъ не только презри 4, преѡкааннаѣ 4 об., преѡлагающе 6, но и человеколюбецъ 2, высоко сѣдын, бегае^м, Оцестп, помѣлѣж 3, повелѣнѣи, прогневѣ 4.

Повидимому, есть случаи мѣны ѣ и я. Сюда, быть можетъ, нужно отнести указанную выше форму „помѣлѣж“, а также глаголь въ фразѣ: ѣмоу подобѣса въсѣ^а.

Формы: хадотайствѣ и ревнѣимъ можно пожалуй разсматривать какъ результатъ аканья, хотя ясныхъ слѣдовъ этого явленія мнѣ въ этомъ памятникѣ не встрѣтилось.

Ы, послѣ гортанныхъ часто даетъ и: мытарски, благихъ 2; но и въ другихъ случаяхъ замѣчается смѣшеніе этихъ звуковъ: непостыжи^м, шестокрилатѣа 318 об.

Употребляется з, повидимому, безъ опредѣленной системы: книзѣ 5 об., но и злобѣ 2 об.

Въ заключеніе считаю нелишнимъ привести для примѣра небольшой отрывокъ.

„Посланъ къ съ нксе гаврнѣлъ архѣггъ блго | вѣстити дѣвѣи заутѣе
н прнше^а къ нарѣтъ | помышлѣше в себѣ ую^о оуднелѣса мѣла | ше.
ѡ како н^м въ вышнѣхъ непостыжн^м сынѣ ѡ дѣвѣ | рѣж^аде^тса н мѣла прѣла
нбо н по^аножѣе зе^млѣ | въ оутрѣбѣхъ въмѣщае^тса жѣскоу нѣнѣ же | шесто-
крилатѣа н мнѡбунѣла възнрѣти | не могу^т слово^м ѣдинѣ^м ѡ сеа въплѣтѣ-
тнѣ блго | нзвѡли бжѣе е^т слово настоѣщее что оубо | стою н неглѣю
дѣци ра^чнѣса¹⁾ ѡбравѡкѣнаагъ | стѡ[бо]ю ра^чнѣса уѣа дѣво ра^чнѣса¹⁾ не-
въсто не^кѣ | наа ра^чнѣса мати животоу блвѣ пѡвѣ урѣва | твоѣго“.

¹⁾ Трудно рѣшить, куда отнести примѣръ: „сзекѣа бо ѡ вратѣ смерт-
ныхъ изведоша“ 2.

¹⁾ А и у написаны лигатурой.

Далѣ слѣдуетъ рукопись, значащаяся въ каталогѣ „*Miner. Od Wrzesnia. XVI w. Data 1612*“. Сохранилась она хорошо. Переплетъ кожанный, на деревянныхъ доскахъ. На первой изъ нихъ вытиснута иконка, изображающая, повидимому, женскую фигуру. На второй сохранились петли отъ застежекъ. На оборотной сторонѣ начальной доски уцѣлѣлъ листъ бумаги, которымъ она была оклеена. На немъ почеркомъ XVIII ст. сдѣланы польскія надписи: неразборчивыя фамиліи и пробы пера. На задней доскѣ бумага уже сорвана.

Писана рукопись на бумагѣ. Водяной знакъ крупный, но расплывчатый и неясный, вездѣ одинъ и тотъ же. Состоитъ памятникъ изъ 189 листовъ. Почти вездѣ онъ одной руки, почерка XVI в. Заглавныя буквы раскрашены киноварью.

Листы 27-ой (начиная со 2-го столбца первой страницы), 28-ой и 29-ый (только верхняя половина первой страницы) писаны другой рукой, повидимому, также XVI ст., при чемъ киноварь не употребляется.

Листы 54—57 об. принадлежать рукѣ много позднѣйшей. Ихъ почеркъ, близкій къ скорописи, указываетъ на XVII в. И здѣсь нѣтъ киновари.

Послѣдняя страница (л. 189 об.) занята помянникомъ, почерка XVIII столѣтія.

Языкъ памятника церковный, русскаго извода, хорошо выдержанный. Отступленій отъ обычной нормы немного: при бѣгломъ чтеніи замѣчается лишь мѣна *ы* и *и*, указывающая, можетъ быть, на южно-русское происхожденіе рукописи.

Первые 147 листовъ заняты молитвословіями въ честь святыхъ цѣлаго года, расположенными по днямъ ихъ памяти, начиная съ сентября. Далѣ, на лл. 148—189 находятся „вослѣдованія“. Послѣдняя страница, какъ сказано уже, заполнена еще и помянникомъ.

Переходимъ къ молдавскому Евангелію XVI вѣка. Переплетъ сохранился. Онъ кожанный, на деревянныхъ доскахъ, обильно украшенъ рисунками, вытиснутыми на обѣихъ его сторонахъ. Они когда то были, повидимому, посеребрены. На внутреннихъ сторонахъ переплета обильныя записи. Есть онѣ и въ другихъ мѣстахъ рукописи. Интересныхъ между ними не встрѣчается.

На бумагѣ водяной знакъ вепря.

Почеркъ памятника изъ образцовъ, предлагаемыхъ проф. Карскимъ, наиболѣе напоминаетъ Четвероевангеліе 1531 года, молдавскаго письма, изъ собранія о. Теофила Гепецкаго въ Бессарабіи.

Внутри рукописи также разукрашена. Передъ каждымъ евангелиемъ сложная заставка молдавскаго типа. Начальная буква всегда снабжена растительнымъ орнаментомъ изъ листиковъ и завитковъ ¹⁾, иногда переплетена ремнями ²⁾. Первая строка каждаго евангелія пишется вязью.

Заставка, находящаяся на 1-омъ листѣ, представляетъ собою большой продолговатый прямоугольникъ. Въ него вписанъ другой, синій, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, такъ, что нижняя сторона у нихъ общая. Въ этомъ послѣднемъ помѣщены три ремненныхъ кольца, заходящихъ другъ въ друга и переплетенныхъ въ свою очередь ремнями. Кольца и ремни обведены киноварью, а пустыя пространства между ними заполнены зеленою краской.

Заставка на л. 12 представляетъ изъ себя зеленый продолговатый прямоугольникъ. Справа и слѣва его придѣлана синяя рамка. Въ него вписаны въ два ряда восемь входящихъ другъ въ друга колець, переплетенныхъ ремнями такъ, что получается прямоугольникъ. Пустыя пространства заполнены синимъ, контуры колець и ремней обведены краснымъ. Въ томъ же родѣ и остальные заставки.

Писана рукопись Евоніевской орографіей, хорошо выдержанной; ѿ почти всегда въ серединѣ словъ, ѿ въ концѣ. Юсы нерѣдко мѣняются. Если рядомъ стоитъ два юса, первымъ пишется ж, затѣмъ слѣдуетъ а. Послѣ гласныхъ часто а вм. ѡ. Группа рз, лъ господствуетъ исключительно. Въ сочетаніяхъ типа прѣ обязательно стоитъ ѣ. Характерна и форма вѣсѣкъ, обычная и для молдавскихъ грамотъ ³⁾.

Переходимъ къ содержанію рукописи.

Л. 1—л. 1 об. занимаемъ „Сказаніа прѣемлащѣе вѣсего лѣта (вязью) | уисло ѣульскоѣ. н ѣуланомъ прѣйтіе | ѡждоу научнайтъ. н до г^не стаятъ“. Листы 2—7 об. содержатъ расписаніе евангельскихъ чтеній. Далѣе находимъ перечень содержанія евангелія Матѣея по главамъ, съ указаніемъ параллельныхъ мѣстъ у другихъ евангелистовъ (см. л. 8—9). Затѣмъ слѣдуетъ „Ѳеѡфлакта архіеѣпка блъ | гларскаго прѣдисловіе. еже ѡ ма^г | ѡеѣ стого ѣула⁴⁾“. Привожу для характеристики языка начало его:

¹⁾ См. К на л. 12, З на л. 90. П на л. 141.

²⁾ См. В на л. 222.

³⁾ См., напримѣръ, л. 1 об.

⁴⁾ Первая строка писана вязью.

„Иже оубо прѣжде законна. они | бѣтѣ нѣн мжжѣ. неписаннн |
книгми просвѣщахса. нѣ | унѣстѣ нмацѣ сомѣслѣ. дѣха сѣа | нѣемь про-
свѣщахса. и тако | божиа вѣдѣх хотѣнѣа“.

На листахъ 12—86 об. помѣщено само евангеліе Матвѣя.

Затѣмъ видимъ содержаніе евангелія Марка съ указаніемъ парал-
лельныхъ мѣстъ у другихъ евангелистовъ (л. 86 об.—88) и Прѣ-
словіе ѿ марка стѣ еѣла¹⁾ (л. 88—89 об.) нач.: „Еже ѿ марка стѣос
еѣлѣ. по де | сатн^х лѣт^х хѣва вѣзнѣсе | нѣа. сѣписано кѣ въ рѣмѣ. вѣ
оубо стѣ марко пѣтроу оубѣ | ннкѣ же н послѣдовѣтель“. Далѣе распо-
ложено само евангеліе Марка (лл. 90—138).

На листахъ 138—140 находится перечень содержанія евангелія
Луки съ параллелями къ другимъ евангеліямъ, на листахъ 140—140 об.
Прѣсловіе еже ѿ лѣкѣ стѣго еѣла²⁾. Нач.: „Моѣкѣ бѣженнн ѣнтнѣхѣа |
нннѣ кѣ кѣ рѣдѣ. вѣру же | хѣтрѣстѣж“. Наконецъ, идетъ евангеліе
Луки (лл. 141—219).

Далѣе находимъ перечень содержанія 17-ти главъ евангелія
Іоанна, сдѣланный, какъ и при предыдущихъ евангеліяхъ (л. 219 об.),
предисловіе къ нему (л. 219 об.—221 об.) и само евангеліе этого
апостола (л. 222—275 об.). Начало предисловія: „Еже дѣха сѣла. вѣ
нѣмоци сѣкрѣ | шѣтѣса. ѣко^ж писано ѣ вѣроуѣ^м | вѣ немѣци же не тѣ-
лесе тѣуѣж | нѣ оубо слѣва н прѣмѣ^жрѣстн | на ѣзѣцѣ лежѣцоу“.

Въ концѣ находится мѣсяцесловъ (л. 275 об.—381 об.). На-
званія мѣсяцевъ румунизированныя: септеврѣ, октеврѣ, ноемврѣ,
декеврѣ, генарѣ, феброуарѣ, мирѣтѣ, апрѣ^н, маѣ, іоунѣ, нюль, августѣ.
Въ немъ особенно замѣчательны имена Саввы, архіеп. сербскаго, и
Симеона сербскаго, новаго мурѣточѣа.

На листахъ 281 об.—285 вновь находимъ указатель евангель-
скихъ чтеній.

Библиотека Баворовскихъ владѣтъ и другимъ Евангеліемъ—
тетрѣ молдавскаго происхожденія отъ той же эпохи. На немъ озна-
чено: „Ewangelia ta pisana w pierwszej połowie XVI wieku. Była
własnością niejakiego Leontia Micewicza z płatriczan, który ją w 1608
roku подарował do Piatniczanskiego Monasteru wniebowzięcia Matki
Bożej“.

¹⁾ Это заглавіе писано вязью.

²⁾ Это заглавіе писано вязью.

Заставки и инициалы менѣе загѣйливы, чѣмъ въ предыдущей рукописи, и скорѣе приближаются къ первому изъ разсматриваемыхъ Евангелій. Нѣсколько оригинальнѣй заставка на л. 85, состоящая изъ 6 колець, причеъ три меньшихъ размѣромъ вписаны въ три большихъ. Всѣ кольца красиво переплетены другъ съ другомъ.

Почеркъ и правописаніе, равно и содержаніе статей тождественны съ другими Четвероевангеліями библіотеки. Но писано оно небрежнѣе, съ бѣльшимъ количествомъ описокъ. Такъ на л. 80 встрѣчаемъ „въ мирн“ вм. „въ римѣ“ и т. п. Количество листовъ памятникъ я позабылъ, къ сожалѣнію, отмѣтить въ своей записной книжкѣ. Последній листъ, изъ котораго мною почерпнуты матеріалы, 197-ой.

Недалеко отъ Львова лежитъ довольно значительное мѣстечко, возникшее много столѣтій назадъ, Городокъ Ягеллонскій. Въ немъ уже въ началѣ XV вѣка существовала церковь св. Іоанна, которой княземъ Свидригайлomъ Ольгердовичемъ дана была 1 января 1403 года дарственная грамота на разныя земли и угоды, очень интересная по своему языку. Въ научной литературѣ имѣется указаніе, что грамота эта хранилась еще въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія въ архивѣ при названной церкви¹⁾. Такъ какъ объ этомъ архивѣ нѣтъ болѣе никакихъ указаній, да и самъ документъ изданъ несовсѣмъ удовлетворительно, то я и отправился лично въ Городокъ.

Дарственная Свидригайла уже утеряна. Въ церковномъ архивѣ теперь находятся лишь какая-то латинская жалованная польскихъ королей, сравнительно новаго происхожденія, и книги метрическихъ записей, которыя тянутся начиная съ 1 января 1747 года вплоть до нашего времени. Древнѣйшія изъ нихъ писаны на русскомъ языкѣ.

Переплетъ 1-ой изъ тетрадей составленъ изъ нѣсколькихъ листовъ рукописнаго Октоиха Евоиміевской ороографіи. На передней половинѣ переплета встрѣчаемъ формы, какъ дипполезнжа, покрывъ, на задней—ръце^м, въси, мл'тивъ, сказаь, ѳтѣжа (sic!), прѣжа, ѳжа и т. д. Повидимому, эти отрывки относятся къ XVI вѣку.

Сверхъ того, въ церкви оказалось довольно значительное число старыхъ печатныхъ книгъ. Есть два Евангелія львовскаго изданія:

¹⁾ Памятники дипломатическаго и судебно-дѣловаго языка русскаго въ древнемъ галицко-володимирскомъ княжествѣ и въ смежныхъ русскихъ областяхъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Издать Яковъ Ѳ. Головацкій. 1886. Львовъ. Стр. 25.

одно 25 мая 1644 года, другое 28 ноября 1690. Далѣ идутъ 2 книги съ надписью: „Λεϊτοῦργικὼν (на другомъ экземплярѣ λεϊτουργικὼν) ρόκς β̄β̄ῑα ἀ̄π̄, νο̄εμβρ̄ια β̄ι“ (1780 года), „Λιτῦργίᾱ ἱε̄ρω̄ν̄ῑα ζυλτοβ̄στᾱγ̄ω“ 1808 г., „Λεϊτῦργικῶν“ 1691 г., Октоихъ 1739 года, два „Триодіона“: одинъ 1746, другой 1783 гг., Орологіонъ 1726 г., Анеологіонъ 1738 г. Все это львовскія изданія. Кромѣ того, имѣются отпечатанныя въ Почаевѣ въ 1701 г. „Воспослѣдованія празникѡмъ пр̄гой тани еухарістїи, состраданїа пр̄гїа б̄цы и блаженнаго священномъченика іѡсафата ѿ святаго собора замойскаго преподааннымъ“. Нѣсколько книгъ настолько испорчено, что установить года и мѣста изданія мнѣ не удалось. Это Октоихъ, Молитвословъ и „Послѣдованіе священнодіаконства, си естъ: како служиѣ діакѡ съ іереемъ, на великой вечерни, втрни же и лутургїи, сложенное ѿ ѿданное ст̄вїши“ вселенскии патріархомъ Філоеемъ“.

Такъ какъ мнѣ сообщили, что и въ другой униатской церкви мѣстечка, Благовѣщенской, есть старопечатныя изданія, то я побывалъ и въ ней. Тамъ оказалось, однако, всего нѣсколько Триодей, Октоиховъ, Требникъ и Часословъ XVIII вѣка, большей частью изорванныхъ, безъ начала и конца. Годъ можно было опредѣлить только на Требникъ (5 апрѣля 1739 г.) и 1-ой Триоди (1783 г.).

Небезынтересна оказалась и архитектура церкви Городка. Теперь на старинное малорусское зодчество обращено особенное вниманіе¹⁾. Поэтому считаю не лишнимъ сообщить свои наблюденія и на этотъ счетъ. Въ мѣстечкѣ три древнихъ униатскихъ храма южно-русскаго типа: каменная церковь св. Благовѣщенїа и двѣ деревянныхъ: св. Іоанна и св. Николая.

Первая, по словамъ мѣстныхъ жителей, новѣе остальныхъ. Узнать точно время ея построенїа мнѣ не удалось, но во всякомъ случаѣ оно относится къ XVIII в.

Два прочихъ зданїа свидѣтельствуютъ о себѣ сами. Надъ входными дверьми церкви св. Іоанна, внутри ея, сдѣлана надпись: „Сей храмъ Божїй созданъ Р. Б. 1680, | разоренъ отъ Татарвы, сно̀ва созданъ 1754“. Далѣе прибавлено: „Поболшілъ и оукрасілся тща́ніемъ и издѣржками | мѣстнаго²⁾ Пастыра Леона Трещаковскаго, | побожныхъ парохїанъ Васїліа Мозόлы, Михайла Смѣшка, также |

¹⁾ См., напримѣръ, работы послѣднихъ лѣтъ проф. Павлущаго и В. Щербаковского.

²⁾ ѿ написано въ видѣ сербскаго ѿ.

и инныхъ побожныхъ мѣжей | и жснѣ, трядомъ же живописца францѣшка | (франтѣшка) Щербовоского Р. Б. 1861 | дѣп 1680 аѣдл 1861“.

На дверяхъ же храма св. Николая вырѣзана дата 1696.

Начнемъ съ послѣдняго, какъ наиболѣе древняго. Онъ построенъ изъ бревенъ, ничѣмъ съ наружной стороны зданія не обшитыхъ, въ видѣ корабля. Въ нижній этажъ съ трехъ сторонъ ведутъ двери съ крылечками. На немъ воздвигнуты три башенки, неравной величины и высоты; именно, средняя больше остальныхъ, а передняя нѣсколько выше той, которая находится надъ алтаремъ. Каждая изъ нихъ состоитъ изъ трехъ восьмистороннихъ призмъ, причѣмъ каждая верхняя призма уже и меньше нижней ¹⁾. Каждая башенка увѣнчана небольшимъ восьмиугольнымъ куполомъ съ крестомъ. Каждый этажъ зданія отдѣляется отъ другого круто опускающейся и далѣко свѣшивающейся крышей, сдѣланной изъ небольшихъ тонкихъ дощечекъ, уложенныхъ на подобіе черепицы. Оконъ немного, они малы, тусклы, а въ нижнемъ этажѣ, кромѣ того, расположены подъ еамой крышей. Колокольня стоитъ отдѣльно. Она представляетъ себою невысокій четвероугольный срубъ. По угламъ его возвышаются 4 столба, поддерживающихъ дощатую кровлю, подъ которой и подвѣшенъ колоколь.

Совершенно такъ же построена и церковь св. Іоанна. Главное различіе въ томъ, что у нея крайніе куполы одинаковой высоты. Кромѣ того, впереди алтаря, справа, сдѣлана пристройка для продажи священныхъ предметовъ, да небольшой чуланчикъ прилѣпленъ съ лѣвой стороны зданія противъ его середины. Эти прибавленія новаго происхожденія, вѣроятно, 1861 г. Бревна, изъ которыхъ состоитъ остовъ церкви, обшиты досками; нижній этажъ побѣленъ. Колокольня здѣсь высокое современнаго типа зданіе.

Каменный храмъ является копіей деревянныхъ. Онъ очень не искусной постройки, и стѣны внизу обезображиваются неуклюжими контрфорсами, служащими для приданія имъ прочности. Центральная часть его представляетъ высокій кубъ, увѣнчанный куполообразной кровлей, посреди которой возвышается небольшая башенка съ куполомъ и крестомъ. Хотя матеріаломъ для покрытія здѣсь служить уже желѣзо, но и эта кровля, и башенка, и куполъ имѣютъ по 8-мъ реберъ. Надъ главнымъ входомъ икона Благовѣщенія, съ обѣихъ

¹⁾ Нижнія призмы примыкаютъ другъ къ другу вплотную.

сторонъ его окна. Пристройка слѣва отъ него имѣетъ также видъ куба, поменьше размѣрами, чѣмъ основной. На немъ дощатая кровля круглой формы, съ круглой же башенкой. Но куполь 8-угольный-желѣзный. Пристройка справа полукруглой формы. На ней многогранная желѣзная крыша и круглая башенка съ 8-угольнымъ куполомъ. Онъ ниже прочихъ двухъ куполовъ. Все крыто желѣзомъ.

Изъ иконъ мое вниманіе привлекъ старинный образъ, висящій въ запрестольной комнатѣ Благовѣщенія. Христосъ вручаетъ колѣнопреклоненному Петру ключи. Вдали на горѣ стоитъ трехкупольная церковь такого точно типа, какъ только что описанныя.

Въ церкви св. Николая надъ входомъ находится изображеніе Страшнаго Суда, плохо уже сохранившееся, чрезвычайно наивной техники, но съ бытовыми чертами.

Въ Краковѣ, куда я затѣмъ отправился, мнѣ представился случай ознакомиться съ библіотекой Русецкихъ. Хранившаяся раньше въ Россіи, она теперь перевезена въ Краковъ, и одинъ изъ помощниковъ завѣдывающаго краковскимъ городскимъ архивомъ г. Качмарчикъ заканчиваетъ теперь ея каталогъ. Благодаря его любезности, я имѣлъ возможность воспользоваться въ части интересовавшей меня, результатами его работъ, за что и спѣшу принести ему глубочайшую благодарность. Собраніе это довольно богато и русскими документами. Пользуюсь случаемъ сообщить объ нихъ свѣдѣнія.

Въ немъ хранится 7 пергаменныхъ грамотъ на русскомъ языкѣ:

1) Подтвердительная 5 августа 1531 г., данная въ Неполомицахъ. Король Сигизмундъ по просьбѣ Олехна Ивашковича Микулинскаго подтверждаетъ права его на села: Микулинецъ, Новоселлицу, Борковъ, Почапинецъ и Рогъ (въ Брацлавскомъ повѣтѣ), пожалованныхъ в. кн. Свидригайломъ Богдану Ивановичу Микулинскому за заслуги въ битвахъ съ татарами около Брацлава и въ вознагражденіе за сожженіе у него татарами имѣнья и уводъ въ плѣнъ сына и жены. Казимиръ Ягеллончикъ, подтверждая права на эти села, прибавилъ Микулинскому и половину села Мизянова.

Размѣры пергамена 34×58 ; заломъ 10 снт. Грамота скрѣплена малой литовской печатью, привѣшенной на красномъ шелковомъ снурѣ, подписями короля и писаря Миханла. Письмо въ нѣсколькихъ мѣстахъ стерто. На задней сторонѣ надпись: f. 4 ante Nativ. V. M. V. 1714 Castr. Latyczoviensi i ³⁰/₉ 1730 Castr. Winnicenia.

2) Грамота 1531 года, писанная въ Вильнѣ. Глѣбъ Ивановичъ Кюрсакъ записываетъ своей женѣ Маріи, дочери воеводы новгородскаго Горностая, нѣкоторую сумму на 3-ей части своихъ имѣній.

Размѣры пергамена 32×45 ; заломъ— $5\frac{1}{2}$ снт. Отъ 6-ти печатей остались только пергаменные снурки, отъ 7-ой сохранился обломокъ. Текстъ испачканъ, съ пятнами, читается плохо.

3) Квитанція 1 апрѣля 1542 г., данная въ Вильнѣ. Король Сигизмундъ Старый выдаетъ квитанцію подскарбію литовскому Ивану Горностаю на 51902 копы грошей, издержанныхъ имъ по приказанію короля изъ скарбовыхъ суммъ. Свидѣтелями Павелъ, еп. Виленскій, Юргъ Фальчевскій, еп. Луцкій, Вонславъ, еп. Жмудскій и Станиславъ Ольбрахтовичъ Гаштольдъ, воевода новгородскій.

Размѣры пергамена 32×54 ; заломъ— $6\frac{1}{2}$ снт. Отъ печати осталось только пятно, оттиснутое ею на грамотѣ, съ подписью короля вокругъ.

4) Дарственная 10 мая 1551 г., данная въ Вильнѣ. Иванъ Горностай, воевода Новгородскій, надворный литовскій маршалокъ и земскій подскарбій литовскій записываетъ своей женѣ Маріи Богдановнѣ Заславской 2000 копъ грошей на дворъ въ Вильнѣ, 1200 на Ельной и 900 на Косовѣ. Свидѣтели: Валеріанъ, еп. Луцкій и брестскій, Николай Радзивиллъ, воевода виленскій, Николай Радзивиллъ, воевода подляшскій, Николай Нарбутъ.

Размѣры 37×73 ; заломъ—7 снт. Скрѣпленъ подписью и 4-мя печатями на шелковыхъ фіолетово-красно-желтыхъ снуркахъ. 1-ая съ орломъ, у котораго на груди 3 трубы, съ надписью вокругъ: Nicolaus Radziwil Dei gracia dux etc. 2-ая съ гербомъ „Три трубы“ и съ неразборчивой надписью кругомъ. 3-ья съ гербами: 3 трубы и вѣнява. 6-ая съ гипоцентавромъ.

5) Грамота 28 іюля 1593 г., данная въ Варшавѣ Король Сигизмундъ III отмѣняетъ дарственную 12 іюля 1589 г., данную подканцлеру литовскому Гавріилу Войнѣ, такъ какъ жена Андрея Курбскаго, княгиня Александра Семяшкова, доказала грамотой Сигизмунда Августа, писанной въ Кнышинѣ 27 іюля 1568 г., что эти имѣнья уже пожалованы на вѣки потомкамъ въ мужской линіи Дмитра Курбскаго и Маруши.

Эти имѣнья—въ войтовствѣ колмыновскомъ села: Ковняны, Дорочишки, Мыняны, въ войтовствѣ Ильковскомъ села: Третышки, Передубинь, въ войтовствѣ Повезменскомъ села: Повезмены, Якцы-

товичи, Повераны, Наберты съ приселками, въ войтовствѣ Нуранскомъ села. Нураны, (Ю)нптолово.

Размѣры 37×57. Скрѣпленъ подписями короля и писаря Яроша Воловича. На мѣстѣ печати теперь дыра.

6) Жалованная 28 октября 1611 г., данная въ Варшавѣ. Король Сигизмундъ III позволяетъ Фридриху Тышкевичу и его женѣ Софѣѣ, по отцу Заславской, изъ Острога уступить село Нехворощу въ Кіевскомъ восводствѣ въ пожизненное пользованіе ротмистру Яну Микулинскому и женѣ его Варварѣ, урожденной Тышкевичъ, за которыхъ хлопоталъ польный гетманъ Жолкевскій.

Документъ скрѣпленъ подписями короля и Флоріана Олешки, секретаря и писаря. Отъ печати остался кусокъ шнура чернаго, желтаго, бѣлаго и краснаго цвѣтовъ.

7) Разъѣзжая между имѣньями Брацлавскими и Хмѣльницькими, данная въ Новоселицахъ въ декабрѣ 1631 года.

Размѣры пергамена 39×25. Отъ печати остался только слѣдъ.

Далѣе слѣдуютъ оригинальные документы, писанные на бумагѣ.

1) Грамота короля Сигизмунда I, данная въ Краковѣ 12 іюля 1523 г., которою онъ предписываетъ бѣглыхъ крестьянъ Ивана Горностаю изъ села Щитникъ, выдавать ихъ господину.

Оригиналъ порванъ; скрѣпленъ подписью короля и писаря и малой литовской печатью.

2) Грамота короля Сигизмунда Яну Горностаю, подскарбію литовскому, на Слонимское староство, данная въ Краковѣ 21 января 1531 года.

Оригиналъ скрѣпленъ вытиснутой на немъ малой литовской печатью и подписями короля и Васковича, Маршалка и писаря.

3) Грамота короля Сигизмунда, данная въ Краковѣ 20-го іюня 1531 года, которой онъ отдаетъ мыта въ Минскѣ на три года евреямъ брестскимъ: Исааку Іосифовичу, Іакову Выхнычу, Ильѣ и Яську Песаховичамъ, Рахмайлѣ Мошковичу и Евнашку Михылевичу за 1650 копъ литовскихъ грошей.

Документъ скрѣпленъ оттиснутой на немъ неразборчивой печатью, подписями короля и писаря Михайлы. Онъ продыранъ и попорченъ.

3) Жалованная короля Сигизмунда, данная въ Краковѣ 17 ноября 1531 года Ивану Горностаю, подскарбію литовскому, на 102

копы литовскихъ грошей и $\frac{1}{3}$ медовой дани со слонимскаго старства ежегодно.

На бумагѣ вытиснута малая литовская печать, стоитъ подпись писаря Михала.

4) Грамота короля Сигизмунда, данная въ Краковѣ 26 ноября 1531 года, которою онъ отдаетъ подати минскія, доходы полоцкіе (восковые и соляные) и пограничныя пошлыны (витебскія и могилевскія) на 3 года брестскимъ евреямъ; Исааку Іосифовичу и его товарищамъ за 5250 копъ грошей литовскихъ.

Оригиналъ скрѣпленъ вытиснутой малой литовской печатью, подписями короля и писаря Михайлы. Онъ порванъ и попорченъ.

5) Грамота короля Сигизмунда, данная въ Краковѣ 26 ноября 1531 года, которой онъ отдаетъ мыта брестскія и дрогицкія съ доходами восковымъ и солянымъ, а также подати гродзенскія съ доходами отъ воска и соли Исааку Іосифовичу, Якову Мошьевичу, Ильѣ Мошьевичу и Оврачку Мыхелевичу на 3 года за 5700 копъ литовскихъ грошей и 666 золотыхъ.

Скрѣплена она малой литовской печатью, вытиснутой на ней, подписями короля и писаря Михайлы.

6) Грамота короля Сигизмунда, данная въ Вильнѣ 14 іюля 1540 года, воспрещающая въ цѣляхъ охраны ковенскихъ пошлынъ купцамъ, ѣдущимъ въ Пруссію, обминать Юрборки и Горжу (?).

Это современная оригиналу копія, на двухъ листахъ бумаги, скрѣпленная двумя печатами съ гербами Лебедь и Коробъ, вытиснутыми на бумагѣ. Внизу она сильно испорчена.

7) Новая грамота короля Сигизмунда, данная въ Вильнѣ 16 іюля 1540 года для поддержанія доходности ковенскихъ пошлынъ, назначающая пошлыны для купцовъ, ѣдущихъ въ Пруссію черезъ Юрборгъ и Горжу (?).

Современная оригиналу копія, въ видѣ тетради изъ 2 листовъ бумаги, со слѣдами трехъ вытиснутымъ нѣкогда на ней печатей; внизу она попорчена.

8) Грамота короля Сигизмунда, данная въ Вильнѣ 17 іюля 1540 года, которою онъ приказываетъ ковенскимъ войту и бурми-страмъ, въ цѣляхъ охраны новооставленныхъ пошлынъ въ Юрборку и Горжѣ (?), воспрещать купцамъ искать иныхъ дорогъ въ Пруссію.

Современная оригиналу копія, въ видѣ тетради изъ 2 листовъ, сильно попорченная вверху и внизу.

9) Грамота королевы Боны, данная въ Вильнѣ 17 іюля 1540 г., которой она приказываетъ Ивану Кунцевичу, намѣстнику юрборгскому, ковенскому сборщику пошлинъ, чтобы онъ поселилъ въ Юрборку людей для наблюденія за купцами, не пользуются ли они другими дорогами въ Пруссію, кромѣ назначенныхъ королеми.

Современная оригиналу копія, очень испорченная. Онъ печати, вытиснутой на бумагѣ, остался лишь слѣдъ.

10) Грамота короля Сигизмунда, данная въ Вильнѣ 9 августа 1540 года. Онъ приказываетъ своему дворянину Василю Дмитреевичу Горайму ввести Ивана Горностая, подскарбія земскаго литовскаго, маршалка и писаря королевскаго, старосту слонимскаго и мстиславскаго, во владѣніе селомъ Вишенками, унаслѣдованными имъ отъ покойнаго Андрея Якубовича Немировича (Немирича) воеводы Кіевскаго.

Отъ печати остались лишь слѣды. Скрѣпленъ оригиналъ подписью писаря Михайлы.

11) Грамота короля Сигизмунда, данная въ Краковѣ 21 ноября 1542 г., приказывающая воеводѣ виленскому смотрѣть за тѣмъ, чтобы виленскіе мѣщане безъ отговорокъ давали помѣщеніе Ивану Горностая и его свитѣ при его пріѣздѣ на сеймъ.

На оригиналѣ вытиснута малая литовская печать и стоитъ подпись писаря Михала.

12) Квитанція Сигизмунда Августа, данная въ Вильнѣ 1 января 1545 года подскарбію литовскому Ивану Горностая на различные сельско-хозяйственныя доходы и на деньги за проданный хлѣбъ.

Оригиналъ нѣсколько попорченъ. Онъ скрѣпленъ малой литовской печатью, вытиснутой на бумагѣ, и подписью короля.

13) Квитанція Сигизмунда Августа, данная въ Вильнѣ 10 февраля 1545 года Ивану Горностая, подскарбію литовскому на взятое изъ государственной литовской кассы серебро.

Документъ имѣетъ видъ тетради изъ 2 листовъ, скрѣпленъ вытиснутой на бумагѣ малой литовской печатью, подписью короля и еще кого-то.

14) Грамота Сигизмунда Августа, которой онъ въ Вильнѣ 20 іюня 1547 года вызываетъ Ивана Ивановича Горностая на судъ по поводу притѣсеній, причиненныхъ имъ его слонимскимъ подданнымъ. На документѣ вытѣснена малая литовская печать.

15) Завѣщаніе княгини Софьи, жены Федора Ямонтовича Подберескаго, которымъ она отпускаетъ на волю своихъ слугъ. Дано въ октябрѣ, должно быть, 1548 года. Скрѣплено 3-мя вытиснутыми на бумагѣ печатями.

16) Благословенная грамота Макарія, митрополита Кіевскаго, Ивану Горностаю, подскарбію литовскому по поводу его женитьбы на Марьѣ Богдановнѣ Заславской, данная въ Новгородкѣ (Новгородскѣ) 11 декабря 1550 года.

Отъ печати остались лишь слѣды. Есть подпись митрополита.

17) Грамота митрополита Кіевскаго Макарія, данная въ Новгородкѣ 11 декабря 1550 г., которой онъ поручаетъ виленскому протопопу при церкви св. Николая обвѣнчать подскарбья литовскаго Ивана Горностаю и княжну Марью Богдановну Заславскую въ церкви Пресвятой Богородицы или въ другой какой. Скрѣплена она вытиснутой на ней печатью и подписью владыки.

18) Жалованная Сигизмунда Августа, данная въ Вильнѣ 30 ноября 1552 г. Ивану Горностаю, подскарбію литовскому, на 300 копей литовскихъ грошей изъ литовской государственной казны „на воспитаніе“, а также на награды сукномъ, назначенныя ему королемъ Сигизмундомъ.

Скрѣплена она подписью короля и его перстневою печатью.

19) Грамота Сигизмунда Августа, данная въ Вильнѣ 22 іюля 1562 года, которою онъ принимаетъ въ акты метрики литовской обязательство Франчка Роспецкаго, плебана вилькомирскаго, въ томъ, что онъ не будетъ строить Ромбольтовской алтаніи на части площади, принадлежащей литовскому подскарбію Остафію Воловичу. Обязательство это дано было въ Вильнѣ 21 іюля 1562 года.

Документъ писанъ по-русски, а обязательство по-польски. Скрѣпленъ онъ малой литовской печатью, вытиснутой на бумагѣ, и подписью Миколая Морушевича.

20) Грамота Сигизмунда Августа, данная въ Варшавѣ 4 іюля 1571 года, которою онъ повелѣваетъ землянамъ и урядникамъ новгородскаго староства отдать во владѣніе Гаврылы и Остафія Горностаевъ имѣнья Озерницу и Близнаы, захваченныя у нихъ женою ихъ брата Ивана Горностаю, Юліанною Богушовной.

Оригиналъ имѣетъ видъ тетради изъ 4 листовъ, изъ которыхъ 3 записаны. Скрѣпленъ малой литовской печатью, вытиснутой на бумагѣ, и подписью короля.

21) Жалованная Сигизмунда Августа, данная въ Варшавѣ 15 октября 1571 года Ивану Войнѣ Епимаху и его потомкамъ, на село Клепаче въ волости Каменецкой.

Документъ скрѣпленъ подписями короля и писаря Мацѣя Са-вицкаго, а также королевской перстневою печатью съ буквами I. A. R. R.

22) Ходатайство шляхты воеводства брестскаго, писанное въ Брестѣ 4 января 1578 года, въ которомъ она проситъ Гавріила Горностая, своего воеводу, назначить срокъ для съѣзда передъ от-правленіемъ на войну.

Скрѣплено 23-мя перстневыми печатями шляхты и ихъ подпи-сами.

23) Грамота короля Стефана, данная во Львовѣ 29-го іюня 1578 года, въ которой онъ по жалобѣ Давида, игумена монастыря св. Николая Пустынскаго, въ Кіевѣ, запрещаетъ Филону Семеновичу, Чернобыльскому кмитѣ, причинять ущербъ монастырскимъ имѣніямъ.

Грамота скрѣплена малой королевской печатью, вытиснутой на бумагѣ, подписями Яна Боруковскаго, королевскаго подканцлера, и Лаврына Несочинскаго. Вверху она нѣсколько попорчена.

24) Грамота короля Стефана, писанная въ Вильнѣ 20 марта 1584 года, которою онъ вызываетъ на сеймъ воеводу брестскаго Гавріила Горностая по поводу обвиненія его и женою князя Михаила Полубенскаго Еленою Шолушанкой (?) въ убійствѣ ея сына Горно-стая и его шурина Павла Климчыцкаго, совершенномъ въ 1582 году.

Документъ состоитъ изъ 2 листовъ; отъ великой литовской пе-чати, оттиснутой на бумагѣ, сохранились остатки.

25) Увѣдомительная Гавріила Горностая, писанная въ Варшавѣ 23 февраля 1585 года, въ которой онъ извѣщаетъ княгиню Полу-бенскую, что по случаю болѣзни не можетъ явиться къ сроку на судъ по возбужденному его обвиненію и что король отложилъ раз-бирательство дѣла.

Скрѣплена она вытиснутой на ней печатью отправителя и его подписью.

26) Другая грамота того же Гавріила Горностая, данная тамъ же того же числа, которою онъ передаетъ полномочія вести это дѣло Ивану Дунаю.

Она скрѣплена подписью Горностая и его печатью, вытиснутой на документѣ.

27) Еще одна грамота того же лица по тому же дѣлу. Она дана въ Варшавѣ 23 февраля 1585 года и содержитъ увѣдомленіе, что полномочія вести дѣло переданы Дунаю.

Скрѣплена она вытиснутой на ней печатью Горностая и его подписью.

28) Жалованная короля Стефана, данная въ Городнѣ 12 августа 1586 года женѣ князя Андрея Крупскаго (сл. чит. Курбскаго)? на право рубить въ Уницкой пущѣ лѣсъ для надобностей ея двора и крестьянъ села Криничина.

Документъ скрѣпленъ вытиснутой на немъ малой литовской печатью и подписью короля.

29) Прошеніе шляхты минскаго воеводства, поданное въ Минскѣ 1 апрѣля 1587 г. воеводѣ брестскому, старостѣ минскому, Гавріилу Горностая, чтобы онъ назначилъ срокъ выбора депутатовъ въ каптуровый судъ.

Оно скрѣвлено 17 подписями шляхты и печатями ея, вытиснутыми на бумагѣ.

30) Прошеніе шляхты брестскаго воеводства, писанное въ Брестѣ 8 мая 1587 года, въ которомъ она проситъ виленскій каптуръ придать сторону Гавріила Горностая, воеводы брестскаго, въ процессѣ, возбужденномъ противъ него Николаемъ Одоевичемъ.

Документъ состоитъ изъ 2 листовъ, скрѣпленъ вытиснутыми на немъ печатями и подписями 35-ти шляхтичей.

31) Грамота Сигизмунда III, писанная въ Краковѣ 19 декабря 1605 года, въ которой онъ проситъ подкоморія кievскаго Самуила Горностая явиться на житомирскій сеймикъ и выполнить все, что онъ ему поручаетъ въ инструкціи.

Она скрѣплена малой королевской печатью, вытиснутой на бумагѣ съ обратной стороны документа, и подписью короля.

Къ русскимъ документамъ тѣсно примыкають и 3 польскіе:

1) Довѣренность Гавріила Горностая, воеводы брестскаго, данная въ Варшавѣ 23 февраля 1585 года Ивану Свошовскому, чтобы тать въ виду болѣзни Горностая велъ вмѣсто него на сеймѣ дѣло по обвиненію его женой князя Михаила Полубенскаго въ убійствѣ ея сына и его шурина Павла Климчицкаго.

На документѣ стоитъ подпись довѣрителя и вытиснута его печать.

2) Его же довѣренность по тому же дѣлу, данная тогда же Мартину Млечку.

3) Такой же документъ отъ того же числа съ довѣренностью Станиславу Вировскому. Обѣ эти грамоты снабжены подписью довѣрителя и вытиснутой на нихъ его печатью.

Хотя я интересовался собственно русскими рукописями, но не могу не упомянуть, что въ собраніи Русецкихъ находится еще огромное число латинскихъ грамотъ.

Древнѣйшая изъ нихъ, писанная на пергаментѣ 10 мая 1211 года, представляетъ изъ себя буллу папы Иннокентія III, касающуюся церковныхъ дѣлъ Польши. Старѣйшая грамота библиотеки, возникшая уже на польской почвѣ,—это дарственная шляхтича Якуба монастырю въ Мѣховѣ, писанная въ Сканычевѣ 18 ноября 1230 года.

Кромѣ того, имѣются еще 36 документа отъ того же XIII в. Въ числѣ ихъ шесть буллъ Григорія IX, Иннокентія IV, грамоты Конрада Краковскаго и Мазовскаго, Болеслава Краковскаго и Сандомирскаго, Казимира Куявскаго, Премысла II, Лешка Краковскаго и Сандомирскаго, Владислава Серадскаго и Куявскаго, Владислава князя Польскаго, разныхъ епископовъ и должностныхъ лицъ.

57 документовъ возникли въ XIV столѣтіи, 79—въ XV, 54—въ XVI, 12—въ XVII, 6—въ XVIII. Все это пергаменты.

Что касается бумажныхъ грамотъ, то старѣйшая изъ нихъ относится къ 1489 году, а остальные распределены такъ: 14 принадлежатъ XVI вѣку, 125—XVII, 49—XVIII.

Кромѣ отдѣльныхъ документовъ на пергаментѣ и бумагѣ, библиотека Русецкихъ владѣетъ еще 71 рукописями представляющими изъ себя по большей части также сборники документовъ въ оригиналахъ и въ копіяхъ:

1)¹⁾ Копіи бумагъ различныхъ организацій и административныхъ учреждений за время отъ 5/XII 1810—19/I 1811 года.

2) Люстраціи староства велунскаго отъ 23/VIII 1789 года.

3) Исторія Македоніи и Рима, рукопись XIX в.

4) Каталогъ неизвѣстной библиотеки (около 5000 заглавій по 1813 годъ).

¹⁾ Поставленные здѣсь номера соответствуютъ номерамъ библиотеки.

5) и 6) Дневникъ происшествій въ Краковѣ за время отъ 21/VI 1768—1783 11/VII, написанный Краковскимъ купцомъ Войцѣхомъ Маченскимъ.

7) Діаріуши сеймовъ 1718, 1719 гг., проектъ корректуры трибунала, пункты инструкціи повѣтовъ 1720 года.

8) Множество разнообразныхъ документовъ XVII и XVIII вѣковъ.

9), 11), 13) Расходы на коронную артиллерію 1672—1675, 1681—1683 и 1672—1676 гг.

10) Документы Іоанна Фридриха Готвальда 29/I 1781—3/IX 1781 гг. 12, 14, 15, 16, 17, 19, 22, 28, 34, 35, 36, 38, 45). Расходы на войсковыя надобности въ различныхъ мѣстностяхъ Польскаго государства (преимущественно въ юго-восточной его части) за гг. 1685, 1691, 1684—1689, 1718, XVIII в., 1726, 1724, 1810, 1655—1726, 1662—1754, 1670—1700, 1699—1726, 1793 (?).

18), 20), 21) Инвентари 1726 г. краковского, львовскаго цехгаузовъ и другихъ учреждений.

23) и 24) Описаніе жизни Гайдамаки Кузьмы Гуляенка, 1736—1772 г. Объ рукописи писаны рукой XIX столѣтія, очень небрежно.

25) „Хроника польская“ Станислава Хвальчевскаго (1549 г.), въ копіи 1828 года.

26) Хроника турецкая, написанная Михаломъ Константиновичемъ изъ Островицы. Манускриптъ писанъ двумя руками XVII в.

27) Сборникъ смѣшаннаго состава, середины XVIII в. Копіи документовъ разнообразнаго содержанія и стихи, большею частью сатирическіе и комическіе.

29) Плаваніе по океану философіи, драматическій эпосъ кн. Алоизія Филиповича (неоконченная поэма въ 5 актахъ). Рукопись XIX вѣка.

30) Свѣдѣнія объ архивахъ литовскихъ.

31) Сборникъ смѣшаннаго содержанія, 1626—1654 гг. Универсалы, пѣсни, частныя письма, относящіяся преимущественно къ казацкому движенію.

32) Письма 1775—1793 гг. къ Кандиду Островскому.

33) Артикулы гетманскіе 1609 г.

37) Собственноручныя письма Станислава Августа, преимущественно частнаго характера.

39) Викентія Иполита Гаварацкаго. Привилей, жалованныя и т. д. Печатано въ Варшавѣ въ 1828 гг.

40) Erectio domus Loviciensis scholarum Piagam anno reperatae humanae conditionis 1670. Ркп. XVII в.

41) Сборникъ смѣшаннаго содержанія, 1645—1652 гг., относящійся преимущественно къ возстанію Хмѣльницкаго.

42) Сборникъ смѣшаннаго содержанія 1691—1710 гг. Онъ содержитъ исключительно копій.

43) Собственноручныя письма королевича Якова Людвига Собѣскаго, 1796—1712 гг.

44) Копія меморіала „Maréchal Paskiewicz“ объ улучшеніи положенія евреевъ въ королевствѣ польскомъ, поданнаго еврейскою депутаціей. Ркп. XIX в.

46) Сборникъ преимущественно юридическаго содержанія, писанный 4-мя руками XVIII ст.

47) Сборникъ разнообразныхъ документовъ, датированныхъ отъ 1236 до 1699 гг. Писанъ онъ руками XVI—XVIII вв.

48) Сборникъ различныхъ документовъ, 1700—1860 гг.

49) Документы, относящіеся къ варшавскимъ доминиканцамъ, 1571—1777 гг.

50) Документы и письма, относящіеся къ Ивану, Симеону и Александру Юрьевичамъ Олельковичамъ, князьямъ Слуцкимъ, 1588—1600. Изъ нихъ около половины писаны на русскомъ языкѣ.

51) Копій документовъ изъ собранія Русецкихъ.

52) Документы относительно сѣздовъ въ Вильнѣ и Минскѣ, 1582—1619 гг. Большая часть ихъ писана по-русски.

53) Документы и письма, относящіеся къ фамиліи Каннмпрровъ, 1516—1625 гг. (документы 1561—1618).

54) Такого же характера сборникъ, относящійся къ фамиліи Збонскихъ (?), 1600—1667 гг.

55) Письма къ Станиславу Шукѣ, 1686—1697, 1704—1709 гг. Письма королевы Екатерины Лещинской, безъ датъ.

56) Документы и письма, относящіеся къ Марку Мальчинскому, кievскому воеводѣ, 1603—1699 гг. (документы 1663—1694 гг.).

57) Письма къ Самуилу Горностаю кievскому, его женѣ Теофилѣ и ихъ дочери Елисаветы, бывшей замужемъ сперва за Андреемъ Дрогоевскимъ, а потомъ за Николаемъ Абрамовичемъ, воеводой Мстиславскимъ, послѣ Троицкимъ, 1602—1654 гг.

58) Сборникъ смѣшаннаго состава, 1632—1814 гг.

59) 58 писемъ, подлинныхъ и въ копіяхъ, 1548—1826 гг. Переписка большею частью политическаго содержанія.

60) Письма королевы Маріи Казимиры въ Римъ. Станиславу Щукѣ и его женѣ, 1699—1707 гг.

61) Документы тяжбы Станислава Выжиковскаго съ братьями изъ-за отцовскаго наслѣдства, 1604—1610 гг.

62) Документы относительно доминиканскаго монастыря въ Вар(...), 1597—1708 гг.

63) Документы относительно села и двора въ Уяздовѣ, 1571—1674 гг.

64) Документы относительно Поневѣжа, 1584—1634 гг.

65) Документы относительно имѣнья Горностаевъ, села Вишеньки въ кievскомъ воеводствѣ, 1540—1632 гг.

66) Документы относительно Гавріила Горностая, воеводы Минскаго, старосты Каменецкаго, позже воеводы брестскаго, и письма къ нему же, 1558—1588 гг. (документы 1558—1585 гг.).

67) Документы и письма, относящіеся къ Іерониму Горностаю, сыну воеводы Брестскаго, 1593—1596 гг.

68) Документы и письма, относящіеся къ Ивану Горностаю, подскарбію Литовскому, 1536—1553 гг.

69) Универсалы гетмановъ запорожскихъ, 1658—1732 гг. Здѣсь видны: 1) универсалъ Ивана Выговскаго по поводу мѣстечка Михайловки, принадлежавшаго монастырю Николая Пустыннаго въ Кіевѣ (1658—1659 гг.), стр. 1—4; 2) универсалъ Юрія Хмѣльницкаго, воспреещающій продажу водки въ томъ же мѣстечкѣ безъ разрѣшенія монастырскихъ властей, 10 апрѣля 1662 г., стр. 5—6; 3) универсалъ Петра Дорошенка, данный для охраны собственности монастыря св. Николая, 22 августа (года не могъ разобрать), стр. 7—10; 4) испорченный документъ, изъ котораго видно, что какой-то гетманъ по просьбѣ Іосифа Кроковскаго, игумена Николая Пустыннаго, воспрещаетъ отрясать фрукты въ монастырскихъ садахъ по ту сторону Днѣпра, стр. 11—14; 5) Письмо гетмана Даніила полковнику Ивану Хрущову изъ Хлудова, 27 августа 1732 г., стр. 15—18.

70) Сборникъ смѣшаннаго характера различныхъ документовъ, относящихся къ Литвѣ и Руси, 1532—1797 г. Среди нихъ много на русскомъ языкѣ.

71) „Сопнотатія“ бумагъ королевы Маріи Собѣской, 1670—1687 года.

Въ этихъ сборникахъ документовъ постоянно встрѣчаются и писанные на русскомъ языкѣ.

Кромѣ того, я работалъ въ обѣихъ пражскихъ библиотекахъ: университетской и Музея Королевства Чешскаго. Въ первой мое вниманіе остановила рукопись № 31. XVII. А. 14, благодаря удивительному недоразумѣнію, объектомъ котораго она послужила. Этотъ манускриптъ считается пергаменнымъ. Такъ онъ отмѣченъ и въ известной статьѣ Jos. Truhlár'a: „Přehled rukopisnýchъ cimelíí biblioteky klementinské nově srořádanýchъ“. На страницѣ 351 тамъ стоитъ; „31. XVII. А. 14, 231 ll. perg., XV stol. Tetroevangelium lingua veteroslovenica literis cyrillicis exaratum. Liturgická tato kniha církve východní pochází z biblioteky piaristy Gel. Dobnera, jak na l. 1-a poznamenano. Na zadnímъ přidešti vlastní rukou poznamenal J. Dobrovský, že kodexu tohoto „srbského nebo slavonského“ (servico seu slavonico) používalъ zbíraje varianty k novému vydání Griesbachova Nového zákona řeckého. Miněno zde vydání druhé Halle sax. et Londini 1796“.

Несмотря на такое тщательное, повидимому, изученіе этой рукописи, при которомъ, казалось бы, ошибки немыслимы, она оказывается *бумажною*. Поэтому я счелъ долгомъ остановиться нѣсколько на ней.

Она въ кожаномъ переплетѣ, на деревянныхъ доскахъ, съ вытѣсненными по нему узорами. Отъ застеежекъ сохранились лишь остатки. Писана на толстой, плотной, желтаго цвѣта бумагѣ, съ перваго взгляда напоминающей пергаменъ. Однако, если внимательно присмотрѣться, то ошибочность перваго впечатлѣнія ясно обнаруживается. На свѣтъ можно видѣть и водяной знакъ, представляющій изъ себя крестъ, упирающійся въ луну. Наиболѣе рѣзко онъ выдѣляется на л. 3, 17, вообще же онъ мало замѣтенъ. Всѣхъ листовъ текста 231. Вотъ его содержаніе:

Л. 1 а—1 б. „Скѣзаніе прѣмлешее въсѣго лѣта уисло євѣнское“. Л. 1 б.—л. 5 б. „Скѣзаніе єже на въсѣмъ днѣ“. Л. 6 а—л. 69 а. Евангеліе Матоея. Л. 69 а—л. 69 б. Его оглавленіе. Л. 70 а—107 б. Евангеліе Марка. Л. 108 а—108 б. Его оглавленіе. Л. 109 а—175 б. Евангеліе Луки. Затѣмъ нѣсколько листовъ вырвано. Л. 176 а—225 б. Евангеліе Іоанна. Л. 226 а—230 б. Краткій мѣсяцесловъ, начная съ 1 сентября. Л. 230 б—231. Указатель евангельскихъ чтеній „на осѣненіе маслѣ“ и т. д. Л. 231 б. „Оѣказаніе гласовѣ ѿ оутрны“.

Сбоку вездѣ киноварью указано время чтенія каждаго мѣста Евангелія. По листамъ 5 б—8 а внизу идетъ приписка другой рукой: „Сие еванѣлие ѿкупи милора^а и приложи ва хамъ (sic!) светаго архвер^а и чудотворца христова Николаи за свою дуиу у селу ѣа(...)^{ти}“. Не повторяю того, что уже сообщено у Трухляра.

Языкъ памятника церковно-славянскій, сербскаго извода, повидимому ресавской орфографіи. Юсовъ совсѣмъ нѣтъ; вм. ж всегда ѳ, вм. а неизмѣнное е. Изрѣдка встрѣчается мѣна *ы* и *и*. Иногда замѣчаемъ *ь* и *е*. *Ра, ла, рѣ, лѣ* остаются безъ измѣненій. Въ концѣ словъ видимъ исключительно *ь*, въ предлогахъ—*ъ*. Въ серединѣ же словъ часто находимъ *ъ* вм. *ь*, но эта черта не проведена послѣдовательно *Р* отвердѣло. Для образца языка приведу отрывокъ:

Л. 109 а „Понеже оубо мнози нхъше уничи повѣсть. ѿ извѣствованнхъ въ нѣ вѣщехъ. ѿкоже прѣдше нѣмъ иже испрѣкз самовидци и слоугъ кѣвшеи словесн. изволисе и мѣтъ послѣдствоканіиъ вѣше въ сѣхъ испѣтно. по рѣдоу тебѣ писати дрѣжавнии Ѳеѡфѣле, да развѣши ѿ нхъже наѣуиалъ еси словесе^х (л. 109 б) оутврѣженіе. Бѣ¹⁾ въ днн ірѡда црѣ іоудейска нѣкни именовъ захрѣл. ѿ ѳѣмеріе лѣл. и жена его ѿ дщерь хрѡнѡ. и иже еи ѳансаветъ, бѣста же правѣднѣ ѡбѣ прѣ кѣмъ (sic!) хѡдеца въ всѣхъ зновѣдѣхъ и ѡправлѣнїи нхъ гнѣхъ кеспорѡчнл. и не бѣ нѣмъ уѣда понеже ѳансаветъ бѣ непѡдѣн. и ѡбѣ змлторекаша къ дѣхъ свонъ бѣста. кѣ славѣнцѣ ѳмъ въ униоу урѣды своѣе прѣ бѣмъ. по ѡбычу іереискомъ. кѣючнсе ѳмъ покѣднн вѣнѣ въ црѣкѡвъ гнѡ. и всѣ множество людѣи бѣ мѣтвѣ дѣе вѣнѣ къ годѣ ѳимѣлм. лѣнсе ѳмоу лггалъ гнѣ стоѣ одеснѣю ѡлтѣра кѣдѣлнлго. и смоутисе захрѣл кнѣдѣвѣ. и стрѣхъ налѣде нѣнѣ. рѣ же къ нѣмъ лѣлѣ. не боисе захрѣл. занѣ оуслѣшнлн бѣ мѣтва твоѡ. и жена твоѡ ѳансаветъ. рѡднѣ сѣбѣ тебѣ. и нрѣши иже ѳмъ іѡаннѣ. и боудѣ тебѣ рѡдѡ и вѣлѣе. и мнози ѿ рѡжѣ стѣ ѳго вѣзрѣчѡтсе“²⁾.

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ можно найти всѣ отмѣченныя нами особенности рукописи.

По всѣмъ этимъ даннымъ ее нужно отнести къ XV столѣтію, какъ это и сдѣлалъ Трухляра.

Другіе церковно-славянскіе памятники этой бібліотеки или уже прекрасно извѣстны міру, какъ Пражскіе глаголическіе листки,

¹⁾ Б писано киноварью и больше другихъ буквъ.

²⁾ А и у писаны въ видѣ лигатуры.

или же мало любопытны по своей незначительности, какъ цѣлый рядъ небольшихъ обрывковъ глаголическихъ рукописей позднѣйшей эпохи.

Болѣе интереса возбуждаетъ библіотека Музея Королевства Чешскаго. Она обладаетъ богатымъ собраніемъ славянскихъ манускриптовъ. Къ сожалѣнію, не только нѣтъ печатнаго ихъ описанія, но и рукописный каталогъ библіотеки даетъ о нихъ самыя скудныя свѣдѣнія. Лишь Собраніе Шафарика можетъ похвалиться своимъ описаніемъ, сдѣланнымъ проф. Сперанскимъ.

Другія статьи, сообщающія данныя объ библіотекѣ, принадлежатъ гг. Воскресенскому, Францеву, Волкову. Упоминають о ней въ своихъ трудахъ и d-r Šenek Zibrt и проф. Иконниковъ.

Работа Н. В. Волкова: „Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древнерусскихъ книгахъ XI—XIV вв. и ихъ указатель (см. Памятники др. письменности, СХХІІІ, 1897, стр. 96) не вдается въ обстоятельное описаніе отдѣльныхъ рукописей. Труды Zibrt'a: Bibliografie české historie (Т. I, отд. II, стр. 196) и проф. Иконникова: „Опытъ русской историографіи“ т. I, 1892 г. уже по самому своему характеру не могутъ останавливаться на деталяхъ.

Статья В. А. Францева: Библіотека Музея Королевства Чешскаго“ (см. Извѣстія книжн. магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ. Спб. М. I, 1898, № 7, стр. 149—155) представляетъ собою сообщеніе самаго общаго характера, предназначенное для популяризованья свѣдѣній объ этомъ книгохранилищѣ среди широкой публики.

Работою же Г. Воскресенскаго: „Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ“ (см. Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. XXXI. Спб. 1883. Стр. 10—30) мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось воспользоваться.

Многоходомъ, конечно, многіе ученые въ своихъ сочиненіяхъ пользуются и матеріалами Музея. Но всего этого мало. Считаю поэтому желательнымъ распространить какъ можно больше свѣдѣній о знаменитѣйшей изъ чешскихъ библіотекъ и по возможности облегчить пользованіе ея богатствами, я, за неимѣніемъ пока ничего лучшаго, привожу здѣсь въ русскомъ переводѣ рукописный ея каталогъ, предлагающійся въ ней посѣтителемъ, съ прибавленіемъ указаній, какіе изъ памятниконъ уже описаны въ трудѣ проф. Сперанскаго. Большинство же прочихъ еще ждутъ своего описателя.

IX. Славянскій отдѣлъ.

A.

- 1) Zhor (Сор) Math., Literatur der Winden. 1831 г.¹⁾.
- 2) Ходаковскій, Географическій словарь. 1840 г.
- 3) Сборникъ названій мѣстностей въ Штиріи и Каринтіи.
- 4) Ribay G. Idioticon slavicum.
- 5) De Bienenberg Jos. Collectio scriptorum de rebus slavica.
- 6) Данишъ А. Е. Родословіе царей сербскихъ. М. А. В. С. 1829 г.
- 7) Pathologia sermonis slavici.
- 8) Materialien zur alteren u. neuer. Erdkunde v. Bulg., Serb. Rosn. etc. T. I—II. 1826 г.
- 9) Serbica. Geschichte d. Serb. Literatur.
- 10) Illirica. Illirische Literatur.
- 11) Микуцкаго. Лингвистическое сочиненіе (русское). 1850 г.
- 12) Записки географическаго содержанія. I.
- 13) Materialien zur Geschichte der altsloven. Literatur. 1829 г.
- 14) Sustiniana prima.
- 15) Климешъ Фил. 15 листовъ глаголическаго миссала.
- 16) Сербія и Болгарія.
- 17) Miscellanea (о Турціи и иныхъ земляхъ).
- 18) Excerpta e linguis cognatis.
- 19) Матеріалы для грамматики полабскаго нарѣчія.
- 20) Историческія выписки. Списокъ истор. книгъ.
- 21) Psalterium Cyrillicum e codice Mosquensi. 1296. Копія 1857 г.
- 22) Сербія. Турція.
- 23) Славянскій словарь.
- 24) Названія съ карты Польши Занноніа, 1772 года.
- 25) Šafařík P. S. Reihenfolge der slov. ad. Wind. Schrift.
- 26) Библиографія. Исторія литературы.
- 27) Collatio Psalterii glagolitici cum cyrillico.
- 28) Verzeichnung der Landkartpen üb. d. europ. Türkei engeh. 1827 г.

¹⁾ Я перевожу лишь чешскій текстъ каталога, заглавія же рукописей, сдѣланныя на другихъ языкахъ и включенныя въ него безъ перемѣнъ, оставляю также нетронутыми. Это помогаетъ ориентироваться въ языкъ манускриптовъ.

- 29) Kroatische Literatur.
- 30) Schriftstempelschneidekunst, 1852 г.
- 31) Conscriptio monaster. Syrmiensium, 1772 г.
- 32) Литургія соединенной греческо-католической церкви (русская).
- 33) Schimek Maximiliani (De alphabetis slavicus).
- 34) Памятная книга юбилейной выставки въ Прагѣ 1891 года.
- 35) Памятники Музея. 1, 2, 3 (съ приложениями).

В.

- 1) Библиографія. Славянскія: мнѳологія, палеографія (ч. 1—3).
- 2) Collectanea glagolitica, 1852 г.
- 3) Ходаковского „Словарь природы“.
- 4) Brěice Iv. Различныя ученые статьи.
- 5) Описание грамотъ сербскихъ, болгарскихъ, глаголическихъ, греческихъ, латинскихъ, валашскихъ и молдавскихъ, XIV—XVII столѣтій. 1850 г.
- 6) Списокъ славянскихъ глаголовъ.
- 7) Stych uloženoї i hološenoї u seminariї Gen. ruskoї (малоруссій).
- 8) Sammlung Slovenischer Wörter v. I. 500—100. 1829 г.
- 9) Старѣйшія выписки для исторіи славянскихъ литературъ.
- 10) Указатель къ картамъ Россіи.
- 11) Списокъ названій мѣстностей въ Сербіи, Босніи, Герцоговинѣ и Далмаціи.
- 12) Старыя выписки, относящіяся къ славянскому языку, изъ Генской эпохи.
- 13) Nettleau. Mich. Vakunin. ч. I, II. 1. London. 1896—1898 гг.
- 14) Краткая грамматика церковнаго старославянскаго языка.
- 15) Польская грамматика.
- 16) Acta eines wissensch.-literar. priv. Vereines f. slav. Literat. Breslau. 1836/44.
- 17) Русская рукопись (?).

С.

- 1) Vitae sanctorum seu Prologus quondam monasterii Stupa, sec. XV. Сперанскій. „Рукописи Павла Юсифа Шафарика (нынѣ Музея Королевства Чешскаго) въ Прагѣ“. Отд. оттискъ М. 1894 г. См. отдѣлъ „Б) Сербскія рукописи“. № 8, стр. 36—37.
- 2) Ярошевичъ Кир. Splendor chwalebnych cnot y zaslug oycа Thimoth. Maxim.

- 3) Statutum civitatis Polica in Dalmatia.
- 4) Nomocanon, scr. a. 1700 in monast. Rakovac. Cont.: 1. Extractum ex syntagmate M. Blastaris. 2. Cod. legum Steph. Dušani (см. Сперанскій. Б. № 16, стр. 62—63).
- 5) Латино-русскій словарь.
- 6) Apostolus Loznicensis, saec. XVI. (См. Сперанскій. Б. № 3, стр. 25—26). Необходимо добавить: ресавской ореографіи.
- 7) Память и житіе Константина философа (ц.-славянское).
- 8) Relazione di tre conventi fatti in Polonia dalla nobilita l'anno 1605.
- 9) Fragmentum Homiliarum Io. Chrisostomi (см. Сперанскій. № IV, стр. 5—8). Сперанскій считаетъ его принадлежащимъ XV вѣку, но на экземплярѣ статьи, находящемся въ Музеѣ, имѣется рукописная приписка одного изъ русскихъ ученыхъ, работавшихъ въ библиотекѣ, указывающая, что эта рукопись относится къ XIV ст.
- 10) Paraphrasis evangelica in lingua vulgari Polono-Ruthenica, saec. XVI.
- 11) De'risparmii da porter fare nel presente governo della Dalmazia.
- 12) Копитаръ. Prolegomena historica ad liturgiam slavica. Копія 1847 г.
- 13) Начала чешской грамматики для русскихъ.

D.

- 1) Копитаръ. Prolegomena.
- 2) Краткая сербская лѣтопись. Законникъ Стефана Душана.
- 3) Praepostolarium Kamnicense, saec. XV. (См. Сперанскій. Б. № 4, стр. 26—27). Рукопись ресавскаго правописанія. Кажется, ее слѣдуетъ отнести къ половинѣ XVI ст.
- 4) Габделихъ Юрій. Славянскій словарь. 1670 г.
- 5) Ваннихъ Ант. Естественное право. 1790.
- 6) Bolizza Mar. Relazione et descriptione del Sangiacato di Scutari.
- 7) Житіе св. Константина (ц.-славянское).
- 8) Различныя азбуки.
- 9) Materialia ad filologiam slavica.
- 10) Грамоты ч. I. (Грамоты старослав., югослав., писанныя кириллицей). 1. Грамоты дубровницкія, сербскія, болгарскія, глаголическія, угровалашскія и молдавскія. 2.—ч. II.
- 11) Dolci Seb. De rebus urbis Ragusinae diatribae. 1771 г.

- 12) Liber psalmodum. Копія глаголической рукописи 1359 года.
- 13) Evangelia in lingua slavica saec. XVI. (См. Сперанскій Б. № 1, стр. 16—20).
- 14) Catalogus codicum slavonicorum.
- 15) Fragmentum homiliarum, saec. XVI. (См. Сперанскій. Б. № 7, стр. 36).
- 16) Apostolus Trigensis, saec. XVII (см. Сперанскій. Б. № 2, стр. 21—25).
- 17) Очеркъ болгарской письменности. (Popis pisemnosti bulhar-ských).
- 18) Grajners Sos. Listy z Warszawy o literaturze Polskiej. 1860.
- 19) Pamiętnik Stan. Poniatowskiego.
- 20) Tetroevangelium, ser. saec. XV (см. Сперанскій. II, стр. 2—3). Нужно добавить, что этотъ памятникъ евангелиевской ореографіи. На рукописномъ каталогѣ однимъ изъ русскихъ ученыхъ, занимавшихся этой рукописью, сдѣлана замѣтка, относящая ее къ числу молдавскихъ конца XVI в.
- 21) Zbiór krakowiaków a różnych pieśni.
- 22) Сербскія рукописи.
- 23) и 24) ускользнули отъ моего вниманія.
- 25) Выписки изъ рукописной Кормчей.
- 26) Specimina ex evang. glag. Assemani.
- 27) Evangelium mon. S. Nicolai.
- 28) Пл. Лукашевичъ. О баснословныхъ преданіяхъ малороссіянъ.
- Система рѣкъ русскихъ (русская).
- 29) Имена городовъ русскихъ.
- 30) Выписки, относящіяся къ Иллиріи.
- 31) Имена городовъ русскихъ 862—1220 гг.
- 32) G. Hamartoli annales, scripti a. 1389 (см. Сперанскій. Б. 30, стр. 96—99).
- 33) Палацкій Фр., Законникъ царя Стефана.
- 34) Шафарикъ, Различныя выписки.
- 35) Географія. II. 2—18.
- 36) Опричникъ. Копія 1845 г.
- 37). Паметь и житіе Костантина (ц. славянск.).
- 38) Письма Росцишевскаго (польск.).
- 39) Челяковскій Фл. Прусскіе славяне. Выписка изъ Helmoldi Chronica Slavorum“ 1659 г.

- 40) Краткая сравнительная грамматика славянскихъ языковъ.
1867 г.
- 41) Челяковский Фл. *Das Slavische Verbum*.
- 42) Челяковский Фл. *Aus d. Litthauischen Statut*.
- 43) Изъ оперы: „Сватанье“ (изъ филологическихъ изученій Фл. Челяковского).
- 44) *Idne canti mancanti in Osman suppliti dal Sorgo*.
- 45) Переводы съ чешскаго Н. Берга. Варшава. 1870 г.

Е.

- 1) Имена писателей греческихъ и латинскихъ, произведенія которыхъ переводились на славянской языкъ. Архіепископы дубровницкіе. Цари и архіепископы сербскіе. Южнославянскіе власти-тели.
- 2) Пособіе къ исторической картѣ славянской земли. Польша.
- 3) Выписка изъ Русскаго Историческаго Сборника.
- 4) Выписки историческаго содержанія,
- 5) Жизнь св. Симеона (ц.-слав.).
- 6) Статугъ г. Каствы.
- 7) *Psalterii interpretati fragm. foliorum*.
- 8) *Index in Assemani Kalendaria*, 1857 г.
- 9) Библиографическіе листы, изд. Кеппена. 1825 г. №№ 1, 6, 11.
- 10) *Breves annales serbici*.
- 11) *Grzybowskiego. Witalisa Wand*.
- 12) Указатель актовъ, хранящихся въ обителяхъ св. г. Аѳонской (русск.).
- 13) Жизнь св. Симеона (св. Саввы). Ркп. ц.-слав.
- 14) Имена сербскихъ и болгарскихъ святыхъ (a—f).
- 15) *Libri ecclesiastici* (a, b).
- 16) *Malalae Jo. Chronica*.
- 17) *Schwabenau Joh. V. d. ältest bekannten Slaven und ihre Wohnsitze*.
- 18) *Alexandri Magni historia lingua serbica. Manu Dobrowskii*.
- 19) Мелкія выписки историческаго и географическаго содержанія I—II.
- 20) *Psalterium glagoliticum, saec. XIV*.
- 21) *Einleitung ind. serbische Literaturgeschichte* (a—c).
- 22) *Idne canti mancanti in Osman suppliti dal Sorgo*.

- 23) Географическій указатель къ Исторіи Государства Россійскаго. I—III.
- 24) Соларичъ. Иероглифика Сербска, иначе самоукій букварь.
- 25) Praxapostolus macedon. seu Strumicensis, ser. saec. XIII. (См. Сперанскій. I, стр. 1—2). Сперанскій относитъ его къ к. XII—н. XIII в., но, повидимому, его слѣдуетъ отодвинуть къ концу XIII в.
- 26) Память съѣзда славянъ въ Прагѣ въ іюнѣ 1848 г.
- 27) Geographie des Schwarzen Meeres.
- 28) De duobus imperatorum Rossiae nummis. Venetia. 1750.
- 29) Liturgia seu Služebnik, saec. XVI (см. Сперанскій. VII, стр. 12—14). Очень изящная рукопись молдавскаго извода, о чемъ свидѣтельствуеетъ встрѣчающаяся время отъ времени частица *іѡ*, типично молдавская.
- 30) Mowa P. Tadeusza z Lipiego.
- 31) Житіе св. Константина философа (ц.-слав.).
- 32) Dobrowsky. Collectanea pro philologia Slavica.
- 33) Illirisch—Croatische Grammatik, saec. XVIII.
- 34) Dobrowsky. Collectanea pro grammatica Slavica (autogr.).
- 35) Лѣтописецъ Далматскій.
- 36) Caraman M. Identitá della lingua slava.
- 37) Catalogus librorum slavicornum. I—II.
- 38) Schwarzins G. Justinianus slavicae genti vindicatus.
- 39) Habelich. Lexicon Illyricum.
- 40) Grammatica russica. 1727 г.
- 41) А. Коменскаго Orbis pictus.
- 42) Wie ist es mit d. Constructione Conjunctivi und Subjunctivi verwandt?
- 43) Russland im Novembdr des j. 1816.
- 44) Г. Стулли. Запѣтки къ италъяно-латино-иллирскому словарю.
- 45) Orzeszkowa E. Zefirek.
- 46) Маѣвскаго А. Каталогъ библиотеки въ 1865—70 г.
- 47) Баллады, Сонеты (польск.).
- 48) Польскія и малорусскія пѣсни (Челяковскаго).
- 49) Русская грамматика.
- 50) Челяковскаго Фр. Статья о польскомъ языкѣ (извлеченіе)
- 51) Братства въ Польшѣ въ ст. XVI и XVII (польск.).
- 52) Птичья свадьба (sic!). Рукопись русской басни. 1840 г.

53) Лѣтописецъ Нижняго Нова-града. 1212—1683 гг. (русск.).

54) Kraszewski. Jak się Pan Pawel ożenił.

Ф.

1) Житіе св. Симеона и Саввы, пис. Дометіаномъ (ц. слав.).

2) Variantes lectiones e Tetroevang. et Praxapostolo. 1856 г.

3) Dobrowský J. Kopitars Recension der altslav. Grammatik. 1822.

4) Durich Fort. Wenc. Adversaria maximopere. ad literat. slav. spectantia. Manu Dobrowskii.

5) Житіе св. Константина, ркп. рыльская (ц. слав.).

6) Житіе св. Меодія (копія съ ц. слав. оригинала).

7) Dometiani vita ss. Simeonis et savae, Saec. XV.

8) Trojanskiego J. K. Dokladny polsko-niem. slownik. 1846 г.

9) Erben. k. Pieśni ludu polskiego w Galicyi. Zebrał Pauli Ż. Lwów. 1838 г.

10) Codex miscellaneus, scr. a. 1390 in monast. Chodoš (см. Сперанскій. Б. № 14, стр. 53—60). Такъ опредѣлилъ рукопись Шафарикъ. Ягичъ отнесъ ее къ половинѣ XV в. Сперанскій отодвигаетъ время ея появленія еще позднѣе, къ XVII столѣтію. Но ак. Соболевскій на листахъ библиотечнаго экземпляра статьи Сперанскаго присоединяется къ Ягичу, дѣлая при этомъ ссылку и на мнѣніе проф. Флоринскаго.

11) Nomocanon, Saec. XVII (см. ниже при Н 12).

12) Vita s. Symeonis.

13) Житіе св. Константина (ц. слав.).

14) Описаніе славянскаго баснословія (русск.) Спб. 1768 г.

15) Gregorii M. Dialogus de vitis sanctorum cum annexis, saec. XV. (См. Сперанскій. V, стр. 8 — 10). На библиотечномъ экземплярѣ статьи имѣется рукописное примѣчаніе одного изъ ученыхъ, изучавшихъ этотъ патерикъ, что онъ относится къ XIV в.

16) Tetra-evangelium ex monasterio Šid, Saec. XVI. (См. Сперанскій. Б. № 1, стр. 16—20).

17) О Александрѣ Великомъ.

18) Статья панславистическаго характера (заглавія ея я не разобралъ). Прага. 1846 г.

19) Canones, Saec. XVI. (См. Сперанскій. Б. № 6, стр. 33—35).

На библиотечномъ экземплярѣ приписано: „это не канонникъ, а „сборникъ“ главнымъ образомъ изъ трудовъ монаха Оикары“.

20) Inocencie Trećega Pape Welikoga Razbor Himbenosti svita. 1837 г.

21) Nomocanon. scr. in monast. Šišatovac part. a. 1541, part, serius (см. Сперанскій. Б. № 15, стр. 60—62).

22) Ганки. Альбомъ государей. 1817 г.

23) Turicon serbicum, scr. a. 1357—1367. (См. Сперанскій. Б. № 9, стр. 37—39). На библиотечномъ экземплярѣ статьи замѣтка сообщаетъ, что это іерусалимскій типикъ, что письмо приписокъ рукописи не одинаково съ ея собственнымъ почеркомъ (см. л. 73 об.) и что поэтому ее можно относить ко времени до 1357—1367 гг.

24) Лѣтопись Нижняго Новаграда (русск.).

25) Челяковскій. Vocabularia linguae Polabicae. Praha. 1827 г.

26) Fragmentum horologii. saec. XVI. (См. Сперанскій. III, стр. 3—5).

27) Portrait de la cour de Pologne. 1712 г.

28) Азбуки кирилловская и глаголическая по разнымъ рукописямъ.

29) Переводы изъ краледворской рукописи на болгарскій языкъ.

30) Abschrift aus dem Lüneburgisch—Wendischen Wörterbuche.

31) Димитрія Ростовскаго. Розыскъ о Брынской вѣрѣ. Рув. XVIII в.

32) Иллирская грамматика.

33) Obradović. Vuše a pismě srbske.

34) Введеніе во французскій языкъ.

35) Русская рукопись.

36) Alexandreis (болгарская). Копія (съ рисунками).

37) Vlčkovsky J. Vocabularia linguae Polabicae. 1705.

Г.

1) Puchmayer Ant. Lehrgebäude der russ. Sprache.

2) Chronographus quondam Magareševići, saec XVI. (См. Сперанскій. Б. № 28, стр. 88—91).

3) Siarczynski Tr. Do Histor. miasta Jaroslawia.

4) Hanka. Grammatika vetero-slavica (извлеченіе изъ institutio-ones Добровскаго, 1822 г.

5) Notitia de collectionibus legum Poloniae.

6) Chronographus, scr. a 1650 in Vr'chobreznica prope Pievlje in Herceg. (См. Сперанскій. Б. № 29, стр. 92—96).

7) Psalterium cum menologio seu synaxario, scr. a. 1646. (См. Сперанскій. Б. № 5, стр. 27—33).

8) Osmanide di Gondola. Osman spievan po gosp. Dubrovnik. 1768.

9) Leges Stephani Dušani. (См. Сперанскій. Б. № 18, стр. 65—66).

10) Автографы на память путешествія въ Москву 1867 г. и др.

11) Князя Данила изъ Мосхополя. Болгарское просвѣщеніе.

12) Vierte Vorlesung des Prof. Mitskiewich den 27 XII 1842 г.

Н.

1) Evangelia slavice eccles. Remensis. Lutetiae. Paris. 1843.

2) Powieść o Urbanie papieżu. Оригиналъ-факсимиле съ копіей. (Росцишевскаго?)

3) Dankowský. Gr. Die Griechen als Stam—und Sprachwandernde der Slaven. Presb. 1828.

4) Annales serbici a. 1762, facta in Tenek. (См. Сперанскій. Б. № 27, стр. 87—88).

5) Horologium cum prognost., scr. a. 1700. (См. Сперанскій. Б. № 11, стр. 45—46).

6) Глаголическая рукопись XVIII ст.

7) Leges quaedam Iustiniani et codex legum Stephani Dušani, scr. a. 1687. (См. Сперанскій. Б. № 17, стр. 63—65).

По этой рукописи издалъ законникъ Стефана Душана проф. Т. Д. Флоринскій въ своей извѣстной работѣ.

8) Turicon s. Savae, scr. a. 1619 in eremo prope Audenicam. (См. Сперанскій. Б. № 10, стр. 39—45).

9) Stichologia et annales a. 1671 in Šid et Rača. (См. Сперанскій. Б. № 13, стр. 51—53).

10) Catechismus, saec. XVII. (См. Сперанскій. VIII, стр. 14—16).

11) (Калина). Выписки, замѣтки и слова иллирскія, персидскія и старославянскія.

12) 13) 14) 20) Номоканоны, XVII в. (Всѣ они, а также номоканонъ F. 11, описаны у Сперанскаго подъ №№ Б. 20—24, стр. 71—79).

15) Liber Psalmorum Davidis, a. 1359.

16) Nomocanon cum parergis, ex saec. XV.

- 17) Сборникъ XVII вѣка.
- 18) Ганка Вацл. Пѣсни въ польскомъ переводѣ. Прага. 1840 г.
- 19) *Paradis hieromonachi Raphaelis Dragomiricensis*, а. 1661. (См. Сперанскій. VI, стр. 10—12).
- 21) *Synaxaria, Annales, vitae sanctorum*, а. 1500. (См. Сперанскій. Б. № 12, стр. 46—51).
- 22) Альбомъ славянскихъ писателей и ученыхъ.
- 23) Цвѣты дарованіямъ, XVI—XVII вв. (См. Сперанскій. Б. № 26, стр. 80—87).
- 24) Божественная слоужба (ц. славянская ркп.).
- 25) Альбомъ славянскихъ ученыхъ.
- 26) Альбомъ славянскихъ и иныхъ ученыхъ.
- 27) Божественная служба. Въ Прагѣ. 1854 (съ автографами).
- 28) Автографы славянскихъ гостей. Прага. 1833 г.
- 29) Альбомъ Вацл. Ганки.

Особенное вниманіе я обратилъ на номера F. 35 и B. 17 съ крайне неопредѣленными названіями: „русская рукопись“. Подъ обоими оказались сборники раскольничьихъ статей и пѣсенъ. Вотъ ихъ описаніе:

IX. F. 3 об. Тонкая тетрадь въ 8-ую долю листа въ картонномъ переплетѣ, съ кожанымъ корешкомъ и со шнурками для завязыванія ея. На бумагѣ (см. л. 27 и 41) просвѣчиваетъ водяной знакъ: цифра 36. Письмо—скоропись, повидимому, начала XIX.

На первой половинѣ переплета со внутренней стороны надпись: книга сія отобрана отъ Кириновскаго солдата Сергея Брызгалова 1858 года апрѣля 23. Приставъ Федоровъ (росчеркъ).

Л. 1. Книга Пчела. „Слово изъ пчелы. глѣ ѿ“. Нач. „Пчела летитъ на звонъ—а мѣ | дрый челоуѣкъ на полезной слово“. |

Л. 15а. „Стихъ слезный душе стѣ“. Нач. „Ты взыде челоуече насі | ѿнъ горѣ ты послышай | ѿ челоуече трыбы богогласныя | трыба истинно зоветъ в' | небо шествіе даеъ“.

Л. 15б. „Стихъ сваты Маріи египетскій покаанный“. Нач. „Бже жизнь мою управи все | могащею рякою ты ѿ бѣ | дѣ мена избави | и сохрани мена ѿ во вѣкъ“.

Л. 16б. „Стихъ полезныя въ бытность нынешнаго вѣка для разумнаго челоуѣка“. Размышленія о гробѣ.

Л. 18-ый пустъ. Л. 19. „Стихъ ѿасафа цѣвича“. Нач. „ѿ пре | краснаа пвстына“.

Л. 24 б. „Восплачетса ѡдамъ | передъ раемъ стол | ты раю мѡн раю“.

Л. 26 б. „Къ водамъ иорданскимъ | гдѣ пришедшы ѡ дхх св | томъ на него нашедшы и т. д.“

Л. 27 б. „Оутробою моею волю спостра | жите п братие рабн | благословенніи прійдите“.

Л. 29-ый со второй стороны пустъ.

В. 30 а. „Стихъ асафа“. Нач. „Расплачетса младѣи | юношъ. асафен | царевичъ пре^д пвсты | нею стол і свою жизнь рассъждаа“.

Этотъ стихъ списанъ другимъ почеркомъ.

Л. 34 об | 39а пусты. Л. 39а. „Вы послышаѣте | брата слова ѡжна, цара небе | снава. ни женивыа | ни жѣнитеса, а жени | мыа разженитеса“ Судя по этому стиху сборникъ былъ составленъ безпоповцемъ.

Л. 40а. „Ужъ ты беда моа | беда, ты великаа беда“.

Л. 40б. „Стихъ душевный“ нач. „Во сто семдисат въ | четвертомъ годѣ по | ставили церковь двѣ | главою в'место креста | на церквиви латынской криж“.

Л. 41б. и слѣдующіе нѣсколько листовъ остались пустыми.

IX. В. 17. Тоненькая тетрадка, въ польлиста. Переплетъ бумажный, корешокъ кожаный. Писана на сѣрой оберточной бумагѣ безъ водяныхъ знаковъ. Почеркъ—скоропись XIX или конца XVIII вв.

Л. 1а. Приписка: „1850 года удѣльнаго крѣстьянина Михаила Павлова“. Далѣе, „1855 города ставро“ (?).

Еще ниже: „Сія книга изовсякихъ книгъ святыхъ старинныхъ Кузнецовымъ Яковомъ заведена“.

Л. 1б—2а. Имена усопшихъ, съ указаніемъ года смерти. Всѣ они первой половины XIX ст.

Л. 2 и 3 пусты. Иногда указаны дни рожденія и смерти разныхъ лицъ. Всѣ они относятся къ началу XIX ст.

Л. 4. „Выписано изъ книги ча овника печати матилѣвскіа Уставъ инокомъ ѡ мирскимъ ѡ како должно адуще за трапезою и предъ ѡбедомъ“. Нач. „за молитвъ стѣхъ ѡѡѣ нашихъ гди ѡсе | хрѣ те сіе кжѣй помилѣй насъ. ѡминь. ѡчѣ | нашъ иже“ и т. д.

Л. 76. Книга Вѣра. Глава ѿ. ѿ мрачномъ пїанївѣ“. Нач. „Хртсь спїситель нашъ, яко бгъ прѣдвѣдый. | вса ѿ послѣднѣмъ нѣвистовымъ роде в'боже | ствѣномъ свои ѿклїи речеть“.

Л. 10 об. „Выписано ѿ книги Василя Вѣликаго слово душѣ-полезно“. Нач. „Бысть жѣ во время молитвы в'негда стол великин | Василен на правиле молитвы“. Тутъ явилась ему Богоматерь и дала ему рядъ заповѣдей.

Л. 12 б. „Книга Пчѣла, поѣченїе ко всѣмъ спацимъ и нехотацимъ дѣлати своиа рзками“. Нач. „И братїа моа любимаа не уподобити | са ленивымъ рабомъ, недолго спити, недолго | лежите“.

Л. 13а. „Книга назана (наказана?), глава к. л. ѿ“. Нач. „Аще кто ѿ православныхъ дерзнетъ пити | чаю, тотъ ѿчается самого гда бга“.

Л. 13. б. „Прѣподобнаго ѿѣа Феѡдара глава Л. л. р.“ Поученїе, воспрещающее употреблеїе табака.

Л. 13. б. „Некотороу чиловѣкъ пианица нечїмъ | емъ была ѿпохмелитца ѿречеть пѣаница что съ сѣба пробить (sic)“. Кончилось тѣмъ, что онъ продалъ свою душу дьяволу. Изъ В. Зерцала?

Л. 14а. „Сказанїе кїимъ стымъ каковаа благоти ѿсцѣленїа ѿ бга даны“.

Л. 156—33а пусты.

Л. 33 б. „Молитва препѣбнаго ѿѣа Марѡа“.

Л. 34 а. „Молитва марѡю меснца феврала дї лна. Тропарь. Гласъ ѿ.“ Нач. „Ако незаходимое слїа возсіа намъ днесь“.

Л. 34 б. „Преподобнаго ѿѣа Марѡа канонъ“. Нач. „Дивенъ еси славінь ты ѿче“.

Л. 37 б—38а пусты. л. 38 б. „Отъ штирика (Патерика) въ знаменихъ глава 10-та какъ отъ пичати а: вѣра съ чирез два года коласъ (sic)“. Въ концѣ его приписка: „А всего въ сей книгъ тридцать пять полулистовъ. Кварт. надзиратель Соколовъ (или б. м. Деколовъ)“. Онъ, очевидно, не принялъ во вниманїе пустыхъ страницъ.

Языкъ обѣихъ рукописей, какъ видно уже изъ приведенныхъ цитатъ, южно-великорусскїй съ сильно развитымъ аканьемъ.

Изъ Праги я вернулся снова въ Галицію. Здѣсь я отправился по уніатскимъ монастырямъ, надѣясь найти въ нихъ обильные остатки старины. Въ общемъ мои надежды не оправдались. Наиболѣе интереснымъ оказался архивъ Креховскаго монастыря. Главную часть его составляютъ однако приходорасходныя книги обители (к. XVIII и всего XIX в.) книги ея должниковъ (1793—1799, 1805—1806.

1811—1813 г.г.), инвентари ея имущества (к. XIX в.), списки отправленныхъ требъ (к. XVIII—н. XIX ст.), протоколы (преимущественно XIX в.), но въ копіяхъ они выходятъ до 1625 г.), сборники административныхъ распоряженій, судебныхъ постановленій, различнаго рода дѣловыхъ бумагъ (XIX в.), печатныя брошюры перковнаго характера, какъ архіерейскія посланія и т. п. (XIX и к. XVIII в.). Есть метрическія книги Креховскаго и Краснопустенскаго монастырей (изъ третьей четверти XVIII ст.).

Интереснѣе другихъ тетрадь печатныхъ и рукописныхъ документовъ, относящихся къ Максимилиану Рылу, документы о настоятеляхъ Василианскаго ордена за XIX в., рядъ распоряженій отъ имени Наполеона I-го за 1809 г., связки схоластическихъ упражненій XVIII и XIX вв., среди которыхъ попадаются и польскіе стихи, и большое количество брошюръ, изданныхъ малорусскими дѣятелями въ эпоху движенія въ Галиціи 1848 года.

Сверхъ того, монастырь обладаетъ нѣсколькими подлинными грамотами, относящимися къ его судьбѣ, среди которыхъ находятся и пергамены. Таковы:

1) Латинская грамота Владислава IV отъ 3 мая 1643 г.

2) Грамоты Яна Казимира отъ 4 февраля 1649 г., 21 апрѣля 1659 г., 16 августа 1660, 1663 г. (польскія), 4 августа 1661 г. (латинская).

3) Латинскія грамоты короля Михаила отъ 9 октября 1669 г., 15 октября 1669 г., 6 ноября 1670 г. и его же польская подтвердительная, данная 19 октября 1669 г., на жалованную Яна Казимира отъ 30 іюня 1653 г.

4) Грамоты Яна III отъ 3 октября 1678 г. и Августа II отъ 17 августа и 6 октября 1697 г. (всѣ на латин. языкѣ).

6) Двѣ грамоты константинопольскихъ патріарховъ на греческомъ языкѣ.

Далѣе слѣдуютъ связки различныхъ грамотъ, привилегій и документовъ XVII—XVIII в.в. Большею частью мы имѣемъ тутъ дѣло съ копіями, часто позднѣйшими, но не мало и оригиналовъ. Почти всѣ они латинскіе или польскіе, но изрѣдка встрѣчаемъ и малорусскіе. Древнѣйшіе изъ документовъ этого рода: дарственныя 1647 и 1670 г.г. и записка о выборѣ новаго игумена 1691 года отличаются чистотой своего малорусскаго языка.

Рукописей литературнаго содержанія немного:

1) Panegyris de Victoria Suetica per illustrissimum D-num Palatinum Russiae velata, написанный для посрамления regis suecogum Karoli Gustavi, но чрезвычайно туманный (на лат. яз.).

2) Do Jw. Dzieduszyckiego Pisarza W. K. Lit. na przyjazd na Ruś (польск.).

3) Гласъ ѿ Истра въ свѣтлоторжественный праздникъ Міхаїла Левѣцкаго (1834 г.).

4) „Великій свѣтъ“. Малорусская неоконченная повѣсть, первой половины XIX в.

5) „Всячина“. Родъ рукописнаго журнала на малорусскомъ языкѣ, к. XVIII—н. XIX вв. Первая статья носитъ заглавіе: „Листъ Анны изъ-за Днѣпра“.

6) Тетрадь малорусскихъ стиховъ, частью сатирическихъ, первой половины XIX в.

7) Извѣстная Креховская Палея, давшая столько матеріала для трудовъ и изданій д-ра Ів. Франка. Но ни по почерку ни по водяному знаку (голова быка съ крестомъ между рогами, обвитымъ змѣей) ея нельзя относить къ началу XV в., какъ это дѣлаетъ названный ученый.

Недавно въ Креховскій монастырь доставили изъ Добромильскаго нѣсколько ящичковъ со старопечатными книгами. Я не могъ заняться ихъ спеціальнымъ разсмотрѣніемъ, такъ какъ въ мою задачу входило лишь изученіе рукописныхъ богатствъ Галиціи, но п бѣглый осмотръ обнаруживаетъ, что среди нихъ имѣется много изданій не только XVIII и XVII, но даже XVI столѣтія. Есть сочиненія русскихъ и польскихъ авторовъ: Петра Могилы, Галатовскаго, Кохановскаго (см. изданную еще нѣмецкимъ готическимъ шрифтомъ его псалтирь), но большая часть бібліотеки состоитъ изъ популярныхъ нѣкогда писателей историческихъ, богословскихъ и т. д., какъ Іосифъ Флавій, Бароній и др.

Мнѣ удалось найти въ Креховскомъ монастырѣ только одинъ пергаментъ, писанный кириллицей. Эти два листа небольшого формата изъ псалтири русскаго правописанія.

Матеріаль рукописи не вызываетъ никакихъ особыхъ замѣчаній. Орфографія же ея явно русская: ж вездѣ замѣненъ черезъ *ou*; а имѣетъ значеніе я и употребляется послѣ согласныхъ, тогда какъ л ставится въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ. Послѣ шипящихъ *вм.* а видимъ *а.* *Ръ,* *лъ* принимаютъ видъ *ре,* *ле.* Встрѣчаемъ *ор* на мѣстѣ старо-болгарскаго *ръ,* *ж*—на мѣстѣ *жд.* 3-ье лицо ед. ч.

наст. вр. всегда оканчивается на *тъ*, если только *ь* не отпадетъ. Послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц* вездѣ стоятъ *ю*, *и*, *ь*. Въ двухъ встрѣчающихся въ памятникѣ случаяхъ соединенія гортанной со звукомъ *и* находимъ *ы*: высокихъ, рѣкы. *Е* и *ь* изрѣдка мѣняются. Всѣ эти черты въ своей совокупности вполнѣ доказываютъ, что наша псалтирь была переписана на Руси, а постоянное смѣшеніе *з* съ *о* и *ь* съ *е* указываетъ, что это было сдѣлано не позже XIV столѣтія ¹⁾.

Палеографическія данныя также говорятъ скорѣе всего за XIV вѣкъ. Писана рукопись уставомъ болѣе поздняго типа. Въ *а*, *ю*, *ѣ*, *и*, и поперечная черта поднялась уже къ самому верху, какъ въ Стихирарѣ 1380 г., Тр.-Сергіевской лавры № 22, въ Шереметевскомъ Требникѣ XIV в., Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи 1377 г., Пятикнижій Моисеевъ XIV в., Тр.-Сергіев. лавры № 1 ²⁾. А имѣетъ вертикальную черту, не выходящую за предѣлы строки, и хорошо развитую головку, какъ Стих. 1380 г. (отчасти и Шерем. Тр.). *П*, *т*, *з*, *ь*, *д*, *н*, строгостью формы и симметричностью очень напоминаютъ нынѣшнія печатныя буквы, только *у* и нижняя часть сравнительно мала. Первые три знака мы находимъ въ такомъ же видѣ въ Псалтири 1296 г. ³⁾, Пандектахъ Антиоха 1307 г., Стих. 1380 г., *ь* только въ этомъ послѣднемъ, а *д* и *н* лишь въ Пандектахъ. *Б* также напоминаетъ печатную прописную букву, но иногда верхняя часть ея бываетъ нѣсколько шире и больше нижней (ср. Пс. 1296 г. и отчасти Шерем. Тр.). Въ *в* обѣ части развиты почти одинаково, приблизительно какъ въ Стих. 1380 г. и Шерем. Тр. Какъ и эти послѣдніе памятники, наша рукопись знаетъ два рода *о*: одно тонкое, узкое, значительно меньшее по размѣрамъ, чѣмъ другія буквы, другое широкое съ утолщенными путемъ нажима пера боками. *К* узкое, съ оченъ небольшою средней черточкой, какъ въ Стих. 1380 г. и Шерем. Тр. *С* сузилось до того, что его закругленія почти перешли въ простыя точки. Нѣчто подобное представляютъ лишь Пандекты 1307 г. Какъ и въ этихъ послѣднихъ, *и* нашей рукописи широкое и его правая вертикальная черта, опускаясь ниже строки, скашивается

¹⁾ См. А. Н. Соболевскій. Славяно-русская палеографія. Курсъ второй. Спб. 1902. Стр. 25.

²⁾ Е. Ө. Карскій. Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ. Изд. 2-ое. Варшава. 1902 г. См. стр. 40, 41, 42, 43.

³⁾ *Ив.*, стр. 31.

нѣсколько влѣво, *л* имѣеть тупую вершину, *у* и *м* обѣ вершины тупы и раздѣлены широкой петлей, спускающейся до самаго основанія буквы ¹⁾, *у* *з* головка начинается на строкѣ, а нижняя часть, протянувшись нѣкоторое разстояніе по строкѣ, круто загибается внизъ. *Р* имѣеть угловатую головку и короткій скошенный вправо кончикъ, какъ во всѣхъ упоминавшихся памятникахъ. Какъ во всѣхъ ихъ, *ы* пишется съ *ѣ* и безъ соединительной черты ²⁾. *К* состоитъ изъ двухъ не связанныхъ между собою частей и болѣе всего напоминаетъ собою соотвѣтствующую букву Пандектовъ 1307 и Пс. 1296 г., только переломъ кривой линіи у него приподнять значительно выше ³⁾. *А* имѣеть тупую вершину и въ середину его вписано не *т*, а *у*, какъ видимъ въ Лаврен. сп. лѣтописи 1377 г. У *х* правая черта много длиннѣе лѣвой и иногда кажется какъ бы ломанной, какъ замѣчаемъ въ Пс. 1296 г.

Наиболѣе оригинальности представляютъ собой *ш*, со средней чертой, скошенной слегка вправо, *ч*, въ видѣ глубокаго бокала съ короткой ножкой ⁴⁾, и *ж*, верхняя половина котораго имѣеть форму креста, образующагося горизонтальной чертой, пересѣкающей среднюю вертикальную чуть-чуть выше ея соединенія съ двумя остальными линіями.

Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ, мнѣ кажется, побуждаетъ отнести рассматриваемый отрывокъ къ XIV в., притомъ скорѣе къ началу его, чѣмъ къ концу.

Языкъ его не представляетъ достаточно рѣзкихъ особенностей, которыя бы позволили съ увѣренностью приурочить его къ опредѣленной мѣстности Россіи. Привожу въ заключеніе памятникъ цѣликомъ.

Л. 1. Окончаніе псалма 92-ого и псаломъ 94-ый, который продолжается и на оборотѣ этого листа: „высокихъ. Свѣдѣникъ тво | а
оу(авь)⁵⁾ ршшася зѣло... оу домоу твою(оу) | (но)добають ѣтни. ѣи

¹⁾ Но не ниже его, какъ въ Пс. 1296 г., Шерем. Тр.

²⁾ Лишь въ Пандектахъ отъ этой черты остался слѣдъ въ видѣ точки посрединѣ вертикальной линіи.

³⁾ Ср. К. Саввиной книги XI в. Карекій, Образцы, стр. 8.

⁴⁾ Подобное *ч*, находимъ въ Пандектахъ 1307 г., но тамъ ножка значительно длиннѣе.

⁵⁾ Напечатанное особымъ шрифтомъ вставлено для дополненія смысла по догадкѣ.

в долготу днии. (Плмг) дѣдвѣ ч (д) (мьст)ни гдѣ Бгѣ мьстни не ѡбиноу | лса мьсть Възнесеса соу(д)н земли | Възданже възданіе гордымѣ доко | лѣ грѣшници ги доколѣ грѣшници въ | схвалать ¹⁾ просвѣщать (sic) и възвѣлтъ | неправдоу. Възвѣлтъ вси дѣлающе беза | коніе. Люди твоѣ ги смриша. | ²⁾ Достояніе твоѣ ѡзлѣбиша ³⁾. (в)до(в)вицю | (сир)а оумориша пришелца оубиша | рѣша не оузрять гѣ ни разоумѣеть | кков(лв). Разоумѣить (вм. те) нынѣ безоумни | (вз) людехъ и боун когда оумоудрить (=те) | сл... не оуслышитъ ли или слз | давыи ѡко не смотритли. Или... | ... ѡбличитлиса. И оуча... | ...гѣ вѣсть помы | ... кко соутъ соуютна || (Л. 1 об.) Блжнѣ члѣкъ его же ты накажешн ги | и ѡ закона твоѣго наоучиши н. Оукроти | ши и ѡ дѣи лють. Дондеже изрыетса грѣ | шномуу кма. и не ѡринеть гѣ людни свой | достояніа своѣго не оставить. | дондеже правда ѡбратитеса (=тса) на соудѣ. И близи кк вси правни срдцѣмѣ | и кто вѣстанете(=ть) мнѣ на злобующам | или кто вѣстанеть со мною на твораща | н незаконіе. Кко и ащъ (=аще) не бы гѣ помоглъ | мнѣ. Въмалѣ вселиласа бы са въ адъ | дша моа. Аще глахъ подвижася нога | моа мѣтъ твоѣ ги помагаше мнѣ. | По оумноженію болезни и(sic) моихъ въ | срдци моѣмѣ. оутѣшѣник твоа въ | зве^слиша дшу мою да не пребоудеть (sic) | тебѣ престолѣ (sic) незаконн. | съзидам троудъ на повелѣніа | оуловать на дшу праведничю | И крове (=въ) неповинену (sic) осоудате(=ть) бѣ | гѣ прибѣжище гѣ помощникъ оупо(ван)ниа моѣго“.

На л. 2. читаемъ окончаніе 97-го псалма и начало 98-го: „Видѣша вси конци земля сѣниіе ка наше | въскликнѣте коу вса земля. Въспонте | радуоть(=те)са поить(=те). Поить(=те) гѣви въ гоуслѣхъ. | Въ гоуслехъ (sic) въ глсѣ пѣлмьстѣмѣ. Въ троу | бахъ кованыхъ. глѣмѣ тробы (sic) рожаны. | Въскликнѣтъ(=те) предо цѣмѣ гѣмѣ. | да подвижатся море исполнниіе (sic) его | и вселенак вси живуце на ныи (sic) и рѣкы въсплещють роуками въкоупѣ | горы възрадоуютса ѡ лица гѣа | кко градете(=ть) кко приидете(ть) соуди^г земли. | Соуди^г вселенѣи въ правдоу. и людемѣ | правѣстию (sic). Пѣмѣ двдѣ чѣ ⁴⁾ | гѣ въѣриса да гнѣваются людниіе. | Съда

¹⁾ Надъ ѡ стоитъ еще какая то совѣмѣ расплывшаяся буква.

²⁾ Д писано красной киноварью.

³⁾ Ъ очень стерлось.

⁴⁾ Этотъ псаломъ продолжается и на л. 2 об.

на хѣровимѣ (sic) да подвигса земл(а) ѣ въ сионѣ великъ. Высъкъ (sic) надо всѣ | ми людѣми. да исповѣдася имени | твоѣмоу велико-
моу яко ѣтъ ѣсть бѣ нѣ | чѣ ѣра соудѣ любит(ь).тъ оугото(валъ)
прак(у) | соудѣ и прав(о)у въ яковѣ и.... | (л. 2 об.) възносить(=е)
ѣа бѣ нашего и клан(итеса) подножию ногу ѣго яко ѣтъ(ъ.) | Моиса
аронѣ въ ерѣихѣ (sic) ѣго и сам(улъ) | въ призывающихъ има ѣго
приз(ва)хоу ѣа и тѣ оуслышашъ (=ше) я въ стол(нѣ) | облачнѣ
гѣшъ(=ше) имѣ. Яко хранахоу свѣ | дѣникъ ѣго и повелѣникъ ѣго ѣже
да | стѣ имѣ. Гѣ бѣ нашъ ты послуша | шъ(=ше) ихъ. Бѣ ты мѣтвѣ
бывашъ(=ше) имѣ | мѣцак не всл...ъ..... инаниа... | Възносить(=те)
ѣа бѣ. (нише) го. И кланай | те са подножи(ю ѣ)го. ако ѣтъ есть |
плѣмѣ (двдвѣ) чѣ | Въскликнѣте (б)ѣи вса земля | работаит(е) бѣи(въ)
веселии. В(ои) | дѣте пред нимѣ в радост(и) (м...) | дите яко.... есть
ѣъ бѣ нашъ | и тѣ створи ны а не мы себе. Мы же людѣ твои овца
пастви(ца) его | В(о)идѣте въ враг(а) его вои...“

Въ заключеніе отчета считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность историко-филологическому факультету Импер. Университета св. Владиміра за предоставленіе мнѣ возможности совершить путешествіе по Галиціи и Чехіи и ознакомиться съ ихъ рукописными богатствами.

Суэцъ. 5 мая н. ст.
1908 г.

Владиміръ Розовъ.

Петроній и его романъ.

*(Пробная лекція, читанная въ Университетъ св. Владиміра 12 марта 1908 г.
для соисканія званія приватъ-доцента).*

Къ числу наиболее интересныхъ памятниковъ римской литературы императорскаго времени принадлежатъ «Сатиры» Петронія Арбитра. По своей внѣшней формѣ онѣ представляютъ ту пеструю смѣсь прозы и стиховъ, которая была характерной особенностью т. н. «Менипповой сатиры», литературнаго рода, введеннаго въ Римъ Варрономъ Реатинскимъ, но восходящаго къ греческому книжку Мениппу (III в.). По содержанію же онѣ, давая широкую картину жизни, являются романомъ реалистическаго и даже натуралистическаго направленія, напоминающимъ старую воровскую повѣсть испанцевъ. Имя автора романа—Петроній — заставляетъ сразу вспомнить объ игравшемъ извѣстную роль при дворѣ Нерона Петроніи, живой портретъ котораго намъ оставленъ Тацитомъ (анн. XVI 18—19). Это былъ практическій эпикуреецъ, который, по словамъ историка, день посвящалъ сну, ночь занятіямъ и наслажденіямъ, и если другимъ приносила славу ихъ дѣятельность, то Петроній прославился своимъ бездѣйствіемъ, и онъ считался не вульгарнымъ мотомъ и расточителемъ, а человекомъ, знающимъ толкъ въ наслажденіяхъ (*egredito luxu*). Этотъ избалованный сынъ великосвѣтскаго общества скрывалъ однако въ себѣ государственнаго дѣятеля въ духѣ старыхъ римскихъ традицій и, назначенный проконсуломъ Вноиціи, а затѣмъ консуломъ, онъ проявилъ энергію и оказался на высотѣ задачи (*vigentem se ac regem negotiis ostendit*), что не помѣшало ему впрочемъ опять вернуться къ жизни праздности и наслажденій. Приближенный ко двору, онъ сталъ

высшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ вкуса (*elegantiae arbiter*), и Неронъ считалъ изысканнымъ и изящнымъ лишь то, что одобрилъ Петроній. При подозрительности кесаря однако завистникамъ Петронія не трудно было погубить его, обвинивъ въ сношеніяхъ съ однимъ изъ участниковъ Пизонова заговора, Спевиномъ. Попавъ въ немилость, Петроній не дожидаясь казни и кончилъ самоубійствомъ, причемъ онъ проявилъ твердость и мужество, достойное мудреца. Онъ не послѣдовалъ примѣру тѣхъ, которые въ завѣщаніяхъ старались льстить императору, чтобъ сохранить за семьей и друзьями хоть часть наслѣдства; онъ, напротивъ, сдѣлалъ все, что только могло быть непріятнымъ властителю: сломалъ свою печать, чтобъ не воспользовались ею для подложныхъ писемъ и отправилъ императору язвительное письмо, въ которомъ клеймилъ его тайные пороки, перечисляя его любовниковъ и любовницъ. Разрѣзавъ себѣ жилы, онъ то перевязывалъ, то вновь открывалъ ихъ, въ промежутки же бесѣдовалъ съ друзьями, подкрѣплялъ себя сномъ и обѣдомъ, наконецъ слушалъ «*carmina levia et faciles versus*»,—произведенія легкой, игривой Музы,—такъ что смерть его, хотя и вынужденная, казалась добровольной. Таковъ былъ Петроній Тацита... Спрашивается, имѣемъ-ли мы право видѣть въ немъ автора «Сатиръ»? Вопросъ этотъ давно уже занимаетъ науку и едва-ли будетъ когда-либо рѣшенъ окончательно: наша традиція оставляетъ его открытымъ.

Въ XVII и XVIII вѣкѣ ученые глубоко вѣрили не только въ тождество Петронія «Сатиръ» съ упомянутымъ у Тацита Петроніемъ, но и въ тождество самихъ «Сатиръ» съ предсмертнымъ посланіемъ послѣдняго, и въ разнужданныхъ похожденіяхъ героя романа видѣли намеки на развратъ двора Нерона. Этотъ излишекъ довѣрчивости, въ силу естественной реакціи, вызвалъ излишекъ скептицизма, и съ конца XVIII в. распространяется сомнѣніе не только въ тождествѣ романа съ посланіемъ, но и въ какой бы то ни было связи автора перваго съ авторомъ послѣдняго. Рѣзкое противорѣчіе обоихъ взглядовъ сдѣлало необходимой ревизію вопроса, которая, начинаясь приблизительно съ половины XIX вѣка, привела къ выводу, занимающему середину между крайней довѣрчивостью болѣе ранней и крайнимъ скептицизмомъ позднѣйшей эпохи. Съ одной стороны остались въ силѣ вполне основательныя сомнѣнія въ тождествѣ романа съ посланіемъ: въ самомъ дѣлѣ трудно допустить, чтобъ составленное въ послѣднія минуты жизни, очевидно краткое посланіе было тождественно съ пространнымъ романомъ, одиѣ выдержки изъ XV и XVI книгъ котораго составляютъ

объемистый томикъ. Съ другой стороны были выставлены вѣскія соображенія въ пользу того, чтобы признать авторомъ романа Петронія Тацита. Таковъ взглядъ, проводимый новѣйшимъ издателемъ романа Бюхеле-ромъ, историкомъ Моммзеномъ и многими другими. Я остановлюсь на G. Boissier, который въ книгѣ «L'opposition sous les Césars» весьма убѣдительно отстаиваетъ тождество обоихъ Петроневъ. Такъ, изъ Светонія мы знаемъ, что Неронъ, пресытившись утонченными удовольствіями высшаго свѣта, любилъ спускаться по временамъ въ сутолоку и грязь улицъ столицы, и неразъ ночью, прикрывшись плащомъ раба или гладиатора, искалъ приключеній въ тавернахъ и сомнительныхъ притонахъ. Книга въ родѣ «Сатиръ» Петронія, отображавшихъ жизнь настоящихъ подонковъ общества, могла поэтому имѣть особый интересъ въ глазахъ Нерона, удовлетворяя его болѣзненному любопытству. Далѣе Неронъ, какъ извѣстно, глубоко ненавидѣлъ богатыхъ вольноотпущенниковъ, которые при его предшественникѣ Клавдіи играли руководящую роль въ государствѣ,—и такія сцены романа, какъ пиръ у Трималхіона, гдѣ подвергается осмѣянію типъ такого именно разбогатѣвшаго и зазнавагося вольноотпущенника могли доставить императору живѣйшее удовольствіе. Наконецъ, намъ извѣстно, что Неронъ, считавшій себя величайшимъ поэтомъ, глубоко завидовалъ литературнымъ успѣхамъ молодого Лукана, любимца римской публики, создателя исторической эпопеи, открыто порвавшей связь съ гомеровской традиціей и совершенно обходившейся безъ мифологическаго аппарата, какъ одной изъ пружинъ дѣйствія. И вотъ авторъ «Сатиръ», не называя впрочемъ Лукана по имени, страстно возстаеъ противъ его новшествъ: онъ вооружается противъ сквернаго обычая считать поэзіей все, что облечено въ стихотворную форму, противъ проникающей въ область поэзіи обыденности и даже вульгарности рѣчи; онъ энергически настаиваетъ на необходимости признанія за фантастическимъ вымысломъ и собственно мифологическимъ элементомъ виднаго мѣста въ эпопеѣ; онъ, наконецъ,—чтобъ не было никакихъ сомнѣній въ томъ, въ кого мѣтитъ эта критика,—дастъ собственную обработку Лукановой темы «Bellum civile» въ духѣ вышеизложенной теоріи. Эта защита старыхъ литературныхъ традицій опять-таки не могла не прійтись по вкусу Нерону: чистѣйшій аристократъ по происхожденію, онъ былъ сторонникомъ архаистическаго направленія въ литературѣ. Итакъ, внутренніе критеріи указываютъ на эпоху Нерона, какъ на время сложенія «Сатиръ»,—и онѣ легче всего понимаются, какъ

созданіе придворной среды, приспособленное ко вкусамъ монарха; а такъ какъ трудно допустить, чтобъ въ одно и то же время, въ одной и той же сравнительно тѣсной средѣ дѣйствовали два человѣка съ тѣмъ же самымъ именемъ, то Петроній «Сатиръ» долженъ повидимому совпадать съ Петроніемъ Тацита.

Уже то обстоятельство, что въ «Сатирахъ» Петронія мы имѣемъ, по всей вѣроятности, твореніе одного изъ приближенныхъ знаменитаго кесаря, книгу, которой развлекался онъ со своимъ дворомъ, способно вызвать къ нимъ глубокой интересъ. Но онъ въ этой виѣщей рекламѣ вовсе не нуждаются, говоря сами за себя своимъ содержаниемъ.

Главнымъ героемъ произведенія (если только терминъ «герой» примѣнимъ къ людямъ той категоріи, о которой будетъ рѣчь) является молодой, но уже съ криминалистическимъ прошлымъ вольноотпущенникъ Энкольпій, отъ лица котораго ведется разсказъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ достойный его товарищъ, повидимому также вольноотпущенникъ, Аскильтъ. Товарищи впрочемъ плохо ладытъ другъ съ другомъ: ихъ раздѣляетъ сопровождающій ихъ мальчикъ Гитонъ, любви котораго съ постоянно колеблющимся успѣхомъ они оба добиваются. Они ссорятся и мирятся, расстаются и вновь соединяются, потомъ расстаются окончательно, причемъ Гитонъ, сначала уведенный Аскильтомъ, вскорѣ однако опять попадаетъ въ руки Энкольпія. Мѣсто Аскильта при Энкольпіи (а впрочемъ и при мальчикѣ Гитонѣ) занимаетъ теперь нищій поэтъ Эвмольпъ, и они втроемъ ведутъ скитальческую жизнь по городамъ южной Италіи, часто бывая совершенно безъ денегъ, но всегда умудряясь прожить недурно, — конечно, на счетъ тѣхъ, которыхъ они надуваютъ.

Такова общая канва романа, на которой развертывается масса авантюръ и приключеній, которыя, впрочемъ, за плохой сохранностью памятникка (я уже говорилъ, что до насъ дошли лишь выдержки изъ XV и XVI книгъ его), не всегда намъ достаточно понятны, а за обиліемъ въ немъ обценнаго элемента, не всегда могутъ быть переданы болѣе или менѣе приличнымъ языкомъ. Я остановлюсь поэтому на наиболѣе важныхъ моментахъ дѣйствія, дающихъ представленіе объ его ходѣ и развитіи.

Впервые мы встрѣчаемъ героя въ одномъ изъ приморскихъ городовъ Кампаніи, недалеко отъ Неаполя, и застаемъ его въ весьма серьезной бесѣдѣ съ риторомъ Агамеиономъ. Герой нашъ рѣзко нападаетъ на безсодержательность тогдашней риторической школы,

не дающей никакихъ практическихъ знаній, ничего непосредственно полезнаго и примѣнимаго къ жизни, и приучающей юношей къ пустому и безцѣльному фразерству. Агамемнонъ пытается защищать риторовъ, сваливая вину на родителей, обращающихъ вниманіе лишь на внѣшнюю, показную сторону воспитанія. Во время бесѣды Энкольпій замѣчаетъ исчезновеніе Аскильта и Гитона и, улучивъ минуту, спѣшитъ разыскивать товарищей. Дорогой онъ сбивается съ пути и не можетъ найти общей квартиры. Онъ освѣдомляется у одной старухи, и та ведетъ его, но не домой, а въ одинъ «*lupanar*», гдѣ, къ удивленію своему, онъ находитъ товарищей, попавшихъ туда подобнымъ же образомъ. По возвращеніи домой слѣдуетъ рядъ непередаваемыхъ сценъ, изъ которыхъ, между прочимъ, оказывается, что Энкольпій имѣетъ полное основаніе ревновать Аскильта къ Гитону. При обстоятельствахъ, не вполне для насъ ясныхъ, компанія лишается плаща, въ которомъ зашиты были всѣ ея деньги, и у товарищей остается всего два мѣдныхъ асса,—сумма, едва достаточная, чтобъ купить порцію бобовъ (с. 14: *praeter unum dipondium, quo cicer lupinosque destinavimus mercari, nihil ad manum erat*), но счастливый случай имъ не только возвращаетъ въ полной сохранности утерянное, но и приноситъ приглашеніе на пиръ къ богатому отпущеннику Тримальхиону.— Недостатокъ времени не позволяетъ остановиться на этомъ эпизодѣ, составляющемъ одинъ изъ перловъ романа.— Во время пира герои наши ведутъ себя сравнительно тихо и скромно, но они, конечно, ѣдятъ и пьютъ, сколько влѣзетъ, получаютъ подарки наравнѣ съ остальными гостями и, наконецъ, пользуются скандаломъ, разыгравшимся въ концѣ пира, чтобъ убраться незамѣтно. Опять слѣдуютъ весьма драстическіе эпизоды, вызывающіе бурныя столкновенія Энкольпія съ Аскильтомъ изъ-за мальчика, въ результатѣ которыхъ соперники расстаются, причѣмъ болѣе счастливый Аскильтъ уводитъ съ собой Гитона. Въ своемъ одиночествѣ Энкольпій думаетъ о мщеніи; разъ онъ ночью даже бросается съ обнаженнымъ мечомъ, чтобъ убить соперника, но неожиданная встрѣча съ солдатомъ, который обезоруживаетъ его, значительно охлаждаетъ его пылъ. Въ картинной галлерей онъ знакомится со старымъ поэтомъ Эвмольпомъ, который въ стихахъ даетъ ему поясненіе картины, изображающей гибель Трои, и затѣмъ пристаётъ къ нему, чтобъ болѣе не разставаться. Фортуна опять улыбается Энкольпію и возвращаетъ ему любимаго мальчика. Правда, старый поэтъ сразу же начинаетъ ухаживать за нимъ, и межъ новыми друзьями разгорается споръ.

Но опасность со стороны Аскильта, который пытается насильно отнять мальчика, заставляет их пойти на компромисс. Однако дальнейшее пребывание в том же городе становится неудобным, и интересная тройца рѣшается переѣхать в другой. Случайно однако они попадают в качестве пассажиров на корабль, гдѣ находятся ихъ злѣйшіе враги Лихасъ и Трифена, у которыхъ есть съ ними давнишніе счеты. Чтобы остаться неузнанными, Энкольпій съ Гитономъ рѣшаются играть роль бѣглыхъ рабовъ Эвмольпа, для чего брѣютъ себѣ головы и кладутъ на лбы поддѣльные клейма. Эта операція подмѣчена однимъ изъ матросовъ, извѣстіе доходитъ до Лихаса, который притомъ предостереженъ во снѣ богомъ Пріапомъ. Въ результатѣ наступаетъ полное разоблаченіе, и Энкольпію съ Гитономъ угрожаетъ весьма серьезная опасность; но Эвмольпъ выступаетъ вѣ качестве посредника, и ему кое-какъ удается примирить враждующихъ. Впрочемъ Энкольпію не долго пришлось радоваться: Гитонъ сразу же привлекъ къ себѣ вниманіе Трифены, и нашъ герой снова долженъ томиться муками ревности. Въ добавокъ разразившаяся буря разбиваетъ корабль. При этомъ Лихасъ тонетъ, Трифена спасается вѣ лодкѣ, наши странники вѣ одной одеждѣ выброшены на берегъ. Узнавъ отъ прохожаго, что они находятся вблизи Кротона, гдѣ люди якобы только и дѣлаютъ, что гоняются за наслѣдствами, ухаживая за бездѣтными стариками, они рѣшаются эксплуатировать эту слабость вѣ свою пользу: Эвмольпъ выдаетъ себя за карфагенскаго богача, который по смерти единственнаго сына ищетъ развлечения вѣ путешествіяхъ; юноши—за его рабовъ; онъ, правда, яко бы потерялъ 30 милліоновъ сестерціевъ вѣ морѣ, но еще 200 осталось дома, а часть сокровищъ вскорѣ прибудетъ. При этомъ онъ долженъ кашлять и говорить тихимъ голосомъ, какъ человекъ, близкій къ смерти. Они рѣшаются тотчасъ приступить къ дѣлу и спѣшать вѣ городъ, причемъ дорогой Эвмольпъ декламируетъ имъ стихи о междоусобной войнѣ. Хитрость вполнѣ удается, и вѣ Эвмольпъ начинаетъ заискивать весь городъ. Всего у нихъ оказывается вдоволь, и живетъ имъ прекрасно. Чтобы потѣшиться надъ жадностью кротонцевъ, Эвмольпъ читаетъ имъ формальное завѣщаніе, которое объявляетъ наслѣдниками его сокровищъ тѣхъ изъ гражданъ, которые съѣдятъ его тѣло послѣ смерти вѣ присутствіи свидѣтелей (с. 141: *si corpus meum in partes conciderint et astante populo comederint...*). Тѣхъ, кому это не приходится по нутру, онъ утѣшаетъ ссылками на исторію: вѣ осажденныхъ городахъ трупы не разъ употреблялись вѣ пищу и не оказывались ни вред-

ными для здоровья, ни противными на вкусъ: все дѣло въ способѣ приготовления.

О позднѣйшей судьбѣ героевъ мы ничего не знаемъ,—о болѣе ранней можемъ составить себѣ кое-какое представленіе на основаніи намековъ въ текстѣ и цитатъ у другихъ писателей. Дѣйствіе раньше происходило въ Массилии. Герой нашъ успѣлъ уже пройти сквозь огонь и воду и переимѣнить много профессій. Онъ убилъ ирjúтившаго его челоуѣка и живетъ такимъ образомъ *extra legem*, т. е. внѣ закона. Онъ бывалъ гладиаторомъ и странствующимъ жрецомъ Кибелы; онъ нарушилъ святость храма Пріапа и страдаетъ отъ его гнѣва.

Таково содержаніе романа Петронія. Отдѣльныя приключенія и эпизоды Петроніемъ не связываются чисто механически, путемъ внѣшняго пріуроченія къ личности главнаго героя, но сливаются органически въ высшемъ единствѣ, служатъ иллюстраціей и развитіемъ единой основной идеи, и лишь въ отрывочномъ характерѣ преданія заключается причина того, что внутреннее единство произведенія, за массой эпизодовъ, не сразу бросается въ глаза. Выясненіе композиціи романа Петронія составляетъ заслугу Элимара Клебса, впервые указавшаго на огромную роль, которую играетъ въ немъ Пріапъ. Это одна изъ фигуръ «низшей мифологіи» древнихъ,—стражъ и покровитель садовъ и виноградниковъ, имѣющій, между прочимъ, и отношеніе къ той формѣ любви, которую единственно признаетъ романъ. И вотъ этого-то бога, какъ мы уже знаемъ, возстановилъ противъ себя Энкольпій оскверненіемъ его святилища: съ тѣхъ поръ ему часто приходится ощущать на себѣ немилость бога во время своихъ галантныхъ похождей, съ тѣхъ поръ, при всемъ успѣхѣ, который онъ имѣетъ у дамъ полусвѣта, ему приходится, такъ сказать, испытывать муки Тантала. Когда онъ въ одномъ мѣстѣ прямо утверждаетъ, что «тяжкій гнѣвъ Пріапа гонять меня по землямъ и по морямъ сѣдого Нерея»²⁾, то очевидно, этотъ гнѣвъ и является нитью, объединяющей собой пеструю авантюры романа. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ пародистическимъ примѣненіемъ стараго эпического мотива, который въ видѣ «гнѣва Посейдона» проходитъ черезъ всю Одиссею, въ формѣ «гнѣва Юноны»—черезъ всю Энеиду, обусловливая собой внутреннее единство этихъ поэмъ. Какъ новѣйшаго типа Одиссей или Эней, скитается нашъ Энкольпій по широкому міру,

¹⁾ См. „Zur Composition von Petronius Satirae“ въ „Philologus“ XLVII (1889) s. 623 f.

²⁾ См. с. 139: „Me quoque per terras, per cani Nereos aequor... sequitur gravis ira Priapi“.

гонимый богомъ, ничтожество котораго вполне соответствуетъ ничтожеству героя.

Этимъ внутреннимъ единствомъ однако далеко не исчерпывается все художественное значеніе романа Петронія. Послѣдній былъ тонкимъ наблюдателемъ жизни и великимъ мастеромъ слова, — два цѣнныхъ качества, которыя позволили ему создать рядъ настоящихъ снимковъ съ натуры, имѣющихъ въ той же мѣрѣ типическое, какъ и историческое значеніе, и сразу же приковывающихъ къ себѣ вниманіе читателя. Въ портретной галлерей Петронія видимъ мы и представительницу изящнаго «demi-monde»'а, искательницу любовныхъ приключеній, красавицу Трифену, которая, по словамъ автора, развѣзжаетъ по свѣту въ погонѣ за наслажденіями (с. 101: *omnium feminarum fornosissima, quae voluptatis causa huc et illuc vectatur*), и представителя римской литературной гольфубы, поэта Эвмольпа, который своими стихами до того надоѣдаетъ публикѣ, что она прогоняетъ его камнями, и который способенъ до того углубиться въ свои стихи, что не замѣчаетъ разгравшейся бури, и типъ, который впоследствии сдѣлался любимымъ предметомъ насмѣшки Лукіана, — суетливаго ханжу Лихаса, задумывающаго надъ значеніемъ каждаго сна и надъ средствами отвратить его послѣдствія (с. 104: *Lichas, ut Tryphaenae somnium expiavit. «quis» inquit «prohibet navigium scrutari, ne videamur divinae mentis opera dampnare?... «sciam, quorum capitibus debeat navigium lustrari»... и т. д.*). Съ особеннымъ однако стараніемъ нарисованъ портретъ разбогатѣвшаго выскочки-самодура Тримальхіона, человѣка столь же глупаго и тщеславнаго, сколь богатаго, — типъ, который не остался безъ вліянія на Мольеровскаго «Bourgeois Gentilhomme» и который, при посредствѣ послѣдняго, въ болѣе или менѣе далекихъ подражаніяхъ до сихъ поръ продолжаетъ жить на нашихъ сценахъ. Ипой — скорѣе психологическій, чѣмъ художественный — интересъ представляетъ личность главнаго героя романа. Это, какъ мы видѣли, человѣкъ солиднаго образованія: онъ охотно слушаетъ стихи, не прочь посѣтить пинакотеку, способенъ вести ученые споры. Умственное развитіе не мѣшаетъ ему, однако, быть лишеннымъ самаго элементарнаго нравственнаго чувства: убивъ человѣка, онъ не испытываетъ никакого внутренняго безпокойства: онъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти готовъ обобратить каждаго, кто попадется ему въ руки; онъ чувствуетъ себя прекрасно въ той зловонной грязи, которая его окружаетъ... Такъ проходятъ предъ нами, въ лицѣ типичныхъ представителей, тѣ въ конецъ раз-

вращенные и испорченные, но все же весьма даровитые и въ известномъ смыслѣ культурные «Graeculi» императорскаго времени, на которыхъ съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣли римляне, и если мы можемъ теперь понять причину этого презрѣнія, мы этимъ въ значительной степени обязаны Петронію. Романъ его оказывается историческимъ документомъ первостепеннаго значенія.

Такъ какъ почти все виды литературы заимствованы римлянами у грековъ, то естественно возникаетъ вопросъ, имѣемъ-ли мы дѣло съ оригинальнымъ продуктомъ римской литературы или подражаніемъ, заимствованіемъ. Романъ, въ смыслѣ вымышленнаго повѣствованія о любовныхъ похищеніяхъ, пользовался, какъ известно, значительною популярностью въ позднюю эпоху греческой литературы, и со времени классической книги E. Rohde «Der griechische Roman» (Lpz. 1876) мы въ состояніи довольно отчетливо и ясно себѣ представить исторію его возникновенія. Указавъ въ позднѣйшемъ греческомъ романѣ два совершенно различныхъ, лишь чисто внѣшнимъ образомъ связанныхъ элемента—любовную интригу и фантастическія приключенія на сушѣ и на морѣ,—Rohde пришелъ къ естественному выводу, что древнегреческій романъ имѣетъ два корня. Однимъ корнемъ является греческая эротика эллинизма, столь охотно изображавшая исторію двухъ любящихъ сердецъ, раздѣляемыхъ завистливой судьбой и все же сохраняющихъ другъ другу вѣрность до конца: эта-то эллинистическая эротика сообщила, по мнѣнію Rohde, позднѣйшему роману тотъ идеалистическій характеръ, который остался за нимъ на всегда. Герои почти всегда любятъ другъ друга чистой, первой любовью, и предъ ихъ беззавѣтной вѣрностью беспильны все тѣ многочисленныя искушенія и соблазны, въ которые вводятъ ихъ романисты. Вторымъ корнемъ романа служить, по мнѣнію Rohde, греческая фабулистика, т. е. повѣствованіе о чудесахъ далекихъ странъ, которая, среди народа мореплавателей, должна была сложиться очень рано. Входя въ греческую литературу замѣтнымъ ингредиентомъ чуть-ли не со времени ея рожденія (вспомнимъ хотя бы разсказы о странствіяхъ Одиссея), фабулистика эта играетъ въ началѣ роль, такъ сказать, служебную, и лишь въ эллинистическую эпоху она выдѣляется въ самостоятельный видъ литературы, повидимому не безъ вліянія Востока. Сліяніе этихъ двухъ гетерогенныхъ элементовъ, давшее въ результатъ греческій романъ, наступило, по Rohde, лишь въ эпоху того подъема греческаго національнаго самосознанія, который, въ связи съ общимъ матеріальнымъ

процвѣтаніемъ провинцій подъ властью имперіи и фильгелленическимъ направленіемъ политики Аптониновъ, начинается со II в. нашей эры и носить въ исторіи названіе «второй софистики». За невозможностью оживить отошедшее уже въ прошлое содержаніе древне-греческой жизни, этотъ древнѣйшій ренессансъ имѣеть, по необходимости, чисто формальный характеръ: орудіемъ его является риторическая школа, а ближайшей задачей—обновленіе классической рѣчи аттиковъ совершенно вытѣсненной эллинистической *κοινή* (т. е. *sermo communis*). Въ связи съ этимъ, и вскормленный второй софистикой греческій романъ получаетъ риторическую окраску, облекается въ вымученныя формы нео-аттической рѣчи. Таково объясненіе Rohde. — Со времени появленія его книги прошло болѣе 30-ти лѣтъ. Наука вопросомъ, разъ поднятымъ, не переставала заниматься, и обнаруженные ею новые факты заставляютъ внести нѣкоторыя видоизмѣненія въ построеніе Rohde. Самая существенная изъ необходимыхъ поправокъ состоитъ въ томъ, что время зарожденія греческаго романа приходится значительно отодвинуть въ прошлое.

Уже Rohde замѣтилъ, что въ числѣ упражненій, предлагавшихся юношеству въ риторическихъ школахъ, упоминаются и такія, которыя близко соприкасаются съ романомъ. Напомню, что даже для практическихъ цѣлей судебной рѣчи необходимы не только ловкость и убѣдительность аргументаціи, но и извѣстное мастерство повѣствованія, облегчающее связанное изложеніе дѣла, — и потому теоретики риторическаго искусства должны были обратить вниманіе на упражненія въ художественномъ повѣствованіи. Послѣднія дѣлились ими на три категоріи: 1-о повѣствованіе о сказочныхъ, мифическихъ происшествіяхъ (*διήγημα μυθικόν*), 2-о повѣствованіе объ историческихъ, дѣйствительныхъ фактахъ (*δ. ἱστορικόν*) и 3-о повѣствованіе о происшествіяхъ хотя и не дѣйствительныхъ, но возможныхъ и даже вѣроятныхъ. Послѣднее носило названіе либо *δ. πλασματικόν*, т. е. просто измышленное, либо *δραματικόν*, то есть названіе, которое служило техническимъ обозначеніемъ древняго греческаго романа (см. Rohde, Gr. R. S. 350 f.). Терминъ этотъ, заимствованный, какъ всякій видитъ, у сценическаго искусства, объясняется тѣмъ, что какъ романъ, такъ и риторическія *προχομνάσματα*, т. е. упражненія, охотно пользовались излюбленными эффектами греческой драмы: перипетіей, т. е. быстрыми колебаніями судьбы, и *ἀναγνώρισμοι*, т. е. неожиданнымъ обнаруженіемъ близкаго человѣка въ незнакомцѣ. На фактъ этотъ Rohde однако особеннаго вниманія не обратилъ: свидѣтельства, ему извѣстныя, относились къ времени позднему, когда романъ въ окон-

чательной формѣ былъ уже готовъ, и естественно было думать, что упражненія этого рода введены были именно подъ его вліяніемъ.

Однако еще при жизни Rohde G. Thiele въ статьѣ «Zum griechischen Roman» (въ сборникѣ «Aus der Anomia», 1890, S.S. 124—33), указавъ на то, что уже въ древнѣйшихъ латинскихъ руководствахъ по риторикѣ (разумѣю т. н. «Auctor ad Herennium» и Цицероново «De inventione»), относящихся еще къ I в. до Р. X., но—посредственно или непосредственно — составленныхъ по болѣе древнимъ греческимъ пособіямъ, существовало тройное дѣленіе повѣствовательныхъ упражненій на *fabula*, *historia*, *argumentum* ¹⁾, причемъ, какъ всякій видитъ, латинскій терминъ *fabula* соотвѣтствуетъ греческому *διήγημα μυθικόν*, терминъ же *historia* — *δ. ιστορικόν*. Что и *argumentum* отвѣчаетъ важному для насъ *δ. δραματικόν*, видно изъ того, что оно опредѣляется, подобно послѣднему, какъ *πρῶτον ἀποδοκίματον ἰστορικόν* (*facta res, quae tamen fieri potuit*). Это совпаденіе сдѣлало очевиднымъ, что несомнѣнная связь древняго греческаго романа со школьными упражненіями относится не къ софистическому только, а еще къ до-софистическому времени, и если самъ Thiele продолжалъ думать, что оно подсказано созрѣвшимъ уже тогда романомъ, то все же стала мыслима и обратная точка зрѣнія.—Дальнѣйшія разясненія по данному вопросу намъ принесла одна изъ тѣхъ многочисленныхъ въ послѣднее время находокъ, которыми мы обязаны Египту. На одномъ папирускѣ, восходящемъ повидимому еще къ I в. до Р. X., оказались довольно большіе отрывки греческаго романа о Нинѣ ²⁾, въ своей техникѣ и построеніи вполне соотвѣтствующаго позднѣйшимъ романамъ: онъ представляетъ ту же самую исторію влюбленной четы, которая въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ должна томиться въ разлукѣ. И вотъ этотъ древнѣйшій образчикъ греческаго романа носить на себѣ слѣды связи съ риторической школой: таковы, наиримѣрь, «общія мѣста» въ родѣ противопоставленія обычая природѣ, таково обиліе рѣчей, произносимыхъ кстати и не кстати, и т. д. Въ особенности однако важенъ для насъ романъ о Нинѣ потому, что онъ служитъ связующимъ звеномъ между первоначальнымъ школьнымъ упражненіемъ типа *δραματικόν*, по самому существу своему краткимъ и сжатымъ, и позднѣйшимъ романомъ, нерѣдко даже очень растянутымъ: онъ слишкомъ дологъ для школьнаго *πρῶτον ἀποδοκίματον*, слишкомъ кратокъ для романа въ позднѣйшей формѣ.

¹⁾ См. Ad Herenn. I c. 8; Cicer. de invent. I c. 19.

²⁾ Изданъ Wilcken'омъ въ „Hermes“ XXVIII (1893) S 161 f.

Итакъ, не греческій романъ подсказаль риторическое «*extemporale*» даннаго типа, какъ думаль Rohde, а наоборотъ, послѣднее, принявъ въ себя указаннныя Rohde элементы ¹⁾, путемъ дальнѣйшей обработки породило романъ.

Съ этимъ-то древне-греческимъ романомъ, риторическимъ по формѣ, сентиментальнымъ по духу, пытались нѣкоторые связать и романъ Петронія. Такъ, R. Heinze [см. «Hermes» XXXIV (1899) 494 f.] высказаль предположеніе, что романъ этотъ является сознательной пародіей идеалистическаго романа грековъ, — догадка, которая впрочемъ едва ли состоятельна. Пародию мы въ правѣ допустить лишь тамъ, гдѣ на лицо несомнѣнное сходство карикатуры съ кариклируемымъ предметомъ, — этого мы вовсе не видимъ въ данномъ случаѣ. Греческій романъ, какъ мы знаемъ, рисуетъ вынужденную разлуку влюбленной четы и страданія ея, вытекающія изъ этой разлуки и одиночества. Романъ Петронія знаетъ въ сущности лишь одного главнаго героя. Энкольпія (Аскильтъ, Гитонъ и т. д., это все фигуры второстепенныя), — героя, который притомъ съ предметомъ своей страсти или вовсе не разстается, или разстается на короткое время, и злключенія котораго въ гораздо большей степени вытекають изъ гнѣва Пріапа, чѣмъ изъ его собственной страсти. Никто, конечно, не станеть отрицать наличности сатирическихъ элементовъ въ романѣ Петронія: однако осмѣянію здѣсь подвергаются не столько литературныя явленія, сколько совершенно реальныя явленія жизни. Итакъ, съ идеалистическимъ романомъ грековъ романъ Петронія ничево общаго не имѣеть.

Столь же мало состоятельнымъ оказывается и то толкованіе романа Петронія, которое предложено K. Bürger'омъ [Der antike Roman vor Petronius въ «Hermes» XXVII (1892) 345 f.]. Романъ этотъ примыкаетъ якобы къ постулируемому имъ реалистическому роману

¹⁾ Вопреки категорическому утвержденію W. Schmid'a, что „разсмотрѣнныя Rohde въ качествѣ предтечь (Vorläufer) романа (этнографическія) утопіи не имѣють ничего общаго съ тѣми полными приключеній странствіями, которыя встрѣчаются въ большинствѣ романовъ“ [см. „Der griech. Roman“ въ Hbergs Jahrb. VII (1904) s. 469], я думаю, что E. Rohde былъ правъ. Разныя *Ναυραζια*, *παράδοξα* и описанія экзотическихъ народовъ играютъ видную роль не только у Антонія Діогена, какъ допускаеть Schmid, но и въ другихъ древнихъ греческихъ романахъ: вспомнимъ только содержаніе произведеній Ахилла Тація и Геліодора. А если такъ, то не однимъ только Діогеномъ „оправдывается глава Rohde объ утопіяхъ“, какъ думаетъ Schmid (ibid.).

грековъ, представляя лишь латинское подражаніе послѣднему. Существованіе реалистическаго романа у грековъ Bürger выводитъ изъ нѣсколькихъ древнихъ свидѣтельствъ о такъ называемыхъ «Милетскихъ разсказахъ» (Μιλησιακά, Milesiae, sc. fabulae) нѣкоего Аристиды,—разсказахъ весьма игриваго содержанія, въ родѣ итальянскихъ новеллъ и французскихъ «fabliaux», которые, въ I в. до Р. X. переведенныя на латинскій языкъ историкомъ Сизенной, сдѣлались любимымъ чтеніемъ высшаго общества: римскіе генералы брали ихъ съ собою на войну. Толкуя по своему нѣкоторыя мѣста изъ Овидіевыхъ «Tristia» (II 413 sq., 443 sq.), Bürger предполагаетъ, что отдѣльные разсказы были у Аристиды тѣсно связаны другъ съ другомъ, создавая, такимъ образомъ, болѣе крупное художественное единство, — иными словами, искомый реалистическій романъ.—Противъ этой точки зрѣнія въ одной изъ статей своихъ ¹⁾ Rohde справедливо замѣтилъ, что подобный смыслъ можетъ быть вложенъ въ соответственные тексты лишь цѣною значительныхъ натяжекъ, и что болѣе осторожная интерпретація изъ текстовъ этихъ можетъ извлечь лишь то, что Аристидъ составилъ сборникъ нескромныхъ повеллъ изъ жизни обитателей Милета. А такъ какъ въ дошедшихъ до насъ памятникахъ никакихъ осязательныхъ слѣдовъ греческаго реалистическаго романа до сихъ поръ не видно, то намъ нѣтъ основанія интерпретаціи болѣе изысканной давать предпочтеніе предъ болѣе простой ²⁾. Итакъ, греческій реалистическій романъ остается гипотезой, висящей совершенно въ воздухѣ. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что грекамъ былъ совершенно чуждъ тотъ своеобразный способъ воспринимать внѣшній міръ, который мы называемъ реализмомъ. Замѣтная реалистическая струя проходитъ черезъ все творчество эллинизма, съ изысканностью и утонченностью своей культуры столь странно сочетавшаго живой интересъ ко всему народному и даже простонародному. Эпоха, которая въ области скульптуры произвела интересныя статуи рабовъ, рыбаковъ, старухъ, настолько же поражающихъ насъ своею жизненной правдой, насколько отталкивающихъ своимъ безобразіемъ, въ области литературы дала, помимо вышепомянутой реалистической новеллы, также бытовую сценку, мимъ. Послѣдній, во всѣхъ своихъ формахъ — лирической, повѣствовательной и драматической — преслѣдуетъ лишь одну цѣль,—фотографически точное воспроизведеніе дѣйствительности.

¹⁾ Klein. Schr. II (1901) S. 25 f.= „Rhein. Mus.“ XLVIII (1894) S. 110 f.

²⁾ Новыя соображенія въ пользу Rohde и противъ Bürger'a привелъ Н. Lucas въ „Philologus“ LXVI S. 16 f.

Въ видѣ поясненія прибавимъ, что подъ мимомъ мы разумѣемъ тотъ родъ произведеній, единственными образчиками котораго раньше были XIV и XV идилліи Теоокрита, и который теперь сталъ намъ болѣе извѣстнымъ благодаря вновь найденнымъ миміямъ Геронда и значительнымъ мимическимъ фрагментамъ анонимовъ (см. «*Mimorum fragmenta*» въ 4-омъ изд. миміямбовъ Геронда у О. Крузіуса Lpz. 1905 р. 99 sq.). Эти-то зачатки реалистическаго изображенія дѣйствительности у грековъ и могли служить подспорьемъ Петронію въ его созданіи реалистическаго романа. Конечно, мы прекрасно сознаемъ, какая пропасть отдѣляетъ непритязательную бытовую сценку отъ той широкой картины жизни, которую далъ Петроній. Даже если допустить, что Петроній и въ содержаніи «Сатиръ» кое-чѣмъ обязанъ грекамъ, у которыхъ онъ заимствовалъ форму своего произведенія, онъ всетаки останется для насъ «*Graecis intacti operis auctor*»,—создателемъ произведенія, неизвѣстнаго грекамъ. Въ исторіи античной литературы романъ его стоитъ совершенно одиноко.

Витольдъ Клигеръ.

Разысканія въ области поэтики французскаго романтизма.

Г Л А В А VIII.

Художественный реализмъ и импрессионизмъ въ стилѣ французскихъ писателей эпохи Реставраціи.

Взгляды Barot на художественный реализмъ въ стилѣ французскихъ романтиковъ.—Реалистическія детали въ драмѣ „*Kromveel*“.—Колоритъ стиля Гюго.—Невѣрный взглядъ Barot на экзотизмъ.—Разборъ метафоръ Гюго.—Отрицательное отношеніе Барà къ Сентъ-Бёву.—I. Реализмъ въ стилѣ французскихъ писателей эпохи Реставраціи.—Сужденія Гюго о стилѣ Вольтера.—Значеніе стиля для Сентъ-Бёва.—Исканіе конкретнаго образа возводится имъ въ литературный принципъ.—Возраженія Сентъ-Бёва на упрекъ въ матеріализмъ.—Нападки послѣдователей г-жи Сталь на Сентъ-Бёва.—Микіэльсъ и Сентъ-Бёвъ.—Стремленіе французскихъ писателей эпохи Реставраціи „*живописать*“ словами.—Исканіе яркихъ красокъ.—„Фамиллярные“, „низкіе“ термины.—Портреты.—II. Стремленіе романтиковъ замѣнять описанія чувствъ описаніемъ ощущеній.—Исканіе пластичности.—Эпитеты, выражающіе чувствѣнныя воспріятія.—*Harmonie imitative*.—Примѣчанія Сентъ-Бёва къ „*Monsieur Jean*“.—Гранье де Кассаньякъ.—III. Взгляды французскихъ писателей эпохи Реставраціи на стиль, какъ на средство передать настроеніе писателя.—Предисловіе Гюго къ „*Les Orientales*“.—Примѣчаніе Сентъ-Бёва къ „*Les rayons jaunes*“.—Разборъ этого стихотворенія.—„*La Neige*“ Виньи.—Передача настроенія подборомъ эпитетовъ.—Стихотвореніе Ламартина „*L'Immortalité*“.—Баллада Гюго „*La Méléée*“.—Четыре категоріи образовъ у французскихъ писателей эпохи Реставраціи.

Въ періодъ между 1825--1829 годами Барà отмѣчаетъ два теченія во французскомъ романтизмѣ: идеалистическое, представителемъ и обоснователемъ коего является Ш. Нодье, и реалистическое, представителемъ коего является Стэндалъ. Глава школы—Гюго—колеблется между тѣмъ и другимъ, между Нодье, который требуетъ

отъ писателей, чтобы они выражали лишь мечты и грезы, и Стэндалемъ, который хочет, чтобы литература выражала лишь конкретное, реальное ¹⁾). Последняя тенденція одержала верхъ надъ первой у Гюго. Отвергая абстрактный, изысканный, полный перифразъ стиль школы Делилля, Гюго въ драмѣ „*Кромвелль*“ впервые называетъ реальныя явленія (или, какъ говорили ложноклассики, „низкія“) ихъ именами. Герои пьесы обходятся безъ перифразъ, чтобы просить ѣсть и пить, чтобы назвать такіе предметы, какъ стаканъ, столъ и т. п. Гюго детально описываетъ костюмъ Рочестера, постель Елизаветы Буршье, вестминстерскій престолъ и т. п. ²⁾). Въ самой пьесѣ Барà отмѣчаетъ нѣсколько колоритныхъ стиховъ, какъ напр.:

Ses mousquetaires noirs, ses rouges cuirassiers

(I, sc. 1).

Стремленіе французскихъ романтиковъ къ реализму, говоритъ Барà, не инстинктивное, а сознательное; но мало по малу они втянулись въ изображеніе реального и реализмъ сталъ, такъ сказать, ихъ второй натурой ³⁾). Въ краткій періодъ между 1828—30 годами реализмъ проникаетъ въ поэзію подъ тремя видами: въ видѣ исканія „живописнаго“ (le pittoresque) и техническихъ терминовъ у Гюго и Виньи, и въ видѣ „фамиллярной поэзіи“ Сентъ-Бѣва ⁴⁾).

Къ сожалѣнію, Барà касается вопроса о „живописномъ“ у Гюго и друг. очень бѣгло; отмѣтивъ нѣсколько реальныхъ терминовъ у Мюссе ⁵⁾, онъ указываетъ на красочные эффекты у Гюго ⁶⁾, на нѣкоторые стихи этого поэта, въ которыхъ описывается то, что поэтъ дѣйствительно видѣлъ и пережилъ, напр.:

J'aime ces chariots lourds et noirs, qui, la nuit

Font aboyer les chiens dans l'ombre. („*Orientales*“, IV)

или

A l'heure où l'on entend lentement revenir

Les grelots du troupeau qui bêle. (ibid., XXI).

¹⁾ *Barat*, op. cit., p. 136.

²⁾ Ibid., pp. 149—150.

³⁾ Ibid., p. 173.

⁴⁾ Ibid., p. 175.

⁵⁾ Ibid., p. 185.

⁶⁾ Ibid., pp. 183—192.

Техническіе термины у Гюго почти вовсе не разсмотрѣны Барà. Читатель остается въ недоумѣніи: почему авторъ считаетъ техническіе термины выраженіемъ реалистическихъ тенденцій Гюго, между тѣмъ какъ онъ самъ заявляетъ, что „Гюго, который уже въ то время любилъ слова ради ихъ звучности и внѣшняго вида, нагромождаетъ въ грозномъ перечисленіи имена всѣхъ кораблей всѣхъ странъ, чтобы описать „армаду султана“—флотъ самый *необычайный*, изъ всѣхъ когда-либо описанныхъ“¹⁾).

Еще большее недоумѣніе возбуждаетъ въ читателѣ то, что Барà видитъ проявленія реалистическихъ тенденцій въ экзотизмѣ, который онъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ опредѣляетъ: „экзотизмъ привлекалъ описаніемъ чуждыхъ странъ, гдѣ все *необычайно*: костюмы, растенія, животныя, названія, гдѣ все невѣдомо, ново, *таинственно*“²⁾).

Экзотизмъ, по нашему мнѣнію, проявленіе не реалистическихъ тенденцій, а какъ разъ наоборотъ, тенденцій идеалистическихъ. Это стремленіе отрѣшиться отъ окружающей дѣйствительности, уйти въ таинственный, фантастическій міръ.

Гораздо болѣе обстоятельнымъ и мѣткимъ представляется намъ въ книгѣ Барà изслѣдованіе метафоръ и сравненій у Гюго. Барà совершенно вѣрно замѣчаетъ, что въ „*Les Orientales*“ классическія сравненія почти совершенно отсутствуютъ. Выраженія „подобно тому какъ“ смѣняются гораздо болѣе конкретными и краткими сравненіями, приближающимися къ метафорѣ, напр.:

Car c'est un astre qui brille
Qu'une fille
Qui sort du bain au flot clair.

Эта тенденція обозначается все рѣзче и рѣзче у Гюго; у него не трудно прослѣдить переходы отъ сравненія къ метафорѣ:

La mer *semble* un troupeau secouant sa toison.

Впослѣдствіи, говоритъ Барà, море уже не будетъ *казаться* поэту стадомъ овецъ, оно отождествится съ нимъ; говоря о бурѣ, Гюго скажетъ, что она:

¹⁾ Ibid., pp. 195—196.

²⁾ Ibid., p. 197.

Disperse à tous les vents avec son souffle amer
La laine des moutons sinistres de la mer.

Нельзя не пожалѣть, что Барà не остановился подробнѣе на этомъ свойствѣ стиля Гюго и не воспользовался для наученія его метафоръ прекрасной книгой Дювала „*Dictionnaire des Métaphores de Victor Hugo*“, Paris, 1888. Мы попытаемся нѣсколько пополнить этотъ пробѣлъ въ слѣдующей главѣ.

Къ реализму Сентъ-Бёва Барà относится крайне отрицательно. Хотя авторъ „*Стихотвореніи Жозефа Делорма*“ самъ такъ охарактеризовалъ свою музу:

Elle chante parfois, une toux déchirante
 La prend dans sa chanson, pousse en sifflant un cri
 Et lance des graviers de son poumon meurtri...

(„*Ma Muse*“).

Все-же Барà полагаетъ, что реализмъ не присущъ Сентъ-Бёву. Онъ описываетъ реальныя явленія, подчиняясь модѣ, безъ увлеченія, какъ бы нехотя ¹⁾).

Вообще та часть книги Барà, которая посвящена романтическому реализму, производитъ на насъ страшное впечатлѣніе. Черты реализма у романтиковъ отмѣчаются имъ мимоходомъ, съ оговорками, почти совершенно уничтожающими то, что онъ раньше утверждалъ. Съ одной стороны выходитъ, что реализмъ сталъ второю натурой романтиковъ, съ другой, что онъ претилъ имъ, былъ ихъ натурѣ совершенно чуждъ, и они подчинились реалистическому теченію неохотно. Такимъ образомъ въ книгѣ Барà вопросъ о реализмѣ въ поэтическомъ стилѣ романтиковъ, по нашему мнѣнію, недостаточно выясненъ. А между тѣмъ художественный реализмъ составляетъ главнѣйшее отличіе стиля романтиковъ отъ стиля чувствительниковъ. Это то звено, которое ихъ соединяетъ съ ихъ ближайшими преемниками натуралистами второй половины XIX-го столѣтія. Поэтому мы считаемъ необходимымъ сдѣлать къ книгѣ Барà нѣкоторыя дополненія.

¹⁾ Ibid., p. 230.

I.

Къ концу эпохи Реставраціи французскіе писатели все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ классической терминологіи. Они постепенно приходятъ къ сознанию, что сухой, абстрактный, „аналитическій“ языкъ писателей эпохи Просвѣщенія устарѣлъ. Въ ранній періодъ своей литературной дѣятельности Гюго признаетъ, что языкъ Вольтера является превосходнымъ орудіемъ ироніи; онъ напоминаетъ тѣ шпаги, которыя носили маркизы, современники Вольтера: „это нѣчто блестящее, гладкое, красивое, оправленное въ золото и алмазы, но это и нѣчто смертоносное“¹⁾.

Но признавая за языкомъ XVIII-го столѣтія эти достоинства, Гюго все-же находитъ его непригоднымъ для передачи новыхъ понятій и чувствъ. Стиль XVIII-го вѣка, по его мнѣнію, слишкомъ бѣденъ конкретными, образными, колоритными выраженіями: „языкъ XVIII-го столѣтія, говоритъ онъ, вертится вокругъ мысли, подобно коляскѣ въ карусели, запряженной восьмью лошадьми“²⁾.

Сентъ-Бёвъ считаетъ Андрея Шенье предшественникомъ французскихъ романтиковъ главнымъ образомъ потому, что онъ ввелъ въ поэзію новый колоритъ. Новшество его стиля сказалось, прежде всего, по мнѣнію Сентъ-Бёва, въ томъ, что „неясный, абстрактный, метафизическій и сентиментальный образъ смѣняется у него конкретнымъ и живописнымъ; такъ вмѣсто „*мнѣвное небо*“ („ciel en songes“) слѣдуетъ говорить небо „*черное и туманное*“; вмѣсто „*меланхолическое озеро*“ („lac mélancolique“) — „*озеро голубое*“; вмѣсто „*изящныя персты*“ — „*пальцы бѣлыя и длинныя*“. Только такой поэтъ, какъ аббатъ Делиль могъ воображать, что онъ живописуетъ что-то слѣдующими стихами:

Tombez, *altières* colonnades,
Croûlez, *fiers* chapiteaux, *orgueilleuses* arcades.

Расинъ также не живописуетъ, когда онъ называетъ морское чудовище „*неукротимымъ буйволомъ*“ („*un indomptable taureau*“) или „*стремительнымъ дракономъ*“ („*un dragon impétueux*“). Парни говорятъ о „*кѣжжонѣ*“ пламени, горящемъ въ очахъ „Элеоноры“, и т. п.

¹⁾ „Littérature et philosophie mêlées“: „Journal d'un jeune Jacobite“.

²⁾ Ibid, Préface.

Кромѣ того повѣствованіе Шенье и его послѣдователей состоитъ въ томъ, что, отбросивъ абстрактныя классическія термины, они вмѣстѣ съ тѣмъ умѣютъ при случаѣ пользоваться такими терминами, которые своею неопредѣленностью, расплывчатостью, неясностью являются какъ бы намеками на ту или другую мысль, даютъ ее угадывать; таковы термины: „*des extases choisies*“, „*des traits désirés*“, „*un langage sonore aux douceurs souveraines*“; эпитеты „*страшный*“, „*завистливый*“, „*чудесный*“, „*изобилующій*“ также относятся къ семѣ этихъ избранныхъ выраженій. У Делилля и его послѣдователей ихъ такъ же рѣдко встрѣчаешь, какъ образныя, наивно-колоритныя термины. Наоборотъ, въ стилѣ Андрея Шенье мы видимъ тѣ и другіе изъ этихъ терминовъ. Его поэзія это какъ бы большой зеленый лѣсъ... На каждомъ шагѣ видишь цвѣты, плоды, новую листву, травы всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ, пѣвчихъ птицъ съ разнообразнымъ опереніемъ, а здѣсь и тамъ широкія просѣки открываютъ таинственныя перспективы!). Реформа стиля, по словамъ Сентъ-Бѣва, вызвала расколъ среди самихъ романтиковъ. Школа г-жи Сталь, говоритъ онъ, упрекаетъ послѣдователей Андрея Шенье въ материализмъ. „Великолѣпіе этихъ новыхъ необычныхъ красокъ непріятна тусклому взору и блѣдному воображенію этихъ людей. Они болѣе всего высказываютъ опасенія, что новая школа введетъ въ искусство монотонность; имъ кажется слишкомъ простымъ то, что листья называютъ зелеными, а волны голубыми. Но противники исканія колорита ошибаются. Конечно, не всегда листья зелены и волны не всегда сини; или, вѣрнѣе, въ природѣ, строго говоря, нѣтъ собственно ни зеленого, ни голубого, ни красного цвѣта; естественныя краски предметовъ не имѣютъ названія; но, согласно настроенію зрителя, времени года, часу дня, игрѣ свѣта, эти краски мѣняются до безконечности и даютъ возможность поэту или художнику импровизировать также неограниченно, хотя и кажется, что онъ копируетъ. Заурядные художники не улавливаютъ этихъ различій: дерево зелено, стало быть надо поскорѣй цуцить въ дѣло красивую зеленую краску; небо—синее, скорѣй намажемъ картину синей краской. Но подъ этими грубыми, видимыми красками такіе художники, какъ Бонингтонъ и Буланже, угадываютъ

!) „Pensée de Joseph Delorme“, XV.

и воспроизводятъ, такъ сказать, интимную окраску, болѣе новую, болѣе рѣдкую, болѣе интересную; они умѣютъ разобраться въ томъ, что относится ко времени и мѣсту, что лучше всего гармонируетъ съ общей идеей; посредствомъ восхитительной идеализаціи, они выставляютъ на первый планъ нѣчто неуловимое (*ce je ne sais quoi*). Такимъ же секретомъ обладаютъ и великіе поэты, которые въ то же время являются и великими живописцами. Отсылаемъ лицъ, сомнѣвающихся въ этомъ, къ произведеніямъ Андрея Шенье, Альфреда де Виньи и Виктора Гюго. Итакъ, пусть не беспокоятся о томъ, что новая школа впадетъ въ монотонность. Колоритъ (*le pittoresque*) не есть ящикъ съ красками, который истощается въ одинъ день; это—вѣчный источникъ свѣта, неугасающее солнце¹⁾.

Обвиненія въ матеріализмѣ, сыпавшіяся на реформаторовъ поэтического стиля, исходили съ одной стороны отъ классиковъ, привыкшихъ къ абстрактному языку XVIII-го столѣтія, съ другой отъ тѣхъ, которыхъ Сентъ-Бѣвъ называетъ послѣдователями г-жи Сталь или представителями „женевской школы“. Большинство этихъ послѣднихъ, будучи учениками нѣмецкихъ идеалистовъ, а по происхожденію своему—не французы (Микиэльсъ, Сисмонди и друг.), придавали вопросамъ стиля третьестепенное значеніе. Во всемъ, что касается формы, приемовъ мастерства, поэтической терминологіи они придерживались поэтики „Дельфины“. Исканіе конкретныхъ, реальныхъ образовъ, детальная разработка стиля дѣйствительно казались имъ вторженіемъ матеріализма въ литературу. Самый рьяный изъ представителей этой школы, Микиэльсъ, въ своей „Исторіи литературныхъ идей во Франціи въ XIX-мъ столѣтіи“ (1842) разразился цѣлымъ рядомъ страстныхъ филиппикъ противъ теоретика „школы Шенье“—Сентъ-Бѣва. „Г. Сентъ-Бѣвъ, говоритъ онъ, повидимому, полагаетъ, что литературная форма существуетъ сама по себѣ, независимо отъ психологій²⁾. Вся его книга „О французской поэзіи въ XVI-мъ вѣкѣ“ проникнута матеріализмомъ³⁾. Но наивысшее выраженіе матеріализмъ нашелъ себѣ въ „Мысляхъ“ Жозефа Делорма. Въмѣсто эстетики, авторъ написалъ руководство къ стихосложенію. Если бы такія сочиненія могли вліять на націю, душа, благород-

¹⁾ Ibid., XVI.

²⁾ Michiels, op. cit. t. II, pp. 245—46.

³⁾ Ibid., p. 251.

ная изгнанница, утратившая небеса, была бы изгнана и из того воображаемаго неба, которое создаютъ для нея поэты“¹⁾. Сентъ-Бёва справедливо обвиняють въ томъ, что онъ унижаетъ искусство, ограничивая его сферу... Онъ готовъ отречься отъ небесъ ради стиха съ правильной цезурой²⁾. Онъ впасть въ идолопоклонство не только по отношенію къ словамъ, но и по отношенію къ слогамъ³⁾. Его взгляды на современное искусство ложны и онъ совершенно не понимаетъ того литературнаго движенія, котораго хотѣлъ быть вождемъ⁴⁾. Взгляды Микіэльса на Сентъ-Бёва были справедливы лишь въ томъ смыслѣ, что его теоретическіе взгляды расходились со взглядами послѣдователей г-жи Сталь. Но и Гюго, и Нодье, и Виньи, и Ламартины были совершенно солидарны съ авторомъ „*Мыслей Жозефа Делорма*“. Всѣ они придають первенствующее значеніе вопросамъ стиля, всѣ ищутъ колоритныхъ, конкретныхъ образовъ. Они хотять описывать не только полу-тона, подобно чувствительникамъ, но и яркія краски, такъ сказать, кричащія цвѣта, хотять *живописать* словами. „Для насъ, говоритъ Теофиль Готье, весь міръ дѣлился на явленія и людей „свѣтозарныхъ“ и „сѣроватыхъ“ (flamboyants et grisâtres); первые были предметомъ нашего поклоненія, вторые—нашей ненависти. Мы хотѣли жизни, свѣта, смѣлыхъ порывовъ замысла и исполненія, возвращенія къ красивой эпохѣ Возрожденія“... Романтики, принадлежавшіе къ „Второй трапезной“ (le second Cénacle), любятъ яркіе цвѣта, яркія краски не только въ картинахъ и стихотвореніяхъ, но и въ костюмахъ: „мы охотно бы разгуливали по Парижу въ платьѣ, шитомъ золотомъ, подобномъ тѣмъ, которыя носили „великолѣпные“, изображенные Тиціаномъ или Бонифаціо“⁵⁾. Jean du Seigneur носитъ куртку изъ чернаго бархата; Эженъ Деверія драпируется въ испанскій плащъ и носитъ фетровую шляпу à la Rubens. Среди членовъ „Трапезной“ фигурировало нѣсколько художниковъ—Делакруа, Буланже, Ахилль и Эженъ Деверія; вліяніе ихъ на поэтовъ „Трапезной“ несомнѣнно. Послѣдніе заимствовали у первыхъ любовь къ пышнымъ декораціямъ. Эта любовь, говоритъ Бертранъ, сильнѣе всего сказывается у Виктора Гюго.

¹⁾ Ibid., p. 255.

²⁾ Ibid., p. 256.

³⁾ Ibid., p. 268.

⁴⁾ Ibid., p. 269.

⁵⁾ „Histoire du romantisme“, p. 93.

Вмѣстѣ съ Вагнеромъ онъ ввелъ въ театрѣ самую ослѣпительную декорацию. Вспомнимъ хотя бы въ послѣдней сценѣ „*Marion Delorme*“ то мѣсто, гдѣ появляются носилки кардинала, свадьбу Эрнани и доньи Соль въ Сарагоссѣ, дворъ Франциска I-го въ „*Le Roi s'amuse*“, описаніе коего является какъ бы перенесеніемъ на сцену приемовъ Рубенса и Павла Веронезе ¹⁾. Свою любовь къ яркимъ краскамъ французскіе романтики вносятъ и въ свои приемы описанія ²⁾: *des grands prés tachés d'éclatantes genisses* (Lamartine, „*Ressouvenirs du Lac Léman*“); *la lune fait ruisseler sur son sentier changeant les mailles de cristal de son filet d'argent* (*ibid.*); *ces soleils scintillants sur le bois des chalets* (*ibid.*); *Livides, l'œil éteint, de noirs cheveux chargées* Ces têtes couronnaient sur les crénaux rangées, Les terrasses de roses et de jasmin en fleur (Hugo, „*Les Têtes du Sérail*“); *l'algue aux verts cheveux* (idem „*Le château fort*“); *des monts à jaune crête* (idem „*Le Feu du ciel*“); *un serpent marbré* (*ibid.*); *la ville aux maisons peintes* (idem, „*Navarin*“); *des habits tout ruisselants de pierrieres* (idem, „*Lazara*“); *l'insecte vert vivante émeraude* (idem „*La Captive*“); *un teint luisant et noir* (Vigny, „*Le bain d'une dame romaine*“); *la flamme azurée du pavillon* (Sainte-Beuve, „*Pour un ami*“); *des éclairs humides qui nagent dans les yeux* (idem „*Le Rendez-vous*“).

Эпитеты „огненный“, „багровый“, „искрящійся“, „красный“, „пунцовый“, „золотой“, встрѣчаются у поэтовъ Реставраціи почти въ каждомъ стихѣ: *Un fleuve de feu* (Hugo, „*Le Feu du ciel*“); *des plis de feu* (*ibid.*); *une aigrette de feu* (idem, „*Navarin*“); *un œil de feu* (idem, „*Les Tronçons du serpent*“); *une flamboyante houle* (idem, „*A. David Statuaire*“); *une poussière d'étincelles* (idem, „*Adieux de l'hotesse arabe*“); *Des yeux de flamme* (Vigny, „*Moïse*“); *le flamboyant empire* (idem „*Eloa*“); *le soleil... comme un vaste incendie* (idem, „*Le Déluge*“); *une paupière en-*

¹⁾ Bertrand. „La Fin du classicisme et le retour à l'antique“, Paris, 1897, pp. 410—411.

²⁾ Въ слѣдующихъ стихахъ Мюссе смѣется надъ крайнимъ увлеченіемъ своихъ собратьевъ колоритомъ:

Si d'un coup de pinceau je vous avais bâti
 Quelque ville aux toits bleus, quelque blanche mosquée,
 Quelque tirade en vers, d'or et d'argent plaquée,
 Avec l'horizon rouge et le ciel assorti,
 M'auriez-vous répondu: „Vous en avez menti!“ „*Namouna*“, XXIV.

flammée (idem, „*La Fille de Jephthé*“); des vapeurs *de flamme* (idem, „*Le Cor*“); *l'étincelante* nuit (idem, „*Le Bal*“); des seins *étincelants* (Musset, „*Don Puez*“); son âme *étincelle* des rayons qui peignent les cieux (Sainte-Beuve, „*Le Songe*“); les soleils *éclatants* (idem „*Le Cénacle*“); des rêves qui sont des éclairs *de feu* (idem „*A. M.*“) etc.

La flamme *écarlate* (Hugo, „*Le Feu du ciel*“); le feu roule ses *rouges éclats* (*ibid.*); le feu *vermeil* et limpide (*ibid.*); un bouclier de cuivre *rouge* comme la lune (idem „*Marche turque*“); le *rouge* Orient (idem, „*Navarin*“); des anneaux *vermeils* (idem „*Les Tronçons du serpent*“); l'horizon *violet* (Lamartine, „*Réverie*“); un char *vermeil* (idem, „*Adieu*“); l'urne *éblouissante* (Vigny, „*Moïse*“); une fenêtre à frange *cramoisie* (Musset, „*Don Puez*“); une joue *empourprée* (*ibid.*); un front *vermeil* (idem, „*Mardoche*“); un baiser *vermeil* (Sainte-Beuve, „*Le dernier vœu*“); la *pourpre* des soirs (idem, „*Retour à la poésie*“); une gloire *éblouissante* (idem, „*Le Cénacle*“); un riche et blanc soleil suit la *vermeille* aurore (idem, „*La Contredanse*“); des désirs *vermeils* (idem, „*Le Rendez-vous*“); l'enfance *vermeille* (idem, „*La Veillée*“); un sein *vermeil* (idem, „*L'Attente*“) etc.

Un globe *d'or* vivant (Hugo, „*Le Feu du ciel*“); la crinière *d'or* de l'Océan (idem, „*Ce qu'on entend sur la montagne*“); un fluide *d'or* (Vigny, „*Eloa*“); le fond *doré* du ruisseau (idem, „*Le Bain*“); des flammes *d'or* (idem, „*Le Lever*“); un flot d'atomes *d'or* (Sainte-Beuve, „*Les Rayons jaunes*“); des sphères *d'or* (idem, „*Le Soir de la jeunesse*“); un long voile *doré* (idem, „*Italie*“).

Представители ранняго французскаго романтизма любятъ пестроту, чередованіе разныхъ цвѣтовъ:

J'aime sur un cou *blanc* la *rouge* cornaline
Des *boutons d'oranger* dans des cheveux *tout noirs*¹⁾.

См. также: Les rideaux *bleus* de l'enfance *vermeille* (Sainte-Beuve, „*La Veillée*“); un beau sein *brillant* dans le *noir* du satin (idem, „*A. A. de Musset*“).

Que j'aime à voir dans les *vespées*
Empourprées

¹⁾ Sainte-Beuve. „*Causerie au bal*“.

Jaillir en veines *diaprées*
Les rosaces *d'or* des couvents ¹⁾

см. также: une chambre *tigrée*, de candélabres *d'or* ardemment éclairée (Musset, „*Don Paez*“); des peuples *lumineux* la patrie *azurée* (Vigny, „*Éloa*“); un lit *d'ivoire* et *d'or* étincelant (idem, „*Le Somnambule*“); les lueurs du feu *rose* et *changeant* (idem „*Dolorida*“); un *noir* palefroi revêtu de housses *violettes* (idem, „*Le Cor*“); un beau tapis de velours *chatoyant* et *changeant* (idem, „*Les Amants de Montmorency*“); des champs *bariolés* comme un riche tapis (Hugo, „*Le Feu du ciel*“); le Nil *jaune tacheté* d'îles (*ibid.*); un serpent *marbré* (*ibid.*); la mer brode d'un flot *d'argent* les *noirs* îlots (idem, „*Clair de lune*“); l'eunuque aux dents *blanches* au front *noir* (idem, „*Sara la baigneuse*“); un serpent *jaune* et *vert jaspé* de taches *noires* (idem, „*Les Tronçons du serpent*“); des ceintures de moire aux *ondoyants* reflets (idem, „*Fantômes*“); le désert avec ses plis de sable comme un manteau *rayé* (idem, „*Mazeppea*“); les taches *étoilées* de la peau du tigre impérial (idem, „*Marche turque*“); roi revêtu *d'azur* et de *nacre* et de *moire* (idem, „*Ballades*“, II); etc.

Исканіе конкретныхъ, колоритныхъ образовъ привело французскихъ романтиковъ къ тому, что они стали употреблять термины, которые классики называли „*фамиллярными*“, „*низкими*“ и считали недостойными „возвышеннаго“, „*благороднаго*“ стиля: Des voiles *carrées* (Hugo, „*Canaris*“); les *robes de cuivre* des vaisseaux (*ibid.*); de longs *pistolets* chargés de *balles* (idem, „*Enthousiasme*“); le *brûlot* frère (idem, „*Navarin*“); de *tranchants étrières* (idem, „*Cri de guerre du Muphti*“); une eau *jaune de sable* (idem, „*Le Château fort*“); des *chevaux* aux *jambes grêles* (idem, „*La Bataille perdue*“); un *fusil* bronzé par la fumée (idem, „*Lazara*“); une voix qui semble un *grelot* (idem, „*Les Djins*“); les bons pèlerins *hâlés* (idem, „*Les Bluets*“); de profonds *escaliers* tournoyant dans les entrailles des murailles (Musset, „*Venise*“); un *maigre suif* allumé dans un coin (idem, „*Don Paez*“); un *lait de poule* (Béranger, „*Le vieux célibataire*“); un *friand minois* (*ibid.*); un *bonnet de nuit* (*ibid.*); d'un *doigt* de vin il était *gris* (idem, „*Le troisième mari*“); de *vieux galons* (idem, „*Vieux habits, vieux galons*“); les loups *gloutons* (idem, „*Mon Curé*“); *des pantins qu'on ballote* (idem, „*Les Marionnettes*“); Margot leste et bien tournée... qui toujours est *chiffonnée* (idem, „*Mar-*

¹⁾ A. de Musset, „*Venise*“.

got“); le paradis devient *gaillard* (idem, „*Les clefs du Paradis*“); un ventre *étouffé* (idem, „*Le Ventru*“).

Мы видимъ, что такое стремленіе къ художественному реализму въ стилѣ было свойственно всѣмъ главнѣйшимъ представителямъ ранняго французскаго романтизма даже тѣмъ, которые, какъ напр., Ламартинъ и Гюго, въ другихъ отношеніяхъ не примкнули къ реалистическому теченію¹⁾. Послѣдніе поборники классицизма болѣе всего ставили въ упрекъ новой школѣ реализмъ ея стиля, считая его несогласнымъ съ требованіями „взыскаго вкуса“ и литературнаго „приличія“.

Стремленіе къ художественному реализму въ стилѣ сказалось и въ манерѣ французскихъ романтиковъ изображать своихъ героевъ и героинь. Между тѣмъ какъ классики и сентименталисты, рисуя намъ тотъ или другой обликъ, употребляли общіе неопредѣленные термины, говорили „о прелестяхъ“, „томномъ, мечтательномъ взорѣ“, „пламени очей“ и т. п., представители ранняго французскаго романтизма выбираютъ образы конкретные, реальные: *Ses grands sourcils noirs* (Sainte-Beuve, „*Premier Amour*“); *ses doigts blancs et longs* (ibid.); *un cou blanc* (idem, „*Le Dernier Vœu*“); *des doigts frais* (idem, „*La Contredance*“); *avec son œil châtin et ses cheveux cendrés* (idem, „*Rose*“); *une épaule nacrée* (ibid.); *une chevelure noire* (Vigny, „*Éloa*“); *de noires tresses* (idem, „*La Dryade*“); *des cheveux longs et gris* (idem, „*La Neige*“); *l'œil de faucon de la jeune maîtresse* (Musset, „*Don Paetz*“); *un œil lutin* (idem, „*Madame la Marquise*“); *des regards longs à s'y noyer* (idem, „*Mardoche*“) etc.

¹⁾ Всѣмъ извѣстно, говоритъ Сурьо, какъ Гюго презиралъ реализмъ: когда художникъ Курбэ сталъ хвастать тѣмъ, что написалъ стѣну болѣе реальную и прекрасную, чѣмъ описаніе ахиллесова щита у Гомера, то Гюго сказалъ ему на это: „Ну, что-же! Я предпочитаю щитъ Ахиллеса, во-первыхъ, потому что онъ прекраснѣе вашей стѣны, а во-вторыхъ, потому что у этой послѣдней недостаетъ одной реальной подробности“. — „Какой именно?“ — „Вы не написали того, что часто находится подъ стѣнами; а вотъ другой художникъ не преминетъ написать именно это, чтобы его картина была реальнѣе вашей“. (Barbou, „*Victor Hugo*“ etc., pp. 282—284). Многие выдающіеся критики, говоритъ Сурьо, причисляютъ Гюго къ идеалистамъ (напр. *Renouvier*, „*V. Hugo, le poète*“, pp. 20—21); однако *Labitte* замѣчаетъ, что Гюго питалъ истинную страсть къ матеріальной реальности („*Etudes littéraires*“, II, p. 321), а не такъ давно пытались связать программу реалистической школы съ тѣмъ „Предисловіемъ“, въ которомъ Гюго требуетъ литературнаго права гражданства для всякой реальности, для прекраснаго и уродливаго (*Stapfer*, „*Racine et V. Hugo*“, p. 314).

„Особенно излюбилн они эпитетъ „*блѣокурый*“: *Ses cheveux... comme des gerbes blondes* (Vigny, „*Éloa*“); *une tête blonde* (idem, „*Le Déluge*“); *une paupière blonde* (idem, „*La Dryade*“); *l'Égypte blonde d'épis* (Hugo, „*Le Feu du ciel*“); *une moustache blonde* (Musset, „*Don Paez*“); *des blés blondissants* (Sainte-Beuve, „*Promenade*“); *des cheveux blonds... baignent ses sourcils* (idem, „*Sonnet*“) etc.

II.

Отмѣченное нами стремленіе французскихъ поэтовъ „живописать словами“ было показателемъ все возрастающей у нихъ склонности къ импрессионизму. Подобно писателямъ второй половины XIX-го столѣтія—Флоберу, Додэ, братьямъ Гонкурамъ, французскіе романтики склонны замѣнять описанія чувствъ описаніемъ ощущеній. Это отмѣтилъ уже Сентъ-Бёвъ; у классиковъ и чувствительниковъ, по его словамъ, преобладали образы, выражавшіе то или другое психологическое („сентиментальное“ какъ выразился Сентъ-Бёвъ состояніе). Представители-же ранняго французскаго романтизма ищутъ такихъ образовъ, которые дѣйствовали-бы на внѣшнія чувства читателя, на его зрѣніе и слухъ; въ исканіи яркихъ красокъ они соперничаютъ съ живописцами: въ стремленіи къ рельефу и пластикѣ—со скульпторами, какъ напр. Гюго въ извѣстномъ стихотвореніи „*Le Pas d'armes du roi Jean*“:

Cette ville
Aux longs cris.
Qui profile
Son front gris
Des toits frêles
Cent tourelles,
Clochers grêles
C'est Paris!

См. также: *Des tours par la lune ébauchées* (Hugo, „*Le Feu du ciel*“); *des yeux de granit* (ibid); *le ciel brillait comme à travers une dentelle noire* (ibid); *des édifices dentelés qui découpent en noir les aiguilles* (idem, „*Les Bluets*“); *le sang empourprait d'un rouge plus ardent sa crête dentelée* (idem, „*Les Tronçons du serpent*“); *une forteresse aux crénaux festonnés et croûlants* (idem, „*Grenade*“); *les vieux saints de pierre athlétiques* (Musset, „*Venise*“); *le lac dentelle les grè-*

ves (Lamartine „*Ressouvenir du lac Léman*“); le pampre *arrondi* sur le seuil domestique *dessine en serpentant le flexible* portique (idem, „*Philosophie*“).

Стремление подыскивать такіе образы, которые передавали-бы ощущенія, находило себѣ поддержку въ сенсуализмѣ французскихъ писателей эпохи Реставраціи. Виньи, Сентъ-Бёвъ, Мюссе и друг. особенно излюбили эпитеты, выражающіе то или другое чувственное воспріятіе, какъ, напр., „*мяккій*“, „*нѣжный*“, „*ласкающій*“, „*бархатистый*“: Une vague *molle* et cadencée (Vigny, „*Le Déluge*“); les *molles* ondes de ses cheveux (idem, „*Éloa*“); des pieds *mollement* entourés d'anneaux (*ibid.*); le lit *moelleux* (*ibid.*); contemple *mollement* son immortel amant (*ibid.*); les rayons *caressants* (*ibid.*); la lumière *molle* et voluptueuse (idem, „*Le Bain d'une dame romaine*“); des pas *moelleux* délices d'un amant (idem, „*Le Bal*“); la voûte des cieux nuancée de *molles* couleurs (Sainte-Beuve, „*Rêverie*“); voir vos yeux indulgents plus *mollement* reluire (idem, *Sonnet à Madame* ***); une *molle* sueur (idem, „*A Alfred de Musset*“); un parfum *suave* (idem, „*La Contredanse*“); un œil *plein de caresse* (Musset, „*Don Paez*“); le lueur *souple* et *molle* de la lune (*ibid.*); un rayon vient *mollement* toucher mes yeux (Lamartine, „*Le Soir*“); ces nuages purs qu'un souffle léger... repliant *mollement* roule en flocons de pourpre (idem, „*La Prière*“); la *molle* sérénade (Hugo, „*Grenade*“); de *suaves* murmures (idem, „*Ce qu'on entend sur la montagne*“); le *parfum* de la *douce* haleine (idem, „*Odes*“, V, XX); le damas *soyeux* (*ibid.*); les écharpes *soyeuses* (idem, „*Fantômes*“); le *velours* de sa joue (Sainte-Beuve, „*Premier amour*“); la pêche *veloutée* (idem, „*L'Attente*“); un cou *de satin* (idem, „*Rose*“); les feuilles *veloutées* (Vigny, „*Les Amants de Montmorency*“) etc.

Приведенные эпитеты чередуются у французскихъ писателей эпохи Реставраціи съ эпитетами „*напалющій*“, „*жгучій*“: Une lune *ardente* et *rouge* comme l'or (Hugo, „*Enthousiasme*“); l'*ardente* houle (idem, „*Le Feu du ciel*“); une *ardente* nuée (*ibid.*); l'*ardente* rive (*ibid.*); des murs *brûlants* et calcinés (*ibid.*), un air *qui brûle* et *qui pèse* (*ibid.*); un *ardent* sillon (idem, „*Canaris*“); l'ongle *ardent* du brûlot (idem, „*Les Têtes du Sérail*“); l'*ardente* spirale de l'incendie (idem, „*Navarin*“); la *brûlante* demeure (idem, „*Odes*“ I. V); les *brûlantes* haleines (Lamartine, „*La Foi*“); les cherubains *brûlants* (Vigny, „*Éloa*“); une langue *ardente* (idem, „*La Dryade*“); un front *brûlant* („Sainte-Beuve, „*Le Soir de la jeunesse*“).

Эти эпитеты „знойный“, „жгучій“ особенно часто примѣняются французскими писателями эпохи Реставраціи при описаніяхъ любовныхъ сценъ. Въ ихъ сенсуализмѣ есть что-то демоническое, чего нѣтъ въ сенсуализмѣ ихъ предшественниковъ, поэтовъ конца XVIII-го столѣтія: *Le feu du baiser* (Vigny, „*La Femme adultère*“); *des frissons brûlants* (idem, „*Dolorida*“); *l'amour enflammé* (idem, „*Les Amants de Montmorency*“); *des propos ardents comme la flamme* (Sainte-Beuve, „*Le Dernier Vœu*“); *des bras ardents* (idem, „*Le Rendez-vous*“); *une pudeur enflammée* (idem, „*L'Attente*“); *une gorge ardente* (idem, „*Rose*“); *des baisers enflammés* (Musset, „*Portia*“) etc.

Французскіе писатели эпохи Реставраціи вѣрятъ въ мистическое значеніе словъ и сочетаній звуковъ; они хотятъ самой музыкой стиха, чередованіемъ размѣровъ навѣять на читателя извѣстное настроеніе. Такое стремленіе въ сущности не было новшествомъ во французской литературѣ. Классики нашли образцы такъ наз. *harmonie imitative* у древнихъ. Ей придаетъ очень большое значеніе и Шатобрианъ¹⁾. Его примѣру слѣдуютъ Сентъ-Бѣвъ, Ламартинъ и Гюго. „Я прошу тѣхъ лицъ, которыя серьезно отнесутся къ этимъ этюдамъ и которыя еще интересуются вопросами формы, говоритъ Сентъ-Бѣвъ въ примѣчаніи къ „*Monsieur Jean*“, обратить вниманіе на то, что если нѣкоторые стихи могутъ сперва показаться неблагозвучными или небрежно написанными, то на самомъ дѣлѣ въ нихъ сказывается исканіе своеобразныхъ звуковыхъ эффектовъ посредствомъ аллитераціи, ассонансовъ и т. п. Наша классическая поэзія слишкомъ игнорировала эти приемы. А между тѣмъ они могутъ придать своеобразный тонъ нашей просодіи. Такъ у Овидія:

Vince cupidineas *pariter*, *Parthasque sagittas*

Такъ и у меня въ одномъ изъ сонетовъ:

J'ai rasé ces *rochers* que la *grâce* domine...

или

Sorrente m'a rendu mon doux *rêve* infini“...

Ламартинъ въ слѣдующихъ стихахъ мастерски передаетъ легкіи шелестъ вѣтра, скользящаго по колосьямъ:

Ils entendaient le bruit de la brise inégale

Glisser en bruissant en l'or des épis²⁾...

¹⁾ См. мою статью „О стилѣ Шатобриана“ и проч., стр. 331.

²⁾ „Méditations“: „Le Pasteur et le Pêcheur“.

Но наибольшей виртуозности достигъ въ звукоподражаніи Гюго. Въ стихотвореніи „*Les Djins*“ чередованіе не только размѣровъ, но и глухихъ и звонкихъ гласныхъ передаютъ постепенное нарастаніе тревоги.

У друга и послѣдователя Гюго, Гранье де Кассаньяка, такое исканіе звукоподражанія превратится въ манію. Пропорція разныхъ частей предложенія и создаетъ, по мнѣнію Гранье де Кассаньяка, законы стилия. У стилия онъ отличаетъ три основныхъ формы: 1) фразу въ видѣ пирамиды; она начинается съ предложенія краткаго, сжатаго, т. е. обрывающагося; за нимъ слѣдуютъ предложенія все болѣе и болѣе распространенныя; 2) фраза въ видѣ опрокинутой пирамиды; она начинается со множества расплывчатыхъ предложеній; слѣдующія предложенія становятся все болѣе и болѣе сжатыми и сконцентрированными; наконецъ, 3) фраза въ видѣ двойной пирамиды, представляющая собой соединеніе двухъ предыдущихъ. Каждая изъ этихъ фразъ имѣетъ свое специальное предназначеніе въ стилѣ¹⁾.

III.

Могучій подъемъ индивидуализма въ пору Реставраціи, взглядъ на человѣческое „я“, какъ на микрокосмъ, отражающій міровые процессы, наконецъ, представленіе о поэтѣ, какъ жрецѣ, облеченномъ миссіей, способствовали тому, что французскіе писатели этой эпохи придаютъ абсолютную цѣнность каждому своему чувству и

¹⁾ Dans ces deux phrases, le gros bout de l'idée correspond au petit bout de la phrase, et réciproquement. Dans la première, l'idée commence par se donner dans une généralité, c'est-à-dire en masse, et finit par se donner en plusieurs spécialités, c'est-à-dire en détail. La phrase débute par des membres courts, continue par des membres successivement plus longs et finit par un épanouissement de draperies et de couleurs, qui la font ressembler à un bouquet dont la queue serait en haut et les fleurs en bas, de telle sorte qu'on pourrait également lui donner le nom de *phrase à queue en l'air*. La seconde phrase procède d'une façon diamétralement opposée: elle s'annonce par du nombre, par de l'ampleur, par une grande prodigalité dans le son et dans le terme, et continue en se dégradant, en s'affaiblissant, en s'éteignant, tandis que l'idée, au contraire, commence par montrer timidement une de ses faces, puis l'autre, puis toutes; c'est-à-dire qu'elle est timide et toute honteuse lorsque la phrase prend des airs et se pavane; qu'elle éclate et qu'elle rayonne, lorsque la phrase s'alanguit et se meurt. „*Euvres littéraires*“: „De la nature et des lois du style“. Цитир. *Michiels*, op. cit. II, pp. 337 sq.

ощущенію, считаютъ его достойнымъ художественнаго изображенія. „Авторъ настоящаго сборника, пишетъ Гюго въ январѣ 1829 года, не изъ числа тѣхъ, кто признаетъ за критиками право ставить вопросы автору относительно того, что внушила ему фантазія, спрашивать его, почему онъ избралъ тотъ или другой сюжетъ, тѣ или другія краски, сорвалъ тотъ или другой плодъ, черпалъ изъ того или другого источника. Хороша книга или нѣтъ—только этотъ вопросъ подвѣдомственъ критикѣ. Поэту не должны дѣлать упрековъ, не должны расточать похвалъ по поводу тѣхъ красокъ, которыми онъ воспользовался. Если смотрѣть на поэзію съ высоты, то въ ней нѣтъ ни хорошихъ, ни дурныхъ сюжетовъ; есть только хорошіе и дурные поэты... Искусство не нуждается ни въ границахъ, ни въ кандалахъ, ни въ намордникахъ. Оно говоритъ вамъ: „Иди“! и пускаетъ васъ въ великій садъ поэзіи, гдѣ нѣтъ запретнаго плода... Востокъ и тѣмн образамн, которые онъ намъ даетъ, и тѣмн идеями, которыя онъ намъ внушаетъ, занимаетъ умъ и воображеніе людей нашего времени; авторъ настоящей книги отдался этому влеченію, быть можетъ, безсознательно. Восточный колоритъ какъ-бы самъ собою *окрасилъ* всѣ его мысли, всѣ его мечты; и его мысли и его мечты стали поочередно, и почти помимо его вѣдѣнія, то іудейскими, то турецкими, то греческими, то персидскими, то арабскими, то даже испанскими, ибо Испанія это все еще Востокъ“¹⁾.

Между тѣмъ какъ у классиковъ стиль былъ главнымъ образомъ орудіемъ для выраженія мысли, французскіе писатели эпохи Реставраціи значительно расширяютъ его задачи; онъ долженъ стать средствомъ для передачи *настроенія*.

Онъ долженъ передать тѣ цвѣта, въ которые настроеніе окрашиваетъ явленія окружающей дѣйствительности. Этотъ взглядъ французскихъ романтиковъ сближаетъ ихъ съ модернистами и декадентами нашего времени.

„Это стихотвореніе, говоритъ Сентъ-Бёвъ въ примѣчаніи къ „*Les Rayons jaunes*“, изъ всѣхъ произведеній Жозефа Делорма, кажется, болѣе всѣхъ прочихъ подверглось нападкамъ со стороны критиковъ и вызвало больше всего эпиграммъ. Между тѣмъ Дидро въ письмахъ къ г-жѣ Волянъ говоритъ: „одно физическое качество можетъ привести разумъ, интересующійся имъ, къ самымъ разнооб-

¹⁾ „Les Orientales“, Préface.

разнымъ результатамъ. Возьмемъ, напр., желтый цвѣтъ: золото—желто, шелкъ—желтъ, забота—желга, желчь—желта, свѣтъ—желтъ. солома—желта; а со сколькими другими нитями связана эта нить!... Безумецъ не замѣчаетъ, что онъ вмѣсто одной беретъ другую; онъ держитъ въ рукахъ желтую блестящую соломинку и кричитъ, что онъ схватилъ солнечный лучъ“. Мечтатель, который предоставляет свободу своей мысли, часто поступаетъ такъ же, какъ тотъ безумецъ, о которомъ говоритъ Дидро. Такъ было въ данный день съ Жозефомъ Делормомъ“. Сеать-Бѣвъ и пытается передать это „желтое“ настроеніе: поэтъ часто въ лѣтніе вечера сидитъ у окна; на бѣлыя занавѣски падаютъ желтые лучи заката:

...Je regarde d'en haut passer et disparaître
 Joyeux bourgeois, marchands,
 Ouvriers en habits de fête, au cœur plein d'aise;
 Un livre est entr'ouvert, près de moi, sur ma chaise;
 Je lis ou fait semblant
 Et les *jaunes* rayons que le couchant ramène
 Plus *jaunes* ce soir là que pendant la semaine,
 Teignent mon rideau blanc

Желтые лучи вызываютъ въ немъ воспоминаніе о прежнихъ дняхъ, когда ребенкомъ онъ въ тѣ-же часы отпраплялся въ церковь. Лампа горѣла желтымъ свѣтомъ и желтое пламя свѣчей скользило по окутанному покровомъ челу дѣвицъ, желтѣла ихъ бѣлизна, а священникъ, одѣтый въ бѣлую рясу, наклонялъ свое пожелтѣвшее чело, похожее на склоненный колось:

La lampe brûlait *jaune* et *jaune* aussi les cierges
 Et la lueur glissant aux fronts voilés des vierges
Jaunissait leur blancheur;
 Et le prêtre vêtu de son étole blanche
 Courbait un front *jauni* comme un épi qui penche
 Sous la faux du faucheur.

Воспоминаніе о церкви вызываетъ у поэта цѣлый рядъ представлений о желтыхъ предметахъ, желтой слоновой кости распятія, желтомъ молитвенникѣ и т. п.:

Qui n'a du crucifix baisé le *jaune* ivoire?
 Qui n'a de l'Homme-Dieu lu la sublime histoire
 Dans un *jaune* missel.

Желтые предметы постепенно вызываютъ въ поэтѣ рядъ скорбныхъ думъ. Онъ вспоминаетъ о желтомъ пламени папикадиль, стоявшихъ близъ гроба его покойной тетки. Скоро умереть и его мать; ее заключать въ желтый саванъ. А когда и онъ самъ сойдетъ въ могилу, то надъ нимъ не будетъ желтѣть ни роза, ни *желтая забота*:

Non jamais, quand la mort m'étendra sur ma couche,
 Mon front ne sentira le baiser d'une bouche
 Ni mon œil obscurci
 N'entreverra l'adieu d'une lèvre mi-close!
 Jamais sur mon tombeau ne *jaunira* la rose,
 Ni le *jaune* souci.

Весьма любопытно въ стилистическомъ отношеніи высокопоэтическое стихотвореніе Альфреда де Виньи „*La Neige*“. Въ зимній день, когда густой слой снѣга покрываетъ мерзлую землю, онъ слышитъ рассказы о прошломъ. Его воображенію рисуется исполнскій образъ Карла Великаго и его могучихъ паладиновъ. Самнымъ подборомъ эпитетовъ и образовъ Виньи навѣваетъ особенное настроеніе; у читателя возникаетъ представленіе о чемъ то громадномъ, массивномъ, могучемъ, сверхъ-человѣческомъ:

De cheveux longs et gris son front brun s'environne,
 Et porte en se ridant *le fer* de la couronne;
 Sur l'habit dont la pourpre a peint *l'ample velours*,
 L'empereur a jeté *la lourde* peau d'un ours....
 Contre un marbre frappé d'un pied *appesanti*,
 La sandale romaine a vingt fois retenti....
 Un *grand* trône ombragé des drapeaux d'Allemagne
 De son dossier de pourpre entoure Charlemagne
 Les douze pairs, debout sur les *larges* degrés,
 Y font luire *l'orgueil* des *lourds* manteaux dorés.
 Tous posent un bras *fort* sur une longue épée,
 Dans le sang des Saxons neuf fois par eux trempée...
 Sous les *triples* piliers des colonnes moresques,

En cercle sont placés des soldats *gigantesques*,
 Dont le casque fermé, chargé de cimiers blancs
 Laisse à peine entrevoir les yeux étincelants...
 D'un silence glacé régnait la paix profonde...

Такия выраженія какъ „*жемъзо* короны“ (вмѣсто *жемъзная* корона); „*просторный бархатъ*“ платья (вм. просторное *бархатное* платье); *гордость* тяжелыхъ раззолоченныхъ плащей (вм. *гордые* плащи) и т. п. значительно расширяютъ представленіе объ изображаемомъ предметѣ, вносятъ въ стиль образность. Они встрѣчаются чаще всего у Виньи: *La pourpre* du réseau dont leur front s'environne (Vigny, „*Le Trappiste*“); *l'or* des sables (idem, „*Moïse*“); *le feu* des éclairs (ibid.); des yeux dont la *rougeur* montre qu'ils ont pleuré (idem, „*Éloa*“); *le velours* bleu des sièges (idem, „*Dolorida*“); un palais englouti montrait *l'or* de son front (idem, „*Le Déluge*“) etc.

Стремленіе, часто безсознательное, передавать свое настроеніе подборомъ эпитетовъ сильнѣе всего сказывается у Ламартина.

Въ этомъ отношеніи интересно начало стихотворенія „*L'Immortalité*“; поэтъ охваченъ скорбнымъ чувствомъ скоротечности жизни и самое чередованіе образовъ навѣваетъ на читателя впечатлѣніе чего-то туманнаго, трепещущаго, дрожащаго:

Le soleil de nos jours pâlit dès son aurore;
 Sur nos fronts languissants à peine il jette encore
 Quelques rayons *tremblants* qui combattent la nuit:
 L'ombre croît, le jour *meurt*, tout *s'efface* et tout *fuit*.
 Qu'un autre à cet aspect *frissonne* et *s'attendrissent*;
 Qu'il recule en *tremblant* des bords du précipice,
 Qu'il ne puisse de loin entendre sans *frémir*
Le triste chant des morts tout prêt à retentir.
 Les soupirs *étouffés* d'une amante ou d'un frère
 Suspendus sur les bords de son lit *funéraire*
 Ou l'airain gémissant, dont les sons *eperdus*
 Annoncent aux mortels qu'un malheureux n'est plus.

Сравненія Ламартина, говоритъ Померольсъ, не назойливыя, рабскія подражанія явленіямъ окружающей дѣйствительности, а какъ бы легкіе намеки духа, парящаго надъ природою. Онъ выбираетъ среди образовъ все, что „стремится къ свѣту, носится въ

воздухъ, парить; онъ охотно выскиваетъ атрибуты легкости, гибкости, прозрачности... Жидкій элементъ даетъ ему чаще всего матеріалъ для сравненій... всѣ явленія этой категоріи: бѣгучесть, прозрачность, гармоничный шепоть... отсутствіе опредѣленности и строго обрисованныхъ формъ болѣе всего соотвѣтствуютъ воображенію Ламартина:

Son pas insouciant, indécis, balancé
Flottait comme un flot libre où le jour est bercé.

Тайная цѣль всѣхъ этихъ образовъ, по мнѣнію Помейрольса, дать ощущеніе легкости, ээирности (l'allégement de la sensation).

Наоборотъ, Гюго лучше всего дается изображеніе рѣзкихъ контуровъ исполинскихъ сооружений, столкновеній тяжелыхъ массъ.

Въ слѣдующихъ стихахъ баллады „*La Mêlée*“ образы, эпитеты, рѣмы чередуются, сталкиваются, сплетаются, подобно воинамъ двухъ враждебныхъ ратей, съ глухимъ грохотомъ столкнувшимся среди облака пыли:

Le signal est donné.—Parmi des flots de poudre
Leurs pas *courts* et *pressés* roulent comme la foudre...
Comme deux chevaux noirs qui dévorent le frein,
Comme deux grands *taureaux* luttant dans les vallées
Les deux *masses de fer*, à grand bruit ébranlées,
Brisent d'un même choc leur double *front d'airain*.

Нагроможденіе воинскихъ орудій внушаетъ читателю представленіе схватки, въ которой все перемѣшалось, и гдѣ можно различить лишь лѣсъ копій, аллебардъ и мечей:

Allons guerriers! la charge sonne!
Courez, frappez, c'est le moment!
Aux sons de la trompe saxonne,
Aux accords du clairon normand,
Dagues, hallebardes, épées,
Pertuisannes de sang trempées
Haches, poignards à deux tranchants
Parmi les cuirasses froissées,
Mêlez vos pointes hérissées,
Comme la ronce dans les champs!

Въ стихотвореніи „*Navarin*“ нагроможденіе конкретныхъ, образныхъ терминовъ порождаетъ въ читателѣ представленіе о гигантской „битвѣ народовъ“, гдѣ сталкиваются въ хаотическомъ безпорядкѣ корабли разныхъ національностей, различныхъ видовъ и формъ:

Adieu, *lougres difformes*
Galéasses énormes
 Vaisseaux de toutes formes
 Vaisseaux de tous climats
L'yole aux triples flammes
 Les *mahonnes*, les *prames*
 La *felouque à six rames*,
 La *polacre à deux mâts!*
Chaloupes canonnières!
 Et *lanches* marinières
 Où flottaient les bannières
 Du pacha souverain!
Bombardes que la houle
 Sur son front qui s'écroûle
 Soulève, emporte et roule
 Avec un bruit *d'airain*.
 etc.

Образы, отражающіе то или другое настроеніе, у французскихъ писателей эпохи Реставраціи распадаются на нѣсколько категорій. Къ простѣйшему виду такого образа относятся тѣ, въ которыхъ на неодушевленный предметъ или отвлеченное понятіе переносятся человѣческія отношенія. Это своего рода сокращенный параллелизмъ. „Параллелизмъ, говоритъ акад. Веселовскій, покоится на сопоставленіи субъекта и объекта по категоріи движенія, дѣйствія, какъ признака волевой жизнедѣятельности. Дальнѣйшій шагъ въ развитіи состоялъ изъ ряда перенесеній, пристроившихся къ основному признаку движенія. Солнце движется и глядитъ на землю; у индусовъ солнце, луна —глазъ; земля порастаетъ травою—лѣсомъ. У дерева кожа—кора и т. п. Въ основѣ такихъ опредѣленій, отразившихъ панвное, синкретическое представленіе природы, закрѣпощенныхъ языкомъ и вѣрованьемъ, лежитъ перенесеніе признака, свойственнаго одному члену параллели, на другой.

Это метафора языка: un parc immense *grimait* la côte. Равнина разостлалась уютно; молодая радуга перескочила через поляну; тощій хребетъ крадется, словно ходячій скелетъ и т. п.¹⁾

Вмѣсто того, чтобы сказать „флотъ, неподвижный, какъ человекъ, впавшій въ оцѣпенѣнiе“, Гюго говоритъ „оцѣпенѣвшiй“ флотъ (une flotte *engourdie*, „*Canaris*“); см. также un *riant* groupe de fleurs (idem, „*La Captive*“); la barcarolle *peureuse* (idem, „*Navarin*“); un vol *joyeux* (idem, „*La Ville prise*“); deux rames *vagabondes* (idem, „*Odes*“, V, XI); les bannières *honteuses* (idem, „*Ballades*“, VI); les *riantes* conquêtes (Vigny, „*Le Bal*“); un bois *riant* (idem, „*Le Trappiste*“); l'étoile matinale, diamant *radieux* (idem, „*Éloa*“); on dirait que par l'âge *lassée* cette pauvre maison *honteuse* et fracassée s'est *accroupi* un soir au bord de ce chemin (Musset, „*Don Paez*“); un *joyeux* parasol (idem, „*Le Lever*“); un vent *usurier* (idem, „*Mardoche*“); la *douillette* écarlate (*ibid.*); l'œil du ciel *borgne* (idem, „*Ballade à la lune*“); l'ouragan qui prend par les cheveux la montagne (idem, „*Venise*“; un sentier poudreux qui *rempe* et qui *s'enfuit* (Sainte-Beuve, „*Promenade*“).

Къ другой категорiи относятся тѣ образы, въ которыхъ отвлеченному понятiю или неодушевленному предмету придается такое опредѣленiе, которое при данныхъ условiяхъ связывается съ нимъ въ нашемъ представленiи. Напр., съ представленiемъ о мрачномъ, опасномъ ущельи у насъ связано представленiе объ осторожности, отсюда такой образъ какъ:

Надъ ущельемъ осторожнымъ у г. Бальмонта.

Съ представленiемъ о ревности у насъ можетъ быть связано представленiе о князлѣ: la pointe *jalouse* de la dague (Vigny, „*Dolorida*“) и т. п. См. также: une dent *jalouse* (*ibid.*); les veilles *inquiètes* (idem, „*Le Bal*“); l'*inquiète* insomnie (idem, „*Éloa*“); un soupir *ami* (*ibid.*); L'Infanterie *inquiète* (Hugo „*Enthousiasme*“) etc.

Къ третьей категорiи относятся такіе образы, въ которыхъ съ неодушевленнымъ предметомъ связывается то впечатлѣнiе или чувствованье, которое онъ въ насъ вызываетъ; при видѣ безбрежной свѣжной пустыни мы не только сами ощущаемъ холодъ, но намъ кажется, что и долина и холмы зябнуть, дрожать отъ холода; отсюда такія выраженiя, какъ: „les blancs *frissons* des neiges (Lamar-

¹⁾ „Психологическiй параллелизмъ и его формы въ отраженiяхъ поэтическаго стиля.“ Журналъ Министерства Нар. Просв., Мартъ. 1898 г., стр. 2.

tine, „*Ressouvenir du lac Léman*“); ср. *les chaudes auréoles* (*ibid.*); бѣлые цвѣты, падающіе съ цвѣтущаго апельсиннаго дерева, вызываютъ у насъ представленіе о снѣгѣ, отсюда: *l'oranger neigeait sur nos têtes* (*idem.*, „*A une fleur*“); см. также: *Le premier frisson d'hiver* (Musset, „*Sonnet*“).

Наконецъ, къ образамъ четвертой категоріи относятся такіе, которые подсказаны сразу двумя—тремя чувствованіями; таковъ напр. образъ „красный смѣхъ“ у Леонида Андреева. Аналогическій образъ мы видимъ у Гюго: *son rire éclate en rouges étincelles* („*Odes*“, V, VI); см. также: *une harmonie sortait de chaque flamme* (Vigny, „*Éloa*“); *des parfums confondus en nuage avec des bruits charmants* (Sainte-Beuve, „*Rêverie*“); *le soupir ondoyant* (*idem.*, „*Dernier Voeu*“); *des parfums brûlants* (Hugo, „*La Captive*“); *l'or savoureux des gerbes* (Lamartine, „*Le Pasteur et le Pêcheur*“); *une blanche pensée* (Musset, „*Madame la Marquise*“) etc.

Г Л А В А IX.

Импрессионизмъ у французскихъ романтиковъ послѣ 1830 года.

Поэтический стиль въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX-го столѣтія во Франціи.—Связь романтиковъ съ импрессионистами.—I. Брюнетьеръ и его опредѣленіе импрессионизма.—Односторонность взгляда Брюнетьера на это явленіе.—Четыре вида импрессионизма.—II. Простѣйшій видъ: нагроможденіе ужасовъ, стремленіе дѣйствовать на нервы читателя.—Ламартинъ и Гюго.—„*La Chute d'un ange*“.—„*Eviradnus*“.—*Idées fixes* Гюго.—Смерть.—„*Les Pleurs dans la nuit*“.—Вредоносныя силы природы.—III. Стремленіе „живописать“ словами.—Теофиль Готье и Гюго.—Описаніе бури въ „*Les Travailleurs de la mer*“.—Материализація отвлеченныхъ понятій.—Метафоры Гюго.—Значеніе эпитета.—Колоритныя „пятна“.—IV.—Замѣна чувствъ ощущеніями въ описаніяхъ Гюго и Мюссе.—Гюго и Додэ, Мюссе и Флорберъ.—„*Stances à la Malibran*“.—Четвертый видъ импрессионизма.—Стремленіе Гюго описывать „неощутимое“ и неизрѣченное.

Всѣ тѣ особенности стиля, о которыхъ мы говорили въ предыдущей главѣ, послѣ 1830 года не только сохраняются у большинства французскихъ романтиковъ, но даже выступаютъ въ ихъ произведеніяхъ все болѣе и болѣе рельефно. И стремленіе къ реализму, и исканіе импрессионизма, не ослабѣваютъ, а напротивъ, усиливаются, становясь вполне сознательными. Это сближаетъ поэтику романтиковъ съ поэтикой французскихъ писателей второй половины XIX-го столѣтія. Что французскіе романтики и даже нѣкоторые изъ чувствительниковъ, по своимъ приемамъ творчества—предшественники современныхъ импрессионистовъ, признаютъ и Брюнетьеръ¹⁾, и

¹⁾ En tant que procédé pur et simple, le procédé vient en droite ligne de Chateaubriand. Il y en a de nombreux exemples dans „*Atala*“, dans „*René*“, dans „*Les Martyrs*“ et la formule générale en est bien connue de la rhétorique

Жюль Леметръ¹⁾. Но самое названіе „импрессионизмъ“ — терминъ крайне неопредѣленный, на счетъ котораго такъ же мало условились, какъ на счетъ реализма, романтизма и т. п. Поэтому мы хотимъ теперь выяснитъ, что мы подъ этимъ терминомъ разумѣемъ.

I.

Большинство изслѣдователей новѣйшей французской литературы считаютъ импрессионизмъ явленіемъ, присущимъ преимущественно тѣмъ писателямъ, которыхъ причисляютъ къ такъ называемой „натуралистической школѣ“. Къ нимъ относятся Флоберъ, Додэ, братья Гонкуры. Густавъ Лансонъ считаетъ братьевъ Гонкуровъ творцами импрессионистскаго стиля²⁾, который нѣкоторыми другими критиками именуется также „артистическимъ письмомъ“ („l'écriture artiste“). По словамъ Лансона, это есть стремленіе вводить въ поэтическій словарь лишь такіе термины, которые должны вызвать въ читателѣ то или другое ощущеніе (sensation).

romantique. Cela consiste à insérer dans le tissu du récit un élément descriptif et pittoresque,—tantôt un fragment de costume, tantôt un lambeau de paysage et c'est même ce qu'aux environs de 1830 on appelait „de la couleur locale“ „Le Roman naturaliste“. Paris, 1896, p. 157.

¹⁾ „Les classiques quand ils veulent peindre, emploient des mots abstraits qui évoquent d'abord un sentiment, puis une image, mais indéterminée... A mesure que s'éveillent chez les écrivains certaines curiosités et que leur sensibilité se raffine, avec J.J. Rousseau, avec Chateaubriand, on voit les images devenir plus nombreuses, plus nuancées et plus poussées dans le détail. Le goût de la nature a fait faire à la description un premier progrès et très considérable. L'entrée dans la littérature d'écrivains initiés aux arts plastiques, qui en ont la science et la passion, marque un nouveau progrès déjà inquiétant. Ils vont poursuivant le détail de plus en plus, et tourmentés du désir de donner avec des mots la sensation même des choses, il leur arrive, comme à l'auteur de la „Momie“, de mêler à la langue littéraire des réminiscences et quelque chose du vocabulaire de l'atelier. Gautier porte l'abondance et la minutie, Flaubert la précision aussi loin qu'il se peut. Par de là nous rencontrons MM. de Goncourt“. („Les Contemporains“, III, pp. 76—77).

²⁾ Ils (Les Goncourt) ont créé vraiment le style impressionniste, un style très artistique, qui sacrifie la grammaire à l'impression, qui par la suppression de tous les mots incolores, inexpressifs, que réclamait l'ancienne régularité de la construction grammaticale, par l'élimination de tout ce qui n'est qu'articulation de la phrase et signe de rapport, ne laisse subsister juxtaposés dans une sorte de *pointillé*, que des termes producteurs de sensations. (Lanson, op. cit., p. 1064)

Въ своей книгѣ о „*Натуралистическомъ романѣ*“ Брюнетьеръ посвящаетъ цѣлую главу импрессионизму¹⁾.

Разобравъ главнѣйшія особенности писателей-импрессионистовъ, онъ опредѣляетъ это явленіе, какъ „*систематическое перенесеніе изобразительныхъ средствъ, присущихъ одному виду искусства—живописи, въ другой видъ искусства—литературу*“²⁾. Другими словами, это — вполне систематическое стремленіе „живописать“ словами. Такимъ образомъ, говоритъ Брюнетьеръ, каждая сцена превращается въ картину, которая сама по себѣ представляетъ нѣчто законченное, отдѣленное отъ другихъ картинъ, какъ въ галлерей, своимъ кадромъ и широкимъ пустымъ пространствомъ на стѣнѣ³⁾.

Прямымъ послѣдствіемъ такого стремленія „живописать“ словами является необходимость говорить лишь тѣмъ языкомъ, который дѣйствуетъ на внѣшнія чувства (*la nécessité d'y parler le langage de la sensation*). Иначе и быть не можетъ; вѣдь слова, которыя живописуютъ, (если таковыя на самомъ дѣлѣ существуютъ) отнюдь не относятся къ числу тѣхъ, которыя выражаютъ интимную эмоцію чувства или внутреннюю работу мысли. Вотъ почему, если придерживаться такой системы, эффектъ достигается только постольку, поскольку писателю удастся подыскать такое ощущеніе, которое соответствуетъ тому или другому чувству, той или другой мысли, которыя онъ хочетъ выразить⁴⁾.

Брюнетьеръ и Лансонъ въ своемъ опредѣленіи импрессионизма грѣшатъ, мнѣ кажется, во-первыхъ, тѣмъ, что считаютъ его явленіемъ чисто стилистическимъ, формальнымъ; а во вторыхъ, они грѣшатъ тѣмъ, что отождествляютъ импрессионизмъ вообще съ однимъ изъ его видовъ.

Импрессионизмъ, по нашему мнѣнію,—не только искусственный стилистическій приѣмъ или рядъ приѣмовъ; онъ—душевное качество, свойственное писателямъ опредѣленнаго психическаго склада.

Въ эпохи переходныя, либо предшествующія великимъ моральнымъ и общественнымъ кризисамъ, либо непосредственно слѣдующія за ними, и среди общества и среди писателей, преобладающимъ ти-

¹⁾ „L'Impressionisme dans le roman“ op. cit., p. 75 sq.

²⁾ Ibid., p. 67.

³⁾ Ibid. p. 88.

⁴⁾ Ibid., p. 99.

помъ является человѣкъ крайне нервный, колеблющійся и страстно-рѣшительный, часто отдающійся минутному настроенію. Въ такія эпохи, замѣчаетъ Тэнъ, люди выходятъ изъ сферы нормальныхъ, среднихъ чувствъ, они крайне раздражительны, подобно больнымъ или заключеннымъ; ихъ чувствительность непомерно развивается и достигаетъ чисто женской утонченности. У нихъ такіе капризы, такіе порывы, которыхъ нѣтъ у здоровыхъ людей, они мечтаютъ, плачутъ, измышляютъ безмерныя наслажденія и восторги, предаются безграничной любви, ищутъ такихъ утонченностей и восторговъ, которые создаетъ ихъ возбужденное и необузданное воображеніе¹⁾.

Не только всякое чувство, но и всякое внѣшнее воспріятіе получаетъ въ глазахъ такихъ людей огромное значеніе. Мнѣ уже случалось указывать въ моей книгѣ о „Шатобрианъ“, что самаго незначительнаго событія достаточно, чтобы такихъ *déséquilibrés* разстроить или, вѣрнѣе, ихъ „настроить“²⁾. Ихъ внѣшнія ощущенія зрительныя, слуховыя необыкновенно, порой даже болѣзненно, утонченны. Если такой человѣкъ — артистъ, писатель, то онъ невольно переноситъ все эти свойства въ свое искусство. Привыкнувъ въ обыденной жизни постоянно носиться со своими чувствами и ощущеніями, придавать имъ огромное значеніе, онъ считаетъ ихъ достойными художественнаго воспроизведенія. Вотъ это свойство *придавать абсолютную ильнность своимъ ощущеніямъ и настроеніямъ мы и считаемъ импрессионизмомъ*.

У представителей его вырабатывается особый стиль, особые приемы художественнаго творчества; объектомъ искусства является для нихъ не нашъ разумъ, а наше воображеніе, наши чувства, даже наши нервы.

Импрессионизмъ въ поэтическомъ стилѣ, конечно, не представляетъ собой исключительной особенности однихъ лишь писателей XIX-го вѣка. Въ западно-европейской литературѣ импрессионизмъ явленіе очень древнее. Не говоря ужъ о Данте и средневѣковыхъ мистикахъ, многія черты импрессионизма можно найти у Петрарки, у Агриппы д'Обинья, у Ронсара, у Іоахима дю-Беллэ и въ особенности у Шекспира. Въ XVIII-мъ столѣтіи у нѣкоторыхъ французскихъ писателей импрессионизмъ сказался въ своей простѣйшей

¹⁾ *H. Taine*. „Philosophie de l'art“, t. I, p. 90.

²⁾ *Op. cit.*, p. 29.

формѣ. Аббатъ Прево, Дидро, Вольтеръ (въ своихъ трагедіяхъ), авторы „слезливыхъ“ драмъ, стремясь дѣйствовать на нервы читателей или зрителей, нагромождаютъ ужасы, кровавыя сцены. Чувствительники конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтія ударяются въ некроманію, въ искавіе грустныхъ эмоцій. Мы видѣли, что въ пору Реставраціи во Франціи эта некроманія переходитъ въ сатанизмъ и байронизмъ.

Другой видъ импрессионизма, сказавшійся у Руссо, у Бернардена де-Сенъ-Пьеръ и Шатобриана и присущій многимъ изъ современныхъ писателей,—стремленіе вызвать въ читателѣ рядъ представленій посредствомъ конкретныхъ, колоритныхъ, образныхъ выраженій и эпитетовъ, яркихъ „сочныхъ“ красокъ и т. п. Это и есть то, что Брюнетьеръ называетъ стремленіемъ „живописать“ словами. Третій видъ импрессионизма тотъ, о которомъ мы говорили выше, а именно стремленіе передавать чувства и настроенія посредствомъ образовъ и сравненій, подсказанныхъ тѣмъ или другимъ ощущеніемъ. Наконецъ, четвертый видъ импрессионизма—это стремленіе описывать „неощутимое“, „неосязаемое“, „неизреченное“. Всѣ эти виды импрессионизма мы встрѣчаемъ у французскихъ романтиковъ послѣ 1880 года.

II.

Простѣйшій видъ импрессионизма, т. е. стремленіе автора „запугать“, „потрясти“ читателя, присущъ всѣмъ „сатанистамъ“ и „байронистамъ“ эпохи Реставраціи¹⁾. Въ слѣдующую затѣмъ эпоху, по мѣрѣ того какъ вліяніе Байрона ослабѣваетъ, Виньи, Мюссе, Жоржъ Сандъ постепенно оставляютъ „кошмарный“ жанръ. Изъ высшихъ литературныхъ сферъ этотъ жанръ переходитъ въ низшія: онъ дѣлается достояніемъ романа-фельетона. Эженъ Сю, Дюма—отецъ и ихъ многочисленные послѣдователи воскрешаютъ въ романѣ „ужасы“ и „злодѣйства“ мелодрамъ конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтія. Пристрастіе къ „romanesque noir“, злоупотребленіе фантастикою сказывается и у Бальзака въ такихъ романахъ какъ „*Ferragus*“, „*Les Treize*“, „*Dernière Incarnation de Vautrin*“, „*Une ténébreuse affaire*“ и т. д.

Изъ корнеевъ французской романтической литературы пристрастіе къ „потрясающимъ“, кровавымъ сценамъ сказывается у

¹⁾ Смъ выше главу I, § 3.

Ламартина (въ „*La Chute d'un ange*“) и въ особенности у Гюго. Въ Х-мъ „Видѣнн“ поэмы „*La Chute d'un ange*“ Ламартинъ изображаетъ сатаническія „забавы“ жителей Бальбека. Министръ, завѣдующій этими увеселеніями, велитъ принести цѣлыя корзины аспидовъ, цѣлые котлы, наполненные скорпіонами, куда палачи погружаютъ со смѣхомъ руку жертвы; онъ велитъ сжигать людей въ раскаленномъ металлическомъ цилиндрѣ, чтобы присутствующіе слышали, какъ лопается кожа и т. п.

Ce jour-là de ces jeux le prévoyant ministre
 En avait surpassé l'invention sinistre:
 C'étaient d'affreux combats de l'homme et des lions,
 Des corbeilles d'aspics, des cuves de scorpions,
 Où l'on faisait plonger parmi l'horreur du rire
 Un bras d'homme trompé, crispé par son martyre...
 Des corps vivants jetés dans un brûlant cylindre,
 Pour entendre la chair crépiter et se plaindre...

Но полу-боговъ Бальбека не удовлетворяетъ видъ однихъ только физическихъ страданій. Они ищутъ болѣе утонченныхъ „наслажденій“. Молодая Ишмэ привязана къ подножію башни; на рукахъ у нея ея ребенокъ. Съ вершины башни къ ней по веревкѣ спускается ея мужъ; онъ думаетъ, что веревка эта забыта его палачами и хочетъ воспользоваться ею, чтобы спасти свою жену и своего ребенка. Взявъ этого послѣдняго къ себѣ на плечо, онъ лѣзетъ вверхъ по веревкѣ. Когда онъ достигъ середины башни, невидимая рука раскачиваетъ веревку изъ стороны въ сторону. Одновременно съ тѣмъ на Ишмэ накидывается нѣсколько изверговъ и насилуютъ ее на глазахъ у ея мужа. Ишмэ лишается чувствъ и, когда она приходитъ въ себя, то слышитъ голоса на вершинѣ башни; ея мужу предлагаютъ либо самому броситься въ пропасть на съѣденіе хищнымъ звѣрѣмъ, либо бросить туда своего сына. Слышится звукъ падающаго тѣла и затѣмъ мужъ Ишмэ спускается къ ней по веревкѣ. Думая, что мужъ ея пожертвовалъ жизнью сына, чтобы спасти свою собственную, Ишмэ въ негодованіи разбиваетъ ему черепъ... Въ романахъ, драмахъ, поэмахъ Гюго некроманія, нагроможденіе ужасовъ, кровавыхъ сценъ встрѣчаются на каждой страницѣ. При этомъ „грозная“ видѣнія и образы у него распадаются на двѣ категоріи: одни чисто искусственны, имѣютъ цѣлью „напугать“ чита-

теля; самъ авторъ остается совершенно спокойнымъ; другіе навѣяны поэту его настроеніемъ, являются выраженіемъ той или другой *idée fixe*, въ данный моментъ безпокоющей его.

Къ первой категоріи относятся такія мѣста, гдѣ Гюго хочетъ изобразить традиціонныхъ мелодраматическихъ „изверговъ“, къ которымъ онъ обыкновенно причисляетъ и папъ, и епископовъ и государей. Таково, напр., слѣдующее перечисленіе злодѣйствъ тирановъ, превращенныхъ послѣ своей смерти въ камни:

Après avoir peuplé les prisons élargies,
Et versé tant de meurtre aux vastes mers rougies,
Tant de morts glaive au flanc
Tant d'ombre, et de carnage, et d'horreurs *inconnues*
Que le soleil, le soir, hésitait dans les nues
Devant ce bain sanglant.
Après avoir mordu le troupeau que Dieu mène
Et tourné tour à tour de la torture humaine
L'atroce cabestan,
Et régné sous la pourpre et sous le laticlave,
Et plié six mille ans Adam, le vieil esclave,
Sous le vieux roi Satan...
Est-ce que Charles neuf, Constantin, Louis onze,
Vitellius, la fange, et Busiris, le bronze,
Les Cyrus dévorants,
Les Égistes montrés du doigt par les Électres
Seraient, dans cette nuit, d'hommes devenus spectres,
Et pierres de tyrans? ¹⁾

Особенно интересно, въ смыслѣ исканія мрачныхъ эффектовъ, стихотвореніе „Éviradnus“ въ „*La Légende des siècles*“.

Сказочный богатырь Éviradnus узналъ, что два „изверга“ императоръ Сигизмундъ и король Ладиславъ собираются совершить страшное преступленіе ночью въ замкѣ Корбусъ. Придя въ замокъ, когда тамъ еще никого нѣтъ, Éviradnus снимаетъ съ манекена коня одинъ изъ манекеновъ-всадниковъ, стоящихъ у стѣнъ, надѣваетъ его рыцарскій доспѣхъ и садится на его мѣсто. Являются Сигизмундъ

¹⁾ „Les Contemplations“: „Pleurs dans la nuit“; ср. со стихотв., привед. нами выше на стр. 86.

и Ладиславъ вмѣстѣ со своею родственницею Mahaud, владѣнія которой они хотѣтъ захватить; они заманили ее въ замокъ Корбусъ, чтобы опомѣть ее зельемъ и потомъ бросить въ колодець. За ужиномъ они опаиваютъ зельемъ Mahaud, которая погружается въ глубокий сонъ. Сигизмундъ и Ладиславъ собираются привести въ исполненіе свой замыселъ, какъ вдругъ одинъ изъ манекеновъ-всадниковъ, стоящихъ у стѣны, медленно сходитъ съ коня и подходитъ къ нимъ:

... Tous deux peuvent voir, là, sous un ceintre obscur,
 Un des grands chevaliers rangés le long du mur
 Qui se lève et descend de cheval; ce fantôme,
 Tranquille sous le masque horrible de son heaume.
 Vient vers eux, et son pas fait trembler le plancher:
 On croit entendre un dieu de l'abîme marcher.
 Entre eux et l'oubliette, il vient barrer l'espace
 Et dit, le glaive haut et la visière basse,
 D'une voix sépulcrale et lente comme un glas:
 „Arrête, Sigismond! Arrête, Ladislas!“

Схвативъ за ноги короля Ладислава, онъ ударяетъ имъ императора Сигизмунда:

... Prenant aux talons le cadavre du roi.
 Il marche à l'empereur qui recule d'effroi;
 Il brandit le roi mort comme une arme, il en joue
 Il tient dans ses deux poings les deux pieds, et secoue
 Au-dessus de sa tête, en murmurant:

 Tout beau!
 Cette espèce de fronde horrible du tombeau,
 Dont le corps est la corde et la tête la pierre
 Le cadavre éperdu se renverse en arrière,
 Et les bras disloqués font des gestes hideux...
 Soudain le mort s'abat et le cadavre frappe...

Ко второй категоріи относятся такіа описанія, въ которыхъ чувствуется, что самъ авторъ былъ охваченъ чувствомъ ужаса, когда писалъ ихъ. Такіе „страхи“ постоянно нападали и на Виктора Гюго и на его братьевъ. Одною изъ этихъ послѣднихъ Абеля Гюго грозныя видѣнія, порожденныя необузданной фантазіей, при-

вели къ полному нервному разстройству. Къ числу *idées fixes*, постоянно мучившихъ Гюго, относится прежде всего постоянная мысль о смерти. Воображеніе рисуетъ Гюго всѣ ужасы гніенія и разложенія; трупъ представляется ему чѣмъ-то чувствующимъ, сохранившимъ сознаніе; онъ ощущаетъ всѣ перемѣны, происходящія съ нимъ; онъ чувствуетъ, какъ корни растеній высасываютъ ему глаза; ему холодно ночью въ могилѣ и онъ слышитъ, какъ доски его гроба что-то нашептываютъ ему:

Commencement de l'âpre et morne solitude!
 Tu ne changeras plus de lit ni d'attitude;
 L'heure aux pas solennels
 Ne sonne plus pour toi: l'ombre te fait terrible;
 L'immobile suaire a sur ta forme horrible
 Mis ses plis éternels...
 Le mort est seul. Il sent la nuit qui le dévore...
 Il entend des soupirs dans les fosses voisines;
 Il sent la chevelure affreuse des racines
 Entrer dans son cercueil;
 Il est l'être vaincu dont s'empare la chose;
 Il sent un doigt obscur, sous sa paupière close,
 Lui retirer son œil.
 Il a froid; car le soir qui mêle à son haleine
 Les ténèbres, l'horreur, le spectre et le phalène,
 Glace ces durs grabats.
 Le cadavre, lié de bandelettes blanches,
 Grelote et dans sa bière entend les quatre planches
 Qui lui parlent tout bas¹⁾.

Другая *idée fixe* Гюго--это безумный страхъ передъ грозными силами мрака и ночи, передъ вредоносной матеріей, вѣчно стремящейся „пожрать“ человѣка²⁾. Видъ звѣзднаго неба наводитъ поэта на мысль, что, быть можетъ, въ этотъ самый мигъ цѣлые флоты огненныхъ міровъ плывутъ по эфиру къ нашей землѣ, чтобы ее уничтожить³⁾.

¹⁾ „Pleurs dans la nuit“.

²⁾ См., выше, стр. 285.

³⁾ „Les Contemplations“: „A la fenêtre pendant la nuit“.

Успокоеніе своему страху передъ грубой матеріей, Гюго находитъ въ вѣрѣ во всемогущество человѣческой воли, человѣческаго разума. Романъ „Труженники моря“ весь посвященъ описанію испанской борьбы человѣка съ вредоносными силами природы. Жиліать—титанъ, вступающій въ чудовищный поединокъ съ океаномъ, съ грозой и бурей и побѣждающій ихъ. Рядъ настроеній, порожденныхъ у Гюго этими *idées fixes*, придають особый характеръ его стилю; какъ нами было указано ¹⁾, разнообразныя чувства поэта переносятся имъ на предметы окружающей дѣйствительности, одаряють ихъ жизнью и волей; каждый эпитетъ, каждый образъ проникнуты настроеніемъ; чувствуется, что они суггестированы поэту тревогой, безпокойствомъ, страхомъ:

Les soleil *blême* derrière on ne sait quelle *transparence malsaine*. éclairait ce linéament *d'apocalypse*. On sentait la *trahison* dans l'infini („*Les Travailleurs de la mer*“)... Des nuages *de combat*, nuages *louches* (*ibid.*); on entendait la *vague respiration* de l'orage... Ce silence palpait obscurément (*ibid.*)... Ce fut comme un *tonnere noir*, ces éclairs étaient *muets*... toute l'immensité *en tumulte* se ruait sur l'écueil Douvres (*ibid.*); les *blêmes* éclairs („*Les Contemplations*“, „*Écrit en 1846*“); l'infini, ce *linceul* (*ibid.*, „*Écrit en 1855*“); l'unité *sinistre* de la nuit (*ibid.* „*A. Alexandre D.*“); l'exil *pâle et nu* cloué sur des débris (*ibid.* „*A. Paul M.*“); l'horizon *s'emplît d'inquiétude* (*ibid.*, „*Pleurs dans la Nuit*“); ces *hydres* que, le jour on appelle des arbres, se *tordent* dans la nuit (*ibid.*); des pleurs gouttes *farouches* (*ibid.*); l'immensité *ricane* et la tombe *grimace* (*ibid.*); il souffle, *forçat noir*, sa *vermine* sur l'ange (*ibid.*); de *pâles* échappées qui montent du milieu de l'*horreur* sépulcrale (*ibid.* „*Horror*“); dans la création vague et crépusculaire, Les objets *effarés* qu'un jour *sinistre* éclaire Sont l'un pour l'autre *vision* (*ibid.*); les rochers aux *vagues* yeux (*ibid.*); ce que dit tout bas la création *bègue* A l'oreille du *tombeau sourd* (*ibid.*); voit-on l'océan *qui bégaie* *Mordre avec rage* son bâillon? (*ibid.*, „*Dolor*“); la pensée est la pourpre de l'âme; Le blasphème en est le *haillon* (*ibid.*); la vie *au néant* nous *vomit* (*ibid.*); l'immensité dit: *mort!* L'éternité dit: *nuit!* (*ibid.*, „*Spes*“); l'univers tout entier est un géant *sinistre* (*ibid.*); l'ouragan est la force *aveugle*, L'Agitateur du grand *linceul* (*ibid.*, „*Les Mages*“) и т. д. и т. д.

¹⁾ См. выше, гл. V, § 5.

Особенными свойствами отличаются описанія „потрясающихъ“ сценъ у Мерима. Авторъ „*Tamango*“ и „*Colomba*“ нагромождаетъ ужасы съ полнымъ спокойствіемъ и объективностью.

Простѣйшій видъ импрессионизма, отмѣченный нами у Ламартина и Гюго, а также и особенности стиля этого послѣдняго встрѣчаются у многихъ французскихъ писателей второй половины XIX столѣтія: у Леконтъ де-Лилля (особенно въ „*Kain*“, въ „*La Légende des Normes*“ etc.); у Бодлера („*Les Fleurs du mal*“); у Флобера (особ. въ „*Salambo*“) описаніе битвы Гамилькара съ возставшими наемниками, казнь похитителя священнаго покрывала и т. д., также въ „*La légende de Saint Julien hospitalier*“ etc., у Зола (особенно въ „*La Débâcle*“), наконецъ у Гюисманса.

III.

Второй видъ импрессионизма, т. е. стремленіе „живописать“ словами, какъ мы видѣли, встрѣчается очень часто у писателей Реставраціи. Въ слѣдующую затѣмъ эпоху колоритъ, красочные эффекты достигли совершенства у Теофиля Готье и Виктора Гюго. Стиля перваго изъ нихъ мы уже касались¹⁾ и теперь не будемъ на немъ подробно останавливаться. Если-бы мы хотѣли привести всѣ тѣ мѣста сочиненій Готье, гдѣ въ немъ сказался виртуозъ-художникъ, великій мастеръ колорита, то намъ пришлось бы перецитировать, кромѣ цѣлыхъ главъ его романовъ, всѣ его „*Émaux et Camées*“.

Въ слѣдующемъ отрывкѣ романа „*Труженники моря*“ Гюго соперничаетъ со всѣми великими мастерами колорита: Бернарденомъ де Сенъ-Пьеръ, Шатобрианомъ и самимъ Готье. Никогда французскій литературный языкъ до того не достигалъ такой гибкости, не обладалъ такимъ богатствомъ красокъ, разнообразіемъ нюансовъ.

Une grande muraille de nuée barrant de part en part l'étendue, montait lentement de l'horizon vers le zénith. Cette muraille rectiligne, verticale, sans une crevasse dans sa hauteur, sans une déchirure à son arête, paraissait bâtie à l'équerre et tirée au cordeau. C'était du nuage ressemblant à du granit... Cette muraille de l'air montait tout d'une pièce en silence. Pas une ondulation, pas un plissement, pas une saillie qui se déformât ou se déplaçât. Cette immobilité en mouvement

¹⁾ См. выше, стр. 179 и слѣд.

était lugubre... Le ciel qui de *bleu* était devenu *blanc*, était de *blanc* devenu *gris*. On eût dit *une grande ardoise*. La mer, dessous, *terne et plombée* était une autre ardoise énorme... Brusquement le soleil disparut. Gilliat leva la tête. La nuée montante venait d'atteindre le soleil. Ce fut comme une extinction du jour, remplacé par une *réverbération mêlée et pâle*. La muraille de nuée avait changé d'aspect. Elle n'avait plus son unité. Elle s'était froncée horizontalement en touchant au zénith d'où elle *surplombait* sur le reste du ciel. Elle avait maintenant des *étages*. La formation de la tempête s'y dessinait comme dans une section de tranchée. *On distinguait les couches de la pluie et les gisements de la grêle*. Il n'y avait point d'éclair, mais une *horrible lueur éparsée*... Sur l'horizon pesait et s'étendait une bande de brouillard couleur *cedre*, et au zénith une bande couleur *plomb*, des *guenilles livides* pendaient des nuages d'en haut sur les brouillards d'en bas. Tout le fond, qui était le mur des nuages, était *blafard, laiteux, terreux, morne*. Indescriptible. Une *mince* nuée *blanchâtre, transversale*, arrivée on ne sait d'où coupait obliquement du nord au sud, la haute muraille sombre. Une des extrémités de cette nuée traînait dans la mer. Au point où elle touchait la confusion des vagues, on apercevait dans l'obscurité un étouffement de vapeur *rouge*. Au dessous de la longue nuée pâle, de petits nuages très bas *tout noirs*, volaient en sens inverse les uns des autres *comme s'ils ne savaient que devenir*... Sans qu'on eût l'impression d'aucun vent, une étrange diffusion de *duvet grisâtre* passa, *éparpillée* et émiettée, comme si quelque gigantesque oiseau venait d'être plumé derrière ce mur de ténèbres. Il s'était formé un plafond de *noirceur* compacte qui, à l'extrême horizon, touchait la mer et s'y mêlait dans la nuit. On sentait quelque chose qui avançait. C'était vaste et lourd, et farouche...

Мы чувствуемъ, читая этотъ отрывокъ, какъ грозная стѣна облаковъ растеть, близится, ширится среди полного безмолвія. Мы словно присутствуемъ при прологѣ великой драмы, чудовищной борьбы человѣка съ стихіями. Мы видимъ всѣ зловѣщіе цвѣта, всѣ переливы и оттѣнки „боевыхъ“ тучъ, видимъ, какъ мѣняется цвѣтъ небесъ, переходя изъ синяго въ молочно-бѣлый, изъ сѣраго въ черный. Мы чувствуемъ, что надвигается нѣчто безформенное, тяжелое, зловѣщее.

Послѣ Гюго и Готье исканіе красочныхъ эффектовъ сказалось у многихъ изъ выдающихся французскихъ писателей второй поло-

вины XIX-го столѣтія: у Флобера, у парнасцевъ, у Пьера Лоти и въ особенности у братьевъ Гонкуровъ ¹⁾).

Любовь къ колоритному, конкретному термину такъ присуща Гюго, что даже тогда, когда ему приходится выражать отвлеченныя понятія, онъ, такъ сказать, переводитъ ихъ на языкъ конкретныхъ реальныхъ представленій. Нами уже было отмѣчено мимоходомъ свойство Гюго матеріализировать абстрактныя понятія ²⁾; теперь мы остановимся на этомъ свойствѣ подробнѣе, укажемъ, какъ оно отражается на его поэтическомъ стилѣ. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: слово „прогрессъ“ ассоціируется у Гюго съ представленіемъ о пчелѣ:

Le progrès, ténébreuse abeille
Fait du bonheur avec nos maux ³⁾

„мысль“ это —орелъ:

La pensée est un aigle à quatre ailes qui va
Du gouffre où Noé flotte, à l'île où Jean rêva ⁴⁾.

Это своего рода сокращенный параллелизмъ, въ которомъ отпадаетъ не только терминъ сравненія „какъ“, „подобно тому“ и т. д., но часто и самый знакъ равенства „это есть“; оба члена параллелизма сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое:

Le budget, monstre énorme, admirable poisson
A qui de toutes parts on jette l'hameçon
Et qui laissant à flots l'or couler de ses plaies
Traine un ventre splendide écaillé de monnaies ⁵⁾.

или:

Le régiment marcheur, polype aux mille pieds ⁶⁾.

Иногда, чтобы передать отвлеченное понятіе конкретными образами, Гюго развиваетъ соответственный членъ параллелизма:

Et l'on voit se dresser monstrueuses, énormes,
Une *roue* au couchant, une *roue au* levant,

¹⁾ См. Приложенія.

²⁾ См. выше, стр. 283.

³⁾ *G. Duval*. „Diction. des Mét. de V. H.“, p. 1.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 4.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 252.

⁶⁾ *Ibid.*, p. 253.

Où pendent, disloqués, dans les souffles du vent,
Deux *cadavres*, sur qui tout le genre humain prie:
L'un est la *conscience* et l'autre la *patrie* ¹⁾.

Обратный приемъ, т. е. переходъ отъ конкретнаго къ абстрактному, носитъ у Гюго тотъ же характеръ, что у современныхъ импрессионистовъ.

Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ стиля этихъ послѣднихъ Брюнетьеръ и Леметръ считаютъ замѣну прилагательнаго абстрактнымъ существительнымъ съ членомъ *le, la*: *le mousseux* des toits, *le fruste* des murs (Goncourt, „*Madame Gervaisais*“, p. 57); *l'imprévu* et *l'anti-naturel* du son (ibid.); *des rictus* de plaisir (Daudet, „*Immortel*“) etc. Такой приемъ, говоритъ Жюль Леметръ по поводу Гонкуровъ, порожденъ стремленіемъ живописать словами. Тѣ писатели, которые смотрятъ на міръ глазами живописцевъ, въ любой спенкѣ, въ любомъ скопищѣ людей, видятъ прежде всего краски, позы, жесты. Чтобы передать первое захватывающее впечатлѣніе, произведенное на нихъ толпой, они инстинктивно отдѣляютъ отгѣнки, линіи, движенія и, желая выдвинуть ихъ на первый планъ, выражаютъ ихъ не посредствомъ прилагательныхъ, всегда подчиненныхъ существительному, а посредствомъ отвлеченныхъ и собирательныхъ именъ. Они не скажутъ: она стала смотрѣть на *колымопреклоненныхъ* женщинъ, на крестьянъ, лежавшихъ на животъ, а скажутъ: „она увидѣла среди благочестиваго мрака *колымопреклоненія* женщинъ въ шаляхъ, *лежанія на брюхъ* крестьянъ... всеобщее *паденіе ницъ*... *моленія* шелковыхъ и ситцевыхъ юбокъ ²⁾).

Совершенно аналогичный приемъ находимъ мы у Гюго:

L'escarpement de ce nuage, tout à fait perpendiculaire à l'extrémité sud, fléchissait un peu vers le nord comme une toile ployée et offrait *le vague glissement* d'un plan incliné ³⁾.

Le grossissement de toute cette ombre s'amplifiait insensiblement... A travers *ces entassements* obscurs on ne sait quel *strabisme* vous regarde ⁴⁾.

¹⁾ Ibid., p. 38.

²⁾ „*Madame Gervaisais*“, p. 137. *Lemaître*, „*Les Contemporains*“, III, p. 83.

³⁾ „*Les Travailleurs de la Mer*“.

⁴⁾ Ibid.

Другой характерной особенностью импрессионистовъ Брюнетьеръ и Леметръ считаютъ свойство схватывать въ данной сценѣ, пейзажѣ нѣсколько характерныхъ, колоритныхъ деталей, какъ бы колоритныхъ „пятенъ“, которыя придаютъ особое *настроenie* всей картинѣ: „De cette pauvre rivière *opprimée*, de ce ruisseau *infect*, de cette nature *maigre et malsaine*, Crescent avait su dégager l'expression, le sentiment, presque la souffrance“¹⁾.

То-же видимъ мы и у Виктора Гюго:

Le rayonnement *chancelant et pauvre* des feux permettait à Gringoire de distinguer, à travers son trouble, tout à l'entour de la place, un *hideux encadrement* de vieilles maisons dont *les faces vermoulues, ratatinées, rabougries*, percées chacune d'une ou deux lucarnes éclairées, lui semblaient dans l'ombre *d'énormes têtes de vieilles femmes*, rangées en cercle, *monstrueuses et rechignées*, qui regardaient le sabbat *en clignant des yeux*²⁾.

Пейзажъ у Гюго часто имѣетъ свою независимую *душу*, свое собственное настроenie:

Les étoiles points d'or, percent les branches noires;
Le flot *huileux et sourd* décompose ses moires;
Sur l'Océan *blêmi*,
Les nuages ont l'air *d'oiseaux prenant la fuite*;
Par moments *le vent parle, et dit des mots sans suite*,
Comme un homme endormi³⁾.

IV.

Третий видъ импрессионизма состоитъ въ систематическомъ стремленіи писателя передавать свое чувство, свое настроenie посредствомъ описанія внѣшнихъ ощущеній. Брюнетьеръ приводитъ какъ примѣръ такой передачи слѣдующій отрывокъ изъ „*Les Rois en exil*“ Додэ: „этотъ симпатичный привѣтъ произвелъ на королеву впечатлѣніе *яркаго огня послѣ долгаго пребыванія на морозѣ*“⁴⁾.

Тотъ же приемъ Брюнетьеръ отмѣчаетъ и въ слѣдующемъ отрывкѣ „*Madame Bovary*“ Флобера: „Она вспомнила... всѣ лишенія,

¹⁾ Goncourt, „Manette Salomon“, p. 288, *Lemaître*, op. cit.

²⁾ „Notre Dame de Paris“.

³⁾ Duval, op. cit., p. 251.

⁴⁾ „Le Roman Naturaliste“, p. 86.

коимъ подвергалась ея душа... вспомнила о грезахъ своихъ, втоптанныхъ въ грязь, *подобно раненымъ ласточкамъ*“ 1).

Въ данномъ случаѣ, говоритъ Брюнетьеръ, сравненіе не является простымъ украшеніемъ рѣчи, оно не есть также личное вмѣшательство автора въ свое собственное повѣствованіе; здѣсь сравненіе служитъ цѣлямъ психологическаго анализа, оно выражаетъ интимную связь между чувствами и ощущеніями описываемыхъ лицъ 2).

Выше нами было указано, что такой импрессионизмъ встрѣчался иногда въ сочиненіяхъ французскихъ писателей эпохи Реставраціи. Въ слѣдующую затѣмъ пору онъ встрѣчается гораздо чаще, особенно у Гюго и Альфреда де Мюссе.

Въ параллель къ приведенному Брюнетьеромъ сравненію изъ „*Les Rois en exil*“ сама собою напрашивается слѣдующая метафора Гюго:

Là, pénétrés subitement d'effluves sympathiques, *comme des braises qui rougissent au vent* 3).

См. также:

Et comme en s'envolant *l'oiseau courbe la branche,*
Son âme avait brisé son corps 4)

или:

Et l'aube se montra, rouge, joyeuse et lente;
On eût cru voir sourire une bouche sanglante 5).

Вообще, когда ему приходится описывать тотъ или другой предметъ, то или другое явленіе природы, у Гюго съ ними часто связывается какое-нибудь ощущеніе: c'était ce moment sévère et paisible où le sommeil des choses s'ajoute au sommeil des êtres, et où la nuit semble écouter *le battement de cœur* de la nature 6).

Le jour plonge au plus noir du gouffre et va chercher
L'ombre et la *baise* au front sous l'eau sombre et hagarde 7).

или:

Sur les eaux, les pistils, les fleurs et les sillons
Volent tous les *baisers* qu'on nomme papillons 8).

1) Ibid., p. 156.

2) Ibid., p. 158.

3) „Dictionnaire des métaphores de Victor Hugo“, p. 33.

4) Ibid., p. 33.

5) Ibid., p. 31.

6) Ibid., p. 25.

7) Ibid., p. 22.

8) Ibid., p. 21.

Подъ слѣдующими выраженіями (въ „*Les Travailleurs de la mer*“) охотно подписался бы любой изъ современныхъ французскихъ импрессионистовъ: *Gilliat subitement sentit qu'un souffle l'échevelait. Trois ou quatre larges araignées de pluie s'écrasèrent autour de lui. On entendait des feux de pelotons dans le firmament... Il y avait au milieu du plafond d'ombre une espèce de vaste hotte renversée d'où tombait péle-mêle la trombe, la grêle, les nuées, les pourpres, les phosphores, la nuit etc.*

Сравненія, подсказанныя тѣмъ или другимъ ощущеніемъ, встрѣчаются у Мюссе не менѣе часто, чѣмъ у Гюго. Въ параллель къ приводимому Брютеньеромъ сравненію Флобера, можно привести цѣлый рядъ аналогичныхъ сравненій у Альфреда де Мюссе. Таково, напр., сравненіе поэта, который питается собственнымъ страданіемъ, какъ пеликанъ, отдавшій свое тѣло въ пищу своимъ голоднымъ птенцамъ¹⁾. Въ другомъ стихотвореніи Мюссе уподобляетъ вождѣлѣніе раненому орлу, который умпраетъ въ дольней пыли, устремивъ глаза на солнце; въ третьемъ онъ сравниваетъ впечатлѣніе пѣсни Малибранъ, съ тѣмъ ощущеніемъ, которое испытываетъ пахарь въ полѣ, на зарѣ:

Hélas! Marietta, tu nous restais encore.
Lorsque sur le sillon, l'oiseau chante à l'aurore,
Le laboureur s'arrête, et le front en sueur
Aspire dans l'air pur un souffle de bonheur
Ainsi nous consolait ta voix fraîche et sonore,
Et tes chants dans les cieux emportaient la douleur²⁾.

Разбитое сердце уподобляется имъ трепещущимъ кускамъ разрушенной змѣи:

...Ton cœur ne te répondra pas...
Tu n'en sentiras plus que d'effroyables restes,
Qui remueront encore comme ceux des serpents³⁾.

Такія же сравненія встрѣчаются и у Виньи:

Si ton cœur, gémissant du poids de notre vie
Se traîne et se débat *comme un aigle blessé*

¹⁾ См. выше, стр. 110-я.

²⁾ „*Stances à la Malibran*“, XVII.

³⁾ „*La Nuit d'août*“.

Portant comme le mien, sur ton aile asservie,
 Tout un monde fatal, *écrasant et glacé* ¹⁾).

См. также у Сентъ-Бёва:

O dis, en ces moments de suave pensée,
 Lorsqu'au pâle rayon dont *elle est caressée*
 L'âme s'épanouit.
 Comme ces tendres fleurs que le soleil dévore,
 Que le soir *attédit*, et qui n'osent éclore
 Qu'aux rayons de la nuit ²⁾).

или:

Quand du travail du jour j'arrivais tout muet,
 Vite elle me lançait, *comme au front un jouet*,
 Une tendre attaque charmante ³⁾).

Наконецъ, четвертый видъ импрессионизма, т. е. стремление описывать „нензреченное“, „неошутимое“ встрѣчается чаще всего у Виктора Гюго. Это свойство Гюго отмѣчено Ренувье, который приводитъ слѣдующее стихотворение:

Hélas! tout est sépulcre. On y sort, on y tombe:
 La nuit est la muraille immense de la tombe.
 Des astres dont luit la clarté,
 Orion, Sirius, Mars, Jupiter, Mercure,
 Sont des cailloux qu'on voit dans ta tranchée obscure.
 O sombre fosse éternité!
 Une nuit un esprit me parla dans un rêve,
 Et me dit: „Je suis aigle en un ciel où se lève
 Un soleil qui t'est inconnu.
 J'ai voulu soulever un coin du vaste voile;
 J'ai voulu voir de près ton ciel et ton étoile;
 Et c'est pourquoi je suis venu;
 Et quand j'ai traversé les cieus grands et terribles,
 Quand j'ai vu le monceau des ténèbres horribles
 Et l'abîme énorme où l'œil fuit,
 Je me suis demandé si cette ombre où l'on souffre
 Pourrait jamais combler ce puits, et si ce gouffre

¹⁾ „La Maison du Berger“.

²⁾ „Poésies diverses“: „Pour mon ami Ulric G.“, „Désir“.

³⁾ Ibid., „Pour mon cher Marmier“.

Pourrait contenir cette nuit!
 Et moi, l'aigle lointain épouvané j'arrive
 Et je crie, et je viens m'abattre sur ta rive,
 Près de toi, songeur sans flambeau.
 Connais-tu ces frissons, cette horreur, ce vertige,
 Toi, l'autre aigle de l'autre azur?—Je suis, lui dis-je,
 L'autre ver de l'autre tombeau¹⁾.

„Эти странные или, вѣрнѣе, эти невозможные образы—мрака, который не можетъ заполнить колодца—пропасти, недостаточно глубокой, чтобы включить въ себя ночь, свидѣтельствуя о тѣхъ усиліяхъ, которыя дѣлаетъ поэтъ, чтобы выразить свой страхъ передъ безконечными пространствами, говорить Ренувье. Его пугаетъ не ихъ „вѣчное безмолвіе“, какъ Паскаля, а грозная объективная мысль о безднѣ и мракѣ“²⁾.

Таковыми же попытками описать неопишемое являются указанное нами изображеніе испареній, призраковъ и ларвъ, выдѣляемыхъ спящими людьми³⁾ въ „*L'Homme qui rit*“, битва ночи со смертью (тамъ-же) и т. д.

¹⁾ „Les Contemplations“, VI.

²⁾ *Renouvier*, op. cit., p. 25.

³⁾ См. выше, стр. 285—286.

Германское землеустроительное законодательство.

Глава I.

Образование старого поземельного строя Германіи.

Содержаніе: Трудность измѣненія поземельныхъ отношеній.—Необходимость знанія стараго поземельнаго строя для пониманія и оцѣнки землеустроительнаго законодательства.—Земледѣліе у древнихъ германцевъ.—Исторія системъ земледѣлія.—Исторія формъ поселеній.—Различіе мнѣній о первоначальной формѣ поселеній.—Работа Meitzen'a и его національная теорія поселеній.—Села неправильной формы.—Правильныя круглыя и прямыя села.—Поселенія хуторами.—Поселки.—Горныя и маршевыя поселенія.—Критика теоріи Meitzen'a.—Схема происхожденія различныхъ формъ поселенія.—Указанія исторіи.—Формы землевладѣнія.—Общинная теорія и ея представители.—Критики общинной теоріи.—Схема сложенія земельныхъ правъ.—Двѣ категоріи земель и два пути образованія правъ на нихъ.—Развитіе частной собственности на усадебныя, полевыя и часть луговыхъ земель.—Развитіе ясно очерченной общинной собственности на запольныя земли: лѣса, пастбища и пустоши.—Происхожденіе черезполоснаго расположенія полей въ германскихъ селахъ.—Гуфа.—Вопросъ о равенствѣ гуфъ.—Расположеніе полей въ славянскихъ поселеніяхъ и послѣдующее измѣненіе его.—Связанность полей и луговъ сервитутами.—Принудительность обработки.—Расположеніе полей въ поселеніяхъ хуторами, горныхъ и маршевыхъ селахъ.—Роль стараго расположенія полей въ прежнее время.—Измѣненіе ея въ новое время.—Исторія общинныхъ земель.—Альменды.—Характеръ альмендъ и ихъ хозяйственное значеніе.—Постепенное сокращеніе альмендъ.—Регулированіе пользования альмендными землями.—Образованіе реальной и политической общины.—Раздѣлъ между ними правъ на общинныя земли.—Выдѣленіе земель общинныхъ въ тѣсномъ смыслѣ слова.—Схема отдѣльныхъ видовъ общинныхъ земель и правъ на нихъ.—Вопросъ о юридической природѣ общинныхъ земель.—Ученіе Gierke.—Ученіе Heusler'a.—Разборъ этихъ ученій.—Схема.—Причины сохраненія болѣе значительныхъ площадей альмендъ на юго-западѣ Германіи.—Отличіе германскихъ альмендъ отъ швейцарскихъ.—Альмендные пай.—Огра-

ниченіе числа паевъ —Образованіе паевъ разной величины—классы альмендныхъ пользованій.—Измѣненія, вызванныя крѣпостнымъ правомъ.

Германское землеустроительное законодательство 19-го вѣка— это лишь одинъ изъ этаповъ въ процессѣ разложенія стараго поземельнаго строя и замѣны его новыми формами. Но оно настолько обострило этотъ процессъ, ускорило его и придало ему такую интенсивность, что не однимъ современникамъ, а и историку оно представляется катастрофой, въ которой прорвались наарѣвшія потребности измѣнившейся жизни. Крупные факторы—увеличеніе народонаселенія, развитіе промышленности, ростъ городовъ, улучшеніе путей сообщенія—подмывали старый укладъ и неумолимо влекли къ новому. Приспособленіе формъ землевладѣнія и землепользованія къ новымъ условіямъ и было содержаніемъ указаннаго законодательства.

Но если это законодательство измѣняло старыя поземельныя отношенія, то успѣхъ его сильнѣйшимъ образомъ зависѣлъ отъ того, насколько оно опиралось на существовавшія до него формы. Особенно необходима была такая преемственность въ области землеустройства. Какія-либо рѣзкія, оторванныя отъ существующаго, массовыя измѣненія здѣсь крайне трудны. Я не говорю уже о реформѣ поселеній. Основаніе cadaго поселенія связано съ цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ работъ, которыя не легко выполняются вновь. Но то же самое относится и къ тѣмъ сторонамъ землеустройства, которыя связаны съ измѣненіемъ владѣнія и пользованія землей, раздѣломъ ея, смѣной границъ, введеніемъ новаго дѣленія земли на поля и пр. Все это ломаетъ установившуюся систему хозяйства, порождаетъ много неудобствъ, длящихся рядъ лѣтъ. Люди, связанные непрерывнымъ круговоротомъ пахоты, посѣва, жатвы, молотбы и другихъ текущихъ работъ, люди, изъ которыхъ большинство едва удовлетворяетъ потребности дня, не находятъ ни желанія, ни возможности предпринять коренное переустройство. Тѣсная зависимость сельскаго хозяйства отъ природы и естественныхъ законовъ роста растений и животныхъ, придаетъ особый консерватизмъ земледѣлію и всему сельско-хозяйственному строю. Эта черта его еще болѣе усиливается характеромъ сельскаго населенія. Оно тѣсно связано со своимъ промысломъ, ведетъ его изъ поколѣнія въ поколѣніе въ

одной и той же мѣстности, часто на одномъ и томъ же участкѣ земли, до самаго послѣдняго времени было отрѣзано отъ прочаго населенія жизнью въ уединенныхъ деревняхъ. Благодаря всему этому, сельское населеніе несравненно болѣе привязано къ старинѣ и очень неохотно соглашается на нововведенія. Сюда присоединяется сложная паутина взаимныхъ земельныхъ правъ и обязанностей, возникающая при самомъ зарожденіи поселенія и съ теченіемъ времени все гуще и гуще опутывающая сельскихъ хозяевъ. Мало-мальски крупное измѣненіе хозяйственнаго плана у одного лица затрогиваетъ въ силу этого хозяйство многихъ, часто всѣхъ жителей поселенія.

Вотъ почему поземельныя отношенія поддаются лишь медленнымъ, постепеннымъ измѣненіямъ. Старый аграрный строй Германіи въ теченіе ряда вѣковъ удерживалъ многія свои черты ¹⁾. Реформы новаго времени, не смотря на всю энергію, съ какой они проводились въ этой странѣ, потребовали около столѣтій, чтобы измѣнить этотъ строй. Но измѣненіе и до сихъ поръ закончено далеко не во всѣхъ частяхъ Германіи. Мало того, и за такое продолжительное время реформы не привели бы къ достигнутымъ результатамъ, если бы сильныя внѣшнія причины и внутренняя эволюція сельскаго хозяйства не подготовили постепенно почвы для измѣненія.

Отсюда слѣдуютъ выводы: 1) само землеустроительное законодательство неизбежно отражаетъ на себѣ всѣ особенности реформируемаго имъ сельскаго строя; отразило его, слѣдовательно, и германское законодательство, а потому ни понять его, ни оцѣнить нельзя, не зная всей той среды, въ которой оно выросло, дѣйствовало и измѣнить которую оно было призвано; только это знаніе выясняетъ, между прочимъ, различіе типовъ землеустроительнаго законодательства въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи; и 2) лишь это знаніе можетъ дать отвѣтъ на вопросъ (для меня важнѣйшій), насколько тотъ или иной типъ германскаго законодательства, та или иная часть его, давшая въ Германіи опредѣленные результаты, можетъ служить примѣромъ для законодателя другой страны.

¹⁾ Cp. A. Meitzen *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven*. Berlin. 1895, Bd. I, стр. 17—18.

Послѣ этихъ строкъ я не боюсь упрека въ уклоненіи въ сторону, если изложенію самаго законодательства и анализу затронутыхъ имъ вопросовъ предпшлю общую характеристику стараго поземельнаго строя Германіи и его исторію, начиная съ первоначальнаго заселенія страны и кончая тѣмъ временемъ, когда этотъ строй становится объектомъ реформаторской дѣятельности 19 вѣка.

Порядокъ моего изложенія при этомъ таковъ. Въ первой главѣ изложено сложеніе основныхъ элементовъ стараго поземельнаго строя Германіи. Здѣсь разобраны вопросы о системахъ земледѣлія, формахъ поселенія и формахъ землевладѣнія въ ихъ историческомъ развитіи. Вторая глава посвящена краткому обзору исторіи крѣпостныхъ отношеній, включая отмѣну крѣпостного права¹⁾. Лишь послѣ этихъ вступительныхъ главъ возможно, думается мнѣ, перейти къ изложенію и разбору землеустроительнаго законодательства.

Германцы, населяющіе нынѣ большую часть теперешней Германской имперіи, по всѣмъ предположеніямъ принесены туда широкой волной великаго переселенія народовъ. Тѣсня на западъ кельтовъ, они подвигались за ними. Это настойчивое движеніе гер-

¹⁾ Такой порядокъ изложенія до извѣстной степени отвѣчаетъ и дѣленію аграрной исторіи Германіи на періоды, хотя изъ за систематичности изложенія нѣкоторыя стороны поземельныхъ отношеній прослѣжены въ одномъ мѣстѣ по всѣмъ періодамъ. Аграрная исторія Германіи, предшествующая эпохѣ реформъ 19 вѣка, распадается на два періода: періодъ первоначальнаго заселенія и періодъ возникновенія и развитія крѣпостного права. (Fuchs. Die Epochen der deutschen Agrargeschichte und Agrarpolitik, 1898, стр. 2). Въ своемъ изложеніи эпохъ землеустроительныхъ реформъ я предпшляю обзоръ еще третьяго періода—періода отмѣны крѣпостного права. Хронологически это не совсѣмъ правильно для Германіи. Здѣсь обѣ реформы—освобожденіе и внутреннее землеустройство—до извѣстной степени совпадаютъ во времени, по крайней мѣрѣ начало ихъ. Обѣ онѣ являются въ исторіи лишь двумя вѣтвями одного теченія, одновременно назрѣвали, почти одновременно задуманы и частью въ одно и то же время проводились въ жизнь. Но, если отвлечься отъ нѣкоторыхъ хронологическихъ датъ, то необходимо признать, что и въ Германіи освобожденіе отъ виѣшней власти землевладѣльца предшествовало внутреннему землеустройству крестьянъ. До освобожденія землеустроительныя мѣры единичны и даютъ ничтожные результаты, только послѣ него содалась та почва, на которой могла развиться широкая землеустроительная дѣятельность государства. Мало того, какъ мы увидимъ дальше, характеръ освобожденія въ значительной мѣрѣ опредѣлялъ направленіе позднѣйшаго землеустроительнаго законодательства въ разныхъ частяхъ Германіи.

манцевъ на западъ объясняется тѣмъ, что на нихъ въ свою очередь давили съ востока славянскіе народы, занявшіе не только часть нынѣшней Россіи, Австро-Венгрии и Балканскаго полуострова, но и нынѣшнюю Пруссію и Саксонію до р. Эльбы и даже за Эльбу. Лишь позднѣе славяне были вновь отодвинуты на востокъ германской колонизаціей. Объ этихъ передвиженіяхъ народовъ, повидимому, гонимыхъ нуждою съ востока, и какъ-бы демонстрирующихъ господство въ доисторическое время закона о перерастаніи населеніемъ средствъ существованія, не сохранилось данныхъ, позволяющихъ возстановить хозяйственную обстановку этого процесса.

То же отсутствіе источниковъ лишаетъ возможности нарисовать хотя приблизительно положеніе сельскаго хозяйства у древнихъ германцевъ въ то время, когда они достигли своей нынѣшней территоріи¹⁾. Первые указанія по этому поводу даютъ отрывочныя замѣчанія римскихъ, отчасти греческихъ писателей²⁾.

Уже изъ непрерывныхъ передвиженій германскихъ племенъ видно, что какого-либо правильнаго земледѣлія у нихъ въ то время еще не могло быть. Указанные авторы подтверждаютъ это, по ихъ свидѣтельствамъ германцы еще полукочевники и преимущественно скотоводы³⁾. Скотоводство при этомъ было дикое, ни о собираніи

¹⁾ По поводу всего начальнаго періода аграрной исторіи необходимо замѣтить, что все, относящееся къ нему, до сихъ поръ остается темнымъ и спорнымъ. Богатѣйшая нѣмецкая литература по исторіи земельныхъ отношеній въ Германіи разобрала ее и освѣтила пройденный путь, какъ нигдѣ. Перечень важнѣйшихъ работъ можно найти у Fuchs'a „Die Epochen“... (примѣчанія), а также въ статьяхъ: „Agrargeschichte“, „Ansiedelung“, „Bauer“, „Bauernbefreiung“, „Feldgemeinschaft“ и др. въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“ Conrad'a и „Wörterbuch der Volkswirtschaft“ Elster'a (2 Aufl. Jena. 1906). Но ясность начинается приблизительно съ времени Каролинговъ. Чѣмъ дальше въ глубь, тѣмъ меньше слѣдовъ былого, и труднѣе разобратъ даже въ немногомъ уцѣлвшемъ. Къ тому же новыя критическія работы еще сильнѣе расшатали установившіяся было возрѣнія и оставляютъ науку въ еще большихъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ. Въ такомъ положеніи находятся важнѣйшія проблемы аграрной исторіи этого періода, напр., вопросы первоначальныхъ формахъ поселеній, начальныхъ формахъ владѣнія и пользованія землей и пр.

²⁾ Цезаря, Тацита, Плинія старшаго и географовъ Помпонія Мела и Страбона. Все это авторы, писавшіе въ періодъ съ 1 вѣка до Р. Х. по 1 вѣкъ послѣ Р. Х. Особенно цѣнны указанія Цезаря и Тацита, хотя послѣдній писать съ чужихъ словъ и страдаетъ большою неясностью, породившей даже цѣлую литературу толковниковъ.

³⁾ См. Th. von der Goltz. Geschichte der deutschen Landwirtschaft. Stuttgart und Berlin. 1902. Bd I, стр. 33—34. Здѣсь приведены соотвѣтствующія

корма на зиму, ни о стойлахъ нѣтъ никакихъ указаній, на ночь скотъ загонялся лишь въ загороженныя мѣста¹⁾.

Но самыя первыя извѣстія говорятъ, что германцамъ того времени знакомо было земледѣліе. Оно играло крайне второстепенную роль, но зародыши его существовали²⁾. Земледѣліе это носило первобытный характеръ. Оно не только не было трехпольнымъ хозяйствомъ,

мѣста изъ Цезаря, Страбона и Тацита. Цезарь, между прочимъ, говоритъ о племени суэвахъ: *neque multum frumento sed maximam partem lacte et pecore vivunt* (Com. de bello gallico. IV. 1) (они мало живутъ хлѣбомъ, а большею частью молокомъ и мясомъ); о германцахъ вообще онъ замѣчаетъ: *agriculturae non student, majorque pars eorum victus in lacte, caseo, carne consistit* (De b. g. IV. 22) (они мало заботятся о земледѣліи, и большая часть ихъ пища состоитъ изъ молока, сыра и мяса).

¹⁾ Th. von der Goltz. Geschichte, I, стр. 41--44.

²⁾ Цезарь, какъ мы видѣли, говоритъ: „*neque multum*“. „*non student*“, а не „вовсе не занимаются“; живутъ „*maximam partem*“ молокомъ и мясомъ, а не „исключительно“. Плиній говоритъ о воздѣлываніи овса, ячменя, полбы, въ небольшихъ количествахъ льна (см. Goltz. Geschichte, I, стр. 35, 47—51). Здѣсь невольно напрашивается одно замѣчаніе. Большинство изслѣдователей, касавшихся вопроса о земледѣліи древнихъ германцевъ, ставятъ его въ такой формѣ: германцы были скотоводами, но были ли они *уже* земледѣльцами? Въ основѣ такой постановки вопроса лежитъ исповѣданіе обычной схемы Fr. List'a (Das nationale System der pol Oekonomie. Stuttgart. 1843, Einleitung): охота и рыболовство—скотоводство—земледѣліе и т. д. Въ настоящее время схема эта сильно подточена критикой. Во-первыхъ, можно говорить лишь о ступеняхъ преобладанія того или иного промысла, а не исключительнаго занятія однимъ промысломъ. Возникали же разные промыслы во многихъ случаяхъ не послѣдовательно, а одновременно. Во-вторыхъ, поскольку они возникали въ извѣстной послѣдовательности, она вовсе не была такой, какъ предполагаетъ схема List'a. Новѣйшая этнографія собрала данныя, опровергающія гипотезу, будто скотоводство выросло изъ охоты, а земледѣліе изъ скотоводства, и, слѣдовательно, до скотоводства не было земледѣлія. Эту гипотезу оспариваетъ уже Roscher (Nationalökonomik des Ackerbaues). Въ ней сомнѣвается Grosse (Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. Leipzig. 1896). Особенно тяжелые удары схемѣ List'a нанесла работа Hahn'a (Die Hausthiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen. Leipzig. 1896). Дальнѣйшей критикѣ подвергаетъ ее K. Bücher (Entstehung der Volkswirtschaft. 4 Aufl. Tübingen. 1904, II. Die Wirtschaft der Naturvölker), и P. S. Vos (статья „Jagd, Viehzucht und Ackerbau als Culturstufen“ въ „Internationales-Archiv für Ethnologie“, Bd. X, 1897, стр. 187—205). Послѣдній авторъ приходитъ къ выводу, что земледѣліе очень древне и возникло одновременно съ охотой въ видѣ ручного земледѣлія (Hackbau); прирученіе животныхъ и скотоводство выросло уже на почвѣ ручного земледѣлія; послѣ появленія скотоводства произошло лишь превращеніе ручного земледѣлія въ обработку

какъ думали старые писатели¹⁾; не было даже дикимъ переложнымъ хозяйствомъ (wilde Feldgraswirtschaft), какъ полагали G. Hanssen²⁾ и W. Roscher³⁾. Самая примитивная переложная система предполагаетъ периодичность возврата на старое поле и потому могла существовать лишь при осѣдлой жизни. Германцы же были еще полукочевниками. Хозяйство ихъ поэтому лишено было всякой системы. Останавливаются въ известномъ мѣстѣ, распаиваютъ небольшой участокъ, собираютъ съ него яровой посѣвъ, рѣдко повторяютъ это нѣсколько лѣтъ, затѣмъ забрасываютъ участокъ и перекочевываютъ дальше. Старое поле, такимъ образомъ, покидается не на известное число лѣтъ, какъ это происходитъ при переложномъ хозяйствѣ, а въ большинствѣ случаевъ навсегда. Обыкновенно оно заростало лѣсомъ, поэтому Goltz называетъ хозяйство древнихъ германцевъ примитивнымъ лѣсопольнымъ (лядиннымъ, wilde oder primitive Waldfeldwirtschaft)⁴⁾. Но и этотъ терминъ не характеризуетъ первоначальнаго

земли съ помощью сохи и скота. Близокъ къ такому взгляду и Fuchs (статья „Agrargeschichte“ въ „Wörterbuch der Volkswirtschaft“, 2 Aufl. I Bd. стр. 31). Если эта гипотеза вѣрна, то германцы, будучи скотоводами, уже не могли не знать земледѣлія. Вслѣдствіе перекочевокъ оно не могло у нихъ развиваться и занять мѣста главнаго промысла, но зародыши его должны были существовать. Bücher находитъ имѣющимъ за себя нѣкоторое основаніе мнѣніе, что кочевниковъ надо разсматривать, какъ одичавшихъ земледѣльцевъ (Entstehung, стр. 51). Недавно новую, очень оригинальную гипотезу выставилъ I. R. Mucke (Urgeschichte des Ackerbaues und Viehzucht. Eine neue Theorie mit einer Einleitung über die Behandlung urgeschichtlicher Probleme auf statistischer [!] Grundlage. Greifswald. 1898). Авторъ этой книги предполагаетъ, что существовало два типа народовъ: осѣдлые земледѣльцы—жители равнинъ (арійцы), они занимались земледѣліемъ, но не были скотоводами, и кочевники—жители возвышенностей (генеты),—они были скотоводами и земледѣліемъ почти не занимались. Германцы, по его мнѣнію, являются смѣшеніемъ тѣхъ и другихъ народовъ, поэтому уже въ періодъ скотоводства имъ было знакомо земледѣліе. (Urgeschichte, стр. 179, 190—194, 252—259, 276). Гипотеза Mucke, конечно, требуетъ провѣрки специалистовъ. Мы придется упомянуть о ней еще въ другомъ мѣстѣ по поводу вопроса о формѣ первоначальныхъ поселеній германцевъ.

¹⁾ Hoffmann, Eichhorn, Landau, Zimmerle и др. См. Th. v. d. Goltz. Geschichte... I, стр. 39.

²⁾ Agrarhistorische Abhandlungen, I—II. Leipzig. 1880 и 1884, статья въ I томѣ: „Zur Geschichte der Feldsysteme in Deutschland“.

³⁾ Ansichten der Volkswirtschaft aus dem geschichtlichen Standpunkte. 3 Aufl. 1877, статья: „Ueber die Landwirtschaft der ältesten Deutschen“.

⁴⁾ Geschichte... I, стр. 54.

земледѣлія. Лѣсопольное хозяйство, даже дикое, предполагаетъ періодичность смѣны пашни лѣсомъ. Отъ переложнаго оно отличается лишь тѣмъ, что тамъ брошенная на нѣсколько лѣтъ земля превращается въ пастбище, а здѣсь въ лѣсъ. Между тѣмъ для первой стадіи нельзя предположить никакой правильной періодичности. Я оста- навливаюсь на этомъ, потому что съ характеромъ земледѣлія свя- зана была первобытная форма владѣнія землей.

Только съ прочной осѣдлостью первобытное хозяйство пере- ходитъ въ переложное ¹⁾ или лѣсопольное, смотря по характеру мѣстности. И лишь много позднѣе по мѣрѣ проникновенія въ среду германцевъ озимой культуры и сокращенія пастбищной и лѣсной площади распространяется трехпольное хозяйство. Начало его отно- сится къ эпохѣ Каролинговъ, т. е. къ 9-му вѣку ²⁾. Съ переходомъ къ трехполю надолго было достигнуто хозяйственное равновѣсіе. Растущее населеніе удовлетворяло свои потребности распашкой пустыхъ земель (лѣсовъ и пастбищъ), отчасти повышеніемъ тех- ники (введеніе плуга, удобреніе); система же хозяйства оставалась неизмѣнной. Къ ней постепенно приспособились всѣ поземельныя отношенія. Образовался прочный законченный сельско-хозяйствен- ный строй. Впослѣдствіи уже онъ поддерживалъ трехполье и за- труднялъ переходъ къ болѣе высокимъ системамъ. Такъ же дѣй- ствовали косность населенія, крѣпостное право, отсутствіе путей сообщенія, низкія цѣны на хлѣбъ и др. условія. Все это объясняетъ поразительную стойкость трехполя. Въ широкихъ массахъ крестьянскаго населенія, очень мало измѣняясь, оно продержалось съ 9—10 вѣка по 19 вѣкъ. Оно, такимъ образомъ, было той системой хозяйства, съ которой пришлось имѣть дѣло землеустроительному законодательству. Лишь въ немногихъ мѣстахъ въ видѣ исключе- нія крестьяне уже въ 18 вѣкѣ перешли къ улучшенному трехполь- ному хозяйству, т. е., начали засѣвать часть пара кормовыми тра- вами, корнеплодами и стручковыми растеніями. Наоборотъ, во мво-

¹⁾ О немъ говоритъ уже Тацитъ: „Arva per annos mutant et superest ager“ (Germania. 26) („Пашни они мѣняютъ каждый годъ, и у нихъ все-таки еще остается земля“. Сочиненія Корнелія Тацита. Рус. пер. В. И. Модестова. Спб. 1886, т. I, стр. 54).

²⁾ Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. 1879—1901, I, стр. 402. K. Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. 1885—1886. I. стр. 545 и сл.

гихъ частяхъ Германіи вплоть до 19 вѣка сохранялись системы хозяйства, по интенсивности стоявшія гораздо ниже трехполя ¹⁾.

Послѣ этого краткаго обзора системъ земледѣлія я перехожу къ вопросу о формахъ сельскихъ поселеній въ Германіи. Дѣлаю это въ виду слѣдующаго. Веденіе мало-мальски правильнаго земледѣлія связано съ основаніемъ постояннаго поселенія. При этомъ формы поселенія оказывали глубокое вліяніе не только на систему хозяйства, но и на весь складъ землевладѣнія. Поэтому цѣлый рядъ явленій, съ которыми пришлось имѣть дѣло землеустроительному законодательству, оказывается тѣсно связаннымъ съ формою поселенія ²⁾. Вотъ почему разсмотрѣніе исторіи формъ поселеній и изученіе нѣкоторыхъ главныхъ типовъ и географіи ихъ весьма важно для пониманія и оцѣнки многихъ отдѣловъ этого законодательства. Наибольшій интересъ представляетъ вопросъ о двухъ коренно различныхъ типахъ поселенія—отдѣльныхъ дворахъ (хуторахъ) и селахъ,—такъ какъ каждый изъ нихъ совершенно иначе

¹⁾ Таковы: двухпольное, изрѣдка даже однопольное хозяйство; затѣмъ дикое переложное хозяйство на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Германіи, впрочемъ, оно во многихъ случаяхъ уже въ 18 вѣкѣ было урегулировано (Koppelwirtschaft), но въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ первоначальная переложная система сохранялась, принявъ своеобразную луговую форму (Egartenwirtschaft); въ низменныхъ маршевыхъ областяхъ, напр., на западномъ берегу Шлезвигъ-Гольштиніи, близъ устьевъ Везера, Эльбы, Вислы и др. рѣкъ, велось чисто пастбищное хозяйство, особенности мѣстности и доходность скотоводства удержали это хозяйство и въ 19 вѣкѣ; точно также пастбищно-луговое хозяйство велось и сохранилось до сихъ поръ въ горахъ южной Германіи, напр., въ Шварцвальдѣ; наконецъ, мѣстами въ лѣсныхъ горныхъ районахъ сохранялось даже лѣсопольное хозяйство (таково, напр., Haubergwirtschaft въ Зигенѣ въ Вестфалии). См. Т. фонъ-деръ-Гольцъ „Системы земледѣлія“ въ сборникѣ „Землевладѣніе и сельское хозяйство“. Статьи изъ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“. Спб. 1901, стр. 23—38; а также А. Buchenberger. Agrarwesen und Agrarpolitik. Leipzig. 1892, I Bd., стр. 24—37.

²⁾ „Первоначальное устройство поселенія является настолько основнымъ фактомъ для большаго или меньшаго неудобства отношеній, на которыя наталкивается землеустроительная дѣятельность государства, что формы его должно считать имѣющими рѣшающее значеніе для всѣхъ временъ, если только не происходило какихъ-либо крупныхъ преобразованій, созданныхъ самою государственною властью“. А. Meitzen, „Agrarpolitik“ въ „Handbuch der politischen Oekonomie“ von G. Schönberg. 4 Aufl. II. 1, стр. 148. О вліяніи стараго поселенія на послѣдующее время ср. также Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, I, стр. 31.

отражался на формахъ владѣнія и пользоваія землею. Не говорю уже о томъ, что съ этимъ различіемъ непосредственно связана та часть землеустроительнаго законодательства, которая касается расселенія людей на хутора. Для разрѣшенія знаменитаго спора о преимуществахъ хуторовъ или сель (Hof- и Dorfsystem) лишь исторія даетъ необходимыя опорныя точки.

Нельзя поэтому удивляться, что вопросъ о поселеніяхъ издавна привлекалъ вниманіе германскихъ ученыхъ и породилъ обширную литературу.

Однимъ изъ первыхъ писателей о германскихъ поселеніяхъ является Justus Möser ¹⁾. Первоначальной формой онъ считаетъ отдѣльный замкнутый дворъ, который онъ наблюдалъ на своей родинѣ—Вестфалии. Въ этомъ смыслѣ онъ толкуетъ нѣкоторыя мѣста Тацита ²⁾. Въ замкнутыхъ дворахъ Möser видѣлъ отличительную черту всего древняго аграрнаго строя. Лишь впоследствии, по его мнѣнію, образовались села. Это возрѣніе надолго овладѣло всѣми представленіями о началѣ германскихъ поселеній. По словамъ Meitzen'a, оно сквозитъ у Eichhorn'a, его доказывалъ американецъ Denman Ross ³⁾. Изъ новѣйшихъ писателей въ защиту этого взгляда выступили W. Wittig ⁴⁾ и R. Hildebrand ⁵⁾. Послѣдній считаетъ села продуктомъ позднѣйшаго, крѣпостническаго періода. Хотя у Тацита и даже у Цезаря встрѣчается слово „vicus“, но эти „vici“, по его мнѣнію, не были нашими селами, а состояли изъ немногихъ разбросанныхъ дворовъ; принадлежали эти небольшія группы дворовъ родственникамъ ⁶⁾.

¹⁾ Osnabrückische Geschichte, B. I, 1768. Вся старая литература о поселеніяхъ изложена у Meitzen'a. Siedelung und Agrarwesen, I, стр. 19—28.

²⁾ Въ гл. 16 Тацитъ пишетъ: „Nullas Germanorum populis urbes habitari satis notum est. ne pati quidem inter se junctas sedes. Colunt discreti ac diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit“ („хорошо извѣстно, что германскіе народы не живутъ въ городахъ, что они даже и не терпятъ смежныхъ жилищъ. Они селятся отдѣльно и по разнымъ мѣстамъ, какъ только кому понравится источникъ, поле, лѣсъ“. Рус. пер. Модестова, I, стр. 49).

³⁾ Meitzen. Siedelung und Agrarwesen, I, стр. 19 и сл.

⁴⁾ Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. Leipzig. 1896.

⁵⁾ Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. I Teil. Jena 1896.

⁶⁾ Указ. соч., стр. 105—107, 109. Въ этомъ смыслѣ онъ понимаетъ слѣдующее мѣсто 16 гл. „Германіи“: „Vicos locant non in nostrum morem conne-

Параллельно съ этимъ возрѣвнѣемъ прокладывало себѣ путь другое. Въ 1821 году датчанинъ Olufsen ¹⁾ на основаніи изученія датскихъ источниковъ высказался за то, что первоначальными поселеніями были не отдѣльные хутора, а деревни, окруженныя общинными землями. Къ этому взгляду примкнули Hanssen, Hasthausen и ихъ послѣдователи.

Таковы два крайнія теченія.

Но уже V. Jacobi ²⁾ старается опровергнуть оба взгляда, какъ Möser'a, считавшаго всѣ первоначальныя поселенія состоявшими изъ хуторовъ, такъ и Olufsen'a, видѣвшаго начало всѣхъ поселеній въ селахъ. Вопреки имъ онъ создаетъ третье теченіе, которое путемъ изученія картъ старается не уничтожить разнообразіе реальныхъ формъ однообразнымъ объясненіемъ, а, наоборотъ, изучаетъ это разнообразіе, подмѣчаетъ въ немъ типическое и старается отыскать причины его. Jacobi устанавливаетъ нѣсколько формъ поселеній и пытается связать ихъ съ національными различіями народовъ. Къ этому же теченію примыкает Landau ³⁾, который устанавливаетъ цѣлую схему формъ поселеній. Сюда же надо причислить Roscher'a ⁴⁾. Хотя онъ считаетъ первоначальной формою село, и отдѣльные хутора, по его мнѣнію, появились лишь впоследствии, но онъ уже учитываетъ вліяніе на форму поселенія мѣстности, степени безопасности и другихъ условій. Равнинная, плодородная почва при недостаткѣ воды и необезпеченности жизни порождала, по словамъ Roscher'a, села; наоборотъ, плохая, изрѣзанная почва, обиліе воды и бѣлая безопасность расселяли людей обособленными хуторами.

xis et cohaerentibus aedificiis; suam quisque domum spatio circumdat („Деревни строятъ они не по нашему обычаю связными и другъ къ другу прилегающими домами; но каждый окружаетъ свой домъ пространствомъ“. Пер. Модестова, I, стр. 49). Въ подтвержденіе своего взгляда Hildebrand ссылается на примѣры другихъ народовъ. Въ томъ числѣ для Россіи онъ цитируетъ работы Ефименко, Keusler'a, Engelmann'a, Лучицкаго, Hasthausen'a (стр. 110—113). Возраженія Brunner'a и Laveleye, что люди ради безопасности должны были сразу селиться селами, онъ считаетъ неправильными. Ради безопасности или ходили вооруженными или отдавались подъ защиту сильнаго (стр. 113).

¹⁾ О работѣ его см. A. Meitzen. *Siedelung und Agrarwesen*. I, стр. 20 и сл.

²⁾ См. Meitzen. *Siedelung*. I, стр. 25.

³⁾ *Territorien*. 1854.

⁴⁾ *Nationalökonomik des Ackerbaues*. 13 Aufl. Stuttgart u. Berlin, 1903, стр. 334—337.

Но наиболѣе цѣнными изслѣдованіями по вопросу о формахъ поселеній являются работы А. Meitzen'a, результаты которыхъ сведены въ знаменитомъ, уже нѣсколько разъ цитированномъ мною, трудѣ „Siedelung und Agrarwesen“¹⁾. Авторъ въ неизвѣстномъ до него размѣрѣ используетъ богатый матеріалъ, представляемый географическими картами. Для изученія формъ поселеній онъ беретъ обыкновенныя карты генеральнаго штаба крупнаго масштаба, а для расположенія полей планы полей (Flurkarten), снятыя до раздѣловъ и разверстаній 19 вѣка. До этого искусственнаго измѣненія, какъ поселенія, такъ и расположеніе полей мѣнялось очень медленно и потому карты сохраняли ясные слѣды глубокой старины²⁾. Meitzen

¹⁾ Bd. I—III und Atlas. Списокъ предыдущихъ работъ автора приведенъ имъ на 30--31 стр. I тома. Главные выводы свои Meitzen повторилъ въ „Handbuch der pol. Oekonomie“ Schönberg'a въ статьѣ „Agrarpolitik“ (4 Aufl., II Bd., 1) и въ изданномъ подъ его редакціей, частью имъ самимъ написанномъ сборномъ изслѣдованіи „Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preussischen Staats“ (Bd. VI. Berlin. 1901, стр. 1--175). Дальше я привожу критическіе отзывы о работѣ Meitzen'a. Здѣсь отмѣчу, что, напр., Fr. Grossmann въ рецензіи, помѣщенной въ „Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich“ Schmoller'a (Bd. XXII, 1898, Heft I, стр. 1—43) говоритъ о ней: авторъ заложилъ ея новое основаніе для аграрной исторіи, которое можетъ быть названо „monumentum aere peraennius“ (стр. 40). Хозяйственный историкъ, Inama-Sternegg, въ „Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ Conrad'a (III Folge. Bd. XII. 1896, стр. 751—760) говоритъ о Meitzen'ѣ: „даже тогда, если авторъ выставляетъ гипотезы, мы въ сущности не выходимъ изъ области фактовъ“ (стр. 760), и отмѣчаетъ выдающееся методологическое значеніе его труда. См. также Inama-Sternegg, „Interessante Formen der Flurverfassung in Oesterreich“ въ XXVI томѣ „Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien“ (отд. оттискъ: Wien. 1896). Самъ Inama-Sternegg въ своихъ болѣе раннихъ работахъ, равно какъ въ „Deutsche Wirtschaftsgeschichte“ (I, стр. 39—52 и 328—329) придерживается взгляда, что хутора и деревни одинаково древни. Самыя раннія свидѣтельства Тацита, Плинія и др. авторовъ уже говорятъ о тѣхъ и другихъ. Но первоначальныя деревни были не велики, и расширеніе поселеній долго шло не путемъ разростанія сель, а путемъ образованія выселковъ и основанія отдѣльных хуторовъ. Большія скученныя села, по его мнѣнію, есть явленіе послѣдующихъ періодовъ, и созидались подъ вліяніемъ помѣщиковъ и ихъ организаторскихъ тенденцій.

²⁾ „Въ каждой деревнѣ, говоритъ Meitzen, мы до извѣстной степени ступаемъ по развалинамъ далекаго прошлаго, которыя возрастомъ своимъ оставляютъ далеко позади себя романтическія руины средневѣковыхъ замковъ и городскихъ стѣнъ... на каждомъ шагу, въ крестьянской усадьбѣ и на полѣ, мы встрѣчаемъ слѣды старѣйшихъ расположеній, а карты полей представляютъ документы, въ которыхъ занесены, хотя и какими-то іероглифами, иден

собралъ богатую коллекцію этихъ картъ и ввелъ ихъ въ научный оборотъ. Пользуясь ими и накопленнымъ до него историческимъ матеріаломъ, онъ строитъ слѣдующую теорію поселеній.

Современная Германія—продуктъ дѣятельности многихъ національностей. Главная изъ нихъ—германцы—соприкалась на западѣ съ кельтами, на югѣ и юго-западѣ съ франками и римлянами, на востокѣ со славянами, земли которыхъ германцы постепенно завоевали и колонизовали. Всѣ эти народы, по Meitzen'у, выработали свои формы поселенія, и различіе этихъ формъ отражаетъ различіе національностей.

Исконной германскою областью является пространство, отграниченное на западѣ р. Везеромъ, на югѣ—старой римской границей (*limes romanus*), которая тянется по Вестервальду, Таунусу и р. Майнъ; на востокѣ германская область отграничивается отъ славянскихъ земель рѣками Эльбой и Заале ¹⁾. Въ этой области до измѣненій, внесенныхъ земельными реформами 19 вѣка, повсемѣстно существовала одна форма поселенія—село, и притомъ своеобразной неправильной формы (*Haufendorf*). Дома разбросаны безпорядочной кучей, спутанныя кривыя улицы, къ каждой усадьбѣ примыкаетъ обнесенный изгородью огородъ, а дальше лежатъ поля, луга, пастбища и лѣса ²⁾ (см. рис. №1). Такъ какъ область распространенія этихъ селъ со времени прочнаго осѣданія народовъ ни разу не попадала въ руки другихъ національностей, кромѣ германцевъ, то Meitzen считаетъ эту форму села національнымъ германскимъ поселеніемъ. Прежде оно было меньшихъ размѣровъ, по мѣрѣ роста народоселенія разрослось въ большое густо застроенное село, но основную форму свою сохранило до самаго повѣйшаго времени. Съ нею и обусловленными ею своеобразными чертами землевладѣнія

и стремленія основателей поселеній“ (*Siedelung und Agrarwesen*, I. стр. 28). G. Knapp называетъ карты полей источникомъ, который еще говоритъ, когда умолкаютъ уже „*tausend Steine, die man aus Schooss der Erde gräbt*“ (*Schiller*)“ (*Grundherrschaft und Rittergut*. Leipzig. 1897, стр. 105).

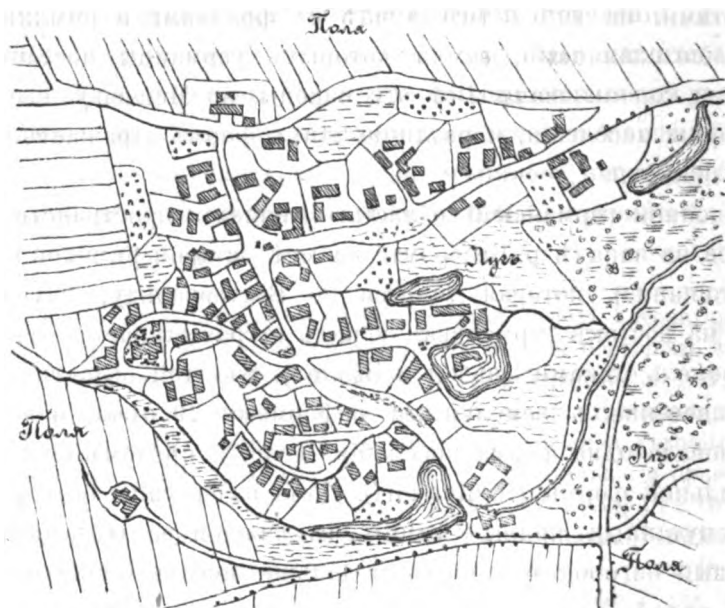
¹⁾ Описанная область захватываетъ нынѣшнія прусскія провинціи Шлезвигъ-Гольштинію, Гессенъ-Нассау, востокъ Вестфалии и Ганновера, Брауншвейгъ, западную часть Тюрингіи и сѣверъ вел. герцогства Гессенъ и кор. Баваріи; за предѣлами Германіи она простирается на нынѣшнюю Данію и южную часть Скандинавскаго полуострова (*Meitzen. Siedelung und Agrarwesen*, I. стр. 33—42).

²⁾ Meitzen. *Siedelung*. I, стр. 47.

и землепользования пришлось столкнуться и землеустановительному законодательству 19 вѣка.

Рис. № 1.

Германское село [Haufendorf].

Гейза (Geusa) въ окр. Мерзебургъ пров. Саксоніи.
[Meitzen. Siedelung. I, стр. 47].

Съ расселеніемъ германскихъ племенъ ихъ „Haufendorf“ распространилось далеко за предѣлы описанной выше области. Постепенно ¹⁾ почти вся Рейнская провинція, Эльзась, Бадень, Вюртембергъ и Баварія оказались покрытыми германскими селами ²⁾. Вездѣ

¹⁾ Уже въ I вѣкѣ до Р. Х. вангионы, неметы и трибоки занесли его въ Рейнскій Пфальцъ и нижній Эльзась (Meitzen, ук. соч., I, стр. 385); въ 38 г. до Р. Х. уби перенесли на лѣвый берегъ Рейна и оттуда даже въ нынѣшнюю Голландію (стр. 419); гермундуры еще до Тацита—въ среднюю Франконію (422); алеманы—на обѣ стороны верхняго Рейна до Швейцаріи (424); позднѣ ютунги—въ Швабію (428), а байювары—на югъ отъ Дуная и по открытымъ долинамъ въ Тироль (429). Распространеніе пошло и дальше, захвативъ часть Франціи, Англій (II, 110) и Скандинавскаго полуострова (II, 502).

²⁾ Ради наглядности я прилагаю карту распределенія различныхъ формъ поселеній въ Германіи (см. приложение № 1). Карта эта упрощенный снимокъ части обширной карты поселеній, охватывающей всю Зап. Европу съвернѣ Альпъ, приложенную Meitzen'омъ къ его работѣ (Siedelung. Atlas. Uebersichtskarte). Русскіе географы помогли-бы „познанію Россіи“, если бы составили

они сопровождаются аналогичными формами землевладѣнія и вездѣ поставили одинаковыя задачи землеустроительной дѣятельности государства.

На востокъ отъ германской области лежали обширныя славянскія земли, завоеванныя германцами въ 12—14 вѣкахъ. Нѣмецкая колонизація во многомъ измѣнила славянскій поземельный строй, но даже въ формахъ землевладѣнія сохранились слѣды стараго. Еще прочнѣе удержалась старая форма поселенiя. Изучая поселенiя этой области, Meitzen нашелъ и здѣсь села, только не кучеобразныя, а правильной формы¹⁾, и притомъ двухъ видовъ²⁾.

1) Круглыя села (Runddorf), гдѣ усадьбы расположены правильнымъ полукругомъ, иногда почти смыкаются въ полный кругъ, такъ что остается одинъ проходъ для людей и скота. Позади за дворами клиньями лежатъ огороды, за ними тянутся поля, луга и лѣса (см. рис. № 2). Эти поселенiя занимаютъ главнымъ образомъ область, лежащую по рр. Заалѣ и Эльбѣ, и не встрѣчаются восточнѣе р. Одера. Meitzen считаетъ ихъ національнымъ поселенiе славянскихъ племенъ, жившихъ въ этой мѣстности³⁾.

2) Длинныя прямыя села (Strassendorf), гдѣ усадьбы расположены длинными рядами вдоль дороги, по обѣимъ сторонамъ ея; за

хотя для части ея аналогичную карту. Необходимый для этого матеріалъ имѣется и у насъ. Отъ такой работы выиграло-бы и законодательство о разверстанiи и расселенiи.

¹⁾ Села эти, по Meitzen'у произошли отъ разростанiя большихъ семейныхъ коммунъ (задругъ), въ свою очередь выросшихъ отъ дѣленiя племенъ (Meitzen. „Die Ausbreitung der Deutschen in Deutschland und ihre Besiedelung der Slavengebiete“ въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“. Bd. XXXII, 1879, I, стр. 15—18).

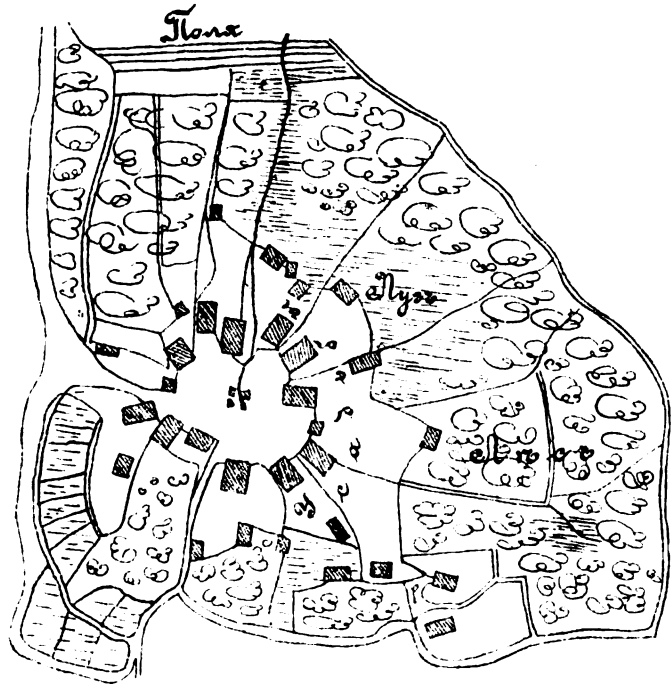
²⁾ Meitzen. Siedelung und Agrarwesen. I, стр. 52—53; II, стр. 412—414; III, стр. 452—456.

³⁾ Села эти характерны для племени Sorben-Wenden, заселявшему въ 6 вѣкѣ междурѣчье Заале-Эльба. Здѣсь у гор. Галле еще теперь можно наблюдать рѣзкую границу между областью славянскихъ круглыхъ селъ и областью германскихъ селъ (Meitzen. Siedelung. III, приложение 3). Fr. Tezner (Die Slaven in Deutschland. Braunschweig. 1902) приводитъ примѣры круглыхъ селъ полабовъ въ Ганноверѣ, въ округѣ Люховъ. напр., село Klennow и др. (стр. 352—355). У него же приведенъ рисунокъ стараго круглаго поселенiя Romowe съ изображенiемъ жертвоприношенiя посреди сельской площади (стр. 20). У сорбовъ Tezner наблюдалъ, однако, не одни круглыя, но и продолговатыя села, равно какъ смѣсь круглыхъ и длинныхъ. Всѣ, впрочемъ, правильной формы (стр. 294).

дворами лежать огороды, такъ что все село представляетъ удлиненный четырехугольникъ (см. рис. № 3). Иногда усадьбы расположены двумя дугами, между которыми лежитъ довольно большой выгонъ¹⁾.

Рис. № 2.

Круглое славянское село.
[Runddorf].

Вицце (Witzetze) въ окр. Люнебургъ ок. Люхова въ Ганноверѣ. [Meitzen. Siedelung. I. Стр. 52].

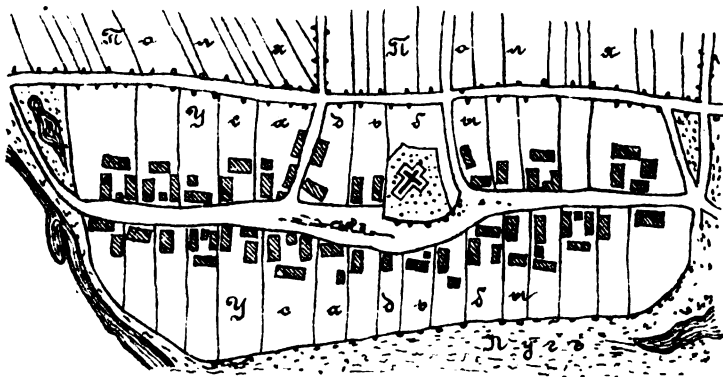
Противоположность германскимъ и славянскимъ селамъ представляютъ поселенія хуторами (Einzelhofsystem), гдѣ группа хозяйствъ живетъ обособленными дворами, изъ которыхъ каждый окруженъ своими полями (см. рис. № 4). Такія поселенія уже въ 7 вѣкѣ наблюдались въ Ирландіи, они же были въ Уэльсѣ, распространились въ Галліи и до сихъ поръ наполняютъ $\frac{2}{3}$ Франціи (гальскіе хутора); исключеніе составляютъ только области, подвергшіяся

¹⁾ См. Tezner. Die Slaven in Deutschland, стр. 295. Происхождение длинныхъ прямыхъ селъ Meitzen объясняетъ слияніемъ нѣсколькихъ задругъ или разростаніемъ одной задруги изъ центра въ обѣ стороны.

вліянію германцевъ 1). Тѣ же отдѣльные двory встрѣчаются въ горныхъ областяхъ юга Германіи. Здѣсь, говоритъ Meitzen, ихъ можно было бы объяснить раздробленностью мелкихъ плодородныхъ участковъ, кстати въ тѣхъ же областяхъ въ широкихъ долинахъ люди живутъ селами. Но оказывается, что главною областью хуторовъ въ Германіи является не гористый югъ, а сѣверо-западъ: нижній Рейнъ, Фрисландія (западная часть Ганновера и Ольденбурга) и Вестфалія 2).

Рис. № 3.

Длинное прямое славянское село.
[Strassendorf].

Требницъ (Trebnitz) въ округѣ Мерзебургъ въ пров. Саксоніи.
[Meitzen. Siedelung. I, стр. 53].

При этомъ, какъ видно на картѣ поселеній, рѣзкой границей хуторовъ и селъ служитъ р. Везеръ: на западъ отъ нея лежатъ хутора, на востокъ—германскія села. Всѣ эти факты Meitzen сопоставляетъ съ другими фактами: въ Ирландіи, Уэльсѣ и Франціи туземнымъ населеніемъ являются кельты, въ горахъ юга Германіи нѣкогда жили кельты; наконецъ, сѣверо-западъ Германіи по р. Везеръ—это старая кельтская область, за Везеромъ же начинается исконная германская земля. Такое совпаденіе границъ хуторовъ съ границами кельтскихъ областей наводитъ Meitzen'a на мысль о кельтскомъ происхожденіи поселенія хуторами 3). Съ нимъ связана своеобразная форма землевладѣнія и землепользованія.

1) Meitzen. Siedelung. I, стр. 174—180, 190—201; III, прилож. 23—26 и 150.

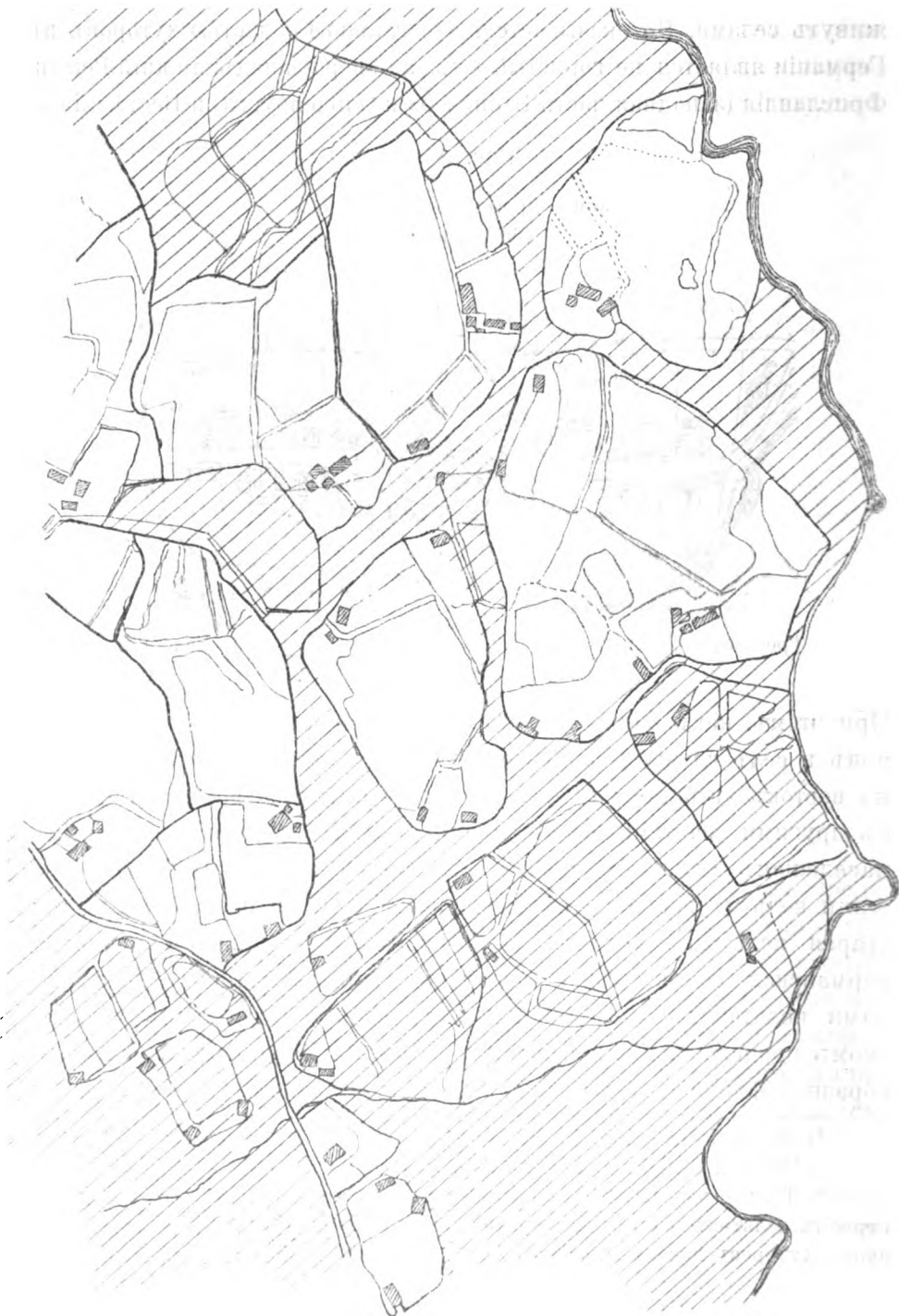
2) Meitzen. Siedelung. I, стр. 512—526; II, стр. 657—658.

3) То, что кельты селились хуторами, Meitzen связываетъ съ кланнымъ строемъ кельтовъ и его аристократическимъ характеромъ. Древность кельтскихъ хуторовъ доказываютъ уже карты и историческія извѣстія 1600 г. Воз-

Рис. № 4.

Отдѣльные дворы [хутора] въ Ганноверѣ [Gross Mimmelage, окр. Оснабрюкъ].
[Meitzen. Siedlung. Atlas. Anlage 89].

Заштрихована общинная земля и хутора, возникшіе на ней впоследствии.

Таковы основные національные типы поселеній. Кромѣ нихъ, отчасти при помощи планомѣрной дѣятельности крупныхъ земле-владѣльцевъ, отчасти подъ вліяніемъ природныхъ условій, возникли нѣкоторые другіе виды поселеній.

Такъ, въ южной Германіи германскія села распространились сперва лишь въ близлежащихъ болѣе удобныхъ мѣстностяхъ. Обширныя менѣе удобныя земли отошли королямъ и дворянству, долго оставались пустыми, и лишь постепенно на нихъ поселены были крестьяне. Иногда селилась цѣлая партія, она размѣщалась по своему обычному способу, и возникали новыя германскія села¹⁾. Но чаще земля заселялась исподволь отдѣльными семьями или небольшими группами. Тогда возникали либо отдѣльные хутора, увеличивавшіе число существовавшихъ здѣсь издавна кельто-романскихъ поселеній хуторами, либо мелкіе поселки въ нѣсколько дворовъ (Weiler, см. рис. № 5). Послѣднихъ много въ Баваріи и Вюртембергѣ²⁾.

Подъ вліяніемъ естественныхъ условій почвы сложилось еще два вида поселеній. Это раньше всего—горныя ленточныя поселенія со своеобразнымъ расположеніемъ полей (Hagen-или Waldhu-

никновеніе этихъ поселеній Meitzen относитъ приблизительно къ 600 г. по Р. Х.; оно совпадаетъ съ переходомъ пастушескихъ союзовъ къ земледѣлію. Каждый кланъ былъ обособленной единицей со своей особой землей. Во главѣ стояли начальники. Сильной властью послѣднихъ Meitzen объясняетъ возможность столь ранняго возникновенія поселеній хуторами. Кланъ при переходѣ къ земледѣлію подѣлили землю между поселеніями (townland), а земля поселеній раздѣлена была между отдѣльными хозяйствами, причемъ каждое получило полевую и луговую землю въ цѣльномъ кускѣ. Такъ на почвѣ кланнаго строя выросли поселенія хуторами. Общинные лѣса, выгоны и пустоши отдѣляли одно такое поселеніе отъ другихъ (Meitzen. Siedelung. I, стр. 174 и сл.). Кажущееся противорѣчіе, состоящее въ томъ, что германцы, распространяясь на югъ и востокъ, заносили всюду свои германскія села, тогда какъ, занявъ старыя кельтскія земли за Везеромъ, они сохранили кельтское поселеніе,—объясняется, по Meitzen'у, тѣмъ, что сюда германцы пришли еще кочевниками, не выработавши своего поселенія, почему и взяли готовое кельтское (Siedelung. I, стр. 522—526, 537; II, стр. 90—97). Подтвержденіе этого онъ видитъ въ томъ, что германское племя Marsen, позже занявшее сосѣднюю мѣстность Hellweg (въ Вестфалии), уже поселилось селами, хотя до того тамъ были кельтскіе хутора (Siedelung. II, стр. 658).

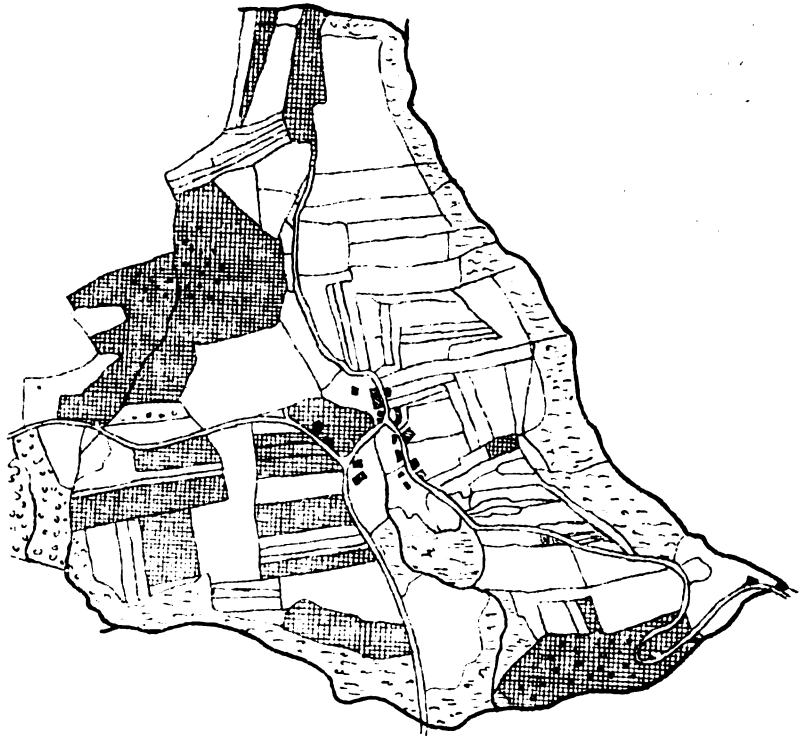
¹⁾ Meitzen. Siedelung. II, стр. 324—326.

²⁾ Meitzen. Siedelung. I, стр. 431—441; II, стр. 326—329.

fen)¹⁾. Вдоль ручья или рѣки, по обѣимъ сторонамъ ихъ, тянутся длинными лентами усадьбы²⁾; отъ каждой усадьбы узкой полосой бѣгутъ вверхъ луга и поля, переходящія въ горахъ въ общинныя пастбища и лѣса (см. рис. № 6). Поселенія эти имѣютъ форму села,

Рис. № 5.

Поселокъ (Weiler) поадѣйшаго происхожденія (и нарѣзка земли, называвшаяся Königshufen).
Заштрихованы земли одного владѣльца.

Неметсвейлеръ (Nehmetsweiler) въ окр. Равенсбургъ въ Вюртембергѣ.
[Meitzen. Siedelung. I, стр. 432].

но по строенію своему и расположенію полей представляютъ рядъ примыкающихъ другъ къ другу хуторовъ. Такія поселенія разбросаны по верхней Баваріи, Шварцвальду, Оденвальду, Тюрингін, и

¹⁾ Meitzen. Siedelung. I, стр. 51; II, стр. 329—343. Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. I, стр. 315 и 328—329; II, стр. 6—7.

²⁾ У Roscher'a (Nationalökonomik des Ackerbaues, 13. Aufl., стр. 336) приведенъ примѣръ дер. Jachenau въ Баваріи, которая тянется на протяженіи 3 часовъ ходьбы.

далее на востокъ по Руднымъ и Судетскимъ горамъ, изрѣдка попадаются они въ Мекленбургъ и Помераніи.

Рис. № 6.

Горныя ленточныя села. (Waldhufen).

Франкенау (Frankenau) въ корол. Саксоніи ок. Миттвейда.
[Meitzen. Siedelung. I, стр. 51].

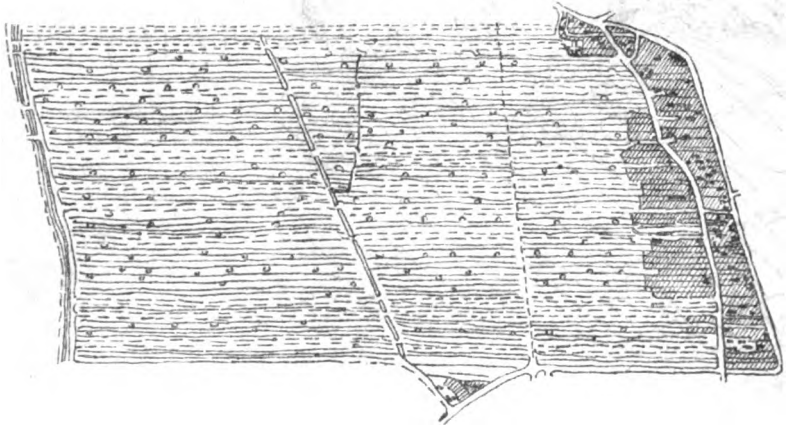
Схожи съ горными селами, но созданы иными естественными условіями маршевыя села (Marschhufen)¹⁾. Усадьбы расположены въ одинъ рядъ (иногда въ два) вдоль плотины, къ каждой усадьбѣ примыкаетъ узкая длинная правильная полоса земли (см. рис. № 7). Поселенія эти еще въ 12 вѣкѣ основаны были фламандскими поселенцами въ маршахъ Везера и Эльбы и распространились затѣмъ подъ названіемъ „фламандскихъ гуфъ“ по всему сѣверному побережью Германіи, отчасти проникли въ глубь страны, въ низменныя прирѣчныя мѣста.

¹⁾ Meitzen. Siedelung. II, стр. 350—361.

Таковы главнѣйшіе типы, къ которымъ сводить Meitzen различные поселенія Германіи. Собранный имъ фактическій матеріалъ сразу же былъ высоко оцѣненъ германскою спеціальною литературой. Онъ выясняетъ многія особенности поземельнаго строя различныхъ частей Германіи и даетъ нѣкоторыя отправныя точки для оцѣнки землеустроительнаго законодательства. Съ этой цѣлью и я пользуюсь матеріаломъ Meitzen'a. Но данное имъ освѣщеніе этого матеріала и его „національная“ теорія поселеній подверглись суровой критикѣ историковъ и экономистовъ.

Рис. № 7.

Поселеніе и гуфы въ маршахъ. [Marschhufen].

Зибенгёфенъ (Siebenhöfen) около Штаде въ Ганноверѣ.
[Meitzen. Siedlung. I, стр. 48].

Однимъ изъ первыхъ выступилъ противъ этой теоріи G. F. Кнарр¹⁾. Онъ считаетъ произвольнымъ утверженіе Meitzen'a, будто хутора—кельтская форма поселенія, а села—германская. Ссылаясь на область Hellweg въ Вестфалии, онъ отмѣчаетъ, что въ этой об-

¹⁾ Grundherrschaft und Rittergut. Leipzig. 1897 (статья „Siedlung und Agrarwesen nach A. Meitzen“), стр. 101—120. Ср. также J. Willbrand „Zur Keltenfrage“ (Beilage zur Allg. Zeitung. 1899. № 353), равно какъ цитированныя раньше работы Wittich'a и R. Hildebrand'a.

ласти поселенія носятъ форму селъ, хотя вездѣ въ Вестфалии они состоятъ изъ хуторовъ. Причина, по мнѣнiю Кнарра, въ лучшей почвѣ Hellweg'a¹⁾. „Не должны-ли люди вообще охотнѣе выбирать села на удобной, равнинной, плодородной почвѣ, отдѣльные же дворы на гористой, разнообразно изрѣзанной?“—строить догадку Кнарр²⁾. Именно такъ расположены села и хутора въ Вестфалии. Самъ Meitzen отмѣтилъ, что села распространились вездѣ, гдѣ были обширныя равнины съ достаточно плодородной почвой³⁾; наоборотъ, въ верхней Германiи и Альпахъ много отдѣльныхъ дворовъ и мелкихъ поселковъ⁴⁾. Вообще, по Кнарру, на характеръ поселенiй помимо національныхъ особенностей, и гораздо сильнѣе ихъ, влiяли свойства мѣстности и черты социальнаго устройства, напримѣръ, различныя формы крѣпостныхъ отношенiй.

Вопросу о поселенiяхъ удѣляетъ вниманiе G. Schmoller въ своемъ курсѣ⁵⁾. Онъ отмѣчаетъ сложность и запутанность вопроса. Это дѣлаетъ понятнымъ, почему до сихъ поръ нѣтъ полной ясности

¹⁾ Приведенное на стр. 19 (прим.) объясненiе Meitzen'a Кнарр считаетъ натяжкой. Почему тогда въ Норвегiи германцы поселились хуторами? Meitzen приписываетъ это влiянiю прежнихъ жителей—финновъ, жившихъ хуторами. Но не проще ли объяснять условiями природы, а именно тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ долины, годныя для земледѣлiя, не велики и разбросаны. Норвегiя, говоритъ Кнарр, яснѣе всего показываетъ, что даже германецъ умѣетъ иногда поступать цѣлесообразно, вмѣсто обязательнаго „volkstümlich“ или „volksmässig“ (Grundherrschaft, стр. 118—119).

²⁾ Grundherrschaft, стр. 118.

³⁾ Meitzen. Siedelung, II, стр. 600.

⁴⁾ Meitzen. Siedelung, II, стр. 662; Кнарр. Grundherrschaft, стр. 119. Еще Маугер писалъ о селахъ и хуторахъ: „Поселенiя отдѣльными дворами могутъ мѣстами имѣть основанiе въ особыхъ национальныхъ чертахъ населенiя, но обыкновенно сама мѣстность опредѣляетъ характеръ поселенiя. Тогда какъ въ равнинахъ, гдѣ есть мѣсто и пища для многихъ, создавались села съ общинными полями, въ горахъ, лѣсахъ, маршахъ и др. мѣстахъ, гдѣ недостатокъ пространства и годной для обработки земли дѣлалъ невозможнымъ большое поселенiе, люди селились хуторами. Замѣчательно ясно видно это въ баварскихъ, тирольскихъ и швейцарскихъ Альпахъ. Всѣ поселенiя состоятъ тамъ изъ такихъ лежащихъ другъ возлѣ друга хуторовъ, тогда какъ рядомъ въ большихъ долинахъ и равнинахъ лежатъ села съ общинными полями. То же наблюдается въ Оденвальдѣ“ (Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung, 1854, стр. 10).

⁵⁾ Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Leipzig, 1900, I, стр. 254—263

въ теоріи первоначальныхъ поселеній. Особенно трудно рѣшеніе вопроса о селахъ и хуторахъ ¹⁾).

Разбирая теорію Meitzen'a, Schmoller говоритъ: „Гипотеза нашла много сторонниковъ, но и вызвала многочисленныя возраженія. Она объясняетъ нѣкоторыя географическія различія, для пониманія которыхъ до нея не было ключа; она принимаетъ въ соображеніе племенные и народныя особенности, на которыя до того обращали очень мало вниманія. Но, быть можетъ, она слишкомъ преувеличиваетъ значеніе различнаго духовнаго склада и правовыхъ воззрѣній кельтовъ и германцевъ, и слишкомъ низко оцѣниваетъ вліяніе топографіи, качества почвы и тому подобныхъ условій. Она сводитъ различіе поселеній главнымъ образомъ на аристократическій строй кельтовъ и демократическій германцевъ, но при этомъ остается много неразрѣшенныхъ сомнѣній и вопросовъ. Что касается насъ, то.... намъ кажется мало вѣроятнымъ, чтобы кельты такъ рано образовали систему хуторовъ, которая въ другихъ случаяхъ является преимущественно продуктомъ высшей сельскохозяйственной культуры или природной необходимости...“ ²⁾. Критику Meitzen'a Schmoller за-

¹⁾ Сложившійся въ Западной Европѣ послѣ великаго переселенія народовъ характеръ поселеній, по мнѣнію Schmoller'a, образовался на югѣ подъ вліяніемъ государственнаго, культурнаго и хозяйственнаго строя античнаго міра. Но сѣвернѣ Альпъ, какъ показали Meitzen, это вліяніе распространилось очень мало. Здѣсь поселенія отлились въ свои теперешнія формы подъ воздѣйствіемъ образа жизни и хозяйства кельтскихъ, германскихъ и славянскихъ народовъ. Наибольшее различіе наблюдается между поселеніемъ хуторами и селами. Для рѣшенія вопроса о происхожденіи этихъ двухъ формъ необходимо, говоритъ Schmoller, на ряду съ технико-хозяйственной стороной вопроса принять во вниманіе и другія условія. Хуторъ выше технически, онъ сберегаетъ издержки и даетъ много другихъ выгодъ. Но эти преимущества не могли еще сказаться на низшихъ ступеняхъ культуры, а многія другія черты дѣлали его неудобнымъ: онъ лишаетъ общества и защиты. Селиться хуторами, поэтому, рѣшаются лишь тамъ, гдѣ къ этому принуждала суровая природа. Но переходъ къ поселенію обособленными дворами могъ облегчаться двумя условіями: 1) тамъ, гдѣ селилась большая группа лицъ—напр., помѣщичья семья съ многочисленными служащими или монастырь,—она могла образовать отдѣльный „дворъ“, 2) тамъ, гдѣ отдѣльныя небольшія (крестьянскія) семьи были объединены въ союзы, прочно организованные властью или товарищескими началами, онъ также могли селиться хуторами. Вотъ та масса условій, которыя должны быть учтены при разрѣшеніи вопроса (Grundriss. I, стр. 259—260).

²⁾ Grundriss. I, стр. 262.

ключаетъ слѣдующимъ собственнымъ построениемъ: „Если наложеніе теорій поселенія мы должны закончить словами *non liquet*, если приходится констатировать, что всѣ попытки вычитать изъ мѣстъ Тацита систему сель или хуторовъ тщетны (онъ говоритъ лишь, что германцы не строили своихъ деревянныхъ домовъ стѣна къ стѣнѣ, какъ строили римляне свои каменные ¹⁾), если надо признать, что надъ исторіей поселеній въ Европѣ ранѣе 10—11 вѣка лежитъ еще до настоящаго времени покровъ, то все же мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, что самыми старыми являются небольшія деревни ²⁾), что затѣмъ неоднократно основывались хутора, главнымъ образомъ при содѣйствіи королей, крупныхъ землевладѣльцевъ, монастырей и ихъ людей. Позже, съ наступленіемъ времени крѣпостничества, образованіемъ городовъ и общимъ повышеніемъ культуры—деревни значительно увеличились, хутора отчасти снова исчезли. Интенсивное же развитіе хуторовъ принадлежитъ лишь послѣднимъ столѣтіямъ“ ³⁾).

Сопоставляя сказанное Meitzen'омъ, его предшественниками и оппонентами по поводу причинъ, вызвавшихъ тѣ или другія формы поселеній, можно замѣтить слѣдующее. Относительно самыхъ первыхъ поселеній нѣтъ точныхъ данныхъ. Но есть много основаній согласиться со Schmoller'омъ, что повсемѣстно въ Германіи таковыми были не-

¹⁾ Такъ объясняетъ Schmoller приведенное выше мѣсто изъ 16 гл. „Германія“. Толкованіе это надо признать правильнѣе пониманія Mösler'a. Оно подтверждается заключительными словами этого мѣста: „... sive adversus casus ignis remedium, sive inscicia aedificandi“ („въ видахъ ли предохраненія отъ случаевъ пожара, или по неумѣнью строиться“, руск. перев. Модестова, т. I, стр. 49).

²⁾ Свою догадку Schmoller обосновываетъ тѣмъ, что въ самое первое время люди уже были объединены въ родовые и племенные союзы. Ради защиты, общенія и взаимной помощи эти союзы сообща кочевали, такъ же обща, держась возможно ближе другъ друга, осѣдали они, когда основывали сперва временныя, а потомъ постоянныя поселенія. Поэтому, полагаетъ Schmoller, на первыхъ ступеняхъ хозяйственной жизни, какъ у германцевъ и славянъ, такъ и у кельтовъ преобладали небольшія деревни. Онѣ были различны въ зависимости отъ національности, характера мѣстности, способа хозяйства, но въ общемъ довольно однообразны. Хутора въ это время представляли исключеніе. Они возникали лишь тамъ, гдѣ неблагоприятныя почвенныя и климатическія условія требовали извѣстнаго разсѣянія людей ради пропитанія.

³⁾ Grundriss. I. стр. 262.

большія деревни—совмѣстныя поселенія группы родственниковъ¹⁾. Лишь въ неудобныхъ гористыхъ мѣстахъ люди сразу принуждены были ютиться отдѣльными дворами. Но дальнѣйшее развитіе шло двумя путями. Въ мѣстностяхъ болѣе плодородныхъ и равнинныхъ ростъ населенія и культуры повлекъ за собою разростаніе малыхъ деревень въ крупныя села; особенно способствовалъ такому сгущенію населенія недостатокъ воды. Наоборотъ, въ мѣстностяхъ съ неплодородной почвой, лѣсной и гористой, гдѣ удобная для земледѣлія почва встрѣчается небольшими оазисами, размноженіе населенія и расширеніе земледѣлія повели къ образованію многочисленныхъ выселковъ и хуторовъ, въ которыхъ потонуло незначительное количество прежнихъ деревень. Національныя черты населенія оказывали при этомъ вліяніе, но онѣ лишь усиливали склонность къ извѣстному виду поселенія, закрѣпляли его за данной группой людей и создавали, не смотря на неодинаковыя природныя условія, сплошныя районы поселеній одного вида. Такъ, вліяніе національности могло создать на сѣверѣ Германіи западнѣе р. Везера сплошной районъ хуторовъ, а на востокъ отъ этой рѣки—повсемѣстное распространеніе деревень. Такимъ же пивеллирующимъ факторомъ позднѣе выступила власть господина. Она отливала на обширныхъ пространствахъ процессъ заселенія пустыхъ земель въ однообразныя формы и въ однихъ мѣстахъ создавала цѣлыя массы хуторовъ и мелкихъ поселковъ, въ другихъ, наоборотъ, уничтожала хутора и сбивала людей въ большія села. При этомъ сказывалось различіе формъ крѣпостныхъ отношеній. На западѣ Германіи онѣ болѣе способствовали росту числа хуторовъ, на востокѣ —разростанію сель.

Что касается различныхъ формъ села, то нѣкоторыя изъ нихъ непосредственно обусловливаются топографіей мѣстности. Таковы ленточныя горныя и маршевыя поселенія; оба вида сопровождаются и своеобразнымъ расположеніемъ полей. Объяснить происхожденіе неправильнаго „Haufendorf“, съ одной стороны, и двухъ правиль-

¹⁾ По словамъ I. Wimmer'a (Geschichte des deutschen Bodens mit seinem Pflanzen-und Tierleben von der keltisch-römischen Urzeit bis zur Gegenwart. Historisch-geographische Darstellung. Halle a. S. 1905, стр. 38—39), въ южной Германіи названіе многихъ деревень оканчивается на „ingen“ (въ Баваріи на „ing“) или „heim“, что однозначуще съ русскимъ „ичи“ и обнаруживаетъ первоначальное родство односельцевъ.

ныхъ сель (круглаго и прямого длиннаго), съ другой, — много труднѣе. Сведеніе ихъ Meitzen'омъ на различіе германской и славянской національности врядъ ли правильно полностью, а кромѣ того оставляетъ открытыми вопросы: почему же германцы селились неправильными, а славяне правильными селами, почему одни славяне жили въ круглыхъ, а другіе въ прямыхъ селахъ? Недавно I. R. Mucke предложилъ новую оригинальную теорію сель¹⁾, но ее

¹⁾ Urgeschichte des Ackerbaues und der Viehzucht. 1898. Mucke считаетъ неправильнымъ дѣленіе Meitzen'a на германскія (Haufendorf) и славянскія (Rund-и Strassen-или Reihendorf) села. По мнѣнію Mucke, всѣ села „рядовыя“ (Reihendorf), такъ какъ люди располагались рядами. Только ряды усадебъ принимали то форму корабля, то вьющейся линіи, то прямой линіи въ одинъ рядъ, то форму кольца. Поселеніе же, названное Meitzen'омъ „Haufendorf“, представляетъ собою позднѣйшее сліяніе рядовъ разныхъ формъ (стр. 174—175). И происхожденіе рядовыхъ сель разныхъ формъ вовсе не національное. „Исторія національностей, говоритъ Mucke, можетъ ожидать плодотворныхъ указаній отъ хозяйственной исторіи, а не, наоборотъ, послѣднія отъ исторіи національностей. Я думаю, поэтому, что слишкомъ поспѣшно сводить различные виды поселенія людей на національныя особенности народовъ и говорить о германскихъ, славянскихъ и кельтскихъ поселеніяхъ“ (стр. 322). Самъ Mucke, какъ уже сказано выше, различаетъ 1) осѣдлыхъ жителей долинъ, земледѣльцевъ (арійцевъ) и 2) кочевниковъ, жителей горъ (генетовъ). И вотъ первые селились домами въ видѣ корабля, гдѣ двумя рядами другъ противъ друга располагались отдѣльныя семьи. Путемъ разростанія такого жилья въ обѣ стороны образовалось то, что Meitzen называетъ Reihен-или Strassen-dorf (стр. 111—160). Тѣ же жители равнинъ, поселяясь у рѣкъ и морей, строились на сваяхъ и располагали дома лентами въ одинъ или два ряда; забираясь водными путями въ горы, они также располагали жилища лентами въ два ряда: въ маршахъ возникала лента домовъ въ одинъ рядъ (стр. 167—173). Иначе селились горные кочевники. Они также располагали жилища въ извѣстномъ порядкѣ, но порядокъ былъ иной. Уже самое жилище ихъ носило другую форму—оно было кругло. Возникло оно, вѣроятно, изъ расположенія вокругъ огня во время стоянокъ. Въ каждомъ такомъ кругломъ жильѣ (юртѣ) помѣщалась семья человекъ въ 10—12. 10—12 семей объединялись въ сотни (Hunderschaft), и вотъ 10—12 юртъ располагались въ кругъ, образуя одно круглое поселеніе. Таковы поселенія монголовъ временъ Чингисъ-Хана. Обыкновенно по срединѣ находилось огороженное мѣсто для совѣтовъ, сборищъ, жертвоприношеній. Таково, по мнѣнію Mucke, происхожденіе Runddorf, которое Meitzen считаетъ исключительно славянскимъ (стр. 215—231). Часто такое поселеніе не составляло полнаго круга, а $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ его, тогда получались многочисленныя подково-и дугообразныя села. Во время странствованія горные кочевники входили въ соприкосновеніе съ осѣдлыми жителями равнинъ. Возникали войны. Послѣ нихъ часто тѣ и другіе сливались и селились рядомъ, каждый своимъ способомъ. Иногда обѣ формы, прямая и круглая, спле-

можно пока считать лишь остроумной гипотезой, требующей научной провѣрки. Въ очень многихъ случаяхъ форма села объясняется гораздо проще природными условіями мѣстности. Такъ, значительное число прямыхъ продолговатыхъ селъ объясняется тѣмъ, что люди располагали свои усадьбы вдоль берега рѣки или оврага. Часто это—села, выросшія на большой проѣзжей дорогѣ, и пр. Всѣ ли однако, случаи можно свести на эти условія, или здѣсь дѣйствовали какія-либо болѣе общія причины, для рѣшенія этого вопроса нѣтъ пока матеріаловъ.

Впрочемъ, для нашей цѣли вопросъ о томъ или иномъ рисункѣ села менѣе важенъ. Какова бы ни была форма селъ (кромѣ горныхъ и маршевыхъ), они остаются селами. Слѣдовательно, для всѣхъ ихъ одинаково встаетъ вопросъ о расселеніи, и даже форма расположенія полей у нихъ въ общемъ одинакова. Для цѣлей землеустройства важно главнымъ образомъ различіе между селами и хуторами. И изученіе Германіи съ этой точки зрѣнія показываетъ, что преобладающей формой поселенія на большей части ея территории было село. Съ нимъ, поэтому, главнымъ образомъ пришлось, и въ настоящее время приходится, считаться землеустроительному законодательству. Историческій обзоръ формъ поселеній даетъ при этомъ цѣнныя указанія. Онъ показываетъ, что на протяженіи вѣковъ формы эти смѣнялись одна другою. Слѣдовательно, и дальше смѣна возможна. Но то же историческое обозрѣніе ясно говоритъ, что смѣна эта можетъ происходить лишь исподволь. Всякое поселеніе есть результатъ медленнаго приспособленія человѣка къ окружающей его внѣшней природѣ, продуктъ даннаго хозяйственнаго и общественнаго строя, отраженіе національныхъ и бытовыхъ особенностей населенія. Отсюда выводъ: законодательство должно съ

тались другъ съ другомъ. Изъ такого слиянія и произошли тѣ села, которыя Meitzen называетъ „Haufendorf“, считая ихъ исключительно германскими. До сихъ поръ, по словамъ Muske, сохранились села, представляющія ясное соединеніе прямоугольника и круга (стр. 286—287).

Итакъ, Muske считаетъ всѣ села (Ortschaft) рядовыми. Они бываютъ слѣдующихъ видовъ: прямое длинное село (разновидности горныя, ленточныя и маршевыя), круглое село и смѣшанная форма. Противоположность Ortschaft составляетъ то, что называютъ хуторами, отдѣльными дворами (villa, Weiler). Это, по Muske, позднѣйшее поселеніе, являющееся слѣдствіемъ разростанія прямыхъ селъ. Впрочемъ, вопроса о происхожденіи поселенія хуторами онъ едва касается (стр. 326—327).

большой осторожностью прикасаться къ сложившимся формамъ населенія. Задача его лишь облегчать переходъ къ формамъ, болѣе отвѣчающимъ измѣнившимся условіямъ хозяйства и общественной жизни. Оно должно при этомъ учитывать всѣ особенности данной мѣстности, даннаго населенія, его общественный и хозяйственный уровень и пр. Всякая рѣзкая, грубо нивелирующая ломка явилась бы свидѣтельствомъ незнанія того, какой долгой и трудной исторической процессъ представляетъ сложившія различныя формы населеній.

Теперь я перехожу къ другой сторонѣ стараго поземельнаго строя Германіи—къ формамъ землевладѣнія. Я разсмотрю ихъ исторію, чтобы сдѣлать понятными тѣ формы, которыя явились предметомъ законодательной дѣятельности 19 вѣка.

Здѣсь мы окунаемся въ любопытнѣйшіе и наиболѣе спорные вопросы древняго хозяйства и права, и среди нихъ въ столь много дебатировавшіеся вопросы объ общинномъ землевладѣніи: существовало ли оно у германцевъ? если да, то въ какой формѣ? когда возникло? на какія земли оно распространялось?

Начну съ представителей такъ называемой „общинной теоріи“. Подъ послѣдней я понимаю то историческое воззрѣніе, по которому у германцевъ, подобно прочимъ народамъ, до образованія частной собственности на землю, вся земля составляла собственность общины, при этомъ поля и часть луговъ до превращенія въ частную собственность отдавались во временное пользованіе отдѣльныхъ хозяйствъ и съ цѣлью уравниенія землевладѣнія періодически передѣлялись между этими хозяйствами.

Въ 1821 году въ Копенгагенѣ появилась упомянутая мною выше работа датскаго землемѣра, позднѣе профессора и академика, Ojufsen'a о крестьянскомъ землевладѣніи въ Даніи¹⁾. Авторъ ея пришелъ къ выводу, что въ Даніи частному землевладѣнію пред-

¹⁾ Название этой работы таково: „Bidrag til Oplysning om Danmarks indvortes Forfatning i de aeldre Tider, isaer i det trettende Aarhundrede“ („Вкладъ къ выясненію внутренняго устройства Даніи въ древнѣйшія времена, особенно въ 13 вѣкѣ“). Съ содержаніемъ ея я ознакомился по Hanssen'y (Agrarhistorische Abhandlungen. I. Leipzig. 1888, стр. 4—25) и Meitzen'y (Siedelung. I, стр. 20 и сл.).

шествовало общинное владѣніе всей землею, въ томъ числѣ полевою, съ періодическими передѣлами ея¹⁾.

Этотъ выводъ совпадалъ съ описаніями поземельнаго строя сосѣднихъ германскихъ областей и наталкивалъ на мысль о томъ, что таковъ вообще былъ поземельный строй древнихъ германцевъ. Подтверженіемъ являлись и нѣкоторыя мѣста у Цезаря и Тацита²⁾.

Все это связалъ въ одно аграрный историкъ G. Hanssen³⁾. Онъ дополнилъ наблюденія Olufsen'a собственными въ округѣ Трирѣ (въ Рейнской провинціи), гдѣ еще въ половинѣ 19 вѣка мѣстами не только луга и пастбища, но поля и полевые огороды составляли

¹⁾ На мысль о существованіи у древнихъ датчанъ періодическихъ передѣловъ полевой земли навело Olufsen'a главнымъ образомъ повторявшееся производство такъ наз. „Reebningsprocedur“. Она состояла въ томъ, что черезъ извѣстные промежутки времени поля промѣрялись (Reeb—палка для измѣренія земли), и при этомъ у однихъ владѣльцевъ отрѣзались участки и прирѣзались другимъ. Часто эти переверстки захватывали значительное число жителей селенія.

²⁾ Цезарь о племени суэвовъ говоритъ: „Sed privati ac separati agri apud eos nihil est, neque longius anno remanere uno in loco incolendi causa licet“ (Com. de bel. gal. VI. 1) (Но у нихъ вовсе нѣтъ частныхъ и отдѣленныхъ полей, и больше года имъ нельзя оставаться на одномъ мѣстѣ съ цѣлью прочнаго поселенія). О германцахъ вообще онъ замѣчаетъ: „Neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum qui una coierunt quantum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno post alio transire cogunt“ (ib. VI. 22) (И никто не имѣетъ точной мѣры и собственныхъ границъ поля, а магистраты и начальники ежегодно отводятъ родамъ и семьямъ, живущимъ сообща, поля сколько и въ какомъ мѣстѣ хотятъ, и на другой годъ заставляютъ переходить на новое мѣсто) Тацитъ говоритъ о германцахъ: „agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur. quos mox inter se secundum dignitatem partiuntur. Facilitatem partiendi camporum spatia praestant. Arva per annos mutant, et superest ager. Nec enim cum ubertate et amplitudine soli labore contendunt“... (Germania, 26). (Поля они занимаютъ попеременно, соответственно числу земледѣльцевъ, и затѣмъ дѣлятъ ихъ между собою по степени значенія лица. Раздѣлъ земли облегчаютъ широкія пространства. Пашни они мѣняютъ каждый годъ, и у нихъ все-таки остается земля, такъ какъ они не состязаются трудомъ съ плодородіемъ и большимъ размѣромъ своей земли... рус. пер. Модестова. Сочиненія Корнелія Тацита, т. I, стр. 54).

³⁾ Статья „Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit“, появилась впервые въ 1835—37 гг. въ журналѣ Falk'a, перепечатана въ сборникѣ Hanssen'a: „Agrarhistorische Abhandlungen“. I. Leipzig, 1888, стр. 1—76. Тамъ же другая статья „Wechsel der Wohnsitze und Feldmarken in germanischer Urzeit“ (I. стр. 77—98).

общинную собственность и передѣлялись по жребію каждыя 9—12 лѣтъ¹⁾. Hanssen увидѣлъ въ этихъ фактахъ остатки общиннаго строя, существовавшаго прежде у всѣхъ германцевъ²⁾.

Со времени Hanssen'a въ германской наукѣ начинается представленіе о старомъ поземельномъ строѣ германцевъ, какъ строѣ общинномъ, съ уравнительнымъ землепользованіемъ и періодическими передѣлами полей, на почвѣ котораго лишь постепенно выросла частная земельная собственность.

Это представленіе было подкрѣплено работою А. v. Haxthausen'a объ остаткахъ общиннаго землевладѣнія въ Вестфалии и особенно описаніемъ его путешествія по Россіи³⁾, работою, которая не только для Западной Европы, но и для многихъ русскихъ „открыла“ великорусское общинное землевладѣніе. Это бросило новый сравнительно-историческій свѣтъ на описанные выше остатки общиннаго земельного строя древнихъ германцевъ.

Мысль о томъ, что у германцевъ на первыхъ порахъ существовала общинная собственность на всю, въ томъ числѣ и полевою,

¹⁾ Статья „Die Gehöferschaften im Regierungsbezirk Trier“; помѣщена впервые въ „Abhandlungen der Kgl. Akademie der Wissenschaft zu Berlin“ (1863), перепечатана въ Agrarhist. Abhandl., I, стр. 99—122. Во многихъ общинахъ Трира передѣлы полей прекращены были лишь спеціальными договорами о неповтореніи переверстокъ въ 1811—34 гг. и позднѣе. Въ другихъ общинахъ передѣлы прекратились въ концѣ 18 вѣка, но необработанныя земли передѣлялись и дальше. Въ одномъ случаѣ передѣлы прекратились въ 1655 г., но въ 1724 г. возобновились и еще въ 60-хъ годахъ 19 вѣка повторялись регулярно каждыя 12 лѣтъ. Прекращеніе передѣловъ и раздѣлъ общинныхъ земель въ частную собственность пошли быстрѣе лишь съ конца 18 вѣка; особенно много раздѣловъ произведено было во время прусскаго кадастра 30-хъ и 40-хъ годовъ и послѣ закона о раздѣлѣ общинныхъ земель 1851 года. Но еще въ 1878 г. въ округѣ Триръ было 20 общинъ съ 889 ha общинной полевой земли и 81 община съ 74192 ha общиннаго лѣса. Изъ этихъ земель въ послѣдствіи раздѣлено было 736 ha поля и 1714 ha лѣса. Такимъ образомъ, въ настоящее время старыя „Gehöferschaften“ владѣютъ почти исключительно лѣсными и другими невоздѣланными землями (см. статьи „Gehöferschaften“: Lamprecht'a въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, 2. Aufl. IV, стр. 52 и сл., и Fuchs'a въ „Wörterbuch der Volkswirtschaft“ Elster'a, 2. Aufl. I, стр. 928—929).

²⁾ „Общая земельная собственность въ трирскомъ Гохвальдѣ и на правомъ берегу Мозеля представляетъ собою не исключеніе изъ общаго первоначальнаго состоянія, а свидѣтельствуетъ о самомъ этомъ общемъ первоначальномъ состояніи“ (Agrarhist. Abhandl., I, стр. 123).

³⁾ „Studien über die innere Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Hannover und Berlin. 1847—52. Besonders § 13.

землю, получила широкое распространение послѣ появленія работъ G. L. v. Mauger'a ¹⁾. „Первая обработка почвы, говоритъ онъ, начата не отдѣльными лицами, а цѣлыми родами и племенами... ходъ исторіи вообще и старѣйшія дошедшія до насъ извѣстія, сопоставленныя съ позднѣйшими состояніями, удостовѣряютъ истинность этого“ ²⁾. Первоначальное заселеніе Германіи произведено кочевниками, котормъ уже знакомо было земледѣліе. Пастбища этихъ кочевниковъ находились въ общей собственности рода или племени, изъ нихъ отводились участки для обработки; расчистка и распашка этихъ участковъ производилась сообща, и они лишь на время отдавались въ частное пользованіе отдѣльныхъ лицъ. Периодически участки эти передѣлялись ³⁾. Лишь постепенно изъ временнаго пользованія выросла частная собственность. Вся земля общины называлась „маркой“ (Mark) ⁴⁾ и распадалась на 3 части: 1) усадьбы—частная собственность, 2) поля—общинная собственность, но временное частное пользованіе и 3) пастбища и лѣса—общинная собственность и общее пользованіе. Изъ этой первоначальной общности

¹⁾ Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung und der öffentlichen Gewalt München, 1854.

²⁾ Einleitung, стр. 3.

³⁾ Доказательствами существованія изложеннаго строя замлевлдѣнія служатъ, по мнѣнію Mauger'a, раньше всего приведенныя мною выше мѣста изъ Цезаря и Тацита. Затѣмъ онъ ссылается на установленную Olufsen'омъ „Reebningsprocedur“, которую онъ считаетъ периодическимъ уравненіемъ владѣнія. „При первоначальномъ заселеніи всѣ члены общины получали равные участки; всякое неравенство, возникавшее съ теченіемъ времени, могло быть уничтожено, и первоначальное равенство возстановлено при помощи примѣненія Reebningsprocedur,—цѣль, которая достигалась еще у народа израильскаго учрежденіемъ юбилейнаго года“ (Einleitung, стр. 72, см. также стр. 92—124). Наконецъ, Mauger ссылается на нѣкоторые древніе акты и между прочимъ на эдиктъ Chilperich'a 574 года, § 3 этого эдикта говоритъ, что если у умершаго не осталось дѣтей, то „frater terras accipiat, non vicini“. Mauger заключаетъ отсюда, что до указа въ случаѣ отсутствія дѣтей наследовали „сосѣди“, т. е., члены общины. Эдиктъ, такимъ образомъ, лишь одинъ изъ этаповъ въ выработкѣ частной собственности изъ собственности общинной (Einleitung, стр. 8).

⁴⁾ „Mark“ первоначально обозначала „знакъ“ (марка), потомъ отмѣченную знаками линію—„границу“, а затѣмъ пространство земли, очерченное этой границей, равно какъ людей живущихъ на этомъ пространствѣ съ ихъ социальнымъ устройствомъ („Markverfassung“), позднѣе вообще населенное сельское мѣсто со всѣми относящимися къ нему общинными и частными землями (Mauger, Einleitung, стр. 40—41 и 44—45).

землевладѣнія Mauger построилъ весь позднѣйшій хозяйственный укладъ стараго германскаго села.

Теорію Mauger'a воспринялъ W. Roscher ¹⁾. Ссылаясь на Цезаря, Тацита и нѣкоторые другіе источники, онъ приходитъ къ выводу, что у древнихъ германцевъ не только пастбища и лѣса, но и поля находились въ общинной собственности (*Feldgemeinschaft*). Приведя примѣры такого же строя землевладѣнія во многихъ другихъ государствахъ, Roscher объявляетъ его „общимъ социальнымъ принципомъ“ для ступени культурнаго развитія, лежащей между кочевничествомъ и прочнымъ осѣдлымъ земледѣліемъ съ частной земельной собственностью, ступени, которую одни народы пережили быстро, другіе переживаютъ медленно, въ зависимости отъ свойствъ характера, замкнутости и другихъ условій жизни.

Богатый сравнительный матеріалъ объ общинномъ землевладѣніи собралъ G. S. Maine ²⁾, но для исторіи германской марки онъ не даетъ ничего новаго, обрисовывая ее по Mauger'у.

Такой же сравнительно-исторической характеръ носитъ работа E. de Laveleye ³⁾. Исторіи германскаго землевладѣнія посвящена отдѣльная глава ⁴⁾, гдѣ авторъ, основываясь на изслѣдованіяхъ

¹⁾ Nationalökonomik des Ackerbaues. 13. Aufl. (подъ редакціей Dade). 1903, § 71 (*Feldgemeinschaft*), стр. 317—382.

²⁾ Г. С. Мэнъ. Деревенскія общины на востокъ и на западъ (1871 г.). Рус. пер. подъ ред. Н. С. Кутейникова. Спб. 1874. Въ III лекціи, посвященной общинѣ на западѣ, авторъ между прочимъ пишетъ: „Нѣтъ страны, населенной арийской расой, гдѣ не осталось бы слѣдовъ древняго періодическаго передѣла. Онъ продолжался до нашихъ временъ въ русскихъ деревняхъ. Между индусскими поселенцами очень распространены преданія о томъ же процессѣ, и онъ, безъ сомнѣнія былъ источникомъ нѣкоторыхъ обычаевъ, удержавшихся до нашего времени въ Англіи и Германіи“ (стр. 47—48; ср также стр. 44—45).

³⁾ Эмиль-де-Лавеле. Первобытная собственность (1874 г.) Рус. пер. подъ ред. Н. С. Кутейникова. Спб. 1875. „Мало по малу, говоритъ авторъ, часть земли на короткое время обращается подъ обработку, и устанавливается земледѣльческій порядокъ; но территория, занимаемая кланомъ или племенемъ, остается его нераздѣльной собственностью. Пахотная земля, пастбище и лѣсъ владѣются сообща. Впослѣдствіи, воздѣланная земля раздѣляется на участки, распределяемые между семьями по жребію; индивидууму предоставляется, такимъ образомъ, только временное пользованіе Земля продолжаетъ оставаться коллективной собственностью клана, къ которому и возвращается отъ времени до времени, чтобъ можно было приступить къ новому раздѣлу. Эта система дѣйствуетъ и теперь въ русской общинѣ; во времена Тацита такова же была система германскихъ племенъ“ (рус. пер., стр. 4).

⁴⁾ Рус. пер., стр. 67—91.

Mauger'a, обрисовываетъ строй германской марки и ея прежнее общинное землевладѣніе. Для нашей цѣли большой интересъ представляетъ нѣмецкій переводъ книги Laveleye, такъ какъ издатель его—K. Bücher¹⁾—снабдилъ его обширными дополненіями, касающимися специально Германіи. Bücher'a также должно причислить къ сторонникамъ общинной теоріи. Онъ подтверждаетъ ее раньше всего ссылкой на многочисленные остатки бывшей общности въ современной деревенской жизни²⁾. Далѣе, Bücher приводитъ рядъ случаевъ, когда еще въ 19 вѣкѣ сохранялось въ Германіи общинное владѣніе полевыми землями съ періодическими передѣлами ихъ³⁾.

¹⁾ E. de Laveleye. Das Ureigenthum. Autorisirte deutsche Ausgabe, herausgegeben und vervollständigt von Dr. Karl Bücher. Leipzig. 1879. См. главу VI, написанную Bücher'омъ (стр. 86—112).

²⁾ Напр., поддержка общинниковъ въ несчастіи, обработка въ воскресенье земли большого огородника, помощь при постройкахъ, содержаніе общаго пастуха и быковъ, общее пользованіе пастбищами и лѣсомъ. Все это, конечно, ничего еще не говоритъ о существованіи общинной собственности на поляныя земли.

³⁾ Таковы случаи дикаго подсѣчного и залежнаго земледѣлія съ періодическими передѣлами полей на отдаленныхъ, гористыхъ земляхъ въ горахъ Эйфель (Рейнская провинція). Эти земли (Schiffeln) передѣлялись, тогда какъ близнія находились въ постоянномъ обладаніи частныхъ лицъ (стр. 93). Таковы же земли въ Вестервальдѣ и Фогельсбергѣ (провинція Гессенъ-Нассау и герцогство Гессенъ), гдѣ еще въ 1848 году сохранялись передѣлы. Но и здѣсь велось лишь залежное хозяйство (стр. 94). Таковы передѣляемыя земли (Vöhden) въ Вестфалии въ округѣ Мюнстеръ, описанныя Schwerz'емъ въ 1817 году. Здѣсь 4 года земля находилась подъ полемъ и состояла въ частномъ пользованіи, а затѣмъ на долгое время поступала въ общее пользованіе въ видѣ пастбища (стр. 95). Затѣмъ Bücher указываетъ на упомянутыя выше „Gehöferschaften“ въ Трирѣ, считая, что въ нихъ „еще достаточно хорошо сохранились остатки старой общинной собственности съ періодическими передѣлами“ (стр. 96). Отмѣчаетъ онъ и своеобразное лѣсопольное (огневое) хозяйство на общинныхъ земляхъ въ округѣ Зигенъ на югѣ Вестфалии. Здѣсь еще въ 1877 г. изъ всей площади въ 64, тыс. на лишь 14, тыс. было подъ частными полями, лугами и огородами, 46, тыс. находилось подъ лѣсомъ; изъ нихъ 8,2 тыс. было въ частной собственности и составляло строевой лѣсъ, остальные 38,8 тыс. представляли низкорослый быстро вырубаемый лѣсъ, идущій на добычу коры и др. продуктовъ (Hauberge), послѣ рубки котораго земля на нѣкоторое время поступала подъ культуру хлѣбовъ; главная часть этого лѣса—34,2 тыс. на—находилась въ собственности общинъ (стр. 103 и сл.). Все приведенные случаи Bücher считаетъ остатками стараго полевого строя. Но мы увидимъ сейчасъ, что главнѣйшіе изъ нихъ возникли позже. Другіе являются остатками общиннаго владѣнія лѣсами, пастбищами и пустошами, временно поступающими подъ поля, а не постоянными

Черезъ три года послѣ книги Laveleye появилась работа американскаго этнолога Lewis Morgan'a¹⁾. Авторъ ея не говоритъ спеціально о германцахъ, но онъ, какъ общее положеніе для всѣхъ народовъ, признаетъ, что частной земельной собственности предшествовала общинная²⁾. При этомъ, по Morgan'у, эволюція земельной собственности тѣсно связана съ развитіемъ семьи. Родовой строй создалъ родовую собственность, изъ которой лишь послѣ сформированія обособленной семьи выросла индивидуальная собственность.

Та же мысль о повсемѣстности общиннаго владѣнія землею, въ томъ числѣ и полевыми землями, на ряду со многими другими русскими писателями была высказана историкомъ М. Ковалевскимъ³⁾.

полевыми землями. Какъ возникли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ участки общинныхъ передѣляемыхъ полей (полевыхъ альмендъ), увидимъ дальше. О нихъ самъ Bücher говоритъ отдѣльно, какъ о явленіи позднѣйшаго происхожденія.

¹⁾ Л. Морганъ. Первобытное общество. Изслѣдованіе прогресса человѣчества изъ дикаго состоянія къ варварству и изъ варварства къ цивилизаціи. (1877 г.) Рус. пер. Румянцева подъ ред. Кудрявскаго и съ предисл. М. Ковалевскаго. Спб. 1900.

²⁾ См. часть IV: „Развитіе идеи собственности“ (стр. 518—545). „... различные виды землевладѣнія, говоритъ Морганъ, показываютъ, что первоначально земля находилась исключительно въ общинномъ владѣніи племени. Послѣ того, какъ появилось земледѣліе, часть земли, принадлежавшей племени, была раздѣлена между родами. Каждый родъ сохранялъ свой кусокъ точно также въ общинномъ владѣніи, пока съ теченіемъ времени не стало практиковаться надѣленіе земельными участками отдѣльныхъ лицъ, что привело наконецъ къ полной частной собственности. Необработанныя земли и пустоши оставались, однако, какъ и прежде, собственностью рода, племени или націи. Таково, повидимому, было въ общемъ развитіе земельной собственности“ (стр. 533). Изъ этихъ словъ, впрочемъ, еще не видно, признавалъ ли Морганъ неизбѣжнымъ общинное владѣніе полями съ періодическими передѣлами ихъ. Скорѣе онъ полагалъ, что эти земли тотчасъ послѣ распадки становились постоянной, наследственной частной собственностью. Такъ, объ индѣйцахъ онъ говоритъ: „Хотя земля оставалась въ общинной собственности племени, однако, стало признаваться право владѣнія отдѣльныхъ лицъ или группъ лицъ на обработанную ими землю, которая вслѣдствіе этого стала также объектомъ наследованія“ (стр. 523). На стр. 523 онъ говоритъ о томъ же народѣ: „Землей владѣютъ они сообща, какъ собственностью общины, но если кто-нибудь обработалъ кусокъ земли, то онъ имѣлъ на нее личное право, которое онъ могъ продать кому-нибудь другому въ общинѣ“. Все это не совмѣстимо съ періодическими передѣлами обработанныхъ земель.

³⁾ „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія. Ч. I. Общинное землевладѣніе въ колоніяхъ и вліяніе поземельной по-

До самого послѣдняго времени многіе видные нѣмецкіе писатели настаиваютъ на томъ, что у древнихъ германцевъ нѣкогда всѣ земли находились въ собственности общины, въ томъ числѣ поля и луга ¹⁾).

Но эта теорія далеко не является общепризнанной. Къ ней снова и снова возвращаются изслѣдователи, и цѣлый рядъ новыхъ авторовъ подвергъ ее суровой критикѣ. При этомъ одни изъ критиковъ не отрицаютъ общинной собственности на всю землю для того времени, когда германцы были скотоводами-кочевниками, но полагаютъ, что съ переходомъ ихъ къ осѣдлому земледѣлю обработанныя земли сразу стали частною собственностью, не проходя стадіи временнаго частнаго пользованія съ періодическими передѣлами. Другіе идутъ еще дальше и отвергаютъ исконность всякой общинной собственности; даже для необработанныхъ земель она, по ихъ мнѣнію, явленіе позднѣйшаго времени.

литики на его разложеніе. М. 1879, стр. 3—25. Специально о германскомъ общинномъ землевладѣніи онъ говоритъ въ работѣ „Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства“. М. 1898—1903. т. I. стр. 31—49, 182—233, 432—457; т. II, стр. 133—238. Его же „Развитіе народнаго хозяйства въ Западной Европѣ“. Спб. 1899, особенно приложение I.

¹⁾ Таковы: L. v. Stein. Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft (Die irische, die continentale und die transatlantische Frage). Stuttgart. 1881, стр. 14—19 („этимъ высшимъ принципомъ былъ принципъ общности всего землевладѣнія“); A. Heusler. Institutionen des deutschen Privatrechts. Leipzig. 1885, Bd. I, стр. 262—282. Историкъ германскаго права Н. Brunner пишетъ: „Общность полей (Feldgemeinschaft) и марковое товарищество (Markgenossenschaft) не являются отличительными учрежденіями однихъ германцевъ Сравнительное правовѣдѣніе не только смогло показать существованіе общинной собственности на землю у родственныхъ имъ народовъ древнѣйшаго и болѣе новаго времени, но выставляетъ ее, какъ повсемѣстно распространенный первобытный институтъ, который у различныхъ народовъ земного шара подъ вліяніемъ общихъ условій удержался до настоящаго времени въ качествѣ наблюдаемой, какъ правило, формы владѣнія“ (Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig. 1887, Bd. I, стр. 63—64). Общинная теорія отчасти свозитъ у G. Schmoller'a Grundriss. I, стр. 371 и слѣд.). Въ 1896 г. въ защиту теоріи Maurer'a выступилъ Н. Cunow въ предисловіи къ новому изданію „Einleitung“ Maurer'a. О F. Rachfahl'ѣ см. ниже. Распространенное мнѣніе повторили недавно безъ всякихъ сомнѣній и безъ указанія на существованіе критической литературы: историкъ Д. Петрушевскій (Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. М. 1907. Очеркъ 2-ой, стр. 190—213) и экономистъ В. Левитскій (Исторія политической экономіи въ связи съ исторіей хозяйственнаго быта. I вып. Греція, Римъ и средніе вѣка. Харьк. 1907, стр. 65—67).

Зародыши этих критических течений очень стары.

Камералисты и агрономъ Thaer держались убѣжденія, что земля съ самаго начала захватывалась отдѣльными лицами, и лишь позже при разростаніи сельъ возникла общинная связанность землевладѣнія. Одинъ писатель начала 19 вѣка, финансовый совѣтникъ Albert, не только признавалъ общинное землевладѣніе продуктомъ позднѣйшаго развитія, но впервые высказалъ мысль, что оно насаждено было помѣщичьею властью¹⁾.

По мнѣнію стараго автора, G. Waitz'a²⁾, поскольку хватаетъ историческихъ данныхъ, у германцевъ можно установить только частную собственность на поля, общинную составляли лишь пастбища и лѣсъ.

Серьезный ударъ общинной теоріи нанесенъ былъ K. Lamprecht'омъ³⁾. Онъ предпринялъ специальное обследованіе „Gehöferschaften“ Трира, на которыхъ главнымъ образомъ покоилось ученіе Hanssen'a объ исконности общинной собственности на полевья земли у германцевъ.

Изученіе кадастровыхъ книгъ этой мѣстности показало съ несомнѣнностью позднѣйшее происхожденіе, какъ общинной собственности, такъ и передѣловъ въ трирскихъ общинахъ. Lamprecht приводитъ карты общинъ съ общинными полями и для тѣхъ же общинъ болѣе раннія карты безъ такихъ полей. Происхожденіе этихъ общинныхъ земель, чисто крѣпостническое⁴⁾. Выводъ Lamp-

¹⁾ См. Hanssen, Agrarhist. Abhandlungen. I, стр. 26.

²⁾ Привожу по Meitzen'y. Siedelung. III, стр. 588.

³⁾ Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter (Untersuchungen über die Entwicklung der materiellen Kultur des platten Landes auf Grund der Quellen zunächst des Mosellandes). 1885—1886, V. 1, стр. 442—458.

⁴⁾ Возникли общинныя поля слѣд. путемъ. У помѣщиковъ имѣлись пустыя земли. Въ 9—10 вѣкахъ часть ихъ помѣщики начали распахивать, прибѣгая для этого къ помощи барщиннаго труда крестьянъ (распаханныя такъ земли назывались „Beunde“, по „Deutsches Wörterbuch“ J. und W. Grimm отъ „biunda“, „Bünde“—участокъ въ обладаніи, въ отличіе отъ пустоши; также отъ „binden“—огораживать. Ср. Lamprecht, I, стр. 423 и сл., Meitzen. Siedelung. I, стр. 136—137; II, стр. 586—587). Распашка производилась сообща цѣлыми группами крестьянъ. Къ 12—13 вѣку барщинная обработка постепенно перешла въ сдачу земель крестьянамъ въ аренду за опредѣленную плату. При этомъ отдавалась земля также не отдѣльнымъ крестьянамъ, а цѣлымъ товариществамъ ихъ, въ которыя часто входили члены разныхъ общинъ. Этимъ объясняется непонятное иначе несовпаденіе границъ „Gehöferschaften“ съ грани-

recht'a¹⁾: „Gehöferschaft—это община, выросшая на почвѣ крѣпостного строя. Она вовсе не продолженіе и не остатокъ германской общины, а сравнительно молодое образованіе. Лишь ради нѣкоторыхъ аналогій она можетъ быть важна для пониманія первобытнаго состоянія.“ Lamprecht допускаетъ, что нѣкогда могло существовать общинное владѣніе полями, но уже для эпохи *ex Salica* не можетъ быть рѣчи объ общинѣ въ этомъ смыслѣ²⁾.

Если все это такъ, то та часть общинной теоріи Hanssen'a, которая построена на трирскихъ общинахъ, падаетъ.

Новыя пораженія нанесены были этой теоріи французскимъ историкомъ Fustel de Coulanges'емъ³⁾. На основаніи интерпретаціи

цами деревень. Арендуя сообща, крестьяне сами разверстывали между собою снятую землю. Отсюда передѣлы ея. „Такъ какъ крѣпостные крестьяне не были собственниками, и земледѣліе было очень не сложно, то они не были заинтересованы въ томъ, чтобы удерживать свои опредѣленные участки, имъ важно было лишь, чтобы послѣдніе были равномерно распределены между ними“ (Lamprecht. I, стр. 445; ср. также стр. 446—449). Когда это арендное право къ 14—15 вѣкамъ превратилось въ наследственные арендные отношенія передѣлы чужой земли приобрѣли видъ общиннаго передѣляемаго землевладѣнія (Feldgemeinschaft). Въ этомъ видѣ застало ихъ освобожденіе крестьянъ и научное наблюденіе. Изрѣдка, впрочемъ, возникали и свободныя общины, но образцомъ для нихъ служили крѣпостныя. Однако, осторожный Lamprecht прибавляетъ: „Мыслимо, что очень интенсивное мѣстное обследованіе нашло бы здѣсь и тамъ отдѣльныя общины, возникшія не на крѣпостной почвѣ. Это возможно, но не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ общины, для которыхъ существуютъ болѣе точныя историческія свѣдѣнія, крѣпостного происхожденія“ (стр. 458). Н. Brunner полагаетъ, что этимъ замѣчаніемъ Lamprecht колеблетъ сказанное имъ раньше о „Gehöferschaften“ (Deutsche Rechtsgeschichte, I, стр. 63, примѣч.). Упрекъ совершенно неосновательный. Новая работа о трирскихъ общинахъ F. Rösig'a (Die Entstehung des Landeshoheit des Trierer Erzbischofs zwischen Saar, Mosel und Ruwer. Trier. 1906, см. G. v. Below „Feldgemeinschaft“ въ „Wörterbuch der Volkswirtschaft“ Elster'a, 2 Aufl. I B., стр. 814) показала лишь, что онѣ возникли еще позже, чѣмъ думалъ Lamprecht. Объ общинахъ въ Гунсерюкѣ и Эйфелѣ см. Meitzen'a. Siedelung, II, стр. 602—614. Долгое сохраненіе передѣловъ въ Трирѣ Lamprecht объясняетъ прежней налоговой системой, которая здѣсь обращалась „къ общей рукѣ обязанныхъ, а не къ отдѣльнымъ обязаннымъ“. Кромѣ того передѣлы поддерживались очень экстенсивной обработкой общинныхъ земель, такъ какъ это обыкновенно были очень отдаленныя поля (стр. 452, 454).

¹⁾ Deutsches Wirtschaftsleben, I, стр. 445.

²⁾ Deutsches Wirtschaftsleben, I, стр. 449—450.

³⁾ Recherches sur quelques problèmes d'histoire. Paris. 1885, отдѣлы: „Recherches sur cette question: les germains connaissaient-ils la propriété des terres?“ (стр. 187—315) и „De la marche germanique“ (стр. 317—356).

приведенных мною выше мѣсть Цезаря и Тацита, равно какъ на основаніи изученія сборниковъ обычнаго права и древнѣйшаго законодательства германцевъ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Германцы уже въ эпоху Цезаря распались на неравные классы (богатые, бѣдные, знатные, свободные, рабы, вольноотпущенники). Такой социальный строй трудно совмѣстимъ съ аграрнымъ коммунизмомъ, ибо непонятно, какъ могли возникнуть такія неравенства въ обществѣ, которое періодически передѣляло землю между своими членами¹⁾. Этому противорѣчитъ существованіе наслѣдованія земли²⁾. Свидѣтельства римскихъ писателей также ничего не говорятъ объ общинной собственности³⁾. Что же касается позднѣйшихъ правовыхъ сборниковъ германцевъ, то ни одинъ изъ нихъ, какъ показываетъ Fustel de Coulanges, не содержитъ и намека на общинную собственность на полевую землю⁴⁾. Все это заставляетъ его отрицать существованіе когда-либо этой собственности у германцевъ.

¹⁾ Recherches, стр. 218, 309--310.

²⁾ Три правила наслѣдованія можно наблюсти у древнихъ германцевъ: необходимое наслѣдованіе, отсутствіе завѣщанія и исключеніе женщинъ. „Эти три правила во всякомъ обществѣ являются спутниками семейной собственности, и ни въ коемъ случаѣ не аграрнаго коммунизма“ (Recherches, стр. 247).

³⁾ Мѣсто Цезаря о суэвахъ (IV. 1) не типично, такъ какъ они были исключительно военнымъ племенемъ, въ которомъ поочередно одна половина людей занималась земледѣліемъ, а другая—войной. Другое мѣсто о германцахъ вообще (IV. 22) говоритъ, что отдѣльный индивидуумъ не имѣлъ собственной земли, слѣд. могла быть семейная собственность; что же касается передѣловъ, то это были лишь перемѣщенія пашни въ интересахъ обработки земли, а не ради уравниванія (Recherches, стр. 262). Тацитъ (26 гл.) ничего не говоритъ о частной или общинной собственности, онъ говоритъ лишь объ обработкѣ земли и о томъ, что техника земледѣлія того времени заставляла мѣнять земли; получалась своеобразная форма владѣнія—семья принадлежало опредѣленное пространство, но конкретно участокъ постоянно мѣнялся. Однако, смѣна эта происходила „не ради уравниванія долей, а лишь для того, чтобы найти менѣе истощенную землю“ (Recherches, стр. 283, 289).

⁴⁾ „Если читать эти кодексы съ нѣкоторымъ вниманіемъ, въ нихъ не найдется ни малѣйшаго намека на ежегодный и періодическій передѣлъ земли, или на обработку ея сообща... То, что можно найти въ нихъ, это, наоборотъ, частная земельная собственность, охрана этой собственности, уваженіе къ изгородямъ и границамъ, продажа и дареніе земельныхъ имуществъ; наконецъ, строгія правила наслѣдованія, относящіяся специально къ землѣ. Вотъ признаки, по которымъ нельзя не узнать уже долго существовавшей привычки къ собственности“ (Recherches, стр. 306—307).

Но и „марка“ въ смыслѣ общиннаго владѣнія неводѣлан-ными землями, по его мнѣнію, далеко не такъ стара, какъ это думаютъ. Въ такомъ значеніи она не упоминается въ источникахъ ранѣе 11—12 вѣка. Происхожденіе ея, по мнѣнію Fustel de Coulanges'a, крѣпостническое, выросла она изъ общаго пользованія крестьянъ неводѣланными землями помѣщика ¹⁾.

Работа Fustel de Coulanges'a, строго обоснованная на источникахъ, прибавила новыя очень серьезныя возраженія противъ установившейся догмы объ общинномъ владѣніи полями древнихъ германцевъ. Что же касается неводѣланныхъ земель, то Fustel de Coulanges врядъ-ли правъ, придавая общему пользованію ими исключительно крѣпостническій характеръ. Возможно, что въ періодъ борьбы съ помѣщиками за общіе лѣса и пастбища у крестьянъ явнѣ выработалось понятіе общиннаго права на нихъ. Но самое общее пользованіе ими, конечно, старше всѣхъ источниковъ Fustel de Coulanges'a, а на почвѣ его незамѣтно выросла общинная собственность на эти земли ²⁾.

¹⁾ На языкѣ 6 и 7 вѣка „marca“ тождественна съ лат. „terminus“—это граница королевства или частной домены; иногда это сама собственность, но ни слѣда о томъ, что это неводѣланныя и общинныя земли (Recherches, стр. 330). Также въ 8—9 вѣкѣ марка еще или граница государства, или сама территория, или граница частной собственности, или сама собственность (стр. 331). Но въ послѣднемъ случаѣ „марка“ всегда предметъ частной собственности: ее продаютъ, дарятъ, оставляютъ наслѣдникамъ. Въ этомъ смыслѣ „marca“ 8—9 вѣка есть лат. „villa“ (стр. 336—337). Съ 13 вѣка „маркой“ называютъ общія земли. Онѣ существовали и раньше (съ 7 вѣка), но назывались „communia“. Fustel de Coulanges приводитъ рядъ текстовъ, изъ которыхъ видно, что эти „communia“ были помѣщичьими землями, отдаваемыми въ общее пользованіе крестьянъ. До 11 вѣка объ иныхъ „communia“ не упоминается (стр. 341—343). Съ 12 и 13 вѣковъ лѣсныя и пастбищныя части такихъ „communia“ называются „альмендами“ (акты 1150, 1164, 1268 гг.), но это тоже помѣщичьи земли, отданныя въ общее пользованіе крестьянъ („allmenda nostra per nostrum dominium constituta“) (стр. 350—352). Къ тому же вѣку относятся акты, въ которыхъ говорится, что народъ началъ называть такіе альмендные лѣса „марками“. Съ этого времени термины „communia“, „Allmende“ и „Mark“ становятся синонимами, и съ этого же времени „марка“ употребляется не только въ смыслѣ общаго пользованія крестьянъ неводѣланной землей, но и въ смыслѣ общей собственности на нее крестьянской общины (стр. 351—355).

²⁾ Ср. М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства Т. I. М. 1898, стр. 432 и слѣд.

Противникомъ возрѣнія, что у германцевъ существовала общинная собственность на полевая земли съ періодическими уравнительными передѣлами ея ¹⁾, является также А. Meitzen ²⁾. Изучивъ источники съ такой подробностью, какъ это ни до него, ни послѣ него не сдѣлано ни однимъ изслѣдователемъ, Meitzen приходитъ къ слѣдующему выводу по вопросу объ общинномъ землевладѣніи у древнихъ германцевъ. Если имѣть въ виду эпоху пастушества, предшествующую основанію прочнаго поселенія, то для нея Meitzen считаетъ вѣроятнымъ не индивидуальное, а совмѣстное владѣніе землей родовыхъ и племенныхъ группъ. Нужда и необезпеченность жизни дѣлали немислимымъ распространеніе людей въ одиночку. Поэтому, едва усилилась нѣсколько связь кочевниковъ съ какой-либо областью, и сократились пустыя пространства, едва, какъ слѣдствіе этого, начало выступать понятіе права на данную территорію— право это выступило въ видѣ общаго права всей группы ³⁾. Параллельно съ этимъ выросло признаніе извѣстныхъ правъ на эту общую землю за каждымъ членомъ группы ⁴⁾.

Но съ тѣхъ поръ, какъ германцы основали прочныя поселенія, и отдѣльнымъ членамъ начали выдѣлять участки распаханной земли, на эти послѣдніе сразу возникло право частной собственности ⁵⁾. Ни одинъ источникъ не даетъ основаній для утвержденія, что у германцевъ между эпохою общности права на землю скотоводовъ-кочевниковъ и частною собственностью на поля существовала промежу-

¹⁾ Такую форму землевладѣнія Meitzen называетъ общиннымъ землевладѣніемъ (Feldgemeinschaft) въ тѣсномъ смыслѣ слова въ отличіе отъ общности владѣнія землей у скотоводовъ-кочевниковъ, или общности невоздѣланныхъ земель, или, наконецъ, череполосности полей и связанности ихъ пастбищными сервитутами. (Feldgemeinschaft въ широкомъ смыслѣ).

²⁾ Siedelung und Agrarwesen. III. Anlage 151 „Feldgemeinschaft“ (стр. 574—589); его же статья въ „Handbuch der pol. Oek.“ Schönberg'a. II, 1, стр. 152 и сл.; его же „Feldgemeinschaft“ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“.

³⁾ „Der gemeinsame Besitz“ (Siedelung. II, стр. 684).

⁴⁾ Эти права явились, по Meitzen'у, впослѣдствіи основаніемъ для опредѣленія величины надѣловъ при отводѣ полевыхъ участковъ въ частную собственность. См. дальше о „гуфахъ“.

⁵⁾ Siedelung. II, стр. 685—686; III стр. 589. „У германцевъ, пишетъ Meitzen. Индивидуалистическій народный духъ тотчасъ послѣ выхода изъ пастушескаго состоянія пробудилъ энергію и трудолюбіе отдѣльнаго отца семьи путемъ частной собственности“ („Handbuch der. pol. Oek.“ Schönberg'a. II, 1, стр. 156). Въ другомъ мѣстѣ, полемизируя съ L. v. Stein'омъ онъ говоритъ:

точная стадія въ видѣ общинной собственности на поля съ временнымъ частнымъ пользованіемъ и періодическими передѣлами. Возможно, говоритъ Meitzen, что при господствѣ переложной системы хозяйства при возвращеніи пашни на старые участки и новымъ распределеніи полосъ отдѣльные хозяева получали новыя, а не свои прежнія полосы. Это тѣмъ легче предположить, что, пока земледѣліе велось безъ удобренія и специальной обработки, такія смѣны полосъ были безразличны для хозяина, потому что всѣ полосы одного участка были одинаковаго качества. Но эти смѣны отнюдь нельзя отождествлять съ уравнительными передѣлами, потому что размѣръ владѣнія каждаго хозяина оставался при нихъ строго неизмѣннымъ. Точно также не служитъ доказательствомъ существованія у германцевъ общиннаго владѣнія полями указанная Olufsen'омъ „Reebningsprocedur“. Это было возстановленіе неправомѣрно нарушеннаго владѣнія, а не уравнительный передѣлъ¹⁾. Столь же мало доказательны другіе обычные доводы сторонниковъ общинной гипотезы. Ни Це-

„Содержаніе и форма владѣнія германца до самыхъ старыхъ слѣдовъ его прочной осѣдлости совершенно таковы, какими мы находимъ ихъ уже въ ранній періодъ безспорной собственности и отчасти въ новѣйшее время“. (A. Meitzen. Die Individualwirtschaft des Germanen und die drohende Kapital-Krisis unseres Grundbesitzes. Jahrb. für Nationalökonomie und Statistik. N. F., 1883, стр. 8).

¹⁾ Это видно изъ того, что при „Reebningsprocedur“ перемѣнялись и передѣлялись не всѣ поля, а лишь отдѣльные клинья, относительно которыхъ возникалъ споръ; подтверждается это еще и тѣмъ, что при Reebningsprocedur нерѣдко передѣлялись и усадебныя земли, хотя онѣ уже навѣрное составляли частную собственность. Историкъ G. v. Below о процессѣ „Reebning“ пишетъ то же самое: „Если кто думалъ, что путемъ перенаживанія бороздъ сосѣди нарушили его собственность, или какъ-либо иначе неправомѣрно захвачена его земля, онъ могъ требовать „Reebningsverfahren“, т. е., новаго раздѣла полевой земли съ цѣлью отвести каждому столько, сколько приходилось ему по праву. Слѣдовательно, этотъ процессъ устранялъ лишь неправомѣрное неравенство, правомѣрно же возникшее неравенство владѣнія (1/2, 1/4 гуфы и пр.) имъ не затрогивалось“ („Reebningsverfahren“ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften. VI, стр. 351). Below даже допускаетъ, что этотъ процессъ является остаткомъ старыхъ общинныхъ передѣловъ, но самъ по себѣ онъ, судя потому, что говорить о немъ источники, такимъ передѣломъ уже отнюдь не былъ. „Reebningsprocedur“, повидимому, аналогична процессу „вервленія“, описанному для сѣверныхъ губерній Россіи г-жей А. Ефименко (Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ. 1884. Вып. 1). См. ея же статью „Арханческія формы землевладѣнія у германцевъ и славянъ“

зари; ни Тацитъ ея не подтверждаютъ ¹⁾). Lex Salica и другіе источники того времени говорятъ о раздѣлахъ владѣній и отчужденіяхъ отдѣльныхъ морговъ, что трудно согласовать съ періодическими передѣлами ²⁾). Ссылки на другіе народы, за очень незначительными исключеніями, оказались неосновательными ³⁾). Что же касается наблюдавагося уже въ наше время и отчасти существующаго еще и теперь общиннаго владѣнія полями, то оно или возникло въ 12—13 вв. на бывшихъ помѣщичьихъ земляхъ, какъ это доказано для „Gehöferschaften“ Трира, или выросло еще позднѣе путемъ распашекъ общинныхъ лѣсовъ и пастбищъ, какъ это установлено для полевыхъ альмендъ южной Германіи. Въ заключеніе Meitzen говорить: „Итакъ, на вопросъ объ общинномъ землевладѣніи въ тѣсномъ смыслѣ можно лишь отвѣтить, что у нѣкоторыхъ народовъ послѣ основанія перваго прочнаго поселенія сперва имѣютъ мѣсто періодическіе передѣлы между членами общины отведенныхъ въ пользованіе ихъ участковъ; но ни у германцевъ, ни у кельтовъ, славянъ и индійцевъ, передѣлы не были исконнымъ и народнымъ обычаемъ“ ⁴⁾).

Особенно рѣзкимъ противникомъ общинной теоріи является R. Hildebrand ⁵⁾. По его мнѣнію у охотничьихъ племенъ существо-

(Сборникъ „Южная Русь“. I. Спб. 1905, стр. 413—422). Противъ сближенія „вервленія“ съ общинными передѣлами рѣзко высказывается В. Сергѣевичъ. (Древности русскаго права. III, стр. 386—395).

¹⁾ Цезарь говоритъ, по словамъ Meitzen'a, о кочевомъ періодѣ. Тацитъ не ясенъ; но глава 26 можетъ быть истолкована въ смыслѣ смѣны полей при переложной системѣ, глава же 16 прямо противорѣчитъ общинному землевладѣнію (Siedelung. III, стр. 585—587).

²⁾ Siedelung. III, стр. 588—589.

³⁾ Ст. „Feldgemeinschaft“ въ Handwb. d. Stw., также Siedelung. III, стр. 575 и сл.

⁴⁾ Siedelung. III, стр. 589. Здѣсь, какъ видно, уже нѣтъ мѣста объясненію отсутствія передѣловъ индивидуализмомъ однихъ германцевъ. Въ другомъ мѣстѣ Meitzen говорить: „Главной массѣ культурныхъ народовъ противостоятъ лишь относительно очень небольшое число племенъ, у которыхъ переходъ отъ повсемѣстно существовавшаго общаго владѣнія земель къ частной собственности, имѣвшій мѣсто при основаніи прочныхъ поселеній, можетъ быть отмѣченъ, какъ состояніе періодическихъ передѣловъ. А если это такъ, то, очевидно, невозможно положить такое переходное состояніе, въ качествѣ необходимой ступени этнологическаго развитія, въ основаніе оцѣнки исторіи всѣхъ народовъ“ („Feldgemeinschaft“ въ Handwb. d. Stw. III, стр. 845).

⁵⁾ Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. Teil. Jena. 1896.

вала собственность только на орудія охоты и на убитого звѣря, у скотоводовъ— на скотъ. Что же касается земли, то даже у первыхъ земледѣльцевъ она не стала еще предметомъ собственности. Существовало право оккупации и пользованія, но собственности ни общинной, ни частной еще не было ¹⁾. У племени (рода) существовало лишь *право на область*, т. е., публичное право, напимѣръ, не допускать къ оккупации чужеродцевъ ²⁾. Когда же возникло право собственности на землю, оно сразу возникло въ видѣ частной собственности. Даже общинную собственность на неводѣляныя земли Hildebrand считаетъ продуктомъ позднѣйшаго развитія. Таковы же, по его мнѣнію, всѣ наблюдавшіеся въ послѣднее время случаи общиннаго владѣнія полевой землей. Община, говоритъ Hildebrand, вездѣ создана особой системой обложенія и крѣпостнымъ правомъ ³⁾. Такова теорія Hildebrand'a. Онъ начинаетъ исторію не съ аграрнаго коммунизма, а, наоборотъ, ложить въ основаніе эпоху индивидуальнаго захвата. Нѣкоторыя части ученія Hildebrand'a могутъ вызвать сомнѣнія, но многія критическія замѣчанія его по адресу господствующей догмы нельзя не считать очень серьезными ⁴⁾.

¹⁾ Recht und Sitte. стр. 86.

²⁾ До Hildebrand'a аналогичное воззрѣніе высказано было Dargun'омъ („Ursprung und Entwicklungsgeschichte des Eigentums“ въ „Zeitschrift für vergleich. Rechtswissenschaft“, Bd. 5, 1884, стр. 1 и сл.). По его мнѣнію уже на древнѣйшихъ ступеняхъ развитія существовала индивидуальная собственность на землю. То, что считаютъ общинной собственностью, есть родъ верховнаго территориальнаго господства.

³⁾ Если соединить сказанное о первоначальной общинной собственности, замѣчаетъ Hildebrand, то „четвероякій корень“ всей этой теоріи таковъ (стр. 189):

1) приняли за „res communis“ то, что еще было „res nullius“;

2) приняли за общинную собственность то, что было нераздѣленнымъ наследствомъ или общей собственностью (condominium), гдѣ субъектомъ права являются отдѣльныя лица, а не община;

3) приняли за общинную собственность то, что было лишь общимъ „jus in re aliena“ крестьянъ, правомъ общаго пользованія землями, отведенными помѣщикомъ;

4) увидѣли право собственности общины въ томъ, что было лишь проявленіемъ ея публичной власти.

⁴⁾ Отъ нападокъ Hildebrand'a защищаетъ господствующую теорію F. Rachfahl („Zur Geschichte des Grundeigentums“ въ Jahrb. f. Nat-Oek. u. Stat., III F., 19 Bd., 1900, стр. 1 и сл., 161 и сл.). Ссылаясь на статью Stammler'a „Eigentum“ въ Handwb. d. Staatswiss., онъ говоритъ, что при рѣшеніи вопроса о на-

Недавно ряд интересных методологических возражений против общинной теории сдѣланъ историкомъ G. v. Below¹⁾.

Изъ русскихъ авторовъ, критически отнесшихся къ общинной теории германскаго землевладѣнія, надо на первомъ мѣстѣ поставить историка права В. Сергѣевича. Находясь подъ вліяніемъ Чичерина, но

личности права собственности важна не полнота матеріальнаго права, а исключительно право конечнаго распоряженія предметомъ. Субъектъ, которому правовой строй приписываетъ такое право, есть собственникъ. Поэтому, разъ Hildebrand признаетъ, что такое право принадлежало кому-то, значитъ, онъ признаетъ наличность права собственности. Разъ это право—въ видѣ регулированія пользованія, недопущенія чужеродцевъ и пр.—принадлежало общинѣ въ лицѣ ея magistratus ac principes, значитъ, существовала общинная собственность. Такое право общины нельзя считать только публичнымъ правомъ на область, потому что все извѣстное изъ исторіи германскаго права говоритъ, что публичныя права выросли и обособились изъ частныхъ правъ (стр. 23—24). Далѣе Rachfahl занятъ обычной интерпретаціей Цезаря и Тацита и находитъ въ ихъ словахъ указаніе на общинное владѣніе полями (стр. 169—171, 177—178, 188). „Reebningsprocedur“, вопреки установленному характеру ея, онъ по прежнему понимаетъ въ смыслѣ періодическихъ уравнивательныхъ передѣловъ (стр. 7). Интересъ представляетъ лишь первое возраженіе Rachfahl'я. Однако, вопросъ о правѣ общины на конечное распоряженіе земель, какъ правѣ частномъ, врядъ-ли можно считать рѣшеннымъ, если принять во вниманіе, что первоначально и пользованіе общинными землями и даже оккупанція ихъ во многихъ случаяхъ были совершенно свободны (см. ниже). Но, если даже признать описанное выше право общины на землю уже для перваго періода за право собственности, то все таки все извѣстное намъ о землевладѣніи древнихъ германцевъ говоритъ за то, что разъ оккупированная и распаянная отдѣльнымъ хозяиномъ площадь выдѣлялась изъ общинной земли, превращалась въ частную собственность и не подлежала болѣе никакимъ уравнивательнымъ переверткамъ. Главная часть общинной теории все-таки остается недоказанной. Получается maximum—построеніе Meitzen'a.

¹⁾ „Das kurze Leben einer vielgenannten Theorie (Über die Lehre vom Ureigentum“). Beilage zur „Allg. Zeitung“. 1903. №№ 11 и 12; ея же статья „Feldgemeinschaft“ въ „Wörterbuch der Volkswirtschaft“ Elster'a. 2 Aufl. 1906. Теорія, что общинная собственность съ передѣлами предшествовала у всѣхъ народовъ появленію частной собственности, была очень распространена, говоритъ Below, но въ послѣднія 10-лѣтія въ литературѣ все чаще и чаще высказываются противъ нея. Одинъ за другимъ падаютъ доводы, приводимые въ подтвержденіе ея. Ссылки на теперешнія общинныя земли не убѣдительны, такъ какъ эти земли не полевыя. Ссылки на остатки полевыхъ земель пали послѣ обслѣдованія ихъ исторіи. Постепенно падаютъ аналогіи съ другими странами (Индіей, Сербіей, Россіей). Below не отрицаетъ того, что у древнихъ германцевъ могла быть общинная собственность на полевыя земли. „Но основаніе для принятія этого, говоритъ онъ, мы можемъ видѣть только въ данныхъ непосредственныхъ источниковъ (т. е., въ свидѣтельствахъ Цезаря и

идя дальше его въ критицизмъ ¹⁾, Сергѣевичъ, еще въ 1864 году, слѣдовательно, лѣтъ на 20 раньше Lamprecht'a, Fustel de Coulanges'a и на 30 лѣтъ раньше Meitzen'a и Hildebrand'a, въ отчетѣ о заграничной командировкѣ ²⁾, разбирая работы Mauger'a, высказалъ нѣсколько мыслей, къ которымъ впослѣдствіи самостоятельно пришли нѣкоторые западно-европейскіе изслѣдователи.

Сергѣевичъ отмѣчаетъ раньше всего смѣшеніе подъ терминомъ „общинной собственности“ самыхъ разнообразныхъ формъ землевладѣнія, „начиная отъ простѣйшей и наиболѣе древней, когда земли не дѣлились, потому что ихъ было слишкомъ много и въ дѣлѣжъ никто не чувствовалъ потребности, и оканчивая позднѣйшей, когда земли состоятъ въ правильно организованномъ общинномъ владѣніи“ ³⁾. Далѣе онъ оспариваетъ воззрѣніе Mauger'a, что сперва община играла громадную хозяйственную роль, вся земля была въ ея собственности, и лишь позднѣе пало, какъ административное, такъ и земельное значеніе общины. Это вѣрно для административной общины, самостоятельность которой падаетъ по мѣрѣ усиленія государственнаго элемента. „Что-же касается до общины поземельной, то порядокъ былъ совершенно обратный, т. е., необходимость общиннаго хозяйства возникла только въ позднѣйшее время“ ⁴⁾. Общиннаго владѣнія полевыми землями у германцевъ, по мнѣнію Сергѣевича, не было. Онъ опровергаетъ доводы, приводимые въ пользу этого Mauger'омъ ⁵⁾.

Тацита). Отъ данныхъ сравнительной исторіи права и хозяйства, какъ опоры для нашего взгляда, мы должны отказаться. Аналогіи, къ которымъ прибѣгали до сихъ поръ, скорѣе говорятъ противъ призванія первобытной общности землевладѣнія у германцевъ, чѣмъ за него“ (Beilage. № 12, стр. 94). Въ статьѣ же „Feldgemeinschaft“ Below очень критически отзываясь о свидѣтельствахъ Цезаря и особенно Тацита.

¹⁾ См. „Древности русскаго права“, т. III, стр. 408 и сл.

²⁾ „Время возникновенія германской поземельной общины“ въ „Жур. Мин. Нар. Просвѣщ.“, часть СХХV, 1865, Февраль, стр. 110—125. Свой прежній взглядъ авторъ повторилъ въ связи съ вопросомъ о русской поземельной общинѣ въ „Древностяхъ русскаго права“, т. III, стр. 412—416.

³⁾ Указъ статья, стр. 111.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 113.

⁵⁾ Что касается Цезаря, то Сергѣевичъ также полагаетъ, что этотъ авторъ говоритъ еще о состояніи близкомъ къ кочевому. Возможно, что племя считало своею землю, по которой кочевало. „Но между этимъ очень неопредѣленнымъ отношеніемъ къ землѣ кочеваго племени, въ которомъ нисколько

Но, замѣчаетъ Сергѣевичъ, такъ какъ распашка и заселеніе земель производились не отдѣльными лицами, а большею частью цѣлыми небольшими деревнями, то у каждаго члена возникало естественное желаніе получить при этой общей распашкѣ участокъ и по качеству почвы и по положенію не хуже другихъ участковъ. Отсюда выросла та форма *частнаго* землевладѣнія, которая характерна не для однѣхъ германскихъ деревень, именно—черезполосное владѣніе полями. Такое расположеніе полей вызывало цѣлый рядъ связанностей. Это и есть, говоритъ Сергѣевичъ, такъ называемая „Feldgemeinschaft“, распространяется она именно на частныя земли и представляетъ единственное проявленіе общности полей ¹⁾.

Частной собственности не составляли лишь луга, пастбища и лѣса. Но и на эти земли далеко не сразу выработалась общинная собственность. Въ первое время этому противорѣчило неограниченное право каждаго члена общины занимать общія земли, распахать ихъ и этимъ обращать ихъ въ частную собственность, равно какъ

еще не выяснились ни права отдѣльныхъ членовъ, ни права всего племени, и тѣмъ видомъ общиннаго владѣнія, которое приписываетъ германцамъ Maurer, нѣтъ ничего общаго. Ежегодно возобновляемые надѣлы, о которыхъ говоритъ Цезарь, были слѣдствіемъ ежегодныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто. Думать, что они удержались и послѣ того какъ свежы осѣлись на постоянныхъ мѣстахъ, нѣтъ основанія, если только справедливо то, что всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину: перестала дѣйствовать причина, должно прекратиться и самое дѣйствіе“ (указ. статья, стр. 121). Свидѣтельство Тацита Сергѣевичъ считаетъ крайне неяснымъ, но слова его о перемѣнѣ полей могутъ быть истолкованы въ смыслѣ ежегодной смѣны пашни. „Reebningsprocedur“ онъ также понимаетъ отнюдь не въ смыслѣ періодическаго возстановленія земельного равенства, аналогичнаго израильскому юбилейному году. Она, по Сергѣевичу, „не болѣе, какъ способъ рѣшенія споровъ о перепаханной межѣ и вообще о всякомъ незаконномъ завладѣніи“. Сергѣевичъ ссылается на *Leges Scand.*, которыя говорятъ о „Reebningsprocedur“: „omnem injustam occupationem debet aequitatis funiculus emendare“ (что значить: всякое несправедливое завладѣніе должна исправить веревка справедливости). Раздѣлы же участковъ по наслѣдству и продажи ихъ прямо допускались законами. Слѣд., подъ „injusta occupatio“ понималось вовсе не нарушеніе земельного равенства (тамъ же, стр. 123—124). Последнее доказательство Maurer'a—приведенный выше эдиктъ Chilperich'a—также не является доводомъ за существованіе общиннаго владѣнія полями. Эдиктъ, по мнѣнію Сергѣевича, говоритъ не о прекращеніи перехода имущества къ общинѣ. Изъ полнаго текста эдикта и словъ „ut si quisquique vicinos habens aut filios“ ясно, что „vicini“ не сосѣди, а „propinqui“ (тамъ же стр. 124).

¹⁾ Указ. статья, стр. 115—116.

право выселяться на общія земли (образование *Filialdöfger*)¹⁾. Правда, община также имѣла извѣстныя права на марковыя земли. Эти права проявлялись въ томъ, что никто, не принадлежавшій къ общинѣ, не могъ ни селиться на ея земляхъ, ни покупать ихъ безъ ея согласія²⁾. „Но отсюда еще не слѣдуетъ, что община въ этотъ древнѣйшій періодъ своего существованія была собственницей, ибо въ прямомъ противорѣчьи съ понятіемъ общинной собственности стоитъ право cadaquo члена—занимать марку. Права, принадлежавшія общинѣ, правильнѣе будетъ отнести къ сферѣ правъ государственныхъ, чѣмъ гражданскихъ. Общинѣ, какъ первоначальному общественному союзу, какъ зародышу государства, принадлежать права верховнаго господства (*Obereigenthum*) надъ всей территоріей, которую она занимаетъ“³⁾.

Лишь постепенно, по мѣрѣ сокращенія нераздѣленныхъ земель, общины пришли къ сознанію своихъ общинныхъ поземельныхъ правъ и къ необходимости особыми постановленіями опредѣлить мѣру участія отдѣльныхъ членовъ и порядокъ пользованія общими землями⁴⁾. Ограниченіе правъ отдѣльныхъ членовъ шло съ извѣстной постепенностью. Прежде всего отнято было право свободно за-

¹⁾ „Изъ этихъ, можно сказать, неограниченныхъ правъ cadaquo члена общины на общую марку видно, что нераздѣльной оставалась она вовсе не потому, что по отношенію къ ней была примѣнена какая-нибудь форма общиннаго владѣнія, исключавшая частную собственность. Причина нераздѣльности лежала единственно въ обиліи земель. Никѣмъ не занятыхъ пустошей и лѣсовъ было еще такъ много, что въ пользованіи ими частные интересы не могли столкнуться, а потому не могло родиться и никакихъ вопросовъ о формѣ владѣнія. Эти вопросы возникали только тогда, когда на землю былъ затраченъ трудъ, когда она была, напр., распаханая; такая земля выходила изъ первоначальнаго безразличія и становилась частной собственностью“ (тамъ же, стр. 115). „Какъ мало община сознавала свои общинныя поземельныя права, какъ нѣчто самостоятельное и отдѣльное отъ правъ cadaquo члена порознь, видно еще изъ того, что для пользованія нераздѣльной маркой не было установлено никакой формы общиннаго хозяйства, опредѣляющей мѣру участія отдѣльныхъ членовъ въ общей маркѣ. Въ нераздѣльныхъ лѣсахъ господствовала совершенно частная система хозяйства. Всякій членъ общины пользовался ими какъ своею собственностью: рубилъ, гдѣ и сколько хотѣлъ, безъ всякихъ ограниченій“ (тамъ же стр. 115).

²⁾ Впервые объ этомъ упоминается въ *Lex Salica*, (см. Сергѣевичъ, указ. статья, стр. 116).

³⁾ Указ. статья, стр. 116.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 116.

нимать марку. Потомъ ограниченъ размѣръ пользованія и форма его, при чемъ оно признано было принадлежностью владѣнія частной землей ¹⁾. Всѣ эти новыя поземельныя отношенія, по мнѣнiю Сергѣевича, сложились въ длинный промежутокъ времени отъ 10 до 16 вѣка ²⁾. Это и было временемъ сложения дѣйствительнаго „общиннаго землевладѣнія“ ³⁾.

Отрицаетъ существованіе у германцевъ общинной собственности на полевая земли и другой русскій писатель, кн. А. Васильчиковъ ⁴⁾. Хотя въ одномъ мѣстѣ у него сквозитъ упоминаніе о чемъ-то „окончательно порванномъ и разрушенномъ“ ⁵⁾, но въ другихъ онъ опредѣленно высказывается за то, что „въ Западной Европѣ мірскаго землевладѣнія никогда не существовало“ ⁶⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя общины, впрочемъ, довольствовались при этомъ однимъ веденіемъ собственнаго хозяйства (дыма) въ данной общинѣ, другія же требовали владѣнія собственнымъ дворомъ и даже полемъ. Изъ взгляда на общія угодія какъ на принадлежность вытекала, говоритъ Сергѣевичъ, отличительная черта германскаго общиннаго владѣнія—неодинаковое участіе въ общей маркѣ; лишь иногда памятники говорятъ о „равномъ правѣ“ всѣхъ членовъ. Это отличаетъ ее отъ русской общины, гдѣ „право на общія земли—самостоятельное и принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ каждому члену, который несетъ тягло“ (указ. статья, стр. 118—119).

²⁾ „Главный источникъ этихъ новыхъ поземельныхъ отношеній составляютъ Weisthümer. Древнѣйшія изъ нихъ, если не ошибаюсь, не восходятъ далѣе XII вѣка. Но такъ какъ въ нихъ заносились по большей части обычаи, уже сложившіеся, то первые ихъ слѣды въ жизни можно относить къ XI и даже X вѣкамъ. Временемъ же, если не окончательнаго (потому что акты, воспрепятствующіе свободное пользованіе лѣсомъ, встрѣчаются и позднѣе), такъ по крайней мѣрѣ повсемѣтнаго распространенія новаго порядка общиннаго владѣнія можно считать XVI вѣкъ“ (указ. статья, стр. 117—118).

³⁾ Для признанія общиннаго владѣнія мало отсутствія опредѣленной частной собственности. „Кромѣ этого отрицательнаго признака, пишетъ Сергѣевичъ, нужны еще два положительныхъ: во 1-хъ, собственность должна принадлежать общинѣ; во 2-хъ, у отдѣльныхъ членовъ должно быть только пользованіе. Эти два положительныхъ признака начинаютъ развиваться въ германской общинѣ только во второй періодъ ея существованія. Въ первый же—у отдѣльныхъ членовъ гораздо болѣе одного пользованія, у нихъ право обращать нераздѣльную марку въ свою частную собственность; а у общины—менѣе, чѣмъ право собственности, ей принадлежитъ только право верховнаго господства“ (указ. статья, стр. 120).

⁴⁾ Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Т. I—II. Спб. 1876.

⁵⁾ Землевладѣніе и земледѣліе. I. стр. 185.

⁶⁾ „То учрежденіе, которое у германцевъ и франковъ называлось Gemeinde, commune, построено было на совершенно другихъ началахъ, чѣмъ

Я изложилъ развитіе двухъ борющихся возрѣвій. Внимательное разсмотрѣніе доводовъ за каждое изъ нихъ порождаетъ много сомнѣній; послѣднія поддерживаются недостаткомъ источниковъ для первыхъ періодовъ поземельной исторіи. Но, думается мнѣ, подтачивающая работа второго направленія и попытки его построить иную теорію развитія поземельныхъ отношеній не могутъ быть игнорируемы. Конечно, во всякомъ положительномъ построеніи зарожденія аграрныхъ отношеній долго еще останется много пробѣловъ; иногда не ясно, какъ вести нѣкоторыя очень важныя линіи. Но матеріаль, собранный и переработанный литературой, уже даетъ возможность хотя въ общихъ чертахъ, схематически обрисовать измѣненія поземельнаго строя Германіи, начиная съ древнѣйшей формы его и кончая тѣми чертами, съ которыми донесла его долгая исторія до конца 18 вѣка—момента, когда онъ сталъ объектомъ новѣйшаго законодательства. Лишь тогда вмѣстѣ съ тѣмъ намъ станутъ понятны тѣ отношенія, ликвидацію и видоизмѣненіе которыхъ это законодательство поставило своею цѣлью.

Древніе германцы: 1) кочевали ¹⁾ и 2) кочевали родовыми группами ²⁾. Этимъ опредѣлялись ихъ поземельныя отношенія. Вслѣдствіе кочевковъ земледѣліе было развито слабо, а потому связь съ землею не могла быть прочной. Съ другой стороны, поземельныя отношенія, вслѣдствіе родовой связанности людей, были запечатлѣны родовой общностью. Земля захватывалась лишь на время, но захва-

русскій міръ.... коренныя уголья, поля, луга, огороды, сады... состояли большею частью, за весьма немногими исключеніями, въ подворномъ владѣніи... Общинную ихъ связь составляли другого рода земли, запольныя, дикія и малопродуктивныя, отдаленныя пустыри, кустарники, кочкарники, торфяныя болота, которыя назывались *communaux* во Франціи, *Allmend*—въ Германіи, *openfields, wastes*—въ Англии.... корень землевладѣнія былъ поэтому, въ нѣмецкой и французской такъ-называемой общинѣ, вовсе не общинный, а участковый“... (указ. соч. II, стр. 702—703).

¹⁾ Ср. Meitzen. *Siedelung*. I, стр. 11—12, 138; II, стр. 164.

²⁾ Сперва эти группы были шире (*Gau, pagus*), но вслѣдствіе разрастанія ихъ и того, что стада не могли переходить извѣстнаго размѣра, онѣ дѣлились на болѣе узкія группы (*Hunderschaft*, сотня, приблизительно въ 100—120 семействъ или около 1000 душъ). См. Meitzen. *Siedelung*. I, стр. 140—141; Inama—Sternegg. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte*. I, стр. 29, 35—38. Впрочемъ, соотношеніе между *Gau* и *Hunderschaft* (впослѣдствіи *марка*) остается не совсемъ выясненнымъ. Земельныя границы ихъ расходятся и пересѣкаются (Meitzen. *Siedelung*. I, стр. 127—129 и прилож. 29).

тывалась сообща цѣлыми группами. При этомъ, пока населеніе было рѣдко, земля, занятая одною группою, отдѣлялась отъ земель, занятыхъ другими широкими, нѣкъмъ не занятыми пространствами. Такъ какъ захваченныя земли незамѣтно сливались съ пусто-
рожнями, то ни о какихъ границахъ не было рѣчи.

Каково при этомъ отношеніе къ землѣ? Это только временное обладаніе ею и пользованіе для охоты, скотоводства и зародышеваго земледѣлія. Это не было право на землю, о немъ еще не выработалось представленія. Былъ только фактъ обладанія. Земля ничья, временно захватывали ее, потомъ бросали ¹⁾.

Лишь постепенно съ ростомъ осѣдлости фактическое обладаніе становится болѣе прочнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ разрос-
танія и дѣленія, родовыя группы начинаютъ сталкиваться другъ съ другомъ, и тогда вырисовываются границы (Mark) ²⁾ захваченныхъ ими земель. Только съ этого момента вырабатывается понятіе о правѣ на землю. Какъ торговля рождается въ видѣ внѣшней торговли, какъ колебанія цѣнности денегъ сказываются сперва на периферіи народнаго хозяйства, такъ и право на землю зарождается раньше всего на периферіи территоріи, запятой данною родовой группою. Зарождается оно, несомнѣнно, въ видѣ права всей группы: защита границъ цѣлою группою, недопущеніе постороннихъ. Можно было бы сказать, что состояніе „res nullius“ смѣняется для всей земли, занятой группою, общинною собственностью. Такъ думаетъ, какъ мы видѣли, Meitzen. Но, если нѣкоторые признаки говорятъ за это, то другіе противорѣчатъ. А именно, своеобразныя поземель-

¹⁾ Съ этимъ согласенъ и Meitzen, и даже сторонники общинной теоріи. Такъ, Brunner говоритъ, что въ началѣ не могло быть рѣчи ни объ общинной, ни о частной собственности, а лишь о пользованіи землею (Deutsche Rechtsgeschichte. I, стр. 56—64). „Есть полныя основанія, говоритъ г-жа А. Ефименко, предполагать, что европейское человѣчество вышло въ этомъ отношеніи изъ понятія о землѣ, какъ Божьей стихіи, res nullius—понятіе, до сихъ поръ держащееся въ пустыняхъ русскаго сѣвера“ (Южная Русь, стр. 423).

²⁾ Позже Mark стала означать всю территорію, очерченную этими границами. Такъ возникли марки—территоріи въ 3—6 кв. миль, слѣды которыхъ сохранились до настоящаго времени въ Niedersachsen'ѣ и Holstein'ѣ. „Gau“ и „Hunderschaft“, бывшія до того племенными и военными дѣленіями *людей*, стали *земельными* дѣленіями (Mauger, Einleitung, стр. 59). Рядомъ съ ними, а затѣмъ и вмѣсто нихъ, начали употреблять терминъ „Mark“ или другія аналогичныя названія (Mauger, тамъ же, стр. 53—54).

ныя отношенія внутри группы. При обилии земли отдѣльные члены не сталкивались другъ съ другомъ въ пользоваши землею и даже въ захватѣ ея. Каждый охотился, гдѣ хотѣлъ, гналъ скотъ, куда хотѣлъ, свободно рубилъ лѣсъ и распахивалъ клочекъ пустоши ¹⁾. Если охота, пастьба и распашка производились сообща всѣми членами группы, то это, вѣроятно, дѣлалось не столько изъ за общности права на землю, сколько изъ за удобства для самаго промысла.

Итакъ: право на марку всей родовой группы—во внѣшнихъ сношеніяхъ, и неограниченное право пользованія и завладѣнія ею у каждаго члена—внутри. Каковъ при этомъ характеръ земельныхъ правъ у группы (общины)—сказать трудно. Быть можетъ, это одно „верховное господство“, быть можетъ—уже нѣкоторые элементы общинной собственности, по крайней мѣрѣ для ближайшихъ къ жилью земель ²⁾.

Но, каковы бы ни были эти начальныя права, на почвѣ ихъ постепенно развивается внутри общины: право частной собственности—на одну категорію земель, и ясно очерченное право общинной собственности—на другую категорію. Къ первой относятся—усадыбы, поля и отчасти луга, ко второй—лѣса, пастбища, воды, пустоши.

Что касается усадебныхъ участковъ, то съ началомъ прочной осѣдлости возникаетъ постоянное владѣніе ими. И это постоянство фактической связи отдѣльныхъ хозяйствъ съ опредѣленными кусками земли рано порождаетъ право частной собственности на нее.

Тотъ же путь, только медленнѣе, проходили полевая земля. Распахивается участокъ земли, обыкновенно сообща. Каждый полу-

¹⁾ У номадовъ сохранилось право отдѣльныхъ семействъ выдѣлять въ частное владѣніе участки земли для обработки и владѣть ими, пока они огорожены и обрабатываются (право *Bifang'a*). См. Meitzen. *Siedelung*. I, стр. 136—137.

²⁾ Мысль, что это не была вполне окрѣпшая собственность общины и притомъ собственность, которой община дорожила, находить подтвержденіе въ той легкости, съ какою земля эта при распашкѣ переходила въ частную собственность. Когда за общиной вполне упрочилось право собственности на ея невоздѣланныя земли, одной распашки стало далеко недостаточно для обращенія ихъ въ частную собственность; превращенныя въ поля, онѣ остаются все таки общинными землями (таковы, напр., полевая альменды южной Германіи).

часть свою долю изъ этой распашки. Пока она служила пашней и была засѣяна, она была его. Но это еще не столько право на землю, сколько просто фактическое обладаніе. Если оно охранялось, то охранялось не право на землю, а вкладываемый трудъ. Какъ только прекращалось фактическое обладаніе, земля снова становилась свободной¹⁾. Поэтому, до тѣхъ поръ пока земледѣіе держалось переложной системы, участки пашни мѣнялись, и связь съ ними рвалась на долгіе годы, отношеніе къ полевымъ землямъ не выходило изъ состоянія фактическаго обладанія. Только съ переходомъ къ болѣе урегулированной системѣ хозяйства нарастаетъ постоянство и непрерывность связи съ опредѣленными полевыми участками. Тогда же вырастаетъ и право собственности на нихъ²⁾. А такъ какъ въ фактическое обладаніе полевою землю брали отдѣльные члены общинъ, такъ какъ у отдѣльныхъ членовъ нарастало постоянство обладанія, то понятнымъ становится фактъ, установленный новѣйшими германскими изслѣдователями съ Meitzen'омъ во главѣ,—что у германцевъ до самаго древняго времени можно прослѣдить только частную собственность на полевою землю. Очевидно, частное фактическое обладаніе непосредственно перешло въ частную собственность. Этому ходу противорѣчили бы періодическіе уравнивательные передѣлы полей. И новѣйшія изслѣдованія опровергли доводы въ пользу ихъ существованія³⁾.

Происхожденіе права собственности изъ факта обладанія ясно видно изъ того, что во время перерыва фактической связи собственника съ землею—паръ, стерня, луга весной и послѣ укоса,—ею снова могли пользоваться всѣ члены общины. Впослѣдствіи эта возможность пользоваться полями и лугами, пока они свободны, была регламентирована общиной и отлилась въ форму права на

¹⁾ Вѣроятно, общія распашки происходили подъ руководствомъ начальниковъ родовыхъ группъ, они же выбирали мѣста для распашекъ. Въ этомъ смыслѣ можно понимать приведенное выше мѣсто Цезаря (Com. de bello gal. VI. 22).

²⁾ Къ этому времени приурочиваетъ возникновеніе частной собственности и Brunner (Deutsche Rechtsgeschichte. I, стр. 60—61).

³⁾ Аналогично, вѣроятно, возникла частная собственность на луговые земли. Но онѣ во многихъ случаяхъ являются и общинной собственностью. Вопросомъ объ этихъ земляхъ литература интересовалась гораздо меньше.

чужую вещь. Такъ сложились пастбищныя и иные взаимныя полевые и луговые сервитуты¹⁾.

Въ ипомь положеніи находились запольныя земли: лѣсъ, постоянныя пастбища и пустоши. Ими пользовались сообща всѣ члены общины, поэтому и право собственности на нихъ сложилось для цѣлой общины. Путь, пройденный ими, былъ приблизительно таковъ. Долго онѣ были *res nullius*. Потомъ выросло право „верховнаго господства“ надъ ними общины, быть можетъ, съ нѣкоторыми чертами общинной собственности. Пользованіе ими для членовъ общины, однако, долго было свободно. Лишь постепенно, по мѣрѣ увеличенія населенія и сокращенія запаса земель, общинныя власти начали ограничивать и регулировать пользованіе ими. Сначала ограничено было право захвата ихъ въ исключительное частное обладаніе, позже ограничено право пользованія лѣсомъ, нормировано пользованіе пастбищами и лугами. Только съ этого времени складывается ясно очерченное право общинной собственности на эти земли.

Такъ сложилась частная собственность—на однѣ земли, и общинная—на другія. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ двумя различными процессами, отразившими раньше всего различіе хозяйственнаго использованія тѣхъ и другихъ земель²⁾.

Теперь подробнѣе рассмотримъ отдѣльныя категоріи земель.

Объ усадебныхъ земляхъ сказано выше. Гдѣ поселеніе носило форму села, онѣ составляли центръ территоріи сельской общины.

Вокругъ села лежали поля. Расположеніе и раздѣленіе ихъ въ большинствѣ селъ очень типично. Распашка поля, какъ я уже упоминалъ, чаще всего производилась сообща. Распахивался участокъ,

¹⁾ Inama-Sternegg о правѣ общей пастьбы на поляхъ говоритъ: „руководящей точкой зрѣнія при этомъ, очевидно, было то, что вся земля, не приносящая плодовъ, приобретаемыхъ трудомъ, должна быть открыта для общей пользы“ (*Deutsche Wirtschaftsgeschichte*. I, стр. 85).

²⁾ „И повидимому, мракъ, окружающій этотъ предметъ, не разсѣется до тѣхъ поръ, пока въ вопросѣ объ эволюціи земельной собственности и формѣ землевладѣнія наука не станетъ твердо на ту точку зрѣнія, что она имѣетъ дѣло съ двумя качественно-различными процессами, какъ они ни переплетаются, а въ концѣ концовъ даже и совершенно сливаются между собою“. (А. Ефименко. Южная Русь, стр. 422).

и каждый хозяинъ получалъ въ немъ полосу¹⁾. Это повторялось со вторымъ участкомъ, третьимъ и т. д. Такъ автоматически возникло то расположение полей, которое, сильно видоизмѣняясь, особенно въ эпоху крѣпостного права, въ основныхъ чертахъ существовало до начала 19 вѣка и явилось объектомъ землеустроительнаго законодательства новаго времени. Вся полевая земля раздѣлена на 10—20 и болѣе отрѣзковъ—площадей съ одинаковыми качествомъ почвы, свойствомъ поверхности и пр.²⁾ Всѣ отрѣзки разбиты на полосы³⁾. Каждый хозяинъ владѣеть полосами во всѣхъ отрѣзкахъ (см. рис. № 8). Результатомъ такого распределенія полей являлись: 1) череполосность владѣнія и 2) извѣстное равенство его⁴⁾. Последнее, впрочемъ, уже въ самое раннее время выражалось лишь въ томъ, что каждый хозяинъ имѣлъ полосы хорошей и плохой, близкой и дальней земли, а не въ равенствѣ площади владѣнія. Это видно изъ слѣдующаго.

Право собственности на дворъ, огородъ, всѣ разбросанныя полосы поля и частнаго луга, съ относящимся къ нему правомъ участія

¹⁾ Первоначально полоса равнялась той площади, которую человекъ могъ вспахать за день („Morgen“, моргъ, „Tagewerk“ въ Баваріи). См. Meitzen. Siedelung. I. стр. 77.

²⁾ Эти отрѣзки называются „Gewann“. Аналогичные отрѣзки въ Россіи носятъ названія: „клина“, „поля“, „кона“, „яруса“. Деревня съ такимъ распределеніемъ полей называется „Gewannsdorf“ (клиновья деревня). По мнѣнію Mucke. корень „wan“ означаетъ понятие „единенія“ (Urgeschichte des Ackerbaues und der Viehzucht, стр. 121, 165).

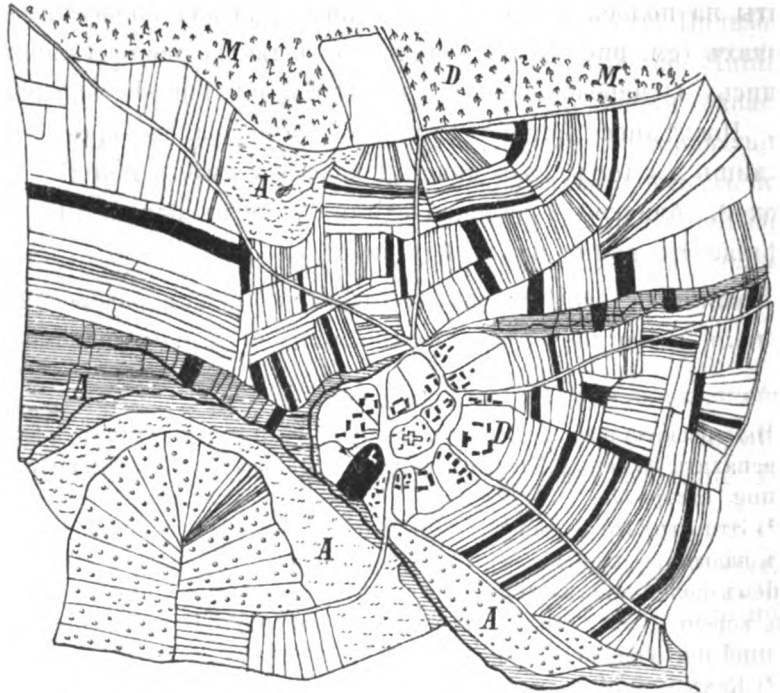
³⁾ Какъ клинья, такъ и полосы сперва были неправильной формы. Позже первые приняли форму правильныхъ четырехугольниковъ, а полосы—правильныхъ узкихъ лентъ. Измѣненіе было слѣдствіемъ введенія плуга. Въ славянскихъ селахъ, какъ увидимъ дальше, много дольше сохранялась неправильная форма полосъ (Wimmer. Geschichte des deutschen Bodens, стр. 41).

⁴⁾ Это равенство подало мысль объ умышенномъ раздѣленіи земли на клинья, съ цѣлью надѣлить каждого равною долею земли всякаго качества (Meitzen. Siedelung. I, стр. 59 и сл.). Но, напр., Mucke высказывается за автоматичность его происхожденія (Urgeschichte des Ackerbaues. стр. 151—157). Того же мнѣнія G. Knapp. Говорятъ, пишетъ онъ, что германцы могли принести такую систему раздѣленія земли готовой въ нынѣшнюю Германію; но тогда она выросла автоматически гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Ссылаются на страсть германца къ равенству. Очевидно, „эта страсть была достаточно сильна, чтобы побудить номада изобрѣсти въ періодъ перехода къ земледѣлю систему, которая была бы достойна Эвклида (жившаго къ тому же подлѣ болѣе силнечнымъ и располагающимъ къ счету небомъ)“ (Grundherrschaft und Rittergut, стр. 107—109).

въ пользованіи общинными угодіями ¹⁾, составляло комплексъ земельныхъ правъ каждаго члена сельской общины, носившій названіе „гуфы“ (huoba, Hufe) ²⁾. Возможно, что первоначально гуфы одного селенія были равны, и каждый хозяинъ владѣлъ одной гу-

Рис. № 8.

Схематическое изображеніе стараго германскаго распредѣленія полей.

D (Dominium)—земля помѣщика. Поля его расположены черезполосно и особо не обозначены. M (марка)—общинный лѣсъ. A (альменды)—общинные луга. Зачернены полосы одного владѣльца.

[Meitzen. Siedlung. I, стр. 170].

¹⁾ Пользованіе ими считалось принадлежностью (appenditia, adjacentia) частной земли.

²⁾ Крестьянинъ, владѣвшій гуфой, назывался „гуфнеромъ“ (Hüfner). Слово „Hufe“ происходитъ отъ „Behuf“—то, что приходится на долю кого-либо (Meitzen. Siedlung. I, стр. 74). Аналогичное понятіе представляетъ „Mantal“ у шведовъ, „bool“—у датчанъ, „hyde“—у англосаксовъ, „mansus“—у франковъ, а, по словамъ А. Ефименко, „село“ (земли), „печище“—въ Новгородской области, „деревня“—на Московскомъ сѣверѣ, „дворище“—на Литовско-русскомъ югѣ (Южная Русь, стр. 420).

фой ¹⁾, хотя нѣкоторыя сомнѣнія относительно земельнаго равенства возникаютъ и для этого времени ²⁾. Но если оно и существовало, то очень рано исчезло, потому что самые древніе источники упоминаютъ о владѣніяхъ въ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и т. д. гуфы, а съ другой стороны, о владѣніяхъ въ 2, 3 и болѣе гуфъ ³⁾. Гуфа, слѣдовательно,

¹⁾ Гуфы разныхъ селеній были неодинаковы. Они измѣнялись въ зависимости отъ почвы съ такимъ расчетомъ, чтобы частная земля гуфы вмѣстѣ съ пользованіемъ общинными угодіями была достаточна для жизни семьи и выполнения ею общественныхъ повинностей. По Meitzen'у, гуфа составляла въ среднемъ около 50 ha, а поля и луга ея около 12—30 ha; по Schmoller'у, поля и луга гуфы составляли 7—15 ha, а вся земля, считая долю общинныхъ земель, отъ 15 до 50 ha (Grundriss. I, стр. 228). Но гуфы одного селенія, по Meitzen'у, были равны. Это равенство является у него непосредственнымъ слѣдствіемъ общности владѣнія до основанія прочнаго поселенія и раздѣла земли на гуфы (Siedelung. I, стр. 72 и сл., 170). Первоначальное равенство гуфъ признаетъ и Inama-Sternegg. Говоря о вліяніи крѣпостнаго права, онъ отмѣчаетъ „уничтоженіе первоначальнаго равенства въ распредѣленіи земельной собственности, поскольку оно существовало“. „Вмѣстѣ съ этимъ, представляетъ онъ, потеряна была старая товарищеская основа, покоившаяся не только на равноправіи, но и на экономическомъ равенствѣ отдѣльныхъ членовъ“ (Deutsche Wirtschaftsgeschichte. I, стр. 267).

²⁾ Такъ М. Ковалевскій пишетъ: „.. между надѣлами могли съ самаго начала установиться тѣ различія, которыя предполагаются существованіемъ бока о бока большой и малой крестьянской семьи, полной и половинной упряжки,—иначе говоря, что съ самаго начала установились фактически тѣ различія, какія предполагаетъ присутствіе въ одномъ и томъ же селеніи цѣлыхъ и половинныхъ дворовъ, а также—четверти, восьмой и шестнадцатой части одного и того же двора (Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства. Т. II, стр. 144). Стоя на другой точкѣ зрѣнія, нежели Ковалевскій, очень рѣзко ослабляетъ первобытное равенство R. Hildebrand. „Вообще совершенно ложно, говоритъ онъ, и ни на чемъ не основано мнѣніе, будто въ какое-либо время у какого-либо народа существовало *fraternité* и *égalité*, кромѣ дѣйствительныхъ братьевъ или несвободныхъ, крѣпостныхъ, либо тѣхъ, кто прежде былъ несвободнымъ—*servi, coloni*. Соединеніе *liberté, fraternité* и *égalité*, которыми до смѣшнаго заразились и нѣмецкіе историки, чтобы на этой триадѣ построить „*germanische Urzeit*“ и старый земельный строй германцевъ, покоится на чистой идеализаціи и фантазерствѣ. Такое соединеніе, если не логически, то фактически всегда является простымъ *contradictio in adjecto*. *Fraternité* и *égalité* никогда не шли рядомъ съ *liberté*, развѣ, какъ сказано, дѣло шло о настоящихъ братьяхъ. *Fraternité* и *égalité* слѣдствія принужденія или рабства, а не свободы; фактъ, которому ни мало не удивится знающій людей“ (Recht und Sitte, стр. 125).

³⁾ „Источники, говоритъ Inama-Sternegg, не оставляютъ сомнѣнія относительно того, что земельное и имущественное неравенство существовало уже очень рано“ (Deutsche Wirtschaftsgeschichte. I, стр. 79). Ср. также Mei-

очень рано превратилась изъ дѣйствительнаго размѣра землевладѣнія въ единицу для измѣренія послѣдняго ¹⁾.

Таково было расположеніе частныхъ крестьянскихъ земель въ старыхъ германскихъ селахъ.

Таково же въ общемъ было расположеніе ихъ въ славянскихъ селахъ ²⁾. Только поля нарѣзаны были не правильными узкими полосами, а болѣе или менѣе широкими четырехугольниками (см. рис. № 9) ³⁾. Это славянское дѣленіе полей къ началу 19 вѣка удержалось лишь въ видѣ исключенія. Въ большинствѣ случаевъ оно было превращено въ нѣмецкій типъ. Области на западъ отъ р. Эльбы покорены были въ 9—12 вѣкахъ ⁴⁾. Славянское дворянство было лишено земли, она отдана нѣмецкимъ землевладѣльцамъ. Крестьяне частью порабощены, частью оставлены въ своихъ деревняхъ. Однако, съ цѣлью раскладки повинностей и службы старое славянское рас-

zen. Siedelung. I, стр. 78, 170. Крѣпостное право усилило это неравенство, рѣзко обособивъ крупныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Но среди крестьянъ оно скорѣе дѣйствовало въ смыслѣ уравниенія размѣровъ землевладѣнія. Ковалевскій говоритъ: „... стремленіе уравниять службы и платежи... стало естественно вызывать желаніе ввести фактически неравныя земельныя пользованія въ систему цѣлыхъ, половинныхъ и четвертныхъ надѣловъ“ (Экономическій ростъ Европы. II, стр. 145). Или: „исторія помѣстья представляетъ совершенно обратное движеніе отъ разнообразія личнаго и имущественнаго состава къ единству и однообразію“ (ib.). Крѣпостное право, по словамъ Ковалевскаго, создавало „распространеніе началъ равенства крестьянскихъ службъ и повинностей, равно какъ ихъ пропорціональности рабочему инвентарю, и на земельныя держанія отдѣльныхъ дворовъ“ (указ. соч., II, стр. 149).

¹⁾ Въ качествѣ таковой гуфа долгое время выступала не только въ частно-хозяйственной, но и въ финансовой, и политической жизни Германіи.

²⁾ По Meitzen'у, это распредѣленіе полей возникло здѣсь послѣ разложенія стараго славянскаго „задружнаго“ строя и раздѣла задругъ. Широкая семейная коммуна—задруга—сперва съ общимъ пользованіемъ полями, а затѣмъ съ періодическими передѣлами ихъ между членами задругъ является, по его мнѣнію, отличительной чертой поземельнаго строя славянъ (Siedelung. II, стр. 213—270; III, стр. 321—354). Въ настоящее время и эта теорія „задруги“ сильно поколеблена.

³⁾ Объясняютъ эту особенность тѣмъ, что славяне гораздо дольше удержали соху. Она не отворачивала земли, поэтому необходима была поперечная вспашка, чего не допускали узкія полосы (См. Meitzen. Siedelung. II, стр. 248—263; III, стр. 354—367).

⁴⁾ Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. II, стр. 19—20; Meitzen. Siedelung. II, стр. 368—373.

предѣленіе полей было нарушено, и земля наръзана по образцу германскихъ гуфъ. Но наръзка эта происходила позже и производилась планомѣрно; поэтому полосы вездѣ получились правильнѣе и больше, а земля каждого хозяина отведена была въ меньшемъ

Рис. № 9.

Старое славянское распредѣленіе полей.

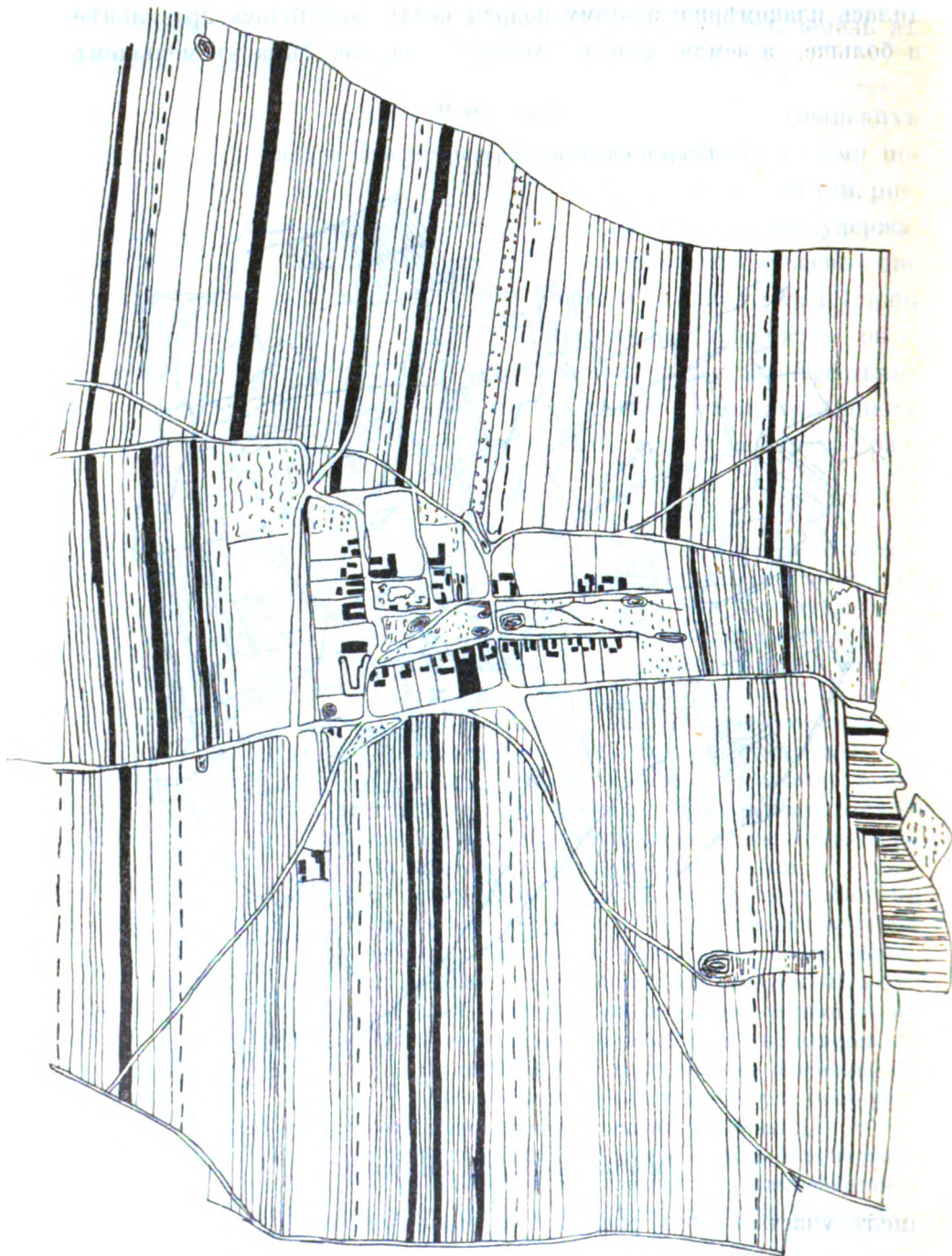
Домновицъ (Domnowitz) въ округѣ Требницъ въ Силезіи.

[Meitzen. Siedelung. III, стр. 363].

числѣ участковъ (см. рис. № 10). Направлявшіеся сюда нѣмецкіе поселенцы надѣлялись такими же гуфами. Такъ исчезло въ этихъ частяхъ Германіи различіе между славянскимъ и германскимъ рас-

Рис. № 10.

Измѣненное германской колонизаціей славянское распределение полей.

Вахау (Wachau) у Лейпцига въ Саксоніи.
[Meitzen. Siedelung. Atlas, Anlage 129].

положеніемъ полей. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ крестьянскія земли лежали черезполосно узкими лентами ¹⁾).

Такія же измѣненія произведены были въ 12—14 вѣкахъ нѣмецкой колонизаціей восточнѣ Эльбы ²⁾. Только здѣсь значительно большая часть славянскихъ крестьянъ была вытѣснена нѣмецкими колонистами. вмѣстѣ съ этимъ обширныя площади славянскихъ земель отданы были нѣмецкому дворянству, и образовали крупныя помѣщичьи владѣнія. Славянскіе крестьяне, какъ позднѣе и многіе нѣмецкіе колонисты, превращены были въ рабочихъ и огородниковъ, надѣленныхъ небольшими клочками земли. Мы увидимъ дальше, что послѣдствія этого процесса не были исправлены и законодательствомъ 19 вѣка объ освобожденіи крестьянъ ³⁾.

Во всѣхъ селахъ съ описаннымъ распредѣленіемъ полей черезполосность полевыхъ участковъ и отсутствіе полевыхъ дорогъ оказывали рѣшительное вліяніе на развитіе земледѣлія. Къ этому присоединялась возникшая указаннымъ выше способомъ сервитутная связанность полей и луговъ. Такъ какъ распашка пастбищъ сокращала кормовую площадь, а земледѣліе во многихъ случаяхъ играло еще менѣе важную роль, нежели скотоводство, то общая пастба на пару и стернѣ, равно какъ весной и осенью на лугахъ, была крайне важна ⁴⁾. Благодаря всему этому частная собственность оказывалась

¹⁾ Слѣды славянскаго раздѣленія полей сохранились лишь въ томъ, что славянскія гуфы въ виду худшаго орудія славянъ—сохи (*uncus*) вмѣсто плуга—по величинѣ и по суммѣ лежавшихъ на нихъ повинностей были на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ меньше нѣмецкихъ (такъ наз. „*unci*“ или „*mansii slavonici*“).

²⁾ Нынѣшніе: Шлезвигъ-Гольштинія, Мекленбургъ, Бранденбургъ, Силезія, Померанія, отчасти Вост. и Зап. Пруссія.

³⁾ См. II главу.

⁴⁾ Постепенно выростаетъ строгое наблюденіе общины за тѣмъ, чтобы закрытіе полей на время посѣва и луговъ на время роста травы не нарушало интересовъ скотоводства. По поводу этихъ сельскихъ сервитутовъ L. v. Stein говоритъ, что между ними и римскими *servitutes praediorum rusticorum* лежитъ цѣлая пропасть. Они порождены совершенно различнымъ правовымъ строемъ. Римское право—это законченная система правовой жизни независимыхъ другъ отъ друга индивидуумовъ, свободной собственности и свободного оборота. Это—право развитого индивидуалистическаго гражданскаго строя. Отсюда сельскій сервитутъ римскаго права—отношеніе, возникшее изъ договора. Онъ не является для римскаго юриста частью или послѣдствіемъ всего аграрнаго строя. Иное германскіе сервитуты. Это именно правовыя отношенія, выросшія изъ опредѣленнаго поземельнаго строя, сплетенныя съ нимъ всѣмъ

сильно связанной. Каждый хозяинъ долженъ былъ сообразоваться со всѣми остальными во времени обработки разбросанныхъ клочковъ своей земли, въ выборѣ системы хозяйства и воздѣлываемыхъ растений. Создавалась принудительность обработки (*Flurzwang*)¹⁾ и извѣстная общность пользованія полями и лугами. Эта общность составляла то, что нѣкоторые называютъ „*Feldgemeinschaft* въ широкомъ смыслѣ“, и только такая „*Feldgemeinschaft*“, аналогичная связанности полей при русскомъ подворномъ землевладѣнii, можетъ быть установлена для германцевъ.

Эта общность или совершенно отсутствуетъ, или проявляется гораздо слабѣе при другихъ формахъ распредѣленія полей. Такъ, въ поселенiяхъ хуторами поля каждаго хозяина лежатъ въ одномъ кускѣ, окружая усадьбу. Черезполосицы, а часто и общей пастьбы на поляхъ здѣсь не было. Лишь мѣстами возникла послѣдняя²⁾, и только позднѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ выросла черезполосность отъ дѣленiя отдѣльныхъ хуторскихъ участковъ. Но никогда

своимъ существомъ. Основа ихъ покоится не на договорѣ, ибо породившiя ихъ социальныя отношенiя выросли не изъ договора. Они -- послѣдствiе системы хозяйства съ общей пастьбой на естественныхъ пастбищахъ, послѣдствiе извѣстной связанности землевладѣнiя, общинной и сословной зависимости. Это обусловливаетъ различную постановку вопроса объ уничтоженiи сервитутовъ того и другого вида, а главнымъ образомъ вопроса о вмѣшательствѣ публичнаго права въ сервитутныя правоотношенiя съ цѣлью ликвидацiи ихъ (*Die Verwaltungslehre*. Stuttgart. 1868. VII, стр. 238—242). То же относится, по его мнѣнiю, къ помѣщичьимъ сервитутамъ, выросшимъ на почвѣ крѣпостнаго права (см. ниже). Въ поясненiе надо замѣтить, что при рѣшенiи вопроса о вмѣшательствѣ публичнаго права, и разнымъ отвѣтѣ на него для сервитутовъ римскаго и германскаго права, сказывается не различiе въ самой юридической природѣ тѣхъ и другихъ. Съ формальной правовой точки зрѣнiя между ними нельзя увидѣть той пропасти, о которой говоритъ Stein. Различiе состоитъ: 1) въ болѣе широкомъ содержанiи и большей распространенности германскихъ сельскихъ сервитутовъ (хотя римское право знаетъ почти все виды этихъ сервитутовъ: дорожные—*iter*, *actus*; воды—*pecoris ad aquam appulsus*; наконецъ, пастбищныя—*servitus pascendi* s. *pascui*. См. Баронъ. Система римскаго гражданскаго права. Изд. 2. Вып. II. М. 1898. стр. 101—103), а 2) и это главное--въ различiи той среды, въ которой они возникли и существовали, и тѣхъ хозяйственныхъ задачъ, которыя они выполняли. Именно эти отличiя оправдываютъ иное отношенiе къ германскимъ сервитутамъ публичнаго права. Объ этомъ въ главѣ о сервитутахъ.

¹⁾ См. Roscher. *Nationalökonomik des Ackerbaues*. 13. Aufl. стр. 317—318; Schmoller. *Grundriss*. I, стр. 288.

²⁾ См. Н. Brunner. *Deutsche Rechtsgeschichte*. I. стр. 62.

она не достигала здѣсь тѣхъ размѣровъ, какіе представляютъ обычное явленіе при поселеніяхъ селами. Эти особенности областей съ хуторами не остаются безъ вліянія на землеустроительную дѣятельность государства, значительно облегчая ее.

Отсутствіемъ череполосицы отличаются также горныя ленточныя и маршевыя села. Горныя села — это скорѣе хутора, расположенныя другъ возлѣ друга. Земли отдѣльныхъ хозяевъ нарѣзаны цѣльными кусками, лентами, которыя тянутся отъ усадебъ въ горы ¹⁾. Къ каждому участку проведена полевая дорога, такъ что всѣ они доступны въ теченіе круглаго года (см. рис. № 6). Благодаря этимъ дорогамъ и послѣдующая парцелляція не помѣшала участкамъ сохранить округленность и доступность. Но общая настѣба на свободныхъ поляхъ существовала въ этихъ селахъ и обуславливала трудно устранимую принудительность обработки. Маршевыя гуфы также нарѣзаны въ одномъ кускѣ, длинными полосами шириной около 5 метровъ. Ради осушенія полосы перерѣзаны поперекъ 5—6 рвами (см. рис. № 7). Такими же длинными замкнутыми полосами нарѣзаны были и нѣкоторыя другія гуфы; напримѣръ, гуфы, отводимыя на королевской землѣ для распашки нови ²⁾. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстахъ ³⁾ эти же гуфы отводились участками очень неправильной формы, которая впоследствии при раздѣлахъ привела къ сильной череполосицѣ. Наконецъ, цѣльными участками отводились земли при основаніи многочисленныхъ мелкихъ крѣпостныхъ поселковъ, хотя и тамъ съ теченіемъ времени выросла череполосица ⁴⁾ (см. рис. № 5).

Всѣ эти разновидности хуторной нарѣзки полей являются, однако, исключеніями на общемъ фонѣ германскихъ и славянскихъ гуфъ съ ихъ череполосицей и связанностью полей. Главныя черты этой связанности въ большей части Германіи удержались вплоть

¹⁾ Это такъ наз. Wald-или Hagenhufen, mansi magni, franconici, novalia. Гуфы эти были значительно больше обычныхъ германскихъ.

²⁾ Königshufen, mansi regales. Таковы гуфы, нарѣзанныя въ сѣверной Баваріи въ 950 г., у Герлица въ Силезіи въ 1045 г., у Бремена въ 1106 г. (Meißen. Siedelung. II, стр. 331—333; III, стр. 557—565; прилож. 147). Королевскія гуфы отличались сравнительно крупными размѣрами.

³⁾ Въ горахъ Эйфель въ Рейнской провинціи.

⁴⁾ Поэтому, напримѣръ, Wimmer считаетъ эти поселки (Weiler) замаскированной формой поселенія хуторами (Geschichte des deutschen Bodens. стр. 40—43).

до 19 вѣка. Уничтоженіе ихъ и составляло главную задачу землеустроительнаго законодательства.

Для оцѣнки той точки зрѣнія, на которую при этомъ стало законодательство 19 вѣка, надо понять роль описаннаго полевого строя германскихъ деревень въ старое и новое время. Она рѣзко измѣнилась.

Нѣкогда старый строй служилъ орудіемъ, связаннѣвшимъ сельскихъ жителей въ сплоченные союзы. Этимъ онъ значительно облегчилъ невыносимо трудную задачу колонизаціи пустыхъ и занятыхъ враждебными народами земель. Съ технической точки зрѣнія при господствѣ натурального хозяйства¹⁾, мало развитой индивидуальности отдѣльныхъ хозяевъ, однообразіи культуръ, элементарности земледѣлія и экстенсивномъ содержаніи скота на подножномъ корму—эта связанность землевладѣнія вовсе не была невыгодной. Наоборотъ, стѣсня немногихъ, она поднимала до средняго уровня массу малоспособныхъ хозяевъ, повышая общее состояніе сельскаго хозяйства. Этимъ путемъ она даже способствовала переходу отъ залежнаго хозяйства къ трехпольному съ повышеніемъ производства зерновыхъ хлѣбовъ. А во всѣхъ другихъ отношеніяхъ старый строй владѣнія полями въ связи съ другими проявленіями общинной жизни являлся защитникомъ отдѣльныхъ членовъ общины, источникомъ помощи въ нуждѣ, нѣкоторой охраной въ долгіе вѣка безправія и угнетенія крестьянскаго класса.

Но ростъ населенія, разрастаніе сельскихъ общинъ, усиленіе запутанности земельныхъ отношеній, замѣна натурального хозяйства денежнымъ, требованіе индивидуализаціи хозяйства, техническаго и экономическаго улучшенія его, распространеніе многочисленныхъ новыхъ культуръ, наконецъ, освобожденіе крестьянъ отъ власти помѣщика и созданное имъ усиленіе у крестьянъ интереса къ поднятію своего хозяйства—всѣ эти измѣненія поставили передъ крестьянскимъ хозяйствомъ такія задачи, выполненіе которыхъ невоз-

¹⁾ „Хозяйство отдѣльнаго гуфнера долго ничего не продавало и не обмѣнивало, или дѣлало это въ незначительныхъ размѣрахъ; лишь съ появленіемъ городовъ началась доставка кое-какихъ избытковъ на городской рынокъ; въ общемъ семья жила всецѣло собственными продуктами, сама приготавливала одежду и утварь... сильный пріобрѣтательскій духъ не могъ развиваться, долго отсутствовали образованіе капиталовъ, проценты, зависимость отъ рынка“ (Schmoller. Grundriss I, стр. 288).

можно было при сохраненіи стараго поземельнаго строя. Съ этого времени онъ изъ цѣлесообразнаго становится вреднымъ, давленіе его чувствуется все сильнѣе. Крестьянское хозяйство приходитъ въ упадокъ. Гнетъ крѣпостничества усиливаетъ зло. А между тѣмъ потребности государствъ растутъ, на крестьянина приходится налагать все новыя и новыя тяжести. Крестьянская масса начинаетъ терять терпѣніе, она становится недовѣрчивой, мѣстами бросается на путь насилія, подавленная остается притупленной и апатичной. Наконецъ, въ 18 вѣкѣ ясно сознается необходимость коренной реформы. Конецъ 18 и начало 19 вѣка несутъ реформу. Сперва падаетъ крѣпостное право, затѣмъ слѣдуетъ продолжительная эпоха освобожденія крестьянскихъ земель отъ стѣснительныхъ узъ стараго поземельнаго устройства.

Таковъ путь, пройденный частными крестьянскими землями—полями и частными лугами.

Во всѣхъ областяхъ Германіи—были ли это области поселеній селами или хуторами¹⁾—частныя земли окружались широкимъ кольцомъ невоздѣланныхъ запольныхъ земель—лѣсовъ, пастбищъ и пустошей. На нихъ, какъ мы видѣли, постепенно сложилось право общинной собственности. Земли эти значительно превосходили площадь обработанной земли²⁾.

Сперва ими пользовалось нѣсколько сельъ сообща (старыя большія марки)³⁾. Впослѣдствіи старыя большія марки раздѣлены были

¹⁾ См. Roscher. Nationalökonomik des Ackerbaues. 13. Aufl., стр. 325. Количественная разница въ зависимости отъ формъ поселенія и расположенія полей, однако, существовала. Такъ, по К. Teuthorn'у, въ Саксоніи меньше всего общинныхъ земель было въ поселкахъ, такъ какъ земля отведена была тамъ сразу отдѣльнымъ лицамъ въ цѣльныхъ кускахъ, и другихъ земель они не получили. Уже большими площадями общинныхъ земель владѣли поселенія хуторами. Но первое мѣсто занимаютъ села, какъ славянскія, такъ особенно германскія (Das sächsische Gesetz über Ablösungen und Gemeinheitsteilungen vom 17. März 1832 in seiner Entstehung und in seinen Folgen. Diss. Leipzig. 1904, стр. 26).

²⁾ По даннымъ, приводимымъ Meitzen'омъ, еще въ 80-хъ гг. 19 в. въ исконной германской области 27% территоріи было подъ лѣсомъ, 19% подъ пастбищами, около 10% подъ пустошами. Въ общемъ болѣе 50% составляли необработанныя земли. Въ прежніе вѣка эта цифра была много выше (Siedelung I, стр. 122).

³⁾ Эта старая марка, по Schmoller'у, „представляла собою слабо связанный союзъ, обнимавшій около сотни семействъ или 1000 душъ, позднѣе и бо-

между отдѣльными селами, образуя меньшія сельскія марки (Dorfmark) ¹⁾. Обь этихъ раздѣлахъ сохранились свидѣтельства многочисленныхъ источниковъ ²⁾. Выдѣленные изъ старой марки въ пользу отдѣльнаго селенія общинныя земли получили названіе „альмендъ“ ³⁾. Состояли онѣ сначала почти исключительно изъ однѣхъ запольныхъ земель—лѣсовъ, пастбищъ, пустошей, — которыми пользовались члены общины сообща. Позже часть ихъ превращена была въ луга, поля, огороды, виноградники, которые отдавались на годъ или на болѣе продолжительное время въ пользованіе отдѣльныхъ хозяевъ ⁴⁾.

лѣе (Grundriss. I, стр. 288). Цѣлый рядъ писателей видитъ въ этихъ маркахъ основу стараго общественнаго строя и самоуправления (Maurer. Einleitung. стр. 138—171; Lamprecht. Wirtschaftsleben im Mittelalter. I, стр. 490; O. Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht. I. Berlin. 1868, стр. 70, 208; Meitzen въ „Handbuch der pol. Oek.“ G. Schönberg'a. П. 1, стр. 163). Inama-Sternegg находитъ, что политическую роль марокъ переоцѣнивали (особенно Maurer), но и по его словамъ она была очень крупна (Deutsche Wirtschaftsgechichte. I, стр. 74—92).

¹⁾ „Уже въ доисторическое время большія хозяйственные товарищества, обнимавшія цѣлыя области, часто разлагались на меньшіе союзы...“ (Gierke. Das deutsche Genossenschaftsrecht. I, стр. 662). По Schmoller'у такая новая община состояла изъ 5—10, позже изъ 20—50 гуфнеровъ (Grundriss. I, стр. 288). Въ этихъ общинахъ выработалось особое самоуправленіе съ самостоятельными общинными органами и задачами, главнымъ образомъ хозяйственными. болѣе узкими, нежели у старыхъ большихъ марокъ. Часть земель, отошедшихъ государству и помѣщикамъ, была уже выдѣлена изъ этихъ общинъ, поэтому онѣ были болѣе однородны и прочны (Inama-Sternegg. II, стр. 214; Schmoller. I, стр. 288).

²⁾ Inama-Sternegg. Wirtschaftsgeschichte. III. 1, стр. 239—240.

³⁾ Allmende (съ 12 вѣка), Gemeinland, ager publicus, bonum commune. Въ средніе вѣка: Almeinde, Alment, Almunde и др. Въ настоящее время въ Баденѣ официальное названіе — „Almende“, въ Вюртембергѣ — „Almanden“, въ Гессенѣ — „Almend“ или „Alment“ (Maurer. Einleitung, стр. 85; Meitzen. Siedelung. I, стр. 476—477; Laveleye—Bücher. Ureigenthum. 1879, стр. 152. 230).

⁴⁾ А. в. Miaskowski перечисляетъ слѣдующіе виды альмендъ въ Швейцаріи: 1) воздѣланная площадь (огороды, сады, виноградники и поля), обыкновенно въ долинахъ, на отлогихъ склонахъ и невысокихъ плоскогоріяхъ; 2) луга, частью тамъ же, частью на крутыхъ склонахъ; 3) пастбища, прежде главная часть альмендъ, теперь почти исключительно въ горахъ (Gemeinalpen); 4) лѣса, какъ источники строевого лѣса, топлива и подѣлочнаго дерева, прежде, особенно до культуры искусственныхъ кормовъ, также пастбища и мѣста откорма свиней, равно какъ мѣста собиранія листвы для подстилки скоту, 5) лѣсныя почвы для распашки; 6) земли для разведенія деревьевъ; 7) земли для постройки зданій; кромѣ того болота, торфяники, рыбные пруды, камышевыя заросли и пр. (Die schweizerische Allmend in ihrer geschichtlichen

Такъ, между прочимъ, произошли періодически передѣляемыя полевныя альменды, которыхъ ни въ коемъ случаѣ нельзя считать исконными общинными полями, такъ какъ возникли онѣ въ очень недавнее время изъ распашки общинныхъ пастбищъ и лѣсовъ¹⁾.

Альмендныя земли дополняли описанную выше общинную связанность полей, служа носителемъ хозяйственной общности жителей селенія. Каждый гуфнеръ строилъ дома изъ общиннаго лѣса, отоплялъ ихъ имъ же, кормъ для скота получалъ на общинныхъ пастбищахъ, рыбная ловля производилась въ общинныхъ водахъ, охота—на общинныхъ земляхъ. Хозяйственная жизнь каждаго члена, такимъ образомъ, оказывалась связанной тысячью нитей съ хозяйствами другихъ членовъ. Всѣ они, дѣйствительно, сливались въ единое тѣсно сплоченное „сельское общество“ (Dorfgenossenschaft)²⁾.

Въ первое время не только пользованіе альмендами, но и захватъ ихъ въ частную собственность былъ совершенно свободенъ. Но впослѣдствіи право отдѣльнаго лица на такой захватъ исчезло. Отводъ альмендъ въ частную собственность поставленъ былъ въ зависимость отъ согласія общины.³⁾ Долгое время, впрочемъ, хозяйственныя условія ставили предѣлы расширенію частнаго владѣнія. Господство натурального хозяйства, отсутствіе рынковъ и сбыта дѣлали ненужнымъ быстрое расширеніе распашекъ. Экстенсивность же скотоводства, требуя обширныхъ естественныхъ пастбищъ, дѣлала распашку невыгодной, такъ какъ ея нарушалось равновѣсіе

Entwicklung vom XIII Jahrhundert bis zur Gegenwart. Staats-und socialwissenschaftliche Forschungen herausg. von G. Schmoller. IX Heft. Leipzig. 1879, стр. 14—15). Всѣ эти виды альмендъ встрѣчаются и въ Германіи.

¹⁾ Во многихъ случаяхъ можно установить время распашки. Такъ, Bücher приводитъ случаи 1815, 1848, 1848—1852, 1788—1849, 1600—1812 годовъ. Большинство полевыхъ альмендъ юга Германіи, по его словамъ, не восходитъ далѣе половины 18 вѣка (Laveleye—Bücher. Ureigenthum, стр. 158—160).

²⁾ Schmoller о Dorfgenossenschaft говоритъ: „Центръ тяжести ея хозяйственной жизни лежалъ въ своеобразномъ соединеніи самостоятельнаго собственнаго хозяйства отдѣльной семьи съ общиной, какъ единымъ товариществомъ, поскольку это послѣднее проявлялось въ общемъ владѣніи альмендами, въ совмѣстномъ расположеніи полей, раздѣленіи ихъ на многочисленные клинья съ одинаковой почвой, въ отводѣ каждому гуфнеру доли въ $\frac{1}{2}$ —1 моргъ въ каждомъ клинѣ, въ раскладкѣ между гуфнерами всѣхъ общественныхъ и помѣщичьихъ повинностей“ (Grundriss. I, стр. 288).

³⁾ Очень часто захватъ происходилъ путемъ давности (Miaskowski. Die schweizerische Allmend, стр. 23).

между пастбищами и другими угодіями¹⁾. Правда, не смотря на это, сокращеніе альмендъ шло довольно быстро. Впервыхъ, онѣ распахивались и раздѣлялись по мѣрѣ роста сельскаго населенія; пока свободныя земли были въ изобиліи (до 12—13 вв.), ими надѣляли новыхъ членовъ общины. Вовторыхъ, въ сельскія общества принимались сторонніе члены, которымъ за извѣстное вознагражденіе отводились участки изъ альмендныхъ земель. Въ третьихъ шла частичная продажа альмендъ на сторону²⁾. Наконецъ, въ четвертыхъ, значительныя площади общинныхъ земель отходили въ собственность князей, свѣтскаго и духовнаго дворянства. Но только съ измѣненіемъ всего хозяйственнаго строя, съ ввѣдреніемъ капиталистическаго элемента въ крестьянское хозяйство начало роста внутри общинъ желаніе болѣе значительныхъ раздѣловъ. Переходъ къ стойловому содержанію скота сдѣлалъ излишними многія общинныя пастбища и еще болѣе усилилъ стремленіе къ раздѣламъ ихъ въ частную собственность для распашки и увеличенія площади, занятой культурою кормовыхъ травъ. Такое стремленіе поддерживалось и крайне низкой производительностью общинныхъ земель. Вотъ то настроеніе, которое засталъ конецъ 18 и первые годы 19 вѣка. Оно отражается на землеустроительномъ законодательствѣ, и послѣднее въ большинствѣ государствъ Германіи ревностно принимается за самый рѣшительный раздѣлъ альмендныхъ земель въ собственность отдѣльныхъ хозяевъ.

Если право захватывать альменды рано исчезло, то пользованіе ими долгое время оставалось неограниченнымъ. Единственнымъ условіемъ была принадлежность къ общинѣ, что, впрочемъ, первоначально сливалось съ владѣніемъ усадьбой и полевой землей³⁾.

¹⁾ Временами, однако, стремленіе къ распашкамъ усиливалось (14 и 16 вв.), тогда общины издавали запрещенія „огораживать“ альменды (Miaskowski. указ. соч., стр. 17).

²⁾ Многочисленные примѣры для швейцарскихъ альмендъ см. у Miaskowski (указ. соч., стр. 25 и сл.).

³⁾ А. Heusler. Institutionen des deutschen Privatrechts (Systematisches Handbuch der deutschen Rechtswissenschaft herausg. v. K. Binding). Leipzig. 1885. I, стр. 289. Roscher отмѣчаетъ ту легкость, съ какой въ прежнія времена открывался доступъ къ пользованію общинными пастбищами лицамъ, не имѣющимъ правъ на него. Пастьба на стернѣ и скошенныхъ лугахъ также неоднократно дозволялась не членамъ общины. Въ Цюрихѣ лишь съ 16 вѣка стали настаивать на томъ, что только дворяне имѣютъ право участія въ пользованіи лѣсомъ и пастбищами. (Nationalökonomik des Ackerbaues, 13. Aufl., стр. 351).

Но впоследствии съ уменьшеніемъ альмендъ пользование ими было ограничено и регулировано. Въ большинствѣ случаевъ оно распределялось пропорціонально владѣнію частной землей ¹⁾. Пользование альмендами и раньше составляло принадлежность послѣдней, теперь оно приводится въ точное соотвѣтствіе съ нею и становится составною частью каждой гуфы.

Однако къ пользованію альмендами продолжали допускать и не гуфнеровъ. Приобрѣтя усадьбу или клочекъ поля, иногда и безъ этого, они приобщались къ общему пользованію лѣсомъ и пастбищами. Но эти новые члены, въ отличіе отъ старыхъ гуфнеровъ, допускались теперь лишь за извѣстную плату въ пользу послѣднихъ, и права ихъ на альменды были значительно уже. Такъ старые гуфнеры отслонились отъ группы новыхъ лицъ, пользующихся альмендами. На ряду съ правами старыхъ гуфнеровъ выросли различныя новыя права на альменды. Это обособленіе произошло постепенно ²⁾. Мало по малу старые гуфнеры заняли въ общинѣ совершенно обособленное положеніе ³⁾. Изъ стараго союза вырастаетъ болѣе широкій публично-правовой союзъ съ расширеннымъ правомъ гражданства. По мѣрѣ превращенія общины въ этотъ новый союзъ старый началъ отливаться въ особую частно-хозяйственную общину. Такъ выросло

¹⁾ Эта пропорціональность въ прежнее время устанавливалась сама собой. Полный гуфнеръ пользовался альмендами приблизительно въ два раза больше, нежели полугуфнеръ, потому что имѣлъ двойную потребность. Позже размѣры частнаго владѣнія и потребность въ альмендахъ разошлись. Тогда явилась необходимость установить соотвѣтствіе правовымъ путемъ (Heusler. Institutionen. I, стр. 289). Нерѣдко примѣнялись и другіе масштабы: по количеству скота, которое можетъ быть прокормлено зимой, по наличному количеству скота и пр. (Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, III. 1, стр. 214). Размноженіе дворовъ и недостаточность общинныхъ угодій заставили ввести различныя ограниченія: нельзя пасти чужой нанятой скотъ, нельзя продавать дерево, получаемое изъ общиннаго лѣса, каждый можетъ брать его лишь для отопленія и ремонта своихъ построекъ и пр.

²⁾ Сперва старые гуфнеры составляли лишь аристократію въ общинѣ и фактически управляли ею. Особыя права ихъ сказывались въ привилегированномъ пользованіи альмендами. Существовало нѣчто въ родѣ акціонернаго общества съ правомъ приоритета для нѣкоторыхъ акцій. (Heusler. Institutionen. I, стр. 291).

³⁾ Съ 16 в. на общины возложено было содержаніе бѣдныхъ и другія повинности, тяжесть ихъ разлагалась на всѣхъ членовъ общины. Это въ свою очередь вызывало распространеніе на всѣхъ членовъ права участія въ жизни общины и пользованія ея имуществомъ.

различіе между широкой *политической* и узкой *реальной* ¹⁾ общиной. Между ними подѣлены были альменды и альмендныя права. Раздѣлъ этотъ происходилъ въ разныхъ мѣстахъ неодинаково. Въ однихъ случаяхъ реальная община выдѣлила въ свою пользу часть общинныхъ земель, образовавъ свои особыя альменды. Въ другихъ — всѣ земли перешли къ политической общинѣ, но реальная удержала особыя права на нихъ. При этомъ такими особыми землями и правами пользовалась реальная община, какъ цѣлое, или она распалась, и тогда особыя права сохранились за отдѣльными лицами ²⁾. Наконецъ, во многихъ случаяхъ реальныхъ общинъ вовсе не образовалось, всѣ особыя права старыхъ гуфнеровъ исчезли, и послѣдніе слились съ общею массою членовъ политической общины.

Къ этому присоединилось ³⁾ выдѣленіе изъ общей массы альмендъ политической общины *общинныхъ земель въ тѣсномъ смыслѣ*, т. е., общинныхъ земель, изъятыхъ изъ непосредственнаго пользованія членовъ общины ⁴⁾. Это: 1) земли, служащія для увеличенія средствъ общинной кассы (Finanzvermögen), 2) земли, служащія различнымъ не финансовымъ общиннымъ цѣлямъ (Verwaltungsvermögen—таковы: земли общинныхъ учрежденій, больничныя, школьныя земли и т. п.), и 3) земли, назначенныя для общественнаго

¹⁾ Real-, Nutzungs-, Rechtsamegemeinde, Orts-, Gerechtigkeits-, Alpgenossenschaft (См. Laveleye-Bücher. Ureigenthum, стр. 154—155; Miaskowski. Die schweizerische Allmend. стр. 9). „Гдѣ, какъ въ горныхъ кантонахъ Швейцаріи, пользованіе альмендами было до извѣстной степени вещнымъ правомъ, лежащимъ на опредѣленныхъ земляхъ, тамъ говорятъ о ‚Rechtsame- или ‚Real‘, а также ‚Gerechtigkeits- gemeinde въ противоположность политической или Einwohnergemeinde. И эти болѣе узкіе союзы во многихъ случаяхъ приобрѣли природу *частныхъ* имущественныхъ корпорацій, которыя рѣшаютъ дѣла по управленію альмендной землей независимо отъ общиннаго управленія, но при этомъ берутъ на себя извѣстныя публично-правовыя задачи (въ области призрѣнія бѣдныхъ, содержанія дорогъ)“ (A. Buchenberger. Agrarwesen und Agrarpolitik. Leipzig. 1892. I, стр. 294).

²⁾ Heusler. Institutionen. I, стр. 292—293; Meitzen. Siedelung. I, стр. 164—165; ср. также Bücher въ Laveleye. Ureigenthum.

³⁾ Съ 16 вѣка.

⁴⁾ Приростъ населенія затруднялъ непосредственное пользованіе членовъ общины альмендами и заставлялъ общину брать эти земли въ свои руки (Laveleye-Bücher. Ureigenthum, стр. 155). Объ этомъ подробнѣе въ III главѣ. Къ тому же принуждало расширеніе задачъ общины, особенно въ новѣйшее время.

пользования (*res publicae publico usui destinatae*—дороги, площади, источники и пр.)¹⁾. Съ выдѣленіемъ этихъ земель названіе „альмендъ“ сохранилось лишь за тѣми общинными землями, которыми непосредственно пользовались члены общины²⁾.

Такъ долгій историческій процессъ выработалъ слѣдующія виды общинныхъ земель и правъ на нихъ:

I. Общинныя земли въ тѣсномъ смыслѣ слова (*Kassengüter*, въ городахъ *Kämmereigüter*)—земли политической общины, пользование которыми или принадлежитъ самой общинѣ или общественное.

II. Альменды политической общины (*Bürgervermögen, Genossen-, Allmendgut*, въ городахъ *Gemeindegliedervermögen*)—земли политической общины, пользование которыми въ силу общиннаго статута, постановленія общины или обычая принадлежитъ членамъ этой общины.

¹⁾ G. v. Kahr. Bayerische Gemeindeordnung. München. 1896. B. I, стр. 245—246; C. J. A. Mittermaier. Grundsätze des gemeinen deutschen Privatrechts. 7. Aufl. Regensburg. 1847. B. I, §§ 128—129.

²⁾ A. v. Miaskowski о швейцарскихъ альмендахъ пишетъ: „Первоначально вся общинная земля называлась альмендой, такъ какъ обыкновенно она вся находилась въ общемъ пользованіи членовъ общины. Но съ теченіемъ времени та часть прежней альменды, которая предназначена была частью прямо, частью косвенно (въ видѣ источника дохода) для цѣлей общины, повсемѣстно исключена была изъ этого названія“ (*Die schweizerische Allmend*. стр. 1). Подъ „альмендами“ швейцарское словоупотребленіе понимаетъ: „нераздѣленный остатокъ общей марки, находящейся въ собственности гражданскихъ общинъ (*Bürger-или Einwohnergemeinden*), состоящихъ изъ преемниковъ правъ членовъ прежней марки, села или хутора, или въ собственности другихъ публичныхъ корпорацій, поскольку этимъ остаткомъ пользуются исключительно или по крайней мѣрѣ преимущественно управомоченные члены, и онъ вовсе не употребляется или употребляется только отчасти на удовлетвореніе потребностей общины“ (указ. соч., стр. 1). Аналогично понимается теперь терминъ „альменда“ въ юго-западной Германіи. „Альменда, говоритъ *Buchenberger*, это родъ земельного владѣнія общины, встрѣчающійся теперь главнымъ образомъ лишь въ южной Германіи, въ нѣкоторыхъ горныхъ частяхъ Австріи (*Voralberg, Tirol, Salzburg* и др.), а также въ Швейцаріи и Франціи, характерной особенностью котораго, въ отличіе отъ прочей (собственно) общинной земли, исползуемой непосредственно самой общинной на свой счетъ, является то, что относящаяся сюда земли предоставлены въ *натуральное пользованіе* членовъ общины (или болѣе узкой корпораціи) въ формѣ коллективнаго пользованія, какъ напр., горныя альмендныя пастбища и нѣкоторые альмендныя лѣса, или въ видѣ уступки долей (*Loose*, во Франціи *allotissements*) во временное или пожизненное пользованіе отдѣльных управомоченныхъ, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ полевой и луговой землѣ“ (*Agrarwesen und Agrarpolitik*. 1, стр. 294).

III. Альменды реальной общины—это:

1. Особья права пользования альмендами политической общины, принадлежащія реальной общинѣ (или отдѣльнымъ членамъ ея),
2. Собственныя земли реальной общины (*Interessentenvermögen*), пользование которыми принадлежит членамъ ея.

Различеніе этихъ категорій общинныхъ земель, и правъ на нихъ членовъ общины, необходимо для оцѣнки послѣдующаго германскаго законодательства о раздѣлѣ этихъ земель и нормированіи пользованія ими.

Крупный теоретическій и практическій интересъ представляетъ при этомъ вопросъ о юридической природѣ различныхъ видовъ общинныхъ земель. Практически отъ того или иного отвѣта на него зависитъ, между прочимъ, опредѣленіе условій раздѣла ихъ въ частную собственность. Юридическая конструкція общинныхъ земель вызвала большое разногласіе среди германскихъ юристовъ. Объясняется это сложностью задачи¹⁾.

Основной вопросъ: кто былъ собственникомъ общинныхъ земель старой германской общины? сама община или ея члены? была ли общинная собственность собственностью юридического лица, общей собственностью или чѣмъ-либо третьимъ? Источники неясны²⁾.

Старые юристы совершенно игнорировали всѣ особенности общинныхъ правоотношеній и пытались подвести ихъ подъ римскія понятія *dominium*, видя либо *universitas* и *servitus*, либо *con-*

¹⁾ Въ правахъ на общинныя земли сплетаются вещный и личный, частно-и публично-правовой элементы. Далѣе, продолжительное историческое сложение правъ на эти земли, предоставленное во многихъ случаяхъ самостоятельному творчеству отдѣльныхъ общинъ, дало въ результатѣ большое разнообразіе правовыхъ отношеній. Наконецъ, въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ особенностей германскаго правового развитія, которыя не легко укладываются въ правовыя схемы, выработанныя на основаніи римскаго права. (См. Mittermaier. Grundsätze. § 128; Kahr. Bayer. Gemeindeordnung. I, стр. 241).

²⁾ Они называютъ собственникомъ: „die gemeinen Märker“, „die Dorfleute“, „die Märker gemeinlich“, рѣже „die Gemeinde“, „communitas villanorum“, „universitas commarcanorum“, иногда „homines sive communitas“. „Gemeinde und Einwohner“ какъ будто то члены общины, то сама община, то первые и вторая вмѣстѣ. (См. Heusler. Institutionen. I, стр. 268).

dominium и societas¹⁾. Между тѣмъ эти отточенныя понятія римскаго права эпохи индивидуальнаго денежнаго хозяйства врядъ ли полностью подходятъ къ тѣмъ хозяйственнымъ отношеніямъ, отраженіемъ которыхъ были альмендныя права. Вотъ почему заслугой Beseler'a, Bluntschli и Gierke является указаніе на отличія альмендъ, не укладывающіяся въ гранки римскаго права. Наиболѣе развито это воззрѣніе въ трудахъ O. Gierke²⁾. Общинныя земли онъ подводитъ подъ особый видъ германскои „Gesamnteigenthum“³⁾. Онъ не

¹⁾ Miaskowski. Die schweiz. Allmend, стр. 4.

²⁾ Das deutsche Genossenschaftsrecht. Berlin. 1868—1881. I, стр. 658—697; II, стр. 170 и сл., 329 и сл.; его же статьи „Allende“ и „Gemeinheitstheilung“ въ Holtzendorff's Encyclopedie der Rechtswissenschaft. II Theil. Rechtslexikon. 3. Aufl. Leipzig. 1881. I, стр. 75—77 и II, стр. 72—74.; его же Grundzüge des deutschen Privatrechts въ той же энциклопедіи. 6. Aufl. 1904. I, стр. 468—471.

³⁾ Gierke слѣдующимъ образомъ характеризуетъ прочія юридическія конструкции. Съ незапамятныхъ временъ шло отнятіе марковыхъ земель крупными землевладѣльцами и государствомъ. Съ цѣлью оправдать эти захваты одни изъ юристовъ примѣняли ко всѣмъ невоздѣланнымъ землямъ понятие безхозяйной вещи, принадлежащей фиску, даже если дѣло шло объ общинныхъ пастбищахъ или лѣсахъ, которыми, несомнѣнно, пользовавалась община. Здѣсь, говоритъ Gierke, съ одной стороны, неправильно трактовалось понятие безхозяйной вещи, а съ другой, неправильно всякая безхозяйная вещь считалась принадлежащей государству, а не общинѣ. Другіе юристы марковыя земли считали принадлежащими крупнымъ землевладѣльцамъ, и лишь по милости ихъ предоставленными общинамъ. Здѣсь происходило расширеніе права верховнаго господства до полной собственности. (Das deutsche Genossenschaftsrecht I, стр. 658—659). Параллельно шло разложеніе марокъ внутри. Значительную помощь этому разложенію оказало перенесеніе на германскія общинныя земли началъ римскаго права съ его рѣзкимъ обособленіемъ публичнаго и частнаго права, съ его абстрактнымъ понятіемъ собственности и пониманіемъ правового единства корпораціи, какъ чего-то совершенно независимаго отъ ея отдѣльныхъ членовъ. вмѣсто того, чтобы общинную собственность, которая одновременно принадлежала общинѣ, какъ цѣлому и членамъ ея, какъ отдѣльнымъ лицамъ, охватить въ ея цѣломъ, какъ продуктъ историческаго развитія германскаго права, старались на основаніи внѣшнихъ моментовъ различать въ ней чисто публичную собственность общины и сумму частныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ. Такъ, по его мнѣнію, выработалось признанное всѣми законодательствами различіе между общинными землями въ тѣсномъ смыслѣ (patrimonium universitatis) и альмендами, назначенными для хозяйственныхъ цѣлей отдѣльныхъ членовъ. Первые становятся собственностью чисто публично-правового юридическаго лица, противостоящаго членамъ общины, какъ совершенно посторонній субъектъ права; поэтому при распадѣ общины эти земли даже должны итти государству. Альмендное же имущество начали понимать различно. Гдѣ указанное различіе

были исключительно собственностью юридического лица. „Моментъ единства существовалъ и чувствовался, но члены общины были очень далеки отъ того, чтобы выводить отсюда исключительную собственность юридического лица, которая открывала бы отдѣльнымъ лицамъ лишь права на чужую вещь“¹⁾. Но онѣ не были и простою общею собственностью членовъ общины, такъ какъ этимъ исключился бы безспорно существовавшій въ общинѣ элементъ единства. Вотъ почему общинная собственность можетъ быть представлена себѣ лишь, какъ простое „Gesammtrecht“, въ которомъ нераздѣльно слиты права цѣлаго и права отдѣльныхъ лицъ²⁾.

Цѣлый рядъ юристовъ, однако, отвергаетъ ученіе о „Gesamteigentum“. Общинныя земли они считаютъ собственностью общины или подобнаго ей товарищества, какъ юридического лица³⁾. Рѣши-

общиннаго имущества въ тѣсномъ смыслѣ и имущества альменднаго одержало полную побѣду, тамъ на послѣднее смотрѣли просто, какъ на общую собственность управомоченныхъ (Miteigethum). Болѣе распространена, однако, теорія, по которой за общиной признавалась собственность, а за отдѣльными членами частичныя права на нее, какъ на чужую вещь (jura singulorum in re aliena constituta). Наконецъ, въ послѣднее время обнаружилось стремленіе ввести понятіе „гражданскихъ пользованій“ (bürgerliche Nutzungen), т. е., правъ на общинную землю, являющихся принадлежностью политическаго права гражданства въ общинѣ. Этимъ вообще оспаривается существованіе индивидуальныхъ правъ на общинную землю, и послѣдняя объявляется ничѣмъ не связанною собственностью общины, какъ юридического лица. Всѣ эти пониманія Gierke считаетъ неправильными; какъ они ни различны, они схожи въ томъ, что разложили понятіе общинной собственности на части и этимъ облегчили ея разложеніе на практикѣ (Das deutsche Genossenschaftsrecht. I, стр. 663—664).

¹⁾ Das deutsche Genossenschaftsrecht. II, стр. 329.

²⁾ Субъектомъ этого права является совокупность членовъ общины, которая въ одно и то же время единство и множественность безъ принципиальнаго разчлененія ея цѣлостной и множественной стороны, соединеніе „Gesamteinheitsrecht“ и „Gesamtvielheitsrecht“ (Genossenschaftsrecht. II, стр. 170, 175, 178, 332 и др.). Поэтому, дѣломъ историческаго изслѣдованія и конкретнаго изученія является установить въ каждомъ данномъ случаѣ соотношеніе между корпоративнымъ правомъ цѣлаго и индивидуальнымъ правомъ отдѣльныхъ лицъ, опредѣлить содержаніе послѣдняго права и отношеніе обособившейся до нѣкоторой стѣпени частно-правовой общины къ общинѣ политической (Holtzendorff's Encyklopedie. Rechtslexikon. „Allmende“. I, стр. 76).

³⁾ Gerber. Deutsches Privatrecht. 4. Aufl. § 77; Stobbe. Handbuch des deutschen Privatrechts. 3. Aufl. I, стр. 505 и сл.; точно также Miaskowski. Die schweiz. Allmend. стр. 4—14, хотя послѣдній и признаетъ, что строеніе общинныхъ правоотношеній крайне разнообразно.

тельнымъ сторонникомъ этого взгляда является А. Heusler¹⁾. Не только общинныя земли въ тѣсномъ смыслѣ, но и альменды, какъ политическихъ, такъ и большинства реальныхъ общинъ, наконецъ, и земли старыхъ марковыхъ товариществъ онъ считаетъ собственностью юридическаго лица. При распоряженіи общинной землей всегда выступала не совокупность членовъ, а установленный статутомъ общинный органъ. Этимъ устраняется предположеніе общей собственности не только въ видѣ римскаго *condominium*, но и особаго *condominium germanicum*, ибо нигдѣ нельзя уловить дѣйствія принципа: „der gesammten Hand“ („*communibus manibus*“)²⁾. По крайней мѣрѣ по отношенію къ третьимъ лицамъ общинная собственность всегда выступаетъ въ качествѣ собственности юридическаго лица³⁾. Труднѣе формулировать природу правъ отдѣльныхъ членовъ на общинную собственность. Что касается альмендъ политическихъ общинъ, то права общинниковъ на эти земли, по мнѣнію Gierke, настолько отличны отъ *jura in re aliena*, что именно для пониманія ихъ онъ счелъ необходимымъ прибѣгнуть къ понятію „*Gesamteigentum*“. Это понятіе, однако, говоритъ Heusler, по своей неясности равносильно отказу отъ точной юридической формулировки⁴⁾. Но Heusler не отрицаетъ, что права общинниковъ на пользованіе альмендами нельзя разсматривать, какъ *jura in re aliena*. Этому противорѣчитъ слѣдующее: 1) права на чужую вещь ограничиваютъ исползованіе права собственности, права же общинниковъ не ограничиваютъ его, а, наоборотъ, помогаютъ альмендамъ выполнять ту цѣль, ради которой онѣ существуютъ; 2) когда общины обмѣнивались своими землями, права на земли старой марки не переходили на новую; 3) когда введены были ипотечныя книги, ипотека какого-

¹⁾ Institutionen. I, §§ 56—59. Очень неточно передаетъ воззрѣнія Heusler'a Laveleye (см. первобытная собственность, рус. пер., стр. 286).

²⁾ Institutionen I, стр. 269—270. О германской общей собственности см. тамъ же §§ 50—53. (*Gemeinderschaft und gesammte Hand*). Ср. также Gengler. *Lehrbuch des practischen deutschen Privatrechts*. Erlangen. 1852. I, § 51; тамъ же старая литература за и противъ „*Sammteigentum*“.

³⁾ Institutionen. I, стр. 271.

⁴⁾ „Я признаюсь, что все возобновляемая Gierke, повторяющіяся до утомленія и изнеможенія на сотнѣ страницъ попытки отыскать удовлетворительное выраженіе для этой идеи производить на меня впечатлѣніе собственнаго отказа отъ достаточно точной формулировки правоотношенія“. (Heusler. *Institutionen*, I, стр. 273).

-либо члена, лежащая на общинной землѣ, вносились въ нихъ, права же общинниковъ на пользованіе альмендами—нѣтъ; наконецъ 4) и это самое важное—община могла сѣуживать и совершенно уничтожать права общинниковъ, чего она не могла бы дѣлать съ *jus in re aliena*¹⁾. Но изъ того, что права общинниковъ не *jura in re aliena*, по мнѣнію Heuslera, вовсе не вытекаютъ заключенія Gierke. Особенности этихъ правъ не мѣшаютъ альмендамъ быть собственностью юридическаго лица. „Право на пользованіе принадлежитъ каждому общиннику, какъ члену общины, въ предѣлахъ сельскихъ статутовъ или того, что замѣняетъ статуты (обычное право). Всякій препятствующій ему осуществлять это пользованіе, поскольку оно допускается мѣстнымъ правомъ, все равно, будетъ это сама община или какой-либо членъ ея, нарушаетъ его право и можетъ быть принужденъ судомъ не препятствовать пользованію. Но для общины вовсе не существуетъ какого-либо права члена на пользованіе, которое могло бы помѣшать ей, соблюдая установленный порядокъ, путемъ закономѣрнаго измѣненія статута, во всякое время измѣнить предоставившіяся до того пользованія, сократить и даже совершенно уничтожить ихъ. Это во всякомъ случаѣ право, всецѣло зависящее отъ свободной воли общины“²⁾. Она, какъ собственница устанавливаетъ его въ цѣляхъ наилучшаго использованія своего имущества и выполненія своихъ задачъ, она же можетъ измѣнять его.

Лишь позднѣйшій процессъ, создавшій реальную общину, выдѣлилъ въ особую категорію права послѣдней на общинныя земли. Права эти легли на земли политической общины въ качествѣ вещныхъ правъ (*Reallast*)³⁾, измѣненіе которыхъ не подлежитъ послѣдней. Носительницей этихъ правъ является реальная община, какъ юридическое лицо и лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она распалась, возникли непосредственныя права отдѣльныхъ лицъ на земли политической общины.

Послѣдній случай—когда реальная община владѣетъ собственной землей—Heusler рассматриваетъ въ связи съ различными „то-

¹⁾ Institutionen, I, стр. 274—275.

²⁾ Institutionen, I, стр. 274. Такъ же понимаетъ эти права Miaskowski. Die schweiz. Allmend, стр. 7.

³⁾ Institutionen, I, стр. 292.

вариществами для специальных сельскохозяйственных цѣлей¹⁾. Всѣ они также юридическія лица. Съ реальными общинами перваго вида „они дѣляютъ признакъ, что членство обусловлено чисто вещно владѣніемъ долевыхъ правъ (Theilrechte)“²⁾. Но „во всѣхъ случаяхъ товарищество, какъ юридическое лицо, можетъ свободно распоряжаться своимъ имуществомъ и долевые права членовъ всецѣло зависать отъ него“³⁾. Какъ и политическая община, оно можетъ въ предѣлахъ статутовъ „ограничивать пользованіе членовъ, а иногда и приостанавливать ихъ, такъ какъ эти долевые права членовъ не *jura in re aliena* по отношенію къ товариществу⁴⁾. Всѣ эти признаки, говоритъ Heusler, сильнѣе всего приближаютъ эти союзы къ современному акціонерному обществу⁵⁾.

Но Heusler признаетъ какъ для политической, такъ и для реальной общины случаи, когда права отдѣльныхъ членовъ на пользованіе общинными землями фиксируются и отливаются въ неизмѣнныя неотъемлемыя права. Тогда, по его мнѣнію, община теряетъ характеръ товарищества и превращается въ учрежденіе (Stiftung, Anstalt). Земля ея становится имуществомъ, назначеннымъ для выполнения цѣли учрежденія—въ данномъ случаѣ, для доставленія пользованія опредѣленнымъ лицамъ. Общинные органы лишь управляютъ этимъ имуществомъ и распределяютъ пользованіе имъ согласно статуту.⁶⁾

Таково ученіе Heusler'a.

По поводу этихъ различныхъ юридическихъ конструкцій необходимо замѣтить, что всѣ онѣ недостаточно учитываютъ тѣ крупныя измѣненія, которыя переживала юридическая природа альмендъ съ теченіемъ времени. Отсюда ошибка Gierke, который полагаетъ, что и для позднѣйшаго времени всѣ альменды сохраняютъ (или по крайней мѣрѣ должны были бы сохранить) неопредѣленный характеръ „Gesammt-

¹⁾ Таковы, по Heusler'у, полевые товарищества (напр., *Gehöferschaften* въ Трирѣ), лѣсныя товарищества (напр., *Hauberggenossenschaften* въ Зигенѣ), пастбищныя товарищества (напр., *Alpgenossenschaften* въ Швейцаріи). См. *Institutionen*. I, стр. 294—295.

²⁾ *Institutionen*. I, стр. 296.

³⁾ *Institutionen*. I, стр. 296.

⁴⁾ *Ib.*

⁵⁾ *Institutionen*. I, стр. 294.

⁶⁾ *Institutionen*. I, стр. 282 и 296.

eigenthum.“ Н. v. Treitschke ¹⁾ еще до Gierke писалъ по этому поводу: „ученіе о германской *Gesamteigenthum*, по которому на ряду съ правомъ собственности цѣлаго существуютъ права собственности товарищей, имѣеть нѣкоторую точку опоры въ состояніи марки въ средніе вѣка... Но несомнѣнно, съ тѣхъ поръ понятіе собственности стало чище и исключительнѣе“. Но ошибается и Heusler, считая, что общинныя земли сразу и притомъ земли всѣхъ видовъ носили ярко выраженный характеръ собственности юридическаго лица. Рѣшенія общины еще долго сливались съ рѣшеніями членовъ, интересы общины не обособлялись отъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, поэтому и собственность общины включала элементы общей собственности ²⁾. Исторія еще въ теченіе столѣтій показываетъ борьбу начала единства съ началомъ множественности ³⁾. Лишь постепенно окончательно побѣждаетъ начало юридическаго лица. При этомъ, гдѣ одержала верхъ политическая община, общинныя земли стали ея собственностью. У отдѣльныхъ членовъ не сохранилось даже неотъемлемаго права на чужую вещь, такъ какъ община можетъ сокращать пользованія членовъ. Связана въ этомъ она только собственнымъ статутомъ или постановленіями государственной власти. Развиваясь дальше, это направленіе превращаетъ нѣкоторыя земли въ общинныя въ тѣсномъ смыслѣ, т. е., собственность юридическаго лица уже совершенно свободную отъ притязаній на нее отдѣльныхъ членовъ.

Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, отдѣльные члены или группа ихъ стойко охраняютъ свои права отъ посягательства политической общины. Здѣсь также наблюдается двоякое развитіе. Либо въ рукахъ реальной общины, какъ юридическаго лица, (или ея отдѣльныхъ членовъ) вырабатываются особыя права на земли политиче-

¹⁾ Статя „*Gemeinheitstheilung*“ въ „*Deutscher Staats-Wörterbuch* von J. Bluntschli und K. Brater. Stuttgart. 1859. Bd. IV, стр. 169.

²⁾ Такъ, укравшій лѣсъ чужой общины—воръ, а укравшій лѣсъ своей общины—преступникъ, но не воръ (*Glarner Landbuch*, см. Miaskowski. *Die schweiz. Allmend.* стр. 8).

³⁾ Многочисленные примѣры этой борьбы можно найти у Miaskowski. Въ горныхъ общинахъ начало единства проникало очень медленно и почти до нашихъ дней распоряженіе альмендами въ нѣкоторыхъ общинахъ происходитъ по рѣшенію *всѣхъ* членовъ. Быстрѣе шла побѣда начала собственности юридическаго лица въ равнинахъ (*Die schweiz. Allmend.* стр. 7).

ской общины, причемъ права эти политическая община не можетъ отмѣнять по своему усмотрѣнiю, они *jura in re aliena*, ограничивающія ея право собственности. Либо часть общинныхъ земель совершенно обособляется отъ политической общины и становится собственностью общины реальной. Земли эти также принимаютъ форму собственности юридического лица. При этомъ или усиливается реальная община и получаетъ возможность измѣнять пользованiя отдѣльныхъ своихъ членовъ, или, наоборотъ, крѣпнуть права пользованiя у отдѣльныхъ членовъ и принимаютъ характеръ неотчуждимыхъ правъ на землю реальной общины ¹⁾. Но встрѣчаются также случаи, когда реальная община не приобрѣла формы юридического лица, и собственность ея носить ясныя черты общей собственности (*condominium*) ²⁾.

Въ результатъ всѣхъ этихъ одновременныхъ наслоенiй и развѣтвленiй юридическая природа общинныхъ земель приняла слѣдующiя формы, донесенныя исторiей до 19 вѣка, когда съ ними столкнулось новѣйшее аграрное законодательство Германiи.

I. Общинныя земли въ тѣсномъ смыслѣ—собственность политической общины, какъ юридического лица, свободная отъ притязанiй отдѣльныхъ членовъ. Распоряженiе въ рукахъ общинныхъ органовъ, дѣятельность которыхъ нормируется статутомъ общины и постановленiями государственной власти.

II. Альменды политической общины—то же, только связанное въ силу статута пользованiемъ отдѣльныхъ членовъ.

III. Альменды реальной общины (или отдѣльныхъ членовъ ея)—это:

- 1) права реальной общины, какъ юридического лица, (или отдѣльныхъ членовъ ея) на особыя пользованiя землей политической общины (*jura in re aliena*). Въ этомъ случаѣ имѣется собственность политической общины, какъ юридического лица, отягченная правомъ пользованiя въ пользу другого юридического

¹⁾ Когда права эти поглощаютъ все владѣнiе и пользованiе всею землей реальной общины, земля эта, какъ справедливо замѣчаетъ Heusler, принимаетъ характеръ „*Stiftungsvermögen*“, служащаго опредѣленной цѣли.

²⁾ См. Fr. Christoph. Die ländlichen Gemeindegüter (Allmenden) in Preussien. Jena. 1906, стр. 44—49.

лица—реальной общины (либо рядомъ правъ въ пользу отдѣльныхъ членовъ ея), или

- 2) земли реальной общины—въ рѣдкихъ случаяхъ это общая собственность членовъ реальной общины, которой они могутъ распоряжаться лишь всѣ сообща,—обыкновенно же—собственность реальной общины, какъ юридического лица, которой она распоряжается въ согласіи со статутомъ и предписаніями государственной власти. Права отдѣльныхъ членовъ на эти земли чаще всего—неотъемлемыя *jura in re aliena*.

Такой юридической природой различныхъ общинныхъ земель опредѣляется то, какъ должно быть построено законодательство о нормированіи пользованія и распоряженія этими землями, а главнымъ образомъ законодательство о ихъ раздѣлѣ. Приведенный выше историко-правовой анализъ даетъ, поэтому, опору для оцѣнки германскаго законодательства 19 вѣка объ общинныхъ земляхъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что до этого времени дожила лишь часть общинныхъ земель, такъ какъ указанная выше условія постепенно сокращали ихъ размѣръ. Больше всего общинныхъ земель, и именно въ формѣ альмендъ, сохранилось на юго-западѣ Германіи; значительно меньше на сѣверо-западѣ и особенно сѣверо-востокѣ. Эта разница между югомъ и сѣверомъ объясняется нѣсколькими условіями. Таковы: 1) природный характеръ мѣстности—равнинный сѣверъ и гористый югъ; въ гористыхъ областяхъ до сихъ поръ обширныя пространства могутъ быть использованы лишь въ видѣ лѣса, пастбищъ и луговъ, а это именно тѣ угодія, которыя труднѣе обращаются въ частную собственность¹⁾; 2) большая прочность общиннаго духа и общинной жизни на югѣ; въ мелкихъ южно-германскихъ государствахъ со слабой государственной властью общины издавна были болѣе независимы и сильнѣе; 3) болѣе слабая форма крѣпостнаго права на югѣ и слабость образованія крупнаго помѣщичьяго землевладѣнія, отнявшаго значительную часть свободныхъ общинныхъ земель въ другихъ мѣстахъ.

¹⁾ Подобно гористому юго-западу Германіи, альменды значительны въ Швейцаріи и горныхъ частяхъ Австріи. Въ Швейцаріи ясно наблюдается различіе между равнинами и горными областями: въ первыхъ общинныхъ земель меньше, во вторыхъ—больше.

Интересно различіе между общинными землями—альмендами—въ Германіи и Швейцаріи, интересно потому, что изъ него ясно вырисовывается характеръ германскихъ альмендъ. Различіе это можно формулировать слѣдующимъ образомъ: ¹⁾

1. Въ Швейцаріи альменды связаны, главнымъ образомъ, съ горнымъ скотоводствомъ. Въ Германіи альменды гораздо больше приспособились къ земледѣлю въ долинахъ; отсюда большій процентъ полевыхъ и луговыхъ альмендъ.

2. Швейцарскія альменды принадлежатъ по преимуществу частнымъ корпораціямъ—реальнымъ общинамъ; создалась крестьянская аристократія, исключаяющая пользованіе альмендами всѣхъ прочихъ членовъ общины. Въ Германіи, наоборотъ, преобладаютъ альменды политическихъ общинъ, и всѣ члены ихъ имѣютъ право пользоваться ими. Правда, и здѣсь мѣстами сложились привилегированныя крестьянскія корпораціи, но и само развитіе, и позднѣйшее законодательство всячески выдвигало публично-правовой характеръ альмендъ ²⁾.

3. Въ Швейцаріи право на альменды принадлежитъ отдѣльному лицу, отсюда альменды не женатыхъ; кромѣ того община мало интересуется тѣмъ, какъ это лицо используетъ свою альмендную долю, поэтому право на альменды не прекращается съ отлучкой изъ общины; владѣлецъ альменднаго пая можетъ сдавать его въ аренду, и ему отсылаютъ за него деньги, иногда 100 и болѣе франковъ. Въ Германіи, наоборотъ, пользованіе альмендами связано съ семьей—лишь женатый хозяинъ получаетъ альмендную долю; и затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, онъ сохраняетъ право на нее лишь до тѣхъ поръ, пока живетъ въ общинѣ и даже самъ (или его родственники) ведетъ на немъ хозяйство.

Изъ описаннаго характера германскихъ альмендъ вытекаетъ, въ противоположность швейцарскимъ, въ большинствѣ случаевъ

¹⁾ См Laveleye-Bücher. Das Ureigenthum, гл. IX. (написана Bücher'омъ): Die Allmenden im südwestlichen Deutschland, стр. 154—155; Bücher. Die Allmende in ihrer wirtschaftlichen und sozialen Bedeutung (Soziale Streitfragen herausg. v. A. Damaschke. Heft XII). Berlin, стр. 14—15; R. Wetz. Die Vorteile und Nachteile der Allmenden für die Landgemeinde. Heppenheim a. d. B. 1901, стр. 15—16.

²⁾ Во многихъ случаяхъ отъ особыхъ правъ старыхъ гуфнеровъ осталось взиманіе въ пользу ихъ „приемныхъ денегъ“ съ новыхъ членовъ (Laveleye-Bücher. Ureigenthum, стр. 155).

равенство долей всѣхъ членовъ общины въ пользованіи альмендами. Неравенства, вытекающія изъ особыхъ правъ старыхъ гуфнеровъ сравнительно рѣдки ¹⁾).

Равенство не нарушается тѣмъ, что общины во избѣжаніе чрезмѣрнаго дробленія альмендныхъ долей фиксировали ихъ число. Правда, благодаря этому получилось то, что одни члены пользуются альмендами, а другіе еще ждутъ своихъ долей. Но всѣ пользующіеся члены въ свое время ждали альмендной доли. Точно также не нарушается равенство существованіемъ разныхъ классовъ альмендъ, потому что каждый членъ одинаково проходитъ въ извѣстной послѣдовательности всѣ классы, увеличивая съ годами свою альмендную долю ²⁾).

¹⁾ Гдѣ они уцѣлѣли, они охраняются статутами и законами.

²⁾ Различіе альмендныхъ паевъ возникло, по Bücherу, слѣдующимъ образомъ. Распахивалась или обращалась въ лугъ часть общиннаго пастбища или лѣса, дѣлилась поровну и отдавалась во временное владѣніе членовъ. Черезъ извѣстный промежутокъ времени разрабатывалась новая площадь и снова дѣлилась между всѣми. Но на этотъ разъ число членовъ въ общинѣ больше, поэтому изъ получившихъ новые участки лишь часть можетъ сверхъ нихъ получить по старому участку. Такъ возникло два класса членовъ: имѣвшихъ двѣ доли и имѣвшихъ одну вторую долю. Съ новой распашкой возникло 3 класса: съ 3, 2 и 1 долями. Когда новая распашка прекратилась, а число членовъ росло дальше, возникъ классъ, который долженъ былъ ждать доступа къ альмендамъ. Bücher приводитъ въ примѣръ общину Lorsch въ Гессенѣ. Первая распашка („zum alten Bruch“) дала 124 пая по 95 клафтеровъ (клафтеръ = $\frac{1}{400}$ морга, гессенскій моргъ = 0,25 ha). Вторая распашка („alter Bruch“) дала уже 255 паевъ по 504 клафтера. Наконецъ, третья („neuer Bruch“) — 420 паевъ по 277 клафтеровъ. Такъ возникло 3 класса членовъ: I — 420 членовъ съ 277 клафтерами, II — 255 членовъ съ (277 + 504 =) 781 клафт. и III — 124 члена съ (277 + 504 + 95 =) 876 клафтерами альмендной земли. Каждый членъ постепенно доходитъ до III класса (Laveleye-Bücher. Ureigenthum, стр. 157—160). Въ другомъ мѣстѣ Bücher въ слѣдующихъ словахъ описываетъ тотъ же процессъ: „Когда предприняли первый раздѣлъ, община имѣла, предположимъ, 60 членовъ, поэтому раздѣлили кусокъ пастбища на 60 частей, скажемъ, въ 1 $\frac{1}{2}$ морга каждый, и дали всѣмъ по такому паю. Община разрослась дальше. Спустя 25 или 30 лѣтъ предпринять былъ новый раздѣлъ. Между тѣмъ за это время число членовъ возрасло до 80. Естественно, теперь отводятъ 80 паевъ. Каждый получаетъ, предположимъ, 1 моргъ. Теперь мы имѣемъ въ общинѣ 60 хозяйствъ, получившихъ еще раньше по 1 $\frac{1}{2}$ морга, и 20, имѣющихъ лишь 1 моргъ. Развитие продолжается еще въ теченіе одного поколѣнія. Число паевъ возрасло за это время до 100. Раздѣляется остатокъ общаго пастбища. Оказывается, что каждый можетъ получить изъ него еще по 1 моргу. Такъ получается въ общинѣ 3 класса долей: 1 $\frac{1}{2}$, 1 и еще разъ 1 моргъ. 20 членовъ будутъ имѣть лишь по

Дается альмендная земля частью на короткій срокъ, частью въ пожизненное пользованіе ¹⁾).

Описанная система использованія альмендныхъ земель оказалась очень прочной и жизнеспособной. Мы увидимъ въ III главѣ многіе недостатки ея; но тамъ же обнаружится для насъ важное социальное значеніе сохраненія въ видѣ альмендъ и вообще въ общинной собственности небольшого процента крестьянскихъ земель. Благодаря признанію за альмендами этого значенія, часть ихъ удержалась до настоящаго времени, несмотря на весь хозяйственный прогрессъ 19 вѣка. Мы увидимъ, какъ альменды юга окажутся неистощимымъ источникомъ, изъ котораго неустанно будутъ черпаться доводы противъ чрезмѣрнаго радикализма въ вопросѣ о раздѣлѣ общинныхъ земель, царившаго на сѣверѣ Германіи въ началѣ 19 вѣка.

Однако, до сихъ поръ я описывалъ исторію общинныхъ земель, не касаясь вліянія на нее крѣпостного права. Между тѣмъ, какъ весь строй крестьянскаго землевладѣнія, такъ и характеръ владѣнія общинными землями, помимо внутреннихъ причинъ претерпѣвалъ значительныя измѣненія отъ іразвившагося крѣпостного права ²⁾. Въ началѣ помѣщикъ владѣлъ на ряду съ крестьянами (и даже черезполосно съ ними) нѣсколькими гуфами и соотвѣтственно этому участвовалъ въ пользованіи альмендами. Но постепенно онъ подчиняетъ себѣ крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ общинныя земли. На альменды такъ же, какъ и на частныя земли крестьянъ, распространяется верховная собственность господина ³⁾. Во многихъ случаяхъ онъ оставлялъ нетронутыми старыя способы хозяйственнаго использованія ихъ крестьянскими общинами. Но часто онъ и его чиновники вмѣшивались въ эти способы, мѣняли ихъ, рѣшали вопросы о раздѣлѣ альмендъ, старались извлечь изъ незанятыхъ земель возможно большую пользу для себя ⁴⁾.

1 моргу, 20—по 1+1=2 морга, и 60 будутъ владѣть высшею долею, а именно $3\frac{1}{2}$ моргами. Такъ сложилось это въ большинствѣ общинъ плодородной верхнерейнской долины, которая я хорошо знаю по собственному наблюденію; мѣстами система эта нашла примѣненіе и въ Швейцаріи (Die Allmende in ihrer wirtschaftlichen und sozialen Bedeutung, стр. 11—12).

¹⁾ См. III главу.

²⁾ Meitzen. Siedelung, I, стр. 165—168; II, стр. 569—588, 614—624.

³⁾ Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. III. 1, стр. 207.

⁴⁾ Inama-Sternegg, указ. соч., III. 1, стр. 284—286, 295—299.

Такъ, общинныя земли отягчаются различными сервитутами въ пользу помѣщика: правомъ пастьбы, охоты, рыбной ловли и пр. Далѣе, когда на помѣщичьихъ земляхъ поселялись новые люди—крестьяне, рабочіе, ремесленники, винодѣлы и пр.—, всѣ они получали доступъ къ альмендамъ. Этимъ сокращались пользованія старыхъ общинниковъ. Нерѣдко, какъ сказано выше, помѣщикъ совершенно выдѣлялъ въ свою пользу части альмендъ. Крестьяне въ большинствѣ случаевъ сохранили право пользованія такими выдѣленными землями, но это было уже право на „чужую“ вещь. Такъ возникли многочисленныя сервитутныя права крестьянъ на государственныя и помѣщичьи лѣса, пустоши и другія земли¹⁾. Параллельно такіе же сервитуты возникали другимъ путемъ. Захватывая пустопорожниа, никому не принадлежащая, земли и поселяя на нихъ крестьянъ, помѣщики, кромѣ поля и луга, надѣляли поселенцевъ правомъ пользоваться лѣсами и пастбищами. Если въ предыдущемъ случаѣ отъ крестьянъ ушла собственность и остались сервитуты, то здѣсь къ крестьянамъ перешли нѣкоторыя стороны пользованія государственной и помѣщичьей землей.

Всѣ эти сервитутныя права крестьянъ на государственныя, церковныя и частновладѣльческія земли, равно какъ и обратныя права землевладѣльцевъ на земли крестьянскія, составили особую широкую область земельной связанности, ликвидація которой легла на законодательство 19 вѣка.

¹⁾ Захваты альмендъ, не смотря на сохраненіе за крестьянами сервитутныхъ правъ, конечно, суживали пользованіе альмендами сельскихъ обществъ. А такъ какъ пастьба въ лѣсу и на общинныхъ пастбищахъ играла очень важную роль въ крестьянскомъ хозяйствѣ того времени, то суженіе это было очень тягостно для крестьянъ (Inama-Sternegg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte, II, стр. 215—216). Къ тому же и сервитутныя пользованія крестьянъ систематически сокращались. Такъ, напр., крестьяне пользовались пастьбой, охотой, рыбной ловлей, рубкой лѣса и пр. на государственныхъ земляхъ; но земли эти начали отдавать въ лены, дарить церкви и свѣтскимъ лицамъ, тѣ распашивали ихъ. Такія же распашки съ нарушеніемъ сервитутныхъ правъ крестьянъ происходили на помѣщичьихъ земляхъ (указ. соч., стр. 208—209). Впослѣдствіи тамъ, гдѣ землевладѣльцы не основали собственныхъ крупныхъ хозяйствъ, изъ этихъ распашекъ, превратившихся потомъ въ крестьянскія аренды, а еще позже въ предметы постоянного пользованія крестьянъ, выросла обратная волна. На крайнемъ гребнѣ своемъ, въ XIX вѣкѣ—въ эпоху освобожденія крестьянъ—она снова принесла послѣднимъ право собственности на часть прежнихъ общинныхъ земель (Inama-Sternegg, указ. соч., III, 1, стр. 202—203).

Послѣднія страницы этой главы показали, какъ глубоко было вліяніе крѣпостного права на аграрный строй дореформенной Германіи. Вотъ почему изложенію землеустроительныхъ реформъ 19 вѣка необходимо предпослать хотя краткій обзоръ исторіи развитія и паденія крѣпостного права. Пути, по которымъ пошло землеустроительное законодательство въ разныхъ частяхъ Германіи, будутъ непонятны безъ сопоставленія ихъ съ различными формами крѣпостныхъ отношеній и условій, создавшихся при ликвидаціи этихъ послѣднихъ.

Глава II.

Крѣпостное право и его отмѣна въ Германіи, связь съ нимъ землеустроительнаго законодательства.

Содержаніе: Важность изученія крѣпостныхъ отношеній для пониманія землеустроительнаго законодательства.—Возникновеніе крѣпостнаго права въ Германіи.—Крѣпостной строй въ 10—12 вѣкахъ.—Три типа крѣпостныхъ отношеній въ Германіи.—Крѣпостныя отношенія на юго-западѣ.—Развитіе поземельныхъ отношеній на сѣверо-западѣ.—Исторія крѣпостныхъ отношеній на сѣверо-востокѣ.—Причины различнаго развитія.—Освобожденіе крестьянъ, причины и зачатки его.—Освобожденіе на юго-западѣ.—Реформа поземельныхъ отношеній на сѣверо-западѣ.—Крестьянская реформа въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи.—Общая характеристика ея.—Общность причинъ, вліявшихъ на нее и на землеустроительное законодательство.—Типы землевладѣнія въ различныхъ частяхъ Германіи, какъ результатъ развитія крѣпостныхъ отношеній и ихъ ликвидаціи.—Недостаточность одного освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.—Необходимость завершенія крестьянской реформы землеустроительными мѣрами.

Уже въ предыдущей главѣ намъ пришлось встрѣтиться съ многочисленными случаями вліянія крѣпостнаго права на формы крестьянскаго землевладѣнія. На этомъ вліяніи необходимо остановиться подробнѣе, такъ какъ крѣпостное право является факторомъ, который сильнѣйшимъ образомъ опредѣлялъ характеръ и ходъ развитія землеустроительнаго законодательства Германіи. Какъ мы увидимъ дальше, строеніе и практическіе результаты его были очень различны въ отдѣльныхъ частяхъ этой страны. Югъ и сѣверъ ея, а на сѣверѣ западъ и востокъ, шли и до сихъ поръ идутъ разными дорогами. Различіе это—результатъ многихъ причинъ: вѣшняя при-

рода, политическая судьба, хозяйственная и общая социальная исторія—все это сплеталось, отражаясь на землеустроительной дѣятельности государства. Однако, одной изъ ближайшихъ причинъ было преобладаніе мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ на юго-западѣ, крупныхъ крестьянскихъ—на сѣверо-западѣ и крупныхъ помѣщичьихъ—на сѣверо-востокѣ. Но, идя глубже, мы увидимъ, что это различіе въ свою очередь на ряду со многими другими причинами вызвано исторіей крѣпостныхъ отношеній и способомъ ихъ ликвидаціи. Въ нихъ какъ разъ наблюдается то же трехчленное развитіе: юго-западъ, сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ.

Въ силу всего этого считаю важнымъ хотя кратко обрисовать исторію крѣпостного права и освобожденія крестьянъ въ трехъ отмѣченныхъ частяхъ Германіи. Это значительно облегчитъ пониманіе и оцѣнку землеустроительнаго законодательства 19 вѣка.

Время возникновенія крѣпостного права до сихъ поръ не выяснено ¹⁾. Много темнаго и въ начальномъ періодѣ его развитія ²⁾

¹⁾ Вопросъ о времени возникновенія крѣпостничества горячо обсуждался уже въ 18 и нач. 19 вѣка (старую литературу см. у С. J. Fuchs'a, Die Epochen der deutschen Agrargeschichte und Agrarpolitik. Jena. 1898, стр. 31). Въ новѣйшее время снова возгорѣлся старый споръ (См. W. Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. Leipzig. 1896; R. Hildebrand. Recht und Sitte....).

²⁾ Зародыши крѣпостничества надо искать уже въ неравномъ владѣніи скотомъ и военномъ неравенствѣ первыхъ періодовъ (G. Schmoller. Grundriss I, стр. 369—371). Дальнѣйшее зерно его лежитъ въ большой княжеской или аристократической семьѣ и могуществѣ духовенства. На этой почвѣ постепенно выросло земельное неравенство. Часть земель занята была владѣтельными князьями, духовенствомъ и военачальниками. Параллельно идетъ процессъ дифференціаціи внутри сельской массы. Появляются владѣльцы нѣсколькихъ гуфъ. Всѣ эти владѣнія расширяются путемъ захвата свободныхъ общинныхъ земель. Такъ выросли крупные землевладѣльцы. Сперва они были лишь вліятельными сосѣдями свободныхъ сельскихъ жителей. Но мало по малу—путемъ порученія крупнымъ землевладѣльцамъ со стороны территориальныхъ владѣльцевъ судебной и другихъ официальныхъ функцій, путемъ принужденія и добровольнаго подчиненія ради защиты отъ внѣшняго врага и освобожденія отъ военной и иной государственной службы—сельское населеніе приведено было въ зависимое состояніе. Такимъ образомъ, „большая часть первоначально свободныхъ крестьянъ, владѣвшихъ гуфами, попадаетъ въ VII—XII вв. въ зависимость; король, церковь и вельможи становятся ихъ господами“ (Schmoller. Grundriss. II, стр. 513). Къ этому присоединилось образованіе рабовъ изъ военноплѣнныхъ. Но кромѣ того былъ и другой путь

Но каковы бы ни были условія сложенія крѣпостного права, ко времени Каролинговъ оно существовало уже во всей старой Германіи, т. е., западнѣ Эльбы и Заале.

Обусловленное имъ сельское устройство того времени (*Frohn-
hofsverfassung*) представляется въ слѣдующемъ видѣ ¹⁾. Помѣщичьи владѣнія состояли изъ многочисленныхъ крестьянскихъ дворовъ съ ихъ землями и господскаго двора (*Herrenhof*) съ принадлежащей непосредственно ему землей (*Salland*). Земля эта при поселеніи селами лежала череполосно съ крестьянскими землями, подчинена была общей принудительной обработкѣ и воздѣлывалась барщиннымъ трудомъ крѣпостныхъ. Помимо барщины крестьяне несли многочисленныя натуральныя, а позже и денежныя повинности, которыми поддерживалось хозяйство и доходы владѣльца ²⁾. Крестьяне были лично несвободны и прикрѣплены къ землѣ, но въ это время они обладали еще обширными правами. Они составляли общину, имѣли на свою землю наследственное право, владѣли обширными общинными пастбищами и лѣсами, повинности и служба ихъ были нормированы.

Здѣсь нужно отмѣтить черту важную для дальнѣйшаго. Во всей западной Германіи, особенно на югѣ ея, владѣнія отдѣльныхъ

образованія зависимыхъ крестьянъ „...при рѣдкой населенности страны, говоритъ Кнапп, масса земли остается незаселенной, громадныя пространства горъ и лѣсовъ лежатъ нетронутыми. Часто случается, что такая мѣстность отдается въ ленъ какому-нибудь магнату—свѣтскому или духовному; въ такомъ случаѣ привилегированный землевладѣлецъ появляется на свѣтъ, когда крестьянъ еще нѣтъ. Земля не принесетъ землевладѣльцу никакой пользы, если онъ не посадитъ на нее поселенцевъ, которыхъ не трудно получить изъ старыхъ общинъ съ избыточнымъ населеніемъ. Землевладѣлецъ вызываетъ оттуда крестьянъ и снабжаетъ ихъ необходимой землей, взиная съ нихъ сборы, главнымъ образомъ, плодами въ пользу своей семьи. Стало быть, здѣсь крестьянинъ съ самаго начала имѣетъ производное владѣніе“ (G. F. Knappe. *Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den ältesten Teilen Preussens*. 2 Bde. Leipzig. 1887. Первый томъ переведенъ на русскій языкъ: Г. Ф. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ и происхождение сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ Прусской монархіи. Спб. 1900, стр. 26. И дальше вездѣ цитирую по русскому изданію).

¹⁾ См. K. Bücher. *Die Entstehung der Volkswirtschaft. Vorträge und Versuche*. 4 Aufl. 1904, стр. 121 и сл. Ср. также работы: Inama-Sternegg. *Deutsche Wirtschaftsgeschichte* и Lamprecht. *Deutsche Wirtschaftsleben im Mittelalter*.

²⁾ Число такихъ крестьянъ у мелкихъ владѣльцевъ составляло 12—20, а у крупныхъ, особенно у монастырей, доходило до нѣсколькихъ тысячъ.

господь въ большинствѣ случаевъ не были географически замкнуты, а, наоборотъ, разсѣяны небольшими кусками въ различныхъ мѣстахъ. Часто эти куски лежали далеко другъ отъ друга. Поэтому для управленія и хозяйственнаго использованія мало-мальски крупныя владѣнія дѣлились на нѣсколько экономій (Vogwerk), которыми завѣдывали особые управляющіе (maior, Meier), часто выбранныя изъ крестьянъ же. Они вели хозяйство на земляхъ господина, собирали повинности съ крестьянъ и все это передавали господину. Послѣдній проживалъ, переѣжая изъ одной экономіи въ другую¹⁾. Уже изъ за этой разбросанности земель крупнаго хозяйства не было; не было его еще и потому, что натуральный характеръ помѣщичьяго хозяйства и отсутствіе сбыта ограничивали размѣръ производства. Этимъ же обусловливались сравнительно незначительныя размѣры барщины. Итакъ, мелкія крестьянскія хозяйства, мелкія же помѣщичьи экономіи, и только сверху все это покрывалось крупнымъ землевладѣніемъ господина и цѣлымъ рядомъ публичныхъ правъ его, точно такъ же, какъ отдѣльныя землевладѣльцы покрывались сверху княжескою и королевскою властью. Такова феодальная іерархія средневѣковья, таковъ поземельный строй всей западной Германіи въ 10—12 вѣкахъ.

Но съ этого времени развитіе начинаетъ двоиться: югъ и сѣверъ пошли разными дорогами²⁾.

Въ юго-западной—порейнской—Германіи описанное устройство удержалось въ прежней формѣ и еще болѣе закрѣпилось съ 13 вѣка. На этой почвѣ начало постепенно ослабѣвать частно-правовое господство землевладѣльца надъ землею крестьянъ. Послѣдніе оставались лично несвободными, но сохраняли владѣніе землею. Права на нее закрѣплялись. Шелъ лишь процессъ захвата общинныхъ земель. Кромѣ того землевладѣльцы расширяли свои публичныя права, доведя ихъ мѣстами до суверенныхъ правъ. Наконецъ, они увеличивали платежи и поборы. Послѣдніе главнымъ образомъ и давили крестьянъ. Сильной государственной власти, которая въ другихъ мѣстахъ выступила въ защиту крестьянства, здѣсь не было.

¹⁾ См. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 1 и сл. Образцомъ описаннаго хозяйственнаго устройства является организація доменъ, изложенная въ capitularium de villis Карла В. (812 г.).

²⁾ Въ дальнѣйшемъ слѣдую схематическому изложенію Fuchs'a (Die Eroschen....).

крестьянинъ былъ брошенъ на произволъ духовнаго и свѣтскаго дворянства. Къ 15 вѣку личное безправіе и поборы дошли до того, что положеніе крестьянъ стало невыносимымъ. Это въ связи съ революціоннымъ духомъ реформаціи привело въ началѣ 16 вѣка (1522—1526) къ кровопролитной крестьянской войнѣ¹⁾. Возстаніе было подавлено съ невѣроятной жестокостью. Но положеніе крестьянъ во многихъ мѣстахъ все-таки улучшилось²⁾, по крайней мѣрѣ съ 16 вѣка оно не ухудшалось сколько-нибудь значительно.

Результатомъ всего этого развитія явилось то, что крестьяне были лично несвободны, обязаны барщиной, повинностями и пр., но земельныя права ихъ были сравнительно сносны. Они удержали за собой обширное мелкое землевладѣніе съ обильными общинными землями. Право крестьянъ на ихъ земли было либо правомъ собственности, обложенной рентными платежами, либо наследственнымъ чиншевымъ правомъ. Крупныя помѣщичьи хозяйства были очень рѣдки, поэтому барщина была въ общемъ невелика. Таковы черты поземельнаго устройства юго-запада Германіи. Въ этомъ видѣ онѣ сохранились до эпохи освобожденія. Только быстрый ростъ населенія съ теченіемъ времени еще болѣе раздробилъ крестьянское землевладѣніе и поставилъ бѣднѣйшіе слои сельскаго населенія на границу съ пролетаріатомъ. Размноженію населенія способствовало развитіе обрабатывающей промышленности³⁾.

¹⁾ Среди знаменитыхъ 12 крестьянскихъ артикуловъ, „не шедшихъ, по словамъ Ranke, дальше требованій здраваго смысла“ (см. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 39) и почти всецѣло въ послѣдствіи удовлетворенныхъ, кромѣ религіозныхъ и политическихъ домогательствъ, стояли требованія: отмѣны личной несвободы (арт. 3), свободы охоты и рыбной ловли, уничтоженія вреда, причиняемаго дичью (арт. 4), свободы пользованія деревомъ изъ лѣса (арт. 5), отмѣны новыхъ, введенныхъ вопреки обычаю, повинностей (арт. 6), облегченія {отягченныхъ долгами хозяйствъ (арт. 8), отдачи захваченныхъ общинныхъ земель (арт. 10), отмѣны Todfall (арт. 11) (см. А. Stern. Ueber die zwölf Artikel der Bauern und einige andere Aktenstücke aus der Bewegung von 1525. Leipzig. 1868, стр. 3—6; см. также статью Theo Sommerlad „Bauernkrieg“ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“).

²⁾ Реформы Людовика V Пфальцскаго, Филиппа Гессенскаго (см. G. Schmoller. Grundriss. II, стр. 525).

³⁾ См. Gothein. Lage des Bauernstandes am Ende des Mittelalters, vornehmlich in Süddeutschland. Westdeutsche Zeitschrift. Bd. IV. 1885.

Иначе шло развитіе поземельныхъ отношеній на сѣверо-западѣ—въ Нижней Саксоніи, т. е., нынѣшнемъ Ганноверѣ, Ольденбургѣ и Вестфалии¹⁾. Здѣсь въ 12—13 вѣкахъ землевладѣльцы постепенно сокращаютъ собственное хозяйство въ экономіяхъ. Плохое хозяйство управляющихъ (мейеровъ) и стремленіе повысить доходы приводитъ къ отдачѣ экономій въ аренду тѣмъ же управляющимъ за опредѣленную хлѣбную или денежную плату. Но измѣненіе не остановилось на помѣщичьихъ земляхъ, еще болѣе коренной перестройкѣ подвергается крестьянское хозяйство. Крестьяне освобождаются лично, но значительное число ихъ лишается занимаемой ими земли. Она отнимается, нѣсколько гуфъ²⁾ соединяется въ одно владѣніе, и эти крупныя участки сдаются остальнымъ крестьянамъ или тѣмъ же мейерамъ въ аренду на срокъ отъ 3 до 12 лѣтъ. Такъ обезземелена была большая часть крестьянъ³⁾; прочіе образовали крупныя крестьянскія хозяйства; хозяева эти лично свободны, но права ихъ на землю приняли форму срочнаго аренднаго держанія. Крѣпостное же право приняло чистую форму привилегированнаго землевладѣнія (*Grundherrschaft*).

Постепенно, однако, землевладѣльцы ухудшаютъ положеніе этихъ крестьянъ-арендаторовъ, повышая взимаемую арендную плату. Ухудшеніе приостановлено было лишь сложившейся къ этому времени болѣе сильной государственной властью, начавшей борьбу за крестьянъ съ землевладѣльцами. Правда, это была уже защита однихъ оставшихся крупныхъ крестьянъ (мейеровъ). Защита состояла сперва въ запрещеніи повышать арендную плату, но въ 16 вѣкѣ за крестьянами признано было наследственное право на арендную землю, а въ концѣ 17 вѣка крестьянскія хозяйства превращены были въ замкнутые недѣлимые дворы⁴⁾ съ точно установленными правами крестьянъ на землю⁵⁾.

¹⁾ Анализъ этого развитія данъ ученикомъ Knapp'a, Wittich'омъ, въ работѣ: *Grundherrschaft in Nordwestdeutschland*. 1896.

²⁾ Около 4 въ среднемъ.

³⁾ Она частью ушла въ города, частью потянулась на востокъ за Эльбу въ колонизуемыя славянскія земли, частью, наконецъ, осталась дома въ селахъ, образовавъ сельскій полупролетаріатъ.

⁴⁾ Здѣсь, несомнѣнно, сказалось вліяніе старой формы поселенія отдѣльными дворами, хотя въ свою очередь описанное развитіе крѣпостныхъ отношеній способствовало закрѣпленію этой формы.

⁵⁾ „Это были первыя и въ то же время (самыя важныя аграрно-политическія мѣропріятія въ Германіи, не превзойденныя никакими мѣрами позднѣй-

Такъ историческій процессъ создалъ на сѣверо-западѣ Германіи крупное крестьянское землевладѣніе. Право на землю отличлось въ „мейерское право“ (Meierrecht), т. е., наследственное право пользованія. У землевладѣльца сохранилась лишь фиксированная рента. Отмѣна ея и составляла здѣсь почти единственную задачу освободительнаго законодательства: лично крестьяне освобождены были много раньше, барщина же была незначительна, такъ какъ собственныхъ крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ было немного.

Совершенно иначе сложились поземельныя отношенія на сѣверо-востокѣ Германіи—на востокѣ отъ рр. Заале и Эльбы¹⁾. Съ 12 вѣка эти славянскія области покоряются германцами. Земли славянъ переходятъ въ руки нѣмецкихъ князей, монастырей и крупнаго свѣтскаго дворянства. Съ цѣлью колонизаціи новые владѣльцы призываютъ на эти земли крестьянъ, главнымъ образомъ, изъ Нижней Саксоніи²⁾. Къ 14 вѣку эта колонизація закончилась, свободныя земли были заняты. Съ этого времени начинается ухудшеніе положенія крестьянъ. Шло оно слѣдующимъ образомъ.

Первоначально призываемые сюда колонисты пользовались личной свободой; землю они получали либо въ неограниченное наследственное владѣніе съ уплатой извѣстной платы (Erbzinsrecht), и несеніемъ нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей, либо въ наследственное ласситское владѣніе (erbliches Lassebesitzrecht)³⁾. Во многихъ мѣстахъ и туземное славянское населеніе получило это лучшее

шаго времени“, говорить, быть можетъ, не безъ преувеличенія Fuchs (Die Epochen..., стр. 8).

¹⁾ Для старыхъ прусскихъ провинцій превосходное описаніе исторіи крепостныхъ отношеній дано въ знаменитой, уже много разъ цитированной мною, работѣ Кнаппа: Освобожденіе крестьянъ (стр. 1—69).

²⁾ За нѣмецкимъ монахомъ и рыцаремъ слѣдовалъ нѣмецкій крестьянинъ со своимъ тяжелымъ плугомъ и вытѣснялъ славянина или занималъ пустыя болотистыя и лѣсныя пространства. См. Fuchs. Die Epochen..., а также K. Teuthorn. Das sächsische Gesetz über Ablösungen und Gemeinheitsteilungen von 17. März 1832 in seiner Entstehung und in seinen Folgen. Diss. Leipzig. 1904, стр. 21—22.

³⁾ Постѣднее представляетъ владѣніе землей, предоставленное крестьянину за извѣстную службу, повинности и сборы въ пользу господина, лишенное свободы распоряженія землей и связанное съ нѣкоторыми ограниченіями передачи по наследству (господинъ имѣетъ право голоса при выборѣ наследника). Г. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 15.

„нѣмецкое право“ на землю. Здѣсь, слѣдовательно, нѣмецкое развитіе сразу началось тѣми отношеніями чистаго земельнаго господства (*reine Grundherrschaft*), къ которому лишь постепенно пришелъ сѣверо-западъ. Но востокъ не остановился на этомъ. Дальнѣйшее развитіе крѣпостныхъ отношеній сложилось подъ вліяніемъ двухъ особенностей.

1. Крупное землевладѣніе представляло здѣсь большія цѣльныя географическія территоріи. Это въ свою очередь объясняется отчасти природными условіями сѣверо-восточной германской низменности, отчасти историческими условіями возникновенія крупнаго землевладѣнія: здѣсь оно возникло путемъ единовременнаго завоеванія, а не выросло постепенно, какъ это было на западѣ ¹⁾). Это отличіе сразу опредѣлило иной характеръ дальнѣйшаго развитія.

2. Другимъ отличіемъ является то, что въ селахъ среди крестьянскихъ дворовъ разбросаны были многочисленныя рыцарскія имѣнія. Образовались они изъ площадей въ нѣсколько гуфъ, которыя отданы были рыцарямъ территоріальными владѣльцами въ ленъ за ихъ службу или за руководство переверсткой старыхъ и разбивкой новыхъ поселеній (такъ наз. *Possessorenhufen*). Сперва рыцари были сосѣдями крестьянъ и никакихъ правъ на нихъ не имѣли. Но, вслѣдствіе слабости и финансовой нужды князей и крупнаго дворянства, они мало по малу приобрѣли всѣ права послѣднихъ на жившихъ по сосѣдству съ ними крестьянъ. Они стали носителями судебныхъ, полицейскихъ, финансовыхъ и другихъ публичныхъ правъ, правъ верховной собственности, а потому и правъ на плату за землю. Такъ возникло младшее дворянство (юнкеры) и рыцарскія помѣстья (*Rittergut*)—сравнительно небольшія замкнутыя земельныя владѣнія, на части которыхъ велось собственное хозяйство рыцаря трудомъ подвластныхъ крестьянъ ²⁾). Обширныя владѣнія крупнаго дворянства (*Grundherrschaften*) ³⁾

¹⁾ Такъ новые города и кварталы въ городахъ правильнѣе старыхъ, новыя, напримѣръ, сѣверо-американскія владѣнія, правильнѣе и округленнѣе старыхъ.

²⁾ Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 25 и слѣд.

³⁾ Т. е., комплексы публичныхъ правъ, земельныхъ рентъ и пр.

разложились на многочисленныя болѣе мелкія рыцарскія помѣстья (*Gutsherrschaften*)¹⁾.

По завершеніи процесса сложения этихъ рыцарскихъ помѣстій, съ половины 15 вѣка начинается упадокъ крестьянскаго сословія. Слабая государственная власть, вѣдавшая налоги непосредственно съ рыцарей, не нашла ни мотивовъ, ни силы вступить въ это время за права крестьянъ. И вотъ, сперва были урѣзаны ихъ личныя права—изъ свободнаго поселенца крестьянинъ превращенъ въ крѣпостного²⁾. Эпоха реформаціи принесла ухудшеніе хозяйственнаго положенія крестьянъ. Измѣненіе военнаго устройства³⁾ отодвинуло на задній планъ рыцарскую службу. Это усилило интересъ рыцаря къ сельскому хозяйству, породило стремленіе его расширить размѣры собственнаго хозяйства на счетъ крестьянскихъ земель. Начался сносъ крестьянскихъ дворовъ (*Bauernlegen*)⁴⁾ и образованіе крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, уменьшилось число крѣпостныхъ, съ другой—увеличилась площадь помѣщичьей запашки. А такъ какъ вся обработка помѣщичьей земли производилась трудомъ крѣпостныхъ, то барщина стала много тяжелѣе⁵⁾. Это вызвало бѣгство крестьянъ, и, чтобы удержать ихъ, ихъ прикрѣпили къ землѣ⁶⁾.

Въ 16 вѣкѣ государственная власть начала дѣлать попытки остановить низложеніе крестьянскихъ хозяйствъ, но безуспѣшно, къ тому же она сама продолжала его на казенныхъ земляхъ. Вводя

¹⁾ Т. е., территоріально отграниченныя области, въ которыхъ рыцарь былъ носителемъ и публичной власти, и частно-правового господства надъ обитателями области, и, наконецъ, самостоятельнымъ крупнымъ хозяиномъ.

²⁾ Пока лишь *вещно*-крѣпостного, т. е., подчиненіе начиналось и кончалось съ пользованіемъ землей господина, оставленіе земли было свободно.

³⁾ Образованіе наемныхъ войскъ, развитіе пѣхоты на счетъ конницы.

⁴⁾ Сносъ происходилъ различными путями: путемъ покупки, принудительнаго удаленія за вознагражденіе, насильственнаго изгнанія безъ вознагражденія за неповиновеніе и даже безъ всякаго повода (*Schmoller. Grundriss. II, стр. 526*).

⁵⁾ Съ цѣлью удовлетворенія потребности въ рабочихъ рукахъ крестьянскія дѣти подчинены были многолѣтней принудительной, очень низко оплачиваемой дворовой службѣ (*Schmoller. Grundriss, тамъ же*).

⁶⁾ Т. е., крестьяне превращены въ *лично*-крѣпостныхъ, наследственно подвластныхъ; они связаны еще съ землей, ихъ нельзя продавать безъ нея, но покинуть господскую землю, обратиться къ занятію ремеслами и даже жениться безъ согласія господина они не могутъ.⁷⁾

же римское право съ его отточенными, но чуждыми исторически сложившимся правоотношеніямъ нормами, она скорѣе ухудшала положеніе крестьянъ и ихъ земельныя права¹⁾. 30-лѣтняя война оборвала всѣ дальнѣйшія заботы о крестьянахъ и повлекла за собой новыя бѣдствія для массы сельскаго населенія. Дѣйствіе ея въ этой части Германіи было особенно опустошительно²⁾. Значительная часть дворовъ была разрушена, цѣлыя села опустѣли. Позже землевладѣльцы возстановили опустѣвшіе дворы. Но возстановлены были лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ нуждался помѣщикъ для обработки собственной земли. Земли остальныхъ дворовъ притянуты были къ помѣщичьей землѣ. Кромѣ того новыя поселенцы получили худшія, ласситскія, частью только пожизненныя земельныя права.

Въ 18 вѣкѣ сносъ крестьянскихъ дворовъ шелъ дальше. Сѣверная и Семилѣтняя войны дѣйствовали подобно 30-лѣтней. Техническій прогрессъ земледѣлія, начавшійся въ срединѣ этого вѣка, которымъ не могли въ то время воспользоваться крестьянскія хозяйства, и внѣдреніе въ сельское хозяйство капиталистическаго строя, дали землевладѣльцамъ сильный толчекъ къ дальнѣйшему расширенію площади своихъ земель на счетъ крестьянскихъ. Это былъ новый, очень тяжелый періодъ ннзложенія крестьянскихъ хозяйствъ. Въмѣсто крестьянъ поселенъ былъ цѣлый рядъ мало-земельныхъ и вовсе безземельныхъ хозяевъ, пополнившій убыль крестьянскихъ рабочихъ рукъ. Такъ выросъ обширный низшій классъ сельскаго населенія³⁾.

¹⁾ Право крестьянъ на землю теперь чаще, чѣмъ до того, разсматривается, какъ арендное право, право же землевладѣльца, какъ чистое право собственности.

²⁾ Густо населенный западъ Германіи съ его старой культурой легче перенесъ тяжести войны и скорѣе оправился отъ ея послѣдствій.

³⁾ Таковы: огородники (Kossäthen или Gärtner)—лица, владѣвшія усадьбою и огородомъ вблизи деревни или участкомъ земли между полевыми клиньями; домовники, кутники или бобыли (Häusler, Käthner или Büdner)—лица, имѣвшія избу и прымыкающій къ ней клочекъ земли, достаточный для содержанія коровы; жильцы (Einlieger)—поселенные въ деревнѣ крестьяне или мѣщане, не владѣвшіе даже усадьбой, часто остававшіеся лично свободными; наконецъ, батраки (Insten)—сельскіе рабочіе, связанные договоромъ на продолжительный срокъ, получавшіе лишь на время службы нѣсколько морговъ земли для нуждъ домашняго хозяйства, какъ часть заработной платы (Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 10—13, 20, 238—239).

Параллельно съ этимъ шло ухудшеніе положенія остальной крестьянской массы. Въ смыслъ земельныхъ правъ значительная часть ея къ началу 19 вѣка превращена была во временныхъ арендаторовъ прежнихъ своихъ земель¹⁾. Лично же крестьянинъ во многихъ мѣстахъ оказался вещью, которою торговали, продавая безъ земли²⁾.

Попытки государственной власти положить предѣлъ этому процессу долго были безуспѣшны. Лишь окрѣпшей королевской власти Фридриха Великаго удалось закономъ 1749 года объ охранѣ крестьянства („*Bauernschutz*“) нѣсколько приостановить низложеніе крестьянскихъ хозяйствъ³⁾.

Таково было развитіе крѣпостныхъ отношеній на сѣверо-востокъ Германіи. Результатомъ его ко времени освобожденія было слѣдующее. Помѣщики вели обширное собственное хозяйство.

¹⁾ Въ старыхъ прусскихъ провинціяхъ такими оказалось около $\frac{1}{10}$ крестьянъ, а въ Помераніи много болѣе (Schmoller. Grundriss. II, стр. 526).

²⁾ Крѣпостное право, такимъ образомъ, дошло до своего крайняго предѣла, ставъ „*Leibeigenschaft*“, т. е., дѣйствительно правомъ на тѣло крѣпостного; крестьянинъ сталъ прикрѣпленнымъ уже не къ землѣ, а къ господину. Такую форму приняло крѣпостное право въ Мекленбургѣ и Помераніи. Все это ухудшеніе правъ крестьянства происходило почти безъ волненій со стороны послѣднихъ. Кнапп упоминаетъ лишь о крестьянскомъ возстаніи въ 1525 г. въ Восточной Пруссіи, но тутъ же прибавляетъ, что движеніе юга того же времени почти не отразилось на сѣверо-востокѣ. „Крестьяне оставались спокойными о не обнаруживали подобныхъ взрывовъ ярости, которые могли бы замедлить развитіе помѣщичьей власти“ (Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 39). Schmoller приводитъ рядъ возстаній крестьянъ въ Австріи, для восточной же Германіи упоминаетъ лишь о волненіяхъ оравнительно очень поздняго времени (1790—1800 гг.) въ Курсаксенѣ и Силезіи и прибавляетъ: „это взрывы отчаянія безъ крупныхъ идей, бывшихъ у вожаковъ юга въ 1525 г., послѣдствіемъ ихъ было еще большее отупѣніе и косность“ (Grundriss. II, стр. 527).

³⁾ Этою мѣрою Фридрихъ Великій достигъ того, что тщетно пытался сдѣлать его предшественникъ — Фридрихъ Вильгельмъ I. Королевская власть ступила на путь защиты крестьянства отчасти изъ финансовыхъ, отчасти изъ военныхъ соображеній, которыя требовали сохраненія здороваго крестьянскаго класса (См. G. Knapp. „*Die Bauernbefreiung in Oesterreich und Preussen*“ въ „*Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*“ Schmoller'a. 1894. II, стр. 75; Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 49; Schmoller. Grundriss. II, стр. 527). О значеніи закона 1749 года Fuchs, между прочимъ, говоритъ: „Безъ этой мѣры въ началѣ 19 вѣка въ Пруссіи врядъ ли осталось бы кого освобождать“ (См. Die Epochen, стр. 10—14).

Крестьяне были лично несвободны, земли их невелики, общинных земель мало, на занимаемую землю они имѣли въ большинствѣ случаевъ лишь ласситское право (наслѣдственное или пожизненное), часто только срочное. За пользование этою землею они платили очень тяжелымъ барщиннымъ трудомъ. На ряду съ крестьянами существовалъ значительный классъ малоземельнаго и совершенно безземельнаго сельскаго населенія, жившаго обработкой земли помѣщика.

Мы разсмотрѣли три пути развитія поземельныхъ отношеній въ Германіи. Почему же на югѣ старая „Grundherrschaft“ не превратилась въ новую форму ея, и тамъ сохранилось мелкое крестьянское землевладѣніе? Почему сѣверо-западъ пошелъ дальше, создалъ новую форму „Grundherrschaft“ и превратилъ мелкое землевладѣніе въ крупное крестьянское? Почему, наконецъ, сѣверо-востокъ сдѣлалъ еще шагъ, выработавъ „Gutsherrschaft“ и крупное помѣщичье землевладѣніе? Намъ приходилось уже касаться въ некоторыхъ случаяхъ этого различія. Суммируемъ ихъ.

Раньше всего здѣсь сказалось различіе природныхъ условій юга и сѣвера. Гористый характеръ юга и богатство его водяною силою способствовали раннему появленію обрабатывающей промышленности, росту населенія и развитію денежнаго хозяйства. Отсюда дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ и землевладѣнія. Отсутствие путей сообщенія, а, слѣдовательно, и сбыта для хлѣба, поддерживало мелкое хозяйство, дѣлая невыгоднымъ увеличеніе размѣровъ производства. Неровная же изрѣзанная почва и обусловленная ею разбросанность помѣщичьяго землевладѣнія небольшими участками дѣлали физически невозможнымъ образованіе крупныхъ хозяйствъ. Наоборотъ, низменность сѣвера богата рѣками, удобными для судоходства, но вслѣдствіе малаго уклона негодными для промышленныхъ цѣлей. Поэтому обрабатывающая промышленность развилась здѣсь лишь послѣ изобрѣтенія паровыхъ двигателей. Отсюда крупная роль земледѣлія и больше вниманія дворянства къ способамъ эксплуатаціи своихъ и крестьянскихъ земель. Въѣсть съ тѣмъ близость моря и судоходныя рѣки облегчали сбытъ хлѣба на сторону и этимъ еще болѣе способствовали увеличенію размѣровъ сельскохозяйственнаго производства, что при тогдашней technikѣ земледѣлія послужило сильнымъ толчкомъ къ замѣнѣ мелкихъ хозяйствъ болѣе крупными. Съ этимъ тѣсно связано различіе въ характерѣ

ожного и сѣвернаго дворянства. Первое думало, главнымъ образомъ, о расширеніи своихъ публичныхъ правъ, его мечта—политическій суверенитетъ, а не роль сельскаго хозяина на расширенной площади или крупнаго землевладѣльца, сдающаго въ аренду свои земли. Иной характеръ носило сѣверное дворянство. Отсюда стремленіе послѣдняго къ расширенію своего землевладѣнія на счетъ крестьянской земли.

Что же касается различія въ ходѣ развитія поземельныхъ отношеній на сѣверо-востокѣ и сѣверо-западѣ, то оно объясняется прежде всего колонизаціоннымъ характеромъ всего аграрнаго строя востока. Отсюда большія округленныя владѣнія, положившія основаніе крупному помѣщичьему хозяйству, отсюда же своеобразныя черты восточнаго дворянства. Далѣе, на складѣ поземельныхъ отношеній восточной Германіи отразилось вліяніе присутствія слабого славянскаго элемента среди крестьянства ¹⁾. Въ томъ же направленіи дѣйствовала слабость общей культуры востока и меньшая зажиточность его населенія. Эти отличія особенно ярко сказались въ такіе тяжелые моменты исторіи, какъ 30-лѣтняя и другія войны. Наконецъ, разница въ силѣ государственной власти и ея финансовой независимости отъ дворянства на западѣ и востокѣ привела къ тому, что на западѣ власть эта много раньше выступила въ защиту крестьянъ и приостановила, если не сгонъ мелкихъ крестьянъ, то начавшееся обезземеленіе мейеровъ, тогда какъ на востокѣ она лишь въ половинѣ 19 вѣка начала борьбу съ низложеніемъ крестьянскихъ хозяйствъ.

¹⁾ „Различіе племень имѣло несомнѣнное вліяніе на эволюцію крѣпостнаго права. Славяне были слабѣйшей стороной не только въ военномъ, но и въ экономическомъ отношеніи: люди, жившіе рыболовствомъ и рѣшавшіеся поднять своей слабой сохой только самую легкую почву, не могли равняться съ ниже-германскими переселенцами, вынесшими изъ равнинъ своей родины привычку къ суровому труду и привезшими съ собою тяжелые плуги. И вотъ нѣмцы либо совершенно вытѣсняють славянъ, либо, поселяясь рядомъ съ ними, распространяють по всей странѣ нѣмецкій языкъ, затмевающій славянскій. И по мѣрѣ усиленія землевладѣльческой власти, угнетеніе покоренныхъ, полуонѣмеченныхъ или еще неонѣмеченныхъ туземцевъ становилось все болѣе легкимъ дѣломъ; съ ними рыцарь поступалъ еще хуже, чѣмъ съ своими соплеменниками—переселенцами. Къ этому присоединяется податливая натура славянскихъ племень, которыя у себя на родинѣ тоже не въ состояніи были оказать сопротивленіе туземнымъ вотчинникамъ“ (Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 58).

Всѣ эти причины можно формулировать, какъ *природный* дуализмъ юга и сѣвера и *историческій* дуализмъ запада и востока. Указанныхъ различій, какъ мы сейчасъ увидимъ, не сгладило и освобожденіе крестьянъ. Они такъ и перешли въ 19 вѣкъ, создавъ въ каждой изъ трехъ частей Германіи ту особую почву, изъ которой только и можно понять своеобразныя формы землеустроительнаго законодательства каждой изъ нихъ. При этомъ, несомнѣнно, сказалось различіе природныхъ и историческихъ особенностей. Вторыя легче поддаются воздѣйствію человѣка и обнаруживаютъ большую тенденцію къ постепенному сглаживанію, нежели первыя. Поэтому и при разсмотрѣніи землеустроительнаго законодательства мы встрѣтимся съ особенно рѣзкимъ отличіемъ юга отъ сѣвера.

Теперь хотя вкратцѣ познакомимся съ ходомъ освобожденія крестьянъ въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи, такъ какъ между нимъ и землеустроительной дѣятельностью государства начала 19 вѣка существовала тѣснѣйшая матеріальная и формальная ¹⁾ связь.

Приведенныя выше мѣры по охранѣ крестьянъ на сѣверо-западѣ Германіи, аналогичная дѣятельность прусскихъ королей 18 вѣка— все это уже начало великаго процесса освобожденія. Въ концѣ 18 и въ началѣ 19 вѣка онъ лишь интенсивно подвинулся впередъ подъ вліяніемъ сложнаго комплекса причинъ ²⁾. Само освобожденіе также

¹⁾ И тѣмъ, и другимъ, какъ увидимъ ниже, завѣдывали одни и тѣ же органы, для проведенія въ жизнь того и другого выработаны были одинаковыя своеобразныя процессуальныя нормы.

²⁾ Изъ нихъ главнѣйшія: 1) техническій прогрессъ земледѣлія, развитіе мѣнового хозяйства и вытекающія отсюда требованія, не совмѣстимыя съ подневольнымъ барщиннымъ трудомъ—въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, съ отсутствіемъ личной и хозяйственной свободы крестьянина—въ хозяйствѣ послѣдняго; 2) особое удареніе, сдѣланное фізіократами и за ними многими нѣмецкими камералистами (Sonnensfeld, Bergius, Justi, Müser), на земледѣліи, какъ главномъ промыслѣ; 3) измѣненіе финансоваго строя государства: замѣна натуральныхъ повинностей денежными сборами, созданіе наемнаго войска и чиновничества.—все это требовало усиленія налоговой тяжести, а это въ свою очередь—поднятія платежной способности крестьянскихъ массъ (ср. знаменитое изреченіе Quesnay); 4) требованія „естественнаго права“ и всего философскаго движенія конца 18 вѣка, не мирившагося съ отсутствіемъ личной свободы у большинства населенія; мотивъ, оправдывавшій зависимость, какъ плату за защиту отъ внѣшняго врага, исчезъ съ тѣхъ поръ, какъ защиту всѣхъ взяло на себя государство; 5) новая государственная идея, требовавшая уравненія крестьянъ въ правахъ со всѣми прочими классами населенія, уничтоженія полицейской и судебной власти помѣщика

представляетъ цѣлую совокупность мѣръ, объединяя собою дарованіе крестьянину личной, политической и хозяйственной свободы ¹⁾.

Что касается политической свободы, то полученіе ея повсюду было болѣе или менѣе однообразно и въ большинствѣ случаевъ наступило послѣ 1848 года. Различно шло личное и особенно хозяйственное освобожденіе.

На югѣ и въ средне-германскихъ государствахъ ²⁾ задача освобожденія состояла въ созданіи личной свободы и выкупѣ барщины и повинностей; право же собственности на землю или наследственное право, почти равносильное праву собственности, уже раньше было у крестьянъ; только въ нѣкоторыхъ частяхъ юго-востока нужно

и другихъ публичныхъ правъ землевладѣльцевъ, несомѣстимыхъ съ современнымъ понятіемъ о государственномъ управленіи; 6) политическія событія, каковы: великая французская революція, разгромъ Германіи Наполеономъ I, революціи 1830 и 1848 гг. во Франціи, 1848 г.—въ Германіи. Что же касается вліянія самого крестьянства, то несомнѣнна роль того взаимнаго ожесточенія между помѣщиками и крестьянами, которое наросло къ концу 18 вѣка. Это, говоритъ Schmoller, до того тормозило технической и хозяйственный прогрессъ помѣщичьяго хозяйства, что распутать отношенія стало въ 1789—1860 гг. во всей Европѣ важнѣйшимъ народно-хозяйственнымъ вопросомъ“ (Grundriss. I, стр. 293). Но открытыя крестьянскія возстанія, хотя и имѣли мѣсто то здѣсь, то тамъ, по словамъ того же Schmoller'a, вліяли на ходъ освобожденія вовсе не такъ, какъ это преувеличенно подчеркивается идеологами крестьянскихъ бунтовъ. Реформа, пишетъ Schmoller „была въ общемъ дѣломъ князей и чиновниковъ, почти такъ же вырвана у косныхъ, сопротивлявшихся крестьянъ (боявшихся перенесенія на нихъ налоговой тяжести и потери обязательной помощи помѣщика въ несчастныхъ случаяхъ. А. Б.), какъ и у большинства эгоистическаго дворянства. Революціонныя движенія 1789, 1830 и 1848 гг. мѣстами, можетъ быть, привели въ движеніе и ускорили реформу; но въ общемъ она не является результатомъ классовой борьбы въ собственномъ смыслѣ, и вовсе не проведена благоприятѣе для крестьянъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьянинъ поднимался революціонно“ (Grundriss, II, стр. 527).

¹⁾ *Личное* освобожденіе состояло въ возстановленіи личной свободы и отмѣнѣ всѣхъ ограниченій ея (свобода передвиженія, занятій, вступленія въ бракъ и пр.); *политическое*—въ дарованіи крестьянству общихъ политическихъ правъ, освобожденіи отъ полицейской и судебной власти помѣщика; *хозяйственное*—въ созданіи права собственности на землю, выкупѣ барщины и другихъ повинностей, погашеніи платежей за землю, выкупѣ или отмѣнѣ сервитутныхъ правъ помѣщика на крестьянскія земли (права пастъбы, охоты, рыбной ловли), уничтоженіи различныхъ промысловыхъ монополій помѣщика въ его имѣніи (такъ наз. „Bannrechte“).

²⁾ А. Buchenberger. Agrarwesen und Agrarpolitik. I, стр. 149—151. Его же статья „Bauernbefreiung in den süddeutschen Staaten“ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“.

было превратить въ него худшія земельныя права. Личная свобода провозглашена была конституціонными манифестами или особыми актами конца 18 и начала 19 вѣка ¹⁾. Хозяйственное же освобожденіе и выкупная операція проведены лишь послѣ 1830 и даже 1848 года, но за то, чѣмъ позже, тѣмъ выгоднѣе для крестьянъ (по болѣе низкой капитализаціи повинностей, съ государственной помощью, безъ уплаты землею) ²⁾.

На сѣверо-западѣ, гдѣ крестьяне уже давно пользовались личной свободой, вся реформа сводилась къ хозяйственному освобожденію, т. е. превращенію земельныхъ правъ крестьянъ въ право собственности, къ отмѣнѣ барщины, выкупу повинностей и погашенію лежавшихъ на землѣ платежей. Но, такъ какъ барщина была невелика, а земельныя права близки къ праву собственности, то все сводилось, собственно говоря, къ погашенію повинностей и платежей, путемъ внесенія опредѣленной капитальной суммы. Эта несложная задача была выполнена къ 30-мъ годамъ 19 вѣка, оставались лишь нѣкоторыя публичныя права землевладѣльцевъ, которыя были отмѣнены уже прусскимъ правительствомъ въ 70-хъ годахъ.

Въ этихъ двухъ частяхъ Германіи реформа не представляла большихъ трудностей, такъ какъ земля уже была въ рукахъ крестьянъ, а ликвидація денежныхъ повинностей почти не задѣвала строя самого хозяйства. Не то на сѣверо-востокѣ. Здѣсь, помимо освобожденія личности крестьянина, помимо погашенія платежей и повинностей, приходилось выкупать тяжелую барщину, которой держалось помѣщичье хозяйство. Кромѣ того, необходимо было кореннымъ образомъ измѣнить земельныя права крестьянъ. Поэтому въ этой части Германіи съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной

¹⁾ Таковы: эдиктъ 1783 года въ Баденѣ, конституціонный эдиктъ 1808 года въ Баваріи; эдиктъ 1811 года въ Гессенѣ и 1817 года въ Вюртембергѣ. Въ Рейнской провинціи освобожденіе проведено было еще французскимъ законодательствомъ.

²⁾ Въ Баваріи: законъ о выкупѣ повинностей и отмѣнѣ права охоты 1848 года и дополнительный законъ 1872 года, объ отмѣнѣ пастбищныхъ правъ помѣщика 1852 года. Въ Вюртембергѣ: законы 1836 и 1848 года, выкупъ десятины 1849 года, выкупъ правъ пастбы и охоты 1849 и 1873 гг. Въ Баденѣ: отмѣна повинностей законами 1820, 1848 и 1851 гг., выкупъ барщины—1820 и 1831 гг., выкупъ десятины и ликвидація сервитутныхъ правъ законами 1831—1852 гг. Въ Гессенѣ: выкупъ десятины и другихъ повинностей, барщины, пастбищныхъ и прочихъ сервитутовъ законами 1811—1849 гг. Объ отмѣнѣ помѣщичьихъ сервитутовъ подробно говорится въ главѣ о сервитутахъ.

зависимости неразрывно связана была задача регулированія поземельныхъ отношеній¹⁾ и перестройка всего поземельнаго и сельско-хозяйственнаго уклада.

Такой характеръ носило освобожденіе въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Начало ему положено было освобожденіемъ и надѣленіемъ землей крестьянъ государственныхъ доменъ еще въ 18 вѣкѣ. Но къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ приступили лишь послѣ разгрома Пруссіи Наполеономъ. Эту задачу выполнило знаменитое законодательство двухъ государственныхъ дѣятелей тогдашней Пруссіи—Stein'a и Hardenberg'a²⁾. Законами 1807, 1811, 1816 и 1821 годовъ прусскій крестьянинъ былъ освобожденъ и надѣленъ землей³⁾. На законодательствѣ этомъ, однако, сильно отразилось ре-

¹⁾ Отчего и самая операція называлась „Regulirung“. Состояло это регулированіе, согласно законамъ 1811 и 1816 гг., въ томъ, что помѣщикъ и крестьянинъ взаимно отказываются отъ нѣкоторыхъ правъ, которыя они имѣютъ по отношенію другъ къ другу. Помѣщикъ отказывается отъ слѣдующихъ правъ: 1) отнынѣ онъ уже не верховный собственникъ крестьянскаго надѣла, собственникомъ его становится крестьянинъ; 2) крестьянинъ больше не обязанъ отбывать въ пользу помѣщика барщину, ни конную, ни пѣшую; 3) взимавшіеся дотолѣ денежные и натуральные сборы отменяются; 4) инвентарь, если онъ принадлежалъ помѣщику, переходитъ къ крестьянину; 5) сервитуты, принадлежащіе помѣщику на землѣ крестьянъ, упраздняются; такъ, напр. помѣщикъ не можетъ выгонять своихъ овецъ на крестьянское поле, когда оно лежитъ подъ паромъ или съ него убранъ хлѣбъ. Крестьянинъ въ свою очередь отказывается отъ слѣдующихъ правъ: 1) отъ права на пособія въ несчастныхъ случаяхъ; 2) отъ права на собираніе валежника въ лѣсу помѣщика и другихъ лѣсныхъ сервитутовъ (право на полученіе строевого лѣса, лѣсной подстилки); исключеніе составляетъ лишь право на полученіе топлива для собственныхъ потребностей, которое сохранено было, въ уплату за что сохранена была за крестьянами и обязанность лѣсной службы; 3) крестьянинъ лишается пастбищныхъ сервитутовъ на землѣ помѣщика, въ томъ числѣ и права выгонять скотъ въ помѣщичій лѣсъ; 4) онъ лишается права требовать отъ помѣщика сооруженія новыхъ или починки старыхъ построекъ; наконецъ, 5) отказывается отъ переложенія на помѣщика государственныхъ платежей и повинностей въ случаѣ своей несостоятельности. (См. Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 160--161).

²⁾ Въ памятной запискѣ, составленной Hardenberg'омъ и Altenstein'омъ въ 1807 году, руководящая идея этого законодательства выражена слѣдующимъ образомъ: „Не подрывая основъ нравственности и религіи, эта идея должна помочь Прусскому государству усвоить стремленія революціи и прійти въ себя, осуществивъ демократическія начала при монархическомъ правленіи.“ (Кнаппъ. Die Bauernbefreiung. I, стр. 127).

³⁾ Эдиктъ 9 октября 1807 года касался ласситовъ и временныхъ арендаторовъ и вводилъ отмену крѣпостничества; эдиктъ 14 сентября 1811 года и

акціонное теченіе среди прусскаго дворянства, начавшееся послѣ эдикта 1807 года, приведшее въ 1808 году къ отставкѣ Stein'a и заставившее прусское правительство принести въ жертву дворянству слишкомъ много жизненныхъ интересовъ крестьянъ ¹⁾. Отсюда чрезмѣрно щедрое вознагражденіе помѣщика за лишеніе труда крѣпостныхъ и укрѣпленіе правъ послѣднихъ на землю, отсюда неполнота надѣленія землею и другіе недостатки реформы. Такъ, по эдикту 1811 года за полученіе права собственности на землю и свободу отъ барщины крестьяне заплатили отнятіемъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ находившейся въ ихъ рукахъ площади ²⁾. Итакъ, широкое примѣненіе выкупа землею, вмѣсто денежнаго. Этимъ значительно расширено собственно помѣщичье землевладѣніе ³⁾, при одновременномъ увеличеніи предложенія свободнаго труда со стороны крестьянъ. Далѣе декларация 1816 года ограничила регулированіе только крупными крестьянскими хозяйствами, имѣющими полную упряжку, т. е. пару лошадей или воловъ (spannfähige Bauern ⁴⁾). Хозяйства, не имѣющія полной

декларация 29 мая 1816 года посвящены регулированію отношеній между этою же группою крестьянъ и помѣщикомъ (см. выше содержаніе „регулированія“); наконецъ, положеніе 7 іюня 1821 года вводитъ выкупъ барщины и другихъ натуральныхъ повинностей для наслѣдственныхъ арендаторовъ и чиншевиковъ.

¹⁾ L. Brentano. Die Agrarreform in Preussen. Berlin. 1897, стр. 6--8.

²⁾ У наслѣдственныхъ ласситовъ отрѣзывалась въ пользу помѣщика $\frac{1}{3}$, а у ненаслѣдственныхъ— $\frac{1}{2}$ земли. Декларация 1816 года ввела много детальныхъ измѣненій, въ общемъ еще менѣе выгодныхъ для крестьянъ.

³⁾ Общая потеря земли при регулированіи (не считая денежныхъ платежей) за время съ 1816 по 1859 годъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи для хозяйствъ, имѣющихъ полную упряжку, составляла 998.307 морговъ, но отмѣна сервитутовъ дала увеличеніе землевладѣнія этой группы крестьянъ на 209.721 моргъ, слѣдовательно, чистая потеря составила 788.586 морговъ или 2,9% всей площади. См. M. Sering. Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland. Leipzig. 1893 (Schriften des Vereins für Socialpolitik. Bd. LVI). Anlage II, стр. 293—297.

⁴⁾ Помимо этого существовало много другихъ ограниченій. Регулированію подлежали лишь: 1) хозяйства стараго происхожденія, 2) земли которыхъ внесены въ списки податнаго кадастра въ качествѣ крестьянскихъ владѣній, 3) земли которыхъ помѣщикъ обязанъ былъ замѣщать, если они становились вакантными, 4) только имѣющія полную упряжку. Кромѣ того регулированіе производилось лишь по ходатайству (Provokation) одной изъ сторонъ. Это въ свою очередь замедляло ликвидацію старыхъ отношеній. Съ тѣмъ же принципомъ ходатайства самихъ сторонъ мы встрѣтимся далѣе въ землеустроительномъ законодательствѣ Пруссіи. Равно какъ и органы, производившіе регулированія и ведшіе землеустроительную работу, были одни и

упряжки, слѣдовательно, мелкіе крестьяне, мелкіе огородники, не говоря уже о кутникахъ, батракахъ и прочихъ „*kleine Leute*“,—регулированы не были. Они получили личную свободу, но стали еще болѣе бездомными, не всегда у нихъ остался даже клочекъ земли. Они дополнили ряды сельскаго пролетаріата, образовавшаго классъ необходимыхъ для помѣщичьяго хозяйства свободныхъ наемныхъ рабочихъ, позднѣе они же наполняли города, облегчая быстрое развитіе обрабатывающей промышленности и пугая землевладельцевъ и экономистовъ грознымъ бѣгствомъ изъ деревень ¹⁾. Наконецъ, на то же время приходится распоряженія, отмѣнившія законъ объ охранѣ крестьянской собственности и запрещеніи сносить крестьянскіе дворы ²⁾. Этими открыта была полная свобода обезземленія путемъ покупки крестьянскихъ участковъ. Такъ какъ раззоренное войнами 1806—1815 годовъ, едва освобожденное крестьянство стояло на крайней низкой ступени хозяйственнаго развитія, такъ какъ его опутывала еще цѣлая сѣть старыхъ земельныхъ узъ и оно не могло еще бороться съ крупнымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ ³⁾, то въ первыя десятилѣтія 19 вѣка потеряли землю многіе изъ тѣхъ, кто получили ее по деклараціи 1816 года ⁴⁾. Лишь

тѣ же—„генеральныя комиссіи“ (Generalkommissionen). См. А. Glatzel. Die preussische Agrargesetzgebung. Rückblick und Ausblick. Berlin. 1895, стр. 13—35.

¹⁾ См. А. Buchenberger. Agrarwesen und Agrarpolitik. I, стр. 556—559.

²⁾ Распоряженія 14 февраля 1808 года для Пруссіи, 27 марта 1809 года для Силезіи, 9 января 1810 года для Помераніи и Марки.

³⁾ Къ этому говоритъ Brentano присоединился крупный подъемъ нѣмецкаго сельскаго хозяйства, начавшійся въ 30-хъ годахъ 19 вѣка. Подъемъ этотъ давалъ такія выгоды рациональному крупному хозяйству, что хозяйничавшій по обычаю крестьянъ не могъ конкурировать съ нимъ. Не мало помогало потерѣ земли крестьянами и покровительство образованію и расширенію дворянскихъ фидеикомиссовъ. (Brentano. Die Agrarreform in Preussen, стр. 9).

⁴⁾ „Безусловная охрана крестьянства, говоритъ Кларр, была отмѣнена, такъ что ко времени Гарденберга крестьянская земля потерпѣла значительное сокращеніе сравнительно съ тѣмъ, что находилось въ распоряженіи крестьянъ въ 1756 году и сохранилось до 1807 года. Въ министерство Штейна а затѣмъ Альтенштейна и Доны предохранительная плотина сорвалась, и проникшая враждебная стихія поглотила часть крестьянской земли“ (Освобожденіе крестьянъ, стр. 121). По подсчету Sering'a (на основаніи цифръ Meitzen'a въ „Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des Preuss. Staates“. В. I, стр. 488) въ восточной Пруссіи (кроме Штральзундскаго округа Помераніи) за 1816—1859 гг. крестьянскія хозяйства, имѣющія полную упряжку.

позже, когда крестьянское хозяйство окрѣпло, было реформировано и поднялось, приостановилось это стягиваніе крестьянскихъ земель¹⁾.

Недостатки законодательства 1811—1821 гг. обнаружались очень скоро, но всѣ попытки исправить ихъ не удавались, лишь революція 1848 года повлекла за собой законъ 2 марта 1850 года. Законъ этотъ устранилъ ограниченія регулированія, введенныя декларацией 1816 года; отнынѣ всѣ безупряжныя крестьянскія хозяйства (*unspannfähige Bauern*) получаютъ право на землю; кромѣ того закономъ 1850 года закончено было погашеніе барщинной и другихъ повинностей. Этотъ послѣреволюціонный законъ весьма благожелателенъ для крестьянъ, и именно мелкихъ бѣднѣйшихъ крестьянъ. Но за

въ свободномъ обмѣнѣ земель приобрѣли отъ фиска 193.631 моргъ, отъ городовъ и корпорацій—13.206 морг., но за то же время потеряли въ пользау рыцарскихъ имѣній 623.960 морговъ, въ общемъ чистая потеря составила 417.123 морга или 1,6% всей земли. Кромѣ того путемъ дѣлежа и продажъ перешло въ руки мелкихъ, безупряжныхъ крестьянъ 1.110.233 морга или 4,2%. Прибавивъ сюда потерю по регулированію 788.586 морговъ, получаемъ общую потерю въ 2.315.942 морга или 8,7%. Правда, за то же время раздѣлы общинныхъ земель и разверстанія крестьянъ съ помѣщиками дали увеличеніе площади владѣнія на 970.241 моргъ или 3,6%. Значитъ, чистая потеря составила 1.345.701 моргъ или 5,1%. Въ 1816 году число этихъ хозяйствъ было 274.704 и они владѣли 26.956.903 моргами, въ 1859 году число ихъ упало до 269.593, т. е., сократилось на 5111 хозяйствъ, землевладѣніе же сократилось до 25.611.202 морговъ (*Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland. Anlage II*). Особенно интенсивно снось крестьянскихъ дворовъ, или какъ еще въ 30-хъ годахъ называлъ его *Schlözer* „олигархическое опустошеніе“ (*oligarchische Verwüstung*), шелъ въ Мекленбургъ, гдѣ благодаря ему почти совершенно отсутствуетъ крестьянская земельная собственность. (См. Кн. А. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе. I, стр. 271—275).

¹⁾ „Хозяйство восточно-германскихъ крестьянъ, говоритъ Sering, въ послѣднія 4 десятилѣтія (писано въ 1893 году) испытало значительныя преобразованія; техническій прогрессъ крупныхъ имѣній съ необходимыми измѣненіями перенесенъ былъ въ мелкое хозяйство. Всѣ новѣйшія изслѣдованія обнаруживаютъ, что господствовавшее до послѣдняго времени мнѣніе слишкомъ низко оцѣнивало производительную способность крестьянскаго хозяйства. Чистые доходы крупныхъ имѣній не превосходятъ уже въ настоящее время доходовъ среднихъ владѣній“ (*Die innere Kolonisation*, стр. 69). Изъ того, что за послѣднее время очень окрѣпло мелкое крестьянское хозяйство, еще не слѣдуетъ однако, что такъ же прочно стоитъ мелкое крестьянское землевладѣніе. Это сознаютъ, какъ Sering, такъ и многіе другіе изслѣдователи и государственные дѣятели Германіи. (См. *Schriften des Vereins für Sozialpolitik. Band LVIII. Leipzig. 1893*, а также „*Die Agrarkonferenz 1894*“ въ „*Landwirtschaftliche Jahrbücher*“ hrsggb. v. Thiel. 1894. Ergänzungsб. II).

время съ 1816 г. по 1850 г. большинство безупряжныхъ крестьянъ разбрелось и превратилось въ сельскихъ рабочихъ, земли же ихъ присоединены были къ господскимъ экономіямъ. Поэтому принести какую-либо серьезную помощь тѣмъ, кто обиженъ былъ декларацией 1816 года, онъ уже не смогъ ¹⁾.

Такъ прошло освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи. Schmoller слѣдующими словами обрисовываетъ его общій характеръ ²⁾: „при проведеніи глубокой крестьянской реформы 1800—1855 гг. противодѣйствовавшее ей дворянство, конечно, еще много разъ съумѣло придать рѣшающее значеніе своимъ противоположнымъ интересамъ, ему удалось приобрести еще много земли, низложить много, особенно мелкихъ, крестьянскихъ хозяйствъ. Но, не смотря на все это, спасеніе и освобожденіе крестьянъ является самой крупной соціальной реформой въ новѣйшей исторіи Германіи вплоть до мѣръ, предпринятыхъ во второй половинѣ 19 вѣка въ пользу промышленныхъ рабочихъ“... Но далѣе замѣчаетъ Schmoller: „оборотной

¹⁾ Въ 5 восточныхъ провинціяхъ Пруссіи (кромя Штральзундскаго округа), на основаніи закона 1850 года по 1865 годъ, регулировано было всего 12.706 хозяйствъ, тогда какъ, по вычисленію Кнарра, будь онъ изданъ раньше, онъ могъ бы ссздать 70.000 новыхъ хозяйствъ, сверхъ 70.579 хозяйствъ, регулированныхъ до 1848 года на основаніи законовъ 1811 и 1816 годовъ. Успѣшнѣе оказалось дѣйствіе закона 1850 года въ области выкупа барщины и другихъ повинностей тѣми крестьянами, которые уже раньше имѣли прочныя права на землю. Съ 1821 по 1848 г. была совершена всего 171.351 выкупная операція, а съ 1848 по 1865 г.—624.914 операцій (Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 214—228; ср. также А. Buchenberger. Agrarwesen und Agrarpolitik. I. стр. 124). Schmoller о томъ же пишетъ: „свыше 100.000 главнымъ образомъ огородниковъ и мелкихъ крестьянъ осталось жертвою деклараціи 1816 года; ббльшая часть дворовъ, несомнѣнно, была притянута въ 1816—1848 гг. либо превращена въ чисто арендныя земли и участки для служащихъ. Но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что въ настоящее время наше аграрное состояніе было бы здоровѣе, и даже общее положеніе владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній было бы лучше, если бы мы имѣли на востокъ на 100.000 мелкихъ крестьянъ больше. Также мало можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что крупное землевладѣніе чрезвычайно расширилось въ восточныхъ провинціяхъ въ 1815—1848 гг. Въ Курмаркѣ и Неймаркѣ рыцарскія имѣнія составляли въ 1800 году 16—18% всего сѣстава гуфъ, а въ 1837 году рыцарство провинціи Бранденбургъ владѣло 38% ихъ“ („Der Kampf des preussischen Königthums um die Erhaltung des Bauernstandes“ въ Jahrbuch für die Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. XII Jahrg., 1888, стр. 652).

²⁾ Grundriss. II, стр. 527.

стороной реформы является, однако, то, что, проводя ее, думали исключительно о крестьяннѣ, для него одного хотѣли создать свободную собственность и лучшее хозяйство. Огромная масса огородниковъ, домовниковъ и наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, число которыхъ такъ возросло именно въ 1750—1850 гг., не только вышла изъ аграрной реформы съ пустыми руками, но въ связи съ ней потеряла альмендные паи, права пастбы и нѣкоторыя права владѣнія¹⁾. Послѣ великаго преобразованія вся эта масса оказалась въ худшемъ положеніи, чѣмъ была до него, если съ нею и не поступили такъ плохо и она не пала такъ низко, какъ въ Англіи²⁾.

¹⁾ Здѣсь Schmolzer имѣетъ въ виду и землеустроительное законодательство, какъ-то: законы о раздѣлѣ общинныхъ земель, отмѣнѣ пастбищныхъ сервитутовъ и пр.

²⁾ Кнарр, сравнивая прусскую крестьянскую реформу съ австрійской, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ первую и такъ объясняетъ популярность, которую она сразу приобрѣла и которую пользуется до настоящаго времени: „такъ называемое законодательство Hardenberg'a о регулированіи, не смотря на всѣ свои слабыя стороны, обладало тѣмъ политическимъ преимуществомъ, что оно вообще взялось за это дѣло. И затѣмъ еще однимъ, также политическимъ, преимуществомъ. Устранивъ то, на что опирался либерализмъ, Пруссія нашла въ этомъ законодательствѣ средство охранить на безконечно долгое время владѣльческіе интересы путемъ обезпеченія за помѣщиками высокихъ рентъ, путемъ массоваго стягиванія ими крестьянскихъ земель и низведенія мелкихъ хозяевъ въ состояніе безземельныхъ поденныхъ рабочихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой способъ рѣшенія задачи не былъ мастерскимъ образцомъ соціальной политики. Многое въ немъ знающему 18 вѣкъ должно показаться поистинѣ гнуснымъ (ein wahrer Greuel), напримѣръ, допущенное, даже поощряемое увеличеніе помѣщичьей земли. Восемнадцатый вѣкъ мечталъ о будущемъ преобладаніи крестьянъ, а на самомъ дѣлѣ было упрочено преобладаніе помѣщиковъ. Но, если государство не можетъ поступать иначе, какъ опираясь на опредѣленный общественный классъ—это и было въ 1811 году въ урѣзанной и раззоренной Пруссіи,—то политически понятно (хотя это и влекло за собою соціальныя невыгоды), что оно выбираетъ для опоры сильныхъ. А такими были въ то время юнкеры.

„Поскольку они были дѣловыми людьми—а, какъ владѣльцы крупныхъ имѣній, они ими были,—они скоро полностью использовали выгоды переменъ и цѣлесообразно устроили свои хозяйства; какъ политики же, они выступили полными сторонниками короны. Лишь меньшинство почувствовало себя уязвленнымъ потерю прежняго патріархальнаго положенія; но и оно оставалось вѣрнымъ королю и только государственнаго канцлера провозгласило якобинцемъ. Либеральная Германія слушаетъ это не безъ удовольствія, считаетъ это простительнымъ преувеличеніемъ, но переодѣиваетъ соціально-полити-

Я особенно отмѣчаю это исключеніе изъ регулированія мелкихъ, несамостоятельныхъ крестьянскихъ дворовъ. Съ совершенно тѣмъ же игнорированіемъ интересовъ бѣднѣйшихъ слоевъ крестьянства мы встрѣтимся дальше во всемъ землеустроительномъ законодательствѣ Пруссіи. На этой сторонѣ обоихъ законодательствъ особенно ясно сказывается ихъ взаимное родство. И причины въ обоихъ случаяхъ однѣ и тѣ же. Это прежде всего—помѣщичье вліяніе, съ которымъ приходилось считаться правительству ¹⁾. Землевладельцами же, помимо стремленія сохранить за собою возможно большую земельную площадь, руководило опасеніе, что обезпеченіе земель всего мелкаго крестьянства лишитъ ихъ необходимыхъ рабочихъ рукъ. Эта причина, правда, не дѣйствовала на тѣ части землеустроительнаго законодательства, которыя касались отношеній крестьянъ другъ къ другу, а не къ помѣщикамъ. Но на всѣхъ мѣстахъ стараго прусскаго землеустроительнаго законодательства, которыми такъ или иначе затрогивались интересы землевладельцевъ (раздѣлъ общинъ съ крестьянами земель, уничтоженіе сервитутовъ), несомнѣнно, сказалось вліяніе помѣщичьихъ тенденцій.

Другою причиною было то, что ни общественное мнѣніе, ни законодательство того времени еще совершенно не отдавали себѣ отчета въ важности давно уже шедшаго процесса разслоенія крестьянства и нарастанія массы мелкихъ хозяевъ и сельскаго пролетариата. О численности этихъ низшихъ слоевъ знали очень мало и

ческое значеніе законодательства Hardenberg'a. Такимъ образомъ городское населеніе такъ же довольно новымъ поворотомъ вещей, какъ въ сущности довольны въ деревнѣ землевладельцы. Даже крестьянинъ, который одинъ несъ крупныя издержки, не вполне сознаетъ, какъ много отъ него потребовали".

„Существенный пунктъ, слѣдовательно, лежитъ не въ томъ, что законодательство Hardenberg'a было образцовымъ съ точки зрѣнія крестьянина—такимъ оно не было,—а въ томъ, что выступило своевременно и создало для восточнаго государства новую, хотя и восточную поддержку“. „Политическій успѣхъ реформъ зависитъ не отъ того, насколько онѣ радикальны, а отъ того, приходятъ ли онѣ во-время“ („Die Bauernbefreiung in Oesterreich und Preussen“ въ Jahrbuch für die Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. 1894. II, стр. 86—87 и 90).

¹⁾ Правительству необходимо было помнить правило: „не слѣдуетъ желать слишкомъ много за разъ, если не хочешь остаться при одномъ желаніи“ (Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, рус. пер., стр. 240).

еще меньше думали о распространении на них благъ земельной реформы¹⁾. То же игнорирование интересовъ мелкихъ хозяевъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ мы встрѣтимъ въ землеустроительномъ законодательствѣ.

Наконецъ, третьей причиной являются воззрѣнія самихъ крестьянъ. Среди послѣднихъ на всемъ сѣверѣ Германіи уже къ концу 18 вѣка образовалось два ясно очерченные класса, часто выступавшіе другъ противъ друга, во всякомъ случаѣ не сливавшіеся одинъ съ другимъ²⁾. Законодательство, какъ освобожденія, такъ и землеустроительное только подчеркнуло эту рознь, ставъ на сторону высшихъ слоевъ крестьянства³⁾.

Сравнивая ходъ освобожденія крестьянъ на западѣ и востокѣ Германіи, нельзя не замѣтить, что крестьянская реформа не только не сгладила различія, созданнаго долгимъ историческимъ процессомъ, а, наоборотъ, еще болѣе усилила его⁴⁾. Тогда какъ и на юго-

¹⁾ „..... чтобы правильно понять всю реформу, необходимо имѣть въ виду слѣдующее: подъ экономическимъ оовожденіемъ крестьянъ разумѣли въ XVIII столѣтіи освобожденіе сельскихъ хозяевъ; тѣ же сельскіе жители, которые не имѣли собственнаго хозяйства (напр. инсты), оставались всецѣло внѣ круга идей тогдашняго просвѣщеннаго общества. Крестьянскій вопросъ существовалъ давно, но рабочаго вопроса еще не было. Регулированіе условій труда въ господскихъ имѣніяхъ считали необходимымъ только въ интересахъ крестьянъ; что же касается сельскихъ рабочихъ, то въ 1807 году были того мнѣнія, что для нихъ уже много сдѣлано, разъ ихъ освободили отъ крѣпостной зависимости и сдѣлали свободными людьми“ (Кнаппъ. Освобожденіе крестьянъ, рус. пер., стр. 240—241).

²⁾ „Въ 1815 году земскіе представители отъ крестьянъ, въ качествѣ меньшинства, подали особое мнѣніе, въ которомъ они высказались въ пользу регулированія огородниковъ, но никакъ не всѣхъ безупряжныхъ сельскихъ жителей; они считали вполне понятнымъ, что эдиктъ 1811 года касается лишь тѣхъ, кто имѣетъ самостоятельное земледѣльческое хозяйство. На всѣхъ остальныхъ они не смотрѣли, какъ на своихъ коллегъ“ (Кнаппъ. Указ. соч., стр. 241).

³⁾ Много болѣзненнаго въ развитіи хозяйственныхъ отношеній на востокѣ Германіи: бѣгство сельскаго населенія изъ деревень, эмиграція, отсутствіе сельскохозяйственныхъ рабочихъ, крайне быстрый ростъ городского пролетаріата, односторонняя помѣщичья окраска всей новѣйшей хозяйственной политики Пруссіи—все это явилось Немезидою за историческую ошибку начала 19 вѣка. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить, что созданіе зажиточной крестьянской аристократіи внесло вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя здоровыя черты въ соціальную жизнь Пруссіи.

⁴⁾ См. Fuchs. Die Eroschen, стр. 25—26.

западъ и на сѣверо-западъ крестьянинъ за свободу личности и земельную собственность заплатилъ деньгами, на сѣверо-востокъ, гдѣ и безъ того подъ помѣщичьими хозяйствами было значительно больше земли, для большинства крестьянъ выкупъ состоялъ въ уступкѣ крупной части земельной площади. Къ этому присоединилась неполнота надѣленія мелкихъ хозяйствъ, и наконецъ, интенсивный процессъ стягиванія крестьянской земли. Въ результатъ здѣсь послѣ реформы у крестьянъ оказалось значительно меньше земли, чѣмъ было до нея¹⁾.

¹⁾ Сравнительное разсмотрѣніе освобожденія крестьянъ въ разныхъ частяхъ Германіи и нѣкоторыхъ сосѣднихъ государствахъ даетъ возможность установить слѣдующіе типы освобожденія:

I. Западно-германскій—почти вся земля оставлена въ рукахъ крестьянъ, крупное помѣщичье землевладѣніе почти отсутствуетъ (разница между юго-западомъ и сѣверо-западомъ, какъ мы видѣли, въ томъ, что на югѣ земля досталась всѣмъ мелкимъ крестьянамъ, а на сѣверѣ—немногимъ крупнымъ, мейерамъ). До извѣстной степени къ южно-германскому типу приближается освобожденіе крестьянъ во Франціи; но, хотя помѣщичье землевладѣніе тамъ было уничтожено насильственнымъ путемъ, однако конфискованная земля перешла не къ мелкимъ крестьянамъ, а къ зажиточной буржуазіи, въ рукахъ которой въ общемъ итогѣ въ видѣ крупныхъ и среднихъ имѣній оказалось болѣе $\frac{1}{2}$ всей площади (хозяйства свыше 20 га занимали въ 1884 году 51,22% всей площади. См. Л. Ходскій. Земля и земледѣлецъ Спб. 1891, т. I, стр. 237): другое отличіе Франціи состоитъ въ отсутствіи выкупныхъ платежей.

II. Англійскій, къ нему же приближается мекленбургскій въ Германіи—полная противоположность первому. Почти вся земля здѣсь осталась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, крестьяне освобождены были почти совершенно безъ земли.

III. Прусскій и русскій—средній типъ, земля раздѣлена между помѣщиками и крестьянами. Важное различіе между Пруссіей и Россіей состоитъ въ томъ, что въ первой при освобожденіи крестьяне раздѣлены были на двѣ группы, сложившіяся еще при крѣпостномъ правѣ: зажиточныхъ крестьянъ, имѣющихъ полную упряжку, и крестьянъ, таковой не имѣющихъ. При освобожденіи землю получила почти только первая группа. Такъ, въ 1859 году въ пяти восточныхъ провинціяхъ Пруссіи было 289.593 хозяйства съ полной упряжкой, владѣющихъ 25.600.899 морговъ земли, т. е. по 95 морговъ каждое, и 407.801 хозяйство безъ полной упряжки, владѣющихъ всего 2.940.645 моргами, т. е., по 7 морговъ каждое (M. Sering. Die innere Kolonisation, Anlage II). Кромѣ того большое число хозяйствъ осталось вовсе безъ земли. Этимъ создано было, съ одной стороны, зажиточное крестьянство, а съ другой—обширный классъ сельскаго пролетаріата и полупролетаріата. Такой способъ облегчилъ рѣшеніе „крестьянскаго“ вопроса, но породилъ трудный сельскій рабочій вопросъ. Иначе въ Россіи. Здѣсь и при крѣпостномъ правѣ существовало болѣе равенство между крестьянами, и при освобожденіи почти

Въ результатѣ всего развитія крѣпостного права и отмѣны его въ разныхъ частяхъ Германіи сложилось различное распредѣленіе земельной собственности, выработались различные типы хозяйствъ, создавшіе неодинаковую почву для землеустроительной дѣятельности государства. Это различіе видно изъ приводимой ниже таблицы № 1, показывающей распредѣленіе сельскохозяйственной площади между хозяйствами разной величины въ отдѣльныхъ областяхъ Германіи ¹⁾.

все крестьяне получили землю, такъ какъ земля отведена была не отдѣльнымъ хозяевамъ, а цѣлымъ обществамъ. Земля, такимъ образомъ, раздѣлена была между всѣми. Въ этомъ, конечно, больше социальной справедливости, но за то на долю каждого пришлось меньшая площадь. Гдѣ общая площадь крестьянскихъ надѣловъ была мала, тамъ такой способъ надѣленія привелъ къ слишкомъ незначительному владѣнію. Если въ Пруссіи крестьяне были раздѣлены на собственниковъ и пролетаріевъ, то въ русскомъ крестьянинѣ во всѣхъ случаяхъ недостаточнаго надѣленія слиты въ одно: собственникъ и пролетарій. Этимъ объясняются многочисленные противорѣчія русской крестьянской жизни: крестьянинъ то выступаетъ въ качествѣ собственника, то проникается идеями пролетаріата. Въ Пруссіи эти роли раздѣлены (Ср. рецензію на работу Кнарпъ'а Н. Каблукова въ Braun's Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. В. I, 1888, стр. 185—194, и отвѣдь G. F. Knapp'а тамъ же, стр. 334—335, а также А. Buchenberger. Agrarwesen und Agrarpolitik. I, стр. 154).

¹⁾ За отсутствіемъ болѣе старыхъ подробныхъ данныхъ, однородныхъ для всей Германіи, привожу данныя германской хозяйственной переписи 1882 года. Чтобы отмѣтить сравнительную неподвижность распредѣленія земли, рядомъ приведены данныя переписи 1895 года. Обѣ переписи даютъ свѣдѣнія о площади *хозяйствъ*, а не *землевладѣнія*, что не одно и то же. Расхожденіе вызывается арендой и дѣленіемъ крупныхъ владѣній на нѣсколько хозяйствъ. Не смотря на это, за отсутствіемъ полной статистики землевладѣнія, приходится довольствоваться статистикой хозяйствъ. Впрочемъ, отклоненіе, вызываемое арендой, не особенно велико, такъ какъ арендуемыхъ земель въ Германіи сравнительно немного. Вотъ $\%$ -ное отношеніе ихъ ко всей сельскохозяйственной площади:

	1882 г.	1895 г.
парцельныя хозяйства (менѣе 2 ha)	27,71	24,79
мелкія крестьянскія хозяйства (2—5 ha)	14,61	15,93
среднія крестьянскія хозяйства (5—20 ha)	7,15	8,17
крупныя крестьянскія хозяйства (20—100 ha)	7,09	7,30
крупныя хозяйства (100 ha и св.)	22,39	19,80
всего	12,88	12,38

Больше $\%$ лишь для самыхъ мелкихъ и самыхъ крупныхъ хозяйствъ: здѣсь онъ доходитъ почти до $\frac{1}{4}$ всей площади.

Т а б л и ц а № 1.

Распределение сельскохозяйственной площади между хозяйствами
разной величины въ 1882 и 1895 годах¹⁾.

Государства и прусскія провинціи.	Размѣръ хозяйствъ въ гектарахъ.				
	менѣе 2	2—5	5—20	20—100	100 и болѣе
	% % общей площади.				
<i>Область крупныхъ (помѣщичьихъ) хозяйствъ²⁾.</i>					
Мекленбургъ—Шверинъ . .	4,00 ²⁾ 3,90 ²⁾	2,36 2,70	6,41 6,68	27,34 26,62	59,00 59,95
Мекленбургъ—Стрелицъ . .	3,42 3,44	1,69 1,65	5,36 5,18	28,72 29,08	60,09 60,00
Провинція Вост. Пруссія . .	2,10 2,35	3,51 3,88	13,88 14,88	41,81 39,38	38,00 39,47
„ Зап. Пруссія . .	2,54 2,79	3,10 3,61	14,03 17,22	33,22 32,72	47,11 43,66
„ Бранденбургъ . .	3,97 4,10	4,92 5,35	19,42 20,73	35,87 34,58	36,82 35,24
„ Померанія	2,78 2,97	3,50 3,44	13,44 15,64	22,06 22,82	57,42 55,12
„ Познань	2,27 2,82	3,29 3,67	19,00 20,88	19,70 20,40	55,27 52,19
„ Силезія	4,97 4,43	10,98 10,88	26,94 29,11	22,89 21,54	34,41 33,06
Ангальтъ	6,88 7,08	6,58 5,78	19,84 21,35	31,85 28,39	35,05 37,42
<i>Область крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ⁴⁾.</i>					
Провинція Шлезвигъ-Гольштинія	1,94 1,85	3,76 3,50	16,42 17,14	61,47 61,31	16,40 16,20
„ Ганноверъ	7,28 6,61	11,02 11,83	30,27 32,01	44,83 42,41	6,92 7,14

¹⁾ Statistik des Deutschen Reichs. N. F. Bd. 5 и 112.

²⁾ Верхній рядъ—1882 годъ, нижній—1895 годъ.

³⁾ Область, гдѣ хозяйства въ 100 и болѣе га занимаютъ свыше 30% всей площади.

⁴⁾ Область, гдѣ хозяйства до 5 га и свыше 100 га занимаютъ менѣе 30% всей площади и преобладаютъ хозяйства въ 20—100 га.

Государства и прусскія провинціи.	Размѣръ хозяйствъ въ гектарахъ.				
	менѣе 2	2—5	5—20	20—100	100 и болѣе
	% % общей площади.				
Провинція Вестфалія	10,88	13,49	34,28	37,10	4,77
	9,80	13,84	34,87	36,59	5,20
„ Саксонія	6,16	7,10	24,01	35,78	26,96
	6,88	6,81	24,19	34,97	27,85
Ольденбургъ	5,40	13,19	28,27	49,74	3,40
	4,84	13,11	29,43	49,38	3,18
Любекъ	3,74	3,08	11,73	60,88	20,79
	4,06	3,45	11,48	59,80	21,42
Бременъ	8,78	8,80	28,24	54,10	0,00
	6,73	9,89	27,40	54,06	1,84
Гамбургъ	6,83	4,88	20,08	58,13	10,00
	9,23	4,86	20,20	57,21	8,41
Брауншвейгъ	8,68	7,67	28,88	36,58	17,91
	8,98	7,74	28,03	36,39	18,88
Липпе	14,88	13,38	25,04	38,83	7,91
	17,72	12,81	22,43	41,38	8,68
Саксенъ-Альтенбургъ	5,17	8,01	37,85	41,84	7,83
	4,86	7,62	36,88	43,11	7,84
<i>Область среднихъ крестьянскихъ хозяйствъ¹⁾.</i>					
Королевство Саксонія	6,11	9,70	39,56	30,53	14,10
	5,76	9,87	40,18	30,43	10,07
Саксенъ-Веймаръ	6,08	11,84	45,38	24,86	11,09
	6,11	11,47	45,31	24,24	12,87
Саксенъ-Мейнингенъ	9,70	13,82	49,16	18,86	8,88
	10,28	14,68	49,96	17,91	7,32
Саксенъ-Кобургъ-Гота	8,82	12,49	43,59	23,79	11,51
	9,21	11,77	43,07	23,71	12,54
Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ	9,10	12,56	37,19	23,08	18,10
	9,88	13,08	36,33	24,08	16,84
Шварцбургъ-Рудольфштадтъ	11,83	14,48	40,41	21,89	11,89
	12,68	15,20	38,88	21,92	11,49

¹⁾ Область, гдѣ хозяйства до 5 га и свыше 100 га занимаютъ менѣе 30% всей площади и преобладаютъ хозяйства въ 5—20 га.

Государства и прусскія провинціи.	Размѣръ хозяйствъ въ гектарахъ.				
	менѣе 2	2—5	5—20	20—100	100 и болѣе
	% % общей площади.				
Вальдекъ	6,01 6,13	9,87 10,39	41,24 40,87	31,87 31,98	11,11 10,83
Рейссъ старшей линіи	6,87 7,35	8,84 9,81	57,84 59,14	17,81 21,23	9,74 2,87
Рейссъ младшей линіи	6,25 5,88	9,98 9,88	50,32 49,04	23,84 25,62	9,80 9,48
Шаумбургъ-Липпе	13,37 14,89	14,17 14,73	47,28 44,12	20,30 19,33	5,70 7,23
Баварія (кромѣ рейнскаго Пфальца)	3,75 3,32	11,75 11,70	48,28 49,89	33,98 32,73	2,28 2,58
<i>Область мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ¹⁾.</i>					
Провинція Гессенъ-Нассау . . .	10,87 10,85	20,70 20,84	42,77 43,16	18,87 18,02	6,89 7,34
Вел. герц. Гессенъ	11,86 11,77	21,82 21,35	49,74 50,22	12,29 11,77	4,89 4,88
Вюртембергъ	10,91 9,88	22,81 23,32	43,81 45,81	20,87 19,83	2,00 2,14
Баденъ	13,70 13,23	28,72 29,37	42,27 41,78	13,81 12,86	1,80 3,08
Баварія (рейнскій Пфальцъ)	15,03 14,08	25,78 26,24	45,71 46,87	11,23 10,84	2,28 2,87
Гогенцоллернъ	6,97 5,25	23,16 23,19	48,21 50,40	19,12 19,47	2,84 1,88
Рейнская провинція	12,79 12,34	20,73 19,92	43,15 43,24	20,88 20,99	2,87 3,81
Эльзасъ-Лотарингія	13,32 12,46	23,15 22,81	35,84 37,09	20,88 20,28	7,31 7,38
Вся Германія	5,73 5,88	10,01 10,11	28,74 29,90	31,89 30,35	24,43 24,08

¹⁾ Область, гдѣ хозяйства до 5 га занимаютъ свыше 30% всей площади.

Изъ этой таблицы и составленной на основаніи ея картограммы (см. приложение № 2) ясно видны: мелко- и средне-крестьянскій югъ, крупно-крестьянскій сѣверо-западъ и, наконецъ, помѣщичій сѣверо-востокъ. При этомъ въ послѣдней области изъ крестьянскихъ хозяйствъ, какъ видно изъ той же таблицы, подавляющую часть площади занимаютъ хозяйства крупно-крестьянскія (въ 20—100 ha), меньшую—средне-крестьянскія (въ 5—20 ha) и совершенно незначительную (кромѣ Силезіи и Ангальта)—мелкія (до 5 ha). Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, какъ сильно отразилось это различіе землевладѣнія и на землеустроительномъ законодательствѣ, и на ходѣ землеустроительныхъ работъ.

Освобожденіе крестьянина отъ крѣпостной зависимости—освобожденіе его личности и трудовой энергіи, созданіе свободной земельной собственности—все это открыло крестьянину возможность технического прогресса и повышенія матеріальнаго благосостоянія. Но одного освобожденія для дѣйствительнаго прогресса и поднятія доходности крестьянскаго хозяйства въ большинствѣ областей Германіи оказалось недостаточнымъ. По отзывамъ всѣхъ, знавшихъ положеніе нѣмецкаго крестьянина въ началѣ 19 вѣка, помимо крѣпостной связанности его давило еще слѣдующее ¹⁾:

1) Обиліе и крайне плохое использование общинныхъ земель, чаще всего содержаніе ихъ въ видѣ общихъ выгоновъ; отсюда выгонное скотоводство и связанныя съ этимъ вредныя послѣдствія.

¹⁾ См. А. Meitzen. Статья „Agrarpolitik im engeren Sinne“ въ „Handbuch der pol. Oekonomie“ hrsggb. von Schönberg. II. 1. 4. Aufl. 1896, стр. 141—142. E. Löning по тому же поводу говоритъ: „Отмѣной крѣпостнаго права и освобожденіемъ земли отъ лежавшихъ на ней крѣпостныхъ повинностей создано свободное нѣмецкое крестьянство и проведена реформа, правовое и социальное значеніе которой выходитъ далеко за предѣлы одного сельскохозяйственнаго управленія. Этимъ впервые крестьяне подняты были до свободныхъ гражданъ государства, и заложены основанія для свободнаго устройства сельскихъ общинъ. Но этимъ еще не были уничтожены всѣ оковы, наложенныя на сельское хозяйство правомъ прежней эпохи. Оковы эти сложились при старыхъ хозяйственныхъ условіяхъ и были неразрывно связаны съ ними, но теперь онѣ задерживаютъ сельскохозяйственный прогрессъ, препятствуютъ хозяйственному и социальному поднятію крестьянскаго сословія, а, поскольку онѣ лежатъ на крупномъ владѣніи, онѣ ослабляютъ и его способность къ сопротивленію. Такихъ препятствій три: 1) чрезполосица владѣнія, 2) нехозяйственное использование общей земли и 3) сервитуты, лежащія на землѣ (Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Leipzig. 1884, стр. 355—356).

2) Связанность земли, особенно полей, какъ у крестьянъ между собою, такъ и у крестьянъ съ помѣщиками, односторонними и взаимными сервитутами пастьбы, прогона скота, проѣзда и пр. Это создавало принудительность обработки и тормозило развитие земледѣлія, часто дѣлало совершенно невозможнымъ его прогрессъ.

3) Черезполосное расположеніе полей, крайняя раздробленность ихъ и отсутствіе полевыхъ дорогъ. Послѣднее дѣлаетъ участки доступными лишь въ теченіе очень короткаго времени въ году. Этимъ еще болѣе усиливается принудительность обработки, понижается доходность и создается неподвижность техники.

Пока крестьянская земля подчинена была всему этому, вліяніе освободительной реформы не могло сказаться полностью. Кнарр приводитъ слѣдующій выводъ бывшаго президента ревизіонъ-коллегии, Lette, большого знатока сельскохозяйственныхъ отношеній своего времени¹⁾: „значительная часть крестьянства не извлекла пользы изъ реформы потому, что одной личной свободы и отмѣны повинностей было недостаточно; необходимо еще было научиться новому способу хозяйничанья, а прежде всего—ввести новое раздѣленіе полей“. Или другое мѣсто того же автора²⁾: „отъ собственной беспомощности и безсилія въ борьбѣ съ капиталомъ и интеллигентностью бывшіе крѣпостные В. Пруссіи погибали до регулированія и продолжали погибать и послѣ регулированія, пока имъ не удалось отдѣлаться отъ общинныхъ распоряжковъ“. Самъ Кнарр пишетъ: „Въ В. Пруссіи съ регулированіемъ частно-владѣльческихъ крестьянъ часто соединялось и специальное размежеваніе чрезполосныхъ участковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и перенесеніе усадьбы въ центръ имѣнія; все это было весьма благодѣтельно для крестьянъ, которые теперь не только получили возможность, но и вынуждены были заботливѣе относиться къ своему хозяйству. Въ Восточной же Пруссіи крестьяне послѣ регулированія удержали прежніе общинные распоряжки (чрезполосицу съ принудительнымъ сѣвооборотомъ, общій выгонъ и т. п.), вслѣдствіе чего условія ихъ жизни мало измѣнились“³⁾.

¹⁾ Lette. Bereisung der Provinz Preussen. Работа 1847 года. См. Кнарръ. Освобожденіе крестьянъ, стр. 203.

²⁾ Та же работа. См. Кнарръ, стр. 203.

³⁾ Освобожденіе крестьянъ, стр. 202—203. Такого же мнѣнія цитируемый Кнарромъ проповѣдникъ Schütz, прожившій 25 лѣтъ среди крестьянъ. Помо-

Изъ этихъ цитатъ, равно какъ изъ многочисленныхъ аналогичныхъ свидѣтельствъ для другихъ областей Германіи, даже учитывая возможныя преувеличенія ихъ авторовъ ¹⁾, нельзя не увидѣть, что развитіе крестьянскаго хозяйства на ряду съ отмѣной крѣпостного права требовало цѣлаго ряда землеустроительныхъ мѣръ: реформы общиннаго землевладѣнія, уничтоженія сервитутовъ и черезполосицы ²⁾. Лишь тогда крестьянинъ, освобожденный отъ власти господина, могъ освободиться отъ тягостной принудительной связи съ сосѣдями, лишь тогда его земля и все его хозяйство могло стать дѣйствительно свободнымъ. И заслугой германскихъ государственныхъ властей, и раньше всего прусской власти, является то, что, освободивъ крестьянина отъ помѣщика, она не бросила его, не предоставила ему самому распутывать старыя историческія пути, а сама взялась за это и дѣятельно помогла ему въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Дальше мы увидимъ, что на этомъ пути въ Германіи, особенно въ Пруссіи, сдѣлано было очень много ошибокъ, часто непростительныхъ, ставшихъ вскорѣ очевидными для самихъ авторовъ ихъ. Но, какъ бы тамъ ни было, заслугой является, повторяя слова Кнарра о законодательствѣ Stein-Hardenberg'a, уже „то, что власть вообще взялась за это дѣло“. Если различныя культурныя и социальныя условія способствовали подъему крестьянскаго хозяйства въ Германіи, то, несомнѣнно, что всѣ эти условія могли оказать свое вліяніе лишь потому, что землеустроительная дѣятельность государства подготовила въ большинствѣ германскихъ областей необходимую для этого почву. Только это внутреннее освобожденіе крестьянъ, созданное землеустроительными мѣрами, выработало изъ нихъ тѣхъ толковыхъ хозяевъ, которые, объединяясь теперь въ сельскохозяйственныя товарищества, открываютъ новые горизонты для прогресса крестьянскаго хозяйства и сельской жизни

раніи. „Что толку, говоритъ онъ, въ томъ, что крестьянинъ удержалъ за собою весь надѣлъ, если онъ не переходитъ къ болѣе интенсивной культурѣ...?“ И дальше Schütz говоритъ о необходимости спеціальнаго межеванія (Кнаппъ, цит. соч., стр. 199).

¹⁾ Такъ, напр., о Lette Кнарр пишетъ: „Необходимо, однако, имѣть въ виду, что Летте въ то время старался подчеркивать все то, что говорило въ пользу спеціальнаго размежеванія чрезполосныхъ дачъ“ (цит. соч., стр. 203).

²⁾ Не упоминаю о меліорацияхъ и другихъ землеустроительныхъ мѣрахъ, такъ какъ настоящая работа не имѣетъ въ виду разсмотрѣнія ихъ.

на почвѣ свободного частнаго наследственнаго *владѣнія* и *пользованія* ¹⁾ земель и развитой свободной индивидуальности ея владельца ²⁾.

Слѣдующія главы посвящены изложенію этого землеустроительнаго законодательства, явившагося естественнымъ и необходимымъ завершеніемъ грандіознаго зданія крестьянской реформы 19 вѣка.

¹⁾ Этому не противорѣчитъ наблюдающееся въ послѣднее время въ Германіи стремленіе ограничить свободу *распоряженія* крестьянской землей, т. е., свободу дробленія, наследованія, залога и отчужденія крестьянскихъ участковъ.

²⁾ „Психологическій процессъ превращенія стараго, жившаго въ товариществѣ, хозяйствовавшего безъ пріобрѣтательскаго стимула, потомъ подчиненнаго власти землевладельца, часто угнетавшагося послѣднимъ и отъ этого отупѣвшаго крестьянина сперва въ плутоватаго эгоиста, а затѣмъ въ ведущаго счетъ мелкаго предпринимателя, далѣе въ свободного земельного собственника новаго времени и, наконецъ, въ дѣльнаго мелкаго и средняго владельца, со вновь развивающимися товарищескими чувствами, несущаго почетныя должности въ деревнѣ и общей администраціи—представляетъ одну изъ наиболѣе привлекательныхъ главъ въ исторіи средневропейской культуры и хозяйства“ (Schmoller. Grundriss. I, стр. 289—290)

Новые труды о „жидовствующих“ XV в. и ихъ литературѣ.

I.

Конецъ XV в. ознаменовался въ русской жизни появленіемъ новаго религіознаго движенія, которому его противники и полемисты усвоили названіе „ереси жидовствующихъ“. Насколько глубоко всколыхнула эта новая ересь стоячее болото идейной московской жизни—показываетъ возникшая около этой ереси полемическая литература и замѣчательный памятникъ ея, „Просвѣтитель“ препод. Іосифа, игумена Волоколамскаго. О „ереси жидовствующихъ“ было много писано въ русской научной литературѣ. Высказывались мнѣнія, что ересь эта была—результатъ іудейской пропаганды, отголосокъ древняго богомилства, ученія таборитовъ, средневѣковыхъ гейслеровъ—крестовыхъ братьевъ, съ другой стороны, что это—результатъ факторовъ внутренней жизни Новгорода и Москвы, невѣжества, пьянства духовенства, корыстолюбія и грубости и т. д. вызвавшихъ протестъ наиболее развитой части общества, переставшей удовлетворяться узко-обрядовой церковностью. Все разнообразіе мнѣній о происхожденіи и сущности „ереси жидовствующихъ“ сведено въ „Исторіи русской литературы“ А. Н. Пыпина, т. II, изд. 2 (1902) стр. 65—72 (и литература вопроса стр. 90 и 91, по 1899 годъ). Но пересматривая мнѣнія авторитетнѣйшихъ представителей исторіи гражданской, литературной и церковной, убѣждаемся прочно лишь въ одномъ, именно въ томъ, что въ сущности мы не знаемъ ничего о ереси, кромѣ данныхъ, сообщенныхъ въ посланіяхъ архіеп. Геннадія и въ „Просвѣтитель“ Іосифа Волоколамскаго, врага еретиковъ, готоваго имъ приписать самыя ужасныя преступленія и награждающаго ихъ та-

кими эпитетами, какъ „адовъ песь“, „дiаволовъ вепрь“, „сосудъ сатанинъ“. „блудный калъ“. Такое озлобленное краснорѣчіе менѣе всего позволяетъ признать названный источникъ безусловно чистымъ и достовѣрнымъ; а посланія—крайне скудны указаніями на исторію и сущность ереси.

Показанія „Просвѣтителя“, совпадающія съ данными лѣтописи и посланій, сводятся къ слѣдующему): „*Бысть* убо въ та времена *жидовинъ* іменемъ *Схаріа*, и сей бяше дiаволовъ сосудъ и изучень всякому злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію. звѣздозаконію же и астрологи, *живый въ градъ Кіевъ*, знаемъ сый тогда сущему князю, нарицаемому *Миханлу*, христіанину сущу в христіанская мудрствующу, сыну *Александрову*, правнуку же *Вольгирдову*. И сей убо князь *Михаилъ* въ лѣта 6979 (1475 или 1467) прииде въ великий *Новгородъ* въ дни княженія великаго князя *Ивана Васильевича*; и съ нимъ прииде въ великий *Новгородъ* *жидовинъ Схаріа*. И той прежде прельсти попа *Дениса* и въ жидовство отведе, *Денисъ* же приведе къ нему протопопа *Алексѣа*, еще тогда попа суща на *Михайловской улицѣ*; и той тако же отступникъ бысть непорочныя и истинныя христіанскія вѣры. Потомъ же придоша изъ *Литвы* ннѣи *жидове*, имже имена *Осифъ Шмойло Скарявей*, *Мосей Ханушъ*. Тoliko же *Алексѣи* и *Денисъ* подщанія положиша о *жидовской вѣрѣ*. яко всегда съ ними пити же и ясти и учитися *жидовству*, и не токмо же сами, но и жены своя и дѣти научиша *жидовству*. Въсхотѣшаже и обрѣзатися въ *жидовскую вѣру*, и не повелѣша имъ *жидове*, глаголюще: аще увидятъ сіа христіане, и въсхотятъ видѣти и будете обличени, но держите тайно *жидовство*, явственню же христіанство. Примѣниша же имя *Алексѣю*, нарекоша его *Авраамъ*, жену же его нарекоша *Сарра*“ („Просвѣтитель“, 3-е изд. стр. 31—32).

Такъ было положено основаніе ереси; къ ней были привлечены, повидному, представители новгородской интеллигенціи; роль проагандистовъ—сыграли іудеи изъ *Литвы*, а не изъ *Крыма*, какъ полагали нѣкоторые. Вслѣдъ за первыми послѣдователями ереси, примкнули къ ней еще не мало людей, которыхъ *Іосифъ Волоколамскій* перечисляетъ отчасти по именамъ съ указаніемъ ихъ общественнаго положенія: „Потомъ же *Алексѣи* научи многихъ отъ поповъ и отъ дiаконовъ (вар. дiаконовъ) и отъ простыхъ людей. *Денисъ* же попь такоже многихъ научи *жидовствовати*, потомъ и протопопа *Гавріила Съфейскаго* *жидовствовати* научи, научиша же и *Гридю Клоча*, *Гридя* же *Клочь* научи

Григорія Тучина жидовству, его же отецъ бѣше въ Новѣгородѣ велику власть имѣа. Потомъ же многихъ научиша, а се суть имена ихъ: попа Григорія, сына его Самсонка, Гридю діака Борисоглѣбскаго, Лавреша, Мишука Собаку, Васюка Сухого, Денисова зятя, да попа Θεодора, да попа Василя Покровскихъ, да попа Якова апостольскаго, да Юрьку Семенова сына Долгаго, да Авдѣя да Степана крилопанъ, да попа Ивана Въскресенскаго, да Овдокима Люлишу, да діакона Макара, да діака Самуху, да попа Наума, и нѣхъ многихъ... (32) Далѣе Іосифъ перечисляетъ еретическія мнѣнія жидовствующихъ между прочимъ и о поклоненіи иконамъ (34) и о достоинствѣ апостольскихъ и отеческихъ писаній, которыя де ложны и заслуживаютъ, чтобы ихъ „огнемъ сожеши“ (32); отрицая даже такіе основные догматы православнаго христіанства, какъ троичность лицъ Божіихъ, еретики, естественно, не читали и постовъ и т. п. проявленій церковности. Мало того, нѣкоторые изъ нихъ, видимо, наименѣе культурные и сдержанные демонстративно совершали поруганіе надъ предметами, особо священными для христіанина. Вотъ примѣры изувѣрства: „привожаю бо блудница во своя храмины и скверняхуся с ними блудомъ и мыяхуся сними в лоханѣ и скверную сію воду взимаху и вливаху сію в вино и мед, и посылаху то вино и мед святителемъ и священникомъ и к бояромъ и къ гостемъ и ко всѣмъ православнымъ христіаномъ. Единъ же отъ нихъ, именемъ Алексѣйко Костевъ, вынялъ ис часовни икону Пречистыя Богородицы, честное и славное Ея Успеніе и покинулъ на землю, и начатъ спущати скверную свою воду на нея. Инъ же нѣкто, Самсонко именемъ (не сынъ ли вышепоименованнаго попа Григорія?) пришелъ къ попу Науму, а у Наума въ избѣ стоитъ икона Пречистыя, и Самсонко молвилъ Науму попу: „возми икону да удари ея о землю“; и попъ взялъ икону, да ударилъ ея о землю; да возьмъ Самсонко икону полою, да поставилъ (шакі), и попъ Наумъ возьмъ ту же икону да ударилъ ополъ въ дрюгон. Да захотѣли ѣсти, и поставили предъ нихъ проскуры да рыбы. И Самсонко, возьмъ проскуры, да вырѣзаль изо всѣхъ проскуръ кресты, да молвилъ такъ: „того не годно ясти людемъ, но токмо псомъ“, да покинулъ на полъ коту, и котъ съѣлъ. И Самсонко опять почель говорити попу: „возми ту же икону, да ударъ ею о полъ, на что щепы сія стоятъ“; и попъ возьмъ икону да ударилъ ею о полъ. Да съ тѣмъ же Наумомъ шель попъ Θεма, да увидѣли Пречистую со Младенцемъ, да святого Іоанна Предтечу, да нныя святыя (на

иконѣ изображены); и попъ Наумъ показалъ той иконѣ кукишку да молвилъ такъ: „той кукишкѣ тѣ всѣ неподобны“. А Юрька рушеникъ святую икону клалъ въ скверную лоханю, а Макарь діаконъ въ великое говѣнье мясо ѣлъ и на образъ Пречистые плевалъ, нныя же отъ святыхъ иконъ подъ постелю полагаху и на нихъ спяху, на нныхъ же ногами стояща мылахуся. И не точію тѣ едино творяху таковая скверненія, ихъже имена явихъ, но *вси таковіи бяху*, иже въ жидовство отступивше“ (521).

Возможно и вполне вѣроятно, что среди послѣдователей новаго ученія были ревностные ненавистники обрядовой стороны религіи, энергично сжигавшіе то, чему только что поклонялись. Всякая идея, принявъ широкое распространеніе—неизбѣжно вульгаризуется, и протестъ отрицателей обряда могъ выразиться въ вышеописанныхъ кощунственныхъ съ точки зрѣнія православныхъ—формахъ. Но съ чѣмъ трудно согласиться—это съ заключительною фразою выписаннаго нами отрывка изъ „Просвѣтителя“. Здѣсь мы встрѣчаемся съ обычнымъ типомъ „суммарнаго сужденія“ произносимаго „вообще“ на основаніи нѣсколькихъ наблюденій, или можетъ быть даже только слуховъ. Въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ намъ тотъ же „Просвѣтитель“ о послѣдователяхъ ереси? Алексѣй и Денисъ, прибывъ въ Москву отнюдь не являются такими распущенными людьми, какъ характеризуемые въ предисловіи къ „Просвѣтителю“ еретики, они—„святѣ и кротци праведници и въздержници“, сѣють же сѣмя ереси „тайно“ (37). Они и „устремившіеся на бѣганіе“ отъ Геннадія ихъ единомышленники, пришедшіе въ Москву—привлекаютъ къ новому ученію не кого нибудь, а самого митрополита, и хотя есть большое сомнѣніе, былъ ли онъ въ дѣйствительности еретикомъ, однако во всякомъ случаѣ—это былъ человѣкъ необычной вѣротерпимости для своего времени. Кто же другіе, несомнѣнные сторонники ереси? Чернецъ Захаръ, дьякъ Ѳеодоръ Курцынъ, крестовые дьяки Истома да Сверчекъ, купецъ Семень Кленовъ—все, повидимому, лица не изъ престопаго народа (36). Изъ того-же источника мы знаемъ, что „жидовствовавшіе“—„звѣдозаконію прилежаху и многимъ баснотвореніемъ и астрологи и чародѣйству и чернокнижію“ (39). Всѣ эти указанія приводятъ къ тому, чтобы видѣть здѣсь откликъ западно-европейскаго культурнаго теченія, которое особенно рельефно выразилось въ эпоху ранняго Возрожденія, на что уже было указано въ статьѣ В. Боцяновскаго (Новое Слово, 1896, № 12). Добавимъ къ

высказаннымъ въ этой статьѣ предположеніямъ еще одно, которое кажется намъ весьма вѣроятнымъ. Одинъ изъ пропагандистовъ новаго ученія, отличающагося свободомысліемъ, носить прозваніе „Скарявей“: не есть ли это „Scarabeus“, т. е. нельзя ли видѣть здѣсь-проявленія той гуманистической моды, по которой ученые любили измѣнять свои фамильныя прозвища на соответственныя или сходныя латинскія? Подобно Фишеру—Пискатору и нашъ „Скарявей—Scarabeus“—могъ быть просто „Жукомъ“, „Жуковичемъ“ или другое что либо въ этомъ родѣ. Это тѣмъ болѣе возможно, что польская и украинская молодежь въ XVI в., а возможно—и въ XV-мъ—довольно обычно ѣздила за образованіемъ въ итальянскіе университеты, эти очаги гуманистическаго движенія.

Этимъ же гуманистическимъ характеромъ новаго религіознаго движенія можемъ мы объяснить и то, что оно осталось глубоко чуждымъ широкимъ кругамъ народа, ютась, какъ и гуманистическое движеніе—около княжескаго двора и вообще въ кругахъ интеллигенціи, не проникая въ народъ.

Послѣ гоненій, собора и казни еретиковъ—о нихъ не встрѣчается упоминаній ни въ Новгородѣ, ни въ Москвѣ. Но зато въ Литвѣ, откуда была занесена къ намъ ересь,—раціоналистическія секты не переводятся въ теченіе всего XVI вѣка. И это—также показатель, далеко для насъ не безразличный.

Но въ какомъ отношеніи къ раціонализму „жидовствовавшихъ“ находилось дѣйствительное іудейство? Боцяновскій настаиваетъ на томъ, что въ ереси настоящаго іудейства не было, а было то же предпочтеніе къ всему ветхозавѣтному, которое такъ отличало чешскихъ таборитовъ; эти послѣдніе также отвергали почитаніе иконъ, молитву святымъ, даже апостоламъ и Богородицѣ, отвергали божественность Іисуса Христа, совершали библейскіе ветхозавѣтные обряды. Эта ветхозавѣтная обрядность и еврейская внѣшность ученія вплоть до обрѣзанія—объясняютъ почему послѣдователи его получили названіе „жидовствующихъ“ (Боцяновскій, 172).

Окончательное рѣшеніе темнаго вопроса о сущности ереси могло бы быть рѣшено показаніями какихъ либо новыхъ и при томъ достовѣрныхъ и значительныхъ свидѣтелей, ранѣе къ дѣлу не привлекавшихся. Показаніями таковыхъ же свидѣтелей могъ бы выясниться и другой вопросъ: было ли „жидовство“ лишь продуктомъ „невѣжества“ и дикости, уклоненіемъ отъ истинной,

единоспасающей православной догмы въ ересь, по суетудрію діаволомъ наученныхъ сосудовъ его, — или же оно есть своего рода плюсъ, положительный показатель начавшагося культурнаго и литературнаго развитія въ верхахъ Новгородскаго и Московскаго общества второй половины XV вѣка. Это идейное оживленіе старинной русской интеллигенціи могло бы быть отчасти выяснено обнаруженіемъ литературныхъ памятниковъ, возникшихъ трудами „еретиковъ“, рисующихъ ихъ вкусы и интересы.

Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ новыхъ трудовъ по интересующему насъ вопросу мы и попытаемся найти отвѣты на неразгаданную загадку „ереси жидовствующихъ“.

II.

Послѣ статьи В. Боцяновскаго въ „Новомъ Словѣ“ 1896 г., подведшаго итоги ученыхъ разысканій ереси жидовствующихъ и предложившаго свое объясненіе происхожденія и сущности ея, — интересъ къ этому загадочному явленію древне-русской общественной и религіозной жизни XV вѣка — не только не прекращался, но возростала, что выразилось въ появленіи ряда научныхъ трудовъ, освѣщающихъ отчасти нѣкоторыя стороны ереси.

Еще въ 1898 г. 24 октября въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, С. О. Долговымъ было сдѣлано сообщеніе о новыхъ передаваемыхъ открытыми имъ актами, данныхъ по исторіи собора 1490 г. противъ жидовствующихъ. Въ виду возникшаго разногласія между участниками преній о характерѣ ереси и сущности ея, проф. М. П. Соколовъ въ засѣданіи 23 января 1899 г. изложилъ свѣдѣнія о „Посланіи Ѳедора жидовина“, свое мнѣніе въ авторѣ посланія и сопряженныхъ вопросахъ. Въ томъ же засѣданіи С. А. Бѣлокуровъ передалъ содержаніе новаго, открытаго имъ памятника полемической противъ жидовствующихъ литературы, „Посланія инока Саввы на жидовъ и на еретики“. Нѣсколько позже, по слѣдамъ П. В. Владимірова, И. Е. Евсѣевъ обратилъ вниманіе на библейскія книги въ переводѣ съ еврейскаго и издалъ книгу Даниіла, приписавъ этотъ переводъ жидовствующимъ. Всѣ эти работы были изданы названнымъ

Московскимъ ученымъ обществомъ въ его „Чтеніяхъ“ и въ особомъ сборникѣ въ 1902 году¹⁾.

Почти одновременно съ оживленіемъ интереса къ нашему вопросу среди Московскихъ ученыхъ, въ Петербургѣ проф. А. И. Соболевскій въ засѣданіи Общества Любителей Древней Письменности 5 марта 1899 г. дѣлаетъ интересное сообщеніе о „Логикѣ жидовствующихъ“ и „Тайная Тайныхъ“, напечатанное въ Памятникахъ Древн. Писъм. № СХХХШ. Нѣсколько позже тотъ же ученый издаетъ въ своемъ трудѣ „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ“ 1903 г. рядъ цѣнныхъ библиографическихъ данныхъ о литературѣ жидовствующихъ.

Работу г. Евсеѣва по анализу перевода библейскихъ Виленскихъ книгъ продолжаетъ пишущій эти строки, авторъ небольшого изслѣдованія о языкѣ перевода книги Руоѣ по названной рукописи, напечатаннаго въ сборникѣ статей въ честь акад. А. И. Соболевскаго.

Наконецъ спорная „Псалтирь жидовствующихъ—Псалтирь Θεодора жидовина“ издана съ обстоятельнымъ введеніемъ проф. М. Н. Сперанскимъ (М. 1907 г. 72 стр. 4 таблицы снимковъ).

И такъ съ 1896 г. мы имѣемъ предъ собою около десяти работъ, основанныхъ на разборѣ и изученіи документальнаго матеріала, относящагося къ ереси жидовствующихъ. Задачей дальнѣйшаго изложенія будетъ, такъ сказать, подведеніе итоговъ этихъ работъ по вопросу, что собственно новаго вносятъ онѣ въ разъясненіе темнаго дѣла о жидовствующихъ.

Сначала мы рассмотримъ тѣ работы, которыя имѣютъ цѣлью на основаніи новыхъ матеріаловъ освѣтитъ исторію и догматическую сторону ереси. Затѣмъ обратимся къ главному интересующему насъ вопросу:—что мы знаемъ теперь о литературной дѣятельности жидовствующихъ и ея продуктахъ, этихъ наиболѣе яркихъ показателей степени культурности „еретиковъ“ и ихъ вкусовъ и интересовъ умственныхъ.

Еще задолго до появленія ереси—и въ Новгородѣ и въ Москву могли проникать евреи, какъ неученые, такъ и ученые—напр. врачи. Иногда эти пришельцы оставались жить въ Москвѣ и даже принимали христіанство. При остромъ интересѣ къ вопросамъ религіоз-

¹⁾ О ереси жидовствующихъ. Новые матеріалы, собранные С. А. Блукоровымъ, С. О. Долговымъ, П. Е. Евсеѣвымъ и М. И. Соколовымъ. М. 1902. 164 стр. Ц. 1 р.

нымъ, царившимъ въ старой Руси, было вполне естественно, если эти евреи бывали вовлечены въ участіе въ переводъ и исправленіе текста библейскихъ книгъ, къ чему ихъ побуждала теперь и ревность къ новому исповѣданію, вполне понятная у прозелитовъ.

Въ такой обстановкѣ, видимо, и появилось изданное проф. Соколовымъ съ комментариемъ посланіе Θεодора жидовина по рук. XVI в. собр. Ундольскаго № 1254, л. 59. Содержаніе Посланія вкратцѣ таково: Θεодоръ, „прежде бывъ жидовинъ, познавый свѣтъ истинный и непорочную вѣру христіанскую“ пишетъ „своему роду и своимъ пріятелемъ и, Израилю, твоимъ пріятелемъ и всему роду юдѣйску“, если бы кто захотѣлъ его слушать,—и сообщаетъ, что получилъ ихъ письмо о взысканіи истиннаго пути. Очевидно—это отвѣтъ на укоризны со стороны бывшихъ единовѣрцевъ, прослышавшихъ объ оставленіи Θεодоромъ праотеческой религіи. Θεодоръ цитатами отъ Писанія старается доказать іудеямъ истинность христіанской вѣры и предлагаетъ, еслибы они захотѣли узнать истинный свѣтъ—побесѣдовать съ нимъ устно. Выражая радость по поводу обращенія къ нему соплеменниковъ съ вопросами объ истинѣ христіанской вѣры онъ говоритъ въ защиту послѣдней и приводитъ пророчества. О себѣ Θεодоръ говоритъ, что какъ имъ извѣстно, онъ сорокъ лѣтъ пребывалъ въ тмѣ, и только теперь, крестившись узналъ истину: „вы же мои пріятели вѣсте яко ѿ лѣтъ ходихъ яко и животина во тмѣ, нынѣже пакы узрѣхъ сердечными очима истиннаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа, непорочную вѣру христіанскую и породихся вторымъ пороженіемъ въ Отца и Сына и Святаго Духа“. Въ слѣдующихъ строкахъ чувствуется отвѣтъ на увѣщанія не покидать своихъ родныхъ и единовѣрцевъ: „Аще азъ жаловалъ свой родъ и свое имѣніе, то ровень быхъ былъ тучной свинье, иже въ грязи почиваетъ“... Изъ дальнѣйшаго узнаемъ, что „подтвердилъ“ въ христіанской вѣрѣ Θεодора в. кн. Василій Васильевичъ „русскій царь“, а благословилъ—Іона митрополитъ Кіевскій и всея Руси, и повидимому, и обратившій его въ христіанство. Кончается посланіе пожеланіемъ Θεодора увидѣть своихъ друзей въ христіанствѣ.

Согласно упоминанію именъ в. князя и митрополита, посланіе написано между 1448 и 1461 годами. О личности Θεодора со временъ Строева имѣются свѣдѣнія какъ о переводчикѣ Псалтири съ еврейскаго языка на славянорусскій въ 1464—73 годахъ, что намъ кажется вполне возможнымъ. „Тому же новокрещенному еврею Тео-

дору приписываютъ исправленіе Пятюкнижія Моисеева по еврейскому тексту и переводу съ еврейскаго первыхъ девяти главъ книги Есѣиры внесенной уже въ Геннадіевскую Библію, но при этомъ всегда ссылаются лишь на Строева, который объявилъ, что Θεодоръ перевелъ вышеупомянутую Псалтирь“ (Соколовъ, 18). Онъ изъ языка сейчасъ изложеннаго Посланія—трудно заключать что бы переводчикъ Есѣиры и Пятюкнижія былъ однимъ лицомъ съ Θεодоремъ: въ посланіи нѣтъ рѣзкихъ чертъ западнорусской рѣчи XV вѣка. Издатель указываетъ лишь на нз горы вм. съ горы, ѿ сѣиѣи трѣи вм. ѿ сѣиѣи и разкне вм. разкне. Эти особенности скорѣе могутъ указывать на Кіевъ, нежели на Бѣлоруссію.

Изъ текста Посланія видно, что авторъ его начитанъ не только въ библейскихъ книгахъ, но и знакомъ съ апокрифической литературою; онъ цитируетъ Никодимово Евангеліе, упоминая о сыновьяхъ праведнаго Симеона „Каріонѣ и Личешѣ“ (Личешъ—соотвѣтствуетъ обычному Лицеошъ, Лицѣашъ). Есть въ посланіи слѣды знакомства Θεодора съ Толковою Палеею (Соколовъ, 104). Въ заключеніе своего розысканія о „Посланіи“ издатель высказываетъ мысль, что „отношеніе между еврействомъ и христіанствомъ въ Россіи не было дѣломъ отвлеченно богословско-полемическаго интереса; это было дѣло жизни: были люди, обращавшійся изъ еврейства въ христіанство и защищавшіе потомъ послѣднее при помощи тѣхъ средствъ, какія представляла тогдашняя славянорусская письменность, равно какъ несомнѣнно, что и православные русскіе искренно задумывались надъ вопросами вѣры и иногда смущались на счетъ истинности христіанства. Доказательство—ересь жидовствующихъ. причемъ нельзя упускать изъ виду и постоянное общеніе и столкновение съ мусульманствомъ въ татарское и болѣе позднее время. Нужно вспомнить, что Толковая Палея полемизируетъ не только съ еврействомъ, но и съ мусульманствомъ“ (Соколовъ, 106).

Какіе бы выводы мы не дѣлали изъ Посланія Θεодора—одно ясно, что въ XV в. обострилась противуіудейская полемическая литература, параллельно съ привлеченіемъ для переводческой дѣятельности евреевъ, знавшихъ литературный славянорусскій языкъ.

Посланіе Θεодора относится ко времени до 1461 г. Опубликованное С. А. Бѣлокуровымъ „Посланіе инока Саввы на жидовъ и на еретики“ переноситъ насъ къ восьмидесятымъ годамъ XV вѣка. Посланіе издано по рукописи к. XVI в., находящейся въ бібліотекѣ

частнаго лица. Авторъ посланія—„инокъ Савва Сѣннога Острова“, повидимому, принадлежалъ къ братіи нынѣ не существующаго Троицкаго-Сѣнновскаго мон., находившагося на Ладожскомъ озерѣ, въ предѣлахъ Вотской пятины, нынѣ—Кексгольмскаго уѣзда. По предположенію издателя, вѣроятно, хотя и не безспорно, что инокъ Савва—одно лицо съ Спиридономъ-Саввою, авторомъ посланія о вѣнцѣ Мономаха и др. произведеній, поставленнымъ въ 1474—1475 г. митрополитомъ Кіевскимъ, а въ 1482 г. прибывшимъ въ Москву и оттуда—въ Бѣлозерскій Терапонтовъ монастырь. Адресовано издаваемое Бѣлокуровымъ „Посланіе“ Саввы „господину Дмитрію Васильевичу“, котораго авторъ проситъ: „и ты господинъ Дмитрей, коли былъ еси посломъ и говорилъ еси с тѣмъ жидовиномъ с Захарією с Скарою; и я, господине Дмитрей, молюся тебѣ: что еси отъ него слышилъ словеса добры или худы, то пожалуй, господине, отложи их от сердца своего и от устъ твоих. якоже нѣкоторое скарѣдіе: нѣсть с ними Бога“... (стр. 1). Издатель присоединяется къ мнѣнію Е. Е. Голубинскаго, что господинъ Дмитрей—бояринъ Дмитрій Вас. Шеннъ, а Захарія Скара никто иной, какъ еврей изъ Кафы Захарія—Схара. Дата Посланія—6996 г., что по вычетѣ 5500 даетъ 1496 г.; эта дата соотвѣтствуетъ тексту Посланія, въ которомъ говорится уже объ „обличеніи Новгородскихъ поповъ“, т. е. о соборѣ 1490 г. Эта дата вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ, почему въ Посланіи не говорится ничего о казняхъ, постигшихъ жидовствующихъ послѣ ихъ окончательнаго осужденія, совершившагося позже, на соборѣ 1504 г.

Содержаніе посланія ясно изъ его заглавія. При анализѣ текста его выясняется, что это—не самостоятельное произведеніе, а довольно механически составленная компиляція, скудная историческими данными и заключающая только нѣсколько указаній на ученіе жидовствующихъ (стр. 13—14, 22, 34). Характеръ этого памятника опредѣляется изъ его состава. Послѣ похвалы боярину Шенну слѣдуетъ увѣщаніе ему же не соблазняться іудействомъ ибо „жиды сокрушены, потреблены, разметаны“. Въ подтвержденіе своего мнѣнія авторъ приводитъ выписки изъ посланій апостольскихъ, изъ Толковой Палеи, и послѣ краткой похвалы православной русской землѣ и князю Ивану Васильевичу—выписываетъ снова опроверженія іудейской „слѣпоты“ изъ Евангелія отъ Матвея и отъ Луки. Далѣе снова слѣдуютъ извлеченія изъ Палея съ разсказа объ Авраамѣ, при чемъ

текстъ Пален пересыпается вставками такого рода: „о Рожествѣ Христовѣ мнози соблазнилися жидове, а и нынѣ подобни жидовамъ соблажняются“; „иже кто пристаеъ къ жидовамъ отъ христіанъ, то и мучену ему с ними быти, но и паче тѣхъ ему мучитися“; „кто не покланяется Богу нашему Спасу Господу Иисусу Христу, написанному образу Его на иконѣ, и не причащается Тѣла и Крови Христова,—той воистинну рабъ есть и проклятъ“ и т. д.—вставки въ которыхъ чувствуется отношеніе автора Посланія къ интересамъ современности.

Среди заимствованій изъ Пален авторъ Посланія приводитъ слово о Мелхиседекѣ, отсутствующее въ Палеѣ и отличное отъ другихъ извѣстныхъ сказаній о немъ; а за словомъ о Мелхиседекѣ помещаетъ полностью „Завѣты 12 патріарховъ“ (IX стр.). Въ заключеніе—приписано „Слово о законѣ и благодати“ м. Иларіона, приводимое полностью, согласно списку краткой редакціи; части этого слова составитель „Посланія“ размѣщаетъ по своему, не слѣдуя порядку м. Иларіона, однако не дѣлая здѣсь отъ себя никакихъ вставокъ.

По манерѣ изложенія, загроможденнаго цитатами, по заимствованіямъ цѣлыми „пареміями и посланіями“—иннокъ Савва довольно типичный авторъ Московской эпохи, и его твореніе—напоминаетъ отчасти „Просвѣтитель“, значительно, впрочемъ, уступая этому памятнику и въ учености и въ литературномъ умѣньѣ, да и въ самомъ отношеніи къ обличаемой ереси. Значеніе Посланія справедливо оцѣнилъ его издатель: оно „не имѣя первостепенной важности для исторіи ереси жидовствующихъ“ всетаки содержитъ нѣкоторыя свѣдѣнія довольно любопытныя“ (стр. X).

Нѣсколько болѣе фактическаго матеріала сообщаютъ изданные С. О. Долговымъ документы о Московскомъ соборѣ 1490 г. ни жидовствующихъ. Эти документы найдены въ сборникѣ конца XV в., поступившемъ въ Моск. Публ. и Рум. Музей въ 1898 г. Первый соборъ на жидовствующихъ состоялся въ январѣ—февралѣ 1488 г. Никакихъ документовъ о немъ, кромѣ грамотъ великаго князя и митрополита Геронтія къ архіепископу Геннадію,—не сохранилось. Извѣстно только, что въ Москвѣ къ заподозрѣннымъ и обвиненнымъ Геннадіемъ отнеслись довольно снисходительно, „вѣроятно благодаря заступничеству сильныхъ при дворѣ протопопа Алексѣя и дьяка Курицына, которыхъ самихъ Геннадій тогда же открыто на-

зываютъ еретиками“ (стр. 116). Въ Москвѣ еретиковъ не преслѣдовали и они, съ бѣжавшими изъ Новгорода, проживали тамъ не только невозбранно, но и служили, къ великому соблазну православныхъ, не безъ кощунства: „Денисъ попь—тотъ въ Архангелѣ служилъ, а на литургіи, дѣи, за престоломъ плясалъ, да и кресту ся наругалъ“, какъ сообщаетъ Геннадій Зосимъ. По смерти Геронтія (28 мая 1484 г.) Геннадій поднимаетъ вновь дѣло о еретикахъ и побуждаетъ владыкъ разслѣдовать его обвиненія и привлечь къ отвѣту жидовствующихъ. Ранѣе былъ извѣстенъ лишь небольшой отрывокъ „Поученія митрополита Зосимы и всего священнаго собора всему православному христіанству, на ересники обличеніе“, въ которомъ излагается ходъ соборнаго разбирательства. Поученіе это распадается на три части, изъ которыхъ первая и третья поучительнаго и наказательнаго характера, а вторая—чисто историческая, излагающая послѣдовательно возникновеніе и ходъ собора 1490 года. Наибольшій интересъ представляетъ именно эта часть документа; „здѣсь“, по справедливому выраженію издателя, „послѣдовательно излагается ходъ собора, начиная съ момента его возникновенія до объявленія соборнаго приговора еретикамъ. Внѣшнюю сторону этого историческаго явленія (т. е. ереси?) русской духовной жизни нашъ памятникъ обрисовываетъ замѣчательно наглядно и опредѣленно. Такую подробную картину соборнаго разбирательства едва ли мы найдемъ въ сказаніяхъ о другихъ подобныхъ соборахъ. А это весьма важно для сужденія о взаимныхъ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти на соборахъ и нашихъ, и византійскихъ, служившихъ образцами для нашихъ. Достоинство нашего сказанія еще въ томъ, что показанія его правильны и подтверждаются свидѣтельствомъ другихъ историческихъ памятниковъ“ (Долговъ, стр. 122). Къ сожалѣнію, обрисовывая *внѣшнюю* исторію собора 1490 года, новооткрытый памятникъ, какъ и сознается самъ его издатель—, не представляетъ новыхъ данныхъ для сужденія о сущности самой ереси: въ немъ не приведено ни обвиненій, предъявленныхъ еретикамъ, ни показаній свидѣтелей, ни преній, происходившихъ на соборѣ“ (стр. 123).

Этотъ пробѣлъ лишь отчасти восполняется другимъ документомъ, сохранившимся въ этой же рукописи—соборнымъ приговоромъ, объявленнымъ митрополитомъ Зосимомъ еретикамъ. По этому приговору обвиняемые: Захарія Чернецъ, Гаврила протопопъ новгородскій, Максимъ попь, Денисъ попь, Василій попь, Макарь дьяконъ, Грдыя

дьякъ, Васюкъ дьякъ, Самуха дьякъ и всѣ съ ними единомышленно мудрствующіе, клеветавшіе для спасенія своего на архіепископа Геннадія были извергнуты изъ сана и вкупѣ отъ святой церкви отлучены. Изъ приговора видно, что названныя лица не признавали Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ, отвергали совсѣмъ его Божество и какъ на него такъ и „на Пречистую его Богоматерь многія хулы изрekli“, отрицали прочтене святыхъ—великихъ святителей и чудо творцев и преподобных хулили.“ Все это проповѣдывали, какъ извѣстно, не только противохристіанскія вѣроученія, но и нѣкоторыя древнехристіанскія секты, такъ что, хотя это послѣднее есть существенный догматъ жидовствующихъ, нельзя было бы всетаки по одному этому признаку назвать нашихъ новгородскихъ еретиковъ такимъ прозвищемъ. Далѣе, нѣкоторые изъ осужденныхъ отрицали почитаніе св. иконъ и св. Креста, производили надругательства надъ ними (повторяются тѣ же обвиненія, что и въ „Просвѣтителѣ“), не соблюдали постовъ. Подобныя отрицанія и надругательства, какъ мы знаемъ, бывали и въ христіанскихъ сектахъ, равно какъ и несоблюденіе дней постныхъ; это также несущественно для прозванія нашихъ еретиковъ жидовствующими. Въ послѣднемъ отношеніи особую важность имѣетъ указаніе приговора, что рѣшительно *всѣ* новгородскіе еретики почитали ветхозавѣтную субботу паче воскресенія Христова“, и что они не вѣруютъ ни Воскресенію, ни Вознесенію Христову. Эти особенности вѣроученія нашихъ еретиковъ—по мнѣнію г. Долгова—прямо указываютъ ихъ отступничество отъ вѣры христіанской къ «обычаю жидовскому»; и отцы собора правы были назвавъ въ своемъ приговорѣ дѣла ихъ «жидовскими», а самихъ еретиковъ «сущими прелестниками и отступниками вѣры христіанской» (стр. 125). Таковы выводы къ которымъ пришелъ издатель документовъ о Московскомъ Соборѣ 1490 года.

III.

Изложенными выше работами собственно и кончаются „новыя данныя“ о ереси жидовствующихъ. Остальныя работы касаются не столько самой ереси, сколько памятниковъ литературнаго, научнаго и религіознаго содержанія, вышедшихъ предположительно изъ рукъ еретиковъ.

Еще давно было извѣстно, что у жидовствующихъ были такія книги, которыхъ у православныхъ новгородцевъ не было. Отъ обличителей ереси мы знаемъ, что жидовствующіе имѣли Псалтирь въ особой редакціи, житіе Сильвестра папы римскаго, съ полемическою окраскою противъ еврейства, слово Афанасія Александрійскаго на аріанъ, Козьмы пресвитера на богомиловъ, сочиненія Діонисія Ареопагита—сочиненія представлявшія, интересъ для жидовствующихъ, кое въ чемъ соприкасавшихся съ богомилами и аріанами. Кромѣ того отъ Геннадія и другихъ мы знаемъ, что у жидовствующихъ были сочиненія, такъ сказать, спеціальнаго характера, не имѣвшіяся не только у новгородскихъ православныхъ, но вообще бывшія новинкою въ славянорусской литературѣ; таковы Шестокрыль, Логика, астрологическія и гадательныя сочиненія, за которыя Іосифъ Волоцкій аттестовалъ еретиковъ, какъ любителей „звѣдозаконія, чародѣянія и чернокнижія“.

Первая попытка выяснить составъ и характеръ литературы жидовствующихъ была сдѣлана академикомъ А. И. Соболевскимъ въ его докладѣ прочтенномъ въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 5 марта 1899 г. (Памятники Древней Письменности № СХХХІІІ. стр. 5—13). Исходя изъ того соображенія, что жидовствующіе, какъ продолжатели религіознаго движенія, пришедшаго изъ югозападной Руси, изъ Кіева, должны были неизбѣжно отразить въ своихъ памятникахъ стихіи языка западнорусскаго съ одной стороны и еврейскаго съ другой,—акад. Соболевскій изслѣдовалъ съ точки зрѣнія исторіи языка загадочную рукопись Московской Синодальной бібліотеки половины XVI в. № 943, заключающую по выраженію описателя ея „Метафизику на южно-русскомъ нарѣчїи“. Характеръ языка—смѣсь славяно-русскаго и западно-русскаго, съ своеобразной сочиненной терминологіей въ родѣ *душевенство*, *мушенство*, *всечество*, *идьчество*, *едачество*, *держитель* (субъектъ), *одержанный* (объектъ), *осудъ* (сужденіе) и т. п. Наряду съ другими терминми, видимо сочиненными при переводѣ трактата, обратили на себя вниманіе изслѣдователя неперевоенныя еврейскія слова: *носе*, *носу*, *июль* и т. п. Содержаніе трактата распадается на двѣ части: въ первой—логика, во второй—метафизика. Авторъ цитируетъ Аристотеля, замѣчая, что онъ научился мудрости у еврейскихъ мудрецовъ. Авторъ еврей названъ по имени въ заглавіи рукописи: „Рѣчи Моисея Египтянина“, т. е. Моисея бенъ Маймона, жившаго въ XII в. и

умершаго въ 1205 г. Его „Логика“ была издана на латинскомъ языкѣ въ 1550 г., а въ Вѣнскомъ изданіи 1822 г. еврейскій текстъ кромѣ комментарія снабженъ нѣмецкимъ переводомъ. Акад. Соболевскій провѣрилъ указаніе заглавія и сличилъ начальныя строки нѣсколькихъ главъ русскаго текста XVI в. съ соотвѣтствующими строками нѣмецкаго перевода—совпаденіе оказалось полнымъ. И такъ Московская рукопись оказалась переводомъ сочиненія Моисея Маймонида. Текстъ перевода, вѣроятно, близокъ къ оригиналу. Переводъ сдѣланъ непосредственно съ еврейскаго языка, на что указываетъ сохраненіе еврейскихъ словъ въ ихъ формахъ, названіе главъ „вратами“ и неправильности въ согласованіи. По мнѣнію акад. Соболевскаго, „Синодальный текстъ имѣетъ всѣ права на названіе „Логикѣ“ жидовствующихъ, только его могъ имѣть въ виду архіепископъ Геннадій. Въ началѣ 1489 г., когда написано имъ посланіе къ архіепископу Іоасафу съ упоминаніемъ о „Логикѣ“, онъ зналъ лишь объ ея существованіи; позднѣе онъ, вѣроятно, досталъ ее, какъ досталъ Шестокрылъ“ (10 стр.).

Разъ былъ установленъ принципъ, слѣдуя которому можно найти и другія сочиненія той же категоріи,—розысканіе послѣднихъ стало сравнительно легко. Во второй части цитированнаго доклада ак. Соболевскій останавливается на „Аристотелевыхъ вратахъ“, иначе „Тайная Тайныхъ“, извѣстныхъ въ старшемъ Виленскомъ спискѣ XVI в. № 222. „Вопросъ о языкѣ оригинала этого сочиненія не былъ еще поднятъ въ нашей литературѣ. Извѣстное средневѣковой Европѣ «Secretum Secretorum», сколько мы можемъ судить по имѣющимся у насъ выпискамъ, не есть оригиналъ нашего текста“.... (стр. 11). Между тѣмъ въ пестромъ словарномъ матеріалѣ „Тайная Тайныхъ“ наблюдаются рядомъ съ поздними грецизмами и латинизмами—непонятныя слова: *бтудинъ, кфиръ, сарафъ, шюма*: нѣкоторыя изъ этихъ словъ по справкѣ оказываются еврейскими. Собственныя имена арабскихъ ученыхъ звучатъ по еврейски (Авенроштъ, а не Аверроесъ), тутъ-же слово *шюль*, замѣченное въ Логикѣ; медицинскія наставленія излагаются не отъ лица Аристотеля, а отъ лица „Моисея Египтянина“, т. е. Моисея Моймонида.

Оба текста—и „Логика“ и „Тайная Тайныхъ“—по авторитетному отзыву изслѣдователя—довольно сходны по языку. Онъ—западнорусскій съ полонизмами (очень много) и церковнославянизмами. Великоруссизмовъ—нѣтъ, только вѣсъ считается на гривенки

и золотники, по-московски. Это обстоятельство приводит акад. Соболевскаго къ заключенію, что переводъ обѣихъ статей сдѣланъ скорѣе всего „въ Московской Руси людьми, недавно прибывшими изъ Западной Руси и еще не успѣвшими ознакомиться съ московскою бытовою терминологіею“ — за исключеніемъ единицъ вѣса. „Архаизмы—рѣдкость, и нѣтъ основанія относить этотъ переводъ ко времени ранѣе XV в.“ (стр. 12). Попутно нашъ ученый отмѣчаетъ, что языкъ „Псалтири“ переведенной между 1464—1473 г.г. крещенымъ евреемъ Теодоромъ—совершенно отличенъ отъ языка обоихъ разобранныхъ текстовъ.

Вскорѣ послѣ этого доклада, въ которомъ были намѣчены пути къ раскрытію состава литературы жидовствующихъ, акад. Соболевскій въ книгѣ „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вѣковъ“ (1903 г.), въ шестомъ отдѣлѣ ея, попытался расширить кругъ памятниковъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ жидовствующимъ, а съ другой стороны исключить изъ числа приписываемыхъ жидовствующимъ нѣкоторые переводы, сдѣланные ранѣе появленія ереси, частью—съ греческаго, а не еврейскаго языка (стр. 396—436).

Въ началѣ этой статьи авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о происхожденіи ереси и ея пропагандистахъ. Повидимому: „жидовникъ Скара“ былъ литовскимъ евреемъ; на Литвѣ фамильные прозвища въ родѣ Скоря, Скорина—были обычны. Кіевъ не былъ случайнымъ мѣстомъ откуда проникла ересь въ Новгородъ: въ Кіевѣ въ XV в. была еврейская колонія, среди которой бывали случаи обращенія въ христіанство, и Кіевъ „представлялъ особенно благоприятныя условія для того, чтобы быть центромъ тяготѣвшей къ еврейскому ученію христіанской секты“ (398). Отмѣтивъ тяготѣніе жидовствующихъ къ наукѣ и литературѣ, засвидѣтельствованное показаніемъ ихъ противника, архіепископа Геннадія, акад. Соболевскій предварительно обзора памятниковъ литературы жидовствующихъ оговаривается относительно *трехъ* текстовъ: упомянутой „Псалтири“ Теодора, до 1473 г.; книги Эсфирь, извѣстной въ спискахъ XIV в. и уже потому не включаемой въ литературу конца XV вѣка, и книгъ Ветхаго Завѣта въ переводѣ съ еврейскаго, дошедшихъ въ списокъ XVI в. Виленской Публичной Библіотеки № 262. Книгѣ Эсфирь авторъ посвящаетъ ниже (стр. 433—436) небольшой экскурсъ, въ которомъ, анализируя языкъ перевода, приходитъ къ выводу, что это—переводъ съ

греческаго, сдѣланный въ Россіи въ XI—XIII вв. О Виленскихъ книгахъ Ветхаго Заѣта рѣчь будетъ впереди, при разборѣ данныхъ этой рукописи, анализированной относительно перевода—И. Е. Евсѣевымъ, относительно языка—пишущимъ эти строки.

Равнымъ образомъ акад. Соболевскій не находитъ возможнымъ причислять къ литературѣ жидовствующихъ повѣсть о Зоровавелѣ, извѣстную въ полномъ спискѣ XVI и въ отрывкѣ XVII в., хотя здѣсь есть признаки, роднящіе эту повѣсть съ памятниками выше разобранными: языкъ церковно-славянскій съ западноруссизмами, вмѣсто Кирь—Корѣшь; не связываетъ съ литературною дѣятельностью жидовствующихъ нашъ авторъ и списокъ молитвы Іудиной съ русскимъ переводомъ въ рукописи XVI вѣка.

Обращаемся къ тѣмъ трудамъ по философіи, которые акад. Соболевскій считаетъ возможнымъ приписать жидовствующимъ помимо упомянутой „Логики“ Синодальной библіотеки. Здѣсь прежде всего переводъ изъ Авіасафа (Аві-іеша, иначе Ал-Фарабій, арабскій философъ X в.), автора большого сочиненія по логикѣ, сохранившагося въ рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря (по описанію проф. Петрова № 443), написанной до 1484 г. гдѣ-то въ Западной Руси. О послѣднемъ, кромѣ записи Васьки, писаря пана Радивиловича, говорить языкъ рукописи, обильный примѣрами, позволяющими думать, что запись справедливо указываетъ на мѣсто возникновенія сборника. Сочиненіе по логикѣ находится на послѣднихъ листахъ, при переплетѣ спутанныхъ. Терминологія отличается тѣми же чертами, что „Логики“ Синодальной рукописи: *мушество*, *всячество*, *чтоство*, *одержатель*, *одержанный* и т. д. Дважды встрѣчается слово *тимсахъ* безъ перевода (крокодилъ).

Въ томъ же сборникѣ Кіево-Михайловскаго монастыря акад. Соболевскій нашелъ на лл. 211—214 отрывокъ сочиненія по логикѣ, съ терминологіей близкой къ двумъ другимъ переводамъ этого рода: *держитель*, доводъ *чемный* (отъ *чемъ*—почему?), доводъ *ашный* (условный, отъ *аше*) (стр. 408).

Слѣдующее сочиненіе, которое нашъ авторъ причисляетъ къ литературѣ жидовствующихъ—это Космографія, найденная проф. Петровымъ въ западно-русскомъ сборникѣ XVI в. въ Музеѣ Холмскаго православнаго братства. Здѣсь—языкъ богатъ полонизмами на фонѣ западно-русской рѣчи, съ обильными случаями аканья (задейный, задеямъ, премудрай, Пталомей и т. д.), съ терминами: *снуръ*,

тычка, iklimъ, клима (климатъ, страна, араб. *ikalim*) и т. п. (стр. 409—413).

Еще въ 1899 г., въ 1-мъ выпускѣ „Матеріаловъ къ исторіи апокрифа и легенды“ (стр. 81 и сл.), я указалъ на необходимость при изученіи древне-русской гадательной литературы имѣть въ виду такую же еврейскую. Подобно Громнику, мною изданному въ названной книгѣ, небезполезно было бы прослѣдить также отношеніе и другихъ древне-еврейскихъ гадательныхъ книгъ къ средневѣковымъ европейскимъ—въ частности къ славяно-русскимъ, изъ которыхъ, напр., Трешетникъ, Колядникъ, Сносудецъ, Шестокрыль—имѣютъ параллели въ древне-еврейской литературѣ, а можетъ быть могутъ претендовать и на болѣе близкое, преемственное отношеніе къ ней, подобно многимъ другимъ памятникамъ апокрифической христіанской литературы. Ниже (стр. 82) мною были указаны параллели въ еврейскихъ рукописяхъ XIV—XVI в. къ Трешетнику (*Sefer Refofot*), Соннику, Коляднику, Громнику и Шестокрылу (*Šeš knafaim*) составленному Иммануиломъ бенъ-Яковомъ въ 1365 г. Нельзя утверждать, что всѣ эти книги занесены въ славянскую литературу благодаря жидовствующимъ, но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не отмѣтить, что онѣ попадаютъ въ индексъ въ XV вѣкѣ и, видимо, не безъ вліянія ересей, волновавшихъ Новгородъ и Москву, а также культурнаго теченія, шедшаго съ Запада.

Изъ перечисленныхъ только что сочиненій только Шестокрыль причисляется акад. Соболевскимъ къ памятникамъ литературы жидовствующихъ. За таковой его считаетъ и архіепископъ Геннадій и старецъ Филофей и авторъ Домостроя. Въ упомянутомъ выше Холмскомъ сборникѣ XVI в. на лл. 85—89 мы находимъ статью астрономическаго содержанія, раздѣленную на шесть „крылъ“, и на лл. 106—111 таблицы, относящіяся къ этой статьѣ. Языкъ этой статьи западно-русскій съ немногими церковно-славянизмами, названія знаковъ зодіака русскія и еврейскія: овень—тале, телець—шорь, яремь—мознаимъ и т. д. или только еврейскія: бетула, кешеть, дагимъ и т. д.; наличность этихъ словъ указываетъ на переводъ Шестокрыла съ еврейскаго. Содержаніе Шестокрыла—рядъ указаній, какъ помощью таблицъ дѣлать вычисленія новолунія, затменія луны и солнца и т. д. Изложеніе—въ достаточной мѣрѣ неудобопонятное.

Въ связи съ Шестокрыломъ акад. Соболевскій говоритъ о небольшой статейкѣ, извѣстной по рук. И. П. Библ. нач. XVI в. и

по Виленской рукописи также XVI в. съ указаніемъ на 1466 г.; въ ней есть упоминаніе о „еврейскомъ ученіи“, въ значеніи „начало“ употребляется слово „починокъ“ (въ Шестокрылѣ—початокъ), поновеніе. Акад. Соболевскій пишетъ по поводу этой статьи: „необходимо предполагать, что эта статейка или не имѣетъ отношенія къ Шестокрылу, или заимствована изъ недошедшей до насъ части Шестокрыла“ (стр. 419). Для насъ представляется также весьма сомнительнымъ связь этой статейки¹⁾ съ другими памятниками, относимыми къ литературѣ жидовствующихъ.

Далѣе у акад. Соболевскаго идетъ рѣчь о „Тайная Тайныхъ“, о чемъ была уже рѣчь выше, и о гадательной книгѣ, изслѣдованной проф. Сперанскимъ—о „Лопаточникѣ“, т. е. о сочиненіи для гаданія по лопаткѣ животнаго. Заглавіе „Лопаточника“ говоритъ о Петрѣ Египтянинѣ,—лицѣ совершенно неизвѣстномъ (не есть ли это—замѣна того же Моисея?). Языкъ „Лопаточника“—западно-русскій, отличающійся неудобопонятностью и обиліемъ своеобразныхъ выраженій (423) въ чемъ можно убѣдиться изъ изданія Сперанскаго. Нѣкоторое сходство языка „Лопаточника“ съ языкомъ „Логика“, наличность тѣхъ же самыхъ словъ (намѣнннн, занъ же, иже=что, если) при различномъ содержаніи даютъ акад. Соболевскому основаніе подозрѣвать въ „Лопаточникѣ“ одно изъ произведеній литературы жидовствующихъ.

Тѣ западно-русскіе сборники XVI в., изъ которыхъ извлеченъ весь выше разобранннй матеріалъ для характеристики литературы жидовствующихъ, заключаютъ въ себѣ еще нѣсколько астрологическихъ статей астрологическаго содержанія, переведенныхъ не съ еврейскаго; изъ этихъ статей нѣкоторыя, по мнѣнію акад. Соболевскаго, какъ будто имѣютъ отношеніе къ жидовствующимъ (вспомнимъ обвиненія ихъ въ склонности къ астрологіи). Эти статьи—слѣдующія: 1) „Предословіе о поесехъ небесныхъ что ся глаголютъ по еврейскому языку небеса, и о седми звѣздахъ великихъ, иже ся наричють планеты“ (Виленск. Сборникъ); 2) „О седми звѣздахъ великихъ яже ся наричються планеты, о силе ихъ и о ходу и о домахъ ихъ“ (Вил. Сб.); 4) „Сказаніе о седми планетахъ, сиречь великихъ мощныхъ звѣздахъ“ (Вил. Сб.); „Осени (?) 12 звѣзды, што

¹⁾ Изданной впервые нами, въ точной передачѣ, съ опечаткою въ числѣ ѿѿ вм. ѿѿ—въ Матеръ къ истор. апокр. и легенды, вып. II, стр. 44, примѣчаніе.

владѣють 12 частями (?) человѣческимъ...“ (Вил. Сб.); 5) „А коли хочешь вѣдать каждого человѣка звѣзду его...“ (Вил. Сб.); 6) „Сказаніе о седми звездахъ великихъ и которыи ся зоден которымъ звездамъ служатъ“ (Вил. Сб.—языкъ скорѣе польскій, Холм. Сборн.—языкъ западно-русскай съ сравнительно меньшимъ числомъ полонизмовъ), оригиналъ этой статьи несомнѣнно былъ на польскомъ языкѣ и притомъ—въ стихахъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ приведенныхъ акад. Соболевскимъ примѣровъ; 7) Статья безъ особаго заглавія о странахъ, находящихся подъ знаками зодіака (Холм. Сб.), на западно-русскомъ языкѣ со множествомъ полонизмовъ.

Весьма вѣроятно, что наряду съ указанными астрологическими статьями должна была существовать и пользоваться значительнымъ распространеніемъ статья о звѣздѣ *цмръ* (чигръ, евр. *zohar*): отзвуки этой статьи находятся довольно часто въ русскихъ астрономическихъ и астрологическихъ компиляціяхъ (см. наши „Матеріалы къ ист. апокр.“, II).

Акад. Соболевскій выдѣляетъ изъ литературы жидовствующихъ статью со свѣдѣніями о связи знаковъ зодіака съ ангелами, гдѣ ангелы носятъ имена въ еврейской формѣ (Кавццель, Анноелъ, Цаденилъ и др.), вѣроятно потому, что эта статья извѣстна въ спискахъ XVII в. и въ языкѣ заключаетъ лишь слабые намеки на происхожденіе изъ юго-западной Руси: чвартки, трысца (см. наши „Матер. по истор. апокр. и легенды, II, 24 и сл.).

Исчисленными статьями, по мнѣнію акад. Соболевскаго, исчерпывается извѣстная намъ литература жидовствующихъ, такъ какъ названный ученый не включаетъ въ составъ ея ни Псалтири крещенаго еврея Θεодора, ни библейскихъ книгъ Виленской рукописи № 262.

Остановимся сначала на „Псалтири“, изданной недавно проф. Сперанскимъ по матеріаламъ, приготовленнымъ покойнымъ проф. М. И. Соколовымъ (Псалтирь жидовствующихъ въ перев. Θεодора еврея, къ изд. приготовилъ М. Н. Сперанскій. М. 1907, 72 стр. съ 8-ю снимками съ рукописей).

Въ предисловіи издатель излагаетъ исторію вопроса объ этой Псалтири и ея переводчикѣ, начиная съ П. М. Строева (1834 г.), открывшаго рукопись Кириллова мон., по которой сдѣлано настоящее изданіе; далѣе рассказываетъ исторію изученія Псалтири и роль Тихонравова, открывшаго ея оригиналъ—Махазоръ, древнееврейскій богослужебный сборникъ псалмовъ. Тихонравовъ тѣсно связывалъ

появленіе этой Псалтири съ ересью жидовствующихъ и дѣятельностью Θεодора-жидовина, которому приписывалъ также участіе въ переводѣ первой половины книги Эсѣрь, судя по сходству чертъ юго-западнаго говора, указанныхъ Горскимъ и Невоструевымъ въ книгѣ Эсѣрь съ находящимися въ „Псалтири“ Θεодора. „Этотъ Θεодоръ—одинъ изъ первыхъ по времени усердныхъ и ловкихъ служителей литовско-іудейской пропаганды въ Новѣгородѣ. Въ слогѣ этого исконнаго представителя жидовской ереси (?) преобладаетъ господство юго-западнаго говора“. Очевидно, Θεодоръ пришелъ изъ Литвы. Преданный іудейству, онъ крестился въ Россіи и перевелъ вовсе не Псалтирь Давида, а еврейскія молитвы, съ яркою окраской оппозиціи противъ христіанскаго ученія о Троичности Лицъ Божіихъ. Тихонравовъ не вѣритъ словамъ предисловія къ Псалтири о томъ, что переводчикъ „обновилъ сердце свое отъ закона стараго, отъ вѣры еврейской. Нѣтъ, оно всегда лежало къ жидовству и мнимымъ, вѣнчимъ обращеніемъ къ христіанству Θεодоръ только выигрывалъ возможность дѣйствовать въ пользу „старога закона“.

Мнѣніе это—въ виду открытія выше цитированнаго Посланія Θεодора—не можетъ теперь быть пріемлемымъ: психологическія соображенія должны уступить мѣсто показаніямъ фактическаго характера. Въмѣстѣ съ мнѣніемъ Тихонравова—падаетъ и мнѣніе его приверженцевъ, поддерживавшихъ его мысль о прикосновенности Θεодора къ ереси. Самое изданіе текста, дающее возможность свѣрить его языкъ съ языкомъ такихъ характерныхъ памятниковъ литературы жидовствующихъ, какъ „Логика“, обнаруживаетъ предъ нами полное несходство языка Псалтири съ языкомъ „Логики“ и др. памятниковъ этого рода. Такіе случаи какъ *мочный, кто какъ ты, кто Богъ яко ты* и т. п. не могутъ быть поставлены рядомъ съ характерной терминологіей „Логики“ и еще менѣе—съ обильнымъ бѣлоруссизмами и гебраизмами языкомъ перевода библейскихъ книгъ Виленской рукописи. Проф. Сперанскій не принимаетъ мнѣнія акад. Соболевскаго, отказывающагося включить переведенную Θεодоромъ Псалтирь въ кругъ литературы жидовствующихъ и отстаиваетъ мнѣніе Тихонравова. Пересмотрѣвъ литературу вопроса онъ приходитъ къ выводамъ: 1) Переводъ сдѣланъ съ еврейскаго молитвенника *Махазоръ*; 2) Сдѣланъ можетъ быть Θεодоромъ евреемъ, авторомъ и другихъ переводовъ и можетъ быть Посланія; 3) Переводъ явился не позднѣе XV в. и носитъ въ языкѣ черты западно-русскія; 4) Псал-

тирь должна быть поставлена въ связь съ ересью жидовствующихъ (Геннадій), въ частности съ ихъ богослужебными отправлениями. „Нѣсколько дополняются эти выводы, а съ ними и литературная исторія Псалтири при болѣе близкомъ ознакомленіи съ ея полнымъ текстомъ“, добавляетъ издатель. Мы ознакомились съ этимъ текстомъ и изъ тезисовъ издателя, выше цитированныхъ, можемъ согласиться лишь съ первымъ и вторымъ. Что до третьяго, то, хотя и нельзя отрицать въ языкѣ Псалтири нѣкоторыхъ чертъ, свойственныхъ западно-русскому языку XV в., напр., *аканья*: *двина*, *пытай вѣ*. *вопрошай*, *изъ горы вѣ*. *съ горы*, *радишь*, *въжды* и т. д., однако это черты очень блѣдныя, въ маломъ количествѣ и не существенно обрисовывающія связь Псалтири съ памятниками литературы жидовствующихъ, не говоря уже объ отсутствіи сходства и совпаденія въ терминологіи, столь характерной для даннаго разряда памятниковъ¹⁾. Относительно четвертаго тезиса, поддерживаемаго ссылкой на Геннадія, прекрасный отвѣтъ даетъ акад. Соболевскій въ рецензій на трудъ М. Н. Сперанскаго (Ж. М. Н. Пр.). Послѣдній вѣрить свидѣтельству посланія Геннадія къ Прохору о тетради, „по чему жидовствующіе молились по-жидовски“: „ты тамо узришь...., какъ превращены псалмы на ихъ обычай“,—но опускаетъ изъ виду, что говорится у Геннадія же въ Посланіи къ Іоасафу: „*жидова еретическое преданіе держать—Псалмы Давыдовы или пророчества испревращали по тому, какъ изъ еретичи предали, Акила, Симмахъ и Θεοδοτιουъ*. Слова Геннадія ясно показываютъ, что онъ зналъ у жидовствующихъ обыкновенную Псалтирь, по снабженную толкованіями на библейскій текстъ названныхъ авторовъ, чего мы въ изданной г. Сперанскимъ „Псалтыри жидовствующихъ“ какъ разъ и не видимъ. Возможно, что такая Псалтирь и найдется когда-либо въ будущемъ, но наличную мы можемъ, вслѣдъ за акад. Соболевскимъ, считать за трудъ, появившійся совершенно независимо отъ „еретическихъ“ будто-бы тенденцій переводчика, изъ „тактическихъ“ соображеній сдѣлавшагося христіаниномъ ради какой-то „еврейской интриги“, усматриваемой проф. Сперанскимъ (стр. 38).

Послѣ сказаннаго прочія соображенія издателя кажутся намъ бесполезными гаданіями, не освѣщающими, а лишь затемняющими

¹⁾ Мнѣніе проф. Крымскаго, опредѣленно приурочившаго языкъ Псалтири къ сѣверно-малорусскому говору—намъ кажется мало обоснованнымъ.

вопросъ о настоящей „Псалтири жидовствующихъ“ которую еще надо поискать въ массѣ необслѣдованныхъ рукописныхъ псалтырей XV и XVI вв. Для насъ представляетъ интересъ разысканіе объ отношеніи текста „Псалтири“ къ „Махазору“, занимающее конецъ предисловія (стр. 42—50). Но оно выводитъ вопросъ за предѣлы ереси, и ведетъ насъ въ область болѣе широкую— въ область вліянія евреевъ на русскую жизнь въ XV вѣкѣ.

IV.

Изложенными работами собственно и можно было бы закончить обзоръ литературы жидовствующихъ, если бы не вопросъ о происхожденіи и значеніи для нашего сюжета не разъ упоминавшагося перевода библейскихъ книгъ, дошедшихъ до насъ въ Виленской рукописи. Акад. Соболевскій, какъ сказано, исключаетъ его изъ состава литературы жидовствующихъ. Издатель книги Даніила, проф. Евсѣевъ, признаетъ этотъ переводъ библейскихъ книгъ—продуктомъ дѣятельности еретиковъ.

Мы имѣли случай близко ознакомиться съ Виленскою рукописью № 262 и ея составомъ и имѣемъ свое мнѣніе о ней. Но послѣдуемъ за аргументаціей проф. Евсѣева, изложенной въ предисловіи къ его изданію книги Даніила.

Что такое представляетъ собою этотъ переводъ? Это воспроизведеніе еврейскаго масоретскаго текста въ предѣлахъ 12 главъ книги Даніила безъ позднѣйшихъ неканоническихъ прибавленій, явившихся въ греческомъ и др. переводахъ. Собственныя имена переданы по еврейски: Игоакимъ, Игуда, Нывуходнецаръ, Белтъцаръ, Ахананья, Шадрахъ, Мешахъ; слова написанныя невидимою рукою на стѣнѣ— также переданы въ еврейской формѣ. Точно выдержаны дѣленія текста на гофтары. Переводчикъ пользовался переводомъ съ греческаго, то пользуясь имъ цѣликомъ, то исправлялъ его по еврейскому тексту, то переводилъ съ еврейскаго заново. Переводъ книги Даніила съ еврейскаго въ нашемъ спискѣ, по мнѣнію г. Евсѣева, приспособленный къ синогалальной іудейской обстановкѣ, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что онъ вышелъ не изъ церковно-христіанскаго лагеря, а изъ жидовствующаго. Къ этому же различію приводятъ и другія наблюденія, въ частности мѣсто книги Даніила въ Вилен-

ской рукописи, гдѣ она находится въ обществѣ книгъ учительныхъ, историческихъ и пророческихъ, объединенныхъ въ синагогальной практикѣ въ одномъ свиткѣ *Хамешъ Мешлотъ*, заключающемъ чтенія: Пѣснь Пѣсней—для праздника Пасхи, Руѣ—для праздника пятидесятницы, Плачь Іереміи—для дня разрушенія Іерусалима (9 Аба), Когелетъ—для праздника Кущей и Эсепрь—для праздника Пуримъ. Въ Виленской рукописи сопровождающія книгу Даниїла 9 книгъ агиографовъ восстанавливаютъ почти полностью „дворъ“ ветхозавѣтныхъ іудейскихъ писаній и вмѣстѣ съ тѣмъ—указываютъ, что вмѣстѣ съ книгой Даниїла были одновременно переведены книги, употреблявшіяся въ праздничномъ синагогальномъ богослуженіи (стр. 133). Это наблюденіе г. Евсѣева—въ сопоставленіи съ выше указаннымъ переводомъ Махазора, приводитъ его „къ довольно выразительному выводу, что у насъ въ старинномъ русскомъ переводѣ съ еврейскаго (до XVI в.) существовалъ и теперь можетъ быть уже намѣченъ кругъ важнѣйшихъ богослужебныхъ синагогальныхъ праздничныхъ и будничныхъ чтеній“ (ibid.). Судя по языку, г. Евсѣевъ справедливо полагаетъ, что переводъ книга Даниїла съ еврейскаго языка—не древній, можетъ быть немногимъ старше рукописи XVI в. въ которой онъ сохранился. Изслѣдуя мѣсто книги Даниїла среди другихъ въ Виленской рукописи г. Евсѣевъ предполагаетъ, что оригиналъ для перевода скорѣе былъ по происхожденію изъ Крыма, нашего юга,—а не Запада. Отношеніе переводчика къ тексту говорить „о высокомъ и сознательномъ уваженіи его къ еврейской истинѣ“ (135). Терминологія обнаруживаетъ перевода знакомство переводчика съ раввинскимъ пониманіемъ Писанія, что особенно замѣтно при переводѣ рѣдкихъ словъ. „Переводчикъ обнаруживаетъ знаніе тонкостей различныхъ чтеній еврейскаго масоретскаго текста“. Наконецъ, въ мѣстахъ хринологическихъ—мессіанскихъ.... выразительно внесено на замѣну прежняго (?) христіанскаго пониманія—пониманіе раввинское. Общій выводъ издателя книги Даниїла въ западно-русскомъ переводѣ съ еврейскаго таковъ: „И такъ, переводъ съ еврейскаго книги пророка Даниїла, равно какъ и другихъ агиографовъ въ Виленской рукописи XVI в., надо думать, не выходитъ изъ русла литературнаго достоянія нашихъ жидовствующихъ (?), и къ происхожденію своему относится къ позднѣйшему періоду іудействующему литературной традиціи—XV в.“.

Что переводъ сдѣланъ съ еврейскаго—въ этомъ сомнѣній быть не можетъ. Это подтвердило и наше изслѣдованіе языка и стilia книги Руоъ изъ той же Вил. рукописи (въ Сборн. въ честь акад. Соболевскаго) гдѣ обычно: *шаддай*, *Адонай*, *Хеиронъ* (а не Эсромъ), *Нахшонъ* (а не Наассонъ), *Боазъ* (а не Воозъ), *Бетлегеми* (а не Виелееми). Кое-гдѣ встрѣчаются своеобразные термины, въ родѣ тѣхъ, которые отмѣчены въ „Логикѣ“: *всячѣство*, *глуповѣство*, *дурновѣство*, *шмуръ*, *россудъ*. Языкъ Виленскихъ библейскихъ книгъ—западно-русскій, съ сравнительно умѣреннымъ количествомъ церковно-славянизмовъ.

Эти данныя имѣли бы вѣсъ, если-бы мы могли съ увѣренностью утверждать, что Виленская рукопись № 262 написана въ концѣ XV в., но разъ мы ее отнесемъ къ началу XVI в.—то считать ее продуктомъ дѣятельности жидовствующихъ становится затруднительнымъ: слухъ о ереси жидовствующихъ уже въ началѣ XVI в. тѣрится. Насколько слаба была память о доктринѣ ея уже въ половинѣ этого столѣтія, можно судить на основаніи словъ кн. А. М. Курбскаго, отождествлявшаго протестанство и жидовство, какъ и многіе православные его времени. Вотъ почему остается для насъ вопросомъ степень отношенія Виленскихъ библейскихъ книгъ къ ереси. Возможно предположеніе акад. Соболевскаго (въ рецензіи на книгу „О Ереси жидовствующихъ“), что переводчикомъ этихъ книгъ былъ ученый еврей, выполнившій заказанную ему кѣмъ-либо изъ христіанъ работу. Это не мѣшаетъ, на нашъ взглядъ, предположенію, что такая работа могла быть выполнена евреемъ совмѣстно съ кѣмъ-либо изъ христіанъ Литовской Руси, интересовавшихся имѣть текстъ библейскихъ книгъ въ чистомъ видѣ, не прикрашенныхъ христіанскими редакторами и переводчиками. Вспомнимъ, чѣмъ жило интеллигентное общество Западной Руси въ первой половинѣ XVI в. Злобой дня было протестанство въ своихъ крайнихъ сектахъ—кальвинизмъ и соцініанствѣ. Протестанты съ особенной любовью и интересомъ останавливались на Ветхомъ Завѣтѣ. Они стремились создать такой текстъ Библии, который былъ бы и вѣренъ завѣщанному іудеями—и былъ бы понятенъ, написанъ простымъ, близкимъ народу языкомъ. Конецъ XV в. можно уже считать началомъ возрожденія культурной и литературной жизни въ Литовской Руси. Сильное религіозное броженіе выразилось на первыхъ же порахъ въ появленіи печатныхъ книгъ и среди нихъ—ветхозавѣтныхъ.

Въ 1491 г. появляются первыя печатныя книги на славянскомъ языкѣ изъ типографіи Швайпольта Фволя въ Краковѣ; въ 1517—1519 гг. выходятъ въ свѣтъ книги Ветхаго Завѣта въ переводѣ и изданіи доктора Франциска Скорины. Характернымъ слѣдствіемъ оживленія религіозныхъ интересовъ, показателемъ возрожденія культурныхъ слоевъ націи—является обычно стремленіе имѣть Библию на родномъ, понятномъ языкѣ и притомъ въ полномъ объемѣ: вслѣдъ за Скориною весь XVI вѣкъ, особенно вторая половина его полна рядомъ такихъ попытокъ: Пересопницкое Евангеліе 1556—1560 г., Евангеліе Тяпинскаго около 1570 г., Житомирское Евангеліе 1571 г., переводъ Евангелія соцініанина Валентина Негалевскаго, съ польскаго, впрочемъ, перевода Мартина Чеховича, сдѣланный въ 1581 г. Наконецъ, славянская Острожская библия 1581 г., приготовленная къ изданію кружкомъ гуманистовъ, ютившихся около кн. Константина въ г. Острогѣ. Къ той-же полосѣ, вѣроятно, можно причислить и переводъ библейскихъ книгъ, дошедшій въ спискѣ начала XVII в. въ рукописи Толстовскаго Собранія Импер. Пуб. Библіотеки.

Въ ряду этихъ трудовъ замѣтное мѣсто принадлежитъ и переводу библейскихъ книгъ на бѣлорусскій языкъ, дошедшему въ Виленской рукописи № 262. Протестанты при изданіи Библии опирались главнымъ образомъ на еврейскіе тексты Ветхаго Завѣта. Дѣятельность гуманистовъ на этомъ поприщѣ всемъ извѣстна. Вотъ почему въ настоящее время мы готовы присоединиться къ мнѣнію акад. Соболевскаго, что Виленскій переводъ съ еврейскаго сдѣланъ не ранѣе нач. XVI в., когда въ Западной Руси явился рядъ переводовъ книгъ Священнаго Писанія (Перев. литер., стр. 400), но лишь съ тѣмъ ограниченіемъ, что интересующій насъ переводъ мы отнесли бы къ самому концу XV в., до появленія перевода Скорины, который волей-неволей наложилъ бы слѣдъ своего вліянія на переводъ съ еврейскаго Виленской рук. Относитъ же этотъ переводъ къ трудамъ жидовствующихъ, понимая подъ послѣдними—лицъ совратившихся въ іудейство—мы бы не рѣшились, хотя бы потому, что самое отношеніе жидовствующихъ къ истинному іудейству кажется намъ весьма проблематичнымъ, несмотря на „новые матеріалы“ разсмотрѣнные нами выше.

Вообще, эти матеріалы—кажутся намъ серьезными и значительными лишь при первомъ взглядѣ. При внимательномъ чтеніи и оцѣнкѣ они оказываются далеко не существенными: имѣемъ въ виду

книгу, изданную *Общ. Исторіи и Древностей*, много говорящую о еретикахъ, но все же не проливающую свѣта на загадочную ересь.

Уже Иловайскій отрицалъ еврейскій элементъ въ ереси жидовствующихъ. Тоже мнѣніе поддерживаетъ и Соболевскій въ книгѣ о переводной литературѣ: „Вопросъ о сущности ереси жидовствующихъ, говоритъ онъ (стр. 396), при скудости наличныхъ данныхъ долженъ считаться неразрѣшимымъ. Единственное, что можно утверждать, это то, что въ числѣ еретиковъ находились не только христіане по рожденію, но и крестившіеся ъвреи. Участіе послѣднихъ въ дѣятельности ереси, повидимому, очень значительное,—подало поводъ православнымъ подозрѣвать, что еретическое ученіе имѣетъ еврейскую окраску, и превратило невинныя, повидимому, мнѣнія о чрезмѣрности почитанія у православныхъ Богородицы, святыхъ и иконъ (въ ущербъ почитанію Бога)—почти что въ отступничество отъ христіанства“, отъ котораго еретики, по показаніямъ документовъ—не отступали и за которые они крѣпко держались, по мнѣнію Іосифа Санина—лицемѣрно. „Одно не подлежитъ сомнѣнію: жидовствующіе, какъ русскіе такъ и ъвреи, были людьми для своего времени образованными, любившими науку и книги“ (Собол. 398).

И подводя итоги нашему обзору—мы невольно задаемся вопросомъ: кто же эти были „жидовствующіе“—безъ іудейства, эти любители науки и просвѣщенія, эти свободомыслящіе люди въ тѣхъ предѣлахъ, конечно, въ какихъ могло проявиться свободомысліе Московской Руси къ XV в. И невольно мысль возвращается къ тому предположенію, съ котораго мы начали нашъ обзоръ—къ гипотезѣ В. Ѳ. Боцяновскаго, видѣвшаго въ жидовствующихъ—не іудеевъ, а лишь крайнихъ протестантовъ, типа таборитовъ, съ ихъ приверженностью ко всему ветхозавѣтному и съ отрицаніемъ исторически выработавшихся формъ и догматовъ католическаго (западнаго и восточнаго) христіанства. Ѳеодоръ и Виленскіе переводчики—не стоваривались, не условливались относительно созданія цикла переводовъ священныхъ книгъ по еврейскимъ—единственно казавшимся имъ истинными—оригиналамъ. Они пришли къ этой мысли подъ вліяніемъ общаго настроенія, общей хорошо сознанной въ интеллигентныхъ кругахъ Западной Руси и Москвы потребности имѣть священный текстъ не въ сомнительномъ традиціонномъ текстѣ, а въ текстѣ, могущемъ претендовать на большую достовѣрность. Путь былъ одинъ: онъ привелъ къ переводамъ съ еврейскаго, какъ и протестантскихъ нѣмецкихъ бо-

гослововъ-гуманистовъ. А отсюда не мудрено было прослыть въ Новгородъ и Москвѣ за „жидовствующаго“. Тѣмъ болѣе, что безъ помощи евреевъ—невозможно было обойтись въ такомъ трудномъ и сложномъ дѣлѣ.

Самая идея повѣрки священнаго текста, традиціонно полученнаго отъ Византіи и древней Руси,—отдавала непривычнымъ для московскаго консервативнаго уклада мысли—свободомысліемъ. Такое свободомысліе, возможно, не удовлетворялось внѣшнимъ, чисто формальнымъ богочитаніемъ; пыталось осмыслить, рационализировать тайны вѣры и выбросить изъ круга догматовъ и обрядовъ то, что не отвѣчало на запросы скептически настроеннаго разума. И это, въ свою очередь, вело къ ветхозавѣтному чистому монотеизму, къ отрицанію христіанской духовной іерархіи, поклоненія св. иконамъ и т. д. Но отъ всего этого—было еще далеко до перехода въ іудейство, на что указываютъ строки „Просвѣтителя“ о запрещеніи „обрѣзываться“ послѣдователямъ ереси.

V.

Изъ той же Виленской рукописи № 262 (10), о коей была рѣчь выше, самаго начала XVI в., если не конца XV-го, мы издаемъ книгу „Плачей“ пророка Іереміи въ виду того интереса, который представляетъ Виленская рукопись вообще и библейскія книги, въ ней заключающіяся—въ частности.

При изданіи мы по возможности воспроизводимъ рукопись, наблюдая, чтобы не стерлись фонетическія и морфологическія особенности языка перевода.

Къ изданію текста присоединяемъ небольшой экскурсъ о характерѣ перевода Плачей и замѣчанія о языкѣ названной книги, съ приложеніемъ небольшого словаря.

Плачи.

[Гл. I.] л. 110x 1. Какъ се сядьль самъ ѿдннъ горо^а гдрь людъ кы^т
кы^к ѿдова, гдрь къ ѿзыко^х боарнъ ѿ зѣмлаахъ динико^м кы^т:

2. палуа палуе^т къ ноунъ а слезы ѿѿ на уелюсте^х ѿѿ, нѣтъ ѿн
оуѣшнителя ѿ вси^х любнтеленъ ѿѿ, вси дръзи ѿѿ зраднннъ ѿѿ
кы^тли ѿѿ корогн:

3. заплена ѿ ѿуда з мѣки ѿ многа работы ѿна седѣла въ изы-
це^х не нашла покою, всѣ гонители еѣ спостигли еѣ межн гра-
ницами:
4. пяти циновокъ жалобны безъ приходаун^х на свиденіе, всѣ корота
еѣ пѣсты ѣрѣн еѣ здыхаю^т дѣвки еѣ смѣтны ѿ сама горко ѣн:
5. былъ неприѣтели еѣ головою, ѿ корози еѣ смирился, н^ж бѣ
засмѣтѣ ю про многѣ простѣпки еѣ, дѣтки еѣ пошлн въ поло-
перѣ^д неприѣтеле^м:
6. ѿ вышла ѿ доукн циновокѣ всѣ, красѣ еѣ былн бодрѣ еѣ ка^к
сермы не нашлн лѣствы ѿ пошлн безсѣлы перѣ^д гонителя:
7. въспоманѣла ѿѣрѣшалаѣмъ дѣни мѣки своѣи ѿ въбо^жства сво-
ѣго всѣ кошовности еѣ которы^м былн ѿ дѣновъ перѣв^х, въ
β. паденіи люда еѣ въ рѣкѣ неприѣтелевѣ ѿ не было || помоуи
никакое ѣн, видѣлн еѣ неприѣтели посмеѣлнса недостаткѣ еѣ:
8. грѣхъ згрѣшѣ ѿѣрѣшалаѣмъ прото^ж на волѣкнѣ была, всѣ хто
уѣствовалн еѣ глнн^т ѣн н^ж видѣлн соромѣ еѣ, тежѣ ѿ она
въздохнѣвшн ѿ въспатиласа наза^д:
9. скѣрность еѣ на полахѣ еѣ не въспоманѣла послѣдка своѣго
ѿ поннжаласа дѣвно, нѣтъ оуѣшнтеля ѣн, видѣ бѣже мѣкѣ мо^ю
н^ж розвелнун^тса неприѣтель:
10. рѣкѣ свою простерлѣ неприѣте^т на всѣ кошовности еѣ н^ж ви-
дела изыцн пришлн въ ѣтость еѣ н^ж заповѣд^л ѣсн агы не
пришлн въ собраніе твоѣ:
11. весь лю^д еѣ ѡхаютѣ ѿцн^т хлѣба давалн кошовности свон за-
ѣствѣ розволожити дѣшю. видѣ гн ѿ смотри н^ж была ѣсми засро-
моуена:
12. не камѣ всѣ што прѣходаунѣи нѣтъ смотрите ѿ видѣте ѣстлн
болѣсть ка^к болѣсть моѣ н^ж оуѣдѣл^л мнѣ н^ж засмѣтн^л ѿданн
въ дѣнѣ разгорѣнѣа гнѣкѣ ѣго:
13. ѿз неке^сѣ пѣстн^л ѡгонѣ въ костн моѣн ѿзѣн^л ю простерлѣ сѣткѣ
об. α на ногѣ мою въспати^л ма наза^д дѣ^л ма || пѣстотннцѣю весь дѣнѣ
болѣзннѣв:
14. накодѣ ѿремѣ простѣпокѣ мон^х рѣкою ѣго спѣанса ѿ възошлн
на шню мою ѡтрѣтн^л слѣз мою выдѣ^л ма бѣ в рѣце н^ж не могѣ
въстатн:
15. потоптѣ^л всѣ^х вѣнн^х мон^х ѿдонн посре^д мене наза^л на

МЕНЕ ВЕРЕМА ПОЛОМНИ ВЪБРАНЫ^х МОН^х КЛ^лДОРЪ ТОПТА^л АДОМАН
ДЪВЦЕ ДОУЦЪ НГЪДННОН¹⁾):

16. ПРО СНІ ІА ПЛУЮ ОКО МОЕ ОКО МОЕ ЗИХОДНТЬ ВОДОЮ Н* ОДА-
ЛИ^лСА О МЕНЕ ОУТЕШНТЕА КТОРЫН* НАВОРОУАЕТЪ ДШЮ МОЮ. БЫЛИ
СЫНОВЕ МОН ПЪСТН Н* ВЪСНАЕ^л ВОРОВЪ:

17. АММА ЦНФОНЪ РЪКАМА СВОНМН, НЪТЪ ОУТЪШНТЕА ЕНІ, ЗПОВЕДА^л
АДАНН НА ЯКОВА ОКОЛО ЕГО, НЕПРІАТЕАІ ЕГО БЫЛА ЕРЪШААММЪ
НА КОЛОКНТЪ МЕЖИ НМН²⁾):

18. СПРАВЕ^лАНЕВЪ ЕСТЬ АДНАМ Н* СЛОВЪ ЕГО НЕ ПОСАВШАА ЕСМН.
СЛЫНТЕ ННЪ ВСН ІАУМЦН Н ВНАДЕ БОЛЕСТЬ МОЮ, ДЪВКН МОН, МО-
ЛОДЦН МОН ПОШЛН ВЪ ПЛЕНЪ:

19. ВЪЗЫМАА ЕСМН ПРНІАТЕА^м МОН^м ФОНН* СКАМААН МЕНЕ³⁾, ЕРЪН
3. МОН Н СТАРЦН МОН В' ГО || РОДЕ СТАГНААНСА Н* НСКАН ЯСТЕМ
СОБЪ ДАБЫ НАВЕРЪВАН ДШВ СВОЮ:

20. ВНАДЪ АДНАЮ Н* ТОШНО МН^б, УЕРЕВА МОІ ЗАМЪТНААНСА, ПЕРЕВЕР-
НЪЛОСА СР^лЦЕ МОЕ К НЪТРН МОЕ^м Н* НЕ ПОСАВШАА НЕ ПОСАВШАА
ЕСМН НЪ НАДКОРЪА СЪКАЪ МЕУЪ В ДОМЪ ІАКО СМРТЬ:

21. СЛЫШЕАН Н* ВЪЗДЫХАЮ ІА НЪТЪ ОУТЪШННКА МНЪ, ВСН ВОРОЗН МОН
СЛЫШААН АНХОТЪ МОЮ РАДОВААНСА ЗАН* ТЫ ОУУННАА ЕСН ПРН-
ВЕАЪ ЕСН ДНЪ ПРНЗВААЪ ЕСН БЫАН БЫ ІАКО А:

22. ПРНДН ВСА АНХОТА, Н*, ПЕРЕ^л ТЕБЕ Н ВЪДЕААН Н* ІАКО* ВЪДЕА^л
ЕСН МНЪ ЗА ВСН ПРОСТЪРКН МОН Н* МНОГН ЗДЫХАНЪА МОН І
СР^лЦЕ МОЕ КОЛН^л 4):

[Гл. II.] КЛ^к СЕ ЗАХМАРН^л ГНЪВО^м СВОН^м АДНАН ДОУКЪ ЦНОНОВЪ ЗВЕРЪГЪ
З НЕКА НА ЗЕМАЮ КРАСЪ НІРАЕЛОВЪ А НЕ ВЪСПОМАНААЪ СТОАЦА
НОГЪ СВОН^х ВЪ ДНЪ ГНЪВА СКОЕГО:

2. СКАЗНАА АДНАН А НЕ ЗМНОВА^лСА ВСЕГО БЫДЕНІА ІАКОВОКА ПОРЪ.
ШНАА ГНЪВО^м СВОН^м ТВЕРЖН ДОУКН НГЪДННОН ДОВЕАЪ ДО ЗЕМАН
ОПРОСТН^л ЦР^лТКО Н КОДРЪ ЕЪ:

3. ЗРЪЗА^л ВЪ РОЗГНЪВЪ ВЕСЬ РОГЪ НЗРАЕААВЪ О^лТВЕРНВАА НАЗА^л || ПР-
Л.111.а. ВПЪЗ СКОЮ ПЕРЕ^л ВОРОВО* Н ЗАЖЕАЪ ВЪ ІАКОВЕ КЛ^к ОГНЪ ПОДОМА
ГОРЪЛО ОКОЛО:

1) Ср. евр. текстъ.

2) Пропускъ сравн. съ еврейскимъ.

3) Неточно

4) До сихъ поръ издано г. Евсѣевымъ.

4. напалъ лѣкъ свои ѣко ворогъ, поставилъ правницѣ свою къ не-
пріатель, и покнъ вснхъ жадныѣ ѡкомъ въ шатрѣ доуки цнѡно-
кон проанъ какъ ѡгнь гнѣвъ свои:
5. былъ ѡдонанъ ѣко ворогъ, сказилъ иשראלъ сказилъ всн плаци еѣ
сказилъ, твержъ еѣ оумножилъ въ домиѣ ивъдннѡй нареканъе и
жалобы:
6. и проломилъ къ ѡгородъ квуѣ свою, сказилъ стѣ свои даъ за-
быти ѡдонанъ въ цнѡне стѡкъ и шабаъ и ѡвергъ розгнѣвоъ гнѣва
своѣго ира иерѣа:
7. ѡпѣстиъ ѡдананъ ѡлатѣръ свои зѣбрилъ стѣнию свою въдаъ въ
рѣкъ ворогъ мѣръ палацию еѣ, голоъ давалъ въ домѣ божемъ
ѣко дѣнь свидѣнїа:
8. мыслилъ ѡдананъ исаказити мѣръ доуки цнѡновон склонилъ шнѣръ
а не ѡкорилъ рѣки еѣго ѡ склженїа и вложиъ жалобъ парканы и
мѣръ посполѣ склжены:
9. погразилъ къ землю ворота еѣ погубилъ и поломилъ заворы еѣ
ири еѣ и коаре еѣ въ ѡзыцеъ безъ закона теъ и¹⁾ ири еѣ
не ишлин || иррѣтѣа ѡ ѡдонанъ:
3. 10. садѣтъ на земли ѡнѣмѣють старци доуки цнѡновы въскладѣтъ
перестъ на головъ свою опасанса къ волосаници зинжили на
на землю головы свои дѣвки ѣршнлалїиъскни:
11. сконулиса слезами ѡун мон змѣтнлиса урева мон пролиласа
на землю пѣуень моа про зломленїе доуки людѣ моѣго про ѡм-
левннѣ детннѣ исъ съсѣщего въ рынокъ мѣста:
12. итреъ сконъ молваи гдѣ жито и кннѡ въ ѡмлевннѣ нхъ ѣко
трѣ по рынокъ мѣста по проливаннѣ дѣшъ нхъ къ пазѣсъ итренъ
сконъ:
13. што насѣтѣуъ на теѣе и што оуподоблю къ тоѣъ доуко ѣршнл-
лнъ ѡ што прировнлю къ тоѣъ и оутѣню теѣе дѣво доуко
цнѡнова иъ велнко къ море зломленъе твоѣе хто злѣунтъ теѣе:
14. ирици твои пророковли тоѣъ кривдѣ и негодность ѡ не ѡкры-
вали грѣха твоѣго дѣвы ѡвернѣти полоненъе твоѣе и оупророко-
вали тоѣъ ироуство кривоѣе и прелестное:
15. плеснѣвалъ на теѣе долоннѣ всн мимо идуни в дорогѣ, сви-
снѣван || и покнвали головою своѣю на доуки иершнлалїиъсквию
об.а сѣ ли сѣго роъ нхъ рекли корѣна красна радостъ всеѣ земли:

¹⁾ Внизу на полѣ: и пророци.

16. ѿворни на тебе оуста свои свиснзани ѿ скръгнзани зъбани
сконни рѣкани прожерани ѣсмо то^тко то^то днь ѿ днь свн^ннїа
жївзун^х ¹⁾) н^ж надъѡланса ѣсмо на него нзпан ѣсмо ѿ видѣли
ѣсмо:
17. оунини^л ѡдани то што змыслиа докона^л слово скоѣ н^ж запо-
вѣдалъ ѿ днь первы^х порзши^л ѿ не змиловалса ѿ оувесѣлиа
на тебе корога повышилъ рогъ неприѡтелиа твои^х:
18. въскрыѡло ср^дце н^х ко ѡданию мзрѣ дѡуки цнѡновон спз-
скан кѡ потѡ слезв въ днн ѿ въ ноун не даван переставилса
собѣ ѡ ни ѡмолъкни зѣнка ѡка твоѣгѡ:
19. въставан пон въ ноун керхъ сторожень, пролн кѡ водѣ ср^дце
твоѣ протн лица бѡ^жа подыман к немѣ длани свои про днш
дѣтокъ твои^х што помлѣли з голодѣ въ керхъ вси^х оулицѣ:
20. видн ѡданию ѿ смотри комѣ оудѣла^л еси тѡ вѣд^т ли жени
3. плав^л свои дѣти ѡмѣриваныи квалет ли забнтъ || въ сѣни гнѣ
нѣрѣн ѿ пророкъ:
21. леган по земан на ѡлицѣ^х молодыи н старыи дѣвки мон ѿ
молоднцн мон пали в мѣун побн^л еси въ дѣ гнѣла скоѣго по-
рѣзл^л еси ѿ не змиловалса еси:
22. призѡвен ѡко днъ ѣ живзун^х ѡ свидѣнса ѡколо мене занѣ^ж не
было въ днъ гнѣла гна збытѡ ѿ ѡсталога н^ж мѣрнла ѣсми ѿ
възростнла есми корогъ мон скѡнула^л н^х:
- [Гл.Ш.]^т ѡ то^т мѣ^ж видѣ^л мѣкѣ своиѡ въ прѣте гнѣла своѣгѡ:
2. мене пове^л ѿ водн^л по тмѣ ѡ не по свѣтаости:
3. только на мене вернетса, перекороуѣтъ рѣкѣ своиѡ на клѣ-
ныи днъ.
4. сотан^л мѡсо моѣ н кожѣ мою полмл^л кости мон:
5. зѣздова^л ма^ло мною ѿ ѡбѣвѣ^л вѣдъ ѿ трѣ^л:
6. въ те^жностѣ^х посидн^л ма ѡко мѣртвѣци свѣ^тскн:
7. загородн^л мене не могѣ выннн оутажн^л пѣто моѣ:
8. те^ж хота крыуѣ ѿ клнѣ злтка^л мѡтѣѣ мою:
л.112 α.9. загородн^л пѣ || ти мон тесанью, стѣ^жкн мон ѡкрнѣ^л:
10. мѣ^вѣ^л по^сѣдл^л ѡнѣ мнѣ лѣвѣ спотанкѣ ²⁾):
11. пѣти мон застѣпн^л ѿ росуластл^л ма положнѡ ма пѣстого:

¹⁾ ѿ—жївзун^х на полѣ.

²⁾ Ср. еврейскїй текстъ.

12. напалъ лѣкъ свѣнъ ѿ поста́внѣа ѿа ꙗко цѣль стрѣлъ:
13. прѣвѣлъ въ поки мои ѿновѣ тѣла своѣго¹⁾:
14. былъ есмн смѣхъ всемѣ людемъ своѣмоу, глѣвнше нъ весь дѣнь²⁾:
15. насытилъ ма горкостами напнта³⁾ ма пельно⁴⁾:
16. ѿскрѣшилъ сморо⁵⁾ны⁶⁾ камене⁷⁾ зѣбы мо⁸⁾, повалѣа ма въ перѣстн:
17. ѿ ѿпѣствѣла ѿ ѿсполненѣа дѣла моа, зѣбы⁹⁾ есмн добра:
18. ѿ реко¹⁰⁾, загниѣла вѣуность моа ѿ надежа моа ѿ ба:
19. вѣспомани мѣкѣ мою ѿ оубѣжство моѣ пель н ѣдѣ:
20. помнила вѣспомане¹¹⁾ ѿ схлантса на мене¹²⁾ дѣла моа:
21. се ѿберноу къ срѣз¹³⁾ моему ѿ прото¹⁴⁾ дождаю:
22. мѣрдѣе гѣе нъ не докондѣнса нъ не скѣнудѣнса жалованья ѣго:
23. новын позѣвѣтреемъ многа вѣрность твоа:
24. частъ моа ѿдонан говори¹⁵⁾ дѣла моа прото¹⁶⁾ || оуноваю на него:
25. добра ѿдонан ѿ надѣюуѣса на него к тои дѣли котораи нше¹⁷⁾ ѣго:
26. добра то¹⁸⁾ хто ждѣтъ ѿ терни¹⁹⁾ ѣспенѣа ко²⁰⁾ѣго:
27. добро уѣкъ которын носн²¹⁾ ѿремъ з молодости своѣе:
28. седи²²⁾ самъ ѿднѣ ѿ молун²³⁾ нъ накнѣнѣто на него:
29. дастъ въ перѣстѣ оустѣ свон, ѿуен бѣдѣ надежа:
30. дастъ оубѣоуи своѣму уѣаюсть насытитса соромоты:
31. нъ не ѿпѣствн²⁴⁾ на къки ѿдонан н:
32. ѿуѣ засмѣтитъ н помнѣветъ по многому мѣрдѣю своѣму:
33. нъ не мѣунаѣ ѿ самости своѣе ѿ засмѣтѣ ѿновѣ ѣлуѣн²⁵⁾:
34. по²⁶⁾бѣтн по ногн свѣн всн ѣтѣн зѣмьскѣн:
35. склонитн сѣ²⁷⁾ ѣзжѣ²⁸⁾ противѣ лица вѣшнѣго:
36. ѿкрѣвитн ѣлка въ сваре ѣго ун ѿдонан не видѣ²⁹⁾:
37. хто се рекѣ ѿ кѣдо н ѿдонан не заповѣдѣ:
38. ѿ оустѣ вѣшнѣго не вѣходн³⁰⁾ лихота ѿ доброта:
39. што са жѣаѣтъ уѣкъ живын мѣжъ на грѣхн свон:
40. переворонн³¹⁾ поути наши ѿ ѿсмотри³²⁾ ѿ ѿбернемса до ѿдонаѣ: ||
- Об.α 41. подоимѣ³³⁾ срѣца напн з доломьн къ бѣ неѣномѣ:

¹⁾ Ср. еврейскій текстъ.

²⁾ Неточно сравн. съ еврейскимъ.

³⁾ Неточно.

⁴⁾ Ср. еврейскій текстъ.

42. мы простыпнали ёсмо ѿ ѿверганса ёсмò ты* не ѿпвстѣ ёси:
43. змиа ёси гнѣво* ѿ погналъ ёси на побнлъ ёси ѿ не змиловалъ са ёси:
44. змиа ёси ѿ болокомъ собѣ ѿ проходѣ мѣтвы¹⁾:
45. гнѣко ѿ ѿмѣрзено положилъ ёси на посре²⁾не изыко:
46. роззѣнван на на оуста свои вси ворози наши²⁾:
47. стра* и сѣтка была намъ ѿпвхална ѿзломленыхъ:
48. рекамн ко²⁾ зидеть ѿко мое про зломленье доукн людѣ моёго:
49. ѿко мое теуетъ ѿ не ѿмолкнеть безъ невѣстѣтъ:
50. ѿли* призри²⁾ ѿ оувиди²⁾ ѿдонан з нѣсъ:
51. ѿко мое оудѣлло хшн моѣн за вси доукн мѣ та моёго:
52. ловлун ловилан ма кѣ пташкѣ: коросн мѣн дѣрма:
53. стакнал въ долне животъ мон ѿ накидалн каменьа на мене:
54. сплавилн кодою на²⁾ голокою моёю реко* ѿрѣзавъ ёсми:
55. призвахъ ѿма твое, ѿдоваю, ѿ домѣ преисво²⁾него:
56. голоѣ мон оуслышалъ ёси не оутайвалн оуха своёго къ ро²⁾у змышленью моёмѣ крыѣ моёго:
- β. приблжѣса ёси въ дѣнь возва* та рекалъ ёси не бойса:
58. ѿскарѣ ёси гн сварѣ хшн моѣн ѿкѣпилъ ёси животъ мѣн:
59. видѣлъ ёси гн крѣвѣѣ мою ѿсхди съдѣ мѣн:
60. видѣ²⁾ ёси всю помѣсть нхѣ вса мысль нхѣ на мене:
61. слышѣ ёси соро²⁾тъ нхѣ ѿдоваю вса мысль нхѣ на мене:
62. оуста оуставлюун²⁾ на мене ѿ помышленѣа нхѣ ѿ мнѣ на каждѣ дѣнь:
63. седѣнье нхѣ ѿ воставанье нхѣ смотри²⁾ ѿ²⁾ въспеванье нхѣ⁴⁾:
64. ѿкѣрнн нхѣ запалѣѣ ѿдонан по дѣлоу рѣкъ нхѣ:
65. дан нхѣ смѣтокъ сѣдѣшнн ѿ трѣдѣ свои нхѣ:
66. пожени гнѣво* ѿспѣстоши нхѣ ѿ ѿсподѣ ѿбѣсъ гнн²⁾:
- [Гл. IV] ка* се ѿтемнѣло золото зменилъ са кѣнмѣ малѣшннн росъ-сыпалса каменье ётоѣ поверхѣ вси оулицѣ²⁾:

¹⁾ Ср. еврейскій текстъ.

²⁾ На полѣ: **ѿко**.

³⁾ Sic! Д. б. **смотришь**.

⁴⁾ Ср. еврейскій текстъ.

⁵⁾ Неточно.

2. Ѹмкѣ цѣновѣи дорогини повышаныи кѹнимо^ѣ кѣ се полнѹены за глѹкнѹ урѣповы и дѣло рѣкѣ горѣнгаровы^ѣ:
 3. те^ѣ змии кынаан грѣди надон ми¹⁾ дѣтки свои доукѣ люда моѣго оѹ не мѣтнѣого ѣ строѹць на пѣстыни: ||
- д.113.а4. прнльноуаъ кѣзыкѣ съсвщего къ нецѣю своемѣ ѿ жлжн, дѣтн нмталн хлѣба, оѹломнтн не бѣло комѣ н^ѣ:
5. которыи^ѣ кѣн добрыи потрѣкы ѿпѣстотѣн къ оѹлнцѣ^ѣ ѣ оѹспѣствованыи на урѣво^ѣ ѿбѣнлн собѣ гнонцѣ^ѣ 2):
 6. ѣ кѣ велѣ грѣ^ѣ доукѣ люда моѣго нн^ѣ грѣхѣ содомо^ѣ што ѿберноу^ѣ за ѿкомыгненьѣ ѣ не слоѹжнлн в неи рѣкы:
 7. бѣлн ѹты рѣнл еѣ, нн^ѣ снѣгѣ бѣлн бѣлы нн^ѣ молоко оѹчѣрленѣнлн костн нн^ѣ рѣкннѣ шлфнрѣ штѣкѣ 3) н^ѣ:
 8. потѣмнѣло нн^ѣ уерностѣ ѿблѣнностѣ н^ѣ, незнлны по оѹлнцѣ^ѣ прнлнѣлѣ кожѣ н^ѣ на кѣстн нхѣ свхо бѣло кѣкѣ дѣрево:
 9. лѣяшнѣи бѣлн трѣпы мѣуекыи нн^ѣ трѣпы голодѣовыи зѣмѣ снн теклн прокѣлоты ѿ ѿбнлѣлѣ нѣлскѣго:
 10. рѣкы жонокѣ мнлостнвѣхѣ клрнлн дѣтн скѣн бѣлн покормомѣ н^ѣ къ злѣмленѣн люда моѣго:
 11. сконуаъ ѣдонлн гнѣвѣ скѣн проааъ роуженнѣ гнѣкѣ своѣго ѣ злпалнлѣ ѿгонѣ къ цѣновѣ и кыпалнлѣ фѣндлменты ѣл:
3. 12. не вѣрнлн ѣрн земскыи ѣ || всн жнвѣѹн по вселенѣн ѣкы прншолѣ стѣжлтелѣ ѣ корогѣ къ коротѣ ѣрншлллѣмскѣл:
13. за грѣхн прѣрокѣ ѣк крнѣды ѣрѣокѣ еѣ што проааклн посерѣдн ѣк крокѣ прѣвѣдны^ѣ:
 14. колоунлнсѣ слѣпыи по оѹлнцѣ^ѣ оѹмѣрлнлнсѣ къ крѣн^ѣ 4) н^ѣ не могло дотыкѣтсѣ портѣ н^ѣ:
 15. ѿ[т]ствнѣте поганнѣи рѣклн н^ѣ ѿствнѣте недотыкѣнтсѣ н^ѣ розскѣрнлнсѣ ѣсте ѣ те^ѣ колоунтсѣ, рѣклн, къ кѣзыкѣ не вѣдѣтѣ бѣлшѣн бѣлнѣн:
 16. гнѣкѣ бо^ѣн роздѣлѣ н^ѣ не вѣдѣтѣ болшѣн прнзрлхтн н^ѣ лнцѣ ѣрѣѣкѣ не по^ѣношлн ѣ стѣры^ѣ не мнлѣвлн:
 17. ѣцѣ сконуаѣтсѣ ѿѹн нѣшн къ помѣѹн нлшѣн соѹѣтно ѣ ждлнѣмѣ сконѣ ждлн ѣсмо къ людѣ н^ѣ не ѿбороннтѣ:

¹⁾ Д. б. нлдонтн, лат. lactant.

²⁾ Ср. евр. текстѣ.

³⁾ Polities.

⁴⁾ Д. б. вѣ крѣвн (sanguine).

18. локнѣи стѣлы нѣши хо^{ди}ти по оулицѣмъ нѣшимъ: прикляжѣса ко-
нець нѣшь спѣлнѣнѣса днѣи нѣши и^ж пришо^л конецъ нѣшь:
19. лѣгучѣи бѣхѣи гѣнцы нѣши ии^жли ѡрлы ибѣны и на горѣхъ гонѣи
нѣ къ пѣстыни по^дсѣдали нѣ:
20. двѣ ноу^дренѣи нѣши^х помѣзаникѣи гѣи оуѣзѣлѣ въ склѣченѣи и^х и^же
л. 113 об. х. гокорѣи ѣсмо стѣ || тынемъ ѣго бѣдѣмъ жижи къ ѣзѣкѣмъ:
21. кеселѣса и рѣдѣнѣса доуко ѣдомока сѣдаула къ землѣи оу^чновѣи
те^ж и на тебе прои^деть у^дша кыпѣишь и кыкнѣишь¹):
22. сполнѣса грѣхъ тво^и доуко цнѣновѣи не бѣдѣтъ ко^ише и плѣнѣи
тебе: въспомѣноу^са грѣхъ твоѣи доуко ѣдомока ѡкрѣ^и за грѣхи
твоѣи:
- [Гл. V] 1. помѣи ѣдѣиши што кѣло нѣмъ посмотри и кнѣ соромотѣ
нѣшѣ:
2. колостъ нѣша перевернѣнѣса уѣжимъ домы нѣши страннѣмъ:
3. сиротѣи бѣхѣи ѣсмо и нѣтъ ѡцѣи мѣри нѣши къ ѣдоуы:
4. воуѣи нѣшѣи за серебро или ѣсмо дрока нѣши дорого при-
хо^{ди}ли:
5. ѡ шнѣи нѣши гнѣны ѣсмо оу^трѣдѣнѣса ѣсмо и не оупокоѣено
нѣмъ:
6. ии^црѣи^м дѣкали рѣкѣи, ѣшѣрѣи насытѣнѣса хлѣба:
7. ѡцѣи нѣши сѣгрѣшили ѣ нѣтъ и^х, ѣ мы грѣхи и^х оу^ттерпѣли
ѣсмо:
8. холопѣи володѣли нѣми, ѡкѣнѣтели нѣтъ ѡ рѣкѣи нѣхъ:
9. ѣшѣи нѣшнѣи приносѣли хлѣбъ нѣшь пере^д мѣуемъ пѣ-
стыннѣмъ:
- β. 10. кожа нѣша кѣкъ пѣуѣи згорѣла пере^д ѡнѣхѣннѣю голодо || вою:
11. жоны къ цнѣнѣи мѣули дѣвѣи ѣ горѣдѣхъ и^гзѣднѣмъ:
12. бо^ире за рѣкѣи скон повѣнѣны, лицѣи старѣмъ^х не ѡк^рѣшѣны:
13. молоднѣи жорѣи выносѣли ѣ дѣти деревомъ подѣкли^и ²):
14. старѣи ѡ коротъ перестѣнѣ^иса молодѣи ѡ кѣспѣнѣнѣи и^х:
15. перестѣло кеселье срѣцѣи нѣшего переверотнѣса къ жалѣбѣи тѣнѣи
нѣшѣ:
16. оу^пмѣи корѣи з голоуы нѣшен, горе нѣи и^же сѣгрѣшили ѣсмо:
17. про то колѣло срѣцеи нѣше про се потѣнѣли ѡи нѣши:

¹) Ср. евр. текстъ.

²) Ср. еврейскій текстъ.

18. про горѣ ѿѿѿнскзю н* запвстѣла ан^{си}ѿн ходнѣн к нен:
19. ты* ѿдоли на кѣки пребывѣлѣнъ ѿ столецъ твоѣи в кѣки вѣуннѣ:
20. уомъ на кѣки зѣкыкѣлѣнъ нѣ ѿнвсклѣнъ нѣ на долгиѣ днн:
21. нѣврати нѣсъ ѿдолю къ собѣ ѿ нѣвернемса ѿнѣѿн днн нѣнн
ѿко перѣнн:
22. толко ѿмерзѣлѣ ѿмерзѣнъ ѣсн нѣ, розгнѣкѣлѣса ѣсн на нѣ велнн:
нѣкернн нѣ ѿдоли: ||

VI.

Книга „Плачи Іереміи“ въ Виленской рукописи № 262 представляет двойной интересъ: во-первыхъ—какъ памятникъ языка, во-вторыхъ—какъ памятникъ литературный.

Изъ прилагаемаго ниже текста читатель убѣдится, что языкъ „Плачей“—тотъ же, что и книги „Руѣ“ въ той же рукописи, изданной нами въ Сборникѣ въ честь ак. А. И. Соболевскаго, съ анализомъ языка. Здѣсь мы желали-бы обратить вниманіе лишь на нѣкоторыя его особенности, звуковыя и словарныя.

Число полногласныхъ формъ перваго вида очень велико:

Л. 110: горѣ, коросн (bis), коротѣ, голокою, полон, перед, на колокнѣ, соромотѣ, розволожнѣнн; 110 об.: керемѣ, нѣкороуѣлѣ, корогѣ, на колокнѣ, уѣрекл, перекернѣлѣса, корозн, перед (bis); л. 111: корогом, полонѣ, корогѣ (bis), огородѣ, голось, корогѣ, голокѣ, къ колосаници, головы, полоненьѣ, долоньнн, голокою, коротѣ; л. 111 об.: стороженьѣ, з голодѣ, молоднн, корогѣ, згороднѣлѣ (bis); 112: з молоднн, соромотѣ, перекоронннн; л. 112 об.: з долоньнн, ѿболокомѣ, корозн (bis;) кѣзъ перестѣлѣ, нѣдѣ голокою, голось, соромотѣ, золото, дорогинн; 113: мѣлоко, дерево, голодовнн, корогѣ, коротѣ, посереднн, колоунѣнѣса; 113 об.: соромотѣ, колость, перекернѣлѣса, серебро, до-рого, холопѣ, володѣнн, передѣ, голодовокою, в городѣхѣ, молодннн, деревомѣ, коротѣ, перестѣнѣнѣса, молоднн, перестѣло, перекоротнѣса, з головы.

Число формъ съ сохраненіемъ старо-славянской фонетики—ничтожно по сравненію съ вышеприведеннымъ; (л. 110)—зѣмленѣнн; (л. 111)—уѣрекл; (л. 111 об.)—дѣлнн; (л. 112 об.)—пренсподнѣю (терминнъ, наиболѣе стойкій), уѣреповѣ; (л. 113 об.)—плѣнннн, стрѣннннн, пребывѣлѣнъ, нѣврати.

Случай второго полногласія встрѣтился однажды: *пересть* 111, а далѣе—*персти* 112.

Смягченіе зубныхъ — обычно русское: *межи* 110, *помоуи* 110, *надежа* 112 *bis.*, *живуѣи* 113 и т. д.

Мѣстоименіе 2 л. обычно—*токъ* 111 и др.

Окончаніе р. пад. мн. ч. муж. рода — встрѣчается на -овъ: *отъ днокъ* 110, *мѣжокъ* 112

Окончаніе мѣстн. пад. мн. ч. муж. рода, какъ часто въ зап. русск. діалектахъ, на—*охъ*: *къ рынокъ* 111, *къ изынокъ* 110 (но и *к изыцех* 110).

Въ мѣстн. и дат. пад. смягченіе сохраняется: *дѣкце*, *доуце* 110 об., *к изуцъ* 111.

Древняя группа *ръ* даетъ обычное *ры* юго-западныхъ діалектовъ: *искрышиа* 112, *кряки* 113, но и—*дрокъ* 113.

Отвердѣніе *и*: *прирокию* 111.

Отвердѣніе *р*: *крячъ* 112 об., *вскрыуло* 111 об.

Мѣна *ч* и *в*: *къкожста* 110, *на канцахъ* 111 об., но тутъ же: *занць* 111 об. и *по занцахъ* 113.

Очень часто *з* вмѣсто *с* въ предлогѣ-префиксѣ.

Случай *аканья*: *дданѣ* 110 и об. *bis.*, 111, и об. *bis.* при обычнѣ *ддонѣ*; *самшела* 110 об., *подокми* 113 об.

Отмѣтимъ еще повел. склоненіе: *видь*, *видьте*. 110.

1 л. вспомог. глагола мн. ч.—обычно *есмо*.

Число гебранзмовъ сравнительно велико для такого небольшого памятника: *мивръ* 113 об., *ддонѣ* (повсюду), *игудниъ* 110 и др., *нерцшллимъ* (ж. р., 110 и др.), *нерцшллимское*, 111 и др., *кѣнмъ* (=insigne) 112, *мицрлим* 113 об., *исрелокъ* 110 об., *шлкатъ* 111, *шлфиръ* 113, *къ земли оццкой* 113 об., *цнонъ*, *цноновы*, и т. д. 110 и др.

Количество полонизмовъ не особенно велико: многіе изъ нихъ закрашены кромѣ того русскою фонетикою: *засромоуена* 110, *твержи* (*twierdzy*), 110 об., 111, *отрѣтнлъ* (*otrcęiŃ*=отрясь) 110 об., *склмми* 110 об. и др., см. въ словарь, который мы приводимъ ниже выбирая наиболѣе интересныя въ разныхъ отношеніяхъ слова.

Отмѣтимъ здѣсь еще нѣсколько мѣстоименій, союзовъ и нарѣчій, характерныхъ для западно-русскаго языка XV в.: *лбы* 110, *луть* 112, *луен* 1, 2, *лмиж* 112 (*donec*), *змиже* 110 об., *нзъ* 113 об., *протож*

112 bis и др., тежъ 112 об., ун 112, уомъ (quare) 113 об., иже, хто 110 111.

Въ общемъ переводъ сдѣланъ болѣе или менѣе удобопонятно; много словъ, проникшихъ изъ живой рѣчи, часты партиципiальныя конструкции и замѣны ихъ съ мѣстоп. иже.

Переходимъ къ детальному разсмотрѣнiю перевода.

Переводъ текста Плачей отличается тѣмъ-же буквализмомъ, что и переводъ книги Руѣ. Только въ немногихъ случаяхъ переводчикъ позволялъ себѣ отступленiя, объяснимыя для насъ чрезъ сопоставленiе оригинала и перевода. При сопоставленiяхъ пользуемся подстрочнымъ латинскимъ переводомъ Ветхаго Заветъа „*Sacra biblia sive testamentum vetus ab Jmm. Tremellio et Francisco Junio ex hebraeo latine redditum*“... Lipsiae, 1822 г. ¹⁾).

Гл. I, 15: Потопталъ всихъ буйныхъ моихъ Адонай среди мене,
 „ назвалъ на мене *верем* поломити *выбранныхъ* моихъ, налдоръ топталъ Адонаи двѣце дочцѣ Игудиной.

Conculcat omnes robustos meos Dominus in medio mei, convocat contra me conventum ad frangendum iuvenes meos: tarcular calcat Dominus virgini, filiae Jehudae.

„ 17: Ламала Ционъ рукама своими, нѣтъ утѣшителя ей, заповѣдалъ Аданан на Якова около его непріятелі его; была Ерушалаимъ на волокити межн ими.

(Quamvis) pandat Tziion manus suas, nemo consolatur eam, praecipit Jehova de Iahakobo, qui circumstant ipsum, hostes ipsius (esse); effecta est (urbs) Jeruschalaimorum ut separata propter immunditiam inter illos.

„ 19: Взывала есмн пріятелемъ моимъ, они ж скламали мене...
Me inclamantem amantes meos ipsi fefellerunt...

Гл. III, 10: Медведь подседал, онъ мнѣ левъ спотанку.
Ursus insidians est mihi, leo in latibulis.

„ 13: Привелъ въ почки мои *сыновъ тула* своего.
Immittit in renes meos tela pharetrae suae.

„ 14: Былъ есмн смѣхъ *всему люду своему*, глумище ихъ весь день.

Sum risui cum toto populo meo, modulatio istorum toto die.

¹⁾ Въ примѣрахъ изъ Виленскаго перевода раскрываемъ текстъ и вносимъ въ строку надстрочныя буквы.

- Гл. III, 20: Поминая въспоманетъ и слиятсѣ на мене душа моя.
Plane (inquam) recordando meditat^{ur} apud me anima mea.
- „ 36: Окривити чловѣка въ сваре его, чи адонаи не видел.
Pervertere hominem in causa sua, Dominus non probat.
- „ 63: Седѣнье ихъ и воставанье ихъ, смотри(нь)я, въспеванье их.
Sedere istorum et surgere istorum, intueri, me esse modulationem istorum.
- Гл. IV, 1: ... росъсыпалися каменье святое *поверху всихъ улицъ*.
... Diffunduntur lapides sancti(t)atis in capite omnium vicorum.
- „ 21: Теж и на тебе пройдетъ чаша, выпьешь и выкинешь.
... etiam ad te transiturum est poculum, inebriabis te, et nudabis te.
- Гл. V, 9: душами нашими приносимъ хлѣбъ нашъ *передъ мечемъ* пустыннымъ.
Periculo vitae nostrae offerimus panem nostrum, propter gladium deserti.
- „ 13: Молодици жорнъ выносили, а дѣти деревомъ подовали (sic).
Iuvenes ad molendum portant et pueri ad ligna corrunt.
- Слово, переданное въ латинскомъ подстрочномъ переводѣ конкретно: *cicuta*,— въ бѣлорусскомъ передано болѣе обще: *ѣдъ=ядъ* (III, 19 и др.).

Словарь.

Болестъ, 110.
Бояринъ, бояре—110 и часто.
Быдленіа, 110 об.
Быдлити, 113.
Ганить, (ганяли 110).
Гидко, 112 об.
Глечки, 112 об.
Глумище, 112.
Горънчаровъ(—ыхъ, 112 об.).
Дарма, 112 об.
Детина(—нъ, 111).
Жалба, 113 об.
Жорнъ, 113 об.
Заворы, 111.
Захмарить(—ил, 111 об.).
Збудовать(—ал, 111 об.).
Зрадить(—или, 110).
Зѣвка ока, 111 об.
Калдоръ (torcular), 110 об.
Коръна, 111 об., 113 об.
Костовности, 110 и—
Коштовности, 110 bis.
Крычь (vociferatio), 112 об.
Лихо, 112.
Лихота,—у, 110 об.

Муръ, 111.
Надворье, 110 об.
Насвѣтчить(—чу, 111).
Нугрь (къ нутри моемъ, 110 об.).
Окомыгненье, 113.
Омлеванье, 111.
Опухлина, 112 об.
Осварити, 112 об.
Откупитель(—ля, 113 об.).
Охать(—ють, 110).
Палаць(—цю, 111).
Парканъ(—ну, 111).
Пелынь(—ном, 112).
Поличить(—чены, 112 об.).
Помьста(—у, 112 об.).
Порушить(—ил, 111 об.).
Потрава(—ы, 113)—potrawa.
Пругъ, 111 об. (virga).
Пташка(—у, 112 об.).
Пустотница(—ею, 110 об.).
Пытать(—ли, 113, petere)
Розгнѣвъ(въ р—вѣ, 110 об.).
Розинуть(—ли, 112 об.).
Росчастать(—ал, discerpit, 112).
Самость, 112.

Смутокъ, 112 об.	Тошно, 110 об.
Столець, —а, 113 об., 110 об.	Оубойца(—н, dat., 112).
Спотаѣку, 112.	Оупророковати(—ли, 111).
Струць, 112 об.	Фундаменты, 113.
Стужатель, 113.	Челюсти(на ч—ех, 110).
Схилиться(—т сл, 112).	Шнуръ, 111.
Сѣтка(—ку, 110).	Штука, 113.
Танецъ, 113 об.	Ѥци, pl., 112.

Обзоръ трудовъ и мнѣній по вопросу объ улучшеніи программъ математики въ русской средней школѣ за послѣднія девять лѣтъ 1899—1907 гг.

ВВЕДЕНІЕ *.

Вопросъ объ улучшеніяхъ въ системѣ школьнаго образованія принадлежитъ къ вопросамъ особой важности; школа должна поспѣвать за жизнью и отвѣчать всѣмъ усовершенствованіямъ и запросамъ ея,—больше того, она должна служить путеводнымъ свѣточемъ въ культурно-общественной и политической жизни народа. Особого вниманія заслуживаетъ школа въ настоящее трудное и запутанное время. По нашему глубокому убѣжденію, сложный клубокъ общественно-политической жизни можетъ быть распутанъ надлежащимъ образомъ не иначе, какъ начиная съ того, что мы долгое время отодвигали, да и теперь отодвигаемъ на задній планъ, т. е. съ реформы школьнаго дѣла.

За послѣднее двадцатипятилѣтіе наибольшій интересъ къ педагогическимъ вопросамъ былъ проявленъ въ періодъ съ 1899 по 1903 г. Начало этого оживленія совпадаетъ съ преобразовательными начинаніями министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова. Извѣстный циркуляръ его отъ 8 іюля 1899 г., ярко очертившій всѣ недостатки средней школы, отъ которыхъ она не избавилась и въ настоящее время¹⁾, далъ толчекъ въ этомъ направленіи.

Со второй половины 1899 г. появилось много трудовъ, касающихся различныхъ сторонъ школьной жизни: кромѣ трудовъ разнообразныхъ ко-

* Нашъ „Обзоръ трудовъ и мнѣній“ въ извлеченіи былъ доложенъ въ засѣданіяхъ Кіевскаго Физико-Математическаго Общества 19 февраля и 5 марта 1907 г.

¹⁾ Въ циркулярѣ, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Среди педагоговъ и родителей учащихся въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ давно слышатся жалобы на разные недостатки этихъ учебныхъ заведеній. Указываютъ, напр., на отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящей сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло и ставящей въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ; —на невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспи-

миссій и совѣщаній, созванныхъ при учебныхъ округахъ съ цѣлью подготовить матеріалъ для работъ въ комиссіи, имѣвшей состояться при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ 1899—1900 уч. году, много вниманія удѣлено было школѣ и въ общей и въ специально педагогической печати. Сюда относятся, между прочимъ, и работы по улучшенію программъ математики въ средней школѣ. Многіе придерживаются совершенно невѣрнаго взгляда—думаютъ, что преподаваніе математики въ средней школѣ, и въ смыслѣ приѣмовъ обученія и въ смыслѣ содержанія учебнаго матеріала, поставлено вполне удовлетворительно. Но при ближайшемъ знакомствѣ съ этой стороною школьнаго дѣла оказывается, что методы и приѣмы преподаванія математики носятъ на себѣ слѣды необычайной рутинности и отличаются значительнымъ несовершенствомъ; слѣды той же рутинности отражаются и на характерѣ учебнаго матеріала, подлежащаго усвоенію: можно смѣло сказать, что нѣтъ другого предмета школьнаго обученія, гдѣ бы схоластика и рутинность были такъ властны, какъ въ преподаваніи математики. Поэтому реорганизація преподаванія математики, — предмета, которому отводилось и отводится въ средней школѣ одно изъ видныхъ мѣстъ, — является насущнымъ вопросомъ современнаго образованія; и въ какія бы формы ни вылилась въ будущемъ средняя школа, нашъ долгъ теперь же позаботиться о возможномъ улучшеніи программъ математики.

Нужно различать двѣ точки зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать программы: съ одной стороны, можно намѣтить объемъ учебнаго матеріала по данному предмету для средней общеобразовательной школы, а также основныя требованія относительно распредѣленія отдѣловъ учебнаго предмета, не предрѣшая ни типа учебнаго заведенія, ни даже числа уроковъ; а съ другой стороны, можно заняться детальной разработкой программы для данной школы, съ распредѣленіемъ матеріала по классамъ. Намъ кажется, что слѣдуетъ стоять преимущественно на первой точкѣ зрѣнія; хотя не бесполезно было бы намѣтить усовершенствованный планъ

таніемъ нравственнымъ и физическимъ;—на нежелательную спеціализацію школы съ самыхъ младшихъ классовъ, обрекающую дѣтей на извѣстный родъ занятій, прежде чѣмъ выяснились ихъ природныя способности и склонности;—на чрезмѣрность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, особенно въ низшихъ классахъ;—на несогласованность программъ между собою и съ учебнымъ временемъ и на значительное наполненіе ихъ требованіями второстепенными или даже излишними;...—на недостаточную умственную зрѣлость оканчивающихъ курсъ гимназій, что препятствуетъ ходу ихъ университетскихъ занятій;—на неудовлетворительную подготовку прошедшихъ курсъ реальныхъ училищъ для обученія въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще на слабую постановку преподаванія предметовъ въ этихъ училищахъ. Указываютъ и на многія другія слабыя стороны средней школы; но перечислять ихъ было бы излишне*.

преподаванія математики, имѣя въ виду и нынѣ существующіе типы средней школы. Говорить объ улучшеніи программъ весьма желателъно не только потому, что это можетъ послужить матеріаломъ для будущаго, но главнымъ образомъ потому, что рутинная и традиціонная, служащая необычайнымъ тормазомъ въ школьномъ дѣлѣ, ослабѣвающіе почти исключительно благодаря живому обмѣну мыслей; наконецъ, выработка новыхъ программъ необходима также и потому, что реорганизация программъ можетъ осуществиться значительно раньше, чѣмъ будетъ проведена общая реформа средней школы. Подтвержденіемъ справедливости послѣдняго взгляда служатъ программы 1906 г. для реальныхъ училищъ: на этихъ программахъ, несомнѣнно, сказались вліяніе работъ, которыя были сдѣланы по почину министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова.

При выработкѣ новой программы, само собою разумѣется, имѣетъ важное значеніе ознакомленіе не только съ тѣмъ, что сдѣлано въ этой области за границей—у болѣе культурныхъ народовъ ¹⁾, но также и у насъ—въ Россіи; въ особенности начиная съ 1899 года. Во-первыхъ, мы не будемъ тогда вторично „открывать Америку“, дѣлать ту же самую работу, а во-вторыхъ, наши проекты не будутъ въ такомъ случаѣ беспочвенными.

Мы намѣрены сдѣлать обзоръ главнѣйшихъ трудовъ и мнѣній по вопросу объ улучшеніи программъ математики въ русской средней школѣ за послѣдніе девять лѣтъ (1899--1907 гг.).

Основнымъ трудомъ, который уже оказалъ нѣкоторое вліяніе на постановку преподаванія математики ²⁾, являются работы Высочайше утвержденной комиссіи Н. П. Боголѣпова по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Эта комиссія была создана въ началѣ 1900 г. При ней была образована, въ числѣ другихъ, подкомиссія „по составленію программъ математики для среднихъ учебныхъ заведеній“, съ трудами которой мы и должны будемъ познакомиться.

Какъ значится въ докладѣ этой подкомиссіи, пособіемъ при работахъ ей служили, между прочимъ, труды комиссій и группъ, образованныхъ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа П. А. Некрасовымъ (во второй половинѣ 1899 г.) для рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ предположеннымъ преобразованіемъ средней школы. Московскіе труды довольно разно-

¹⁾ Это отчасти уже выполнено благодаря ряду сообщеній, сдѣланныхъ въ 1906—1907 уч. г. въ засѣданіяхъ Кіевскаго Физ.-Матем. Общества проф. Г. К. Суловымъ, А. Д. Билимовичемъ, П. А. Долгушинымъ, В. И. Лорченко, Н. В. Оглоблинымъ, И. Г. Рекашевымъ и А. Н. Яницкимъ. Отчетъ и Протоколы Физ.-Мат. Общ. при Императорскомъ Унив. Св. Владиміра за 1905—6 гг. и за 1907 г.

²⁾ Кромѣ упомянутыхъ программъ реального училища, увеличено число уроковъ въ гимназіи по математикѣ въ III, V и VIII кл.

образны, обширны и представляют для насъ несомнѣнный интересъ. Здѣсь мы находимъ мнѣнія и соображенія извѣстныхъ московскихъ профессоровъ и выдающихся московскихъ педагоговъ.

Въ связи съ трудами Боголѣповской комиссіи находятся также работы, выполненныя по тому же поводу Кіевскимъ Учебнымъ Округомъ. Мы имѣемъ въ виду соображенія, которыя были высказаны собраніемъ преподавателей математики кіевскихъ среднихъ учебныхъ заведеній по вопросу объ улучшеніи программъ математики въ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ въ концѣ 1899 г.

Цѣннымъ трудомъ комиссіи Н. П. Боголѣпова не суждено было воплотиться въ реальныя формы, не смотря на довольно интенсивную дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія въ то время.

По смерти Н. П. Боголѣпова (съ 1901 г.) начинается самое тяжелое время для средней школы — время разрушенія прежнихъ формъ безъ замѣны ихъ чѣмъ-либо новымъ. Издается министромъ П. С. Ванновскимъ новый проектъ положенія о „единой средней школѣ“ съ новыми конспектами программъ. И положеніе и программы представляютъ большой интересъ, но только въ отрицательномъ смыслѣ.

Въ связи съ этимъ новымъ положеніемъ и программами мы рассмотримъ тѣ соображенія, которыя были высказаны собраніемъ преподавателей математики г. Кіева (23 октября 1901 г.), а также нѣкоторыя журнальныя статьи, появившіяся по поводу проекта П. С. Ванновскаго.

Для большей полноты нашего обзора мы намѣрены, кромѣ того, рассмотреть: 1) работы по улучшенію программъ математики въ коммерческихъ училищахъ (съѣзды директоровъ 1901 и 1902 гг.); 2) труды по интересующему насъ вопросу третьяго съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію (1903—1904 г.); 3) попытки улучшить программы математики въ кадетскихъ корпусахъ (проектъ программы для трехъ корпусовъ на 1903—1904 уч. г.); 4) журнальныя статьи по вопросу о программахъ математики и 5) наконецъ, программу математики для реальныхъ училищъ 1906 г.

Всѣ эти работы мы предпочитаемъ излагать, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ¹⁾, имѣя въ виду, что на послѣдующихъ трудахъ должно было отразиться вліяніе предыдущихъ²⁾.

¹⁾ Въ концѣ „Обзора“, въ видѣ приложения къ нему, помѣщенъ проектъ учебнаго плана по математикѣ для мужскихъ гимназій, выработанный Кіевскимъ Физико-Математическимъ Обществомъ въ 1907 г. и напечатанный въ Прилож. къ Циркул. по Кіевск. Учебн. Округу за 1907 г., № 5.

²⁾ Въ интересахъ дѣла, гдѣ только представится возможность, мы будемъ знакомить читателя съ подлинными словами обзрѣваемыхъ трудовъ.

I.

Учебный планъ и примѣрные программы математики въ мужскихъ гимназіяхъ М. Н. Пр. 1890 г.

До настоящаго времени мужскія гимназіи должны руководствоваться учебными планами, программами и объяснительной запиской 1890 г.¹⁾, которые представляютъ незначительное видоизмѣненіе программъ 1872 г.²⁾; слѣдовательно, вынѣ дѣйствующимъ программамъ собственно болѣе 35 лѣтъ. —срокъ довольно продолжительный даже для образцово составленныхъ программъ. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ реальныхъ училищахъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, съ 1906—1907 уч. года введены программы³⁾, болѣе отвѣчающія запросамъ времени. Да и вообще, программы реальныхъ училищъ пересматривались и видоизмѣнялись болѣе часто, чѣмъ программы мужскихъ гимназій⁴⁾.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору работъ профессоровъ и преподавателей Московскаго Учебнаго Округа, мы должны будемъ остановиться на программѣ 1890 г., а въ особенности на объяснительной запискѣ къ этой послѣдней. Мы дѣлаемъ это потому, что указанная программа послужить исходнымъ пунктомъ нашего обзора.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1890 г., № 12; Правит. распоряж., стр. 125—139.

²⁾ Планы и программы подвергались пересмотру еще и въ 1877 году. Циркуляръ по управл. Киевскимъ Учебнымъ Округомъ 1877 г., №№ 9, 10 и 11.

³⁾ Циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 30-го июня 1906 г., № 12414. Журн. М. Н. Пр. 1906 г., № 9; Правит. расп., стр. 36 и слѣд.

⁴⁾ Программы реальныхъ училищъ утверждены въ 1873 г.; подвергались пересмотру въ 1888 г., 1895 г. и въ 1906 г. Циркуляръ по Киевск. Учебному Округу за 1889, 1895 г. и 1906 годы.

Что касается послѣдней программы для реальныхъ училищъ (1906 г.), то мы рассмотримъ ее въ концѣ нашего обзора, послѣ изложенія трудовъ, вліяніе которыхъ не могло не отразиться на этой программѣ.

Въ 1890 г. планы и примѣрныя программы мужскихъ гимназій М. Н. Пр., какъ мы упомянули, были вообще нѣсколько видоизмѣнены. Въ частности, число недѣльныхъ уроковъ по математикѣ было уменьшено (съ 30 до 28: въ III кл.—3 урока вмѣсто 4-хъ и въ VIII кл.—2 вмѣсто 3-хъ), а въ связи съ этимъ программы нѣсколько сокращены, и сдѣлана перестановка учебнаго матеріала по классамъ (напр., изслѣдованіе уравненій первой степени и неопредѣленные уравненія изъ курса V класса перенесены въ VII-й), такъ что въ общемъ можно признать, что программы были отчасти улучшены, хотя времени на выполненіе этихъ программъ было недостаточно (особенно въ III и VIII кл.).

При нынѣ дѣйствующихъ программахъ, съ прибавленіемъ въ III, V и VIII кл. по одному уроку въ недѣлю, число учебныхъ часовъ по математикѣ можно считать для средней школы вполне достаточнымъ.

Замѣтимъ, что, кромѣ учебнаго плана математики, даны были болѣе подробныя программы, которыя официально названы примѣрными. Этими программами не особенно стѣснены преподаватели: онѣ „не обязательны для преподавателей и должны лишь служить образцомъ при соображеніяхъ, какимъ образомъ могутъ быть выполнены требованія министерства при данномъ числѣ уроковъ“¹⁾. Мы не будемъ приводить программы полностью, а отмѣтимъ только нѣкоторые пункты ихъ²⁾.

Укажемъ, что въ I классѣ по ариѳметикѣ, между прочимъ, предлагается: ознакомленіе съ изображеніемъ чиселъ церковно-славянскими и римскими знаками; не только письменное, но и устное рѣшеніе задачъ и, наконецъ, ознакомленіе съ простѣйшими дробями помощію задачъ, преимущественно устныхъ, т. е.

¹⁾ Въ предложеніи министра народнаго просвѣщенія отъ 8-го іюня 1877 г. между прочимъ, говорится: „Примѣрныя программы не обязательны для преподавателей и должны лишь служить образцомъ при ихъ соображеніяхъ, какимъ образомъ могутъ быть выполнены требованія министерства при данномъ числѣ уроковъ; но само собою разумѣется, что онѣ могутъ быть существенно измѣняемы или и вовсе устраняемы по какимъ-либо уважительнымъ соображеніямъ, которыя и должны быть изложены въ годичныхъ отчетахъ гимназій и прогимназій“. Циркуляръ по управл. Кіевск. Уч. Округомъ 1877 г., № 9.

²⁾ Для удобства читателей программы или содержаніе ихъ, гдѣ только возможно, выдѣляются изъ остального текста — печатаются укороченными строками.

съ такъ называемымъ пропедевтическимъ курсомъ дробей. Въ III классѣ (при 1 урокъ) требуется пройти: „Объ отношеніяхъ и пропорціяхъ; рѣшеніе задачъ на такъ называемыя правила: тройное простое и сложное, процентовъ, учета векселей (коммерческаго), цѣнное, пропорціональнаго дѣленія и смѣшенія перваго и втораго рода—способомъ приведенія къ единицѣ и способомъ пропорцій. Наконецъ, въ VIII классѣ повторяется весь пройденный курсъ, и, кромѣ того, вновь проходятся теоремы о дѣлимости чиселъ, теорія общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго, а также теоремы, дающія необходимыя и достаточныя условія обращенія обыкновенныхъ несократимыхъ дробей въ десятичныя конечныя и періодическія.

Обратимъ вниманіе на то, что по **алгебрѣ** въ IV классѣ, при 2-хъ урокахъ въ недѣлю, полагается пройти: начиная съ дѣленія многочленовъ, разложеніе алгебраическихъ выраженій на множители, нахожденіе общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго нѣсколькихъ цѣлыхъ одночленовъ и многочленовъ, дѣйствія надъ алгебраическими дробями, дѣйствія надъ количествами съ отрицательными показателями, уравненіе первой степени съ однимъ и со многими неизвѣстными, возвышеніе въ степени, извлеченіе квадратныхъ корней изъ алгебраическихъ многочленовъ и чиселъ и, наконецъ, теорію пропорцій. Въ V классѣ (при 2-хъ урокахъ): квадратное уравненіе, свойства трехчлена второй степени, рѣшеніе простѣйшихъ уравненій второй степени съ двумя неизвѣстными, дѣйствія надъ радикалами и надъ количествами съ дробными показателями (объ ирраціональныхъ числахъ нѣтъ упоминанія въ программѣ) и, наконецъ, извлеченіе кубическихъ корней изъ чиселъ. Въ VII классѣ (при 1½ урок.) полагается пройти: изслѣдованіе уравненій первой степени съ однимъ и съ двумя неизвѣстными, неравенства первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ, неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, непрерывныя дроби, теорію соединеній и биномъ Ньютона для положительнаго и цѣлаго показателя. Въ VIII классѣ, кромѣ повторенія всего курса съ рѣшеніемъ задачъ на всѣ его отдѣлы, вновь проходитъ теорема Безу, введеніе постороннихъ рѣшеній и уничтоженіе существующихъ рѣшеній въ уравненіяхъ и, наконецъ, рѣшеніе уравненій способомъ Безу.

Геометрія починається систематическимъ курсомъ въ IV классѣ. Курсъ V класса, —самый отвѣтственный,—начинается съ пропорціональности прямыхъ линій и подобія фигуръ; здѣсь же проходить теорія предѣловъ въ примѣненіи къ опредѣленію длины окружности и площади круга; наконецъ, въ V же классѣ полагается пройти начальныя теоремы изъ стереометріи. Въ VI классѣ курсъ геометріи заканчивается; въ VII классѣ геометріи вовсе нѣтъ; въ VIII классѣ, кромѣ повторительнаго курса, полагается сообщить понятіе о приложеніи алгебры къ геометріи, а также рѣшать геометрическія задачи съ примѣненіемъ тригонометріи.

Курсъ **тригонометріи** проходитъ въ VII классѣ; въ этомъ курсѣ, кромѣ обычнаго матеріала, требуется познакомить съ измѣреніемъ линій и угловъ на земной поверхности, а также съ простѣйшими угломѣрными инструментами и съ приложеніемъ прямолинейной тригонометріи къ производству различныхъ измѣреній на мѣстности. Въ VIII классѣ курсъ тригонометріи повторяется.

Мы позволили себѣ остановиться на нѣкоторыхъ пунктахъ программы 1890 г., чтобы въ послѣдующемъ изложеніи не повторяться, такъ какъ на эту программу намъ придется не разъ сослаться. Что касается объяснительной записки къ учебному плану математики, то мы коснемся ея не только съ вышеуказанной цѣлью, но также и потому, что эта записка представляетъ значительный интересъ сама по себѣ.

„Математика, какъ наука точная и отвлеченная,—говорится въ запискѣ,—представляя изучающимъ ее простое и потому удобное средство къ правильному развитію мышленія, составляетъ одну изъ основъ общаго образованія... При преподаваніи математики должно быть обращено существенное вниманіе на основательное и строго-систематическое изученіе теоретическаго курса ея; практическія же упражненія должны служить, во-первыхъ, къ разъясненію теорій, а во-вторыхъ, къ приобрѣтенію навыка въ вычисленіяхъ“.

Высказанный здѣсь взглядъ на значеніе и цѣли преподаванія математики, равно какъ и на практическія упражненія по этому предмету, нѣсколько узкій, односторонній: не обращено вниманія на значеніе математики и въ области, такъ сказать, матеріальнаго развитія изучающихъ ее, на значеніе ея какъ науки и какъ научнаго метода міропознаванія, а также на то, что практическія упражненія по математикѣ имѣютъ не только служебное, но и самостоятельное значеніе (подобно теоріи).

„Преподаваніе ариѳметики,—говорится далѣе въ запискѣ,—въ первыхъ трехъ классахъ имѣеть цѣлью научить сознательно, быстро и изящно производить 4 дѣйствія надъ цѣлыми и дробными числами. Производство дѣйствій будетъ сознательно только тогда, когда оно основано на точныхъ опредѣленіяхъ этихъ дѣйствій и на нѣкоторыхъ принципахъ. Принципы эти должны быть доказываемы, а не предлагаемы догматически“. Нѣкоторыя же изъ теоремъ о числахъ (относящіяся къ признакамъ дѣлимости, къ нахожденію общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго) „должны быть предложены догматически, такъ какъ доказательства этихъ теоремъ недоступны для учениковъ низшихъ классовъ; въ VIII же классѣ теоремы эти должны быть доказаны“.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что ученики должны производить дѣйствія надъ числами сознательно, быстро и изящно. Но этого мало: необходимо, чтобы ученики умѣли примѣнять свои знанія къ рѣшенію задачъ. Едва ли можно требовать отъ ученика I класса, чтобы онъ давалъ точныя опредѣленія или доказательства тѣхъ теоремъ, на которыхъ основаны письменные приемы производства дѣйствій и т. п.; съ другой стороны, мы думаемъ, что не слѣдуетъ ничего давать ученикамъ, въ особенности по математикѣ, въ догматической формѣ: вѣдь, напр., восьмилѣтній мальчикъ можетъ вполне сознательно разыскать произведеніе 8.7 или частное $54:3$ и въ то же время не дастъ опредѣленій ни умноженія, ни дѣленія, а равно не выразитъ даже той теоремы, на которой основано дѣленіе ($54:3 = 30:3 + 24:3$); у ученика можно выработать ясное и болѣе или менѣе отчетливое представленіе о перемѣстительномъ свойствѣ при умноженіи, не давая логически строгаго доказательства и не сообщая этой истины въ догматической формѣ. Сказанное нами особенно имѣеть мѣсто при изученіи цѣлыхъ чиселъ. Нужно имѣть въ виду, что при первоначальномъ обученіи даже по математикѣ преобладаетъ все-таки работа психологическаго характера, а не логическаго.

Довольно рѣдко приходится встрѣчаться съ нормальной постановкой преподаванія ариѳметики, да кстаті сказать, и началъ алгебры (курсъ III и отчасти IV кл.) въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній: обыкновенно наблюдаются крайности и при томъ чаще всего въ сторону, противоположную той, которая рекомендуется объяснительной запиской. Этотъ фактъ заслуживаетъ особаго вниманія. Интересно отмѣтить, что въ хорошихъ начальныхъ школахъ дѣло обученія стоитъ болѣе нормально, и понятно—почему.

„Для достиженія быстроты и изящества въ умственныхъ вычисленіяхъ,—говорится далѣе въ запискѣ,—преподаватель долженъ ознакомить учащихся съ начала курса I класса съ различными приемами этихъ вычисленій, а затѣмъ, чтобы таковыя исчисленія были прочно усвоены,

необходимо въ первыхъ двухъ классахъ, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. удѣлять минутъ 15 въ концѣ урока на такъ называемое бѣглое умственное вычисленіе съ цѣлымъ классомъ, и во время рѣшенія письменныхъ задачъ на доскѣ или въ тетрадяхъ отнюдь не позволять дѣлать письменно дѣйствія съ малыми числами“.

Умѣть считать устно—важно не только потому, что это имѣетъ громадное практическое значеніе, но и потому, что при устномъ счетѣ требуется болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу, чѣмъ при письменномъ вычисленіи. А между тѣмъ русская школа въ устномъ счетѣ сильно отстала отъ западно-европейской. Слѣдовательно, вполнѣ рационально обратить на это серьезное вниманіе; матеріаль для такихъ вычисленій встрѣчается на каждомъ шагѣ (не въ одной ариметикѣ), и нѣтъ надобности удѣлять для этого особое время, но необходимо постоянно и настоятельно требовать отъ учениковъ устнаго выполненія дѣйствій не только надъ малыми числами, какъ указано въ объяснительной запискѣ, а вообще надъ тѣми числами, которыя даютъ по своему характеру подходящій матеріаль. Опять нельзя не обратить вниманія на то, какъ мало проникло въ жизнь школы это вполнѣ рациональное требованіе программы.

„При преподаваніи алгебры, —говорится въ объяснительной запискѣ, —должно стремиться послѣдовательно расширять въ умѣ учащихся представленія о числѣ, имѣя въ виду, что въ алгебрѣ долженъ господствовать духъ обобщеній, который и есть причина весьма важнаго значенія алгебры, какъ предмета изученія въ среднемъ учебномъ заведеніи... Теорема Безу въ IV классѣ не должна излагаться въ общемъ видѣ, —достаточно показать разложеніе выраженій $a^3 \pm b^3$, $a^5 \pm b^5$ на сомножители. Въ курсѣ IV класса должно быть обращено особое вниманіе на разложеніе выраженій на сомножители“. Далѣе слѣдуютъ методическія указанія касательно этого отдѣла. „Должно выяснить, —говорится въ запискѣ, — что количества съ показателемъ нуль и отрицательнымъ суть не что иное, какъ символы, и показать смыслъ и цѣль введенія этихъ символовъ (здѣсь имѣется въ виду, — прибавимъ отъ себя, —нелѣпое изложеніе этихъ вопросовъ въ общераспространенныхъ учебникахъ). При прохожденіи уравненій въ IV классѣ должно выбирать такія уравненія, рѣшая которыя, мы не уничтожаемъ ни одного корня и не вводимъ постороннихъ рѣшеній; эти послѣдніе вопросы должны быть пройдены въ VIII классѣ при повтореніи... Въ VIII классѣ... должно... доказать, что всякое положительное число при положительномъ основаніи имѣетъ логарифмъ... При прохожденіи суммы членовъ безконечно убывающей геометрической прогрессіи должно быть обращено вниманіе на понятіе о предѣлѣ, и здѣсь должно выяснить, что всякое соизмѣримое число можетъ быть разсматриваемо, какъ предѣлъ нѣкотораго ряда соизмѣримыхъ чи-

себя. Здѣсь должно коснуться вопроса объ обращеніи періодическихъ дробей въ обыкновенныя...“

Намъ кажется, что и сдѣланныхъ нами выписокъ достаточно, чтобы убѣдиться въ стремленіи придать курсу алгебры хотя односторонній, но серьезный общеобразовательный характеръ.

Не менѣе интересна объяснительная записка къ программѣ по геометріи.

„Главнѣйшею цѣлью преподаванія геометріи,—сказано въ запискѣ,—должно быть систематическое изученіе ея истинъ учащимися; но такъ какъ геометрія представляетъ собою простѣйшія и разнообразнѣйшія упражненія для практическаго усвоенія формальной логики, то цѣлью ея изученія слѣдуетъ поставить и уясненіе способовъ доказательствъ геометрическихъ истинъ, а также полное усвоеніе учащимися методовъ или формъ разсужденій, употребляемыхъ при этихъ доказательствахъ“. Далѣе слѣдуетъ рядъ методическихъ указаній и, между прочимъ, предлагается уяснить понятія о теоремахъ прямыхъ, обратныхъ, противоположныхъ и обратныхъ противоположнымъ, а также зависимость между этими теоремами. Въ объяснительной запискѣ отведено значительное мѣсто геометрическимъ способамъ доказательствъ. Упоминается, что „при доказательствѣ теоремъ способомъ наложенія слѣдуетъ непременно указать на главнѣйшее и существенное свойство плоскости, по которому можно не только переносить фигуры съ одного мѣста плоскости на другое безъ разрыва самыхъ фигуръ, но и перевертывать послѣднія.—Переходя къ доказательству теоремъ по способу пропорцій, ... слѣдуетъ, между прочимъ, установить, что должно разумѣть подъ отношеніемъ двухъ несоизмѣримыхъ величинъ, и лишь послѣ этого изучить теоремы, отнсящіяся къ величинамъ несоизмѣримымъ.—Переходъ отъ способа пропорцій къ способу предѣловъ будетъ совершенно естественный, если понятіе о геометрической перемѣнной и ея предѣлѣ будетъ выясняться на опредѣленіи длины прямой, несоизмѣримой съ единицею мѣры ея“... Не упущены изъ виду и геометрическія задачи. „Рѣшеніе геометрическихъ задачъ на вычисленіе,—говорится въ запискѣ,—должно происходить послѣ каждаго пройденнаго отдѣла геометріи; оно служитъ для укрѣпленія теоремъ въ памяти, къ приученію пользоваться ими при рѣшеніи практическихъ вопросовъ и для упражненій въ составленіи уравненій и въ преобразованіи алгебраическихъ формулъ; наилучшими задачами этого рода должны считаться только тѣ, которыя требуютъ отъ рѣшающаго чисто геометрическихъ соображеній... Отнюдь не должны быть отдѣляемы отъ систематическаго курса геометріи рѣшенія основныхъ задачъ на построеніе“...

Мы не касаемся вопроса, насколько выполнима при нынѣшнихъ условіяхъ предлагаемая программа геометріи; но несомнѣнно, что объяснительная записка ставитъ очень серіозно дѣло изученія этого предмета, какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны.

„Преподаваніе тригонометріи, — согласно объяснительной запискѣ, — имѣетъ цѣлью научить рѣшать треугольники, а потому слѣдуетъ касаться теоріи тригонометрическихъ функций лишь настолько, насколько она необходима для вышеуказанной цѣли“.

„Ознакомленіе съ предметомъ приложенія алгебры къ геометріи должно быть ограничено выясненіемъ закона однородности, приѣма возстановленія однородности формулъ въ случаѣ ея нарушенія, построеніемъ и изслѣдованіемъ корней квадратнаго уравненія, а также рѣшеніемъ нѣкоторыхъ задачъ, особенно удобныхъ для изслѣдованія“.

Въ заключеніе объяснительная записка даетъ обстоятельныя указанія относительно характера задачъ, которыя должны быть предлагаемы ученикамъ для рѣшенія.

Мы не будемъ входить сейчасъ болѣе подробно въ критическую оцѣнку программъ 1890 г.: наше отношеніе къ нимъ выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія. Во всякомъ случаѣ, если признать эти программы приемлемыми, то нужно согласиться, что объяснительная записка къ нимъ, въ особенности къ программѣ по алгебрѣ и геометріи, представляетъ значительный интересъ; а между тѣмъ несомнѣнно, что указанія этой записки обыкновенно игнорируются и преподаваніе ведется въ большинствѣ случаевъ независимо отъ нея.

II.

Труды комиссій и группъ при Московскомъ Учебномъ Округѣ 1899 г.

Общій обзоръ трудовъ.

Обратимся къ обзору обширныхъ московскихъ трудовъ, вызванныхъ упомянутымъ циркуляромъ министра Н. П. Боголѣпова. Совѣщанія московскихъ педагоговъ и профессоровъ, какъ сказано выше, происходили по предложенію бывшаго попечителя Московскаго Учебнаго Округа П. А. Некрасова во второй половинѣ 1899 года. Для совѣщанія были привлечены лица, извѣстныя въ научномъ и педагогическомъ мірѣ Москвы и Московскаго Учебнаго Округа. Между ними мы встрѣчаемъ извѣстныхъ профессоровъ: Н. А. Андреева, Н. В. Бугаева, Б. К. Млодзѣвскаго, П. А. Некрасова, Н. Е. Жуковскаго и др. и выдающихся педагоговъ: К. К. Мазинга, Н. А. Рыбкина, В. Я. Гебеля, А. М. Воронца, О. И. Егорова и др. Дѣло было организовано, по нашему мнѣнію, вполне рационально: въ рѣшеніяхъ не могло быть ничего предвзятаго, каждому была предоставлена полная свобода и возможность высказать свои взгляды и поработать надъ созданіемъ плана именно той школы, которая казалась ему болѣе всего отвѣчающей запросамъ жизни. Для удобства веденія дѣла пришлось раздѣлиться на нѣсколько группъ, сообразно съ тѣми направленіями, которыя выразились въ мнѣніяхъ различныхъ лицъ относительно реформы средней школы; предсѣдателямъ группъ было разрѣшено приглашать въ засѣданія этихъ группъ и иныхъ сотрудниковъ, сверхъ тѣхъ, которые были приглашены попечителемъ Округа для совѣщаній. И хотя всѣхъ принимавшихъ участіе въ трудахъ различныхъ комиссій и группъ было болѣе 200 человекъ, но въ каждой группѣ отдѣльно работало такое число

лицъ, которое соответствовало быстрому и усиленному ходу дѣла. Кромѣ пяти комиссій, которыя были заняты разработкой вопросовъ, одинаково касающихся всѣхъ типовъ средней школы, выдѣлилось нѣсколько группъ, съ подраздѣленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на подгруппы, для обсужденія вопросовъ по различнымъ отдѣльнымъ типамъ средней школы. Труды московскихъ комиссій и группъ напечатаны въ шести объемистыхъ томахъ¹⁾.

1-я группа²⁾ (подъ предѣтельствомъ директора 7-й гимназіи К. К. Войнаховскаго и помощника попечителя В. Д. Исаенкова) составила изъ лицъ, стоявшихъ за сохраненіе прежней классической школы съ необходимыми въ ней измѣненіями и улучшеніями. При сохраненіи въ ней обоихъ древнихъ языковъ, введено естественнѣдніе (6 уроковъ: по 2 урока въ V—VII кл.), а также обязательное изученіе обоихъ новыхъ языковъ³⁾. Для математики группа нашла возможнымъ отвести только 27 уроковъ (на 1 урокъ меньше сравнительно съ таблицей 1890 г.). Разработкой и видоизмѣненіемъ программы по математикѣ для школы этого типа занимались, главнымъ образомъ, преподаватель 7-й гимназіи Г. Х. Херсонскій и проф. Б. К. Млодзѣвскій.

2-я группа⁴⁾ (подъ предѣтельствомъ проф. В. Э. Миллера), находившая необходимымъ коренное измѣненіе существующей классической гимназіи, занималась детальной разработкой плановъ и программъ видоизмѣненной гимназіи (классическая школа 2-го типа), въ которой латинскій языкъ преподавался бы съ III класса (при 26 урокахъ), а греческій съ V-го (при 16 урокахъ); кромѣ того, въ курсъ гимназіи вводится: естественнѣдніе—8 уроковъ (по 2 урока въ III—VI кл.), отечественнѣдніе—4 урока (по 2 урока въ VII и VIII кл.), обязательное изученіе обоихъ новыхъ языковъ (при значительно увеличенномъ числѣ уроковъ), увеличивается число уроковъ по русскому языку и по исторіи. По математикѣ число уроковъ уменьшено на одинъ—27 вмѣсто 28. Программа по математикѣ для школы этого типа принадлежитъ преподавателю Лазаревскаго Института Н. А. Рыбкину⁵⁾.

¹⁾ Приложенія къ Циркулярамъ по Московскому Учебному Округу, издавъ подъ редакціей Вл. Исаенкова. Совѣщанія, происходившія въ 1899 г. въ Московскомъ Учебномъ Округѣ по вопросамъ о средней школѣ, въ связи съ циркуляромъ г. Мин. Нар. Пр. отъ 8 іюля 1899 г. за № 16212. Вып. 1—6. М. 1899.

²⁾ Вып. 2 Труды 1-й группы по организаціи классической гимназіи.

³⁾ Тамъ же. Сводъ положеній, выработанныхъ 1-й группой по организаціи классической гимназіи, стр. 155—170.

⁴⁾ Вып. 3. Труды 2-й и 3-й группъ по организаціи гимназіи, стр. 1—36

⁵⁾ Вып. 3. Приложенія. Докладъ преподавателя Н. А. Рыбкина „О постановкѣ курса математики въ гимназіи“, стр. 91 и 92.

3-я группа ¹⁾ (подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Кирпичникова) объединила въ себѣ лицъ, пришедшихъ къ убѣжденію, что единственнымъ средствомъ добыть время, необходимое для усиленія нѣкоторыхъ предметовъ и введенія въ курсъ недостающихъ въ немъ общеобразовательныхъ элементовъ, являлось изъятіе греческаго языка изъ числа предметовъ преподаванія въ средней школѣ (классическая школа 3-го типа). Латинскій языкъ предположено начинать съ III класса (при 29 урокахъ), преподаваніе обоихъ новыхъ языковъ признано обязательнымъ (при чемъ французскій языкъ начинается съ I класса, а нѣмецкій со II-го), вводятся естественновѣдѣніе — 9 уроковъ (по 2 урока въ III—VI и 1 урокъ въ VII классѣ); для физики съ космографіей предназначается 11 уроковъ. Для математики отводятся 29 уроковъ (на 1 урокъ больше, чѣмъ раньше) ²⁾. Въ разработкѣ программы самое дѣятельное участіе принималъ проф. Б. К. Млодзѣвскій ³⁾.

4-я группа ⁴⁾ (подъ предсѣдательствомъ директора Комиссаровскаго Техническаго училища А. О. Леоновича) занята была вопросомъ о реорганизациіи реальныхъ училищъ ⁵⁾. Училища были признаны учебными заведеніями общеобразовательными въ полномъ смыслѣ этого слова. Указано было на необходимость увеличить продолжительность курса реальныхъ училищъ до 8 лѣтъ, усилить гуманитарный элементъ въ учебныхъ предметахъ этого рода и курсу всѣхъ восьми классовъ придать общеобразовательный характеръ. Признано желательнымъ допущеніе реалистовъ на медицинскій и физико-математическій факультеты университетовъ. Для математики группа предоставила всего 35 уроковъ (на 4 урока меньше сравнительно съ прежнимъ числомъ уроковъ). Программу по математикѣ для реальныхъ училищъ ⁶⁾ этого типа вырабатывали, главнымъ образомъ, директоръ реального училища К. К. Мазингъ ⁷⁾ и преподаватель реального училища А. М. Воронецъ ⁸⁾.

¹⁾ Вып. 3. Труды 2-й и 3-й группъ по организациіи гимназій, стр. 37—88.

²⁾ Тамъ же. Сводъ мнѣній 3-й группы по организациіи гимназій, стр. 58—87.

³⁾ Вып. 3. Приложенія. Докладъ проф. Б. К. Млодзѣвскаго „Программа по математикѣ“, стр. 157—162.

⁴⁾ Вып. 4. Труды 4-й группы по организациіи реальныхъ училищъ.

⁵⁾ Въ основу преобразованія положены постановленія съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію 1895—1896 г.

⁶⁾ Вып. 4. Сводъ положеній, выработанныхъ 4-й группой по организациіи реальныхъ училищъ, стр. 81—97.

⁷⁾ Тамъ же. Приложенія. Докладъ А. М. Воронца „О желательныхъ измѣненіяхъ въ программахъ геометріи, геометрическаго черченія, тригонометріи и приложенія алгебры къ геометріи“, стр. 127—134.

⁸⁾ Тамъ же. Приложенія. Докладъ К. К. Мазинга „О сокращеніи курса стереометріи“, стр. 135 и слѣд.

Наконецъ, кружокъ лицъ (2-я подгруппа 5-й группы—подъ предсѣдательствомъ проф. П. Г. Виноградова) одушевленъ былъ мыслью создать школу новаго типа¹⁾ по образцу норвежской школы (напоминающую до нѣкоторой степени современную французскую школу). Группа признала желательнымъ созданіе единой общеобразовательной средней школы съ расхожденіемъ въ старшихъ классахъ по нѣсколькимъ линіямъ, подготовляющимъ почву для высшаго образованія,—и при томъ такъ, чтобы образованіе въ младшемъ отдѣленіи средней школы, съ законченнымъ курсомъ и умѣренными требованіями, дало бы возможность многимъ, остановившимся на подорогѣ къ университету, начать практическую дѣятельность. Въ виду этого средняя школа распадается на младшее отдѣленіе изъ пяти классовъ²⁾ и старшее³⁾, состоящее изъ трехъ классовъ и трехъ линій—гуманитарной, классической и натуралистической. Курсъ младшаго отдѣленія долженъ быть болѣе или менѣе законченнымъ; онъ довольно сходенъ съ курсомъ городскихъ училищъ 1872 г. (Предметы преподаванія: Законъ Божій, русскій языкъ, одинъ изъ новыхъ языковъ—съ I класса, исторія, географія, естествовѣдѣніе, физика и химія, математика и черченіе). На математику отводится въ младшемъ отдѣленіи 21 урокъ; въ старшемъ же отдѣленіи на гуманитарной и классической вѣтви по 9 уроковъ, а на натуралистической—11 уроковъ. Надъ программой математики въ школахъ этого типа много потрудились инспекторъ слесарно-ремесленнаго училища В. Я. Гебель, преподаватель 1-й гимназіи Д. Д. Галанинъ, а также К. К. Мазингъ⁴⁾.

Распределеніе уроковъ математики въ школахъ указанныхъ типовъ помѣщено въ нижеприведенной таблицѣ.

¹⁾ Вып. 5. Протоколы засѣданій 2-й подгруппы 5-й группы по вопросу объ организациі единой общеобразовательной средней школы новаго типа, стр. 28—64.

²⁾ Тамъ же. Сводъ положеній, выработанныхъ 2-й подгруппой 5-й группы о младшемъ отдѣленіи средней общеобразовательной школы новаго типа, стр. 51—64.

³⁾ Тамъ же. Проектъ распределенія учебныхъ часовъ въ недѣлю въ 3-хъ старшихъ классахъ школы новаго типа, стр. 50.

⁴⁾ Тамъ же. Приложенія. Докладъ В. Я. Гебеля и Д. Д. Галанина „О программѣ по математикѣ“; „Объяснительная записка къ курсу математики“. составл. Д. Д. Галанинымъ и К. К. Мазингомъ, стр. 89—92.

ТИПЫ ШКОЛЪ.	К л а с с ы.								Всего	
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII		
Гимназія {	Таблица 1890 г.	4	4	3	4	4	4	3	2	28
	Таблица 1906—07 г.	4	4	4	4	5	4	3	3	31
Реальное учил. {	Таблица 1895 г.	3	4	4 2ч	6 2ч	5 2ч	6 2ч	3 2ч	—	31 10ч
	Таблица 1906 г.	4	4	4 2ч	6 1ч	6	6	5	—	35 3ч
Совѣщанія при Моск. Уч. Окр. 1899 г.										
1. Классич. гимназ. съ 2-мя древн. яз.—клас. школа 1-го типа. (1-я гр., предс. К. К. Войнаховскій и В. Д. Исаенковъ).										
		3	4	3	4	4	3	3	3	27
2. Классич. школа 2-го типа. (2-я гр., предсѣд. проф. В. Θ. Миллеръ).										
		3	4	3	4	4	3	3	3	27
3. Гимназія съ 1-мъ лат. яз.—школа 3-го типа. (3-я гр., предс. проф. Кирпичниковъ).										
		4	4	4	4	4	3	3	3	29
4. Реальное училище съ 8-год. курсомъ (4-я гр., предс. А. Θ. Леоновичъ)										
		4	3	3 2ч	6	5	5	5	4	35 2ч
5. Средняя школа новаго типа (съ 2-мя циклами). (2-я подгр. 5-ой гр., предс. проф. П. Г. Виноградовъ).										
		3*	4*	5*	4*	5*	Г. 3 Н. 3 К. 3	3 3 3	3 5 3	30 32 30
<p>ч Этимъ знакомъ отмѣчены уроки черченія.</p> <p>* Общее число уроковъ математики и черченія.</p> <p>Г—гуманитарное отдѣленіе, Н—натуралистическое, К—классическое.</p>										

Программы по математикѣ.

Переходя къ разсмотрѣнію всѣхъ программъ съ объяснительными къ нимъ записками, мы должны замѣтить, что только вскользь будемъ касаться распредѣленія предметовъ по классамъ, такъ какъ это представляеть для насъ въ данномъ случаѣ мало интереса.

По существу, программы всѣхъ намѣченныхъ типовъ школы, за исключеніемъ школы новаго типа, сходны между собою: онѣ разнятся только

деталлями. Программы школы новаго типа представляютъ, какъ мы уже упоминали, подраздѣленіе на два концентра.

Ариѳметика. Въ курсѣ ариѳметики всѣ видоизмѣненія программы сводятся къ болѣе или менѣе значительнымъ сокращеніямъ. Укажемъ ихъ въ порядкѣ изложенія самого предмета.

Предлагается исключить въ курсѣ ариѳметики первыхъ 3-хъ классовъ: 1) Ознакомленіе на урокахъ ариѳметики съ обозначеніемъ чиселъ при помощи церковно-славянскихъ цифръ. Это сокращеніе предложено въ программахъ классической школы 2-го типа и реального училища, въ двухъ же программахъ (школы 1-го типа и школы новаго типа) объ этомъ вовсе не упоминается. 2) Признакъ дѣлимости на 8 (по программѣ школы 2-го типа), на 6 (по программѣ реального училища). 3) Нахожденіе общаго наибольшаго дѣлителя послѣдовательнымъ дѣленіемъ¹⁾. Переносится этотъ вопросъ въ курсъ VIII класса (по всѣмъ программамъ). 4) Ученіе о періодическихъ дробяхъ ограничивается только изложеніемъ происхожденія періодической дроби и общимъ понятіемъ о періодической дроби; обстоятельное изложеніе этого отдѣла переносится или въ курсъ алгебры—ученіе о бесконечно-убывающей геометрической прогрессіи—или въ курсъ VIII класса—повторительный курсъ ариѳметики. Къ этому приходятъ единодушно всѣ программы. 5) Ученіе о пропорціяхъ переносится (по программамъ школы 3-го типа, реального училища, школы новаго типа) въ курсъ алгебры, гдѣ оно будетъ „умѣстно, представляя лишь частный случай теоріи уравненій“. 6) Всѣми единодушно исключаются задачи на учетъ векселей и на цѣпное правило, остальные же задачи на такъ называемыя тройныя правила предлагается рѣшать въ ариѳметикѣ только приведеніемъ къ единицѣ—пріемомъ ариѳметическимъ, имѣющимъ въ данномъ случаѣ болѣе образовательное значеніе, чѣмъ алгебраическій пріемъ—пріемъ пропорцій.

Противъ всѣхъ этихъ сокращеній и упрощеній едва ли кто серьезно будетъ возражать въ настоящее время, а потому нѣтъ надобности приводить и всѣ тѣ соображенія, которыми руководствовались при вышеуказанныхъ измѣненіяхъ.

Нѣкоторые предлагаютъ опустить и рѣшеніе задачъ на смѣшеніе (программы школы 1-го типа и реального училища). Въ замѣчаніяхъ же къ программамъ реального училища и въ особенности школы новаго типа признается, что выдѣленіе задачъ на различныя правила не желательно: такое выдѣленіе отучаетъ ученика отъ самостоятельнаго мышленія, ибо въ задачѣ на первомъ планѣ долженъ стоять самостоятельный анализъ, а въ

¹⁾ Ученіе объ общемъ наибольшемъ дѣлителѣ, безъ всякаго ущерба для дѣла, можетъ быть опущено въ курсѣ II класса.

этих задачахъ вводится шаблонъ. „Понятіи о векселяхъ не нужны, по мнѣнію г. Мазинга (программа реального училища), какъ не соотвѣтствующія общему строю обученія въ общеобразовательной школѣ, и по своему составу задачъ — дѣйствительности. Всякія задачи на остальные правила должны по степенямъ трудности входить въ курсы I и II классовъ. Понятіе о процентѣ необходимо сообщать ученикамъ при прохожденіи десятичныхъ дробей“. Вполнѣ нужно согласиться съ тѣмъ, чтобы задачи вообще рѣшались не по шаблону, не по правилу, а по соображенію; поэтому задачи на такъ называемыя „правила“ должны входить въ курсы I и II классовъ, но отсюда, намъ кажется, вовсе не слѣдуетъ, что въ концѣ курса въ III классѣ,—когда рѣшеніе вышеуказанныхъ задачъ уже сыграло, такъ сказать, свою образовательную роль,—не было бы полезно и желательно отмѣтить главные типы ариѳметическихъ задачъ и подчеркнуть при этомъ болѣе простые и болѣе изящные приемы рѣшенія этихъ задачъ.

Вполнѣ рациональнымъ нужно признать мнѣніе, принятое многими методистами и отмѣченное въ объяснительной запискѣ къ курсу математики въ новой школѣ, что „содержаніе ариѳметическихъ задачъ должно, почти исключительно, заимствоваться изъ области именованныхъ чиселъ, даваемыхъ не только вопросами житейской и коммерческой практики, а также и задачами по геометріи, физикѣ, химіи и т. п., конечно, постольку, сколько это будетъ доступно учащимся при данномъ уровнѣ развитія ихъ“¹⁾. Въ эти задачи должны входить не только простыя, но и составныя именованныя числа, и дѣйствія надъ составными именованными числами должны производиться не по шаблону, а по соображенію. Но въ концѣ концовъ, въ свое время должны быть, по нашему мнѣнію, приведены въ систему и отмѣчены болѣе простые, болѣе удобные приемы преобразованій съ именованными числами и не только съ цѣлыми, но и съ дробными. И если опустить въ программѣ рубрику „дѣйствія надъ составными именованными числами“,—чего, собственно говоря, не слѣдуетъ дѣлать,—то это не значитъ, что вышеуказанное распредѣленіе учебнаго матеріала потребуетъ меньше времени, чѣмъ обычное (какъ ошибочно предполагаютъ составители программы школы новаго типа).

Заслуживающимъ вниманія является указаніе программъ реального училища и школы новаго типа избѣгать „многодѣлія“²⁾ съ составными именованными числами, т. е. ограничиваться, по большей части, именованными числами, составленными изъ единицъ двухъ, трехъ сосѣднихъ разрядовъ.

¹⁾ Вып. 4. Сводъ положеній, стр. 90.

²⁾ „Многодѣліе“, „многодѣльность“—термины московскихъ педагоговъ.

Болѣ слабой программой по ариѳметикѣ является программа классической школы 2-го типа (программа Н. А. Рыбкина); въ ней безъ всякихъ основаній опущенъ въ I классѣ пропедевтический курсъ дробей—отдѣлъ, необходимость котораго настолько очевидна и общепризнана методистами, что нѣтъ надобности останавливаться на этомъ вопросѣ. Мало обосновано также исключеніе въ той же программѣ отдѣла объ измѣненіи результатовъ дѣйствій въ зависимости отъ измѣненія элементовъ ихъ. Этотъ отдѣлъ представляется намъ особенно важнымъ, если принять во вниманіе новые взгляды на преподаваніе математики въ средней школѣ: онъ даетъ подходящій матеріалъ для уясненія функціональной зависимости.

Наконецъ, неосновательной является мысль, выраженная въ программахъ реального училища и школы новаго типа, что повтореніе ариѳметики въ III классѣ не желательно, что вмѣсто этого нужно ввести курсъ общей ариѳметики. Кто знакомъ съ дѣтской психологіей, тотъ хорошо знаетъ, насколько необходимо и важно при обученіи повтореніе пройденнаго; на этомъ принципѣ, между прочимъ, основано концентрическое расположеніе учебнаго матеріала въ пропедевтическомъ курсѣ ариѳметики и повтореніе пройденнаго въ курсѣ систематическомъ¹⁾. Намъ кажется существеннымъ пробѣломъ программъ отсутствіе упоминанія о томъ, что курсъ каждаго класса долженъ начинаться повтореніемъ основныхъ вопросовъ, проработанныхъ въ предшествующемъ классѣ, съ необходимыми дополненіями и обобщеніями. Кромѣ всего этого, нужно имѣть въ виду, что курсъ общей ариѳметики вовсе не замѣнитъ собою повторительнаго курса ариѳметики. Что касается повторительнаго курса ариѳметики VIII класса съ надлежащими обобщеніями и дополненіями, то необходимость его признается всѣми программами.

Къ пробѣламъ программъ нужно также отнести отсутствіе упоминанія какъ въ программахъ, такъ и въ объяснительныхъ запискахъ объ устномъ счетѣ: о важномъ значеніи этого вопроса мы уже говорили раньше²⁾.

Распределеніе ариѳметическаго учебнаго матеріала по классамъ остается почти безъ измѣненія по сравненію съ программой 1890 г.

Алгебра. И въ курсѣ алгебры имѣлось въ виду, главнымъ образомъ, сократить и упростить матеріалъ, подлежащій усвоенію. Методическихъ

¹⁾ Въ программахъ западно-европейскихъ школъ допускается концентрическое расположеніе учебнаго матеріала и въ курсѣ систематическомъ. См., напр., программы французскихъ школъ: „Plan d'études et programmes de l'enseignement secondaire 1902—1905“.

²⁾ См. выше, стр. 10.

замѣчаній, какъ и слѣдовало ожидать, здѣсь значительно меньше, чѣмъ въ программѣ ариѳметики.

Единодушно, безъ всякихъ оговорокъ, предлагается исключить изъ курса: 1) извлеченіе квадратнаго корня изъ многочленовъ (въ IV классѣ); 2) извлеченіе кубическаго корня изъ чиселъ (въ V классѣ); 3) ученіе о непрерывныхъ дробяхъ (въ VII классѣ). Эти сокращенія являются у насъ общепризнанными и въ педагогической литературѣ и на практикѣ.

Кромѣ того, по программѣ классической школы 2-го типа (программа Н. А. Рыбкина) предлагается опустить задачи на срочные вклады и уплаты, а по программѣ реального училища—и вообще задачи на сложные проценты. „Эти задачи,—по мнѣнію К. К. Мазинга,—неправильно заняли преобладающее значеніе въ общеобразовательномъ курсѣ; а приемы рѣшенія, предлагаемые для нихъ въ курсѣ алгебры, далеко ушли отъ приемовъ современной житейской практики“¹⁾. Въ программѣ классической школы 2-го типа опущены также теорія соединеній и биномъ Ньютона (безъ мотивовъ); въ той же школѣ предположено почему-то не останавливаться на возвышеніи многочлена въ квадратъ. Проф. Б. К. Млодзѣвскій въ программѣ школы 3-го типа предлагаетъ изслѣдованіе уравненій ограничить уравненіями первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ, такъ какъ на нихъ могутъ быть достаточно выяснены какъ самыя задачи изслѣдованія, такъ и истинное значеніе безконечныхъ и неопредѣленныхъ рѣшеній.

Намъ кажется, что безъ особаго ущерба для дѣла можно пожертвовать тѣми статьями, которыя намѣчены къ сокращенію программами школъ 2-го и 3-го типовъ,—конечно, если освободившееся время будетъ посвящено на болѣе производительную математическую работу: мы разумѣемъ введеніе въ курсъ средней школы основъ высшаго анализа.

Далѣе, по мнѣнію К. К. Мазинга (программа реального училища), въ курсѣ алгебры должна быть исключена всякая „многодѣльность“: раскрытіе скобокъ болѣе, чѣмъ въ три ряда; всѣ 4 дѣйствія съ многочленами при буквенныхъ показателяхъ и многочленныхъ коэффициентахъ; дѣйствія съ многочленами, содержащими болѣе 4-хъ разнородныхъ членовъ (мы бы прибавили: если къ тому не представится надобность); частные случаи дѣленія въ общемъ видѣ; возвышеніе въ квадратъ многочленовъ, содержащихъ болѣе 3-хъ членовъ, а въ кубъ—болѣе 2-хъ членовъ. Помимо этого, К. К. Мазингъ находитъ необходимымъ вовсе опустить статьи, не вносящія ничего существенно новаго; сюда онъ относитъ: производныя пропорціи, за исключеніемъ имѣющихъ приложеніе къ геометріи и облегчающихъ рѣшеніе уравненій; способъ Безу для рѣшенія системы уравненій; вычитаніе и дѣленіе комплексныхъ количествъ. Наконецъ, онъ

¹⁾ Вып. 4. Протоколы, стр. 65.

предлагаетъ исключить статьи, сложныя по своей конструкціи и выводамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣющія приложения въ средней школѣ,—между прочимъ, натуральные логариомы и даже теорія предѣловъ ¹⁾.

Не со всѣми упрощеніями, какія предлагаетъ К. К. Мазингъ, можно согласиться. Такъ, напр., если желательно производить дѣйствія съ одночленами при буквенныхъ показателяхъ (а это, очевидно, признается программой г. Мазинга), то почему же не слѣдуетъ производить сложенія, вычитанія, умноженія многочленовъ при буквенныхъ показателяхъ и даже дѣленія многочлена на одночленъ, ограничиваясь двумя—тремя членами въ многочленѣ: вѣдь это, какъ свидѣтельствуетъ практика, вноситъ только бѣольшую сознательность въ производство алгебраическихъ преобразованій и является лучшимъ показателемъ, насколько осмысленно усвоенъ пройденный курсъ. А важность и необходимость теоріи предѣловъ настолько общепризнана, что намъ не приходится останавливаться на этомъ.

Слѣдуетъ упомянуть также, что проф. Б. К. Млодзѣвскій для школы 3-го типа предлагаетъ, безъ всякихъ мотивовъ, ввести болѣе подробный разборъ уравненій, приводящихся къ квадратнымъ, а также статью о maxima и minima выраженій второй степени ²⁾. Сомнительно, чтобы эта послѣдняя статья въ элементарномъ изложеніи заслуживала особаго вниманія.

Наконецъ, въ курсъ классической школы 1-го типа вводится ознакомленіе съ функциями, а также съ методомъ координатъ, а въ курсъ школы 3-го типа дополнительные статьи по выбору преподавателя.

По классамъ курсъ алгебры распределяется приблизительно такъ же, какъ и по программѣ 1890 г., съ слѣдующими незначительными отступленіями въ нѣкоторыхъ программахъ:

Въ классической школѣ 1-го типа въ курсъ III класса вводится рѣшеніе численныхъ уравненій первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ.

Въ классической школѣ 2-го типа прогрессія переносятся въ курсъ V класса; дѣйствія надъ количествами съ отрицательными и дробными показателями—въ курсъ VI класса; изслѣдованіе уравненій—въ курсъ VIII класса.

Въ классической школѣ 3-го типа въ курсъ III класса перемѣщается дѣленіе многочленовъ и разложеніе многочленовъ на множители.

¹⁾ Вып. 4. Протоколы, стр. 64, 65.

²⁾ Вып. 3. Приложенія, стр. 160.

Въ восьмиклассномъ реальномъ училищѣ намѣчена слѣдующая программа курса алгебры ¹⁾.

III классъ (2 урока). Четыре основныя дѣйствія надъ одночленами и многочленами. Рѣшеніе числовыхъ уравненій первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ.

IV классъ (2 урока). Дѣйствія надъ алгебраическими дробями. Рѣшеніе уравненій первой степени съ однимъ и со многими неизвѣстными.

V классъ (2 урока). Возвышеніе въ степень одночленовъ и извлеченіе корней изъ нихъ. Извлеченіе корня квадратнаго изъ чиселъ. Дѣйствія надъ радикалами. Рѣшеніе уравненій второй степени съ однимъ неизвѣстнымъ. Рѣшеніе простѣйшихъ системъ уравненій второй степени.

VI классъ (2 урока). Теорія уравненій и изслѣдованіе уравненій первой степени съ однимъ и двумя неизвѣстными. Количества съ дробными и отрицательными показателями. Логарифмы. Прогрессія.

VII классъ (2 урока). Двучленныя уравненія. Неравенства. Неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными. Изслѣдованіе квадратнаго уравненія. Теорія соединеній. Биномъ Ньютона.

VIII классъ (2 урока). Maxima и minima. Неравенства второй степени. Комплексныя количества. Рѣшеніе задачъ на наиболѣе важныя отдѣлы алгебры.

Замѣтимъ, что въ 4-ой группѣ по реформѣ реальныхъ училищъ было высказано желаніе о введеніи четырехзначныхъ таблицъ логарифмовъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о курсѣ алгебры въ школахъ новаго типа. Какъ мы уже отмѣтили раньше, курсъ младшаго отдѣленія долженъ давать циклъ нѣкоторыхъ законченныхъ знаній.

„Въ курсѣ алгебры на первомъ планѣ должны стоять, по объяснительной запискѣ, не формальныя, а матеріальныя цѣли; не гонба за изысканными (!) способами доказательствъ, а навыкъ въ примѣненіи алгебраическаго анализа (теоріи уравненій) къ различнымъ вопросамъ науки и жизни ²⁾... Въ первый годъ ученія нужно совершенно устранить изъ курса понятіе объ алгебраическомъ количествѣ и начать курсъ алгебры, какъ обобщеніе ариѳметическихъ правилъ и обобщеніе ариѳметическихъ задачъ. Отсюда можно перейти къ составленію и рѣшенію уравненій,

¹⁾ Вып. 4. Протоколы, стр. 65.

²⁾ Вып. 5. Приложенія, стр. 92.

какъ орудія рѣшенія математическихъ вопросовъ. Параллельно съ этимъ проходятся, насколько это нужно для рѣшенія уравненій, приемы преобразованія буквенныхъ выраженій¹⁾).

Относительно задачъ по алгебрѣ въ объяснительной запискѣ говорится: „если нельзя избѣжать задаванія задачъ на домъ, то необходимо ввести въ самомъ широкомъ смыслѣ элементъ факультативности (относительно свободы въ выборѣ способа рѣшенія, въ выборѣ самой задачи: за мѣны самимъ учащимся задачи неносильной — другою изъ требуемаго отдѣла“²⁾).

Послѣдній взглядъ не только ошибоченъ, но, при проведеніи его въ жизнь, могъ бы имѣть очень печальныя послѣдствія, — способствовалъ бы полному ослабленію самодѣятельности, настойчивости, инициативы, чего и безъ того очень мало у нашихъ учениковъ.

Приведемъ полностью программу алгебры для школы новаго типа, такъ какъ эта программа отличается нѣкоторой оригинальностью³⁾.

III классъ. *Общая арифметика* (2 урока). Сложеніе и вычитаніе одночленовъ и многочленовъ. Умноженіе и дѣленіе одночленовъ (очевидно, судя по объяснительной запискѣ, умноженіе и дѣленіе многочленовъ на одночленъ). Понятіе о геометрическомъ отношеніи и геометрической пропорціи. Рѣшеніе болѣе сложныхъ арифметическихъ задачъ. Примѣры обобщенія арифметическихъ задачъ. Составленіе и рѣшеніе числовыхъ уравненій первой степени съ однимъ и съ двумя неизвѣстными.

IV классъ. *Алгебра* (2 урока). Рѣшеніе и составленіе уравненій первой степени съ однимъ и съ двумя неизвѣстными, а также несложныхъ уравненій съ тремя неизвѣстными. Простѣйшіе случаи умноженія и дѣленія многочлена на многочленъ (дѣлитель двучленный). Простѣйшіе случаи разложенія на множители [выводъ общаго множителя за скобку и формулы $(a \pm b)^2$, $a^2 - b^2$]. Дѣйствія съ дробями. Возвышеніе въ степень и извлеченіе корня изъ одночленовъ. Извлеченіе квадратнаго корня изъ чиселъ.

V классъ. *Алгебра* (2 урока). Ирраціональныя числа. Рѣшеніе квадратныхъ уравненій съ числовыми коэффициентами.

¹⁾ Тамъ же, стр. 91.

²⁾ Тамъ же, стр. 91 и 92.

³⁾ Тамъ же, стр. 89.

Для старшаго отдѣленія школы новаго типа программы, вообще, не разработаны. Говорится только, что здѣсь на всѣхъ 3-хъ отдѣленіяхъ заканчивается курсъ алгебры, а въ натуралистическомъ отдѣленіи, кромѣ того, предполагается ознакомленіе съ основами анализа безконечно-малыхъ величинъ.

Не говоря уже о томъ, что ни изъ программы, ни изъ объяснительной записки не видно, когда и какимъ образомъ вводится понятіе объ отрицательномъ числѣ, распредѣленіе учебнаго матеріала по программѣ III класса имѣетъ мало смысла. Курсъ начинается съ дѣйствій надъ одночленами и многочленами, а затѣмъ уже берутся примѣры обобщенія арифметическихъ задачъ.

Слабымъ пунктомъ не только вышеприведенной программы (школы новаго типа), но и остальныхъ программъ (школъ другихъ типовъ) по алгебрѣ является отсутствіе надлежащихъ указаній относительно выработки понятія объ общемъ арифметическомъ числѣ и вообще относительно перехода отъ арифметики къ алгебрѣ; тѣ же указанія, которыя на этотъ счетъ встрѣчаются здѣсь, не отвѣчаютъ педагогическимъ требованіямъ и не выдерживаютъ критики по своей необоснованности, между тѣмъ какъ въ нашей учебной литературѣ есть по этому поводу соображенія, заслуживающія вниманія. То же самое можно сказать и относительно введенія понятій объ отрицательномъ и ирраціональномъ числѣ.

Геометрія. Курсъ геометріи, по мнѣнію лицъ, работавшихъ надъ программой ея въ Московскихъ совѣщаніяхъ, не поддается болѣе или менѣе значительнымъ сокращеніямъ, а по мнѣнію проф. Б. К. Млодзѣвскаго, этотъ курсъ и не нуждается въ особенныхъ сокращеніяхъ. Онъ предлагаетъ его даже въ нѣкоторыхъ частяхъ расширить¹⁾.

„Въ геометріи,—говорится въ объяснительной запискѣ проф. Млодзѣвскаго,—особенное вниманіе должно быть обращено на тѣ отдѣлы науки, въ которыхъ всего болѣе воспитываются способности учащихся ясно представлять себѣ пространственныя соотношенія, а также разсуждать не надъ отвлеченными величинами, а непосредственно надъ геометрическими формами“. Вслѣдствіе этого въ программу включено изученіе важнѣйшихъ геометрическихъ мѣстъ и рѣшеніе несложныхъ задачъ на построеніе и на доказательство; усилено ученіе объ относительномъ положеніи точекъ, прямыхъ и плоскостей въ пространствѣ—ученіе, необходимое для пониманія всего послѣдующаго и съ трудомъ усваиваемое учениками; при прохожденіи главъ о пропорціональныхъ линіяхъ „введено выясненіе понятія объ ирра-

¹⁾ Вып. 3. Приложенія. Объяснительная записка къ программѣ школы 3-го типа, стр. 160.

ціональному числѣ, какъ о мѣрѣ отношенія двухъ несоизмѣримыхъ величинъ“.

По мнѣнію А. М. Воронца (программа реального училища), тоже необходимо введеніе въ курсъ геометріи задачъ на построеніе и на доказательство, и при томъ желательно, чтобы задачи на построеніе заняли преобладающее мѣсто въ сравненіи съ задачами на вычисленіе; точно также, по его мнѣнію, на теоремы объ относительномъ положеніи прямыхъ и плоскостей въ пространствѣ должно быть обращено особенное вниманіе ¹⁾).

Мы вполне присоединяемся къ мысли о необходимости вырабатывать у учениковъ болѣе ясныя представленія о пространственныхъ соотношеніяхъ и думаемъ, что рѣшеніе несложныхъ задачъ на построеніе и на доказательство можетъ оказать существенную помощь въ этомъ. Но намъ кажется, что московскіе педагоги только съ одной стороны подходятъ къ причинамъ вышеуказанныхъ недостатковъ; между тѣмъ на этотъ вопросъ нужно взглянуть еще съ иной точки зрѣнія, коснуться болѣе глубокихъ причинъ наблюдаемаго явленія; но объ этомъ рѣчь будетъ еще впереди ²⁾).

Кромѣ того, по мнѣнію подгруппы, занимавшейся выработкой программы для реального училища, желательно знакомить учениковъ „съ конструкціей и практикой угломѣрныхъ снарядовъ, какъ элементомъ, вносящимъ въ науку практическое ея примѣненіе, всегда поднимающее интересъ къ наукѣ и оживляющее обученіе“ ³⁾. Мысль вполне основательная и плодотворная; но какъ ее провести въ жизнь—это вопросъ сложный.

Въ курсѣ геометріи реального училища безъ ущерба для послѣдовательности, стройности и полноты его найдено возможнымъ сдѣлать слѣдующія сокращенія ⁴⁾:

1) Теоремы о подобіи треугольниковъ со сторонами взаимно параллельными или перпендикулярными.

2) Вычисленіе сторонъ правильного описаннаго треугольника по данной сторонѣ одноименнаго вписаннаго и наоборотъ; формула стороны правильного многоугольника, имѣющаго вдвое большее число сторонъ, чѣмъ данный (знаніе этого особой пользы не приноситъ; вычисленіе легче можетъ быть произведено пріемомъ тригонометрическимъ).

Съ этимъ послѣднимъ предложеніемъ едва ли можно согласиться при обычномъ изложеніи ученія объ окружности: во-первыхъ, не всѣ ознако-

¹⁾ Вып. 4. Протоколы, стр. 67; Приложенія, стр. 127—131.

²⁾ См. ниже замѣчанія о приготовительномъ курсѣ геометріи (гл. VI).

³⁾ Вып. 4. Протоколы, стр. 67.

⁴⁾ Вып. 4. Ср. Прилож., стр. 128, и Проток., стр. 67.

мятся съ тригонометріей, а если и ознакомятся, то черезъ 2 года; во-вторыхъ, это случай, удобный для приложенія алгебры къ геометрическому матеріалу, на чемъ такъ настаиваютъ всѣ.

3) Теорема о подобныхъ многоугольникахъ, построенныхъ на сторонахъ прямоугольнаго треугольника.

4) Теорема о суммѣ двугранныхъ угловъ трехграннаго угла.

5) Теоремы о равенствѣ и симметріи трехгранныхъ угловъ.

6) Теоремы о равенствѣ призмъ и пирамидъ.

7) Теоремы объ условіяхъ подобія многогранниковъ.

Теоремы, указаннныя въ пунктахъ 5, 6 и 7, опущены также и въ программахъ классическихъ школъ 1-го и 2-го типа.

8) Теорема объ усѣченной треугольной призмѣ.

9) Теоремы объ объемѣ сферическаго слоя, сегмента и двусторонника (Опущены и въ программѣ классической школы 1-го типа).

10) Теоремы о подобіи круглыхъ тѣлъ (Опущены и въ программахъ классическихъ школъ 1-го и 2-го типа).

Наконецъ, ученіе объ измѣреніи объемовъ признано желательнымъ, для облегченія курса, излагать на основаніи принципа Кавальери. К. К. Мазингъ и другіе, очевидно, придаютъ этому принципу болѣе значенія, чѣмъ онъ того заслуживаетъ.

Отмѣтимъ, что по программѣ школы 2-го типа длина окружности, площадь круга, поверхности и объемы круглыхъ тѣлъ излагаются безъ теоріи предѣловъ. Теорія предѣловъ съ приложеніемъ ея къ геометрическимъ вопросамъ переносится въ курсъ VIII класса. При обычномъ строѣ нашей школы съ этимъ едва ли можно согласиться. Если мы мечтаемъ о расширеніи математическаго развитія учениковъ, о томъ, чтобы приобщить ихъ къ области тѣхъ понятій, которыя составляютъ содержаніе такъ называемой высшей математики, то является не логичнымъ устраненіе теоріи предѣловъ изъ геометріи даже въ V и VI классахъ.

Относительно черченія въ реальномъ училищѣ рѣшено: въ III классѣ сохранить курсъ техническаго черченія, а въ остальныхъ классахъ не отдѣлять уроковъ черченія отъ уроковъ геометріи, предоставивъ самому преподавателю распорядиться временемъ.

Приложеніе алгебры къ геометріи. По программамъ школъ 1-го и 3-го типа понятіе о приложеніи алгебры къ геометріи сохраняется въ курсѣ VIII класса. Въ программѣ же г. Рыбкина для школы 2-го типа этотъ отдѣлъ опускается безъ всякихъ мотивовъ. Что касается реального училища, то подгруппа физико-математическихъ учебныхъ предме-

товъ, занятая выработкой программы для этого училища, высказалась противъ оставленія приложенія алгебры къ геометріи, какъ отдѣльнаго предмета, по слѣдующимъ причинамъ. 1) „Приложеніе алгебры къ геометріи, являясь суррогатомъ аналитической геометріи, не даетъ учащемуся того могучаго и въ то же время простаго орудія, какимъ обладаетъ эта наука: указывая лишь на нѣкоторые методы изслѣдованія несложныхъ формулъ, приложеніе алгебры къ геометріи оставляетъ безпомощнымъ передъ болѣе сложными выраженіями, къ которымъ можетъ привести ученика неудачно выбранный имъ путь рѣшенія задачи“. 2) Предполагаемое въ V и VI классахъ построеніе простѣйшихъ раціональныхъ и ирраціональныхъ формулъ, а также развитіе понятія объ однородности геометрическихъ формулъ въ VII классѣ отнимаютъ отъ этого предмета въ VIII классѣ тотъ единственный матеріалъ, который за нимъ можетъ остаться.

Признавая въ принципѣ высказанныя соображенія вѣрными, мы считаемъ, что будетъ очень полезнымъ въ VIII классѣ подвести итоги приобретенныхъ по этому вопросу свѣдѣній.

Коснемся распредѣленія курса геометріи по классамъ. Въ школахъ 2-го, 3-го типа и въ реальномъ училищѣ предположено ввести геометрію въ курсъ VII класса. Въ частности: въ школахъ 1-го типа учебный матеріалъ располагается согласно программѣ 1890 г., только въ курсъ VIII класса вводится ознакомленіе съ основами аналитической геометріи; въ школахъ 2-го и 3-го типа въ IV классѣ—обычный курсъ, въ V классѣ—заканчивается планиметрия, въ VI классѣ—стереометрія, за исключеніемъ круглыхъ тѣлъ, въ VII классѣ—круглыя тѣла и въ VIII классѣ—повтореніе всего курса съ дополненіями, при чемъ въ школахъ 2-го типа добавляется теорія предѣловъ, а въ школахъ 3-го типа—приложеніе алгебры къ геометріи и дополнительный курсъ по выбору преподавателя. Въ реальномъ училищѣ въ IV классѣ (4 урока) и V классѣ (3 урока)—то же распредѣленіе, какъ и въ школахъ 2-го и 3-го типа, а въ VI классѣ (3 урока)—вся стереометрія, въ VII классѣ (1 урокъ)—повтореніе геометріи, въ VIII классѣ геометрія вовсе нѣтъ.

Программу геометріи для школы новаго типа мы рассмотримъ отдѣльно отъ программъ геометріи для школъ другихъ типовъ. потому что она имѣетъ мало общаго съ этими послѣдними. Курсъ геометріи въ младшемъ отдѣленіи идетъ въ теченіе III, IV и V классовъ и имѣетъ законченный характеръ. Онъ неразрывно связанъ съ черченіемъ, которому приданъ характеръ чисто вспомогательнаго, но вмѣстѣ и необходимаго средства служить нагляднымъ пособіемъ для уясненія геометрическихъ представленій¹⁾. Систематическому курсу геометріи въ III классѣ

¹⁾ Вып. 5, стр. 61.

предпосылается краткій пропедевтический курсъ, который долженъ имѣть въ виду усвоеніе основныхъ геометрическихъ понятій (4—5 первыхъ уроковъ), умѣнье построить геометрическія данныя (въ III классѣ), а также умѣнье вычислить длины, площади и объемы, пользуясь арифметическими приемами и соответственными моделями. Весь курсъ предполагено значительно сократить (проходить приблизительно въ объемѣ извѣстнаго учебника З. Вулиха), въ особенности подвергнуть сокращенію стереометрію (ученіе о положеніи прямыхъ и плоскостей въ пространствѣ); ввести въ курсъ стереометріи, яко-бы для упрощенія, принципъ Кавальери; теорію предѣловъ къ геометріи не примѣнять ¹⁾.

Курсъ по классамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ III (2 урока) и IV (3 урока) классахъ—планиметрія въ связи съ черченіемъ, въ V классѣ (3 урока)—стереометрія и черченіе—изображеніе проекцій тѣлъ на 2-хъ плоскостяхъ (планъ и фасадъ), а также развертка поверхностей тѣлъ.

Давая такой сравнительно незначительный матеріалъ, составители программъ возлагаютъ на этотъ курсъ большія надежды: они предполагаютъ, что „геометрія дастъ незамѣнимый матеріалъ для самостоятельнаго упражненія въ дедуктивной логикѣ“, они думаютъ „развить до максимальныхъ предѣловъ упражненія учащихся въ выработкѣ строгихъ доказательствъ, развить умѣнье выбрать изъ нѣсколькихъ наиболѣе изящное и приучить ученика къ ясному, точному и краткому изложенію“ ²⁾. Едва ли все это достижимо.

Въ старшемъ отдѣленіи намѣченъ систематическій курсъ геометріи, а въ натуралистической вѣтви предполагено еще ознакомленіе съ аналитической геометрией на плоскости.

Оригинальнымъ, по сравненію съ другими программами геометріи, является концентрическое распредѣленіе учебнаго матеріала (здѣсь мы видимъ, собственно говоря, 3 центра) и при этомъ введеніе пропедевтическаго курса геометріи. Необходимость введенія въ сознаніе ребенка основныхъ геометрическихъ понятій съ самаго начала путемъ психологическимъ, конкретнымъ, а не логическимъ, и, слѣдовательно, необходимость такъ называемаго подготовительнаго курса геометріи является въ настоящее время, кажется, общепризнанной,—по крайней мѣрѣ, это съ увѣренностью можно сказать относительно западно-европейской и американской школы. Но объемъ этого курса, характеръ его и время прохожденія представляютъ собою вопросы очень важные, которые нужно разсматривать въ связи съ вопросомъ о первоначальной подготовкѣ дѣтей по математикѣ.

¹⁾ Вып. 5. Приложенія, стр. 92.

²⁾ Тамъ же, стр. 92.

Тригонометрія. Программы для школы 1-го и 2-го типа по тригонометрии ничего нового, по сравнению съ программой 1890 г., не представляютъ. Только Г. Х. Херсонскій (программа школы 1-го типа) предлагаетъ исключить такъ называемые особые случаи рѣшенія треугольниковъ, обходиться безъ введенія вспомогательнаго угла при вычисленіяхъ, ограничиться простѣйшими случаями рѣшенія тригонометрическихъ уравненій¹⁾. Что касается программъ по тригонометрии для школы 3-го типа и для реального училища, то мы встрѣчаемся здѣсь съ двумя противоположными взглядами на этотъ предметъ. Такъ, проф. Б. К. Млодзѣвскій въ объяснительной запискѣ (школа 3-го типа) говоритъ, что въ тригонометрии должно быть дано „большее развитіе ученію о тригонометрическихъ величинахъ и соотношеніяхъ между ними. Несомнѣнно,—говоритъ онъ,— что такъ называемая гониометрія содержитъ болѣе полезнаго въ учебномъ отношеніи матеріала, нежели рѣшеніе треугольниковъ, основанное на небольшомъ числѣ крайне простыхъ положеній, прилагаемыхъ затѣмъ почти механически“²⁾. Съ другой стороны, подгруппа физико-математическихъ предметовъ, занятая выработкой программы для реального училища, пришла къ заключенію, что гониометрическій матеріалъ долженъ вводиться и изучаться лишь настолько, насколько онъ нуженъ для рѣшенія треугольниковъ.

Намъ кажется, что взглядъ проф. Б. К. Млодзѣвскаго ближе къ истинѣ, чѣмъ взглядъ, которымъ руководились при выработкѣ программы для реального училища.

По проекту проф. Б. К. Млодзѣвскаго весь курсъ тригонометрии излагается въ VII классѣ, но на прохожденіе его отводится мало времени (3 урока на алгебру, геометрію и тригонометрію).

Распределеніе курса тригонометрии въ проектированномъ реальномъ училищѣ крайне нецѣлесообразно: VI классъ (1 урокъ)—гониометрія; рѣшеніе простѣйшихъ уравненій; логариомы. VII классъ (1 урокъ)—рѣшеніе треугольниковъ.

Взгляды общаго характера на преподаваніе математики. Заключение.

Мы не упомянули еще о томъ, что совѣщаніе при Московскомъ Учебномъ Округѣ выработало предварительно рядъ вопросовъ, относящихся къ реформѣ средней школы, которые и были разосланы всѣмъ профессорамъ Московскаго Университета и Московскаго Техниче-

¹⁾ Вып. 2. Протоколы, стр. 118.

²⁾ Вып. 3. Приложенія, стр. 161.

скаго Училища. Отъ 57 профессоровъ Университета и 8 профессоровъ Техническаго Училища послѣдовали болѣе или менѣе обстоятельныя отвѣты, помѣщенные въ 6-мъ выпускѣ Московскихъ трудовъ. Эти отвѣты представляютъ интересъ, какъ голосъ лицъ, которыя, по роду своей дѣятельности, призваны считаться съ итогами работы гимназій и реальныхъ училищъ.

Вопросы, предложенныя профессорамъ, по преимуществу обще-педагогическаго характера, а поэтому мы не будемъ останавливаться на нихъ. Постановки математики въ средней школѣ болѣе другихъ касаются профессора Б. К. Млодзѣвскій, А. П. Павловъ, Н. Е. Жуковский, А. И. Сидоровъ. Со взглядами проф. Б. К. Млодзѣвскаго мы уже познакомились, другіе же ничего оригинальнаго по этому вопросу не высказываютъ.

Въ связи съ этимъ находится мнѣніе попечителя Московскаго Округа проф. П. А. Некрасова о цѣли и значеніи преподаванія математики въ гимназіяхъ. Онъ находитъ, что единственно правильная цѣль преподаванія математики—„усвоеніе ея, какъ науки и какъ научнаго метода міропознаванія... Преподавая математику, необходимо какъ можно чаще и практичнѣе сближать (особенно въ задачахъ) ее, какъ научный методъ міропознаванія, съ тѣми конкретными научными фактами и явленіями, къ которымъ она примѣнима, заимствуя подходящія для этой цѣли явленія изъ разныхъ наукъ (географіи, статистики, физики, механики, астрономіи и пр.)“¹⁾.

Эта, въ общемъ, безспорная мысль подкрѣплена туманными и мало интересными соображеніями: П. А. Некрасовъ совершенно основательно находитъ положеніе преподаванія математики въ средней школѣ ненормальнымъ, но почему-то причину этого явленія ошибочно приписываетъ существующимъ учебнымъ планамъ и программамъ.

Вообще, во всѣхъ московскихъ работахъ по улучшенію программъ математики рельефно выступаетъ стремленіе сократить учебный матеріалъ нынѣ дѣйствующей программы. „Развитіе дедуктивнаго мышленія,—говоритъ проф. Б. К. Млодзѣвскій въ объяснительной запискѣ къ программѣ для школы 3-го типа,—составляющее главную цѣль въ преподаваніи математики, будетъ всего полнѣе при томъ условіи, чтобы учащіеся имѣли возможность пройти основательно всѣ главные отдѣлы курса. Для этого программа должна быть освобождена отъ всего несущественнаго; всѣ статьи, имѣющія лишь вспомогатель-

¹⁾ Вып. 3. Приложенія, стр. 208. Докладъ П. А. Некрасова на ту же тему былъ прочитанъ на сѣздѣ преподавателей физико-химическихъ наукъ среднихъ учебныхъ заведеній Московскаго Учебнаго Округа въ 1899 г. См. Протоколы засѣданій сѣзда. М. 1900, стр. 24 и слѣд.

ное значеніе, должны быть, по возможности, сокращены. Точно также слѣдуетъ отказаться отъ прохожденія тѣхъ главъ математики, которыя по своимъ методамъ стоятъ въ сторонѣ отъ главнаго содержанія курса и потому требуютъ для своего усвоенія болѣе или менѣе продолжительной подготовительной работы“¹⁾. Кроме того, по мнѣнію Г. Х. Херсонскаго, въ такомъ случаѣ явится возможность „ввести нѣкоторыя новыя статьи, которыя, рядомъ съ ихъ образовательнымъ значеніемъ, будутъ способствовать расширенію математическаго горизонта учащагося, вводя его, хотя нѣсколько, въ кругъ понятій такъ называемой новой математики и знакомя съ методами, которыми такъ много обязаны своимъ развитіемъ физическія науки въ новое время“²⁾. Проф. Б. К. Млодзѣвскій предлагаетъ, какъ мы упоминали, для VIII класса классической школы 3-го типа, кромѣ повторенія съ необходимыми дополненіями и обобщеніями, еще особый дополнительный курсъ по выбору преподавателя и съ одобренія педагогическаго совѣта.

Въ натуралистическомъ отдѣленіи школы новаго типа предположено ознакомить съ аналитической геометрией на плоскости и съ основами анализа бесконечно-малыхъ величинъ (2 часа)³⁾.

При сокращеніяхъ во всѣхъ группахъ руководствуются, по преимуществу, слѣдующими положеніями, которыя отмѣчены К. К. Мазингомъ: „1) должна быть исключена изъ курса математики всякая многодѣльность, не объясняемая ни цѣлями лучшаго усвоенія теоріи, ни служебной цѣлью облегчить прохожденіе дальнѣйшихъ статей; 2) должны быть исключены статьи, не вносящія собою существенно новаго и только излишне загромождающія курсъ; 3) статьи, сложныя по своей конструкціи и выводамъ, отнимающія много времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ не являющія приложенія въ средней школѣ“⁴⁾.

Почти во всѣхъ программахъ проводится вѣрная мысль, яснѣе всего выраженная въ объяснительной запискѣ къ программѣ математики VIII класса реального училища (составленной А. М. Воронцемъ): „всѣ отдѣлы математики должны проходитьъ въ связи одинъ съ другимъ; внутренняя связь между теоремами и положеніями каждаго математическаго предмета должна быть указываема ученикамъ въ послѣдовательности курса, а не только при повтореніи цѣлаго отдѣла“⁵⁾.

¹⁾ Вып. 3. Приложенія. Объяснительная записка для школы 3-го типа, стр. 159.

²⁾ Вып. 2. Протоколы засѣданій 1-ой группы, стр. 116.

³⁾ Изъ остальныхъ программахъ не намѣчено ознакомленіе учащихся съ основами такъ называемой высшей математики.

⁴⁾ Вып. 4. Протоколы, стр. 64, 65.

⁵⁾ Вып. 4. Сводъ положеній, стр. 90.

Мы остановимся еще на мнѣніи проф. Б. К. Млодзѣвскаго относительно роли задачъ въ курсѣ математики ¹⁾).

„Для того, чтобы преподаваніе математики,— говоритъ онъ,—принесло въ школъ всю ту пользу, какую оно можетъ принести, необходимо, чтобы теоретическій курсъ былъ поставленъ на первое мѣсто и чтобы рѣшеніе задачъ служило только пособіемъ къ изученію теоріи. Хотя такой взглядъ на отношеніе между теоріей и задачами высказывается и въ нынѣ дѣйствующихъ программахъ, но на самомъ дѣлѣ задачи получили преобладающее значеніе во всѣхъ отдѣлахъ курса. Это явленіе стоитъ въ несомнѣнной связи съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣютъ задачи какъ на окончательныхъ, такъ и на переводныхъ испытаніяхъ. Такъ какъ умѣніе рѣшать задачи сдѣлалось главною мѣрою познанія и способности учениковъ, то естественно, что и преподаватели и учащіеся начали обращать главное вниманіе на рѣшеніе задачъ въ ущербъ основательному изученію теоретическаго курса. Такимъ образомъ, въ курсѣ ариеметики, въ сущности, простой учебный матеріалъ былъ осложненъ задачами, съ условіями крайне запутанными, бесполезными для уясненія теоріи, не имѣющими практическаго приложенія. Въ алгебрѣ, геометріи и тригонометріи преобладаніе значенія задачъ привело къ тому, что особенное вниманіе было обращено на изученіе тѣхъ отдѣловъ, которые давали болѣе матеріала для задачъ, въ ущербъ отдѣламъ, болѣе важнымъ въ теоретическомъ отношеніи и болѣе пригоднымъ для развитія въ ученикахъ привычки правильнаго и серьезнаго мышленія. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря недостатку сближенія между различными предметами курса, матеріалъ для алгебраическихъ задачъ до сихъ поръ мало заимствуется изъ геометріи (!) и физики, заключающихъ въ себѣ обильный источникъ примѣровъ на всѣ отдѣлы алгебры, вслѣдствіе чего даже хорошіе ученики рѣдко бывають въ состояніи справляться съ нетрудною физическою или геометрическою задачею, требующею примѣненія алгебры.—Особенно неблагоприятно отразилось преобладаніе задачъ на вычисленіе на геометріи (ср. сказанное выше). Въ настоящее время всѣ отдѣлы, не дающіе непосредственнаго матеріала для упражненій на вычисленіе, доведены до наименьшаго объема, и, такимъ образомъ, геометрія въ значительной степени утратила свое образовательное значеніе, какъ ученіе о пространственныхъ соотношеніяхъ, и какъ бы превратилась въ подспорье алгебры.... Точно также и въ тригонометріи на первый планъ выступило рѣшеніе треугольниковъ, тогда какъ гониометрія, несомнѣнно, даетъ въ образовательномъ отношеніи гораздо болѣе цѣнный матеріалъ. Такимъ образомъ, для успѣшнаго преподаванія

¹⁾ Вып. 3. Приложенія, стр. 161, 162.

математики необходимо, чтобы задачи не имѣли преобладающаго значенія и служили лишь къ поясненію теоріи и къ приобрѣтенію необходимаго навыка въ пользованіи полученными познаніями.... Несомнѣнно, что болѣе рациональная постановка задачъ въ курсѣ математики облегчить и сдѣлаетъ болѣе производительнымъ изученіе этого предмета“.

Мы привели здѣсь довольно длинную выдержку, чтобы авторитетными словами обрисовать всю узость и ошибочность довольно распространеннаго, если не общераспространеннаго, взгляда на математику, какъ на собраніе разрозненныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ задачъ,—взгляда, низводящаго математику на одинъ уровень съ шахматной игрой. Но мы не можемъ согласиться съ проф. Б. К. Млодзѣвскимъ, что задачи имѣютъ только служебное значеніе: взглядъ этотъ представляется намъ тоже крайнимъ, но только въ противоположную сторону. Въ самомъ дѣлѣ, почему теорема можетъ имѣть значеніе и интересъ сама по себѣ, а задача—нѣтъ? Вѣдь задача отличается отъ теоремы лишь по формѣ, но не по существу, а слѣдовательно, кромѣ служебной роли, можетъ имѣть и самостоятельное значеніе, не говоря уже о томъ, что она можетъ болѣе заинтересовать ученика, чѣмъ теорема, и тѣмъ самымъ оживить преподаваніе. Можно сказать, что и теорія и задачи должны играть служебную роль: онѣ гармонически сочетаясь, должны способствовать общему математическому развитію ученика.

Наконецъ, нужно отмѣтить существенный недостатокъ всѣхъ московскихъ плановъ и программъ. Въ предлагаемыхъ программахъ и въ объяснительныхъ къ нимъ запискахъ встрѣчаются серьезныя мысли, есть стремленіе улучшить нынѣ существующее распредѣленіе учебнаго матеріала, но почти нѣтъ попытокъ ввести новую струю въ преподаваніе такъ называемой элементарной математики, ввести тѣ идеи, которыя должны проникать весь курсъ математики—идею функциональной зависимости величинъ въ связи съ идеей непрерывности. Правда, мы встрѣчаемъ стремленіе включить въ преподаваніе средней школы элементы такъ называемой высшей математики, но о реформированіи преподаванія элементарной математики въ вышеуказанномъ духѣ ¹⁾ вопросъ, очевидно, не подымался.

¹⁾ Болѣе подробно мы остановимся на этихъ вопросахъ въ дальнѣйшемъ изложеніи нашего „Обзора“ (см. гл. VI).

Предисловіе.

Настоящее сочиненіе было написано въ 1902 г. на тему, предложенную покойнымъ проф. Н. П. Дашкевичемъ.

По разнымъ причинамъ оно не могло быть опубликовано нами тогда же ¹⁾).

Находимъ возможнымъ сдѣлать это только теперь.

Кое-что изъ того, о чемъ мы говоримъ въ данномъ сочиненіи, какъ о вещахъ новыхъ и еще неизвѣстныхъ въ литературѣ, въ настоящее время уже потеряло свою новизну; поэтому, хотя мы и пришли къ инымъ выводамъ самостоятельно, тѣмъ не менѣе ссылаемся на авторовъ, опубликовавшихъ свои работы о Гоголѣ раньше нашей. Таковы, напр., работы проф. Сперанскаго и проф. Шаровольскаго.

Мы позволяемъ себѣ думать, однако, что, несмотря на появленіе послѣ 1902 года цѣлаго ряда новыхъ работъ о Гоголѣ, и наше сочиненіе едва-ли окажется лишнимъ; особенно это можно сказать о первой части нашей работы, гдѣ рѣчь идетъ по вопросу объ образованіи Гоголя. Ни достаточно опредѣленной постановки этого вопроса, ни того рѣшенія его, какое намъ кажется правильнымъ, намъ до сихъ поръ не приходилось встрѣчать въ научной и критической литературѣ. Что касается второй части нашей работы, гдѣ рѣчь идетъ собственно объ отношеніи творчества Гоголя къ Западнымъ литературамъ, то она является въ значительной мѣрѣ сводомъ матеріаловъ, уже извѣстныхъ въ литературѣ; но сдѣлать такой сводъ, подвести итогъ тому, что сдѣлано уже въ данной области намъ кажется также вполне своевременнымъ, такъ

¹⁾ Только часть его была напечатана въ сборникъ „Египос“, изданномъ въ честь проф. Дашкевича въ 1904 году.

какъ только такой сводъ можетъ освѣтить данный вопросъ болѣе или менѣе полно. Не скрываемъ отъ себя, что въ обѣихъ частяхъ нашей работы есть кой-какіе пробѣлы, но въ утѣшеніе можемъ сказать: *quod potui, feci—faciant meliora potentes.*

Скажемъ теперь о цитатахъ, приводимыхъ нами.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы, отмѣчая отношеніе того или иного сочиненія Гоголя къ какому-нибудь западно-европейскому произведенію литературы, цитировали послѣднее по русскому переводу, хотя правильнѣе было бы ссылаться на подлинникъ. Подобное отступленіе отъ общепринятаго обыкновенія мы допустили по слѣдующимъ соображеніямъ.

До поѣздки за границу Гоголь знакомился съ образцами западно-европейской литературы главнымъ образомъ въ переводахъ и не столько по незнакомству съ иностранными языками, сколько по невозможности (или затруднительности) достать въ Россіи книгу на иностранномъ языкѣ, особенно въ нѣжинскій періодъ жизни. И теперь довольно трудно достать въ Россіи иностранную книгу; въ началѣ XIX в., повидимому, это было не легче. Правда, конецъ XVIII в. и начало XIX были періодомъ увлеченія всѣмъ иностраннымъ (точнѣе—французскимъ), но, кажется, это увлеченіе мало отражалось на составѣ библиотекъ, особенно провинціальныхъ. По крайней мѣрѣ, такъ можно думать, судя по библиотекѣ Д. П. Трощинскаго, которою въ юности пользовался Гоголь. Она состояла почти изъ 5 т. книгъ, и изъ этого количества на долю иностранныхъ не приходилось и сотни ¹⁾. Въ такомъ же родѣ была и Смирдинская, лучшая въ Петербургѣ библіотека.

Далѣе, различныхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ иностранныхъ авторовъ, какъ напр., Цюкке, Вашингтонъ-Ирвингъ, Жюи, Жанлисъ и т. п. въ настоящее время въ Россіи еще труднѣе достать теперь, чѣмъ было въ началѣ XIX ст., а потому и мы не всегда могли ими пользоваться въ подлинникахъ и ссылаться на нихъ было бы бесполезно. Ссылки же на такихъ авторовъ, какъ Шиллеръ, Гете и др. всякій легко провѣритъ, если цитата будетъ указана по переводу.

Еще два слова о приложеніяхъ къ нашему сочиненію.

Нѣкоторыя изъ нихъ мы считаемъ безусловно необходимыми, безъ другихъ можно было бы и обойтись; но мы считаемъ долгомъ

¹⁾ См. „Каталогъ антикварной библіотеки книгопродавца Е. Я. Федорова“, приобретенный послѣ бывшаго министра Д. И. Трощинскаго. Кіевъ 1874.

приложить ихъ всѣ, такъ какъ помимо своего прямого назначенія—освѣтить трактуемый въ сочиненіи вопросъ они имѣютъ еще второстепенное—могутъ послужить матеріаломъ при составленіи болѣе или менѣе обстоятельнаго указателя переводной литературы въ Россіи начала XIX ст., въ чемъ потребность давно уже назрѣла.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить благодарность проф. А. М. Лободѣ, который вмѣстѣ съ почившимъ Н. П. Дашкевичемъ не оставлялъ насъ своими совѣтами и указаніями, а также Историко-Филологическому Факультету Университета Св. Владиміра за напечатаніе этого сочиненія.

Авторъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе 1.

Указатель иностранныхъ авторовъ, извѣстныхъ Гоголю (въ оригиналѣ или переводѣ), съ обозначеніемъ нѣкоторыхъ источниковъ, на основаніи которыхъ можно судить объ этомъ.

- Аріостъ (Шенрокъ, „Письма Гоголя“, т. I, стр. 486).
- Бальзакъ (Гоголь, „Сочиненія“. Изд. X, т. V, стр. 528).
- Байронъ (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 186, 232, 274, 413; т. II, стр. 436; т. IV, стр. 87).
- Баньоль (Гоголь, „Сочиненія“, т. V, стр. 528).
- Блюменбахъ (Гоголь, „Сочиненія“. т. V, стр. 528).
- Белли (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 496; Шенрокъ, „Матеріалы“, т. IV, стр. 413).
- Бомарше (Гоголь, „Сочиненія“, т. II, стр. 215; т. IV, стр. 61).
- Вальтеръ-Скоттъ (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 413; Гоголь, „Сочиненія“. Т. V, стр. 490).
- Вольтеръ (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 103; т. IV, стр. 37; Смирнова, „Записки“. Ч. I, стр. 138),
- Вовеноръ (Смирнова, „Записки“. Ч. I, стр. 138).
- Гаррисонъ (Гоголь, „Сочиненія“. Т. V, стр. 528).
- Гѣте (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 271; Гоголь, „Сочиненія“. Т. IV, стр. 61; Т. V, стр. 43, 523; Шенрокъ, „Матеріалы“, Т. I, стр. 84, 323; Т. III, стр. 90; Анненковъ, „Воспоминанія и критич. очерки“, стр. 46).
- Гино (Гоголь, „Сочиненія“. Т. I, стр. 528).
- Гофманъ (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 271; Гоголь, „Сочиненія“. Т. V, стр. 528).

- Гюго (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 186).
- Данте (Шенрокъ, „Письма“. Т. III, стр. 485; Гоголь, „Сочиненія“. Т. III, стр. 142).
- Дидро (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 403).
- Дюканжъ (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 186; Гоголь, „Сочиненія“. Т. V, стр. 513).
- Диккенсъ (Шенрокъ, „Письма“. Т. IV, стр. 87; Шенрокъ, „Матеріалы“. Т. III, стр. 343; Буслаевъ, „Мои воспоминанія“. „Вѣстн. Евр.“ 1891 г., № 7).
- Дюма (Шенрокъ, „Письма“. Т. III, стр. 447; Гоголь, „Сочиненія“. Т. II („Театр. развѣздъ“); Т. V, стр. 513 и 528).
- Жиросъ (Гоголь, „Сочиненія“. Т. II; Шенрокъ, „Матеріалы“. Т. III, стр. 109, 334).
- Жоржъ-Зандъ (Буслаевъ, „Мои воспоминанія“. „Вѣстн. Евр.“ 91, № 7).
- Жюль-Жаненъ (Гоголь, „Сочиненія“. Т. V, стр. 528).
- В. Ирвингъ (Гоголь, „Сочиненія“. Т. V, стр. 528).
- Касти (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 536).
- Киндъ (Гоголь, „Сочиненія“. Т. V, стр. 528).
- Корнель (Смирнова, „Записки“. Ч. I, стр. 138).
- Коцебу (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 59, 61).
- Крузе (Гоголь, „Сочин.“ Т. V, стр. 528).
- Куеръ (Шенрокъ, „Матер.“ Т. IV, стр. 778).
- Ламартинъ (Шенрокъ, „Матер.“ Т. IV, стр. 791).
- Лафонтенъ („Зап. Смирн.“ Ч. I, стр. 138).
- Лабрюйеръ (Зап. Смирн.“ Ч. I, стр. 138).
- Лесингъ („Зап. Смирн.“ Ч. I, стр. 138; Гоголь, „Сочин.“ Т. IV, стр. 61; т. V, стр. 513).
- Мериме (Шенрокъ, „Письма“. Т. II, стр. 311; Гоголь „Сочин.“).
- Мака (Гоголь, „Сочин.“ Т. V, стр. 528).
- Мармонтель (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 13).
- Мольеръ (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 59, 413, 421, 422; Гоголь, „Сочиненія“. Т. IV, стр. 61; Т. V, стр. 513; „Зап. Смирн.“ Ч. I, стр. 138; Анненковъ, „Воспом. и крит. очерки“).
- Монтанъ („Зап. Смирн.“ Ч. I, стр. 138).
- Монтескье („Зап. Смирн.“ Ч. I, стр. 138).
- Николини (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 500).
- Паскаль („Зап. Смирн.“ Ч. I, стр. 138).
- Пужула (Шенрокъ, „Матер.“ Т. IV, стр. 791).
- Петрарка (Гоголь, „Сочин.“ Т. V, стр. 27).
- Поль-де-Кокъ (Шенрокъ, „Письма“. Т. II, стр. 307; Шенрокъ, „Матер.“ Т. IV, стр. 392).

- Расинъ („Зап. Смир.“ Ч. I, стр. 198).
- Реньяръ (Гоголь, „Сочин.“ Т. IV, стр. 61).
- Сервантесъ (Смирнова, „Записки“. Ч. I, стр. 138).
- Тассъ (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 447).
- Тикъ (Гоголь, „Сочин.“ Т. V, стр. 27, 582, 535).
- Цпоке (Гоголь, „Сочин.“ Т. V, стр. 528).
- Флоріанъ (Шенрокъ, „Письяма“. Т. I, стр. 59, 61).
- Фонтенель (Шенрокъ, „Письма“. Т. III, стр. 485).
- Шаль (Гоголь, „Сочин.“ Т. V, стр. 528).
- Шекспиръ (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 413, 483, 556, 608, 609; т. II, стр. 60, 64, 78, 149; Гоголь, „Сочин.“ Т. IV, стр. 61; „Зап. Смирн.“, стр. 138; Аксаковъ, „Ист. моего знак. съ Гоголемъ“. М. 90, стр. 18; Анненковъ, „Воспом. и крит. очерки“.
- Шериданъ (Гоголь, „Сочин.“ Т. IV, стр. 61).
- Шиллеръ (Шенрокъ, „Письма“. Т. I, стр. 69, 242, 608; Т. II, стр. 58; Гоголь, „Сочин.“ Т. III, стр. 129; т. IV, стр. 61; т. V, стр. 513, 27; Шенрокъ, „Матер.“ Т. I, стр. 84; „Зап. Смирн.“ Ч. I, стр. 138).
- Юнгъ (Гоголь, „Сочин.“ Т. III, стр. 155).
- Эккартегаузенъ (Гоголь, „Сочин.“ Т. III, стр. 155).
- Ричардсонъ „Кларисса“ (Шенрокъ, „Письма“. Т. X, стр. 218).

Приложеніе 2.

Матеріалы для уназателя произведеній западно-европейской литературы, появившихся въ русскихъ переводахъ въ теченіе 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX столѣтія. (По даннымъ журналистики).

а) Нѣмецкая литература на русскомъ языкѣ.

- Блюменгагенъ. „Графъ Гаккельбергъ“ („Московскій Телеграфъ“ 1829 г. ч. 23, отд. изящной словесности).
- „Любимецъ и Ліота“. Спб. 1833 („Московск. Телегр.“ 1833 г. ч. 52, отд. объявленій).
- „Похитители дичи“ („Атеней“, 1829 г., ч. 2, изящн. слов.).
- Ванъ-деръ-Вельтъ. „Смерть Карла XII“. („Московскій Вѣстникъ“ 28 г. № 1—4, изящн. слов.).
- „Яга-Баба“. (Моск. Вѣств.“ 29 г., № 2, из. слов.).
- „Аксель“. Москва 1829 г. („Моск. Телегр.“ 1830 г., ч. 27, отд. библіографіи).
- „Англійскій посолъ въ Китаѣ“. М. 29 г. („Моск. Телегр.“ 30 г. ч. 31, библіогр.).
- „Гусситы“. М. 29. (ibidem).
- „Богемскія амазонки“. М. 30. (ibid.).
- „Перекрещенцы“. М. 30. („Моск. Телегр.“ 30 г., ч. 36, библ.).
- „Христина и дворъ ея“. Спб. 30 г. (ibid.).
- „Мальтійскій кавалеръ“. Спб. 30 г. (ibid.).
- „Флибустьеръ“. М. 30 г. (ibid.).
- Вейсъ. „Аристъ“. („Вѣстникъ Европы“ 24 г., №№ 13—16, из. слов.).
- Вернеръ. „Атилла“. („Телескопъ“ 31 г., № 22, из. слов. и „Избранный нѣмецкій театръ“ 31 г., ч. II).
- Двадцать четвертое февраля. М. 32.

- Виландъ. „Вастола, или желанія“ („Современникъ“ 36 г., № 3, библиогр.).
- Гауфъ. „Портретъ“. („Московский Телеграфъ“, 32 г., ч. 48, из. слов.).
- Гейне. „Лондонъ“. („Телескопъ“ 32 г. № 10. изящн. слов.).
- „Флорентійскія ночи“ („Московский Наблюдатель“ 36 г., № 5—6, изящн. слов.).
- Гете. „Страданія Вертера“. М. 28. („Моск. Тел.“ за 29 г., ч. 25, библиографія).
- „Вильгельмъ Майстеръ“. („Моск. Вѣстникъ“ 30 г., № 3, 5 изящн. слов.).
- „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“. („Моск. Вѣстн.“ 28 г., № 12, критика).
- „Клавиго“ („Современникъ“ 36 г., № 3, библиогр.).
- „Лисъ Хитроумный“. М. 34. („Библиотека для чтенія“ 36 г., ч. 2, объявленія).
- „Фаустъ“. („Современникъ“ 39 г., № 3, библиогр.).
- Гофманъ. „Бѣлое привидѣніе“ (Прибавленія къ „Моск. Телеграфу“ за 25 г.).
- „Ботаникъ“ („Моск. Телегр.“ 26 г., ч. 8, изящн. слов.).
- „Что пѣна въ водѣ, то сны въ головѣ“. („Моск. Вѣстн.“ 27 г., № 3, изящн. слов.).
- „Очарованный бумажникъ“ („Моск. Вѣстн.“ 29 г., ч. 25, изящн. слов.).
- „Захарій Вернеръ“ („Моск. Вѣстн.“ 30 г., № 3, изящн. слов.).
- „Сеньоръ Фарлика“ („Сѣв. Архивъ“ 29 г., № 13, изящн. слов.).
- „Иезуитская церковь“ („Моск. Вѣстн.“ 30 г., № 6, изящн. слов.).
- „Майоратъ“ („Моск. Телегр.“ 30 г., ч. 35, изящн. слов.).
- „Домовой-песочникъ“ („Моск. Телегр.“ 30 г., ч. 36, изящн. слов.).
- „Креминская скринка“ („Вѣстн. Евр.“ 30 г., № 2-24, изящн. слов.).
- „Sanctus“ („Вѣстн. Евр.“ 30 г., № 17-20, изящн. слов.).
- „Песочный человекъ“ („Телескопъ“ 31 г., № 22, изящн. слов.).
- „Золотой горшокъ“ („Моск. Телеграфъ“ 31 ч. 40, изящн. слов.; „Моск. Набл.“ 39 г., № 1, изящн. слов.).
- „Черты изъ жизни Кота Мура“. („Моск. Телегр.“ 31 г., ч. 41, изящн. слов. и библиогр.).
- „Таинственный гость“ („Сѣв. Арх.“ 31 г. ч. 50, изящн. слов.).
- „Крейслеръ“ („Моск. Наблюд.“ 36 г., № 6, изящн. слов.).
- „Черный паукъ“ („Совр.“ 36 г., № 3, библиогр.).
- „Серапіоновы братья“ (сборникъ), Спб. 1835 г., („Совр.“ 36, № 3, библиографія).
- Жанъ-Поль-Рихтеръ „На кончину“ („Моск. Телегр.“ 27 г., ч. 15, изящн. слов.).

- Жавъ-Поль-Рихтеръ. „Полиметры“. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 15).
- „Уничтоженіе“. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 27).
 - „Мысли“. („Вѣст. Евр.“ 26 г., №№ 9—12).
 - „Обѣты друга“. („Моск. Вѣст.“ 27 г., № 1).
 - „Мысли на башнѣ“. („Моск. Вѣст.“ 27 г., № 2).
 - „Описаніе Изола Беллы“. („Моск. Вѣст.“ 27 г., № 3).
 - „Титанъ“. („Моск. Вѣстн.“ 30 г., № 5).
- Кернеръ. „Таинственная пятница“ (Богемская сказка). („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 21, изящ. слов.).
- „Тони“ (перед. Шишкова) („Избранный нѣмецкій театр“ 1831 г., ч. II).
 - „Црини“. М. 32 г.
- Киндъ. „Перемѣна въ счастья“. („Вѣстн. Евр.“ 26 г., №№ 9—12, из. сл.).
- „Невѣста Лючія“, („Атеней“ 30 г., № 2, изящ. слов.).
- Клаурень. „Разбойничій замокъ“. („Сынъ Отечества“ 25 г., №№ 1—4, из. сл.).
- „Голландскій купецъ“. („Сынъ Отеч.“ 25 г., №№ 5—8, из. сл.).
 - „Бабушка“. („Вѣстн. Евр.“ 28 г., №№ 1—4, изящ. слов.).
 - „Клара“ (перев. Серебрякова). Спб. 28. („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 22, библиогр.).
- Крамеръ. „Таинственная страница“. М. 22 г. („Сынъ Отеч.“ 22 г., ч. 47, библиографія).
- „Бѣдный Егоръ“. Орель 24 г. („Сынъ Отеч.“ 24 г., ч. 93, библ.).
- Коцебу. „Театръ новѣйшихъ сочиненій“. (Пер. Эттингеръ). Спб. 26 г. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 9, библ.).
- „Октавія“. Орель 25 г. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 12, библ.).
 - „Театръ для друзей въ деревнѣ“. Спб. 22 г. („Сынъ Отеч.“ 22 г., № 47, библиографія).
- Ла-Моттъ-Фуке. „Любовный напитокъ“. („Невск. Зритель“ 21 г., № 5, изящ. слов.).
- „Островъ дружбы“. М. 1820 г.
 - „Кинжалъ“. М. 1830 г.
 - „Уядина“ (перев. Влидсе). М. 1831 г.
- Генріэта Ли. „Крюйцнеръ“. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 14, из. сл.).
- Лаунъ. „Эхо“. (Фантастич. повѣсть). („Телескопъ“ 35 г., ч. 28).
- Люндеманъ. „Марія де-Торильба“ („Атеней“ 28 г., № 2, из. сл.).
- Мозенгейль. „Гроза“. („Вѣст. Евр.“ 27 г., №№ 1—4, из. сл.).
- Мюльнеръ. „Преступленіе“. Спб. 33 г. („Моск. Тел.“ 34 г., № 55, библиогр.).
- Пихлеръ. „Густавъ Адольфъ“. Спб. 22 г. („Сынъ Отеч.“ 23 г., ч. 88, библиогр.).
- Пфеффель. „Каролина Силень“. Спб. 27 г. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 18, библиогр.).

- Раунахъ. „Рождественская ночь“. („Сѣв. Архивъ“ 32 г., №№ 1—7, из. сл.).
 — „Роситень“. („Невск. Альманахъ“ 32 г.).
 — „Князья Хованскіе“. („Избранный нѣмецкій театръ“ 1832 г., Ч. II).
- Реймонъ. „Свадьба въ Шварцвальденѣ“. („Московск. Наблюдат.“ 36 г., № 10, из. сл.).
- Алисса Саксонская. „Дядя“, („Библиотека для чтенія“ 38 г., № 4, из. сл.).
 — „Сельскій хозяинъ“. („Библ. для Чт.“ 39 г., № 1, из. сл.).
- Тикъ. „Примѣчательная музыкальная жизнь художника Юсифа Берлингера“ („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 9, из. сл., и 26 г., ч. 10, библ.).
 — „Колдовство“. (Пер. Тилло). „Славянинъ“ 27 г., ч. III, из. сл.).
 — „Бокалъ“ (пер. Тилло). („Славянинъ“ 27 г., ч. IV, из. сл.).
 — „Ученый“. („Атеней“ 28 г., № 5).
 — „Піетро Апоно“. („Моск. Вѣстн.“ 28 г., №№ 1—4, 5—8, из. сл.).
 — „Праздникъ въ Хенельваргѣ“. („Атеней“ 29 г., № 2, из. сл.).
 — „Эльфы“. („Атеней“ 30 г., № 4, из. сл.).
 — „Бѣлокурый Экбертъ“. („Моск. Вѣстн.“ 30 г., № 5, из. сл.).
 — „Чары любви“. („Галатея“ 31 г., т. 5).
 — „Фортунатъ“ (драма). (пер. Шишкова) („Избранный нѣмецкій театръ“ 1831 г., ч. II).
 — „Волшебный замокъ“. Спб. 36 г. („Соврем.“ 36 г., № 3, библ.).
 — „Лунатикъ“. (Моск. Наблюд.“ 38 г., № 6, из. сл.).
 — „Избытокъ жизни“. („Отеч. Записки“ 39 г., ч. II).
- Тромлицъ. „Найденышъ“. Спб. 30. („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 36, библ.).
- Фоссъ. „Луиза“. Сиб. 1821. (Отрывокъ печатался въ „Благонамѣренномъ“ 20 г., ч. 2, из. сл.).
- Цшокке. „Разбитая кружка“. („Москов. Тел.“ 25 г., ч. 2, из. сл.).
 — „Ясновидящая“. („Сынъ Отечества“ 25 г., №№ 17—20, из. сл.).
 — „Флоретта“. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 18, из. сл.).
 — „Галерный невольникъ“. („Вѣстн. Евр.“ 30 г., №№ 5—8, и. с.).
 — „Будинскій паша“. („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 30, из. сл.).
 — „Старая дѣвица“. („Сѣв. Арх.“ 30 г., 43, из. сл.).
 — „Калласъ“. М. 30. („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 35, библ.).
 — „Похвала носу“. „Молва“ 31 г., ч. 2, из. сл.).
 — Повѣсти въ 3-хъ частяхъ. Спб. 31 г. („Библ. для Чтенія“ 36 г., № 2, библиографія).
 — „Счастье и несчастье отъ малыхъ причинъ“. („Телескопъ“ 35 г., ч. 29, из. слов.).
- Шиллеръ. „Закрытый истукашъ“. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 10, из. сл.).
 — „Вильгельмъ Телль“. („Моск. Тел.“ 29 г., ч. 25, из. слов. и „Моск. Тел.“ 30 г., ч. 29, библиогр.).
 — „Дочь-Карлосъ“. („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 25, из. сл.).

- Шиллеръ. „Разбойники“. Спб. 29. („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 26, из. сл.).
 — „Мессинская невьста“. („Моск. Вѣстн.“ 28 г., №№ 9—10, библиогр. и „Моск. Тел.“ 30 г., ч. 27, из. сл.).
 — „Валленштейновъ лагерь“. („Моск. Вѣстн.“ 28 г., №№ 1—4, из. сл.).
 Шпиндлеръ. „Великій незнакомецъ“. („Атеней“ 30 г., № 1, из. сл.).
 — „Еврей“ („Современ.“ 36 г., № 3, библиогр.).
 Шписъ. „Иоганъ Хайлинъ“. Орелъ 22. („Сынъ Отеч.“ 22 г., № 47, библи.).
 Якобсонъ. „Пилигримъ“. („Моск. Тел.“ 25 г., ч. III и IV, из. сл.).
 Юнгъ. „Ночныя мысли“. („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 26, из. сл.).

b) Англійская литература.

- Байронъ. „Донъ-Жуанъ“ (отрывокъ) („Моск. Телеграфъ“ 25 г., ч. 5 и 29 г., ч. 25, из. сл.).
 — „Невьста Абидосская“. Спб. 1826 г. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 12, библиогр. и „Вѣстн. Евр.“ 21 г., ч. 120, из. сл.).
 — „Шильонскій узникъ“. („Вѣстн. Евр.“ 22 г., ч. 122, из. сл. и „Моск. Тел.“ 26 г., ч. 12, библи.).
 — „Манфредъ“. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 3 и 17, из. сл., ч. 22, библи.).
 — „Паризана“. Спб. 28. („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 19, библи.).
 — „Вампиръ“. М. 28. („Моск. Тел.“ 29 г., ч. 25, библи.).
 — „Лара“. М. 29 г. („Моск. Тел.“ 29 г., ч. 29, библи.).
 — „Мазена“. („Вѣстн. Евр.“ 21 г., ч. 116, из. слов.).
 — „Калмаръ и Орла“. („Вѣстн. Евр.“ 21 г., ч. 117, из. сл.).
 — „Джяуръ“. („Вѣстн. Евр.“ 21 г., ч. 119 и 120, из. сл.).
 — „Оскаръ Альвскій“ („Вѣстн. Евр.“ 21 г., ч. 121, из. сл.).
 — „Выборъ изъ сочиненій Байрона“, изд. Каченовскій. М. 21 г. („Вѣстн. Евр.“ 22 г., ч. 122, из. сл.).
 Bertoud. „Десятиминутная проповѣдь“. („Московск. Наблюдатель“ 37 г., ч. 11, из. сл.).
 Бодвинъ. „Калебъ Вилліамъ“. („Соврем.“ 38 г., ч. 12, библи.).
 Бульверъ. „Свѣтъ, какъ онъ есть“. („Библиотека для Чтенія“ 36 г., № 1, из. сл.).
 — „Послѣдній день Помпей“. (Ibidem).
 Вальтеръ-Скоттъ. „Разбойникъ“. („Моск. Тел.“ 25 г., ч. 2, из. сл.).
 — „Невьста Трифмена“. М. 25. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 6, библи.).
 — „Эдинбургская темница“. М. 25. („Моск. Тел.“ 25 г., ч. 6, библиографія).
 — „Аббатъ“, Спб. 25. („Моск. Тел.“ 26, ч. 8, библи.).

- Вальтеръ-Скоттъ „Ивангоо“. („Вѣст. Евр. 25 г., ч. 5—8, 9—12, и. сл.
 „Моск. Тел. 26 г., ч. 10, библ.).
- „Гай Манерингъ“. („М. Тел.“ 26 г., ч. 10, библ.).
- „Кинельвортъ“. (ibid.).
- „Шотландскіе пуритане“. (ibid.).
- „Талисманъ“. (Отрывокъ). („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 11, библ.).
- „Вудстокъ“. (ibid.).
- „Письма о Франціи“. М. 27. („М. Тел.“ 27, ч. 15, библ.).
- „Владѣтель острова“. М. 27. (ibid.).
- „Битва при Ватерлоо“. М. 27. („М. Т.“ 26, ч. 16, библ.).
- „Ламермурская невѣста“. М. 27. (ibid.).
- „Видѣніе дона Родерика“. М. 28. („М. Т.“ 28, ч. 26, библ.).
- „Еп. Дугласъ“. М. 28. („М. Т.“ 27, ч. 22, библ.).
- „Марміонъ“. М. 28, (ibid.).
- „Приключенія Нигеля“. М. 29. („М. Т.“ 29, ч. 29, библ.).
- „Клоринда“. М. 29, (ibid.).
- „Переваль“. М. 30, („М. Т.“ 30 г., ч. 36, библ. и „Моск. Вѣст.“ 30, № 1, библ.).
- „Карль Смѣлый“. М. 30. (ibid.).
- „Поэма послѣдняго барда“. („В. Евр.“ 22, ч. 124, и. с.).
- „Царь пламени“. („В. Е.“ 26, ч. 9—12, и. с.).
- „Риѣмачъ Ѳома“ („Сѣв. Арх.“ 30, № 42, и. с.).
- „Обойная комната“. („В. Е.“ 29, 1720, и. с.).
- „Г-жа Бельонъ“. („Моск. Вѣстн.“ 28, № 5—8, и. с.).
- „Робертъ Брюсъ“. („Моск. Вѣстн. 28, ч. 11, и. с.).
- Виллисъ „Исторія леди Юліи“. („Библиот. для чтенія“. 37, ч. № 3).
- Гаррисонъ. „Конторщикъ“. („Б. для чт.“ 37 г., ч. 2).
- Гукъ. „Капитанъ Остъ-Индской службы“. („Б. ч.“ 36 г., 2 ч., и. с.).
- Ваш. Ирвингъ. „Гостиница въ Террачинѣ“. (Прибавл. къ „М. Т.“ 25 ч., стр. 373).
- „Вольферъ Ведберъ“. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 7, и. с.).
- „Безголовый мертвецъ“. („Моск. Тел.“ 26, ч. 9, и. с.).
- „Баккалавръ Саламанкскій“. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 12, и. с.).
- „Заколдованный домъ“. („М. Т.“ 27, ч. 17, и. с.).
- „Аннета Деларбъ“. („М. Т.“ 28, ч. 20, и. с.).
- „Ѳома Валкеръ“. („Вѣст. Евр.“ 26, н. 9—12, и. с.).
- „Виндзорская тюрьма“. („В. Е.“ 29, ч. 1—5, и. с.).
- „Растерзанное сердце“. („В. Д.“ 29, 9—12 ч., и. с.).
- „Буксторнъ и его друзья“. („Атены“. 28, ч. 2, и. с.).
- „Литературное поприще“. (ibidem).
- „Трактирная кухня“. („Ат.“ 28, ч. 16, и. с.).

- Ваш. Ирвингъ. „Таинственный портретъ“. („Ат. 29, № 1, и. с.).
- „Таинственный иностранецъ“. (ibid.)
 - „Приключенія молодого итальянца“. (ibid.).
 - „Отрывокъ изъ разсказовъ одного путешественника“. („Аистъ“ 55 г., 13—16, и. с.).
 - „Губернаторъ Мокко“. („Телескопъ“. 31 г., ч. 9, и. с.).
 - „Принцъ Ахмедъ“. („Моск. Тел.“ 32, ч. 48, и. с.).
- Куперъ. „Штопъ“. Пер. Крупенникова. М. 25 г., („Моск. Тел.“ 25 г., ч. 2, библ.).
- „Мѣнитель морей“. („Моск. Тел.“ 31 г., № 5—8, библ.).
 - „Американскій пуританинъ“. (ibid.).
 - „Пионеры“. („М. Т.“ 31, ч. 13—16, библ.).
 - „Степи“. (ibid.).
 - „Линкольнъ“. (ibid.).
 - „Красный корсаръ“. (ibid.).
 - „Лоцманъ“. (ibid.).
 - „Прогулка по берегамъ Рейна“. („Моск. Тел.“ 33 ч., ч. 49).
 - „Мексиканцы“. („Библ. для чтенія“, ч. 36, ч. 1, и. с.).
 - „Послѣдній изъ Могиканъ“. („Моск. Тел.“ 33 г. № 32, библ.).
- Левъ. „Розамунда Грей“. („Библ. для чтенія“, 35 г., ч. 6).
- Ломбаръ-ле-Лангръ. „Бѣдный Дикъ“. („Моск. Тел.“ 29 г. ч. 29).
- Матюренъ. „Мельмотъ скиталецъ“. Спб. 1833 и 1835 („Б. для чт.“ 35, 1, объявл.).
- Мильтонъ. „Потерянный рай“. („Вѣст. Евр.“ 29 г., ч. 93, и. с. и „Моск. Телегр.“ 27 г., ч. 13).
- Оней. „Отецъ и дочь“. („Сынъ Отечества“. 22 г.).
- Ратклифъ. „Берлинскія привидѣнiя“. М. 30. („Моск. Тел.“ 30, 36 библ.).
- Смить. „Карль II и дворъ его“. („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 19, и. с.).
- „Кораблекрушенiе“. („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 22, и. с.).
 - „Зилла“. („Вѣстн. Евр. 29 г., ч. 17—20, и. с.).
- Франклинъ. „Путешествiе въ Эрменовиль“. („М. Т.“ 27, 13, и. с.).
- Шекспиръ. „Гамлетъ“. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 18, и. с.; 30 г., 32 ч., библ.).
- „Макбетъ“. („Моск. Тел.“ 29 г., ч. 29, и. слов. и „Совр.“ 37 г., ч. 5, библ.).
 - „Король Лиръ“. („Моск. Тел.“ 32 г., ч. 5—8, 33 г., ч. 21—26, библ.).
 - „Венеціанскій купецъ“. („М. Тел.“ 33 г., ч. 21—24, библ.).
 - „Отелло“. („Моск. Вѣстн.“ 28 г., ч. 9—10, и. с.).
 - „Ромео и Джульета“. („Моск. Наблюд.“ 38 г., № 4, и. с.; „Библ. для чтенія“. 39 г., № 2, и. с.).

с) Французская литература.

- Абраншезъ. „Белисона“. („Телескопъ“. 34 г., ч. 23, и. с.).
- Алиберъ, „Кураме“. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 9, и. с.).
- Альбиттъ. „Чему быть того не миновать“. („Тел.“ 34 г., ч. 23, и. с.).
- Абель-Ремюзъ. „Три брата“. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 17, и. с.).
- Де-Арлинкуръ. „Отступникъ“. М. 28. („М. Тел.“ 28 г., ч. 21, библ.).
- „Отчужденная“. М. 28. (ibid.).
- „Пустыняникъ“. М. 23. („Сынъ От.“ 23 г., ч. 93, библ.).
- Анна-Марія. „Кавалерисгъ дѣвица“. („Библ. для чт.“ 39 г., ч. 6.).
- Ансло. „Компаніонка“. („Библ. для чт.“ 38 г., ч. 5, и. с.).
- Герцогиня Абрайтская. „Заключеніе злого духа“. („М. Т.“ 33 г., 55, и. с.).
- Де-Амбоасъ. „Новая Антигна“. („Библ. для чт.“ 39 г., ч. 9, и. с.).
- Бальзакъ. „Испанскій грандъ“. („Телескопъ“. 32 г., № 11, и. с.).
- „Кошелекъ“. („Тел.“, 32, № 12, и. с.).
- „Шагреновая кожа“. („Сѣв. Арх.“ 32 г., ч. 53, и. с.).
- „Графъ Шаберь“. („Тел.“ 33 г., № 12, и. с.).
- „Двѣ встрѣчи“. („Тел.“ 33, № 13, и. с.).
- „Эль Вердюго“. („Тел.“ 31 г., ч. 12, и. с.).
- „Одинъ изъ тринадцати“. („Тел.“ 33, ч. 13, и. с.).
- „Другой изъ тринадцати“. („Тел.“ 34, ч. 24, и. с.).
- „Старикъ Горіо“. („Тел.“ 35, ч. 29, и. с.; „Библ. для чтенія.“ 35 г., № 1—2, и. с.).
- „Совѣтъ“. („Тел.“ 35 г., ч. 29, и. с.).
- „Пагубный даръ“. („Моск. Наб.“ 36 г., № 7—8).
- „Провинціальный Байронъ“. („Библ. для чтенія“. 37 г. № 2, и. с.).
- „Необыкновенная женщина“. („Библ. для чт.“ 38 г., № 5, и. с.).
- „Графиня де-Ванднесъ“. („Библ. для чт.“ 39 г., № 3, и. с.).
- „Происхожденіе парижскаго денди“. (ibid.).
- „Темные рассказы“. („Совр.“ 36, № 1, библ.).
- „Дѣвушка въ 17 лѣтъ“. („Совр.“ 35 л. № 12, библ.).
- „Рекрутъ“. (ibid.).
- „Повѣсти“. Спб. 32.
- Де-Бордъ-Вальморъ. „Гостинная леди Бетти“. („Совр.“ 36 г., № 14, библ.).
- Боте. „Сказки моего дѣда“. („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 20, и. с.).
- Бріеръ. „Альфредъ Эменъ“. М. 28. („Н. Тел.“ 28, ч. 21, библ.).
- Буало. „Сатира на женщинъ“. М. 29. („М. Т.“ 30, ч. 29, библ.).
- „Восьмая сатира“. („Сынъ От.“ 23 г., ч. 86, библ.; „Моск Вѣстн.“ 29 г., № 1, и. слов.).
- Де-Бонъ. „Двѣнадцать столѣтій“. Орель 1822. („Сынъ От.“ 22 г., ч. 47—52, библ.).

- Бернаръ. „Сорокалѣтній красавецъ“. („Библ. для чтенія“. 38 г., ч. 5, и. с.).
- Бонарше. „Севильскій цирюльникъ“. („Московскій Вѣстникъ“. 28 г., № 9—10, из. слов.).
- Биньянь. „Сынъ осужденнаго. Спб. 33. („М. Т.“ 33 г., ч. 55, библ.).
- Бенжамень-Констанъ. „Адольфъ“. („М. Т.“ 31, ч. 37, и. с.).
- Вильмень. „Ласкрисъ или греки XV стол.“ („Вѣст. Евр.“ 26 г., № 1—4, из. слов.).
- Вольтеръ, „Танкредъ“, перев. Гнѣдича. („Сынъ Отеч.“ 23 г., ч. 86, библ.).
- Вояръ. „Женщина“. М. 29. („Моск. Тел.“ 30, ч. 31, библ.).
- Де-Виньи. „Сень-Марсъ“. Спб. 29. („М. Тел.“ 30, ч. 36, библ.).
- „Андре Шенье. („Моск. Тел.“ 32 г., ч. 46, и. с.).
- „Лауретта, или красная печагъ“. („Телескопъ“. 35 г., ч. 28, и. с.).
- „Жильбертъ и Людовикъ XV“. („Моск. Т.“ 33 г., ч. 52, и. с.).
- „Канитанъ Рено“. („Моск. Набл.“ 35 г., № 9—10, и. с.).
- Верне-де-Люзе. „Матильда“. М. 25. („Моск. Тел.“ 25, ч. 5, библ.).
- Ваффлардъ и Фюльжансъ. „Минутная неосторожность“. М. 25. („Моск. Тел.“ 25 г., ч. 26, библ.).
- Бульи. „Алмазы“. („Вѣстн. Евр.“ 21 г., ч. 116, и. с.)
- „Чужая въ своемъ домѣ“. („В. Евр.“ 22 г., ч. 122, и. с.).
- „Муфта старушки“. („Сынъ От.“ 25 г., № 13—16, и. с.).
- „Повѣсти“. М. 26. („М. Тел.“ 26, ч. 7, библ.).
- Gans. „Гостинная госпожа Рекамье“. („Моск. Наблюд.“ 35 г., № 1—4, и. с.).
- Ге. „Бракъ въ царствованіе Наполеона“. Спб. 33. („Моск. Тел.“ 33 г., № 52, библ.).
- Гиво. „Павель Гюберъ“. („Телескопъ“. 34 г., ч. 23, и. с.).
- Гиро. „Флавианъ“. („Библ. для чтенія“. 34 г., ч. 4, и. с.).
- Гюго. „Послѣдній день приговореннаго къ смерти“. Спб. 30. („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 32, библ.).
- „Эрнани“. Спб. 30 („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 36, библ.; „Телескопъ. 31 г., ч. 13, из. слов.).
- „Соборъ парижск. богоматери“. („Сѣв. Архивъ“. 31 г., ч. 50—52; „Моск. Тел.“ 31, ч. 40, и. сл.).
- Гоггъ. „Амброзіанскія ночи“. („Библ. для чт.“ 36 г., № 3, и. с.).
- Дежерандо. „Благотворительность“. („Мат. Тел.“ 27 г., ч. 16, из. л.).
- Детушь. „Женатый философъ“, перев. Каратыгина. Спб. 27 г. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 16; библ.).
- Дешанъ. „Свадебный балъ“. („Телескопъ“ 34 г., ч. 21, и. с.).
- Деларю. „Превращеніе Дафны“. Спб. 30 г. („М. Тел.“ 34 г., ч. 21, и. с.).
- Дино. „Домикъ въ долинь“. („Тел.“ 35 г., ч. 26, и. с.).
- Дизо. „Сынъ наши“. („Тел.“ 34 г., ч. 22, и. с.).

- Делагранжъ. „Фантастическая новость“. („Совр.“ 37 г., ч. 7, библ.).
- Декръ. „Любовь и политика“. („Библ. для чт.“ 36, ч. 6; 37, ч. 2, и. с.).
- Друино. „Художникъ“. („Телескопъ“ 34 г., ч. 23, и. с.).
- Дюра. „Эдуардъ“. М. 27. („М. Тел.“ 27 г., ч. 17, библ.).
- Дюканжъ. „Парижская дѣвушка“. („Моск. Тел.“ 33 г., ч. 52, и. с.).
- „Жизнь игрока“. М. 28. („М. Вѣстн.“, 1—4 ч., библ.).
- Дюкре-дю-Мениль. „Аравитскій замокъ“. („Моск. Вѣстн.“ 27 г., ч. 6, и. с.).
- Дюма. „Медвѣжьей окорокъ“. („Тел.“ 34 г., ч. 20, и. с.).
- „Маскарадъ“. (ibid.).
- „Местъ“. („Телескопъ“ 44 г., ч. 22, и. с.).
- „Люэтскія ванны и чортовъ островъ“. („Тел.“ 35, ч. 26, и. с.).
- „Путешествіе Паю“. („Библ. для чтенія“ 36 г., № 4, и. с.).
- Жакъ-Вибліофилъ. „Оборотень“. (беррійское преданіе). („Телескопъ“ 33 г., ч. 16, и. с.).
- Жанлисъ. „Госпожа Ментененъ“. Ор. 25. („М. Тел.“ 26, 8 ч., библ.).
- „Знатные по природѣ“. М. 22. („Сынъ Отечества“ 22 г., ч. 47—52, библ.).
- „Альфонсъ и Далинда“. М. 30. („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 36, и. с.).
- „Замокъ Роннетъ“. („Моск. Тел.“ 31 г., ч. 41—42, из. слов.).
- Жоржъ-Зандъ. „Индіана“. Спб. 33 г. („Моск. Тел.“ 33 г., ч. 52, библ.).
- Жоржъ-Зандъ. „Симонъ“. („Моск. Наблюд.“ 36 г., № 1—6, и. с.).
- „Монра“. („Моск. Наб.“ 37 г., ч. 13—14, и. с.).
- „Primo tempo“. („Библ. для чтенія“ 38 г., ч. 1, и. с.).
- „Ускокъ“. („Библиотека для чтенія“ 38 г., ч. 3, и. с.).
- Жюль-Жаненъ. „Телеграфъ Ренсійскій“. („Тел.“ 31 г., ч. 10, и. с.).
- „Сто тысячъ первая и послѣдняя“. („Библ. для чт.“ 34 г., № 4, и. с.).
- „Смерть переплетчика Тувеня“. („Телескопъ“ 34 г., ч. 19, и. с.).
- „Жена солнца“. („Библ. для чтенія“ 55 г., ч. 2, и. слов.).
- „Записки Марціала“. („Моск. Набл.“ 36 г., ч. 13—14, и. с.).
- Жуи. „Антенскій пустынный“. Спб. 25. („М. Т.“ 26, 7, библ.).
- „Гиліомъ чистосердечный“. Спб. 27. („М. Тел.“ 27 г., ч. 16, б.).
- „Гвіанскій пустынный“. М. 28. („М. Тел.“ 28 г., ч. 23, библ.).
- Карръ. „Арфа Берты“ (легенда). („Телескопъ“ 35 г., ч. 29, и. с.).
- Корнель. „Сидъ“. Спб. 22. („Сынъ Отеч.“ 23 г., ч. 86, библ.).
- П. де-Кокъ. „Савояръ“. Спб. 28. („Библ. для чт.“ 36 г., ч. 2, объяв.).
- „Добрый малый“. Спб. 33. („М. Тел.“ 33 г., ч. 52, объяв.).
- „Андалузская любовница“. („Тел.“ 34 г., ч. 20, и. с.).
- „Какъ знать, что случится“. („Совр.“ 36 г., ч. 3, библ.).
- „Никогда и всегда“. („Совр.“ 36, ч. 7, библ.).
- „Парижскій цирюльникъ“. („Б. для чт.“ 36, 2, объяв.).

- Ш. де-Кокъ. „Бѣлый домъ“. Спб. 33. (ibid.).
 — „Дитя природы“. Спб. 32. (ibid.).
 Крузе. „Пролавшій безъ вѣсти“. („Атеней“. 30 г., ч. 1, и. с.).
 — „La Dragon Rouge“. („Атеней“. 30 г., ч. 2, и. с.).
 — „Волшебный ключъ“. („Библи. для чт.“ 35 г., ч. 3, и. с.).
 Кюльпе. „Пустынникъ Сень-Жерменскаго предмѣстья“. Спб. 26. („М. Тел.“ 27, ч. 15, библи.).
 Лабрюйеръ. „Отрывки изъ сочиненій“. („Вѣстн. Евр.“ 22 г., ч. 126, и. с.).
 Ламартинъ. „Озеро“. („М. Тел.“ 25 г., ч. 2, и. с.).
 — „Вечеръ“. („М. Тел.“ 25 о., ч. 6, и. с.).
 — „Счастливецъ“. („М. Т.“ 26 г., ч. 7, и. с.).
 — „Байскій заливъ“. (ibid.).
 Лафонтенъ. „Сень-Жульенъ“. („Вѣст. Евр.“ 23 г., ч. 1—4, и. с.). „Сватовство наоборотъ“. („Сынъ От.“ 25 г., ч. 13—16, и. с.).
 — „Миниатюрный портретъ“. („В. Е.“ 26 г., ч. 13—16, и. с.).
 — „Госпожа Селимена“. Опб. 24 г. („Сынъ Отечества“. 24 г., № 94, библиографія.).
 — „Картины страшныхъ происшествій“. („Моск. Тел.“ 31 г., № 5—8).
 Лесаажъ. „Жиль-Блазъ де-Сантльяка“. Спб. 1821. („Вѣстн. Евр.“ 21 г., ч. 118, объявл.; „М. Тел.“ 32 г., ч. 9—12, библи.).
 — „Хромоногий бѣсъ“. („М. Тел.“ 32 г., ч. 17, библи.).
 Лекверкъ. „Нужда пляшетъ“. („Библи. для чт.“ 36, ч. 2, и. с.).
 Люкъ. „Клятва женщины“. („Телескопъ“. 35 г., ч. 21, и. с.).
 Массеній. „Средневѣковыя повѣсти“. („Библи. для чт.“ 35 г., ч. 4, и. с.).
 Мармонтель. „Памятныя Записки“. („Отеч. Записки“. 21 г., ч. 5, библи.).
 Мери. „Зеленый колпакъ“. М. 1833 г. („Моск. Т.“ 33 г., ч. 52, библи.).
 Мериме. „Маттео Фальконе“ (безъ подписи автора). („Атеней“. 29 г., ч. 3, и. с.).
 — „Этрусская ваза“. („Сѣв. Арх.“ 32 г., ч. 16, библи.).
 — „Ильская Венера“. („Библи. для чт.“ 37 г., н. 5, и. с.).
 Мервиль. „Баль у Пикара“. („Моск. Тел.“ 33 г., ч. 53, и. с.).
 Мильвуа. „Эмма и Эгинаръ“. М. 25. („М. Т.“ 25 г., ч. 6, библи.).
 Мольеръ. „Мнимый рогоносецъ“, пер. Ротчева. М. 25. („Моск. Тел.“ 25 г., ч. 6, библи.).
 — „Школа мужей“. („Вѣстн. Евр.“ 22 г., ч. 122, и. с.).
 — „Хоть тресни, а женись“. („Соврем.“ 37 г., ч. 6, библи.).
 Монтолье. „Новыя повѣсти“, пер. Семенова. М. 28. („Моск. Тел.“ 28, ч. 20, библи.).
 Мюссе. „Женскій умъ лучше всякихъ думъ“. („Библи. для чт.“ 37 г., ч. 4, и. с.).

- Нодье. „Серафина“. („Моск. Телегр.“ 32 г., ч. 49, и. с.).
- „Инеса де Ласъ Сierasъ“. („Библ. для чт.“ 37 г., ч. 5, и. с.).
- Пиго-де-ла-Брюнь. „Господинъ Божъ“. („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 27, и. с.).
- Пужанъ. „Жако“. („Моск. Т.“ 25 г., ч. 2 и 3, библ.).
- Пуль. „Человѣкъ добраго сердца“. („Библ. для чтенія“. 35 г., № 4, и. с.).
- Расинъ. „Боззетъ“, пер. Олинъ. Сиб. 27. („М. Тел.“ 27 г., ф. 14, библ.).
- „Федра“. Сиб. 23, Сиб. 27. („Вѣст. Евр.“ 21 г., ч. 119, и. с.
„Сынъ От.“ 23 г., ч. 89, библ.; „Моск. Тел.“ 27 г., ч. 15, б.).
- „Андромаха“. („Вѣстн. Евр. 21 г., ч. 117, объявл.).
- Ребо. „Философка“. („Библ. для чт.“ 38. ч. 2, и. с.).
- „Вороны“. („Библ. для чт.“ 39 г., ч. 2, и. с.).
- Ремонъ. „Даниилъ Гранильщикъ“. Сиб. 33 г. („М. Т.“ 33 г., ч. 52, библ.).
- „Перстъ Божій“. („Библ. для чт.“ 34 г., ч. 1, и. с.).
- Райе. „Рудья своей чести“. („Моск. Наблюд.“ 35 г., № 1—4. и. с.).
- Розлонъ. „Аріолина“. („Библ. для чтенія“. 39 г., ч. 2, и. с.).
- Де-ла-Рошь. „Дѣти Данкретскаго аббатства“. Орель. 28 г. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 8, библ.).
- Ружемонъ. „Добродушный“. („В. Евр.“ 28 г., № 21—24, библиогр.).
- Ж. Ж. Руссо. „Философическая прогулка, или исповѣдь“. М. 1822. („С. От.“ 22 г. № 27—33, библ.).
- Де-Сангленъ. „Жизнь и мнѣнія новаго Тристама“. („Моск. Тел.“ 30 г., ч. 31, библ.).
- Сегюръ. „Очки“. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 15, и. с.).
- „Пале-Рояль“. („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 15, и. с.).
- Сентъ-Илларъ. „Завѣщаніе диллетанта“. („Телеск.“ 34 г., ч. 22, и. сл.).
- Севъ-Ламбергъ. „Времена года“. („Вѣстн. Евр.“ 23 г., № 13—16, из. сл.).
- Де-Сентъ-Пьеръ. „Навель и Виргинія“. М. 26. („Моск. Тел.“ 26 г., ч. 11, библ.).
- Скриба. „Медвѣдъ и паша“. („Сынъ Отч.“ 23 г., 88 г., библ.).
- „Женщина полковникъ“. („Сынъ От.“ 24 г., ч. 94, библ.).
- „Крестная маменька“. („Моск. Тел.“ 31 г., ч. 58, библ.).
- „Свои люди“. („Библ. для чт.“ 37 г., ч. 6, и. с.).
- „Ложа въ театрѣ“. („Библ. для чт.“ 38 г., ч. 1, и. с.).
- Soulie. „Гордость и суетность“. („Моск. Набл.“ 36 г., ч. 15, и. с.).
- Souvestre. „Свѣтская женщина“. („Б. для чт.“ 35 г., ч. 1, и. с.).
- „Послѣдняя любовь“. („Моск. Наб.“ 37 г., ч. 10, и. с.).
- Е. Сю. „Аторъ Гюль“. („Тел.“ 32 г., № 9, и. с.).
- „Наваринская битва“. („Моск. Телегр.“ 33 г., ч. 50, и. с.).
- „Истинное повѣствованіе о походеніяхъ Клавдія Белиссона.“ („Телеск.“ 34 г., ч. 23, и. с.).
- „Крао“. („Телеск.“ 35 г., ч. 29, и. с.).

Е. Сю. „Повѣсти“. („Сов.“ 37 г., ч. 9, библ.).

Фенелонъ. „Странствія Телемана“. Сиб. 22. („Вѣст. Евр. 22, № 8—12, б.).

Шаль. „Исповѣдь Капуцина“. („Тел.“ 32 г., № 9, и. с.).

— „Исторія величія и паденія Цезаря Виротто“. („Библ. для чт.“ 38 ц., ч. 3, и. с.).

Шатобрианъ. „Атала“. („Вѣстн. Евр.“ 23 г., № 3—4, и. с.).

— „Приключенія послѣдняго Абенсеррога“. („Моск. Вѣстн.“ 27 г., ч. 1, и. сл.).

— „Рене“. („Моск. Вѣстн.“ 27 г., № 5, и. с.).

— „Завѣщательное предисловіе“. („Телескопъ“. 34 г., ч. 21, и. с.).

д) *Итальянская литература.*

Аріостъ. „Неистовый Орландъ“. („Телескопъ“. 32 г., № 12, и. с.; „М. Тел.“ 32 г., № 1—4, Совр. библ.; 37. 5, библ.).

Манцони. „Обрученные“. („Моск. Вѣстн. 26 г., ч. 6, и. с.)

Сил. Пелико. „Мои темницы“. („Совр.“ 37, ч. 5, библ.).

— „Объ обязанностяхъ человѣка“. („Телеск.“ 35 г., ч. 28, и. с. (отрывок); „Совр.“ 36 г., ч. 3, библ.).

Тассъ. „Освобожденный Иерусалимъ“, пер. Раича. М. 28, пер. Мерзлякова. М. 27. („Моск. Тел.“ 28, 19 ч., библ.).

Тамассо-Гросси. Марко Висконти.“ („Моск. Наблюд.“ 35 г., ч. 5—6, и. с.).

е) *Испанская литература.*

Кальдеронъ. „Какъ трудно стеречь домъ о двухъ дверяхъ“. („Моск. Вѣст.“ 28 г., в. 11, и. с.).

Сервантесъ. „Донъ-Кихоть“. („Московск. Телеграфъ“. 31 г., № 21—24. библ.; „Библ. для ч.“ 35, № 1, библ.; „Современникъ“. 39. г. № 1, библ.).

ф) *Скандинавская литература.*

Тегнеръ. „Фритіофъ“. (2 пѣсни). („Телескопъ“. 35 г., ч. 27, и. с.).

— „Аксель“. („Моск. Вѣстникъ“. 27 г., ч. 9—10, и. с.).

г) *Переводныя статьи различныхъ литературъ, авторы которыхъ не поименованы переводчиками.*

„Актеры и актрисы“ (съ англійск.). („Библ. для чт.“ 34 г., № 2, и. с.).

„Аргайльское озеро“ (съ фр.). („Вѣстн. Евр.“ 30 г., ч. 1—4, и. с.).

„Англичане дь чужихъ краяхъ“, (съ англ.). (ibid.).

„Баль на островѣ Бордосъ“. („Библ. для чтенія“. 34 г., 5 ч., и. с.).

„Бестанская старушка“. („Библ. для чт.“ 36, 4 ч., и. с.).

„Бедуинка“. (быль). („Библ. для чт.“ 38 г., ч. 5, и. с.).

- „Бобелина“. („Сынъ Отеч.“ 23 г., ч. 87, библ.).
- „Бракъ по разсудку“. („Б. для чт.“ 37 г., ч. 2' и. с.).
- „Братья“. („Вѣстн. Евр.“ 30 г., ч. 13—16, и. с.).
- „Все не въ попадь“, (съ англ.) („В. Евр.“ 23 г., № 1, и. с.).
- „Вѣдь это была она“. („В. Евр.“ 25 г., ч. 13—16, и. с.).
- „Вечеръ подь новымъ годомъ“ (съ нѣм.). („Вѣст. Евр.“ 25 г., ч. 21—24).
- „Водопадъ“, (съ англ.) („Сынъ От.“ 25, ч. 1—4, и. с.).
- „Вильгельмина“, (съ нѣм.). („Сынъ От.“ 25, ч. 5—8, и. с.).
- „Военный судъ“, (быль). (Съ англ.). (изъ „Naval and Military Magazine“). („Тел.“ 34 г., ч. 19, и. с.).
- „Воспоминаніе мореходца“, (съ франц., изъ Revue de Paris“). („Телескопъ“. 34 г., ч. 21, и. с.).
- „Весттанскій золотыхъ дѣлъ мастеръ“. (Атеней“. 29 г., ч. 3, и. с.).
- „Восковой художникъ“. („Библ. для чт.“ 37 г., № 2, и. с.).
- „Голосъ съ того свѣта“. („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 22, и. с.).
- „Гороскопъ“, (съ нѣм.). Спб. 28. („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 23, библ.).
- „Графиня“, (съ нѣм.). („Вѣст. Евр.“ 30 г., ч. 9—12, библ.).
- „Гаучосы“, (быль), (съ англ., изъ „New—Montly Magazine“). („Тел.“ 34 г., ч. 20, и. с.).
- „Графиня изъ простыхъ“, (съ англ.). (Библ. для чт.“ 34, 3, и. с.).
- „Горбатый“, (съ исп.). („Молва“. 31 г., ч. 1, и. с.).
- „Двое за четверыхъ“, (съ фр.). Спб. 27. („М. Т.“ 27, ч. 15' библ.).
- „Дяди миллионщикъ“. (съ англ.). („Моск. Тел.“ 28 г., ч. 22, и. с.).
- „Дуэль“. (Съ англ. изъ „Blackw Magazine“). („Тел.“ 34 г., ч. 19, и. с.).
- „Дивы дивныя“. („Библ. для чт.“ 34 г., ч. 5, и. с.).
- „Деревенскія забавы“. („Б. для чт.“ 35 г., ч. 3, и. с.).
- „Деревенскій геній“. („Б. для чт.“ 36, ч. 4, и. с.).
- „Джоббъ Пиппинсъ“. (Съ англ., изъ „Blackuvoss Mag.“). („Библ. для чт.“ 36 г., ч. 5, и. с.).
- „Достовѣрное преданіе о причинѣ счастья и бѣдствій знаменитаго роду де-Кроа“. („Б. для чт.“ 39, ч. 3, и. с.).
- „Добродѣтель“, (съ фр.). („Молва“. 31 г., ч. II, и. с.).
- „Девяносто девятый номеръ въ лоттерей“. („М. Т.“ 26, 10, и. с.).
- „Жагда красоты“, (съ нѣм.). („Библ. для чт.“ 36 г., ч. 2, и. с.).
- „Жертва предразсудка“, (съ нѣм.). („Сынъ От.“ 25 г., 1—4).
- „Жазнь поэтовъ“. („Атеней“. 29 г., ч. 4, и. с.).
- „Заживо погребенный“. („Библ. для чт.“ 37 г., ч. 4, и. с.).
- „Записки Галькрафта“. (Idem. 36 г., ч. 2, и. с.).
- „Записки доктора Гаррисона. (Idem. 35 г., ч. 3, и. с.).
- „Записки зѣваки“, (съ франц., изъ „Revue de Paris“). („Телеск.“ 34 г., ч. 19, и. с.).

- „Замокъ Ронкероль“ („Моск. Наблюд.“ 37 г., ч. 11, и. с.).
- „Замокъ Ясмундъ“. (съ англ., изъ „Blackw. Mag.“). („Телеск.“ 32 г., ч. 10, и. с.).
- „Замокъ Эльмиръ“, (съ англ.). („Библи. для чт.“ 34 г., ч. 3, и. с.).
- „Исторія о лунѣ и другѣ Пьерро“. („Моск. Набл.“ 37 г., ч. 10, и. с.).
- „Итальянскіе аферисты“. („Б. для чт.“ 36, ч. 3, и. с.).
- „Кационеры“, (съ нѣм.). („Моск. Вѣстн.“ 27 г., 5, и. с.).
- „Квартира со столомъ“. (Idem. 35 г., ч. 4, и. с.).
- „Констанція Контарини“, (быль), (съ нѣм.). (Idem. 39 г., ч. 3, и. с.).
- „Колѣблющійся вѣнокъ“, (сказка-быль), (съ фр. изъ „Journal des dens du monde“). („Тел.“ 34 г., ч. 20, и. с.).
- „Либертино Генуччи“. („Моск. Набл.“ 37 г., ч. 12, и. с.).
- „Маріамма“. („Моск. Вѣстн.“ 30 г., ч. 5, и. с.).
- „Марія Стюартъ“. М. 25. („Моск. Тел.“ 26 г., 7 ч., библи.).
- „Матросскій наборъ въ Англии“. („Библи. для чт.“ 34, 5, и. с.).
- „Мейльдредъ Пембертонъ“. („Моск. наблюдатель“. 36 г., ч. 5—6, и. с.).
- „Мой братецъ Вася“, (съ англ.). („Библи. для чт.“ 35 г., ч. 1, и. с.).
- „Наслѣдственное имѣніе“, (съ нѣм.). („Вѣстн. Евр.“ 30 г., № 1—4, и. с.).
- „Нерѣшительный женихъ“. („Моск. Набл.“ 38 г., ч. 18, и. с.).
- „Несостоявшійся бракъ“, (съ англ., изъ „New Montly Magazine“). („Тел.“ 24 г., ч. 21, и. с.).
- „Несчастіе счтливѣйшаго изъ смертныхъ“, (съ англ.). („Молва.“ 31 г., ч. 2, и. с.).
- „Оболюститель“. („Библи. для чт.“ 37 г., ч. 6, и. с.).
- „Омнибусы“. (Id. 34 г., ч. 7, и. с.).
- „Охотничьи рассказы“. („Атеней“. 29 г., ч. 4, и. с.).
- „Персидскій шахъ“, (съ англ.). („Моск. Тел.“ 27 г., ч. 15, и. с.).
- „Предвѣстница смерти“. (Idem. 25 г., ч. 1, и. с.).
- „Приключеніе въ жизни Гренваля“, (съ нѣм.). („В. Е.“ 30, ч. 12, и. с.).
- „Приключеніе на сератогскихъ водахъ“. („Б. для чт.“ 37 г., 2, и. с.).
- „Педантъ и я“. („Б. для чт.“ 46 г., ч. 3, и. с.).
- „Пуэльчесь“. (Id. 34 г., ч. 7, и. с.).
- „Пѣнистый балъ“. („М. Н.“ 35, ч. 7—8, и. с.).
- „Пьеръ Тилемонъ“ („Моск. Набл.“ 38 г., ч. 17, и. с.).
- „Разводная“, (съ нѣм.). („В. Е.“ 23 г., ч. 21—24, и. с.).
- „Розамунда“. (Idem. 27 г., ч. 13—16, и. с.).
- „Розовый шарфъ“, (съ фр., изъ „Journal des gens du Monde“). („Тел.“ 34, ч. 21, и. с.).
- „Рыцарь ордена св. Іоанна“, (съ нѣм.). („Моск. Вѣстн.“ 29, 2 ч., и. с.).
- „Секретарь Боннеліе“. („Библи. для чт.“ 37 г., ч. 2, и. с.).
- „Свадьба въ Колоніи“, (съ фр.). („В. Евр. 30 г., ч. 1—4, и. с.).

- „Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностр. писателей“. М. 36 изд. Надеждина.
„Сцены изъ жизни натуралиста“, (съ англ., изъ „Вл. Мог.“). („Тел.“
32 г., ч. 7, и. с.).
- „Страшная гроза“, (съ англ., изъ „Вл. Маг.“). (Id. 33 г., ч. 13, и. с.).
- „Страсть на разн. ступ. обществ.“, (съ англ.). („Б. для чт.“ 34 г., ч. 2, и. с.).
- „Сказаніе о поединкѣ“. (Id. 35 г., ч. 2, и. с.).
- „Сумасшедшій честолюбецъ“. („М. Тел.“ 26 г., ч. 12, и. с.).
- „Спинелло“, (съ фр.). („В. Е.“ 30 г., ч. 13—16, и. с.).
- „Тайна разъяснена“. („Тел.“ 32, ч. 8, и. с.).
- „Таніото и Марія“, (съ ит.). („В. Е.“ 30 г., ч. 5—8, и. с.).
- „Тонкіе намеки“. (Библ. для чт.“ 37 г., 2 ч., и. с.).
-

Приложеніе 3.

Списокъ книгъ историческаго содержанія на иностранныхъ языкахъ, подаренныхъ Н. В. Гоголемъ его другу Данилевскому¹⁾. (По этимъ книгамъ Гоголь готовился къ лекціямъ).

- „Cours de littérature française“ par Villemain, 1834, 5 volumes.
- „Promenades dans Rome“, par M. de Stendhal, 1830, 2 volumes.
- „Mélanges philosophiques, historiques et littéraires“ par Villemain, 1829 2 vol.
- „Introduction à l'histoire Universelle, suivie du discours d'ouverture prononcés à la faculté des lettres. le 9 janvier 1834 par Jules Michelet“, 1832, 1 volume.
- „Idées sur la philosophie de l'histoire de l'humanité“, par Herder, ouvrage trad. de l'allemand et précédé d'une introduction par Edgard Quinet, 1826, 3 volumes.
- „Vues pittoresques de l'Inde, de la Chine et des bords de la mer Rouge, sur les esquisses originales du Commodore Robert Elliot de la marine Royale“, 2 volumes.
- „Gallery of portraits, under the superintendance of the Society for the diffusion of insects“. 1832, 1833, 1834, 1835 и „Findens Landscape illustrations of the Bible“, by the Rev. Thomas Hartwell Harne. B. D. 1834—1838.
- „Histoire de la décadence et de la chute de l'empire romain, par E. Gibbon, précédé d'une notice sur la vie et le caractère de Gibbon“, par M. F. Guizot, 1828, 13 volumes.
- „Histoire de Cromwell d'après les memoires du temps et les recueils parlementaires“, par M. Villemain, 1829, 2 volumes).

¹⁾ Гоголь. Сочиненія. Т. VII, стр 689.

- „Histoire universelle, ouvrage posthume de Jean Müller, traduit de l'allemand, par J. G. Hess, avec un Supplément depuis 1815, jusqu' à nos jours“, 1837, 4 vol.
- „La chartreuse de Parme, par M. de Stendhal, auteur de Rouge et Noire“ etc. 1839.
- „Dix ans d'études historiques“, par Auguste Thierry, 1835, 1 vol.
- „Lascaris, ou les grecs du XV Siècle, suivi d'un essai historique sur l'état des grecs depuis la conquête musulmane jusqu'à nos jours“, par Villemain. 1829.
- „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, de ses causes et ses suites jusqu'a nos jours, en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et sur le continent“, par Auguste Thierry, de l'Institut royal de France, 3—ième édition.
- „Oeuvres complètes de Shakspeare, traduites par Letourneur, revues et corrigées par F. Guizot et A. P., traducteur de lord Byron, précédée d'une notice biographique et littéraire sur Shakspeare“, par Guizot. P. 1821, 13 vol.

Въ записной книжкѣ Гоголя подъ № 15 сохранились списки книгъ на иностранныхъ языкахъ (французскомъ, англ., исп., итальянскомъ), повидимому, прочитанныхъ Гоголемъ¹⁾. Заглавія отдѣльныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ встрѣчаются въ другихъ записныхъ книжкахъ Гоголя.

¹⁾ Гоголь. Сочиненія. Т. V¹¹, стр. 942 и 943.

Приложеніе 4.

Указатель переводныхъ произведеній западно-европ. литературы, бывшихъ въ библіотекѣ Д. П. Трощинскаго ¹⁾.

- „Аббатство С. Бернарда, или наказанный похититель“. Пер. съ фр. А... К...въ. Спб. 1818 г.
- „Адамина, или испытанія добродѣтели“. Пер. съ фр. 2 тома. Москва. 1806 г.
- „Аделаида, или по наружности не суди“. Пер. съ фр. М...а, 2 части. Спб. 1819 г.
- „Аделия и Цицилія“. Нравоучительная повѣсть. Пер. съ фр. Петръ Волчковъ. Москва. 1811.
- „Адольфъ и Елеонора, или опасность любовныхъ связей“. Истинное происшествіе. Изд. Бенжамена Констана. Пер. съ фр. Орель. 1818 г.
- „Адріанъ, или приключенія молодого семинариста“. Съ фр. пер. Ал-дръ Осиповъ. Москва. 1811 г.
- „Адріанъ и Стефанія, или необитаемый островъ. 2 части“. Пер. съ фр. А. Серебряковъ. Москва. 1819.
- „Алексина, или старая башня замка Холдхеймъ“. 4 части. Пер. съ фр. Москва. 1827—1828 г.

¹⁾ Указатель этотъ составленъ нами на основаніи „Каталога антикварной библіотеки книгопродавца Е. А. Федорова, пріобрѣтенной послѣ бывшаго министра Д. П. Трощинскаго“. Кіевъ. 1874 г. Какъ извѣстно, книгами изъ библіотеки Д. П. Трощинскаго Гоголь пользовался еще будучи гимназистомъ. Этотъ указатель мы прилагаемъ тоже, какъ матеріалъ для болѣе общаго и полнаго указателя переводной литературы въ Россіи начала XIX в. и конца XVIII в.

- „Амврозій Крузе, или удивительныя приключенія единственнаго сына“. Пер. съ фр. Москва. 1820 г.
- „Англійская ночь, или приключенія Г. Дабо“. Пер. съ фр. перевода Спектрофуини на русскій — Страхолюбовъ. 2 части. Москва. 1803 г.
- „Англійскія письма или приключенія г-жи Клевеландши“. Пер. Н. Осиповъ. 2 части. Спб. 1790 г.
- „Аннушка“. Англійскій романъ. Пер. съ фр. Мих. Копьевъ. 4 части. Москва. 1797—1798 г.
- Антрагъ (д'). „Ерминія на развалинахъ Рима“. Пер. съ фр. В. М. Спб. 1803 г.
- Аржансъ (д'). „Влюбленный философъ, или приключенія графа Момжана“. Пер. съ фр. Н. Н... 2 части. Москва. 1781 г.
- „Маркизь Мирмонъ, или уединенный философъ“. Пер. съ фр. Спб. 1783 г.
- „Настоятель Килеринскій“. 6 томовъ. Пер. съ фр. Спб. 1765 -- 1768 г.
- „Приключенія кавалера де***“. Спб. 1772 г.
- „Приключенія маркиза Г..., или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ“. 6 частей. Четыре части пер. Ив. Елагинъ, а 5-ю и 6-ю N.N. Спб. 1756—1769 г.
- Аріостъ. „Неистовый Роландъ“. Героическая поэма. Пер. съ фр. 3 части. Москва. 1791--1793 г.
- Аркъ (д'). „Домъ молчанія“. Повѣсть философическая. Пер. съ фр. А. Волковъ. 2 изд. 2 части. Москва. 1788 г.
- Арленкуръ (д'). „Отчужденная“. Пер. съ фр. А. Д. 2 части. Москва. 1828 г.
- „Отступникъ“. Пер. съ фр. 2 части. Москва. 1828 г.
- „Пустынникъ“. Пер. съ фр. М. Воронежскій. 4 части. Москва. 1823 г.
- „Пустынникъ дикой горы“. 2 части. Пер. съ фр. Спб. 1824 г.
- „Чужестранка“. Пер. съ фр. 3 части. Москва. 1828 г.
- Армандъ-Роланъ, г-жа. „Александра, или русская хижина“. Пер. съ фр. 3 части. Москва. 1809 г.
- Арнодъ. „Адельсонъ и Сальвини“. Англійская повѣсть. Москва. 1779 г.
- „Анна Белла“. Пов. Пер. съ фр. Москва. 1774 г.
- „Базиль“. Пов. Пер. съ фр. Е. Л. Москва. 1785 г.
- „Батильда, или геройство любви“. Историческая пов. Спб. 1773 г.
- „Варвикъ, или ужасная жертва честолюбія“. Историческое происшествіе. Москва. 1820 г.

- Арнодь. „Добродѣтельная жена, или распутный, любовію исправленный“. Пер. съ фр. 2 части. Москва. 1803 г.
- „Жизнь Констанціи, благородной дѣвицы“. Пер. съ фр. Москва. 1774 г.
- „Лоримонъ, или челоуѣкъ, каковъ онъ есть“. 6 частей. Пер. съ фр. Москва. 1810 г.
- „Нанси, или пагубныя слѣдствія ревности и безразсудной вѣтренности“. Пов. Пер. съ фр. Моисей Смирновъ. Спб. 1783 г.
- „Салисбури“. Историческая повѣсть. Съ фр. пер. П... А... Спб. 1792 г.
- Арнодь старшій. Поэма. „Эльвиръ“. Арнодь младшій. „Зенотемась, приключеніе марсельское“. Пер. съ фр. Ерм. Костровъ. Москва. 1879 г.
- Байронъ. Выборъ изъ сочиненій его. Пер. съ фр. Изд. Каченовскаго. Москва. 1821 г. Содержаніе. „Осада Коринѳа“. „Калмаръ и Орла“. „Мазепа“. „Джюуръ“. „Абидосская невѣста“.
- „Джюуръ“. Отрывки турецкой повѣсти. Въ стихахъ. Пер. Н. Р. Москва. 1822 г.
- „Манфредъ“. Драматическая поэма. Пер. съ англ. М. В. Спб. 1828 г.
- „Невѣста Абидосская“. Турецкая повѣсть. Поэма. Съ англ. пер. Ив. Козловъ. Спб. 1826 г.
- „Паризина“. Историч. повѣсть въ стихахъ. Пер. В. Вердеревскій. Спб. 1828 г.
- Бартелеми. „Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи въ половинѣ IV в. до Р. X.“. Перевели съ фр. Андрей Нартовъ, Ал-ндръ Никольскій, Дм. Хвостовъ, Ал-ндръ Севастьяновъ. 4 тома. Спб. 1804—1807 г.
- „Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи въ половинѣ IV в. до Р. X.“. Пер. съ фр. П. Страховъ. 4 тома. Москва. 1803—1804 г.
- „Бездушный говорящій, или повѣсть булавки и ея знакомыхъ“. Пер. съ нѣм. Ник. Осиповъ. 4 части. Москва. 1790 г.
- „Безусыпная любовь несчастнаго кавалера Шарлевильскаго“. Пер. съ нѣм. Москва. 1785 г.
- Беккеръ. „Густавъ Ваза и приключенія его семейства“. Пер. съ нѣм. 3 части. Москва. 1819 г.
- „Странникъ, или все къ лучшему“. Пер. съ нѣм. 2 части. Москва. 1817 г.
- Беннетъ. „Проклятіе, или тѣнь моего отца“. Пер. 5 частей. Москва. 1811—1812 г.

- Беркенъ. „Дѣтскій Собесѣдникъ“. 2 части. Пер. съ фр. Ив. Янковичъ де-Марьева. Спб. 1791—1792 г.
- Бертенъ. „Время—препровожденіе юношества, или нравств. басни“. 2 части. На фр. и русск. яз. Москва. 1811 г.
- „Библиотека нѣмецкихъ романовъ“. 3 части. Пер. съ нѣм. Вас. Левшинъ. Москва. 1780 г. Романы—рыцарскіе, народныя, нѣмецк., иностранныя. Эпизоды и маленькія повѣсти.
- „Библиотека ручная для молодыхъ людей обоего пола, любящихъ нравственное и чувствительное чтенія“. Пер. съ нѣм. 3 части. Москва. 1805 г.
- „Библиотека сельская (новая), или отборныя повѣсти, важныя и любопытныя“. Пер. съ фр. Е. Х. 2 тома. Спб. 1779 г.
- „Библиотека дѣтскихъ повѣстей, анекдотовъ и сказаній о юности великихъ людей, прославленныхъ исторіею“. Переводъ. 3 части. М. 1824 г.
- Вильдербергъ. „Черная маска, или завѣса тайнствъ“. Сочиненіе автора: „Урна и могильщикъ“. Пер. съ нѣм. 2 части. М. 1815 г.
- Бланшардъ. „Фелиція Вильмаръ, или изображеніе человѣческой жизни“. Пер. съ фр. Андрей Чеботаревъ. 3 части. Москва. 1805 г.
- „Филеть, пастушескій романъ“. Пер. съ фр. Вл... Золск... Москва. 1802 г.
- „Дѣтское утѣшеніе, или полезное и пріятное чтеніе“. Пер. съ фр. Л. С. 2 части. М. 1814 г.
- „Картины природы и благодѣяній промысла, избранныя изъ твореній знаменитыхъ писателей“. Пер. съ фр. Н. Кисловъ. 4 части. М. 1822 г.
- „Новѣйшая дѣтская библиотека“. 2 части. Пер. съ фр. М. 1815 г.
- „Путь къ благоправію, или нравоучительныя примѣры для дѣтей“. Пер. съ фр. Н. В. На русск. и фр. яз. М. 1821 г.
- „Сокровище для дѣтей, или безцѣнный подарокъ милымъ малюткамъ на новый 1811 г.“. 3 части. М. 1811 г.
- Бомарше. „Севильскій цирюльникъ“. Пер. съ фр. Калуга. 1794 г.
- „Фигарова женитьба“. Комедія. Пер. съ фр. А. Л. Москва. 1787 г.
- „Бомстона Эдуарда приключенія“. Пер. съ фр. Андрей Версиловъ. Спб. 1798 г.
- Бонъ (де), г-жа. „Двѣнадцать столѣтій“. Французскія новости. Пер. съ фр. 4 части. Орель. 1822 г.
- Боярдо Матвѣй Марія. „Влюбленный Роландъ“. Поэма. 3 тома. Пер. съ фр. перевода Лесажа. Спб. 1777—1778 г.

- Браве. „Безбожный“. Трагедія. Пер. съ нѣм. Москва. 1786 г.
 „Бранчивый“. Комедія. Пер. съ фр. Г. С. Москва. 1788 г.
 „Брикъ Больдингъ, или что такое жизнь“. Съ фр. перевелъ Пав. Свѣчинъ.
 Спб. 1802 г.
- Брюель. И. А. „Нравственныя и историческія картины, или избранное
 чтеніе для молодыхъ людей“. Пер. съ фр. Лухмановъ. М.
 1811 г.
- Буало. „Десятая сатира“. Пер. съ фр. С. Аксаковъ. Москва. 1821 г.
 — „Наука о стихотворствѣ“. Поэма дидактическая. Пер. съ фр.
 гр. Дм. Хвостовъ. Спб. 1808 и 1813 г.
- Букилонъ. „Цѣна добродѣтели“. Нравоучительная повѣсть. Пер. съ фр.
 2 части. М. 1816 г.
- Бульи. „Молодыя женщины“. Пер. съ фр. Воронежскій. 4 части. Москва.
 1823 г.
 -- „Матери семействъ“. 2 части. М. 1825 г.
 -- „Безцѣнные примѣры для благовоспитанныхъ людей обоого
 пола и всякаго возраста“. Пер. съ фр. Гер. Сокальскій. 2 части.
 М. 1815 г.
 -- „Другъ молодыхъ дѣвицъ, или новыя повѣсти“. Пер. съ фр.
 Орестъ Сомовъ. 2 части. На русск. и фр. языкахъ. Спб.
 1831 г.
 -- „Повѣсти, посвященныя дѣтямъ Франціи“. Пер. съ фр. А. Пеше.
 М. 1826 г.
 — „Повѣсти, сочиненныя и поднесенныя дѣтямъ Е. В. герцогини
 беррійской“. На русск. и фр. языкахъ. Пер. Ор. Сомовъ. Спб.
 1826 г.
 -- „Сказки дочери моей для образованія ея вкуса, привычекъ,
 разума и сердца“. Пер. съ фр. 2 кн. Спб. 1816 г.
- Буфлеръ и Жанлисъ. Повѣсти: „Супружество по модѣ“. „Добродушный
 Сенъ-Ламбертъ, или изломанная карета“. „Сенклеръ, или жертва
 наукъ и художествъ“. Пер. съ фр. Спб. 1820 г.
- Бюрней. „Генрихъ Дельмаръ, или неблагоразумныя поступки юношества“.
 Пер. съ фр. Мих. Копьевъ. 2 части. М. 1796 г.
 — „Цецилія, или приключенія наслѣдницы“. Пер. съ фр. 10 ч.
 М. 1803—1804 г.
- „Бѣдствія отъ пристрастія къ игрѣ, или исторія баронши д'Альвиньи“.
 Пер. съ нѣм. М. 1803 г.
- „Бѣлая волшебница“. Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Пер. съ фр.
 М. 1823 г.
- „Бѣсъ—пустынникъ, или приключеніе выгнаннаго изъ ада Астарота“.
 Пер. съ нѣм. Гуръ Ивановъ. Спб. 1766 г.

- Валькеръ Георгъ. „Три испанца, или тайны замка Монтальскаго“. Пер. съ фр. 4 части. Москва. 1806—1807 г.
- „Вальтеръ-Монбари, великій магистръ ордена рыцарей храма“. Историч. романъ. Пер. съ фр. 8 ч. Орель. 1819 г.
- Вальтеръ-Скоттъ. „Аббатъ, или нѣкоторыя черты жизни Маріи Стюартъ, королевы шотландской“. 4 части. Пер. съ англ. Спб. 1825 г.
- „Антикварій“. Пер. съ фр. П. К. 4 части. М. 1825 г.
- „Битва при Ватерлоо и баллады“. М. 1827 г.
- „Бѣглець“. Пер. съ фр. 3 ч. Москва. 1821 г.
- „Веверлей, или шестьдесятъ лѣтъ назадъ“. 4 ч. М. 1827 г.
- „Видѣніе Дона Родерика“. Пер. съ фр. Ал. Лазаревъ. М. 1828 г.
- „Владѣтель острововъ“. Поэма. М. 1827 г.
- „Вудстокъ, или всадникъ“. Исторія Кромвелевыхъ временъ 1651 г. Пер. съ фр. С. де Шаплетъ. 4 части. Спб. 1829 г.
- „Выслужившійся офицеръ, или война Монтроза“. Историч. романъ Пер. съ фр. 4 ч. М. 1824 г.
- „Галидонъ-Гилль“. Драматическ. картина изъ шотландской жизни. Пер. съ фр. Д... Е... М. 1828 г.
- „Густавъ Вальдгѣймъ, или преступникъ по неволѣ“. Истинное происшествіе. Пер. съ фр. А. П—въ 2 части. М. 1824 г.
- „Елена Дугласъ, или дѣва озера Лок. Катринскаго“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1828 г.
- „Ивангое, или возвращеніе изъ крестовыхъ походовъ“. 4 ч. Спб. 1826 г.
- „Кенильвортъ“. Историческій романъ. Пер. съ фр. 4 тома. М. 1823 г.
- „Кеятень-Дорвардъ, или шотландецъ при дворѣ Людовика XI“. Ист. ром. Перев. А. И. Писаревъ. 4 части. М. 1827 г.
- „Коннетабль Честерскій, или обрученные“. Пер. Н. Ш. 3 части. Спб. 1828 г.
- „Манерингъ, или астрологъ“. Пер. съ фр. Влад. Броневскій. 4 ч. М. 1824 г.
- „Марміонъ, или битва при Флодень-Фильдъ“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1828 г.
- „Матильда Рокби“. Поэма. Пер. съ англ. 2 ч. М. 1823 г.
- „Награда супружеской вѣрности“. Пер. Мартинъ Скабертинъ. М. 1827 г.
- „Невѣста Ламмермурская“. Новыя сказки моего хозяина. 3 ч. М. 1827 г.

- Вальтеръ-Скоттъ. „Невѣста Трирмена, или долина св. Іоанна“. Пер. съ фр. П. К. М. 1827 г.
- „Письма о Франціи въ 1815 г.“. М. 1827 г.
- „Письма Павла къ своему семейству“. Пер. съ фр. Г. П—овъ. 3 ч. М. 1827 г.
- „Редгонтелетъ“ (красная перчатка). Повѣсть. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1828 г.
- „Робъ-Рой“. 4 части. М. 1829 г.
- „Сень-Ронаскія воды“. 6 ч. Пер. съ фр. М. Воскресенскій. М. 1828 г.
- „Тайнственный Карло“. Пов. 2 ч. М. 1824 г.
- „Талисманъ, или Ришардъ въ Палестинѣ“. Изъ исторіи времянь крестовыхъ походовъ. 3 ч. М. 1827 г.
- „Шотландскіе пуритане“. Повѣсть трактирщика. Ист. ром. Пер. В. Соцъ. М. 1824 г.
- „Эдинбургская темница“. Изъ собранія новыхъ сказокъ моего дяди. Пер. съ фр. А. З—ъ. 4 ч. М. 1825 г.
- „Поэма послѣдняго барда“. Изд. Каченовскаго. М. 1823 г.
- Ваффлардъ и Фюльжансъ. „Минутная неосторожность“. Комедія. Пер. съ фр. Барановъ. М. 1825 г.
- Верне-де-Люцъ. „Матильдъ при горѣ Хоривъ, или продолженіе сочиненія г-жи Коттенъ“: „Матильда, или записки изъ крестовыхъ походовъ“. 4 части. Пер. съ фр. М. 1824 г.
- „Вертопрашка, или исторія дѣвицы Бетси Татлесь“. Пер. съ фр. М. Кошьевъ. 3 ч. М. 1795—1796 г.
- Виландъ. „Агатонъ, или картина философическая нравовъ и обычаевъ греческихъ“. Пер. съ нѣм. 4 ч. М. 1783—1784 г.
- „Аристиппъ и нѣкоторые изъ его современниковъ“. Пер. съ нѣм. И. Татищевъ. 8 ч. 1807 г.
- „Записки для тайной исторіи человѣческаго разума и сердца“. 2 ч. Пер. съ нѣм. М. 1804 г.
- „Исторія дѣвицы Стернгеймъ“. Пер. съ нѣм. В. И. 2 ч. М. 1780 г.
- „Народныя сказки“. Пер. съ нѣм. Вас. Поляковъ. 2 изд. 6 ч. Орель. 1823 г.
- „Новый Донъ-Кишоть, или чудныя похождения Дона Сильвіо де Розальвы“. Пер. съ нѣм. 2 ч. М. 1782 г.
- „Филоклесь“. Подражаніе Агатону. Пер. съ фр. 4 части. М. 1803 г.
- „Оберонъ, царь волшебниковъ“. Поэма. Пер. съ нѣм. сочинитель русск. сказокъ. М. 1787 г.

- Виландъ. „Разговоры Диогена Синопскаго“. Пер. съ нѣм. И. Татищевъ.
М. 1802 г.
- Вилліамсъ (Цицемъ). „Похожденія дикаго американца“. Пер. Ив. Богаев-
скій. М. 1779 г.
- Вольтеръ. „Вадины сказки“, „Бѣлый и черный“, „Жанногъ и Колянъ“ и
„О праздникахъ французскихъ“. Пер. съ фр. М. П. Спб.
1772 г.
- „Исторія о крестовыхъ походахъ“. Пер. И. Вельяшевъ—Вол.
Спб. 1772 г.
- „Скарментово путешествіе“. Спб. 1778 г.
- 1) „Задигъ, или судьба“. Восточная повѣсть. 2) „Свѣтъ, каковъ
онъ есть“. 3) Соч. Душа—„Елегія Клеоны къ Цицею“. Пер. съ
фр. Спб. 1765 г.
- „Кандидъ, или оптимизмъ, т. е. наилучшій свѣтъ“. 1-ая часть
переведена съ фр., 2-ая съ нѣм. Спб. 1779 г.
- „Принцесса вавилонская“. Съ фр. пер. Ѳ. Полуницъ. М.
1770 г.
- „Человѣкъ въ 40 талеровъ“. Спб. 1780 г.
- „Генріада“. Героическая поэма, переложенная на русск. яз.
стихами Як. Княжнинымъ. Спб. 1777 г.
- „Генріада“. Эпич. поэма. Пер. Ив. Сиряковъ. Спб. 1803 и
1822 г.
- „Альзира или американцы“. Траг. Пер. съ фр. Карабановъ.
Спб. 1786 г.
- „Брутъ“. Траг. Пер. съ фр. Левлевъ. М. 1783 г.
- „Магометъ“. Траг. Пер. Н. Остолоповъ. Спб. 1823 г.
- „Танкредъ“. Траг. Пер. Н. Гнѣдичъ. Спб. 1816 г.
- Собраніе сочиненій, переведенныхъ на русск. яз. 5 частей. М.
1802—1805 г.
- Собраніе сочиненій. Ч. I. Пер. съ фр. И. Р. Спб. 1785 г.
- Собраніе всѣхъ до нынѣ переведенныхъ сочиненій. 3 ч. М.
1802 г.
- Вульпіусъ. „Бобелина, героиня Греціи нашего времени“. Пер. съ нѣм.
Анд. Пеше. 2 ч. М. 1782 г.
- „Глоріозо, или атаманъ—патріотъ. Приключеніе XVIII в.“.
Пер. съ нѣм. Зейдель. 3 ч. М. 1806 г.
- „Густавъ Моральдино, великодушный сыноу атамана разбойни-
ковъ“. Пер. съ нѣм. 4 ч. М. 1819 г.
- „Жена разбойника“. 8 ч. М. 1815 г.
- „Ринальдо-Ринальдина“. Историч. романъ XVIII столѣтія. 8 ч.
М. 1802—1804 г.

- Галлеръ. „Достопамятныя и любопытныя приключенія Альфреда, короля англо-саксонскаго“. Пер. съ фр. Ефимъ Руничъ. М. 1788 г.
- „Гамильтонъ, графъ. Нанда“. Сказка. Пер. Вас. Левшинъ.
- Гарнье. „Кровопусканіе“. Драма. Пер. съ фр. Е. Гордижъ. Спб. 1783 г.
- Ге. „Басни“. Пер. съ фр. 2 части. Изд. Новикова. Москва. 1783 г.
- Гельмъ, г-жа. „Альбертъ, или страшнаверская пустыня“. Пер. съ фр. Як. Лизогубъ. 6 ч. Орель. 1822 г.
- „Генриетта де Вольмаръ, или мать, ревнующая къ своей дочери“. Пов. Пер. съ фр. М. 1782 г.
- „Генриетта, или гусарское похищеніе“. Пер. съ нѣм. А. Б. 3 части. М. 1782 г.
- „Генрихъ и Жанета, или дѣти, оставленныя въ лѣсу“. 4 части. Пер. съ фр. М. 1802 г.
- „Гербертъ, или прощай богатство“. Англійскія письма. Пер. съ фр. 3 ч. М. 1791 г.
- „Геройскіе подвиги генерала Алберта при осадѣ Луксенбурга“. Нидерландская повѣсть. Пер. съ фр. Ф. Базуновъ. М. 1811 г.
- Геснеръ. „Авелева смерть“. Поэма. Пер. съ нѣм. Ив. Захаровъ. Спб. 1781 г.
- „Золотой вѣкъ Дафнисъ, или любовь сопряженная природою. пастуха къ пастушкѣ“. Пер. съ фр. Спб. 1783 г.
- Полное собраніе сочиненій. Пер. съ нѣм. И. Тимковскій. 4 части. Ч. 1. Идиллія. Ч. 2. „Дафнисъ, первый мореходецъ“ (поэма), „Эвандръ и Альцимна“ (пастушеская драма). Ч. 3. „Авелева смерть“ (поэма) и 4 ч. „Эрастъ (драма) и смѣшанныя сочиненія“. М. 1802—1803 г.
- Геснеръ, Дорать, Леонардъ и Флоріанъ. „Пріятныя минуты трудолюбца“. Пер. П. Львовъ. Спб. 1788 г.
- Гетте. „Страсти молодого Вертера“. Пер. съ нѣм. 2 изд. 4 ч. М. 1781 и 1816 г.
- Гюльеттъ. „Гузаратскія султанши, или сны, неспящихъ людей“. Монгольскія сказки. Пер. съ фр. 4 т. Спб. 1774 г.
- „Гимнъ великолѣшю Коринеа и Аэинъ“. Пер. съ нѣм. Усовичъ. М. 1812 г.
- „Гирумъ-Гарумъ“. Сатирико-комическій оригинальный романъ. Пер. съ нѣм. М. 1795 г.
- Глатцъ Іаковъ. „Новыя повѣсти въ пользу и удовольствіе дѣтей“. Пер. съ нѣм. М. 1827 г.
- Гомецъ. „Сто новыхъ повѣстей“. Пер. съ фр. 10 томовъ Спб. 1765—1768 г.
- Горжи. „Блансай“. Романъ. Пер. С. К. М. 1797 г.

- „Грасвильское аббатство“. Пер. съ фр. 3 ч. М. 1802 и 1816 г.
- „Графы Штроццы, или добродѣтель не остается безъ награжденія“. Пер. съ нѣм. Ал. Бринкъ. 4 ч. М. 1818 г.
- Грей. „Стихотворенія“. Пер. съ англ. Ш. Голенищевъ-Кутузовъ. Москва. 1803 г.
- „Гулливеръ (новый), или путешествіе Жана Гулливера, сына капитана Гулливера“. Пер. съ фр. Мих. Копьевъ. 2 ч. М. 1791 г.
- Д. М. „Лолотта и Фанфанъ, или приключеніе двухъ младенцевъ, оставленныхъ на необитаемомъ островѣ“. 2-е изд. Пер. съ фр. Ома Розановъ. М. 1793 г.
- Дaira. „Восточная повѣсть“. Пер. съ фр. Н. Дан.. 4 ч. М. 1766 г.
- „Дамскій рассказчикъ, или Парижскіе вечера“. Пер. съ фр. 2 ч. Москва. 1827 г.
- „Два сержанта, или великодушные друзья“. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Пер. съ фр. Ард. Ивановъ. Спб. 1825 г.
- „Двое за четверыхъ, или ревность и шутка“. Пер. съ фр. Каратыгинъ. Спб. 1827 г.
- „Двойной обманъ“. Забавная испанская повѣсть. Пер. съ нѣм. Москва. 1764 г.
- Делаво. „Дмитрій и Надежда, или замокъ на берегу Урава“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1808 г.
- Делафитъ. „Увольненіе“. Драма. Пер. В. Воейковъ. Спб. 1785 г.
- Де-Линъ, принцъ. „Письма и мысли, изданныя Сталь-Гольстейнъ“. Пер. съ фр. М. Ильинскій и А. Ивановъ. 2 части. М. 1809 г.
- „Творенія“. Пер. съ фр. Немир. Москва. 1810 г.
- Демонсо. „Духъ г-жи Жанлисъ“. Пер. съ фр. 2 части. Москва. 1808 г.
- Детушъ. „Женатый философъ“. Комедія. Пер. съ фр. Каратыгинъ. Спб. 1827 г.
- Джонсонъ. „Расселась, принцъ абиссинскій“. Восточная повѣсть. 2 части. Пер. съ англ. Москва. 1795 г.
- Дядло. „Кара и Алонзо, или дѣва Солнца“. Спб. 1820 г.
- Дикій „Арлекинъ“. Комедія. Пер. съ фр. М. 1788 г.
- Доминикъ и Серафима. „Корсиканская исторія“. Пер. съ фр. Москва. 1780 г.
- „Домъ сумасшедшихъ“. Опера—водевиль. Пер. съ фр. Верстовскій. Спб. 1823 г.
- Доппетъ. „Целестина, или философка Альпійскихъ горъ“. Пер. съ фр. Спб. 1791 г.
- „Зеламира, или странные союзы“. Новѣйшая исторія. 2 части. Пер. съ фр. Мих. Копьевъ. М. 1793 г.

„Дорастъ и Селонта, или похвальное непостоянство“. Пер. съ фр. Платонъ Реганъ. М. 1780 г.

Дорать. „Несчастія отъ непостоянства происходящія, или письма маркизы Сирсе и графа Мирбеля“. 2 части. Спб. 1778 г.

Дофинъ. „Послѣдняя Элоиза, или письма Юліи Салсбури“. 2 ч. Москва. 1793 г.

Драматическія сочиненія 1818 года (Сборникъ): 1) Дювала — „Ложный Станиславъ“. Комедія. Пер. съ фр. Я. Лизогубъ. Москва. 1818 г.

2) „Притворная невѣрность“. Комедія въ стихахъ. Пер. съ фр. А. Грибоѣдовъ и А. Жандръ. Спб. 1818 г. 3) „Слѣдствіе ма-скарада“. Комедія. Пер. съ фр. В. Соцъ. Спб. 1818 г.

Драматическія сочиненія (Сборникъ): 1) Корнелия Петра. „Родогуна“. Трагедія. Москва. 1788 г. 2) Бертати. „Любовныя хитрости“. Опера комическая. Пер. съ итальянскаго. 3) Шекспира Вилліама. „Юлій Цезарь“. Трагедія. Переводъ. Москва. 1787 г. 4) „Вольтера—Китайскій сирота“. Трагедія. Пер. съ фр. Василій Нечаевъ. Спб. 1788 г.

Драматическія сочиненія (Сборникъ): 1) „Шѣвецъ и портной“. Пер. съ фр. Москва. 1816 г. 2) „Телемакъ на островѣ Калипсо“. Лирическое представленіе. Пер. съ фр. А. Шиллеръ. Спб. 1818 г. 3) Дидло. „Ацисъ и Галатея“. Анакреотическій билетъ. Спб. 1816 г. 4) „Гораціи и Куріюці“. Лирич. трагедія. Пер. съ итальянскаго. 5) Лагарна. „Графъ Варвикъ“. Траг. перевелъ съ фр. Осипъ Ширяевъ. Спб. 1814 г. 6) „Этьена. Жокандъ, или искатели приключеній“. Комическая опера. Пер. съ фр. Спб. 1816 г. 7) „Злой“. Комедія. Пер. Н. Свѣчина. Москва. 1817 г.

Драмы (Сборникъ). 1) „Лондонскій фабрикантъ“. Соч. де Фальбера. Пер. съ фр. Шаховскій. М. 1776 г. 2) „Англійскій сирота“. Пер. съ фр. К. А. Голицынъ. 3) „Женневаль или французскій Барневель“. Соч. Мерсье. Пер. съ фр. И. В. Москва. 1778 г. 4) „Филеложъ и Вавкида“. Пер. съ нѣм. Спб. 1773 г. 5) „Олендъ и Софронія“. Героич. драма. Пер. съ фр. Леншкв. Спб. 1780 г. 6) „Бѣглый солдатъ“. Лирич. драма. Соч. Седана. Пер. съ фр. Вороблевскій. М. 1781 г.

„Дремучій лѣсъ, или неизвѣстное существо въ образѣ цыганки, защищающее невинныхъ“. Пер. съ фр. 4 части. М. 1827 г.

Душъ Яковъ. „Сила благородной и непорочной любви“. Пер. съ нѣм. Ст. Орловъ. Москва 1787 г.

„Дѣти горъ волжскихъ, или журналъ одного алзаскаго старика“. Пер. съ фр. Н... И... 2 ч. М. 1803 г.

Дѣтскій драматическій вѣстникъ. Спб. 1829 г. 8 частей. Ч. I. 1) „Подарки на новый годъ“, комедія. Соч. г-жи де Лафай-Брейе. 2) „Выздоровленіе“. Соч. г-жи де Флессель. 3) „День рожденія матери“, драма. Соч. Эрнста фонъ Гувальда. 4) „Бѣдное семейство“, комедія. Г-же де Флессель. 5) „Неудача“, комедія. Соч. Морица Тиме. Ч. II. 1) „Заемное письмо“, комедія. Соч. Эрнста фонъ Гувальда. 2) „Именины матери“, ком. г-жи де Флессель. 3) „Маленькія сатурналіи“, комедія. Соч. г-жи де Лафай-Брейе. 4) „Антоша, или нежданная бѣда“, драма. Соч. Жоффре. 5) „Разлука“, драма. Соч. Морица Тиме. 6) „Трусь, семейная картина“. Соч. г-жи де Флессель. Ч. III. 1) „Евгеній“, драма. Соч. Жоффре. 2) „До завтра“, комедія, пер. съ нѣм. 3) „Наказаніе“, семейная картина. Соч. г-жи де Флессель. 4) „Угнетенное семейство“, драма, пер. съ англ. 5) „Пісня и письмо“, комедія. Соч. г-жи де Лафай-Брейе. 6) „Своенравная дѣвочка“, семейная картина. Соч. г-жи де Флессель. Ч. IV. 1) „Гришенька“, комедія, пер. съ фр. 2) „Клевета“, семейная картина. Соч. г-жи де Флессель. 3) „Слѣдствія лакомства и любопытства“, комедія, соч. Жоффре. 4) „Сѣнокосъ“, комедія. Соч. г-жи де Лафай-Брейе. 5) „Очки“, комедія. Соч. Пейера. 6) „Червонецъ“, комедія. Соч. Г. Зейделя. Ч. V. 1) „Мѣна“, комедія. Соч. Жоффре. 2) „Ложное обвиненіе“. Соч. г-жи де Лафай-Брейе. 3) „Камни“, комедія. Соч. К. Пейера. 4) „Вѣроятное подозрѣніе“, комедія. Соч. Зейделя. 5) „Алеша, или раскаяніе“, драма. Соч. г-жи Мольт. Ч. VI. 1) „Деревенская гостыя“, драма. Пер. съ англ. 2) „Товарищи“, драма. Соч. Азаи. 3) „Наказанное любопытство“, комедія. Соч. Зейделя. 4) „Петруша“, драма. Соч. Жоффре. 5) „Маскарадъ“, комедія. 6) „Пріѣздъ дяди“. Соч. г-жи Мольт. Ч. VII. 1) „Заботливая сестра“, комедія. Соч. г-жи де Лафай-Брейе. 2) „Тайна“. Соч. г-на Зейделя. 3) „Два семейства“, драма. Соч. Азаи. 2) „Маленькій Робинзонъ“, драма. Соч. К. Пейера. 3) „Любопытная“, комедія. Соч. Л. Гельдеръ. 4) „Слѣдствія гнѣва“, драма. Пер. съ англ.

Дюваль Александръ. „Влюбленный Шекспиръ“. Ком. Пер. съ фр. Языковъ. Спб. 1807 г.

— „Къ тѣни графини Шереметевой“. Элегія. На фр. и русск. яз. Съ фр. пер. Бордовскій. Москва. 1805 г.

Дю-Ганжъ и Дино. „Тридцать лѣтъ, или Жизнь игрока“. Драма. Пер. съ фр. Спб. 1828 г.

- Дюкре-Дюминиль. „Алексисъ, или домикъ въ лѣсу“. Пер. съ фр. 3-е изд. Москва. 1804 г.
- „Аравитскій замокъ, или Нарциза“. Пер. съ фр. М...ъ В...й. 4 части. Орель. 1827 г.
- „Вечера моей бабушки“. 2 части. Пер. съ фр. Москва. 1803 г.
- „Вечернія бесѣды въ хижинѣ, или наставленія престарѣлаго отца“. 2 части. Москва. 1807 г. Другое изданіе. 1819 г. 4 ч. Харьковъ.
- „Викторъ, или дитя въ лѣсу“. Пер. съ фр. 4 части. Москва. 1799—1801 г.
- „Ельмонда, или дочь гостиницы“. Пер. съ фр. 10 частей. М. 1816 и 1806—1809 г.
- „Источникъ св. Екатерины, или отцомъ проданный сынъ“. 8 ч. Москва. 1820 г.
- „Катинька, или найденное дитя“. Истинное происшествіе. Пер. съ фр. 4 ч. Москва. 1802 г.
- „Мальчикъ, наигрывающій разныя шутки колокольчиками“. Пер. съ фр. 4 ч. Москва. 1810 г.
- „Мишель, или отеческій домъ“. Пер. съ фр. 4 ч. Москва. 1807 г.
- „Пальмиръ и Вольмениль, маленькіе сироты, или деревушка при берегахъ Дюрансы“. Пер. съ фр. 8 ч. М. 1805 г.
- „Поль, или оставленная аренда“. 4 ч. М. 1802 г.
- „Таинственная сирота, или развалины на берегу рѣки Темзы“. 4 части. Пер. съ фр. М. 1817 г.
- „Целина, или дитя тайны“. 6 частей. Пер. съ фр. М. 1802—1803 г.
- „Эмилию, или вечера моего отца“. 4 части. М. 1821 г.
- „Юлія, или исторія человѣческаго сердца“. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1803 г.
- Дюра. „Эдуардъ“. Пер. съ фр. 2 части. Москва. 1827 г.
- Дюфрени. „Умозрительный путешественникъ, или важныя и смѣшныя забавы“. Пер. съ фр. И. Кореставиць. М. 1780 г.
- „Философическія и шуточныя увеселенія“. Пер. съ фр. Ф. З—евъ. Сиб. 1819 г.
- „Евдокія, дщерь несчастнаго Велизарія“. Пер. съ фр. И. Сяѣгиревъ. 2 ч. М. 1809 г.
- „Евфразія, или развалины разбойничьяго замка въ дремучемъ лѣсу“. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1819 г.
- Еджевортъ, миссъ. „Дѣти съ ихъ характерами“. Пер. съ фр. 2 части. М. 1827 г.

- „Елизавета де С., или исторія россиянки“. Пер. съ фр. 5 ч. М. 1803—1804 г.
- Енигеръ, донъ Андренъ. „Бокъ и Зюльба“. Повѣсть аллегорическая. Пер. съ фр. Н. Т. 2 ч. М. 1774 г.
- Жанлисъ. „Альфонсина, или материнская нѣжность“. Пер. съ фр. 6 ч. М. 1806—1807 и 1815 г.
- „Альфонсъ, или сынъ любви“. Пер. съ фр. 3 ч. М. 1809 г.
- „Артуръ и Софронія, или любовь и тайна“. Пер. съ фр. Як. Лизогубъ. Спб. 1807 г.
- „Безразсудные обѣты, или ослѣпленіе“. Новый романъ. Пер. съ фр. 3 части. Москва. 1802 г. Другое изд. Орель. 1820 г.
- „Богомолка“. Повѣсть. Пер. съ фр. Москва. 1816 г.
- „Велисарій“. Пер. Захаровъ. Спб. 1808 г. 2 изд. 2 ч. М. 1821 г.
- „Воспоминанія Фелиціи Л.“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1809 г.
- „Геройство семнадцатилѣтней знатной дѣвицы, или оклеветанная невинность“. Пер. 3 части. М. 1808 г. Другое изд. Орель. 1816 г.
- „Герцогиня Ла-Вальеръ“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1804 г.
- „Гортензія, или жертва романовъ и путешествій“. Москва. 1820 г.
- „Госпожа Ментенонъ“. Продолженіе исторіи герцогини де Ла-Вальеръ. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1806 г.
- „Графъ Коркъ, или великій человѣкъ“. Съ присовокупленіемъ повѣсти: „Раскаяніе молодой женщины“. 2 части. Москва. 1807 г.
- „Дворецъ правды“. Пер. съ фр. М. 1791 г.
- „Двѣ славы“. Повѣсть. Москва. 1804 г.
- „Дельфина, или приключенія графа М.“. Испанская пов. Пер. съ фр. М. 1809 г.
- „Дѣвица де Ла-Файетъ, или вѣкъ Людовика XIII“. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1815—1816 г.
- „Екатерина Бурбонъ и Маргарита де Валуа“. 2 части. М. 1815 г.
- „Елизавета Баварская“. Историческій отрывокъ. Пер. съ фр. Орель. 1826 г.
- „Знатные не по породѣ, или добродѣтель во всякомъ званіи найти можно“. Записки Жюльена Дельмура. 6 ч. Москва. 1822 г.
- „Юанна Французская“. Историческая повѣсть. 2 части. М. 1816 г.

- Жанлисъ. „Иосифъ, узанный братьями“. М. 1810 г.
- „Маленькіе эмигранты, или переписка дѣтей“. Пер. съ фр. I. С. 2 тома. М. 1811 г.
 - „Маленькій де Ла-Брюеръ, или картина юношескихъ нравовъ сего вѣка“. Пер. съ фр. Рамадаевъ. Сиб. 1808 г.
 - „Матери соперницы, или клевета“. 6 частей. Москва. 1803—1805 г. Другое изд. 8 ч. 1816 г.
 - „Молодой дикій, или опасное стремленіе первыхъ страстей“. 2 части. Москва. 1808 г.
 - Новыя повѣсти: „Эюма, или открытіе Хины“. „Прекрасная Полина“. „Люзійская вдова“. „Зененда, или мысленное совершенство“. „Тростники Тибра“. Пер. С. П. Шаликовъ. 2 части. Москва. 1818 г.
 - „Осада Ларошели, или несчастіе и совѣсть“. Пер. съ фр. 2 ч. Москва. 1808 г.
 - „Петраркъ и Лаура“. Пер. съ фр. А. В. 2 ч. М. 1828 г.
 - „Плацидъ или долина Баттисковъ“. Пер. съ фр. 4 части. М. 1817 г.
 - „Повѣсти, переведенныя Н. Карамзинымъ. 2 части. Москва. 1816 г. „Роза, или палаты и хижина“. „Вольнодумство и невозможность“. „Все на бѣду“. „Исторія эмигранта“. „Предубѣжденія женщины“. „Анекдотъ“. „Знакомство г-жи Жанлисъ съ Жанъ Жакомъ Руссо“. „Женщина авторъ“. „Меланхолія и возмущеніе“. „Бѣлая магія, или полезный шарлатанъ“. „Любезный король“. „Свиданіе г-жи Жанлисъ съ Вольтеромъ“. „Галатея, или статуя черезъ сутки по своемъ оживленіи“.
 - „Рыцари Лебеди, или дворъ Карла Великаго“. 6 ч. М. 1807—1808 г. Другое изд. 8 ч. 1821 г.
 - „Цвѣты, или артисты“. Пер. съ фр. В. Ч...въ. М. 1811 г.
 - Шесть нравственныхъ новостей: „Язва марсельская“. „Братская любовь“. „Сестра милосердія“. „Разговоръ и рукопись“. „Любопытная мачеха“. „Честолюбивый“. Москва. 1824 г.
 - „Эльмира и Вольнисъ, или возвращеніе во Францію семейства эмигрантовъ“. Пер. съ фр. Спб. 1810 г.
 - „Аделія и Теодоръ, или письма о воспитаніи“. Т. 2 и 3-й. Пер. съ фр. Москва. 1794 г.
 - „Новый способъ наставленія малолѣтнихъ дѣтей“. 2 части. Пер. съ фр. Орель. 1816 г.
 - „Отборныя статьи изъ журнала для юношества“. Пер. съ фр. Сиб. 1817 г.

- „Желѣзная маска, или удивительныя приключенія отца и сына“. Пер. съ фр. I. Ф. Б. 3 части. Спб. 1766—1767 г.
- „Жена по модѣ, или повѣсть о геніи Вестбури“. Пер. съ фр. Москва. 1798 г.
- „Женихъ на дѣтѣ“. Опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Пер. съ фр. Шаковскій. М. 1828 г.
- „Женщины солдаты, или худо защищаемая крѣпость“. Опера-водевиль. Пер. съ фр. Кувичинскій. Москва. 1811 г.
- „Женская уборная комната, или точное изображеніе великаго свѣта“. Пер. съ нѣм. Дан. Петровъ. 2 ч. Москва. 1781 г.
- Жерардъ. „Графъ Вальмондъ, или заблужденіе разсудка“. Перев. 12 частей. Москва. 1801—1804 г.
- Жестерманъ. „Торжество немилосердія“. Повѣсть о жизни Амвросія Борели, найденная между бумагами Вольтера. Москва. 1782 г.
- „Жизнь или несчастныя приключенія Франциска“. Переводъ. Москва. 1796 г.
- „Жизнь и похождение здраваго смысла“. Пер. съ фр. М. 1787 г.
- „Жизнь и приключенія герцогини Кингстонъ“. Пер. съ фр. Москва. 1793 г.
- „Жизнь и приключенія Лазарилы Тормскаго“. Пер. съ фр. Вас. Вороблевскій. 2 ч. Москва. 1775 г.
- „Жизнь и приключенія Робинзона Круза“. Пер. съ фр. Яковъ Трусовъ. 2 части. Спб. 1762—1764 г., 2-ое изд.—1775 г., 3-ье—1787 г., 4-ое—1797 г.
- Жильбертъ. „Черногорскій пастухъ“. Историческій романъ. Пер. съ фр. А. Амаговъ. М. 1827 г.
- Жильеть. „Сто мыслей молодой англчанки“. Пер. съ англійск. Москва. 1802 г.
- Жоржъ-Сандъ. „Мельникъ“. Пер. П. Фурманъ. Изд. Ольхина. Спб. 1845 г.
- Жофретъ. „Новый театр воспитанія“. Пер. съ фр. В. Л. Спб. 1805 г.
- Жуи. „Антенскій пустынный, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX ст.“. Пер. съ фр. де Шаплетъ. 5 ч. Спб. 1825—1826 г.
- „Гвіанскій пустынный, или изображеніе нравовъ въ началѣ XIX ст.“. Пер. съ фр. С. де-Шаплетъ. 3 ч. Спб. 1828 г.
- „Гиліомъ чистосердечный, или изображеніе парижскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX стол.“. Пер. съ фр. де-Шаплетъ. 3 ч. Спб. 1827 г.
- „Добродушный, или изображеніе нравовъ XIX стол.“. Пер. съ фр. де-Шаплетъ. Спб. 1827 г.

- Жуи. „Лондонскій пустынный, или описаніе нравовъ и обычаевъ Англичанъ въ началѣ XIX вѣка“. Пер. съ фр. С. де-Шаплетъ. 3 ч. Спб. 1822—1825 г.
- „Жульета и Дальморъ, или северо-восточные любовники“. 2 ч. Пер. съ фр. Семеновъ Зеленева. М. 1811 г.
- „Забавы заключеннаго въ темницу“. 2 ч. Пер. съ фр. Мих. Семеновъ. Спб. 1778 г.
- „Заблужденіе любви и ума, или мужъ о двухъ женахъ“. Пер. съ фр. П...ца. М. 1802 г.
- „Замокъ въ дремучемъ лѣсу, или награжденные героизмъ и добродѣтель“. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1823 г.
- „Зели, или трудность быть счастливымъ“. Индѣйскій романъ. „Зима“—повѣсть. Пер. съ фр. Водошняновъ. М. 1780 г.
- „Зимняя вечеринка“. „Другой кандидатъ, или другъ истины“. Пер. съ фр. М. 1789 г.
- „Злосчастное замужество дѣвицы Гарви“. Пер. съ фр. Н. Д. 2 изд. Спб. 1781 г.
- „Знатная корсиканка Содина“. Пер. съ нѣм. Ив. Навроцкій. Москва. 1777 г.
- „Золотое зеркало, или цари пещанскіе“. Повѣсть (соч. Виланда). Пер. съ фр. Ф. Сапожниковъ. 4 ч. М. 1781 г.
- „Игра счастья“. Пер. съ фр. Спб. 1778 г.
- „Игры и занятія дѣтей въ первыхъ лѣтахъ, или собраніе занимательныхъ повѣстей“. Съ словаремъ и картинами. На русск., фр. и нѣм. яз. М. 1826 г.
- „Избранные предметы для полезнаго чтенія“. Пер. съ фр. Ив. Стрѣлевскій. Спб. 1788 г.
- Избранный нѣмецкій театр. 4 тома. Перев. Ал.—ндръ Шишковъ. 2 ч. М. 1831 г. Содержаніе:
- Т. 1. „Ликколомини“. Драматическая поэма Шиллера. „Смерть Валленштейна“. Трагедія его-же.
 - Т. 2. „Марія Стюартъ“. Трагедія его-же. „Князь Хованскіе“. Трагедія Раупаха.
 - Т. 3. „Фортунагъ“. Драматич. сказка, соч. Л. Тика.
 - Т. 4. „Атилла“. Романтическая трагедія, соч. Вернера. „Тони“. Драма, соч. Кернера.
- Избранныя нравоучительныя повѣсти иностраннымъ писателей. 4 части. Москва. 1815 г.
- Ч. 1. „Пустынные при болотахъ понтийскихъ“. „Задибъ и Тимуръ“. „Кедаръ и Амела“. „Чудный Сафиръ“.

Ч. 2. „Торжество природы надъ предрасудками“. „Гулкемъ благодворитель“. „Блистательный праздникъ“. „Жертва суевѣрїя“. „Слѣпой нищій“. „Добрый государь“.

Ч. 3. „Рѣдкое великодушїе“. „Дружескія утѣшенїя“. „Вальмонъ и Констанція“.

Ч. 4. „Гласъ природы“. „Опасность отъ излишней чувствительности“. „Три друга“. „Завѣщанїе и пр.“.

„Изгнанные“. Пер. съ фр. Таушевъ. Москва. 1803 г.

„Изображеніе великодушнаго любовника“. Пер. съ итал. М. 1780 г.

„Ирма, или приключенїя несчастной сироты“. Индѣйская повѣсть. Пер. съ фр. Серг. Орловъ. 6 ч. М. 1808—9 г.

„Искушенїе Амраамова“. Поэма. Пер. съ нѣм. Г. Медвѣдевъ. Спб. 1780 г.

„Историческій магазинъ, или собранїе различныхъ исторїй“. Пер. съ фр. Спб. 1780 г.

„Исторїя о славномъ рыцарѣ Златыхъ Ключей Петрѣ Прованскомъ и прекрасной Магелонѣ“. М. 1780. Другое изд. Пер. съ фр. Д. М. Смоленскъ. 1796 г.

„Исторїя Танкреда Роанскаго“. Пер. съ фр. Н. Д. Орель. 1821 г.

Иффланда Августа Вильгельма—сочиненїя. Ч. I. „Мое театральное прище“. М. 1816 г.

Ихбальдъ. „Жизнь дѣвицы Матильды. Продолженїе простой исторїи“. Пер. съ фр. Мих. Копьевъ. М. 1794 г.

Кампе. „Новый Робинзонъ, служащій къ наставленїю и увеселенїю дѣтей“. 4 ч. Пер. съ нѣм. 2 изд. М. 1819 г.

„Каролина Лихтфилдъ“. Соч. г-жи Н. Пер. съ фр. М. Я—о. 3 ч. М. 1800 г.

„Картина Лондона, или изображенїе лондонскихъ нравовъ въ началѣ девятаго-надесять вѣка“. Пер. съ нѣм. Краснопольскій. Спб. 1807 г.

„Картины несчастныхъ“. Пер. съ нѣм. М. 1802 г.

„Картины чувствительности“. Пер. съ нѣм. М. 1802 г.

„Кастильонъ. Хромой нищій, или похождения Амвросїя Гвинета, чистильщика улицъ въ Шпрингъ-Гартенѣ“. Пер. съ фр. Ф. П. 2 ч. М. 1778 г.

„Клевеландши, г-жи, приключенїя, или англїйскїя письма“. Пер. Н. О. 2 ч. Спб. 1790—1791 г.

Клопштовъ. „Мессїя“. Поэма. Пер. съ нѣм. М. 1820—1821 г.

Кольне. „Пустынникъ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья, или замѣчанїе о нравахъ и обычаяхъ французовъ въ началѣ XIX ст.“. Пер. съ фр. А. Очкинъ. 2 ч. Спб. 1826 г.

- Комедіи* (сборникъ). 1) „Безстыдно-любопытный“. Соч. Дегуша. Пер. съ фр. М. 1788 г. 2) „Сильеръ“. Соч. де-Сентъ-Фуа. Пер. съ фр. Д. В. Волынцевымъ. М. 1782 г. 3) „Слуга докторъ“. Пер. съ фр. П. П. М. 1783 г.
- 1) „Нанина, или побѣжденное предразсужденіе“. Пер. съ фр. Спб. 1766 г. 2) „Притворный соперникъ“. Пер. съ фр. Спб. 1772 г. 3) „Молодая Индіанка“. Соч. Шамфорта. Пер. съ нѣм. Спб. 1774 г. 4) „Юлія“. Пер. съ фр. Рыкачевъ. М. 1780 г. 5) „Островъ необитаемый“. Пер. съ фр. Спб. 1769 г. 6) „Тестъ и зять“. Соч. Кольме. Спб. 1768 г.
- 1) „Тартюфъ, или лицемеръ“. Соч. Мольера. Перевелъ Кропотовъ. М. 1758 г. (?) 2) „Кладъ“. Соч. Лесинга. Пер. съ нѣм. Спб. 1779 г. 3) „Побочный сынъ“. Соч. Дидерота. Пер. Глѣбова. Спб. 1776 г.
- 1) „Взаимный опытъ“. Соч. Ле-Грана. Спб. 1779 г. 2) „Грація“. Перев. А. Нармовъ. М. 3) „Школа женъ“. Соч. Мольера. Перев. И. Кропотовъ. М. 4) „Новопрѣзжіе“. Соч. Ле-Грана. Пер. съ фр. М. 5) „Жоржъ Дондинъ“. Соч. Мольера. Пер. И. Чаадаевъ.
- 1) „Лекарь по неволѣ“. Соч. Мольера. Пер. П. С. 2) „Сганорель, или мысленно-рогатый“. Соч. Мольера. 3) „Островъ невольниковъ“. Пер. съ фр. М. Г. М. 1786 г. 4) „Багдадскій циркульникъ“. Пер. съ фр. В. Спб. 1787 г. 5) „Другъ всесвѣтнѣйшій“. Соч. Ле-Гранда. М. 1788 г.
- „Любовникъ, сочинитель и слуга“. Ком. Пер. съ фр. Храповицкій. Спб. 1773 г.
- 1) „Троякая женитьба“. Соч. Дегуша. Спб. 1778 г. 2) „Опекунь“. Соч. Данкура. Спб. 1778 г. „Обвороженный поясъ“. Соч. Руссо. М. 1779 г. 3) „Спорщица“. Соч. Дюфрени. Спб. 1779 г. 4) „Перстень“. Соч. Енгеля. Спб. 1780 г.
- 1) „Счастливая служанка“. П. С. Пер. съ фр. М. 2) „Гордость и бѣдность“. Соч. Гольдберга. Пер. Кропотовъ. М. 1774 г. 3) „Двѣ сестры“. Соч. Деларибардіера. Пер. съ фр. Вороблевскій. М. 1779 г. 4) „Помѣшательство въ женитьбѣ“. Соч. Коильхова. Пер. съ фр. М. 1775 г. 5) „Солдатское счастье“. Соч. Лесинга. Пер. съ нѣм. И. З. М. 1775 г.
- 1) „Развратное семейство“. Пер. съ фр. княгини Меншкв. М. 1778 г. 2) „Горячая любовь“. 3) „Женская хитрость“. Соч. Геллерга, перев. Поручкинъ. Спб. 1775 г. 4) „Башмаки Мардоре“. Пер. съ фр. Вороблевскій. М. 1779 г.

- Комедии* (сборникъ). 1) „Молодая племянница старой тетки вредъ“. Пер. съ фр. М. 1788 г. 2) „Мизантропъ“. Соч. Мольера. М. 1788 г. 3) „Сильванъ“. Ком. лирическая. Пер. съ фр. Левшинъ. 4) „Голубокъ“. Соч. де-Жанлисъ. Пер. съ фр. Тишевскій. Спб. 1789 г.
- 1) „Арабскій порошокъ“. Пер. съ нѣм. Меньшимъ. Спб. 1781 г. 2) „Принужденная женитьба“. Соч. Мольера. М. 1779 г. 3) „Опытъ дружбы изъ сказокъ Мармонтеля“. Пер. съ фр. Вороблевскій. М. 1779 г. 4) „Раздумчивый“ изъ театра Дегуша. Спб. 5) „Оживленная статуя“. Пер. съ нѣм. П.
- 1) „Благодѣтельный грубиянъ“. Соч. Мольера. Пер. съ фр. Спб. 1772 г. 2) „Амфитрионъ“. Соч. Мольера. Съ фр. Спб. 1761 г.
- 1) „Игра любви и случая“. Пер. съ фр. Москва. 2) „Вольный домъ, или шотландка“. Соч. Гума. Пер. съ фр. Протасовъ. М. 1763 г.
- 1) „Сициліянецъ“. Соч. Мольера. Спб. 1766 г. 2) „Чадолубивый отецъ“. Соч. Дидерота. Пер. съ фр. Спб. 1765 г. 3) „Оракулъ“. Соч. де Сентъ-Фуа. Пер. съ фр. Спб. 1759 г.
- 1) „Нескромный“. Соч. Вольтера. Пер. съ фр. Спб. 1760 г. 2) „Манехмы“. Соч. Реньярда. Пер. съ фр. 1764 г.
- 1) „Вторично вкравшаяся любовь“. Изъ театра г-на Мариво. Пер. съ фр. Спб. 1773 г. 2) „Пимонъ нелюдимъ“. Соч. г-на Аленваля. Пер. съ фр. Спб. 1773 г. 3) „Евгенія“. Соч. Бомарше. Пер. съ фр. М. 1770 г.
- 1) „Честный преступникъ“. Соч. Фальберъ-Фальбриджи. Пер. съ фр. Спб. 1772 г. 2) „Щеголеватый скomorохъ“. Соч. Ле-Грана. Пер. И. Текутьевъ. М. 1764 г.
- „Богомолка“. Соч. Геллерта. Пер. М. Матинскій. Спб. 1774 г.
- 1) „Мольера. „Мѣщанинъ въ дворянствѣ“. Ком. съ балетомъ. Пер. съ фр. М. 1788 г. 2) „Крестинъ учитель“. Ком. Пер. съ фр. 1783 г. 3) „Знатокъ“. Ком. Пер. съ фр. М. 1784 г. 4) „Своенравный“. Ком. Пер. съ фр. М. С. Москва. 1783 г.
- 1) „Обманутый женихъ“. Пер. съ нѣм. Шурлинъ. М. 1768 г. 2) „Ревнивый“. Соч. Кампистрона. Пер. съ фр. М. 1764 г.
- 1) „Французы въ Лондонѣ“. Соч. Буасси. Пер. съ фр. П. Вельшева. М. 1782 г. 2) „Дѣвка слугою“. Пер. съ нѣм. Глешм. М. 1787 г. 3) „Генриета, или она замужемъ“. Пер. съ нѣм. 1784.
- 1) „Случайная ночь“. Соч. Дюманьяна. Пер. съ фр. М. 1788 г. 2) „Страсть къ стихотворству“. Пер. съ фр. Пиронъ. М. 1787 г. 3) „Своенравный“. Пер. съ фр. М. С. Москва. 1783 г.

- Коцебу Авг. „Береговое право“. Драма. Пер. съ нѣм. Каченовскій. М. 1819 г.
- „Добрый Морицъ“. Ком. Пер. съ нѣм. Спб. 1799 г.
- „Новое столѣтіе“. Ком. Пер. съ нѣм. Краснополскій. Смоленскъ.
- „Сынъ любви“. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Пер. съ нѣм. Москва. 1795 г.; 1801 г.; 1803 г.
- „Театръ“. 28 частей. Пер. съ нѣм. М. 1802—1827 г.
- „Театръ для домашняго представленія“. Пер. съ нѣм. И. Ренофанцъ. Спб. 1827 г.
- „Театръ для дружескаго занятія въ деревнѣ“. Пер. И. Ренофанцъ. 1822—1824 г.
- „Долгій Иванъ“. Романъ вольности. Пер. съ нѣм. Спб. 1802 г.
- „Жизнь моего отца, или какъ случилось, что я родился“. Пов. Пер. съ нѣм. М. 1808 г. и М. 1879 г.
- „Леонтина“. Пер. съ нѣм. Греча. М. 1815 и 1808 г.
- „Мальчикъ у ручья“. Пер. съ нѣм. М. 1819 г.
- „Младшія дѣти моего веселаго духа“. 6 ч. Пер. съ нѣм. Смоленскъ. 1802 г.
- „Отъ дурнаго корня добрыя отрасли“. Пер. съ нѣм. Москва. 1815 г.
- „Подарокъ сыновьямъ моимъ на Новый годъ“. 4 ч. Пер. съ фр. М. 1820 г.
- „Подземный ходъ“. Эстляндская повѣсть. Пер. съ нѣм. Смоленскъ. 1802 г.
- „Русскій военно-плѣнный, или приключенія Морица Коцебу въ плѣну у Французовъ. 2 части. Пер. съ нѣм. М. 1816 г.
- „Страданіе Ортенберговой фамиліи“. 2 ч. Пер. съ нѣм. М. 1802 г. Спб. 1816 г.
- „Филяберъ, или друзья дѣтства“. Пер. съ фр. 4 ч. 1815 г.
- „Филяберъ, или отношенія общественныя“. Пер. съ фр. кн. И. М. Долгорукій. 4 ч. М. 1815 г.
- „Конрадъ, рыцарь крестовыхъ походовъ“. Происшествіе XII ст. Пер. съ фр. 2 ч. Орель. 1820 г.
- „Корнелія Сидлей, или молодая вдова“. Романъ, переведенный съ англ. на фр., а съ фр. на русск. яз. К. Т.
- Коттень. „Амелія Мансфилдъ“. 6 ч. Пер. М. 1810 и 1817 г.
- „Взятіе Іерихона, или спасенная грѣшница“. Пер. съ фр. 1805 г.
- „Матильда, или записки, взятыя изъ исторіи крестовыхъ походовъ“. Пер. съ фр. Д. Бятышъ-Каменскій. 6 ч. М. 1806 г.

Котень. „Наталья Беллозанъ“. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1817 г.

Крамеръ. „Бѣдный Егоръ“. Пер. съ нѣм. Орель. 1824 г.

— „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“. Пер. съ нѣм. М. 1817 г.

— „Езуитъ, или герой своего времени“. Пер. съ нѣм. 2 ч. М. 1807 г.

— „Жизнь, мнѣнія и странныя приключенія Эразма Шлейхера, странствующаго механика“. 2 ч. Пер. съ нѣм. М. 1802 и 1817 г.

— „Жизнь и приключенія Павла Ивопа, придворнаго шута“. Пер. съ нѣм. П. Оз—овъ. 3 ч. М. 1814 г.

— „Остроумная выдумка, или женихъ по волѣ и неволѣ“. Пер. съ нѣм. Ал. Брянкъ. М. 1821 г.

— „Тайнственная странница, путешествующая по свѣту“. Пер. съ нѣм. 2 ч. М. 1822 г.

Кребильонъ. „Исторія о принцѣ Солін, названномъ Преноніемъ и о принцессѣ Фелеѣ“. 2 ч. Пер. съ фр. 1821 г.

Криденеръ. „Письма Густава фонъ-Линара къ Эрнесту фонъ-Г.“. Пер. съ нѣм. М... Б... 3 ч. М. 1807 г.

„Крестьянка философка, или приключенія графини де*“. Пер. съ фр. Евг. Сырейщиковъ. 4 ч. М. 1775—1776 г.

Крочіа Джуліа Чезарь. „Итальянскій Езопъ, или сатирическое повѣствованіе о Бертольдѣ“. Пер. съ фр. Спб. 1778 г.

Кувре (Луверть де). „Емилія Вармандъ, или разводъ по нуждѣ“. Издана сочинителемъ Фоблаза. Пер. И. Степановъ. Спб. 1805 г.

— „Жизнь кавалера Фоблаза“. 7 ч. Пер. съ фр. М. 1805 г.

— „Приключенія Шевалье де Фоблаза“. Пер. съ фр. 13 ч. Спб. 1792—1796 г.

„Куно фонъ Кибургъ взялъ серебрянный локонъ обезглавленнаго и уничтожилъ тайный судъ инквизиціи“. 4 ч. Пер. съ нѣм. В. Кузикова. Спб. 1809 г.

Куперь. „Шпіонъ“. Пер. съ фр. И. Круениковъ. 3 ч. М. 1825 г.

Кювельеръ. „Разбойникъ по неволѣ и по незнанію, или ужасы лѣсовъ шварцвальдскихъ“. Пер. съ фр. 3 ч. М. 1816 г.

Л*. „Походные комедіанты“. 2 ч. Пер. съ фр. С. Померанцевъ. Москва. 1801 г.

Ла-Во (де). „Сельскія ночи“. Пер. Т. М. Спб. 1786 г.

Лагарпъ. „Черный рыцарь“. Пер. съ фр. М. 1816 г.

Лагравъ. „Альвариновъ замокъ, или страшныя послѣдствія мщенія“. 4 ч. Пер. съ нѣм. М. 1817 г.

Ла-Моттъ Фуке (де). „Вѣкъ рыцарства и царство духовъ и привидѣній“. Пер. съ нѣм. 6 ч. М. 1818 г.

- Ла-Моттъ Фуке (де). „Островъ дружбы, или союзъ, заключенный въ лѣсахъ Германіи“. Пер. съ нѣм. 4 ч. М. 1820 г.
- „Рейдмаръ и Діона“. Пер. съ нѣм. 2 ч. М. 1818 г.
- „Лангеругскій разбойникъ, или таинственныя развалины“. Пер. съ фр. 3 ч. М. 1817 г.
- Лафонтенъ* Августъ. „Александръ и Марія, или любовь и честность въ испытаніи“. Пер. Мих. Верещагинъ. М. 1817 и 1816 г.
- „Амалия Гольстъ“. Пер. съ нѣм. 4 ч. М. 1818 г.
- „Аристоменъ и Горгъ, или мщеніе и челобѣтлюбіе“. Пер. съ нѣм. 2 ч. М. 1803 г.
- „Баронъ Бергедорфъ, или правила, основанныя на добродѣтели“. 4 ч. М. 1823 г.
- „Баронъ Флемингъ, или страсть къ титуламъ“. 3 ч. Пер. съ фр. Спб. 1806 г.
- „Бланка и Минна, или мѣщанскіе нравы“. 6 ч. М. 1817 г.
- „Вальтеръ, дитя ратнаго поля“. 6 ч. М. 1819 г.
- „Весталка“. Пер. съ фр. М. 1808 г.
- „Германцы, или замокъ въ Богеміи“. Пер. съ нѣм. Спб. 1817 г.
- „Графъ Розенгайнъ, или заблужденіе сердца“. Пер. съ нѣм. 2 ч. М. 1804 г.
- „Двѣ невѣсты, или любовь, вѣрность и терпѣніе“. Пер. съ нѣм. 8 ч. М. 1817 г.
- „Едуардъ фонъ Ролленталь“. М. 1805 г.
- „Женщины прежнихъ временъ“. 2 ч. М. 1820 г.
- „Живописная картина семейной жизни“. Пер. съ нѣм. 6 ч. М. 1812 г.
- „Карла Энгельмана записки“. 2 ч. Пер. съ нѣм. Спб. 1808 г.
- „Клара Дюплесси и Кларантъ“. Пер. съ нѣм. 3 ч. Москва. 1804 г.
- „Князь Д.* и княжна М.*, или вѣрная любовь по смерти“. Съ нѣм. 2 ч. М. 1804 г.
- „Лоллота, или жертва любви и коварства“. Пер. съ нѣм. М. 1815 г.
- „Людвигъ фонъ Эйзахъ, или три рода воспитанія“. Пер. съ нѣм. 4 ч. М. 1820 г.
- „Луиза и Дюваль, или несчастная любовь“. Пер. съ нѣм. М. 1820 г.
- „Любовь и благодарность“. Пер. съ нѣм. М. 1811 г.
- „Любовь и тщеславіе“. М. 1821 г.
- „Любовь Псиши и Кунидона“. Пер. съ фр. М. 1769 г.

- Лафонтенъ* Августъ. „Невидимые, или развалины замка въ лѣсу“. Пер. съ нѣм. 2 ч. М. 1827 г.
- „Новыя семейныя картины“. 5 ч. Пер. съ фр. Москва. 1805—1806 г.
- „Образецъ рѣдкаго великодушія“. Пер. съ нѣм. 2 ч. Москва. 1820 г.
- „Опасный опытъ“. Пер. съ нѣм. Спб. 1807 г.
- „Отечская строгость“. Пер. съ фр. М. 1825 г.
- Повѣсти и романы: „Карлъ и Августъ“, „Ассадъ“, „Кукушка-вѣщунъ“, „Ида фонъ Токкенбургъ“, „Мина, или ректорская дочь“, „Ревекка, дочь пастора Штейнмеца“. Пер. съ фр. М. 1815 г.
- „Послѣдняя семейственная картина“. Пер. съ нѣм. 2 ч. Москва. 1814 г.
- „Признаніе при гробѣ, или семейство лѣсничаго“. 8 ч. Орель. 1821 г.
- „Природа и любовь“. Пер. съ нѣм. 2 ч. М. 1816 г.
- „Ромуль“. 2 ч. М. 1803 г.
- „Рудольфъ Верденбергскій“. Пер. съ нѣм. 4 ч. Спб. 1808 г.
- „Русскія качели на берегахъ Рейна“. Спб. 1814 г.
- „Салье и Юлія“. Пер. съ фр. И. Г. М. 1803 г.
- „Странный человекъ“. 2 ч. М. 1808 г.
- „Странствующіе музыканты“. 3 ч. М. 1818 г.
- „Сусанна, или награжденное постоянство“. Пер. съ нѣм. Орель. 1808 г.
- „Тетка Изабелла, или семейное несогласіе“. Пер. съ нѣм. 3 ч. М. 1818 г.
- „Ужасныя происшествія“. М. 1808 г.
- „Эдуардъ Ролленталь“. Орель. 1818 г.
- Левисъ*. „Разбойникъ въ Венеціи“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1807 и 1816 г.
- Ле-Гранъ*. „Новопріѣзжіе“. Комедія. М. 1828 г.
- Лее*. „Савинія Риверсъ, или опасности любви“. Пер. съ фр. 5 ч. М. 1820 г.
- Лежюнь*. „Молодой дикій въ обществѣ“. Пер. съ фр. Орель. 1821 г.
- Леклеркъ*. „Товія“. Поэма въ 4 п. Пер. съ фр. Апухтинъ. М. 1788 г.
- Леноксъ*. „Чему быть, того не миновать“. Пер. съ англ. М. 1788 г.
- Леонардъ*. „Тереза и Фальдонія“. Пер. съ фр. М. Каченовскій. 2 ч. М. 1804 и 1816 г.
- Лесаажъ*. „Баккалавръ Саламанскій, или похождение Дона Херубина де-ла-Ронда“. 2 ч. Спб. 1763 г.
- „Гузманъ д'Алфарашъ“. 4 ч. М. 1804 и 1813 г.

- Лесаажъ. „Жилбазъ де Сантиллана“. 8 ч. Спб. 1819—1822 г. и Спб. 1775 г.
- „Повѣсть о хромоногомъ бѣсѣ“. 2 ч. Пер. съ фр. Спб. 1774 г.
- Лессингъ. „Молодой ученый“. Ком. Пер. А. Н. Спб. 1765 г.
- „Леста, или двѣпровская русалка“. Пер. съ нѣм. М. 1806 г.
- „Ложныя друзья“. Пер. съ фр. М. 1807 г.
- „Ложный похититель, малтійскаго ордена кавалеръ Даббевиль. Ист. пов. Съ фр. пер. П. М. 1786 г.
- „Лудовикъ, или сынъ челоуѣка съ геніемъ“. Пер. съ фр. кн. Шаликовъ. 2 ч. М. 1820 г.
- „Луиза Г., или торжество невинности“. 2 ч. Пер. съ фр. М. 1790 г.
- „Луиза, или хижина среди мховъ“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1790 г.
- „Луссана, дѣвица“. Пер. съ фр. М. 1780 г.
- „Луцилія, или арендарка маленькаго домика“. Пер. съ фр. М. 1781 г.
- „Любевная горбуныя, или Жюльета Бельфуръ“. Пер. съ англ. Тихомирова. 2 ч. М. 1823 г.
- „Любимецъ духовъ“. Пер. съ нѣм. 6 ч. М. 1820 г.
- „Любимецъ фортуны“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1782 г.
- „Любовники философы, или страсть, предводимая разсужденіемъ“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1766 г.
- „Любовь. Книжка золотая“. Пер. Гримовъ. Спб. 1798 г.
- „Любовь, ненависть и мщеніе, или исторія двухъ знатныхъ англійскихъ фамилій“. Пер. съ фр. М. 1805 г.
- М. „Вѣдная сирота“. 2 ч. Пер. съ фр. Мясновскій. Спб. 1804 г.
- „Магдаленино кладбище“. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1816—1817 г.
- „Магушкина Дмитрія, дворянина россійскаго странныя приключенія“. Пер. съ нѣм. 2 ч. М. 1796 г.
- Маккензи. „Братоубійца, или таинства Дюссельдорфа“. Пер. съ фр. 1802, 1816 г.
- Мамень. „Похожденія Улисса“. Пер. съ фр. Спб. 1770 г.
- Марешаль. „Социвизка, или исторія славнаго атамана разбойниковъ“. Пер. съ фр. М. 1820 г.
- Мариво (де). „Жизнь Маріанны, или похожденія графини Д.*“. Пер. съ фр. Ал—ндръ Салтыковъ. М. 1762 г.
- Маріано. „Избіеніе младенцевъ“. Поэма. Пер. съ ит. М. 1779 и 1811 г.
- „Марія Брабантская, французская королева“. Историческій романъ. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1820 г.
- „Марія, побочная дочь графини Д*, или дитя несчастія“. Пер. съ фр. Радищевъ. 2 ч. М. 1803 г.
- Мармонтелевы новыя повѣсти. Изд. Карамзина. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1794—1798 и 1822 г.

- Мармонтель. „Велизеръ“. Переведенъ на Волгѣ. 2 изд. Спб. 1773 и 1796 г.
- „Деревенская красotka—прекрасная Лауретта“. Пер. съ фр. М. 1774 г.
- „Счастливыи разводъ или примиренное соединеніе супруговъ“. Пер. съ фр. М. 1774 г.
- „Инки, или разрушеніе Перуанской имперіи“. Пер. М. Сушкова. 3 ч. М. 1782 и 1819 г.
- „Счастливыи солдатъ, или приключенія де Верваля, именуемаго Беллерозъ“. 2 ч. Пер. съ фр. Спб. 1777—8 г.
- „Творенія, найденныя по смерти его. Памятныя записки отца, служащія къ наставленію его дѣтей“. 4 ч. Пер. съ фр. Воровъ. Спб. 1820 г.
- Марриетъ. „Морской офицеръ, или приключенія Франка Мильдмея“. 2 ч. Пер. съ англ. Спб. 1837 г.
- „Маска, или приключенія графа Д...“ Пер. съ фр. Дубовицкій. Москва. 1792 г.
- „Матереубійца, или жизнь и приключенія А—ѣя Г—на“ Пер. съ фр. И. К. 2 ч. М. 1808 г.
- „Мать, благополучно окончившая свои бѣдствія, или опытъ терпѣнія и мужества“. Пов. 2 ч. Пер. съ нѣм. М. 1789 г.
- „Мать съ дѣтьми, или трагическая кончина уединеннаго семейства. Пер. Гр. Спб. 1806 г.
- Мейснерова повѣсть. „Біанка Капелло“. Пер. В. Подшиваловъ. 2 ч. Спб. 1803 г.
- „Мейснеровы басни и избранныя повѣсти“. Влад. 1800 г.
- Мейснеръ. „Алквядъ“. Пер. съ нѣм. Осиповъ. Спб. 1794—1802 г.
- „Мазаниелло“. Пер. съ нѣм. М. 1803 г.
- „Паденіе Капуи“. Пер. М. 1803 г.
- „Меланхолическіе вечера, или собраніе повѣстей изъ разныхъ фр. писателей. Пер. съ фр. Псіоль. М. 1787 г.
- Мере. „Адская башня, или странныя приключенія одного итальянца“. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1820 г.
- Мерсье. „Несчастіе отъ ленточки“. Пер. съ фр. М. 1802 г.
- Меръ. „Новый Жилблазъ, или приключенія Генриха Лансона“. Пер. съ фр. Печерикъ. 4 ч. М. 1794 г.
- Мильтонъ. „Возвращенный рай“. Поэма. Пер. съ фр. М. 1778 г.
- „Потерянный рай“. Пер. съ фр. П. А. М. 1780 г.
- „Потерянный рай“. Пер. съ англ. 4 ч. М. 1810 г.

- Мильтонъ. „Потерянный рай“. Поэма. Съ ириобщеніемъ его-же творенія: „Возвращенный рай“. Пер. съ фр. съ примѣчаніями Е. Люценко. 4 ч. Спб. 1824 г.
- Мимольдь. „Новый Фоблазь, или приключенія Флорбея“. 4 ч. Пер. съ фр. Смоленскъ. 1802 г.
- Мольеръ. „Амѣтріонъ“. Ком. Пер. съ фр. 2 изд. М. 1788 г.
- Комедія. „Жоржъ Дашинъ“. Пер. И. Чаадаевъ. М. 1788 г.
 - „Комедія. „Школа мужей“. 2 изд. М. 1788 г.
 - „Мизантропъ“. Ком. Пер. И. Кокоскинъ. М. 1816 и 1788 г.
 - „Мнимый рогоносецъ“. Ком. Пер. Рогачевъ. М. 1825 г.
 - „Тартюфъ, или лицемеръ“. М. 1788 г.
 - „Школа женъ“. Ком. 2 изд. М. 1788 г.
- Монтескье. „Персидскія письма“. Пер. съ фр. Поспѣловъ. Спб. 1789 г.
- „Письма персидскія“. Пер. Еф. Рознотовскій. Спб. 1792 г.
 - „Лизимахъ“, „Разговоръ Силлы съ Евкратомъ“, „Опытъ о вкусѣ“. Пер. съ фр. Башиловъ.
 - „Храмъ Книдійскій“. „Отрывокъ изъ брачной повѣсти“. Пер. съ фр. Спб. 1770 г.
- Монтолье. „Двадцать одинъ годъ, или узникъ Шарфштейнскаго замка“. Пер. съ фр. Н. Бѣлоголовый. 4 ч. М. 1824 г.
- „Замокъ Курвилль“. Пер. съ фр. 4 ч. М. 1819 г.
 - „Карлъ и Елена Мольдорфъ, или лишніе восемь лѣтъ“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1822 г.
 - „Сентъ-Клеръ островитянинъ, или изгнанники на островѣ Барра“. Пер. съ фр. Трескинъ. 4 ч. М. 1817 г.
 - „Хижина на высотахъ альпійскихъ“. Романъ. Пер. съ фр. Н. Побѣдинъ. 4 ч. М. 1817 г.
 - „Швейцарскіе замки“. Пер. съ фр. 6 ч. М. 1821 г.
- Музеусъ. „Народныя сказки“. Изд. Вилянда. Пер. съ нѣм. Поляковъ. 6 ч. М. 1811—1812 г.
- Н. Г. „Картина глухостей нынѣшняго вѣка или страстей различнаго возраста“. Пер. съ фр. А. Голицынъ. М. 1782 г.
- „Негръ, или черныи, какихъ мало бываетъ бѣлыхъ“. 6 ч. Пер. съ фр. И. Грѣшищевъ. Орель. 1820 г.
- „Неосторожная сиротинка, или бѣдственные усилки предубѣжденія“. Пер. съ нѣм. Н. Н. М. 1787 г.
- „Несчастіе отъ лишняго поцѣлуя“. Пер. съ нѣм. Истоинъ. Сиб. 1809 г.
- „Несчастливая женщина, или исторія о Элизѣ Виндгамъ“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1788 г.
- „Несчастливая любовь“. Пер. съ фр. 2 ч. Спб. 1779 г.

- „Несчастное приключеніе дѣтей графа де Сентъ Еженъ, подмѣненныхъ ихъ кормилицею“. Пер. съ фр. 2 ч. 1781 г.
- „Несчастные любовники, или истинныя приключенія графа Коминжа“. Пер. съ фр. Спб. 1771 г.
- „Несчастные плѣнники шателетской тюрьмы“. Пер. съ фр. 4 ч. Москва. 1822 г.
- „Несчастный французъ, или жизнь кавалера Великурта, описанная имъ самимъ“. Пер. съ фр. Н. Озлобишонъ. М. 1764 г.
- „Нетлѣйское аббатство“. Съ фр. пер. Ширяевъ. Спб. 1810 г.
- „Неудачный опытъ матерней строгости и несчастныя слѣдствія оной“. Пер. съ нѣм. Гродницкій. М. 1788 г.
- „Новая Памела, или описаніе жизни Маріи“. Пер. съ фр. 2 ч. Москва. 1788 г.
- „Ножка Фаншеттина, или сирота французская“. Пер. съ фр. Спб. 1774 г.
- Норкроссъ. „Либо панъ, либо пропаль“. Пер. съ нѣм. М. 1796 г.
- „Нѣмецкій Жилблазъ, или приключенія Петра Клаудія“. Пер. съ фр. Ильинъ. 3 ч. М. 1795 —1797 г.
- „Образецъ твердой и вѣрной любви“. Пер. съ фр. 2 т. Спб. 1780 г.
- „Обрѣтенная дочь, или отеческая склонность“. Пер. съ фр. И. Морковъ. 2 ч. М. 1782 г.
- „Обычай нынѣшняго свѣта“. Комедія. Пер. съ фр. Салтыковъ. Москва. 1788 г.
- „Оливія“. Англійскій романъ. Пер. съ фр. М. 1789 г.
- Опи. „Лади Елена и Лади Анна“. Пер. съ фр. О. Ж. М. 1819 г.
- „Отецъ и дочь, или слѣдствія неповиновенія родителю“. Пер. съ фр. Г. Г. Спб. 1803 г.
- „Отецъ и дочь, или пагубныя слѣдствія оболщенія“. Пер. съ фр. Старынкевичъ. Спб. 1803 г.
- Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ 3-го вѣка. „Голльскія стихотворенія“. Пер. съ фр. Е. Костровъ. 2 ч. Спб. 1818 г.
- Поэма—„Картошь“. Перелож. в. стихи Слѣпцова. М. 1828 г.
- „Стих., издавныя Гарольдомъ“. Пер. съ нѣм. М. 1803 г.
- „Паша, или удары случая и фортуны“. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1803 г.
- „Пере мѣна свѣтской моды, доказанная въ истинной и трогательной исторіи“. Пер. съ нѣм. М. 1788 г.
- „Переписка Маріи съ Сентъ Флосомъ“. Пер. съ англ. М. 1803 г.
- „Переписка Сенвиля съ Софіею“. Пер. съ фр. Спб. 1778 г.
- Перольтъ. „Волшебныя сказки, или пріятное отъ нечего дѣлать“. Пер. съ фр. Барановъ. М. 1825 г.
- „Повѣсти волшебныя съ правоченіями“. На русск., фр. и нѣм. яз. М. 1805 г.

- „Пещера Вестбури, или Матильда и Валькуръ“. 2 ч. Пер. съ фр. В. Чер-
няевъ. М. 1811 г.
- Пиго-Лебрюнь. „Валентинъ, или беззаботная голова“. Пер. съ фр. 4 ч.
М. 1820 г.
- „Господинъ Кенглень, или предвѣденіе“. Пер. съ фр. Москва.
1810 г.
- „Прекрасный пажъ, или арестантъ Шпандау“. Пер. съ фр. 4 ч.
М. 1811 г.
- „Сто двадцать дней, или четыре новости“. Пер. съ фр. Спб.
1806 г.
- „Теодоръ, или перуанцы“. Пер. съ фр. М. 1804 г.
- „Услужливый маркизь, или подарокъ въ день свадьбы“. Пер.
съ фр. 4 ч. М. 1819 г.
- Пиксерекуръ. „Христофоръ Колумбъ“. Ист. мело-драма. Пер. Зотовъ. Спб.
1821 г.
- Пихлеръ. „Агаеоклесь“. Пер. съ нѣм. 4 ч. М. 1814 г.
- „Густавъ Адольфъ, король шведскій“. Историч. романъ. Пер.
съ нѣм. М. 1823 г.
- „Платоническій опекунъ“. Англ. романъ. Пер. съ фр. 2 ч. М. 1795 г.
- „Повѣсти, или трогательныя картины свѣтской жизни“. Пер. съ фр. С.
Мухачевъ. М. 1828 г.
- „Повѣсти и литературныя отрывки“. Изд. Полевого. 6 ч. М. 1829—1830
(преобладаютъ повѣсти Алибера, Вашингтона Ирвинга, Фран-
клина, Цшокке и Гофмана).
- „Повѣсти и рассказы“. Сборникъ (преобладаютъ повѣсти Арнода, Геснера
и Риккобини).
- „Повѣсти и романы“. Сборникъ (встрѣчаются повѣсти Арнода).
- „Повѣсть дворянина Т. Е. орлеанской провинціи о жизни дѣда, отца и
своей“. Пер. съ нѣм. 4 ч. М. 1786 ч.
- „Повѣсть г. Б., ею самую писанная“. Пер. съ нѣм. М. 1787 г.
- „Повѣсть забавная о двухъ туркахъ въ бытность ихъ во Франціи“. Пер.
съ фр. 2 ч. Спб. 1781 г.
- „Повѣсть о страстяхъ, или приключенія г-на Шрупа“. 2 ч. Пер. съ фр.
Спб. 1789 г.
- „Повѣсть о трехъ сыновьяхъ паши Алія и трехъ дочеряхъ правителя
александрійскаго Сирока. Пер. съ фр. М. 1781 г.
- „Пожаръ Капа, или царствованіе Туссеня-Лувертюра“. Пер. съ фр. М.
1802 г.
- „Помятая роза, или забавное похождение прекрасной Ангелики“. Пер.
съ ит. Спб. 1790 г.

„Полезныя несчастья, или исправившійся честолюбецъ“. Пер. съ фр. Спб. 1776 г.

Полидори. „Вампиръ“. М. 1828 г.

„Полинъ, или приключенія графа Вальтера“. Пер. съ фр. 4 ч. Москва. 1794 г.

Полницъ (де) баронъ. „Похожденіе его, съ историческими и географич. примѣчаніями“. Пер. съ фр. М. 1767 г.

Попе. „Опытъ о человѣкѣ“. Пер. съ фр. Поковскій. М. 1763 г.

„Правдолюбецъ, или карманная книжка мудраго, въ коей содержатся:
1) Каллисеевъ, греч. повѣсть. 2) Та-Гіо, или великая наука, заключающая великую китайскую философію. 3) Поэма на разрушеніе Лиссабона, соч. Г. Вольтера, съ возраженіемъ на оную, писаннымъ Ж. Ж. Руссо“. Спб. 1801 г.

„Превращенія маленькой Луциліи въ разные виды“. Пер. съ фр. Е. Виш-линская. М. 1825 г.

Портеръ Анна, „Киллярское озеро“. Пер. съ англ. Спб. 1807 г.

— „Мальтійскій рыцарь“. Пер. съ фр. Орелъ. 1823 г.

— „Начальники, или шотландскіе шефы“. Пер. съ фр. Москва. 1826 г.

„Послѣдняя глава моего романа“. Пер. съ фр. Спб. 1806 г.

„Постоянница и вѣтреница“. Пер. съ фр. М. 1795 г.

„Похожденіе Готтентота“. Пер. съ нѣм. Спб. 1780 г.

„Похожденіе задомъ напередъ“. Пер. съ нѣм. Осиповъ. Спб. 1793 г.

„Похожденіе Карла Орлеанскаго и Анибаллы“. Пер. съ нѣм. Спб. 1785 г.

„Похожденія трехъ кокетокъ“. Пер. съ нѣм. Спб. 1766 г.

„Почтовая коляска“. Пер. съ фр. М. 1782 г.

Прево. „Собраніе трогательныхъ повѣствованій, любопытныхъ анекдотовъ, достопримѣчательныхъ дѣяній изъ исторіи и странныхъ приключеній“. 3 ч. М. 1800 г.

Прево д'Ескиль. „Философъ англійскій, или житіе Клевеланда, побочнаго сына Кромвелова“. 6 т. Пер. съ фр. Спб. 1760—1767 и Спб. 1791 г.

„Приключенія дѣвицы Датилли“. Пер. съ фр. М. 1777 г.

„Приключенія Иполита, графа де Дюгласа“. Пер. съ фр. П. Сивинцнъ. 2 ч. Смоленскъ. 1801 г.

„Прогуливаніе г. Франкли“. Пер. съ англ. 3 ч. М. 1781 г.

„Прозаическіе цвѣтки, или повѣсти новѣйшихъ нѣм. писателей“. Пер. съ нѣм. Урусовъ. Спб. 1801 г.

„Пустынникъ на камнѣ, или исторія маркизы Лозанны и графа Лиція“. Пер. съ нѣм. 3 ч. М. 1788 г.

- „Путешествіе на островъ тополей, или посѣщеніе гроба Ж. Ж. Руссо“.
Пер. съ фр. М. 1802 г.
- „Путешествіе разума въ европейскія области“. Пер. съ фр. 2 ч. Москва.
1783 г.
- „Путешествіе Алмузы на островъ Правды“. Пер. съ фр. Ивановъ. М.
1807 г.
- Пфэфель. „Каролина Саленъ“. Пер. съ нѣм. М. 1827 г.
- Рабенеръ. „Собраніе сочиненій“. 8 ч. М. 1792 г.
- Радклифъ. „Видѣнія въ Пиринейскомъ замкѣ“. 8 ч. М. 1890 г.
- „Гробница“. Пер. съ фр. М. 1802 г,
- „Живой мертвецъ, или неаполитанцы“. Пер. съ фр. Б. Б. М.
1816 г.
- „Замокъ Альберта“. Сиб. 1803 г.
- „Замокъ, или ночныя привидѣнія“. М. 1816 г.
- „Итальянецъ, или исповѣдная черныхъ кающихся“. Пер. съ
фр. М. 1802—1804 г.
- „Луиза, или подземелье лонскаго замка“. Пер. съ фр. Москва.
1819 г.
- „Лѣсъ, или Сентъ-Клерское аббатство“. М. 1801 г.
- „Марія и графъ М., или несчастная россиянка“. Пер. съ англ.
Озеровъ. М. 1810 г.
- „Монастырь св. Екатерины“. М. 1811 г.
- „Монастырь св. Колумба“. М. 1816 г.
- „Монахъ, или пагубныя слѣдствія пылкихъ страстей“. Сиб.
1803 г.
- „Наслѣдница Монтальда, или привидѣніе и таинства замка Бе-
занто“. М. 1818 г.
- „Ночныя видѣнія“. М. 1811 г.
- „Пещера смерти въ дремучемъ лѣсу“. М. 1806 г.
- „Полночный колоколь“. Сиб. 1802 г.
- „Пустыняникъ таинственной гробницы, или привидѣніе старого
замка“. Пер. съ фр. М. 1818 г.
- „Таинства удовольствія“. М. 1802 г.
- „Таинства Черной башни“. М. 1812 г.
- „Ужасныя, необыкновенныя и чрезвычайныя приключенія, или
видѣнія въ Пиринейскомъ замкѣ“. М. 1809 г.
- „Юлія, или подземелье Мадзини“. М. 1802 и 1819 г.
- „Разбойники въ подземельѣ Кутанскаго замка“. Пер. съ фр. М. 1802 г.
- „Разбойники Чернаго лѣсу“. Пер. съ фр. М. 1803 г.
- „Развращенный, а потомъ исправленный любовью Флорикурдъ“. Пер. съ
фр. Сиб. 1773 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Часть I—официальная.

- Отчет о поездке на четвертый международный конгресс математиков в Риме.—Прив.-доц. **И. И. Бялкина** . . . 1—14

Часть II—неофициальная.

- I. Очерк организации управления Британской Индийской Империи.—Прив.-доц. **А. А. Жилина** 1—16
- II. Разыскания в области поэтики французского романтизма.—Прив.-доц. гр. **Ф. Э. де-Ла-Барта** 447—527 +1—v
- III. Лекции по алгебраическому анализу (с чертежами).—Проф. **Д. А. Граве** 115—202
- IV. О последствиях нарушения функций легких. Вступительная лекция.—Прив.-доц. **Э. А. Жебровского** 1—11
- V. Механизм мочеотделения.—Проф. **В. К. Линдемана** 1—16
- VI. О периодических колебаниях кровяного давления, зависящих от деятельности сердца.—Прив.-доц. **Н. Д. Стражеско** 1—36

Научная хроника.

- V. Отчет и протоколы Физико-Математического Общества за 1907 г. (с приложениями) 97—190

Прибавления.

- I. Уход за новорожденными и грудными детьми и болѣзнями их.—Д-ра **Ө. П. Матвѣева** 1—64
- II. Воззвание Союза для борьбы съ дѣтскою смертною в Россіи. 1—4
- III. Огь Истор.-Филол. института кн. Безбородко (о конкурсе).

Отчетъ о поѣздкѣ на четвертый международный конгрессъ математиковъ въ Римѣ.

Благодаря полученной отъ Университета Св. Владиміра командировкѣ, мнѣ удалось съѣздить на состоявшійся съ 6-го по 11-ое апрѣля новаго стиля сего 1908 года въ Римѣ международный конгрессъ математиковъ, принятый подъ свое высокое покровительство Его Величествомъ Королемъ Италіи.

На предыдущемъ третьемъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто четыре года тому назадъ въ Гейдельбергѣ, постановлено было созвать ближайшій четвертый конгрессъ въ Италіи,—и вотъ на долю „вѣчнаго города“ выпала трудъ организовать этотъ четвертый конгрессъ и принять многочисленныхъ его членовъ на своихъ историческихъ холмахъ.

На приглашеніе принять участіе въ конгрессѣ, разосланное организаціоннымъ итальянскимъ комитетомъ (съ предсѣдателемъ Влагена и главнымъ секретаремъ Castelmovo во главѣ) совместно съ международнымъ комитетомъ (въ числѣ членовъ котораго встрѣчаемъ имена Р. Appell'я, L. Bianchi, G. Darboux, A. R. Forsyth'a, D. Hilbert'a, F. Klein'a, Mittag-Leffler'a, Poincaré, Weingarten'a), отозвались многіе математики всѣхъ странъ земного шара, привлеченные въ стѣны „citta eterna“ какъ предстоявшимъ научнымъ собраніемъ, такъ и историческими богатствами много видѣвшей за свое существованіе столицы папъ.

До 5-аго апрѣля новаго стиля записались въ члены конгресса почти 500 лицъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ математиче-

скимъ наукамъ, и кромѣ того почти 150 дамъ—женъ и дочерей членовъ конгресса. Списка лицъ, записавшихся послѣ 4-аго апрѣля, отпечатано не было, но такія лица на конгрессѣ, конечно, были. Изъ числа лицъ, числившихся по списку, нѣкоторые въ Римъ не пріѣхали, но повидимому таковыхъ было не слишкомъ много. Изъ наиболѣе крупныхъ современныхъ математиковъ на конгрессѣ присутствовали:

L. Bianchi, E. Borel, G. Darboux, A. R. Forsyth, A. Greenhill, C. Jordan, H. Lamb, A. Liapounoff, H. Minkowski, G. Mittag-Leffler, S. Newcomb, E. Picard, H. Poincaré.

Весьма большое количество современныхъ математиковъ, чьи имена намъ извѣстны по ихъ печатнымъ трудамъ, появляющимся въ разныхъ математическихъ журналахъ или въ видѣ отдѣльныхъ курсовъ и трактатовъ, присутствовало на конгрессѣ; перечислять ихъ было-бы утомительно. Замѣтно было и чувствовалось отсутствіе D. Hilbert'a и F. Klein'a, такъ что Гёттингенъ былъ представленъ лишь H. Minkowski'mъ и C. Runge, кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ своихъ питомцевъ.

Изъ русскихъ мы встрѣтили на конгрессѣ:

Проф. Н. Гюнтера изъ Спб., проф. Г. Колосова изъ Юрьева, академика А. Ляпунова изъ Спб., проф. Линделѣфа изъ Гельзингфорса, пр.-доц. Г. Пфейффера изъ Кіева, проф. А. П. Шшеборскаго изъ Харькова, проф. Руссіана изъ Харькова, проф. Н. Н. Салтыкова изъ Харькова, проф. С. Савича изъ Спб., проф. Д. Селиванова изъ Спб., проф. Д. Синцова изъ Харькова, проф. В. Стеклова изъ Спб.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію того, какъ протекали занятія четвертаго математическаго конгресса, я считаю полезнымъ привести полностью „Положеніе о конгрессѣ“ (Regolamento del Congresso):

Пунктъ 1. Первое общее собраніе происходитъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя организаціоннаго комитета. Въ этомъ собраніи устанавливается составъ Бюро конгресса, которое должно состоять изъ:

предсѣдателя конгресса,
вице-предсѣдателей,
главнаго секретаря,
товарищей секретаря.

II. 2. Слѣдующія общія собранія ведутся подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя конгресса или одного изъ вице-предсѣдателей.

II. 3. Въ первомъ собраніи каждой секціи предсѣдательствуетъ лицо, завѣдующее секціей, назначенное организаціоннымъ комитетомъ конгресса. На этомъ собраніи секція выбираетъ секретаря и одного или нѣсколькихъ товарищей-секретаря. Секретари исполняютъ свои обязанности въ продолженіи всего періода конгресса.

Въ концѣ каждаго засѣданія присутствующіе члены секціи выбираютъ предсѣдателя ближайшаго засѣданія.

II. 4. Организаціонный комитетъ устанавливаетъ порядокъ докладовъ въ каждой секціи; однако порядокъ этотъ можетъ быть измѣненъ постановленіемъ отдѣльныхъ секцій.

II. 5. На отдѣльный докладъ въ секціи полагается не болѣе 20 минутъ. Во время преній лица возражающія не имѣютъ права говорить болѣе 10 минутъ каждое; безъ особаго разрѣшенія предсѣдательствующаго одно и то же лицо не можетъ говорить по одному и тому же вопросу болѣе одного раза.

II. 6. Докладчикамъ предлагается по окончаніи доклада передавать секретарю секціи содержаніе доклада въ краткомъ рукописномъ извлеченіи.

По окончаніи засѣданія секціи секретарь ея составляетъ извлеченіе изъ протокола засѣданія и вручаетъ главному секретарю конгресса, чтобы протоколъ этотъ могъ появиться на слѣдующій день въ ближайшемъ номерѣ дневника конгресса.

Подробный протоколъ засѣданія съ приложеніемъ содержаній прочитанныхъ докладовъ и преній по нимъ долженъ быть изготовленъ секретаремъ секціи въ самый день засѣданія.

II 7. Доклады и сообщенія на конгрессѣ будутъ собраны въ отдѣльномъ томѣ; изданіе этого тома приняло на себя математическое общество въ Палермо (Circolo Matematico di Palermo) подъ руководствомъ редактора Rendiconti del Circolo Matematico di Palermo. Авторы благоволятъ доставить рукописи своихъ докладовъ главному секретарю конгресса до 12 апрѣля 1908 года. Рукописи на иностранныхъ языкахъ (нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ) должны быть, за исключеніемъ формулъ, изготовлены на пишущей машинѣ. Клише чертежей должны быть доставлены авторами вмѣстѣ съ рукописями.

Остается добавить еще, что на конгрессѣ были равноправно допущены четыре языка: итальянскій, нѣмецкій, французскій и англійскій.

Теперь можно уже приступить къ изложенію того, какъ протекало для членовъ конгресса время ихъ пребыванія въ Римѣ съ вечера 5-аго апрѣля по вечеръ воскресенья 12-аго апрѣля новаго стила. Время это было поглощено посѣщеніемъ, съ одной стороны, засѣданій общихъ и секціонныхъ въ *Academia dei Lincei*, *Palazzo Corsini*, съ другой стороны, было заполнено развлеченіями, организованными спеціально для членовъ конгресса и лицъ ихъ семействъ (надо помнить, что каждый конгрессистъ платилъ членскій взносъ въ 25 итальянскихъ лиръ, а каждый членъ его семьи 15 лиръ; этимъ взносомъ конгрессистъ получалъ, между прочимъ, право на томъ трудовъ конгресса).

Я сперва приведу полностью предложенную намъ программу занятій, а затѣмъ поговорю о томъ, какъ она была выполнена, кратко охарактеризую доклады, прочитанные въ отдѣльныхъ секціяхъ и въ общихъ собраніяхъ.

Программа занятій конгресса:

Воскресенье 5-аго апрѣля.

9^{1/2} ч. вечера. Приемъ членовъ конгресса въ *Aula Magna* Университета ректоромъ его.

Понедѣльникъ 6-ого апрѣля.

10 ч. утра. Торжественное открытіе конгресса въ залѣ *Горациевъ* и *Куріациевъ* въ Капитоліи въ присутствіи Его Величества Короля Италіи (форма одежды: черный сюртукъ).

Рѣчь проф. *Volterra*: *Le Matematiche in Italia nella seconda metà del secolo XIX.*

3 ч. дня. Первое общее собраніе. Выборы бюро (президіума) конгресса. Отчетъ о присужденіи медали „*Medaglia Guccia*“. Сообщенія: *Mittag-Leffler*. *Sur la représentation arithmétique des fonctions analytiques générales d'une variable complexe.*

Forsyth. *On the present condition of partial differential equations of the second order, as regards formal integration.*

Вторникъ 7 апрѣля.

9 ч. утра. Образование и открытіе дѣйстви отдѣльныхъ секцій.

3½ ч. дня. Общее собраніе. Сообщенія: Darboux. Les méthodes et les problèmes de la Géométrie infinitésimale.

Dick. Ueber die Mathematische Encyclopädie.

Среда 8 апрѣля.

9 ч. утра. Засѣданіе отдѣльныхъ секцій.

4 ч. дня. Общее собраніе. Сообщенія: Newcomb. La théorie du mouvement de la lune; son histoire et son état actuel.

Lorentz. Le partage de l'énergie entre la matière pondérable et l'éther.

10 ч. вечера. Приемъ членовъ конгресса муниципалитетомъ города Рима въ Капитолійскомъ музеѣ (форма одежды: фракъ и бѣлый галстухъ).

Четвергъ 9 апрѣля.

9 ч. утра. Засѣданія отдѣльныхъ секцій.

3 ч. дня. Посѣщеніе Палатинскаго Холма по приглашенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

9 ч. вечера. Концертъ въ Амфитеатрѣ Corea (Mausoleo di Augusto).

Пятница 10 апрѣля.

9 ч. утра. Засѣданія отдѣльныхъ секцій.

3½ ч. дня. Общее собраніе. Сообщенія: Poincaré. L'avenir des mathématiques.

Picard. L'Analyse dans ses rapports avec la Physique Mathématique.

9 ч. вечера. Сообщение проф. Störmer'a. Sur les trajectoires des corpuscules électrisés dans le champ d'un aimant élémentaire avec application aux aurores boréales.

Суббота 11 апрѣля.

9 ч. утра. Засѣданія отдѣльныхъ секцій.

3½ ч. дня. Общее собраніе. Сообщение проф. Veronese. La Geometria non-archimedeae.

Закрытіе конгресса и назначеніе мѣста и времени ближайшаго пятаго международнаго математическаго конгресса.

Воскресенье 12 апрѣля.

Посѣщеніе Villa Adriana и обѣдъ въ Тиволи (отъѣздъ въ 8^{1/2} ч. утра).

Если добавить къ этой программѣ, что члены конгресса имѣли право (и пользовались имъ) посѣщать даромъ большинство Музеевъ и Галлерей въ Римѣ, то станетъ яснымъ, что время наше было занято въ достаточной степени.

Такъ какъ засѣданія конгресса происходили въ Palazzo Corsini сравнительно далеко отъ центра города, то въ распоряженіи членовъ конгресса находились автомобили, непрерывно поддерживавшіе сообщеніе центра города—Piazza Venezia—съ Academia dei Lincei—въ часы засѣданій; перевозили насъ бесплатно; эти автомобили были особенно кстати благодаря тому, что погода въ Римѣ во время конгресса стояла исключительно неблагоприятная—было довольно прохладно и постоянно срывался дождь, а два раза шелъ даже градъ; надо однако отмѣтить, что въ день осмотра Палатинскаго холма и въ день поѣздки на Виллу Адриана и въ Тиволи погода, благодаря, какъ острили, сношеніямъ предсѣдателя конгресса, съ метеорологами, была отличная; добродушный старикъ предсѣдатель конгресса Blazegna всегда вѣрно предсказывалъ намъ на основаніи полученнымъ имъ сообщеніи изъ метеорологической станціи хорошую погоду, сообщая куда двигается неблагоприятный для насъ циклонъ.

Вся вышеприведенная программа и была выполнена лишь съ незначительными измѣненіями; такъ, вмѣсто заболѣвшаго Poincaré его рѣчь произнесъ Darboux, а сообщеніе Veronese не состоялось совсѣмъ по болѣзни автора. Помимо перечисленныхъ выше иностранныхъ сообщений, прочитанныхъ въ общихъ собраніяхъ корифеями нашей науки, были прочитаны въ секціонныхъ засѣданіяхъ 128 сообщений; по наличнымъ отдѣльнымъ секціямъ эти сообщенія распредѣляются такъ (данныя эти мною подсчитаны по дневнику конгресса):

Секція I. Ариѳметика, Алгебра, Анализъ: 36 сообщеній.

Секція II. Геометрія: 17 сообщеній.

Секція III_A. Механика: 21 сообщеніе.

Секція III_B. Прикладная математика: 18 сообщеній.

Секція IV. Философія, исторія, педагогическіе вопросы: 36 сообщеній.

Если сравнить, какъ протекали засѣданія общія и секціонныя на предыдущемъ конгрессѣ въ Гейдельбергѣ и теперь въ Римѣ, съ точки зрѣнія общаго порядка на нихъ, то придется признать, что въ Гейдельбергѣ порядка было гораздо больше; въ Римѣ южное небо, хотя и покрытое тучами, давало себя сильно чувствовать; конгрессисты временами были излишне подвижны, переходили во время докладовъ изъ залы въ залу, шумѣли стульями, достаточно громко разговаривали между собой (что вѣроятно объясняется тѣмъ, что не всѣмъ слушателямъ языкъ каждаго докладчика былъ въ одинаковой мѣрѣ понятенъ); двери въ залы засѣданій временами оставались открытыми, и тогда въ залу врвался шумъ и гулъ разговоровъ, которые велись въ буфетѣ и въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ. Можетъ быть нѣсколько свободное отношеніе разнокалиберной аудиторіи къ читаемымъ докладамъ объясняется и тѣмъ, что многіе докладчики крайне неумѣло пользовались отведеннымъ на ихъ долю запасомъ времени—въ началѣ они излишне размазывали свою рѣчь, не останавливаясь лишь на результатахъ, а утомляя слушателя выкладками, а затѣмъ, послѣ звонка предсѣдателя, сообщавшаго, что положенное на докладъ время уже истекло, они комкали весь конецъ сообщенія, такъ что понять что либо и при желаніи было трудно. Горячихъ преній и дебатовъ вообще говоря не приходится отмѣтить; причина этого вѣроятно кроется въ томъ, что благодаря крайней спеціальности большинства сообщеній, лицъ, во всемъ объемѣ владеющихъ даннымъ частнымъ вопросомъ, въ аудиторіи находилось мало.

За то можно было наблюдать такую, не лишенную комизма, сцену: послѣ положеннаго перерыва предсѣдательствовавшій въ секціи G. Darboux, войдя въ залу и заставши тамъ крайне ограниченное число членовъ, начинаетъ сзывать отсутствующихъ звонкомъ; члены вяло сходятся; но почтенному предсѣдателю еще долго приходится безнадежно звонить, ибо нѣтъ докладчика,—„Monsieur n'est pas là?“ неоднократно взываетъ веселый знаменитый академикъ...

Разъ я заговорилъ уже о томъ, что внѣшняя организація научныхъ занятій Римскаго конгресса нѣсколько уступала тому, что имѣло

мѣсто въ Гейдельбергѣ, то здѣсь умѣстно указать и еще на одинъ крупный дефектъ миноваго Римскаго конгресса. Въ Гейдельбергѣ была устроена выставка различныхъ математическихъ моделей и приборовъ, а также и новѣйшихъ книгъ, учебниковъ, трактатовъ, таблицъ. Такой крайне полезной выставки, гдѣ бы члены конгресса могли пополнить свои свѣдѣнія относительно появившихся за послѣднее время въ печати математическихъ сочиненій на разныхъ языкахъ, въ Римѣ не было; не было также выставлено и ни одного прибора или модели. Здѣсь въ Римѣ, на отдѣльныхъ столахъ въ комнатахъ возлѣ тѣхъ, гдѣ происходили засѣданія секцій, можно было лишь найти и даже взять въ собственность отдѣльныя случайныя брошюры, положенныя ихъ авторами, каталоги нѣсколькихъ издательскихъ фирмъ, да съ десятокъ англійскихъ математическихъ книгъ; такимъ образомъ можно было взять себѣ примѣрно нижеслѣдующее (кажется, я не пропустилъ ничего):

Jahresbericht der deutschen Mathematiker-Vereinigung, 17 Band. Heft. 1. Januar 1908.

L'Enseignement Mathématique. X-e année, 15 Janvier, 1908 (съ переводомъ доклада Гутцмера и Клейна на Дрезденскомъ собраніи въ Декабрѣ 1907 года по вопросу о подготовленіи преподавателей математическихъ и естественныхъ наукъ).

Fiorenzo Anonio. Passaggi di Mercurio sul Sole.

Luigi Perazzo. Ricerche demografiche fondate sul Calcolo delle Variazioni.

Giovanni Frattini. La nozione d'indice e l'analisi indeterminata dei polinomi interi.

Thomas Tommasina. Sur l'action exclusive des forces Maxwell-Bartoli dans la gravitation Universelle.

Miles Dawson. Necessary Cautions for the Guidance of Mathematicians in Dealing with Actuarial Problems.

Селивановъ. Безконечныя десятичныя дроби и ирраціональныя числа.

Statuto della Societa Italiana per i Progresso delle Scienze.

Statuto e regolamento della Societa Astronomica Italiana.

Каталогъ Oxford University Press, March, 1908.

Каталогъ Тейбнера въ Лейпцигѣ.

Каталогъ Göschen'sche Verlagshandlung въ Лейпцигѣ.

Антикварный каталогъ фирмы Lang въ Римѣ.

Каталогъ фирмы Pellerano въ Неаполѣ, 1905 года.

Въ числѣ десятка англійскихъ книгъ находились:

Новое изданіе Russell, An elementary treatise on pure geometry.

Minchin, Hydrostatics and elementary hydrocinetics.

The Scientific Papers of Willard Gibbs въ двухъ томахъ.

Фирма Pellerano выставила изданные ею учебники по элементарной математикѣ, въ томъ числѣ:

Moreno, Elementi di Geometria, 15-ое изданіе, (цѣна 4 лиръ 50 с.).

Amanzio, Trattato di Algebra elementare, изданіе 1907, цѣна 4 л. 50 с.

Amanzio, Complementi di Algebra elementare, изданіе 1905 г., цѣна 3 л. 50 с.

Moreno, Elementi di Algebra и Complementi agli Elementi d'Algebra.

Ovidio, Elementi di Geometria t. 1, 2.

Todhunter, Elementi d'Algebra, 17-ое изданіе.

Лежали на столѣ также проспекты двухъ англійскимъ учебниковъ по элементарной математикѣ:

David Mair, A school course of Mathematics, цѣна 3 s. 6 d.

Russell, A Sequel to elementary geometry with numerous examples, цѣна 6 sh.

Приведенное перечисленіе съ достаточной ясностью показываетъ, что о какой-либо систематической выставкѣ новѣйшей математической литературы на Римскомъ конгрессѣ и поминна не было; было лишь напоминаніе рекламнаго характера о существованіи и безъ того извѣстныхъ издательскихъ фирмъ.

Обратимся теперь къ краткой характеристикѣ сообщеній и докладовъ, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ секцій и въ общихъ собраніяхъ, чтобы такимъ образомъ послѣ описанія внѣшности конгресса до нѣкоторой степени составить себѣ понятіе и о внутреннемъ содержаніи его работъ.

Надо сознаться, что какой-либо новой, захватывающей, крупной математической мысли, новой цѣнной идеи, новаго пути въ математическихъ знаніяхъ на миновавшемъ конгрессѣ отмѣтить не приходится. Трудились надъ развитіемъ, надъ разработкой деталей извѣстнаго стараго, дорисовывали старыя картины, но не было художника, который властно набросалъ бы схему новой картины на новомъ полотнѣ; мозаичность, съ которой происходитъ современное развитіе

математическихъ наукъ, мелкіе шажки, которыми ступаетъ впередъ математика, кристаллизація деталей, подробностей—все это, известное хорошо изъ текущей журнальной литературы, сказалось и на конгрессѣ. Современные Декарты, Ньютоны, Лейбницы и Лагранжи на минувшемъ конгрессѣ не подавляли обыкновенныхъ смертныхъ математиковъ величіемъ, оригинальностью, универсальностью своихъ идей.

Организаціонный комитетъ конгресса при распредѣленіи докладовъ въ секціонныхъ засѣданіяхъ постарался доклады болѣе или менѣе родственнаго характера соединять въ одно завѣданіе, что, конечно, облегчало членамъ конгресса выборъ той секціи, которую они могли посвятить въ данный день (засѣданія всѣхъ секцій происходили въ одно и тоже время). Такимъ образомъ въ первомъ собраніи Секціи I, которое началось докладомъ старика P. Jordan'a „Die Auflösung der allgemeinen Gleichung 6-ten Grades“, были прочитаны сообщенія, касающіяся теоріи ансамблей „Zermelo, Ueber die Grundlagen der Arithmetik und Analysis“, „Borel, Sur les principes de la théorie des ensembles“, „Riesz, Stetigkeitsbegriff und abstrakte Mengenlehre“, „Frizell, Die Mächtigkeit des Kontinuums“.

Во второмъ засѣданіи той же секціи на ряду съ нѣсколькими докладами по теоріи функцій былъ прочитанъ Коебе, котораго въ Гёттингенѣ по семинарѣ по автоморфнымъ функціямъ всячески выдѣлялъ F. Klein, докладъ „Ueber ein allgemeines Uniformisierungsprinzip“.

Въ третьемъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ A. R. Forsyth'a, были собраны доклады, касающіеся дифференціальныхъ уравненій; здѣсь читали, между прочимъ, Hadamard, Schlesinger, Салтыковъ и Volterra. Четвертое засѣданіе заняли нѣсколько докладовъ по теоріи интегральныхъ уравненій, пріобрѣвшихъ особенный интересъ съ тѣхъ поръ, какъ ими сталъ заниматься D. Hilbert; на эту тему читали Moore, Adhémar, Orlando и Fredholm, составившій себѣ имя въ этой области. Во второй половинѣ засѣданія были прочитаны нѣсколько докладовъ на другія темы.

Пятое и послѣднее засѣданіе Секціи I было посвящено докладомъ, примыкавшимъ къ высшей алгебрѣ, теоріи формъ, теоріи чиселъ, теоріи группъ.

На четырехъ засѣданіяхъ Секціи II (Геометрія) были прочитаны доклады по геометріи на алгебраическихъ поверхностяхъ, съ особеннымъ успѣхомъ докладъ Severi, Di alcuni recenti risultati nella

geometria algebrica e di qualche problema ad essa collegato; изъ другихъ сообщеній выдѣлилось сообщеніе L. Bianchi, *Sulle trasformazioni di Darboux delle Superficie d'area minima*; по поводу этого доклада G. Darboux подѣлился съ присутствовавшими своими послѣдними изслѣдованіями, касающимися преобразованія кривыхъ въ пространствѣ. Небольшое сообщеніе Rados, *Ueber Wendetangentenebenen der Raumkurven* заслужило лестное одобреніе G. Darboux.

Въ послѣднемъ засѣданіи секціи II было прочитано и сообщеніе Г. В. Пфейффера „*Du développement des fonctions algébriques de deux variables indépendantes en séries entières des variables indépendantes*“.

Въ секціи III (Механика) изъ ряда докладовъ на самыя разнообразныя механическія темы выдѣлялись доклады по теоріи упругости, напримѣръ, „Lamb, *The flexure of narrow beams*“; пренія по подобнымъ докладамъ подтверждаютъ, что итальянскіе математики весьма интересуются этой частью механики и сильны въ ней; въ этомъ пришлось убѣдиться и проф. Колосову изъ Юрьева, прочитавшему сообщеніе „*Sur le problème plan dans la théorie d'élasticité*.“ На одномъ изъ засѣданій секціи IIIа предсѣдательствовалъ академикъ А. М. Ляпуновъ: въ послѣднемъ собраніи секціи имѣлъ честь читать и свое краткое сообщеніе на тему „*Exemple d'une force centrale telle qu'un point matériel peut decrire une courbe du 2-ème ordre*“ авторъ настоящаго отчета.

Секція III в имѣла всего три засѣданія. Два первыхъ засѣданія были посвящены ряду сообщеній по теоріи вѣроятностей и ея приложеніямъ къ вопросамъ страхованія, статистикѣ. Такъ, тутъ читался докладъ Bohlmann, *Ueber die Grundlagen der Wahrscheinlichkeitsrechnung in ihrer Anwendung auf die Lebensversicherung*, Borel, *Sur les applications du Calcul des Probabilités aux Seiences biologiques*, Gini, *La regolarità dei fenomeni rari*; здѣсь-же читались и такія сообщенія Poussin, *sur l'application du graficisme aux culculs d'assurances*, March, *Une nouvelle statistique internationale de la population*. Третье заключительное засѣданіе секціи III в было посвящено вопросамъ приложенія математики къ инженерному дѣлу. Здѣсь раздавались голоса о томъ, что нынѣ техника ставитъ рядъ такихъ вопросовъ, на которые математика пока не даетъ отвѣта; высказывалось пожеланіе, чтобы сильные математики, слѣдуя рѣдкимъ пока примѣрамъ, интересовались и разрабатывали вопросы, которые всплываютъ въ инже-

нерныхъ наукахъ; говорилось и о преподаваніи математики въ инженерныхъ институтахъ; подчеркивалась польза графическихъ методовъ; въ этомъ смыслѣ выдѣлился здѣсь и докладъ „Sur la rectification approchée des arcs de cercle“ такого знатока графическихъ приёмовъ, какимъ является М. d'Ocagne, авторъ известной „Calcul Graphique et Nomographie“. Указывалось на необходимость усилить институтъ обязательныхъ практическихъ занятій, на необходимость большее вниманіе удѣлять приближеннымъ вычисленіямъ, на полезность пользованія готовыми таблицами, число которыхъ слѣдуетъ увеличить, а характеръ разнообразить. На своевременность болѣе тѣснаго общенія математики съ инженерными науками, въ своихъ рѣчахъ на общихъ собраніяхъ конгресса указывали и такія единицы, какъ Н. Poincaré и Е. Picard; тамъ недоставало лишь авторитетнаго слова F. Klein'a, столь потрудившагося въ этомъ направленіи устройствомъ отдѣла прикладной математики въ Гёттингенскомъ Университетѣ.

Самой оживленной по преніямъ по поводу сдѣланныхъ тамъ сообщеній была секція IV; это и неудивительно, ибо философомъ и математикомъ-педагогомъ легко считаетъ себя всякій. Отмѣтимъ, что здѣсь читались доклады о преподаваніи математики въ средней школѣ Франціи, Германіи, Соединенныхъ Штатовъ, Англии, Австріи, Венгрии, Швейцаріи, Италіи, Испаніи, Греціи; лишь о маленькой Россіи не было сказано ни слова. Въ ожиданіи скораго выхода трудовъ конгресса, гдѣ желающіе найдутъ въ подробностяхъ все относящееся къ занятіямъ секціи IV и смогутъ ознакомиться съ содержаніемъ разнообразныхъ заслушанныхъ на засѣданіяхъ этой секціи докладовъ, можно пока сослаться на болѣе подробный отчетъ объ этой секціи въ статьѣ профессора Д. Синцова „Четвертый Международный Математическій конгрессъ въ Римѣ“, помѣщенной въ № 4 „Вѣстника Опытной Физики и Элементарной Математики“, XXXIX сем., 1908 г.

Въ приведенной выше программѣ занятій конгресса были перечислены доклады, сдѣланные въ общихъ собраніяхъ конгресса. Едва ли здѣсь стоитъ передавать ихъ содержаніе, ясное до нѣкоторой степени изъ самыхъ заглавій, такъ какъ почти всѣ эти доклады были отпечатаны въ формѣ отдельныхъ оттисковъ изъ будущихъ „Трудовъ конгресса“ уже во время конгресса. Можно отмѣтить, что общія собранія, на которыхъ читались эти доклады, привлекали всегда

громадную массу членовъ конгресса и дамъ. Аудиторія обыкновенно провожала докладчика дружными аплодисментами, при чемъ не представляло-бы совсѣмъ труда доказать, что эти восторги не такъ вызывались глубиной содержанія или новизной философской идеи доклада, какъ слѣдствіемъ музыкальнаго удовольствія, доставленнаго уху слушателей красотой и мелодичностью не всѣмъ одинаково понятной рѣчи авторитетнаго уже однимъ своимъ именемъ докладчика. Здѣсь легко было-бы провѣрить тотъ фактъ, что масса, хотя-бы и состоящая изъ лицъ, не чуждыхъ наукъ, склонна стадно восхищаться красотой того, въ наличность прелести чего она безотчетно *вторитъ*.

На заключительномъ общемъ собраніи днемъ 11 Апрѣля слѣдуетъ остановиться подробнѣе, такъ какъ на немъ до нѣкоторой степени были подведены итоги работъ конгресса.

Собраніе это приняло нижеслѣдующія рѣшенія:

1) Конгрессъ, признавая важность подробнаго изученія программъ и методовъ преподаванія математики въ среднихъ школахъ разныхъ націй, поручаетъ профессорамъ Klein'у, Greenhill'у и Fehr'у организовать международную комиссію для изученія этого вопроса и доклада ближайшему конгрессу.

2) Признавая важность однообразія въ векторіальныхъ обозначеніяхъ, конгрессъ поручаетъ своему организаціонному комитету образовать международную комиссію для изученія этого вопроса.

3) Конгрессъ высказываетъ пожеланіе, чтобы въ программу ближайшаго конгресса былъ включенъ вопросъ объ организаціи международной ассоціаціи математиковъ.

4) Конгрессъ принимаетъ слѣдующее предложеніе проф. D'Osga-
gne'я:

„Обмѣнъ мнѣній въ секціи III в показываетъ, что въ высшей степени желательно вызвать возможно болѣе тѣсную связь между тѣми, кто занимается усовершенствованіемъ математическихъ методовъ, и тѣми, кому приходится ихъ примѣнять на практикѣ. На этомъ основаніи секція высказываетъ пожеланіе, чтобы на ближайшемъ конгрессѣ математика въ ея приложеніяхъ къ инженерному дѣлу была выдѣлена въ специальную секцію. Кромѣ сего, секція III в предлагаетъ организовать международную комиссію съ цѣлью подготовить работы этой новой секціи; составъ этой комиссіи долженъ быть установленъ организаціоннымъ комитетомъ настоящаго конгресса“.

5) Конгрессъ считаетъ вопросомъ величайшей важности для математическихъ наукъ чистыхъ и прикладныхъ—изданіе полного собранія сочиненій Эйлера. Конгрессъ выражаетъ благодарность Швейцарскому Обществу Натуралистовъ за его иниціативу въ этомъ дѣлѣ и высказываетъ пожеланіе, чтобы этотъ большой трудъ былъ выполненъ упомянутымъ обществомъ при содѣйствіи математиковъ другихъ націй. Конгрессъ проситъ международную ассоціацію Академій и въ особенности Академіи Берлинскую и Петербургскую, знаменитѣйшимъ членомъ коихъ былъ Эйлеръ, оказать помощь упомянутому изданію.

Мѣстомъ ближайшаго V-го международного конгресса математиковъ, имѣющаго быть въ 1912 году, избранъ Кэмбриджъ. Предложеніе назначить этотъ англійскій университетскій городъ мѣстомъ V-го конгресса, сдѣланное проф. Forsyth'омъ отъ имени Cambridge Philosophical Society и London Mathematical Society, было встрѣчено дружными общими аплодисментами. Благодаря за принятіе англійскаго предложенія, проф. Forsyth общалъ между прочимъ по возможности выполнить высказанное Hadamard'омъ пожеланіе, чтобы въ будущемъ конгрессы математиковъ и физиковъ созывались совместно въ виду полезности болѣе тѣснаго сближенія математики съ физикой, чѣмъ наблюдается въ настоящее время.

Послѣ того какъ предсѣдатель Вазерна закрылъ конгрессъ, проф. G. Darboux въ весьма живой и красивой рѣчи веселаго француза принесъ благодарность отъ имени всѣхъ членовъ закончившаго свои работы съѣзда всѣмъ, способствовавшимъ успѣшному ходу его занятій, начиная съ Короля Италіи, почтившаго своимъ присутствіемъ открытіе конгресса, и кончая студентами, этими „будущими нашими сочленами“, которые усердно работали въ Секретариатѣ.

Въ заключеніе настоящаго отчета надо упомянуть, что всѣ развлеченія и торжественные приемы и угощенія, перечисленные въ программѣ занятій, въ общемъ удалсь исполнѣ; здѣсь предусмотрительность и предупредительность итальянцевъ—распорядителей шла рука объ руку съ любезностью дамскаго комитета, который много украсилъ и оживилъ часы нашего досуга.

Кіевъ, 1908 года,
10 мая.

Иванъ Бѣлякинъ.

„Очеркъ организаціи управленія Британской Индійской Имперіи“.

Пр.-доц. А. А. Жилина.

Англія является одной изъ самыхъ сложныхъ политическихъ организаціи, когда-либо существовавшихъ на земномъ шарѣ. Владѣя $\frac{1}{6}$ частью поверхности земного шара и включая въ составъ своего населенія около $\frac{1}{4}$ части всего человѣчества, она естественно не могла объединить вполне всѣхъ своихъ подданныхъ подъ общими однородными учрежденіями. Этого не позволяли сдѣлать ни мѣстныя, ни племенные условія, ни условія степени развитія цивилизаціи, столь различныя между какими-нибудь готтентотами или кафрами въ южной Африкѣ и англичанами въ Австраліи и Новой Зеландіи. И дѣйствительно, политическая организація различныхъ владѣній британской короны, объединяемыхъ лишь признаніемъ суверенитета Англіи и верховенства англійскаго парламента, представляетъ самую разнообразныя правительственныя формы, неподдающіяся болѣе или менѣе точной классификаціи.

Писатели различаютъ часто Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи, съ одной стороны, и Британскую Имперію, съ другой ¹⁾. Первое состоитъ изъ Англіи и соединенныхъ съ ней Шотландіи и Ирландіи, а также британскихъ острововъ въ Европѣ. Въ понятіе имперіи входятъ какъ Соединенное Королевство, такъ и всѣ

¹⁾ См. *Le C-te De Franqueville. Le gouvernement et le parlement britanniques.* Paris. 1887. Т. I, chap. V, стр. 151 и сл.

зависимыя владѣнія, всѣ колоніи и всѣ территоріи, находящіяся подъ властью британской короны. Нѣкоторые писатели употребляютъ еще терминъ Колоніальная Британская Имперія ¹⁾, понимая подъ нимъ совокупность всѣхъ англійскихъ владѣній внѣ Соединеннаго Королевства. Но, держась строго юридической терминологіи англійскаго государственнаго права, мы можемъ говорить лишь о Соединенномъ Королевствѣ Великобританіи и Ирландіи, съ одной стороны, и о колоніяхъ, протекторатахъ, зависимыхъ владѣніяхъ и сферахъ вліянія, съ другой. Особо выдѣленной наконецъ должна быть Британская Индійская Имперія. Съ 1902 года, когда парламентъ уполномочилъ короля присоединить къ своему титулу „король всѣхъ британскихъ владѣній за моремъ“, возможно говорить о колониальномъ „королевствѣ“ Англій.

Весьма различно организуя управление своихъ многочисленныхъ колоній и зависимыхъ владѣній, Англія предоставляетъ имъ большую или меньшую самостоятельность въ зависимости отъ степени цивилизаціи, населенности различныхъ областей и преданности ихъ населенія англійской коронѣ. Англійскіе писатели обыкновенно различаютъ три существенныя характерныя формы управленія колоній, подводя, съ нѣкоторыми конечно натяжками, подъ эти три формы всѣ многообразныя системы англійскаго колониальнаго управленія. Особо всегда излагается организація различныхъ протекторатовъ, зависимыхъ владѣній и сферъ вліянія ²⁾. Три формы колониальнаго управленія суть слѣдующія: а) Такъ называемыя колоніи короны (*Colonies of the Crown*), колоніи, въ которыхъ не имѣется народнаго представительства, и которыя управляются или единоличной властью губернаторовъ, назначаемыхъ англійскимъ правительствомъ, или губернаторами и совѣтами при нихъ большей частью съ совѣщательнымъ голосомъ въ законодательныхъ дѣлахъ, состоящими въ однѣхъ колоніяхъ изъ назначаемыхъ, а въ другихъ частью назначаемыхъ и частью избираемыхъ мѣстнымъ населеніемъ членовъ. б) Колоніи съ представительнымъ образомъ правленія (*representative government*), напоминающія своей организаціей такъ называемую дуалистическую форму конституціоннаго устройства (каковая существуетъ напримѣръ въ герман-

¹⁾ *H. Speyer*. La constitution juridique de l'empire colonial britannique. Paris, 1906.

²⁾ См. *Lecky*. British rule and jurisdiction beyond the seas. Oxford, 1902. Chapter 1

скихъ государствахъ), гдѣ организуется уже народное представительство, но призывается оно лишь для содѣйствія правительству въ созданіи законодательныхъ нормъ въ духѣ народныхъ началъ. Управление же сосредоточивается въ рукахъ правительства и какъ бы обособляется отъ законодательства, такъ какъ члены правительства не являются отвѣтственными передъ народнымъ представительствомъ за направленіе ихъ правительственной политики. в) Колоніи съ отвѣтственнымъ правительствомъ (*responsible government*), т. е. съ парламентарнымъ образомъ правленія, при которомъ члены правительства берутся всегда изъ состава парламентскаго большинства и отвѣтственны передъ парламентомъ не только за законность ихъ дѣятельности, но и за соотвѣтствіе политики ими проводимой съ взглядами парламентскаго большинства ¹⁾. Въ классификацію эту не входитъ огромная территория, принадлежащая Англій въ Азіи и носящая названіе Индійской Имперіи. Индія съ точки зрѣнія англійскаго государственнаго права не подходитъ даже подъ понятіе колоніи. Колоніей по англійской юридической терминологіи называется „всякое британское владѣніе внѣ Великобританіи за исключеніемъ Индіи и британскихъ острововъ“ (см. *Interpretation Act. 1889. 52 and 53 Vict. c. 63*). Задачей настоящаго очерка является изложеніе организациі управленія въ Индіи. Англійскій писатель Энсонъ находитъ административную организацію Индіи подходящей подъ типъ управленія колоній короны. Дѣйствительно при сравненіи можно найти много общаго между управленіемъ Индіи и управленіемъ колоній этого типа. Но во всякомъ случаѣ Индійская Имперія въ организаціи своего управленія представляетъ много оригинальныхъ и интересныхъ особенностей.

¹⁾ Къ первой группѣ колоній относятся немногія колоніи или малонаселенныя или имѣющія значеніе исключительно какъ угольныя станціи или военные опорные пункты морскаго владычества Англій. Сюда относятся: Гибралтаръ, Лабуанъ, Св. Елена, Вестъ-Индскіе острова и нѣкот друг. Ко второй группѣ принадлежатъ до 17 колоній, въ которыхъ введеніе парламентаризма затрудняется или разнородностью населенія—бѣлаго и цвѣтнаго или недостаточной политической зрѣлостью жителей. Введеніе его, по мнѣнію англійскихъ писателей—дѣло времени. Къ третьей группѣ принадлежатъ самыя важныя какъ по своей величинѣ, такъ и по населенности и значенію англійскія колоніи. Сюда относятся обѣ большія федеративныя колоніи Канада и Австралія, а также Новая Зеландія, Новая Земля, Капская Колонія и Наталь.

Владычество Англичанъ въ Индіи начинается съ 1600 года, когда группой частныхъ лицъ была основана такъ называемая Лондонская компанія, получившая отъ парламента для цѣлей развитія колонизаціи Индіи различныя привиллегіи и между прочимъ право содержать свой флотъ и войско и право войны и мира съ туземными индійскими племенами. Въ 1698 году была основана другая подобная же компанія подъ названіемъ Англійской Компаніи. Въ 1702 году обѣ эти Компаніи соединились въ одну Англійскую Остъ-Индскую Компанію (*English East Indian Company*). Эта знаменитая въ исторіи англійской колонизаціи компанія преслѣдовала главнымъ образомъ коммерческія цѣли: развитіе торговыхъ сношеній съ индійскими племенами, но, постепенно расширяя сферу своего какъ торговаго, какъ и политическаго вліянія и завоевывая все новыя и новыя области въ Индіи, она по необходимости должна была озаботиться и устройствомъ мѣстнаго индійскаго управленія. Первоначально оно находилось въ довольно хаотическомъ состояніи. Отдѣльныя завоеванныя компаніей области состояли подъ властью особыхъ губернаторовъ, назначавшихся правленіемъ директоровъ Компаніи, находившимся въ Лондонѣ. Это правленіе директоровъ, являясь высшимъ органомъ управленія Британской Индіи, не могло за дальностью разстоянія въ достаточной мѣрѣ осуществлять контроль за дѣятельностью губернаторовъ, а потому въ мѣстномъ индійскомъ управленіи царилъ по большей части полный произволъ. Да и самая организація Компаніи, построенная на чисто коммерческихъ началахъ акціонернаго предпріятія, не обеспечивала устойчивости управленія и хорошаго подбора административныхъ лицъ ¹⁾. Первое время какъ компанія, такъ и англійское правительство озабочивались больше расширеніемъ индійскихъ владѣній, чѣмъ организаціей ихъ управленія. Частыя войны съ туземными племенами и съ Франціей, также пытавшейся основаться въ Индіи и учредившей для этой цѣли свою Остъ-Индскую компанію, не давали возможности серьезно заняться вопросами мѣстной администраціи. Но, когда владычество Англичанъ утвердилось болѣе прочно, и особенно, когда послѣ семилѣтней войны французы отказались отъ своихъ индійскихъ вла-

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія объ организаціи Остъ-Индской Компаніи см. *Gneist*. Das Englische Verwaltungsrecht. Berlin, 1884, t. II, стр. 1116 и сл. *Leroy-Beaulieu*. De la colonisation chez les peuples modernes. Paris, 1874, стр. 458. *Ilbert*. The government of India. Oxford. 1907. Chapter I, стр. 1—108. Historical introduction.

дѣній въ пользу Англіи, эти вопросы были поставлены на очередь. Толчекъ къ реформамъ далъ сильный голодъ въ Индіи въ 1771 году. Въ 1773 году былъ изданъ актъ парламента ¹⁾, согласно которому компанія обязана была назначать генераль-губернатора Индіи. Послѣднему вмѣнялось въ обязанность объединять дѣятельность отдѣльных губернаторовъ, имѣть за ними высшій надзоръ и быть отвѣтственнымъ за благосостояніе ввѣренной его управленію страны. При генераль-губернаторѣ долженъ былъ состоять совѣтъ изъ четырехъ назначаемыхъ правительствомъ лицъ.

Въ извѣстныхъ, перечисленныхъ въ законѣ случаяхъ, мнѣнія этого совѣта были обязательны для генераль-губернатора. Коронѣ было предоставлено право налагать вето на всѣ постановленія какъ генераль-губернатора, такъ и совѣта при немъ. Тогда же былъ учрежденъ и Верховный Судъ Индіи, члены котораго должны были назначаться королею. Въ 1774 году первымъ индійскимъ генераль-губернаторомъ былъ назначенъ извѣстный Уорренъ Гастингсъ. Онъ упорядочилъ управленіе Индіи и счастливо велъ войны съ туземными племенами. Но будучи крайне требователенъ и строгъ по отношенію къ подчиненнымъ, онъ самъ допустилъ много злоупотребленій, что въ связи съ чрезвычайной жестокостью, проявленной имъ по отношенію къ туземцамъ и ихъ князьямъ, вооружило противъ него общественное мнѣніе въ Англіи. Послѣ двухлѣтняго управленія Индіей онъ былъ преданъ палатою общинъ суду палаты лордовъ и, хотя и былъ оправданъ послѣднею, но лишился своей должности. Судъ надъ Гастингсомъ раскрылъ много дефектовъ въ индійской администраціи, и по инициативѣ Вилліама Питта рѣшено было оставить за компаніей только свободу торговыхъ операцій, въ отношеніи-же управленія Индіей подчинить ее особой правительственной контрольной комиссіи, во главѣ которой долженъ былъ стоять членъ парламента отвѣтственный передъ нимъ ²⁾. Вышее начальство надъ индійскими войсками было поручено назначаемому короной главнокомандующему. Послѣ этого хартія компаніи, утвержденная парламентомъ каждый разъ срокомъ на 20 лѣтъ, нѣсколько разъ была пересматриваема, при чемъ каждый разъ права компаніи все болѣе суживались, а права правительственной власти расширялись. Наконецъ въ 1858 году послѣ возстанія туземныхъ индійскихъ войскъ,

¹⁾ Regulating Act 13 Geo III, c. 64.

²⁾ 24. Geo III c 25 India Bill (1784).

такъ наз. сипаевъ, существованіе Остѣ-Индской компаніи было прекращено, и все управленіе Индіей перешло въ руки англійскаго правительства ¹⁾.

*
* *

Организація современнаго управленія Индіей ²⁾ покоится главнымъ образомъ на законѣ 1858 года Act for the better government of India (актъ для лучшаго управленія Индіей) 21 and 22 Vict. с. 106, опредѣляющемъ центральное управленіе и на законахъ 1861 и 1892 гг. Indian Councils Acts (акты объ индійскихъ совѣтахъ) 24 and 25 Vict. с. 64 and 55, 56 Vict. с. 14, организующихъ мѣстную администрацію. Центральное управленіе Индіи поставлено совершенно отдѣльно отъ колоніальнаго управленія. „Колоніальное управленіе, говоритъ извѣстный англійскій писатель Энсонъ ³⁾, осуществляется королемъ въ совѣтѣ, иначе говоря, королемъ, дѣйствующимъ согласно совѣтамъ министра колоній; Индія-же управляется императоромъ Индіи согласно совѣтамъ министра Индіи. Совѣтъ, который здѣсь является на сцену, не Тайный Совѣтъ Privy Council, а, совершенно особо организованный, „совѣтъ по дѣламъ Индіи“. Сношенія министра Индіи съ этимъ совѣтомъ и сношенія этихъ обоихъ органовъ съ вице-королемъ Индіи и совѣтами при немъ образуютъ цѣлую особую конституціонную систему. Министръ Индіи является ответственнымъ передъ короной и передъ парламентомъ за отправленіе королевской прерогативы въ отношеніи Индіи“. Устройство центральнаго управленія Индіи-India Office—представляется въ существенныхъ чертахъ въ слѣдующемъ. Во главѣ управленія Индіей стоитъ статсъ-секретарь (министръ) Индіи, членъ англійскаго кабинета, проводящій его политику, ответственный передъ парламентомъ и смѣняющійся вмѣстѣ со смѣною кабинета. При статсъ-секретарѣ состоитъ особый совѣтъ по дѣламъ Индіи-India Council, члены котораго назначаются срокомъ на 10 лѣтъ статсъ-секретаремъ. Число членовъ въ этомъ совѣтѣ полагается 15. Изъ нихъ 9 должны

¹⁾ Относительно исторіи развитія индійскаго управленія см. *Ilbert* и *Gneist* указ. сочиненія; изъ русскихъ авторовъ *Мажуевъ* Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англии СПб. 1902.

²⁾ Лучшее сочиненіе объ организаціи индійскаго управленія *Ilbert* The government of India. Oxford. Clarendon press. Second edition 1907.

³⁾ *Anson*. Loi et pratique constitutionnelles de l'Angleterre. Traduction de C. Gandilhon. Paris 1905. t. II La Couronne, стр. 336—337.

быть назначаемы непремѣнно изъ лицъ прослужившихъ или прожившихъ не менѣе 10 лѣтъ въ Индіи и слѣдовательно знакомыхъ съ мѣстными индійскими условіями. При этомъ со времени выѣзда ихъ изъ Индіи должно пройти не болѣе 10 лѣтъ. Въ теченіе срока ихъ службы члены совѣта несмѣняемы. Подобно англійскимъ судьямъ, они могутъ быть удалены съ занимаемыхъ ими постовъ лишь согласнымъ постановленіемъ обѣихъ палатъ парламента. Статсъ-секретарь Индіи можетъ не замѣщать всѣхъ вакансій въ совѣтѣ, если только число членовъ не будетъ менѣе 10. Въ исключительныхъ случаяхъ законъ дозволяетъ статсъ-секретарю назначить не болѣе трехъ членовъ совѣта пожизненно и не болѣе какъ одному члену продлить послѣ истеченія десятилѣтняго срока его полномочіе еще на пять лѣтъ. Мотивы этихъ экстраординарныхъ назначеній должны быть непремѣнно доложены парламенту. Совѣтъ обязанъ собираться по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, но министръ можетъ собирать его и чаще, когда того требуютъ обстоятельства. Обыкновенно каждому члену поручается завѣдываніе какимъ-либо отдѣльнымъ родомъ дѣлъ индійской администраціи. Совѣту должны быть сообщаемы всѣ свѣдѣнія, касающіяся управленія Индіей, всѣ мѣрѣ предпринимаемыя министромъ и содержаніе всѣхъ депешъ, которыми статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи обмѣнивается съ вице-королемъ Индіи. Исключеніе сдѣлано для депешъ секретныхъ съ одной стороны и для неотложныхъ съ другой. Секретными считаются депеши, имѣющія отношеніе къ войнѣ и миру или къ договорамъ и сношеніямъ какъ съ подчиненными индійскими государствами, такъ и съ иностранными державами. Неотложными являются таковыя, по которымъ статсъ-секретарь долженъ для пользы дѣла дѣйствовать безъ всякаго замедленія. По приведеніи въ исполненіе депешъ этого послѣдняго рода, онѣ должны быть по возможности въ скорѣйшемъ времени доложены совѣту, равно какъ и мотивы неотложности.

Однако, несмотря на всѣ эти опредѣленія закона, слѣдуетъ признать, что вся дѣйствительная власть по управленію Индіей сосредоточивается въ рукахъ статсъ-секретаря, а совѣтъ играетъ роль совѣщательнаго при немъ органа. Это объясняется очень легко тѣмъ обстоятельствомъ, что члены совѣта не несутъ ответственности передъ парламентомъ и остаются на своихъ мѣстахъ при смѣнѣ кабинета. Будучи одинъ отвѣтственъ за ходъ дѣлъ, министръ не обязанъ слѣдовать мнѣнію совѣта. Члены совѣта несогласные со статсъ-секретаремъ имѣютъ право занести свое мнѣніе въ протоколы совѣта, и протоколы эти могутъ

быть требуемы для прочтенія членами парламента по поводу обсужденія въ парламентѣ дѣла, къ которому они относятся. Правда, миѣнію будто вся дѣйствительная власть концентрируется въ рукахъ статсъ-секретаря Индіи противорѣчить то обстоятельство, что по нѣкоторымъ вопросамъ главнымъ образомъ финансовымъ и именно относящимся къ расходамъ, министръ обязанъ слѣдовать миѣнію большинства членовъ совѣта Индіи, но и въ этомъ случаѣ онъ можетъ поступить по своему вопреки миѣнію совѣта. Для этого требуется, чтобы статсъ-секретарь дѣйствовалъ согласно указаніямъ или вообще солидарно съ кабинетомъ. Но въ виду того, что, согласно принципамъ парламентаризма, кабинетъ въ Англіи непремѣнно долженъ дѣйствовать солидарно въ болѣе или менѣе важныхъ вопросахъ, то врядъ-ли, чтобы въ мало-мальски серьезныхъ случаяхъ статсъ-секретарь Индіи не могъ-бы опереться на содѣйствіе своихъ коллегъ и поступить по своему наперекоръ миѣнію совѣта Индіи. Во всѣхъ случаяхъ, когда статсъ-секретарь поступаетъ несогласно съ миѣніемъ большинства членовъ совѣта Индіи, онъ обязанъ занести въ протоколь мотивы своего рѣшенія.

Высшій надзоръ за управленіемъ Индіи принадлежитъ англійскому парламенту. Только парламентъ можетъ измѣнить законы, опредѣляющіе основныя начала устройства индійскаго управленія (*constitution*). Индійскій бюджетъ ежегодно представляется на утвержденіе парламента. Согласіе парламента требуется далѣе для возложенія на Индію расходовъ по военной экспедиціи, предпринимаемой внѣ границъ Индіи. Наконецъ нѣкоторыя мѣропріятія по управленію Индіей непремѣнно должны быть доведены до свѣдѣнія парламента. Таковы напримѣръ: увеличеніе срока мандатовъ членовъ совѣта Индіи, начатіе военныхъ дѣйствій въ Индіи, проектъ правилъ относительно службы въ Индіи¹⁾. Такимъ образомъ въ конечномъ итогѣ управленіе Индіей зависитъ отъ англійскаго парламента. Рѣшающей властью во всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ является англійскій кабинетъ. Въ виду-же отвѣтственности послѣдняго передъ парламентомъ воля парламентскаго большинства, воля большинства депутатовъ, избранныхъ жителями соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, является опредѣляющей силой, направляющей индійскую политику и главныя мѣропріятія въ Индіи.

* *
*

¹⁾ *Anson*, t. II, стр. 340.

Во главѣ мѣстнаго управленія Индіи стоитъ генераль-губернаторъ, назначаемый на пять лѣтъ приказомъ короля за собственноручной королевской подписью и носящій титулъ вице-короля Индіи. Вице-король имѣетъ обширную власть въ отношенія управленія Индіей, но все-же обязанъ повиноваться распоряженіямъ статсъ-секретаря Индіи, для котораго мнѣнія вице-короля, равно какъ и совѣта Индіи въ Лондонѣ, юридически не являются обязательными. Въ управленіи вице-король осуществляетъ свою власть при помощи особаго исполнительнаго совѣта изъ 6 лицъ, назначаемыхъ короною на 5 лѣтъ¹⁾. Въ совѣтѣ этомъ въ извѣстныхъ случаяхъ засѣдаетъ и командующій англійскими войсками въ Индіи (Commander in Chief)²⁾. Въ принципѣ вице-король обязанъ слѣдовать мнѣнію исполнительнаго совѣта при немъ, но въ исключительныхъ случаяхъ онъ можетъ поступить и вопреки его мнѣнію, но долженъ занести въ протоколъ мотивы принятаго имъ рѣшенія. При этомъ члены исполнительнаго совѣта несогласные съ рѣшеніемъ вице-короля могутъ представить статсъ-секретарю Индіи особый *memorandum* съ изложеніемъ ихъ точки зрѣнія по данному вопросу. Члены исполнительнаго совѣта завѣдуютъ обыкновенно каждый какой-либо отдѣльной отраслью администраціи. Въ рукахъ совѣта сосредоточиваются всѣ административныя дѣла и подготовка проэктвъ для законодательнаго совѣта, о которомъ будетъ сказано дальше. Засѣданія исполнительнаго совѣта негубличны. Генераль-губернатору или вице-королю вручена обширная власть. Онъ можетъ вести войну и заключать миръ, учреждать новыя провинціи и назначать въ нихъ губернаторовъ³⁾. Законъ запрещаетъ ему только вести самостоятельно завоевательныя войны и заключать договоры, содержащіе гѣрантіи для иностранныхъ державъ⁴⁾. Въ извѣстныхъ, перечисленныхъ въ законѣ случаяхъ, онъ обя-

¹⁾ По закону 1861 г. три члена этого совѣта назначаются статсъ-секретаремъ Индіи въ совѣтѣ Индіи по большинству голосовъ изъ лицъ, прослужившихъ не менѣе 10 лѣтъ въ Индіи въ гражданскихъ должностяхъ, а два — королемъ (т. е. фактически также статсъ-секретаремъ, но уже безъ участія совѣта). Изъ этихъ послѣднихъ одинъ назначается непременно изъ адвокатовъ не менѣе чѣмъ съ пятилѣтней практикой. Шестой членъ для завѣдыванія общественными работами (*for public works*) былъ прибавленъ впоследствии (37 and 38 Vict c. 91).

²⁾ Командующій войсками въ Индіи подчиненъ не статсъ-секретарю Индіи, а военному министерству.

³⁾ За исключеніемъ губернаторовъ провинцій Мадраса и Бомбея, назначаемыхъ королемъ.

⁴⁾ *Anson*, т. II стр. 341. *Hatschek* *Englisches Staatsrecht*. Bd. I стр. 208.

занъ дѣйствовать въ совѣтѣ, но мнѣнія совѣта, какъ мы видѣли, имѣють для него лишь совѣщательное значеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ обязанъ о своихъ дѣйствіяхъ доводить до свѣдѣнія парламента (напримѣръ о начатіи военныхъ дѣйствій парламента долженъ быть поставленъ въ извѣстность не позднѣе трехъ мѣсяцевъ со времени ихъ открытія или, въ случаѣ если парламента не засѣдаетъ въ это время, не позднѣе одного мѣсяца со времени открытія сессіи парламента). Нѣкоторыя изъ его распоряженій для своей дѣйствительности должны получить санкцію короля (напр. созданіе новыхъ провинцій). Въ случаѣ возникновенія важныхъ безпорядковъ вице-король можетъ своею властью издавать распоряженія, имѣющія силу закона въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня ихъ изданія. Для нѣкоторыхъ отдаленныхъ областей Индійской имперіи вице-король въ своемъ исполнительномъ совѣтѣ издаетъ и законодательныя нормы. Но вообще для всей Индіи законодательная власть осуществляется вице-королемъ въ законодательномъ совѣтѣ Британской Индіи. Этотъ совѣтъ образуется путемъ присоединенія къ членамъ исполнительнаго совѣта 16 членовъ, назначаемыхъ вице-королемъ. Изъ этихъ 16 членовъ 6 являются представителями высшей мѣстной администраціи, чиновниками, назначаемыми засѣдать въ совѣтѣ волею вице-короля, 4 назначаются вице-королемъ по представленію законодательныхъ совѣтовъ четырехъ главныхъ провинцій, Мадраса, Бомбея, Бенгала и Ауда, 1 назначается по представленію коммерческой палаты Калькутты и 5 избираются вице-королемъ изъ мѣстной знати. Эти 16 членовъ сохраняють свои полномочія два года. Засѣданія законодательнаго совѣта публичны. Члены совѣта пользуются правомъ законодательной инициативы, но въ отношеніи вопросовъ финансовыхъ, религіозныхъ, военныхъ и дипломатическихкихъ требуется испросить предварительное согласіе вице-короля. Законопроекты, вносимые въ законодательный совѣтъ, на практикѣ почти всегда исходятъ отъ правительства и предварительно разрабатываются въ исполнительномъ совѣтѣ вице-короля. Они обыкновенно заранѣе публикуются въ правительственномъ органѣ, и замѣчанія, которыя они вызываютъ въ періодической печати и на общественныхъ собраніяхъ, почти всегда принимаются во вниманіе при обсужденіи въ законодательномъ совѣтѣ¹⁾. Законопроекты обсуждаются по

¹⁾ *Speyer*. La constitution juridique de l'empire colonial britannique Paris 1906 стр. 38.

системѣ аналогичной той, которая принята въ англійскомъ парламентѣ. Нерѣдко они подвергаются тремъ чтеніямъ и разсмотрѣнію въ комитетѣ. Вице-король является предсѣдателемъ совѣта и въ случаѣ несогласія съ его рѣшеніемъ имѣетъ право абсолютнаго вето, налагаемаго именемъ короля. Наименьшимъ значеніемъ законодательный совѣтъ пользуется въ финансовыхъ вопросахъ. Правда, онъ вотируетъ налоги, но бюджетъ составляется вице-королемъ согласно указаніямъ статсъ-секретаря Индіи и англійскаго кабинета и представляется англійскому парламенту, который, впрочемъ, вотируетъ его не по статьямъ, какъ бюджетъ соединеннаго королевства, а цѣликомъ *in corpore*. Отдѣльныя статьи индійскаго бюджета распредѣляются вице-королемъ между провинціями Индіи, и, наконецъ, провинціальныя совѣты подъ руководствомъ губернаторовъ устанавливаютъ свои провинціальныя бюджеты. Члены законодательнаго совѣта не имѣютъ права интерпеллировать членовъ администраціи и права постановлять рѣшенія, оцѣнивающія ихъ дѣятельность. Иными словами, исполнительный совѣтъ не отвѣтственъ предъ законодательнымъ совѣтомъ. Члены законодательнаго совѣта могутъ съ разрѣшенія вице-короля обращаться съ запросами къ членамъ правительства по какому-либо опредѣленному вопросу для выясненія дѣла, но дальнѣйшихъ послѣдствій въ смыслѣ вотума недовѣрія или чего либо аналогичнаго запросъ этотъ за собою не влечетъ ¹⁾. Такимъ образомъ, не смотря на существованіе законодательнаго и исполнительнаго совѣтовъ, генераль-губернаторъ Индіи является главной движущей пружиной въ системѣ мѣстнаго индійскаго управленія. Нося титулъ вице-короля, вооруженный рѣшающей властью почти по всемъ дѣламъ управленія и не будучи связанъ своими совѣтами, надъ однимъ изъ которыхъ онъ непосредственное начальство, а на другой имѣетъ огромное вліяніе путемъ назначенія большинства его членовъ и утвержденія остальныхъ, генераль-губернаторъ Индіи, пользуясь своимъ законнымъ и моральнымъ вліяніемъ, всегда почти имѣетъ возможность привести въ исполненіе тѣмъ или инымъ путемъ свою волю, если только она не идетъ въ разрѣзъ съ волею статсъ секретаря Индіи или англійскаго кабинета. Съ другой стороны власть генераль-губернатора на дѣлѣ нѣсколько уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что управленіе Индіи является довольно сильно децентрализованнымъ. Огромная территорія, носящая названіе Индіи, распадается на собственно

¹⁾ *Speyer*, стр. 38.

Британскую Индійскую имперію и на зависима отъ Англіи Индійскія государства. Непосредственно власть вице-короля простирается только на Британскую Индію. Послѣдняя раздѣляется на 13 провинцій, управляемыхъ каждая особымъ губернаторомъ. При губернаторахъ состоятъ совѣты изъ назначаемыхъ чиновниковъ. Этимъ совѣтамъ вручаются какъ законодательныя, такъ и правительственныя функціи. Въ двухъ главныхъ провинціяхъ Бомбеѣ и Мадрасѣ законъ устанавливаетъ два совѣта законодательный и исполнительный на подобіе совѣтовъ при вице-королѣ. Этимъ провинціальнымъ совѣтамъ принадлежитъ довольно обширная власть. Они могутъ излагать законодательныя нормы для своей провинціи подъ условіемъ лишь не нарушать законовъ, изданныхъ англійскимъ парламентомъ и законодательнымъ совѣтомъ при вице-королѣ. Вице-королю принадлежитъ вето по отношенію къ постановленіямъ провинціальныхъ совѣтовъ. Провинціальныя совѣты не могутъ касаться нѣкоторыхъ предметовъ общаго характера, какъ-то чеканки монеты, почтъ и телеграфовъ, патентовъ на изобрѣтенія и правъ литературной собственности. Кромѣ того вице-король можетъ изъять своею властью нѣкоторыя дѣла изъ сферы вѣдѣнія провинціальныхъ совѣтовъ. Провинціальнымъ совѣтамъ принадлежитъ также довольно обширная финансовая власть. Они устанавливаютъ бюджетъ своей провинціи, и суммы, распределяемая для этой цѣли вице-королемъ между провинціями, составляютъ въ общей сложности около половины доходовъ Британской Индіи¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить однако, что роль провинціальныхъ совѣтовъ чисто совѣщательная и подобно тому какъ вице-король въ своихъ совѣтахъ, такъ и губернаторы въ своихъ провинціальныхъ совѣтахъ являются главными вершителями дѣлъ, входящихъ въ компетенцію провинціального управленія. Французскій писатель Spreyer, описывая устройство индійскаго управленія и отношеніе другъ другу центральныхъ и мѣстныхъ властей, говоритъ: „подобное устройство придаетъ административной системѣ Индіи почти федеративный характеръ и во всякомъ случаѣ устанавливаетъ децентрализацию, необходимую для управленія территориями столь обширными и народностями столь разнообразными и столь многочисленными“²⁾. Особо отъ администраціи и совершенно самостоятельно поставлена въ

¹⁾ О финансахъ Индіи см. *Ламакскій*. Индія. Экономическій этюдъ. СПб. 1893.

²⁾ *Spreyer*, стр. 44.

Индіи судебная власть. Судьи высшихъ индійскихъ судовъ Калькутты, Бомбея, Мадраса и Сѣверо-Восточныхъ провинцій назначаются королевскимъ приказомъ (warrant), назначеніе остальныхъ зависитъ отъ статсъ-секретаря Индіи. Судьямъ обезпечена несмѣняемость. Въ числѣ ихъ много туземцевъ, при томъ даже и среди судей высшихъ судовъ. Необходимо отмѣтить, что индійскіе судьи имѣютъ право при рѣшеніи дѣлъ признавать недействительными законы, изданные мѣстными легислатурами и даже вице-королемъ въ его законодательномъ совѣтѣ, если только они находятъ что эти законы противорѣчатъ основнымъ законамъ, опредѣляющимъ организацію индійскаго управленія или законамъ и актамъ, изданнымъ британскимъ парламентомъ ¹⁾. Такимъ образомъ независимость суда, а также публичное обсужденіе законовъ, болѣе или менѣе широкая свобода печати и публичныхъ собраній являются существенными элементами конституціоннаго образа правленія, перенесенными англичанами въ систему индійскаго управленія. Что-же касается организаціи законодательныхъ и исполнительныхъ органовъ и вообще всей системы административнаго устройства Британской Индійской имперіи, абрисъ которой былъ только что данъ, то ни въ коемъ случаѣ нельзя согласиться съ Spreyer, утверждающимъ, что управленіе Индіей никакъ нельзя причислить къ абсолютическому или автократическому управленію. Свое мнѣніе этотъ писатель основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Центральное правительство Индіи въ лицѣ статсъ-секретаря Индіи не можетъ проводить свою власть совершенно абсолютно уже по одному тому, что министръ по поводу самой незначительной административной мѣры долженъ побѣдить массу препятствій, въ случаѣ если эта мѣра серьезно разбирается и критикуется несогласными съ ней компетентными лицами. Министръ долженъ побѣдить сопротивленіе какъ совѣта Индіи, такъ и исполнительнаго совѣта при вице-королѣ и наконецъ, что еще важнѣе, и самаго вице-короля, который обыкновенно является выдающимся политическимъ дѣятелемъ и согласно конституціоннымъ обычаямъ пользуется огромной независимостью. Что-же касается законовъ и налоговъ, то здѣсь мнѣніе министра должно обязательно встрѣтиться со свободной критикой законодательнаго совѣта при вице-королѣ, гдѣ засѣдаютъ и выборные члены. Относительно расходовъ онъ не можетъ поступить противъ мнѣнія большинства членовъ совѣта Индіи иначе какъ опер-

¹⁾ Милуевъ, ук. соч. стр. 190.

шись на авторитетъ кабинета, и, наконецъ, сверхъ всего этого, онъ обязанъ каждый годъ представлять парламенту отчетъ о состояніи Индіи, гдѣ излагаются результаты его управленія, и какъ членъ кабинета, онъ можетъ во всякое время быть интерpellируемъ каждымъ членомъ парламента, при чемъ послѣдній въ подтвержденіе своихъ словъ можетъ ссылаться на протоколы различныхъ индійскихъ совѣтовъ, въ которыхъ члены этихъ совѣтовъ, несогласные съ министромъ, заносятъ свои мнѣнія¹⁾. Всѣ эти соображенія все-же не вполне убѣдительны, и вся система сдержекъ, столь искусно начертанная Spreyer, нисколько не устанавливаетъ для Индіи даже основныхъ началъ такъ называемаго представительнаго образа правленія. Юридически статсъ-секретарь Индіи, какъ было выше указано, не является связаннымъ ни авторитетомъ Индійскаго совѣта, ни авторитетомъ подчиненныхъ ему генералъ-губернатора Индіи и его совѣтовъ. Ихъ критика для него имѣетъ лишь чисто моральное значеніе. Юридически статсъ-секретарь Индіи связанъ лишь въ финансовыхъ вопросахъ мнѣніемъ совѣта Индіи, но данный случай составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Юридически статсъ-секретарь Индіи является связаннымъ авторитетомъ англійскаго кабинета, интегральную часть котораго онъ самъ составляетъ, и высшимъ авторитетомъ англійскаго парламента, комитетомъ котораго, избраннымъ большинствомъ палаты общинъ, фактически является кабинетъ²⁾. Но существенной ошибкой французскаго писателя является то, что онъ считаетъ главнымъ высшимъ органомъ въ дѣлѣ управленія Индіей статсъ-секретаря Индіи и отсюда заключаетъ, что если послѣдній не можетъ дѣйствовать вполне произвольно, то для Индіи существуетъ какое-то особое конституціонное устройство. Врядли это такъ. Верховнымъ распорядителемъ судьбами Индіи является въ конечномъ итогѣ не статсъ-секретарь Индіи, а англійскій кабинетъ и англійскій парламентъ. Солидарный кабинетъ чрезъ посредство статсъ-секретаря Индіи и по его настояніямъ при помощи вице-короля Индіи и его агентовъ можетъ осуществлять вполне автократическую власть, юридически организаціей индійскаго управленія ни въ чемъ неограниченную. Населеніе же Индіи не имѣетъ своихъ представительныхъ учреждений, которыя могли-бы авторитетно защищать его права

¹⁾ Spreyer, стр. 42.

²⁾ В. Веллеголь. Государственный строй Англии, пер. подъ ред. Н. Николаеваго. Москва 1905 стр. 71.

и интересы. Законодательный совѣтъ при вице-королѣ ни въ коемъ случаѣ нельзя отнести къ представительнымъ собраніямъ, ни по составу его, ни по власти ему принадлежащей. Его скорѣе можно сравнить съ государственными или тайными совѣтами европейскихъ абсолютныхъ монархій старыхъ временъ, имѣвшихъ также лишь совѣщательный голосъ. При учрежденіи законодательнаго совѣта при вице-королѣ имѣлось въ виду приблизить его въ послѣдствіи по составу и компетенціи къ представительнымъ учрежденіямъ, но, несмотря на нѣкоторыя незначительныя измѣненія, совершенныя съ 1858 года, составъ совѣта и его значеніе остаются весьма далеки отъ началъ конституціонализма. Абсолютная власть остается таковою независимо отъ того, осуществляется-ли она однимъ лицомъ или коллегіей, абсолютнымъ-ли монархомъ либо кабинетомъ или парламентомъ, если только власть эта не ограничена извѣстными юридическими нормами и за управляемыми не признано право участія въ законодательствѣ своей страны. Ничего этого въ отношеніи Индіи мы не усматриваемъ. Образованные классы туземнаго индійскаго населенія хорошо сознаютъ свое безправное положеніе въ отношеніи англійскаго правительства и неоднократно публично заявляли о необходимости коренныхъ реформъ въ системѣ управленія Индіи. Необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что въ Индіи, начиная съ конца 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія почти ежегодно собирается особый національный конгрессъ, на который съѣзжаются наиболѣе просвѣщенные индусы со всѣхъ концовъ страны. На послѣднемъ изъ такихъ конгрессовъ, имѣвшемъ мѣсто въ 1906 году въ Калькуттѣ, было до 10,000 человекъ. На этихъ конгрессахъ публично обсуждаются различные политическіе и общественные вопросы и постановляются резолюціи разнаго рода, главнымъ образомъ съ желаніемъ реформъ. Главной цѣлью этихъ конгрессовъ является добиться народнаго представительства для Индіи. Англійское правительство относится терпимо къ этимъ самовольнымъ конгрессамъ, хотя иной разъ настроеніе на нихъ принимаетъ весьма враждебный характеръ по отношенію къ Англій и англійскому управленію ¹⁾.

Кромѣ собственно Британской Индійской имперіи англійскому владычеству въ Индіи подчинены вассальныя государства *feudatory*

¹⁾ О національныхъ индійскихъ конгрессахъ см. *P. Boell L'Inde et le problème Indien 1901, Мижуревъ*, ук. соч. стр. 197 и сл.

States, владѣнія туземныхъ князей, находящихся въ зависимости отъ Англіи и подъ ея покровительствомъ. Отношенія британскаго правительства къ этимъ владѣніямъ чрезвычайно разнообразны, и врядъ-ли возможно было-бы подвести ихъ подъ какую-бы то ни было общую мѣрку. Одни изъ нихъ сохраняютъ болѣе полную внутреннюю независимость, другія находятся въ большей подчиненности, третьи наконецъ сохраняютъ только тѣнь суверенитета. Существеннымъ для всѣхъ ихъ является то обстоятельство, что въ отношеніи вѣшной политики они находятся въ совершенной зависимости отъ Англіи. При каждомъ мѣстномъ властителѣ—раджѣ или набобѣ состоитъ британскій политическій агентъ, и важнѣйшіе стратегическіе пункты въ предѣлахъ этихъ территорій заняты англійскими войсками. Большинство зависимыхъ владѣній уплачиваетъ англійскому правительству извѣстную дань. Съ своей стороны англійское правительство гарантируетъ мѣстнымъ династіямъ неприкосновенность ихъ трона и беретъ подъ свое покровительство ихъ подданныхъ, находящихся въ предѣлахъ иностранныхъ государствъ. На англійскихъ подданныхъ и на подданныхъ европейскихъ державъ, пребывающихъ въ предѣлахъ зависимыхъ индійскихъ владѣній, не распространяется юрисдикція мѣстныхъ судовъ, и они подлежатъ суду англійскихъ трибуналовъ. Англійской-же юрисдикціи подлежатъ нѣкоторыя мѣстности въ предѣлахъ этихъ зависимыхъ владѣній какъ-то: стоянки англійскихъ войскъ, резиденціи англійскихъ чиновниковъ и линіи желѣзныхъ дорогъ, проложенныя англичанами въ предѣлахъ зависимыхъ владѣній. Въ общихъ чертахъ зависимое положеніе индійскихъ князей въ отношеніи британской короны близко подходитъ подъ понятіе международнаго протектората, хотя англійское правительство всегда держалось того взгляда, что принципы международнаго права относящіеся къ протекторатамъ не должны подлежать примѣненію къ зависимымъ индійскимъ владѣніямъ, которыя по отношенію къ Англіи находятся въ совершенно особомъ положеніи, не имѣющемъ никакого международнаго характера.

А. Жилинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Разысканія въ области поэтики Французскаго романтизма.

1. Къ вопросу объ опредѣленіи романтизма. Романтическій идеализмъ.

Было ли такое начало, которое придало одинъ характеръ романтизму во всѣхъ главнѣйшихъ странахъ запада? Нѣкоторые критики отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Началомъ, объединяющимъ всѣ „романтизмы“, они считаютъ идеализмъ.

Резюмируя работы западныхъ ученыхъ по этому вопросу, г. Замотинъ¹⁾ говоритъ: „Романтизмъ въ своей сущности *есть ясно выраженное идеалистическое міровоззрѣніе*²⁾; это одинъ изъ тѣхъ сильныхъ идеалистическихъ порывовъ къ безконечному, которыми въ разныя эпохи жизни человѣчества смѣнялись развившіеся до крайности *материализмъ, скептицизмъ*, холодная разсудочность, наконецъ, то духовное безразличіе, которое не дѣлаетъ никакихъ усилій, чтобы подняться выше конечныхъ вещей окружающаго міра. При этомъ идеализмъ романтизма слѣдуетъ понимать въ метафизическомъ смыслѣ, какъ вѣру въ духовныя начала жизни и даже признаніе необходимости подчинить матерію или природу духу³⁾. Наличность идеалистическихъ стремленій у романтиковъ нѣмецкихъ признають Richarda Huch⁴⁾, Марія Іоахими⁵⁾, Гшвиндъ⁶⁾, Оскаръ

¹⁾ Замотинъ. „Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX-го столѣтія“. Петербургъ. 1908 г. Книга почтеннаго ученаго вышла въ январѣ, когда печатался 20-й листъ нашихъ „Разысканій“.

²⁾ Въ данномъ мѣстѣ, какъ вообще во всей статьѣ, курсивъ нашъ.

³⁾ Замотинъ, *op. cit.*

⁴⁾ Richarda Huch. „Blüthezeit der Romantik“, 1901.

⁵⁾ Marie Joachimi. „Die Weltanschauung der Romantik“, 1905.

⁶⁾ Gschwind. „Die ethische Neuerungen der Früh-Romantik“, 1903.

Эвальдъ ¹⁾, Спэнлэ ²⁾ и друг.; у французскихъ романтиковъ—Рене Кана ³⁾, Пьеръ Лассаръ ⁴⁾; у русскихъ г. Замотинъ ⁵⁾, акад. Котляревскій ⁶⁾ и друг.

Тѣмъ не менѣе съ опредѣленіемъ романтизмъ-идеализмъ мы согласиться не можемъ. Это опредѣленіе совершенно справедливо по отношенію къ нѣкоторымъ странамъ запада, напр., къ Германіи. Но съ романтизмомъ итальянскимъ и французскимъ дѣло обстоитъ иначе.

Если романтизмъ—идеализмъ, то романтиками придется признать прежде всего многихъ изъ *французскихъ классиковъ*. Развѣ не идеалистъ именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ этотъ терминъ г. Замотинъ, Паскаль, для котораго вся сила въ нашемъ мышленіи, въ нашемъ духѣ, для коего плоть—жалкій атомъ, ничтожная песчинка, затерявшаяся среди океана безконечности? Развѣ не идеалисты Декартъ, создавшій апофеозъ мысли, Мальбраншъ, для котораго человѣческой духъ—эманация божества? Развѣ не идеалисты Боссюэ, Массильонъ, Фенелонъ, Бурдалу? Развѣ и они не провозглашаютъ господства духа надъ матеріей?

Равнымъ образомъ, въ области эстетики, развѣ не идеалисты Дюбо, Ла-Гарпъ, Мармонтель, вѣрившіе въ существованіе абсолютныхъ, вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ прекраснаго, полагавшіе, что художникъ долженъ представить дѣйствительность „очищенной“, „идеализованной“? Развѣ не идеалистъ Корнель, прославившій патриотизмъ въ „Горацияхъ“, мистическій экстазъ въ „Поліэктъ“, побѣду чувства долга, чести, сыновней любви надъ физической страстью въ „Сидъ“? Развѣ не идеалистъ Расинъ въ такихъ траге-

¹⁾ *Oscar Ewald*. „Die Probleme der Romantik als Grundfragen der Gegenwart“, 1905.

²⁾ *Spénelé*. „Novalis, Essai sur l'idéalisme romantique en Allemagne“, 1904.

³⁾ *R. Canat*. „Du sentiment de la solitude morale chez les romantiques et les parnassiens“, 1904.

⁴⁾ *Lasserre*, op. cit.

⁵⁾ Кромѣ вышепр. сочин. см. „Литературныя эпохи XIX-го столѣтія“. Варшава 1906; „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX-го столѣтія въ русской литературѣ“, Варшава, 1903.

⁶⁾ „Н. В. Гоголь“, Спб. 1903. „Романтическое настроеніе есть въ сущности лишь извѣстное характерное отношеніе человѣка къ вопросамъ жизни и духа, къ міру дѣйствительности и идеала; оно есть преимущественно тяготѣніе къ этому міру идеала“. стр. XIII.

діяхъ, какъ „*Эсфирь*“ и „*Гюонія*“, которыя самими врагами классицизма признавались и признаются шедеврами религіозной восторженности? Стапферъ, сравнивая творчество Расина съ творчествомъ Гюго, посвящаетъ цѣлую главу *классическому идеализму*. Въ основѣ художественныхъ стремленій французскихъ драматурговъ эпохи классицизма лежитъ изученіе *внутренняго* міра человѣка. Расинъ проникаетъ въ самые сокровенные тайники человѣческаго сердца и такъ привыкъ вращаться въ сферѣ чувства, что, описывая внѣшнія явленія, онъ не даетъ намъ ихъ очертаній и красокъ, а сообщаетъ лишь о томъ моральномъ впечатлѣніи, которое они на насъ производятъ ¹⁾).

Классическая трагедія старательно избѣгаетъ касаться всего матеріальнаго, вещественнаго. Она, такъ сказать, отдѣляетъ человѣка отъ внѣшней природы, не считается съ ея вліяніемъ на человѣка; все вниманіе французскихъ классиковъ обращено на правдивое изображеніе природы внутренней, міра души ²⁾).

Такимъ образомъ, если романтизмъ есть идеализмъ, то первыми романтиками во Франціи являются классики.

Кромѣ того, невольно напрашивается вопросъ: всѣ-ли французскіе романтики—идеалисты? Если прямой противоположностью романтизму является *матерьялизмъ, скептицизмъ, холодная разсудочность*, то развѣ нѣтъ первыхъ двухъ чертъ у французскихъ сенсуалистовъ эпохи романтизма, у Стэндаля-Бейля, у Беранже, у Меримé, у Теофиля Готье, у Сентъ-Бёва (послѣ 1830 года), у Мюссе въ его комедіяхъ и повѣстяхъ, ужъ не говоря о такомъ реалистѣ и матерьялистѣ, какъ Бальзакъ.

Что же касается пресловутой „*холодной разсудочности*“, которая ставится или, вѣрнѣе, ставилась, на счетъ французскихъ классиковъ, то она встрѣчается наряду съ порывами необузданнаго лиризма въ романахъ и философскихъ поэмахъ Гюго, въ романахъ Бальзака;

¹⁾ „Se placer au centre de l'âme humaine est tellement l'habitude de Racine, que sa constante et unique méthode pour *peindre* les objets extérieures est de traduire purement et simplement l'impression morale qu'ils font sur la sensibilité. Stapfer. „Racine et V. Hugo“, 8-e éd., p. 85.

²⁾ Бывали, конечно, многочисленныя исключенія. Стапферъ указываетъ на нихъ въ слѣдующей (III-ой) главѣ своей книги. Но во всякомъ случаѣ указанныя черты признаются имъ преобладающими во французскомъ классицизмѣ.

нѣкоторыя произведенія того и другого изъ этихъ писателей кишать сентенціями, пространными диссертациями на моральную или общественную темы; въ данномъ случаѣ у нихъ гораздо больше „холодной разсудочности“, чѣмъ въ хорахъ „Гюголи“ и „Эсмери“ Расина, чѣмъ въ огненныхъ рѣчахъ Боссюэ.

Если ставить вопросъ о *колебаніяхъ* или *въ сторону духа* или *въ сторону матеріи*, то придется признать, что и тѣ и другія встрѣчаются въ приблизительно равномъ количествѣ у французскихъ романтиковъ. Среди нихъ, особенно послѣ 1830 года, число реалистовъ столь же значительно, какъ число идеалистовъ. Наряду съ теченіемъ идеалистическимъ существуетъ и теченіе реалистическое: у нѣкоторыхъ же изъ французскихъ романтиковъ, какъ мы видѣли, оба теченія уживаются другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ философскій и артистическій идеализмъ отнюдь не представляетъ собой отличительнаго свойства французскаго романтизма. Идеалистическіе порывы въ пору романтизма не были здѣсь болѣе интенсивными, чѣмъ въ пору Людовика XIV-го или въ концѣ XVIII-го столѣтія. Самый терминъ „идеализмъ“ слишкомъ растяжимъ, чтобы опредѣлять романтизмъ, какъ художественно-литературную школу. Если же нѣкоторые изъ французскихъ критиковъ, какъ, напр., Кана и Лассэръ, считаютъ французскій романтизмъ идеализмомъ въ искусствѣ и философіи, то это объясняется тѣмъ, что они смотрятъ на него сквозь призму вѣмецкихъ представленій о романтизмѣ. Они считаются лишь съ одной стороной этого явленія, принимаютъ въ расчетъ лишь одно изъ теченій французской эстетики и философіи этой поры.

Но, говорятъ многіе изъ современныхъ критиковъ, романтическій идеализмъ отличается особымъ характеромъ. Онъ находится въ тѣсной связи съ индивидуализмомъ. Этому явленію нѣкоторые критики придаютъ столь большое значеніе, что считаютъ его „поворотнымъ пунктомъ исторіи“¹⁾. Французскіе критики Брюнетьеръ и Руа²⁾ отождествляли индивидуализмъ съ романтизмомъ и т. п. Онъ породилъ въ литературѣ особый типъ—l'homme supérieur, своего рода Ueber-mensch'a. Во французской романтической литературѣ.

¹⁾ Лео Бергъ. „Сверхчеловѣкъ въ современной литературѣ“, перев. Горбуновой, стр. 2.

²⁾ А. Руа. „L'aube du théâtre romantique“, p. 6.

говорить г. Замотинъ, портретная галерея типовъ l'homme supérieur и femme supérieure еще богаче, чѣмъ въ нѣмецкой. Такъ, уже г-жа Сталь даетъ въ своихъ романахъ „Демфина“ и „Коринна“ типы высшихъ женскихъ натуръ, которыя по своимъ нападкамъ на старѣющій общественный укладъ и по своему влеченію ко всему сильному, индивидуально-своеобразному стоятъ въ непосредственной близости къ Руссо; при этомъ г-жа Сталь требуетъ отъ общества вниманія къ высшимъ натурамъ и признанія ихъ реформаторской дѣятельности. Шатобрианъ, любовавшійся больше всего собой, какъ „высшей натурой“, воплощаетъ своего homme supérieur въ Рене, Сенанкуръ—въ Оберманъ, Бенжаманъ Констанъ—въ Адольфъ, В. Гюго—въ Эрнани и т. д., и всюду мы видимъ культъ высшей природы, хотя и различно представляемой¹⁾.

Мы вполне согласны съ тѣмъ, что индивидуализмъ въ интересующую насъ эпоху сказался во Франціи съ особенной силой и наложилъ свою печать на всѣ виды искусства. Но все-же здѣсь онъ далеко не имѣлъ того значенія, какое имѣлъ въ Германіи и Англіи. Въ романскихъ странахъ, особенно во Франціи, какъ бы ни былъ силенъ подъемъ индивидуализма, онъ всегда смягчается извѣстнымъ чувствомъ мѣры, извѣстной любовью къ порядку и симметріи, наконецъ, тѣмъ, что французы называютъ „le sens du ridicule“. Правда, нѣкоторые изъ французскихъ романтиковъ, напр., Гюго, были совершенно лишены этого чувства и слѣдовали внушеніямъ своей необузданной фантазіи. Но уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ среди самихъ французскихъ романтиковъ возникаетъ реакція противъ крайнихъ проявленій субъективизма. Мы видѣли, что главнѣйшій послѣ Гюго теоретикъ романтизма—Сентъ-Бёвъ жестоко нападалъ на эгоизмъ, на самолюбованіе и прославленіе своего „я“. Альфредъ де Виньи во всѣхъ своихъ произведеніяхъ старательно избѣгалъ говорить о себѣ²⁾ и чувства свои всегда облакалъ въ символы и аллегоріи, а Бальзакъ считалъ выраженіе своихъ чувствъ въ литературѣ—профанацией³⁾. Что-же касается возникновенія типа homme supérieur и femme supérieure, о которыхъ говоритъ

¹⁾ Замотинъ, стр. 34—35.

²⁾ Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи является стихотвореніе „L'Esprit Pur“, помѣщенное въ концѣ „Les Destinées“.

³⁾ См. выше, стр. 191.

Кана¹⁾, чью книгу и цитирует г. Замотинъ, то такой типъ встрѣчается во всѣ эпохи французской литературы. Кто изъ поэтовъ или романистовъ не старался выставить выдающимися людьми тѣхъ героевъ и героинь своихъ произведений, коимъ онъ сочувствовалъ? Развѣ не *homme supérieur* корнелевскій Сидъ, который самъ себя такъ характеризуетъ:

Mes pareils à deux fois ne se font pas connaître
Et pour leur coup d'essai veulent des coups de maître²⁾.

Развѣ не *femme supérieure* Медея, которая, будучи покинута всѣми, на вопросъ Нерины:

Dans un si grand revers que vous reste t-il?

отвѣчаетъ:

Moi,
Moi, dis-je, et c'est assez³⁾.

И развѣ не *hommes supérieurs* также Полиевктъ, великій жрецъ (въ „*Говолли*“), Ипполитъ? Развѣ не *femmes supérieures* Химена, Гермiona, Ифигенія, Андромаха и въ особенности Федра⁴⁾?

Кромѣ того, во Франціи въ пору романтизма индивидуализмъ въ области литературы и искусства отнюдь не былъ единственнымъ теченіемъ. У цѣлаго ряда французскихъ писателей, Стендаля, Меримэ, Готье, Бальзака, Сентъ-Бева, мы видимъ сознательное стремленіе къ объективному наблюденію. Въ творчествѣ Виньи и Мюссе уживались и субъективизмъ и объективизмъ.

Поэтому мы не можемъ согласиться съ тѣми критиками, которые романтизмъ французскій и романтизмъ вообще отождествляютъ съ индивидуализмомъ. Во Франціи въ первую половину XIX-го в. индивидуализмъ былъ лишь однимъ изъ теченій французской мысли и французскаго искусства.

Третьимъ элементомъ романтическаго пониманія, находящимся въ связи и даже т. ск. истекающимъ изъ двухъ предыдущихъ⁵⁾.

¹⁾ *Canat*, op. cit.

²⁾ „*Le Cid*“, acte II, sc. 2.

³⁾ „*Médée*“, acte I, sc. V.

⁴⁾ См. *Батюшковъ*. „Женскіе типы Расина“, Спб. 1897 г.

⁵⁾ *Замотинъ*, стр. 36—37.

принято считать націонализмъ. Дѣйствительно, въ Германіи, Ита-
ліи, Польшѣ подъемъ національнаго самосознанія совпалъ съ раз-
витіемъ романтизма; въ этихъ странахъ романтики и въ глазахъ
общества, и въ глазахъ писателей и критиковъ, были носителями
національной идеи. Но во Франціи, какъ нами уже было указано¹⁾,
очень значительная часть общества смотрѣла на романтизмъ, какъ на
явленіе анти-національное, чуждое, занесенное извнѣ, не отвѣчающее
французскому духу. Среди самихъ романтиковъ съ самаго начала
движенія произошелъ расколъ, они распались на двѣ школы—на-
ціональную и космополитическую. Этой послѣдней нѣкоторые исто-
рики литературы, напр. Жозефъ Текстъ придаютъ столь большое
значеніе, что самый романтизмъ считаютъ *литературнымъ космо-
политизмомъ*²⁾.

Романтизмъ дѣйствительно способствовалъ распространенію
космополитическихъ идей. Популяризируя сочиненія иностранныхъ
писателей, романтики наглядно опровергли взглядъ, державшійся
во Франціи въ теченіи слишкомъ двухъ столѣтій, что только фран-
цузамъ присущи *esprit* и *bon goût*, что только они обладаютъ секре-
томъ „идеально прекраснаго“ и „возвышеннаго“ (*le sublime*). Что-
же касается увлеченія народной стариной, національными древно-
стями и національными сюжетами, то это увлеченіе въ значитель-
ной мѣрѣ объясняется исканіемъ колорита мѣста и времени, что
допускаетъ и г. Замотинъ, ссылаясь на Витэ, Гюго, Брандеса и
Соважэ³⁾.

Кромѣ того увлеченіе родной стариной и національными сю-
жетами возникло и развилось во Франціи задолго до романтизма,
еще во второй половинѣ XVIII-го столѣтія⁴⁾.

Такимъ образомъ, хотя во Франціи, особенно въ пору Рестав-
раціи и существуетъ въ литературѣ націоналистическое теченіе, но

¹⁾ См. выше.

²⁾ „Romantisme c'est cosmopolitisme, non parce que nos écrivains ont,
comme on l'a écrit non sans naïveté, plagié les poètes anglais ou allemands,
mais bien parce qu'ils avaient appris, à travers Rousseau, à s'infuser eux aussi
cette „sève étrangère qui lui avait servi à greffer le vieux tronc national“.
„Jean Jacques Rousseau et les origines du cosmopolitisme littéraire“, Paris, 1895.
p. 454.

³⁾ *Замотинъ*, стр. 45—46.

⁴⁾ Генезисъ этого теченія будетъ рассмотрѣнъ нами во II-мъ томѣ на-
шихъ „Разысканій“.

оно возникло и развилось задолго до романтизма и совершенно независимо отъ него.

Наконецъ, четвертымъ элементомъ романтическаго міропониманія принято считать универсализмъ. Мы вполне согласны съ тѣмъ, что это одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей романтизма нѣмецкаго, французскаго и англійскаго. Но отождествлять универсализмъ съ романтизмомъ *вообще* мы считаемъ рискованнымъ потому, что въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. въ Италіи, универсализмъ не сказался въ литературѣ. Кромѣ того, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ стремленіе къ универсализму было очень сильнымъ, оно проявлялось не одинаково: французскіе романтики стремились къ нему иными путями, чѣмъ напр. нѣмецкіе. На главныхъ чертахъ различія „романтизмовъ“ главнѣйшихъ западно-европейскихъ странъ и мы хотимъ теперь нѣсколько остановиться¹⁾. При этомъ мы сразу наталкиваемся на большое затрудненіе: кого именовать романтиками къ каждой данной странѣ? Если слѣдовать тому методу, котораго мы придерживались, давая свое опредѣленіе французскому романтизму, то намъ пришлось бы написать отдѣльное изслѣдованье по нѣмецкому романтизму, отдѣльное по итальянскому и т. д., что непомѣрно расширило бы рамки нашихъ „*Разысканій*“. Поэтому мы условимся называть нѣмецкими, итальянскими и друг. романтиками тѣхъ писателей, которыхъ называютъ этимъ именемъ новѣйшіе изслѣдователи литературы каждой изъ этихъ странъ. Относительно нѣмецкаго романтизма мы слѣдуемъ взглядамъ Вакерпагеля²⁾, Р. Мейера³⁾, Richard'ы Huch, Гшвинда и къ нѣмецкимъ романтикамъ причисляемъ Шлегелей, Тика, Новалиса, Шлейермахера, Вернера, А. Мюллера, Иосифа Гёрреса, Гофмана, Генриха фонъ Клейста, Беттину и Клементя Brentano, Арнима, Иммермана, Вакенродера. Хотя Гёте и Шиллеръ имѣли очень большое вліяніе на романтическую эстетику⁴⁾, мы не причисляемъ ихъ

¹⁾ Мы, конечно, не претендуемъ на то, чтобы дать полную характеристику міросозерцанія и эстетики нѣмецкихъ, итальянскихъ и англійскихъ романтиковъ. Задача наша гораздо скромнѣе: мы хотимъ отмѣтить лишь главнѣйшія черты, коими отличаются другъ отъ друга „романтизмы“ этихъ странъ.

²⁾ *Wackernagel*. „Geschichte der deutschen Litteratur“. Basel, 1885.

³⁾ *R. Meyer*, „Die Deutsche Litteratur des neunzehnten Jahrhunderts“. 1900.

⁴⁾ *R. Huch*, op. cit. „Schiller und Goethe“. S. 204—225.

собственно къ романтикамъ ¹⁾. Къ итальянскимъ романтикамъ мы причисляемъ Манцони, итальянизованнаго француза Берше (Verchet), Пеллико, сотрудниковъ „*Il Conciliatore*“ и „*Antologia*“, Джьордани, Чезари, Маццини, аббата Цанеллу и Леопарди. Английскими романтиками мы условимся называть лэкистовъ съ Байрономъ и Шелли во главѣ.

2. Романтизмъ въ Франціи.

а) Нѣмецкій романтизмъ.

Въ Германіи романтизмъ носилъ чисто-національный характеръ, шелъ объ руку съ пробужденіемъ національнаго самосознанія, былъ самымъ яркимъ и полнымъ выраженіемъ нѣмецкаго духа. Нѣкоторые нѣмецкіе критики называютъ періодъ своей литературы отъ Виланда и Гердера до Новалиса и Шлегелей „*Die Periode der Originalgenies*.“ Уже въ пору Sturm und Drang'a сказалось стремленіе создать свою самобытную, вполне національную литературу. Такое стремленіе свойственно и нѣмецкимъ романтикамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти послѣдніе хотятъ національную германскую поэзію направить къ цѣлямъ универсальнымъ. Нѣмецкій романтизмъ, по вѣрному замѣчанію Richard'ы Huch, не былъ разрывомъ съ греко-римскимъ классицизмомъ, какъ это ошибочно думали прежніе изслѣдователи: напротивъ, романтизмъ старается вобрать въ себя античную эстетику ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкіе романтики хотятъ воскресить идеалы, поэзію, быть, даже политическія учрежденія среднихъ вѣковъ; на ряду съ возвращеніемъ къ католическому идеалу ³⁾, у нѣкоторыхъ изъ нихъ сказываются сильныя пантеистическія симпатіи.

¹⁾ Извѣстно, что между нѣмецкими романтиками и Шиллеромъ и Гёте произошло взаимное охлажденіе. См. Huch, op. cit., S. 222.

²⁾ Man sieht, wie man sich irrt in der Meinung, die Romantiker seien dem Klassischen abhold gewesen. Wer vielmehr hat die Schönheit des Homer und der attischen Tragödie klarer erkannt und enthusiastischer erklärt als sie! Gerade deswegen stellten sie Goethe über alle andern Dichter, weil er klassisch und modern, Mann und Weib, unbewusst und bewusst zugleich war“. R. Huch. op. cit. S. 218.

³⁾ См. R. Huch. „Romantischer Katholicismus“ въ „Ausbreitung und Verfall der Romantik“, Leipzig. 1902.

Но стремясь, подобно своимъ французскимъ собратьямъ, къ универсализму, нѣмецкіе романтики ударились въ крайній идеализмъ, отдались всецѣло во власть чувства и фантазіи, возвели литературный произволь въ художественный принципъ ¹⁾.

Исходнымъ пунктомъ нѣмецкой романтической эстетики было ученіе Канта о прекрасномъ и возвышенномъ, вошедшее въ составъ его „*Kritik der Urtheilskraft*“. Кантъ отличаетъ прекрасное отъ пріятнаго. Пріятно то, что нравится чувствамъ; пріятное сопровождается желаніемъ. То-же наслажденіе, которое доставляется прекраснымъ,—вполнѣ безкорыстно. Прекрасное *универсально* въ томъ смыслѣ, что оно свободно отъ всякаго личнаго мотива; но это универсальность внутренняя, субъективная: всякій предполагаетъ, что прекрасное для него лично, прекрасно для всѣхъ прочихъ людей. Могутъ существовать во всѣхъ отрасляхъ искусства такія произведенія, которыя всѣми признаются совершенными; но нѣтъ никакого внѣшняго критерія прекраснаго. Вкусъ, такъ-же какъ геній, *оригиналенъ*. Геній—врожденный задатокъ, дающій правила искусства: его признаки: своеобразность, образность и отсутствіе рефлекса. Онъ творитъ не по опредѣленнымъ, поддающимся изученію правиламъ, онъ самъ себѣ законъ, творитъ инстинктивно. Геніальность предполагаетъ извѣстное благопріятное отношеніе между силой воображенія и разумомъ... Наибольшій просторъ для силы воображенія даетъ поэзія, высочайшее между всѣми искусствами, которая вмѣстѣ съ краснорѣчіемъ образуетъ группу искусства слова.

Если прекрасное, по мнѣнію Канта, доставляетъ намъ удовольствіе, то возвышенное, наоборотъ, даетъ намъ сильное потрясеніе, которое граничитъ съ страданіемъ. Удовлетвореніе, которое оно намъ доставляетъ,—не столько чувство удовольствія, сколько чувство восхищенія и поклоненія, т. е., собственно говоря, это удовольствіе отрицательное. Кантъ отличаетъ *математическое* возвышенное, основанное на идеѣ величія, отъ *динамическаго*, основаннаго на идеѣ силы. Природа математически возвышена въ тѣхъ явленіяхъ, которыя стоятъ внѣ предѣловъ нашего пониманія; она динамически

¹⁾ Говоря объ идеализмъ нѣмецкихъ романтиковъ, мы имѣемъ въ виду его проявленія въ ихъ эстетикѣ. Что-же касается міросозерцанія нѣмецкихъ романтиковъ, см., кромѣ вышепоименованныхъ трудовъ *Huch, Joachimi, Гювельма* и *Спенде, Heilbron. Novalis der Romantiker*. Berlin 1901.

возвышена, когда грознымъ проявленіемъ своей силы она, какъ намъ кажется, угрожаетъ нашему физическому существованію. Въ томъ и другомъ случаѣ наше воображеніе апеллируетъ къ нашему разуму. Разумъ нашъ, при видѣ грозныхъ явленій природы, призываетъ насъ къ сознанію нашего моральнаго превосходства. Такимъ образомъ, по мнѣнію Канта, возвышенное заключается не въ предметахъ, а въ нашемъ умѣ. Мы не вправѣ говорить, что такой-то предметъ возвышенъ; мы должны сказать, что онъ пробуждаетъ въ насъ идею возвышеннаго ¹⁾).

Для Гердера прекрасное и возвышенное--въ нашемъ чувствѣ. Чтобы понять роль и сущность поэзіи, недостаточно ее изучать въ классическія эпохи; ее слѣдуетъ брать въ эпохи первобытныя, когда она заключаетъ въ себѣ всю моральную жизнь народа ²⁾). Эту идею Гердеръ развиваетъ въ особомъ трактатѣ ³⁾). Поэзія есть первичная форма религіи, философіи, науки. Сравнить начала разныхъ литературъ, изслѣдовать духъ поэтическихъ традицій, какъ Монтескьё изслѣдовалъ духъ законовъ, это значить, по мнѣнію Гердера, возстановить моральный обликъ челоуѣчества, который измѣнила и извратила цивилизація. Гердеръ собираетъ народныя пѣсни всѣхъ странъ ⁴⁾), комментируетъ первую главу Книги Бытія, сближая еврейскій текстъ съ космогоническими традиціями Востока ⁵⁾), наконецъ, изслѣдуетъ псалмы, боевыя, лирическія пѣсни евреевъ; это и есть для него древнѣйшая и самая непосредственная поэзія ⁶⁾).

Не менѣе Канта и Гердера способствовали распространенію художественнаго идеализма Шеллингъ и Гегель.

Въ ту пору, когда выступилъ Шеллингъ, стремленіе къ единству и универсальности достигло наивысшаго развитія. „Оно овладѣло всѣми областями жизни, говоритъ Куно Фишеръ, оно влекло за собою всѣ движущія силы духовнаго міра, такъ что онѣ невольно устремлялись къ этой цѣли и сходились въ ней ⁷⁾)... Стремленіе къ

¹⁾ Объ эстетикѣ Канта см. *Kuno Fischer*. „Geschichte der neueren Philosophie“, V Band.

²⁾ „Versuch einer Geschichte der Dichtkunst“, 1765.

³⁾ „Von Entstehung und Fortpflanzung der ersten Religionsbegriffe“, 1768.

⁴⁾ „Stimmen der Völker in Liedern“, 1807.

⁵⁾ „Aelteste Geist der Ebräischen Poesie“, 1782—84.

⁶⁾ „Von Geist der Ebräischen Poesie“, 1782—1784.

⁷⁾ *Куно Фишеръ*, т. VII-ой, переводъ *Лоскаго*, Спб. 1905, стр. 37.

всеединству сказалось и въ политикѣ, въ видѣ мечты о міровой имперіи, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ философіи и въ поэтическомъ творествѣ. „Цѣльное міровоззрѣніе, познаніе изъ единого принципа, со времени Канта, было задачей и содержаніемъ нѣмецкой философіи. Не что иное, какъ это страстное желаніе, внезапно возродило вновь почти забытаго Спинозу и его ученіе было освѣжительнымъ нектаромъ для жаждущихъ единства. Сила и вліяніе теоріи знанія Фихте обусловливались единствомъ его принципа. Ни одинъ изъ нѣмецкихъ философовъ не подчинился такъ рано влеченію къ единству и не воодушевлялся имъ въ такой мѣрѣ, какъ Шеллингъ. Мысля вмѣстѣ съ Фихте, онъ въ то-же время смотрѣлъ на Спинозу, какъ на свою путеводную звѣзду“¹⁾. Мы не станемъ останавливаться на собственно философской сторонѣ ученія Шеллинга и коснемся лишь тѣхъ эстетическихъ взглядовъ, которые изъ этого ученія истекали. Для Шеллинга, вселенная не есть только естественный или только духовный міръ, а также не дополненіе или сочетаніе того и другого; она есть существенное и сплошное единство духа и природы; съ точки зрѣнія Шеллинга она есть божественное художественное твореніе въ живомъ прогрессивномъ развитіи, завершающееся гениальнымъ творчествомъ въ области искусства и раскрывающееся въ области философіи. Поэтому природа есть „воплощеніе вѣчныхъ идей“, государство есть художественное твореніе, церковь есть религіозное художественное твореніе, философія есть „истинный органъ теологій“, искусство есть „вѣчный органонъ и документъ философіи“, а интеллектуальная интуиція есть необходимый способъ познанія въ философіи и искусствѣ... Міръ долженъ быть познаваемъ и познаваемъ, какъ художественное произведеніе въ глубочайшемъ смыслѣ этого слова. Только интеллектуальной интуиціи открывается и только для нея становится яснымъ художественное творчество, созидающее и проникающее вселенную... Здѣсь не божественное искусство представляется по образцу гениальнаго творчества, а скорѣе наоборотъ гениальное творчество объясняется по аналогіи съ божественнымъ творчествомъ²⁾... Единство идеальнаго и реальнаго есть мыслящее созерцаніе, сочетающее въ себѣ единство и множество, безконечное и конечное, всеобщее и частное.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 38.

²⁾ Тамъ-же, стр. 636

родъ и особь¹⁾... Единство истины и красоты вполне совпадаетъ съ единствомъ мышленія и созерцанія, безконечнаго и конечнаго²⁾. Божественный принципъ вещей въ корнѣ своемъ единъ.

„Философія природы Шеллинга, говоритъ Куно Фишеръ, является для романтиковъ очень кстати; она выполняетъ то, чего хотять эти поэты, она признаетъ въ природѣ безсознательно дѣйствующій и творящій духъ въ законообразномъ ходѣ его развитія, она какъ-бы переводитъ съ божественнаго на человѣческій языкъ великій эпосъ природы, она завоевываетъ естествознаніе для мірового царства поэзій“³⁾.

Теоретическое обоснованіе своимъ художественнымъ стремленіямъ нѣмецкіе романтики нашли также въ эстетикѣ Гегеля.

Красота, по ученію Гегеля, происходитъ изъ сущности вещей, изъ тождества духа и природы; красота, рожденная и возрожденная изъ духа, есть художественно-прекрасное, или идеаль... Ступени развитія идеала или художественнаго сознанія Гегель называетъ формами искусства; такихъ формъ три: восточная, греческая и христіанская. Въ идеаль входятъ два элемента: идея и явленіе. Отношеніе идеи къ явленію бываетъ троякое: 1) идея бываетъ неопредѣленною и стремится принять образную форму въ явленіи. Эта форма искусства есть символическая; 2) идея бываетъ опредѣленною, она воплощается вполне и переходитъ безъ остатка въ явленіе, она становится человѣкомъ; форма и содержаніе здѣсь тождественны—это искусство классическое; 3) идея бываетъ духовною и одухотворяется внутри человѣка, въ ощущеніи и чувствѣ; это искусство романтическое⁴⁾.

Прекрасное въ искусствѣ, или идеаль предполагаетъ существованіе прекраснаго въ природѣ во всемъ объемѣ естественнаго и духовно-нравственнаго міра и развивается изъ него... Все существующее истинно лишь по столько, по сколько оно есть существованіе идеи. Ибо идея есть единственно истинно дѣйствительное. Идея не только истинна, но и прекрасна. Прекрасное есть чувственное проявленіе идеи⁵⁾.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 642.

²⁾ Тамъ-же, стр. 643.

³⁾ Тамъ-же, стр. 39.

⁴⁾ *Куно Фишеръ*. „Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе“, переводъ *Лоскаго*, Спб., 1903, стр. 79.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 82.

Природа, какъ послѣдовательный рядъ ступеней, по которымъ духъ пробивается впередъ и приходи́тъ къ себѣ самому, есть царство „внѣ себя бытія“ иден и потому царство несвободы. Въ этой области внѣшняя красота можетъ состоять только въ абстрактномъ единствѣ формы, съ одной стороны, и въ абстрактномъ единствѣ чувственнаго матеріала съ другой... Въ ограниченности и связанности состоитъ несовершенство красоты въ природѣ, и этимъ прежде всего объясняется необходимость красоты въ искусствѣ, или идеала. Идеаль есть дѣйствительность во всей полнотѣ своей силы и свободы ¹⁾. Идеаль есть истинная дѣйствительность и поэтому состоитъ вовсе не въ *правильномъ подражаніи обыкновенной природѣ* ²⁾. Чтобы постигнуть и передать субъектъ въ его всеобщемъ характерѣ, въ его стойкихъ духовныхъ свойствахъ, портретистъ *долженъ отвлечься отъ лишь естественныхъ чертъ ограниченного бытія, отъ волосковъ, поръ, болячекъ, пятенъ на кожѣ и т. п.*; точно также великія художественныя произведенія нельзя выразить въ живыхъ картинахъ, какъ-бы ни были правильны костюмы и положенія, *если лица участниковъ имѣютъ обыденный характеръ*... Искусство приводитъ вещи, *запятнанныя случайностью и внѣшностью повседневнаго бытія*, къ этой гармоніи съ ихъ понятіемъ, отбрасывая все, что въ ихъ явленіи не соотвѣтствуетъ понятію, и впервые *путемъ такой очистки* создаетъ идеаль ³⁾.

То, къ чему стремится объективная дѣйствительность прекраснаго въ природѣ, но чего она не достигаетъ и неспособна достигнуть, *создается и творчески осуществляется фантазією*. Первымъ условіемъ производящей и творческой дѣятельности является *упоеніе*, состоящее въ томъ, что предметъ, какъ матеріалъ, овладѣваетъ субъективнымъ духомъ, покоряетъ его и проникаетъ всѣ его способности и силы. Это состояніе духовной проникнутости есть *воодушевленіе* ⁴⁾.

Новое міросозерцаніе, основанное на христіанствѣ, состоитъ въ томъ, что духъ возвышается къ себѣ, что онъ ищетъ и находитъ свою цѣль, свое истинное удовлетвореніе или объективность не внѣ себя, также и не въ своей внѣшности, а только въ себѣ, въ своемъ

¹⁾ Тамъ-же, стр. 85.

²⁾ Курсивъ во всей этой статьѣ нашъ.

³⁾ Тамъ-же, стр. 86.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 92.

внутреннемъ мірѣ. Эта абсолютная свобода и примиреніе духа съ собою ищетъ себѣ выраженія и находитъ ее въ романтической формѣ искусства. Въ этой формѣ искусства стремится получить наглядное выраженіе и значеніе *внутренняя или духовная красота*, а не внѣшняя, которая теперь играетъ подчиненную роль ¹⁾... *Романтическій идеалъ положъ чувства*, онъ долженъ прямо *переходить изъ души въ душу*, передаваться взглядомъ. Основной тонъ романтики передаетъ музыка, а въ связи съ опредѣленнымъ содержаніемъ представленій отсюда является лирика ²⁾.

Художественный идеализмъ, теоретически обоснованный философами, нашель себѣ приверженцевъ въ лицѣ двухъ корифеевъ нѣмецкой литературы—Шиллера и Гёте. Онъ сказался у Шиллера въ его „*Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человека*“, напечатанныхъ въ „*Часахъ*“ за 1795—1797 годы. Чувство прекраснаго, по словамъ Шиллера, примиряетъ противоположныя наклонности, вноситъ гармонію въ человѣческую душу и тѣмъ самымъ двигаетъ цивилизацію. Это чувство всеобъемлющее, содержащее въ себѣ и мораль, и политику, и религію. „Живи со своимъ вѣкомъ, но не будь его креатурой, говоришь онъ. Дай своимъ современникамъ не то, что они склонны хвалить, а то, что имъ необходимо. Окружи ихъ созданьями великими, возвышенными, совершенными и размножь символы совершенства, пока *видимость* не восторжествуетъ надъ *реальностью* и *искусство* надъ *природой*“ ³⁾.

Для Гёте артистъ и поэтъ не только полу-богъ, стоящій неизмѣримо выше всѣхъ прочихъ людей, но и ясновидецъ, который смотритъ на жизнь совѣмъ иными глазами, чѣмъ люди, его окружающіе. Судьба возвысила его, какъ бога, надъ человѣческими бѣдствіями. Онъ видитъ смятеніе страстей, лихорадочную тревогу семей и государствъ. Онъ видитъ, какъ тѣ недоразумѣнія, которыя одно слово могло-бы разсѣять, превращаются въ неразрѣшимыя загадки и причиняютъ страшныя бѣдствія... Въ глубинѣ его сердца расцвѣтаетъ чистый цвѣтокъ, который насаженъ въ немъ природой; въ то время какъ другіе видятъ сны на-яву и смущены странными видѣ-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 115.

²⁾ Тамъ-же, стр. 116.

³⁾ „Ueber die ästhetische Erziehung des Menschen in einer Reihe von Briefen“. IX Brief.

ніями, поэтъ умѣетъ прожить на-яву сонъ жизни и самыя рѣдкія явленія для него одновременно и прошедшее и будущее. Такимъ образомъ поэтъ въ одно и то-же время вождь и пророкъ, другъ боговъ и людей ¹⁾).

Правда, въ творествѣ Гёте была очень сильна и реалистиче-ская струя. Она сказала уже въ „*Вертеръ*“, а впоследствии въ цѣ-ломъ рядѣ произведеній: въ первой части „*Фауста*“, въ „*Германъ* и *Доротея*“ и друг. „Оба мы ищемъ правды, пишемъ ему Шиллеръ въ 1797 году, ты —наружу, въ жизни, я—внутри, въ глубинѣ сердца; и каждый увѣренъ въ томъ, что онъ ее найдетъ. Если глазъ здо-ровъ, онъ встрѣчаетъ наружу Создателя, если сердце здорово, оно отражаетъ въ себѣ міръ:

Wahrheit suchen wir beide, du aussen im Leben, ich innen
In dem Herzen, und so findet sie jeder gewiss.
Ist das Auge gesund, so begegnet es aussen dem Schöpfer,
Ist es das Herz, dann gewiss spiegelt es innen die Welt.

Послѣ поѣздки въ Италію, Гёте все болѣе и болѣе ищетъ „идеально-прекраснаго“, стремится все болѣе и болѣе отрѣшиться отъ окружающей дѣйствительности, обрабатывать сюжеты самаго общаго характера, изображать героевъ, символизирующихъ то или другое сословіе, идею и т. п. Въ „*Торквато Тассо*“ обсуждается судьба поэта и его положеніе среди придворнаго общества, въ „*Незаконной дочери*“ мѣсто дѣйствія не указано, каждое лицо является представителемъ того или другого общественнаго класса ²⁾ и т. д. Для великихъ нѣмецкихъ поэтовъ, говоритъ Куно Фишеръ, искусство не сводилось къ разрозненнымъ актамъ творчества, а было душою міра...

Новоромантики шли въ этомъ направленіи дальше; они были какъ-бы вдохновлены мыслью, что все должно быть *фантастическимъ* и поэтическимъ, что поэзія есть все во всемъ, что она есть одно-временно и *тайна* міра и откровеніе его. Природа и исторія суть по ихъ мнѣнію, божественное художественное произведеніе, а ге-ніальное поэтическое творчество человѣка откровеніе его: такимъ

¹⁾ „Wilhelm Meisters Lehrjahre“, В. II, К. II.

²⁾ О приемахъ творчества Гёте, см. *Riemann* „Göthes Romantechnik“. Leip-
zig, 1902.

образомъ по истинѣ поэзія есть высшая реальность, прообразъ и копія въ одно и то-же время; внѣ ея нѣтъ ни истиннаго знанія, ни цетивной религіи, ни вообще истиннаго универсальнаго образованія. Но послѣднее прежде всего требуетъ, чтобы мы воспитывали въ себѣ міровую поэзію, конгеніально познавали великихъ поэтовъ человѣчества и какъ можно жизненнѣе усваивали ихъ. Фридрихъ Шлегель хотѣлъ-бы быть Винкельманомъ греческой поэзіи; его братъ переводить Шекспира, Тикъ—Донъ Кихота, а Грисъ—Тассо; въ то-же время, благодаря старшему Шлегелю, поэзія Данте была включена въ кругъ научныхъ изслѣдованій; позже, благодаря ему и Грису, былъ переведенъ Кальдеронъ.

Міровое царство поэзіи, рисовавшееся въ фантазіи романтиковъ, расширилось; эти переводы и изслѣдованія чужой литературы были не учеными набѣгами, а какъ-бы завоеваніями провинцій единого поэтического міра¹⁾.

Стремясь къ литературному универсализму, нѣмецкіе романтики полагали, что лишь чувство и фантазія могутъ дать имъ искомый синтезъ. Отрѣшеніе отъ окружающей дѣйствительности, отъ современной жизни, исканіе поэтического идеала въ прошломъ, въ мірѣ видѣній и грезъ стали ихъ лозунгомъ. Въ своемъ „*Kurze dramatische Literatur*“ („*Ueber dramatische Kunst und Litteratur*“) Вильгельмъ Шлегель сожалеетъ объ изобрѣтеніи книгопечатанія и открытіи Америки, сѣтуетъ на то, что современная физика и астрономія замѣнили магію и астрологию, которыя гораздо болѣе благопріятствовали развитію поэзіи, чѣмъ современныя науки.

„Недѣятельное прозябаніе“ („*Müssiggang*“), соединенное съ экстазомъ поэзіи, возводится нѣмецкими романтиками въ идеаль; чувство и фантазія признаются ими единственными источниками поэзіи. Фридрихъ Шлегель создаетъ цѣлую теорію „литературнаго цинизма“, который сводится къ полному отрицанію всякихъ правилъ, всякихъ литературныхъ и другихъ приличій, всякой традиціи и авторитета²⁾. Эту теорію онъ примѣнилъ на практикѣ въ своемъ романѣ „*Люцинда*“, который онъ называетъ то поэмой цинико-сафической, то „реторикой любви“. На первыхъ же страницахъ своей

¹⁾ *Курно Фишеръ*, т. VII, стр. 38—39.

²⁾ „*Lyceum der schönen Künste*“, 1797.

книги авторъ заявляетъ, что хотѣлъ „отбросить сразу то, что называютъ порядкомъ и сохранить привилегію прекрасной сумятицы“. Для Вакенродера (въ „*Herzenergiessungen eines kunstliebenden Klostersbruder*“ и въ „*Phantasien über Kunst für Freunde der Kunst*“) искусство—молитва. „Тотъ, кто вѣрится въ систему, изгнать любовь изъ сердца своего; нетерпимость ума невыносимѣе нетерпимости чувства; суевѣріе лучше догматизма“...

Въ „*Штернвальдъ*“ Тика вся жизнь героя—рядъ мечтаній и сновъ; когда Штернвальдъ не мечтаетъ, онъ поетъ и все поетъ вокругъ него: птицы, ручьи, деревья, музыкальные инструменты поютъ сами собою, и въ романъ приводится цѣлая рѣчь, произнесенная флейтой. Для Юстина Кёрнера цмѣть цѣнность лишь та внутренняя жизнь, которая иногда видится намъ въ моменты сильныхъ душевныхъ потрясеній: если бы вы еще болѣе погрузились въ водоворотъ внѣшней жизни, говоритъ онъ, если бы вы только стали искать внѣшнихъ явленій, придетъ часъ и даѣ Богъ, чтобы это не было послѣдній въ вашей жизни, часъ отчаянія и слезъ, когда, будучи низвергнуты съ высотъ земного счастья, вы останетесь одни среди бездны, среди унынія и раскаянія. Тогда вы станете искать въ себѣ ту внутреннюю жизнь, ту жизнь, забытую вами, быть можетъ, еще со времени вашего дѣтства, которую вамъ случалось порой видѣть въ ночныхъ грезахъ, не понимая ея значенія. Сколькихъ людей постигла такая судьба и сколькихъ она еще постигнетъ... Одинъ изъ нихъ, умиравшій въ моемъ присутствіи, воскликнулъ: „Жизнь оставила мозгъ... я не чувствую ни рукъ, ни ногъ, но я вижу явленія неизреченныя, въ которыя никогда не вѣрилъ! Это другая жизнь!“¹⁾

По мнѣнію нѣмецкихъ романтиковъ, задача поэзіи именно въ томъ и состоитъ, чтобы изображать эти явленія неизреченныя, приподнять завѣсу „иной жизни“.

По мнѣнію Новалиса, поэзія должна пробудить тѣ глубокія, неуловимыя настроенія, которыя таятся на днѣ души человѣческой. Языкъ—это бесѣда души съ самой собою. Поэзія открываетъ намъ тайну бытія, сокровенный смыслъ природы. Поэтъ—чародѣй; его творчество—сплошная феерія и т. п.

¹⁾ „Die Scherin von Prevost“ Erster Theil S. 4.

Такимъ образомъ девизомъ нѣмецкихъ романтиковъ стало „Träumen ist dichten“. „Въ новомъ синтезѣ романтической школы, говоритъ акад. Веселовскій, жизнь, природа—отраженіе безконечнаго, но отраженіе неполное, призрачное; угадать полноту идеала можетъ лишь мистически-вдохновенное чувство поэта; Шеллингъ назоветъ его интеллектуальнымъ прозрѣніемъ. Оно-то и открываетъ смыслъ реальности, которая сама по себѣ мертва“¹⁾).

Эти художественные взгляды въ сущности не были новшествомъ ни въ нѣмецкой, ни вообще въ западной литературѣ. Афоризмъ Руссо „прекрасны однѣ химеры“ нашелъ себѣ широкое примѣненіе у сентименталистовъ. Но нѣмецкіе романтики, по словамъ акад. Веселовскаго, развили эти взгляды дальше, дали имъ теоретическое обоснованіе²⁾).

Увлечение міромъ видѣній и грезъ у нѣмецкихъ романтиковъ шло объ руку съ крайнимъ развитіемъ индивидуализма. Фихте, доискиваясь „корня“ нашихъ познавательныхъ способностей, пришелъ къ тому выводу, что корень этотъ—въ дѣятельности нашего „я“, которую онъ называетъ „творческимъ воображеніемъ“. Это творческое воображеніе творитъ весь міръ. Міръ—иллюзія и наши представленія о немъ—мечта о мечтѣ.

Но, по ученію Фихте, наше реальное „я“ вѣчно стремится къ тому, чтобы стать такимъ, какимъ оно *должно быть* и никогда этого не достигаетъ. Это „идеальное“ „я“ и есть для Ф. Шлегеля „я“ гениальное, которое писатель или художникъ стремится воплотить въ своихъ произведеніяхъ. Но эти послѣднія всегда выражаютъ конечное, реальное „я“ своего автора; вотъ почему авторъ всегда *выше* своихъ произведеній и смотритъ на нихъ съ *презрѣніемъ*, съ ироніей. Его творчество—это своего рода игра.

Онъ придаетъ своему творенію ту форму, которую подскажетъ ему фантазія; онъ можетъ прервать нить разсказа, чтобы пофилософствовать или помечтать, можетъ оставить произведеніе неоконченнымъ. Его артистическая иронія—это „постоянная пародія на самого себя“, „трансцендентальная буффонада“. Въѣсть съ тѣмъ „я“ художника настолько выше реального міра и человѣческихъ страстей, что онъ и къ нимъ относится съ ироніей.

¹⁾ *Веселовскій*, вышепр. сочин., стр. 467

²⁾ Тамъ-же, стр. 466.

Иронія—это „вѣчная дѣятельность безконечнаго хаоса“... „Мы должны стать выше нашей собственной любви, должны изгнать изъ своихъ помысловъ то, чему мы поклоняемся“¹⁾.

„Иронія, говорилъ Тикъ въ своихъ бесѣдахъ, это такая сила, которая позволяетъ поэту господствовать надъ своимъ сюжетомъ: поэтъ не долженъ всецѣло отдаваться своему сюжету; онъ долженъ стать выше его“²⁾.

Самой обаятельной ироніей Тикъ считаетъ ту, которую мы находимъ въ греческихъ мѣахъ³⁾.

Для Новалиса не только искусство, но и вся жизнь есть прекрасный, гениальный обманъ, обаятельная игра.

Новалисъ развилъ до своихъ крайнихъ предѣловъ идеализмъ и субъективизмъ, господствовавшіе въ нѣмецкой литературѣ. Главная задача воспитанія, говоритъ онъ въ своихъ „*Фрагментахъ*“, это овладѣть своимъ трансцендентальнымъ „я“, стать „я“ своего „я“. Шеллингъ проводитъ ученіе „о древней, святой, естественной религіи“ тѣхъ временъ, когда человѣкъ не только жилъ среди природы, но и чувствовалъ, что она живетъ въ немъ, когда природа

¹⁾ „Ironie ist klares Bewusstsein der ewigen Agilität des unendlich vollen Chaos“.. und „Wir müssen uns über unsre eigne Liebe erheben und was wir anbeten, in Gedanken vernichten können: sonst fehlt uns, was wir auch für andere Fähigkeiten haben, der Sinn für das Weltall“. *R. Huch*. „Bluthezeit d. R.“, S. 286.

²⁾ О бесѣдахъ Тика, см. *Кюперъ* „Ludwig Tieck“, Leipzig, 1855, II B. Иначе понималъ принципъ ироніи Зольгеръ, который попытался дать этому принципу философское обоснованіе, см. *Кунъ Фишеръ*. „Гегель“, стр. 78.

³⁾ So ist es reizende Ironie in den Griechen, wenn sie ihre Götter in anmuthiger Weise dem Gelächter preisgeben, ohne dadurch ihre olympische Herrlichkeit anzutasten; wie auch die Götter selbst über Ares und Aphrodite lachen, die deswegen doch hehr an Kraft und Schönheit in ihrem Kreise thronen (*R. Huch*, op. cit. S. 286—287). Вообще авторъ „Bluthezeit der Romantik“, сильно сочувствуя романтической поэтикѣ, нѣсколько идеализируетъ, нмѣ кажется, романтическую „иронію“, для нея это—„свобода духа“, способность отрѣшиться отъ земнаго, подняться выше его и т. п.: Man könnte romantische Ironie am Besten mit Geistesfreiheit übersetzen. Nicht naturlos, aber naturfrei ist der wahre Ironiker. Er hat die Fähigkeit, sich von dem irdischen Element, in dem er lebt und webt, zu lösen, als ein Luftschiffer emporzusteigen und die Erde als winzigen Punkt unter sich verschwinden zu sehen, die verhältnissmässige Nichtigkeit der lebenden Kugel zu erkennen, die, so lange sie fest unter seinen Füßen war, sich so breit machte und unermesslich ausdehnte. *ibid.*, S. 286.

и человѣкъ сливались въ одно цѣлое. Въ ту пору человѣкъ чувствовалъ, что въ немъ живетъ искра „міровой души“ (Weltseele). Эту міровую душу ощущаетъ въ себѣ и Новалисъ; она живетъ въ тайникахъ его Gemüth'a. Природа открываетъ свои тайны только поэту, который созерцаетъ ее среди тысячи оттѣнковъ своего безграничнаго Gemüth'a. „О, счастливыя времена, восклицаетъ онъ. когда животныя, деревья и скалы бесѣдовали съ человѣкомъ!“ Чудесный Gemüth Новалиса—нѣчто очень неопредѣленное: это—„лучшее, что есть въ человѣкѣ, принципъ жизни въ немъ и внѣ его“, „свѣтъ міра, придающій окраску предметамъ и являющій ихъ во всемъ ихъ богатомъ и плѣнительномъ разнообразіи“.

„Романтическое міросозерцаніе должно было создавать новое чудесное, говоритъ акад. Веселовскій¹⁾. Романы Шписа и его послѣдователей пустили въ оборотъ новомодную фантастику, тогда какъ народная фантастика сказокъ и преданій проходила въ поэзію съ Виландомъ и балладами Бюргера. Въ сущности все въ здѣшнемъ мірѣ иносказаніе, сказка, понять и изобразить которую можно только какъ сказку, говоритъ Новалисъ. У романтиковъ—все чудо, все вызываетъ предчувствіе о чемъ то неуловимомъ, настраиваетъ на идею безконечнаго. Чудесное повсюду: у Гофмана оно дѣется средь бѣла дня; за объективной видимостью таится другая, незримая. Чтобы постичь ее, необходимо, чтобы въ насъ явилось то особое расположеніе чувства, то настроеніе (Stimmung), которое сдѣлало насъ внутренне-зрячими, способными угадывать безконечное въ конечномъ, невыразимое въ призрачномъ“.

Въ нѣмецкомъ романѣ появляется цѣлый рядъ гербовъ и героинь, которые живутъ точно во снѣ, болѣны сомнамбулизмомъ и т. п. Въ „Наслѣдникахъ майората“ Арнима жизнь и исторія представляются огромнымъ домомъ сумасшедшихъ; герой—сомнамбуль, живущій среди чудесъ и видѣній, тревожимый предчувствіями, вѣщими снами и т. п. Въ „Мелюкъ Марія Блэнвилль“ того же автора героиня внушеніемъ и чарами превращаетъ своего возлюбленнаго Сентрэ въ манекена. Клементъ Брентано специально изучаетъ сомнамбулизмъ, записываетъ каждое слово сестры Эммерики, монахини Агнетенбергскаго монастыря въ Дюльменѣ, страдавшей нервными

¹⁾ См. вышепр. сочин., стр. 472.

принадками, и собираетъ всѣ ея рѣчи и видѣнія въ особую книгу и т. д. и т. д.

Правда, у нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ романтиковъ нарѣдка встрѣчаются черты художественнаго реализма. Ихъ мы находимъ въ „Эмионахъ“ Иммермана (особенно въ описаніи „семьи филологовъ“), въ „*Quintus Fixlein*“ и въ „*Siebenkaes*“ Жанъ Поль Рихтера и пѣк. друг. Но, во-первыхъ, число такихъ произведеній крайне ограничено; кромѣ того каждое изъ нихъ отнюдь не является характернымъ для своего автора и носитъ, такъ сказать, случайный характеръ. Такъ напр. авторъ „*Quintus*“ и „*Siebenkaes*“ въ огромномъ большинствѣ своихъ произведеній, въ „*Невидимой ложѣ*“, въ „*Гесперусъ*“, въ „*Титанъ*“ и т. д. даетъ волю своей необузданной фантазій и эксцентричности. Онъ создаетъ цѣлую фантастическую географію, детально описываетъ нравы, политику, литературу, статистику такихъ городовъ какъ Flachsenfingen, Naarghaar и т. п. (въ „*Невидимой ложѣ*“); онъ различаетъ три человѣческихъ типа: человѣка—бога, человѣка—звѣря и человѣка—растенія (въ „*Гесперусъ*“).

Шиллеръ, въ письмѣ къ Гѣте, такъ характеризовалъ автора этого произведенія: „Я видѣлъ Жанъ-Поля; онъ произвелъ на меня впечатлѣніе *ирокезца*, сваливагося съ луны; въ сущности это—добрый малый съ превосходнымъ сердцемъ, но склонный все видѣть не тѣмъ органомъ, которымъ видятъ прочіе люди“¹⁾.

Когда Гейне, послѣ юношескихъ увлеченій романтизмомъ, давшимъ ему формы для воспѣванія личнаго горя, нашелъ выходъ къ свободному творчеству (въ „*Nordsee*“), вступилъ на путь художественнаго натурализма, онъ не только порвалъ съ романтиками, но и подвергъ ихъ школу жестокому осмѣянію²⁾. Его „*Zeitgedichte*“

¹⁾ „Briefwechsel zwischen Schiller und Goethe in den Jahren 1794—1807“. Stuttgart 1825. В. II. S. 73.

²⁾ Хотя въ „*Atta Troll*“ самъ Гейне смотритъ на свою поэму, какъ на послѣдній отголосокъ романтизма, какъ на продуктъ чистой фантазій:

Traum der Sommernacht! Phantastisch
Zwecklos ist mein Lied. Ja zwecklos
Wie die Liebe, wie das Leben,
Wie der Schöpfer sammt der Schöpfung
(„*Atta Troll*“, III, 1).

Но, какъ это доказалъ Трейтчке, это произведеніе и по тенденціи и по настроенію анти-романтично. Это—сатирическая поэма, типичный образецъ т. наз. *Tendenz Gedicht* а. Н. von Treitschke. „*Deutsche Geschichte im XIX J.*“, V, S. 381.

полны насмѣшекъ надъ идеализаціей среднихъ вѣковъ нѣмецкими романтиками, надъ ихъ культомъ германской старины, обычая, нравы и даже общественныя и государственныя учрежденія коей романтики хотѣли воскресить; вспомнимъ, хотя бы обращеніе Гейне въ „Германіи“ къ старому Ротбарту:

„Дай намъ снова обычая среднихъ вѣковъ:
Я снесу всю ихъ грубость, безстыдство,
Изувѣрство слѣпое; избавь только насъ
Ты отъ этого гермафродитства.
Этихъ дурней, что мастеровъ корчитъ хотятъ,
Но похожи скорѣй на паяса,
Этой мерзостной смѣси старья съ новизной,
Что выходитъ ни рыба, ни мясо.
Прогони этихъ пошлыхъ фигляровъ отъ насъ,
Раззори ихъ театръ балаганный,
Гдѣ они пародируютъ такъ старину!
Приходи, избавитель желанный!“¹⁾

Въ той же поэмѣ Гейне смѣется и надъ увлеченіемъ нѣмецкихъ романтиковъ міромъ видѣній и грезъ:

На перинахъ отчизны германца душа
Разбиваетъ оковы земныя.
Разбиваетъ она ихъ тогда—и летитъ
До высокихъ небесныхъ селеній.
О, германца душа! какъ полеть твой высокъ
Въ это время ночныхъ сновидѣній!
Даже боги блѣднѣютъ, когда ты летишь,
Обдавая ихъ дольнею пылью,
И мнѣ кажется даже, что нѣсколько звѣздъ
Повалили нѣмецкія крылья.
Пусть ужъ русскіе съ богомъ владѣютъ землею,
А британцы владѣютъ морями:
Въ государствѣ воздушномъ видѣній и сновъ
Безъ сомнѣнья ужъ нѣмцы царями²⁾.

¹⁾ „Германія“. Глава XVII; переводъ *Костомарова*.

²⁾ Тамъ-же, глава VII. Еще ядовитѣе нападки Гейне на романтиковъ въ „Романтической школѣ“

Гейне возмущается полным безразличіем нѣмецкихъ писателей своего времени къ вопросамъ общественнымъ, противопоставляя имъ французовъ и англичанъ.

Нѣмецкимъ писателямъ, по его мнѣнію, такъ мало свойственно интересоваться вопросами общественными, что даже гражданскіе поэты 40-хъ годовъ, извѣстные подъ названіемъ „Tendenz Dichter“¹⁾, въ глазахъ Гейне—кабинетные Тиртеи, кривляки, болтуны и т. п. Онъ жестоко высмѣиваетъ ихъ въ своихъ „Zeitgedichte“:

Was die Glocke hat geschlagen
Sollst du deinem Volke sagen,
Rede Dolche, rede Schwerter...
Sei des Vaterlands Posaune
Sei Kanone, sei Kartaune,
Blase, schmettre, donnre, tödte¹⁾!

Такимъ образомъ характерными особенностями поэтики нѣмецкихъ романтиковъ мы считаемъ слѣдующія:

1) Художественный идеализмъ и субъективизмъ, доведенные до крайнихъ своихъ предѣловъ, приведшіе къ полному отрицанію не только всякихъ правилъ, но и всякой композиціи, всякаго плана.

2) Стремленіе совершенно отрѣшиться отъ дѣйствительности, отъ общественности и всецѣло уйти въ міръ фантастики; въ связи съ этимъ стоитъ интересъ къ отдаленнымъ эпохамъ и далекимъ странамъ (экзотизмъ и исканіе колорита времени и мѣста).

3) Служеніе идеѣ „искусство для искусства“.

4) Возведеніе чувства въ верховное правило жизни и поэзіи²⁾.

Всѣ эти черты, какъ мы видѣли, встрѣчались и у нѣкоторыхъ изъ французскихъ романтиковъ. Но, во-первыхъ, наряду съ этими тенденціями во французскомъ романтизмѣ существовали и діаме-

¹⁾ Zeitged., 13.

²⁾ Мы имѣемъ въ виду исключительно эстетическіе взгляды нѣмецкихъ романтиковъ. У философовъ идеалистовъ, какъ нами уже было отмѣчено выше (стр. 241), не одно только чувство, но и разумъ имѣетъ первенствующее значеніе.

трально-противоположныя; кромѣ того, тѣ самыя свойства, которыя мы отмѣтили у нѣмцевъ, во Франціи имѣли совсѣмъ другое значеніе и носили совсѣмъ другой характеръ. Виньи, Гюго, Ламартинъ, Сентъ-Бѣвъ требовали признанія за поэтомъ права выражать свои личныя чувства, грезы и настроенія. Но никто изъ нихъ не пытался возвести въ художественный принципъ „литературный цинизмъ“, „прекрасную сумятицу“, полное отсутствіе плана и композиціи, „артистическую иронию“. Напротивъ того, всѣ поименованные писатели особенно старательно отдѣлывали каждое свое произведеніе. Виньи цѣлыми годами высиживалъ каждую изъ своихъ поэмъ. Ламартинъ, какъ это доказали Дешанель и Помейрольсъ, по десяти лѣтъ работалъ надъ одной поэмой. Сентъ-Бѣвъ одинъ изъ первыхъ среди французскихъ романтиковъ запротестовалъ противъ крайностей субъективизма. Что-же касается Гюго, то, несмотря на свою страшную плодовитость, онъ въ каждомъ своемъ произведеніи, даже въ каждой тирадѣ слѣдуетъ строго-продуманному плану. Леметръ совершенно правильно замѣчаетъ, что образы Гюго чередуются въ строгомъ боевомъ порядкѣ, подобно хорошо обученнымъ солдатамъ. Возставая противъ классическихъ правилъ, Гюго и его послѣдователи тотчасъ же замѣнили ихъ новыми, не менѣе строгими и догматичными.

Что до артистической „ироніи“, то она не только чужда французскимъ романтикамъ, но прямо-таки противоположна ихъ концепціи поэзіи. Въ какое негодованіе пришелъ бы авторъ „Элоа“ и „Моисея“ или авторъ „Жосемина“ или авторъ „Маловъ“, если бы имъ сказали, что ихъ поэзія— „пзаящная игра, сплошная насмѣшка надъ собой и надъ читателемъ!“ Если кому изъ французскихъ романтиковъ и свойственъ взглядъ, нѣсколько напоминающій ученіе объ „ироніи“, то Меримэ. И то онъ старательно скрываетъ свое издѣвательство надъ читателемъ и отнюдь ужъ не возводитъ его въ художественный принципъ.

Совершенно чуждымъ большинству французскихъ романтиковъ, особенно послѣ 1830 года, является ученіе „искусство для искусства“. Такого принципа изъ крупныхъ представителей 30-хъ—40-хъ годовъ придерживаются лишь Мюссе (и то не всегда), Нодье, Меримэ и Теофиль Готье. За-то Виньи, Ламартинъ (въ „*Recueils poétiques*“, въ „*Histoire des Girondains*“ etc.), Мишлэ, Кинэ, Леру,

Жоржъ Сандъ, Бальзакъ и въ особенности Гюго считаютъ искусство призваннымъ служить прежде всего дѣлу общественному.

Ученіе о „недѣятельномъ прозябаніи“ они отвергли бы съ негодованиемъ. Они не только не игнорируютъ окружающей дѣйствительности, а, напротивъ, стараются вникнуть во всѣ общественные и моральные спросы общества своего времени.

Словомъ, если французскіе романтики и пришли къ литературному универсализму, то очень многіе изъ нихъ шли къ нему иными путями, чѣмъ ихъ нѣмецкіе собратья.

Еще рѣзче отличие между этими послѣдними и романтиками итальянскими.

б) Итальянскій романтизмъ.

Поэтика нѣмцевъ, говоритъ Суріо, совершенно расходилась со „свѣтлымъ, какъ яркое солнце Ломбардіи“¹⁾, жизнерадостнымъ міросозерцаніемъ итальянскихъ писателей начала XIX-го столѣтія. отвергавшихъ неопредѣленность, „эфирность“ и туманность, провозгласившихъ „l'unità del core“. Мнѣ уже случалось указывать, что въ итальянской литературѣ того времени было очень сильно реалистическое теченіе²⁾.

Глава новой литературной школы, Манцони, возражаетъ противъ классиковъ не во имя правъ „фантазій“ и „жизни сердца“, а во имя „здраваго смысла“.

Въ своихъ письмахъ³⁾ и въ статьѣ объ итальянскомъ романтизмѣ, онъ даетъ такое опредѣленіе этому явленію: романтизмъ, который въ каждой изъ европейскихъ странъ понимается различно, въ Миланѣ обозначаетъ комплексъ идей, который является болѣе *раціональнымъ, стройнымъ и общимъ*, чѣмъ тотъ, который обозначаютъ этимъ именемъ въ другихъ странахъ⁴⁾.

¹⁾ Souriau, op. cit., p. 9.

²⁾ См. мои „Критическіе очерки по итальянской литературѣ второй половины XIX-го столѣтія“. Кіевъ. 1906 г.

³⁾ „Epistolario di Alessandro Manzoni“, raccolto ed annotato da Giovanni Sforza. Milano, Paolo Carara.

⁴⁾ „...questo povero romanticismo ha anche significati espressamente distinti, e in alcuna parti opposti, in Francia, in Germania, in Inghilterra.. In Milano, dove se n'è parlato più et più a lungo che altrove la parola *romanticismo*, se qui pure non m'inganno, è stata adoperata a *rappresentare un complesso d'idee più ragionevole, più ordinato, più generale* che nessun altro al quale sia stata applicata la stezza denominazione („Il romanticismo in Italia“).

Манцони не считаетъ поэта высшимъ существомъ, просвѣтителемъ народовъ, какъ это дѣлали многіе романтики другихъ странъ. Въ его глазахъ любой банкиръ много полезнѣе поэта ¹⁾. Не фантазія должна управлять творчествомъ; въ основу искусства слѣдуетъ взять „наблюденіе надъ людьми и явленіями внѣшняго міра“. Литература не держится сама собой; она должна быть основана на фактическихъ данныхъ, идти объ руку съ позитивной наукой“ ²⁾.

Въ тѣсной связи съ такимъ трезвымъ, реалистическимъ взглядомъ на поэзію и ея задачи находится и отношеніе итальянскихъ романтиковъ къ средневѣковью, къ родной старинѣ. Для нихъ изученіе далекаго прошлаго не было средствомъ для того, чтобы помечтать и пофантазировать, чтобы уйти отъ печальной дѣйствительности, какъ это было напр. у Тика и Вакенродера; черпая свои сюжеты изъ исторіи, итальянскіе романтики искали конкретныхъ, реальныхъ фактовъ. Манцони беретъ сюжеты и типы для своихъ драмъ и для романа „Обрученные“ изъ исторіи именно въ силу своихъ реалистическихъ тенденцій: „страстное исканіе истины, ищетъ онъ,—это единственное, что придаетъ смыслъ и значеніе всему, что мы познаемъ. А гдѣ искать драматическую правду какъ не въ исторіи того, что люди дѣйствительно совершили“ ³⁾?

Итальянскіе романтики не довольствуются тѣмъ, что стремятся создать типы исторически-вѣрные; они требуютъ правды и точности въ мельчайшихъ деталяхъ ⁴⁾. „Обрученные“ Манцони—не только романъ историческій, но и бытовой; въ немъ народныя массы поставлены на первый планъ, какъ на картинахъ фламандской школы. Дѣйствующія лица этого романа изображены съ такой исторической правдой, что Чезаре Кантѹ написалъ цѣлый томъ историческихъ комментаріевъ къ роману Манцони ⁵⁾. Тѣмъ не менѣе глава итальянскаго романтизма въ концѣ своей жизни разочаровался въ исто-

¹⁾ V. Waïlle. „Le romantisme de Manzoni“. Alger, 1890; pp. 16—17.

²⁾ См. письмо къ Cohen'у отъ 28 апрѣля 1832 года.

³⁾ Письмо къ Шовэ, изд. Latour'a, 145.

⁴⁾ См. предисловіе Берше къ переводу „Сакунталы“ въ „Il Conciliatore“, 1818.

⁵⁾ Cesare Cantù. „Sulla storia lombarda del secolo XVII. Ragionamenti per commento ai Promessi Sposi di Alessandro Manzoni“. 1833.

рическомъ романѣ, полагая, что этотъ литературный жанръ даетъ слишкомъ большой просторъ вымыслу и фантазиі¹⁾.

Изучая свое историческое прошлое, итальянскіе писатели преслѣдовали не только цѣли художественныя, но и практическія. Въ теченіе всей первой половины XIX-го столѣтія всѣ помыслы, всѣ стремленія итальянскаго народа направлены къ тому, чтобы свергнуть иноземное иго, создать единую Италію. Когда съ паденіемъ Наполеона, казалось, навсегда были разбиты грезы итальянскихъ патріотовъ, Манцони и Леопарди излили свою скорбь въ цѣломъ рядѣ высоко-поэтическихъ произведеній. И у нихъ, какъ у Данте, какъ у Петрарки, напрашивается параллель между великимъ прошлымъ и печальной дѣйствительностью. Мы видимъ зданія, сооруженія, статуи предковъ, говорится въ одной канцонѣ Леопарди, но не видимъ ихъ славы:

O patria mia, vedo le mure e gli archi
E le colonne e i simulacri e l'erme
Terri degli avi nostri;
Ma la gloria non vedo,
Non vedo il lauro e il ferro, ond'eran carichi
I nostri padri antichi.

„Какъ могла ты такъ низко пасть, о моя родина!“, восклицаетъ поэтъ. И онъ призываетъ итальянцевъ къ оружію и хочетъ, чтобы его кровь стала тѣмъ огнемъ, который воспламенитъ ихъ сердца:

...Come cadesti ò quando
Di tanta altezza in così basso loco?
Nessun pugna per te? non ti difende
Nessun de tuoi? L'armi, quà l'armi, io solo
Combatterò, percomberò sol io!
Dammi, o ciel, che sia foco
Agl'italici petti il sangue mio.

Такимъ же восторженнымъ патріотизмомъ проникнута и канцона, написанная по поводу сооруженія памятника Данте. О бѣд-

¹⁾ „Del romanzo storico e, in genere, dei componimenti misti di storia e d'invenzione“.

ствіяхъ Италіи скорбятъ вмѣстѣ съ Леопарди-Джьордани, Фосколо, Чезари

Сознавая, что ихъ политическимъ мечтамъ не суждено осуществиться въ близкомъ будущемъ, итальянскіе романтики мечтаютъ о моральномъ и литературномъ возрожденіи своей родины. Пьетро Джьордани одинъ изъ первыхъ провозгласилъ теорію итальянизма: „когда мы были итальянцами, говоритъ онъ, другіе народы переводили наши книги; когда нашихъ художниковъ вдохновляли родныя идеи, къ намъ пріѣзжали изъ заморскихъ странъ учиться у насъ живописи. Кто читаетъ насъ теперь? Кто насъ изучаетъ? Кто цѣнитъ насъ? И все это потому, что мы перестали быть итальянцами“¹⁾...

Теперь, какъ въ пору Возрожденія, изученіе классической древности стало для итальянцевъ служить цѣлямъ національнымъ. Съ конца XVIII-го столѣтія и въ началѣ XIX-го вѣка въ итальянской литературѣ воскресаетъ образъ Брута—„последняго римлянина“, почти забытый со времени среднихъ вѣковъ²⁾. Филологическія работы Анджело Ман и Леопарди, переводы Пиндемонте, привѣтствуются итальянскими романтиками, какъ національное событіе. Самъ Леопарди придаетъ патріотическое значеніе своимъ филологическимъ разысканіямъ³⁾. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ журналѣ „*Antologia*“, выходившемъ во Флоренціи съ 1821 по 1833 годъ и поставившемъ себя цѣлью содѣйствовать возрожденію итальянскаго общества.

Объ руку съ патріотическими стремленіями шла въ Италіи и католическая реакція. У большинства итальянскихъ романтиковъ нѣтъ и слѣда того пантеистическаго міросозерцанія, которое мы встрѣчаемъ у ихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ собратьевъ. Даже общеніе съ природой лишено у нихъ пантеистическихъ чувствъ и представленій⁴⁾.

¹⁾ Цитир. Bourdellès. „Giacomo Leopardi“, Paris 1901, p. 86.

²⁾ См. по этому поводу статью въ „Il Propugnatore“, Bologna, Jan. 1885.

³⁾ Cessara, „La politica di Giacomo Leopardi nei Paralipomeni“.

⁴⁾ Если изображенія природы у Леопарди порой напоминаютъ „*Медитацию*“ Ламартина, то своей расплывчатостью; у Леопарди пейзажъ очерченъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; въ немъ мало линій, мало красокъ. Въ его лирическихъ стихотвореніяхъ преобладаютъ ощущенія слуховыя (напр. въ „*Le Ricordanze*“, „*A Silvia*“ и друг.). О природѣ у Леопарди см. *A. Chiapelli* „Leopardi e la poesia della natura“, Roma, 1900 и *Locajano* „Il sentimento della natura nel Leopardi“, Pavia.

Манцони, Маццини, аббатъ Цанелла -- вѣрующіе католики, религіозность коихъ находитъ себѣ поддержку въ подъемѣ національнаго самосознанія. Въ своихъ произведеніяхъ Манцони выводитъ не только подвижниковъ христіанскихъ, но и героевъ національныхъ: Адельки, Карманьолу и друг. Культъ Данте, Петрарки, поклоненіе великимъ твореніямъ христіанскихъ зодчихъ и живописцевъ поддерживали въ итальянцахъ сознаніе своего культурнаго и племеннаго единства. Съ 1815 по 1848 годъ итальянскіе патриоты -- ревностные поборники католицизма. „Въ ихъ глазахъ такъ же, какъ въ глазахъ Маккіавелли, говоритъ Вайль, народность безъ религіи -- то же, что тѣло безъ души. Мученики за свободу, томившіеся въ австрійскихъ тюрьмахъ, вѣрили въ то, что своей геройской смертью они получаютъ доступъ въ царствіе небесное“ ¹⁾.

Итальянскіе романтики не пошли дальше націонализма. Имъ совершенно чуждо стремленіе къ универсализму, чужда и мечта о братскомъ единеніи всѣхъ народностей. Даже скорбь Леонарди большинствомъ изслѣдователей, касавшихся этого вопроса ²⁾, признается скорбью не міровой, а личной.

Такимъ образомъ итальянскій романтизмъ отличается отъ романтизма нѣмецкаго своими чисто утилитарными и реалистическими тенденціями. Итальянскимъ романтикамъ почти совершенно чуждо увлеченіе міромъ фантазій и грезъ, исканіе чудеснаго, сверхчеловѣческаго, таинственнаго, отрѣшеніе отъ дѣйствительности. Даже индивидуализмъ, получившій такое значеніе въ другихъ странахъ запада, казался въ итальянской литературѣ гораздо слабѣе, чѣмъ въ Германіи, Англии и Франціи. Конечно, у Манцони (особенно въ его гимнахъ) и въ особенности у Леонарди часто сказывается сильное лирическое чувство. Но ни тотъ, ни другой не возводятъ индивидуализмъ въ литературный принципъ, не носятъ со своимъ „я“. Напротивъ того, Леонарди, напр., всячески старается скрыть свои индивидуальныя чувства, подвергая ихъ философскимъ обобщеніямъ.

¹⁾ Waille, op. cit., p. 103.

²⁾ Caro „Le Pessimisme au XIX s.“; Fierens-Gevaert. „La Tristesse contemporaine“, Alcan, 1900; Arturo Graf. „Una sorgente di pessimismo nel Leopardi“. „Nuova Antologia“, 1 Dec. 1890; E. Rod. „Études sur le XIX s.“; Aulard. См. введенье къ „Poésies et œuvres morales de Leopardi“, 1880; Cappelletti. „Poesie scelte e commentate, precedute da un discorso sullo scetticismo del autore“.

ніямъ. Предугадывая, что его пессимизмъ критики будутъ ставить въ связь съ его болѣзнями, онъ говоритъ: „только людское мало-душіе, придающее такое значеніе жизни, побудило нѣкоторыхъ смотрѣть на мои философскія воззрѣнія, какъ на продуктъ моихъ личныхъ страданій... Передъ смертью я протестую противъ этихъ измышленій слабости и вульгарности и прошу моихъ читателей скорѣе отвергнуть мои замѣчанія и разсужденія, чѣмъ приписывать ихъ моимъ болѣзнямъ“. Какъ нами было указано, критика не приняла это оправданіе Леопарди, полагая, что связь между его пессимизмомъ и постоянными физическими страданіями была безсознательная, органическая. Но во всякомъ случаѣ стремленіе Леопарди отдѣлать свою скорбь отъ своихъ индивидуальныхъ чувствованій и страданій явленіе весьма знаменательное. Такого стремленія мы вовсе не находимъ ни у Мюссе, съ которымъ сопоставлять его Оларъ ¹⁾, ни у Генриха Гейне.

Если сопоставить „Гимны Ночи“ Новалиса съ тѣми изъ канцонъ Леопарди, въ которыхъ онъ подражаетъ „Триумфамъ смерти“ Петрарки, то станетъ очевиднымъ различіе концепціи поэзии у романтика нѣмецкаго и итальянскаго. И тотъ и другой воспѣваютъ „прелесть смерти“ (des Todes Entzückungen, la gentilezza del morir). Но у нѣмецкаго романтика сказывается чисто индивидуальный взглядъ на смерть: она, подобно сну, подобно ночи, окружаетъ чело поэта „свѣжей повязкой“ покоя, освобождаетъ его отъ житейской прозы, отъ людской пошлости. У Леопарди это старинная эпикурейская концепція смерти, мирнаго генія, прекраснаго брата любви. Такое представленіе о смерти встрѣчается и у древнихъ, и у Петрарки и у цѣлаго ряда писателей Возрожденія. Въ наши дни его воскресили д'Аннунціо и Артуро Графъ.

с) Романтизмъ англійскій.

Такое названіе мы рѣшились употребить не безъ колебаній. Литература конца XVIII-го и начала XIX-го столѣтія въ Англии не была разрывомъ съ литературнымъ прошлымъ; многіе англійскіе критики даже не считаютъ нужнымъ вводить особое названіе „ро-

¹⁾ Op. cit. „Introduction“.

мантического періода“ въ исторической обзоръ своей литературы¹⁾. Вальтеръ Скоттъ—поклонникъ Бёрнса и Макферсона: Китсъ боготворить Спенсера и подражаетъ Мильтону („*Hyperionъ*“); тому-же Мильтону поклоняется Лэндоръ. Шелли, по вѣрному замѣчанію Брандеса, былъ истымъ эллиномъ по своему философскому и поэтическому міровоззрѣнію. Его лирика напоминаетъ гомеровскіе гимны. Его „*Освобожденный Прометей*“ какъ бы новѣйшее дополненіе къ „*Скованному Прометею*“ Эсхила, а „*Эллада*“—пророчество греческаго освобожденія, точно вновь найденные акты изъ „*Персовъ*“²⁾.

Въ творествѣ Байрона соединилось нѣсколько художественныхъ и философскихъ теченій, развившихся въ предшествующую эпоху. Еще Тэнъ замѣтилъ, что у Байрона было романтическое воображеніе и классическій разумъ³⁾. Онъ старается по мѣрѣ возможности соблюдать классическія единства. По его мнѣнію, безъ нихъ не можетъ быть настоящей драмы; у него даже сквозить идея, что англійская драматическая литература, не соблюдавшая единствъ, есть литература варварская⁴⁾. Самъ онъ придерживается правила единства времени. Въ „*Фальеро*“, „*Сарданпалъ*“, „*Двухъ Фоскари*“ дѣйствіе охватываетъ 24 часа.

Кромѣ того, у Байрона много общаго съ чувствительниками. Между „юнгизмомъ“ и „байронизмомъ“, напр., существуетъ тѣсная преемственная связь. Въ „*Чайльдъ Гарольдъ*“ и „*Донъ Жуанъ*“ слышатся отзвуки меланхолии юнговыхъ „*Ночей*“⁵⁾. *Донъ Жуанъ* по сюжету своему стоитъ въ концѣ долгой литературной эволюціи⁶⁾. Поэтическое міросозерцаніе Байрона—синтезъ, въ которомъ слились

¹⁾ *Beers*. „History of English Romanticism on the XVIII c.“, N. J. 1895; кромѣ того о генезисѣ англійскаго романтизма см. *Masson*. „British Novelists and their Styles“, Cambridge, 1859; *Olifant*. „History of England in the end of the 18-th. and beginning of the 19-th. century“, London, 1882; *Leslie Stephen*. „History of English Thought in the 18-th. century“; *Herfort*. „The Age of Wordsworth“, London, 1897; *G. Saintsbury*. „History of nineteenth century Literature“, London, 1896; *Phelps*. op. cit. etc.

²⁾ *Брандесъ*. „Натурализмъ въ Англии“.

³⁾ *Taine*. „Histoire de la littérature anglaise“, Paris. 1874, t. IV, p. 353.

⁴⁾ См. предисловія къ „Сарданпалъ“ и „Двухъ Фоскари“.

⁵⁾ *Thomas*. „Le poète Edward Joung“, Paris 1901; II-e partie, chap. IX.

⁶⁾ *Gendarme de Bératte*, „La Légende de Don Juan, son évolution dans la lit. des origines au romantisme“, Paris 1906.

элементы мысли и поэзии XVIII-го столѣтія: страстный лиризмъ Руссо, „скука“ Шатобриана, свободолюбіе Шиллера, скорбь Юнга, саркастическая иронія Вольтера, философская тревога Гёте¹⁾.

Поэтому, говоря объ англійскомъ романтизмѣ, мы употребляемъ этотъ терминъ условно, обозначая имъ поэзію лэкистовъ.

Среди англійскихъ романтиковъ и идеализмъ, и индивидуализмъ получили широкое развитіе. Но, какъ это мастерски доказалъ Брандесъ, оба эти теченія сочетались въ Англии съ художественнымъ натурализмомъ. „Быть національнымъ въ Англии, говорить онъ, значило быть натуралистомъ. Страсть къ природѣ сближаетъ между собой представителей самыхъ различныхъ направленій: Вордсворта. Скотта, Китса, Мура. Стремленіе къ натурализму является доминирующей тенденціей такихъ произведеній, какъ „Донъ Жуанъ“ Байрона и „Ченчи“ Шелли... Натурализмъ до такой степени присущъ англійскому характеру, что романтическая сверхъестественность Кольриджа пропитана имъ не менѣе, чѣмъ строго-церковный тензмъ Вордсворта, атеизмъ Шелли, революціонный либерализмъ Байрона и историческія симпатіи Скотта“. Этотъ натурализмъ, искони присущій англійскимъ писателямъ, въ пору романтизма придалъ совершенно иной характеръ и индивидуализму, и стремленію къ *Naturgefühl*'ю, и исканію колорита мѣста и времени, чѣмъ тотъ, который они носили въ Германіи.

Въ то время какъ у нѣмецкихъ романтиковъ возвеличеніе дѣятельности нашего „я“ привело, какъ мы видѣли, къ полному отчужденію отъ реальной жизни, въ Англии, наоборотъ, развитіе индивидуализма идетъ объ руку съ живымъ интересомъ къ дѣйствительности. Англійскіе романтики интересуются политикою; многіе изъ нихъ принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Вордсвортъ и Кольриджъ въ юности—либералы, потомъ переходятъ въ консервативный лагерь. Вальтеръ Скоттъ—горячій защитникъ старыхъ англійскихъ учреждений и традицій. Шелли—столь же выдающійся политическій ораторъ, сколь великій поэтъ.

„*Ирландскія мелодіи*“ Мура—яркое выраженіе чаяній, надеждъ, страданій и бѣдствій порабощеннаго ирландскаго народа: „*The Fudge family in Paris*“—ѣдка сатира на Бурбоновъ и консерва-

¹⁾ Estère. op. cit. Livre I. „Le Bayronisme avant Byron“, pp. 39—40.

тивное английское правительство. „*Gebir*“ Лэндора весь проникнуть республиканскимъ духомъ. Байронъ питаетъ живой интересъ къ политикѣ, произноситъ рѣчи въ парламентъ, призываетъ къ возстанію всѣхъ угнетенныхъ, бросаетъ гордый вызовъ всему английскому обществу, беспощадно клеймя своимъ сарказмами его отсталость и холопскую приверженность къ старымъ порядкамъ.

Интересомъ ко всему реальному проникнуты не только общественныя и политическія воззрѣнія английскихъ писателей начала XIX-го столѣтія, но и ихъ поэтическое міросозерцаніе. Герои Байрона ищутъ осуществленія своего идеала не гдѣ-то въ „очарованномъ *тамъ*“, не въ мірѣ фантазій и грезъ, подобно нѣмецкимъ „искателямъ голубого цвѣтка“, не въ откровеніяхъ спекулятивной истины, подобно гётевскому Фаусту, а въ реальной жизни. Донъ Жуанъ — *homme d'action*, ищущій матеріальнаго блага; и самъ Байронъ, подобно своему герою, всю жизнь преслѣдовалъ конкретный идеалъ: испивъ до дна чашу любовныхъ наслажденій, онъ искалъ въ честолюбіи, въ политической дѣятельности, въ борьбѣ за свободу удовлетворенія запросамъ своего духа. Его чисто английскій темпераментъ и то, что внушалъ ему атавизмъ, какъ потомку английскихъ моряковъ и завоевателей, способствовали развитію въ немъ реалистическихъ тенденцій ¹⁾. Въ „*Бенно*“, являющемся какъ бы подготовкой къ великой эпопее Байрона ²⁾, въ послѣднихъ пѣсняхъ „*Гарольда*“, наконецъ, въ „*Донъ Жуанъ*“ реализмъ Байрона сказался съ наибольшей силой и яркостью. Самъ Байронъ говоритъ, что онъ собирается произвести обширную анкету о безчисленныхъ чувствахъ, волнующихъ сердце человѣческое, изучить типическія особенности разныхъ народовъ, дать обзоръ всего человѣчества ³⁾.

Такою же любовью къ детальному описанію конкретныхъ, реальныхъ фактовъ находимъ мы и у другихъ английскихъ романтиковъ. Даже Кольриджъ, на творчествѣ коего сильнѣе всего сказалось нѣмецкое вліяніе, въ своей фантастической поэмѣ „*Старый морякъ*“ даетъ цѣлый рядъ глубоко-реальныхъ описаній. „Въ этой поэмѣ ясно чувствуется море, настоящее, реальное море съ его измѣнчи-

¹⁾ *Gendarme de Bévoite*, op. cit., p. 439.

²⁾ См. письмо къ Томасу Мурю, 19-го сентября 1818: *Th. Moore*. „*Letters and Journals of Lord Byron with notices of his life*“, 1833.

³⁾ Письмо къ Муррею отъ 16-го февраля 1821 года.

нымъ настроеніемъ, съ его грознымъ и ужасающимъ величіемъ, говоритъ Брандесъ. Свѣжій морской вѣтеръ, пѣнящійся валъ, тягостный туманъ и пылающія мѣдно-красныя вечернія небеса съ кроваво-огненнымъ шаромъ, все это взято изъ природы; отчаяніе же погибающихъ въ морѣ, голодъ и мучительная жажда, заставляющая ихъ высасывать кровь изъ своихъ собственныхъ рукъ, блѣдныя, искаженныя лица, страшное предсмертное хрипѣніе, отвратительное гнѣніе—все это взято изъ дѣйствительной жизни и описано съ чисто-англійскимъ натурализмомъ“.

Вообще, отношеніе къ природѣ у англійскихъ писателей начала XIX-го столѣтія совершенно иное, чѣмъ у ихъ нѣмецкихъ современниковъ. Для нѣмецкихъ романтиковъ природа имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку она находится въ гармоніи или въ контрастѣ съ ихъ настроеніемъ. Природа для нихъ—рядъ символовъ, причѣмъ она—не реальна: Новалисъ желалъ бы изобразить ее въ видѣ дриады или орады; у Гофмана художникъ пишетъ съ природы группу деревьевъ, а зрителю кажется, „что изъ-за густыхъ листьевъ выглядываютъ разнообразнѣйшія фигуры, то гении, то странныя животныя, то цвѣты“... У Тика слагаются причудливые образы: изъ весеннихъ облаковъ киваютъ ручки, на каждомъ пальцѣ по розѣ... смѣются алыя уста—смѣются розы“¹⁾ и т. д.

Конечно, такой символизмъ не чуждъ и англійскимъ писателямъ начала XIX-го столѣтія. И они ищутъ въ природѣ соотвѣствій своему настроенію; для байроновскаго Гарольда высокія горы—чувство (Ш, 72); для Шелли природа—музыкальный инструментъ („*Ода къ западному вѣтру*“), для Вордсворта „распустившіяся цвѣтокъ, даже самый ничтожный, можетъ вызвать мысли, которыя нерѣдко слишкомъ глубоки для слезъ“; и англійскіе писатели—пантеисты, хотятъ слиться въ одно цѣлое съ природой, съ „вѣтромъ, бурей и грозой“ и т. п. Но кромѣ того природа интересуетъ ихъ и сама по себѣ, независимо отъ тѣхъ чувствъ и настроеній, которыя она въ нихъ порождаетъ. Они любятъ ея яркія краски, переливы цвѣтовъ, вереницы красивыхъ явленій, вѣжащихъ звуковъ, любятъ все, что говоритъ ихъ зрѣнію и слуху (напр., Муръ). Они съ любовью описываютъ чисто физическія, тѣлесныя состоянія, не гну-

¹⁾ Веселовскій, *op. cit.*, p. 471.

шаются чисто сенсуальных образовъ: вкусовыхъ, зрительныхъ, слуховыхъ (Китсъ).

Въ произведеніяхъ англійскихъ поэтовъ описанія природы глубоко реальны, изобилуютъ множествомъ конкретныхъ деталей.

Равнымъ образомъ и увлеченіе съдой стариной, экзотизмъ, исканіе колорита мѣста и времени носили въ Англійи иной характеръ, чѣмъ въ Германіи. Тикъ, Вакенродеръ и ихъ послѣдователи ищутъ въ прошломъ соотвѣтствія своему настроенію, придаютъ этому прошлому чисто субъективную окраску; они и создали свое романтическое средневѣковье, далеко не всегда отвѣчавшее историческому. Въ Германіи, какъ это замѣтилъ Венгеръ, въ изученіи историческаго прошлаго происходитъ совѣтъ другой процессъ, чѣмъ въ Англійи. Направленіе всей старшей нѣмецкой романтики — философское, подчиненное извѣстнымъ идеямъ. Хотя „*Генрихъ фонъ Офтендингенъ*“ и представляетъ собой нѣчто въ родѣ историческаго романа, но преобладаетъ въ немъ фантазія и философія. Младшая романтика — Арнимъ, Brentano, Геррессъ, братья Гриммы также увлекаются опредѣленными любимыми идеями и находятъ пищу для нихъ въ историческомъ прошломъ Германіи. Лишь впоследствии появился здѣсь рядъ подражаній Вальтеръ Скотту ¹⁾.

Англійскихъ писателей, особенно Вальтеръ Скотта, родная старина интересуется сама по себѣ. В. Скоттъ — антикварій, съ любовью отмѣчающій каждую мелочь костюма, обстановки, вооруженія изучаемой эпохи. Его память — цѣлый археологическій музей; настоящее интересуется его лишь постольку, поскольку въ немъ сохранились остатки и памятники прошлаго ²⁾. Онъ предпринимаетъ поѣздки по Шотландіи болѣе какъ антикварій, чѣмъ какъ художникъ ³⁾. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, авторамъ историческихъ романовъ, В. Скоттъ въ своихъ произведеніяхъ придаетъ интригѣ лишь второстепенное значеніе; на первомъ планѣ у него — картины бытовья и историческія. Не любовная интрига, замѣчаетъ Мэгронъ, является центромъ романа въ „*Квентинъ Дорвардъ*“, а хитроумные политическіе планы и козни Людовика XI-го. Въ „*Во-*

¹⁾ *Karl Wengler*. „Historische Romane deutscher Romantiker“, Bern, 1905.

²⁾ *Lockart*. „Memoirs of the life of sir Walter Scott“, I, p. 25, 37 etc.

³⁾ *Prescott*. „Criticals and Hist. Essays“. См. также *Olifant*, op. cit., II, p. 107.

werly Novels“ воспроизведена вся жизнь, весь бытъ Шотландіи въ эпоху борьбы за восстановление Стюартовъ: чувства, страсти, идеи, присущія членамъ того или другого клана или сословія. В. Скоттъ хочеть воскресить цѣлый общественный классъ въ данную историческую эпоху. Его романы примыкають непосредственно къ романамъ бытовымъ¹⁾.

Бытовой романъ, зародившійся въ Англіи еще при Чоусерѣ, особенно разившійся въ XVII и XVIII вв., въ началѣ XIX-го столѣтія имѣеть блестящую представительницу въ лицѣ Miss Austen. Въ „*Sense and Sensibility*“, „*Pride and Prejudice*“, „*Mansfield Park*“, „*Emma*“, „*Northanger Abbey*“ и друг. изображена цѣлая галлерей типовъ и портретовъ представителей буржуазнаго англійскаго общества начала XIX-го столѣтія. Передъ нами сцены изъ обыденной жизни, изображенныя безъ всякой претензіи, безъ того исканія эффектовъ, запутанныхъ сложныхъ ситуацийъ, чудесныхъ приключеній, которыми отличаются произведенія большинства тогдашнихъ романистовъ континента. Задача, которую ставить себѣ Miss Austen. — дать детальное и правдивое изображение „среднихъ людей“, ихъ быта и душевнаго склада.

Къ реалистическому теченію принадлежать и романы Маріи Edgeworth, представляющіе собой детальное описаніе ирландской жизни („*Absentee*“, „*Patronage*“), повѣсти Miss Susan Ferrier изъ быта Шотландіи („*Marriage*“, „*Destiny*“ и друг.) и романы—пасторали Miss Mary Russell Mitford („*Our Village*“ etc.)²⁾.

¹⁾ Это было отмѣчено еще въ 1842 году въ „*Frasers Magazine*“, II, p. 18; о роли В. Скотта въ эволюціи историческаго романа см. *Louis Maigron*, op. cit., ch. IV. Историческая правда романовъ В. Скотта оспаривалась одними критиками, что вызвало возраженія со стороны другихъ. Объ этомъ вопросѣ см. у *Замотина*, „Ром. Идеализмъ“, стр. 298 и слѣд.

²⁾ Наряду съ теченіемъ реалистическимъ, которое въ Англіи является преобладающимъ, здѣсь продолжаетъ существовать и другое теченіе, прямо противоположное первому, зародившееся еще въ пору чувствительности. „Кошмарный жанръ“, *romanque noir*, нагроможденіе ужасовъ, исканіе чудеснаго, фантастическаго, сверхъ-естественнаго, пущенное въ литературный оборотъ еще въ XVIII в. *Вальводемъ* („*Castle of Otrando*“), подхваченное *Анжой Ратклиффъ* и *Льюисомъ*, въ началѣ XIX-го столѣтія встрѣчаются въ изобиліи въ романахъ *Maturin'a* („*Fatal Revenge*“, „*Albigenses*“, „*Melmoth*“), *Mrs Shelley* („*Frankenstein*“) и друг.

Такимъ образомъ романтизмъ английскихъ писателей, рѣзко отличаясь отъ романтизма нѣмецкаго, ближе всего стоитъ къ романтизму французскому. Въ Англии это такой же синтезъ классицизма и новыхъ вѣяній, индивидуализма и служенія общественнымъ задачамъ, пантеизма и теизма, натурализма и увлеченія фантастикой. Но въ Англии художественный натурализмъ сказался съ гораздо большею интенсивностью, чѣмъ во Франціи, и охватилъ гораздо большее число писателей. Въ то время какъ во Франціи это было лишь однимъ изъ теченій романтизма, въ Англии это—теченіе доминирующее, налагавшее свой отпечатокъ на произведенія всѣхъ кореннеевъ английской литературы въ первую половину истекшаго столѣтія.

Такимъ образомъ, если резюмировать въ немногихъ словахъ различіе между „романтизмами“ четырехъ главнѣйшихъ странъ запада, то мы скажемъ, что романтизмъ въ Германіи былъ теченіемъ почти исключительно идеалистическимъ, въ Англии преимущественно натуралистическимъ, въ Италиі—реалистическимъ и притомъ утилитарнымъ, во французскомъ же романтизмѣ сочетались почти въ равной степени художественный реализмъ и идеализмъ.

3. Условныя границы французскаго романтизма.

Каковы условныя границы французскаго романтизма, гдѣ искать начала этого движенія, къ какой эпохѣ отнести его расцвѣтъ и упадокъ? Французскіе критики на эти вопросы давали разные отвѣты, въ зависимости отъ того, что каждый изъ нихъ разумѣлъ подъ названіемъ „романтизмъ“.

Поль Альберъ, для котораго романтизмъ есть свобода въ искусствѣ ¹⁾, а также и исканіе колорита времени и мѣста ²⁾ относитъ начала этого движенія ко второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Всѣ главнѣйшія перемены, происходящія въ литературѣ, Альберъ ставитъ въ связь съ Великой Революціей. Послѣ моральнаго и общественнаго кризиса 1789 года литература получаетъ новый курсъ:

¹⁾ *Paul Albert*. „La littérature française au XIX-e siècle“. T. I „Les origines du romantisme“. Paris 1887, p. 23.

²⁾ C'est Chateaubriand qui a introduit le pittoresque dans la littérature, et c'est la presque tout le romantisme“, *ibid.*, p. 163.

возникають новые литературные жанры, новый взглядъ на исторію, новая критика, новое стихосложеніе, новый поэтический языкъ. Послѣ Революціи, по мнѣнію Альбера, во Франціи привилась меланхолія, особенно въ томъ видѣ, который придавъ ей Оссіанъ. Придавая большое значеніе моральному перевороту, произведенному Революціей, Поль Альберъ тѣмъ не менѣе признаетъ, что и до того существовали во французской литературѣ такія тенденціи, которыя впоследствии легли въ основу романтической поэтики. Предтечами романтизма онъ считаетъ Дидро, Руссо, Мерсье. Что-же касается г-жи Сталь, то по идеямъ своимъ она принадлежитъ XVIII-му вѣку, а по литературнымъ стремленіямъ, особенно въ сочиненіяхъ, слѣдовавшихъ за книгой „*О литературѣ*“, она примыкаетъ къ романтическому теченію.

Приблизительно тѣ-же взгляды на романтизмъ и его начала высказываетъ въ своихъ лекціяхъ и Морисъ Альберъ ¹⁾.

Начала французскаго романтизма, который онъ отождествляетъ съ лиризмомъ и индивидуализмомъ, Брюнетьеръ находитъ въ творчествѣ Руссо. Руссо стоитъ особнякомъ среди писателей своего времени. Онъ одинъ эманципировалъ свое „я“ отъ „приличій“ и „свѣтскихъ обычаевъ“. Но хотя всѣ его современники восхищались его произведеніями, однако никто въ ту пору не понялъ значенія того переворота, который Руссо произвелъ въ литературѣ. Ближайшимъ преемникомъ Руссо Брюнетьеръ считаетъ Бернардена де Сенъ-Пьеръ ²⁾. Къ Дидро Брюнетьеръ относится отрицательно и, въ противоположность другимъ критикамъ, не признаетъ его вліянія на эволюцію новыхъ художественныхъ теченій ³⁾. Шенье для Брюнетьера—предшественникъ романтиковъ въ томъ смыслѣ, что послѣ 1830 года, благодаря Сентъ-Бёву, провозгласившему его отцомъ романтизма, произведенія Шенье стали подражать многіе изъ представителей новой литературной школы.

Целиссье, что касается романтизма и его начала, во многомъ сходится съ Брюнетьеромъ; для него романтизмъ это—возрожденіе

¹⁾ *Maurice Albert*, „La littérature française sous la Révolution, l'Empire et la Restauration“ (1789—1830); Paris, 1898, p. 4.

²⁾ „L'Evolution de la poésie lyrique en France“, Confér. du 4 fevr. 1893.

³⁾ „L'Evolution des genres“, p. 157.

спиритуализма и индивидуализма¹⁾ Предтечи романтиковъ—Руссо, противопоставившій откровенія сердца холодной разсудочности, Дидро и Мерсье, возставшіе противъ классической условности, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ и отчасти Шенье. Во второй половинѣ XVIII-го столѣтія зарождаются тѣ два теченія, которыя мы видимъ и въ романтизмѣ: спиритуализмъ Руссо будетъ воспринять г-жей Сталь, Шатобрианомъ, Ламартиномъ, Жоржъ Сандъ; натурализмъ Дидро найдетъ себѣ продолжателей въ лицѣ Стэндала и Бальзака.

Шенье, по складу ума, по темпераменту, —человѣкъ XVIII-го вѣка. Съ романтиками сближаетъ его то, что и для него, какъ для нихъ, любовь—главный источникъ поэтическаго вдохновенія.

Для Лансона, какъ для двухъ предыдущихъ критиковъ, романтизмъ есть прежде всего лиризмъ, т. е. выраженіе индивидуализма²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ есть реакція противъ классической традиціи и попытка создать новыя литературныя формы³⁾. Начала его слѣдуетъ видѣть, по мнѣнію Лансона, въ развитіи сентиментализма и любви къ природѣ, въ постепенно увеличивающемся вліяніи иностранныхъ писателей, словомъ въ литературѣ второй половины XVIII-го столѣтія. Къ той же эпохѣ относитъ начала романтизма и Шти-де-Жюльвилль.

Пьеръ Лассеръ, считая романтизмъ моральной болѣзью, видитъ начала этого пенхоза у Руссо. Отъ автора „*Новой Элоизы*“ исходитъ тотъ абсолютный индивидуализмъ въ мысли и чувствѣ, который былъ, по мнѣнію Лассера, характерной особенностью романтизма⁴⁾. Преемниками Руссо онъ считаетъ Сенанкура, прославившаго „сердечныя химеры“, Бенжамена Констана, одержимаго „маніей любви“, Шатобриана, съ его болѣзненной чувствительностью, своеправіемъ и увлеченіемъ ложнымъ блескомъ, наконецъ г-жу Сталь.

¹⁾ Le fait capital qui nous paraît dominer le romantisme dans ses origines et dans la portion la plus féconde de son développement, c'est une renaissance du spiritualisme, l'unissant par des affinités naturels avec le sentiment chrétien au sein d'une société dont les liens avaient semblé se dissoudre... Sous l'influence des croyances spiritualistes et chrétiennes, la poésie de notre siècle revêt un caractère subjectif complètement étranger à l'art classique". *Pelissier*. „Le mouvement littéraire au XIX-e siècle“, Paris, 1893. p. 82 sq.

²⁾ *Lanson*. op. cit., p. 918.

³⁾ *Ibid.*, p. 920.

⁴⁾ *Lasserre*. op. cit., p. 17.

Творчества Бернардена де-Сенъ-Пьеръ, Андрея Шенье, Лассэръ не касается: они—натуры здоровыя и потому, въ глазахъ Лассэра, ничего общаго съ романтизмомъ не имѣютъ.

Нѣкоторые критики суживаютъ рамки французскаго романтизма, относя его начала къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ вышеуказанные критики.

Такъ, для Брандеса и Шахова корни романтической школы во Франціи—въ твореніяхъ Шатобріана, Нодье, Бенжамена Констана и г-жи Сталь¹⁾. Для Эмиля Фагэ романтическая литература начинается съ 1800 года²⁾.

Напротивъ того, нѣкоторые другіе критики ищутъ началъ французскаго романтизма гораздо ранѣе второй половины XVIII-го вѣка.

Для Жозефа Текста, отождествляющаго романтизмъ съ литературнымъ космополитизмомъ, начала этого движенія восходятъ къ концу XVII-го столѣтія. Предтечи романтизма—это французскіе эмигранты, переселившіеся въ Голландію, послѣ отгѣны Нантскаго эдикта, а въ XVIII столѣтіи—вульгаризаторы англійскихъ или нѣмецкихъ идей: аббатъ Прево, Вольтеръ, Гриммъ, Дидро, Руссо и друг. Книга г-жи Сталь „*О литературѣ*“, по словамъ Текста, дала форму, кодифицировала смутныя стремленія всѣхъ этихъ писателей. Отождествивъ вліяніе Руссо съ вліяніемъ „сѣверныхъ писателей“, г-жа Сталь дала литературное право гражданства во Франціи „сѣверному духу“ (*l'esprit du Nord*)³⁾.

Близко сходятся съ Текстомъ въ своихъ взглядахъ на романтизмъ и его генезисъ Альберъ Ле-Руа. Начала романтизма Руа видитъ въ увлеченіи Шекспиромъ и въ той трансформациі, которой подверглась сентиментальная индивидуалистическая философія Руссо въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія⁴⁾.

Особнякомъ стоятъ по своимъ взглядамъ на романтизмъ и его генезисъ Эмиль Дешанель и Бертранъ.

Для перваго изъ нихъ романтикъ—это такой писатель, который еще не стяжалъ всеобщаго признанія и стремится къ нему, а клас-

¹⁾ Брандесъ. „Литература XIX-го вѣка въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ“ и Шаховъ. „Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX-го столѣтія“.

²⁾ E. Faquet. „Dix-neuvième siècle“.

³⁾ Joseph Texte. „Jean Jacques Rousseau“ etc., pp. 449 sq.

⁴⁾ Albert Le Roy. „L'aube du théâtre romantique“. Paris, 1904.

сикъ—тотъ, чьи произведенія признаны совершенными, достойными подражанія. Корнель и Расинъ для современниковъ своихъ—романтики, Гюго и Ламартинъ для насъ теперь—классики. Въ доказательство своего тезиса Дешанель указываетъ на присутствіе въ произведеніяхъ Корнеля и Расина множества такихъ чертъ, которыя обыкновенно принято считать „романтическими“¹⁾.

Такимъ образомъ, по книгѣ Дешанеля выходитъ, что если даже понимать романтизмъ, какъ названіе той школы, которая господствовала во Франціи въ первой половинѣ XIX-го столѣтія, то начала этого явленія слѣдуетъ искать въ творчествѣ французскихъ писателей вѣка Людовика XIV-го.

Для Бертрана романтизмъ опредѣляется слѣдующими словами Гюго: „искусство равно жизни“ (*l'Art égal à la vie*). Отсюда, говорить Бертранъ, истекаетъ признаніе свободы въ искусствѣ: „въ самомъ дѣлѣ, если вся жизнь должна быть изображена артистомъ, если для него нѣтъ больше запретныхъ сюжетовъ, то, слѣдовательно, не существуетъ для него ни „правиль“, ни санкціонированныхъ авторитетомъ формъ“²⁾. Это ученіе было диаметрально-противоположнымъ эстетикѣ писателей XVII-го столѣтія и вполне сходилось съ могучей и восторженной эстетикой великихъ писателей эпохи Возрожденія. Обновиться въ источникахъ Жизни, сдѣлать ощутимыми ея многообразныя выраженія наряду съ ея самымъ полнымъ расцвѣтомъ въ исключительныхъ идеально-прекрасныхъ типахъ—таковъ былъ идеаль романтиковъ³⁾.

Французскій романтизмъ—это возрожденіе Ренессанса XVI-го столѣтія⁴⁾. Итакъ, резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что условныя границы французскаго романтизма опредѣляются критиками тройко: одни критики (и таковыхъ большинство) относятъ начала романтизма къ Руссо и писателямъ второй половины XVIII-го столѣтія, другіе—къ г-жѣ Сталь и Шатобриану, т. е. къ послѣднимъ годамъ XVIII-го и началу XIX-го столѣтія; третьи ищутъ „корней“ романтизма въ литературѣ XVII-го и даже XVI-го столѣтія.

¹⁾ *Em. Deschanel* „Le Romantisme des classiques“. Paris, 1883.

²⁾ *Louis Bertrand*. „La Fin du classicisme et le retour à l'antique“. Paris, 1897, p. 416—417.

³⁾ *Ibid.*

⁴⁾ *Ibid.*, p. 413.

Первая изъ этихъ точекъ зрѣнія кажется намъ ошибочной въ томъ отношеніи, что она придаетъ слишкомъ большое значеніе новаторскому почину Руссо и его сверстниковъ. Руссо, какъ это вѣрно замѣтилъ акад. Веселовскій, „кодифицировалъ разрозненныя черты постепенно слагавшагося ученія о чувствѣ и сердцѣ, о природѣ и естественности“. Главнѣйшіе элементы и его поэтики, и вообще поэтики чувствительниковъ, возникли и развились задолго до второй половины XVIII-го столѣтія. Кромѣ того, какъ мы видѣли, романтическое міросозерцаніе далеко не исчерпывается лишь прославленіемъ чувства и страсти, стремленіемъ „опроститься“, вернуться къ первобытному состоянію, порвать со старой цивилизаціей и т. п. Въ него входитъ увлеченіе и колоритомъ мѣста и времени, и эстетическимъ христіанствомъ, и космополитизмомъ и пантеизмомъ и т. д. Если не всѣ эти элементы, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ существовали во французской литературѣ XVI-го и XVII-го столѣтія.

Вторая точка зрѣнія на начала французскаго романтизма кажется намъ еще болѣе ошибочной, чѣмъ первая. И поэтика Шатобриана, и поэтика г-жи Сталь, въ значительной мѣрѣ являются синтезами, какъ-бы завершають собой долгую литературную эволюцію. Такимъ образомъ, самымъ правильнымъ кажется намъ взглядъ тѣхъ, кто ищетъ начала романтизма въ литературѣ XVI-го и XVII-го столѣтія. Это положеніе мы попытаемся доказать въ слѣдующемъ томѣ нашихъ „Разысканій“.

Когда развивается во Франціи собственно романтизмъ или, вѣрнѣе, „классическій“ періодъ этого явленія? Большинство французскихъ критиковъ — Брюнетьеръ, Соважо, Руа, Лансонъ, Шти-де-Жюльвилль и друг. — считаютъ эпохой расцвѣта романтизма періодъ времени отъ конца 20-хъ до начала 40-хъ годовъ.

Поль Альберъ считаетъ періодъ отъ 1815 до 1830 года эпохой самаго блестящаго расцвѣта романтизма: въ ту пору на трибунѣ были Фуа и Ройе-Колларъ; Вильмэнъ, Кузэнъ, Гизо читали лекціи въ Сорбоннѣ; распѣвались пѣсни Беранже; читались „*Méditations*“ Ламартина, „*Les Orientales*“ Виктора Гюго, „*Récits des temps Mérovingiens*“ Огюстена Тьерри; Тьеръ и Минье писали исторію Революціи ¹⁾...

¹⁾ Характ. этой эпохи Поль Альберомъ см. *op. cit.* p. 7—23.

Съ другой стороны Лансонъ и Пти-де-Жюльвилль ограничиваютъ время расцвѣта романтизма періодомъ отъ конца 20-хъ до начала 40-хъ годовъ. Слѣдующую затѣмъ эпоху они считаютъ періодомъ его вырожденія и упадка.

Въ самомъ развитіи ново-романтизма съ 20-хъ по 40-е годы многіе французскіе критики различаютъ два, а нѣкоторые и три фазиса.

Бертрану романтизмъ 1820 года представляется совсѣмъ инымъ, чѣмъ романтизмъ 1830 года. У нихъ совершенно не схожія стремленія¹⁾. Первый изъ нихъ находится еще подъ вліяніемъ классической традиціи, разрывъ съ коею произойдетъ лишь послѣ появленія „*Hernani*“ и „*La Préface de Cromwell*“²⁾. Отъ классиковъ романтики 1820 года отличаются лишь своими религіозными и монархическими убѣжденіями, а также робкими попытками ввести нѣкоторые новшества въ поэтическій стиль. Ихъ исканіе колорита мѣста и времени напоминаетъ style troubadour временъ имперіи, историческій колоритъ произведеній Мильвуа и Маршанжи³⁾.

Равнымъ образомъ и Эстевъ рѣзко отдѣляетъ первый романтизмъ (1815—1825) отъ второго (1830—1850)⁴⁾. Характерными особенностями поколѣнія 1825 года являются меланхолія и сатанизмъ⁵⁾. Вдохновители романтическаго лиризма—Оссіанъ и Гёте (въ „*Вертеръ*“); въ театрѣ царитъ Шиллеръ⁶⁾. Отличительными чертами настроенія людей 1830 года являются иронія и страстность⁷⁾.

„Донъ Жуанъ“ и „Фаустъ“— вотъ тѣ два великихъ типа, которые доминируютъ надъ поколѣніемъ 1830 года⁸⁾.

Для Сурьо Викторъ Гюго является вождемъ второго романтизма⁹⁾. Для Бирэ „*Préface de Cromwell*“ открываетъ собой третью фазу романтизма¹⁰⁾ и т. д.

¹⁾ „Le romantisme de 1830 voulait être tout autre chose que le romantisme caduc et bâtard de 1820; op. cit., p. 414.

²⁾ Ibid., p. 369.

³⁾ Ibid., p. 368.

⁴⁾ Estève, op. cit. Introduction.

⁵⁾ Ibid. Livre I. Ch. V. La génération de 1825.

⁶⁾ Ibid., p. 143.

⁷⁾ Ibid. Ch. VI. La génération de 1830.

⁸⁾ Ibid., p. 203.

⁹⁾ Souriau, op. cit. p. 113.

¹⁰⁾ Edm. Biré. „Victor Hugo avant 1830“. Paris 1883. p. 513.

Нельзя не замѣтить, что большинство французскихъ критиковъ, которые романтизмъ отождествляютъ со спиритуализмомъ и индивидуализмомъ, стараются ограничить періодъ его расцвѣта началомъ 40-хъ годовъ. Художественный реализмъ, сказавшійся съ такою силой у Стэндаля, Мериме, особенно у Бальзака, стѣсняетъ ихъ, служа нагляднымъ опроверженіемъ того опредѣленія, которое они даютъ романтизму. Поэтому, большинство этихъ критиковъ склонны періодъ 1840—1850 годовъ, въ который сильнѣе всего развивается романтической реализмъ, считать эпохой *вырожденія* романтизма. Такой взглядъ намъ кажется совершенно невѣрнымъ. Микіэльсъ, самъ принимавшій дѣятельное участіе въ борьбѣ за романтическія идеи, констатируетъ тотъ фактъ, что побѣда была одержана новой школой въ 1837 году¹⁾. Эта школа „серьезнаго искусства и высокой поэзіи“, по словамъ Микіэльса, господствуетъ до 1850 года²⁾. Морисъ Альберъ считаетъ эпохой расцвѣта романтизма періодъ отъ 1830 по 1851 годъ³⁾.

Дѣйствительно, если даже не считаться съ творчествомъ Бальзака и другихъ романтиковъ-реалистовъ, а брать только исторію развитія и творчества Гюго, Жоржъ Сандъ и Виньи, то періодомъ, въ который талантъ этихъ писателей сказался съ особенной силой и яркостью, — представляется именно 40-е и 50-е годы (1836—1854), т. е. главнымъ образомъ эпоха іюльской Монархіи.

Въ творествѣ Гюго обыкновенно принято отличать три періода: первый до 1830 года, второй отъ 1830 по 1843 годъ и третій съ 1852 по 1881 годъ. Эпохой самаго блестящаго расцвѣта его творчества многіе критики считаютъ второй изъ этихъ періодовъ (отъ „*Preface de Cromwell*“ до „*Les Burgraves*“). Альберъ Ле-Руа даже считаетъ это время порой наивысшаго расцвѣта не только таланта Гюго, но и романтизма вообще⁴⁾.

Такой взглядъ, повидимому, подтверждается тѣмъ, что съ 1840 по 1852 годъ Гюго не печатаетъ больше сборниковъ лирическихъ стихотвореній, между тѣмъ какъ въ предыдущій періодъ онъ издалъ ихъ нѣсколько. Но, какъ оказалось впоследствии, такой продолжительный перерывъ въ лирическомъ творествѣ Гюго вовсе не

¹⁾ *Michiels*, op. cit. t. II, p. 501.

²⁾ *Ibid*, p. 589.

³⁾ *Maurice Albert*, op. cit., p. 5.

⁴⁾ „*L'Aube du Théâtre romantique*“, 1904, ch. I.

былъ слѣдствіемъ того, что творчество это изсякло. Поэтъ хотѣлъ дать синтезъ своего поэтического міросозерцанія, своей философій: ояъ готовилъ ту „міровую поэму“, ту исторію „земли и небесъ“, которую по собственному признанію, задумалъ задолго до появленія первой части „*Légende des siècles*“. Между тѣмъ его постоянно отвлекала общественная дѣятельность¹⁾. Свои замыселъ ояъ могъ осуществить, и то лишь отчасти, въ 1852—1860 годахъ. „*Les Châtiments*“ (1852), „*Les Contemplations*“ (1856) и первая часть „*La Légende des siècles*“ (1859) дали синтезъ его поэтического и философскаго міросозерцанія, а также и высшую мѣру его таланта. Очень многія изъ поэмъ, вошедшихъ въ составъ этихъ трехъ сборниковъ, написаны въ концѣ 40-хъ годовъ. „Всѣ стихотворенія, вошедшія въ составъ 3-й книги „*Contemplations*“, говоритъ Ренувье, помѣчены 1835—1846 годами, почти половина этихъ стихотвореній (какъ, напр., „*Melancholia*“, „*Saturne*“, „*Explication*“, „*Joie du soir*“, „*J'aime l'araignée*“) по духу сходны со стихотвореніями 6-й книги („*Au bord de l'infini*“), гдѣ теорія грѣхонаденія, искупленія и метаморфозъ достигаетъ самаго полнаго развитія. Часть произведеній, вошедшихъ въ составъ 5-й книги, была написана въ ту же пору. *Викторъ Гюго, до 1848 года* могъ напечатать *лирической сборникъ и по формѣ, и по содержанію, болѣе совершенный, чѣмъ сборники 1831—1840-хъ годовъ*²⁾.

Что талантъ Гюго послѣ 1843 года не только не изсякъ, а напротивъ продолжалъ все болѣе и болѣе совершенствоваться, признаетъ и Стапферъ въ своей книгѣ „*Расинъ и Гюго*“. Хотя многіе критики полагаютъ, что Гюго далъ лучшее, что ояъ могъ дать въ „*Les Orientales*“, а въ слѣдующихъ своихъ лирическихъ сборникахъ обнаружилъ искусственность, дѣланность, неумѣлое нагроможденіе красокъ и образовъ и т. п., Стапферъ находитъ, что въ творествѣ Гюго отъ „*Les Orientales*“ до „*La Légende des siècles*“ замѣчается огромный прогрессъ. Въ „*Les Orientales*“ изобразительныя средства доведены до совершенства, но поэмы этого сборника ничего не суггестируютъ намъ; большинство изъ нихъ ничего не говоритъ чувству, не навѣваетъ намъ настроенія. Въ слѣдующихъ сборникахъ Гюго сказываются чувства гораздо болѣе сильныя и искреннія, мысли гораздо болѣе глубокія, чѣмъ въ „*Les Orientales*“. Развитие

¹⁾ *Lanson*, op. cit., p. 947.

²⁾ *Renouvier*, „Victor Hugo, le philosophe“ pp. 28—29. Note.

таланта Гюго идетъ все crescendo отъ „*Les Orientales*“ до „*La Légende des siècles*“ и „*L'Année Terrible*“¹⁾.

Равнымъ образомъ тѣ романы—идилліи, въ которыхъ Жоржъ Сандъ дала полную мѣру своего таланта, которые признаются самыми совершенными изъ ея произведеній, были написаны въ періодъ отъ 1846 по 1850-й годъ: „*La Marc au diable*“ (1846), „*La Petite Fadette*“ (1848), „*François le Champi*“ (1850). Что въ ту же пору и романъ „воображенія“—„романъ приключеній“ не только не изсякъ, а напротивъ продолжалъ развиваться, доказывается появленіемъ такихъ произведеній, какъ „*Les Trois Mousquetaires*“ (1844) и „*Monte-Cristo*“ (1841--1845), которые считаются самими характерными „романтическими“ романами.

Наконецъ, что касается творчества Виньи, то продуктомъ его наивысшаго развитія являются „*Les Destinées*“, вышедшія отдѣльнымъ сборникомъ послѣ смерти поэта; большинство произведеній этого сборника, представляющаго собой синтезъ философскаго и поэтическаго міросозерцанія Виньи, написаны въ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ.

Изъ коріеевъ романтической школы только Ламартипъ и Альфредъ де-Мюссе дали синтезъ своей поэзіи и самые совершенные ея образцы до 1843 года. Первый въ „*Jocelyn*“ и „*La Chute d'un ange*“, второй въ „*Les Nuits*“ (1835—1840).

Такимъ образомъ „классическій“ періодъ французскаго романтизма, по нашему мнѣнію, обнимаетъ собой промежутокъ времени отъ конца эпохи Реставраціи до начала Второй Имперіи. Періодъ же отъ 1815-го по 1829-й годъ былъ, какъ мы видѣли, порой искавій, порой, въ которую новая школа еще только формируется. Мы и назвали эту эпоху „раннимъ французскимъ романтизмомъ“.

4. Теорія „искусство для искусства“ и романтической реализмъ во Франціи.

Въ предыдущихъ главахъ нами не разъ было указано, что реалистическое теченіе во французскомъ романтизмѣ либо игнорируется историками литературы, либо разсматривается ими, какъ теченіе, являющееся отклоненіемъ отъ „чистаго“ романтизма. Это

¹⁾ P. Stapfer. „Racine et Victor Hugo“. Paris 1907. p 164 sq.

объясняется, по нашему мнѣнію тѣмъ, что большинство современныхъ критиковъ, при оцѣнкѣ романтизма и реализма, исходятъ отъ предвзятаго мнѣнія, по которому тотъ и другой считаются явленіями не только совершенно различными, но и противоположными, какъ бы исключаящими другъ друга. А между тѣмъ, если отказатьсь отъ апріорныхъ взглядовъ и опредѣленій, если изслѣдовать то и другое явленіе эмпирически, то придется признать, что объективное наблюденіе „ощутимой реальности“ (а это и служить лозунгомъ всѣхъ представителей „натуралистической“ школы) встрѣчается и весьма часто у многихъ изъ тѣхъ писателей, которыхъ принято называть романтиками. Къ этому выводу пришелъ, какъ мы видѣли, Барà, изслѣдовавшій стиль французскихъ писателей эпохи Реставраціи. Отчасти также смотритъ на этотъ вопросъ и Соважо. Такъ какъ книга Соважо „*О натурализмъ и реализмъ въ литературѣ и искусствѣ*“ трактуетъ о многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ мы касались въ нашихъ „*Разысканіяхъ*“, мы хотимъ нѣсколько на ней остановиться.

Свое изслѣдованіе Соважо начинаетъ съ заявленія, что терминны „реализмъ“ и „натурализмъ“ являются крайне сбивчивыми и неясными. Реализмъ сложился въ стройную систему только въ наши дни, говоритъ онъ, только за послѣднее время онъ сталъ стремиться къ господству. Самому названію реализмъ придаются различныя значенія: современные писатели и критики придаютъ ему хвалебный смыслъ; реалистами они называютъ тѣхъ, кто избѣгаетъ условности и беретъ объектомъ изображенія явленія окружающей дѣйствительности. Наоборотъ для „большой“ публики этотъ терминъ заключаетъ въ себѣ порицаніе по адресу тѣхъ, кто описываетъ „поддонки“ общества, кто копошится въ грязныхъ и низкихъ сторонахъ повседневной жизни¹⁾. Наиболѣе правильнымъ опредѣленіемъ Соважо считаетъ то, которое даетъ реализму Зола въ своей книгѣ объ „*Экспериментальномъ романѣ*“: „нашъ споръ съ идеалистами сводится единственно къ тому, говоритъ Зола, считать ли исходнымъ пунктомъ творчества наблюденіе и опытъ, или исходить отъ того или другого абсолюта“²⁾. Соважо и считаетъ

¹⁾ *David Sauvageot* „Le Réalisme et le Naturalisme dans la littérature et dans l'art“, Paris 1890; Introduction, pp. 1 - 2.

²⁾ *Zola* „Le Roman expérimental“, p 87.

реализмъ такой системой, которая стремится воспроизводить ощущаемую дѣйствительность (*la réalité sensible*) такъ, какъ она познается нами изъ опыта¹⁾. Онъ и хочетъ изучить различныя проявленія такого стремленія у писателей, принадлежавшихъ къ различнымъ литературнымъ теченіямъ.

Такая постановка вопроса кажется намъ совершенно правильной. Къ сожалѣнію Соважо не отрѣшился вполне отъ апріорныхъ взглядовъ на реализмъ и романтизмъ, какъ на два теченія діаметрально противоположныя другъ другу. Романтизмъ, по его мнѣнію, стремится описывать не отдѣльныя явленія, а весь ихъ ансамбль, всю ихъ совокупность. Наоборотъ реализмъ, довольствуется изученіемъ фрагментовъ, разрозненныхъ, единичныхъ явленій. Какъ примѣръ различія между реалистической и романтической манерой писать, Соважо приводитъ описаніе битвы при Ватерло у Стэндаля въ „*La Chartreuse de Parme*“ и у Виктора Гюго въ „*Les Misérables*“. Тотъ и другой начинаютъ съ того же самаго: они посѣщаютъ мѣсто битвы, изучаютъ топографію мѣстности, читаютъ детальныя отчеты о ходѣ сраженія, собираютъ анекдоты и рассказы очевидцевъ. Но, когда они приступаютъ къ описанію, то тутъ и сказывается коренное различіе между тѣмъ и другимъ изъ этихъ романистовъ. Стэндалъ довольствуется лишь изложеніемъ тѣхъ отдѣльныхъ фактовъ, которые ему удалось собрать. Его Фабрицій приходитъ въ долину, которая ему совершенно незнакома, встрѣчаетъ маркитантку, отъ которой пріобрѣтаетъ лошадь; приходитъ въ ужасъ при видѣ труповъ, примыкаетъ къ кавалерійскому отряду, вступаетъ въ дружескую бесѣду со своими новыми знакомыми, угощаетъ ихъ водкой... Стэндалъ смотритъ на сраженіе лишь глазами своего Фабриція; его описаніе состоитъ изъ серіи эпизодовъ, оживляемыхъ чисто индивидуальными впечатлѣніями частнаго лица. Тому же пріему, говорить Соважо, слѣдуетъ и Левъ Толстой.

Викторъ Гюго не ограничивается этимъ. Ему мало частныхъ деталей, онъ хочетъ дать намъ общую картину сраженія. Онъ описываетъ планъ битвы, скрещеніе дорогъ, образующихъ большое А, слѣдитъ за столкновеніемъ массъ и т. п.

¹⁾ *Sauvageot*, op. cit., p. 7.

Различіе между этими двумя описаніями дѣйствительно очень велико. Но мы несогласны съ тѣмъ, что имъ опредѣляются типичныя черты романтизма и реализма. Стремленіе дать общій ансамбль картинъ встрѣчается очень часто у многихъ изъ главарей натуралистической школы; мало ли такихъ „картинъ ансамбля“ въ „Саламбо“ Флобера, въ „*La Débâcle*“ Зола и даже въ „*Война и миръ*“ того самаго Толстого, котораго Соважо считаетъ величайшимъ реалистомъ новаго времени.

И наоборотъ: подробное описаніе отдѣльныхъ деталей встрѣчается въ изобилии въ тѣхъ же „*Отверженныхъ*“ Виктора Гюго, которыхъ Соважо считаетъ типичнымъ романтическимъ романомъ. Вспомнимъ хотя бы описаніе парижскаго гамэна, маленькаго Гавроша, его образа жизни, его жилища въ статуѣ Наполеона и т. п. А мало ли описанія деталей въ „*Груженникахъ моря*“, въ „*L'Homme qui rit*“, въ „*Соборъ парижской Богоматери*“? Самъ Соважо признаетъ этотъ послѣдній романъ настоящимъ археологическимъ музеемъ¹⁾.

Другимъ отличительнымъ свойствомъ реализма (французскаго) Соважо считаетъ стремленіе описывать лишь внѣшнія явленія, лишь видимую дѣйствительность, не проникая вглубь человѣческой психики; реалиста интересуютъ лишь внѣшнія проявленія чувствъ²⁾. Такое замѣчаніе справедливо лишь по отношенію къ нѣкоторымъ изъ французскихъ реалистовъ, которые, по вѣрному замѣчанію Брюнетьера, являются скорѣе психо-физиологами, чѣмъ психологами. Но мало ли глубокихъ психологическихъ этюдовъ, у Стэндаля, у Флобера (особенно въ „*Madame Bovary*“, въ „*l'Education sentimentale*“), у Бальзака въ „*Человѣческой Комедіи*“ у Додэ, у Зола, у Гюи де Мопассана?

Съ другой стороны, если даже и признать стремленіе описывать внѣшнія явленія жизни отличительнымъ свойствомъ реализма, то тогда придется также признать, что самыми реалистическими писателями являются Гюго и другіе искатели колорита „мѣста и времени“. Вѣдь самъ Соважо заявляетъ намъ, что колоритъ у романтиковъ чисто внѣшній, что они воспроизводятъ лишь ощущаемую, а не духовную сторону изображаемыхъ эпохъ³⁾. Всѣ эти про-

¹⁾ Op. cit. p. 206

²⁾ Op. cit. p. 11.

³⁾ Ibid., p. 206.

тиворѣчія и являются, по нашему мнѣнію, слѣдствіемъ того, что Соважо, детально изучивъ вопросъ о реализмѣ эмпирически, все же не отрекся отъ стараго взгляда на реализмъ и романтизмъ, какъ на два явленія діаметрально противоположныя. Кромѣ того онъ, по нашему мнѣнію, впадаетъ въ ту же ошибку, которую мы не разъ отмѣчали у современныхъ изслѣдователей французской литературы, а именно что они слишкомъ склонны обобщать тѣ или другія свойства писателей, принадлежавшихъ къ данной школѣ, и свойства и стремленія отдѣльной группы лицъ распространяютъ на цѣлую литературную школу.

Въ реализмѣ различныхъ временъ Соважо отличаетъ двѣ стороны: реализмъ можетъ быть дидактическимъ, какъ въ средніе вѣка, въ пору Реформаціи, въ эпоху Просвѣщенія—и служить идеѣ „искусство для искусства“, быть объективнымъ и безпристрастнымъ изображеніемъ реальной жизни. Этотъ послѣдній видъ реализма Соважо называетъ натурализмомъ. У французскихъ писателей начала XIX-го столѣтія мы видимъ сосуществованіе того и другого реализма. Соважо совершенно вѣрно замѣчаетъ, что отличительнымъ свойствомъ французской литературы начала XIX-го столѣтія былъ эклектизмъ. „Когда авинняне вернулись въ свой сожженный городъ, говоритъ онъ, они вновь построили городскую стѣну, нагромоздивъ безъ разбору всѣ матеріалы, которые въ прошломъ накопились на ихъ землѣ: обожженные пламенемъ камни, мраморные обломки храмовъ и гробницъ. Такъ и въ началѣ XIX столѣтія: новый режимъ былъ сооруженъ изъ элементовъ, заимствованныхъ у языческой древности, у христіанскаго средневѣковья, у эпохи Революціи... Искусство, до извѣстной степени, стало также эклектическимъ¹⁾. Въ романтическомъ міросозерцаніи сочетались самые противорѣчивые элементы, въ числѣ которыхъ былъ и художественный реализмъ (Соважо забываетъ, что въ началѣ своей книги онъ считалъ реализмъ противоположностью романтизма). Но романтическій реализмъ, по словамъ Соважо, реализмъ особаго рода. Онъ также является эклектическимъ. Поэтика реалистовъ—романтиковъ постоянно колеблется между натурализмомъ Шекспира и реализмомъ дидактическимъ, развившимся уже въ пору Реформаціи и Просвѣщенія XVIII-го столѣтія; въ драматическихъ піесахъ, въ романахъ своихъ, романтики хотятъ слу-

1) Op. cit., p. 168.

жить общему благу, поучать и наставлять читателя или зрителя, напротив того, въ лирической поэзіи они совершенно отказываются отъ утилитаризма¹⁾. Эти двѣ формы реализма, по словамъ Соважб, сосуществуютъ во всей литературѣ XIX-го столѣтія. Бальзакъ—провозвѣстникъ научнаго и дидактическаго реализма нашего времени. Стэндалъ—провозвѣстникъ реализма чисто объективнаго²⁾.

Мы не думаемъ, чтобы дидактизмъ и объективность, о которыхъ говоритъ Соважб, представляли собой двѣ разныя стороны реализма. Какъ нами было уже отмѣчено³⁾, художественный реализмъ есть свойство придавать абсолютную цѣнность всѣмъ явленіямъ дѣйствительности настоящей или прошлой. Это стремленіе можетъ сочетаться со множествомъ другихъ тенденцій, съ индивидуализмомъ, объективизмомъ, дидактизмомъ и т. п.

То, что Соважб считаетъ двумя различными видами реализма, представляется намъ скорѣе двумя различными *сочетаніями* реализма съ одной стороны—съ соціологическими и дидактическими тенденціями, съ другой—съ теоріями „искусство для искусства“. Та и другая изъ этихъ комбинацій имѣетъ свою исторію и нельзя не пожалѣть, что изслѣдователь новѣйшаго французскаго реализма не остановился на ней. Впрочемъ этотъ пробѣлъ въ значительной степени пополняетъ недавно вышедшая книга Альбера Кассанья „*Теорія искусства для искусства во Франціи у послѣднихъ романтиковъ и первыхъ реалистовъ*“.

Теорія „искусство для искусства“, по словамъ Кассанья, была впервые выдвинута романтиками. Она была порождена стремленіемъ реагировать противъ узкихъ правилъ классицизма; романтики провозгласили независимость искусства, пытались освободить его отъ тѣхъ оковъ, которыя налагали на него традиціонная риторика и поэтика. Реалисты пошли далѣе, они провозгласили полную эманципацию искусства отъ морали, политики и науки.

Въ первой трети XIX-го столѣтія этой теоріи пришлось столкнуться не только съ классическими переживаніями, но и съ другимъ болѣе опаснымъ врагомъ, именно взглядомъ на литературу, какъ на средство для политической и соціальной пропаганды. Въ

¹⁾ Ibid., p. 170.

²⁾ Ibid., p. 171.

³⁾ См. выше стр. 183.

30-хъ годахъ истекшаго столѣтія между этими двумя школами происходитъ ожесточенная борьба, причемъ торжество той или другой изъ нихъ зависитъ прежде всего отъ соціальныхъ и политическихъ условій и событій. Въ пору романтизма, говоритъ Кассанъ, существуетъ разладъ между всемогущимъ буржуазнымъ обществомъ и писателями. Большинство романтиковъ перваго поколѣнія брезгливо относится къ „презрѣнной толпѣ“, ненавидитъ пошлыхъ буржуа и провозглашаетъ полную независимость искусства. Между буржуазіей и представителями романтизма существуетъ взаимная антипатія. Буржуазія считала романтическую литературу революціонной и анархической, между тѣмъ какъ классицизмъ представлялся ей литературой разума, порядка и традиціи¹⁾. Буржуазное общество совершенно не поняло новой поэтики: ея представленія о красотѣ были совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкла средняя публика²⁾. Первое поколѣніе романтиковъ объявляетъ открыто войну буржуазному обществу; романтики бичуютъ это общество въ своихъ сатирахъ, эпиграммахъ, памфлетахъ. Во главѣ романтическихъ *bouzin-gots* стоятъ Жераръ де Нерваль и Теофиль Готье.

Этимъ антагонизмомъ между литераторами и буржуазнымъ обществомъ и объясняется то, что первые романтики во Франціи были сторонниками теоріи „искусство для искусства“.

Послѣ революціи 1830 года отношенія между публикой и романтиками значительно измѣнились. Съ одной стороны многіе изъ французскихъ писателей того времени пошли на компромиссъ, стали стремиться къ матеріальному благосостоянію, были увлечены всеобщимъ стремленіемъ къ наживѣ. Они т. ск. „продали шнагу свою“, стали писать, приносиваясь ко вкусамъ „большой публики“, поступились своими литературными принципами. Критики и моралисты времени іюльской Монархіи, Сентъ-Бѣвъ, Прудонъ, Густавъ Планшь, Рейбо, де Мазадъ, Сентъ-Рене Тайландье постоянно жалуются на то, что духъ утилитаризма, индустриализмъ, меркантилизмъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ литературу³⁾. „У насъ былъ свой мистическій культъ чистаго искусства, говоритъ Сентъ-Бѣвъ, теперь все измѣ-

¹⁾ *Albert Cassagne*. „La Théorie de l'art pour l'art en France chez les derniers romantiques et les premiers réalistes“. Paris, 1906. p. 13.

²⁾ *Ibid.*, p. 15.

³⁾ *Ibid.*, p. 21.

нилось; торгашество проникло въ грезу и передѣлало ее по образу и подобию своему ¹⁾). Другіе изъ французскихъ романтиковъ отказались отъ теоріи „искусство для искусства“, увлекшись социалистическими и революціонными идеями. Въ „*Revue des Deux Mondes*“ въ „*Revue républicaine*“ появляется рядъ статей, авторы конхъ нападаютъ на крайній индивидуализмъ въ литературѣ; артистъ, по ихъ мнѣнію, долженъ служить благу общественному. Самыми горячими проповѣдниками „соціального“ искусства являются сотрудники „*Глобуса*“. Какой интересъ могутъ представлять „*Гармонию*“ Ламартина, говорится въ статьѣ, появившейся въ № 30-го августа 1831 года, если самъ поэтъ заявляетъ намъ, что „эту книгу поймутъ лишь немногіе друзья“; кому важна эта „автобіографическая поэзія?“ ²⁾). Пьеръ Леру въ декабрьскомъ и ноябрьскомъ номерахъ „*Revue Encyclopédique*“ 1831 года печатаетъ курьезное „Воззваніе къ артистамъ“. Онъ жестоко нападаетъ на увлеченіе современныхъ писателей историческимъ прошлымъ и на теорію „искусство для искусства“. Искусство должно эволюціонировать вмѣстѣ съ цивилизаціей; художнику необходимо прежде всего знать свое время, знать нужды своихъ согражданъ. „Да, великій поэтъ, говоритъ Леру, обращаясь къ Виктору Гюго, ты умѣешь повѣдать намъ повѣрія арабовъ... а когда могильные Джинны проносятся со свистомъ по воздуху, твой стихъ, подобно звучной волнѣ, передаетъ всю градацію чувствъ отъ самаго полнаго спокойствія, до самаго сильнаго ужаса; чудной гармоніей стиховъ твоихъ, гармоніей, до которой никогда досель не возвышалось ничье искусство, ты умѣешь передавать самые различныя звуки отъ самаго легкаго дуновенія вѣтра до грохота грозной бури. Но когда отъ описанія повѣрій прошлаго ты переходишь къ описанію своихъ собственныхъ чувствъ, ты подобно всѣмъ людямъ своего времени, не можешь ничего повѣдать намъ ни о колыбели, ни о могилѣ. Вотъ почему твоя поэзія, кажется сердцу нашему холодной, какъ ледъ. Въ ней нѣтъ небесъ и она оторвана отъ земли. Въ ней нѣтъ ни вѣры, ни надежды, ни состраданія“ ³⁾. Въ іюль 1833 года Ипполитъ Фортюль указываетъ на то, что ро-

²⁾ „*Revue des Deux Mondes*“, 1830: De la littérature industrielle. прив. Кассанъ, op. cit. loc. cit.

¹⁾ *Cassagne*, op. cit., p. 46.

³⁾ *Ibid.*, p. 47.

мантическое искусство не сумѣло послѣдовать за эволюціей общества, не сумѣло защитить и прославить новую политическую эру, наступившую послѣ іюльской революціи. Оно замкнулось въ теорію „искусство для искусства“, какъ въ монастырь“¹⁾). Въ „*Esquisse d'une philosophie*“ Ламеннэ заявляетъ, что искусство есть лишь „внѣшняя форма идей, лишь внѣшнее выраженіе религіозной догмы и социальныхъ принциповъ“. Чисто „описательное“ искусство—искусство упадочное. Никакое искусство не можетъ существовать само по себѣ; прекрасное неразрывно связано съ полезнымъ. Теорія „искусство для искусства“—нелѣпа²⁾). Прозывъ „соціологовъ“ былъ услышанъ главнѣйшими вождями французскаго романтизма. Съ „*Les Feuilles d'automne*“ въ лирикѣ Гюго сказывается рѣзкій переломъ; изъ жреца „искусство для искусства“ онъ превращается въ проповѣдника новыхъ социальныхъ и политическихъ теорій. Ламартинъ въ маѣ 1832 года въ отвѣтъ на обвиненіе въ томъ, что онъ рѣзко перемѣнилъ фронтъ и перешелъ въ лагерь „соціологовъ“ отвѣтилъ слѣдующими стихами:

Honte à qui peut chanter pendant que Rome brûle,
S'il n'a l'âme et la lyre et les yeux de Néron.

Его „*Исторія жирондистовъ*“, имѣвшая колоссальный успѣхъ, была показателемъ окончательнаго перехода Ламартина въ лагерь сторонниковъ „соціального“ искусства³⁾).

Но самое полное „обращеніе“ въ этомъ отношеніи произошло съ Жоржъ Сандъ. Съ 1835 года подъ влияніемъ сенъ-симониста Жерульда, Мишеля де Буржъ и Пьера Леру, она отказывается отъ индивидуалистическихъ взглядовъ на литературу. Вмѣстѣ съ Леру, она издаетъ социалистическій органъ „*La Revue Indépendante*“, для котораго пишетъ „*Consuelo*“ и „*La Comtesse de Rudolstadt*“⁴⁾).

Что касается Сентъ-Бёва, то онъ постоянно колеблется между той и другой изъ враждующихъ школъ. Въ 1830 году онъ подавалъ самыя блестящія надежды сторонникамъ социальнаго искусства; на него смотрѣли какъ на самаго „передового“ изъ романти-

¹⁾ Ibid., p. 48.

²⁾ Ibid., p. 51.

³⁾ Ibid., p. 65.

⁴⁾ Ibid., p. 67.

ковъ, какъ на писателя, менѣе своихъ сверстниковъ увлекающагося средневѣковьемъ. Онъ интересовался сперва сентъ-симонизмомъ, затѣмъ ученіемъ Ламеннэ. Въ 1831 году Сентъ-Бёвъ сотрудничаетъ въ „*Le National*“, издаваемомъ Арманомъ Карралемъ. Но въ 1834 году появленіе его романа „*Volupté*“ совершенно разбило всѣ надежды, которыя возлагали на него „соціалисты“. Сентъ-Бёвъ стремится занять положеніе независимое, непримыкаетъ ни къ той, ни къ другой школѣ. Онъ протестуетъ противъ безстрастія Теофиля Готье и въ тоже время нападаетъ на гуманитарныя теоріи Ипполита Фортуля ¹⁾.

На ряду съ такими писателями, съ которыми произошло болѣе или менѣе полное, болѣе или менѣе искреннее „обращеніе“, среди французскихъ романтиковъ встрѣчались и такіе, которые остались вѣрными теоріи „искусство для искусства“. Любопытно то, что у большинства этихъ послѣднихъ служеніе „чистому“ искусству шло объ руку съ сильными натуралистическими тенденціями. Таковы Мюссе, Теофиль Готье, Меримэ. Теофиль Готье заявляетъ критикамъ, требующимъ отъ поэта, чтобы онъ служилъ политической или соціальной идеѣ, что „онъ не красенъ, ни бѣлъ, и даже не трехцвѣтенъ“; что онъ только тогда узнаетъ о революціяхъ, когда пули разбиваютъ его окна“. По его мнѣнію все, что полезно — не эстетично. Онъ пишетъ „для немногихъ“, презираетъ мнѣніе большой публики:

Ne sois pas étonné si la foule, ô poète
Dédaigne de gravir ton œuvre jusqu'au faite;
La foule est comme l'eau qui fuit les hauts sonnets;
Où le niveau n'est pas, elle ne vient jamais.

Альфредъ де Мюссе во второмъ письмѣ Дююи и Котона осмѣиваетъ всѣхъ соціологовъ, всѣхъ сторонниковъ гуманитарныхъ ученій. Альфредъ де Виньи заявляетъ въ „*Stello*“, что доктрины, законы, общественныя учрежденія преходящи; они отвѣчаютъ пуждамъ даннаго народа въ данную эпоху и умираютъ вмѣстѣ съ этимъ народомъ; вѣчны лишь произведенія „божественнаго“ искусства.

Кромѣ упомянутыхъ писателей теорія „искусство для искусства“ имѣла, по словамъ Кассанья, многихъ горячихъ сторонни-

¹⁾ Ibid., p. 68—70

ковъ среди молодого поколѣнія, особенно среди учащейся молодежи. Максимъ Дюкамъ и Луи Корнеманъ еще на школьной скамьѣ начитавшись сочиненій де Баранта и Вальтеръ—Скотта, пишутъ большой историческій романъ „*Capeluche ou l'Homme rouge*“. Романтическія идеи и теоріи проникли во все коллежи и семинаріи. Ренанъ въ юности увлекается сочиненіями Гюго и Ламартина, поклоняется Сентъ-Бѣву и Теофилю Готье. То же видимъ мы у Флора, Бодлэра, Луи Менара и Леконтъ де Лиля¹⁾.

Революція 1848 года на время отвлекла вниманіе общества отъ литературы. Все интересуются социализмомъ; газеты и журналы комментируютъ, оспариваютъ или восхваляютъ сочиненія Луи Блана, Консидерана, Прудона, Пьера Леру²⁾. Сторонники социальнаго искусства временно торжествуютъ. Къ нимъ переходитъ (правда не надолго) даже такой заклятый врагъ буржуазіи и демократіи, какъ Бодлэръ³⁾. Теорію „искусство для искусства“ онъ теперь считаетъ „дѣтской утопіей“. Эмиль Монтегю констатируетъ тотъ фактъ, что теорія эта оставлена большинствомъ писателей его времени⁴⁾.

Торжество сторонниковъ социальнаго искусства длилось недолго. Переворотъ 2-го декабря и воцареніе Наполеона III-го надолго остановило пропаганду социалистическихъ идей во Франціи. Въ умственной жизни наступилъ полный застой. Свобода прессы была уничтожена декретомъ 17 февраля 1852 года: нѣсколько самыхъ видныхъ писателей привлечено къ уголовной отвѣтственности. Уничтоженіе свободы прессы, цензура, легшая тяжелымъ гнетомъ на французскую литературу второй имперіи, способствовали, по словамъ Кассанья, тому, что большинство французскихъ писателей этой поры либо ушли въ мелкую журналистику, занялись репортерствомъ, сообщеніемъ „слуховъ“ и сплетень, либо ушли въ самихъ себя, отдались служебю „чистому искусству“.

Такимъ образомъ изъ книги Кассанья выясняется, что утилитарный взглядъ на литературу неразрывно связанный съ дидактизмомъ и служеніе идей „искусство для искусства“ встрѣчались въ первую половину XIX-го ст., и у идеалистовъ и у реалистовъ.

¹⁾ *Cassagne*, pp. 75—76.

²⁾ *Ibid.*, p. 79.

³⁾ *Ibid.*, p. 81.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 83.

Преобладаніе той или другой изъ нихъ зависѣло главнымъ образомъ не отъ реализма или идеализма данной группы писателей, а отъ общественныхъ и соціальныхъ условій, отъ того положенія которое литераторы въ данную эпоху занимали въ обществѣ, отъ ихъ отношеній къ публикѣ и т. п. Причины преобладанія той или другой изъ этихъ теорій были такъ ск. не внутреннія, а внѣшнія.—Были идеалисты, какъ Ламартинъ, которые подъ вліяніемъ политическихъ событій становились сторонниками „полезнаго“ искусства; были и реалисты, какъ Меримэ, а внослѣдствіи Флоберъ, которые служили „искусству для искусства“.

Но если обѣ эти теоріи по существу своему не зависятъ отъ реализма, то нельзя не признать, что онѣ не въ равной степени благопріятствуютъ его развитію. По нашему мнѣнію, утилитарный взглядъ на искусство скорѣе препятствуетъ развитію реализма (въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ) чѣмъ благопріятствуетъ ему. Писателю, ставящему себѣ цѣлью провести въ своихъ сочиненіяхъ то или другое моральное или политическое ученіе, крайне трудно оставаться объективнымъ наблюдателемъ явленій окружающей дѣйствительности. Реальные факты становятся для него лишь *средствами* для проведенія того или другого ученія, той или другой идеи. Они не представляютъ для него абсолютной цѣпности, важны лишь постольку, поскольку пригодны, какъ аргументы, какъ средства для борьбы.

Нерѣдки случаи, что писатель, будучи по складу своего ума, по вкусамъ и по характеру реалистомъ, увлекшись тѣмъ или другимъ ученіемъ, политическимъ, соціальнымъ или философскимъ уклоняется отъ художественнаго реализма. Самымъ типичнымъ представителемъ такой двойственности является, по нашему мнѣнію, Эмиль Зола. Большинство критиковъ изучавшихъ его творчество, согласны съ тѣмъ, что онъ былъ въ высшей степени одаренъ способностью схватывать въ данномъ человѣкѣ, въ данномъ явленіи массу конкретныхъ, реальныхъ признаковъ, что у него были всѣ данныя, чтобы быть вождемъ реалистической школы. Интересъ къ реальнымъ фактамъ, стремленіе къ точному воспроизведенію ихъ не только присущи его натурѣ, но возводятся имъ въ художественный принципъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Зола, увлекаясь ученіями Ломброзо и Клода Бернара, поставилъ себѣ задачей „провести“ эти ученія въ своихъ романахъ и на практикѣ очень часто противорѣ-

читать своей реалистической программѣ, впадаетъ въ условность, представляетъ факты въ крайне субъективномъ и ложномъ освѣщеніи. Онъ не довольствуется наблюденіемъ различныхъ проявленій вырожденія современнаго общества, а видитъ ихъ повсюду, даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Если-бы историку лѣтъ черезъ 300 или 400 вздумалось познакомиться съ бытомъ французскаго общества нашего времени по романамъ Зола, то все общество это представилось бы ему обширнымъ Бэдламомъ, скопищемъ идиотовъ, маніаковъ, эротомановъ. Такое-же извращеніе фактовъ и одностороннее освѣщеніе ихъ, находящееся въ противорѣчій и съ эстетическими вкусами писателя и съ его природными наклонностями, видимъ мы и у Дидро и у очень многихъ писателей, поставившихъ себя цѣлью провести въ своихъ произведеніяхъ ту или другую моральную политическую или научную теорію.

Правда бывали случаи, что дидактизмъ вполне уживался съ реализмомъ, не мѣшая развитію этого послѣдняго. Но такое сочетаніе встрѣчается только у очень крупныхъ художниковъ-реалистовъ, какъ напр. у Бальзака и Льва Толстого.

Наоборотъ теорія „искусство для искусства“ является вполне благопріятной для развитія художественнаго реализма. Первое требованіе, которое она ставитъ художнику это быть свободнымъ отъ всякой предвзятой идеи, служить искусству ради него самого, не превращать его въ орудіе пропаганды. Художникъ свободенъ отъ всякихъ обязательствъ, отъ всякихъ правилъ, отъ всякихъ кодексовъ морали или эстетики. Тѣмъ самымъ, что онъ творитъ, онъ исполняетъ свою миссію, свое призваніе какъ гражданинъ и какъ артистъ. Въ искусствѣ ему предоставленъ полный просторъ: современная жизнь и историческое прошлое, бытъ своей родины и нравы далекихъ странъ, душевныя ощущенія и явленія окружающей дѣйствительности, все для него матеріалъ, все имѣетъ право на художественное воспроизведеніе.

Такое ученіе нисколько не мѣшаетъ объективному наблюденію и изображенію фактовъ; вотъ почему ему слѣдовали (по крайней мѣрѣ во Франціи) очень многіе изъ реалистовъ. Флоберъ, Гонкуры, Бодларъ, Леконтъ дѣ Лиль, а послѣ нихъ Мопассанъ, Пьеръ Лоти были сторонниками теоріи „искусство для искусства“. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, ихъ предшественниками и поставниками были романтики.

Эта связь между французскими писателями эпохи июльской монархии и первыми представителями той школы, которая получила название „реалистической“, по нашему мнѣнію, недостаточно выяснена Давидомъ Соважо. Онъ ограничивается лишь немногими и довольно незначительными указаніями: отмѣчаетъ сочетаніе въ творчествѣ Бальзака реалистическихъ и романтическихъ тенденцій¹⁾; кромѣ того онъ указываетъ на то, что реалистическому увлеченію археологіей предшествовало исканіе колорита мѣста и времени у Гюгс, Дюма и другихъ романтиковъ²⁾.

Отвѣтъ на вопросъ о связи романтической и реалистической школы мы опять-таки находимъ въ книгѣ Альбера Кассанья. И хотя авторъ книги о теоріи „Искусство для искусства“ исходитъ изъ односторонняго, по нашему мнѣнію, взгляда на романтизмъ, какъ на теченіе преимущественно идеалистическое, но детальное изученіе фактовъ приводитъ его часто къ выводамъ совершенно правильнымъ.

Между романтиками и представителями реалистической школы—Флоберомъ, Бодлэромъ, Банвиллемъ, Гонкурами существуетъ по мнѣнію Кассанья, столь тѣсная связь, что всѣхъ реалистовъ, сторонниковъ теоріи „Искусство для искусства“, онъ называетъ неоромантиками.

Въ началѣ эпохи второй имперіи часть литературной молодежи смутно сознаетъ, что для новаго общества пужна новая литература. Воспитанная на писателяхъ школы 1830 года, эта молодежь не можетъ вполне отрѣшиться отъ романтическихъ теорій, хотя сознаетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ устарѣли³⁾. Эпоха 30-хъ годовъ все еще представляется имъ „золотымъ вѣкомъ“ литературы, порой героической, когда поэты писали ради славы, а не ради денегъ, смотрѣли на творчество какъ на священнодѣйствіе, а не какъ на статью дохода. Теодоръ де-Банвилль пишетъ апоэеозъ 1830 году:

O Poésie, ô ma mère mourante
Comme tes fils t'aimaient d'un grand amour
Dans ce Paris, en l'an mil huit cents trente!

¹⁾ *Sauvageot*, op. cit., p. 183.

²⁾ *Ibid*, p. 206.

³⁾ *Cassagne*, op. cit., p. 105.

Pour eux les Docks, l'Autrichien et la Rente
Les mots de bourse étaient du pur hebreu...

Бодлэръ сожалѣеть о томъ, что родился слишкомъ поздно, послѣ „заката романтическаго солнца“¹⁾. Гонкурамъ 30-е годы представляются эпохой „рыцарства и любви“²⁾.

Между представителями реалистической школы, сторонниками искусства для искусства и романтиками школы 1830 года дѣйстви-тельно очень много общаго. Первые сходятся со вторыми и по своимъ эстетическимъ взглядамъ, и по своимъ вкусамъ и наклонно-стямъ, и по темпераменту. Первые „реалисты“, по словамъ Кассанья, проникнуты тѣмъ-же артистическимъ аристократизмомъ, что и ихъ предшественники-романтики. Они также ненавидятъ буржуазію, мер-кантилизмъ, стремленіе къ наживѣ, также протестуютъ противъ го-сподства капитала. Ни Готье, ни Флоберъ, ни Гонкуры, ни Леконтъ де-Лиль, ни Бодлэръ не щадятъ буржуазіи въ своихъ произведе-ніяхъ. Они обрабатываютъ заново, обновляя и развивая ихъ, всѣ старыя антибуржуазныя темы, пущенныя въ литературный оборотъ писателями эпохи іюльской Монархіи³⁾.

Подобно романтикамъ они прославляютъ богему, сочувственно относятся ко всѣмъ тѣмъ, кто „выбитъ изъ колен“, кто враждуетъ съ буржуазіей, кто не признаетъ ея морали, ея кодексовъ: публич-ныхъ женщинъ, бродягъ, неудачниковъ, скомороховъ и т. п.⁴⁾.

Воспринявъ отъ романтиковъ ученіе „объ уродливо комичномъ“ (le grotesque), они примѣнили ее къ описаніямъ буржуазной среды⁵⁾.

У реалистовъ, жрецовъ „чистаго искусства“ — то-же враждебное отношеніе ко всякому общественному и политическому укладу, тѣ-же анархическія тенденціи, что у многихъ изъ романтиковъ. И тѣмъ и другимъ ненавистно все, что подгоняетъ людей подъ одну мѣрку. „Я не хочу принадлежать ни къ какой корпораціи, пишетъ Флоберъ, не хочу быть членомъ никакой академіи, не хочу при-надлежать ни къ какому обществу или ассоціаци. Я ненавижу стад-ность, правила, все подгоняющее людей подъ одну мѣрку“⁵⁾.

¹⁾ Ibid., p. 118.

²⁾ Ibid., p. 119.

³⁾ Ibid., p. 151.

⁴⁾ Ibid., p. 155.

⁵⁾ Correspondance, II, p. 368; цит. Кассань.

Подобно романтикамъ, они возстаютъ и противъ установленной морали вообще. Главной задачей артиста, говоритъ Флоберъ, должно быть стремленіе пребывать душою „на высотахъ“ вдали отъ буржуазной грязи. Культъ искусства порождаетъ въ насъ гордость; и чѣмъ эта гордость больше, тѣмъ лучше. Такова моя мораль¹⁾.

Задача артиста, по мнѣнію Флобера и его сверстниковъ, не въ томъ, чтобы примѣнить и улучшить условія жизни, а въ томъ, чтобы ее изображать²⁾. Многіе приемы этого изображенія у Флобера и его послѣдователей тѣ-же, что у романтиковъ. Романтики прекрасно сознавали, говоритъ Кассанъ, что классическое искусство стало безжизненнымъ, мертвымъ, вслѣдствіе своего пристрастія къ абстракціямъ. Поэтому они прежде всего обратились къ исканію яркихъ красокъ, стали искать колорита мѣста и времени; этимъ путемъ они хотѣли сдѣлать искусство болѣе конкретнымъ, болѣе точнымъ въ изображеніи дѣйствительности. Флоберъ и его сверстники восприняли эти взгляды и развили ихъ³⁾.

Они заимствовали у романтиковъ также ихъ исканіе типичнаго, характернаго. Реалисты-сторонники теоріи „искусство для искусства“ слѣдуютъ тому-же принципу, которому слѣдовалъ Гюго стремятся избѣгать банальности и вульгарности⁴⁾.

Стремленіе примирить оригинальность, и исканіе яркихъ красокъ съ правдивымъ изображеніемъ жизни привело и Флобера, и его послѣдователей, къ тому самому, къ чему оно привело романтиковъ — къ экзотизму. Различіе между тѣми и другими лишь въ томъ, что экзотизмъ романтиковъ болѣе поверхностенъ, чѣмъ экзотизмъ реалистовъ-приверженцевъ теоріи „искусство для искусства“. Романтики, говоритъ Кассанъ, дѣлали лишь краткія экскурсіи въ область экзотизма, это былъ у нихъ лишь случайный приемъ; напротивъ того у нео-романтиковъ это излюбленная форма искусства, къ которой они прибѣгаютъ постоянно⁵⁾.

Наконецъ, по словамъ Кассаня, романтиковъ и нео-романтиковъ сближаетъ ихъ пессимистическое отношеніе къ жизни.

¹⁾ Ibid., IV, p. 147.

²⁾ Cassagne, op. cit., p. 236.

³⁾ Ibid., p. 273.

⁴⁾ Ibid., pp. 310 sq.

⁵⁾ Ibid., p. 376.

Правда, вторые прибавили нѣсколько новыхъ мотивовъ къ мотивамъ скорби своихъ предшественниковъ. Но формы для выраженія своей скорби они очень часто заимствуютъ у Мюссе, Ламартина и особенно у Альфреда де-Виньи; какъ примѣръ такого заимствованія Кассанъ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ „*Le vent froid de la nuit*“ Леконтъ де-Лиля:

Tais-toi. Le Ciel est sourd, la terre te dédaigne
A quoi bon tant de pleurs si tu ne peux guérir?
Sois comme un loup blessé qui se tait pour mourir,
Et qui mord le couteau de sa gueule qui saigne...

Это стихотвореніе онъ сопоставляетъ съ „*La mort du loup*“ Альфреда де-Виньи¹⁾.

Таковы выводы, къ которымъ привело Кассанья сравнительное изученіе поэтики романтиковъ и поэтики реалистовъ, служившихъ „чистому искусству“. Къ этимъ выводамъ мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія.

Вліяніе французскихъ романтиковъ на первыхъ представителей „реалистической“ школы сказалось въ цѣломъ рядѣ стилистическихъ приемовъ. Подобно Шатобриану, подобно, Гюго, Флоберъ и многіе изъ его послѣдователей вѣрятъ въ мистическое и суггестивное значеніе словъ, въ значеніе комбинаціи звуковъ, независимо отъ тѣхъ идей, которыя выражаются ими. Эмиль Эннекенъ совершенно справедливо замѣтилъ, что у Флобера, Гонкуровъ, Леконтъ де-Лиля, Теодора де-Банвилля, Гюисманса, Виллье-де-Лиль-Адама, Кладеля преобладаютъ фразы опредѣленнаго типа, къ которымъ они подговяютъ ту или другую идею²⁾. Подобно Шатобриану, подобно Виктору Гюго, они придаютъ абсолютное значеніе словамъ и сочетанію звуковъ; у нихъ, въ особенности у Флобера, часто образъ подсказанъ словомъ.

Въ слѣдующемъ отрывкѣ Флоберъ ищетъ совершенно тѣхъ-же музыкальныхъ эффектовъ, что Шатобрианъ въ известной пѣснѣ Цимодоцеи (въ „*Мученикахъ*“):

„Où donc vas-tu? Pourquoi changer tes formes perpétuellement?
Tantôt mince et recourbée tu glisses dans les espaces comme une ga-

¹⁾ Cassagne, op. cit., p. 330.

²⁾ „Quelques Ecrivains Français“ pp. 64—65.

lère sans mâtüre; ou bien au milieu des étoiles tu ressembles à un pasteur qui garde son troupeau. Luisante et ronde tu frôle la cime des monts comme la roue d'un char¹⁾.

Отмѣченное нами выше стремленіе „живонисать“ словами, исканіе красочныхъ эффектовъ — присущи и Флоберу и Леконтъ де-Лилю и всѣмъ ихъ сверстникамъ. См. напр. у Флобера:

La lune ronde et couleur de pourpre se levait à ras de terre au fond de la prairie. Elle montait vite entre les branches des peupliers qui la cachaient de place en place comme un rideau noir, troué. Puis elle parut éclatante de blancheur, dans le ciel vide qu'elle éclairait, et alors se ralentissant, elle laissa tomber sur la rivière une grande tache qui faisait une infinité d'étoiles; et cette lueur d'argent semblait s'y tordre jusqu'au fond, à la manière d'un serpent sans tête couvert d'écailles lumineuses. Cela ressemblait à quelque monstrueux candélabre d'où ruisselaient tout le long, des gouttes de diamant en fusion. La nuit douce s'étalait autour d'eux; des nappes d'ombre emplissaient les feuillages, Emma, les yeux demi-clos, aspirait avec de grands soupirs de vent frais qui soufflait... Souvent quelque bête nocturne, hérisson ou belette, se mettant en chasse, dérangeait les feuilles, ou bien on entendait par moments une pêche mûre qui tombait toute seule dans l'espalier²⁾.

Иногда исканіе красочныхъ эффектовъ приводитъ Флобера къ игрѣ контрастами, къ жонглированью эпитетами: „On leur servit des oiseaux à la sauce verte, dans des assiettes d'argile rouge, rehaussées de dessins noirs etc³⁾“.

Братья Гонкуры хотятъ передать въ своихъ романахъ такіе тоны и оттѣнки, которые можетъ изобразить лишь кисть живописца. Получается какъ-бы поединокъ между словаремъ и палитрой художника. Они подбираютъ выраженія, описываютъ одно и то-же по нѣсколько разъ, — словомъ, какъ бы заставляють насъ присутствовать при своей подготовительной творческой работѣ. Иногда имъ удается достигъ эффектовъ, какъ, напр., въ слѣдующемъ описаніи постепеннаго исчезновенія свѣта въ мастерской художника, среди изяш-

¹⁾ Привед. у *Hennequin*, op. cit., p. 7.

²⁾ „M-me Bovary; см. также описаніе лѣса Fontainebleau въ „L'Education sentimentale, описаніе восхода солнца въ „Salamambo“, глава I-ая etc.“

³⁾ „Salamambo“.

ныхъ. блестящихъ предметовъ: „на полотнахъ утренняа лазурь пейзажей измѣнялась въ изумрудно-блѣдный цвѣтъ вечера... вскорѣ въ мастерской остался лишь мутный, блѣсоватый лучъ, падавшій на шифоньерку въ формѣ страусоваго яйца, привѣшенную къ потолку. Не было видно ни шнурка, поддерживавшаго ее, ни кистей изъ краснаго шелка“.

Еще большой виртуозности, чѣмъ братья Гонкуры, достигаетъ, по словамъ Энекена, Гюнсмансъ, напр., въ слѣд. отрывкѣ: „Des branches de corail, des ramures d'argent, des étoiles de mer ajourées comme des filigranes et de couleur bise, jaillissent en même temps que de vertes tiges supportant de chimériques et réelles fleurs, dans cet antre illuminé de pierres précieuses comme un tabernacle, et contenant l'inimitable et radieux bijou, le corps blanc, teinté de rose aux seins et aux lèvres, de la galatée, endormie dans ses longs cheveux pâles“¹⁾.

Наконецъ у большинства французскихъ реалистовъ очень часто встрѣчается тотъ-же простѣйшій видъ импрессионизма, который мы отмѣтили у романтиковъ, а именно стремленіе описывать сцены „потрясающія“, кровавыя, нагромождать описанія „ужасовъ“. Это свойство французскихъ реалистовъ отчасти отмѣчено Кассаньемъ²⁾. Флоберъ, Леконтъ де-Лиль, Барбэ д'Оревилли очень любятъ описывать бойни, массовыя избиенія, пытки и т. п. Вспомнимъ хотя-бы казнь Ганона и Матё въ „Саламбо“, описанія распинанія львовъ, сраженія наемниковъ съ Гамилькаромъ въ томъ-же романѣ, кровавыя сцены вродѣ „*Le massacre de Mona*“ у Леконтъ де-Лиля, „*La Charogne*“ и „*Une martyre*“ въ „*Les Fleurs du mal*“ Бодлэра и т. д. и т. д.

Это стремленіе бить по нервамъ читателя сказалось и у Зола (хотя-бы въ „*La Débâcle*“), и у Мопассана и у многихъ изъ современныхъ реалистовъ, напр. у Гюнсманса.

„La horde des Huns rase l'Europe, se rua sur la Gaule, s'écrasa dans les plaines de Châlons, où Aétius la *pila* dans une effroyable charge. „*La plaine gorgée de sang* moutonna comme une mer de pourpre;

¹⁾ Hennequin, op. cit., p. 198.

²⁾ Tous (les néo-romantiques) ont un penchant naturel pour l'éclat, le paroxysme, la violence, les choses atroces, horribles, les catastrophes, les tueries“... Cassagne. op. cit. p. 313.

deux cent mille cadavres barrèrent la route, brisèrent l'élan de cette avalanche qui, divisée, tomba éclatant en coups de foudre sur l'Italie; où les villes exterminées flambèrent comme des meules" etc.

5. Добавленія.

Къ стр. 45 и слѣд. Сбивчивость въ тѣхъ опредѣленіяхъ, которыя давались романтизму представителями новой школы отмѣчена Альфредомъ де-Мюссе въ письмахъ Dupuis et Cotonet: „Nous n'avons jamais pu comprendre, ni mon ami Cotonnet, ni moi, ce que c'était que le romantisme, et cependant nous avons beaucoup lu notamment des préfaces (1-ère lettre).

Къ стр. 55. Къ приведенному нами перечню переводовъ иностранныхъ писателей и изслѣдованій о ихъ творествѣ слѣдуетъ добавить слѣдующія сочиненія:

B. Constant „*Wallenstein*“ tragédie, 1819.

Walter Scott „Des troubadours et des cours d'amour, 1817.

A. Duran „*Romancero général*“, 1822.

Creusé de Lesser „*Romances du Cid*“, 1814—23.

Fauriel „*Les Tragédies de Manzoni*“, traduction, 1823.

Loève-Veimars „*Mélanges littéraires, politiques et morceaux inédits de Wieland*“, 1824.

Idem „*Ballades, légendes et chants populaires de l'Angleterre et de l'Écosse*“, 1825.

Idem „*Obéron*“, 1825.

G. Cohen. „*Tableau de la Grèce en 1825*“.

E. Quinet. „*Idées sur la philosophie de Herder*“, 1827.

Nodier „*Faust*“, 1828.

Gérard de Nerval „*Le Faust de Goethe*“, 1828.

A. Deschamps „*La Divine Comédie de Dante*“, 1829.

Къ стр. 70. Сознаніе связи ихъ эпохи съ эпохой Возрожденія сказывается у многихъ французскихъ романтиковъ. Сентъ-Бёвъ ставитъ себя задачей хотя-бы отчасти воскресить славу французскихъ гуманистовъ и пишетъ слѣдующій сонетъ „*Къ Ронсару*“.

A toi, Ronsard, à toi, qu'un sort injurieux
Depuis deux siècles livre au mépris de l'histoire,
S'élève de mes mains l'autel expiatoire

Qui te purifiera d'un arrêt odieux.
 Non que j'espère encore, au trône radieux
 D'où jadis tu régnaïs, replacer ta mémoire;
 Tu ne peux de si bas remonter à la gloire:
 Vulcain imprunément ne tomba pas des cieux.
 Mais qu'un peu de pitié console enfin tes mânes;
 Que, déchiré longtemps par der rires profanes,
 Ton nom d'abord fameux, recouvre un peu d'honneur!
 Qu'on dise: il osa trop, mais l'audace était belle;
 Il lassa, sans la vaincre, une langue rebelle
 Et de moins grands depuis eurent plus de bonheur.
 (Poésies de Joseph Delorme).

Викторъ Гюго скажетъ въ предисловіи въ „*Les Feuilles d'automne*“: *Voyez le seizième siècle. C'est une immense époque pour l'art. C'est le passage de l'unité religieuse et politique à la liberté de conscience et de cité, de l'ortodoxie au schisme, de la discipline à l'examen, de la grande synthèse sacerdotale qu'a fait le moyen âge à l'analyse philosophique qui va le dissoudre; c'est tout cela; et c'est aussi le tournant magnifique et éblouissant de perspectives sans nombre, de l'art gothique à l'art classique*“. (р. 2).

Къ стр. 203-ей „*Pутешествіе на Востокъ*“ Ламартина, подобно шатобриановскому „*Pèlerinage de Paris à Jérusalem*“ представляетъ собой типичный образчикъ тѣхъ „путешествій“, которыя стали модными въ литературѣ со второй половины XVIII-го столѣтія. Путешествія эти обыкновенно восходятъ къ тремъ типамъ. Къ первому относятся такіе дневники путешественника, какъ „журналы“ Кука и Бугенвилля. Въ нихъ авторъ, преслѣдуя прежде всего научныя цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ охотно останавливается на характерныхъ живописныхъ деталяхъ тѣхъ пейзажей, тѣхъ нравовъ и обычаевъ, которые онъ видѣлъ. Описательная, „живописная“ сторона такихъ путешествій дѣлала ихъ особенно привлекательными для читателей; путешествія Кука и Бугенвилля читались не только учеными, но и „большой“ публикой; ихъ комментировали на всевозможные лады философы и моралисты; въ нихъ почерпали обильный матеріалъ писатели, интересовавшіеся „примитивными“ нравами. Ко второму типу относятся „чувствительныя путешествія“; въ нихъ авторъ обыкновенно въ формѣ писемъ описываетъ преимущественно, свои

мнѣнія ощущенія и переживанія, выставляеть на показъ эмоціи своей чувствительной души. Его „я“ всегда на первомъ планѣ: описываемые пейзажи и города, связанныя съ ними сказанія, легенды, анекдоты служатъ автору предлогомъ для того, чтобы повѣдать читателю свои чувства и думы. Самымъ характерныхъ изъ такихъ путешествій было какъ извѣстно „*Sentimental Journey*“ Стэрна ¹⁾.

Къ третьему типу относятся такія сочиненія какъ „*путешествіе*“ Шуазеля Гуффье. Въ нихъ археологическія разысканія чередуются съ колоритными описаніями, съ литературными цитатами, съ моральными, эстетическими и философскими разсужденіями. Къ путешествіямъ этого типа относятся по нашему мнѣнію „*Pèlerinage de Paris à Jérusalem*“ Шатобриана. Хотя путешествіе озаглавлено „паломничество“, но оно не имѣетъ ничего общаго съ благочестивыми „ходженіями“ среднихъ вѣковъ. Въ путешествіи Шатобриана религіозныя цѣли отходятъ на второй планъ. Онъ ищетъ прежде всего матеріала для своихъ „*Мучениковъ*“; ѣдетъ набираться новыхъ впечатлѣній, яркихъ красокъ. Описанія той мѣстности, гдѣ страдалъ Спаситель интересуютъ его не только какъ „благочестиваго пилигрима“, но и какъ артиста, какъ литератора. Историческія разысканія чередуются у него съ моральными и философскими разсужденіями съ „колоритными“ описаніями. Личное „я“ писателя, его чувства и настроенія также часто выставляется на первый планъ, какъ въ путешествіи Стэрна съ тѣмъ отличіемъ однако, что Шатобрианъ придаетъ главное значеніе впечатлѣніямъ артистическимъ и гораздо рѣже, чѣмъ Стэрнъ, приходитъ „въ умиленіе“.

Такимъ же характеромъ отличается и путешествіе Ламартина. Самъ авторъ сознается, что его книга представляетъ собою сводъ личныхъ впечатлѣній, схваченныхъ, такъ сказать, „на лету“: „*Les notes que j'ai consenti à donner ici au lecteur ne sont bonnes à rien qu'à mes souvenirs; elles n'étaient destinées qu'à moi seul. Il n'y a là ni science, ni histoire, ni géographie, ni mœurs; le public était bien loin de ma pensée quand je les écrivais: et comment les écrivais-je? Quelquefois à*

¹⁾ Нѣкоторыя изъ наиболѣе распространенныхъ путешествій конца XVIII-го столѣтія разобраны въ капитальномъ трудѣ г-на Сиповскаго „Н. М. Карамзинъ, авторъ писемъ русскаго путешественника“, Спб 1399, стр. 363 и слѣд.

midi, pendant le repas du milieu du jour, à l'ombre d'un palmier ou sous les ruines d'un monument du désert; plus souvent le soir, sous notre tente battue du vent ou de la pluie, à la lueur d'une torche de résine; un jour dans la cellule d'un couvent maronite du Liban; un autre jour au roulis d'une barque arabe, ou sur le pont d'un brick, au milieu des cris des matelots, des hennissements des chevaux, des interruptions, des distractions de tout genre d'un voyage sur terre et sur mer: quelquefois huit jours sans écrire; d'autres fois perdant les pages éparées d'un album déchiré par les chacals ou trempé de l'écume de la mer¹⁾

Эти признанія—общее мѣсто у романтическихъ писателей. Всѣ они пишутъ для себя, а не для публики, (что не мѣшаетъ ихъ сочиненіямъ выдерживать по 10—15 изданій); всегда ихъ „путевныя замѣтки“, обвѣяны самумомъ или сирокко, носятъ слѣды когтей тигровъ или шакаловъ (являющимися въ данномъ случаѣ болѣе свирѣпыми, чѣмъ критики) и т. д., и т. д. Разсказъ „Атала“ Шатобриана, написанъ, по его словамъ, „подъ палатками дикарей (которыхъ онъ, къ стати сказать, никогда не видѣлъ), первоначальная редакція была пробита республиканской пулей, при осадѣ Тюнвилля и т. п. Намъ что-то не вѣрится въ то, что Ламартинъ пишетъ „для себя“, его разсказъ на каждой страницѣ проникнутъ желаніемъ навѣять на читателя рядъ настроеній. При этомъ Ламартинъ нерѣдко прибѣгаетъ къ чисто книжнымъ, литературнымъ приемамъ. Описывая впечатлѣніе, произведенное на него „молитвой на морѣ“, („*Voyage en Orient*“, édit. Hachette, p. 40 sq), Ламартинъ въ сущности пересказываетъ отрывокъ изъ „*Génie du Christianisme*“ Шатобриана (см. 1-ère partie, livre cinquième, ch. XII: „*Deux perspectives de la nature*“). Ламартина гораздо болѣе занимаютъ пейзажи, колоритныя детали, живописныя сцены, чѣмъ „святыя“ мѣста. Его путешествіе это рядъ чисто индивидуальныхъ впечатлѣній артиста и поэта, чередующихся съ автобіографическими признаніями. Описание того, какъ приняла Ламартина Лэди Stangope, (édition Hachette, p. 164 sq), какъ она угадала его прошлое, что предсказала относительно его будущаго, какъ охарактеризовала его, что говорила о его врожденныхъ способностяхъ, о его вѣшности, о формѣ его ногъ (sic), занимаетъ въ книгѣ болѣе мѣста, чѣмъ описаніе Іерусалима. Для Ламартина самое важное это онъ самъ, его переживанія, его мысли,

¹⁾ „Avertissement de la première édition“.

чувства, впечатлѣнія, его „я“. Правда, это „я“ есть „я“ великаго художника, истаго артиста; отсюда тотъ отблескъ поэтичности, которымъ проникнуто все „*Путешествіе на Востокъ*“.

Къ стр. 316-ой и слѣд. Эстетическіе взгляды и теоріи Виктора Гюго служатъ предметомъ особаго наслѣдованія въ книгѣ Ренувье: „*Victor Hugo, le poète*“ (Armand Colin, 5-e édition, 1907). IX-ая глава этой книги посвящена изложенію эстетическихъ идей Гюго, X-ая—его литературнымъ сужденіямъ, XI-ая—постепенному развитію его идей, поскольку это развитіе сказалось въ первыхъ лирическихъ сборникахъ и взглядахъ на драматическое искусство. Общія взгляды Виктора Гюго на искусство и литературу резюмированы имъ, по словамъ Ренувье въ книгѣ „*Littérature et philosophie mêlées*“, являющейся какъ бы продолженіемъ къ предисловію къ драмѣ „*Кромвелль*“. Во взглядахъ Гюго въ ту пору сказывается курьезная двойственность: съ одной стороны онъ не можетъ совершенно порвать съ теоріей „искусство для искусства“, съ другою его влечетъ къ себѣ дидактизмъ, онъ страстно хочетъ быть „наставникомъ“ и „просвѣтителемъ“ народовъ (Renouvier, p. 140). Гюго пытается примирить эти двѣ тенденціи, утверждая, что художникъ, особенно драматургъ долженъ быть проповѣдникомъ не узкихъ „партийныхъ“ теорій, а истинъ универсальныхъ (Renouvier, p. 150—152). На практикѣ Гюго гораздо смѣлѣе. Онъ превращаетъ своихъ героевъ и героинь въ олицетворенія той или другой идеи, ихъ устами высказываетъ свои социальныя и политическія взгляды, не стѣсняясь анахронизмами. Его герои и героини, говоритъ Ренувье, всѣ стремятся къ цѣли, намѣченной авторомъ, съ силой пушечнаго ядра, проносясь чрезъ самыя неправдоподобныя обстоятельства, которыя поэтъ придумываетъ для того, чтобы драматизировать столкновение между страстью и рокомъ (p. 153). Что касается критическихъ сужденій Гюго, то въ книгѣ Ренувье они разобраны довольно поверхностно. Взгляды Гюго на Расина излагаются Ренувье по рассказамъ Поля Стапфера, бесѣдовавшаго съ Гюго въ 1868 году (p. 156—157). Изъ того же источника Ренувье черпаетъ свои свѣдѣнія о взглядахъ Гюго на Шатобриана, Ламартина, Бальзака и Альфреда де Мюссе (p. 160). На разборѣ „*William Shakespeare*“ Гюго, Ренувье останавливается гораздо болѣе, чѣмъ на разборѣ „*Histoire et philosophie mêlées*“. Въ „*William Shakespeare*“ Гюго, по собственному признанію, резюмировалъ всю свою эстетику. Гюго насчитываетъ 14 гигантовъ—геніевъ: Гомера,

Иова, Эсхила, Исаяю, Эзекиэля, Люкреція, Ювенала, апостола Іоанна, апостола Павла, Тацита, Данте, Раблэ, Сервантеса и Шекспира. Характернымъ отличіемъ этихъ геніевъ отъ другихъ, менѣ великихъ, является, по словамъ Гюго, то, что въ нихъ есть нѣчто невѣдомое, чудовищное, гигантское, безконечное. Характеристика этихъ геніевъ у Гюго, по словамъ Ренувье, подчасъ совершенно неправильная, фантастичная. Люкреція, напр., онъ превращаетъ въ мага, посѣтившаго „таинственныя школы Евфрата“, бесѣдовавшаго съ „Оаннэсомъ человѣкомъ—рыбой“ и т. п. Такимъ же чисто фантастическимъ характеромъ отличаются и характеристики апостола {Іоанна и апостола Павла. И тому, и другому, Гюго навязываетъ свои собственные идеи: апостоль Павелъ, напр., превращается у него въ проповѣдника идей свободы, является чуть ли не предшественникомъ революціонеровъ 1789 года. Гораздо болѣе удачны характеристики Гомера, Данте, Раблэ и Сервантеса. Наивысшимъ изъ всѣхъ „геніевъ“ Викторъ Гюго считаетъ Шекспира, такъ какъ драматическое искусство, по мнѣнію Гюго, высшій изъ всѣхъ родовъ творчества. Викторъ Гюго расточаетъ Шекспиру рядъ похвалъ, уподобляетъ его бурѣ и кондору. Гюго видитъ въ немъ „генія“ родственнаго себѣ по характеру таланта и прославляетъ его за то гигантское, чудовищное, сверхчеловѣческое и универсальное, которое онъ находитъ въ его произведеніяхъ. Гюго понялъ и удачно охарактеризовалъ лишь нѣкоторыя изъ произведеній Шекспира между прочимъ „Гамлета“.

**Алфавитный указатель писателей и художниковъ, упомяну-
тыхъ въ настоящей книгѣ.**

А.

Августинъ, 24, 213, 223.
Аламберъ d' (d' Alembert), 10.
Александръ, Шарль (Alexandre Ch.)
13.
Алла, 60.
Альберъ, Морисъ (Albert Maurice) 475,
481.
Альберъ, Поль (Albert, Paul) 369, 474,
475, 479.
Аміо 68.
Амшэръ 130, 131.
Анкареонъ 116.
Анджело Микель 120, 323, 347.
Андреевъ, Леонидъ 414.
Анжеръ, Давидъ d' (d' Angers, David)
318.
Аннуңціо, d' 467.
Анцело 58.
Аріосто 44, 323.
Аристотель 49, 97, 347, 364.
Арнимъ 444, 457, 472.
Арно 233, 234.
Арну (Arnould) 117, 223.
Ассизскій, Францискъ 223, 243.
Aulard 466.
Austen 473.
Ахиллъ 398.

Б.

Балланшъ 12, 23, 78, 83, 296.
Бальденшпергеръ 60.
Бальзакъ 121, 155, 175, 181—195, 305,
307, 353, 412, 439, 441, 442, 462,
476, 481, 486, 495, 496, 506.
Бальмонтъ 287, 413.
Банвилль Теодоръ де (de Banville
Théodore) 496, 499.
Баньоли (Bagnoli) 223.
Барà (Barat) 357, 361, 362, 363, 364,
391, 392, 393, 394, 484.
Барантъ де (Barante) 47, 55, 62, 123,
493.
Барбу 416.
Барбье 75, 87, 95.
Барбэсъ 308.
Барбэ д' Оревилли 501.
Баринъ (Barine, Arvède) 34, 50.
Барни 132.
Бартелеми 44.
Баттё 133, 371.
Батюшковъ 442.
Бауръ-Лорміанъ (Baour-Larmian) 46.
Байронъ 1, 21, 28, 30, 36, 56, 57, 60, 61,
69, 110, 170, 189, 249, 352, 363, 419,
445, 468, 469, 470.
Бесъ de Fouquières, 360.

Beers 468.
 Беллокъ 55.
 Бельмонтэ (Belmontet) 384.
 Беранже 61, 78, 87, 94, 112, 114, 115, 117, 156, 401, 439, 479.
 Бергъ. Лео 440.
 Бержера (Bergerat) 179.
 Бернардень де Сенъ-Пьеръ 8, 30, 137, 144, 145, 224, 419, 425, 475, 476, 477.
 Бернаръ Жозефъ 117.
 Бернаръ Клодь 494.
 Бёрнсъ 56, 468.
 Бертранъ (Bertrand) 73, 398, 399, 477, 478, 480.
 Берше (Berchet) 445.
 Бейль-Стэндалъ (Beyle-Stendhal) 2, 14, 46, 68, 69, 78, 112, 114, 140, 143, 154, 171—175, 181, 319, 353, 391, 439, 442, 476, 481, 485, 486, 488.
 Бирэ 480.
 Бланъ. Луи 493.
 Боборыкинъ 172, 175, 181, 182, 187, 192.
 Бовуаръ. Роже де 84, 125.
 Бодларъ 7, 179, 287, 306, 318, 338, 339, 425, 493, 495, 496, 497, 501.
 Боккаччо 188.
 Бомарше 321.
 Бональдъ 11, 12, 47, 54, 62, 144.
 Боннингтонъ 396.
 Боссюэ 64, 122, 140, 213, 223, 225, 228, 373, 438.
 Брандесъ. Георгъ 238, 443, 468, 469, 471, 477.
 Брентано, Беттина 444.
 Брентано, Клементъ 444, 457, 472.
 Бривуа (Brivois) 117.
 Брунетьеръ (Brunetière. F.) II, 2, 3, 8, 10, 59, 76, 111, 143, 145, 155, 156, 157, 179, 182, 188, 193, 194, 252, 371, 417, 429, 430, 431, 440, 475, 479, 486.
 Буало 8, 44, 52, 60, 64, 73, 116, 136, 140, 142, 145, 151, 152, 155, 197, 222, 234, 362, 365, 369.
 Буато, Поль (Boiteau, Paul) 117.
 Буланже 396, 398.
 Булэ-Пати 41, 57,

Бурдалу 140, 438.
 Бурделэсъ (Bourdellès) 465.
 Буренинъ 88, 95, 96.
 Бурске 133.
 Бурже 3, 115.
 Буржъ, Мисель де 491.
 Бутервекъ 1, 52.
 Бухгардъ 10.
 Баллэ, дю 8, 418.
 Бэнаръ 132, 133.
 Бюргеръ 457.
 Бюффонъ 192.

B. (V, W).

Вакенродеръ (Wackenroder) 444, 454, 463, 472.
 Вакорнагель (Wackernagel) 444.
 Вакри 306, 318, 359.
 Вальполь 473.
 Вандербурхъ, Эмиль 58.
 Вайль (Waille) 53, 463, 466.
 Веселовскій Александръ 3, 6, 10, 43, 112, 243, 257, 258, 412, 455, 457, 471, 479.
 Веселовскій Алексѣй, 3.
 Венгерова Зинанда, 5.
 Венгеровъ 249.
 Венгеръ Карлъ (Wenger, Karl) 472.
 Верже де Ла-Ораннъ 224.
 Верланъ 6, 258.
 Вернеръ (Werner) 444.
 Вейракъ 126.
 Викаръ (G. Vicaire) 188.
 Виландъ 445.
 Вильмэнь (Villemain) 2, 74, 75, 76, 77, 324, 479.
 Виллье де Лиль—Адамъ, 499.
 Виоле-Ледюкъ 58.
 Винкельманъ 453.
 Винэ 204.
 Виньи Альфредъ де (Vigny, Alfred de) 1, 13, 16—18, 20, 22, 23, 27, 31—33, 43, 61, 63, 64, 65, 72, 80, 82, 84, 98, 101, 104, 123, 148, 154, 156—163, 171, 197, 198, 199, 212, 213, 214—217, 237, 292—304, 305, 306, 310, 313—317, 329, 340—343, 353, 354.

357, 362, 368, 369, 372, 375—389,
391, 392, 397, 398, 399—405, 409,
410, 413, 414, 419, 441, 442, 461,
481, 483, 492, 499.

Випперъ 252, 253.

Виргилій 63, 334, 347.

Витъ 122, 443.

Вогюэ (Мельхиоръ де) 4

Вожелась 78.

Вольгаръ, 10, 11, 12, 44, 114, 122, 140,
290, 324, 338, 347, 355, 362, 370,
373, 419, 469, 477.

Вордсвортъ 23, 153, 469.

Wüscher 58.

Вьаннэ 57.

Вяземскій, князь 3.

Г. (G, H).

Галеви (Halevy, Léon) 56.

Галлуа (Galloix) 40, 306.

Ганото (Hanoteaux, G) 188.

Гамонъ 227.

Гегель 132, 240, 241, 447, 449.

Гезіодъ 347.

Гельвещіусъ 12.

Гельмъ, (Helm) 188, 189.

Геннэ (Hennet) 55.

Гердеръ 445, 447.

Геррессъ, Іосифъ 444, 472.

Герфордъ (Herfort) 468.

Гёте 55, 60, 62, 139, 140, 156, 157, 325,
352, 445, 451, 452, 458, 469, 480.

Гейне 3, 115, 212, 458, 459, 460, 467.

Гизо, 1, 16, 52, 53, 54, 62, 185, 186, 479.

Гиляровъ 252, 255, 256.

Гиронъ Огюсть 56.

Гоббсъ 12, 115.

Гоголь 438.

Гомеръ, 1, 46, 64, 134, 153, 323, 324, 329,
375, 402, 506.

Гонкуры (de Goncourt, E et J) 11, 180,
403, 416, 427, 429, 495, 496, 497, 499,
500, 501.

Гораций 8, 56, 120, 347.

Готье Теофилъ (Gautier, Théophile) 42,
78, 112, 129, 180, 181, 318, 359, 398,
415, 425, 426, 439, 442, 461, 489,
492, 493, 497.

Гофманъ 6, 131, 132, 444, 457, 471.

Гоффманъ 45, 58.

Гранье де Кассаньякъ, Granier de Cas-
sagnac), 60, 391, 406.

Графъ, Артуро 4, 466, 467.

Грей, 8.

Гриммъ 43, 472, 477.

Грисъ 453.

Гшвиндъ 437, 444, 446.

Грэмбло (Grimblot) 132.

Гухъ Рихарда (Huch Richarda) 3, 437,
444, 445, 446, 456.

Гюго Авель (Hugo, Abel) 56, 422.

Гюго Викторъ (Hugo Victor) 1, 3, 7, 11,
12, 13, 14, 15, 16, 18, 20, 37, 38, 41,
46, 57, 59, 61, 63, 64, 66, 70, 72,
75, 78, 82, 84, 85, 90, 92, 93, 96,
100, 101, 103, 108, 109, 112, 113,
124, 125, 126, 127, 129, 134, 142,
147, 148, 150, 155, 197, 199—202,
236, 237, 240, 246, 257, 258, 262—
291, 295, 305, 306, 310, 311, 313,
315, 316, 317, 318, 319, 320, 321,
324, 325—330, 332, 334—336, 337—
343, 347—351, 353, 354, 357, 359,
360, 363, 364, 367—368, 371, 374,
375, 377, 379—389, 391—395, 397—
407, 411, 413, 414, 415, 420—432,
439, 441, 443, 461, 462, 478, 479,
480, 481, 482, 483, 485, 486, 490,
491, 496, 498, 499, 503, 506, 507.

Гюисмансъ 425, 499, 501.

Гюйо 360.

Д.

Данте 8, 61, 62, 146, 150, 152, 182, 234,
241, 243, 253, 258, 323, 324, 325,
343, 352, 418, 453, 464, 466, 507.

Дантонъ 374.

Дашкевичъ Н. П.

Дебордъ-Вальморъ 106.

Даверіа, Эжень, 398.

Дегеръ 57.

Декартъ 213, 438.

Делакруа 398.

Делилль 320, 362, 370, 374, 392, 396,
425.

Делормъ, Жозефъ (С. Бёвъ) 1, 23, 24,
25, 26, 27, 33, 34, 69, 73, 145, 153,
257, 358, 397, 407, 408, 503.
Демченко 327.
Денуаретерръ (Desnoiresterre) 188.
Депортъ 130.
Дестуттъ де Траси 12, 46, 171.
Дешампъ А. (Deschamps A.) 502.
Дешампъ Эмиль (Geschamps Émile) 2,
56, 59, 63, 73, 359, 385.
Дешампъ Ж. (Deschamps G.) 179.
Дешанель, 30, 60, 203, 236, 244, 461, 477,
478.
Джіордани 445, 465.
Джіокоза, Джіузеппе 6.
Дидро 43, 133, 143, 355, 407, 408, 419,
475, 476, 477, 495.
Дидье (Didiers, Ch.) 384.
Дицъ 130.
Диаконъ, Павелъ 132.
Додэ 403, 415, 416, 428, 429, 486.
Доризонъ (Dorizon) 43, 82, 83, 99, 101,
198, 212, 256, 296.
Дорнисъ (Dornis, J) 2.
Достоевскій 314.
Дрозъ (Droz) 115.
Друино (Drouineau) 385.
Дэмарэ де Сень-Сорланъ 136
Дюбо, 4, 38.
Дюбуа 198
Дюваль 394, 427, 429
Дюкампъ, Максимъ (Ducamp, Maxime)
179, 492.
Дюканжъ 58.
Дюкондюи (Duconduit) 360.
Дюкре-дю Мениль 189.
Дюма 7, 17, 46, 78, 82, 113, 125, 127, 305,
309, 329, 419, 496.
Дюплессен 64.
Дюпре де Сень Моръ 56.
Дюпюи (Dupuy Ernest) 3.
Дюранъ (Duran) 502.
Дюссо 58.
Дюфокомпрэ (Dufaucompret) 55.

Е.

Евсевій 97.
Еске — Хоннекій 7.
Edgeworth M. 473.

Ж. (I, G.)

Жакобъ Л. (Jacob, L.) 84.
Жендармъ де Бевоттъ (Gendarme de
Bevotte) 468, 470
Жанлисъ (Genlis) 366.
Жананъ, Жюль (Janin, Jules) 117, 199.
Женгенэ (Ginguené) 48, 222.
Жерульдъ (Géroulde) 491.
Жильберъ (Gilbert, E.) 188.
Жоффруа 11.
Жуанвилль 75.
Жуковский 3.
Жуффруа 133.

З.

Замотинъ 3, 437, 438, 441, 442, 443, 473
Заринъ 249,
Здѣховскій (Zdziechowski) 3, 4.
Зола 182, 425, 494, 486, 494, 501.
Zygmanski 30.

И.

Иммерманъ 444, 458.
Исайя 347, 507.

I.

Иеронимъ, 97.
Ioachim, Maria 3, 437, 446.
Иовъ 347, 369, 507.
Ioel, Karl 4.
Иоаннъ ап. 507.
Иорнандъ 132.

K.

Казалесъ (Cazalès) 126.
Кальдеронъ 55, 76, 453.
Campbell 56,
Кана (Canat) 3, 438, 440, 442.
Канту (Cantù Cesare) 463.
Кантъ 132, 310, 446, 447, 448.
Капеллетти (Capelletti) 466.
Карамзинъ 104.
Кардуччи 7.
Карлейль 255.
Каро 190.
Каррель Арманъ 492.
Карбевъ 15, 16, 185.

- Кассанъ Альберъ (Cassagne, Albert) 3, 488—490, 492, 493, 496, 497, 493, 499, 501.
- Кастиль (Castille) 117, 190.
- Кинэ 78, 139, 140, 240, 305, 310, 353, 461, 502.
- Kirke-Withe 153.
- Китсъ 468, 469, 472.
- Клаваро Огюстъ 56.
- Кладель 499.
- Clark 3.
- Клейстъ, Генрихъ фонъ 444.
- Клопштокъ 55.
- Когенъ (Cogen) 502.
- Коерке 456.
- Козьминъ 3.
- Колетэ 129.
- Кольриджъ 469, 470.
- Кондиллякъ 355.
- Консидеранъ 493.
- Констанъ Бенжаманъ 52, 62, 441, 476, 477, 502.
- Контъ, Огюстъ 97, 98, 311.
- Корделье де Ла-Ну 58.
- Корнель 52, 53, 60, 63, 64, 68, 139, 140, 151, 197, 223, 228, 319, 321, 362, 365, 369, 478.
- Корнеманъ, Луи 493.
- Костомаровъ 459.
- Котляревскій 3, 438.
- Коцебу, 59.
- Кранцъ (Kranz) 60.
- Кребильонъ 68.
- Кристофъ (Cristophe) см. Серфбееръ (Serfbeer).
- Кроче 276.
- Крэзе де Лессаръ (Creusé de Lesser) 502.
- Кузенъ 2, 74, 75, 77, 79, 479.
- Cunningham Allan 56.
- Куперь, 23, 28.
- Курбэ 402.
- Курье, Поль-Луи 172.
- Кювье (Cuvier) 30.
- Кьяпелли (Chiapelli) 465.
- Л.**
- Лабиттъ (Labitte) 310, 402.
- Ламбрюйеръ 233, 373.
- Ла-Гарпъ 11, 63, 320, 372, 438.
- Лакруа 59, 84, 125.
- Лакюрнъ де Сень-Палэ 67.
- Ламартинъ (Lamartine) 1, 13, 15, 22, 23, 26, 28—31, 58, 61, 63, 64, 65, 72, 73, 89, 107, 117, 121, 147, 149, 150, 197—199, 202—211, 224, 236, 244—252, 258—262, 305, 310, 315, 316, 317, 319, 325, 330, 332, 340—347, 357, 368, 371, 375, 377—380, 382—389, 391, 400, 402, 405, 410, 413, 414, 415, 420, 461, 465, 476, 478, 479, 483, 490, 491, 494, 499, 503, 504, 505, 506.
- Ламеннэ 12, 186, 240, 491, 492.
- Ламоттъ-Ударъ 369.
- Ламуаньонъ 233.
- Ланглуа (Langlois) 365.
- Лансонъ (Lanson, Gustave) 155, 180, 184, 198, 308, 416, 417, 476, 479, 480, 482.
- Ларданшэ (Lardanchet) 3
- Ларошфуко 373.
- Ларрумэ (Larroumet) 60.
- Лассаръ Пьеръ (Lasserre, Pierre) II, 3, 60, 62, 85, 88, 93, 111, 121, 198, 236, 238, 239, 240, 241, 242, 310, 438, 440, 476, 477.
- Латрейль 221.
- Лафенетръ (Lafenestre) 179.
- Лафонтенъ 68, 140.
- Лафоскадь (Lafoscade) 3, 34.
- Лебрень 44, 63, 362, 378, 385.
- Лебретонъ, Андра (Le-Breton, André), 188, 189.
- Левассёръ (Levasseur) 185.
- Легувэ 68, 355.
- Леконтъ де Лиль 238, 315, 425, 493, 495, 497, 499, 500, 501.
- Леметръ, Жюль 60, 69, 157, 176, 203, 223, 244, 245, 258, 259, 372, 416, 423, 429, 461.
- Лемуанъ 369.
- Леопарди 4, 445, 464, 465, 466, 467.
- Лермонтовъ 249.
- Леруа, Альберъ (Le-Roy, Albert) 440, 477, 479, 481.

- Леру 55, 102, 237, 240, 243, 305, 308, 310.
 461, 490, 491, 498
 Лесаажъ 94, 184, 188.
 Лескюръ, де (de Lescuré) 370.
 Летуриёръ 53.
 Лефевръ. Жюль 306.
 Локайано (Locajano) 465.
 Локкартъ 472.
 Локкъ 114.
 Лопе де Вега 76.
 Лоти, Пьеръ 7, 427, 495
 Лоэвъ Веймаръ (Loève Veimars) 123,
 131, 502.
 Лендоръ 468, 470.
 Люнсъ 189, 473.
 Люка Ипполить 57.
 Люкрецій 120, 347, 507.
 Люсъ де Лансиваль 75.
- М.**
- Мабилльо (Mabilleau) 360.
 Мазадъ де 489.
 Май, Анджели 465.
 Маккиавелли 466.
 Макферсонъ 468.
 Малеръ 68, 73, 136.
 Малльбраншъ 438.
 Манжъ 347.
 Манцони 53, 54, 210, 352, 445, 462, 463,
 464, 466.
 Маньянъ 128.
 Мариэтонъ Поль (Mariéton, Paul) 109.
 Мармонтель 373, 438.
 Маро 68.
 Марти-Лаво (Marty-Laveaux) 365).
 Маршанжи 65, 66, 67, 480.
 Массильонъ 373, 438.
 Массонъ 468.
 Матюрэнъ (Maturin) 473.
 Мацини 445, 466.
 Менаръ Луи 493.
 Мережковский 7.
 Меримэ 46, 115, 122, 124, 154, 175, 176,
 178, 181, 353, 425, 439, 442, 461,
 481, 492, 494.
 Мерланъ (Merlan, Joachim) 3, 111.
 Мерсье (Себастьянъ) 137.
 Мерсье 475, 476.
- Местръ де, Жозефъ 11, 12, 46, 81.
 Метерлинкъ 5, 254.
 Мейеръ Поль 130, 444.
 Микіэльсъ (Michiels) 47, 75, 130, 135,
 138, 186, 352, 391, 397, 398, 481.
 Миллэнъ (Millin) 55.
 Мильвуа 362, 480.
 Мильтонъ 150, 232, 234, 323, 337, 468.
 Минье 479.
 Мирабо 89, 374.
 Миркуръ (Mirecourt, Eugène) 117.
 Мицкевичъ 315.
 Мишель, Францискъ 59, 308.
 Мишлэ 88, 89, 96, 122, 461.
 М... Ипполить 56.
 Моллеванъ (Mollevent) 363.
 Мольеръ 51, 52, 116, 134, 140, 151, 152,
 197, 233, 305, 319, 320, 321.
 Монтегю (Montégut) 60; 122, 493.
 Монтеस्कье 130, 360.
 Монтанъ 68, 183, 360.
 Мопассанъ, Гюн де 486, 495, 501.
 Морель-Фацьо (Maurel-Fatio) 126, 127.
 Морле 222.
 Муръ 28, 249, 363, 469, 470, 471.
 Магронъ 57, 58, 60, 66, 123, 125, 190,
 200, 281, 473.
 Мэнъ де Биранъ 257.
 Мюллеръ А. 444.
 Мюссе. Альфредъ де (de Musset, Al-
 fred) 1, 14, 20, 22—28, 31, 34, 35—
 37, 41, 61, 78, 109, 112, 113, 118—
 120, 127, 139, 144, 148, 154, 163—
 171, 181, 197, 212, 217, 219, 305,
 309, 353, 355, 377—389, 392, 399—
 405, 414, 415, 419, 430, 431, 439,
 442, 461, 467, 483, 492, 499, 502,
 506.
- Н.**
- Наварская, Маргарита 187.
 Небу (Nebout) 330.
 Неккеръ де Сосюръ (Necker de Saus-
 sure) 50
 Нерваль, Жераръ де (de Nerval, Ger-
 ard) 55, 325, 385, 489, 502.
 Низаръ 134.
 Николь (Nicole) 223, 364.

Нюнь, Франсуа де (de Nion, François) 68.
 Новалисъ 2, 4, 6, 254, 444, 445, 446, 454, 456, 457, 467, 471.
 Нодье Шарль, 1, 41, 63, 67, 112, 155, 306, 320, 360, 391, 398 477, 502.
 Нордентъ (Norden) 372.
 Ньютонъ 347.

О.

Обинъэ, Агриппа д' 418.
 Обиньякъ д' 136.
 Овидій 8, 405, 480.
 Оже 42, 58.
 Olifant 468, 472.
 Онуа графиня д' 126.
 Орфей 347.
 Оссіанъ 28, 44, 362, 363.

П.

Павель ап. 507.
 Панскускъ (Panckoucke) 55.
 Парі, Гастонъ 130.
 Парни 28, 362, 386.
 Парранъ (Parran) 189.
 Паскаль 68, 197, 223, 225, 231—235, 360, 433, 438.
 Пашъ (Pasche) 3.
 Пелисье 252, 360, 475, 476.
 Пеллико, Сильвіо 445.
 Перренсъ (Perrens) 10.
 Петрарка 10, 120, 243, 413, 467.
 Петровъ, Д. IV. V, 3, 9, 319.
 Пиктэ 133.
 Пиндемонте 465.
 Пинейро (Pineyro, Enrique) 3, 9.
 Пишо (Pichot) 55, 57.
 Планшъ, Густавъ (Planche, Gustave) 126, 191, 489.
 Платонъ 97, 146, 239, 250, 347.
 Polonius 382, 384.
 Поланъ 130.
 Помейрольсъ 30, 203, 410, 411, 461.
 Понсаръ 133, 134.
 Понсъ, 1, 41, 306.
 Попе 23, 76.
 Потэ 28.
 Потье де Сенэ 56.
 Прево, аббатъ, 37, 188, 419, 477.

Прескоттъ (Prescott) 472.
 Прудонъ 489, 493.
 Пти-де-Жюльвилль 476, 479, 480.
 Пшесмыцкій (Przesmyski) 252.
 Пятинья 57.

Р.

Раббъ Альфонсъ (Rabbe, Alphonse) 1, 40.
 Раблэ 68, 323, 360, 507.
 Рапизарди 7.
 Расинъ 2, 44, 51, 52, 53, 60, 62, 63, 64, 66, 68, 69, 134, 140, 144, 146, 147, 148, 151, 152, 197, 223, 228, 229, 305, 319, 320, 321, 362, 365, 369, 373, 438, 439, 442, 478, 506.
 Ратклифъ, лэди 189, 473.
 Ремюза 55.
 Ренанъ 238, 240, 315, 493.
 Ренуаръ, 55, 56.
 Ренувье (Renouvier) 3, 14, 92, 236, 263, 267—270, 284, 291, 313, 360, 402, 432, 433, 482, 506, 507.
 Реньаръ 116.
 Рейбо 489.
 Рейно, Жанъ 308.
 Рейсье (Reyssié) 28.
 Рибо 252.
 Ривароль 325, 370.
 Риго (Rigault) 136.
 Риманъ (Rieman) 452.
 Рихтеръ, Жанъ Поль 458.
 Ришэ, Э. (Richet, E.) 179.
 Родъ, Эдуардъ (Rod, Édouard) 115, 316, 466.
 Рокфоръ-Фламерикуръ 2, 67.
 Ронсаръ 8, 70, 418, 502, 503.
 Ростанъ 6.
 Ройе-Колларъ 479.
 Russel-Mitford, Mary 473
 Руссо 8, 11, 21, 43, 58, 82, 97, 112, 137, 156, 157, 168, 183, 243, 308, 347, 355, 370, 441, 443, 455, 469, 475, 476, 477, 478, 479.
 Руше 366.

С.

Саксонъ Грамматикъ 132.
 Сальвадори 4.

- Сальванди 125.
 Саль. де 223.
 Сандъ Жоржъ 78, 82, 84, 85, 90, 91, 93,
 97, 100, 109, 110, 113, 114, 125, 183,
 187, 191, 193, 303, 309, 419, 462,
 476, 481, 483, 491.
 Saintsbury 468.
 Сарразэнъ, Габріэль (Sarrasin, Ga-
 briel) 3.
 Саси 227.
 Сенанкуръ 18, 441, 476.
 Сенека 97.
 Сенкевичъ 7.
 Сентъ-Аманъ 129.
 Сентъ-Бёвъ 1, 2, 3, 13, 19, 23, 25—27,
 33, 34, 44, 53, 61, 62, 63, 69, 70, 71,
 72, 73, 102, 106, 107, 108, 109, 115,
 117, 130, 138, 141, 142—153, 176,
 186, 189, 197, 221—235, 257, 307,
 309, 318, 319, 325, 330, 353, 357,
 358, 369, 376—389, 391, 392, 394—
 405, 407, 408, 413, 414, 432, 439,
 441, 442, 461, 475, 489, 492, 493,
 502.
 Сентъ-Викторъ, Поль де 306, 321.
 Сентъ-Ламберъ 366.
 Сентъ-Маркъ-Жирардэнъ 78, 79, 130, 131,
 132, 141, 353.
 Сентъ-Симонъ 8, 97, 98, 140.
 Сентъ-Сиранъ 224, 226, 227.
 Серао, Матильда 4,
 Сервантесъ 323, 507
 Серфбееръ (Cerfbeer et Cristophe) 188.
 Сешэ, Альфонсъ (Séché, Alphonse) 117
 Сиповскій 504.
 Сисмонди 1, 47, 48, 49, 59, 62, 397.
 Скарронъ 129.
 Скоттъ Вальтеръ 1, 7, 55—58, 66, 154,
 157, 189, 190, 306, 308, 363, 468,
 469, 472, 473, 493, 502.
 Скрибъ 46.
 Слюдери 129.
 Словацкій 250.
 Соважб, Давидъ, (Sauvageot, David)
 443, 479, 484—488, 496.
 Сократъ 74, 75, 347.
 Соловьевъ Владиміръ 315.
 Сорсумъ 55, 306.
 Софокль 76, 139.
 Спенлэ 438, 446.
 Спенсеръ 468.
 Спиназа 239.
 Spoelberch de Lovenjoul 179, 188, 194.
 Сталь г-жа IV, 1, 46—49, 59, 62, 64, 67,
 70, 71, 73, 134, 137, 246, 321, 352,
 398, 441, 475, 476, 477, 478, 479.
 Стапферъ (Stapfer) 55.
 Стапферъ Поль 339, 402, 439, 462, 483,
 506.
 Stefen Leslie 468.
 Struyensky 68.
 старнъ 504.
 Сумэ, Александръ 36, 72.
 Сурьо (Souriau) 12, 13, 62, 63, 317, 319,
 320, 321, 325, 402, 462, 480.
 Сфифтъ 76.
 Сфорца Джіованни (Sforza Giovanni)
 462.
 Сю Эжень 84, 125, 419.
 Сюлли Придомъ 8, 238.
 Сюрвилль де 190.
- Т.
- Тапферъ 133.
 Тарри, Аристидъ 56.
 Тассо 44, 453.
 Тайландье (Сентъ-Рене) 489.
 Тацитъ 507.
 Текстъ Жозефъ (Texte, Joseph) II, 60,
 443, 477.
 Tennint 360.
 Теньеръ 129, 180.
 Теофиль 129.
 Тертуліанъ 97.
 Тейсъ (Theys, abbé) 360.
 Тикъ 444, 456, 463, 471, 472.
 Толстой Алексѣй 32, 253.
 Толстой Левъ 92, 485, 486, 495.
 Тома Люсиль 56, 374, 468.
 Торейнксъ (Toreinx) 46.
 Трейтчке 438.
 Турно 176.
 Тьессэ Леонъ (Thiessé Léon) 57.
 Тьерри Огюстэнъ 96, 123, 479.

Тьеръ 479.
Тэнъ 114, 176, 238, 240, 418, 468.
Тэри 78, 134, 135, 138, 352.

Ф.

Фавръ-д'Оливэ (Favre d'Olivet) 56, 57.
Фагэ, Эмиль 60, 185, 186, 188, 360, 477.
Феле 58.
Фельпсъ 2, 468.
Фенелонъ 213.
Férier, miss Susan 473.
Fierens-Gevaert 466.
Филонъ (Filon) 46, 177.
Фихте 240, 241, 242, 310, 337, 455.
Фишеръ Куно 447, 449, 452, 456.
Flat, P. 188.
Флоберъ 180, 413, 415, 416, 425, 427, 429, 431, 436, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501.
Фогаццаро 4.
Фольхайтъ 252.
Фонтанъ 75, 362.
Фонтенелль 136, 352.
Форіаль 53, 54, 62, 78, 130, 502.
Фортуль, Ипполитъ 490, 492.
Форъ Себастьяень 97.
Фосколо 465.
Франсъ, Анатоль (France Anatole) 7, 176.
Фроментанъ (Fromentin) 113.
Фруассаръ 75.
Фуа 479.
Фурье 81.

Ц.

Цанелла, аббатъ 445, 466.

Ч.

Чессара 465.
Чоусеръ 476.

Ш.

Шамонинъ 185
Шатобрианъ IV, 4, 11, 12, 13, 15, 20, 27, 45, 46, 58, 63, 64, 66, 70, 137, 146, 148, 149, 156, 157, 168, 201

208, 210, 221, 222, 223, 321, 364, 367, 371, 405, 469, 476, 477, 478, 479, 504, 505, 506.

Шаховъ 477.

Шекспиръ 1, 2, 8, 46, 52, 53, 55, 60, 63, 68, 73, 76, 120, 134, 139, 140, 152, 193, 234, 291, 320, 321, 324, 327, 352, 363, 418, 453, 487, 507.

Шелли 82, 445, 468, 469, 471, 473.

Шеллингъ 132, 241, 242, 310, 447, 448, 449.

Шенедолле 306.

Шенье Андрэ (Chénier André) 44, 45, 46, 70, 72, 73, 75, 144, 145, 358, 370, 374, 386, 395, 396, 397, 475, 476, 477.

Шенье Мари-Жозефъ 158, 222.

Шиллеръ 55, 60, 62, 63, 69, 126, 132, 139, 170, 332, 444, 451, 452, 458, 469, 480.

Шовэ 463.

Шписъ 457.

Штраусъ 213.

Шпронкъ (Spronck) 179.

Шуазель-Гуффье 504.

Э.

Эвришидъ 51, 139, 226.

Эдиссонъ 75, 76.

Эзехіэль 507.

Эннекенъ (Hennequin) 59, 73, 274, 275, 276, 283, 499, 501.

Эпикуръ 120, 347.

Эссаръ де (des Essarts, Emanuel) 60.

Эстэвъ (Estève, Edmond) 3, 21, 28, 34, 40, 41, 42, 57, 60, 110, 189, 469, 480.

Эсхиль 507,

Ю.

Ювеналь 63, 507.

Юнгъ 8, 28, 44, 469.

Я.

Янсеніусъ 224.

Ө.

Өукидидъ 122.

Предисловіе.

Три года тому назадъ, выпуская въ свѣтъ свое изслѣдованіе „Шатобрианъ и поэтика міровой скорби во Франціи“, мы общались продолженіе къ ней, книгу о „Шатобрианъ, его поэтика, его стиль“. Эти двѣ работы входили въ составъ задуманнаго нами цикла этюдовъ по генезису романтической поэтики, которой мы занимаемся ужь много лѣтъ. Придя эмпирически къ тому заключенію, что всѣ главнѣйшіе элементы романтическаго міросозерданія уже существовали въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ теченій задолго до 30-хъ годовъ XIX-го столѣтія, что поэтика школы 1830-го года представляла собой попытку (болѣе или менѣе удачную) свести всѣ эти теченія къ единству, къ синтезу, мы хотѣли отмѣтить различныя фазы этой эволюціи. Настоящая книга должна была стоять въ концѣ всѣхъ этихъ этюдовъ, свести всѣхъ ихъ къ синтезу, резюмировать ихъ.

Однако, когда мы приступили къ осуществленію нашего замысла, мы убѣдились въ томъ, что осуществленіе это возможно только послѣ разрѣшенія цѣлаго ряда теоретическихъ вопросовъ; говоря о генезисѣ романтизма, мы касались такого явленія, на счетъ котораго историко-литературныя критики до сихъ поръ не условились: знакомясь съ библіографіей вопроса, мы видѣли, что существуетъ столько же различныхъ опредѣленій романтизма сколько и книгъ о немъ, что каждый авторъ давалъ свое опредѣленіе, либо совершенно расходящееся съ опредѣленіями своихъ предшественниковъ, либо даже уничтожающее ихъ. Прежде чѣмъ говорить о генезисѣ

романтизма намъ необходимо было выяснитъ нашъ взглядъ на это явленіе, условиться, что этимъ терминомъ обозначать. Но тѣ приемы, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ, насъ не удовлетворяли, казались намъ ненаучными. Дѣйствительно такіе приемы восходятъ обыкновенно къ двумъ типамъ. Къ первому относятся опредѣленія въ родѣ тѣхъ, которыя мы встрѣчаемъ у Брюнетьера, Текста и друг.; авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ категорическаго заявленія, что романтизмъ есть лиризмъ, субъективизмъ, идеализмъ, космополитизмъ и т. п. и затѣмъ начинаетъ слѣдить за проявленіями того или другого изъ этихъ свойствъ у писателей той эпохи, которую называютъ романтической. Такой методъ кажется намъ неправильнымъ уже потому, что онъ не объективенъ, что сочиненія писателей, особенности ихъ творчества, рассматриваются съ предвзятой точки зрѣнія. Если намъ очень хочется *доказать*, что романтизмъ есть, напр., лиризмъ, или идеализмъ, то мы порой даже невольно будемъ *выискивать* въ сочиненіяхъ романтиковъ такія черты, которыя подтверждаютъ нашъ взглядъ. Отъ нашего вниманія будутъ ускользать многія такія свойства, которыя не подходятъ подъ наше опредѣленіе или противорѣчатъ ему. Этимъ въ значительной степени и объясняется противорѣчивость въ опредѣленіяхъ, которыя даются романтизму. Брюнетьеръ, напр., исходя съ той точки зрѣнія, что романтизмъ—субъективизмъ, а субъективизмъ—лиризмъ, сталъ выискивать у романтиковъ такія черты, которыя подтверждали его взглядъ и конечно нашелъ ихъ въ изобилии; послѣ него Жозефъ Текстъ, рѣшивъ что романтизмъ—это художественный космополитизмъ, сталъ съ этой точки зрѣнія рассматривать сочиненія Руссо и его послѣдователей и также нашелъ многочисленныя подтвержденія своимъ взглядамъ. Наконецъ въ самое послѣднее время Лассэръ пришелъ къ заключенію, что романтизмъ есть моральная болѣзнь, своего рода гипнозъ, граничащій съ умственнымъ помѣшательствомъ и въ подтвержденіе своего тезиса привелъ доводы едва ли менѣе вѣскіе, чѣмъ доводы Брюнетьера или Текста и т. д. и т. д.

Опредѣленія второго типа сводятся къ тому, что авторъ сопоставляетъ между собой всѣ тѣ опредѣленія, которыя его предшественники давали изучаемому явленію. При этомъ самыя послѣднія по времени рассматриваются имъ, какъ наиболѣе цѣнныя. Этотъ методъ, особенно часто встрѣчающійся въ работахъ покойнаго проф.

Н. П. Дашкевича, мы считаемъ совершенно неправильнымъ Мы думаемъ, что историко-литературные вопросы должны разрѣшаться путемъ изученія сырого матеріала, а не посредствомъ „рогатыхъ“ и иныхъ силлогизмовъ. Если придерживаться метода „сопоставленія мнѣній“, то можно написать цѣлое изслѣдованіе или даже нѣсколько изслѣдованій о данномъ писателѣ, не прочтя ни одной строки изъ его произведеній и довольствуясь лишь сведеніемъ всего того, что, кто, гдѣ и когда объ этомъ авторѣ писалъ и кто, что, гдѣ и когда на это возражалъ.

Самымъ правильнымъ методомъ для того, чтобы дать опредѣленіе романтизму (и притомъ не романтизму вообще, а французскому романтизму), намъ казался методъ эмпирической. Мы поставили себѣ цѣлью изслѣдовать всѣ главнѣйшія теченія французской литературы въ первую половину XIX-го столѣтія, изучить отдѣльные элементы поэтического міросозерцанія французскихъ писателей упомянутой эпохи. И во всѣхъ этихъ теченіяхъ, какъ бы они ни были между собой различны, а подчасъ и противоположны другъ другу, мы констатировали наличность одной доминирующей тенденціи, а именно *стремленіе къ художественному универсализму*.

Такимъ образомъ для того, чтобы дать свою характеристику и свое опредѣленіе романтизму, намъ пришлось продѣлать весьма кропотливую и сложную работу, тѣмъ болѣе трудную, что у насъ не было подъ рукой всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ, что мы были лишены возможности работать въ заграничныхъ библіотекахъ. Характеристику главнѣйшихъ литературныхъ теченій во Франціи въ первую половину XIX-го столѣтія мы могли дать главнымъ образомъ по сочиненіямъ крупнѣйшихъ изъ писателей изучаемой эпохи, по ихъ дневникамъ и корреспонденціямъ. Мы не могли воспользоваться тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который находится въ газетахъ, журналахъ, какъ „*L'Обсерватор*“, „*Journal général de la littérature*“, „*Le Mercure étranger*“, „*Le Spectateur*“, „*La Bibliothèque universelle*“, „*Le Conservateur littéraire*“, „*La Muse française*“, „*Le journal des Débats*“, „*La Quotidienne*“, „*Revue encyclopédique*“ и т. д. Въ нашихъ библіотекахъ мнѣ удалось найти лишь нѣсколько разрозненныхъ номеровъ немногихъ изъ этихъ изданій.

Этотъ пробѣлъ мы предполагаемъ пополнить въ отдѣльной работѣ касательно развитія и популяризаціи романтическихъ теорій

въ поврежденныхъ изданіяхъ первой половины истекшаго столѣтія. Пока замѣтимъ, что въ настоящемъ томѣ нашихъ „*Разысканій*“ мы вовсе не претендуемъ на то, чтобы дать полную картину *историческаго* развитія французскаго романтизма. Задача наша гораздо скромнѣе: мы хотѣли дать лишь общую характеристику поэтики и стилия главнѣйшихъ представителей французскаго романтизма.

Вслѣдствіе типографскихъ условій, книга наша печаталась болѣе года. За этотъ промежутокъ времени вышло нѣсколько новыхъ изслѣдованій по нашему вопросу; сверхъ того съ нѣкоторыми книгами, вышедшими ранѣе, но не имѣвшими у насъ подъ рукою, мы познакомились тогда, когда первыя главы нашихъ „*Разысканій*“ были уже напечатаны.

Всѣ дополненія и поправки, накопившіяся у насъ за время печатанія нашей книги помѣщены нами въ „*Приложенія*“.

Повторяемъ: свой трудъ по вопросу о французскомъ романтизмѣ мы далеко не считаемъ оконченнымъ. Въ слѣдующемъ второмъ томѣ нашихъ „*Разысканій*“ мы предполагаемъ прослѣдить постепенное развитіе элементовъ, вошедшихъ въ составъ романтической поэтики, возникшихъ на французской почвѣ, которые Шатобрианъ попытался свести къ синтезу въ своемъ „*Духъ Христіанства*“. Шатобриану мы предполагаемъ посвятить нѣсколько главъ и потому въ настоящей книгѣ касались его лишь мимоходомъ, не разбирали напр. тѣхъ изъ его сочиненій, которыя вышли въ пору Реставраціи и іюльской Монархіи. Всѣ они будутъ рассмотрѣны нами въ связи съ поэтикой „*Духа Христіанства*“.

Наконецъ въ третьемъ томѣ нашихъ „*Разысканій*“ мы предполагаемъ рассмотреть тѣ элементы, которые будучи занесены во Францію извнѣ, вошли въ составъ романтическаго міросозерпанія; вторая половина этого тома будетъ посвящена характеристикѣ художественныхъ взглядовъ г-жи Сталь и того вліянія, которое эти взгляды оказали на ея современниковъ.

Мы отнюдь не обманываемъ себя на счетъ сложности задуманной нами работы. Въ своей рецензіи на нашу книгу о „*Шатобрианъ*“¹⁾ нашъ почтенный коллега проф. Д. К. Петровъ упрекалъ

¹⁾ См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за Январь 1907 г.

насъ въ томъ, что мы ставимъ себѣ слишкомъ широкія задачи и напоминалъ намъ старинную поговорку:

„Qui trop embrasse, mal étreint“.

Быть можетъ проф. Петровъ и правъ. Но мы все же полагаемъ, что задача историка литературы не только въ томъ, чтобы исчерпать тѣ или другіе научные вопросы, но и въ томъ, чтобы ихъ поставить.

Гр. Ф. де Ла-Бартъ.

Кіевъ,
Май, 1908 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ. I—V

ГЛАВА I.

Ранній романтизмъ.

Сбивчивость въ опредѣленіяхъ, даваемыхъ романтизму.—Возможно-ли дать ему общее опредѣленіе.—Романтизмъ еще незавершенъ: неоромантики нашего времени.—Различіе между романтизмомъ разныхъ странъ.—I. Два періода во французскомъ романтизмѣ.—Сходство въ настроеніи французскихъ романтиковъ съ итальянскими гуманистами XIV-го и XV-го столѣтій.—Разложеніе стараго общественнаго и религіознаго идеала порождаетъ раздвоенность личности.—Реакція противъ философіи эпохи Просвѣщенія.—Религіозное настроеніе французскихъ писателей въ пору Реставраціи.—Ихъ политическіе взгляды.—II. Настроеніе французскихъ поэтовъ, характеръ ихъ лирики.—Тоска по идеалу, погоня за химерой.—Романтики и чувствительники.—Стремленіе къ колоссальному, грандіозному, гигантскому.—Энтузіазмъ и духъ анализа.—Любовь у поэтовъ эпохи Реставраціи.—Платонизмъ и эпикурейство.—Противорѣчіе между грезой и дѣйствительностью.—Поэтъ-страдалецъ.—III. Настроеніе Ламартина.—Что у него общаго съ чувствительниками?—Всеобъемлющій спиритуализмъ у Ламартина.—Припадки разочарованія.—Настроеніе Виньи; его пессимизмъ.—„Стихотворенія Жозефа Делорма“ Сентъ Бѣва.—Скорбь въ раннихъ произведеніяхъ Мюссе.—Вліяніе Байрона.—Сатанизмъ у Мюссе и у Гюго.—Нагроможденіе ужасовъ въ „Les Orientales“.—Манія сатанизма у другихъ поэтовъ этой эпохи: Альфонса Рабба, Понса, Нодье и друг.—Насмѣшки классиковъ надъ романтической скорбью.—Новый типъ писателя Les Jeunes France.—IV. Сбивчивость и неопредѣленность въ эстетическихъ взглядахъ французскихъ писателей.—Они не могутъ дать опредѣленія той школѣ, къ которой принадлежать.—Космополитическое теченіе.—Женгене.—Сисмонди и его „Исторія южно-европейскихъ литературъ“.—Переводъ „Курса драматической литературы“ Шлегеля.—Отношеніе послѣдователей г-жи Сталь къ французскимъ классикамъ.—Ихъ разрывъ съ

традицій.—Предисловіє къ переводу „Исторіи испанской литературы“ Бутервека.—Взгляды Гизо на Шекспира.—Анонимная книга „о Романизмѣ“.—Переводы въ пору Реставраціи.—Байронъ и Вальтеръ Скоттъ во Франціи.—Взглядъ на романтизмъ, какъ на явленіе анти-національное.—Значеніе космополитическаго теченія.—V. Національное теченіе.—Связь его представителей съ классиками.—Гомеръ и Библия.—Интересъ къ національной исторіи. „Поэтическая Галлія“ Маршанжи.—„Обзоръ французской поэзіи въ XII и XIII столѣтіяхъ“ Рокфора.—Поэзія и католицизмъ: взгляды Нодье.—Расинъ и Шекспиръ Стэндаля.—Эстетическіе взгляды Сентъ-Бёва; его попытка связать новую школу съ писателями Возрожденія и съ Шенье.—Реформа стилия.—Предисловіє къ Этюдамъ Emile'я Deschamps.—VI. Эклектики: Кузень Вильмэнъ стр. 2—77

ГЛАВА II.

Французскіе писатели временъ іюльской монархіи, ихъ общественное, философское и эстетическое міросозерцаніе.

Духовный подъемъ во Франціи послѣ іюльской революціи. Проекты общественныхъ и художественныхъ реформъ. I. Мессіаниззмъ въ литературѣ. Поэтъ—вождь народовъ. Баллашъ и его „*Общественная Палингенезія*“. Протестъ фр. писателей противъ общественнаго строя, противъ авторитета и власти. Типы правителей въ поэзіи и въ романѣ. Прославленіе Великой Революціи. „Человѣкъ рока“—борецъ за новый общественный идеаль. Эрнани, Дидье и друг. Уличники, бродяги и преступники въ романѣ и драмѣ. *Déclassés* въ пѣсняхъ Беранже. Народъ въ поэзіи Барбье. Новый общественный и политическій идеаль французскихъ писателей: братство и равенство. II. Индивидуализмъ въ міросозерцаніи франц. писателей. Человѣкъ—микрокосмъ. Прославленіе чувства, какъ источника вдохновенія и поэзіи. Религія сердца. Интимная поэзія. III. Эпикурейскій сенсуализмъ во Франціи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Культъ молодости и свободной любви у Гюго, Дюма, Жоржъ Сандъ, Мюссе и др. Эпикуреизмъ у Стэндаля и Беранже. Сенсуализмъ и спиритуализмъ у Мюссе. IV. Новый взглядъ на человѣка и его исторію. Исканіе колорита мѣста и времени. Интересъ къ анекдотамъ, рисующимъ жизнь и характеръ историческихъ лицъ. Мишлэ и его исторія. Историческій романъ во Франціи въ пору іюльской монархіи. Его отличіе отъ романовъ предыдущей эпохи. Упадокъ интереса къ психологіи. Историческія драмы Гюго. V. *Ars poetica* новой школы. Взгляды французскихъ критиковъ на роль личнаго начала въ искусствѣ. Маньянъ и его книга: „пронсхождение современнаго театра“. Возбраженіе, какъ источникъ поэзіи. Ученіе объ „уродливо-къмичномъ“, Филаретъ Шаль и его „*Caractères et paysages*“, „*Гротески*“ Теофила Готье. Стремленіе дать теоретическое и историческое обоснованіе стремленіямъ новой школы. Изученіе литературы XVI столѣтія. Изслѣдованія по генезису современной поэзіи. Форіаль и Ампаръ. Интересъ къ нѣмецкой литературѣ. Сенъ-Маркъ Жирардонъ и прославленіе имъ Гофмана. Теоретическіе трактаты нѣмцевъ во Франціи. Классическая реакція. Понсаръ и его взгляды. Возобновленіе спора о „превосходствѣ новыхъ писателей надъ древними“. Модернисты Тэри и Микіальсь. Стремле-

ніе примирить новую школу съ классиками: взгляды Мюссе, Кинэ и Сень Марка Жирардена. VI. Эстетика Сентъ-Бёва. Его взглядъ на задачи критики. Принципъ относительности прекраснаго. Прославленіе лирики. Взгляды Сентъ-Бёва на моральныя задачи литературы. Протестъ противъ эгонизма. Классическія симпатіи Сентъ-Бёва: его стремленія примирить старину и новшество стр. 78—153

ГЛАВА III.

Реалистическое теченіе во французской литературѣ въ пору июльской монархіи.

Ошибочный взглядъ, установившійся въ критикѣ на французскихъ писателей 30-хъ и 40-хъ годовъ.—Фантастика и реализмъ --I. Реалистическія тенденціи у Альфреда де Виньи—Историческій романъ и его роль въ эволюціи отъ идеализма къ реализму.—*Стелло* Альфреда де Виньи и его значеніе.—Типы и стиль этого произведенія.—Описаніе смерти Жильбера.—Сборникъ разсказовъ „*Servitude et Grandeur militaires*“.—Интересъ къ современности.—Бытовые сцены.—Вѣрность наблюденія и психологическій анализъ въ разсказахъ Виньи.—*Lorette ou le cachet rouge*.—*La Veillée de Vincennes*.—*La canne de jonc*—описаніе ночи въ Парижѣ, наканунѣ июльской революціи.—Воспоминанія моряка.—Картины изъ военнаго быта.—Реализмъ въ произведеніяхъ Мюссе.—Сцены парижской жизни въ его первыхъ произведеніяхъ.—*Mardoche*, *Pensées de Rafaël* etc.—Романъ Мюссе *Исповѣдь сына нашего вѣка*.—Автобиографическое значеніе романа.—Изображеніе французскаго общества въ первую треть XIX-го столѣтія.—Деженэ.—Женскіе типы въ романѣ Мюссе.—Драматическія произведенія Мюссе.—Бытовые комедіи: *Le Chandelier*, *Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée* и т. д.—II. Предшественники натуралистической школы.—Стэндалъ и его эстетическіе взгляды.—Романы Стэндаля *Le rouge et le noir* и *La Chartreuse de Parme*.—Типы и стиль этихъ произведеній.—Изображеніе французскаго общества въ романахъ Стэндаля.—Послѣдователи Стэндаля.—Просперъ Меримэ.—Его міросозерцаніе и художественные взгляды.—Разсказы Меримэ.—Теофиль Готье.—Его стиль.—III. Определеніе реализма.—Художественный реализмъ въ пору июльской Монархіи.—Вліяніе экономическихъ и соціальныхъ условий.—IV. Балъзакъ; его юношескія произведенія.—Вліяніе Байрона.—*Арговъ, пиратъ*.—Первые историческіе романы Балъзака.—Вліяніе Вальтеръ-Скотта.—*Шуаны*.—Изображеніе современной дѣйствительности.—Предисловіе къ *Человѣческой Комедіи*.—Естественная исторія общества.—Пессимизмъ.—Денежный вопросъ.—*Человѣческіе документы*.—Планъ *Человѣческой комедіи* и ея задачи.—Стремленіе создать универсальное искусство. стр. 154—196

ГЛАВА IV.

Эстетическое христіанство по поводу июльской монархіи.

Стремленіе къ универсализму въ литературѣ создаетъ новое отношеніе къ христіанству.—Реакція противъ католицизма во Франціи въ 30-хъ годахъ

XIX-го столѣтія. — Эстетическое христіанство. — I. Переломъ въ міросозерцаніи Гюго. — Сомнѣніе и вѣра. — Увлеченіе готической архитектурой и христіанскими древностями. — Культъ гробницъ. — Постепенный переходъ отъ вѣры къ рационализму у Ламартина „Жоселинъ“. — Рационалистическій взглядъ Ламартина на религію въ концѣ 40-хъ годовъ. — Противорѣчіе между разумомъ и чувствомъ. — Отвергая догматы христіанства, Ламартинъ ищетъ въ немъ эстетическихъ эмоцій. — Библейскія картины въ „*La Chute d'un ange*“. — „Христіанское чудесное“ въ этой поэмѣ. — Поэзія колоколовъ въ „*Recueils poétiques*“. — II. Культъ Христа во французской литературѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ. — Альфредъ де Виньи. — Исканіе „внутренняго бога“. — Поэма „*Парижъ*“. — Философскій взглядъ на религію. — Соціальное значеніе христіанства. — Жизнь Христа, какъ литературный сюжетъ. — Поэма „*Les Destinées*“. — Образъ Христа въ поэмѣ „*Le Mont des Oliviers*“. — Скептицизмъ и потребность вѣры у Мюссе: „*L'Espoir en Dieu*“. — „*Lettre à Lamartine*“. — Христосъ въ поэмѣ „*Ролла*“. — Поклоненіе Христу-человѣку. — Разсказъ „*Le Tableau d'église*“. — III. Попытка дать теоретическое обоснованіе эстетическому христіанству. — „*Port-Royal*“ Сентъ Бѣва и его отношеніе къ „*Духу христіанства*“ Шатобриана. — Взгляды Сентъ-Бѣва на культурное значеніе католицизма и его вліяніе на литературу. — Поэтика янсенистовъ по Сентъ-Бѣву. — IV. Корнель; Расинъ; Паскаль; чѣмъ они обязаны янсенистамъ. Христіанство у Паскаля „*Мораль порядочныхъ людей*“. Вліяніе Паскаля на Мольера и Буало. Связь христіанства съ искусствомъ. . . . стр. 195—235

ГЛАВА V.

Литературно-философскій пантеизмъ и символизмъ у Ламартина, Гюго и Виньи.

Задачи, которыя преслѣдуетъ авторъ въ настоящей главѣ; причины, по которымъ онъ расширилъ рамки своего изслѣдованья. — I. Взгляды Лассера на пантеизмъ и на его роль во французскомъ романтизмѣ. — Пантеизмъ и идеализмъ. — Два вида идеализма. — Вліяніе нѣмецкихъ идей на французскихъ писателей. — Ошибочность сужденій Лассера. — Былъ ли пантеизмъ во Франціи явленіемъ заноснымъ? — Пантеизмъ и *Naturgefühl*. — II. Пантеизмъ у Ламартина. — Предисловіе къ „*Жоселину*“. — Пантеистическія тенденціи въ раннихъ произведеніяхъ Ламартина. — Разборъ „*Гармоній*“ Дешанелемъ и Леметромъ. — Религіозные взгляды Ламартина въ „*Recueils poétiques*“ и въ „*La Chute d'un ange*“. — Міровая душа. — Единство мірозданія. — Сюжетъ поэмы „*Паденіе ангела*“. — Природа и поэтъ. — III. Символизмъ у Ламартина. — Что разумѣть подъ терминами „символизмъ“ и „символь“. — Психологическія основы символизма. — Примитивный символизмъ. — Символизмъ въ средніе вѣка и въ новое время. — Французское выраженіе символизма. Символь и психологическій параллелизмъ народный поэзіи. — Символизмъ въ „*Медитаціяхъ*“ и „*Гармоніяхъ*“ Ламартина. — Связь символизма и пантеизма въ „*Recueils poétiques*“. — Символы въ стихотвореніяхъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ и въ произведеніяхъ, написанныхъ послѣ 1838 года. — Символическое стихотвореніе „*Le Liseron*“. — Одухотвореніе неорганической природы. — „*La Vigne et la Maison*“. — IV. Пантеизмъ у Виктора Гюго. — Книга Ренувье. — „*Les Voir Intérieures*“ и „*Les Chants du crépuscule*“. —

Сочетаніе пантеизма съ манихейскимъ дуализмомъ.—Духъ и матерія; ихъ борьба.—Переходъ отъ манихейства къ пантеизму.—Міровая душа.—Побѣда духа надъ матеріей; поэмы „*Dieu*“ и „*La Fin de Satan*“.—Всеобъемлющій пантеизмъ: „*Le Satyre*“.—V. Символизмъ у Виктора Гюго.—Борьба свѣта и тьмы Мракъ, смерть, зло въ ихъ символическомъ выраженіи у Гюго.—Превращеніе неодушевленныхъ предметовъ въ символическія существа посредствомъ нагроможденія конкретныхъ признаковъ—стихотвореніе: „*Sunt lacrimae rerum*“; человѣкъ и природа; описаніе штурма собора въ „*Notre Dame de Paris*“ стихотвореніе „*En plantant le chêne des Etats Unis d'Europe*“.—Символизмъ въ „*La Légende des Siècles*“.—VI. Теорія прогресса и мессіанизмъ у Гюго; его связь съ ученіями Леру и Кинэ — Міросозерцаніе Альфреда де Виньи — Повѣяли ли на него пантеистическія идеи.—Природа въ „*La Maison du Berger*“.—Духъ жизни; борьба духа съ матеріей.—„*La Flute*“.—Романъ „*Дафна*“ прославленіе страданія и науки, какъ факторовъ, способствующихъ побѣдѣ духа надъ матеріей „*Les Destinées*“, „*La Bouteille à la mer*“ etc.—VII. Символизмъ у Альфреда де Виньи — Символь женщины.—Толкованіе этого синтеза Доризономъ.—Символы борьбы между рокомъ и человѣческой волей въ поэмѣ „*Богини Судьбы*“.—Символическое значеніе поэмы „*La Mort du loup*“.—Синтезъ міросозерцанія Виньи въ „*La Bouteille à la mer*“ стр. 236—30

Г Л А В А VI.

Романтическій синтезъ. Общіе выводы.

Начало, объединяющее всѣ теченія французской литературы въ 40-хъ и 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія.—Всѣ ли французскіе писатели того времени стремились къ универсализму.—I. Стремленіе къ универсализму Сентъ-Бёва и Бальзака. Переходъ отъ субъективизма къ универсальности у Жоржъ Сандъ, Дюма и Мюссе.—Универсальныя теоріи Леру и Кинэ — Символь „мірового“ города у Гюго (въ „*L'Année Terrible*“), у Виньи („*Paris*“, „*Daphné*“) и Ламартина („*Les Visions*“).—II. Универсализмъ въ драмѣ.—Невѣрная оцѣнка многими критиками эстетическихъ теорій Гюго.—Почему онѣ для насъ особенно интересны.—„*Предисловіе*“ къ драмѣ „*Кромвель*“ и его оцѣнка у современниковъ.—Отношеніе Гюго къ французскимъ классикамъ.—Поклоненіе Мольеру, Корнелю, Расину; протестъ противъ „правилъ“ и требованій „изящнаго вкуса“.—Относительность прекраснаго.—Теорія происхожденія лирики, эпоса и драмы.—Ученіе объ „уродливо-смѣшномъ“—Драма заключаетъ въ себѣ всѣ прочіе литературные жанры.—Она—картина жизни, зеркало, въ которомъ отражается весь міръ.—Есть-ли искусство фотографія?—Задачи искусства.—Цѣль его—выбирать въ жизни характерное.—Драматическія теоріи Гюго въ другихъ его произведеніяхъ.—Развитіе теорій чередованія трагическаго и смѣшнаго, прекраснаго и безобразнаго:—Предисловіе къ драмѣ „*Люкреція Борджья*“; ученіе о „великомъ“ и „правдивомъ“:—Предисловіе къ драмѣ „*Марія Тюдоръ*“.—Расширеніе задачъ драмы:—Өредисловіе къ „*Анджело*“ и „*Бурграфамъ*“.—Драматическія теоріи Александра Дюма и Альфреда де-Виньи.—„*Предисловіе*“ къ „*Чаттертону*“, „*письмо къ лорду Г****“.—III. Универсализмъ въ лирикѣ.—Стихотвореніе Виньи.—Переходъ Ламартина отъ индивидуализма къ универсализму.—Стихотвореніе „*A. M. F. Guillemalet*“.—

Переходъ Гюго къ универсализму.—Предисловіе къ „*Les Chants du Crépuscule*“ и „*Les Feuilles d'automne*“.—Расширеніе задачъ лирики въ „*Les Voix Intérieures*“.—Попытка свести къ синтезу всѣ роды поэзіи:—Предисловіе къ „*Les Rayons et les Ombres*“.—Поэма „о Человѣкѣ“.—Стремленіе примирить индивидуализмъ съ универсализмомъ въ „*Les Contemplations*“.—Наука и поэзія въ „*Les Misérables*“.—Взгляды Бодлера на универсализмъ поэзіи Гюго въ частности и на литературный универсализмъ вообще („*L'Art Romantique*“).—IV. Универсализмъ въ эпосѣ.—Стремленіе создать всеобъемлющую эпопею.—Синтезъ поэзіи Виньи.—Предисловія къ „*Жюселину*“ и „*La Chute d'un ange*“ Ламартина.—Прозэкъ всемірной эпопеи. „*Видѣнія*“.—Универсальная эпопея у Гюго. „*La Fin de Satan*“, „*Dieu*“, „*La légende des siècles*“.—Синтезъ творчества Гюго.—V. Общие выводы.—Опредѣленіе французскаго романтизма. стр. 305—356

ГЛАВА VII.

Стиль французскихъ писателей эпохи Реставраціи и его связь со стилемъ классиковъ и чувствительниковъ.

Исканіе новаго поэтическаго стиля въ пору Реставраціи.—Взгляды Сентъ-Бёва на реформу стиха и метрики.—Стихотвореніе „*A la Rime*“.—Протестъ Вакри противъ крайностей культизма.—Стремленіе французскихъ писателей эпохи Реставраціи обновить поэтическій словарь.—Взгляды Нодье и Гюго на эволюцію языка.—I. Книга Бара „*О поэтическомъ стилѣ романтиковъ*“.—Классики и ложноклассики.—Особенности ложноклассическаго стиля.—Сбивчивость въ представленіяхъ Бара о стиляхъ ложноклассическомъ, сентиментальномъ и романтическомъ.—II. Классическій стиль во Франціи.—Его свойства.—Абстрактные термины у классиковъ и у романтиковъ.—Гюго, Ламартина, Виньи, Сентъ-Бёва.—Исканіе идеально-прекраснаго у классиковъ.—Перифразы у писателей эпохи Реставраціи.—Нагроможденіе антитезъ.—III. Связь романтиковъ съ сентименталистами.—Исканіе полу-тоновъ, игры свѣта и тѣни.—Эпитеты, излюбленные чувствительниками и романтиками.—Символика растений.—Мрачный колоритъ стиля чувствительниковъ и романтиковъ.—Некроманія.—Сатанизмъ.—Сенсуализмъ и его вліяніе на поэтическій словарь.—IV. Попытки романтиковъ выработать новый стиль.—Любовь къ грандіозному, гигантскому, универсальному и ея вліяніе на поэтическій стиль. . стр. 357—390

ГЛАВА VIII.

Художественный реализмъ и импрессионизмъ въ стилѣ французскихъ писателей эпохи Реставраціи.

Взгляды Barat на художественный реализмъ въ стилѣ французскихъ романтиковъ. Реалистическія детали въ драмѣ „*Хромвель*“. Колоритъ стиля Гюго. Ошибочный взглядъ Barat на экзотизмъ. Разборъ метафоръ Гюго. Отрицательное отношеніе Barat къ Сентъ-Бёву. I. Реализмъ въ стилѣ французскихъ писателей эпохи Реставраціи. Сужденія Гюго о стилѣ Вольтера. Значе-

ніе стиля для Сентъ-Бѣва. Исканіе конкретнаго образа возводится имъ въ литературный принципъ. Возраженія Сентъ-Бѣва на упрекъ въ матеріалізмъ. Нападки послѣдователей г-жи Сталь на Сентъ-Бѣва. Микіэльсъ и Сентъ-Бѣвъ. Стремленіе французскихъ писателей эпохи Реставраціи „живописать“ словами. Исканіе яркихъ красокъ „Фамиллярные“, „низкіе“ термины. Портреты. II. Стремленіе романтиковъ замѣнять описанія чувствъ описаніемъ ощущеній. Исканіе пластичности. Эпитеты, выражающіе чувствительныя воспріятія. Harmonie imitative. Примѣчанія Сентъ-Бѣва къ „Monsieur Jean“. Гранье де Кассаньякъ. III. Взгляды французскихъ писателей эпохи Реставраціи на стиль, какъ на средство передать настроеніе писателя. Предисловіе Гюго къ „Les Orientales“, Примѣчаніе Сентъ-Бѣва къ „Les rayons jaunes“. Разборъ этого стихотворенія. „La Neige“ Виньи. Передача настроенія подборомъ эпитетовъ. Стихотвореніе Ламартина „L'Immortalité“. Баллада Гюго „La Melée“. Четыре категории образовъ у французскихъ писателей эпохи Реставраціи. стр. 391—414

Г Л А В А IX.

Импрессионизмъ у французскихъ романтиковъ послѣ 1830 года.

Поэтической стиль въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX-го столѣтія во Франціи. — Связь романтиковъ съ импрессионистами.—I. Брюнетьеръ и его опредѣленіе импрессионизма.—Односторонность взгляда Брюнетьера на это явленіе.—Четыре вида импрессионизма.—II. Простѣйшій видъ: нагроможденіе ужасовъ, стремленіе дѣйствовать на нервы читателя.—Ламартинъ и Гюго.—„La Chute d'un ange“.—„Eviradnus“.—Idees fixes Гюго.—Смерть.—„Les Pleurs dans la nuit“.—Вредоносныя силы природы.—III. Стремленіе „живописать“ словами.—Теофиль Готье и Гюго.—Описаніе бури въ „Les Travailleurs de la mer“.—Материализація отвлеченныхъ понятій.—Метафоры Гюго.—Значеніе эпитета.—Колоритныя „пятна“.—IV.—Замѣна чувствъ ощущеніями въ описаніяхъ Гюго и Мюссе.—Гюго и Додэ, Мюссе и Флоберъ.—„Stances à la Malibran“.—Четвертый видъ импрессионизма.—Стремленіе Гюго описывать „неощутимое“ и неизрѣченное. стр. 415—433

стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ.	437—502
I. Къ вопросу объ опредѣленіи романтизма. Романтической идеализмъ	437—442
II. Романтизмъ въ Франціи	445—474
a) нѣмецкій романтизмъ	445—462
b) итальянскій романтизмъ	462—467
c) романтизмъ англійскій	467—474
III. Условныя границы французскаго романтизма	474—483
IV. Теорія „искусство для искусства“ и романтической реализмъ во Франціи	483—502
V. Добавленія	502—508
VI. Алфавитный указатель	509—518
VII. Опечатки	519—520

Лекції по алгебраическому анализу.

ГЛАВА V.

Связь между общей теоріей группъ и теоріей подстановокъ.

§ 1. Обратимся къ рассмотрѣнію группы P порядка n , образованной элементами:

$$1 = S_0, \quad S_1, \quad S_2, \dots, S_{n-1}. \quad (1)$$

Разсмотримъ совокупность PS_i .

Эта совокупность, какъ извѣстно, тождественна съ самой группой и можетъ отличаться отъ нея только порядкомъ расположенія элементовъ.

Разсмотримъ подстановку n буквъ S съ различными индексами:

$$\begin{pmatrix} S_i & S_1 S_i & S_2 S_i & \dots & S_{n-1} S_i \\ 1 & S_1 & S_2 & \dots & S_{n-1} \end{pmatrix},$$

дающую новый порядокъ элементовъ (1).

Ее, для краткости, будемъ обозначать знакомъ:

$$\begin{pmatrix} PS_i \\ P \end{pmatrix}.$$

Подстановки:

$$1, \quad \begin{pmatrix} PS_1 \\ P \end{pmatrix}, \quad \begin{pmatrix} PS_2 \\ P \end{pmatrix}, \dots, \quad \begin{pmatrix} PS_{n-1} \\ P \end{pmatrix} \quad (2)$$

образуютъ, очевидно, группу, ибо

$$\begin{pmatrix} PS_i \\ P \end{pmatrix} \begin{pmatrix} PS_k \\ P \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} PS_i \\ P \end{pmatrix} \begin{pmatrix} PS_i S_k \\ PS_i \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} PS_i S_k \\ P \end{pmatrix}.$$

Изъ сопоставленія крайнихъ частей послѣдняго равенства также слѣдуетъ, что группа подстановокъ (2) однократно изоморфна съ группою элементовъ (1).

Получаемъ такимъ образомъ теорему:

Всякая группа элементовъ порядка n однократно изоморфна съ нѣкоторой транзитивной группою подстановокъ n буквъ.

Транзитивность группы подстановокъ (2) слѣдуетъ изъ того соображенія, что всегда можно указать такой элементъ S_i , при которомъ произведение $S_k S_i$ обратится въ новый элементъ S_l .

§ 2. Весьма важнымъ является вопросъ о нахожденіи для группы данного порядка изоморфной транзитивной группы подстановокъ возможно меньшаго числа буквъ. При разсмотрѣніи этого вопроса являются основными слѣдующія соображенія.

Пусть R будетъ нѣкоторый дѣлитель группы P индекса j , такъ что эта группа разбивается на рядъ сопряженныхъ системъ:

$$R, R S_1, R S_2, \dots, R S_{j-1}. \quad (1)$$

Мы знаемъ, что, если умножить справа системы (1) на произвольный элементъ S_k группы P , то получимъ рядъ новыхъ системъ:

$$R S_k, R S_1 S_k, \dots, R S_{j-1} S_k, \quad (2)$$

причемъ совокупность системъ (2) будетъ отличаться отъ системъ (1) только порядкомъ элементовъ, если за элементы брать системы одной изъ этихъ совокупностей.

Обозначая чрезъ \mathfrak{R} совокупность системъ (1), а чрезъ $\mathfrak{R} S_k$ совокупность системъ (2), мы получаемъ подстановку j элементовъ (1), которую можемъ символически обозначить:

$$\begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_k \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix}.$$

Нетрудно убѣдиться, что группа подстановокъ (1):

$$1, \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_1 \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix}, \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_2 \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix}, \dots, \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_{j-1} \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix} \quad (3)$$

будетъ изоморфна съ разсматриваемой группою P . Въ самомъ дѣлѣ, совокупность подстановокъ (3) представляетъ группу, ибо

$$\begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_i \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_k \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_i \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_i S_k \\ \mathfrak{R} S_i \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_i S_k \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix}. \quad (4)$$

Разсмотримъ, какія изъ подстановокъ (3) могутъ быть одинаковы.

Равенство:

$$\begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_i \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_k \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix} \quad (5)$$

на основаніи (4) влечетъ за собой:

$$\begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_i S_i^{-1} \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_k S_i^{-1} \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix},$$

или

$$1 = \begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_k S_i^{-1} \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix}. \quad (6)$$

Итакъ, мы видимъ, что если обозначимъ черезъ S_0 всѣ элементы группы P , удовлетворяющіе равенству:

$$\begin{pmatrix} \mathfrak{R} S_0 \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix} = 1, \quad (7)$$

то равенство (5) на основаніи (6) будетъ возможно только тогда, когда

$$S_k S_i^{-1} = S_0,$$

другими словами, когда

$$S_k = S_0 S_i.$$

Мы видимъ, слѣдовательно, что число равныхъ между собой подстановокъ въ рядѣ (3) равняется числу элементовъ S_0 группы P , удовлетворяющихъ равенству (7).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію равенства (7). Мы получаемъ отсюда

$$R S_0 = R$$

и, сверхъ того,

$$R S_i S_0 = R S_i,$$

гдѣ i должно принимать значенія:

$$1, 2, \dots, j-1.$$

Такимъ образомъ слѣдуетъ, что элементъ S_0 , съ одной стороны, принадлежитъ группѣ R , съ другой стороны, должно быть:

$$S_i S_0 = T S_i,$$

гдѣ T одинъ изъ элементовъ группы R .

Получаемъ:

$$S_0 = S_i^{-1} T S_i,$$

т. е. S_0 также принадлежит группѣ:

$$S_i^{-1} R S_i.$$

Такъ какъ, какъ мы уже замѣтили, значекъ i принимаетъ всѣ значенія отъ 1 до $j - 1$, то элементы S_0 должны образовать общаго наибольшаго дѣлителя группъ:

$$R, S_1^{-1} R S_1, S_2^{-1} R S_2, \dots, S_{j-1}^{-1} R S_{j-1}.$$

Если общій наибольшій дѣлитель R_0 послѣднихъ группъ сводится къ единицѣ, что имѣетъ мѣсто, напримѣръ, когда заданная группа простая, то число элементовъ S_0 равно единицѣ, и равенство (5) возможно только въ случаѣ:

$$S_i = S_k.$$

Получаемъ, слѣдовательно, теорему:

Если группа P имѣетъ дѣлителя R индекса j , который, кромѣ единицы, не имѣетъ общихъ элементовъ съ ея сопряженными, то такая группа однократно изоморфна съ некоторой транзитивной группой подстановокъ j буквъ.

Транзитивность этой группы подстановокъ j буквъ будетъ слѣдовать изъ того, что совокупность \mathfrak{K} заключаетъ въ себѣ элементъ R , который переходитъ во всѣ остальные элементы совокупности \mathfrak{K} , если будемъ группу R умножать справа на элементы:

$$S_1, S_2, \dots, S_{j-1}$$

группы P

Если нормальный дѣлитель R_0 группы P не сводится къ единицѣ, то указанный изоморфизмъ будетъ кратнымъ.

§ 3. Будемъ разсматривать, какъ и въ предыдущемъ §-ѣ, совокупность \mathfrak{K} элементовъ, представляющихъ сопряженныя системы дѣлителя R :

$$R, R S_1, R S_2, \dots, R S_{j-1}, \quad (1)$$

и разсмотримъ, кромѣ того, дѣлителя Q :

$$1, T_1, T_2, \dots, T_{q-1}$$

порядка q заданной группы P .

Совокупность подстановок:

$$1, \begin{pmatrix} \mathfrak{R} T_1 \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix}, \begin{pmatrix} \mathfrak{R} T_2 \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix}, \dots, \begin{pmatrix} \mathfrak{R} T_{q-1} \\ \mathfrak{R} \end{pmatrix} \quad (2)$$

образует, очевидно, группу. Эта группа будет однократно или многократно изоморфна съ группой Q .

Мы видѣли уже въ § 2 предыдущей главы, что если обозначимъ черезъ U_1 произвольный элементъ группы P , то

$$R U_1 Q$$

дастъ нѣкоторое число h_1 элементовъ (1), гдѣ h_1 есть индексъ общаго наибольшаго дѣлителя группы:

$$Q, U_1^{-1} R U_1.$$

Число h_1 будетъ, очевидно, дѣлителемъ числа q .

Мы видѣли также, что всѣ элементы (1) получаются изъ выражений:

$$R U_1 Q, R U_2 Q, \dots$$

гдѣ элементы:

$$U_1, U_2, \dots$$

соотвѣтственнымъ образомъ подобраны.

Обозначивъ черезъ

$$h_1, h_2, \dots$$

рядъ соотвѣтствующихъ индексовъ, мы имѣли:

$$j = h_1 + h_2 + \dots$$

Съ другой стороны, всѣ элементы T группы Q даютъ:

$$R U_i Q T = R U_i Q;$$

слѣдовательно, умноженіе на T лишь перемѣщаетъ между собой совокупность h_i элементовъ группы (1).

Далѣе, можно доказать, что это перемѣщеніе между собою элементовъ каждой совокупности h_i ихъ есть перемѣщеніе транзитивное.

Дѣйствительно, каждая совокупность, наиримѣрь, совокупность $R U_i Q$, состоящая изъ h_i элементовъ группы (1), состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ элементовъ группы (1), которые получаются изъ одного изъ элементовъ этой совокупности умноженіемъ на нѣкоторые элементы дѣлителя Q ; слѣдовательно, тѣмъ самымъ этотъ элементъ переводится во всѣ остальные элементы взятой совокупности.

Такимъ образомъ подстановки группы подстановокъ (2) транзитивно связываютъ между собой элементы каждой изъ совокупностей, составленныхъ изъ

$$h_1, h_2, h_3, \dots$$

элементовъ (1).

Теперь мы приходимъ къ теоремѣ:

Если группа P порядка n имѣетъ двухъ дѣлителей R и Q изъ рядковъ:

$$\frac{n}{j} = q,$$

то существуетъ группа подстановокъ j буквъ, изоморфная съ дѣлителемъ Q . Эти j буквъ распадаются на ряды изъ:

$$h_1, h_2, h_3, \dots \quad (j = h_1 + h_2 + h_3 + \dots),$$

причемъ подстановки указанной группы транзитивно связываютъ отдѣльныя буквы каждаго ряда. Какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, числа h_i , будучи индексами общихъ наибольшихъ дѣлителей группы Q и группъ:

$$U_1^{-1} R U_1, U_2^{-1} R U_2, \dots,$$

суть дѣлители числа q .

Если бы данная группа P была простою, то, очевидно, изоморфизмъ между группою подстановокъ (2) и дѣлителемъ Q былъ бы однократнымъ.

§ 4. Какъ приложеніе изложенныхъ соображеній, рассмотримъ теорему, доказанную Frobenius'омъ.

Теорема. Всякая группа P порядка $p^a q$, гдѣ p и q различныя между собою простые числа, метациклическая.

Достаточно убѣдиться, что группа P порядка $p^a q$ не можетъ быть простою. Если это доказано, то теорему можно доказать по индукціи, ибо при доказательствѣ теоремы Frobenius'a мы видѣли, что высказанное утвержденіе справедливо при

$$a = 1.$$

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что доказана справедливость теоремы при меньшихъ значеніяхъ a ; тогда, если группа P не простая, то она имѣетъ нормального дѣлителя Q , и слѣдовательно, двѣ группы:

$$Q, \frac{P}{Q}$$

будутъ метациклическія, ибо порядки ихъ будутъ имѣть одинъ изъ трехъ

видовъ:

$$q, p^\beta, p^\gamma q,$$

гдѣ

$$\beta \leq \alpha, \quad \gamma < \alpha.$$

Но во второмъ случаѣ (очевидно въ первомъ) группа будетъ метациклическою на основаніи теоремы, доказанной Sylow'ымъ, а въ случаѣ порядка $p^\gamma q$ она будетъ метациклическою по предположенію справедливости ея при

$$\gamma < \alpha.$$

Итакъ, группы:

$$Q, \quad \frac{P}{Q}$$

метациклическія, а слѣдовательно, метациклическою будетъ и группа P .

Обращаемся, слѣдовательно, къ доказательству того, что группа P не можетъ быть простою. Покажемъ, что мы придемъ къ противорѣчію, если предположимъ группу P простою. Пусть Q будетъ дѣлителемъ простой группы P порядка $p^\beta q$, гдѣ

$$0 \leq \beta < \alpha,$$

и гдѣ, притомъ, β имѣетъ наибольшее изъ возможныхъ значеній.

Существованіе такого дѣлителя слѣдуетъ изъ первой теоремы Sylow'a, ибо по этой теоремѣ всегда существуетъ дѣлитель порядка q , что соответствуетъ случаю:

$$\beta = 0.$$

На основаніи соображеній § 2 заданная группа будетъ изоморфна съ группою подстановокъ $p^{\alpha-\beta}$ буквъ. Изоморфизмъ будетъ однозначный вслѣдствіе предположенія простоты группы P . Среди подстановокъ изоморфной группы должны, очевидно, заключаться такія, порядокъ которыхъ дѣлится на q .

Если мы разложимъ одну изъ такихъ подстановокъ на циклы, то среди цикловъ долженъ заключаться, по крайней мѣрѣ, одинъ состоящій изъ q элементовъ; слѣдовательно, должно имѣть мѣсто неравенство:

$$p^{\alpha-\beta} > q. \quad (1)$$

Разсмотримъ теперь другого дѣлителя Q' порядка p^α группы P , имѣющаго, слѣдовательно, индексъ q . По предположенію, группа P простая, и значить, группа R элементовъ, перестановочныхъ съ группою Q' , не можетъ совпадать съ P .

Съ другой стороны, R заключаетъ группу Q' . Слѣдовательно, будетъ:

$$R = Q',$$

ибо, вслѣдствіе простоты числа q у числа $p^a q$ не существуетъ дѣлителя r , удовлетворяющаго неравенству:

$$p^a < r < p^a q.$$

Примѣняя соображенія второй теоремы Sylow'a къ данному случаю, получимъ, что существуетъ только q различныхъ между собою дѣлителей:

$$Q', Q'_1, \dots, Q'_{q-1}$$

порядка p^a . Эти дѣлители суть сопряженные между собой группы.

Будемъ искать общаго наибольшаго дѣлителя группы Q' съ послѣдовательно взятыми остальными группами:

$$Q'_1, Q'_2, \dots, Q'_{q-1}. \quad (2)$$

Всѣ такіе общіе дѣлители будутъ имѣть порядкомъ степени числа p .

Назовемъ теперь черезъ Q' и Q'_1 ту пару изъ числа q сопряженныхъ группъ, которая даетъ общаго наибольшаго дѣлителя сколько возможно высшаго порядка p^γ .

Будемъ имѣть, очевидно,

$$0 < \gamma < a.$$

Примѣняя къ группѣ P соображенія § 2 главы IV, причемъ за дѣлителей, обозначенныхъ тамъ черезъ Q и R , беремъ группу Q' , получаемъ:

$$q = h_1 + h_2 + h_3 + \dots,$$

гдѣ

$$h_1 = 1,$$

а остальные слагаемыя суть индексы общихъ наибольшихъ дѣлителей группы Q' съ группами (2). Такимъ образомъ всѣ числа:

$$h_2, h_3, \dots$$

будутъ дѣлиться на $p^{a-\gamma}$, и мы должны имѣть:

$$q \equiv 1 \pmod{p^{a-\gamma}},$$

откуда

$$q > p^{a-\gamma}. \quad (3)$$

Сопоставляя неравенства (1) и (3), получимъ:

$$\alpha - \beta > \alpha - \gamma.$$

или

$$\gamma > \beta.$$

т. е.

$$\gamma > 0.$$

Пусть Q_0 есть общий наибольший дѣлитель группъ Q' и Q'_1 . По теоремѣ § 4 главы IV можемъ составить для группы Q' дѣлителя R' порядка $p^{\gamma+1}$, для котораго Q_0 будетъ нормальнымъ дѣлителемъ.

Подобнымъ же образомъ составимъ дѣлителя R_1 группы Q'_1 , имѣющаго порядокъ $p^{\gamma+1}$, причемъ и для него Q_0 будетъ нормальнымъ дѣлителемъ.

Нетрудно видѣть, что R' не можетъ быть дѣлителемъ ни одной изъ группъ:

$$Q'_1, Q'_2, Q'_3, \dots,$$

ибо мы предположили, что высшій порядокъ общаго наибольшаго дѣлителя группы Q' и какой бы то ни было изъ группъ (2) есть p^{γ} , а не $p^{\gamma+1}$. Подобнымъ же образомъ группа R_1 не заключается въ группахъ:

$$Q', Q'_2, Q'_3, \dots$$

Разсмотримъ группу:

$$\{R', R_1\}.$$

Очевидно, что эта группа не можетъ быть порядка p^{δ} , ибо тогда она на основаніи второй теоремы Sylow'a должна заключаться въ одной изъ группъ:

$$Q', Q'_1, Q'_2, \dots, Q'_{q-1}.$$

что противорѣчитъ сдѣланнымъ замѣчаніямъ относительно R' и R_1 .

Итакъ, порядокъ группы:

$$\{R', R_1\}$$

есть $p^{\varepsilon}q$.

Такъ какъ эта группа заключаетъ R' , то должно быть:

$$\varepsilon \geq \gamma + 1 > \beta.$$

Но, по предположенію, у заданной группы P не существуетъ дѣлителя порядка $p^{\varepsilon}q$, у котораго:

$$\varepsilon > \beta;$$

слѣдовательно, должно быть:

$$\varepsilon = \alpha,$$

т. е.

$$\{R', R_1\} = P.$$

Разсмотримъ теперь всѣ элементы группы P перестановочные съ Q_0 . Эти элементы образуютъ группу, заключающую, какъ R' , такъ и R_1 , а слѣдовательно эти элементы обнимаютъ всю группу P .

Q_0 оказывается нормальнымъ дѣлителемъ группы P , что противорѣчитъ предположенію простоты этой группы.

§ 5. Обратимся къ рассмотрѣнію импримитивныхъ группъ подстановокъ.

Предположимъ, что число переставляемыхъ буквъ есть:

$$n = rs,$$

и эти буквы распадаются на s системъ:

$$\begin{array}{l} \alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_r; \\ \beta_1, \beta_2, \dots, \beta_r; \\ \dots \dots \dots; \\ \dots \dots \dots; \\ \varepsilon_1, \varepsilon_2, \dots, \varepsilon_r. \end{array} \quad (1)$$

Также предположимъ, что заданная импримитивная группа P есть транзитивная.

Разсмотримъ группу Q , образованную подстановками, перемѣщающими только буквы каждой изъ S системъ (1), причемъ не происходитъ перемѣщенія самихъ системъ. Эта группа Q не можетъ сводиться къ единицѣ, ибо, если бы она была единицей, то вся группа P должна была бы сводиться къ перестановкамъ одной на мѣсто другой системъ (1) безъ перемѣщенія буквъ каждой системы; слѣдовательно, группа P не могла бы быть транзитивною.

Совершенно подобнымъ же образомъ покажемъ, что группа Q не можетъ совпадать съ группою P , ибо въ этомъ случаѣ въ группѣ P не происходило бы перемѣщенія системъ системъ (1), и группа также не была бы транзитивною.

Докажемъ, что группа Q есть нормальный дѣлитель группы P . Въ самомъ дѣлѣ, пусть S будетъ одна изъ подстановокъ Q , а T произвольно взятая подстановка группы P . Тогда въ подстановкѣ:

$$T^{-1}ST$$

не будет происходить перемѣщенія системъ (1), ибо подстановка T^{-1} производитъ нѣкоторое определенное перемѣщеніе системъ (1), S оставляетъ эти системы безъ перемѣны, а подстановка T производитъ перемѣщеніе системъ (1), обратное произведенному подстановкой T^{-1} .

Итакъ, послѣдняя подстановка принадлежитъ той же группѣ Q : слѣдовательно, группа Q есть нормальный дѣлитель, и мы видимъ, что *транзитивная импримитивная группа имѣетъ всегда нѣкотораго интранзитивнаго нормальнаго дѣлителя.*

Получается теорема:

Транзитивная группа можетъ быть простою только въ томъ случаѣ, когда она примитивна.

§ 6. Покажемъ теперь обратно, что *если транзитивная группа имѣетъ интранзитивнаго нормальнаго дѣлителя, то она должна быть импримитивной.*

Въ самомъ дѣлѣ, пусть P заданная транзитивная группа, а Q ея интранзитивный нормальный дѣлитель, перемѣщающій транзитивно слѣдующіе буквы:

$$\alpha_1, \alpha_2, \dots, \alpha_r. \quad (1)$$

Возьмемъ какую нибудь подстановку T группы P , и пусть подстановка T обращаетъ буквы (1) въ слѣдующія:

$$\beta_1, \beta_2, \dots, \beta_r. \quad (2)$$

Нетрудно доказать, что эта система (2) буквъ или совпадаетъ съ системой (1), или же всѣ ея буквы отличны отъ буквъ (1). Въ самомъ дѣлѣ, группа:

$$T^{-1} Q T$$

переставляетъ транзитивно буквы (2), ибо T^{-1} переводитъ эти буквы въ буквы (1), Q перемѣщаетъ эти послѣднія, а T переводитъ новое перемѣщеніе буквъ (1) въ соответствующее новое перемѣщеніе буквъ (2).

Поэтому, если бы въ систему (2) входила только часть буквъ (1), другія же были бы новыми, то происходило бы слѣдующее. Подстановка группы:

$$T^{-1} Q T,$$

которая на основаніи предположенія нормальности дѣлителя Q совпадаетъ съ группой Q , замѣняла бы нѣкоторые изъ буквъ системы (1) буквами не входящими въ эту систему.

Это противорѣчитъ сдѣланному предположенію, именно, что система (1) исчерпываетъ всѣ транзитивно перемѣщаемыя группой Q буквы.

Итакъ, мы видимъ, что подстановка T или оставляетъ всю систему (1) безъ измѣненія, или же переводитъ ее въ совершенно новую систему (2).

Если группа P не исчерпывается системами (1) и (2), то, вслѣдствіе транзитивности группы P , должна въ этой группѣ заключаться подстановка T_1 , переводящая букву α_1 въ γ_1 , гдѣ γ_1 одна изъ новыхъ буквъ; тогда эта подстановка замѣнитъ систему (1) новою третьей:

$$\gamma_1, \gamma_2, \dots, \gamma_r. \quad (3)$$

Такимъ образомъ мы видимъ, что подстановки разсматриваемой группы P не раздѣляютъ буквъ системъ (1), (2), (3), ..., и слѣдовательно, группа P импримитивна.

Доказанное можно также формулировать такъ:

Транзитивная группа можетъ имѣть отличнаго отъ единицы интранзитивнаго нормальнаго дѣлителя только въ томъ случаѣ, когда она импримитивна. *Системы интранзитивности нормальнаго дѣлителя суть системы импримитивности заданной группы.*

§ 7. Одной изъ главныхъ задачъ теоріи группъ является нахожденіе всѣхъ различныхъ типовъ группъ даннаго порядка.

При рѣшеніи этой задачи приходится разсматривать типы простыхъ группъ, порядки которыхъ входятъ дѣлителями въ порядокъ заданной группы, а потому является вопросъ, какія числа, кромѣ простыхъ, могутъ быть порядками простыхъ группъ.

Получается слѣдующій весьма важный результатъ, что группы для большинства составныхъ порядковъ оказываются не простыми; такъ напримѣръ, для чиселъ, не превосходящихъ 100, одно только составное число 60 можетъ быть порядкомъ простой группы.

Существованіе простой группы порядка 60 мы могли предвидѣть на основаніи § 9 гл. V Теоріи подстановокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли въ этомъ §-ѣ, что знакперемѣнная группа подстановокъ n ($n > 4$) перемѣщаемыхъ элементовъ есть простая; но порядокъ подобной группы подстановокъ пяти элементовъ равняется числу:

$$60 = \frac{5!}{2}.$$

Группы при порядкахъ, равныхъ всѣмъ остальнымъ составнымъ числамъ отъ 1 до 100, оказываются не только не простыми, но даже метаклическими.

Разсмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, всѣ числа, не превосходящія 100, откидывая всѣ простые числа, а также тѣ, которыя должны давать метациклическія группы по теоремамъ Sylow'a и Frobenius'a.

Остаются для разсмотрѣнія только слѣдующія числа:

$$36, 60, 72, 84, 90, 100.$$

Разсмотримъ группу порядка 36.

По первой теоремѣ Sylow'a она имѣетъ дѣлителя порядка 9, а потому по теоремѣ § 2 гл. V она должна быть изоморфной съ группой подстановокъ четырехъ элементовъ, и въ виду предположенія простоты ея, этотъ изоморфизмъ долженъ быть однократнымъ. Но это невозможно, ибо для четырехъ элементовъ существуетъ только двадцать четыре подстановки.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію группы порядка:

$$72 = 8 \cdot 9.$$

Разсмотримъ ея дѣлителя Q порядка 9.

Составимъ группу R перемѣщаемыхъ съ Q элементовъ. Эта группа R не должна приводиться ко всей группѣ, ибо тогда Q былъ бы нормальный дѣлитель, и слѣдовательно, заданная группа не была бы простой. Значитъ, группа R должна имѣть индексомъ одно изъ чиселъ:

$$2, 4, 8.$$

Изъ этихъ чиселъ только одно:

$$4 \equiv 1 \pmod{3},$$

и слѣдовательно, группа R будетъ дѣлителемъ заданной группы съ индексомъ 4. По прежнему, въ виду своей простоты, заданная группа должна быть однократно изоморфной съ группой подстановокъ четырехъ элементовъ, что еще менѣе возможно, чѣмъ для порядка 36.

Разсмотримъ группу порядка 84 и ея дѣлителя Q порядка 7.

Среди дѣлителей числа:

$$\frac{84}{7} = 12$$

не существуетъ, кромѣ единицы, сравнимыхъ съ единицей по модулю 7. Слѣдовательно, индексъ группы R долженъ равняться единицѣ, и значитъ, группа порядка 84, имѣя нормальнаго дѣлителя порядка 7, не можетъ быть простою.

Подобнымъ же образомъ для группы порядка 100 можемъ разсмотрѣть дѣлителя порядка 25, и тогда его индексъ 4 не будетъ имѣть дѣли-

телей, кромѣ единицы, удовлетворяющихъ требуемому сравненію. Также какъ въ предыдущемъ случаѣ, группа порядка 100 окажется не простой.

Нетрудно замѣтить, что во всѣхъ разобранныхъ нами случаяхъ не простые группы будутъ метациклическими.

Это непосредственно слѣдуетъ на основаніи предложеній теоремы Jordan'a изъ того, что всѣ группы, порядки которыхъ суть дѣлители разсмотрѣнныхъ нами чиселъ, суть метациклическія по теоремамъ Sylow'a и Frobenius'a.

Остается разсмотрѣть только два числа:

$$60, 90.$$

Для порядка 60 придется только рѣшить задачу, будетъ ли знакопеременная группа подстановокъ пяти элементовъ единственнымъ типомъ простой группы этого порядка.

Разсмотримъ простую группу P порядка 60. Пусть Q будетъ ея дѣлителемъ порядка 5.

Изъ дѣлителей числа 12 только одинъ:

$$6 \equiv 1 \pmod{5},$$

а потому группа R элементовъ, перестановочныхъ съ Q , должна быть десятого порядка и имѣть индексъ, равный 6. Значить, заданную простую группу P можно замѣнить однократно изоморфной съ ней группой подстановокъ шести элементовъ, а потому вся задача сведется къ разсмотрѣнію различныхъ типовъ простыхъ группъ подстановокъ шести элементовъ порядка 60.

На основаніи теоремы § 9 гл. IV Теоріи подстановокъ эта группа не можетъ заключать тройного цикла, ибо, будучи транзитивной, она сводилась бы къ знакопеременной группѣ шести буквъ и была бы порядка 360; или же была бы импримитивною; но тогда, по недавно доказанному, она не могла бы быть простой.

Итакъ, подстановка третьяго порядка, входящая въ группу подстановокъ на основаніи ея изоморфизма съ выше данной простой группой элементовъ, заключающей элементъ порядка 3 по первой теоремѣ Sylow'a, должна состоять изъ двухъ цикловъ. Обозначимъ эту подстановку:

$$a = (1, 2, 3)(4, 5, 6).$$

Разсмотримъ теперь изъ числа подстановокъ группы подстановку пятого порядка, которая на основаніи предыдущаго должна быть среди нихъ. Эта подстановка, очевидно, циклическая. Пусть цифра 6 въ нее не входитъ.

Такъ какъ мы можемъ взять какую угодно степень этой циклической подстановки, то первыми цифрами этой подстановки можно считать 1 и 2.

Итакъ, для этой циклической подстановки b получается слѣдующихъ шесть возможностей:

$$(1, 2, 3, 4, 5), (1, 2, 4, 3, 5), (1, 2, 4, 5, 3) \quad (1)$$

$$(1, 2, 3, 5, 4), (1, 2, 5, 3, 4), (1, 2, 5, 4, 3). \quad (2)$$

Подстановки (2) получаются изъ подстановокъ (1) простымъ перемѣщеніемъ чиселъ 4 и 5.

Покажемъ теперь, что если мы выберемъ за подстановку b одну изъ трехъ подстановокъ (1), то не придемъ къ различнымъ случаямъ. Въ самомъ дѣлѣ, рассмотримъ второе изъ предположеній (1):

$$a = (1, 2, 3)(4, 5, 6)$$

$$b = (1, 2, 4, 3, 5).$$

Тогда, замѣняя подстановку a на a^2 , а b на b^3 , получимъ для каждой изъ нихъ:

$$(1, 3, 2)(4, 6, 5) = (1, 3, 2)(5, 4, 6)$$

$$(1, 3, 2, 5, 4).$$

Перемѣщеніе цифръ 2 и 3, а также 4 и 5 приведетъ къ первому случаю.

Подобнымъ же образомъ третій случай:

$$a = (1, 2, 3)(4, 5, 6)$$

$$b = (1, 2, 4, 5, 3)$$

замѣной a на a^2 , а b на b^4 даетъ:

$$(1, 3, 2)(4, 6, 5)$$

$$(1, 3, 5, 4, 2),$$

и перемѣщеніе 1 съ 2 и 4 съ 5 приводитъ его къ первому случаю.

Совершенно подобнымъ же образомъ три случая выбора вмѣсто b трехъ подстановокъ (2) сводятся къ одному случаю. Итакъ, у насъ остаются только двѣ возможности:

$$a = (1, 2, 3)(4, 5, 6)$$

$$b = (1, 2, 3, 4, 5)$$

и

$$a = (1, 2, 3)(4, 5, 6)$$

$$b = (1, 2, 3, 5, 4).$$

Но первое предположеніе надо откинуть, ибо

$$a^2 b = (1, 4, 6).$$

Итакъ, остается одна только возможность:

$$a = (1, 2, 3)(4, 5, 6)$$

$$b = (1, 2, 3, 5, 4).$$

Будемъ теперь разсматривать подстановки a и b , какъ образующія группу подстановокъ. Тогда, комбинируя ихъ въ новыя подстановки, придѣмъ къ группѣ порядка 60.

Итакъ, у насъ получается единственный типъ простой группы. Эта группа называется *группой икосаэдра*. Она будетъ подробнѣе разсмотрѣна въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Соображеніями, подобными приведеннымъ для порядка 60, можно убѣдиться, что группа порядка 90 не можетъ быть простою. Въ самомъ дѣлѣ.

$$90 = 5 \cdot 18.$$

Изъ дѣлителей числа 18 только

$$6 \equiv 1 \pmod{5}.$$

Слѣдовательно, разсматриваемая группа порядка 90 должна быть однозначно изоморфна съ группою подстановокъ шести элементовъ. Въ этой же транзитивной группѣ должны заключаться, по предыдущему, подстановки a и b третьяго и пятаго порядковъ, а значитъ, группа должна заключать дѣлителемъ группу икосаэдра, что невозможно.

§ 8. О. Hölder изслѣдовалъ ¹⁾ всевозможные порядки до двухсотъ и доказалъ, что въ этихъ границахъ, кромѣ группы икосаэдра, существуетъ только одно число, дающее простую группу, именно 168.

Cole продолжилъ ²⁾ изслѣдованія Hölder'a до порядка 660 и показалъ, что въ этомъ промежуткѣ простымъ группамъ могутъ соответствовать только числа:

$$360, \quad 504, \quad 660.$$

Наконецъ, W. Burnside показалъ ³⁾, что слѣдующее число, дающее простую группу, будетъ 1092.

¹⁾ Mathem. Ann.; Vol. XL, 1892, Seiten 55—83.

²⁾ American Journal of Mathematics; vol. XIV (до порядка 500).

³⁾ Proc. Lond. Math. Soc.; vol. XXVI, 1895, pp. 333—338.

Разсмотрѣніе простыхъ группъ съ большими порядками усложняется по мѣрѣ возрастанія порядковъ.

§ 9. Къ числу приведенныхъ нами теоремъ добавимъ еще слѣдующія безъ доказательства.

Теорема I. *Группа порядка $p^\alpha q^\beta$, гдѣ $\alpha < 2m$, а $m = \text{ind } p$ по модулю q , есть метациклическая ¹⁾.*

Теорема II. *Группа порядка $p^\alpha q^2$ метациклическая ²⁾.*

Теорема III. *Группа порядка $p^\alpha q^\beta$, въ которой дѣлители порядковъ:*

$$p^\alpha, q^\beta$$

суть Абелевы группы, метациклическая ³⁾.

Теорема IV. *Группа порядка $p^\alpha q^\beta \dots r^i$, въ которой дѣлители порядковъ:*

$$p^\alpha, q^\beta, \dots, r^i$$

циклическіе, есть метациклическая ⁴⁾.

Теорема V ⁵⁾. *Группа можетъ быть простою только въ томъ случаѣ, если ея порядокъ дѣлится на одно изъ чиселъ:*

$$12, 16, 56.$$

¹⁾ Frobenius: Sitzungsberichte der Berliner Akademie; 1895, S. 190 и Burnside: Proc. Lond. Math. Soc.; vol. XXVI, p. 209 (for the case where $\alpha \leq m$).

²⁾ Burnside: „Theory of groups of finite order“; p. 348.

³⁾ Ibid.; p. 351.

⁴⁾ „Ueber auflösbare Gruppen“: Sitzungsberichte der Berliner Akademie; 1895, S. 1035.

⁵⁾ Burnside: Proc. Lond. Math. Soc.; vol. XXVI, 1895, p. 332 and his: „Theory of groups of finite order“; p. 365.

ГЛАВА VI.

О линейных группах.

§ 1. Ограничимся въ разсматриваемой главѣ случаемъ, когда число n перемѣщаемыхъ подстановками элементовъ простое. Разсмотримъ подстановку:

$$\begin{pmatrix} a_0 & a_1 & a_2 & \dots & a_{n-1} \\ 0 & 1 & 2 & \dots & n-1 \end{pmatrix}.$$

Нетрудно составить такую цѣлую функцію $f(x)$ съ цѣлыми коэффициентами, численныя значенія которой:

$$f(0), f(1), f(2), \dots, f(n-1)$$

будутъ сравнимы по модулю n съ числами:

$$a_0, a_1, a_2, \dots, a_{n-1}.$$

Для полученія искомой функціи $f(x)$ можно примѣнить соображенія, аналогичныя тѣмъ, при помощи которыхъ выводится интерполяціонная формула Lagrange'a. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ функцію:

$$\varphi(x) = x(x-1)(x-2)\dots(x-n+1).$$

Обозначая черезъ

$$\varphi_i(x) = \frac{\varphi(x)}{x-i},$$

замѣтимъ, что

$$\varphi_i(i) = \varphi'(i).$$

Но по извѣстной теоремѣ теоріи чиселъ для разсматриваемой нами функціи, мы имѣемъ:

$$\varphi(x) \equiv x^n - x \pmod{n},$$

откуда, дифференцируя последнее сравнение, получаемъ:

$$\varphi'(x) \equiv nx^{n-1} - 1 \equiv -1 \pmod{n},$$

т. е.

$$\varphi'(i) \equiv -1 \pmod{n},$$

или окончательно,

$$\varphi_i(i) \equiv -1 \pmod{n}.$$

На основаніи этого сравненія искомая функція $f(x)$ можетъ быть представлена въ такомъ видѣ:

$$f(x) = -a_0 \varphi_0(x) - a_1 \varphi_1(x) - \dots - a_{n-1} \varphi_{n-1}(x). \quad (1)$$

Нетрудно видѣть, что коэффициентъ при старшей степени этой функціи, именно, при x^{n-1} дѣлится на n , ибо этотъ коэффициентъ равенъ:

$$-(a_0 + a_1 + \dots + a_{n-1}); \quad (2)$$

но числа:

$$a_0, a_1, \dots, a_{n-1}$$

отличаются только порядкомъ отъ послѣдовательныхъ чиселъ:

$$0, 1, 2, \dots, n-1;$$

слѣдовательно, коэффициентъ (2) равенъ:

$$-\frac{n(n-1)}{2}.$$

Такъ какъ мы разсматриваемъ только числа, сравнимыя по модулю n , то можемъ откинуть сравнимый съ нулемъ старшій членъ функціи $f(x)$, и слѣдовательно, получаемъ функцію $f(x)$ степени $n-2$, способную выразить нашу подстановку въ томъ смыслѣ, что каждый элементъ i знаменателя нашей подстановки переходитъ въ положительный вычетъ по модулю n числа $f(i)$. Поэтому мы будемъ во всемъ дальнѣйшемъ изображать заданную подстановку символомъ:

$$[x, f(x)]$$

и называть этотъ символъ *аналитическимъ выраженіемъ подстановки*.

§ 2. Простѣйшій видъ аналитическаго выраженія подстановки даетъ случай, когда функція $f(x)$ линейная, вида:

$$ax + b,$$

гдѣ a и b цѣлыя числа.

Если число a взаимно простое съ n , то, какъ извѣстно, результатъ подстановки полной системы вычетовъ по модулю n въ функцію

$$ax + b$$

даетъ также полную систему вычетовъ. Слѣдовательно, при всякихъ числахъ a и b , удовлетворяющихъ вышеприведенному условію, существуетъ подстановка:

$$[x, ax + b].$$

Такого рода подстановки называются *линейными*.

Мы теперь переходимъ къ изученію свойствъ линейныхъ подстановокъ.

§ 3. Давая числу a $n - 1$ значеній:

$$1, 2, \dots, n - 1,$$

а числу b n значеній:

$$0, 1, 2, \dots, n - 1,$$

мы получимъ $n(n - 1)$ подстановокъ.

Нетрудно видѣть, что эти подстановки образуютъ группу. Въ самомъ дѣлѣ, рассмотримъ произведеніе:

$$[x, ax + b][x, a_1x + b_1].$$

Первая подстановка замѣняетъ x на $ax + b$; слѣдовательно, вторую подстановку можно будетъ представить въ видѣ:

$$[ax + b, a_1(ax + b) + b_1].$$

Отсюда совокупность двухъ подстановокъ замѣняетъ x на

$$a_1(ax + b) + b_1.$$

Итакъ, получаемъ:

$$[x, ax + b][x, a_1x + b_1] = [x, a_2x + b_2], \quad (1)$$

гдѣ

$$\begin{aligned} a_2 &\equiv a_1 a \pmod{n}; \\ b_2 &\equiv a_1 b + b_1 \pmod{n}. \end{aligned} \quad (2)$$

Эти равенства показываютъ, что *линейныя подстановки образуютъ группу*. Мы будемъ называть эту группу *линейной группой*.

§ 4. Частный случай линейной группы представляет циклическая группа, образуемая подстановкой:

$$[x, x + 1]$$

или другой:

$$[x, x + b].$$

Подобным же образом существует линейная группа порядка $n-1$, образуемая подстановкой:

$$[x, ax],$$

где a , по прежнему, есть число взаимно простое с n .

§ 5. Обратимся теперь к рассмотрению делителей линейной группы. Рассмотрим степени линейной подстановки:

$$S = [x, ax + b].$$

Применяя последовательно формулу умножения § 3, мы получим:

$$S^k = [x, a^k x + b(1 + a + a^2 + \dots + a^{k-1})].$$

Если

$$a = 1,$$

то

$$S^k = [x, x + kb].$$

Итак, мы видим, что, если в линейную группу входит, по крайней мере, одна подстановка, у которой:

$$a = 1,$$

a b отлично от нуля, то группа имеет делителем циклическую группу:

$$[z, z + b],$$

где

$$b = 0, 1, \dots, n-1.$$

§ 6. Рассмотрим подстановку:

$$S = [x, ax + b],$$

у которой a отлично от единицы.

Покажем, что подстановка S будет порядка μ , если число a принадлежит показателю μ по модулю n .

Въ самомъ дѣлѣ, если a принадлежитъ показателю μ , то

$$a^\mu - 1 \equiv 0 \pmod{n}, \quad (1)$$

и, притомъ, μ есть наименьшее число, при которомъ возможно сравненіе (1).

Переписываемъ послѣднее сравненіе такъ:

$$(a - 1)(1 + a + a^2 + \dots + a^{\mu-1}) \equiv 0 \pmod{n},$$

или

$$1 + a + a^2 + \dots + a^{\mu-1} \equiv 0 \pmod{n}.$$

Отсюда

$$S^\mu = [x, a^\mu x + b(1 + a + \dots + a^{\mu-1})] = [x, x] = 1.$$

§ 7. Покажемъ теперь, что если a отлично отъ единицы, то периодъ:

$$1, S, S^2, \dots, S^\mu$$

будетъ интранзитивной группой.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ будетъ существовать элементъ x , который оставляется безъ измѣненія подстановкой S , а слѣдовательно, и всѣми ея степенями.

Для нахождения неизмѣняемаго элемента придется рѣшить сравненіе:

$$x \equiv ax + b \pmod{n},$$

или иначе,

$$(a - 1)x + b \equiv 0 \pmod{n}.$$

Если a отлично отъ единицы, то послѣднее сравненіе всегда имѣетъ одно рѣшеніе x_0 , дающее единственный неизмѣняемый подстановкой S элементъ.

§ 8. Выведемъ условіе, при которомъ двѣ линейныя подстановки:

$$[x, ax + b], [x, a_1x + b_1]$$

оставляютъ безъ измѣненія одинъ и тотъ же элементъ x_0 .

На основаніи соображеній предыдущаго §-а получимъ два условія:

$$(a - 1)x_0 + b \equiv 0 \pmod{n}$$

$$(a_1 - 1)x_0 + b_1 \equiv 0 \pmod{n},$$

откуда получимъ:

$$b(a_1 - 1) - b_1(a - 1) \equiv 0 \pmod{n}.$$

§ 9. Циклическая группа:

$$[x, x + b]$$

порядка n , очевидно, транзитивна.

Докажем теперь, что *всякая транзитивная линейная группа должна иметь своимъ дѣлителемъ циклическую*.

Разсмотримъ какую нибудь подстановку:

$$S = [x, ax + b]$$

линейной транзитивной группы. Пусть g будетъ первообразный корень числа n . Введемъ въ разсмотрѣніе индексъ a числа a , т. е. число, удовлетворяющее сравненію:

$$g^a \equiv a \pmod{n}.$$

Для сокращенія рѣчи можемъ число a называть *индексомъ подстановки* S .

Мы имѣемъ право предположить, что индексъ a отличенъ отъ 0 и $n - 1$, ибо въ обоихъ случаяхъ можно было бы предположить a равнымъ единицѣ, и слѣдовательно, подстановка S или была бы равна единицѣ, или принадлежала бы къ циклической группѣ.

На основаніи первой формулы (2) § 3 мы замѣчаемъ, что индексъ составной подстановки будетъ равенъ суммѣ индексовъ подстановокъ перемножаемыхъ. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ индексы подстановокъ линейной группы должны быть числами, кратными наименьшаго изъ индексовъ a_0 , такъ что обозначая:

$$g^{a_0} = a_0.$$

можемъ написать всѣ подстановки линейной группы въ видѣ:

$$S = [x, a_0^h x + b], \quad (1)$$

гдѣ числа h и b принимаютъ извѣстные значенія.

Очевидно, что въ разсматриваемую группу входитъ подстановка:

$$S_0 = [x, a_0 x + b_0],$$

ибо, если бы для всѣхъ подстановокъ разсматриваемой группы показатель h былъ больше единицы, то число a_0 не могло бы быть индексомъ одной изъ подстановокъ.

Разсмотримъ подстановку:

$$\Sigma = S S_0^{-h} = [x, a'x + b'].$$

Получаемъ:

$$S = \Sigma S_0^h = [x, a^h x + b^h] [x, a_0^h + b_0(1 + a_0 + \dots + a_0^{h-1})].$$

Примѣняя формулы § 3, имѣемъ:

$$S = [x, a^h a_0^h x + a_0^h b^h + b_0(1 + a_0 + \dots + a_0^{h-1})]. \quad (2)$$

Сравнивая (1) и (2), получимъ:

$$a_0^h \equiv a^h a_0^h \pmod{n} \quad (3)$$

и

$$b \equiv a_0^h b^h + b_0(1 + a_0 + \dots + a_0^{h-1}) \pmod{n}. \quad (4)$$

Рѣшая сравненіе (3), находимъ:

$$a^h = 1;$$

слѣдовательно,

$$\Sigma = [x, x + b^h]. \quad (5)$$

Мы докажемъ, что въ рассматриваемой линейной группѣ будетъ заключаться циклическая группа, если покажемъ, что въ формулѣ (5) число b^h получится отличнымъ отъ нуля, по крайней мѣрѣ, при одной какой либо изъ подстановокъ S .

Допустимъ обратное, а именно, что

$$b^h = 0,$$

какова бы ни была подстановка S . Въ этомъ случаѣ сравненіе (4) даетъ:

$$b - b_0(1 + a_0 + \dots + a_0^{h-1}) \equiv 0 \pmod{n},$$

или иначе,

$$b(a_0 - 1) - b_0(a_0^h - 1) \equiv 0 \pmod{n}.$$

Но такъ какъ послѣднее сравненіе есть выведенное въ § 8 условіе неизмѣняемости нѣкотораго элемента двумя линейными подстановками, то отсюда слѣдуетъ, что подстановка S не мѣняетъ элемента, не измѣняемаго подстановкой S_0 .

Мѣняя числа h и b замѣтимъ, что всѣ подстановки S рассматриваемой группы не должны измѣнять одного и того же элемента, не измѣняемаго подстановкой S_0 . Этотъ элементъ остается, слѣдовательно, безъ измѣненія при всѣхъ подстановкахъ группы, и значить, группа интранзитивна. что противорѣчитъ предположенію.

Итакъ, всякая транзитивная линейная группа должна имѣть дѣлителемъ циклическую группу порядка n .

§ 10. Посмотримъ теперь, какъ образуется линейная группа G , у которой индексы подстановокъ суть кратныя одного изъ этихъ индексовъ α_0 . Разсмотримъ степени подстановки:

$$S_0 = [x, a_0 x + b_0].$$

Обозначимъ черезъ μ показателя, которому принадлежитъ число a_0 . Тогда всякая подстановка разсматриваемой группы можетъ быть написана въ такомъ видѣ:

$$[x, a_0^h x + b],$$

причемъ число h принимаетъ одно изъ слѣдующихъ значеній:

$$0, 1, 2, \dots, \mu - 1.$$

Если группа транзитивна, то въ ней существуетъ циклическая подстановка:

$$[x, x + 1],$$

а слѣдовательно, и подстановка:

$$[x, a_0^h x + b][x, x + 1] = [x, a_0^h x + b + 1].$$

Мы видимъ отсюда, что въ данной группѣ коэффициентъ b можетъ принимать всѣ значенія:

$$0, 1, 2, \dots, n - 1.$$

Итакъ, всякая транзитивная линейная группа можетъ быть дана символомъ:

$$S = [x, a_0^h x + b],$$

причемъ h принимаетъ значенія:

$$0, 1, 2, \dots, \mu - 1,$$

а b

$$0, 1, 2, \dots, n - 1.$$

§ 11. Если a_0 есть первообразный корень числа n , то

$$\mu = n - 1.$$

и мы будемъ называть группу *полной линейной группой*.

§ 12. Покажемъ, что *полная линейная группа дважды транзитивна*, указавъ такую линейную подстановку, которая будетъ обращать два определенныхъ элемента, напимѣрь 0, 1, въ произвольные новыя:

$$i, k.$$

Въ самомъ дѣлѣ, такова будетъ подстановка:

$$[x, (k - i)x + i].$$

§ 13. Покажемъ, что *всякая линейная группа будетъ метациклическою*.

Если въ группѣ G , разобранный въ § 10,

$$\mu = 1,$$

то эта группа есть циклическая порядка n и имѣетъ нормальнымъ дѣлителемъ единицу. Покажемъ теперь, что если

$$\mu = p\mu',$$

гдѣ p нѣкоторое простое число, то линейная группа G имѣетъ нормальнымъ дѣлителемъ новую линейную группу G' порядка $n\mu'$, составленную подстановками:

$$S' = [x, a_0^h x + b],$$

гдѣ

$$h = 0, 1, 2, \dots, \mu' - 1.$$

а

$$b = 0, 1, 2, \dots, n - 1.$$

Эта новая группа G' есть, очевидно, дѣлитель группы G индекса p .

Нетрудно убѣдиться, что группа G' есть нормальный дѣлитель группы G . Въ самомъ дѣлѣ, подстановка:

$$S^{-1}S'S,$$

гдѣ подстановка:

$$S = [x, a_0^k x + b_1],$$

есть одна изъ подстановокъ группы G , должна принадлежать группѣ G' и слѣдовательно, должно быть:

$$S^{-1}S'S = [x, a_0^l x + b_2].$$

Отсюда получаемъ:

$$S'S = S[x, a_0^i x + b_2]$$

т. е.

$$[x, a_0^p x + b][x, a_0^k x + b_1] = [x, a_0^k x + b_1][x, a_0^i x + b_2].$$

Сравнивая коэффициенты при x , получимъ:

$$a_0^{p+q} \equiv a_0^{k+l} \pmod{n},$$

или

$$a_0^p \equiv a_0^l \pmod{n},$$

что даетъ:

$$ph \equiv l \pmod{\mu}.$$

Но такъ какъ p есть дѣлитель числа μ , то мы видимъ, что вторая часть l сравненія должна также дѣлиться на p , а потому подстановка $S^{-1}S'S$ принадлежитъ группѣ G' ; другими словами, группа G' нормальный дѣлитель данной намъ группы.

Мы замѣчаемъ отсюда, что, разлагая на простыхъ множителей:

$$p_1, p_2, p_3, \dots$$

число μ , мы получимъ рядъ группъ:

$$G, G', G'', G''', \dots$$

порядковъ:

$$\mu, \frac{\mu}{p_1}, \frac{\mu}{p_1 p_2}, \frac{\mu}{p_1 p_2 p_3}, \dots,$$

которые дадутъ состоящій изъ простыхъ чиселъ рядъ индексовъ, такъ какъ каждая изъ группъ этого ряда будетъ нормальнымъ дѣлителемъ предыдущей. Такимъ образомъ доказано, что всякая линейная группа есть метациклическая.

§ 14. Полная линейная группа будетъ имѣть рядомъ индексовъ число n и всѣхъ простыхъ дѣлителей числа $n - 1$.

§ 15. Покажемъ, что если линейная транзитивная группа G есть нормальный дѣлитель группы H , то сама группа H должна быть линейною.

Пусть S будетъ нѣкоторая подстановка группы G , а T какаянибудь произвольно выбранная подстановка группы H . Тогда, по предположенію, должно имѣть мѣсто равенство:

$$T^{-1}ST = S',$$

гдѣ S' новая подстановка линейной группы G . Пусть аналитическое выраженіе подстановки T будетъ:

$$T = [x, \varphi(x)],$$

гдѣ черезъ $\varphi(x)$ обозначена нѣкоторая цѣлая функція.

Возьмемъ за подстановку S циклическую:

$$[x, x + 1].$$

Пусть, кромѣ того,

$$S' = [x, a'x + a].$$

Тогда равенство:

$$ST = TS'$$

можетъ быть написано такъ:

$$[x, x + 1][x, \varphi(x)] = [x, \varphi(x)][x, a'x + a].$$

Отсюда получаемъ сравненіе:

$$\varphi(x + 1) \equiv a'\varphi(x) + a \pmod{n}.$$

Это сравненіе должно имѣть мѣсто при всевозможныхъ цѣлыхъ значеніяхъ. Но такъ какъ функція φ не достигаетъ степени n , то коэффициенты при одинаковыхъ степеняхъ въ обѣихъ частяхъ сравненія должны быть сравнимы по модулю n . Сравнивая коэффициенты при старшей степени, получимъ, очевидно:

$$a' \equiv 1 \pmod{n},$$

откуда имѣемъ:

$$\varphi(x + 1) \equiv \varphi(x) + a \pmod{n}.$$

Подставляя въ это сравненіе вмѣсто x числа:

$$x + 1, x + 2, \dots, x + z - 1$$

и складывая, получимъ:

$$\varphi(x + z) \equiv \varphi(x) + za \pmod{n}.$$

Подставляя сюда

$$x = 0$$

и обозначая:

$$\varphi(0) = b,$$

будемъ имѣть:

$$\varphi(z) \equiv az + b \pmod{n}.$$

Такъ какъ послѣднее сравненіе справедливо при всѣхъ цѣлыхъ значеніяхъ z , то подстановка T равносильна подстановкѣ:

$$[x, ax + b],$$

т. е. группа H линейна.

§ 16. Нетрудно видѣть, что полная линейная группа можетъ быть получена отъ комбинированія двухъ основныхъ подстановокъ, циклической:

$$S = [x, x + 1]$$

и подстановки:

$$T = [x, gx],$$

гдѣ g одинъ изъ первообразныхъ корней числа n .

Подобнымъ же образомъ всякій дѣлитель полной линейной группы можетъ быть образованъ подстановками:

$$S, T^{a_0} = [x, g^{a_0}x].$$

Такъ на примѣръ, подстановки:

$$S, T^2 = [x, g^2x]$$

образуютъ линейную группу порядка $\frac{n(n-1)}{2}$, аналитическое выраженіе которой будетъ имѣть видъ:

$$[x, ax + b],$$

причемъ b проходитъ всѣ значенія:

$$0, 1, 2, \dots, n-1,$$

а a распространяется только на квадратичные вычеты числа n .

Л. Кронекеръ называетъ эту группу *полуметациклической*, ибо подъ названіемъ метациклической онъ разумѣетъ полную линейную группу. Во всемъ предыдущемъ, какъ и теперь, мы терминъ метациклическая группа употребляли въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Если n число простое, то подстановка S состоитъ изъ одного цикла:

$$(0, 1, 2, \dots, n - 1),$$

обнимающаго нечетное число элементовъ, и слѣдовательно, эта подстановка принадлежитъ знакопеременной группѣ.

Что же касается подстановки T , то она оставляетъ элементъ 0 безъ перемѣны; остальные же $n - 1$ элементовъ она перемѣщаетъ по циклу:

$$(1, g, g^2, \dots, g^{n-2}).$$

Такъ какъ этотъ цикл обнимаетъ четное число элементовъ, то подстановка T не принадлежитъ знакопеременной группѣ, но T^2 , а слѣдовательно, и вся полуметациклическая (по терминологіи Л. Кронекера) группа входитъ въ составъ знакопеременной группы. Итакъ, мы видимъ, что полная линейная группа не представляетъ изъ себя дѣлителя знакопеременной группы. Общій же наибольшій дѣлитель полной линейной группы и знакопеременной есть полуметациклическая группа.

§ 17. Перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію еще одной замѣчательной группы подстановокъ $n + 1$ элементовъ, гдѣ n есть число простое, носящее названіе *дробной линейной группы*,

Введемъ въ рассмотрѣніе сравненія съ дробными символами, причѣмъ подъ числомъ x , удовлетворяющимъ сравненію:

$$x \equiv \frac{a}{b} \pmod{n}.$$

будемъ разумѣть корень сравненія:

$$bx \equiv a \pmod{n}.$$

Если

$$b \equiv 0 \pmod{n},$$

а a не дѣлится на n , то будемъ считать, что число:

$$x = \infty.$$

Будемъ разсматривать подстановки $n + 1$ элементовъ:

$$\infty, 0, 1, 2, \dots, n - 1. \quad (1)$$

Обратимся къ сравненію:

$$x' \equiv \frac{\alpha x + \beta}{\gamma x + \delta} \pmod{n}, \quad (2)$$

гдѣ α , β , γ , δ заданныя цѣлыя числа, указанныя подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы опредѣлитель:

$$\alpha\delta - \beta\gamma$$

не дѣлился на n .

Покажемъ, что если мы будемъ подставлять въ сравненіе (2) вмѣсто x числа ряда (1), то получимъ для x тѣ же числа, только въ иномъ порядкѣ, такъ что символъ:

$$\left| x, \frac{\alpha x + \beta}{\gamma x + \delta} \right|$$

выражаетъ некоторую подстановку $n+1$ элементовъ ряда (1). Необходимо при этомъ замѣтить, что подстановка элемента:

$$x = \infty$$

совершается по обыкновеннымъ правиламъ анализа, а именно:

$$\left| \frac{\alpha x + \beta}{\gamma x + \delta} \right|_{x=\infty} = \frac{\alpha}{\gamma}.$$

Обозначая черезъ x_0 число, опредѣляемое сравненіемъ:

$$x_0 \equiv \frac{\alpha}{\gamma} \pmod{n},$$

мы замѣтимъ, что элементъ ∞ долженъ быть замѣненъ элементомъ x_0 .

Если

$$\gamma \equiv 0 \pmod{n},$$

то элементъ ∞ не мѣняется.

Обращаемся теперь къ доказательству того, что два несравнимыя по модулю n и конечныя значенія:

$$x_1, x_2$$

числа x дадутъ различныя между собой численныя значенія:

$$x_1', x_2'$$

числа x' , которыя будутъ несравнимы между собой по модулю n , если только оба окажутся числами конечными. Но послѣднее очевидно, ибо изъ чиселъ x_1', x_2' лишь одно можетъ обратиться въ ∞ , ибо только при одномъ изъ значеній:

$$x_1, x_2$$

обращается въ нуль по модулю n знаменатель $\gamma x + \delta$.

Итакъ, предполагая числа x_1, x_2 , а также числа x_1', x_2' конечными, замѣтимъ, что сравненіе:

$$x_1' \equiv x_2' \pmod{n} \quad (3)$$

предполагаетъ наличность двухъ сравненій:

$$x_1' \equiv \frac{ax_1 + \beta}{\gamma x_1 + \delta} \pmod{n}$$

и, въ виду (3),

$$x_1' \equiv \frac{ax_2 + \beta}{\gamma x_2 + \delta} \pmod{n},$$

или, что одно и то же, сравненій:

$$(\gamma x_1 + \delta) x_1' \equiv ax_1 + \beta \pmod{n}$$

и

$$(\gamma x_2 + \delta) x_1' \equiv ax_2 + \beta \pmod{n}.$$

Вычитая, получимъ:

$$\gamma x_1' (x_1 - x_2) \equiv a(x_1 - x_2) \pmod{n},$$

или

$$(\gamma x_1' - a)(x_1 - x_2) \equiv 0 \pmod{n}.$$

Но сравненіе:

$$\gamma x_1' - a \equiv 0 \pmod{n}$$

не удовлетворяется, ибо x_1 по предположенію отлично отъ безконечности, и слѣдовательно, получаемъ:

$$x_1 \equiv x_2 \pmod{n}; \quad (4)$$

другими словами, сравненіе (3) влечетъ за собою сравненіе (4), и слѣдовательно, несравнимымъ значеніямъ x соответствующимъ также несравнимыя значенія x' , т. е. всякому сравненію (2) соответствуетъ подстановка:

$$[x, x']$$

$n + 1$ элементовъ ряда (1).

§ 18. Покажемъ теперь, что подстановки, соответствующія различнымъ сравненіямъ (2), образуютъ группу, которая и носитъ названіе дробной линейной группы.

Итакъ, рассмотримъ двѣ подстановки, соответствующія двумъ сравненіямъ:

$$x' \equiv \frac{ax + \beta}{\gamma x + \delta} \pmod{n} \quad (1)$$

и

$$x'' \equiv \frac{\alpha_1 x' + \beta_1}{\gamma_1 x' + \delta_1} \pmod{n}. \quad (2)$$

Разсмотримъ теперь подстановку:

$$[x, x''],$$

опредѣляемую равенствомъ:

$$[x, x''] = [x, x'] [x', x''].$$

Не трудно убѣдиться, что новая подстановка:

$$[x, x'']$$

есть также дробная линейная. Въ самомъ дѣлѣ, сравненія (1) и (2) можно переписать такъ

$$(\gamma x + \delta) x' - \alpha x - \beta \equiv 0 \pmod{n}$$

и

$$(\gamma_1 x'' - \alpha_1) x' + \delta_1 x'' - \beta_1 \equiv 0 \pmod{n}.$$

Исключая изъ послѣднихъ сравненій букву x' , получимъ:

$$(\alpha x + \beta)(\gamma_1 x'' - \alpha_1) + (\gamma x + \delta)(\delta_1 x'' - \beta_1) \equiv 0 \pmod{n}$$

откуда будемъ имѣть:

$$x'' \equiv \frac{(\alpha x + \beta) \alpha_1 + (\gamma x + \delta) \beta_1}{(\alpha x + \beta) \gamma_1 + (\gamma x + \delta) \delta_1} \pmod{n},$$

или окончательно,

$$x'' \equiv \frac{(\alpha \alpha_1 + \gamma \beta_1) x + \beta \alpha_1 + \delta \beta_1}{(\alpha \gamma_1 + \gamma \delta_1) x + \beta \gamma_1 + \delta \delta_1} \pmod{n}.$$

Итакъ, мы видимъ, что подстановка:

$$[x, x'']$$

есть дробная линейная.

Обозначая подстановки, опредѣляемыя сравненіями (1) и (2), символами:

$$\begin{pmatrix} \alpha & \beta \\ \gamma & \delta \end{pmatrix}$$

и

$$\begin{pmatrix} \alpha_1 & \beta_1 \\ \gamma_1 & \delta_1 \end{pmatrix}$$

мы получимъ:

$$\begin{pmatrix} \alpha & \beta \\ \gamma & \delta \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \alpha_1 & \beta_1 \\ \gamma_1 & \delta_1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \alpha\alpha_1 + \gamma\beta_1 & \beta\alpha_1 + \delta\beta_1 \\ \alpha\gamma_1 + \gamma\delta_1 & \beta\gamma_1 + \delta\delta_1 \end{pmatrix},$$

откуда замѣчаемъ, что *опредѣлитель произведенія дробныхъ линейныхъ подстановокъ равенъ произведенію опредѣлителей сомножителей.*

§ 19. Двѣ дробныя линейныя подстановки тождественны, если коэффиціенты:

$$\alpha, \beta, \gamma, \delta$$

пропорціональны, ибо, если мы возьмемъ нѣкоторое не дѣлящееся на n число r , то подстановка (1) § 18 будетъ, очевидно, равносильна съ подстановкой:

$$x' \equiv \frac{\alpha x r + \beta r}{\alpha \gamma r + \delta r} \pmod{n}.$$

При умноженіи всѣхъ коэффиціентовъ подстановки на r опредѣлитель:

$$\Delta = \alpha\delta - \beta\gamma$$

обращается въ число Δr^2 , а потому, если опредѣлитель Δ былъ квадратичнымъ вычетомъ числа n , то онъ останется имъ и послѣ умноженія коэффиціентовъ на r , такъ что, если существуетъ равенство:

$$\left(\frac{\Delta}{n}\right) = +1,$$

то можно подобрать r такимъ образомъ, чтобы удовлетворить сравненію:

$$r^2 \Delta \equiv 1 \pmod{n}.$$

Если же опредѣлитель Δ есть невычетъ, т. е. если

$$\left(\frac{\Delta}{n}\right) = -1,$$

то можно подобрать r такимъ образомъ, чтобы было:

$$r^2 \Delta \equiv q \pmod{n},$$

гдѣ q какой нибудь опредѣленный квадратичный невычетъ числа n .

Итакъ, мы имѣемъ право предполагать коэффиціенты:

$$\alpha, \beta, \gamma, \delta$$

удовлетворяющими одному изъ сравненій:

$$\alpha\delta - \beta\gamma \equiv 1 \pmod{n} \quad (1)$$

или

$$\alpha\delta - \beta\gamma \equiv q \pmod{n}. \quad (2)$$

Кромѣ того, двѣ подстановки:

$$\begin{pmatrix} \alpha, & \beta \\ \gamma, & \delta \end{pmatrix}, \quad \begin{pmatrix} \alpha', & \beta' \\ \gamma', & \delta' \end{pmatrix},$$

удовлетворяющія одному изъ сравненій (1) или (2), будутъ тождественными при существованіи сравненій:

$$\alpha' \equiv \pm \alpha \pmod{n}, \quad \beta' \equiv \pm \beta \pmod{n}$$

и

$$\gamma' \equiv \pm \gamma \pmod{n}, \quad \delta' \equiv \pm \delta \pmod{n},$$

причемъ предполагаются одновременно взятыми или всѣ верхніе или всѣ нижніе знаки.

§ 20. Посмотримъ, чему равно общее число различныхъ подстановокъ дробной линейной группы.

Ограничимся разборомъ сравненія (1) предыдущаго §-а и рассмотримъ сначала случай:

$$\gamma \equiv 0 \pmod{n}. \quad (1)$$

Итакъ, число β остается произвольнымъ. Сравненіе:

$$\alpha\delta \equiv 1 \pmod{n}$$

показываетъ, что всякому значенію α , за исключеніемъ:

$$\alpha \equiv 0 \pmod{n},$$

соотвѣтствуетъ определенное значеніе δ .

Слѣдовательно, въ случаѣ:

$$\gamma \equiv 0 \pmod{n}$$

число различныхъ выборовъ остальныхъ трехъ коэффициентовъ равняется произведенію числа различныхъ значеній коэффициента β , т. е. n , на число отличныхъ отъ нуля различныхъ значеній коэффициента α , т. е. $n-1$.

Итакъ, число дробныхъ подстановокъ, удовлетворяющихъ сравненію:

$$\gamma \equiv 0 \pmod{n}$$

и сравненію (1) § 19, есть:

$$n(n-1).$$

Если γ не дѣлится на n , то двумя коэффициентамъ α , δ можно дать произвольныя значенія. Когда эти значенія выбраны, то каждому изъ $n-1$ значеній γ будетъ соответствовать определенное значеніе β , такъ что всего подстановокъ, удовлетворяющихъ сравненію (1) § 19 и не удовлетворяющихъ сравненію:

$$\gamma \equiv 0 \pmod{n},$$

будеть:

$$n^2(n-1).$$

Всего, слѣдовательно, подстановокъ, удовлетворяющихъ сравненію (1) § 19, будетъ:

$$n(n-1) + n^2(n-1) = (n-1)n(n+1).$$

Таково же число подстановокъ, удовлетворяющихъ сравненію (2).

Но такъ какъ подстановки съ обратными знаками попарно равносильны, то общее число подстановокъ, образующихъ дробную линейную группу удовлетворяя сравненіямъ (1) и (2), будетъ:

$$n(n^2-1) = (n-1)n(n+1).$$

Дробная линейная группа есть группа трижды транзитивная, ибо можно указать подстановку, которая переводитъ произвольные элементы:

$$i, k, l$$

въ три определенные:

$$\infty, 0, 1.$$

Такова будетъ подстановка:

$$x' \equiv \frac{l-i}{l-k} \frac{x-k}{x-i} \pmod{n}.$$

§ 21. *Подстановки дробной линейной группы, удовлетворяющія сравненію (1) § 19, образуютъ, очевидно, группу*, ибо определитель произведенія двухъ подобныхъ подстановокъ, равный произведенію двухъ квадратичныхъ вычетовъ, будемъ самъ квадратичнымъ вычетомъ.

Эта группа изъ $\frac{n(n^2-1)}{2}$ подстановокъ будетъ, очевидно, дѣлителемъ всей дробной линейной группы и называется *модулярной группой*, по своимъ приложеніямъ въ теоріи модулярныхъ уравненій эллиптическихъ функцій.

Можно доказать теорему: *модулярная группа есть группа простая при $n > 3$ ¹⁾*.

¹⁾ Bianchi: „Lezioni sulla teoria dei gruppi di sostituzioni“; capitolo III, § 42.

§ 22. Рассмотрим элементы, неизмѣняемые дробной линейной подстановкой. Эти элементы будутъ корнями сравненія:

$$x \equiv \frac{\alpha x + \beta}{\gamma x + \delta} \pmod{n}.$$

т. е. корнями слѣдующаго квадратнаго сравненія:

$$\gamma x^2 + (\delta - \alpha)x - \beta \equiv 0 \pmod{n}. \quad (1)$$

Оставляя въ сторонѣ случай:

$$\gamma \equiv 0 \pmod{n},$$

дающей цѣлую линейную подстановку, можно сравненіе (1) представить въ такомъ видѣ:

$$(2\gamma x + \delta - \alpha)^2 \equiv 4\beta\gamma + (\delta - \alpha)^2 \pmod{n}.$$

Если

$$4\beta\gamma + (\delta - \alpha)^2 \equiv 0 \pmod{n},$$

то остается неизмѣняемымъ только одинъ элементъ, и подстановка въ этомъ случаѣ носить названіе *параболической*.

Если

$$4\beta\gamma + (\delta - \alpha)^2$$

будетъ квадратичнымъ вычетомъ числа n , то будутъ существовать два значенія x , неизмѣняемая подстановкой, и подстановка называется *эллиптической*.

Наконецъ, если

$$4\beta\gamma + (\delta - \alpha)^2$$

будетъ невычетомъ, то не существуетъ неизмѣняемыхъ элементовъ, и подстановка будетъ *гиперболической*.

ГЛАВА VII.

Группы многогранниковъ.

§ 1. Будемъ разсматривать линейныя преобразованія вида:

$$\begin{aligned}x_1 &= a_1 x + a_2 y + a_3 z; \\y_1 &= b_1 x + b_2 y + b_3 z; \\z_1 &= c_1 x + c_2 y + c_3 z.\end{aligned}\tag{1}$$

причемъ первоначальныя и новыя переменныя должны удовлетворять равенству:

$$x_1^2 + y_1^2 + z_1^2 = x^2 + y^2 + z^2.$$

Какъ извѣстно изъ аналитической геометріи, коэффициенты такого преобразованія удовлетворяютъ равенствамъ:

$$\begin{aligned}a_1^2 + b_1^2 + c_1^2 &= 1 \\a_2^2 + b_2^2 + c_2^2 &= 1 \\a_3^2 + b_3^2 + c_3^2 &= 1 \\a_1 a_2 + b_1 b_2 + c_1 c_2 &= 0 \\a_2 a_3 + b_2 b_3 + c_2 c_3 &= 0 \\a_1 a_3 + b_1 b_3 + c_1 c_3 &= 0.\end{aligned}$$

Определитель:

$$\begin{vmatrix}a_1 & a_2 & a_3 \\b_1 & b_2 & b_3 \\c_1 & c_2 & c_3\end{vmatrix}$$

имѣетъ значеніе ± 1 .

Если мы возьмемъ для опредѣлителя значеніе $+1$, то линейное преобразование (1) можетъ получить слѣдующее геометрическое толкованіе: оно соотвѣтствуетъ вращенію координатной системы около начала координатъ. Изъ геометріи извѣстно, что всякое новое положеніе вращающейся около начала координатъ системы можетъ быть получено изъ первоначальнаго черезъ вращеніе на нѣкоторый уголъ около опредѣленной оси.

Какъ было сказано въ § 1 гл. I. вращенія, опредѣляемыя равенствами (1), при всевозможныхъ вещественныхъ значеніяхъ коэффициентовъ образуютъ бесконечную непрерывную группу. Особенный интересъ представляеть изученіе конечныхъ группъ вращеній.

Геометрически послѣдняя задача трактуется очень просто. Всякой конечной группѣ преобразованій (1) будетъ соотвѣтствовать въ пространствѣ конечная группа положеній нѣкотораго тѣла.

Представимъ себѣ совокупность всевозможныхъ положеній разсматриваемаго тѣла, какъ нѣкоторую новую неизмѣнную систему. Тогда эта система будетъ представлять такое тѣло, различныя положенія котораго будутъ совмѣщаться съ его первоначальнымъ положеніемъ. Для всякой группы можно составить безчисленное множество такихъ неизмѣняемыхъ системъ. Простѣйшими изъ нихъ будутъ такія, которыя ограничены плоскостями.

Подобныя системы приведутся къ слѣдующимъ тѣламъ: правильныя пирамиды, двойныя пирамиды, правильныя многогранники (тетраэдръ, кубъ, октаэдръ, додекаэдръ и икосаэдръ).

§ 2. *Правильная пирамида* съ n сторонами приводитъ къ группѣ вращеній около ея высоты, причемъ всякій поворотъ на уголъ $\frac{2\pi}{n}$ приводитъ пирамиду къ совпаденію съ первоначальнымъ ея положеніемъ.

Новый видъ группъ вращеній даетъ *двойная пирамида*. Группа ея будетъ состоять изъ вращеній вокругъ оси, проходящей черезъ противоположныя вершины, и поворота на π вокругъ осей, лежащихъ въ плоскости многоугольника основанія и разбивающихъ его на двѣ части, симметрично расположенныя относительно каждой изъ этихъ осей.

Что касается группъ вращеній многогранниковъ, то путемъ сопоставленія способовъ слѣдующаго §-а къ нахожденію порядковъ ихъ группъ по числу вершинъ и по числу граней нетрудно убѣдиться, что между группами вращеній, соотвѣтствующихъ кубу и октаэдру, существуетъ простой изоморфизмъ. То же относится и до группъ вращеній додекаэдра и икосаэдра. Такимъ образомъ мы приходимъ еще къ тремъ группамъ вращеній, которыя будемъ называть группами *тетраэдра*, *октаэдра* и *икосаэдра*.

§ 3. Для нахожденія порядка каждой изъ трехъ группъ послѣдняго рода необходимо сосчитать число различныхъ совмѣщеній правильнаго

многогранника съ его первоначальнымъ положеніемъ. Число такихъ совмѣщеній можно сосчитать тройкимъ образомъ, именно,

1) Можно одну изъ вершинъ совмѣстить съ каждой изъ остальныхъ. Когда такое совмѣщеніе съ которой нибудь изъ новыхъ вершинъ произведено, то можно будетъ получать различныя положенія многогранника, поворачивая его около оси многогранника, проходящей черезъ эту совмѣщенную вершину. Такимъ образомъ, для каждого совмѣщенія вершинъ можно будетъ имѣть столько положеній многогранника, сколько граней сходится къ этой вершинѣ. Итакъ, *число различныхъ положеній многогранника равно произведенію числа его вершинъ на число граней, сходящихся къ каждой вершинѣ.*

Аналогично разсуждая, получаемъ другіе два способа:

2) *Число различныхъ положеній многогранника равняется произведенію числа его граней на число сторонъ каждой грани.*

3) *Число различныхъ положеній многогранника равняется удвоенному числу его реберъ* (ибо каждое изъ реберъ можно двумя способами совмѣстить съ новымъ).

§ 4. Соображенія предыдущаго §-а приводятъ къ заключенію, что *порядки группъ тетраэдра, октаэдра и икосаэдра суть числа:*

$$12, \quad 24, \quad 60.$$

§ 5. Разобранныя въ предыдущихъ §-ахъ конечныя группы вращенія получили въ послѣднее время особенное значеніе по своей связи съ конечными группами линейныхъ преобразованій:

$$z_1 = \frac{Az + B}{Cz + D}.$$

комплекснаго переменнаго z .

Чтобы нагляднѣе представить связь этихъ двухъ вопросовъ, рассмотримъ шаръ радіуса единицы, описанный вокругъ начала координатъ. Тогда различныя вращенія координатной системы будутъ соответствовать различнымъ движеніямъ поверхности шара по самой себѣ.

Обозначимъ черезъ

$$\xi, \quad \eta, \quad \zeta$$

координаты какой нибудь точки M шара, причемъ, конечно, будетъ имѣть мѣсто равенство:

$$\xi^2 + \eta^2 + \zeta^2 = 1. \quad (1)$$

Будемъ проектировать точки шара при помощи стереографической проекціи на экваторіальную плоскость (ξ, η) , причемъ за центръ перспективы стереографической проекціи возьмемъ точку $P(0, 0, 1)$.

Обозначимъ черезъ x , y координаты проэкции N точки M и будемъ, по примѣру Gauss'a, точки M шара сопоставлять комплексную переменную:

$$z = x + iy.$$

Тогда получимъ слѣдующія формулы:

$$\begin{aligned} x &= \frac{\xi}{1 - \zeta}; \\ y &= \frac{\eta}{1 - \zeta}; \\ z = x + iy &= \frac{\xi + i\eta}{1 - \zeta}. \end{aligned} \quad (2)$$

Изъ этихъ формулъ въ связи съ равенствомъ (1) будетъ слѣдовать, что обратно

$$\begin{aligned} \xi &= \frac{2x}{1 + x^2 + y^2}; \\ \eta &= \frac{2y}{1 + x^2 + y^2}; \\ \zeta &= \frac{x^2 + y^2 - 1}{1 + x^2 + y^2}. \end{aligned} \quad (3)$$

§ 6. Въ дальнѣйшемъ полезно будетъ, кромѣ переменной ζ , ввести сопряженную величину:

$$z_0 = x - iy = \frac{\xi - i\eta}{1 - \zeta}.$$

Тогда формулы (3) переписутся такъ

$$\begin{aligned} \xi &= \frac{z + z_0}{1 + zz_0}; \\ \eta &= \frac{1}{i} \frac{z - z_0}{1 + zz_0}; \\ \zeta &= \frac{zz_0 - 1}{zz_0 + 1}. \end{aligned}$$

§ 7. Посмотримъ, какому преобразованію комплексной переменной z будетъ соответствовать вращеніе шара, опредѣляемое формулами:

$$\begin{aligned} \xi_1 &= a_1 \xi + a_2 \eta + a_3 \zeta; \\ \eta_1 &= b_1 \xi + b_2 \eta + b_3 \zeta; \\ \zeta_1 &= c_1 \xi + c_2 \eta + c_3 \zeta. \end{aligned} \quad (1)$$

Обозначимъ черезъ z_1 комплексную величину новой точки M_1 , въ которую попадаетъ точка M послѣ вращенія (1). Очевидно, что мы получаемъ:

$$\begin{aligned} z_1 &= \frac{\xi_1 + i\eta_1}{1 - \zeta_1} \\ &= \frac{a_1 \xi + a_2 \eta + a_3 \zeta + i(b_1 \xi + b_2 \eta + b_3 \zeta)}{1 - c_1 \xi - c_2 \eta - c_3 \zeta} \\ &= \frac{(a_1 + ib_1)(z + z_0) - i(a_2 + ib_2)(z - z_0) + (a_3 + ib_3)(zz_0 - 1)}{-c_1(z + z_0) + ic_2(z - z_0) - c_3(zz_0 - 1) + zz_0 + 1} \\ &= \frac{\mathfrak{A}z_0 + \mathfrak{B}}{\mathfrak{C}z_0 + \mathfrak{D}}, \end{aligned} \quad (2)$$

гдѣ

$$\begin{aligned} \mathfrak{A} &= (a_3 + ib_3)z + a_1 + ib_1 + i(a_2 + ib_2) \\ &= (a_3 + ib_3)z + a_1 - b_2 + i(b_1 + a_2) \\ \mathfrak{B} &= [a_1 + ib_1 - i(a_2 + ib_2)]z - a_3 - ib_3 \\ &= [a_1 + b_2 + i(b_1 - a_2)]z - a_3 - ib_3 \\ \mathfrak{C} &= (1 - c_3)z - c_1 - ic_2 \\ \mathfrak{D} &= - (c_1 - ic_2)z + 1 + c_3. \end{aligned}$$

Нетрудно убѣдиться на основаніи соотношеній, существующихъ между косинусами:

$$a_1, a_2, \dots, \dots,$$

что удовлетворяется тождественно равенство:

$$\mathfrak{A}\mathfrak{D} - \mathfrak{B}\mathfrak{C} = 0.$$

Отсюда мы получаемъ окончательно зависимость между первоначальной комплексной переменнѣй z и новой z_1 , соответствующую вращенію шара:

$$z_1 = \frac{\mathfrak{A}}{\mathfrak{C}} = \frac{(a_3 + ib_3)z + a_1 - b_2 + i(b_1 + a_2)}{(1 - c_3)z - c_1 - ic_2}. \quad (3)$$

§ 8. Важно убѣдиться, всякое ли линейное преобразованіе:

$$z_1 = \frac{Az + B}{Cz + D} \quad (1)$$

можетъ быть представлено въ видѣ (3) предыдущаго §-а соответственными выборомъ величинъ:

$$a_1, a_2, \dots, \dots$$

Для этой цели проще всего переписать равенства (1) в таком виде:

$$z_1 = \frac{A}{C} \frac{z + \frac{B}{A}}{z + \frac{D}{C}},$$

или иначе

$$z_1 = \alpha \frac{z + b}{z + a}. \quad (2)$$

Равенство (2) показывает, что общее линейное преобразование включает три произвольных параметра:

$$\alpha, a, b.$$

Этим параметрам можно дать очень простое геометрическое толкование. В самом деле, $-a$ есть комплексное число, соответствующее той точке шара, которая после вращения совпадает с точкой P , соответствующей:

$$z_1 = \infty.$$

Подобным же образом число $-b$ дает ту точку, которая после вращения совпадает с противоположной точкой:

$$z_1 = 0.$$

Наконец, α соответствует той точке, в которую переходит точка:

$$z = \infty.$$

Действительному вращению шара могут соответствовать только такие линейные преобразования (2), у которых точки $-a$ и $-b$ диаметрально противоположны, ибо эти точки после вращения должны совпасть с двумя точками:

$$z_1 = 0, \quad z_1 = \infty.$$

§ 9. Рассмотрим вращение шара около некоторой оси COO' (см. фиг. 1). Тут точка $P(z = \infty)$ будет передвигаться по малому кругу KPL , причем точка P будет наиболее удаленная точка этого круга от горизонтальной плоскости XU . Точка $K(z = -a)$ будет та точка, которая после вращения совпадает с точкой P . Точка же P после вращения переходит в точку $L(z = \alpha)$.

Вследствие равенства дуг KP и LP мы замечаем, что прямые KP и LP одинаково наклонены к плоскости XU . Следовательно, модули

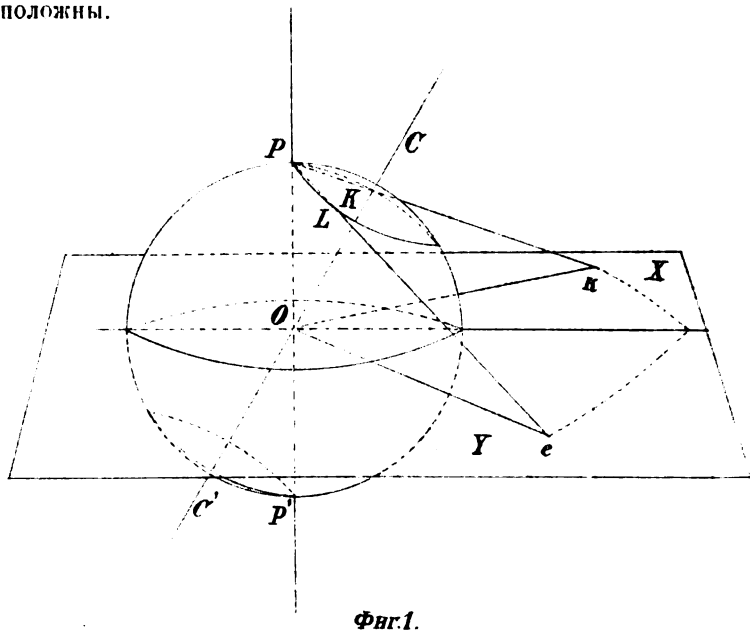
чисель $-a$ и a одинаковы, а потому можно написать:

$$a = ae^{i\theta}.$$

Съ другой стороны, какъ извѣстно:

$$-b = -\frac{1}{-a_0},$$

гдѣ a_0 величина сопряженная съ a , ибо точки $-b$ и $-a$ діаметрально противоположны.

Отсюда мы видимъ, что если указана точка:

$$z = -a,$$

которая послѣ вращенія обращается въ

$$z_1 = \infty,$$

то линейное преобразование, соответствующее такому вращенію можетъ быть написано такъ

$$z_1 = ae^{i\theta} \frac{z - 1}{z + a} \cdot a_0. \quad (1)$$

Такимъ образомъ, преобразование зависитъ отъ двухъ параметровъ: комплекснаго a и вещественнаго θ .

§ 10. Теорема Cayley. *Линейное преобразование, соответствующее вращению шара может быть представлено такъ*

$$z_1 = \frac{Az + B}{-B_0 z + A_0}.$$

где

$$AA_0 + BB_0 = 1.$$

Обозначимъ через ρ и φ модуль и аргументъ числа a . Тогда получимъ:

$$z_1 = \frac{\rho e^{i(\varphi+\theta)} z - e^{i(2\varphi+\theta)}}{z + \rho e^{i\varphi}}.$$

Нетрудно подобрать такое комплексное число $\delta e^{i\epsilon}$, по умноженіи на которое числителя и знаменателя подстановки, коэффициенты подстановки будутъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ теоремы Cayley. Въ самомъ дѣлѣ, получаемъ послѣ умноженія равенство:

$$z_1 = \frac{Az + B}{Cz + D},$$

гдѣ

$$A = \rho \delta e^{i(\varphi+\theta+\epsilon)}$$

$$B = -\delta e^{i(2\varphi+\theta+\epsilon)}$$

$$C = \delta e^{i\epsilon}$$

$$D = \rho \delta e^{i(\varphi+\epsilon)}.$$

Остается подобрать ϵ такъ, чтобы, какъ требуется по теоремѣ Cayley, коэффициентъ D равнялся сопряженной величинѣ A_0 коэффициента A .

Получаемъ равенство:

$$\rho \delta e^{i(\varphi+\epsilon)} = \rho \delta e^{-i(\varphi+\theta+\epsilon)},$$

откуда имѣемъ:

$$e^{i(2\varphi+2\epsilon+\theta)} = 1,$$

а для этой цѣли достаточно положить:

$$2\varphi + 2\epsilon + \theta = 0,$$

что даетъ:

$$\epsilon = -\varphi - \frac{\theta}{2}.$$

Получаемъ, слѣдовательно,

$$\begin{aligned} A &= \rho \delta e^{i\theta} \\ B &= -\delta e^{i\left(\varphi + \frac{\theta}{2}\right)} \\ C &= \delta e^{-i\left(\varphi + \frac{\theta}{2}\right)} \\ D &= \rho \delta e^{-i\theta} \end{aligned}$$

Итакъ, мы видимъ, что

$$C = -B_0.$$

Опредѣлитель преобразованія вычисляется по формулѣ:

$$AD - BC = \rho^2 \delta^2 + \delta^2 = (\rho^2 + 1) \delta^2.$$

Для того, чтобы этотъ опредѣлитель сдѣлался равнымъ единицѣ, достаточно взять:

$$\delta = \frac{1}{\sqrt{\rho^2 + 1}}.$$

§ 11. Поставимъ теперь себѣ задачей найти всѣ конечныя группы линейныхъ преобразованій:

$$x_1 = \frac{\alpha x + \beta}{\gamma x + \delta}.$$

Будемъ такое преобразованіе обозначать знакомъ:

$$x_1 = \begin{pmatrix} \alpha & \beta \\ \gamma & \delta \end{pmatrix} x,$$

причемъ, для сокращенія, символъ:

$$\begin{pmatrix} \alpha & \beta \\ \gamma & \delta \end{pmatrix}$$

можно обозначать одной буквой A , такъ что

$$x_1 = Ax.$$

Обратное преобразованіе:

$$x = \frac{\delta x_1 - \beta}{-\gamma x_1 + \alpha}$$

можно сокращенно обозначить:

$$x = A^{-1}x_1,$$

такъ что получаемъ символическое равенство:

$$A^{-1} = \begin{pmatrix} \delta, & -\beta \\ -\gamma, & \alpha \end{pmatrix}.$$

§ 12. Отъ переменнѣй x можно перейти къ новой y при помощи такого линейнаго преобразованія:

$$y = \mathcal{C}x. \quad (1)$$

Нетрудно составить преобразованіе:

$$y_1 = \mathfrak{A}y, \quad (2)$$

соотвѣтствующее для буквы y преобразованію:

$$x_1 = Ax, \quad (3)$$

относящемуся къ переменнѣй x .

Мы имѣемъ:

$$y_1 = \mathcal{C}x_1,$$

откуда, на основаніи (3), получимъ:

$$y_1 = \mathcal{C}Ax.$$

Но по равенству (1) имѣемъ:

$$x = \mathcal{C}^{-1}y.$$

Слѣдовательно,

$$y_1 = \mathcal{C}A\mathcal{C}^{-1}y.$$

Отсюда получаемъ символическое равенство:

$$\mathfrak{A} = \mathcal{C}A\mathcal{C}^{-1}.$$

Итакъ, мы видимъ, что *конечная группа линейныхъ преобразованій:*

$$1, \mathfrak{A}_1, \mathfrak{A}_2, \dots, \mathfrak{A}_{n-1},$$

составленная при помощи преобразованія:

$$y = \mathcal{C}x$$

изъ конечной группы:

$$1, A_1, A_2, \dots, A_{n-1}$$

изоморфна съ этой послѣдней.

При этомъ надо замѣтить, что преобразование:

$$\begin{pmatrix} 1, & 0 \\ 0, & 1 \end{pmatrix}$$

есть то, которое не мѣняетъ переменнй и должно входить въ каждую группу въ качествѣ единицы.

Опредѣлитель:

$$\alpha\delta - \beta\gamma$$

каждаго изъ преобразованій группы, очевидно, долженъ быть отличенъ отъ нуля.

§ 13. Будемъ называть *полюсами преобразования* такія точки шара, которыя не перемѣщаются отъ преобразования.

Значеніе переменнй x , соответствующее такимъ точкамъ опредѣляется изъ уравненія:

$$x = \frac{\alpha x + \beta}{\gamma x + \delta},$$

или иначе, изъ такого:

$$\gamma x^2 + (\delta - \alpha)x - \beta = 0. \quad (1)$$

Мы видимъ, что для каждого линейнаго преобразования существуетъ два полюса, которые могутъ совпадать, если существуетъ равенство:

$$(\delta - \alpha)^2 + 4\beta\gamma = 0.$$

§ 14. Нетрудно доказать, что если x' и x'' будутъ полюсами преобразования:

$$x_1 = Ax,$$

то полюсами преобразования:

$$y_1 = \mathcal{C}A\mathcal{C}^{-1}y$$

будутъ числа:

$$y' = \mathcal{C}x', \quad y'' = \mathcal{C}x''.$$

§ 15. Теорема. *Всякое, отличное отъ единицы, преобразование конечной группы должно имѣть два различныхъ полюса.*

Допустимъ обратное; пусть одно изъ преобразований группы имѣетъ кратный полюсъ x_0 . Сдѣлаемъ преобразование переменннй:

$$y = \zeta x,$$

притомъ такое, чтобы послѣ преобразования этотъ полюсъ x_0 обратился въ точку:

$$y_1 = \infty.$$

Въ этомъ случаѣ уравненіе (1) § 13 должно давать два безконечныхъ корня. Другими словами, послѣ преобразования переменннй должно быть для новыхъ коэффициентовъ:

$$\gamma = 0, \quad \delta - \alpha = 0,$$

откуда мы видимъ, что новымъ видомъ разсматриваемаго линейнаго преобразования будетъ такой:

$$\begin{aligned} y_1 &= y + \frac{\beta}{\alpha} \\ &= y + \beta_1. \end{aligned} \quad (1)$$

Далѣе, m кратное повтореніе послѣдняго преобразования даетъ:

$$x_1 = y + m\beta_1.$$

Если β_1 отлично отъ нуля, то при различныхъ цѣлыхъ значеніяхъ m получаются различныя преобразования, и слѣдовательно, порядокъ преобразования (1) безконечно великъ, чего не можетъ быть для конечной группы.

§ 16. Нетрудно видѣть, что если полюсы преобразования будутъ p и q , то само преобразование принимаетъ видъ:

$$\frac{x_1 - p}{x_1 - q} = \varepsilon \frac{x - p}{x - q}. \quad (1)$$

Повторяя преобразование (1) m разъ получимъ преобразование:

$$\frac{x_1 - p}{x_1 - q} = \varepsilon^m \frac{x - p}{x - q}. \quad (2)$$

Если преобразование (1) принадлежитъ конечной группѣ, то долженъ существовать такой показатель m , при которомъ преобразование (2) обращается въ тождественное, что возможно не иначе, какъ при равенствѣ:

$$\varepsilon^m = 1; \quad (3)$$

изъ равенства (3) обозначая через m наименьшее число, удовлетворяющее ему, мы заключаемъ, что въ случаѣ конечности группы преобразований ϵ должно быть комплекснымъ корнемъ конечной степени m изъ единицы.

§ 17. Если

$$q = \infty,$$

то преобразование (1) предыдущаго §-а обращается въ такое:

$$x_1 - p = \epsilon(x - p), \quad (1)$$

и наконецъ, если при этомъ

$$p = 0,$$

то получаемъ:

$$x_1 = \epsilon x.$$

Число всѣхъ полюсовъ группы порядка n равняется:

$$2(n - 1),$$

ибо каждое изъ $n - 1$, отличныхъ отъ тождественнаго, преобразований имѣетъ два полюса.

Изъ этихъ полюсовъ нѣкоторые могутъ совпадать, такъ что число различныхъ полюсовъ можетъ быть меньше числа $2(n - 1)$.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнiю этого случая.

Пусть a будетъ полюсъ нѣкоторой группы G порядка n , и пусть всѣ преобразования группы G , имѣющiя этотъ полюсъ, будутъ слѣдующiя:

$$x_1 = A_1 x, \quad x_1 = A_2 x, \quad \dots, \quad x_1 = A_{v-1} x.$$

Нетрудно видѣть, что преобразования:

$$1, \quad A_1, \quad A_2, \quad \dots, \quad A_{v-1}$$

должны образовывать группу, которую назовемъ Γ .

Въ самомъ дѣлѣ, равенства:

$$a = A_1 a, \quad a = A_2 a$$

даютъ:

$$a = A_1 A_2 a.$$

Получаемъ, между прочимъ, что v будетъ дѣлителемъ числа n , именно

$$n = v\mu.$$

Покажемъ теперь, что группа Γ будетъ циклическою.

Въ самомъ дѣлѣ, подвергнемъ перемѣнную преобразованій группы Γ линейному преобразованію:

$$x' = A' x,$$

которое обращало бы полюсъ a въ безконечность. Тогда для всѣхъ преобразованій группы въ ихъ новомъ видѣ коэффициентъ γ будетъ равняться нулю, и слѣдовательно, преобразованія эти будутъ:

$$\begin{aligned} x'_1 &= x' \\ x'_2 &= \epsilon_1 x' + c_1 \\ x'_3 &= \epsilon_2 x' + c_2 \\ &\dots \dots \dots \\ &\dots \dots \dots \\ x'_v &= \epsilon_{v-1} x' + c_{v-1} \end{aligned}$$

Преобразованіемъ:

$$x'' = A'' x',$$

несимволическій видъ котораго опредѣленъ равенствомъ:

$$x'' = x' + const.$$

мы можемъ достигнуть того, чтобы одинъ изъ новыхъ коэффициентовъ c_1 , напримѣръ c'_1 , равнялся нулю. Покажемъ, что тогда и всѣ остальные коэффициенты:

$$c'_2, c'_3, \dots, c'_{v-1}$$

должны равняться нулю.

Разсмотримъ, напримѣръ, коэффициентъ c'_2 ; пусть преобразованія $A_1 A' A''$ и $A_2 A' A''$ выражаются въ несимволическомъ видѣ такъ

$$\begin{aligned} x''_1 &= A_1 A' A'' x'' \\ &= \epsilon_1 x'', \\ x''_2 &= A_2 A' A'' x'' \\ &= \epsilon_2 x'' + c'_2, \end{aligned}$$

гдѣ

$$c'_2 = \epsilon_2 \cdot const. + c_2.$$

Въ группу должны входить преобразованія, выражаемыя несимволически

$$\begin{aligned}x_1'' &= (A_1 A' A'') A_2 A' A'' x'' \\ &= \varepsilon_1 \varepsilon_2 x'' + \varepsilon_1 c_2', \\ x_1'' &= (A_2 A' A'') A_1 A' A'' x'' \\ &= \varepsilon_1 \varepsilon_2 x'' + c_2'.\end{aligned}$$

Въ группѣ Γ должно также заключаться преобразование:

$$x_1'' = [(A_1 A' A'') A_2 A' A''] [(A_2 A' A'') A_1 A' A'']^{-1} x'',$$

т. е. преобразование:

$$x_1'' = x'' + c_2 (\varepsilon_1 - 1). \quad (1)$$

Но вслѣдствіе конечности группы Γ всѣ коэффициенты ε_i должны быть комплексными корнями изъ единицы, и слѣдовательно, число $\varepsilon_1 - 1$ отлично отъ нуля.

Такимъ образомъ мы видимъ, что если c_2' отлично отъ нуля, то преобразование (1) будетъ имѣть безконечный порядокъ, что невозможно.

Итакъ, коэффициентъ c_2' , а по тому самому и всѣ остальные должны быть равны нулю, такъ что группа Γ будетъ состоять изъ преобразованій:

$$x_1 = x'', \varepsilon_1 x'', \varepsilon_2 x'', \dots, \varepsilon_{\nu-1} x''.$$

Принимая же во вниманіе, что среди чиселъ:

$$1, \varepsilon_1, \varepsilon_2, \dots, \varepsilon_{\nu-1}$$

должны существовать всѣ степени каждаго изъ нихъ, мы приходимъ къ выводу, что эти коэффициенты должны представлять не что иное, какъ степень первообразнаго корня ν -той степени изъ единицы; другими словами, если черезъ ε обозначимъ такой первообразный корень, то группа Γ будетъ состоять изъ преобразованій:

$$x_1 = x'', \varepsilon x'', \varepsilon^2 x'', \dots, \varepsilon^{\nu-1} x''.$$

и слѣдовательно, она будетъ циклическая, происходящая отъ ν кратнаго повторенія преобразованія:

$$x_1 = \varepsilon x''.$$

Остается замѣтить, что между тѣмъ какъ одинъ полюсъ группы Γ есть ∞ , другой полюсъ опредѣляется изъ уравненія:

$$x = \varepsilon^i x,$$

дающего для x^i значение 0 при всякомъ значеніи показателя i , соответствующемъ какому нибудь преобразованію группы Γ ; слѣдовательно, второй полюсъ преобразованій группы есть 0.

Итакъ, резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ заключенію, что всякому ν кратному полюсу a группы G соответствуетъ циклическій дѣлитель Γ порядка ν и другой, также ν кратный полюсъ b той же группы G . Числа a и b будутъ единственными полюсами дѣлителя Γ .

§ 18. Пусть системы группы G , сопряженныя съ группой Γ , будутъ:

$$\Gamma, \varphi_1 \Gamma, \varphi_2 \Gamma, \dots, \varphi_{\mu-1} \Gamma,$$

гдѣ

$$\varphi_1, \varphi_2, \dots, \varphi_{\mu-1}$$

суть нѣкоторыя линейныя преобразованія.

Обозначимъ:

$$a_1 = \varphi_1 a, \quad a_2 = \varphi_2 a, \quad \dots, \quad a_{\mu-1} = \varphi_{\mu-1} a.$$

Числа:

$$a_1, a_2, \dots, a_{\mu-1}$$

всѣ различны между собой и отличны отъ числа a . Въ самомъ дѣлѣ, если

$$a_i = a,$$

то

$$a = \varphi_i a.$$

и слѣдовательно, φ_i принадлежитъ группѣ Γ .

Подобнымъ же образомъ, если

$$\varphi_i a = \varphi_k a,$$

то

$$a = \varphi_i^{-1} \varphi_k a,$$

и слѣдовательно, $\varphi_i^{-1} \varphi_k$ принадлежитъ группѣ Γ , а потому φ_k принадлежитъ группѣ $\varphi_i \Gamma$, что противорѣчитъ способу образованія сопряженныхъ системъ.

Подставимъ въ равенство:

$$a = \Lambda a,$$

вмѣсто a , число a_1 при помощи равенства:

$$a_1 = \varphi_1 a.$$

Тогда получимъ:

$$a_1 = \varphi_1 A \varphi_1^{-1} a_1.$$

Итакъ, мы видимъ, что a_1 будетъ ν кратнымъ полюсомъ группы G , ибо онъ будетъ полюсомъ всѣхъ преобразованій группы $\varphi_1 \Gamma \varphi_1^{-1}$.

Получается система μ полюсовъ:

$$a, a_1, a_2, \dots, a_{\mu-1} \quad (1)$$

кратности ν , которую мы будемъ называть *системой сопряженных ν кратныхъ полюсовъ*.

На основаніи извѣстныхъ уже намъ свойствъ сопряженныхъ системъ группы, мы замѣтимъ, что, если ψ будемъ одно изъ преобразованій группы G , то числа:

$$\psi a, \psi a_1, \psi a_2, \dots, \psi a_{\mu-1}$$

будутъ представлять тѣ же числа (1), взятые лишь въ другомъ порядкѣ.

§ 19. Разложимъ всѣ полюсы группы G на сопряженныя системы, причѣмъ каждый изъ ν кратныхъ полюсовъ прійдется считать за $\nu - 1$ полюсовъ, ибо изъ каждаго дѣлителя Γ прійдется откидывать тождественное преобразование.

Отсюда мы получаемъ такую формулу:

$$2n - 2 = \mu_1 (\nu_1 - 1) + \mu_2 (\nu_2 - 1) + \dots + \mu_h (\nu_h - 1), \quad (1)$$

гдѣ черезъ h обозначено число всѣхъ системъ сопряженныхъ полюсовъ, каждая изъ которыхъ соотвѣтствуетъ нѣкоторому дѣлителю Γ группы.

Принимая во вниманіе, что

$$n = \mu_1 \nu_1 = \mu_2 \nu_2 = \dots = \mu_h \nu_h,$$

получимъ:

$$2n - 2 = nh - \mu_1 - \mu_2 - \dots - \mu_h. \quad (2)$$

Каждое изъ чиселъ:

$$\nu_1, \nu_2, \nu_3, \dots, \nu_h,$$

не меньше 2, такъ какъ оно есть полюсъ тождественнаго преобразованія; следовательно, получаемъ:

$$1 \leq \mu_1 \leq \frac{n}{2}, \quad 1 \leq \mu_2 \leq \frac{n}{2}, \dots$$

Такимъ образомъ, равенство (2) даетъ:

$$nh - \frac{hn}{2} < 2n - 2 \leq nh - h.$$

Откуда, рѣшая оба послѣднія неравенства, имѣемъ:

$$2 \leq h \leq 4 - \frac{4}{n}.$$

Итакъ, для числа h возможны только два предположенія:

$$h = 2, \quad h = 3.$$

§ 20. Разсмотримъ случай первый:

$$h = 2.$$

Тогда на основаніи равенства (2) предыдущаго §-а получаемъ:

$$2(n-1) = 2n - \mu_1 - \mu_2,$$

и мы видимъ, что

$$\mu_1 + \mu_2 = 2. \quad (1)$$

Получаемъ, слѣдовательно, единственное возможное предположеніе:

$$\mu_1 = \mu_2 = 1,$$

т. е., другими словами,

$$\nu_1 = n, \quad \nu_2 = n.$$

§ 21. Обратимся къ случаю:

$$h = 3.$$

Равенство (2) § 19 даетъ:

$$2n - 2 = 3n - \mu_1 - \mu_2 - \mu_3,$$

откуда

$$\mu_1 + \mu_2 + \mu_3 = n + 2. \quad (1)$$

Послѣднее равенство убѣждаетъ насъ, во первыхъ, въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, одно изъ чиселъ:

$$\nu_1, \nu_2, \nu_3,$$

должно равняться 2, ибо предполагая, что всѣ эти числа ≥ 3 , получимъ:

$$\mu_1 \leq \frac{n}{3}, \quad \mu_2 \leq \frac{n}{3}, \quad \mu_3 \leq \frac{n}{3},$$

откуда будетъ слѣдовать:

$$\mu_1 + \mu_2 + \mu_3 \leq n,$$

что противорѣчить равенству (1).

Итакъ, пусть

$$\nu_1 = 2;$$

тогда

$$\mu_1 = \frac{n}{2}.$$

Для возможности такого предположенія число n должно быть четнымъ. Замѣтимъ, что равенство (1) даетъ:

$$\mu_2 + \mu_3 = \frac{n}{2} + 2. \quad (2)$$

Если мы предположимъ, сверхъ того, что

$$\nu_2 = 2,$$

т. е.

$$\mu_2 = \frac{n}{2},$$

то приходимъ къ равенству:

$$\mu_3 = 2,$$

что составляетъ второе возможное предположеніе.

§ 22. Обращаемся теперь къ предыдущему, но по счету третьему предположенію, которое опредѣляется четырьмя зависимостями:

$$h = 3, \quad \nu_1 = 2, \quad \nu_2 > 2, \quad \nu_3 > 2.$$

Одно изъ чиселъ ν_2, ν_3 непременно должно равняться 3, ибо, если мы предположимъ, что

$$\nu_2 \geq 4, \quad \nu_3 \geq 4,$$

то получимъ:

$$\mu_2 \leq \frac{n}{4}, \quad \mu_3 \leq \frac{n}{4},$$

откуда

$$\mu_2 + \mu_3 \leq \frac{n}{2},$$

что противорѣчить равенству (2) предыдущаго §-а.

Итакъ, пусть будетъ:

$$\nu_2 = 3;$$

тогда равенство (2) предыдущаго §-а обращается въ такое:

$$\frac{n}{3} + \mu_3 = \frac{n}{2} + 2,$$

или

$$\mu_3 = \frac{n}{6} + 2.$$

Отсюда

$$\nu_3 = \frac{6\mu}{n + 12} < 6. \tag{1}$$

Итакъ, для числа ν_3 остаются возможными три значенія:

3, 4, 5.

§ 23. Резюмируя все сказанное, мы, согласно равенству (1) предыдущаго §-а, получаемъ для возможныхъ конечныхъ группъ линейныхъ преобразований слѣдующихъ пять комбинацій чиселъ:

	h	ν_1	ν_2	ν_3	n
I	2	n	n		n
II	3	2	2	m	$2m$
III	3	2	3	3	12
IV	3	2	3	4	24
V	3	2	3	5	60

§ 24. Нетрудно убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи группъ линейныхъ преобразований, соответствующихъ пяти типамъ, указаннымъ въ таблицѣ предыдущаго §-а. Такія группы представляютъ указанные въ § 2 группы многогранниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, типъ I представляетъ группу вращеній правильной пирамиды.

Дѣйствительно, предпологая полюсами точки 0 и ∞ , получимъ слѣдующую циклическую группу линейныхъ преобразований:

$$x_1 = x, \epsilon x, \epsilon^2 x, \dots, \epsilon^{n-1} x,$$

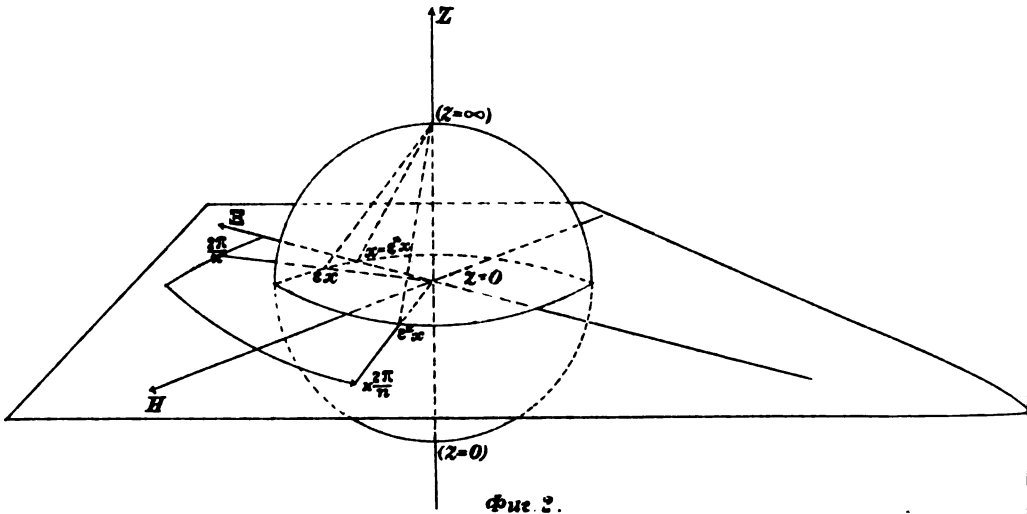
гдѣ ϵ есть первообразный корень степени n изъ единицы, такъ что можно положить:

$$\epsilon = \cos \frac{2\pi}{n} + i \sin \frac{2\pi}{n}.$$

Нетрудно убѣдиться, что преобразованію:

$$x_1 = \epsilon^k x$$

соотвѣтствуетъ поворотъ шара вокругъ оси Z на уголъ $\frac{2k\pi}{n}$ (см. фиг. 2).

Типу II будутъ соотвѣтствовать вращенія двойной пирамиды. Обозначая черезъ m число сторонъ этой пирамиды, получаемъ рядъ линейныхъ преобразованій:

$$x_1 = x, \epsilon x, \epsilon^2 x, \dots, \epsilon^{m-1} x.$$

соотвѣтствующихъ вращеніямъ α) около оси Z .

Остается разсмотрѣть β) повороты на π около нѣкоторыхъ осей, проходящихъ черезъ начало координатъ и расположенныхъ въ плоскости ΞH .

Если разсматривается линейное преобразование, соотвѣтствующее вращенію шара, то полюсами такого преобразованія должны быть два числа, соотвѣтствующія концамъ діаметра, около котораго производится вращеніе.

Если діаметръ расположенъ въ плоскости ΞH , то числа, соотвѣтствующія его концамъ (полюсамъ), отличаются между собой лишь знакомъ:

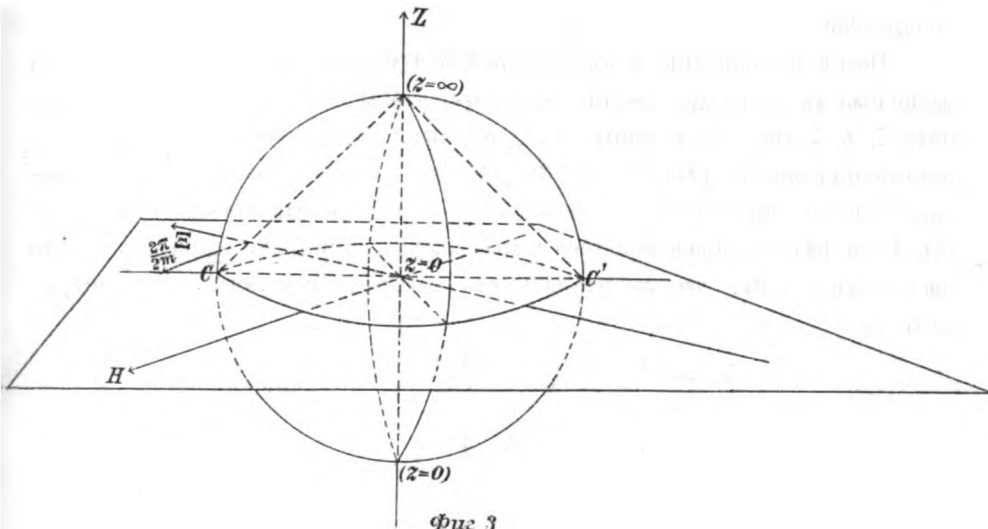
кроме того, вторичный поворот на угол π обращает рассматриваемое нами линейное преобразование в тождественное.

Преобразование, в виду сказанного, может (см. § 15; $\varepsilon = -1$) быть представлено в таком виде:

$$x_1 = \frac{a}{x} \quad (a = p^2),$$

причем, очевидно, полюсы получаются из уравнения:

$$x^2 = a. \quad (1)$$

Фиг. 3.

$$z_c = p = \delta$$

$$z_{c'} = -p = \delta^m.$$

При повороте двойной пирамиды на угол π за ось CC' поворота (см. фиг. 3) можно будет принимать всякую прямую, проходящую через центр многоугольника основания и через вершину или через середину его стороны, а потому корни уравнения (1) должны быть корнями такого:

$$\delta^{2m} = 1.$$

Число же α , выражающееся по формулѣ:

$$\alpha = \delta^2,$$

должно быть корнем уравнения:

$$\alpha^m = 1.$$

Предполагая ϵ первообразнымъ корнемъ степени m изъ единицы, мы замѣчаемъ, что x можетъ принимать слѣдующія значенія:

$$1, \epsilon, \epsilon^2, \epsilon^3, \dots, \epsilon^{m-1}.$$

Получаемъ группу порядка $2m$ типа II въ такомъ видѣ:

$$\begin{aligned} x_1 &= x, \epsilon x, \epsilon^2 x, \epsilon^3 x, \dots, \epsilon^{m-1} x; \\ &= \frac{1}{x}, \frac{\epsilon}{x}, \frac{\epsilon^2}{x}, \dots, \frac{\epsilon^{m-1}}{x}. \end{aligned}$$

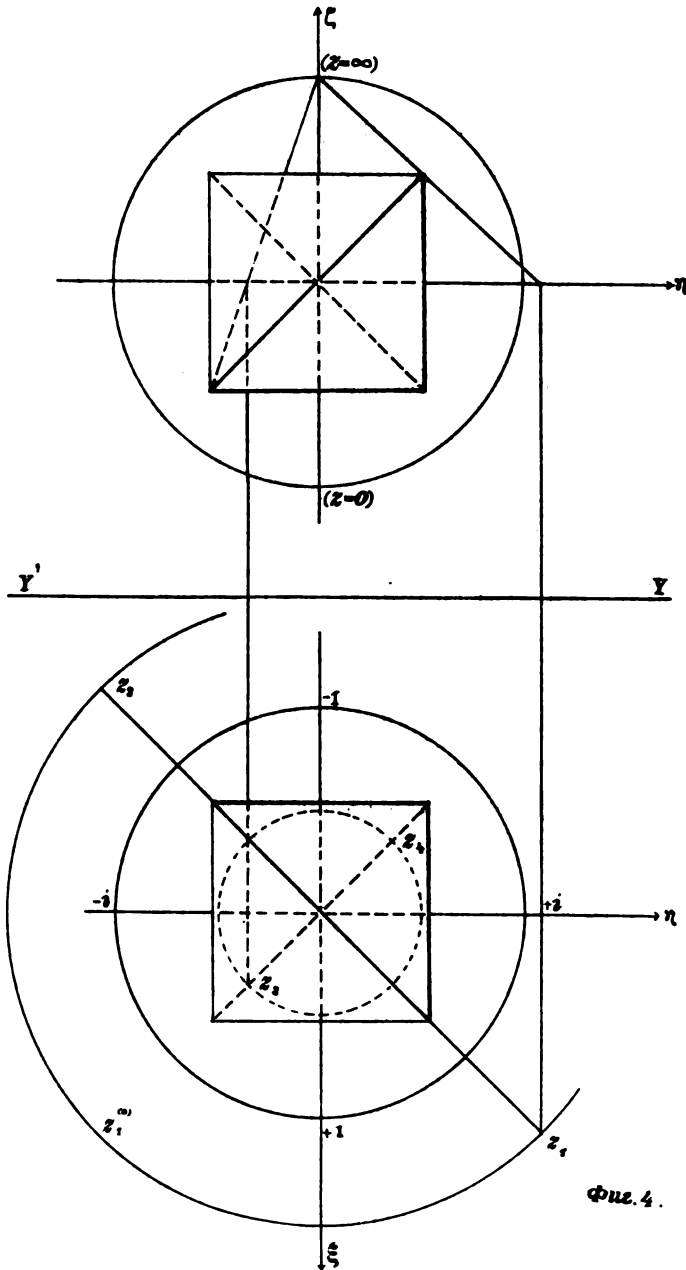
§ 25. Нетрудно убѣдиться, что *примѣръ типа III даетъ группу тетраэдра.*

Возьмемъ вписанный въ вращающійся шаръ тетраэдръ. Для удобства расположимъ тетраэдръ такимъ образомъ, чтобы совпали съ осями координатъ ξ, η, ζ три его медианы, т. е. прямыя, соединяющія середины его противоположныхъ реберъ (см. фиг. 4, гдѣ тетраэдръ изображенъ въ параллельныхъ прозекціяхъ на плоскости, параллельныя плоскостямъ $\zeta\eta$ и $\xi\eta$). Если радиусъ вращающагося шара равенъ единицѣ, то тетраэдръ можно расположить такъ, что координаты его четырехъ вершинъ будутъ выражаться:

$$\begin{aligned} \xi_1 &= \frac{\sqrt{3}}{3}, & \eta_1 &= \frac{\sqrt{3}}{3}, & \zeta_1 &= \frac{\sqrt{3}}{3} \\ \xi_2 &= -\frac{\sqrt{3}}{3}, & \eta_2 &= -\frac{\sqrt{3}}{3}, & \zeta_2 &= \frac{\sqrt{3}}{3} \\ \xi_3 &= \frac{\sqrt{3}}{3}, & \eta_3 &= -\frac{\sqrt{3}}{3}, & \zeta_3 &= -\frac{\sqrt{3}}{3} \\ \xi_4 &= -\frac{\sqrt{3}}{3}, & \eta_4 &= \frac{\sqrt{3}}{3}, & \zeta_4 &= -\frac{\sqrt{3}}{3}. \end{aligned}$$

По формуламъ § 5 комплексныя числа, соответствующія этимъ вершинамъ, будутъ:

$$\begin{aligned} z_1 &= \frac{\sqrt{3}(1+i)}{3-\sqrt{3}} \\ z_2 &= \frac{\sqrt{3}(1+i)}{3-\sqrt{3}} \\ z_3 &= \frac{\sqrt{3}(1-i)}{3+\sqrt{3}} \\ z_4 &= -\frac{\sqrt{3}(1-i)}{3+\sqrt{3}}. \end{aligned}$$

Фиг. 4.

Вращения тетраэдра будутъ слѣдующія:

а) вращеніе, равное нулю;

б) три вращенія на уголъ π около трехъ меридіанъ, и

γ) четыре циклическихъ группы вращеній около четырехъ радіусовъ шара, проходящихъ черезъ вершины тетраэдра. Эти четыре группы дадутъ восемь вращеній, ибо каждая изъ циклическихъ группъ будетъ третьяго порядка, и слѣдовательно, будетъ заключать два отличныхъ отъ единицы вращенія.

Всего получаемъ:

$$1 + 3 + 8 = 12$$

вращеній группы.

Что касается вращеній β), то поворотъ на π около оси ξ даетъ:

$$x_1 = -x,$$

ибо -1 есть первообразный корень второй степени изъ единицы.

Для составленія преобразования, соответствующаго повороту на π около оси ξ достаточно замѣтить, что полюсами этого преобразования будутъ числа $+1$ и -1 , соответствующія концамъ этой оси.

Преобразование будетъ имѣть видъ:

$$\frac{x_1 - 1}{x_1 + 1} = \frac{x - 1}{x + 1}.$$

Такимъ же образомъ, какъ въ предыдущемъ §-ѣ, послѣдняя формула можетъ быть замѣнена болѣе простой:

$$x_1 = \frac{1}{x}.$$

Вращеніе около оси η имѣетъ полюсы $+i$ и $-i$, и мы получимъ:

$$\frac{x_1 - i}{x_1 + i} = -\frac{x - i}{x + i},$$

откуда, подобно тому какъ ранѣе, получимъ:

$$x_1 = -\frac{1}{x}.$$

Итакъ, вращенія категорій а) и б) приводятъ къ такимъ четыремъ преобразованиямъ:

$$\begin{aligned} x_1 &= x; \\ &= -x, \quad \frac{1}{x}, \quad -\frac{1}{x}. \end{aligned}$$

Что касается остальных восьми вращений вида γ), то достаточно написать два вращения, соответствующие вращению около оси, проходящей через точку z_1 .

Пусть $z_1^{(0)}$ обозначает комплексную величину, сопряженную съ z_1 (см. фиг. 4); тогда полюсами этого вращения будутъ:

$$z_1, \quad -\frac{1}{z_1^{(0)}}.$$

Итакъ, два вращения, соответствующие этой оси принимаютъ видъ:

$$\frac{x_1 - z_1}{x_1 + \frac{1}{z_1^{(0)}}} = \epsilon \frac{x - z_1}{x + \frac{1}{z_1^{(0)}}}$$

и

$$\frac{x_1 - z_1}{x_1 + \frac{1}{z_1^{(0)}}} = \epsilon^2 \frac{x - z_1}{x + \frac{1}{z_1^{(0)}}},$$

гдѣ ϵ корень третьей степени изъ единицы.

Подставляя въ послѣднія формулы вмѣсто z_1 числа:

$$z_2, z_3, z_4,$$

получимъ шесть остальныхъ линейныхъ преобразований группы тетраэдра.

§ 26. *Примеромъ типа IV можетъ служить группа октаэдра.* Октаэдръ можно такъ расположить (см. фиг. 5), что его вершины будутъ въ точкахъ пересѣченія шара съ осями координатъ, т. е. въ точкахъ:

$$0, \infty, +1, -1, +i, -i,$$

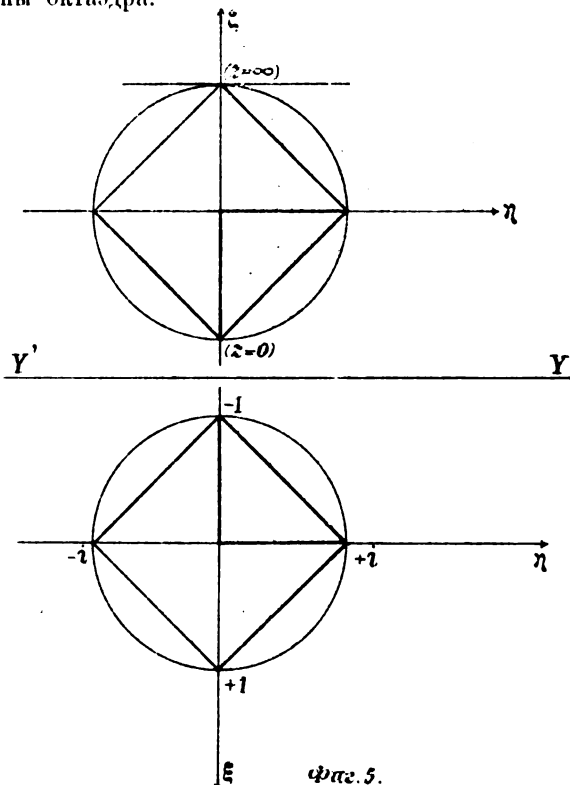
Вращения группы октаэдра будутъ слѣдующія:

- а) вращение, равное нулю;
- б) шесть вращений на π вокругъ шести медианъ, соединяющихъ середины противоположныхъ реберъ;
- в) восемь вращений, входящихъ въ составъ четырехъ циклическихъ группъ третьяго порядка, образованныхъ вращениями около четырехъ прямыхъ, соединяющихъ центры тяжести противоположныхъ граней, и
- д) девять вращений, входящихъ въ составъ трехъ циклическихъ группъ четвертаго порядка, образованныхъ вращениями около трехъ координатныхъ осей ξ, η, ζ .

Получаемъ:

$$1 + 6 + 8 + 9 = 24$$

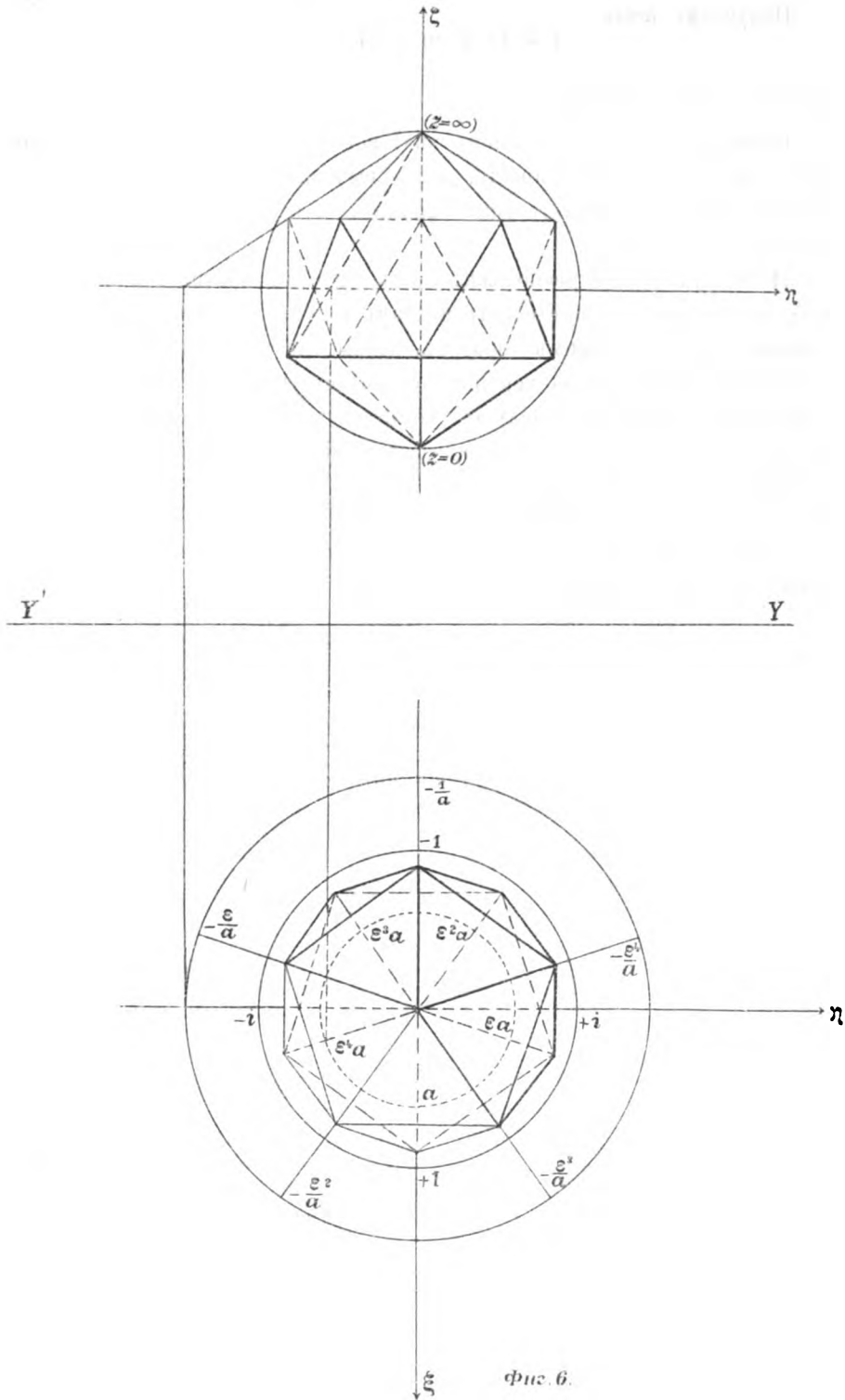
вращеній группы октаэдра.

Вычисляя комплексныя числа, соответствующія осямъ указанныхъ вращеній, вычислимъ всѣ 24 линейныхъ преобразованія, образующихъ группу октаэдра.

§ 27. Примеромъ типа V можетъ служить группа икосаэдра. причежъ вращенія ея будутъ слѣдующія:

- а) вращеніе, равное нулю;
- б) пятнадцать вращеній на π относительно медіанъ, соединяющихъ середины противоположныхъ реберъ;
- в) двадцать вращеній, входящихъ въ составъ десяти циклическихъ группъ третьяго порядка, образованныхъ отъ вращенія вокругъ прямыхъ, соединяющихъ центры тяжести противоположныхъ граней, и
- д) двадцать четыре вращенія, входяція въ составъ шести группъ пятого порядка, образованныхъ вращеніемъ икосаэдра около шести діагоналей, соединяющихъ противоположныя вершины.

Получаемъ всего:

$$1 + 15 + 20 + 24 = 60$$

вращеній группы икосаэдра.

Выписать въ окончательномъ видѣ всѣ 60 линейныхъ преобразованій группы икосаэдра весьма просто, если вычислить предварительно комплексныя числа, соотвѣтствующія концамъ всѣхъ перечисленныхъ осей вращенія.

Икосаэдръ можно расположить такъ, что двѣ противоположныя вершины его будутъ соотвѣтствовать числамъ 0 и ∞ (см. фиг. 6). Плоскость $\xi\xi$ можемъ провести такимъ образомъ, чтобы она проходила черезъ произвольно выбранную третью вершину, соотвѣтствующую, слѣдовательно, нѣкоторому вещественному числу a . Тогда въ этой же плоскости $\xi\xi$ будетъ заключаться четвертая вершина икосаэдра, діаметрально противоположная вершинѣ a и опредѣляемая, слѣдовательно, числомъ $-\frac{1}{a}$.

Отсюда, десяти вершинамъ икосаэдра, отличнымъ отъ 0 и ∞ , должны будутъ соотвѣтствовать числа:

$$a, \epsilon a, \epsilon^2 a, \epsilon^3 a, \epsilon^4 a, \\ -\frac{1}{a}, -\frac{\epsilon}{a}, -\frac{\epsilon^2}{a}, -\frac{\epsilon^3}{a}, -\frac{\epsilon^4}{a},$$

гдѣ ϵ корень пятой степени изъ единицы (см. фиг. 6).

ГЛАВА VIII.

Группы линейных преобразований произвольного числа переменных. Инварианты группъ.

§ 1. Перейдемъ теперь отъ разсмотрѣнія группъ вращеній трехмѣрнаго пространства къ болѣе общему вопросу, именно, къ группамъ однородныхъ линейныхъ преобразований какого угодно числа переменныхъ.

Пусть n переменныхъ:

$$x_1, x_2, \dots, x_n$$

преобразовываются къ новымъ переменнымъ:

$$y_1, y_2, \dots, y_n$$

при помощи равенствъ:

$$y_j = \sum_{i=1}^{i=n} a_i^{(j)} x_i, \quad (1)$$

причемъ, давая числу j всѣ значенія:

$$1, 2, 3, \dots, n,$$

мы изъ (1) получимъ равенства, дающія въ отдѣльности искомое однородное линейное преобразованіе для каждой изъ переменныхъ y .

Для сокращенія письма будемъ совокупность преобразованій, совершаемыхъ при помощи равенствъ (1), т. е. *линейное преобразованіе* (подстановку) въ собственномъ смыслѣ, обозначать въ одномъ изъ слѣдую-

Преобразование:

$$(z) = C(x),$$

опредѣляемое формулами (4), мы будемъ обозначать символически

$$(z) = BA(x),$$

такъ что преобразование C будетъ такимъ преобразованиемъ переменныхъ x , которое равносильно совокупности послѣдовательнаго производства двухъ другихъ A и B , причемъ сначала производится преобразование A , а потомъ преобразование B .

Итакъ, мы видимъ, что можно написать символически

$$C = BA,$$

что указываетъ на то, что линейныя преобразования всегда образуютъ группу, причемъ, вообще говоря, не существуетъ коммутативнаго закона, т. е. вообще BA не равняется AB . Кроме того, группа линейныхъ преобразований можетъ и не быть конечной.

Будемъ называть *опредѣлителемъ линейнаго преобразования* определитель, составленный изъ коэффициентовъ послѣдняго; тогда мы на основаніи формулъ (5) замѣтимъ, что *опредѣлитель произведенія двухъ линейныхъ преобразований равенъ произведенію определителей каждаго изъ этихъ преобразований въ отдѣльности.*

§ 3. Одной изъ задачъ большой важности въ анализѣ является изученіе конечныхъ группъ линейныхъ преобразований. Что такія группы существуютъ, убѣждаетъ насъ прежде всего существованіе группъ многогранниковъ, ибо эти группы даютъ конечныя группы однородныхъ линейныхъ преобразований трехъ переменныхъ:

$$x_1, x_2, x_3.$$

причемъ эти группы подчиняются еще одному добавочному условію, именно, квадратичная форма:

$$x_1^2 + x_2^2 + x_3^2$$

не измѣняется отъ преобразования.

Если мы поставимъ себѣ задачей найти всѣ конечныя группы линейныхъ однородныхъ преобразований съ четырьмя буквами:

$$x_1, x_2, x_3, x_4,$$

оставляющихъ безъ переменны квадратичную форму:

$$x_1^2 + x_2^2 + x_3^2 + x_4^2,$$

то рѣшеніе такой аналитической задачи будетъ соответствовать нахожденію правильныхъ фигуръ въ пространствѣ четырехъ измѣреній.

§ 4. Чтобы убѣдиться въ существованіи конечныхъ группъ линейныхъ преобразованій произвольнаго числа буквъ, достаточно показать, что всякую группу подстановокъ изъ n буквъ можно разсматривать, какъ конечную группу линейныхъ преобразованій n элементовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, рассмотримъ подстановку, переводящую буквы:

$$x_1, x_2, \dots, x_n$$

въ буквы:

$$x_{a_1}, x_{a_2}, \dots, x_{a_n},$$

гдѣ

$$a_1, a_2, \dots, a_n$$

иное расположеніе цифръ:

$$1, 2, \dots, n.$$

Получаемъ линейное преобразованіе, выражаемое формулами:

$$x_1 = x_{a_1}, x_2 = x_{a_2}, \dots, x_n = x_{a_n},$$

которое есть не что иное, какъ линейное преобразованіе:

$$(x) = A(x),$$

гдѣ, по предыдущему,

$$A = \begin{pmatrix} a_1^{(1)}, a_2^{(1)}, \dots, a_n^{(1)} \\ a_1^{(2)}, a_2^{(2)}, \dots, a_n^{(2)} \\ \dots \dots \dots \dots \dots \\ a_1^{(n)}, a_2^{(n)}, \dots, a_n^{(n)} \end{pmatrix},$$

причемъ всѣ коэффициенты $a_i^{(k)}$ или нули, или единицы; единицы, если

$$i = a_i,$$

и нули во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

При этомъ въ каждой строкѣ и въ каждомъ столбцѣ будетъ по одному коэффициенту, равному единицѣ.

§ 5. Преобразование не мѣняющее переменныхъ, т. е.

$$y_1 = x_1, y_2 = x_2, \dots, y_n = x_n,$$

которое можетъ быть написано также такъ

$$y = J(x),$$

гдѣ

$$J = \begin{pmatrix} 1, 0, \dots, 0 \\ 0, 1, \dots, 0 \\ \dots \dots \dots \\ \dots \dots \dots \\ 0, 0, \dots, 1 \end{pmatrix},$$

представляетъ изъ себя *единицу* группы линейныхъ преобразований. Будемъ называть это преобразование *тождественнымъ*.

Очевидно, что тождественное преобразование, комбинируемое съ произвольнымъ другимъ, не измѣняетъ этого послѣдняго.

§ 6. Каждому преобразованію A будетъ соответствовать другое A^{-1} , удовлетворяющее равенствамъ:

$$A A^{-1} = A^{-1} A = J.$$

Нетрудно убѣдиться, что, *если имѣемъ:*

$$(y) = A(x), \quad (1)$$

то обратное преобразование A^{-1} равносильно преобразованію, получающемуся изъ равенствъ (1), черезъ рѣшеніе ихъ относительно буквъ:

$$x_1, x_2, \dots, x_n,$$

такъ что будемъ имѣть:

$$(x) = A^{-1}(y).$$

§ 7. Разсмотримъ преобразование:

$$(y) = A(x) \quad (1)$$

и подвергнемъ, какъ буквы x , такъ и буквы y нѣкоторому новому преобразованію \mathcal{U} , дающему:

$$(y') = \mathcal{U}(y)$$

и

$$(x') = \mathfrak{G}(x).$$

Новые ряды буквъ y' и x' будутъ связаны равенствами:

$$(y') = \mathfrak{A}(x'),$$

причемъ преобразование \mathfrak{A} выражается черезъ преобразование A и \mathfrak{G} такъ

$$\mathfrak{A} = \mathfrak{G} A \mathfrak{G}^{-1}$$

(ср. § 12 предыдущей главы).

Становится очевиднымъ, что если задана конечная группа линейныхъ преобразований, то всякое линейное преобразование рассматриваемыхъ переменныхъ къ новымъ приводитъ къ новой группѣ, изоморфной съ рассматриваемой.

§ 8. Если мы по заданному преобразованію:

$$y_k = \sum_{i=1}^{i=n} a_i^{(k)} x_i$$

составимъ новое:

$$y_k = \sum_{i=1}^{i=n} a_k^{(i)} x_i,$$

которое получается замѣной строкъ определителя, составленнаго изъ коэффициентовъ, столбцами и обратно, то послѣднее преобразование будемъ называть транспонированнымъ.

§ 9. Пусть A_1 и B_1 суть транспонированныя преобразованія относительно преобразований A и B ; нетрудно убѣдиться, что преобразованія $A_1 B_1$ будетъ транспонированнымъ относительно преобразованія BA .

Пусть, какъ это мы имѣли въ §§ 1 и 2 преобразованія A и B определяются формулами (1) § 1 и (3) § 2. Если мы ихъ произведемъ одно за другимъ (B за A), то результатъ BA выразится формулами (4) § 2, въ которыхъ коэффициенты выражаются формулами (5) того же §-а.

Разсмотримъ теперь транспонированныя преобразованія A_1 и B_1 , комбинируя ихъ въ порядкѣ, обратномъ предыдущему; итакъ,

$$(y) = B_1(x)$$

$$(z) = A_1(y);$$

слѣдовательно,

$$(z) = A_1 B_1 (x).$$

Получаемъ слѣдующія формулы:

$$y_j = \sum_{i=1}^{i=n} b_j^{(i)} x_i,$$

и

$$z_i = \sum_{j=1}^{j=n} a_i^{(j)} y_j = \sum_{j=1}^{j=n} a_i^{(j)} \sum_{i=1}^{i=n} b_j^{(i)} x_i = \sum_{i=1}^{i=n} \partial_i^{(i)} x_i,$$

гдѣ

$$\partial_i^{(i)} = \sum_{j=1}^{j=n} a_i^{(j)} b_j^{(i)}.$$

Отсюда мы видимъ, что

$$\partial_i^{(i)} = c_i^{(i)},$$

т. е., другими словами, преобразование $A_1 B_1$ есть транспонированное относительно BA .

Умножимъ равенства предыдущаго §-а:

$$y_k = \sum_{i=1}^{i=n} a_i^{(k)} x_i$$

на произвольныя числа τ_k и просуммируемъ по значку k . Получимъ:

$$\sum_{k=1}^{k=n} y_k \tau_k = \sum_{i=1}^{i=n} \xi_i x_i,$$

гдѣ

$$\xi_i = \sum_{k=1}^{k=n} a_i^{(k)} \tau_k.$$

Отсюда мы получаемъ такую теорему: *если A и A_1 суть два взаимно транспонированныхъ преобразованія и заданы четыре системы переменныхъ:*

$$x_i, y_i; \xi_i, \tau_i,$$

связанныя формулами:

$$(y) = A(x)$$

и

$$(\xi) = A_1(\eta),$$

то между переменными существует соотношение:

$$y_1 \eta_1 + y_2 \eta_2 + \dots + y_n \eta_n = x_1 \xi_1 + x_2 \xi_2 + \dots + x_n \xi_n.$$

§ 10. Рассмотрим некоторую конечную группу G линейных преобразований:

$$A, B, C, \dots$$

Будем называть форму:

$$F(x_1, x_2, \dots, x_n)$$

от n независимых переменных инвариантом группы G , если она не меняется, когда мы будем применять к ней все подстановки рассматриваемой группы G . Свойство инвариантности формы F может быть символически записано такъ

$$F[A(x)] = F[B(x)] = F[C(x)] = \dots$$

Не трудно убедиться въ существованіи бесчисленнаго множества инвариантовъ для каждой конечной группы G .

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно взять произвольную форму $\varphi(x)$ n переменныхъ x . Примѣнивъ къ ней все преобразования группы, получимъ рядъ новыхъ формъ:

$$\varphi[A(x)], \varphi[B(x)], \varphi[C(x)], \dots,$$

которыя, говоря вообще, будутъ различны между собою. Очевидно, что всякая симметрическая функция отъ этихъ формъ будетъ инвариантомъ группы, ибо всякое преобразование группы, произведенное надъ всеми преобразованиями:

$$A, B, C, \dots,$$

измѣняетъ только порядокъ расположенія этихъ преобразований.

§ 11. Данное понятіе объ инвариантѣ группы обобщается слѣдующимъ образомъ. Называютъ инвариантомъ группы также такую форму, которая получаетъ постояннаго множителя послѣ линейнаго преобразования переменныхъ, принадлежащаго къ рассматриваемой группѣ. Если этотъ постоянный множитель равенъ единицѣ, то получается опредѣленіе инварианта, данное въ предыдущемъ §-ѣ, и самъ инвариантъ мы будемъ на-

зывать *абсолютнымъ инвариантомъ* группы; если же постоянный множитель отличенъ отъ единицы, то инвариантъ будемъ называть *относительнымъ*.

По опредѣленію относительнаго инварианта группы будемъ имѣть равенства:

$$F[A(x)] = \alpha F(x)$$

$$F[B(x)] = \beta F(x)$$

.....

гдѣ

$$\alpha, \beta, \dots$$

суть постоянныя числа.

Очевидно, что

$$F[AB(x)] = \alpha\beta F(x)$$

и, кромѣ того,

$$F[A^k(x)] = \alpha^k F(x).$$

Если группа конечная, имѣющая порядкомъ число n , то

$$A^n = B^n = C^n = \dots = J,$$

гдѣ J тождественное преобразованіе. Слѣдовательно, числа:

$$\alpha, \beta, \dots,$$

должны быть корнями степени n изъ единицы.

Пусть будетъ ν наименьшее изъ положительныхъ чиселъ, удовлетворяющихъ равенствамъ:

$$\alpha^\nu = \beta^\nu = \dots = 1.$$

Будемъ называть показатель ν , которому принадлежать всѣ числа:

$$\alpha, \beta, \dots,$$

индексомъ инварианта F .

Обозначимъ черезъ δ первообразный корень степени ν изъ единицы. Тогда всѣ корни:

$$\alpha, \beta, \dots,$$

должны быть нѣкоторыми степенями корня δ . Пусть будетъ:

$$\alpha = \delta^a, \quad \beta = \delta^b, \quad \dots$$

Изъ показателей:

$$a, b, \dots,$$

по крайней мѣрѣ, одинъ взаимно простой съ ν , именно тотъ, который соотвѣтствуетъ тому изъ корней,

$$\alpha, \beta, \dots$$

который принадлежитъ точно показателю ν .

Отсюда слѣдуетъ, что можно подобрать такія цѣлыя числа:

$$\xi, \eta, \dots,$$

что будетъ:

$$a\xi + b\eta + \dots = 1 \pmod{\nu}.$$

Тогда среди множителей, соотвѣствующихъ преобразованіямъ группы, долженъ будетъ существовать множитель:

$$a\xi \beta \eta \dots = \delta,$$

и слѣдовательно, всѣ множители, соотвѣствующіе преобразованіямъ группы, будутъ:

$$1, \delta, \delta^2, \dots, \delta^{\nu-1}.$$

Обозначимъ черезъ Γ совокупность всѣхъ преобразованій, для которыхъ инвариантъ F есть абсолютный инвариантъ. Къ числу такихъ принадлежатъ, очевидно, тождественное преобразование. Совокупность преобразованій Γ представляетъ, очевидно, дѣлителя группы G . Пусть D будетъ то преобразование группы G , которое удовлетворяетъ равенству:

$$F[D(x)] = \delta F(x).$$

тогда очевидно, что группа G можетъ быть разложена на такія сопряженныя системы:

$$\Gamma, \Gamma D, \Gamma D^2, \dots, \Gamma D^{\nu-1}.$$

Нетрудно убѣдиться кромѣ того, что дѣлитель Γ есть нормальный дѣлитель группы G , ибо если E есть одно изъ преобразованій группы Γ , то преобразование:

$$D^{-k} E D^k$$

дастъ множителя, равнаго единицѣ, и слѣдовательно, принадлежитъ группѣ Γ .

§ 12. Какъ примѣръ на соображенія предыдущаго §-а, рассмотримъ симметрическую группу P подстановокъ, которую можно трактовать, какъ мы видѣли въ § 4, какъ конечную группу линейныхъ преобразованій. Очевидно, что всякая симметрическая функція отъ переменныхъ есть не что иное, какъ абсолютный инвариантъ группы P . Такъ какъ симметрическая группа имѣетъ только одного нормальнаго дѣлителя, а именно знакопеременную группу, то долженъ существовать только одинъ относительный инвариантъ индекса 2, соответствующій знакопеременной группѣ. Множитель этого инварианта долженъ равняться -1 . Нетрудно видѣть, что самый общій видъ такого инварианта есть:

$$(x_1 - x_2)(x_1 - x_3) \dots (x_{n-1} - x_n) \cdot V,$$

гдѣ V симметрическая функція.

Мы видѣли уже, что всякая симметрическая функція выражается рационально черезъ конечное число простѣйшихъ. Такимъ образомъ, и *относительный инвариантъ индекса 2 выражается рационально черезъ конечное число инвариантовъ индекса 2.*

§ 13. Относительно инвариантовъ какой угодно конечной группы можно доказать, что, хотя *такихъ инвариантовъ безчисленное множество*, но что *всѣ они выражаются черезъ конечное число простѣйшихъ изъ числа ихъ* ¹⁾.

§ 14. Совершенно аналогично устанавливается понятіе о *ковариантѣ группы*. Рассмотримъ для нѣкоторой определенной формы:

$$F(x_1, x_2, \dots, x_n) = F(x)$$

такую новую форму:

$$C(x_1, x_2, \dots, x_n) = C(x),$$

коэффициенты которой выражаются рационально черезъ коэффициенты формы F . Произведемъ надъ обѣими формами F и C нѣкоторое линейное преобразование:

$$(y) = A(x).$$

Пусть $F'(y)$ будетъ новое выраженіе формы F . Тогда форму C мы будемъ называть ковариантомъ формы F , если она будетъ удовлетворять равенству:

$$C'(y) = a C(x),$$

¹⁾ Weber: Algebra; II. §§ 41, 42.

гдѣ коэффициенты $C'(y)$ такъ составлены изъ коэффициентовъ формы F' , какъ коэффициенты C изъ коэффициентовъ F . Конечно, коэффициенты формы F должны входить въ форму F' однороднымъ образомъ.

На основаніи соображеній относительно ковариантовъ произвольныхъ линейныхъ преобразованій, мы получимъ предложеніе: *всякій новый вариантъ инварианта группы G будетъ новымъ инвариантомъ той же группы.*

§ 15. Пояснимъ приведенную общую теорію инвариантовъ группы на примѣрѣ числа независимыхъ переменныхъ, равнаго двумъ.

Возьмемъ линейное преобразование:

$$y_1 = \alpha x_1 + \beta x_2$$

$$y_2 = \gamma x_1 + \delta x_2.$$

Если мы перейдемъ къ новымъ переменнымъ:

$$\frac{y_1}{y_2} = y, \quad \frac{x_1}{x_2} = x,$$

то получимъ дробное линейное преобразование:

$$y = \frac{\alpha x + \beta}{\gamma x + \delta}.$$

Пусть будетъ дана некоторая конечная группа такихъ дробныхъ преобразованій, а также пусть будетъ:

$$a, a_1, a_2, \dots, a_{\mu-1} \tag{1}$$

система сопряженныхъ полюсовъ нашей группы.

Разсмотримъ цѣлую функцію:

$$f(x) = (x - a)(x - a_1) \dots (x - a_{\mu-1}).$$

Эта функція будетъ обладать слѣдующимъ свойствомъ. Если мы обозначимъ:

$$\psi(x) = \frac{\alpha x + \beta}{\gamma x + \delta},$$

то корнями цѣлой функціи:

$$(\gamma x + \delta)^\mu f[\psi(x)] \tag{2}$$

будутъ числа:

$$\psi^{-1}(a), \psi^{-1}(a_1), \dots, \psi^{-1}(a_{\mu-1}). \tag{3}$$

Но на основаніи соображеній § 18 предыдущей главы, корни (3) представляютъ изъ себя тѣ же корни (1), только расположенные въ другомъ порядкѣ; слѣдовательно, функція (2) должна лишь отличаться постояннымъ множителемъ отъ функціи $f(x)$; другими словами, такая форма $\varphi(x_1, x_2)$ будетъ инвариантомъ группы.

Итакъ, мы видимъ, что каждой системѣ сопряженныхъ полюсовъ группы G соответствуетъ одинъ инвариантъ, степень котораго равна числу полюсовъ системы, а корнями его служатъ сами эти полюсы.

Если мы всеѣмъ системамъ сопряженныхъ полюсовъ составимъ соответственные инварианты, то получимъ систему, такъ называемыхъ, основныѣхъ формъ группы.

§ 16. Не трудно убѣдиться, что, если некоторый инвариантъ $F(x_1, x_2)$ имѣетъ общаго дѣлителя съ основной формой $\varphi(x_1, x_2)$, то онъ долженъ дѣлиться на всю эту форму $\varphi(x_1, x_2)$.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть уравненіе:

$$F(x, 1) = 0$$

имѣетъ общій корень съ уравненіемъ:

$$\varphi(x, 1) = 0.$$

Тогда, очевидно, что всеѣ корни уравненія:

$$\varphi = 0$$

должны быть корнями уравненія:

$$F = 0.$$

Въ самомъ дѣлѣ, двѣ функціи:

$$F(x, 1), \quad \varphi(x, 1)$$

имѣютъ тѣ же корни, ибо функція F есть инвариантъ. Слѣдовательно, если

$$F(a, 1) = 0,$$

то должно быть

$$F[\psi(a), 1] = 0,$$

или

$$F(a_1, 1).$$

Значитъ, a_1 есть также корень функціи F .

§ 17. Не трудно убедиться, что если инвариантъ F группы G имѣетъ степень ниже порядка группы, то онъ можетъ отличаться только постояннымъ множителемъ отъ произведенія степеней постоянныхъ формъ.

Для этой цѣли необходимо доказать, что если степень инварианта не превосходитъ порядка группы, то нулями такого инварианта могутъ быть только полюсы группы. Въ самомъ дѣлѣ, пусть $F(x_1, x_2)$ будетъ инвариантъ группы G и пусть ξ одинъ изъ корней уравненія:

$$F(x, 1) = 0,$$

Очевидно, что если ψ пробѣгаетъ всѣ элементы группы G , то всѣ величины $\psi(\xi)$ будутъ корнями того же уравненія. Если число корней меньше числа различныхъ преобразованій ψ , то при двухъ преобразованіяхъ ψ и χ долженъ получаться одинъ и тотъ же корень, т. е.

$$\psi(\xi) = \chi(\xi),$$

или

$$\xi = \psi^{-1}\chi(\xi),$$

т. е. ξ есть одинъ изъ полюсовъ группы.

Отсюда получается еще такое предложеніе: *Если степень инварианта $F(x_1, x_2)$ ниже порядка группы G , и этотъ инвариантъ не можетъ быть полученъ черезъ перемноженіе остальныхъ формъ, то онъ долженъ тождественно уничтожаться.*

§ 18. Примѣнимъ приведенныя нами соображенія къ вычисленію инвариантовъ группы икосаэдра.

Мы видѣли уже, что группа икосаэдра содержитъ одну систему двѣнадцати сопряженныхъ полюсовъ пятого порядка. При помощи преобразованія перемѣнныхъ помѣстимъ два изъ полюсовъ въ точки 0 и ∞ .

Тогда въ группу должно входить одно преобразование:

$$\psi = \varepsilon x,$$

гдѣ ε есть корень пятой степени изъ единицы.

Среди преобразованій группы должно существовать одно ω , при которомъ $\omega(0)$ даетъ второй взятый нами полюсъ ∞ . Это преобразование должно, очевидно, имѣть видъ:

$$\omega = \frac{\alpha x + \beta}{\gamma x + \delta},$$

гдѣ

$$\delta = 0,$$

т. е. мы имѣемъ

$$\omega = \alpha_1 + \frac{\beta_1}{x}. \quad (1)$$

Докажемъ, что должно быть

$$\omega(\infty) = 0.$$

Въ самомъ дѣлѣ, для $\omega(\infty)$ имѣемъ, очевидно, равенства:

$$0 = \psi(0) = \psi^2(0) = \psi^3(0) = \psi^4(0)$$

и

$$\infty = \psi(\infty) = \psi^2(\infty) = \psi^3(\infty) = \psi^4(\infty). \quad (2)$$

Такъ какъ

$$\omega(0) = \infty$$

есть полюсъ преобразованія ψ , то имѣемъ

$$\omega(0) = \psi\omega(0),$$

откуда

$$0 = \omega^{-1}\psi\omega(0).$$

Значить, преобразованіе $\omega^{-1}\psi\omega$ должно заключаться среди степеней преобразованія ψ . Тогда, на основаніи равенствъ (2), получаемъ

$$\infty = \omega^{-1}\psi\omega(\infty),$$

откуда

$$\omega(\infty) = \psi\omega(\infty),$$

т. е. $\omega(\infty)$ есть одинъ изъ полюсовъ преобразованія ψ ; слѣдовательно, $\omega(\infty)$ должно равняться одному изъ чиселъ 0 и ∞ . Но формула (1) показываетъ, что

$$\omega(\infty) = \alpha_1;$$

слѣдовательно, должно быть

$$\alpha_1 = 0.$$

Итакъ, кромѣ преобразованія:

$$\psi = \epsilon x$$

въ группу икосаэдра должно входить преобразованіе:

$$\omega = \frac{\beta}{x}.$$

Не трудно убедиться, что коэффициент β можно считать равным -1 , ибо можно сделать преобразование:

$$x_1 = i\sqrt{\beta} x.$$

Это преобразование оставит преобразование ψ без переменных, а в преобразовании ω заменить β на -1 .

Итак, можем предполагать в группе икосаэдра существование двух преобразований.

Если мы перейдем к двум однородным переменным x_1, x_2 , то первое преобразование будет соответствовать умножению на ϵ первой буквы x_1 , а второе преобразование напишется так

$$y_1 = -x_2,$$

$$y_2 = x_1.$$

Итак, составим инвариант двенадцатой степени, соответствующий пятикратным полюсам. Так как два из них суть

$$x_1 = 0, \quad x_2 = 0,$$

то этот инвариант $f(x_1, x_2)$ представится по формуле:

$$f(x_1, x_2) = x_1 x_2 (x_1^{10} + a_1 x_1^9 x_2 + \dots).$$

Так как эта функция не должна меняться от умножения x_1 на ϵ , то в нее должны входить только члены, в которых у x_1 показатель есть число, кратное 5-ти, и мы получаем

$$f(x_1, x_2) = x_1 x_2 (x_1^{10} + k x_1^5 x_2^5 + l x_2^{10}).$$

Так как эта функция может получать только постоянного множителя от перестановки букв x_1, x_2 с переменной знака у одной из них, то должно быть

$$l = -1.$$

Итак,

$$f(x_1, x_2) = x_1 x_2 (x_1^{10} + k x_1^5 x_2^5 - x_2^{10}). \quad (3)$$

Остается вычислить коэффициент k .

Так как у группы икосаэдра существуют три системы сопряженных полюсов: 1) из двенадцати полюсов, 2) из двадцати и 3) из тридцати, то у группы икосаэдра должны существовать три основных формы степеней: 12, 20, 30.

Съ указанной цѣлью рассмотримъ такую форму четвертой степени:

$$\frac{\partial^4 f}{\partial x_1^4} \xi_1^4 + 4 \frac{\partial^4 f}{\partial x_1^3 \partial x_2} \xi_1^3 \xi_2 + 6 \frac{\partial^4 f}{\partial x_1^2 \partial x_2^2} \xi_1^2 \xi_2^2 + 4 \frac{\partial^4 f}{\partial x_1 \partial x_2^3} \xi_1 \xi_2^3 + \frac{\partial^4 f}{\partial x_2^4} \xi_2^4.$$

Извѣстно, что для формы

$$a_0 \xi_1^4 + a_1 \xi_1^3 \xi_2 + a_2 \xi_1^2 \xi_2^2 + a_3 \xi_1 \xi_2^3 + a_4 \xi_2^4$$

четвертой степени существуетъ инвариантъ:

$$a_2^2 - 3a_1 a_3 + 12 a_0 a_4.$$

Подставляя сюда

$$a_0 = \frac{\partial^4 f}{\partial x_1^4}, \quad a_1 = \frac{\partial^4 f}{\partial x_1^3 \partial x_2},$$

получимъ *инвариантъ* заданной группы *двѣнадцатой степени*, всѣ коэффициенты котораго должны равняться нулю. Приравнивая нулю коэффициентъ при какомъ нибудь членѣ, напримѣръ при членѣ $x_1^8 x_2^8$, получимъ для опредѣленія k уравненіе, которое дастъ

$$k = \pm 11.$$

Мы можемъ взять знакъ плюсъ, ибо знакъ всего инварианта не играетъ роли. Итакъ, первый инвариантъ будетъ

$$f = x_1 x_2 (x_1^{10} + 11 x_1^5 x_2^5 - x_2^{10}).$$

Обращаемся теперь къ выводу инвариантовъ двадцатой и тридцатой степени. *Инвариантъ двадцатой степени* даетъ Гессевскій ковариантъ f .

Если мы обозначимъ

$$H = \frac{1}{121} \left[f''_{x_1^2} f''_{x_2^2} - f''_{x_1 x_2} f''_{x_1 x_2} \right],$$

то найдемъ

$$H = -(x_1^{20} + x_2^{20}) + 228 (x_1^{15} x_2^5 - x_2^{15} x_1^5) - 494 x_1^{10} x_2^{10}.$$

Инвариантъ тридцатой степени получится изъ функциональнаго опредѣлителя функций f и H , полагая

$$T = \frac{1}{20} \left[f'_{x_1} H'_{x_2} - f'_{x_2} H'_{x_1} \right],$$

откуда

$$T = x_1^{30} + x_2^{30} + 522 (x_1^{25} x_2^5 - x_1^5 x_2^{25}) - 10005 (x_1^{20} x_2^{10} + x_2^{20} x_1^{10}).$$

Между тремя основными формами существует алгебраическое соотношение. Полагая

$$\lambda = x_1^{10} - x_2^{10}$$

и

$$\mu = x_1^5 x_2^5,$$

получимъ

$$f^5 = \mu (\lambda + 11\mu)^5,$$

$$H = -\lambda^2 + 228 \lambda \mu - 496 \mu^2,$$

$$T = (\lambda^2 + 4\mu^2) (\lambda^2 + 522 \lambda \mu - 10004\mu^2)^2.$$

Непосредственная выкладка исключения λ , μ изъ трехъ послѣднихъ равенствъ даетъ формулу:

$$T^3 + H^3 = 1728f^5.$$

Полагая

$$\frac{H^3}{f^5} = z,$$

получимъ два уравненія:

$$H^3 - zf^5 = 0$$

и

$$T^3 - (1728 - z)f^5 = 0.$$

Непосредственная выкладка убѣждаетъ насъ, что эти два уравненія тождественны и даютъ уравненіе 60-й степени относительно $x = \frac{x_1}{x_2}$, коэффициенты котораго содержатъ въ первой степени величину z . Это уравненіе носитъ названіе *уравненія икосаэдра* и играетъ большую роль при рѣшеніи уравненій 5-й степени.

КОНЕЦЪ
теоріи группъ.

Общій указатель.

(Цифры означаютъ страницы).

А.

- Абелева группа 62.
Абсолютный инвариантъ группы линейныхъ преобразований 189.
Аналитическое выраженіе подстановки 133.

Б.

- Базисъ группы 94.
Безконечная группа 60.

В.

- Взаимно коммутативныя группы 74.
Всевозможныя комбинаціи элементовъ 72.
Второй инвариантъ группы 92.
Второй сопоставляемый элементъ 58.

Г.

- Гиперболическая линейная подстановка 151.
Группа линейныхъ преобразований общаго вида 182.
Группа линейныхъ преобразований 160.
Группа подстановокъ 24.

Д.

- Двойной пирамиды, группа вращеній 153, 172.
Дополнительная группа нормальнаго дѣлителя 67.
Дробная линейная группа 144.
Дѣлитель группы подстановокъ 26.
Дѣлитель группы 63.

Е.

- Единица группы линейныхъ преобразований, см. тождественное линейное преобразование.
Единица группы 61.

З.

- Зависимость между основными формами группы икосаэдра 198.
Знакопеременная группа подстановокъ 25.
Знаменатель подстановки 5.

И.

- Изоморфныя группы подстановокъ 50.
Изоморфныя группы 62.

Икосаэдра, группа 130, 153, 178, 194.

Идипривитивная группа подстановокъ 33.

Инвариантная подгруппа, см. нормальный дѣлитель группы подстановокъ.

Инвариантъ группы 94.

Инвариантъ группы линейныхъ преобразований 188.

Инвариантъ группы икосаэдра, двѣнадцатой степени 197.

Инвариантъ группы икосаэдра, двадцатой степени 197.

Инвариантъ группы икосаэдра, тридцатой степени 197.

Индексъ дѣлителя группы подстановокъ 29.

Индексъ дѣлителя группы 63.

Индексъ инварианта группы линейныхъ преобразований 189.

Индексъ линейной подстановки 137.

Интранзитивная группа подстановокъ 32.

К.

Ковариантъ группы линейныхъ преобразований 191.

Коммутативная группа, см. Абелева группа.

Коммутативныя подстановки 7.

Ковечная группа 59, 73.

Кратная группа 73.

Кратно изоморфная группа 70.

Кратный изоморфизмъ 70.

Круговая подстановка, см. циклъ.

Л.

Линейная группа 134.

Линейная подстановка 134.

Линейное преобразование комплексной величины z 154.

Линейное преобразование, соответствующее вращенію шара, 159.

Линейное преобразование, числа переменныхъ, взятаго по произволу, 181.

М.

Метациклическая группа 88.

Модулярная группа 150.

Н.

Неправильная подстановка 15.

Непрерывная группа 60.

Нормальный дѣлитель группы подстановокъ 50.

Нормальный дѣлитель группы 64.

Нормальный дѣлитель, наибольшій, группы 76.

О.

Обратныя подстановки, см. коммутативныя подстановки.

Обратные элементы 62.

Обратныя линейныя преобразования 185.

Обратныя подстановки 9.

Общая теорія группъ 58.

Общій наибольшій дѣлитель группъ подстановокъ 29.

Общій наибольшій дѣлитель группъ, см. пересѣченіе группъ.

Опредѣлитель линейнаго преобразования 160.

Опредѣлитель линейной дробной подстановки 148.

Опредѣлитель общаго линейнаго преобразования 183.

Октаэдра, группа 153, 177.

Относительный инвариантъ группы линейныхъ преобразований 189.

П.

- Параболическая** подстановка 151.
Первообразный элемент 64.
Первый инвариант группы 91.
Первый сопоставляемый элемент 58.
Пересѣченіе группъ 63.
Періодъ элемента 64 (см. также циклическая группа).
Перестановка 13.
Подгруппа подстановокъ, см. дѣлитель группы подстановокъ.
Подгруппа, см. дѣлитель группы.
Подобная подстановка 17.
Подстановка 5.
Полная линейная группа 139.
Полуметациклическая группа 143.
Полюсы преобразования 162.
Порядокъ группы подстановокъ 24.
Порядокъ группы 59.
Порядокъ подстановки 9.
Правильная подстановка 15.
Правильной пирамиды, группа вращеній 153, 171.
Преобразование группы подстановокъ черезъ подстановку 50.
Преобразование дѣлителя черезъ элементъ 64.
Преобразование подстановки черезъ подстановку 49.
Прерывная группа 60.
Примитивная группа подстановокъ 34.
Принадлежность показателю 64.
Произведение подстановокъ 6.
Простая группа подстановокъ 51.
Простая группа 76.

Р.

- Рядъ дѣлителей** группы 76.
Рядъ индексовъ группы 76.

С.

- Символическое произведение**, см. сопоставленіе элементовъ.
Симметрическая группа подстановокъ 24.
Система основныхъ формъ группы 193.
Система сопряженныхъ кратныхъ полюсовъ 168.
Системы импримитивности 33.
Системы интранзитивности 126.
Смѣшанная группа 60.
Сопоставленіе элементовъ 58.
Сопряженная группа, см. сопряженный дѣлитель группы.
Сопряженный дѣлитель группы подстановокъ 50.
Сопряженный дѣлитель группы 64.
Сопряженные системы подстановокъ 27.
Составленіе частей группы 65.
Составная группа подстановокъ 51.
Составная группа 76.

Т.

- Таблица** возможныхъ конечныхъ группъ линейныхъ преобразований 171.
Таблица закона составленія группы четвертаго порядка 87.
Тетраэдра, группа 153, 174.
Тождественная подстановка 6.
Тождественное линейное преобразование 185.
Транзитивная (m разъ) группа подстановокъ 32.
Транспонированное линейное преобразование 186.

У.

- Уравненіе** икосаэдра 198.

Ц.

Циклическая группа подстановокъ
25.

Циклическая группа 85, 135, 164.

Цикль 12.

Ч.

Числитель подстановки 5.

З.

Элементъ группы 58.

Эллиптическая линейная подста-
новка 151.

Указатель именъ.

(Цифры означаютъ страницы).

Bianchi , 150.	Jordan , 77, 83, 84, 85, 86, 106, 112, 128.
Bertrand , 39.	Kronecker , 143, 144.
Burnside , 130, 131.	Lagrange , 26, 30, 63, 132.
Cauchy , 32, 38, 39, 96.	Netto , 96.
Cayley , 159.	Ruffini , 38.
Cole , 130.	Serret , 39.
Fermat , 108.	Sylow , 96, 97, 98, 100, 104, 107, 110, 112, 121, 122, 123, 127, 128.
Frobenius , 113, 120, 127, 128, 131.	Чебышевъ , 39.
Gauss , 155.	Weber , 39, 191.
Hölder , 130.	

Указатель чертежей.

(Ц и ф р ы о з н а ч а ю т ь с т р а н и ц ы).

(1) Вращение шара	158.
(2) Вращение правильной пирамиды	172.
(3) Вращение двойной пирамиды	173.
(4) Тетраэдръ	175.
(5) Октаэдръ	178.
(6) Икосаэдръ	179.

О послѣдствіяхъ нарушенія функціи легкихъ.

Приватъ-доцента Э. А. Жебровскаго.

(Вступительная лекція, читанная 22 января 1908 года).

Организмъ представляетъ собою систему тѣсно связанныхъ, согласно дѣйствующихъ органовъ. Поэтому, при заболѣваніи легкихъ, какъ и при заболѣваніи каждаго изъ органовъ, наряду съ мѣстными явленіями наблюдаются и общія. Пока вредъ, причиненный органу, не особенно великъ, общія явленія носятъ регуляторный характеръ; съ развитіемъ процесса, когда поврежденія становятся все больше и больше, настаетъ моментъ, когда регуляторныхъ средствъ не хватаетъ,—начинаютъ выступать другія явленія болѣе тяжелыя—*явленія выпаденія функціи легкихъ*. Такимъ образомъ, для того, чтобы вполне уяснить себѣ картину развившагося заболѣванія легкихъ, необходимо основательное знакомство съ ихъ функціей.

Несмотря на кажущуюся общезвѣстность, функція легкихъ до сихъ поръ представляетъ много невыясненныхъ сторонъ.

Начнемъ съ главной функціи—*дыханія*.

Представляетъ ли собою процессъ поглощенія O_2 и выдѣленія CO_2 *диффузію или секрецію*? Иначе говоря, происходитъ ли при этомъ процессѣ простое просачиваніе газовъ изъ мѣста большаго напряженія въ мѣсто ихъ мѣньшаго напряженія черезъ проникаемую перепонку, отдѣляющую кровь отъ альвеолярнаго воздуха, или же—въ этомъ процессѣ принимаютъ дѣятельное участіе клѣтки перепонки—легочной эпителий, эндотелий капилляровъ? Вопросъ

до сихъ поръ представляется спорнымъ. Установившееся было мнѣніе, что газообмѣнъ—это простая диффузія, поколеблено изслѣдованіями *Bohr'a*, *Haldane'a*, *Smith'a*. Эти авторы, пользуясь различными методами, показали, что напряженіе O_2 въ капиллярахъ легкихъ бываетъ иногда выше, чѣмъ въ альвеолахъ. Очевидно, въ такихъ случаяхъ переходъ O_2 изъ альвеолъ въ кровь, т. е. въ сторону бѣльшаго напряженія этого газа, можетъ совершаться только при активномъ участіи легочного эпителия. На послѣднемъ конгрессѣ физиологовъ въ Гейдельбергѣ (13-16/VIII 1907) *Bohr* представилъ данныя, которыя указываютъ на такое же участіе клѣтокъ легочнаго эпителия и въ процессѣ выдѣленія CO_2 .

Что вообще отдѣленіе газовъ можетъ быть *продуктомъ специфической дѣятельности железа*, яркимъ примѣромъ служитъ *плавательный пузырь рыбъ*. Этотъ интересный органъ даетъ возможность рыбамъ держаться на любой глубинѣ. Пока рыба находится на поверхности воды, пузырь представляется умѣренно раздутымъ и, по изслѣдованіямъ *Viot'a*, содержитъ O_2 даже менѣе, чѣмъ атмосферный воздухъ. Стоитъ рыбѣ погрузиться глубже, увеличившееся давленіе воды сжимаетъ пузырь, объемъ рыбы становится меньше, а слѣдовательно удѣльный вѣсъ выше; въ этотъ моментъ равновѣсіе съ окружающей средой было бы нарушено, если бы не активная дѣятельность железистыхъ элементовъ пузыря, которые быстро раздуваютъ пузырь, накачивая его почти чистымъ O_2 . По изслѣдованіямъ *Bohr'a*, содержаніе O_2 въ пузырьѣ въ такіе моменты достигаетъ 80%. *Moreau* показалъ, что выработкой O_2 въ плавательномъ пузырьѣ рыбъ завѣдуетъ нервная система, а именно возбуждаетъ его къ дѣятельности блуждающій нервъ (*R. intestinalis p. vagi*), тормозитъ—симпатическій

Такимъ образомъ, существуютъ довольно вѣскія данныя, говорящія за то, что легкія—это *железа со специфической газоотдѣлительной дѣятельностью*. Я остановился на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ рѣшеніе его представляетъ собою не только теоретическій интересъ, но имѣетъ немаловажное значеніе и для патологій легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если легкія разсматривать какъ железу, а выстилающій альвеолы эпителий за специфическія отдѣлительныя клѣтки, то нарушать функцію легкихъ могутъ не только такіе грубые процессы, уменьшающіе ихъ дышащую поверхность, какъ закупорка бронха, воспалительные выпоты внутрь

альвеоль, сдавливаюція легкія скопленія жидкости или воздуха въ полости плевры, но здѣсь могутъ имѣть значеніе и тонкія измѣненія клѣтокъ легочнаго эпителія, вызываемыя инфекціонными заболѣваніями, болѣзнями обмѣна веществъ, почекъ. На эту мысль наводятъ иные случаи сильнѣйшей слабости и одышки, наблюдающіеся нерѣдко у выздоравливающихъ послѣ тяжелыхъ инфекціонныхъ заболѣваній при попыткѣ ихъ къ движенію. Случаи эти обыкновенно объясняются развившимся въ теченіе болѣзни малокровіемъ, слабостью сердечной мышцы; между тѣмъ нерѣдко самыя тщательныя поиски въ этомъ направленіи даютъ отрицательный результатъ. Быть можетъ, нѣкоторые изъ такихъ случаевъ слабости реконвалесцентоѣ, безъ объективныхъ данныхъ со стороны крови и сердца, и представляютъ собою случаи недостаточности легкиихъ на почвѣ измѣненій легочнаго эпителія, вызванныхъ тяжелымъ инфекціоннымъ процессомъ?

Вернемся къ дальнѣйшему обсужденію функцій легкиихъ. Кромѣ газообмѣна присуща ли легкимъ *другая функція* или нѣтъ? Мысль о существованіи другихъ сторонъ дѣятельности легкиихъ возникаетъ невольно, если вникнуть глубже въ суть процесса дыханія. Процессъ этотъ въ сущности состоитъ изъ двухъ рядомъ протекающихъ актовъ: отдѣленія поглощеннаго O_2 въ кровь, такъ сказать, внутренней секреціи железы и выдѣленія CO_2 наружу—экскреторнаго акта. Остановимся на первомъ изъ нихъ—на отдѣленіи поглощеннаго O_2 въ кровь. Разъ мы станемъ на точку зрѣнія, что легкое—железа, то процессъ поглощенія и отдѣленія O_2 въ кровь мы должны себѣ представить слѣдующимъ образомъ. Клѣтки захватываютъ осѣдающій на ихъ поверхность O_2 , фиксируютъ его въ своемъ веществѣ, образуя, по всей вѣроятности, какія-то нестойкія съ нимъ соединенія, а затѣмъ, по мѣрѣ надобности, отдѣляютъ его въ кровь. Такимъ образомъ, нужно допустить, что на протяженіи тонкой двуслойной перепонки, отдѣляющей альвеолярный воздухъ отъ крови, происходитъ *рядъ окислительныхъ и восстановительныхъ процессовъ*. Что это не одно только предположеніе, на это указываютъ опыты *Schmiedeberg'a* и *Ehrlich'a*. Въ опытахъ *Schmiedeberg'a* пропущенные черезъ свѣже вырѣзанное легкое бензойный алкоголь и салициловый альдегидъ окислялись до степени бензойной и салициловой кислотъ. Съ другой стороны, опыты *Ehrlich'a* съ ализариномъ указываютъ на существованіе въ легкиихъ энергичныхъ восстановительныхъ

процессовъ. Окисленный ализаринъ—краска голубого цвѣта, возстановленный—бѣлаго. Въ опытахъ Ehrlich'a, введенный голубьямъ при жизни голубой ализаринъ возстановлялся легкими до бѣлаго цвѣта неизмѣримо быстрѣе и энергичнѣе, чѣмъ какой-нибудь другой тканью.

Такая способность ткани легкихъ къ столь быстрому окисленію и возстановленію не могла не отражаться на составныхъ частяхъ протекающей черезъ легкія венозной крови. *Roger* первый въ 1897 году указалъ на особое *отношеніе легкихъ къ некоторымъ бактериальнымъ ядамъ и алкалоидамъ* (стрихнину, никотину и др.). Эти вещества *Roger* вводилъ однимъ животнымъ въ наружную яремную вену, другимъ — въ общую сонную артерію. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ вещества предварительно проходили черезъ легкія, во второмъ—попадали сразу же въ большой кругъ кровообращенія. По наблюденіямъ *Roger'a*, въ первомъ случаѣ, т. е. при предварительномъ проведеніи яда черезъ легкія, чтобы убить животное, нужно употребить значительно больше яда, чѣмъ при непосредственномъ введеніи того же яда въ аортальную систему. Этотъ фактъ, по мнѣнію *Roger'a*, указываетъ на то, что легкому присуща *защитная роль*, а именно *обезвреживаніе ядовъ венозной крови*. Выводы *Roger'a* были подтверждены *Boeri, Giuranna*, изъ русскихъ авторовъ — докторомъ *Канскимъ*, работавшимъ въ отдѣленіи Общей патологій Института Экспериментальной Медицины подъ руководствомъ Проф. *Лукьянова*. Въ опытахъ Канскаго съ никотиномъ, чтобы убить кролика черезъ сонную артерію требовалось 2,3 мггм яда, а черезъ яремную вену — 14,2 мггм, т. е. въ 6,4 раза больше. *Канскому* удалось и другимъ путемъ доказать защитную роль легкихъ. Вызывая воспаленія легкихъ путемъ перерѣзки блуждающаго нерва или впрыскиванія NH_3 въ ткань легкихъ, Канскій наблюдалъ довольно значительное ослабленіе обезвреживающей силы легкаго, причѣмъ это ослабленіе соотвѣтствовало размѣрамъ пораженія органа.

Несмотря на небольшое сравнительно число работъ о защитной роли легкихъ, *согласные результаты* авторовъ заставляютъ съ *интересомъ отнестись къ затронутому вопросу*. Если мы припомнимъ, что дышащая поверхность легкихъ у взрослого человѣка приблизительно равна 200 кв. метрамъ, что $\frac{3}{4}$ этой поверхности занято кровеносными сосудами, что вся эта масса крови (около 1 литра) смѣняется приблизительно каждая 6 секундъ, то легко себѣ пред-

ставимъ, какимъ быстро дѣйствующимъ обезвреживающимъ фильтромъ можетъ быть легкое. Защитная роль легкаго вполне вѣроятна. Естественно допустить, что кровь, поступающая въ лѣвое сердце, а слѣдовательно уже предназначенная для питанія тканей, должна быть не только насыщена O_2 , но и по возможности обезврежена въ лицѣ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ наиболѣе ядовитыхъ продуктовъ обмѣна. Если и дальнѣйшія изслѣдованія подтвердятъ предположеніе о защитной роли легкиихъ, то этотъ органъ явится такимъ же обезвреживающимъ фильтромъ для большого круга, какимъ является печень для системы воротной вены.

2-ая часть процесса газообмѣна—*это выдѣленіе CO_2 наружу*. А ригорі можно было ожидать, что наряду съ CO_2 легкія выдѣляютъ и другіе газообразные продукты обмѣна. Дѣйствительно, клиническія наблюденія указываютъ на выдѣленіе NH_3 при мочекаменіи, ацетона при сахарной комѣ. *Brown Séquard* и *d'Arsonval* изслѣдовали этотъ вопросъ экспериментально. Въ однихъ опытахъ они заставляли животныхъ вдыхать уже использованный, т. е. выдыхаемый другими животными воздухъ, освобожденный отъ CO_2 , въ другихъ—вводили животнымъ подъ кожу жидкость, полученную путемъ охлажденія и сгущенія выдыхаемаго воздуха. Наблюдающіяся при этомъ явленія отравленія они приписывали ядамъ, выдѣляемымъ легкими. Выводы *Brown-Séquard'a* и *d'Arsonval'a* оспариваются другими авторами (*Formanek, Dastre* и *Loye, Lipari, Crisafulli, Hoffmann*). такъ что вопросъ представляется пока не рѣшеннымъ.

Резюмируя все сказанное о функціи легкиихъ, мы видимъ, что существуютъ довольно вѣскія основанія смотрѣть на легкое какъ на железу, захватывающую и отдѣляющую въ кровь O_2 , выдѣляющую наружу CO_2 , а быть можетъ и другіе летучіе продукты обмѣна. Весьма вѣроятно, что легкое въ то же время является обезвреживающимъ фильтромъ для большого круга.

Какія же послѣдствія для организма должно вызвать нарушеніе этихъ функцій легкаго? За разрѣшеніемъ этого вопроса обратимся къ даннымъ эксперимента и клиническаго наблюденія.

Начнемъ съ *экспериментальныхъ данныхъ*.

Опыты по этому вопросу можно подраздѣлить на 2 группы: въ опытахъ 1-ой группы изслѣдовалось нарушеніе только одной функціи легкиихъ—газообмѣна. Чтобы его нарушить, авторы шли 2 путями: 1) или ограничивали доступъ воздуха въ легкія, суживая трахею.

впрыскивая индифферентныя, трудно расщепляющіяся жидкости (напр. прованское масло) въ полость плевры, вызывая искусственно (впрыскиваніями NH_3 , Ag NO_3) воспалительные процессы въ легкомъ, сдавливая грудную клѣтку гипсовыми повязками; или 2) шли окольнымъ путемъ, измѣняя различнымъ образомъ составъ вдыхаемаго воздуха.

Изъ перечисленныхъ опытовъ—*острые* не представляютъ большаго интереса для клиницистовъ: внезапное прекращеніе доступа O_2 въ клиникѣ наблюдается въ такихъ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, какъ весьма обильныя внутреннія кровоизліянія въ ткань легкихъ, западеніе дыхательнаго горла или трахеи, разрушенныя язвеннымъ процессомъ и. т. п. Какъ извѣстно, въ такихъ случаяхъ вслѣдъ за бурнымъ періодомъ раздраженія центровъ продолговатаго мозга накапливающейся CO_2 наступаетъ стадія полнѣйшей депрессіи, оканчивающаяся смертью.

Насъ интересуютъ главнымъ образомъ хроническіе опыты, гдѣ животныя испытывали недостатокъ O_2 *больше продолжительное время*. Какъ въ такихъ условіяхъ протекають различные процессы клѣточной жизни? Нѣкоторый свѣтъ на эту вообще темную область бросаютъ изслѣдованія *газообмѣна* у животныя, испытывающихъ недостатокъ O_2 . Оказывается, что организмъ въ такихъ случаяхъ поступаетъ двоякимъ образомъ: онъ или 1) восполняетъ недостатокъ O_2 изъ своихъ внутреннихъ запасовъ, пользуясь такъ называемымъ внутритканевымъ O_2 , или же начинаетъ расходовать его бережно, выводя часть продуктовъ обмѣна недоокисленными. Путь изслѣдованія, которымъ пришли къ такому выводу слѣдующій. У опытныхъ животныя опредѣлялся дыхательный коэффициентъ $\left(\frac{\text{CO}_2}{\text{O}_2}\right)$, который въ нормѣ при смѣшанной пищѣ равенъ 0,8—0,9: у однихъ животныя—главнымъ образомъ тамъ, гдѣ доступъ O_2 былъ особенно затрудненъ, — $\frac{\text{CO}_2}{\text{O}_2}$ оказался значительно > 1 вслѣдствіе того, что CO_2 выдѣлялось значительно больше, чѣмъ было поглощено O_2 ; очевидно, избыточная CO_2 могла окислиться только насчетъ внутри тканеваго O_2 . Въ другихъ случаяхъ, $\frac{\text{CO}_2}{\text{O}_2}$ оказался значительно меньше нормы (0,46 вмѣсто 0,8 у Loevy, Gréhan, Quinquaud) вслѣдствіе уменьшенія выдѣленія CO_2 . Такъ какъ одновременно значительно воз-

росло количество C_2 въ мочѣ, то авторы (Loevy) заключаютъ, что уменьшеніе выдѣленія CO_2 зависитъ не отъ задержки ея въ организмѣ, а отъ того, что значительная часть C_2 осталась недоокисленной и въ такомъ видѣ выведена изъ организма другимъ путемъ -- почками.

Прибѣгаетъ ли организмъ въ каждомъ случаѣ недостатка O_2 къ обоимъ способамъ поддержанія его баланса, или же въ отдѣльныхъ случаяхъ, смотря по условіямъ, придерживается преимущественно одного образа дѣйствія, отвѣта на это пока что опытыя данныя не даютъ. Во всякомъ случаѣ, интересный для патологіи фактъ появленія въ организмѣ при недостаткѣ O_2 ядовитыхъ недоокисленныхъ соединеній C_2 подтвержденъ многими авторами. Такъ въ крови была находима въ значительномъ количествѣ молочная кислота, что, какъ показали изслѣдованія *Araki, Fodera, Rayon'a*, сильно понижало щелочность послѣдней. Въ мочѣ животныхъ, подвергнутыхъ кислородному голоданію, кромѣ молочной кислоты оказались большія количества щавелевой кислоты (*Ajello, Reale* и *Boeri*), ацетонъ (*Boeri* и *Reale*), гликуроновая кислота, а при высшихъ степеняхъ недостатка O_2 и сахаръ (*Araki, Zillesen, Irisawa*).

Интересны данныя выдѣленія сѣры мочей при недостаткѣ O_2 . Какъ извѣстно, S_2 , подобно N_2 , — продуктъ обмѣна бѣлковъ, частица которыхъ среди другихъ группъ содержитъ и группы съ S_2 . При нормѣ, S_2 большей своей частью выдѣляется въ видѣ окисленной S_2 и только около 15—25% ея выдѣляются неокисленными въ видѣ такъ называемый нейтральной S_2 . При недостаткѣ O_2 , по изслѣдованіямъ *Reale, Harnack'a* и *Kleine* почти вся S_2 выдѣляется въ видѣ нейтральной, что по *Salkowsk'ому* и *Benedict'у* указываетъ на уклоненіе въ обмѣнѣ веществъ — на недостаточное окисленіе бѣлковъ.

Такое запруженіе организма недоокисленными продуктами C_2 ведетъ къ дальнѣйшимъ разстройствомъ клѣточной жизни. Какъ показали изслѣдованія N_2 — обмѣна у собакъ, подвергнутыхъ O_2 — ному голоданію (*Fraenkel, Geppert*) въ такихъ случаяхъ происходитъ усиленный распадъ тканеваго бѣлка, въ которомъ одни изъ авторовъ (*Fraenkel*) видятъ прямое слѣдствіе недостатка O_2 , другіе же — явленіе вторичное, вызванное вреднымъ вліяніемъ недоокисленныхъ продуктовъ C_2 на жизнь клѣтки.

Наряду съ опытами затрудненія доставки O_2 у животныхъ слѣдуетъ поставить наблюденія надъ воздухоплавателями и особенно

надъ жителями равнинъ, быстро переселившимися въ горы на высоту свыше 3000—4000 метровъ. Пониженіе парціального давленія O_2 на такихъ высотахъ ставитъ людей въ условія почти чистаго эксперимента—недостатка O_2 . У такихъ лицъ появляется рядъ тягостныхъ припадковъ: изнеможеніе, сонливость, головная боль, рвота, учащеніе пульса и дыханія, тягостное ощущеніе недостатка воздуха, выражающееся чувствомъ стѣсненія въ груди,—словомъ симптомокомплексъ, носящій названіе *горной болѣзни*. Вопреки предположеніямъ *Mosso*, который думалъ, что эти симптомы вызваны исчезаніемъ CO_2 изъ крови (Акарпіе) вслѣдствіе пониженнаго атмосфернаго давленія, *Loevey* доказалъ, что главная причина горной болѣзни—недостатокъ O_2 . Въ мочѣ заболѣвшихъ этой болѣзью были найдены промежуточные, т. е. недоокисленные продукты обмѣна (*Loevey*), въ которыхъ нѣкоторые изъ авторовъ съ полнымъ основаніемъ видятъ причину большей части тягостныхъ симптомовъ горной болѣзни. При *постепенномъ* переселеніи въ горы симптомы горной болѣзни отсутствуютъ, такъ какъ успѣваютъ развиваться компенсаторныя приспособленія организма, изъ которыхъ наиболѣе интереснымъ для патологіи является увеличеніе красныхъ кровяныхъ шариковъ (*Polycythaemia*).

2-я группа опытовъ нарушенія функціи легкихъ представляетъ для насъ особую цѣнность, такъ какъ по результатамъ ихъ мы могли бы судить о послѣдствіяхъ нарушенія всѣхъ функціи этого органа. Это опыты съ *вырѣзываніемъ легкихъ*. Къ сожалѣнію, опыты эти предпринимались большею частью со специальной, чисто практической цѣлью—для разрѣшенія вопроса о выживаніи послѣ такой тяжелой операціи, причемъ авторами слишкомъ мало удѣлялось вниманія тому, какъ протекаютъ процессы въ организмѣ животныхъ послѣ удаленія легкаго. А между тѣмъ, какъ показываютъ результаты еще не опубликованныхъ опытовъ приватъ-доцента Ал. Гр. Радзіевскаго, произведенныхъ въ лабораторіи Проф. Влад. Карл. *Линдемана*, удаленіе одного легкаго вызываетъ явленія, заставляющія предполагать отравленіе какими-то ядами. Животныя сильно худѣли, теряя около 25% первоначальнаго вѣса, а часть спустя нѣкоторое время послѣ операціи гибла моментально, причемъ на вскрытіи отсутствовали видимыя патолого-анатомическія измѣненія, которыя бы объясняли причину внезапной смерти.

Если мы подведемъ итоги экспериментальнымъ даннымъ и сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что знаемъ о функціи легкихъ, то мы

находимъ полное соотвѣтствіе между ними. Доставка O_2 , выдѣленіе CO_2 и другихъ продуктовъ обмѣна, обезвреживаніе ядовъ венозной крови—все это функціи, нарушеніе которыхъ должно вести непременно къ отравленію организма. И дѣйствительно, результаты опытовъ нарушенія функціи легкихъ даютъ повсюду, правда, не всегда ясныя, но зато неизмѣнно одинаковаго характера указанія на то, что нарушеніе функціи легкихъ ведетъ къ отравленію организма частью недоокисленными продуктами обмѣна, частью продуктами вторичнаго распада бѣлковъ, вызваннаго глубокимъ разстройствомъ жизни клѣтокъ.

Находимъ ли подтвержденіе экспериментальныхъ данныхъ *въ клиникѣ*? Наблюденія въ этомъ направленіи до сихъ поръ крайне скудны: скорѣе предположенія, чѣмъ факты.

Наибольшій интересъ представлялъ вопросъ о газообмѣнѣ у нелихорадящихъ больныхъ. Вопреки ожиданіямъ, газообмѣнъ даже у больныхъ со значительнымъ разрушеніемъ легкихъ оказался у большинства изслѣдователей близкимъ къ нормѣ. Этотъ странный фактъ, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что газообмѣнъ изслѣдовался на больныхъ, *находящихся въ покоѣ*. Между тѣмъ, покой и движеніе—это два совершенно различныя состоянія организма. При движеніи—размахъ жизни значительно шире: по изслѣдованіямъ *Zuntz'a*, человекъ при движеніи потребляетъ въ 7 до 10 разъ больше O_2 , чѣмъ при покоѣ. Эти большія количества O_2 ему необходимы для успѣшнаго и быстрого выполненія усиленныхъ процессовъ разрушенія и созиданія, которые происходятъ въ работающемъ организмѣ. Такъ какъ нормой жизни является не непрерывный покой, а правильная смѣна покоя и движенія, то судить о томъ, удовлетворяетъ ли функція заболѣвшаго органа запросамъ организма, можно только на основаніи изслѣдованія этой функціи и во время движенія. На правильность этого соображенія указываютъ результаты изслѣдованія газообмѣна у сердечныхъ больныхъ. По даннымъ *Kraus'a*, въ состояніи покоя у этихъ больныхъ дыхательный коэффициентъ большею частью близокъ къ нормѣ, при физической же работѣ онъ оказался значительно больше 1, что, какъ мы видѣли, указываетъ на потребленіе внутритканевого O_2 , т. е. на явленіе, которое уже сопряжено со значительнымъ разстройствомъ клѣточной жизни.

Что легочные больные находятся только въ условномъ кислородномъ равновѣсіи, за это говоритъ фактъ находенія въ мочѣ у такихъ больныхъ промежуточныхъ продуктовъ обмѣна; такъ, при

пневмоніи отмѣчено увеличеніе количества нейтральной S_2 , что какъ я упомянулъ выше, указываетъ на пониженіе процесса окисленія въ организмѣ, Далѣе на это указываетъ и слѣдующій общеизвѣстный клинический фактъ. У такихъ больныхъ при попыткахъ работать весьма быстро появляется утомленіе. Какъ мы знаемъ, чувство усталости вызывается, по однимъ авторамъ, накопленіемъ въ крови молочной кислоты, по другимъ—особыми токсинами (Weischerdt), т. е. во всякомъ случаѣ какими-то ядовитыми, по всей вѣроятности, недоокисленными продуктами обмѣна. Въ здоровомъ организмѣ, благодаря правильному снабженію организма O_2 , утомленіе—сигналъ къ отдыху является только послѣ усиленной и продолжительной работы. Слишкомъ раннее появленіе его у больныхъ легкими можетъ указывать на нарушеніе газообмѣна.

Изъ другихъ явленій общаго характера у хроническихъ легочныхъ больныхъ, специально у больныхъ бугорчаткой, заслуживаетъ еще упоминанія *прогрессирующее исхуданіе*. Изслѣдованіе обмѣна у такихъ больныхъ показало усиленное выведеніе N_2 и P_2 вслѣдствіе распада тканеваго бѣлка (Mickoli i Soleri, Mitulescu). Зависитъ ли такой распадъ тканей *всцѣло* отъ дѣйствія бугорчатыхъ токсиновъ, какъ это вообще принято думать, или это можетъ быть отчасти обусловлено и тѣми вредными продуктами, которые скопляются въ тѣлѣ при выпаденіи функціи легкихъ, надъ этимъ вопросомъ стоитъ призадуматься особенно, если припомнить то быстро прогрессирующее исхуданіе, которое отмѣчаетъ Д-ръ Радзівевскій у своихъ животныхъ съ вырѣзаннымъ легкимъ.

Вотъ и все, что по данному вопросу мы можемъ въ настоящее время использовать изъ клиническихъ наблюденій. Матеріаль, какъ видите, очень скуденъ. Несомнѣнно, эта скудость—результатъ *односторонности современнаго изученія* болѣзней легкихъ. Въ то время, какъ при заболѣваніи другихъ органовъ, сердца, желудка, почекъ много вниманія обращается на нарушенную функцію органа, при болѣзняхъ легкихъ эта сторона процесса до сихъ поръ ни въ руководствахъ, ни въ клиникахъ достаточно не отмѣняется. Въ острыхъ инфекціонныхъ заболѣваніяхъ легкихъ всѣ явленія общаго характера объясняются исключительно дѣйствіемъ бактерійныхъ токсиновъ, въ хроническихъ, неинфекціонныхъ, какъ напр.: эмфизема—ослабленіемъ сердечной дѣятельности. Недостатокъ вниманія къ нарушенной функціи органа отразился и на современныхъ методахъ

изслѣдованія легкихъ: почти совершенно заброшены такіе, дающіе хоть нѣкоторое представленіе о функціональной способности легкихъ методы, какъ опредѣленіе жизненной емкости легкихъ, силы вдоха и выдоха. Слишкомъ мало обращается вниманія на число и типъ дыханія; изслѣдованіе мокроты, разсматриваніе которой въ неокрашенномъ видѣ могло бы въ иныхъ случаяхъ дать такія же указанія о состояніи клѣточныхъ элементовъ въ воздухоносныхъ путяхъ, какія даетъ намъ мочевой осадокъ о почечныхъ, почти повсемѣстно сводится къ отыскиванію бактерій на окрашенныхъ препаратахъ, гдѣ форменные элементы представляются уже совершенно изуродованными. Всѣ эти соображенія и заставили меня начать курсъ болѣзней легкихъ съ вопроса о послѣдствіяхъ нарушенія функцій этого органа. Важна была идея, которая дастъ намъ возможность болѣе сознательно относиться къ картинамъ заболѣваній легкихъ.

ИСТОЧНИКИ:

1. *Charrin*. Les poisons de l'organisme. Paris.
 2. *Hellin*. Die Folgen von Lungenextirpation Arch. f. exp. Path. u. Pharm. Bd. 55, стр. 21.
 3. *Канскій* Къ ученію о защитномъ значеніи легкихъ. Диссертація. С.-Петербургъ. 1902.
 4. *Kijewski*. O wycinaniu płuc. Warszawa 1903.
 5. *Krehl*. Pathologische Physiologie. Leipzig 1906.
 6. *Loevy*. Ueber die Beziehung der Akapnie zur Bergkrankheit. Arch. f. Anatomie u. Physiologie. Phys. Abt. 1898. Стр. 409.
 7. *Luciani*. Physiologie des Menschen. Bd. I. Iena 1905.
 8. *Nagel*. Handbuch der Physiologie des Menschen. Bd. I. Braunschweig 1905—06.
 9. *Noorden*. Handbuch der Pathologie des Stoffwechsels. Bd. I. Berlin 1906.
 10. *Вилланенъ*. О происхожденіи и значеніи нейтральной сѣры мочи. Русскій Врачъ 1907. Стр. 8.
-

Механизмъ мочеотдѣленія.

Рѣчь, читанная въ годичномъ засѣданіи Физико-Медицинскаго Общества 15
Мая 1908 г.

Милостивые Государыни и Государяи.

Какъ мнѣ самому, такъ и работающимъ въ моихъ лабораторіяхъ врачамъ, не разъ уже приходилось посягать на ваше вниманіе и посвящать не мало времени обсужденію мелкихъ и повидимому не особенно интересныхъ деталей физиологіи и патологіи почки. Дѣйствительно, съ самаго начала моей дѣятельности въ Кіевскомъ Университетѣ почти всѣ силы двухъ, находящихся въ моемъ завѣдованіи, лабораторій были использованы для выясненія цѣлаго ряда вопросовъ, связанныхъ съ теоріею мочеотдѣленія, безъ установленія которой немыслима дальнѣйшая разработка патологіи почки, въ свою очередь представляющая выдающийся практическій интересъ. Вѣдь ни для кого не тайна, что рациональнаго леченія нефритовъ въ настоящее время не существуетъ. А между тѣмъ нефриты одно изъ самыхъ частыхъ заболѣваній и кому изъ васъ не извѣстно, что при скарлатинѣ, на примѣръ, послѣдующій нефритъ гораздо опаснѣе самой скарлатины.

Поэтому то я и беру на себя смѣлость снова выступить съ излюбленной темой и на этотъ разъ обратить ваше вниманіе уже не на мелкія детали, а на общую картину процесса мочеотдѣленія.

Можемъ ли мы составить о немъ ясное представленіе. Составляетъ ли онъ неразрѣшимую загадку, изъ которой единственнымъ выходомъ является реабилитація когда то всемогущей мистической

жизненной силы, или же мы теперь уже въ состояніи свести его къ такимъ явленіямъ, которыя вполне понятны намъ съ физикохимической точки зрѣнія или не представляютъ чего либо исключительнаго, но оказывается общимъ свойствомъ всякой живой клѣтки—какъ явленія синтетическаго обмѣна, ведущаго къ образованію метаплазмы или явленія сократительности.

Мнѣ кажется, что матеріалъ, собранный въ настоящее время, болѣе чѣмъ достаточенъ для того, чтобы выполнить поставленную нами задачу. Вотъ уже десятки лѣтъ физиологическая литература наводняется разработкой различныхъ деталей процесса мочеотдѣленія и попытка сколько нибудь подробнаго очерка литературы повела бы къ тому, что намъ не хватило бы времени даже на перечисленіе именъ авторовъ. Къ счастью, благодаря дѣятельной помощи моихъ сотрудниковъ, я имѣю возможность говорить о большинствѣ этихъ деталей на основаніе личнаго опыта, а поэтому заранѣе предупреждаю, что никомъ образомъ не претендую на всеобъемлющее изложеніе литературы вопроса въ этой краткой рѣчи.

Для нашей цѣли будетъ достаточно, если мы намѣтимъ въ главныхъ чертахъ основные пути, по которымъ шло развитіе ученія о механизмѣ мочеотдѣленія, и укажемъ затѣмъ тѣ требованія, которыя мы вправѣ предъявить къ теоріи этого механизма. Два основные пути, по которымъ шла разработка вопроса, были намѣчены почти одновременно Боуэномъ въ 1842 и Людвигомъ въ 1841 году. Для одного почка являлась настоящей железой и процессъ мочеотдѣленія сводился къ секретіи, для другого она являлась особеннаго рода органомъ, построеннымъ по типу фильтра. Последняя точка зрѣнія энергически защищалась ея партизанами и приблизительно черезъ двадцать пять лѣтъ, благодаря изслѣдованіямъ учениковъ Людвига: М. Германа, Заварыкина, Устимовича и многихъ другихъ, его механистическая гипотеза, болѣе соответствующая тогдашнимъ взглядамъ на организмъ, казалось получила окончательное право гражданства. Но появились работы Гейденгайна и снова воскресили позабытую было теорію Боуэна и сильно пошатнули вѣру въ теорію Людвига.

Дальнѣйшіе годы, вплоть до нашего времени, вся литература о мочеотдѣленіи сводится на защиту то той, то другой теоріи, на попытки поддержать при помощи дополнительныхъ гипотезъ то ту, то другую точку зрѣнія. Слабымъ пунктомъ теоріи Людвига являлась

необходимость допущенія всасыванія въ мочевыхъ канальцахъ невѣроятно громадныхъ количествъ воды, всасыванія необъяснимаго никакими осмотическими соотношеніями, серьезнымъ недостаткомъ теоріи Гейденгайна мистическій характеръ активной секреціи эпителія. Эти особенности обѣихъ теорій повели къ тому, что первоначальная ихъ форма мало по малу подверглась значительнымъ измѣненіямъ. На мѣсто осмотическихъ соотношеній школы Людвиг партизанами фильтраціонной теоріи было поставлено активное всасываніе, причемъ авторы этой гипотезы допускали не только всасываніе воды, но даже и выдѣленныхъ уже въ просвѣтъ канальца плотныхъ субстанцій. Таковы напримѣръ гипотезы Собьеранскаго, Леви и другихъ. Такой механизмъ функціональной дѣятельности свелъ бы работу почки къ работѣ Данандъ, не говоря уже о томъ, что активная всасывательная способность не менѣе загадочна чѣмъ активная секреція. Другіе авторы, во главѣ съ Кораньи, цытались замѣнить осмотическій обмѣнъ особаго рода замѣщеніемъ молекулъ хлористаго натра другими молекулами, причемъ это замѣщеніе должно было идти рука объ руку съ обратнымъ поступленіемъ въ кровь большей части воды. Эта попытка объясненія и, прежде всего, положенный въ ея основу точный кріоскопическій методъ одно время пользовались шумнымъ успѣхомъ, но уже вскорѣ клиническое значеніе кріоскопін мало по малу утратило свое обаяніе, а самая теорія, состоящая въ сущности изъ ряда остроумныхъ, но совершенно недоказанныхъ предположеній, раздѣлила судьбу своихъ предшественницъ.

Итакъ, въ настоящее время, мы находимся какъ бы на перепутьи. Новыхъ теорій, объясняющихъ весь механизмъ мочеотдѣленія не существуетъ и еще въ послѣднемъ крупномъ обзорѣ современнаго состоянія ученія о физиологій почки, появившемся въ 1908 году (*Erg. d. Phys.* VI) мы снова встрѣчаемся съ дилеммой правоты теоріи Людвиг или же Гейденгайна.

Соотвѣтствуетъ ли однако какая либо изъ этихъ теорій современнымъ фактическимъ знаніямъ? Доказано ли существованіе всасыванія въ почечномъ лабиринтѣ, безусловно необходимое для признанія вѣроятности толкованія Людвиг и допускаемое между прочимъ по аналогіи и другими железами и Гейденгайномъ? Доказано ли существованіе фильтраціи въ гломерулахъ или вообще способность ихъ функціонировать независимо отъ канальцевъ? Въ состояніи ли та или другая теорія объяснить особенности сложнаго строенія почки,

разницу въ составѣ мочи различныхъ животныхъ, имѣющихъ органы устроенные нѣсколько отлично отъ общей схемы, дѣйствіе различныхъ мочегонныхъ средствъ, измѣненія состава мочи при различныхъ патологическихъ состояніяхъ, выдѣленіе бесконечно большого количества бесконечно разнообразныхъ инородныхъ веществъ и коллоидовъ и кристаллоидовъ. Можемъ ли мы связать въ одно цѣлое механизмъ функціи выдѣлительныхъ органовъ различныхъ животныхъ, родственныхъ филогенетически, основываясь на этихъ теоріяхъ?

Отвѣтъ на эти вопросы приходится дать безусловно отрицательный.

Прямыхъ доказательствъ всасыванія не существуетъ. Косвенныя доказательства вродѣ опыта Рибберта съ экстирпаціей медуллярной субстанции, или пониженія уровня жидкости въ сосудѣ, соединенномъ съ мочеточникомъ, послѣ многочасоваго опыта, допускаютъ и другое объясненіе, о чемъ я въ свое время уже и говорилъ. Съ другой стороны мнѣ съ моими сотрудниками посчастливилось найти прямыя доказательства отсутствія всасыванія. Лично я еще въ 1904 году показалъ, что живую почку инъецировать черезъ мочеточникъ на всемъ протяженіи не удастся и что, слѣдовательно, жидкость, выполняющая канальцы, обратно въ живыя ткани вогнана быть не можетъ.

Др. С. Гогитидзе, въ свою очередь, далъ цѣлый рядъ убѣдительныхъ доказательствъ, что составъ мочи независимъ отъ величины противодавленія, а это также несовмѣстимо съ интенсивнымъ всасываніемъ и осмотическимъ обмѣномъ въ канальцахъ. Др. Шепель, въ своей еще неполнѣ законченной работѣ, показалъ, что венозная гиперемія почки, ведущая къ значительному ея отеку и, слѣдовательно, рѣзко затрудняющая всасываніе, влечетъ за собой не разжиженіе, а сгущеніе мочи при уменьшеніи количества послѣдней. Въ силу этого мы можемъ съ увѣренностью сказать, что при здоровомъ, не поврежденномъ эпителии никакого всасыванія въ почкѣ не существуетъ, а слѣдовательно оно и не можетъ играть роли въ процессѣ мочеотдѣленія.

Что касается затѣмъ до фильтраціи, то, оставляя въ сторонѣ весьма доказательныя теоретическія разсужденія Таммана и важныя опыты Рушгаупта, исключаяющіе всякую возможность фильтраціи черезъ полунепроницаемыя перепонки въ организмѣ,—а допущеніе полунепроницаемости необходимо для полученія безбѣлковаго филь-

трата—я напомню вамъ общезвѣстный фактъ возможности выдѣленія мочи съ депрессіей нисшей депрессіи крови. Не надо быть знатокомъ молекулярной физики, чтобы понять, что такое явленіе простой фильтраціей объяснить невозможно. Кромъ того, если бы фильтрація существовала, то выпаденіе функціи извитыхъ канальцевъ—будемъ ли мы приписывать имъ вмѣстѣ съ послѣдователями Лудвига роль всасывающаго аппарата, или же секреторную роль въ смыслѣ выдѣленія плотныхъ составныхъ частей вмѣстѣ съ Гейденгайномъ—неминуемо повело бы или къ выдѣленію жидкой мочи или къ паденію концентраціи при сохраненіи той же величины діуреза. Но, начиная съ опытовъ Нуссбаумма съ перевязкой *V. porta genalis* у лягушки, классическихъ опытовъ съ перевязкой почечной артерій, которая должна бы по аналогіи съ другими временными анеміями повести къ усиленію фильтраціи и кончая опытами съ хромовымъ нефритомъ и гидронефрозомъ, сдѣлавшихся излюбленнымъ методомъ въ моей лабораторіи, никогда никому не удалось видѣть что либо подобное. Всякое поврежденіе канальцевъ неминуемо ведетъ къ ануриіи и также дѣйствуетъ и поврежденіе гломерула, дѣлающее ихъ повидному болѣе проходимыми, такъ какъ они начинаютъ пропускать бѣлокъ. Можно даже сказать, что чѣмъ сильнѣе альбуминурія, тѣмъ значительнѣе и разстройство мочеотдѣленія, тѣмъ рѣзче анурія. Наконецъ, если бы даже возможно было допустить, что гломерула можетъ служить фильтраціоннымъ аппаратомъ, то все-таки работа, потраченная на преодоленіе сопротивленія фильтра и кромъ того капиллярнаго сопротивленія длиннаго мочевого канальца, представляется настолько значительной, что величина давленія въ мочеточникѣ должна бы быть ничтожной въ сравненіи съ высотой кровянаго давленія въ сосудахъ гломерула. Между тѣмъ извѣстные опыты Готлиба и Магнуса и въ еще большей степени, произведенные подъ моимъ руководствомъ, изслѣдованія М. Обнискаго даютъ неопровержимыя доказательства, что при извѣстныхъ условіяхъ давленіе въ мочеточникѣ можетъ быть даже выше одновременнаго кровянаго давленія. О какой же фильтраціи можетъ идти тогда рѣчь?

Что касается затѣмъ до строенія почки, то сразу бросается въ глаза что сложность его совершенно непонятна ни съ точки зрѣнія Лудвига и даже съ точки зрѣнія Гейденгайна. И для той и для другой теоріи было бы вполне достаточно той схемы, которую оставилъ намъ Боуманъ, ни та ни другая не касаются даже вопроса зачѣмъ

существуютъ различные отдѣлы лабиринта почки, почему они расположены въ строго опредѣленномъ порядкѣ, почему наконецъ они различны у различныхъ животныхъ. Даже значеніе Генлевскихъ петель, извѣстныхъ съ 1839 года, остается при этомъ совершенно темнымъ. Неразрѣшимую загадку представить при допущеніи теоріи Людвига и выдѣленіе нѣкоторыхъ инородныхъ веществъ въ особенности коллоидовъ. Такъ мы знаемъ съ одной стороны изъ работы моего сотрудника др. Гаврилова, что вполне здоровая почка отлично выдѣляетъ введенную въ кровь желатину, равно какъ и многія другія бѣлковыя тѣла, и въ то же время, съ другой стороны, имѣемъ данныя Москатти, показавшаго, что при подкожномъ и даже при интравенозномъ введеніи крахмала въ видѣ клейстера, послѣдній въ мочу не переходитъ. Уже это одно исключаетъ возможность допущенія фильтраціи.

Я не буду уже говорить о томъ, что фильтраціонная теорія неприложима къ выдѣлительнымъ аппаратамъ иного строенія—къ протонефридіямъ плоскихъ червей и немертинъ, нефридіямъ аннелидъ, Мальпигіевымъ трубочкамъ насѣкомыхъ. Железистая функція этихъ органовъ очевидна.

На основаніи всего вышесказаннаго мы имѣемъ полное право признать теорію Людвига окончательно опровергнутой, но и теорія Гейденгайна не даетъ намъ объясненія во многихъ случаяхъ.

Активная секреція въ гломерулахъ совершенно не доказана и маловѣроятна въ виду ихъ строенія, ничего общаго съ секреторными органами не имѣющаго. Механизмъ функціи почечнаго эпителия остается совершенно загадочнымъ и значеніе отдѣльныхъ частей лабиринта невыясненнымъ. Быстро наступающія явленія солянаго діуреза и наблюдаемая при немъ колебанія взаимоотношенія осмотического давленія въ мочѣ и крови также не вяжутся съ допущеніемъ одной лишь секреціи, такъ какъ ни въ какой другой железнѣ ничего подобнаго не наблюдается.

Отъ теоріи Гейденгайна остается лишь основное положеніе, что функція почки есть въ своей основѣ секреторный процессъ. Мы можемъ вмѣстѣ съ Ашеромъ, Готлибомъ, Филэне и Нуссбаумомъ сказать, что почка есть железа, но какъ функционируетъ эта железа—это остается еще темнымъ. Въ силу этого всякая попытка связать въ органическое цѣлое весьма противорѣчивый фактической матеріалъ несомнѣнно имѣетъ извѣстное значеніе и, основываясь на этомъ соображеніи, я

позволю себѣ занять ваше вниманіе новою гипотезою механизма мочеотдѣленія, являющейся результатомъ пятнадцатилѣтней работы въ этой области и служащей въ настоящее время рабочей гипотезой моей лабораторіи. Въ своей основѣ гипотеза эта тѣсно примыкаетъ къ теоріи Боумэнъ-Гейденгайна и представляетъ въ сущности лишь попытку свести мистическое понятіе секретія къ болѣе реальнымъ факторамъ.

Гипотеза эта состоитъ въ слѣдующемъ.

Почка есть своеобразно построенная железа, специфическимъ элементомъ которой является выдѣлительная клѣтка или нефроцитъ. Такія выдѣлительныя клѣтки со всѣми ихъ характерными особенностями мы встрѣчаемъ въ видѣ соленицитовъ или пламенныхъ клѣтокъ въ протонефридіяхъ плоскихъ червей, въ видѣ нефридіальнаго эпителия въ выдѣлительномъ аппаратѣ аннелидъ и Боянусовомъ органѣ моллюсковъ, въ видѣ почечнаго эпителия въ извитыхъ каналахъ позвоночныхъ. Онѣ отличаются отъ всѣхъ другихъ клѣтокъ организма прежде всего способностью образовывать въ своей протоплазмѣ особаго рода зернистость такъ называемые тонопласты—мелкія крупинки какого то сложнаго вещества, быть можетъ какого то производнаго лецитина. Вещество это отличается способностью молекулярной аттракціи т. е. оно вступаетъ въ нестойкое молекулярное соединеніе со всѣми веществами, могущими быть выдѣленными съ мочою т. е. съ водою, солями, органическими составными частями мочи и многими инородными субстанціями, совершенно подобно тому какъ напримѣръ ядерная субстанція въ фиксированномъ препаратѣ окрашивается самыми разнообразными ядерными красками, или капельки хлороформа извлекаютъ изъ раствора іодъ. При захватываніи изъ крови этихъ такъ называемыхъ мочетворныхъ субстанцій тонопласты увеличиваются въ объемъ и въ нихъ происходитъ превращеніе или расщепленіе основной субстанціи вслѣдствіе чего захваченныя вещества выдѣляются въ видѣ капельки концентрированнаго раствора, а измѣненная основа превращается въ тонкую оболочку на поверхности этой капли т. е. тонопластъ превращается въ вакуолю. Такія выдѣлительныя вакуоли извѣстны уже давно. Онѣ описаны еще Трамбусти и Зауэромъ и въ недавнее время ихъ подробно описалъ Гурвичъ по поводу выдѣленія красящихъ тѣлъ. Гурвичъ указалъ между прочимъ и на то обстоятельство, что эти вакуоли различны по своему характеру, т. е. однѣ приспособлены для накопленія однихъ, другія другихъ мочетворныхъ субстанцій. Такія вакуоли были обна-

ружены при изслѣдованіи почекъ и моими сотрудниками др. Гавриловымъ при выдѣленіи желатинны, др. Новачекомъ при выдѣленіи поваренной соли и др. Виноградовымъ при выдѣленіи воды, при чемъ удалось установить, что вакуоли содержащія желатину и образующіяся при соляномъ діурезѣ локализованы преимущественно въ канальцахъ I порядка, а вакуоли, появляющіяся при водяномъ діурезѣ, главнымъ образомъ въ восходящей части Генлевской петли и канальцевъ II порядка. Когда число и величина вакуоль дойдетъ до извѣстныхъ предѣловъ протоплазма клѣтки реагируетъ на механическое раздраженіе сокращеніемъ и выталкиваетъ эти вакуоли наружу.

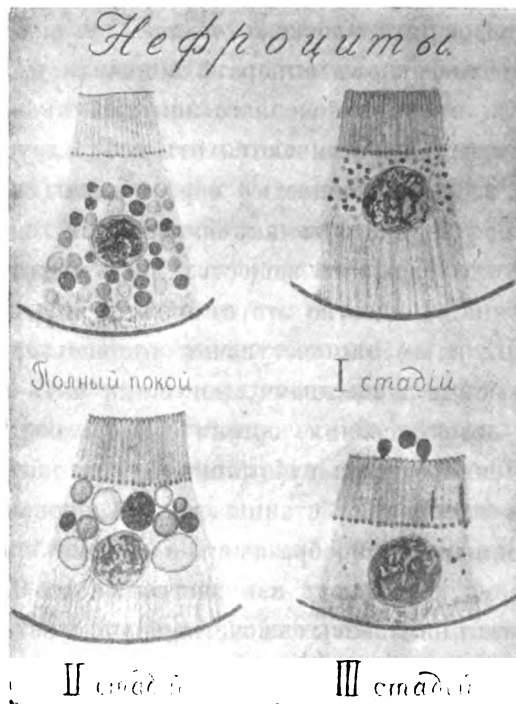

Рис. 1. Схема функциональных изменений нефроцитовъ. Полный покой (зимняя спячка): большіе тонопласты троякаго рода въ клѣткѣ утратившей базальную исчерченность. I стадій: мелкіе тонопласты въ дистальномъ слое протоплазмы, прямыя нити въ зонѣ базальной исчерченности. II стадій: крупныя тонопласты и вакуоли въ дистальномъ слое протоплазмы, спутанныя нити въ зонѣ базальной исчерченности. III стадій: сокращеніе нитей базальной исчерченности и вытѣсненіе содержимаго вакуоль черезъ щелевидную кайму.

Для болѣе успѣшнаго выполненія этой послѣдней функціи въ нѣкоторыхъ нефроцитахъ, какъ напримѣръ, въ нефридіальномъ эпи-

телиі аннелиды и въ почечномъ эпителиі позвоночныхъ, мы встрѣчаемся съ особеннымъ расположеніемъ тяжелой протоплазмы, образующей въ базальной части настоящія міонемы—особенность отмѣченная еще Гейденгайномъ. Но процессъ экскреціи не можетъ ограничиться этимъ. Концентрированный растворъ кристаллоидовъ, изъ котораго состоятъ выдѣленные капельки, не дѣйствовалъ на выдѣллившую его клѣтку лишь благодаря защищающей оболочкѣ тонопласта, клѣтки должны быть ограждены отъ его дѣйствія. И дѣйствительно повсюду, гдѣ концентрація экскрета превышаетъ концентрацію крови гсп. тканевой жидкости, мы встрѣчаемъ на поверхности клѣтокъ спеціальный кутікулярный аппаратъ—пучекъ рѣсничекъ на соленоцитахъ, щетковидную кайму на почечномъ эпителиі. Аппаратъ этотъ служитъ кромѣ того, повидному, и для удаленія съ выталкиваемыхъ вакуоль остатковъ тонопласта, при чемъ вакуоли дробятся на мелкія части, а остатки тонопласта превращаются въ липоидную субстанцію, покрывающую поверхность щетковидной каймы и дѣлающую невозможнымъ какой бы то ни было осмотическій обмѣнъ между содержимымъ каналца и окружающими частями. Последнее, весьма вѣроятное предположеніе, вполне объясняющее причину отсутствія всасыванія въ почкѣ и постоянство состава мочи при повышенномъ противодавленіи, принадлежитъ Кёппе.

Изложенныя мною данныя какъ нельзя лучше можно изучить на почкахъ животныхъ, подвергающихся зимней спячкѣ. Въ теченіе спячки у такихъ животныхъ, какъ это показалъ Монти, не замѣчается базальной исчерченности и протоплазма переполнена тонопластами. Какъ только животное просыпается, базальная исчерченность восстанавливается, а тонопласты превращаются въ вакуоли.

Такую картину выдѣлительной дѣятельности мы встрѣчаемъ въ эпителиі всѣхъ отдѣловъ почки, содержащихъ нефроциты, т. е. въ извитыхъ каналцахъ I и II порядка и въ восходящей части Генлевскихъ петель. Она выражена однако далеко не одинаково въ различныхъ частяхъ почки и въ каждомъ препаратѣ мы найдемъ не мало каналцевъ свободныхъ отъ вакуоль и отличающихся отъ покоящихся клѣтокъ лишь сохраненіемъ базальной исчерченности. Это указываетъ на то, что различные отдѣлы почки функціонируютъ не синхронично—фактъ, въ которомъ не трудно убѣдиться при изслѣдованіи выдѣленія красящихъ субстанцій и который былъ въ послѣднее время объектомъ спеціального изслѣдованія Палликара. Какъ

вы увидите далѣе, это отсутствіе синхронности представляется весьма важнымъ для выясненія механизма мочеотдѣленія.

Итакъ дѣятельность нефроцитовъ сводится къ тому, что полость выдѣлительныхъ частей почечнаго лабиринта выполняется очень концентрированной мочей. По аналогіи съ другими процессами молекулярной аттракціи есть полное основаніе думать, что эта концентрація максимальна. За то, что она значительно выше нормальной концентраціи мочи, съ полной убѣдительностью говорятъ результаты моихъ опытовъ съ эмболіей гломеруль масломъ.

Эта моча, разумѣется, должна передвигаться по мочевымъ канальцамъ и конечно передвинется въ сторону наименьшаго сопротивленія. Для восходящей части Генлевской петли и для извитыхъ

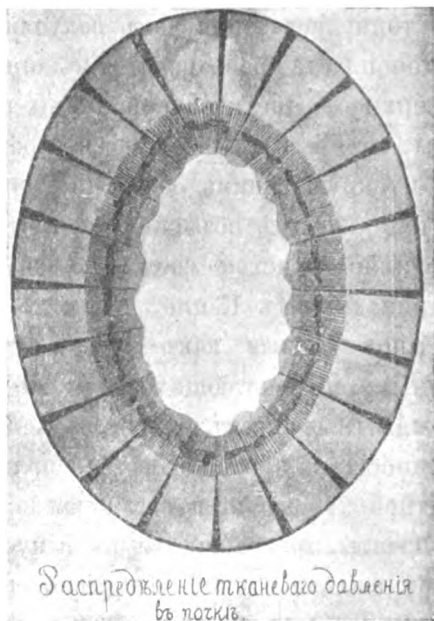

Рис. 2. Периферія схематическаго разрѣза окружена линіей—эластическая капсула, давленіе которой ослабѣвая идетъ отъ периферіи къ центру. Извитыя короткія линіи въ срединной полосѣ—дуги arter. arcuat, заштрихованная часть зона распределеіа ихъ боковаго давленія. Срединная свѣтлая часть—медуллярная субстанція.

канальцевъ II порядка этою стороною очевидно являются собирательные трубочки, но для наиболѣе важныхъ по своему значенію канальцевъ I порядка это далеко не такъ очевидно. Радиальное расположеніе ихъ нисходящей части, узкая Генлевская петля, лежащая на пути мочи, и положеніе этой петли въ промежуточномъ слѣѣ,

гдѣ есть полное основаніе предполагать наибышее тканевое давленіе въ силу расположенія сосудовъ и существованія фиброзной капсулы—все это заставляетъ признать вполне возможнымъ и обратное направленіе тока мочи, т. е. изъ канальцевъ въ гломеруль. Такъ оно и происходитъ въ дѣйствительности. Только такимъ обратнымъ токомъ можно объяснить находеніе въ нѣкоторыхъ гломерулахъ веществъ выдѣленныхъ эпителиемъ, какъ напримѣръ, кармина, индигокармина и желатинны. Только съ этой точки зрѣнія будетъ понятно попаданіе въ полость Боумановыхъ капсулъ слущенной эпителия извитыхъ канальцевъ, установленное въ моей лабораторіи др. Шепелемъ при венозномъ застоѣ въ почкѣ. Но помимо этихъ косвенныхъ доказательствъ мнѣ удалось найти и прямые. При усиленномъ діурезѣ и затрудненіи оттока мочи растяженіе почечнаго лабиринта начинается съ извитыхъ канальцевъ, а растяженіе гломеруль начинается уже поздиѣе и достигаетъ своего максимума лишь мало по малу. (См. мою статью въ Сборникѣ Высоковича). Обратный токъ изъ извитыхъ канальцевъ въ гломерулы дѣлаетъ вполне понятной и вполне объяснимой одними физическими законами и функцію послѣднихъ. Эпителіальный покровъ гломерула не одѣтъ слоемъ липида подобно канальцамъ, но представляетъ идеальную диффузионную поверхность, по другую сторону которой быстро проносится масса крови, осмотическое напряженіе которой гораздо ниже напряженія поступившей въ полость капсулы мочи. Какъ видно изъ данныхъ Дрезера, депрессія выдѣленной въ пузырь мочи можетъ достигать— $4,7^{\circ}\text{C}$, а др. Комаровъ и др. Янушкевичъ при нѣкоторыхъ опытахъ наблюдали удѣльный вѣсъ 1060—1080, концентрація же въ канальцахъ должна быть еще больше.

Такія соотношенія не могутъ не повести къ поступленію въ полость гломерула нѣкоторыхъ количествъ воды, которыя будутъ поступать до тѣхъ поръ пока осмотическое напряженіе не станетъ равнымъ кровяному. Классическій опытъ Пфеффера съ ячейкой изъ желѣзисто-синеродистой мѣди, наполненной сахарнымъ растворомъ, говоритъ намъ, что при этихъ условіяхъ достижимы огромныя давленія, равняющіяся нѣсколькимъ атмосферамъ и, слѣдовательно, этотъ осмотическій токъ вполне достаточенъ для того, чтобы преодолѣть сопротивленіе сдавленной узкой части Генлевской трубки и капиллярность нижележащихъ частей лабиринта и выводныхъ путей. Это осмотическое давленіе съ силою выгоняетъ содержимое нижележа-

щихъ частей и продолжаетъ повышать давленіе и въ *pelvis renalis* вплоть до того момента, когда осмотическое давленіе станетъ равнымъ по обѣ стороны эпителиального слоя гломеруль. Тогда растянутый каналець и капсула клубочка окажутся наполненными жидкостью изотонической съ кровью и въ этомъ видѣ мы и находимъ большинство частей почечнаго лабиринта, при микроскопическомъ изслѣдованіи нормально функционирующей почки. Въ такомъ видѣ эта, окончившая свою задачу часть лабиринта, и осталась бы на болѣе или менѣе долгое время, если бы почка не представляла полужидкую массу и давленіе, возникшее въ одной части, не передавалось бы немедленно и на другія. Это давленіе окружающихъ частей

A. B. C.

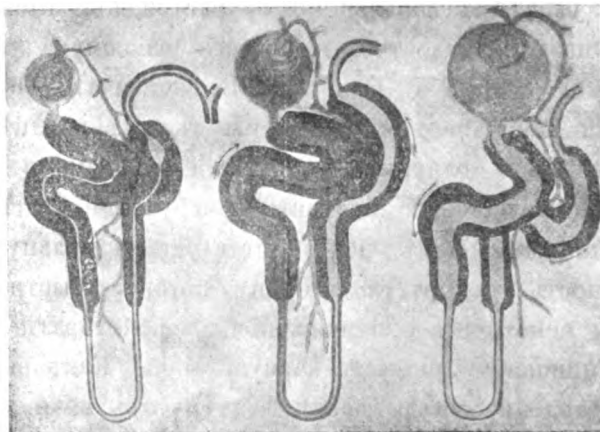

Рис. 3. Схема измѣненія диаметра сѣченія отдѣльныхъ частей почечнаго лабиринта во время секреціи. А. Начальный періодъ. Гломеруль пустъ. Въ изви-тыхъ канальцахъ I порядка начинаетъ скопляться концентрированная, въ канальцахъ II порядка болѣе жидкая моча. В. Періодъ обратнаго тока, Концен-трированная моча канальца I порядка передвигается въ гломеруль не будучи въ состояніи преодолѣть сопротивленіе узкой Генловской петли. Жидкая моча растягиваетъ проксимальную часть лабиринта. С. Максимальное растя-женіе всего лабиринта въ силу осмотическаго давленія въ гломеруль. Періодъ изгнанія мочи, за которымъ слѣдуетъ періодъ заустѣнія и временнаго покоя.

выгнать изъ канальца и гломерула и послѣдніе остатки жидкости и просвѣтъ покоящагося канальца и изъ гломерула почти исчезнутъ. За это время въ эпителии канальцевъ нефроциты вырабатываютъ новые тонопласты и процессъ мочеотдѣленія начнется снова.

Такова наша гипотеза механизма мочеотдѣленія. Признавая, слѣдовательно, доминирующую роль за специфической функціей выдѣлительнаго эпителия, мы сдѣлали попытку объяснить всѣ другія детали исключительно физическими соотношеніями, не прибѣгая ни къ допущенію фильтраціи, осуществимой лишь при давленіи въ десятки атмосферъ, ни къ мистическому активному всасыванію 70 литровъ воды ежедневно. Вкратцѣ мы можемъ характеризовать ее какъ секретіонно-осмотическую. Изъ изложеннаго видно, что функція нефроцитовъ есть нѣчто вполне самостоятельное и что, слѣдовательно, вполне мыслимы выдѣлительные аппараты, сводящіеся къ однимъ этимъ элементамъ, видно также и то, что осмотическая часть выдѣлительнаго аппарата—гломерулы могутъ функціонировать лишь въ связи съ канальцами при замкнутой сосудистой системѣ и быстро совершающемся кровообращеніи, почему мы и находимъ ихъ только у позвоночныхъ. Изъ допущенія существованія обратнаго тока изъ извитыхъ канальцевъ въ гломерулы какъ логическое слѣдствіе вытекаетъ и своеобразное расположеніе Генлевскихъ петель, а раздѣленіе отдѣльныхъ функцій—выработки различнаго рода тонопластовъ между различными отдѣлами лабиринта даетъ намъ объясненіе и расположенія другихъ частей—возвращенія канальца II порядка непосредственно къ своему гломерулу, въ ту же капиллярную сѣть, которая отдѣляетъ и соответственный каналецъ перваго порядка. Благодаря этому кровь притекаетъ къ нефроцитамъ I порядка уже подвергшись сгущенію въ функціонирующихъ гломерулахъ, болѣе богатой мочетворными субстанціями и, отдавши избытокъ этихъ субстанцій тонопластамъ, уже болѣе жидкая омываетъ тѣ отдѣлы, въ которыхъ мы имѣемъ основаніе видѣть аппараты активно выдѣляющіе воду. Благодаря этому между выдѣленіемъ воды и выдѣленіемъ мочетворныхъ субстанцій создаются сложныя отношенія. Они взаимно регулируютъ другъ друга. Объясняя много деталей анатомическаго строенія гипотеза наша позволяетъ дать толкованіе и большинству фактовъ, доставляемыхъ намъ клинкой и лабораторіей.

Такъ вполне понятно почему концентрація мочи можетъ измѣняться въ гораздо болѣе широкихъ предѣлахъ чѣмъ концентрація крови, почему выдѣленіе избыточныхъ количествъ любого кристаллоида связано съ полиуріей, почему усиленная проходимость гломерулъ, влекущая за собой альбуминурію и даже гематурію, неминуемо связана съ олигурией.

Высказанная нами точка зрѣнія даетъ и совершенно иное освѣщеніе давно извѣстнымъ даннымъ экспериментальной патологіи. Само собой разумѣется, что, если фильтрація невозможна, то высота давленія въ артеріяхъ существенной роли играть не можетъ, но отъ высоты давленія и ширины русла зависитъ и количество крови, протекающее черезъ гломеруль въ единицу времени, а, слѣдовательно, и поддержаніе максимальной осмотической разницы между кровью и мочею, выполняющей гломеруль, и постоянный обильный притокъ мочетворныхъ субстанцій къ тонопластамъ эпителія. Кромѣ того все говоритъ за то, что кислородный обмѣнъ почки очень интензивенъ и слѣдовательно функція ея тѣсно связана съ хорошей гематизаціей.

Являясь, такимъ образомъ, факторомъ вспомогательнымъ, кровообращеніе почки можетъ быть значительно измѣнено безъ того, чтобы мочеотдѣленіе сдѣлалось невозможнымъ. При переполненіи крови мочетворными субстанціями, т. е. при дѣйствіи своего специфическаго раздражителя почки продолжаютъ функціонировать даже при значительныхъ степеняхъ венозной гипереміи, какъ это показалъ въ моей лабораторіи др. Шепель и не только при наиболѣе низкихъ цифрахъ кровяного давленія, совместимыхъ съ жизнью, но даже и при полномъ прекращеніи кровоснабженія въ теченіе нѣсколькихъ минутъ.

Послѣдній фактъ установленъ др. Обнискимъ.

Но кровообращеніе почки играетъ и еще одну не маловажную роль. Особаго рода распредѣленіе сосудовъ, положеніе *arteriae arcuatae* параллельно поверхности почки на границѣ кортикальной и медуллярной субстанцій и прохожденіе черезъ промежуточный слой радіально расположенныхъ венъ, дѣлаетъ изъ сосудистой системы почки весьма совершенный аппаратъ для регуляціи тканеваго давленія, а черезъ это и степени проходимости узкой части Генлевской петли.

Въ силу этого, время соприкосновенія мочи, поступившей въ гломеруль, съ кровью, будетъ тѣмъ больше, чѣмъ, съ одной стороны, значительное сопротивление, а съ другой, чѣмъ ниже тканевое давленіе въ корѣ.

Поэтому всякія вмѣшательства, уничтожающія или ослабляющія функцію эластической фиброзной капсулы—декапсуляція, анатомическій разрѣзъ, анатомическій разрѣзъ съ послѣдующей экстриваціей

части медуллярной субстанціи, неминуемо должны повести съ известной степени полиуріи и гидруріи, какъ слѣдствія пониженія тканевого давленія въ корѣ.

Съ другой стороны, такъ какъ артеріальное давленіе является несомнѣнно гораздо болѣе существеннымъ факторомъ регуляціи тканевого давленія и въ особенности сопротивленія пограничнаго слоя, то вполне понятнымъ оказывается и загадочный механизмъ возникновенія *urina spastica*.

Сокращеніе периферическихъ артерій ведетъ, съ одной стороны, къ ослабленію гематизаціи, т. е. къ ослабленію функціи нефроцитовъ, а съ другой стороны, къ значительному повышенію бокового давленія въ болѣе крупныхъ стволахъ, т. е. въ нашемъ случаѣ въ *art. arcuatae*. Это усиленіе давленія отразится и на проходимости Генлевскихъ петель и въ силу этого, съ одной стороны, гломерулы переполнятся большимъ количествомъ болѣе разжиженной чѣмъ въ нормѣ мочи, а, съ другой стороны, нижележащія отдѣлы, обладающіе согласно нашему предположенію способностью активной секреціи воды, будутъ омываться болѣе разжиженной кровью и слѣдовательно переполнятся водянистой мочей. Поэтому какъ только спазмъ сосудовъ начнетъ проходить и сопротивленіе Генлевской петли окажется снова преодолимымъ, изъ почки выступитъ значительное количество очень жидкой мочи.

Не встрѣчаетъ особаго затрудненія также и толкованіе механизма дѣйствія различныхъ *diuretica*. Активный діурезъ, вызываемый группой кофеина, легко объясняется дѣйствіемъ этого рода субстанцій на возбудимость и сократительность протоплазмы. Дѣйствіе раздражающихъ *diuretica*, какъ напримѣръ, кантаридина и эфирныхъ маселъ объясняется вліяніемъ на кровообращеніе, ибо они обуславливаютъ активную гиперемію. Дѣйствіе *digitalis* и сходныхъ съ нею средствъ опять таки сводится къ измѣненіямъ въ гематизаціи. Наконецъ дѣйствіе избыточныхъ количествъ мочетворныхъ субстанцій, рѣзко измѣняющихъ какъ условія функціи тонопластовъ такъ и осмотическія соотношенія въ организмѣ и вполне аналогичное дѣйствіе избытка воды совершенно ясно изъ самыхъ основъ нашей гипотезы, такъ какъ именно изученіе этого рода діуреза и послужило матеріаломъ для ея построенія.

Избытокъ мочетворныхъ субстанцій въ крови есть естественный возбудитель функціи тонопластовъ I порядка, избытокъ воды—

возбудитель для тонопластовъ II порядка, активной же силой изгоняющей изъ почки огромныя количества мочи въ очень короткое время является осмотическая функція гломерула. Поэтому наиболѣе интенсивными являются соляной, мочевиный и сахарный діурезъ, водяной же діурезъ гораздо уже слабѣе, даже при нормальныхъ условіяхъ. При обѣдненіи же организма мочетворными субстанціями и прежде всего солями онъ можетъ даже, какъ показали опыты Др. В. Виноградова, отсутствовать совершенно.

Наша гипотеза, въ основѣ которой лежитъ активная функція живого нефроцита, его метаболизмъ и сократительность—даетъ наконецъ и объясненіе возможности утомляемости почки—факта установленнаго С. Новачекомъ.

Заканчивая этимъ изложеніе рабочей гипотезы нашей лабораторіи, я пользуюсь случаемъ отъ всей души публично поблагодарить своихъ сотрудниковъ и высказать надежду, что мы стали съ ними на вѣрную дорогу.

Проф. В. К. Линдеманъ.

О періодическихъ колебаніяхъ кровяного давленія, зависящихъ отъ дѣятельности сердца.

Прив.-доц. Н. Д. Стражеско.

Изъ Фармакологической лабораторіи И. Университета Св. Владиміра.

При записи артеріальнаго давленія у сабаки на кривыхъ, полученныхъ при помощи ртутнаго монومتра, легко можно замѣтить періодическія колебанія различнаго ритма, которыя, какъ по частотѣ своего появленія, такъ и по своей продолжительности могутъ быть раздѣлены на три категоріи:

А) колебанія, точно соотвѣтствующія сердечному ритму;

В) колебанія, соотвѣтствующія ритму дыханія и состоящія изъ нѣсколькихъ сердечныхъ (А) колебаній и

С) колебанія болѣе продолжительныя, соотвѣтствующія нѣсколькимъ дыхательнымъ движеніямъ и состоящія изъ колебаній втораго рода (В).

Если мнѣнія физиологовъ сходятся въ опредѣленіи порядка и механизма происхожденія колебаній артеріальнаго давленія, вызванныхъ сокращеніемъ лѣваго желудочка сердца (колебанія 1-го порядка), то этого нельзя сказать относительно другихъ періодическихъ колебаній кровяного давленія. Здѣсь царитъ полное разногласіе и неясность, какъ въ опредѣленіи происхожденія ихъ, такъ и въ обозначеніи мѣста по порядку каждому виду изъ описанныхъ до настоящаго времени періодическихъ колебаній. Въ то время,

какъ одни авторы (Cyon¹⁾, Tigerstedt²⁾, Biedl und Reiner³⁾, Morawitz⁴⁾, къ колебаніямъ второго порядка относятся только дыхательныя волны въ строгомъ смыслѣ и считаютъ ихъ механическаго происхожденія, другіе физиологи (Fredericq⁵⁾, Rulot⁶⁾, Plumier⁷⁾, Botazzi⁸⁾ отрицаютъ вліяніе механическихъ условій въ ихъ возникновеніи и къ колебаніямъ второго порядка причисляютъ также Traube-Hering-овскія волны, относя къ колебаніямъ третьяго порядка исключительно волны, замѣченныя впервые Cyon-омъ⁹⁾, Latschenberger-омъ и Deahna¹⁰⁾ и подробно и точно описанныя S. Mayer-омъ¹¹⁾, имя котораго она теперь носятъ. Такая неясность тѣмъ болѣе удивительна, что періодическія колебанія кровяного давленія уже давно обратили на себя вниманіе физиологовъ и разработкѣ механизма ихъ происхожденія было посвящено не мало труда.

Извѣстно, что Traube¹²⁾, впервые въ 1865 году обратилъ вниманіе на періодическія колебанія кровяного давленія у кураризованнаго животнаго съ перерѣзанными блуждающими нервами, которыя наступаютъ всякій разъ при прекращеніи искусственнаго ды-

¹⁾ E. Cyon. Zur Physiologie des Gefässnervencentrums. Pflüger's Archiv. Bd. 9. 1874. S. 499.

²⁾ R. Tigerstedt. Lehrbuch der Physiologie des Menschen. Bd. 1. S. 274 und Lehrbuch der Physiologie des Kreislaufes. 1893. S. 453.

³⁾ A. Biedl und M. Reiner. Studien über Hirncirculation und Hirnödeme. Pflügers Archiv. Bd. 79. S. 170.

⁴⁾ P. Morawitz. Zur differenzirung rhythmischer Blutdruckschwankungen. Archiv. f. Physiologie. 1903. S. 82.

⁵⁾ L. Fredericq. De l'influence de la respiration sur la circulation (1-re partie). Les oscillations respiratoires de la pression arterielle chez le Chien. Archives de Biologie T. 3. P. 55.

⁶⁾ H. Rulot. Sur certaines oscillations periodiques de la pression sanguine. Travaux du Laboratoire de Leon Fredericq. T. 6. P. 67.

⁷⁾ Leon Plumier. Etude sur les courbes de Taube-Hering. Ebenda. P. 241.

⁸⁾ Fil. Botazzi. Zur Genese der Blutdruckschwankungen dritter Ordnung. Zeit. f. Biologie 1905 S. 137.

⁹⁾ E. Cyon, 1-c.

¹⁰⁾ Joh. Latschenberger und A. Deahna. Beiträge zur Lehre von der reflectorischen Erregung der Gefässmuskeln. Pflügers Archiv Bd. 12. S. 157.

¹¹⁾ Sigmund Mayer. Ueber spontane Blutdruckschwankungen. Sitzungsberichte d. Mat.-naturwis. Classe d. K. Akademie. Wien, 74. Ab. 3, S. 157.

¹²⁾ L. Traube. Ueber periodische Tätigkeits-Aeusserungen des Vasomotorischen und Hemmungs-Nervencentrums, Gesam. Beiträge zur Pathologie. Bd. 1. S. 337. Berlin, 1871.

ханія. Количество этихъ колебаній, по мнѣнію Траубе, можетъ доходить до 7 въ одну минуту, а высота волнъ превышать 40 мм. ртути. При этомъ восходящее и нисходящее колѣно каждой волны имѣетъ одинаковую длину и наклонъ; только въ нѣкоторыхъ случаяхъ восходящее колѣно бываетъ короче, чѣмъ нисходящее, однако количество пульсовыхъ волнъ на обоихъ колѣнахъ всегда остается одинаковымъ. Убѣдившись, что аналогичныя колебанія кровяного давленія наступаютъ не только при прекращеніи дыханія, но также при вдуваніи въ легкія животнаго воздуха, содержащаго не менѣе 20% CO₂, и, что описанныя колебанія устраняются перерѣзкой спинного мозга, Траубе объяснилъ замѣченныя имъ волны тѣмъ, „что находящійся въ продолговатомъ мозгу центръ вазомоторной нервной системы подъ вліяніемъ возбуждающаго дѣйствія углекислота приходитъ въ періодическую дѣятельность, другими словами, что углекислота, вслѣдствіе ея возбуждающаго дѣйствія на вазомоторный центръ вызываетъ періодически мѣняющееся сокращеніе и расслабленіе периферическихъ артерій тѣла“.

Вслѣдъ за тѣмъ Hering¹⁾ описалъ подобныя же волнообразныя колебанія кровяного давленія не только у собакъ, но также и у кураризованныхъ кошекъ и кроликовъ, при чемъ даже только при ограниченіи искусственнаго дыханія, въ періодъ незначительнаго диспноэ, когда среднее давленіе въ артеріяхъ остается неизмѣненнымъ. На основаніи своихъ наблюденій онъ присоединился къ мнѣнію Траубе, что эти колебанія зависятъ отъ періодическихъ возбужденій сосудодвигательнаго центра, находящагося въ ассоціаціи съ дыхательными движеніями, обусловленными ритмической дѣятельностью дыхательнаго центра, вслѣдствіе чего и назвалъ это явленіе „дыхательными движеніями сосудодвигательной системы“. Благопріятнымъ условіемъ для возникновенія ритмическихъ повышеній и пониженій кровяного давленія, по мнѣнію Геринга, является извѣстная степень венозности артеріальной крови, при чемъ, чѣмъ животное болѣе истощено продолжительностью опыта, тѣмъ явственнѣе становятся волнообразныя колебанія, не, разумѣется, это наблюдается только въ извѣстныхъ предѣлахъ и въ томъ случаѣ, когда животное слишкомъ утомлено, волны становятся менѣе замѣтными.

¹⁾ Ewald Hering. Ueber den Einfluss der Athmung auf den Kreislauf. Ueber Athembewegungen des Gefässsystems. Sitzungsber. d. K. Akademie der Wissenschaften. Wien. 1869. Bd. 60. Ab. 2. S. 829.

Такимъ образомъ, Герингъ такъ же, какъ и Траубе объясняли періодическія колебанія исключительно вліяніемъ сосудодвигательнаго центра, не допуская возможности ихъ происхожденія отъ періодическаго измѣненія въ дѣятельности сердца. Вліяніе сердца онъ исключалъ на основаніи того, что количество пульсовыхъ ударовъ на восходящемъ колѣнѣ каждой волны не только не больше, чѣмъ на нисходящемъ, но, наоборотъ, часто даже меньше; къ тому же и увеличенія энергіи сокращенія сердца на восходящемъ колѣнѣ волны обнаружить не удастся; слѣдовательно, періодическое повышеніе дѣятельности сердца не можетъ быть причиною волнообразныхъ колебаній кровяного давленія.

Совершенно другое объясненіе описаннымъ періодическимъ колебаніямъ предложили Latschenberger и Deahna¹⁾. Эти авторы, работая надъ рефлекторной возбудимостью сосудодвигательной системы, объясняли періодическія колебанія кровяного давленія рефлексами, идущими отъ периферіи къ сосудодвигательнымъ центрамъ. По ихъ мнѣнію отъ каждаго обособленнаго участка сосудодвигательной системы къ центрамъ идутъ возбуждающія и угнетающія волокна, по которымъ къ центрамъ спинного мозга постоянно притекаютъ раздраженія; результатомъ интерференціи раздраженій двоякаго характера и является кровяное давленіе. Такимъ образомъ высота давленія и форма кимографической кривой обусловлена по мнѣнію Latschenberger-а и Deahn-а исключительно рефлекторной дѣятельностью регулирующихъ аппаратовъ. Другими словами „периферическіе сосуды сами рефлекторно регулируютъ кровяное давленіе при чемъ повышеніе давленія выше нормальной высоты тотчасъ же вызываетъ возбужденіе угнетающихъ волоконъ, слѣдствіемъ чего является пониженіе давленія и наоборотъ; происходятъ, такимъ образомъ, въ давленіи колебанія, которыя и есть волны третьяго иорядка (волны Траубе)“.

Кромѣ этихъ волнъ Latschenberger и Deahna наблюдали у кураризованныхъ кроликовъ еще одинъ видъ волнообразныхъ колебаній давленія, болѣе правильныхъ и часто сопровождающихся мышечными подергиваніями при недостаточномъ отравленіи стрѣльнымъ ядомъ, но не имѣющихъ съ послѣдними причинной зависи-

¹⁾ Joh. Latschenberger u. A. Deahna. Beiträge zur Lehre von der reflektorischen Erregung der Gefässmuskeln-Pflügers Archiv. Bd. 12. S. 157.

мости, такъ какъ они могутъ появляться и при полномъ покоѣ животнаго. Эти колебанія авторы назвали волнами раздраженія (Reizwellen). Такъ какъ эти волны были очень схожи съ волнообразными подъемами кровяного давленія, получающимися въ результатъ раздраженія чувствительныхъ нервовъ, то Latschenberger и Deahna высказали предположеніе; что и замѣченныя ими колебанія происходятъ отъ какихъ-то раздраженій, притекающихъ къ вазомоторнымъ центрамъ (Reize, welche den Centren zufließen). Такимъ образомъ, ими былъ описанъ новый видъ періодическихъ колебаній кровяного давленія—именно волны четвертаго порядка.

Однако, еще раньше Latschenberger'a и Deahna такія же колебанія кровяного давленія наблюдали у самостоятельно дышащихъ кроликовъ Е. Сюн¹⁾; но онъ не считалъ ихъ особымъ видомъ періодическихъ колебаній, а оговдествлялъ съ волнами Траубе и объяснялъ ихъ накопленіемъ въ крови углекислоты (или недостаткомъ кислорода), которая возбуждаетъ, какъ мозговые, такъ и периферическіе сосудодвигательные центры. Впослѣдствіи Ціонъ нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на механизмъ образованія Траубовскихъ волнъ и считалъ, что главнымъ моментомъ, способствующимъ ихъ возникновенію является быстрое повышеніе кровяного давленія, будетъ ли оно зависѣть отъ быстрого накопленія въ крови углекислоты или же отъ другихъ какихъ-либо причинъ (перерѣзка блуждающихъ нервовъ, раздраженіе ихъ центрального конца и т. п.). При этомъ волны Траубе, по мнѣнію Ціона являются послѣдствиемъ борьбы между возбуждающими и угнетающими (n. n. depressores) вліяніями на центръ сосудоуживающихъ нервовъ (l. c. S. 275)²⁾.

Замѣченныя Latschenberger'омъ и Deahna періодическія колебанія кровяного давленія у произвольно дышащаго кролика затѣмъ подробно были изучены S. Mayer'омъ³⁾. Mayer изъ своихъ опытовъ убѣдился, что эти волнообразныя колебанія наступаютъ совершенно при другихъ условіяхъ, чѣмъ волны Траубе-Геринга и для возникновенія ихъ вовсе не нужно недостатка въ организмѣ кислорода

¹⁾ E. Cyon. l. c. S. 512.

²⁾ E. von Cyon. Beiträge zur Physiologie der Schilddrüse und des Herzens. Pflügers Archiv Bd. 70. S. 126.

³⁾ Sigmund Mayer. Ueber spontane Blutdruckschwankungen. Sitzungsber. d. K. Akademie in Wien. 1876, Bd. 74. Ab. 3. S. 281.

или накопленія углекислоты. Эти волны часто исчезают безъ всякой причины, чтобы спустя нѣкоторое время снова появиться. Описываемыя колебанія давленія, по наблюденіямъ Майера, нисколько не зависятъ отъ высоты средняго артеріальнаго давленія и могутъ наблюдаться какъ при низкомъ (60—80 mm. Hg.), такъ и при болѣе высокомъ давленіи (120—150 mm. Hg.), при этомъ, какъ высота волнъ, такъ и крутизна ихъ подъема бываютъ различны (отъ 3 до 20 mm. Hg.), а количество сокращеній сердца, какъ на восходящемъ, такъ и на нисходящемъ колѣнѣ обыкновенно совершенно одинаково. У кураризованныхъ животныхъ также можно замѣтить аналогичныя явленія, но количество волнъ въ одну минуту у нихъ значительно меньше, чѣмъ у дышащихъ произвольно (12—20: 7—10). Причиной всѣхъ этихъ волнообразныхъ колебаній Майеръ считалъ исходящія изъ дыхательнаго центра ритмическіе импульсы, которые притекаютъ къ сосудодвигательному центру, накаплиются тамъ и ритмически повышаютъ его тонусъ. Такимъ образомъ Майеръ предполагалъ, „что между центромъ дыханія и периферическимъ сосудодвигательнымъ аппаратомъ включенъ еще центръ, который находится въ тоническомъ возбужденіи, которое можетъ мѣняться въ своей интенсивности подъ влияніемъ центра дыханія“. Это измѣненіе тонуса, происходящее періодически и обуславливаетъ волнообразныя колебанія кровяного давленія. Отсюда выходитъ, что Майеръ считалъ замѣченныя имъ колебанія волнами центральнаго происхожденія и не могъ допустить, чтобы онѣ могли зависѣть отъ періодически мѣняющейся дѣятельности сердца.

Спустя нѣкоторое время эти же колебанія кровяного давленія подробно изучалъ и подвергъ всестороннему анализу Ph. Knoll¹⁾. Замѣтивъ, что у кроликовъ очень часто происходятъ измѣненія въ дыханіи, какъ въ силѣ дыхательныхъ движеній, такъ и въ ихъ частотѣ, Knoll сталъ одновременно съ кровянымъ давленіемъ регистрировать и дыханіе, и вскорѣ убѣдился, что образованіе волнъ въ кровяномъ давленіи обыкновенно совпадаетъ съ измѣненіемъ въ ритмѣ и частотѣ дыхательныхъ движеній. При этомъ образующіяся волны были настолько характерны и схожи съ періодическими колебаніями, описанными S. Mayer'омъ, что онъ счелъ себя въ правѣ

¹⁾ Ph. Knoll. Ueber periodische Athmungs—und Blutdruckschwankungen. Sitzungsberichte d. K. Akademie der Wissenschaften. 1885. Ab. 3. S. 439.

признать ихъ тождественными съ послѣдними. На основаніи своихъ наблюденій Кнопъ пришелъ, такимъ образомъ, къ тому выводу, что, такъ называемыя, произвольныя колебанія кровяного давленія находятся въ связи и зависимости отъ перемѣны дыхательнаго ритма. Что же касается того, какого происхожденія эти колебанія, то Кнопъ какъ и предыдущіе авторы (Супп, Мауер) прямого отвѣта не далъ, но онъ считалъ вполне вѣроятнымъ, что они рефлекторнаго характера, при чемъ возбужденіе сосудодвигательной системы не всегда происходитъ косвеннымъ путемъ, черезъ дыхательный центръ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится признать, что оно возможно и непосредственно. Словомъ, Кнопъ появленіе періодическихъ колебаній давленія объяснялъ постояннымъ раздраженіемъ чувствительныхъ нервовъ, на которое сосудодвигательный или дыхательный центры реагируютъ періодически.

Всѣ вышеупомянутые авторы, занимавшіеся разъясненіемъ происхожденія періодическихъ колебаній были того мнѣнія, что каждая волна Траубе-Неринга соотвѣтствуетъ нѣсколькимъ дыхательнымъ движеніямъ, хотя еще Нерингъ въ своихъ опытахъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что, если животное не достаточно кураризованно, то нерѣдко можно замѣтить, что каждое колебаніе сопровождается поддергиваніемъ въ дыхательныхъ мышцахъ животнаго. Въ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, наблюдается извѣстный параллелизмъ между слабо выраженными дыхательными движеніями животнаго и ритмомъ колебаній кровяного давленія. Впрочемъ, это наблюденіе Неринга подверглось сомнѣнію и впоследствии было совершенно забыто. Только въ 1882 году Fredericq¹⁾ занялся снова этимъ вопросомъ и пришелъ изъ своихъ опытовъ къ тому заключенію, что каждая волна Траубе-Неринга соотвѣтствуетъ не нѣсколькимъ, но только одному дыхательному движенію животнаго. Свои опыты онъ производилъ не на кураризованныхъ животныхъ, а на привязанныхъ неподвижно къ станку и находящихся подъ глубокимъ хлороформно-морфійнымъ наркозомъ. Для того, чтобы устранить всякія механическія вліянія, у животнаго вырѣзалась грудина съ прилегающими ребрами, крестообразными разрѣзомъ раскрывалась брюшная полость и перерѣзывались грудобрюшные нервы, чтобы избѣгнуть движенія діафрагмы; вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ L. Fredericq. l. c.

перерѣзывались оба симпатическо-блуждающіе нерва и посредствомъ искусственнаго дыханія животное доводилось до апноэтического состоянія. Если у животнаго, находящагося въ состояніи апноэ, прекратить на время искусственное дыханіе, то, немного погодя, оно начинаетъ дышать, при чемъ его дыхательныя движенія, чѣмъ дальше тѣмъ становятся энергичнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются періодическія колебанія кровяного давленія. При этомъ дыхательныя колебанія кривой, полученной при помощи пневмографа Кнопля, точно совпадаютъ съ колебаніями на кимографической кривой, при чемъ каждой волнѣ въ кровяномъ давленіи соотвѣтствуетъ только одно дыхательное движеніе. Полагая, что въ силу условій опыта колебанія ни въ коемъ случаѣ не могутъ зависѣть отъ сердца или отъ движенія грудной клѣтки, такъ какъ органы въ ней заключенныя устранены отъ механическаго вліянія дыханія, Fredericq пришелъ къ убѣжденію, что волнообразныя колебанія находятся въ зависимости только отъ періодическаго вліянія сосудодвигательнаго центра на периферическое кровообращеніе; при чемъ оба центра (дыхательный и сосудодвигательный) продолговатаго мозга подъ вліяніемъ одной и той же причины начинаютъ работать совершенно параллельно и изохронично (каждому колебанію давленія соотвѣтствуетъ одно дыхательное движеніе).

Такъ какъ въ послѣдствіи появились возраженія, что Fredericq работалъ не съ кураризованными животными, а слѣдовательно, и колебанія, которыя онъ получалъ не тождественны съ волнами Traube-Hering'a, то онъ предложилъ своимъ ученикамъ Plumier и Rulot вновь провѣрить результаты его наблюденія. Эти авторы работали при той же постановкѣ опытовъ, какъ и самъ Fredericq. При этомъ Plumier убѣдился, что ритмъ періодическихъ колебаній давленія остается тѣмъ же, если животному впрыснуть сугаре и лишить его возможности производить произвольно сокращеніе дыхательныхъ мышцъ послѣ прекращенія искусственнаго дыханія. „Если продолжать впрыскивать, пишетъ Plumier¹⁾, маленькія дозы кураре, прекращая время отъ времени искусственное дыханіе, то получается цѣлая серія кривыхъ, на которыхъ видно, что волны кровяного давленія остаются все тѣми же, въ то время какъ дыхательныя движенія постепенно уменьшаютъ свои размахи и затѣмъ

¹⁾ l. c.

совершенно прекращаются. Въ тотъ моментъ, когда животное перестаетъ дышать, обстановка опыта становится такой же, какъ у Траубе и Геринга¹. Такъ какъ животное совершенно неподвижно, подъ вліяніемъ кураре, а между тѣмъ ритмъ и высота волнъ кровяного давленія въ этотъ моментъ остаются прежними, то надо думать, что періодическія колебанія, наблюдавшіяся равьше, когда животное не было еще кураризовано, также принадлежали къ Траубе-Геринговскимъ волнамъ. На основаніи этихъ наблюденій Plumier полагаетъ, что волны, описанныя Fredericq'омъ должны быть отнесены къ Траубе-Геринговскимъ періодамъ, другими словами, эти колебанія строго соотвѣтствуютъ дыхательнымъ движеніямъ и принадлежатъ, слѣдовательно, къ волнамъ второго порядка.

Rullot¹), прійдя къ такимъ же выводамъ относительно Траубовскихъ волнъ, обратилъ, главнымъ образомъ, вниманіе на волны S. Mayer'a, при чемъ подтвердилъ мнѣніе P. Knoll'я, что, онѣ часто совпадаютъ съ измѣненіемъ въ дыхательномъ ритмѣ у животнаго. Онъ не согласенъ съ Кноллемъ только въ томъ отношеніи что эти волнообразныя колебанія зависятъ отъ рефлекторнаго возбужденія центровъ, вызваннаго тактильными раздраженіями кожи у привязаннаго животнаго, такъ какъ такія же колебанія онъ наблюдалъ и у наркотизованнаго и непривязаннаго кролика. Въстѣ съ тѣмъ Рюлло показалъ, что эти волнообразныя колебанія не могутъ зависетьъ отъ механическаго дѣйствія періодически мѣняющагося ритма дыханія, а также отъ вліянія центра дыханія на вазомоторный центръ, но обуславливаются исключительно непосредственнымъ раздраженіемъ послѣдняго подъ воздѣйствіемъ какихъ-то, еще плохо выясненныхъ, причинъ (sous l'influence de causes encore mal définies).

Сравнительно въ недавнее время, въ 1905 г., періодическими колебаніями кровяного давленія занимался еще Ph. Botazzi²), который, строго говоря, не прибавилъ ничего существеннаго въ дѣлѣ разъясненія происхожденія волнообразныхъ колебаній. Онъ такъ же, какъ и школа Л. Фредерика относитъ волны Traube-Hering'a къ колебаніямъ второго порядка и считаетъ ихъ обусловленными вазомоторными импульсами, исходящими изъ сосудо-двигательнаго

¹) l. c.

²) Botazzi l. c.

центра, работающего синхронично съ дыхательнымъ центромъ до тѣхъ поръ, пока ритмъ дыханія у животнаго правильный и спокойный (дыхательныя колебанія кровяного давленія), или же при нарушеніи синхроничности, когда дыхательный ритмъ слишкомъ ускоряется, или вовсе прекращается (колебанія Traube-Hering'a sensu strictiori). Что касается колебаній 3-го порядка (волнъ Маера), то авторъ считаетъ необходимымъ условіемъ для ихъ появленія или венозность крови, или присутствіе въ крови постороннихъ веществъ (атропина, кокаина, не изотоническихъ растворовъ и т. д.), которые возбуждаютъ сосудосуживающій центръ прямымъ или рефлекторнымъ путемъ. Механизмъ происхожденія этихъ колебаній, по мнѣнію Botazzi, состоитъ въ періодическомъ приростѣ въ частотѣ или силѣ исходящихъ изъ центра сосудосуживающихъ импульсовъ. (Der Genesmechanismus der Schwankungen dritter Ordnung glaube ich, das in einer periodischen Zunahme der Frequenz und der Stärke der aus dem betreffenden Zentrum ausgehenden gefässverengenden Impulse unter gewissen Versuchs-Bedingungen besteht). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Botazzi не отрицаетъ возможности происхожденія этихъ періодическихъ колебаній только въ зависимости отъ возбужденія мышечныхъ или нервныхъ элементовъ стѣнокъ периферическихъ артерій.

Изъ приведеннаго бѣлаго очерка историческаго развитія вопроса о періодическихъ колебаніяхъ кровяного давленія, мнѣ кажется, видно, какая путаница въ возрѣвіяхъ царитъ еще и въ настоящее время. По этому нѣтъ ничего удивительнаго, что у нѣкоторыхъ физиологовъ являлась мысль подвергнуть анализу и дифференцированію весь накопившійся матерьялъ и найти признаки, позволявшіе бы изолировать и отличать отдѣльные виды указанныхъ колебеній. Такъ Morawitz ¹⁾ въ 1903 году написалъ обстоятельную статью касательно этого вопроса, но, къ сожалѣнію, и послѣ нея этотъ трудный отдѣлъ главы о кровообращеніи не многими сдѣлался яснѣе и опредѣленнѣе. Для того, чтобы дать какую нибудь классификацію Morawitz'у пришлось создать новые виды періодическихъ колебаній и отчасти игнорировать наблюденія прежнихъ авторовъ. Такъ, на примѣръ, Morawitz признаетъ два вида ритмическихъ колебаній кровяного давленія, получающихся вслѣд-

¹⁾ Morawitz. 1. с.

ствіе взаимнаго совпаденія сердечнаго ритма съ дыхательными движеніями (Wellen durch Interferenz). Одинъ, замѣченный впервые Hering'омъ¹⁾ и впоследствии подробно описанный Маеромъ²⁾ и другой—легочныя рефлекторныя волны (pulmonale Reflexwellen), въ то время, какъ другіе авторы послѣднія волны не выдѣляютъ въ отдѣльный видъ ритмическихъ колебаній. Въ образованіи этихъ волнъ, по мнѣнію Morawitz'a принимаетъ участіе вазомоторный центръ, получающій возбуждающіе импульсы отъ движеній легкихъ во время дыханія, между тѣмъ, какъ описанныя Маеромъ волны отъ совпаденія зависятъ отъ чисто механическихъ условій. Съ другой стороны Morawitz не признаетъ наблюденія самого Маера, „что произвольныя колебанія кровяного давленія могутъ наблюдаться не только у самостоятельно дышащаго животнаго, но также и у кураризованнаго“. Въ концѣ концовъ Morawitz даетъ нижеслѣдующую классификацію, которая все таки позволяетъ хотя отчасти разобратся въ этомъ трудномъ вопросѣ.

Morawitz раздѣлилъ всѣ колебанія на А) периферическія волны, къ которымъ принадлежатъ: 1) пульсовыя колебанія или волны 1-го порядка, 2) дыхательныя колебанія, или волны 2-го порядка, не вполне периферическаго происхожденія и 3) волны отъ совпаденія (Wellen durch Interferenz) и В) волны центральныя, къ которымъ относятся: 1) Траубе-Геринговскіе періоды, или волны 3-го порядка, зависящія отъ перехода, импульсовъ дыхательнаго центра на сосудодвигательный центръ, при чемъ каждому колебанію соотвѣтствуетъ одинъ дыхательный импульсъ, 2) волны Фредерика, зависящія отъ перехода импульса отъ дыхательнаго центра на центръ блуждающихъ нервовъ, при чемъ каждой волнѣ соотвѣтствуетъ точно также одинъ дыхательный импульсъ, 3) волны Маера или колебанія 4-го порядка, не находящіяся въ зависимости отъ дыхательнаго центра, но происходящія только при его участіи, при чемъ каждой волнѣ отвѣчаетъ нѣсколько дыхательныхъ импульсовъ и 4) легочныя рефлекторныя волны, происходящія рефлекторнымъ путемъ отъ движенія легкихъ, при чемъ каждой волнѣ соотвѣтствуетъ нѣсколько дыхательныхъ движеній; эти волны, какъ и волны Траубе могутъ быть подавлены раздраженіемъ тормозящихъ нервовъ (n. n. depressorium).

¹⁾ Hering. l. c.

²⁾ S. Mayer. l. c.

Такимъ образомъ, по своему происхожденію, всѣ, описанныя до настоящаго времени, періодическія волнообразныя колебанія кровяного давленія высшаго (3 и 4) порядка можно раздѣлить на три категоріи: а) волны, въ образованіи которыхъ принимаетъ участіе сосудодвигательный центръ, б) волны, зависящія отъ самостоятельныхъ сокращеній периферическихъ артерій (Schiff ¹⁾) и с) волны отъ совпаденія (durch Interferenz) (Hering, Mayer, Knoll).

Работая надъ сравнительнымъ дѣйствіемъ различныхъ сердечныхъ средствъ, я могъ очень часто наблюдать періодическія колебанія кровяного давленія, которыя, однако, не были похожи ни на одинъ видъ изъ описанныхъ до сихъ поръ колебаній и которыя, несомнѣнно, должны быть отнесены къ волнамъ, появляющимся въ зависимости отъ измѣненій въ дѣятельности сердца. По предложенію глубокоуважаемаго профессора Ю. П. Лауденбаха, я занялся подробнымъ изученіемъ условій ихъ появленія и зависимости отъ центральной нервной системы, а также сходства и различія съ описанными до сихъ поръ періодическими колебаніями. Обратившись къ литературнымъ источникамъ, я могъ найти по интересовавшему меня предмету чрезвычайно мало указаній. Первый, обратившій вниманіе на періодическія колебанія кровяного давленія, похожія на Траубе-Геринговскія волны, но зависящія отъ дѣятельности сердца, былъ извѣстный англійскій физиологъ Arthur R. Cushny ²⁾, хотя еще до него аналогичныя измѣненія въ дѣятельности сердца подъ вліяніемъ отравленія ядовитой чемерицей (helleborein) описалъ Knoll ³⁾. Однако, Cushny больше интересовался измѣненіемъ въ дѣятельности сердца, чѣмъ колебаніями кровяного давленія и только вскользь упоминаетъ, что періодическія измѣненія въ дѣятельности сердца вызываютъ также колебанія кровяного давленія, совершенно напоминающія періоды Traube-Hering'a (l. c. стр. 60). Эти періодическія измѣненія дѣятельности сердца, заключающіяся въ правильно смѣняющихся періодахъ уменьшенія и увеличенія объема сокращеній предсердій и желудочковъ, Cushny наблюдаетъ

¹⁾ M. Schiffs gesamte Beifrage zur Physiologie. Bd. 1. S. 132. (Comp. rend. Acad. de Sciences, 39. 1854).

²⁾ On Periodic variation in the contractions of the mammalian heart. By Arthur R. Cushny. The Journal of Physiology. Vol. 25. P. 49.

³⁾ Ph. Knoll. Sitzungsberichte d. K. Akademie d. Wissensch. in Wien. Math. naturw. Classe. 99 AB. 3. 1890. und. 103. Ab. 3. 1894.

при отравливающимъ дѣйстви на сердце коффеина, наперстянки кокаина, гидрастинина, хлористаго барія и при раздраженіи желудочковъ сердца электрическимъ токомъ. Онъ видѣлъ ихъ только при диссоціаціи между предсердіями и желудочками и существованію этого частичнаго блока, въ зависимости отъ измѣненія проводимости въ связывающихъ оба отдѣла сердца волокнахъ, и приписываетъ образованіе періодическихъ измѣненій въ сокращеніи сердца; появленіе же блока, по мнѣнію Cushny, зависитъ отъ того, что подъ вліяніемъ сердечныхъ средствъ, или же электрическаго раздраженія усиливается дѣятельность какъ предсердій, такъ и желудочковъ, но не увеличивается параллельно способность проведенія возбужденія у предсердно-желудочковыхъ волоконъ, вслѣдствіе чего зависимость сокращенія желудочковъ отъ предсердій и, наоборотъ, нарушается и каждый отдѣлъ сердца бьется самостоятельнымъ ритмомъ. Періодическія же колебанія объема сокращенія отдѣловъ сердца при диссоціаціи объясняются только измѣненіемъ сопротивленія току крови, идущему отъ предсердій къ желудочкамъ и зависятъ отъ взаимнаго соотношенія фазъ дѣятельности обѣихъ полостей. Замѣтивъ, что объемъ сокращенія предсердій и расслабленія желудочковъ меньше всего, когда систола предсердій совпадаетъ съ систолой желудочковъ. Cushny объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „Въ нормальномъ сердце, во время сокращенія предсердій, бываетъ расслабленіе желудочковъ, и кровь течетъ изъ сокращенной полости въ другую съ отрицательнымъ или нулевымъ давленіемъ. Такимъ образомъ, сокращенію предсердій давленіе въ полости желудочковъ не оказываетъ сопротивленія, но въ то же самое время въ желудочки вливается достаточно крови, чтобы предупредить въ нихъ появленіе отрицательнаго давленія и даже превратить его въ положительное. Въ томъ же случаѣ, когда предсердія сокращаются немного раньше по отношенію къ желудочковому циклу, т. е. въ періодъ полнаго сокращенія желудочковъ, волна крови изъ предсердій не можетъ попасть въ сокращающіеся желудочки, вслѣдствіе чего давленіе въ предсердіяхъ повышается и мѣшаетъ дальнѣйшему ихъ сокращенію; по этой причинѣ, систола предсердій становится менѣе полной, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Послѣдующая діастола желудочковъ появляется въ обычное время, но расслабленіе ихъ стѣнокъ не помогаетъ притокъ крови изъ предсердій, какъ въ нормѣ, такъ какъ діастола желудочковъ происхо-

дить одновременно съ разслабленіемъ предсердій. Слѣдовательно, извѣстная часть энергіи стѣнокъ желудочковъ тратится на преодоленіе низкаго давленія, вслѣдствіе чего діастола ихъ не будетъ такой полной, какъ въ нормальныхъ условіяхъ“. При дальнѣйшемъ совпаденіи ритма предсердій и желудочковъ, условія для ихъ сокращенія и разслабленія останутся постепенно благопріятнѣе, вслѣдствіе чего и объемъ ихъ сокращенія гесп. разслабленія постепенно увеличивается, достигая своего максимума въ тотъ моментъ, когда соотношеніе ихъ цикловъ будетъ такое же, какъ въ нормальныхъ условіяхъ. Благодаря этому обстоятельству, кривыя, полученныя отдѣльно отъ каждой полости сердца, имѣютъ уровень своихъ вершинъ въ формѣ лѣстницы. Такимъ образомъ, главной причиной, вызывающей уменьшеніе объема сокращенія предсердій, Cushny считаетъ увеличеніе давленія въ ихъ полости, появляющееся періодически и въ различной степени, въ зависимости отъ того, съ какой фазой цикла желудочковъ при диссоціаціи совпадаетъ ихъ сокращеніе.

Совершенно другое объясненіе періодическихъ уменьшеній сокращенія полостей сердца предложилъ Winterberg¹⁾. Работая на кошкахъ, онъ замѣтилъ, что въ далеко зашедшей стадіи отравленія хлористымъ кальціемъ наблюдается наступленіе правильно періодическихъ приступовъ безпорядочныхъ сокращеній предсердій и волнообразныхъ сокращеній желудочковъ (Ein Anfall von Flimmern der Vorhöfe und von Wogen der Ventrikel), во время которыхъ кровяное давленіе падаетъ, чтобы подняться опять, когда окончится припадокъ этой безпорядочной дѣятельности сердца. Такъ какъ эти явленія въ сердцѣ при отравленіи хлористымъ кальціемъ наступаютъ строго періодически, то и волны въ кровяномъ давленіи имѣютъ правильный характеръ, напоминая собой Траубе-Геринговскіе періоды, но зависящіе уже, конечно, отъ дѣятельности сердца (Druckschwankungen durch Flimmern des Herzens). При этомъ продолжительность каждой волны достигаетъ 7—8 секундъ, а колебанія давленія во время нея могутъ дойти до 40—50 mm. Hg., при чемъ, какъ отдѣленіе продолговатаго мозга, такъ и впрыскиваніе атропина не оказываютъ на нихъ существеннаго вліянія.

¹⁾ Heinrich Winterberg. Ueber rhythmische Blutdruckschwankungen kardialen Ursprunges. Zentralblatt f. Physiologie 1906. № 26.

Съ такимъ толкованіемъ этихъ явленій въ сердцѣ не согласился А. Cushny¹⁾, настаивая въ своей полемической замѣткѣ на своемъ прежнемъ объясненіи зависимости указанныхъ періодическихъ измѣненій въ кровяномъ давленіи только отъ диссоціаціи между предсердіями и желудочками и доказывая, что беспорядочныя сокращенія сердца (Flimmern) при отравленіи веществами изъ ряда наперстянки, наблюдаются только передъ остановкой сердца и никакого вліянія на колебанія кровяного давленія оказывать не могутъ.

Свои опыты надъ періодическими колебаніями кровяного давленія я производилъ исключительно на собакахъ. Методика изслѣдованія вкратцѣ была слѣдующая. Подъ морфійнымъ наркозомъ дѣлалась трахеотомія, отпрепаровывалась наружная яремная вена, черезъ которую, впослѣдствіи, въ кровь выпрыскивалось кураре и испытуемая сердечныя средства, а также обнажалась бедренная артерія, которая соединялась съ монетромъ. Когда наступалъ полный наркозъ и животное переставало, подъ вліяніемъ кураре, производить какія либо движенія, вскрывалась по средней линіи грудная клѣтка, разрѣзывалась по срединѣ сорочка, и сердце слегка приподнималось пришиваніемъ краевъ разрѣза сорочки къ кожѣ. Затѣмъ сердечныя ушки захватывались особыми пинцетиками (serre-fines), а за эпикардъ желудочковъ прикрѣплялись рыболовные крючки. Отъ серфинчиковъ и крючечковъ шли нити, переброшенныя черезъ легко подвижные блоки и прикрѣплялись къ металлическимъ петелькамъ, приклеенымъ къ срединѣ эластической перепонки особыхъ барабанчиковъ, металлическія трубочки которыхъ соединялись, посредствомъ каучуковой трубки, съ пишущими Мареѣвскими барабанчиками. Записываніе производилось на безконечной лентѣ перьями Ришара, черниломъ, при чемъ перья всѣхъ Мареѣвскихъ барабанчиковъ устанавливались на одной вертикали, нѣсколько отступая отъ пера монетра съ той цѣлью, чтобы перья барабанчиковъ не сталкивались съ его перомъ. Разстояніе между перьями каждый разъ до опыта точно отмѣчалось. Для разъясненія наблюдаемыхъ явленій приходилось, разумѣется, прибѣгать къ перерѣзкѣ и раздраженію симпатическо-блуждающихъ нервовъ. Перерѣзка спинного мозга въ такихъ случаяхъ дѣлалась до опыта между 1-мъ и 2-мъ шейными позвонками, а раздраженіе нервовъ производилось обыч-

¹⁾ Centralblatt f. Physiologie, № 3. S. 77—78. 1907.

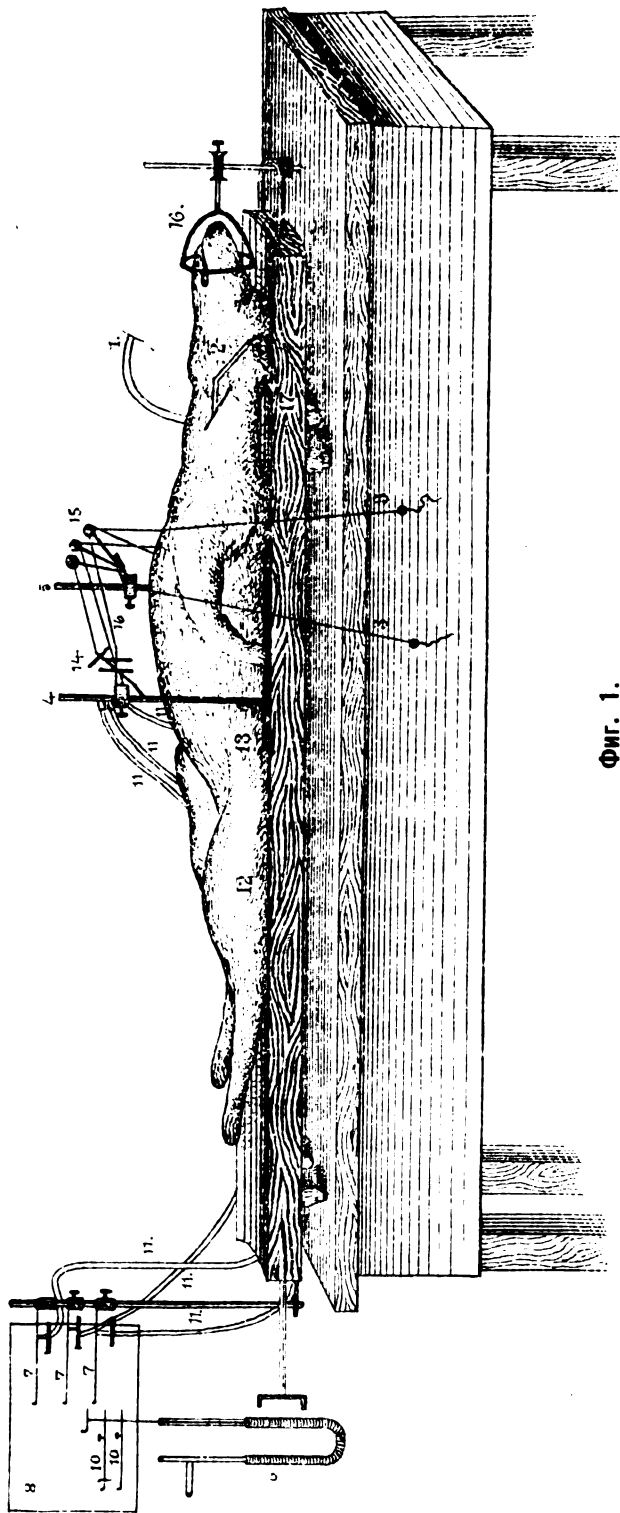
нымъ способомъ индукціоннымъ токомъ Du Bois Reymond-овскаго савнаго аппарата. Расположеніе опыта можно видѣть на схематическомъ рисункѣ № 1-ый.

Многочисленные опыты, поставленные мною съ цѣлью изученія сравнительнаго дѣйствія различныхъ сердечныхъ средствъ доставили также большой матерьялъ по колебаніямъ кровяного давленія, который, мнѣ кажется, позволяетъ выдѣлить два отдѣльныхъ вида ритмическихъ колебаній сердечнаго происхожденія: а) колебанія, зависящія отъ парализующаго дѣйствія различныхъ веществъ на окончанія желудочковыхъ блуждающихъ нервовъ и б) колебанія, зависящія отъ токсическаго дѣйствія различныхъ веществъ на мускуломоторный аппаратъ сердца.

А. Ритмическія колебанія кровяного давленія, зависящія отъ паралича окончаній желудочковыхъ волоконъ блуждающихъ нервовъ.

Извѣстно, что многія сердечныя средства изъ группы наперстянки, будучи введены въ кровь въ слишкомъ большомъ количествѣ, вмѣсто замедленія пульса, вызываютъ сильное его ускореніе. По мнѣнію всѣхъ авторовъ, работавшихъ надъ дѣйствіемъ этихъ средствъ, получающаяся въ данномъ случаѣ тахикардія зависитъ отъ того, что окончанія блуждающихъ нервовъ въ этой стадіи дѣйствія сердечныхъ средствъ парализуются, и сердце, такимъ образомъ, устраняется изъ подъ тоническаго вліянія центра блуждающихъ нервовъ. Мнѣніе это сложилось на основаніи того, что раздраженіе перифирического конца блуждающихъ нервовъ не оказываетъ на количество ударовъ сердца никакого вліянія. Однако же, при болѣе подробномъ изученіи дѣйствія сердечныхъ средствъ при помощи наблюденія не только за пульсомъ, но также и за самимъ сердцемъ, можно легко убѣдиться, что не всѣ волокна блуждающаго нерва парализуются въ одинаковой степени и, что желудочковыя волокна, вообще, относятся къ дѣйствію многихъ средствъ значительно чувствительнѣе, чѣмъ предсердечныя волокна. Другими словами, въ стадіи токсическаго дѣйствія многія сердечныя средства обладаютъ способностью вызывать дисгармонію въ функціи блуждающихъ нервовъ, благодаря чему, также нарушается правильность и послѣдова-

¹⁾ Подробное описаніе методики можно найти въ „Русскомъ Врачѣ“ за 1908 г.

Фиг. 1.

Схематический рисунок, представляющий расположение опыта.

1) Трахеотомическая трубка, соединенная съ аппаратомъ для искусственнаго дыханія. 2) Канюля, введенная въ vena jugul. ext. 3) Веревки, растягивающія грудную щель. 4) Стержень, укрѣпленный въ пластинкѣ (13), несущій горизонтальный стержень, на которомъ укрѣплены посредствомъ муфточекъ воспринимающіе барабанчики (14). 5) Стержень, на которомъ укрѣпленъ горизонтальный прутъ, несущій блоки (15). 6) Монотрѣ соединенный съ бедренной артеріей собаки. 7) Алюминьевыя перья пишущихъ Маревскихъ барабанчиковъ, несущія на концѣ перья Richard'a. 8) Безконечная лента бумаги отъ кимографона. 9) Перо монотрѣ, записывающее кровяное давленіе. 10) Перья отмѣчающія время и абсциссу. 11) Резиновая трубка, соединяющая воспринимающіе барабанчики съ пишущими. 12) Собака. 13) Нити, соединяющія петельки воспринимающіе барабанчики съ серфинчиками, укрѣпленными на различныхъ участкахъ сердца; нити, предварительно перекинуты черезъ блоки (15). 14) Намордникъ, фиксирующий голову собаки. 15) Подставка, на которой привязывается собака.

тельность работы различныхъ отдѣловъ сердца. Къ такимъ средствамъ относятся: дигиталинъ, дигиталеинъ, строфантинъ, дигитоксинъ, адонидинъ, конваломаринъ, апоцинеинъ, геллеборейнъ, хлористый барій и пр. Напротивъ, другія средства, какъ спартеинъ, коффеинъ указаннымъ свойствомъ не обладаютъ и въ токсическомъ стадіи своего дѣйствія парализуютъ въ одинаковой степени окончанія, какъ желудочковыхъ, такъ и предсердечныхъ волоконъ блуждающихъ нервовъ.

Поэтому, если ввести въ кровь сразу достаточное количество вещества изъ первой группы сердечныхъ средствъ, обладающихъ избирательной способностью по отношенію къ различнымъ волокнамъ блуждающихъ нервовъ, то иногда удается получить параличъ окончанія только однихъ желудочковыхъ волоконъ, вслѣдствіе чего желудочки начинаютъ биться ускореннымъ ритмомъ, въ то время, какъ предсердія сокращаются ритмомъ болѣе медленнымъ. Болѣе медленный ритмъ предсердій зависитъ отъ того, что они остаются еще подъ вліяніемъ блуждающихъ нервовъ, въ чемъ легко можно убѣдиться, если раздражить периферическій конецъ блуждающаго нерва; въ этомъ случаѣ во время раздраженія останавливаются только одни предсердія, а желудочки продолжаютъ биться прежнимъ ритмомъ; точно также перерѣзка блуждающихъ нервовъ вызываетъ учащеніе біенія только предсердій и устраненіе диссоціаціи между ними и желудочками. При этомъ, если записывать непосредственно сокращенія желудочковъ и предсердій, то нетрудно замѣтить, что они сокращаются совершенно независимо другъ отъ друга, благодаря чему отдѣльныя ихъ сокращенія то совпадаютъ, то нѣтъ; получается то явленіе въ сердцѣ, которое по предложенію Gaskell'я принято называть въ физиологій сердечнымъ блокомъ. Но, такъ какъ предсердія, очевидно, подъ вліяніемъ раздражающаго дѣйствія сердечныхъ средствъ, бьются также довольно часто, то количество ударовъ желудочковъ въ единицу времени превосходитъ немногимъ количество ударовъ предсердій, напримѣръ, на 50—60 ударовъ въ одну минуту. Съ теченіемъ времени циркулирующее въ крови вещество все больше и больше парализуетъ окончаніе предсердечныхъ волоконъ и разница между количествомъ ударовъ желудочковъ и предсердій постепенно уменьшается, доходя до 10—15 ударовъ въ одну минуту. (См. крив. № 1).

Какъ только наступаетъ диссоціація между предсердіями и желудочками, сейчасъ же на кривой кровяного давленія начинаютъ

появляются ритмическія колебанія, напоминающія по своему внѣшнему виду Траубе-Геринговскія волны, но по механизму своего происхожденія, не имѣющія съ ними ничего общаго. Впрыскиваніе атропина, перерѣзка обоихъ симпатическо-блуждающихъ нервовъ, или раздраженіе периферическаго конца одного изъ блуждающихъ нервовъ ведетъ къ полному исчезновенію этихъ періодическихъ колебаній, въ то время, какъ истинныя Траубе-Геринговскія волны при этихъ обстоятельствахъ остаются, какъ извѣстно, неизмѣненными. Эти волны находятся, слѣдовательно, въ зависимости отъ диссоціаціи между предсердіями и желудочками, такъ какъ всѣ средства, которыя устраняютъ диссоціацію вмѣстѣ съ тѣмъ влекутъ за собой исчезаніе описываемыхъ колебаній. Эта диссоціація вызвана парализующимъ вліяніемъ сердечныхъ средствъ на окончанія только желудочковыхъ волоконъ; дѣйствительно, если параличъ окончаній проходитъ, то исчезаютъ и явленія сердечнаго блока, и кривая кровяного давленія перестаетъ обнаруживать какія либо колебанія. Такъ, напримѣръ, если впрыснуть хлористый баріитъ, получить параличъ желудочковыхъ волоконъ блуждающаго нерва и колебанія кровяного давленія, затѣмъ выждать нѣкоторое время, то всѣ указанныя явленія сами по себѣ проходятъ; повтореніемъ впрыскиванія въ кровь хлористаго барія можно опять вызвать колебанія давленія, при чемъ посредствомъ раздраженія периферическаго конца блуждающаго нерва, убѣдиться, что исчезновеніе волнъ совпадаетъ съ восстановленіемъ функціи его желудочковыхъ волоконъ, а появленіе волнъ съ наступленіемъ паралича ихъ. По этой же причинѣ, впрыскиваніе атропина и перерѣзка блуждающихъ нервовъ также вызываютъ исчезновеніе этихъ періодическихъ колебаній кровяного давленія. Понятно, что атропинъ, парализуя окончанія предсердныхъ волоконъ, устраняетъ тѣмъ самымъ и диссоціацію; въ такомъ же смыслѣ дѣйствуетъ и перерѣзка блуждающихъ нервовъ, такъ какъ и она удаляетъ предсердія изъ подъ вліянія центра блуждающихъ нервовъ.

Что касается вліянія раздраженія периферическаго конца симпатическо-блуждающаго нерва на волнообразныя колебанія, то надо замѣтить, что нѣкоторые авторы еще раньше обратили на него вниманіе. Такъ проф. И. П. Павловъ ¹⁾ упоминаетъ, что Траубе-Герин-

¹⁾ Dr. J. P. Pawlow. Ueber die centrifugalen Nerven des Herzens. Archiv. v. Du Bois-Reymond. 1888, Phys. Ab. S. 498.

говскія волны, которія онъ наблюдалъ, послѣ введенія въ кровь дѣйствующихъ веществъ ландыша, исчезали подѣ вліаніемъ раздраженія периферическаго конца блуждающаго нерва; этотъ же фактъ отрицаетъ въ своей работѣ и д-ръ Косткевичъ¹⁾, занимавшійся изслѣдованіемъ дѣйствія апоцина на сердце и на сосудистую систему. Но какъ Павловъ, такъ и д-ръ Косткевичъ не дали этому факту никакого объясненія. Впрочемъ, по условіямъ своихъ опытовъ, они и дать его не могли, такъ какъ отождествляли видѣнныя ими волны съ настоящими періодами Траубе, не предполагая, что онѣ сердечнаго происхожденія. Исчезновеніе колебаній кровяного давленія послѣ раздраженія периферическаго конца блуждающаго нерва, могло сдѣлаться повятнымъ лишь при записываніи не только кровяного давленія, но также и непосредственной дѣятельности обѣихъ полостей сердца. Впослѣдствіи, мы увидимъ, что диссоціація между предсердіями и желудочками вызываетъ періодическое постепенное уменьшеніе и увеличеніе энергіи сокращенія полостей сердца, отъ которой непосредственно и зависятъ описываемыя колебанія кровяного давленія.

Какъ ясно изъ кривой № 2, раздраженіе периферическаго конца блуждающаго нерва ведетъ за собою полную остановку предсердій. Такъ какъ остановка предсердій устраняетъ явленіе диссоціаціи, потому что во время нея бьются одни желудочки, то, естественно, и кривая кровяного давленія, зависящая въ этомъ случаѣ отъ одинаковыхъ, правильныхъ и ритмическихъ сокращеній желудочковъ, не испытываетъ больше колебанія. Прекращеніе раздраженія нерва сопровождается, конечно, появленіемъ ритмическихъ колебаній, такъ какъ предсердія снова начинаютъ сокращаться въ прежнемъ своемъ ритмѣ, который медленнѣй желудочковаго.

Возвращаясь къ описанію ритмическихъ колебаній, нужно отмѣтить, что количество ихъ въ минуту находится въ прямой зависимости отъ разницы между количествомъ сокращеній предсердій и желудочковъ, конечно, при томъ условіи, если на одно колебаніе въ кровяномъ давленіи приходится одинъ только лишній ударъ желудочковъ и если въ данную единицу времени, какъ ритмъ пред-

¹⁾ А. Косткевичъ. Материалы къ изученію вліанія Аросупіні Amorphi Merck'a на кровообращеніе у холоднокровныхъ и теплокровныхъ животныхъ. Дис. 1898.

сердцѣй, такъ и ритмъ желудочковъ остаются постоянными (безъ ускоренія или замедленія). Если мы обратимся къ крив. № 1, то эта закономерность станетъ еще нагляднѣе. На нихъ прекрасно видно, какъ въ зависимости отъ измѣненія частоты ритма предсердцѣй при постоянномъ ритмѣ желудочковъ мѣняется количество колебаній въ каждыя 10 секундъ. Въ то время, какъ въ промежуткѣ А, въ теченіе котораго предсердцѣ сократились 24, а желудочки 32 раза, наблюдалось 8 колебаній, въ теченіе 10 секундъ промежутка Б, во время котораго было 30 ударовъ предсердцѣй получилось только двѣ волны въ кровяномъ давленіи, тогда какъ въ промежуткѣ К, гдѣ произошло 31 сокращеніе предсердцѣй—одно колебаніе кровяного давленія. Эта закономерность, разумѣется, нарушается въ томъ случаѣ, когда отношеніе ритма между желудочками и предсердцѣями больше, чѣмъ на одно сокращеніе ($V_r = A_r + 1$), напримѣръ, на два или три сокращенія. Впрочемъ, такое соотношеніе я, вообще, встрѣчалъ чрезвычайно рѣдко и, можно сказать, что формула $V_r = A_r + 1$ является правиломъ для этого вида диссоціаціи. Что касается до высоты волны во время одного колебанія, то въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой закономерности. Правда, до извѣстной степени она находится въ зависимости отъ средняго уровня давленія и отъ продолжительности колебанія и, обычно, волны бываютъ тѣмъ больше, чѣмъ выше стоитъ среднее кровяное давленіе и тѣмъ ниже, чѣмъ волны короче.

Описываемыя волнообразныя колебанія наблюдаются какъ при низкомъ давленіи (60 - 80 mm. Hg.), такъ и при очень высокомъ (выше 200 mm. Hg.), но волны охотнѣе всего появляются при среднемъ давленіи. Абсолютная величина каждаго колебанія очень рѣдко достигаетъ 60—70 mm. Hg. чаще оно бываетъ въ предѣлахъ 25—30 mm. Hg., хотя наблюдаются волны, во время которыхъ давленіе испытываетъ еще меньшія колебанія—10—15 mm. Hg. (см. кр. № 1). Количество сокращеній сердца, какъ въ періодъ подъема, такъ и во время опусканія волны кровяного давленія остается постояннымъ, при этомъ оба отдѣла сердца бьются совершенно ритмично, что вполне понятно, такъ какъ мышца сердца въ стадіѣ появленія описанныхъ волнъ страдаетъ еще очень мало. Отсутствіе аритміи во время этихъ волнообразныхъ колебаній отличаетъ ихъ, до извѣстной степени, отъ другого вида періодическихъ колебаній сердечнаго происхожденія, зависящихъ отъ токсическаго дѣйствія сердечныхъ

средствъ на мускуломоторный аппаратъ сердца, во время которыхъ аритмическіе удары встрѣчаются очень часто. Однако же энергія сокращенія во время восходящаго и нисходящаго колѣна волны у предсердій и желудочковъ будутъ различны и при этомъ въ противоположномъ смыслѣ—въ то время, какъ предсердія сокращаются слабо, желудочки производятъ энергичныя сокращенія и, наоборотъ, во время болѣе сильныхъ сокращеній предсердій наблюдаются болѣе медленныя и слабыя систолы желудочковъ. При этомъ (см. кривую № 1) подъемъ кровяного давленія совпадаетъ съ болѣе сильными сокращеніями предсердій, а опущеніе съ болѣе слабыми; (особенно это видно на кривыхъ промежутка F и K). Отсюда, естественно, поставитъ въ связь и повышеніе кровяного давленія съ нарастаніемъ энергіи сокращенія у предсердій.

Если тщательно разсматривать кривыя сокращеній предсердій и желудочковъ, то очень часто можно замѣтить на кривой одного отдѣла сердца отпечатокъ дѣятельности другого, что при диссоціации позволяетъ разбираться въ томъ, какія изъ сокращеній предсердій и желудочковъ столкнулись другъ съ другомъ и въ какой фазѣ своего цикла (см. крив. № 1 и 3). Сопоставленіе многихъ кривыхъ, а также наблюденіе падъ самимъ сердцемъ убѣдили меня въ томъ, что энергія сокращенія предсердія уменьшается въ томъ случаѣ, когда желудочки настигаютъ предсердія, а систолы обѣихъ полостей начинаютъ совпадать; при этомъ слабѣе всего предсердіе сокращается тогда, когда его систола сталкивается съ моментомъ наибольшаго сокращенія желудочковъ. Начиная съ этого момента уже при слѣдующихъ совпаденіяхъ энергія сокращенія съ каждой его систолой все нарастаетъ и достигаетъ своего наибольшаго развитія тогда, когда слѣдующая систола желудочковъ станетъ къ ней въ положеніе, какъ въ нормальномъ сердцѣ. Наоборотъ, объемъ сокращеній желудочковъ измѣняется въ противоположномъ направленіи—онъ увеличивается при совпаденіи и уменьшается при расхожденіи систоль, хотя объемъ діастолы желудочковъ измѣняется въ совершенно обратномъ смыслѣ. Отъ этого постепеннаго нарастанія энергіи сокращенія предсердія и одновременнаго параллельнаго увеличенія объема діастолы желудочковъ и зависитъ постепенный подъемъ кровяного давленія, а отъ уменьшенія энергіи сокращенія—пониженіе давленія.

Въ нормальномъ сердцѣ при тахикардіи большая часть крови вливается въ желудочки въ моментъ сокращенія предсердія, такъ какъ извѣстно, что тахикардія, главнымъ образомъ развивается на счетъ уменьшенія продолжительности діастолы, продолжительность же систолы, какъ предсердія, такъ и желудочковъ при ускореніи ритма измѣняется очень мало (см. Tigerstedt. Physiologie des Kreislaufes. S. 127—146), благодаря чему почти вся діастола желудочковъ занята сокращеніемъ предсердія. По этой причинѣ, работа предсердій при тахикардіи должна, конечно, оказывать значительное вліяніе на количество крови, поступающее въ желудочки сердца, а при однообразной работѣ послѣднихъ и на кровяное давленіе. При диссоціаціи, сопровождающейся тахикардіей желудочковъ кровь не можетъ перейти въ сокращенные желудочки и остается въ предсердіяхъ, отчасти возвращаясь обратно въ венозную систему. Это переполненіе предсердій кровью растягиваетъ ихъ стѣнки и препятствуетъ полнотѣ ихъ сокращенія, благодаря чему систола ихъ становится болѣе слабой, что и сказывается на кривой. Когда затѣмъ паступаетъ діастола желудочковъ, то кровь въ ихъ полость переходитъ уже не подъ вліяніемъ сокращенія предсердія, которое въ это время также находится въ состояніи расслабленія, а только въ силу присасывающаго дѣйствія желудочковъ, вслѣдствіе чего крови въ желудочки поступаетъ меньше, чѣмъ въ нормальномъ состояніи, а, слѣдовательно, при послѣдующей систолѣ ихъ и въ артеріальную систему крови перейдетъ меньше, благодаря чему давленіе начнетъ падать; паденіе давленія будетъ продолжаться не только въ моментъ этой систолы желудочковъ, но также и при слѣдующемъ ихъ сокращеніи, такъ какъ при только что окончившейся систолѣ тоже наблюдалось совпаденіе сокращенія предсердій, а слѣдовательно, условія для наполненія желудочковъ остались прежними. Отсюда ясно, что давленіе прогрессивно будетъ падать до тѣхъ поръ, пока систолы обѣихъ полостей сердца не начнутъ расходиться. Какъ только систола предсердій, хотя-бы при своемъ окончаніи станетъ падать на начало діастолы желудочковъ, сейчасъ-же переполненное предсердіе начнетъ освобождаться отъ своего запаса крови; въ желудочки во время ихъ діастолы будетъ поступать все больше и больше крови, а слѣдовательно, и давленіе начнетъ постепенно повышаться и достигнетъ своего максимума послѣ той систолы желудочковъ, которой предшествовало наиболѣе энергичное сокращеніе предсердій, распо-

ложившееся на нормальномъ по отношенію къ циклу желудочковъ разстояніи. Освобождающееся съ каждой новой своей систолой отъ избытка крови предсердіе, сокращается все энергичнѣе и энергичнѣе до тѣхъ поръ, пока желудочки опять не достигнутъ предсердій и систолы обѣихъ полостей не совпадутъ. Другими словами, пока въ сердцѣ наблюдается диссоціація между предсердіями и желудочками, до тѣхъ поръ и будетъ періодическое измѣненіе энергіи сокращенія его полостей, а слѣдовательно, и ритмическія колебанія кровяного давленія.

Такимъ образомъ, описанныя колебанія кровяного давленія, будучи похожи по своему внѣшнему виду на волны Traube-Nering-a, зависятъ не отъ періодической дѣятельности вазомоторнаго центра, а отъ диссоціаціи между предсердіями и желудочками сердца, вызванной параличемъ окончаній однихъ желудочковыхъ волоконъ блуждающихъ нервовъ и возбужденіемъ сердечной мышцы.

В. Ритмическія колебанія кровяного давленія, зависяція отъ токсическаго дѣйствія нѣкоторыхъ веществъ на мускулоmotorный аппаратъ сердца.

Если, получивъ вышеописанныя колебанія кровяного давленія, продолжать вводить въ крови животнаго маленькія дозы сердечнаго средства, вызвавшаго диссоціацію, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти колебанія исчезаютъ и кривая кровяного давленія становится опять совершенно ровной, не обнаруживая никакихъ волнъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращенія предсердій и желудочковъ снова дѣлаются одвообразными по своей энергіи, а ритмъ обѣихъ полостей сердца одинаковымъ по частотѣ. Въ это время при раздраженіи периферическаго конца блуждающаго нерва уже нельзя получить полной остановки предсердій; раздраженіе нерва остается безъ эффекта, какъ для желудочковъ, такъ и для предсердій. Это значитъ, что окончанія предсердечныхъ волоконъ также парализовались, вслѣдствіе чего и предсердія устранились изъ подъ тоническаго вліянія центра блуждающихъ нервовъ, а сокращеніе желудочковъ стало совершаться нормальнымъ порядкомъ — вслѣдствіе импульсовъ, возникающихъ въ предсердіяхъ и переходящихъ въ желудочки; другими словами, исчезли какъ диссоціація, такъ и идиовентрикулярный ритмъ желудочковъ. Продолжая вводить испытуемое средство небольшими дозами, можно снова получить колебанія кровяного давленія, со-

вершено аналогичныя съ первыми, по зависящія, надо полагать, уже отъ токсическаго вліянія на мускуломоторный аппаратъ сердца. Эти колебанія кровяного давленія можно получить сразу, не вызывая предварительно перваго вида описанныхъ колебаній, въ тѣхъ случаяхъ, если маленькія дозы сердечнаго средства вводятся съ самаго начала опыта. Тогда, очевидно, предсердечныя и желудочковыя волокна блуждающихъ нервовъ парализуются постепенно, параллельно и въ одинаковой степени въ каждый моментъ, благодаря чему не получается дисгармоніи въ функціи различныхъ волоконъ. Тотъ-же характеръ носятъ колебанія кровяного давленія въ томъ случаѣ, если у животнаго до начала впрыскиванія сердечнаго средства перерѣзаны оба блуждающихъ нерва, или же вприснутъ атропинъ. Равнымъ образомъ, они получаютъ тогда, когда употреблена такая доза кураре, которая производитъ общій параличъ окончаній блуждающихъ волоконъ. Надо замѣтить, что большая доза стрѣльнаго яда, вообще, не позволяетъ получать колебанія кровяного давленія, зависящія отъ паралича однихъ желудочковыхъ волоконъ, по той причинѣ, что кураре парализуетъ въ одинаковой степени, какъ желудочковыя, такъ и предсердечныя волокна блуждающихъ нервовъ, но оно, конечно, не препятствуетъ возникновенію диссоціи мышечнаго характера. Такъ какъ колебанія, зависящія отъ мышечной диссоціи получаютъ въ тотъ моментъ, когда окончанія блуждающихъ нервовъ для обоихъ отдѣловъ сердца обыкновенно уже парализованы, то раздраженіе периферическаго конца симпатическо-блуждающаго нерва не оказываетъ вліянія на эти колебанія; въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, когда предсердія бьются чаще желудочковъ, раздраженіе нервовъ сильнымъ токомъ вызываетъ увеличеніе продолжительности волны, зависящее отъ того, что оно обусловливаетъ все-таки нѣкоторое замедленіе ритма, при чемъ не въ одинаковой степени для предсердій и желудочковъ; благодаря послѣднему обстоятельству, рядъ несовпадающихъ систоль обѣихъ полостей также увеличивается, а слѣдовательно и волнообразное колебаніе нѣсколько растягивается (см. кр. № 4); раздраженіе же слабымъ токомъ и въ этихъ случаяхъ не оказываетъ на волнообразныя колебанія никакого вліянія. Впрыскиваніе атропина, перерѣзка спинного мозга и блуждающихъ нервовъ во время этихъ волнообразныхъ колебаній также не имѣютъ существеннаго значенія, что заставляетъ предполагать, что волны зави-

сятъ отъ токсическаго дѣйствія введеннаго средства на мускуло-моторный аппаратъ сердца, а не на окончанія блуждающихъ нервовъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что цѣлость блуждающихъ нервовъ играетъ, очевидно, и въ этотъ моментъ въ дѣятельности сердца нѣкоторую роль, такъ какъ мнѣ не разъ приходилось видѣть внезапную остановку сердца въ моментъ перерѣзки нервовъ или вырскивания атропина.

Описываемыя колебанія кровяного давленія появляются, какъ сказано, только тогда, когда въ сердцѣ опять возникаетъ диссоціація между предсердіями и желудочками и надо согласиться съ Cushny, что безъ сердечнаго блока никогда не наблюдается этихъ волнообразныхъ колебаній. При этомъ диссоціація бываетъ двоякаго характера: или желудочки сокращаются чаще, чѣмъ предсердія и въ такомъ случаѣ, колебанія кровяного давленія зависятъ отъ того, что желудочки настигаютъ предсердія, или же, что бываетъ рѣже, ритмъ предсердій чаще, чѣмъ желудочковъ и тогда колебанія зависятъ отъ того, что предсердія настигаютъ желудочки. Что касается причины возникновенія диссоціи, то можно принять объясненіе, предложенное Cushny, что сердечныя средства вызываютъ рѣзкое повышеніе возбудимости мускуломоторнаго аппарата, какъ предсердій такъ и желудочковъ, не увеличивая параллельно способности проведенія возбужденія у тѣхъ нервно-мышечныхъ волоконъ, по которымъ нормально возбужденія, возникающія въ предсердіяхъ доходятъ до желудочковъ, благодаря чему при этомъ видѣ диссоціи, возбужденія, возникающія въ предсердіяхъ, не могутъ переходить въ желудочки, а зарождающіяся въ желудочкахъ достигать предсердій. Это объясненіе атрио-вентрикулярной аритміи, мнѣ кажется, вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе, что сердечныя средства просто угнетаютъ дѣятельность связывающихъ волоконъ, такъ какъ оно больше гармонируетъ съ общимъ характеромъ дѣйствія сердечныхъ средствъ повышать дѣятельность мышцы сердца, а не уменьшать ее. Тѣмъ болѣе, что по наблюденію Cushny (1. с. pp. 60—61) и въ нѣкоторыхъ нормальныхъ сердцахъ можно встрѣтить пониженіе функциональной способности у связывающихъ волоконъ, благодаря чему они удовлетворяя вполнѣ своему назначенію въ нормальномъ сердцѣ, при повышенномъ требованіи (напр., при раздраженіи сердца электричествомъ) уже не могутъ справиться съ своей задачей, вслѣдствіе чего въ сердцѣ возникаетъ предсеречно-желудочковая аритмія.

Періодическія совпаденія сокращеній обѣихъ полостей сердца такъ же, какъ и въ предыдущей диссоціаці, зависящей отъ паралича окончаній однихъ только желудочковыхъ волоконъ блуждающихъ нервовъ, вызываютъ ритмическія колебанія въ объемѣ систоли предсердій и переполненіе ихъ кровью, а слѣдовательно, и меньшее поступленіе крови въ желудочки сердца. Последнее обстоятельство отражается, разумѣется, на количествѣ крови, поступающей во время систолы лѣваго желудочка въ артеріальную систему и, такимъ образомъ, на кровяномъ давленіи; а такъ какъ условія наполненія желудочковъ сердца мѣняются правильно періодически, то и колебанія кровяного давленія также носятъ ритмическій характеръ. Иначе говоря, механизмъ волнообразныхъ колебаній при этой диссоціаці тотъ же, что и при атрио-вентрикулярной аритміи нервного происхожденія. При этомъ повышеніе давленія совпадаетъ съ увеличеніемъ объема сокращенія предсердій, а пониженіе съ уменьшеніемъ его. Этотъ видъ ритмическихъ колебаній даетъ намъ возможность убѣдиться, что въ механизмѣ волнообразныхъ колебаній кровяного давленія сердечнаго происхожденія главная роль принадлежитъ періодически мѣняющейся работѣ предсердій, а не желудочковъ, которые, очевидно, измѣняютъ продуктивность своей работы только въ зависимости отъ дѣятельности предсердій. Такъ какъ предсердія относятся чувствительнѣе къ токсическому дѣйствию сердечныхъ средствъ, чѣмъ желудочки, то иногда въ періодъ волнообразныхъ колебаній, предсердія сразу останавливаются, въ то время какъ желудочки сердца продолжаютъ сокращаться прежнимъ ритмомъ и съ прежней энергіей. Однако, не смотря на это колебанія кровяного давленія сейчасъ же послѣ остановки предсердій прекращаются, хотя средней уровень давленія можетъ остаться на той же высотѣ (см. кр. № 5).

Количество сокращеній, какъ предсердій, такъ и желудочковъ во время подъема и опусканія волны при этомъ видѣ волнообразныхъ колебаній обыкновенно одинаково, хотя ритмъ желудочковъ часто нарушается отдѣльными экстрасистолами, благодаря чему на поверхности волны не рѣдко можно замѣтить еще отдѣльныя колебанія, зависящія исключительно отъ экстрасистолическихъ сокращеній желудочковъ (см. кр. № 6).

Высота волнъ бываетъ различна, начиная отъ 10—15 мм., кончая 60—70 мм. ртути, находясь отчасти въ зависимости отъ сред-

ного уровня бокового давления. При низкомъ давленіи, какъ напримѣръ, въ опытахъ съ перерѣзкой спинного мозга, колебанія давленія рѣдко превышаютъ 20 мм. ртути, тогда какъ у старыхъ собакъ съ высокимъ боковымъ давленіемъ они часто достигаютъ 70 мм. Нг. Количество колебаній въ одну минуту не поддается учету, завися исключительно отъ характера совпаденій ритма обѣихъ полостей, но въ общемъ, чѣмъ рядъ несовпадающихъ сокращеній длиннѣе, тѣмъ количество волнообразныхъ колебаній меньше, и наоборотъ. Будучи схожи по своему внѣшнему виду съ Траубовскими волнами, эти колебанія сердечнаго происхожденія отличаются отъ нихъ, какъ мы видимъ, по механизму и условіямъ своего происхожденія. Въ то время какъ непремѣннымъ условіемъ возникновенія Траубовскихъ періодовъ является нѣкоторая венозность крови и связь периферической сосудистой системы съ вазомоторнымъ центромъ, для волнъ сердечнаго происхожденія оба эти обстоятельства не имѣютъ рѣшительно никакого значенія. Волнообразныя колебанія, зависящія отъ диссоціаціи, появляются какъ при пересыщеніи крови углекислотой, такъ и при богатствѣ въ ней кислорода, благодаря чему на эти волны, какъ частый ритмъ искусственнаго дыханія, такъ и полное прекращеніе дыханія не оказываютъ никакого вліянія. Последнее обстоятельство позволяетъ отличать волны сердечнаго происхожденія отъ колебаній кровяного давленія, получающихся въ результатъ интерференціи дыхательныхъ и пульсовыхъ колебаній (Schwankungen durch Interferenz).

Внѣшнее сходство волнообразныхъ колебаній, зависящихъ отъ диссоціаціи въ сердцѣ съ волнами Траубе внесло, надо думать, также извѣстную неясность въ главу о періодическихъ колебаніяхъ кровяного давленія и, быть можетъ, многія колебанія, принимавшіяся раньше за типичныя волны Траубе, надо отнести къ колебаніямъ, которыя наблюдались въ опытахъ съ введеніемъ въ кровь различныхъ фармакологическихъ веществъ. Такъ, напримѣръ, опыты Wood'a ¹⁾, гдѣ онъ, желая устранить дыхательный центръ, вводилъ въ кровь животнаго *Veratrum viride*, съ этой стороны внушаютъ нѣкоторое подозрѣніе и уже Plumier ²⁾, подвергнуши ихъ критиче-

¹⁾ H. C. Wood. The origin of the Traube Waves. The American Journal of Physiology. 1899, vol. 2.

²⁾ Plumier l. c. pp. 261—268

скому анализу, пришелъ къ тому выводу, что колебанія, которыя наблюдалъ Wood врядь ли могутъ быть отнесены къ типичнымъ Траубовскимъ періодамъ, такъ какъ во время нихъ можно замѣтить измѣненіе въ дѣятельности самаго сердца.

Мы описали два вида диссоціаціи между предсердіями и желудочками и отсюда два вида ритмическихъ колебаній кровяного давленія сердечнаго происхожденія. Различіе между ними заключается въ томъ, что колебанія, зависящія отъ паралича окончаній желудочковыхъ волоконъ блуждающихъ нервовъ исчезаютъ послѣ всѣхъ воздѣйствій, вызывающихъ или параличъ окончаній предсердныхъ волоконъ (атропинъ, перерѣзка шейныхъ симпатическо-блуждающихъ нервовъ), или же остановку предсердій (раздраженіе периферическаго конца блуждающаго нерва), въ то время какъ ритмическія колебанія, обусловленныя диссоціаціей нервно-мышечнаго характера при этихъ условіяхъ не испытываютъ никакого измѣненія. Однако, надо замѣтить, что получить два такихъ чистыхъ вида періодическихъ колебаній подъ вліяніемъ дѣйствія сердечныхъ средствъ не такъ легко, и въ большинствѣ случаевъ при диссоціаціи бывають дѣйствительны оба фактора, какъ дисгармонія функціи блуждающихъ нервовъ для обѣихъ полостей сердца, такъ и измѣненіе функціональныхъ свойствъ мускулоmotorнаго аппарата сердца; благодаря этому обстоятельству экспериментально вызвать диссоціацію легче при помощи тѣхъ сердечныхъ средствъ, которыя дѣйствительны въ обоихъ отношеніяхъ (препараты изъ группы дигиталиса) и трудно (коффеинъ, гидрастининъ) или просто невозможно, когда вещество обладаетъ только однимъ изъ указанныхъ свойствъ (спартеинъ). Такимъ образомъ, между этими двумя основными видами диссоціаціи имѣется еще цѣлый рядъ другихъ, гдѣ одновременно на сердце дѣйствуютъ оба указанныхъ фактора, при чемъ то одинъ превалируетъ, то другой; но внѣшній видъ колебаній кровяного давленія можетъ оставаться однообразнымъ. Отсюда понятно, что очень часто перерѣзка центробѣжныхъ нервовъ сердца, впрыскиваніе атропина, или раздраженіе периферическаго конца блуждающаго нерва на совершенно одинаковыя ритмическія колебанія могутъ оказывать различный эффектъ. Напр., въ однихъ случаяхъ раздраженіе нерва измѣняетъ только высоту волны, или про-

должительность ея, въ другихъ, при томъ же внѣшнемъ видѣ волнообразныхъ колебаній, оно уже вызываетъ въ періодъ раздраженія перва появленіе новыхъ колебаній, зависящихъ отъ того, что раздраженіе измѣняетъ соотношеніе между ритмомъ предсердій и желудочковъ $\left(\frac{A_T}{V_T}\right)$.

Спрашивается, бываютъ ли ритмическія колебанія кровяного давленія сердечнаго происхожденія ¹ безъ атриовентрикулярной аритміи? Какъ мы знаемъ Cushny объяснялъ колебанія кровяного давленія исключительно диссоціаціей, въ то время какъ Winterberg главную причину колебаній видѣлъ въ періодическомъ наступленіи беспорядочныхъ сокращеній сердца (Flimmern des Herzens). Однако же, анализируя кривыя самаго Винтерберга можно легко замѣтить, что предсердія и желудочки сокращаются не одинаковымъ и независимымъ другъ отъ друга ритмомъ, на что въ свое время въ своихъ возраженіяхъ указывалъ Cushny. Это обстоятельство позволяетъ колебанія, описываемыя Винтербергомъ, также объяснять періодическими измѣненіями продуктивной работы сердца, въ зависимости отъ диссоціаціи, а не періодическими наступленіями беспорядочныхъ сокращеній сердца, какъ это дѣлаетъ Винтербергъ. Тѣмъ болѣе, въ опытахъ Винтерберга въ періодъ уменьшенія объема сокращеній полостей сердца, ритмъ ихъ остается правильнымъ, всѣ систолы равными по своей силѣ, что, вообще, при мерцательныхъ сокращеніяхъ сердца наблюдается чрезвычайно рѣдко. Съ своей стороны, я долженъ прибавить, что періодическія колебанія кровяного давленія только въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдаются во время мерцательныхъ (Flimmern) сокращеній сердца, при чемъ, если они и случаются, то по внѣшнему виду эти колебанія обыкновенно не похожи ни на волны Траубе, ни на волны Маера. Въ своихъ опытахъ я наблюдалъ мерцательныя и волнообразныя сокращенія въ сердцѣ только непосредственно передъ его остановкой, при чемъ въ этотъ періодъ желудочки сердца совершаютъ такія неправильныя, какъ по ритму, такъ и по силѣ сокращенія, что они не могутъ произвести такихъ волнъ въ кровяномъ давленіи, какъ колебанія Траубе. Во время этихъ мерцательныхъ сокращеній сердца давленіе обыкновенно падаетъ и только въ исключительныхъ случаяхъ, когда среди беспорядочныхъ сокращеній наступаютъ періоды болѣе энергичныхъ систолъ желудочковъ, кровяное

давление можетъ испытывать нѣкоторое повышение. А такъ какъ можетъ существовать извѣстная періодичность въ чередованіи промежутковъ болѣе правильной дѣятельности желудочковъ съ періодами беспорядочныхъ ихъ сокращеній, то и колебанія кровяного давления могутъ, благодаря этому, носить ритмическій характеръ (см. кр. № 7). Такимъ образомъ, если мерцательныя сокращенія сердца и играютъ нѣкоторую роль въ образованіи періодическихъ колебаній кровяного давления, то самую незначительную, въ основѣ же всѣхъ ритмическихъ колебаній сердечнаго происхожденія лежатъ періодическія измѣненія энергій сокращенія предсердій и связанное съ ними уменьшеніе поступленія крови въ артеріальную систему въ періодъ совпаденія систоль обоихъ отдѣловъ сердца при атрио-вентрикулярной аритміи. Отсюда какъ бы слѣдуетъ, что разъ въ сердцѣ имѣется предсеречно-желудочковая диссоціація, то въ кровяномъ давленіи обязательно будутъ наблюдаться ритмическія колебанія. И дѣйствительно, обыкновенно это такъ и бываетъ. Однако же встрѣчаются и исключенія; именно, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣется тахикардія желудочковъ и нормальный или даже замедленный ритмъ предсердій (см. кр. № 8). Тогда уменьшеніе поступленія крови въ желудочки и въ артеріальную систему въ моментъ совпаденія систоль обѣихъ полостей не успѣваетъ сказываться на кимографической кривой, такъ какъ незначительное колебаніе давления быстро выравнивается скоро слѣдующими другъ за другомъ сокращеніями желудочковъ; въ этихъ случаяхъ, хотя на кривой сокращенія предсердій можно замѣтить періодическія уменьшенія, но кимографическая кривая остается почти горизонтальной.

Итакъ необходимо признать, что въ кровяномъ давленіи подъ вліяніемъ различныхъ фармакологическихъ веществъ могутъ появляться правильныя періодическія колебанія, похожія на волны Траубе-Геринга, или на волны С. Маера, въ образованіи которыхъ, какъ извѣстно, дѣятельность сердца не принимаетъ никакого участія. Можно было думать, что и въ основѣ тѣхъ колебаній кровяного давления, которыя мы наблюдали въ своихъ опытахъ, лежитъ періодически измѣняющееся сопротивление въ периферическихъ сосудахъ подъ вліяніемъ импульсовъ, посылаемыхъ вазомоторнымъ центромъ, или же вслѣдствіе медленныхъ самостоятельныхъ сокращеній мелкихъ артерій, измѣненіе же въ сердцѣ появляется только

вторично, тѣмъ болѣе, что всѣ средства, которыя вызываютъ ритмическія колебанія, оказываются также возбудителями нервномышечныхъ элементовъ стѣнокъ самихъ сосудовъ. Такое предположеніе, конечно, возможно, если стать на точку зрѣнія Винтерберга, что ритмическія колебанія сердечнаго происхожденія зависятъ отъ мерцательныхъ сокращеній сердца (Flimmern des Herzens); если же признать, что колебанія обуславливаются только диссоціаціей въ сердцѣ, то á priori такое предположеніе сдѣлать нельзя, такъ какъ трудно допустить, чтобы увеличеніе сопротивленія въ периферическихъ сосудахъ могло бы вызвать такое сложное явленіе въ сердцѣ, какъ диссоціація. Для подтвержденія высказаннаго мнѣнія были поставлены отдѣльные опыты надъ типичными волнами 3-го и 4-го порядка, во время которыхъ, кромѣ давленія, одновременно записывалась дѣятельность полостей самого сердца. Намъ казалось нужнымъ провѣрить по такому методу этотъ вопросъ, потому что, въ сущности говоря, никто изъ прежнихъ авторовъ, занимавшихся волнообразными колебаніями, не регистрировалъ дѣятельности самого сердца и свое заключеніе о непричастности сердца къ образованію періодическихъ колебаній всѣ дѣлали, главнымъ образомъ, на основаніи однѣхъ кимографическихъ кривыхъ, которыя, какъ намъ много разъ приходилось убѣждаться, даютъ слишкомъ мало права судить о работѣ самого сердца. Кривая давленія, вообще, можетъ дать только нѣкоторыя указанія о дѣятельности лѣваго желудочка, но она не даетъ никакихъ свѣдѣній о дѣятельности предсердій сердца, которыя въ механизмѣ ритмическихъ колебаній сердечнаго происхожденія, какъ мы видѣли, играютъ существенную роль. Правда, въ литературѣ періодическихъ колебаній имѣется опытъ Hering'a, гдѣ онъ замѣнилъ сердце искусственнымъ насосомъ и все таки при асфиксіи наблюдалъ у животнаго Траубовскія волны, но обстановка опыта Геринга настолько далека отъ нормальныхъ условій въ организмѣ, а полученныя кривыя такъ мало убѣдительны, что врядъ ли на нихъ можно основывать свое мнѣніе.

Изъ своихъ опытовъ съ непосредственной записью кровяного давленія и самаго сердца, мы убѣдились, что предсердія и желудочки сердца, какъ во время Траубе-Геринговскихъ колебаній, такъ и во время волнъ С. Маера сокращаются совершенно однообразно ритмически и съ одинаковой энергіей, при чемъ въ сердцѣ ни-

какой атрио-вентрикулярной аритміи не наблюдается (см. кр. №№ 9 и 10).

Резюмируя все вышеизложенное, можно сдѣлать слѣдующіе выводы.

1) Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ фармакологическихъ веществъ въ кровяномъ давленіи могутъ возникать правильно періодическія колебанія, схожія по внѣшнему виду съ волнами Traube-Hering'a или S. Mayer'a, но различныя по механизму своего происхожденія. Эти волны, если принять классификацію Morawitz'a, должны быть названы колебаніями 5-го порядка.

2) Эти ритмическія колебанія кровяного давленія зависятъ отъ періодически мѣняющейся работы сердца, въ зависимости отъ имѣющейся въ сердцѣ атрио-вентрикулярной аритміи.

3) Въ рѣдкихъ случаяхъ періодическія колебанія кровяного давленія могутъ зависѣть отъ періодически наступающей не координированной работы сердца (Flimmern des Herzens), при чемъ въ этихъ случаяхъ колебанія, хотя и могутъ носить ритмическій характеръ, но они обыкновенно не похожи на волны Траубе.

4) Диссоціація между предсердіями и желудочками, обуславливающая ритмическія колебанія давленія, зависитъ или отъ паралича однихъ желудочковыхъ волоконъ блуждающихъ нервовъ, или отъ токсическаго воздѣйствія на мускулоmotorный аппаратъ сердца. Въ большинствѣ же случаевъ оба указанные фактора участвуютъ въ образованіи диссоціаціи одновременно.

5) Число сокращеній обѣихъ полостей сердца въ продолженіе одной волны обычно разнится только на одно ($A_r = V_r + 1$); лишь въ рѣдкихъ случаяхъ разница больше.

6) Число волнообразныхъ колебаній кровяного давленія сердечнаго происхожденія въ единицу времени равно разницѣ между числомъ сокращеній предсердій и желудочковъ, при условіи неизмѣняемости ритма обѣихъ полостей.

7) Продолжительность одной волны зависитъ отъ величины ряда несопадающихъ сокращеній обѣихъ полостей, а высота, преимущественно, отъ средняго бокового давленія.

8) То или другое вліяніе на сердечныя ритмическія колебанія кровяного давленія вырскиванія атропина, раздраженія блуждающихъ нервовъ или перерѣзки ихъ зависитъ исключительно отъ характера диссоціаціи въ сердцѣ.

9) Колебания кровяного давления сердечного происхождения зависят от периодически мѣняющагося сопротивленія току крови изъ предсердій въ желудочки, вызваннаго совпаденіемъ систоль предсердій съ сокращеніями желудочковъ.

10) Во время типичныхъ Траубе-Негінг-овскихъ и Мауег-овскихъ волнъ диссоціаціи въ сердцѣ нѣтъ. Нѣтъ также періодическаго измѣненія объема сокращенія его полостей.

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность глубокоуважаемому профессору Юлію Петровичу Лауденбаху, по предложенію котораго я началъ свою работу и цѣнными совѣтами котораго я пользовался при ея выполненіи.

Объясненіе кривыхъ.

Кривыя 1—8 получены отъ собакъ мужского пола вѣсомъ отъ 12—15 кило. Морфійный наркозъ. Curare. Верхняя кривая всегда принадлежитъ правому предсердію, вторая сверху—правому желудочку, третья сверху—лѣвому предсердію и четвертая лѣвому желудочку. Въ кривыхъ, гдѣ регистрировались только два отдѣла сердца верхняя кривая принадлежитъ правому предсердію, нижняя правому желудочку; въ тѣхъ опытахъ, гдѣ регистрировались три отдѣла сердца—третья кривая принадлежитъ лѣвому желудочку. Кимографическая кривая получена посредствомъ ртутнаго монومتра отъ Циммермана въ Лейпцигѣ. Верхняя горизонтальная линія— линія времени; промежутки между отмѣтками на ней—1-й секундѣ. Нижняя горизонтальная есть нулевая линія давленія. На тѣхъ кривыхъ, гдѣ вторая горизонтальная линія отсутствуетъ линія времени служитъ нулевой линіей давленія.

Кривая 1. Опытъ 1. 8. 1907. Digitalin Merck'a. Раздраженіе периф. конца пр. блуждающаго нерва вызываетъ остановку предсердій, не вліяя на ритмъ и объемъ сокращеній желудочковъ. Диссоціація въ зависимости отъ паралича окончаній однихъ желудочковыхъ волоконъ.

Кривая 2. Опытъ 25. 5. 1907. Digitalin Merck'a. Исчезновеніе волны, во время раздраженія периф. конца праваго блуждающаго нерва. Остановка предсердій въ періодъ раздраженія. Разстояніе между катушками 15 с.

Кривая 3. Опытъ 21. 4. 1907. Strophantin Merck'a. На каждомъ четвертомъ ударѣ кривой праваго желудочка имѣется слѣдъ отъ совпаденія его сокращенія съ систолой предсердій. Раздраженіе периф. конца прав. Vagus'a ведетъ къ остановкѣ однихъ предсердій.

Кривая 4. Опытъ 7. 9. Digitalin Merck'a. Предварительная перерѣзка обоихъ блуждающихъ нервовъ. Диссоціація мышечнаго происхожденія. Раздраженіе периф. конца пр. блужд. нерва сильнымъ токомъ (разстояніе

между катушками 10—6 с.) вызываетъ увеличеніе продолжительности волны, измѣняя рядъ несопадающихъ систоль.

Кривая 4 в. Опытъ 8. 6. 1907. Convalamarin Мерк'а. Предварительная перерѣзка обоихъ блужд. нервовъ. Диссоціація мышечнаго характера. Предсердія сокращаются чаще желудочковъ. Vagus'ы парализованы какъ по отношенію къ А., такъ и къ V.

Кривая 5. Опытъ 5. 3. 1907. Digitalin Мерк'а. Диссоціація мышечнаго характера. Исчезновеніе колебаній послѣ остановки предсердій.

Кривая 6. Опытъ 4. 8. 1907. Digitalin Мерк'а. Диссоціація мышечнаго характера. На фонѣ волны отъ диссоціаціи сердечныя волны отъ экстрасистоль.

Кривая 7. Хлористый барій. Ритмическія колебанія давленія, вызванныя мерцательными сокращ. желудочковъ. Предсердія не сокращаются.

Кривая 8. Опытъ 9. 9. 1907. Отсутствіе колебанія давленія, не смотря на диссоціацію перваго происхожденія, вызванную digitalein'омъ Мерк'а.

Кривая 9. Опытъ 8. 1. 1908. Vagus'ы предварительно перерѣзаны. Прекращеніе искусственнаго дыханія. Волны Traube-Hering'a. Отсутствіе въ сердцѣ атріо-вентрикулярной аритміи.

Кривая 10. Опытъ 7. 10. 1907. Curare. Волны 4-го порядка. Отсутствіе во время ихъ диссоціаціи въ сердцѣ.

Кривая 11. Опытъ 10. 1. 1908. Strophantin Мерк'а. Предвар. перерѣзка спинного мозга и обоихъ блужд. нервовъ. Диссоціація мышечнаго характера. Раздраж. периф. конца прав. блужд. нерва (разст. катушки 4) не оказываетъ вліянія на волны.

III.

Предположенія комиссії преподавателей математики кїевскихъ среднихъ учебныхъ заведеній 1899 г.

Въ связи съ работами комиссії министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, находятся соображенія и заключенія, высказанныя преподавателями математики кїевскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ собраніяхъ, состоявшихся при Кїевскомъ Учебномъ Округѣ¹⁾.

Совѣщаніе г.г. преподавателей поставило своею цѣлью „не только выяснитъ обнаружившіеся на практикѣ недостатки нынѣ дѣйствующихъ программъ, но главнымъ образомъ обсудитъ и указать тѣ мѣры и средства, при помощи которыхъ эти недостатки могли бы быть устранены“; при чемъ рѣшено было разсмотрѣть отдѣльно программы для гимназій и отдѣльно для реальныхъ училищъ.

Программа гимназій.

Прежде всего была подвергнута обсужденію программа гимназій.

Ариѳметика. Въ курсѣ ариѳметики первыхъ 3-хъ классовъ предположено было исключить: 1) обозначеніе чиселъ церковно-

¹⁾ Засѣданія состоялись 8 и 22 ноября и 18 декабря 1899 г. Въ кїевскихъ работахъ принималъ дѣятельное участіе М. Ѳ. Базаревичъ, — онъ и редактировалъ ихъ; только благодаря его любезности, мы имѣемъ возможность познакомиться съ ними: работы эти не напечатаны, а М. Ѳ. передалъ намъ для ознакомленія собственную рукопись, за что мы приносимъ ему искреннюю благодарность.

Соображенія, высказанныя кїевскими преподавателями, послужили матеріаломъ для работъ подкомиссії Н. И. Билибина, такъ какъ и въ этихъ работахъ принималъ участіе М. Ѳ. Базаревичъ, командированный въ числѣ 4-хъ лицъ отъ Кїевского Учебнаго Округа для участія въ Боголѣповской комиссії.

славянскими цифрами (отнеся таковое къ попутному знакомству при чтеніи церковно-славянскихъ книгъ); 2) признакъ дѣлимости на 8 (а вмѣсто этого ввести признакъ дѣлимости на 25—параллельно съ 4); 3) ученіе объ общемъ наибольшемъ дѣлителѣ, перенеся ознакомленіе съ этимъ вопросомъ въ повторительный курсъ старшаго класса; 4) ученіе о періодическихъ дробяхъ, отнеся это къ повторительному курсу старшаго класса и ограничиваясь во II классѣ „лишь указаніемъ на тотъ фактъ, что при обращеніи простыхъ дробей въ десятичныя, при наличности извѣстныхъ условій, получаются безконечныя періодическія дроби, которыя въ такомъ видѣ для вычисленій не пригодны“ (по этому поводу приведены обстоятельныя соображенія, которыхъ мы излагать не будемъ); 5) наконецъ, ученіе о пропорціяхъ и предшествующее ему ученіе объ отношеніяхъ, перенося это въ курсъ алгебры (ученіе объ отношеніяхъ опущено, очевидно, по недоразумѣнію).

Со всѣми указанными видоизмѣненіями мы встрѣчались и въ большинствѣ московскихъ программъ, а это уже является до нѣкоторой степени указаніемъ на ихъ цѣлесообразность.

Что касается курса ариѳметики III класса, то здѣсь высказывается еще нѣсколько болѣе или менѣе оригинальныхъ соображеній. „Курсъ III класса,—по мнѣнію собранія,—представляетъ собою лишь примѣненіе пріобрѣтенныхъ ранѣе свѣдѣній къ рѣшенію различнаго рода практическихъ задачъ, содержащихъ въ себѣ лишь новыя понятія (процентъ, вексель, проба и др.) и, кромѣ того, разнообразныя величины, находящіяся въ прямой или обратной пропорціональной зависимости... Нѣтъ никакого основанія подраздѣлять курсъ ариѳметики III класса на различныя права, которыя по количеству своему могли бы быть расширены и гораздо дальше“ (остатокъ средне-вѣковой рутины). „Поэтому всю программу ариѳметики для III класса можно было бы озаглавить—прикладная ариѳметика, разумѣя подъ нею требованія познакомить учениковъ съ величинами прямо и обратно пропорціональными и съ такими общераспространенными понятіями, каковы проба, процентъ, вексель и учетъ его (пріемы этого учета слѣдовало бы заимствовать изъ учебниковъ коммерческой ариѳметики, какъ пріемы, дѣйствительно, отвѣчающіе требованіямъ практической жизни); далѣе, познакомить съ рѣшеніемъ такихъ задачъ, которыя требуютъ уравненія сроковъ платежей, какъ съ вопросами, имѣющими практическій смысл“. Рѣшать эти задачи рекомендуется приведеніемъ къ единицѣ.

Мы сомнѣваемся въ пригодности для общеобразовательной школы задачъ на учетъ векселей и на уравненіе сроковъ платежей, какъ задачъ

узко специальныхъ. Придавая курсу ариѳметики III класса въ предложенномъ видѣ большое значеніе, тѣмъ не менѣе мы считаемъ вполне цѣлесообразнымъ вводить вышеуказанные типы задачъ въ болѣе простой формѣ постепенно въ курсы I и II классовъ, при сохраненіи курса ариѳметики III класса.

По классамъ курсъ ариѳметики распредѣляется почти такъ же, какъ и по программѣ 1890 г., только въ III классѣ на ариѳметику предположено назначить 2 урока, а необходимыя дополненія и обобщенія по ариѳметикѣ, въ связи съ повторительнымъ курсомъ, приурочить къ курсу математики не VIII-го, а VII класса, добавивъ для этого лишній урокъ; при чемъ, „въ курсѣ VII класса, при повтореніи ариѳметики, признано желательнымъ включить необходимую статью о приближенныхъ вычисленіяхъ, о которой... не упоминается вовсе или упоминается вскользь“. Намъ казалось бы болѣе рациональнымъ знакомить съ приближенными вычисленіями значительно раньше, когда въ этомъ представится надобность (даже начиная съ курса II класса, а въ особенности въ V и VI классахъ). Иначе ученики въ V и VI классахъ приобрѣтутъ дурную привычку вычислять, не справляясь при этомъ со степенью погрѣшности. Въ VII классѣ можно будетъ привести въ систему и дополнить полученные учениками въ этой области свѣдѣнія.

Алгебра. Совѣщаніе преподавателей нашло желательнымъ исключить изъ курса алгебры: 1) извлеченіе квадратнаго корня изъ многочленовъ, 2) кубическаго корня изъ чиселъ, 3) задачи на вычисленіе ежегодныхъ вкладовъ и срочныхъ уплатъ, 4) теорію непрерывныхъ дробей,—однимъ словомъ, всѣ тѣ статьи, которыя, по единодушному признанію московскихъ педагоговъ, должны быть устранены изъ курса средней школы.

Кромѣ того, собраніе кievскихъ преподавателей признало желательнымъ,—и совершенно основательно,—обратить особенное вниманіе на упражненія, служащія для перехода отъ ариѳметики къ алгебрѣ (что было пробѣломъ московскихъ программъ).

Имѣя въ виду ввести въ курсъ III класса пропедевтическій курсъ геометріи и ограничиваясь при этомъ 4-мя уроками математики (2 для ариѳметики и 2 для алгебры и геометріи), собраніе признало возможнымъ закончить курсъ алгебры въ III классѣ только сложеніемъ и вычитаніемъ одночленовъ и многочленовъ.

IV классъ (2 урока). Изъ курса этого класса переносятся въ курсъ VI класса дѣйствія надъ количествами съ отрицательными показателями. Слѣдовательно, проходится умно-

женіе и дѣленіе одночленовъ и многочленовъ и все то, что полагается по программѣ 1890 г., заканчивая уравненіемъ первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ.

V классъ (2 урока). Рѣшеніе уравненій первой степени съ двумя и со многими неизвѣстными; возвышеніе въ степень; извлеченіе корня и далѣе все то, что намѣчено нынѣ дѣйствующей программой, за исключеніемъ дѣйствій надъ количествами съ дробными показателями (это переносится въ курсъ VI класса).

VI классъ (2 урока). Обобщеніе понятія о степени. Логарифмы. Прогрессіи. Сложные проценты.

VII классъ (2 урока вмѣсто 1½). Обычная программа (за исключеніемъ теоріи непрерывныхъ дробей).

VIII классъ (1 урокъ изъ 3-хъ). Обычная программа.

Геометрія. На основаніи соображеній педагогическаго характера, а также на основаніи указаній практики, совѣщаніе преподавателей пришло къ единодушному заключенію, что для правильной постановки преподаванія геометріи „крайне необходимо“ ввести въ курсъ III класса преподавательскій курсъ этого предмета. Къ сожалѣнію, объемъ этого курса не намѣченъ; отведено только для геометріи совмѣстно съ курсомъ алгебры 2 урока и сказано, что необходимо „сообщить ученикамъ, при обязательномъ участіи наглядныхъ пособій и при помощи черченія, тѣ основныя геометрическія представленія и понятія, безъ которыхъ немислимо прохожденіе систематическаго курса“.

Въ IV классѣ (2 урока) оставлена обычная программа геометріи, только предположено обратить вниманіе на „рѣшеніе хотя бы основныхъ задачъ на построеніе“ (ср. Московскія программы). Въ V классѣ планиметрія заканчивается; въ VI классѣ проходится стереометрія, при чемъ предположено исключить изъ курса условія равенства и подобія призмъ и пирамидъ, а также ученіе о подобіи круглыхъ тѣлъ (ср. Московскія программы). Курсъ геометріи въ VIII классѣ оставленъ безъ измѣненія.

Тригонометрія. Программа этого предмета оставлена безъ измѣненія, но найдено необходимымъ отвести въ VII классѣ для него два недѣльныхъ урока въ теченіе года. Такимъ образомъ, на математику признано необходимымъ въ VII классѣ отвести 5 уроковъ, а въ VIII—3 урока.

Программа реальных училищъ.

Программа реальных училищъ была разсмотрѣна въ особомъ за-сѣданіи (18 декабря 1899 г.). При этомъ было признано желательнымъ и вполне достижимымъ, чтобы постановка математики въ первыхъ трехъ классахъ гимназій и реальныхъ училищъ была вполне тождественна, и курсъ математики до нѣкоторой степени закругленъ. Въ связи съ этимъ признано было необходимымъ, чтобы въ I классѣ реального училища на ариметику отводилось столько же времени, какъ и въ гимназіяхъ, т. е. 4 часа (вмѣсто 3).

Сокращенія и измѣненія, намѣченныя въ программахъ для гимназій, рѣшено примѣнить и къ реальнымъ училищамъ. Въ частности, учебный матеріалъ въ IV, V и VI классахъ, совпадающій съ математическимъ матеріаломъ гимназій, распределенъ слѣдующимъ образомъ.

Алгебра. Въ IV классѣ (3 урока) курсъ начинается умноженіемъ и можетъ быть выполненъ, если сдѣлать сокращенія, отмѣченныя въ программѣ гимназій (извлеченіе квадратнаго корня изъ многочленовъ, кубическаго корня изъ чиселъ). Изъ курса V класса (3 урока) желательно перенести въ курсъ VI класса: а) примѣненіе теоріи логарифмовъ къ вычисленіямъ и рѣшенію задачъ (на сложные проценты и срочныя уплаты,—сравни съ программю гимназій) и б) прогрессіи. Иначе, по мнѣнію собранія, 3-хъ уроковъ недостаточно для усвоенія курса. Курсъ VI класса (2 урока) можетъ быть выполненъ, если исключить изъ него теорію непрерывныхъ дробей.

Геометрія. Программа геометріи для IV класса (3 урока) можетъ быть сохранена безъ всякихъ измѣненій; въ V классѣ (2 урока) заканчивается планиметрія: въ силу недостатка времени, а также въ видахъ закругленности матеріала, начала стереометріи переносятся въ курсъ VI класса (2 урока), гдѣ проходится въ такомъ случаѣ вся стереометрія (опускаются тѣ же статьи, что и въ гимназіяхъ).

Тригонометрія, по мнѣнію собранія, можетъ быть оставлена въ прежнемъ видѣ въ курсѣ VI класса при 2-хъ урокахъ въ недѣлю.

При обсужденіи вопроса о постановкѣ математики въ VII дополнительномъ классѣ, признано желательнымъ исключить изъ программы статью *максима и минима* трехчлена второй степени „вслѣдствіе того, что приемы, рекомендуемые здѣсь, и сложны и малоюзачны“; кромѣ того, было выска-

зано, что для прохожденія математики въ VII классѣ необходимо прибавить не менѣе 2-хъ уроковъ, т. е. 5 вмѣсто 3-хъ уроковъ.

Вотъ все, что сказали въ концѣ 1899 г. кievскіе педагоги объ улучшеніи программъ математики въ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ.

Интересно отмѣтить, что въ московскихъ и кievскихъ работахъ 1899 г. мы встрѣчаемъ много общаго. Правда, кievскія совѣщанія, по чисто внѣшнимъ условіямъ, ставятъ вопросы значительно ѳже: они имѣютъ въ виду только существующіе типы учебныхъ заведеній и въ этихъ рамкахъ намѣчаютъ программы. И здѣсь главное вниманіе было обращено на сокращеніе и болѣе раціональное распределеніе учебнаго матеріала.

IV.

Труды комиссіи министра Н. П. Боголѣпова.

Общій обзоръ трудовъ.

Мы познакомились съ работами, которыя послужили матеріаломъ для выводовъ и заключеній комиссіи министра Н. П. Боголѣпова¹⁾. Эта комиссія состояла изъ представителей всѣхъ учебныхъ округовъ, нѣкоторыхъ профессоровъ, выдающихся педагоговъ и представителей различныхъ вѣдомствъ,—всѣхъ числомъ до ста человекъ. Занятія въ ней были организованы во многихъ отношеніяхъ такимъ же образомъ, какъ и въ московскихъ совѣщаніяхъ: составлены были многочисленныя подкомиссіи какъ для рѣшенія общихъ педагогическихъ вопросовъ, такъ и для разработки различныхъ типовъ средней общеобразовательной школы. Но была и существенная разница: въ то время какъ въ московскихъ совѣщаніяхъ для каждого типа школы вырабатывалась въ отдѣльности программа того или другого предмета лицами, сочувствующими этому типу, здѣсь для составленія программы математики была образована подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго педагога Н. И. Билибина особая подкомиссія, которая при своихъ работахъ имѣла въ виду только два типа школы—классическую гимназію и восьмиклассное реальное училище; а затѣмъ уже, если представлялась необходимость, обсуждался вопросъ о приспособленіи выработанной программы къ школѣ того или другого типа (въ подкомиссіи по организациіи этой школы).

¹⁾ Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Вып. I—VIII. С.-Пб. 1900.

Въ подкомиссію, кромѣ предсѣдателя Н. И. Билибина, входило 12 членовъ и 3 представителя вѣдомствъ. Составъ подкомиссіи, за немногими исключеніями, былъ случайный, что не могло не отразиться на ея работахъ.

Въ комиссіи Н. П. Боголѣнова разработаны были слѣдующіе типы средней общеобразовательной школы.

1. Гимназія съ двумя древними языками — латинскимъ яз. съ I класса и греческимъ съ III класса (подкомиссія подъ предсѣдательствомъ К. В. Кедрова)—соотвѣтствуетъ классической школѣ 1-го типа въ московскихъ совѣщаніяхъ. Для математики отведено 29 уроковъ, т. е. на одинъ болѣе числа уроковъ по таблицѣ 1890 г.¹⁾

2. Гимназія съ однимъ латинскимъ яз. съ III или IV класса,—при 12 или 11 урокахъ физики съ космографіей, при 11 урокахъ естествовѣдѣнія, при обязательномъ изученіи обоихъ новыхъ языковъ—французскаго яз. съ I класса и нѣмецкаго со II-го (подкомиссія подъ предсѣдательствомъ проф. А. И. Кирпичникова),—соотвѣтствуетъ классической школѣ 3-го типа въ московскихъ совѣщаніяхъ²⁾. Математикѣ подкомиссія нашла возможнымъ предоставить 30 уроковъ.

3. Школа новаго типа съ двумя циклами: а) младшее отдѣленіе (первые пять кл.) безъ классическихъ языковъ, съ 2-мя новыми яз. (одинъ съ I класса, а другой съ III-го), естествовѣдѣніемъ (13 уроковъ), физикой (4 урока) и б) старшее отдѣленіе (VI—VIII классы), гдѣ, кромѣ общихъ занятій (Законъ Божій, русскій яз., два новыхъ яз., исторія, математика, физика и химія—7 уроковъ, естествовѣдѣніе—6 уроковъ, географія и философская пропедевтика), должны быть дополнительныя занятія—для словесниковъ (12 уроковъ—по 4 урока въ каждомъ классѣ), для изучающихъ древніе языки (18 уроковъ) и для натуралистовъ (12 уроковъ). Этотъ типъ школы разработанъ въ подкомиссіи подъ предсѣдательствомъ проф. П. Г. Виноградова и соотвѣтствуетъ московской школѣ новаго типа³⁾. Для математики въ школѣ этого типа отведено общихъ $19+10=29$ уроковъ, кромѣ того, дополнительные уроки для натуралистовъ (число уроковъ не указано: предоставляется распределеніе ихъ педагогическому совѣту).

4. Гимназія, допускающая примѣненіе принципа индивидуализаціи въ обученіи (подкомиссія подъ предсѣдательствомъ М. Р. За-

¹⁾ Вып. II, стр. 26.

²⁾ Вып. III, Труды подкомиссіи по вопросу объ организаціи гимназій съ однимъ латинскимъ яз., стр. XVII—XVIII.

³⁾ Вып. III, Журналы подкомиссіи о единой средней общеобразовательной школѣ новаго типа, стр. XXXIII—XXXV.

вадскаго). Этотъ типъ напоминаетъ во многомъ школу новаго типа проф. П. Г. Виноградова только въ менѣе опредѣленномъ видѣ; кромѣ того, здѣсь предположено преподаваніе латинскаго языка съ III класса, греческаго языка съ V класса. Для этой гимназіи намѣчено нѣсколько таблицъ распредѣленія уроковъ. Основными началами школы, допускающей принципъ индивидуализаціи, являются: во-первыхъ, усиленіе занятій въ старшихъ классахъ по тому или другому предмету для учениковъ, обнаружившихъ особые успѣхи въ этихъ предметахъ, и, во-вторыхъ, предоставленіе педагогическимъ совѣтамъ большой свободы въ распредѣленіи занятій съ учениками. Не касаясь вопроса, насколько такая школа желательна и осуществима, отмѣтимъ, что сама подкомиссія не дала, да и не могла дать, чего-либо болѣе или менѣе опредѣленнаго, ограничиваясь общими соображеніями. Для математики въ школахъ этого типа намѣчено 29, 26 и даже 24 урока, въ зависимости отъ индивидуальности учениковъ.

5. Реальное восьмиклассное училище, имѣющее цѣлью „доставить общее реальное и гуманитарное образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служить приготовительнымъ заведеніемъ для поступающихъ на физико-математическій и медицинскій факультеты университета и въ высшія спеціальныя учебныя заведенія“¹⁾. Для математики въ реальномъ училищѣ предоставлено 35 уроковъ.

6. Наконецъ, средняя школа съ бифуркаціей, начинающейся съ IV класса, представляетъ собою соединеніе, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, двухъ типовъ школы²⁾: гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ и восьмикласснаго реального училища (подкомиссія подъ предсѣдательствомъ А. В. Муромцева). Въ гуманитарной вѣтви латинскій яз. начинается съ IV класса. Для математики отведено: на гуманитарномъ отдѣленіи $11+19=30$ уроковъ (тождественно съ „гимназіей проф. А. И. Кирпичникова“), а на реальномъ отдѣленіи $11+24=35$ (тождественно съ восьмикласснымъ реальнымъ училищемъ).

Распредѣленіе уроковъ математики по классамъ во всѣхъ указанныхъ типахъ школъ можно видѣть изъ прилагаемой таблицы.

¹⁾ Вып. II, стр. 18.

²⁾ Вып. III. Труды подкомиссіи по устройству средней общеобразоват. школы съ бифуркаціей, стр. VI—XI.

Типы школъ.	К Л А С С Ы.								ВСЕГО.
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
1. Гимназія съ 2-мя древн. яз.	4	4	3	4	4	4	3	3	29
2. Гимназія съ 1-мъ латинск. яз. ¹⁾	3	4	4	4	4	4	4	3	30
3. Школа новаго типа	3	4	4	4	4	3 (4)	4 (4)	3 (4)	29 ? ²⁾
4. Гимназія, допускающ. принципъ индивидуализац.	4	4	4	4	4	3	3 3 1	3 0 0	29 26 ³⁾ 24 ⁴⁾
5. Реальное 8-классное училище ¹⁾	3	4	4	4+2 ⁴⁾	5	5	5	5	35+2 ⁴⁾
6. Школа съ биф. $\left\{ \begin{array}{l} \text{Гум. вѣтвь} \\ \text{Реальн. в.} \end{array} \right.$	3	4	4+1 ⁴⁾	$\left\{ \begin{array}{l} 4 \\ 4+14) \end{array} \right.$	4 5	4 5	4 5	3 5	30+1 ⁴⁾ 35+2 ⁴⁾

Труды подкомисіи по составленію программъ математики для среднихъ учебныхъ заведеній.

Подкомиссія по составленію программъ математики для среднихъ учебныхъ заведеній ⁵⁾ „поставила для рѣшенія слѣдующія 4 задачи: 1) опредѣлить объемъ преподаванія математики, какъ общеобразовательнаго предмета въ средней школѣ; 2) распределить учебный матеріалъ по классамъ соотвѣтственно возрасту учащихъся; 3) опредѣлить необходимое число часовъ для каждаго класса; 4) указать все то, что должно послужить предметомъ объяснительной записки къ примѣрнымъ программамъ“.

Пособіями для рѣшенія этихъ задачъ подкомисіи служили, кромѣ трудовъ московскихъ и кievскихъ, о чемъ мы уже упоминали, а) еще неоконченная работа комисіи Ученаго Комитета, образованной въ первой половинѣ 1899 г. подъ предѣлательствомъ академика Н. Я. Сонины, б) дѣй-

¹⁾ Распределение совпадаетъ съ постановленіемъ подкомисіи по составленію программъ математики.

²⁾ Дополнительные уроки для натуралистовъ по усмотрѣнію педагогическаго совѣта.

³⁾ Для изучающихъ оба древніе языка.

⁴⁾ Для обнаружившихъ особые успѣхи по древнимъ яз.

⁵⁾ Этимъ знакомъ отмѣчены уроки черченія.

⁶⁾ Вып. IV. Труды подкомисіи по составленію программъ математики для среднихъ учебныхъ заведеній, стр. 1-14.

ствовавшія тогда программы 1890 г. для гимназій и 1895 г. для реальныхъ училищъ и в) программы прусскихъ и французскихъ школъ.

Подкомиссія приняла, какъ принципъ, чтобы постановка преподаванія математики въ первыхъ трехъ классахъ и учебный планъ въ IV—VII классахъ были совершенно одинаковы какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ реальныхъ училищахъ; при чемъ признала, что въ IV—VI классахъ реальныхъ училищъ должно быть усилено рѣшеніе геометрическихъ задачъ на построеніе (рѣшеніе подкомиссіи, очевидно, совпадаетъ съ постановленіями кіевскихъ педагоговъ). „Что же касается до VIII класса, то подкомиссія нашла, что въ реальныхъ училищахъ математика въ этомъ классѣ должна занять бóльшій объемъ“.

„Подкомиссія постановила исключить изъ курса тѣ статьи, которыя,— по мнѣнію ея,—или представляютъ излишнюю роскошь, или не заключаютъ въ себѣ общеобразовательнаго элемента“.

„А. По ариѳметикѣ: а) обозначеніе чиселъ церковно-славянскими и римскими знаками; б) ознакомленіе съ простѣйшими дробями (изъ курса I класса); в) общій наибольшій дѣлитель—вовсе (изъ курса II класса); г) періодическія дроби (изъ курса II класса); е) учетъ векселей и ф) правило смѣшенія (изъ курса III класса) и г) наконецъ, теорію пропорцій изъ курса ариѳметики III класса“.

„Б. По алгебрѣ: а) извлеченіе квадратныхъ корней изъ многочленовъ; б) извлеченіе кубическихъ корней изъ чиселъ; в) способъ Безу (рѣшенія уравненій) и г) непрерывныя дроби (для гимназій)“.

„В. По геометріи: исключается повтореніе курса геометріи въ VIII классѣ“ (Повтореніе, очевидно, не исключается, а переносится въ курсъ VII класса, см. ниже).

Почти всѣ указанія сокращенія согласуются съ таковыми же въ программахъ, рассмотрѣнныхъ нами ранѣе, за исключеніемъ пропедевтическаго курса дробей и рѣшенія задачъ на правило смѣшенія. О важности и необходимости пропедевтическаго курса дробей говорить не приходится: этотъ вопросъ достаточно разработанъ въ методикѣ ариѳметики. Нельзя также согласиться съ предложеніемъ относительно задачъ на смѣшеніе: если оставлять въ курсѣ рѣшеніе задачъ на какія-либо правила, то нѣтъ основанія опускать именно задачи на смѣшеніе (подкомиссія мотивовъ не приводитъ). Не говоря уже о томъ, что задачи на смѣшеніе перваго рода просты и представляютъ удобный матеріалъ для упражненій, что задачи на смѣшеніе втораго рода встрѣчаются въ разнообразномъ видѣ,—тѣ и другія

нiя аналитической геометрiи на пло-

сключеніемъ аналитической геометрiи и нѣсколько іала, мы здѣсь не встрѣчаемся съ чѣмъ-либо программами и требованiями объяснительной за-

III класса реальныхъ училищъ, то, кромѣ выше-нашла нужнымъ присоединить къ курсу VIII класса вляютъ курсъ дополнительнаго класса существующь (прогр. 1895 г.), за исключеніемъ тѣхъ, которыя е классы“.

мiй матеріалъ распредѣленъ подкомиссiей слѣду-

на. I классъ (3 урока), II классъ (4 урока) (2 урока). За исключеніемъ раньше указанных матеріалъ распредѣляется такъ же, какъ и по прогр. Въ III классѣ при обычномъ курсѣ, съ вышеокрашенiями, требуется и повтореніе ариѳметики. I классъ. Какъ упомянуто, - обычный курсъ и, кромѣ тва и неопредѣленные уравненiя.

III классъ (2 урока). Обычный курсъ заканчивеніемъ м ногочленовъ.

II классъ (2 урока). Квадратные корни переносятся изъ I класса въ V-й. Этимъ, во-первыхъ, облегчается сложный I классъ и, во-вторыхъ, придаетъ цѣльность и V классовъ.

III классъ (2 урока). Извлеченіе квадратныхъ корней изъ ствiя надъ радикалами второй степени (дѣйствiя надъ въ общемъ случаѣ переносятся въ курсъ VI класса). I порядку программы, слѣдуетъ „понятiе объ ирраціонислахъ и дѣйствiяхъ надъ ними. Это необходимо,— подкомиссiи,— для успѣшнаго прохожденiя курса геометрiи VI классъ“. Наконецъ, кромѣ квадратнаго ураврсь этого класса вводится новая статья—наибольшее ее значеніе трехчлена второй степени, а также перета изъ курса VI класса ариѳметическая прогрессiя.

алгебры въ этомъ классѣ можно указать на неравеніе учебнаго матеріала по этому предмету: раньше надъ радикалами (хотя бы и второй степени), а послѣ

дается понятіе объ ирраціональныхъ числахъ и дѣйствіяхъ надъ ними; къ курсу VІІ класса отнесена статья о рѣшеніи уравненій съ квадратными радикалами, необходимая для рѣшенія геометрическихъ задачъ курса V и VІ класса на вычисленіе. Излишнимъ является и введеніе новой статьи о наибольшемъ и наименьшемъ значеніи трехчлена; кромѣ того, вѣроятно, по недосмотру опущена статья о возвышеніи въ степень одночленовъ и въ квадратъ многочленовъ.

VІ классъ (3 урока). Статьи о логариѳмахъ должны предшествовать дѣйствіямъ надъ радикалами и изученіе функціи a^x . Здѣсь же послѣ логариѳмовъ должна быть пройдена геометрическая прогрессія.

VІІ классъ (2 урока вмѣсто $1\frac{1}{2}$). Въ этомъ классѣ проходятся тѣ статьи, которыя полагаются по программѣ 1890 г., за исключеніемъ теоріи непрерывныхъ дробей (статья эта вовсе опускается) и неравенствъ съ неопредѣленными уравненіями (эти статьи переносятся въ курсъ ариѳметики VІІІ класса).

VІІІ классъ (3 урока на весь курсъ математики). „Повтореніе алгебры съ необходимыми дополненіями, въ смыслѣ углубленія и расширенія представленій“.

Геометрія. IV классъ (2 урока). Обычный курсъ.

V классъ (2 урока). Въ этомъ классѣ заканчивается планиметрія (слѣдовательно, переносятся въ курсъ VІ класса начальныя теоремы по стереометріи).

VI классъ (2 урока). Проходится стереометрія; только курсъ заканчивается многогранниками. Условія равенства и подобія призмъ и пирамидъ не опускаются.

VІІ классъ (1 урокъ). Сюда переносится изъ курса VІ класса ученіе о круглыхъ тѣлахъ.

Въ реальныхъ училищахъ прибавляется въ V, VІ и VІІ классахъ по 1 уроку для рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, а въ VІ и VІІ классахъ, кромѣ того, и для приученія учениковъ къ изображенію тѣлъ на плоскости при помощи проекцій.

Отмѣтимъ, что подкомиссія выразила желаніе, чтобы въ VІІ классѣ былъ назначенъ экзаменъ по геометріи.

Тригонометрія. Курсъ предполагается разбить на два года.

Въ VІІ классѣ (1 урокъ) должны заниматься рѣшеніемъ треугольниковъ, и тогда, — по мнѣнію подкомиссіи, — курсъ тригонометріи въ VІІ классѣ представитъ отдѣлъ курса геометріи и будетъ сближенъ съ предшествующимъ курсомъ алгебры.

Въ VIII классѣ (1 урокъ) должны проходить понятіе о тригонометрическихъ функціяхъ, объ ихъ измѣненіи, теорему сложения и слѣдствія, изъ нея вытекающія.

Мы уже упоминали о томъ, что въ курсѣ VIII класса предположено сохранить основанія приложенія алгебры къ геометріи и вновь ввести ознакомленіе съ элементами аналитической геометріи. Нужно замѣтить, что на этотъ курсъ и на повторительный курсъ алгебры съ дополненіями остается 2 часа — время, далеко не соответствующее предлагаемому количеству матеріала.

Противъ намѣченнаго подкомиссіей распредѣленія учебнаго матеріала по тригонометріи выступилъ съ вѣскими возраженіями одинъ изъ членовъ подкомиссіи инспекторъ Пензенскаго реального училища М. П. Соловьевъ. Его возраженія заключаются въ слѣдующемъ: „1) Распредѣленіе курса краткаго на два года будетъ въ ущербъ цѣльности, связности и законченности его“, а слѣдовательно, въ ущербъ тому интересу, которымъ, вообще, сопровождается изученіе этого предмета. „2) Постановка на первый планъ (VII кл.) практической стороны курса и на второй — теоретической части его не соответствуетъ педагогическимъ требованіямъ, ибо у многихъ ослабитъ интересъ къ теоріи: ознакомившись съ формулами рѣшенія треугольниковъ и съ практическою стороною курса, ученики не отдадутъ надлежащаго вниманія другой—болѣе важной—теоріи. Рѣшеніе же треугольниковъ, — по мнѣнію М. П. Соловьева, — сводится къ чисто механическому пользованію формулами и не имѣетъ особаго значенія... 3) Практическое неудобство скажется въ томъ, что вслѣдствіе запоздалаго ознакомленія съ теоріей сложения: а) окончательныя формулы при рѣшеніи задачъ нельзя будетъ приводить къ простѣйшему, изящному виду; нельзя будетъ, рѣшивъ треугольникъ нѣсколькими способами и получивъ разныя окончательныя формулы, убѣдиться въ ихъ тождественности, и б) надолго отодвигается благодарный математическій матеріалъ — рѣшеніе тригонометрическихъ уравненій“.

Представитель Вѣдомства Императрицы Маріи А. Г. Вороновъ также высказался противъ раздѣленія тригонометріи на 2 части ¹⁾; проектируемое раздѣленіе, по его мнѣнію, естественно приведетъ къ нѣкоторому излишнему расширенію предмета (напр., формулы для рѣшенія треугольниковъ по двумъ сторонамъ и углу между ними придется выводить длиннымъ путемъ).

Ко всему вышесказанному можно было бы прибавить, что такой краткій законченный курсъ, какъ тригонометрія, при надлежащей математи-

¹⁾ Вып. III. Труды подкомиссіи по вопросу объ организаціи гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ. Приложение 10-е къ протоку. № 10, стр. 35.

ческой подготовкѣ учениковъ VII класса, и не нуждается вовсе въ пре-
педевтикѣ.

„Разсмотрѣвъ объяснительную записку 1890 г., подкомиссія наша, что всѣ цѣнныя указанія, въ ней содержащіяся, должны быть сохранены“: но, къ сожалѣнію, она не сказала, какія изъ указаній признаеть цѣнными. Кроме того, подкомиссія наша нужнымъ добавить объяснительную записку слѣдующими указаніями:

„1) Должно упражнять учениковъ въ задачахъ на вычисленіе времени“.

„2) Въ первыхъ трехъ классахъ должно ознакомить учениковъ съ приемами опредѣленія площадей прямоугольниковъ и поверхностей и объемовъ прямоугольныхъ параллелепипедовъ“.

„3) Должно въ курсѣ I класса обращать вниманіе учениковъ на повѣрку дѣйствій при помощи обратнаго дѣйствія и на измѣненіе результатовъ дѣйствій при измѣненіи данныхъ“.

„4) Переименовать главнѣйшія мѣры, о которыхъ говорится въ программѣ“.

„5) Относительно періодическихъ дробей въ курсѣ II класса должно только сказать, что обыкновенная дробь, не обращающаяся въ десятичную, при вычисленіи ея съ точностью до $\frac{1}{10^n}$, непременно произведеть періодическую дробь, и не касаться ни признаковъ обращенія въ чистую и смѣшанную періодическія дроби, ни обращенія періодическихъ дробей въ обыкновенныя, отнеся первый вопросъ къ курсу VIII класса, а второй—къ курсу VI класса“.

„6) Указать, что задачи на пропорціональное дѣленіе должны быть задаваемы простыя“.

„7) Указать, согласно цѣннымъ мнѣніямъ, высказаннымъ въ московскихъ совѣщаніяхъ, что математика развиваетъ ученика систематическимъ и стройнымъ изученіемъ теорій, а потому задачи, представляющія изъ себя въ сущности, не что иное, какъ загадки, задачи, требующія исключительно многодѣланія (примѣры съ массой скобокъ, съ многочисленными коэффициентами, со сложными знаменателями въ дробяхъ, съ многочленными показателями, съ показателями радикаловъ не натуральными и т. п.), должны быть исключены изъ курса математики“.

„8) Указать, согласно мнѣнію г. попечителя Московскаго Учебнаго Округа (П. А. Некрасова), что, при преподаваніи математики, необходимо какъ можно чаще и практичнѣе сближать (особенно въ задачахъ) ее съ тѣми конкретными научными фактами и явленіями, къ которымъ она при-
мѣнима“.

Тѣ немногія указанія, которыя сдѣланы подкомиссіей, во-первыхъ, касаются почти исключительно ариметики, относительно преподаванія которой существуетъ довольно обширная литература (да и въ объяснительной запискѣ 1890 г. есть обстоятельныя указанія), чего нельзя сказать о преподаваніи алгебры, геометріи, тригонометріи и аналитической геометріи; во-вторыхъ, болѣе существенныя указанія находятся въ тѣсной связи съ мнѣніями, высказанными въ московскихъ совѣщаніяхъ.

Программы, выработанныя подкомиссіей Н. И. Билибина, приняты были безъ измѣненій всѣми подкомиссіями, занятыми организаціей различныхъ типовъ средней школы; только въ школахъ новаго типа предположено было излагать ученіе о кругѣ и о круглыхъ тѣлахъ безъ теоріи предѣловъ (теорія предѣловъ переносится въ одинъ изъ классовъ старшаго отдѣленія) и курсъ стереометріи заканчивать въ V классѣ. Кромѣ того, число недѣльныхъ уроковъ въ гимназіи съ двумя древними языками и въ школахъ новаго типа (общее число уроковъ для всѣхъ развѣтвленій) уменьшено на 1 урокъ сравнительно съ тѣмъ, что намѣчено подкомиссіей Н. И. Билибина, т. е. 29 уроковъ вмѣсто 30, а въ гимназіи, допускающей принципъ индивидуализаціи, отведено для математики, какъ было сказано выше, 29 уроковъ, или 26, или же 24 — въ зависимости отъ индивидуальности учащихся.

Нужно упомянуть еще, что подкомиссія, разрабатывавшая вопросъ объ экзаменахъ (подъ предсѣдательствомъ К. К. Войнаховскаго), послѣ довольно продолжительныхъ дебатовъ, высказалась, большинствомъ 8-ми противъ 7, за отмену письменныхъ экзаменовъ по математикѣ. Такое странное, — чтобы не сказать болѣе, — постановленіе является съ перваго взгляда непонятнымъ; но его можно объяснить, съ одной стороны, случайнымъ составомъ подкомиссіи (большинство не-математики), а съ другой стороны — отрицательнымъ отношеніемъ къ тому направленію въ преподаваніи математики, какое установилось въ средней общеобразовательной школѣ. На попытку отменить письменные экзамены по математикѣ нужно смотрѣть, какъ на неудачную форму протеста противъ такой постановки преподаванія математики, при которой научаютъ рѣшать извѣстнаго рода задачи (болѣею частью, по шаблону) и не даютъ учащимся надлежащаго математическаго развитія, — однимъ словомъ, противъ узкаго, односторонняго взгляда на математику, какъ на собраніе болѣе или менѣе интересныхъ задачъ. Подкомиссія, очевидно, впала въ ошибку, предположивъ, что главная причина всего этого лежитъ въ характерѣ письменныхъ испытаній по математикѣ. Одинъ изъ членовъ подкомиссіи, А. В. Муромцевъ, предлагалъ, вмѣсто отмены письменныхъ экзаменовъ, поставить ихъ такъ, чтобы этимъ поднять уровень знаній абитуриентовъ, а также ослабить возможность заимствованій во время испытаній. Съ этой цѣлью онъ рекомендовалъ пред-

лагать въ видѣ темъ: по алгебрѣ— изслѣдованіе уравненій первой степени, составленныхъ изъ условій задачи, по геометріи—нетрудное доказательство новой теоремы, по ариметикѣ—нетрудный выводъ какого-либо свойства чиселъ. Но это предложеніе не встрѣтило сочувствія со стороны членовъ подкомиссіи¹⁾.

Нельзя умолчать о значительныхъ недостаткахъ работъ подкомиссіи Н. И. Билибина.

1) Здѣсь, какъ и во всѣхъ раньше рассмотрѣнныхъ нами программахъ, не видно стремленія обновить преподаваніе такъ называемой элементарной математики, ввести въ курсъ средней школы идеи, имѣющія жизненное значеніе: идеи функциональной зависимости, непрерывности въ связи съ ученіемъ о безконечно-малыхъ величинахъ.

2) Въ работахъ совершенно отсутствуютъ указанія относительно требованій, какія должны быть предъявлены по математикѣ къ поступающимъ въ I классъ. Вообще, этому вопросу, замѣтимъ кстати, не удѣляютъ должнаго вниманія, забывая, что первоначальная дошкольная подготовка по математикѣ — это фундаментъ, а безъ прочнаго фундамента хорошаго зданія нельзя возвести.

3) Опущенъ безъ всякихъ мотивовъ пропедевтическій курсъ дробей изъ курса I класса. Быть можетъ, ознакомленіе съ этимъ курсомъ имѣлось въ виду отнести къ подготовительнымъ занятіямъ до поступленія въ I классъ, что было бы вполне рационально,—хотя это послѣднее все-таки не исключало бы необходимости введенія послѣдняго концентра пропедевтического курса дробей и въ I классѣ. Ни въ программѣ, ни въ объяснительной запискѣ никакихъ упоминаній по этому вопросу мы не встрѣчаемъ.

4) На поверхностное отношеніе къ вопросамъ, связаннымъ съ первоначальнымъ обученіемъ, указываетъ отсутствіе даже упоминанія о подготовительномъ курсѣ геометріи.

5) Въ работахъ нигдѣ не упоминается о приближенныхъ вычисленіяхъ.

6) Программы почти не сопровождаются руководящими указаніями: не намѣченъ матеріалъ для объяснительной записки, а что касается аналитической геометріи, то нѣтъ даже примѣрной программы,—указанъ лишь отрывочный планъ этого курса.

7) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отмѣченныхъ нами раньше, при рассмотрѣніи программы, нераціонально распределенъ учебный матеріалъ.

8) Отведено очень мало времени для прохожденія всего курса VIII класса.

¹⁾ Вып. II, стр. 52—54.

Хотя въ работахъ подкомиссіи Н. И. Билибина есть явные слѣды излишней поспѣшности, незаконченности и, вообще, крупные недочеты, тѣмъ не менѣе программы, выработанныя этой подкомиссіей, представляютъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ программами 1890 года. 1) Здѣсь сокращены и исключены статьи, которыя только загромождаютъ курсъ и, безъ нарушенія системы и особаго ущерба для дѣла, могутъ быть опущены; 2) здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращено вниманіе на болѣе рациональное распредѣленіе учебнаго матеріала; 3) а главное—вводятся въ курсъ средней общеобразовательной школы основанія аналитической геометріи, и этимъ открывается путь для дальнѣйшей работы въ томъ же направлении, т. е. для освобожденія программъ отъ многовѣковой рутинны и для приведенія ихъ въ соотвѣтствіе съ требованіями современности. Вообще, введеніе аналитической геометріи въ курсъ средней общеобразовательной школы можно привѣтствовать, какъ одно изъ болѣе крупныхъ завоеваній во взглядахъ на преподаваніе математики въ русскихъ общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Мы довольно долго останавливались на трудахъ комиссіи Н. П. Боголѣнова, потому что та живая, но пока слабая струя, которая проникла съ того времени въ среднюю школу, имѣетъ своимъ источникомъ работы комиссіи 1900 года. Онѣ уже оказали вліяніе на постановку преподаванія математики и въ гимназіяхъ, гдѣ прибавлено достаточное число уроковъ, и въ особенности въ реальныхъ училищахъ, гдѣ введены программы 1906 г. Помимо этого, многіе преподаватели, пользуясь нѣкоторой свободой въ выборѣ и распредѣленіи учебнаго матеріала, руководствуются тѣми или другими указаніями подкомиссіи Н. И. Билибина.

Комиссія К. П. Яновскаго.

Министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣновъ, собравъ обширный и довольно цѣнный матеріалъ (какой доставила ему комиссія 1900 г.), пошелъ и дальше по вѣрному пути: онъ передалъ этотъ матеріалъ нашему выдающемуся педагогу и опытному администратору, бывшему попечителю Кавказскаго Учебнаго Округа К. П. Яновскому, который, въ сотрудничествѣ нѣсколькихъ опытныхъ педагоговъ, занялся сведеніемъ всего обширнаго матеріала и окончательной выработкой новаго проекта положенія о гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Этотъ проектъ былъ уже изготовленъ и напечатанъ для разсылки на заключеніе попечительскихъ совѣтовъ¹⁾.

¹⁾ С. Л. Степановъ. Обзорніе проектовъ реформы средней школы въ Россіи, преимущественно въ послѣднее шестилѣтіе (1899—1905 гг.). Журн. Мин. Нар. Пр. 1907 г., №№ 1 и 2, и отдѣльн. оттиск. С.-Пб. 1907 г. См. Ж. М. Н. Пр., № 2, стр. 84—90.

Смерть Н. П. Боголѣнова положила конецъ хорошо задуманному и нормально поставленному дѣлу преобразования средней школы.

Проектировалось два типа средней школы: гимназіи и восьмиклассное реальное училище. Гимназіи въ свою очередь раздѣлялись: 1) на гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ—латинскимъ (начиная съ III класса) и 2) гимназіи съ двумя древними языками. Восьмиклассное реальное училище такъ же, какъ и гимназіи, предоставляло право поступленія въ университетъ (на нѣкоторые факультеты).

Въ случаѣ надобности могли учреждаться гимназіи и реальныя училища въ составѣ четырехъ (V—VIII) или шести (III—VIII) старшихъ классовъ: два низшихъ класса вмѣстѣ съ подготовительнымъ классомъ могли выдѣляться въ особую подготовительную школу.

Въ гимназіяхъ на математику отводилось 29 уроковъ, на физику съ космографіей—11, естествовѣдѣніе—8. Въ реальныхъ училищахъ математикѣ предоставлялось 33 урока, физикѣ—10, космографіи—3.

Въ общемъ, этотъ проектъ производитъ впечатлѣніе серьезно продуманнаго труда: за солидность и основательность проекта говорить и само имя автора его.

У.

Учебный планъ математики въ средней школѣ, проектированной министромъ П. С. Ванновскимъ.

Общій обзоръ проекта средней школы.

По смерти Н. П. Боголѣпова во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія становятся люди, никакого отношенія къ педагогическому дѣлу не имѣющіе, и начинается, по истинѣ, скачка съ препятствіями; проектъ К. П. Яновскаго откладывается въ сторону, а издается министромъ П. С. Ванновскимъ въ іюнь 1901 г. новый проектъ положенія яко-бы „единой общеобразовательной средней школы“ съ конспектомъ новаго учебнаго плана. И положеніе и учебный планъ интересны только въ томъ отношеніи, что они указываютъ, какъ не слѣдуетъ проводить реформу школы, и, вообще, до какихъ несообразностей можно дойти въ дѣлѣ преобразованія школы, будучи мало знакомымъ съ педагогическимъ дѣломъ¹⁾.

По проекту генерала Ванновскаго средняя школа имѣетъ 7 классовъ (съ годичнымъ въ каждомъ изъ нихъ курсомъ); первые три класса школы должны быть общими для всѣхъ учениковъ, а съ IV' класса начинается раздѣленіе школы на двѣ вѣтви: одни изучаютъ дополнительный курсъ естествовѣдѣнія и графическія искусства, другіе же, взамѣвъ этихъ пред-

¹⁾ Мы останавливаемся на этомъ, можетъ быть, дольше, чѣмъ слѣдуетъ, потому что въ обществѣ установилось мнѣніе, что Н. П. Боголѣповъ ничего не сдѣлалъ, да и не могъ сдѣлать для средней школы, что, если и сдѣлано кое-что въ смыслѣ улучшенія средней школы, то этимъ мы обязаны генералу Ванновскому. Поразительное заблужденіе!...

метовъ, въ тѣ же часы изучаютъ латинскій языкъ. Въ курсъ школы вводится изученіе съ I класса отечественной и всеобщей исторіи, естествовѣдѣнія. обязательное изученіе обоихъ новыхъ языковъ (одинъ съ I-го, а другой съ III класса; какой изъ двухъ языковъ—зависитъ отъ усмотрѣнія родителей): затѣмъ вводится отечествовѣдѣніе и законовѣдѣніе. На математику было положено всего 28 уроковъ (по 4 урока въ каждомъ классѣ).

Учебный планъ математики.

Курсъ математики въ проектированной средней школѣ сокращается. и при томъ значительно, по сравненію съ курсомъ классической гимназій (программы 1890 г.).

По ариѳметикѣ опущено: пропедевтическій курсъ дробей, ученіе о пропорціяхъ, задачи на учетъ векселей, цѣпное правило, правило смѣшенія перваго и втораго рода, рѣшеніе задачъ на различныя правила помощью пропорцій; опущенъ и дополнительный курсъ ариѳметики теперешняго VIII класса.

По алгебрѣ, насколько можно судить по краткому плану, опущено: количества съ отрицательными и дробными показателями. извлеченіе кубическихъ корней изъ чиселъ, изслѣдованіе уравненій первой степени съ однимъ и съ двумя неизвѣстными, рѣшеніе неопредѣленныхъ уравненій, непрерывныя дроби.

По геометріи учебный планъ настолько кратокъ, что нельзя сдѣлать по поводу объема этого курса никакого заключенія.

По тригонометріи опущено: простѣйшіе угломерныя инструменты, приложеніе прямолинейной тригонометріи къ производству различныхъ измѣреній на мѣстности.

Наконецъ, опущено приложеніе алгебры къ геометріи, а также весь повторительный курсъ математики съ необходимыми дополненіями и обобщеніями.

Уже одного этого перечня достаточно, чтобы показать, насколько сокращается курсъ математики по сравненію съ таковымъ въ гимназій (по плану 1890 г.). Но если принять во вниманіе, что реальныя училища, дающія болѣе солидную математическую подготовку, чѣмъ гимназій, предположено было преобразовать въ школы общаго типа, то станетъ понятнымъ, какъ сильно должно было бы понизиться въ Россіи математическое среднее образованіе.

Нѣкоторые изъ перечисленныхъ нами отдѣловъ, дѣйствительно, могутъ быть опущены безъ особаго ущерба какъ для математическаго, такъ и для общаго развитія учащихся.

Но является непонятнымъ, почему опущенъ дополнительный курсъ ариѳметики VIII класса гимназiи (теорiя первоначальныхъ чиселъ, наименьшаго кратнаго числа и общаго наибольшаго дѣлителя, теоремы, относящiяся къ обращенiю обыкновенныхъ дробей въ десятичныя — конечныя и периодическiя), а также весь повторительный курсъ математики. Въдѣ многiе вопросы, въ силу дидактическихъ требованiй, въ низшихъ классахъ излагаются не въ томъ видѣ, въ какомъ должны ихъ представлять себѣ юноша, заканчивающiй свое среднее образованiе; не подлежитъ сомнѣнiю, что курсъ ариѳметики, пройденный въ первыхъ трехъ классахъ, нуждается въ освѣщенiи и въ тѣхъ обобщенiяхъ, какiя недоступны, само собою разумѣется, ученику III класса. Вообще, повторительные курсы въ выпускномъ классѣ должны представлять собою одну изъ самыхъ важныхъ работъ: здѣсь, такъ сказать, возводится крыша надъ тѣмъ зданiемъ, которое строилось въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ; только здѣсь возможно говорить, напр., о построенiи научной системы, о математическихъ опредѣленiяхъ, объ аксиомахъ, о методахъ доказательствъ, о значенiи постулата Евклида, о развитiи идеи числа и т. п., т. е. о тѣхъ вопросахъ, которые только были намѣчены въ предыдущихъ классахъ. Указанная нами заключительная работа, обобщающая данный предметъ, — можно сказать, философская часть каждаго предмета, — не только желательна, не только своевременна — отвѣчаетъ запросамъ учащихся, — но она просто необходима: такiя обобщенiя являются тѣмъ, что должно оживотворить и собрать въ стройную систему предметъ, излагавшiйся въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ.

Мы также находимъ нецѣлесообразнымъ опускать обобщенiе понятiя о степени. Далѣе, никакiе мотивы не могутъ оправдать исключенiя изъ курса алгебры статьи, имѣющей первостепенную важность какъ съ практической, такъ и съ теоретической точки зрѣнiя, — статьи объ изслѣдованiи уравненiй. Немалое значенiе имѣетъ также и опускаемый отдѣлъ о неопредѣленныхъ уравненiяхъ.

Распределенiе по классамъ различныхъ отдѣловъ математики крайне нераціонально: по геометрiи, напр., ученики почти совсѣмъ не въ состоянiи были бы рѣшать задачи на вычисленiе: курсъ геометрiи заканчивается въ VI классѣ, а радикальныя уравненiя, которыми при рѣшенiи геометрическихъ вопросовъ приходится пользоваться нерѣдко, отнесены къ курсу VII класса; о примѣненiи тригонометрiи къ рѣшенiю геометрическихъ вопросовъ не можетъ быть и рѣчи (тригонометрiя проходится только въ VII классѣ).

Распределение по классамъ учебнаго матеріала по математикѣ мало согласовано съ распределеніемъ курса физики и космографіи.

Изъ всего сказаннаго видно, что пониженіе въ уровнѣ знаній по математикѣ, если бы проектъ генерала Ванновскаго осуществился, произошло бы не только въ силу сокращенія курсовъ и отсутствія дополнительныхъ курсовъ обобщающаго характера, но и вслѣдствіе неудачнаго распределенія учебнаго матеріала.

Слѣдуетъ замѣтить, что проектъ П. С. Ванновскаго встрѣтилъ рѣзкій и дѣльный отпоръ со стороны тѣхъ вѣдомствъ и учреждений, на разсмотрѣніе которыхъ онъ былъ переданъ¹⁾. Поэтому, на основаніи собранныхъ матеріаловъ, въ началѣ 1902 г. былъ составленъ новый проектъ „Положеніе о мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ“ въ 89 статьяхъ. Программы же и учебные планы по всѣмъ предметамъ вновь были разработаны В. Я. Гуревичемъ; но эти программы не были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе и похоронены въ архивахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія²⁾.

¹⁾ Особого вниманія, по своей полнотѣ и убѣдительности, заслуживаетъ отзывъ бывшаго министра финансовъ С. Ю. Витте. „Отзывъ министра финансовъ отъ 6 ноября 1901 г. на проектъ основныхъ положеній устройства общеобразовательной средней школы“. С.-Пб. 1901 (на правахъ рукописи).

²⁾ С. Л. Степановъ. Обзорніе проектовъ реформы средней школы. Ж. М. Н. Пр. 1907, № 2, стр. 95 и слѣд.

VI.

Работы, появившіяся по поводу проекта министра П. С. Ванновскаго.

Соображенія, высказанныя собраніемъ преподавателей математики г. Кіева по поводу проекта П. С. Ванновскаго.

Въ связи съ проектомъ министра П. С. Ванновскаго находятся соображенія, высказанныя собраніемъ преподавателей математики г. Кіева (23 октября 1901 г.) подъ предсѣдательствомъ помощника попечителя Учебнаго Округа П. Ш. Извольскаго, а также заключеніе по этому поводу Попечительскаго Совѣта, происходившаго 31 октября 1901 г.

При обсужденіи предложенной Министерствомъ программы, собраніе кіевскихъ преподавателей не входило въ критику ея, а предложило свою программу, принявъ при этомъ во вниманіе какъ труды подкомиссіи Н. И. Билибина, такъ равно и всѣ отзывы по поводу учебнаго плана П. С. Ванновскаго, присланные преподавателями среднихъ учебныхъ заведеній Кіевскаго Учебнаго Округа.

Въ своей работѣ собраніе преподавателей было очень стѣснено рамками, которыя были поставлены проектомъ, предложеннымъ Министерствомъ, а именно: семилѣтнимъ курсомъ и незначительнымъ количествомъ уроковъ, отводимыхъ для математики. Отсюда и главные недостатки программъ, выработанныхъ собраніемъ кіевскихъ преподавателей въ 1901 г.

Долго останавливаться на этихъ программахъ намъ не придется, такъ какъ онѣ во многомъ совпадаютъ съ программами подкомиссіи Н. И. Билибина.

Арифметика. Программа курса арифметики въ первыхъ трехъ классахъ представляетъ почти пересказъ программы подкомиссiи Н. И. Билибина съ слѣдующими незначительными измѣненiями: 1) Въ курсъ I класса введенъ пропедевтическiй курсъ дробей и, кромѣ того, пользованiе счетами (какъ нособiемъ при прохожденiи нумерацiи, а равнымъ образомъ примѣнительно къ сложению и вычитанiю многозначныхъ чиселъ). И ту и другую прибавку можно признать вполне рациональной. 2) Въ курсъ III класса введено повторенiе арифметики. Ученiе объ общемъ наибольшемъ дѣлителѣ (курсъ II класса) отнесено къ повторительному курсу выпускного класса. На этотъ курсъ съ необходимыми дополненiями и обобщенiями отводится въ 7 классѣ 1 урокъ.

Алгебра. Курсъ алгебры также распределенъ согласно программѣ Н. И. Билибина съ слѣдующими незначительными отступленiями: 1) Въ курсъ III класса введенорѣшенiе и составленiе простѣйшихъ уравненiй первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ (какъ пропедевтическiй курсъ къ теорiи уравненiй, а вмѣстѣ какъ материалъ, сообщающiй курсу III класса нѣкоторую законченность). 2) Въ курсъ V класса включена а) статья о возвышенiи въ степень одночленовъ и въ квадратъ многочленовъ, б) статья о рѣшенiи уравненiй съ квадратными радикалами (въ программѣ Н. И. Билибина отнесена къ курсу VI класса), какъ неизбѣжная при рѣшенiи геометрическихъ задачъ курса этого класса на вычисленiе; в) исключенъ вопросъ о наибольшемъ и наименьшемъ значенiи трехчленовъ второй степени; наконецъ, г) перенесена въ курсъ VI класса статья объ арифметической прогрессiи, такъ какъ, при указанныхъ необходимыхъ добавленiяхъ, курсъ V класса является вполне достаточнымъ и безъ арифметической прогрессiи, а въ курсѣ VI класса она вмѣстѣ съ кратной прогрессiей составитъ сколько-нибудь цѣльный вопросъ о прогрессiяхъ, какъ частномъ случаѣ рядовъ; д) ученiе о неравенствахъ и неопредѣленныхъ уравненiяхъ вовсе опущено.—но, правда, съ оговоркой, что это дѣлается въ силу крайней необходимости, такъ какъ для алгебры въ VII классѣ отведенъ всего 1 часть.

Геометрiя. Систематическiй курсъ геометрiи въ IV—VI классахъ также построенъ по программѣ Н. И. Билибина и отличается отъ курса, предлагаемаго подкомиссiей Н. И. Били-

бина, лишь тѣмъ, что, въ видахъ облегченія учащихся, исключены такія статьи, какъ условія равенства и подобія призмъ и пирамидъ, отношеніе поверхностей и объемовъ цилиндровъ и конусовъ.

Кромѣ этого, при обсужденіи курса математики въ III классѣ собраніе остановилось еще на слѣдующихъ соображеніяхъ, высказанныхъ, между прочимъ, авторомъ настоящаго „Обзора“ въ отзывѣ (въ Управление Кіевскаго Учебнаго Округа) по поводу учебнаго плана П. С. Ванновскаго. Приведемъ эти соображенія по протоколу засѣданія Попечительскаго Совѣта (состоявшагося 31 октября 1901 г., стр. 15—16).

„Въ проектированной новой школѣ конспектъ учебныхъ плановъ находитъ необходимымъ примѣнять концентры иди, вѣрнѣе сказать, предпосылать пропедевтическіе курсы по исторіи, географіи, естествовѣдѣнію, и только геометрія оставлена безъ такового; а, между тѣмъ, пропедевтическій курсъ геометріи представляетъ настоятельную необходимость, и, надо сознаться, хотя не отмѣченъ въ существующихъ программахъ, но на практикѣ существуетъ, будучи вызванъ силою вещей. Дѣло въ томъ, что систематическій курсъ геометріи вначалѣ (1-е полугодіе въ IV классѣ) представляетъ для учениковъ большія трудности, такъ какъ здѣсь впервые имъ приходится оперировать надъ понятіями, которыя или вовсе еще не выработались у нихъ, или существуютъ въ смутной формѣ (геометрическое тѣло, поверхность, линія, уголь и т. д.); такія понятія вырабатываются не путемъ логическихъ построеній, а путемъ психологическимъ; слѣдовательно, нужно начать съ тѣла физическаго и путемъ послѣдовательнаго отвлеченія довести учащихся до выработки основныхъ геометрическихъ понятій. Такая работа крайне необходима; уроки, потраченные на нее, какъ показываетъ опытъ, съ излишкомъ возмѣщаются впоследствии ясностью пониманія и легкостью усвоенія дальнѣйшаго курса. Но есть еще и другое соображеніе, на которомъ собраніе сочло необходимымъ остановить свое вниманіе. Согласно проекту новой школы, первые три класса ея должны, по возможности, давать болѣе или менѣе законченное низшее образованіе. А развѣ можно утверждать, что курсъ первыхъ 3-хъ классовъ будетъ обнимать собою кругъ свѣдѣній сколько-нибудь законченный, если въ немъ на ряду съ простѣйшимъ понятіемъ о числѣ будетъ отсутствовать понятіе о формѣ тѣлъ физическихъ и представленіе о простѣйшихъ пространственныхъ соотношеніяхъ?“

„На основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній совѣщаніе отмѣтило настоятельную необходимость помѣстить въ III классѣ пропедевтическій курсъ геометріи, хотя бы при одномъ урокѣ во второмъ полугодіи“.

Въ настоящее время вопросъ о пригготовительномъ или пропедевтическомъ курсѣ геометріи, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы поставить еще болѣе радикально по примѣру западно-европейскихъ педагоговъ ¹⁾.

Тригонометрія. „Въ виду того, что въ курсѣ физики VI и VII классовъ, а равнымъ образомъ и въ курсѣ космографіи VII класса нерѣдко приходится пользоваться нѣкоторыми свѣдѣніями изъ тригонометріи, совѣщаніе полагаетъ, что прохожденіе этого предмета слѣдуетъ начинать нѣсколько раньше, именно съ VI класса, а не съ VII-го, какъ то предположено въ «Конспектѣ учебнаго плана»; для осуществленія же этого предложенія на практикѣ, а также въ видахъ дидактическихъ требованій совѣщаніе находитъ весьма желательнымъ раздѣлить курсъ тригонометріи... на двѣ части: а) рѣшеніе треугольниковъ и б) ученіе о тригонометрическихъ величинахъ, какъ функціяхъ, и первую изъ этихъ частей помѣстить въ курсѣ математики VI класса (для чего необходимо добавить въ этомъ классѣ еще одинъ урокъ по математикѣ), а вторую отнести къ курсу VII класса.

Для VI класса (2 урока во 2-мъ полугодіи) и для VII класса (1 урокъ) принята программа Н. П. Билибина безъ измѣненій.

О раздѣленіи тригонометріи на двѣ части мы высказались уже раньше ²⁾.

На этотъ разъ собраніе преподавателей, между прочимъ, по предложенію автора настоящаго „Обзора“, высказалось довольно опредѣленно и настоятельно относительно введенія въ курсъ средней общеобразовательной школы основъ аналитической геометріи. По этому поводу занесены въ протоколъ совѣщанія слѣдующія соображенія, предварительно высказанныя нами въ отзывѣ (представленномъ въ Управление Кіевского Учебнаго Округа) по поводу „Конспекта учебныхъ плановъ“.

„Изъ обзора вышензложеннаго плана преподаванія математики не трудно видѣть, что мы познакоимъ учениковъ нашей средней школы кое съ чѣмъ изъ того, что создали греки въ области геометріи, и главнымъ образомъ (если не считать логарифмовъ, теоріи соединеній и непрерывныхъ дробей), индусы съ арабами—въ области арифметики и алгебры; все же то, что добыто въ области математики, начиная съ XVII-го вѣка и до настоящаго времени, всѣ тѣ методы, которые повели къ величайшимъ откры-

¹⁾ См. ниже (въ этой же главѣ), стр. 64, 65.

²⁾ См. выше, стр. 49.

тіямъ въ механикѣ, физикѣ, астрономіи и пр., однимъ словомъ, все то, чѣмъ гордится современная культура, останется совершенно неизвѣстнымъ, покрытымъ пеленою таинственнаго для всякаго, получившаго хотя и высшее, но не спеціально-математическое образованіе. На это могутъ возразить, что всѣ указанные вопросы очень интересны, но спеціальны и по своей трудности мало доступны пониманію ученика средней школы. Но подобныя возраженія опровергаются фактами. Что вопросы эти не узко спеціальны, слѣдуетъ изъ того, что они тѣсно связаны съ выдающимися теченіями философской мысли, съ выдающимися моментами въ исторіи культуры. Что это—вопросы, доступные для учениковъ средней школы, говорить опытъ: въ кадетскихъ корпусахъ (при семилѣтнемъ курсѣ) аналитическая геометрія изучается въ VII классѣ и проходится съ менѣйшимъ успѣхомъ по сравненію съ геометрией элементарной; на сѣздѣ директоровъ коммерческихъ училищъ въ іюнь 1901 г. въ Петербургѣ подкомиссія по математикѣ единогласно высказалась за полезность и возможность введенія въ курсъ коммерческихъ училищъ элементовъ аналитической геометріи двухъ измѣреній (см. Матеріалы по коммерч. образов., вып. I-й. С.-Пб. 1901 г., стр. 73); наконецъ, за границей аналитическая геометрія введена даже въ курсъ строго классическихъ гимназій въ Германіи, не говоря уже о Франціи и Швейцаріи¹⁾.

Обсудивъ эти соображенія, собраніе преподавателей сдѣлало слѣдующее постановленіе.

„Въ виду всего вышензложеннаго, и принимая во вниманіе, что, напр., методъ координатъ имѣетъ не только общеобразовательное значеніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весьма широкое практическое примѣненіе въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ знанія (математика, физика, химія, медицина, статистика, метеорологія и проч.),—совѣщаніе единогласно выражаетъ желаніе, чтобы въ курсѣ математики VII класса одинъ изъ 4-хъ отведенныхъ на этотъ предметъ уроковъ былъ предвѣщенъ на повтореніе геометріи вообще и на ознакомленіе оканчивающихъ курсъ учениковъ хотя бы съ основами аналитической геометріи въ такихъ размѣрахъ, какіе предложены въ программѣ Н. И. Билибина“.

Интересно отмѣтить, что совѣщаніе кievскихъ преподавателей, состоявшееся въ концѣ 1899 г. почти въ томъ же составѣ, встрѣтило крайне несочувственно аналогичное предложеніе (одного—двухъ преподавателей) о

¹⁾ Цитируемъ наши соображенія, равно какъ и постановленіе собранія преподавателей, по протоколу засѣданія Попечительскаго Совѣта, состоявшагося 31 окт. 1901 г., стр. 19 и 20.

введеніи въ курсъ даже восьмилѣтней средней школы элементовъ такъ называемой высшей математики. Очевидно, двухлѣтній періодъ, при живомъ общеніи мнѣній по поводу реформы средней школы, не прошелъ безслѣдно.

Заключенія Попечительскаго Совѣта Кіевскаго Учебнаго Округа по поводу соображеній, высказанныхъ кіевскими преподавателями.

Попечительскій Совѣтъ Кіевскаго Учебнаго Округа, заслушавъ и обсудивъ вышеприведенныя постановленія, выработанныя совѣщаніемъ преподавателей математики, и соглашаясь съ большею частью высказанныхъ въ нихъ взглядовъ, съ своей стороны сдѣлалъ слѣдующія добавочныя замѣчанія ¹⁾.

„Признавая крайне желательнымъ введеніе въ курсъ средней школы основъ аналитической геометріи двухъ измѣреній, можно согласиться на нѣкоторое сокращеніе прежней программы, но отнюдь нельзя признать цѣлесообразнымъ исключеніе изъ курса всего неопредѣленнаго анализа. Этотъ отдѣлъ математики имѣетъ весьма важное значеніе для развитія правильного и строгаго математическаго мышленія. Если признать программу слишкомъ обширною, то лучше было бы отказаться отъ теоріи соединеній и бинома Ньютона, какъ отъ дисциплинъ, носящихъ менѣе глубокій и скорѣе формальный характеръ.—Что касается до пропедевтическаго курса геометріи, то едва ли въ немъ есть настоящая необходимость, тѣмъ болѣе, что въ рукахъ неопытныхъ такой курсъ можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы. Первоначальныя свѣдѣнія о тѣлахъ, площадяхъ и линіяхъ могутъ быть въ достаточномъ объемѣ изложены преподавателемъ ариметики въ курсѣ именованныхъ чиселъ“.

Съ послѣднимъ заключеніемъ (относительно пропедевтическаго курса геометріи),— правда, очень нерѣшительнымъ,—никакъ нельзя согласиться. Здѣсь мы имѣемъ возраженіе не по существу. Неопытный преподаватель иногда можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы, обучая, напр., таблицѣ умноженія, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что знакомство дѣтей съ таблицей умноженія излишне. Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы вырабатывать у дѣтей различныя геометрическія понятія на урокахъ ариметики; но безъ опредѣленныхъ указаній, безъ опредѣленной программы, дѣйствительно, могутъ получаться нежелательные результаты.

Пространственныя соотношенія, съ которыми слѣдуетъ знакомить въ приготовительномъ курсѣ геометріи, принадлежать къ простѣйшимъ обыден-

¹⁾ Протоколь засѣданія Попечит. Совѣта Кіевскаго Учебнаго Округа 31 окт. 1901 г., стр 24 и 25.

нымъ понятіямъ; съ ними приходится сталкиваться ребенку на каждомъ шагу (прямая линия, окружность, уголь, шаръ и т. п.) на ряду съ понятіемъ о числѣ. Такой педагогическій авторитетъ, какъ Дистервегъ, считаетъ, что пропедевтическій курсъ геометріи долженъ быть предметомъ начального обученія на ряду съ ариметикой и роднымъ языкомъ¹⁾; и дѣйствительно, почти вездѣ въ Зап. Европѣ, при первоначальномъ обученіи, въ томъ или другомъ видѣ знакомятъ съ этимъ предметомъ. Въ среднемъ учебномъ заведеніи этотъ курсъ необходимъ не только потому, что помогаетъ выработкѣ основныхъ геометрическихъ понятій, а также потому, что безъ знанія этого курса не можетъ быть сознательнаго изученія въ младшихъ классахъ географіи, естествовѣдѣнія. Раскройте лучший изъ учебниковъ по географіи для I класса, и вы сейчасъ же встрѣтитесь съ такими понятіями, какъ окружность, уголь, шаръ, поперечникъ, поверхность, параллельныя линіи и т. п.²⁾ Ясенъ отсюда выводъ, что выработка основныхъ геометрическихъ понятій и ознакомленіе съ простѣйшими пространственными соотношеніями въ извѣстной системѣ должны начаться еще до поступленія въ I классъ (въ приготовительномъ классѣ) и продолжаться въ I и во II классахъ, а быть можетъ—и въ III-мъ. Занятія эти доступны дѣтямъ и представляютъ для нихъ несомнѣнный интересъ; къ тому же, они не потребуютъ много времени: для этого можно пользоваться, по мѣрѣ надобности, уроками ариметики въ указанныхъ классахъ.

Наконецъ, что касается тригонометріи, то Попечительскій Совѣтъ высказалъ слѣдующія соображенія.

„Раздѣленіе тригонометріи на два отдѣльныхъ курса—а) рѣшеніе треугольниковъ, б) ученіе о тригонометрическихъ функціяхъ—и не научно и не педагогично. Понятіе о тригонометрическихъ функціяхъ должно предшествовать приложенію этихъ понятій къ рѣшенію треугольниковъ; тогда

¹⁾ А. Дистервегъ. Комментарій къ элементарной геометріи. Перев. съ нѣм. С.-Пб. 1870, стр. 1, 2.

²⁾ Г. И. Ивановъ. Начальный курсъ географіи. С.-Пб. 1904. На стр. 2 дается понятіе о планѣ и масштабѣ; тамъ же требуется „измѣрить разстояніе отъ какого-нибудь угла (sic!) стола до стѣны“. На стр. 7: „Линія, которая находится на границѣ между землей и краями небосклона... имѣетъ форму окружности“. На стр. 47: „Земля—большой шаръ“. На стр. 48: „Поперечникъ ея равенъ 12000 в. На стр. 49: „Линія, около которой земля вертится... называется осью ея, а концы земной оси — полюсами“. На стр. 50: „Окружности, которыя идутъ параллельно экватору, наз. параллелями“. На стр. 61: „Ось (земли) все время остается параллельной самой себѣ“. Тамъ же: „параллель, отстоящая на $23\frac{1}{2}^{\circ}$ къ сѣверу отъ экватора“.

только тригонометрія получить вполнѣ связную и послѣдовательную форму. Поэтому устройство тригонометрическихъ таблицъ и рѣшеніе треугольниковъ слѣдуетъ отнести къ VII классу, а изъ курса этого класса перенести въ VI-й все начало до приведенія формулъ къ виду, удобному для логарифмированія“.

Но Попечительскій Совѣтъ, очевидно, выпустилъ изъ виду, что, при такомъ распредѣленіи учебнаго матеріала, тригонометріей нельзя будетъ пользоваться ни при рѣшеніи геометрическихъ вопросовъ, ни въ физикѣ, ни въ космографіи. Намъ казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ, при семилѣтнемъ курсѣ средней школы, весь курсъ тригонометріи сосредоточить въ VI классѣ, — другого выхода нѣтъ.

Журнальныя статьи по поводу учебнаго плана математики, проектированнаго министромъ П. С. Ванновскимъ.

По поводу программы по математикѣ, проектированной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1901 г., мы имѣемъ двѣ журнальныя статьи: одна изъ нихъ, подписанная инициалами С. П., — „О программахъ математики“ помѣщена въ № 2 „Пед. Сб.“ за 1902 г. (стр. 142—153), а другая написана Н. Парфентьевымъ и помѣщена въ № 2 „Русск. Шк.“ за 1902 г. (стр. 223—229) подъ заглавіемъ: „Программы по математикѣ въ средней школѣ будущаго“.

Статья С. П. — „О программахъ математики“. Авторъ первой статьи въ своихъ соображеніяхъ исходитъ изъ взгляда, выраженнаго проф. Бугаевымъ, что „математика есть наука о свойствахъ, законахъ и взаимныхъ отношеніяхъ величинъ, разсматриваемыхъ со стороны основной ихъ способности—измѣняемости“.

„Наиболѣе крупное значеніе¹⁾, — по словамъ автора, — теорія функцій имѣетъ въ области ученія о протяженіи, съ которымъ очень часто сливается какъ бы въ одну общую науку... Счисленіе безконечно-малыхъ величинъ даетъ новое освѣщеніе всѣмъ математическимъ теоріямъ и формуламъ, начиная съ понятія о числѣ... Содержаніе математики, какъ науки о функціяхъ, опредѣляетъ и ея учебное значеніе. Учебный курсъ математики долженъ дать элементарное и ясное понятіе о функціи, ея измѣняемости и непрерывности“. Авторъ въ подкрѣпленіе своей мысли приводитъ поддержку изъ статьи В. П. Шереметевскаго, который говоритъ: „если вся математика есть въ сущности ученіе о функціяхъ, то ясно, что и элемен-

¹⁾ Пед. Сб. 1902 г., № 2, стр. 144 и слѣд.

тарный курсъ долженъ группироваться вокругъ основного понятія о функциональной зависимости,—чѣмъ раньше оно будетъ вызвано и осторожнѣе вырращено въ сознаниіи учащихся, тѣмъ лучше“.

„При теперешней системѣ,—говоритъ авторъ статьи,—мысль ученика сковывается..., центръ живой работы естественно переносится отъ теоріи къ задачамъ и болѣе всего къ такимъ задачамъ, которыя привлекаютъ учениковъ механической работой вычисления или искусственной замысловатостью“. Далѣе, авторъ отмѣчаетъ, что „не смотря на то, что такъ называемый курсъ низшей математики одинаково долженъ быть пропитанъ идеей о функциональной зависимости, нигдѣ въ этомъ курсѣ по программамъ и по учебникамъ не сообщается даже понятіе о функціи... Какъ о функциональной зависимости, такъ и о безконечно-малыхъ величинахъ курсы умалчиваютъ, хотя безъ этихъ понятій и трудно обойтись въ теоріи—несоизмѣримыхъ чиселъ, безконечно-убывающей прогрессіи, измѣренія окружности, круга и круглыхъ тѣлъ и другихъ вопросовъ чистой и прикладной математики. Благодаря такому искаженію духа и смысла математической теоріи, многіе вопросы курса сильно страдают въ смыслѣ ясности, простоты и научности (кромя перечисленныхъ выше вопросовъ, теорія предѣловъ, логарифмовъ, тригонометрическихъ функцій, изслѣдованіе уравненій и др.)“.

„Обходя существенные вопросы математического анализа, школьныя традиціи,—по мнѣнію автора,—оставляютъ въ курсахъ много излишняго балласта“. Къ балласту авторъ относитъ, между прочимъ, неопредѣленные уравненія, а также теорію соединеній и биномъ Ньютона.

Сокращеніе въ курсѣ математики дастъ возможность, безъ отягощенія программъ и увеличенія учебнаго времени, ввести слѣдующія статьи: „1) ученіе о производныхъ функціяхъ и начала дифференціального исчисления, какъ выясняющія непрерывную измѣняемость функцій; 2) теорію максима и минима, какъ опредѣляющую наибольшія и наименьшія значенія функцій; 3) ученіе о безконечныхъ рядахъ, какъ служащее для выраженій функцій вообще въ видѣ цѣлыхъ функцій и для приближеннаго вычисления ихъ; 4) начала аналитической геометріи двухъ измѣреній, какъ выясняющія многіе вопросы анализа функцій“.

Въ заключеніе приводится болѣе детальная программа среднеобразовательнаго курса математики, рассчитанная на 7 лѣтъ. Программа приведена лишь для выясненія основныхъ положеній статьи и для указанія на возможность практическаго примѣненія этихъ положеній. Съ этой стороны мы ея, главнымъ образомъ, и коснемся.

I классъ (4 урока). „Здѣсь,—по мнѣнію автора,—очень важно эмпирически (особенно при помощи умственнаго счета) установить измѣняемость суммы, разности, произведенія и част-

наго, а также законы перемѣстительности, сочетательности и распределительности“ (вѣроятно, не прибѣгая при этомъ къ точной формулировкѣ законовъ).

II классъ (4 урока). Обычный курсъ (опущено учение о періодическихъ дробяхъ).

III классъ (4 урока). „Въ III классѣ прежде всего надо обосновать и формулировать основные свойства зависимости и измѣняемости результатовъ 4-хъ ариметическихъ дѣйствій и обобщить ихъ на дробныя числа. Формулировку эту слѣдуетъ сопровождать упражненіями на скобки и на опредѣленіе неизвѣстныхъ членовъ ариметическихъ формулъ. Отсюда легко перейти къ рѣшенію и составленію числовыхъ уравненій первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ (между задачами должны быть и на тройныя правила). Курсъ алгебры III класса долженъ быть пропедевтическимъ по отношенію къ алгебрѣ и обобщающимъ по отношенію къ арифметикѣ“.

Первая часть программы III класса указываетъ на то, что она принадлежитъ человѣку недостаточно опытному въ преподаваніи арифметики.

IV классъ (4 урока). *По алгебрѣ*—дѣйствія надъ цѣлыми и дробными алгебраическими выраженіями. *По геометріи*—обычный курсъ.

V классъ (5 уроковъ). Начало курса посвящается извлеченію квадратныхъ корней, дѣйствіямъ надъ ирраціональными выраженіями и элементарнымъ понятіямъ о функціяхъ, безконечно-малыхъ величинахъ и о теоріи предѣловъ. „Квадратные корни съ приближеніемъ могутъ служить прекрасными примѣрами несоизмѣримыхъ чиселъ... Послѣ элементарнаго обоснованія теоріи предѣловъ на суммѣ, разности и произведеніи безконечно-малыхъ величинъ, можно перейти къ параллельному изученію алгебры и геометріи“. *По алгебрѣ*: приложеніе теоріи предѣловъ къ дѣйствіямъ надъ несоизмѣрими числами; рѣшеніе, составленіе и изслѣдованіе уравненій первой и второй степени. *По геометріи* заканчивается планиметрія (которая въ данномъ случаѣ требуетъ приложенія математическаго анализа—понятія о несоизмѣримости и о безконечно-малыхъ величинахъ).

Странно, что раньше излагаются дѣйствія надъ ирраціональными выраженіями, а послѣ уже надъ несоизмѣримыми числами. Намъ кажется, что статья объ изслѣдованіи уравненій будетъ непосильной для учениковъ V класса.

VI классъ (5 уроковъ). *По алгебрѣ*: прогрессіи; обобщеніе степени; логарифмы; понятіе о производныхъ функціяхъ и

дифференцирование алгебраических и простѣйшихъ трансцендентныхъ функцій; теорія maxima и minima; учение о бесконечныхъ рядахъ. Параллельно по *тригонометриі*: гониометрія и рѣшеніе треугольниковъ.

Можно признати нераціональнымъ, что курсъ геометріи прерывается на цѣлый годъ.

VII классъ (4 урока). „По *аналитической геометріи*: основныя понятія; прямая и задачи; изслѣдованіе уравненія второй степени съ двумя неизвѣстными и кривыя второго порядка. Параллельно по *геометріи*: стереометрія и приложение къ стереометрическимъ задачамъ приближенныхъ, логарифмическихъ и тригонометрическихъ вычисленій; эти задачи должны служить не только для повторенія алгебры, геометріи и тригонометріи, но и уяснить вопросъ о приближенныхъ вычисленіяхъ вообще“.

Мы не будемъ болѣе останавливаться на разборѣ программы, предлагаемой г-номъ С. П. Съ одной стороны, она изложена слишкомъ сжато, а, съ другой стороны, наше отношеніе къ ней ясно изъ тѣхъ замѣчаній, которыя мы сдѣлали по поводу другихъ программъ. Но не смотря на значительные недочеты, присущіе этой программѣ, она не лишена оригинальности и заслуживаетъ серіознаго вниманія: здѣсь мы впервые встречаемъ стремленіе перестроить преподаваніе элементарной математики согласно болѣе жизненнымъ взглядамъ на этотъ вопросъ—составить программу, чуждую рутинѣ. Очень жаль только, что программа приноровлена къ семилѣтнему курсу.

Статья Н. Парфентьева—„Программы по математикѣ въ средней школѣ будущаго“: Авторъ статьи подвергаетъ конспектъ учебнаго плана по математикѣ основательному критическому разбору, исходя изъ той мысли, что „математика имѣетъ не только общеобразовательное значеніе, но есть также великое, мощное орудіе, дающее возможность вырывать тайны у природы и поработать ее“, и что нужно предоставить большинству возможность владѣть этимъ орудіемъ и понимать его. Онъ краснорѣчиво выступаетъ на защиту неопредѣленныхъ уравненій, въ особенности изслѣдованія уравненій; стоитъ за необходимость систематизаціи и обобщенія знаній, за необходимость подведенія итоговъ всему сообщенному школой, словомъ, за повторительные курсы; настаиваетъ на болѣе серіозномъ ознакомленіи учениковъ средней школы съ методомъ предѣловъ, съ ирраціональными числами, какъ съ таковыми, на необходимости рѣшенія задачъ на построеніе и ознакомленія учениковъ съ приложеніемъ алгебры къ геометріи. Наконецъ, Н. Парфен-

твѣтъ, подобно автору предыдущей статьи, считаетъ необходимымъ ознакомить учениковъ средней школы съ нѣкоторыми основаніями высшей математики и указываетъ minimum тѣхъ свѣдѣній, которыя должны быть сообщены ученикамъ. Прежде всего, необходимо ознакомить учениковъ „съ понятіемъ функція и простѣйшими законами измѣненія и роста функцій. Это знакомство для нихъ будетъ чрезвычайно плодотворно. Вѣдь, цѣль науки (по мнѣнію проф. Маха)—экономія мышленія; знакомя же учениковъ съ этими понятіями, мы съэкономимъ и въ формулировкѣ и въ мысли. Тогда для учениковъ будутъ понятны слова: непрерывность, непрерывность, зависимое переменное или независимое, переменная величина и т. п., и самыя слова зависимость, законъ будутъ въ ихъ представленіяхъ вырисовываться рельефнѣе.—Разумѣется, ученикамъ необходимо сообщить и основанія аналитической геометріи въ самыхъ общихъ чертахъ, напр., настолько, чтобы система координатъ и ихъ геометрическое значеніе было имъ извѣстно, далѣе, возможность выразить уравненіемъ кривую, коль скоро задано ея характеризующее свойство, затѣмъ обратно—умѣнье строить кривую по ея уравненію и вычерчиваніе эмпирическихъ кривыхъ. . Нѣкоторое ознакомленіе съ началами высшей математики необходимо еще и потому, что это уничтожило бы пропасть, совершенно искусственно созданную между высшей и низшей математикой“¹⁾).

Высказавъ такіе здравые взгляды на преподаваніе математики въ средней школѣ, Н. Парфентьевъ, къ сожалѣнію, не привелъ своей программы, которая, по всей вѣроятности, представила бы значительный интересъ.

¹⁾ Русск. Шк. 1902 г., № 2, стр. 228 и 229.

VII.

Работы по улучшенію программъ математики въ коммерческихъ училищахъ.

Мы подвергли разсмотрѣнію труды Министерства Народнаго Просвѣщенія въ связи съ трудами различныхъ комиссій и совѣщаній, возникшихъ по инициативѣ этого послѣдняго. Мы коснулись также мнѣній и заключеній, которыя были высказаны по поводу этихъ работъ. Но въ нашемъ обзорѣ были бы значительныя пробѣлы, если бы мы не разсмотрѣли того, что было сдѣлано еще другими лицами и учрежденіями, помимо Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Прежде всего, заслуживаютъ вниманія работы по улучшенію преподаванія математики въ коммерческихъ училищахъ. Мы имѣемъ въ виду труды двухъ съѣздовъ директоровъ и представителей попечительныхъ совѣтовъ коммерческихъ училищъ — въ іюнѣ 1901 г. и въ январѣ 1902 г.¹⁾

Въ работахъ обоихъ съѣздовъ принимали участіе почти одни и тѣ же лица, а именно: члены Министерства Финансовъ, члены Учебнаго Комитета, директора коммерческихъ училищъ, учредители училищъ и приглашенные лица. Предсѣдателемъ комиссій по математикѣ состоялъ членъ Учебнаго Комитета маститый педагогъ А. И. Страннолюбскій. Не смотря на то, что коммерческія училища являются учебными заведеніями специальными, въ трудахъ комиссій мы находимъ много цѣнныхъ положеній и указаній

¹⁾ Матеріалы по коммерческому образованію. Вып. I. Коммерческія училища. Съѣздъ директоровъ и представителей попечительныхъ совѣтовъ въ іюнѣ мѣсяцъ 1901 г. въ г. С.-Петербургѣ. С.-Пб. 1901. Вып. II. Коммерческія училища. Съѣздъ директоровъ и представит. попечительн. совѣтовъ въ январѣ мѣсяцъ 1902 г. въ г. С.-Петербургѣ. С.-Пб. 1902.

для лучшей постановки дѣла преподаванія математики и въ общеобразовательной школѣ; этимъ, несомнѣнно, мы обязаны участію въ трудахъ комиссіи такихъ авторитетовъ въ педагогическомъ дѣлѣ, какими являются, кромѣ А. Н. Страннолюбскаго, извѣстный многочисленными работами въ области учебной литературы А. Н. Глаголевъ (скончавшійся въ 1906 г.), выдающійся педагогъ К. К. Мазнягъ, проф. К. А. Андреевъ (директоръ Московскаго Александровскаго коммерческаго училища), А. Г. Малинянъ (окружной инспекторъ по учебной части).

Второй сѣздъ (1902 г.) являлся какъ бы продолженіемъ перваго, а поэтому мы постараемся дать общій очеркъ того, что выработано на обоихъ сѣздахъ по интересующему насъ вопросу.

Совѣщаніе, обсудивъ докладъ предсѣдателя комиссіи по математикѣ, приняло слѣдующія положенія общаго характера 1): „1) не стѣснять педагогическіе комитеты указаніями, гдѣ начинать и гдѣ кончать тѣ или другіе отдѣлы математики 2); 2) не обязывать педагогическіе комитеты принятіемъ того или другого числа часовъ, предоставляя имъ обсудить этотъ вопросъ, придерживаясь указанныхъ предѣловъ 24—28 час.; 3) признать желательнымъ изученіе аналитической геометріи 3); 4) предоставить ввести преподаваніе политической ариѳметики 4) при курсѣ алгебры или отдѣльно; 5) признать повторительные курсы математики въ старшихъ классахъ излишними 5). „Кромѣ того, комиссія единогласно присоединяется также къ пожеланію о скорѣйшей организаціи сѣздовъ преподавателей отдѣльныхъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы одной изъ задачъ перваго же сѣзда математиковъ было составленіе примѣрной конспективной программы преподаванія

1) Матеріалы по коммерч. образ. Вып. II; ч. 1-я, стр. 78.

2) Мотивировка этого отчасти приведена въ Вып. II; ч. 1-я, стр. 69.

3) Мотивировка этого приведена въ Вып. II; ч. 1-я, стр. 70.

4) Въ курсѣ политической ариѳметики войдетъ теорія сложныхъ процентовъ съ практическими приложеніями, теорія соединеній, а также элементы теоріи вѣроятностей. Терминъ „политическая ариѳметика“ установился въ нѣмецкой учебной литературѣ.

5) Въ защиту этого приведены (вып. II; ч. 1-я, стр. 76) краснорѣчивыя соображенія, для насъ совершенно не убѣдительныя: а) непроизводительная трата времени; б) повтореніе опасно, потому что при первомъ прохожденіи можетъ быть допущена поверхностность и несистематичность (какое недоверіе къ преподавателямъ; интересно сопоставить это съ п. п. 1-мъ и 2-мъ общихъ положеній); в) существенныя подробности курса сами собою безпрестанно повторяются; г) въ преподаваніи математики цѣненъ въ образовательномъ отношеніи не столько учебный матеріалъ, сколько способъ его разработки; д) сами ученики тяготеютъ повторительными курсами (прибавимъ отъ себя: потому, что они ведутся неудовлетворительно).

математики въ приготовительныхъ классахъ коммерческихъ училищъ, съ подробной методической мотивировкой такой программы“¹⁾.

Придавая громадное, рѣшающее значеніе инициативѣ учителя, его самостоятельности, ратуя противъ излишняго стѣсненія свободы преподаванія различными формальными требованіями, тѣмъ не менѣе, мы не можемъ сочувствовать постановленіямъ, выраженнымъ въ пунктѣ 1-мъ и 2-мъ. Мы объясняемъ ихъ недоразумѣніемъ, считаемъ ихъ увлеченіемъ молодого начинанія. Не будемъ уже останавливаться на томъ, что неопытные, начинающіе преподаватели,—а ихъ у насъ много,—могутъ такъ распределить учебный матеріалъ и время преподаванія, что въ заключеніе не въ состояніи будутъ свести концы съ концами; не будемъ особенно настаивать на томъ, что, при такихъ условіяхъ, искусственно создается крайне неравномѣрная подготовка и математическое развитіе учащихся въ различныхъ коммерческихъ училищахъ, т. е. усилятся то ненормальное положеніе дѣла, съ которымъ и безъ того приходится постоянно такъ или иначе бороться. Но мы въ правѣ требовать, чтобы были приняты во вниманіе интересы и практическаго характера, т. е. чтобы ученики одного коммерческаго училища безпрепятственно могли переходить въ другое; вѣдь, въ интересахъ тѣхъ же учащихся, не боясь стѣснить свободы преподаванія, комиссія признала необходимымъ составить конспективные программы для приготовительнаго класса, съ подробной методической мотивировкой такой программы. Наконецъ, мы просто не видимъ необходимости въ такомъ постановленіи, если только допускать въ случаѣ надобности отступленіе отъ установленной нормы свѣдома педагогическаго комитета.

Также точно нельзя вовсе согласиться съ постановленіемъ относительно повторительныхъ курсовъ математики, и тѣ мотивы, которые приведены въ защиту этого постановленія²⁾, намъ не кажутся убѣдительными, на основаніи соображеній, которыя были приведены по этому поводу нами раньше³⁾.

Что же касается введенія аналитической геометріи въ курсъ средней школы, а также надлежащей постановки преподаванія математики въ приготовительныхъ классахъ, то наши сочувственные взгляды на эти вопросы уже извѣстны читателю⁴⁾.

Переходя въ частности къ заключеніямъ, высказаннымъ комиссіей относительно программъ по разнымъ отдѣламъ математики, мы не имѣемъ въ

¹⁾ Вып. II; ч. 1-я, стр. 79.

²⁾ См. выше, подстр. прим. на стр. 72.

³⁾ См. выше, стр. 57, а также стр. 20.

⁴⁾ См. выше, стр. 62, 63, а также 53.

виду представить ясную, подробную картину того, что было сделано на обоих съездах; отмѣтимъ только отдѣльныя части программы, которыя по тѣмъ или инымъ соображеніямъ представляются для насъ интересными. опустивъ, по возможности, все, что встрѣчалось уже раньше, при разсмотрѣніи другихъ трудовъ.

Ариметика. Указанія, сдѣланныя относительно программы и преподаванія этого предмета, нужно признать вполне цѣлесообразными; но съ ними мы уже встрѣчались раньше, при изложеніи другихъ программъ. Не лишнимъ будетъ отмѣтить только, что коммиссія, между прочимъ, признала желательнымъ: „1) Въ ученіи о дробяхъ десятичныхъ выпустить всѣ теоретическія подробности, касающіяся періодическихъ дробей, ограничиваясь лишь объясненіемъ ихъ происхожденія. Вычисленія надъ періодическими дробями производить, какъ надъ конечными десятичными, ограничиваясь заданной степенью точности ¹⁾. 2) Разнообразные приемы сокращенныхъ вычисленій, при условіи свободнаго, самодѣтельнаго отысканія ихъ учащимися, практиковать при всякомъ удобномъ случаѣ въ теченіе всего курса ариметики, не дѣлая изъ нихъ особаго отдѣла, впадающаго въ рутинный механизмъ. 3) Относительно приближенныхъ вычисленій въ курсѣ ариметики сообщить ученикамъ лишь самыя необходимыя элементарныя практическія понятія о нихъ“ ²⁾.

Алгебра. По сравненію съ программами мужскихъ гимназій мы не находимъ здѣсь упоминанія объ ирраціональныхъ числахъ, изслѣдованіи уравненій и непрерывныхъ дробяхъ. Безъ ущерба для дѣла можетъ быть опущено только ученіе о непрерывныхъ дробяхъ.

По слову преподаванія алгебры замѣчаній почти не встрѣчается. Отрадно отмѣтить, что въ обязательный курсъ алгебры введено „понятіе о постоянныхъ и переменныхъ величинахъ и о функціональной зависимости“.

Геометрія. Относительно курса геометріи коммиссія пришла къ слѣдующимъ положеніямъ: „1) Изъ курса могли бы быть выпущены безъ малѣйшаго ущерба для дѣла, напр., теоремы, относящіяся къ пропорціональнымъ линіямъ вообще, къ подобію многоугольниковъ, къ пропорціональностямъ въ кругѣ, къ подобію многогранниковъ и проч., и такія задачи, какъ раздѣленіе прямой въ среднемъ и крайнемъ отношеніяхъ, опредѣленіе объемовъ болѣе сложныхъ многогранниковъ и проч. 2) Въ видахъ приданія

¹⁾ Матеріалы по коммерческому образованію. Вып. I, стр. 68.

²⁾ Тамъ же, стр. 69.

курсу геометрии большей стройности и для распределения геометрического материала болѣе сообразно основному дидактическому требованію перехода отъ простѣйшаго къ болѣе сложному и отъ конкретнаго къ болѣе абстрактному, было бы желательно, хотя бы въ видѣ опыта, отказаться отъ установившагося порядка дѣленія геометрии на плоскую и геометрію трехъ измѣреній и замѣнить его раздѣленіемъ геометрическаго материала по методамъ разработки: а) на теоремы, относящіяся собственно къ геометрическимъ формамъ, въ основѣ доказательства которыхъ лежитъ способъ наложенія; б) на теоремы, относящіяся къ пропорціональности линий, подобію фигуръ и проч., при разсмотрѣніи которыхъ геометрія прибѣгаетъ къ количественнымъ отношеніямъ и пользуется аналитическими соображеніями, и, наконецъ, в) на теоремы и вопросы, для которыхъ необходимо пользоваться методомъ предѣловъ¹⁾. При этомъ „комиссія разумѣла, что сначала будутъ пройдены, безъ нарушенія общепринятой геометрической системы, теоремы и построения геометрии двухъ измѣреній (содержащіяся въ ученіи о прямой линіи, прямолинейныхъ фигурахъ и окружности), относящіяся къ первой изъ вышеуказанныхъ группъ, и, затѣмъ (опуская теоремы плоской геометрии, относящіяся ко второй изъ указанныхъ группъ), теоремы геометрии трехъ измѣреній, содержащія ученіе о прямой линіи, плоскостяхъ, углахъ двугранныхъ и многогранныхъ и о тѣлахъ. Далѣе, проходятся теоремы, относящіяся ко второй изъ указанныхъ группъ, сначала содержащіяся въ геометрии двухъ измѣреній, а затѣмъ подобныя же теоремы, содержащіяся въ геометрии трехъ измѣреній. Наконецъ, въ такомъ же порядкѣ проходятся теоремы сначала плоской, а потомъ и геометрии трехъ измѣреній, требующія метода предѣловъ²⁾... 3) Комиссія выразила желаніе, чтобы преподаватели геометрии въ коммерческихъ училищахъ приступили, съ соблюденіемъ, конечно, надлежащей осторожности и безъ ущерба для геометрическаго образованія учащихся, къ болѣе рѣшительнымъ опытамъ отступленія отъ укоренившейся рутинны преподаванія геометрии, съ цѣлью выработки болѣе цѣлесообразной системы школьнаго изложенія этого важнѣйшаго по своему образовательному значенію предмета“³⁾.

Но однихъ пожеланій осмотрительности и осторожности при опытахъ въ педагогическомъ дѣлѣ недостаточно: нельзя допустить, чтобы всѣ желавшіе безъ особаго разбора и контроля производили опыты; для экспериментовъ нужны такія условія, при которыхъ, между прочимъ, не страдали бы интересы учащихся. Комиссія по математикѣ на второмъ съѣздѣ, оче-

¹⁾ Матер. по ком. обр. Вып. I, стр. 71 и 72.

²⁾ Матер. по ком. образ. Вып. II; ч 1-я, стр. 68.

³⁾ Матер. по комерч. образ. Вып. I, стр. 72.

видно, сама пришла къ подобному заключенію. Рассмотрѣвъ опыты въ этомъ смыслѣ Варшавскаго коммерческаго училища, комиссія сдѣлала слѣдующее постановленіе: „Желательно, прежде выполненія курса геометріи по предложенному Варшавскимъ училищемъ новому плану, составить соотвѣтствующій ему, хотя бы краткій, учебникъ геометріи, или, по крайней мѣрѣ, подробный, достаточно мотивированный и объясненный конспектъ курса, изъ которыхъ можно было бы видѣть, сохраняется ли въ курсѣ цѣлостность геометрической системы, нарушение которой ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено“¹⁾.

Вообще, можно сказать, что предложеніе комиссіи относительно новаго распредѣленія матеріала въ геометріи далеко еще отъ практическаго осуществленія. Нужно имѣть въ виду, что даже въ итальянскихъ школахъ (на которыя ссылается комиссія), гдѣ впервые начали примѣнять подобную систему и гдѣ есть уже соотвѣтствующія руководства (напр., Тацперри и Бассани), вопросъ о предпочтеніи того или другого порядка изложенія согласно программамъ, введеннымъ въ 1900 г., остается открытымъ²⁾.

Тригонометрія. „Комиссія пришла къ заключенію, что, при преподаваніи этого предмета въ коммерческихъ училищахъ, надлежитъ выдвинуть на первый планъ ознакомленіе учащихся собственно съ тригонометрическими функціями съ цѣлью развитія въ ученикахъ необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка понятій о функціональной зависимости, о графическомъ и табличномъ ея изображеніи, о непрерывности и періодичности измѣненія величинъ и проч., не вдаваясь ни въ какія излишнія подробности тригонометрическихъ преобразованій. Что касается собственно тригонометріи (т. е. вычисленія треугольниковъ), то комиссія единодушно признала достаточнымъ дать ученикамъ лишь ясное понятіе о возможности вычисленія треугольниковъ и о значеніи этого приема въ сравненіи съ графическимъ опредѣленіемъ элементовъ треугольника“³⁾.

Мы думаемъ, что комиссія имѣла въ виду выразить слѣдующую мысль: рѣшать треугольники необходимо, но рѣшеніе ихъ не должно выдвигаться, какъ обыкновенно это дѣлается, на первый планъ. Если это такъ, то нужно отмѣтить, что до такого взгляда на преподаваніе тригонометріи, къ сожалѣнію, рѣдко возвышаются и въ общеобразовательной школѣ.

¹⁾ Матер. по ком. образ. Вып. II; ч. 1-я, стр. 77.

²⁾ В. Каганъ. Новыя программы по математикѣ въ среднихъ школахъ Италіи. В. Оп. Ф. и Эл. М. XXV сем., № 7-й (1901 г., № 295).

³⁾ Матер. по коммерч. образ. Вып. I, стр. 73.

Аналитическая геометрія. Комиссія на первомъ сѣздѣ признала желательнымъ ввести аналитическую геометрію въ курсъ коммерческихъ училищъ, а на второмъ сѣздѣ намѣтила въ общихъ чертахъ и содержаніе этого курса ¹⁾. Въ программу, между прочимъ, включено „общее изслѣдованіе уравненія второй степени“. Едвали въ объемѣ, намѣченномъ комиссіей, аналитическая геометрія можетъ быть пройдена въ коммерческихъ училищахъ.

На второмъ сѣздѣ былъ затронуть еще одинъ очень важный вопросъ — вопросъ о подготовительномъ курсѣ геометріи. А. Н. Глаголевъ сдѣлалъ докладъ ²⁾ о преподаваніи геометріи въ подготовительномъ классѣ и двухъ младшихъ классахъ вѣреннаго ему Московскаго училища. „Курсы геометріи каждаго изъ младшихъ классовъ отличаются объемомъ геометрическаго матеріала и характеромъ изложенія. Въ курсѣ подготовительнаго класса ученики убѣждаются въ справедливости большей части геометрическихъ теоремъ непосредственно—измѣреніемъ, справедливость же другихъ подтверждается несложными логическими разсужденіями, основанными какъ на общепринятыхъ аксіомахъ, такъ и на допущеніяхъ въ видѣ аксіомъ простѣйшихъ геометрическихъ истинъ. Въ курсѣ I класса, съ болѣе распространеннымъ геометрическимъ матеріаломъ, встрѣчается меньше допущеній и входитъ большее число теоремъ, строго доказываемыхъ. Таковъ же характеръ и предполагаемаго курса во II классѣ училища... Нѣкоторыми членами комиссіи было выражено опасеніе,—и скажемъ отъ себя, совершенно основательное,—чтобы та к и м ъ предварительнымъ курсомъ не было нанесено ущерба строго систематическому курсу геометріи“ ³⁾. Наконецъ, комиссія просила г. Глаголева въ будущемъ подѣлиться по этому вопросу результатами своей работы и своихъ дальнѣйшихъ наблюденій.

¹⁾ Матер. по коммерч. образ. Вып. II; ч. 1-я, стр. 70. Приведемъ всю программу полностью.

а) Способъ координатъ. б) Уравненія линий, заданныхъ геометрическимъ опредѣленіемъ. Примѣры (прямая линия, кругъ, эллипсисъ, гипербола, парабола и проч.). в) Обратный вопросъ: построеніе и изслѣдованіе формъ линий, заданныхъ уравненіемъ. Примѣры ($y = \sin x$, $y = \operatorname{tg} x$, $y = \lg x$, $y = ax^3$ и т. п.). г) Изслѣдованіе уравненія: $Ax + By + C = 0$. Главнѣйшія задачи на прямую линию. д) Главнѣйшія задачи на окружность. е) Общее изслѣдованіе уравненія второй степени $Ax^2 + Bxy + Cy^2 + Dx + Ey + F = 0$, не вдаваясь въ подробности относительно разысканія центровъ, осей, фокусовъ и проч. кривыхъ второго порядка. ж) Графическій и табличный способы заданія функций. Линіи, опредѣляющія законъ измѣненія цѣлой рациональной алгебраической функціи. Графическое представленіе эмпирическихъ функций. Графическая интерполяція.

²⁾ Вып. II; ч. 3-я, стр. 185—189.

³⁾ Матер. по ком. обр. Вып. II; ч. 1-я, стр. 74.

Мы увѣрены, что у такихъ опытныхъ педагоговъ, какъ А. Н. Глаголевъ и его ближайшіе сотрудники, даже при несовершенныхъ программахъ могутъ получаться хорошіе успѣхи, а поэтому, чтобы судить о пригодности или непригодности предлагаемой программы, нужны другія болѣе объективныя данныя.

Къ докладу А. Н. Глаголева приложена программа I и II класса, составленная преподавателемъ Московскаго коммерческаго училища А. Ѳ. Гатлихомъ,¹⁾ и почему-то вовсе нѣтъ программы приготовительнаго класса между тѣмъ какъ о курсѣ этого класса упоминается въ самомъ докладѣ.

Программа А. Ѳ. Гатлиха во многомъ напоминаетъ намъ программу „Geometrische Anschauungslehre“ (наглядное обученіе геометріи) герман-

¹⁾ Приводимъ полностью эту програму (Вып. II; ч. 3-я, стр. 188, 189).

I-й классъ (2 получасовыхъ урока въ недѣлю).

I. Прямая линія. Вертикальныя и горизонтальныя линіи. Отвѣсъ, ватерпасъ и нивелиръ. Кривыя линіи. Кругъ (радіусъ, діаметръ, хорда, касательная, сѣкущая). Циркуль. — II. Уголь. Смежные углы. Прямой уголь. Перпендикулярныя линіи. Вертикальные углы. Углы тупые и острые. Измѣреніе угловъ. Транспортиръ. — III. Параллельныя линіи. Сѣкущая параллельныхъ. Равенство соответственныхъ и на-крестъ-лежащихъ угловъ. Способы проведенія параллельныхъ линій. — IV. Треугольникъ. Виды треугольниковъ. Сумма внутреннихъ угловъ треугольника. Свойство сторонъ треугольника. — V. Параллелограммъ. Свойство діагоналей параллелограмма, прямоугольника, ромба и квадрата. Трапеція. — VI. Измѣреніе площадей квадрата, прямоугольника, параллелограмма, треугольника, трапеціи и многоугольниковъ (Способы раздѣленія многоугольника на треугольники). — VII. Описание куба, прямоугольнаго и прямого параллелепипеда и правильной призмы. Измѣреніе ихъ поверхности и объема. — VIII. Описание цилиндра, правильной пирамиды, конуса и шара.

II-й классъ (2 получасовыхъ урока въ недѣлю).

I. Измѣреніе линій и угловъ на мѣстности. Мѣрная цѣпь, астролябія, масштабъ и транспортиръ. — II. Условія параллельности прямыхъ. — III. Равенство прямолинейныхъ фигуръ (способъ наложенія). Условія равенства треугольниковъ. — IV. Подобіе треугольниковъ. Приложеніе подобія треугольниковъ къ рѣшенію практическихъ задачъ. — V. Понятіе о правильныхъ многоугольникахъ. Длина окружности. — VI. Теорема Пифагора (способомъ построенія квадрата, равновеликаго двумъ равнымъ квадратамъ). Площадь правильнаго многоугольника. Площадь круга. — VII. Прямыя и плоскости въ пространствѣ. Понятіе о двугранныхъ и многогранныхъ углахъ. — Призма и цилиндръ. Пирамида и конусъ. Поверхность и объемъ этихъ тѣлъ. Правильные многогранники. Поверхность и объемъ шара.

скихъ и австрійскихъ школь, а также „*géométrie intuitive*“ французскихъ; но нельзя забывать о томъ, какую основательную подготовку, въ смыслѣ развитія первоначальныхъ геометрическихъ понятій, получаютъ обыкновенно тамъ до поступленія въ среднюю школу (см. программы *Kindergarten*, *Vorschule*, *école maternelle*, *classe enfantine*, *école primaire élémentaire* и др.), и какъ это дѣло стоитъ у насъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, нужно признать, что программа, предложенная А. Θ. Гатлихомъ, и по объему и по расположенію учебнаго матеріала нуждается въ исправленіи. по крайней мѣрѣ, въ настоящее время.

Въ заключеніе, бросая общій взглядъ на труды съѣздовъ, организованныхъ Министерствомъ Финансовъ, мы не замѣчаемъ здѣсь почти ничего такого, съ чѣмъ бы мы не встрѣчались уже въ раньше разсмотрѣнныхъ трудахъ, за исключеніемъ вопроса относительно распредѣленія учебнаго матеріала въ элементарной геометріи; но мы должны, по справедливости, отмѣтить и то, что цѣнныя мысли и указанія сосредоточены здѣсь въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ отдѣльныхъ работахъ комиссій и совѣщавій М. Н. Пр., гдѣ ихъ приходилось, по большей части, выскивать. Объясняется это не только участіемъ въ работахъ компетентныхъ лицъ, но также и тѣмъ интересомъ, который возбуждало къ себѣ новое дѣло— дѣло созиданія коммерческихъ училищъ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время (въ первой половинѣ 1908 г.) педагогическимъ комитетамъ коммерческихъ училищъ предложено дать заключеніе относительно программъ, вновь выработанныхъ въ Министерствѣ Торговли и Промышленности. На этихъ программахъ, приноровленныхъ къ восьмилѣтнему курсу, лишь въ незначительной степени сказалось вліяніе разсмотрѣнныхъ нами работъ по улучшенію программъ математики въ коммерческихъ училищахъ (между прочимъ, проектируется ввести въ курсъ училищъ аналитическую геометрію).

VIII.

Труды третьяго съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи 1903—1904 г.

Изъ трудовъ третьяго съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи 1903—1904 г. мы рассмотримъ два доклада—Дм. Ройтмана и Н. Завадскаго¹⁾.

Докладъ Д. В. Ройтмана.

Во второй секціи съѣзда (среднія и низшія техническія учебныя заведенія) Дм. Ройтманъ, пользующійся въ настоящее время заслуженной извѣстностью, сдѣлалъ докладъ „О возможномъ преобразованіи программъ математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ общеобразовательныхъ, такъ и техническихъ, съ цѣлью придать этому предмету содержаніе, болѣе

¹⁾ По поводу этихъ докладовъ въ засѣданіи Кіевскаго Физ.-Мат. Общ. въ маѣ 1906 г. было сдѣлано З. А. Архимовичемъ интересное сообщеніе „Къ вопросу о постановкѣ математики въ средней школѣ“ (Отчетъ и Протоколы К. Ф.-М. Общ. за 1905—6 г., стр. 14). Результатомъ этого сообщенія было постановленіе собранія заняться подготовленіемъ матеріала, а впослѣдствіи составленіемъ нормальной программы курса математики для средней общеобразовательной школы. Въ 1907 г. такая программа составлена и напечатана въ Циркулярѣ по Кіевск. Уч. Окр. (1907 г., № 5), а также выпущена отдѣльнымъ оттискомъ подъ заглавіемъ „Проектъ учебнаго плана по математикѣ для мужскихъ гимназій“. К. 1907. Мы помѣщаемъ эту программу въ видѣ приложенія къ нашему „Обзору“.

отвѣчающее современнымъ требованіямъ общаго и спеціальнаго образованія¹⁾.

Основные идеи доклада впоследствии (въ 1906 г.) были болѣе обстоятельно изложены и развиты въ работѣ того же автора „Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета“²⁾.

По отношенію къ программѣ математики авторъ приходитъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ выводамъ, которые мы изложимъ въ извлеченіи.

1) Вопросъ о концентраціи элементарной программы является вопросомъ крайне важнымъ: „это—вопросъ о повышеніи общеобразовательнаго вліянія математики, о сокращеніи годовъ обученія въ средней школѣ, объ устраненіи нежелательнаго обремененія программъ ненужными подробностями, развившагося подъ вліяніемъ историческихъ условій возникновенія европейской школы“ (изъ положенія 13-го³⁾).

2) „Постигнуть значеніе математики, какъ орудія изслѣдованія явленій, можно, лишь ознакомившись хотя бы съ простѣйшими началами анализа переменныхъ величинъ, составляющаго содержаніе такъ называемой высшей математики, и съ простѣйшими приложеніями этого анализа къ геометріи и механикѣ, для чего геометрія элементарная должна быть дополнена началами аналитической, алгебра же нѣкоторыми началами теоріи высшихъ уравненій и теоріи производныхъ функцій. Такая цѣль опять-таки можетъ быть достигнута лишь при крайнемъ концентрированіи элементарной программы“ (положеніе 7-е). Кроме того, могутъ быть введены въ курсъ начала сферической тригонометріи (изъ положенія 10-го). „Только при введеніи въ программы средней школы нѣкоторыхъ элементовъ анализа переменныхъ величинъ уничтожится искусственно-созданная пропасть, отдѣляющая теперь математику средней школы отъ математики высшей“ (изъ 14-го положенія).

3) „Геометрія даетъ въ средней школѣ первую простѣйшую ступень научной индукціи (хоть и далеко не полной) при формулированіи необходимыхъ для систематическаго курса аксіомъ и опредѣленій. Это соображеніе дѣлаетъ необходимымъ введеніе пропедевтическаго курса геометріи (развѣ только это соображеніе?), а систематическій курсъ за-

¹⁾ Импер. Русское Технич. Общество. Третій съездъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи 1903—1904 г. Секція II. Среднія и низшія техническ. учебн. зав. Докладъ Дм. Ройтмана. Стр. 1—27.

²⁾ С.-Пб. Изд. М. В. Пирожкова. 1906 г. Стр. 1—56.

³⁾ Положенія къ докладу Дм. Ройтмана „О возможномъ преобразованіи программъ математики въ средней школѣ“. Стр. 1—4. Изд. гектографированное.

ставляет начинать съ изученія свойствъ фигуръ, а не съ относительнаго положенія прямыхъ“ (положеніе 2-е). „Удобнѣе всего было бы соединить пропедевтическій курсъ геометріи съ курсомъ рисованія“¹⁾. — Неудобство подобнаго соединенія, замѣтимъ отъ себя, для насъ кажется очевиднымъ: прежде всего, преподають рисованіе обыкновенно лица, не обладающія надлежащей математической подготовкой, а кромѣ того, рисованіе должно преслѣдовать инныя цѣли, чѣмъ геометрія.

4) „Въ элементахъ геометріи излишнимъ и значительнымъ балластомъ являются теоремы, необходимыя для рѣшенія сложныхъ задачъ на построеніе. Последнія, сами по себѣ, необходимы при евклидовскомъ способѣ изложенія, но не могутъ служить сами себѣ цѣлью. Ихъ количество и выборъ должны сообразоваться съ теоретическимъ содержаніемъ курса, съ развитіемъ научной системы, а не наоборотъ“. (Желательно, чтобы при всякомъ способѣ изложенія количество и выборъ задачъ на построеніе находились въ зависимости отъ теоретическаго содержанія курса, а не наоборотъ). „Точно также задачи относительно опредѣленія поверхностей и объемовъ тѣлъ почти цѣликомъ могутъ быть перенесены въ приложенія анализа, который даетъ для того быстрые и изящные способы рѣшеній. При такомъ способѣ изложенія число теоремъ элементарной геометріи можетъ быть уменьшено вдвое“ (изъ положенія 8-го). Въ самомъ же докладѣ по этому поводу сказано: „содержаніе элементарной геометріи на $\frac{2}{3}$ обуславливается вовсе не общеобразовательными и не практическими цѣлями, но соображеніями совершенно второстепеннаго характера... Если въ планиметріи... считать вершиною курса измѣреніе длины окружности и площади круга, то логически связанную неразрывную цѣпь теоремъ придется свести только къ 70 теоремамъ и задачамъ²⁾. Что же касается стереометріи, то... перемѣнивъ нѣсколько порядокъ первыхъ теоремъ и ихъ доказательства, можно всю систему, вмѣстѣ съ измѣреніемъ поверхностей и объемовъ, свести къ 35—40 теоремамъ и задачамъ... Измѣреніе объемовъ пирамидъ и все, что затѣмъ слѣдуетъ, нужно перенести въ приложенія высшаго анализа къ геометріи³⁾... Если принять все это въ соображеніе и ограничить задачи элементарной геометріи измѣреніемъ поверхности и объема прямой призмы и цилиндра, то вся стереометрія сведется, самое большое, къ 25 теоремамъ, а весь курсъ элементарной геометріи, самое большое, къ 100, вмѣстѣ теперешнихъ 250—300“⁴⁾.

¹⁾ Докладъ Дм. Ройтмана, стр. 12.

²⁾ Докладъ, стр. 7.

³⁾ Въ этомъ послѣднемъ случаѣ авторъ доклада ссылается на мнѣніе известнаго математика J. Tannery (Revue pédagogique, 1903, № 7).

⁴⁾ Докладъ, стр. 10.

5) „Въ алгебрѣ можно, безъ всякаго ущерба для главной цѣли, устранить: крайнее, но несомнѣнно существующее увлеченіе слишкомъ сложными задачами на многочленные и радикальные выраженія, примѣры уравненій высшихъ степеней съ искусственными способами рѣшеній, неопредѣленные уравненія (съ цѣлыми и положительными рѣшеніями), непрерывныя дроби, арифметическую прогрессію (и пропорцію), теорію соединеній и связанный съ нею способъ вывода бинома Ньютона. Выводъ и обобщеніе послѣдняго, выстѣ съ выводомъ суммы членовъ геометрической прогрессіи, могутъ быть перенесены въ анализъ переменныхъ величинъ, если установить формулу Тейлора и понятіе о производной по способу Лагранжа“ (положеніе 9-е).

О характерѣ изложенія алгебры въ связи съ анализомъ переменныхъ величинъ можно судить по тѣмъ выдержкамъ, которыя мы сдѣлаемъ изъ доклада.

„Слабыми сторонами обычныхъ курсовъ алгебры, — говоритъ авторъ доклада, — чаще всего являются слѣдующіе пункты. Недостаточно наглядный переходъ отъ арифметики къ алгебрѣ, убѣждающій въ необходимости и важности алгебраическаго способа рѣшенія задачъ. Здѣсь не хватаетъ достаточно хорошо придуманныхъ задачъ, и это — скорѣе дѣло преподавателя, чѣмъ программы и учебника. Далѣе, плохое освѣщеніе выгодности и даже просто смысла отрицательныхъ и мнимыхъ рѣшеній“¹⁾. — Съ высказанными взглядами вполне можно согласиться, только это уже, дѣйствительно, не дѣло программъ.

„Теорія уравненій въ алгебрѣ (я во всемъ анализѣ) образуетъ основное ученіе, послѣ усвоенія котораго только и возможно достаточно пояснить выгодность алгебраическаго метода. Но такъ какъ рѣшеніе уравненій первой степени вещь очень простая, то практическое ознакомленіе съ нимъ можно ввести значительно раньше, въ самомъ началѣ курса“²⁾. — Противъ этого мало что можно возразить.

Далѣе, авторъ предлагаетъ въ низшихъ классахъ (съ III-го по V кл.), т. е. въ первомъ концентрѣ (онъ разбиваетъ, какъ увидимъ ниже, курсъ математики на 2 концентра) продолжать начатую теорію уравненій до 4-й степени включительно, при томъ въ направленіи, намѣченномъ Евг. Дюрингомъ³⁾.

„Переходя къ анализу переменныхъ величинъ и ихъ функціямъ, нужно не пожалѣть усилій для выясненія наблюдаемой всюду функці-

¹⁾ Докладъ, стр. 16.

²⁾ Тамъ же, стр. 17.

³⁾ Тамъ же, стр. 18, 19.

ональной зависимости величинъ, выбирая матеріалъ изъ области алгебры геометріи, физики и химіи. Результатомъ должно быть выясненіе основнаго понятія о независимой переменнѣй величинѣ, ея функціи, обратной функціи, функціи явной и неявной, функціи отъ функціи. Необходимость такой новой самой общей точки зрѣнія на величины выяснится сама собою¹⁾. Дальше, въ изложеніи началъ высшаго анализа,... придется бороться съ значительными трудностями²⁾. То, что дано Лагранжемъ въ этомъ отношеніи въ теоріи аналитическихъ функцій, по моему мнѣнію, — говоритъ г. Ройтманъ, — наиболее пригодно для введенія въ начала анализа. Конечно, точку зрѣнія Лагранжа придется дополнить и разсмотрѣніемъ способа предѣловъ“... а также „воспользоваться указаніями, подробно развитыми относительно неограниченно-малыхъ и большихъ величинъ Е. Дюрингомъ“³⁾.

Нахожденіе первообразныхъ функцій, а также опредѣленные интегралы въ болѣе или менѣе обстоятельномъ изложеніи должны составлять предметъ изученія средней школы. „Послѣ этого, — говоритъ авторъ доклада, — открывается уже широкое поле для всевозможнаго рода приложений... Главными будутъ именно: разысканіе наибольшихъ и наименьшихъ значеній функціи, квадратура и спрямленіе кривыхъ (главнымъ образомъ, коническихъ сѣченій), вычисленіе объемовъ и поверхностей (главнымъ образомъ, поверхностей вращенія кривыхъ второго порядка), способъ касательныхъ, проведеніе нормалей, ассимптоты, соприкасающагося круга и т. д. Сюда же слѣдуетъ отнести и вычисленіе числа π , т. е. отношенія окружности къ диаметру, чтобы избѣжать скучныхъ способовъ элементарной геометріи. Вообще, объемъ приложений и дальнѣйшее развитіе курса зависитъ уже отъ типа школы. Приведенныхъ выше свѣдѣній вполне достаточно, чтобы научиться правильно примѣнять основные методы новаго вычисленія⁴⁾. Типомъ школы обуславливается и объемъ еще двухъ необходимыхъ и важныхъ статей — о рѣшеніи дифференціальныхъ уравненій и варіаціонномъ исчисленіи. Простѣйшіе типы уравненій, во всякомъ случаѣ, могутъ и должны найти мѣсто въ программѣ. — То же самое нужно сказать и о начертательной геометріи“⁵⁾.

6) Кромѣ того, въ докладѣ⁶⁾ мы встрѣчаемся съ слѣдующими соображеніями относительно преподаванія тригонометріи. „Легко въ изложеніи всего курса обойтись сначала безъ скучнаго (!) и ни на что не

¹⁾ Тамъ же, стр. 20.

²⁾ Тамъ же, стр. 21.

³⁾ Тамъ же, стр. 22.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 25.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 26.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 11.

нужнаго тригонометрическаго круга, ограничиваясь для треугольниковъ сначала первыми двумя квадрантами; потомъ уже можно сдѣлать полное обобщеніе на всѣ 4 квадранта и всевозможные аргументы“.

Другими словами, здѣсь предлагается, по примѣру французскихъ программъ, разбивать тригонометрію на 2 концентра. Объ этомъ вопросѣ мы уже высказались раньше ¹⁾ и теперь повторяться не будемъ. Прибавимъ къ этому, что, насколько можно судить по довольно сбивчивымъ соображеніямъ доклада о распредѣленіи учебнаго матеріала по классамъ, курсъ тригонометріи, — по крайней мѣрѣ, его первый концентр, — приурочивается къ курсу IV-го и никакъ не даѣе V класса. Даже при лучшей, чѣмъ въ настоящее время, постановкѣ преподаванія математики, такое предложеніе явится едва ли практически осуществимымъ въ нашей средней школѣ, хотя бы курсъ тригонометріи былъ доведенъ до того объема, какой предлагается авторомъ доклада въ его „Курсъ элементарной геометріи“ ²⁾.

7) „Курсъ математики средней школы (начиная съ III кл.) можетъ быть раздѣленъ на два концентра. Одинъ—низшій—имѣетъ предметомъ элементарную геометрію, тригонометрію, начала аналитической геометріи и алгебру до уравненій 4-й степени включительно. Другой—высшій—остальныя части курса. На первый отдѣлъ курса... потребуется не болѣе 3-хъ лѣтъ при 4 урокахъ въ недѣлю и не болѣе $2\frac{1}{2}$ при 5 урокахъ. Но для достиженія болѣе удовлетворительныхъ результатовъ слѣдуетъ имѣть 3 года при 5 урокахъ, вначалѣ даже при 6, включая сюда и пропедевтическій курсъ геометріи“. (Очевидно, прибавимъ отъ себя, курсъ этотъ будетъ не на мѣстѣ: онъ долженъ начинаться значительно раньше). „Высшій отдѣлъ курса не долженъ занимать больше двухъ лѣтъ. Что касается подготовительнаго къ этому курсу ариметики, то онъ можетъ быть пройденъ въ два года“ при 4-хъ, лучше 5 урокахъ. „Такимъ образомъ, по моему, — говорить авторъ доклада, — курсъ во всякомъ случаѣ можетъ быть ограниченъ семью годами“ ³⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 49, а также 65, 66.

²⁾ Д. М. Ройтманъ. Курсъ элементарной геометріи со включеніемъ начала тригонометріи. М. 1907. стр. 184—225.

³⁾ Докладъ, стр. 26.—Нѣсколько иначе тотъ же вопросъ излагается въ одномъ изъ положеній къ докладу (въ полож. 12-мъ):

„Остающаяся, при указанномъ сокращеніи, часть элементарной программы (вѣроятно, алгебры?), за исключеніемъ теоріи и практики десятичныхъ логарифмовъ, представляетъ собою курсъ III, IV и V классовъ гимназій, при 2 урокахъ въ недѣлю; остающаяся часть геометріи также можетъ быть закончена въ V классѣ, какъ нынѣ вся геометрія заканчивается въ VI-мъ, въ который тогда перенесена будетъ изъ VII-го тригонометрія (также 2 урока)“.

Разбираемый доклад написанъ, какъ упоминаетъ самъ авторъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ извѣстнаго математика и философа Евг. Дюринга, талантливаго, но рѣзкаго и крайне субъективнаго критика.

Мы не считаемъ необходимымъ подробно останавливаться на докладѣ г-на Ройтмана, во-первыхъ, потому что онъ представляетъ, главнымъ образомъ, популяризацію идей Е. Дюринга ¹⁾, а во-вторыхъ, потому что относительно большей части вопросовъ, затронутыхъ въ докладѣ, мы уже высказывали свой взглядъ раньше, при обзорѣ тѣхъ или иныхъ программъ. Такъ, нельзя не выразить горячаго сочувствія стремленію обратитъ и сконцентрировать математическій матеріалъ, нынѣ предлагаемый для усвоенія ученикамъ средней школы, а также нельзя не привѣтствовать намѣреніе какъ можно раньше выдѣлить въ сознаніе учащихся понятіе о функциональной зависимости величинъ; наконецъ, нельзя не считать вопросомъ первостепенной важности попытку ввести въ курсъ средней школы основы высшаго анализа. Мы всегда отстаивали также необходимость введенія приготовительнаго курса геометріи.

Новымъ, по сравненію съ раньше рассмотрѣнными программами, является для насъ предложеніе примѣнить методы высшаго анализа къ опредѣленію длины окружности и площади круга, къ измѣренію объема

Нужно думать, здѣсь рѣчь идетъ о второмъ концентрѣ тригонометріи. „Въ реальныхъ училищахъ предлагаемая часть курса алгебры вполне заканчивается V классомъ (3 урока); геометрія также можетъ быть закончена въ V-мъ (5 и 4 урока). Согласно практикѣ народныхъ школъ съ трехгодичнымъ курсомъ, основныя задачи курса ариѳметики III класса могутъ быть размѣщены по курсамъ I и II классовъ“. (Какъ будто бы для рѣшенія этихъ задачъ въ I и II классахъ не понадобится особаго времени). „Въ I классѣ,—говоритъ г. Ройтманъ,—разумѣется, принимаются дѣти, хорошо знакомыя съ 4-мя дѣйствіями въ предѣлахъ первой сотни“.—Здѣсь, очевидно, какое-то недо-разумѣніе.

¹⁾ Въ предисловіи къ своей статьѣ „Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета“ г. Ройтманъ говоритъ: „Въ основу статьи положены руководящія идеи одного изъ величайшихъ мыслителей Евгенія Дюринга“. Эти идеи нашли выраженіе, между прочимъ, въ сочиненіи: *Neue Grundmittel und Erfindungen zur Analysis, Functionsrechnung und zugehörigen Geometrie, sowie Principien zur mathematischen Reform nebst einer Anleitung zum Studiren und Lehren der Mathematik*. Von Dr. E. Dühring und Ulrich Dühring. Leipzig. 1884. Изъ этой книги переведены Н. Маракуевымъ четыре главы и изданы подъ заглавіемъ: *Евгеній Дюрингъ. Мысли о лучшей постановкѣ преподаванія и изученія математики въ средней и высшей школѣ и о самостоятельныхъ студіяхъ, съ приложеніемъ этюда „Критика основъ дифференціального исчисленія“*. Перевелъ съ нѣмецкаго Н. Маракуевъ. М. 1904. Стр. XII+198.

пирамиды, а также къ вычисленію поверхностей и объемовъ нѣкоторыхъ тѣлъ вращенія.

Но сконцентрировать учебный матеріалъ такъ, какъ предлагаетъ сдѣлать это г. Ройтманъ, едва ли удастся не только въ ближайшее время, но даже и въ болѣе отдаленномъ будущемъ. Не смотря на увѣренія автора доклада въ возможности подобной реорганизаціи курса математики, мы все-таки сомнѣваемся, чтобы безъ ущерба для дѣла можно было осуществить подобное предложеніе. Въ этомъ сомнѣніи еще болѣе укрѣпляетъ насъ попытка автора реализовать свои идеи въ курсѣ геометріи, изданномъ уже въ 1907 г. ¹⁾ Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этого курса; отмѣтимъ только, что сконцентрированный курсъ геометріи, если исключить изъ него главу по тригонометріи (41 стр.) и заключеніе (20 стр.), все-же будетъ содержать въ себѣ 308 стр. in 8° (тогда какъ полный курсъ геометріи, напр., А. Киселева съ многими детальными дополненіями имѣетъ всего 288 стр., — правда, при нѣсколько болѣе убористой печати и при нѣсколько болѣе большемъ форматѣ). Далѣе, авторъ доклада не нашелъ возможнымъ ввести въ свой курсъ то очень важное нововведеніе, которое онъ горячо и краснорѣчиво рекомендовалъ, а именно — примѣнить методы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія къ разысканію длины окружности, площади круга, объема пирамиды и пр.; всѣ эти вопросы онъ изложилъ обычнымъ путемъ, помѣстивъ ихъ только въ видѣ приложенія. Очевидно, авторъ на практикѣ встрѣтилъ въ этомъ случаѣ непреодолимые препятствія и „въ виду переходнаго времени, — пока не вошли въ жизнь новые принципы построенія школьныхъ программъ, — счелъ себя вынужденнымъ“ ²⁾ не давать того, что такъ настоятельно рекомендовалъ и въ своемъ докладѣ, и позже въ статьѣ „Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета“.

Наконецъ, нельзя никоимъ образомъ ввести въ курсъ средней школы элементы высшей математики въ томъ объемѣ, какой въ общихъ чертахъ намѣченъ Е. Дюрингомъ и предлагается г. Ройтманомъ. При томъ количествѣ времени, какое отводитъ авторъ доклада для усвоенія предлагаемаго матеріала, имѣя въ виду семилѣтній курсъ средней школы, это явится дѣломъ совершенно неосуществимымъ, не говоря уже о томъ, что переходъ отъ нынѣшней программы къ программѣ, намѣченной г. Ройтманомъ, будетъ скачкомъ, не допустимымъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Мы утверждаемъ, что вводить элементы высшей математики въ курсъ общеобразователь-

¹⁾ Д. м. Ройтманъ. Курсъ элементарной геометріи со включеніемъ началъ тригонометріи, изложенный по измѣненной системѣ и приспособленный для самостоятельнаго изученія. М. 1907. Стр. XXVII+369.

²⁾ Д. м. Ройтманъ. Курсъ элемент. геометріи, стр. 21.

ной средней школы въ объемѣ, какой рекомендуется г. Ройтманомъ. было бы въ настоящее время, да и въ ближайшемъ будущемъ, излишней роскошью,—если бы даже такое введеніе было удобоисполнимо. Въ программахъ средней французской школы ¹⁾, равно какъ въ меранской программѣ, разработанной подъ руководствомъ такого авторитета, какъ проф. Ф. Клейнъ ²⁾, мы видимъ болѣе цѣлесообразныя и практически осуществимыя взгляды на интересующій насъ вопросъ.

Однимъ словомъ, докладъ Дм. Ройтмана, полный живого интереса, представляя собою популяризацию идей Е. Дюринга, заслуживающихъ всесторонняго изученія, мало приближаетъ насъ къ практическому ихъ осуществленію, а слѣдовательно, мало поможетъ намъ въ вопросѣ о преобразованіи программъ математики въ современной школѣ. Къ такому заключенію приводитъ насъ, между прочимъ, неопредѣленность и сбивчивость предложеній, когда вопросъ идетъ о времени, необходимомъ для усвоения проектируемаго курса и о распредѣленіи этого курса по классамъ ³⁾. Если бы при томъ количествѣ времени, которое съ нѣкоторымъ колебаніемъ намѣчается въ докладѣ, программа и была выполнена,—въ чемъ мы далеко не увѣрены,—то сомнительно, чтобы въ какой-либо общеобразовательной школѣ удѣлили на одну математику по 5 часовъ и даже болѣе въ каждомъ классѣ. Что же касается того, сколько недѣльныхъ уроковъ понадобится для прохожденія въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ второго центра курса математики, то объ этомъ нѣтъ даже упоминанія. Это и понятно: циклъ намѣченнаго матеріала настолько далекъ отъ его пракческаго осуществленія, что нѣтъ возможности намѣтить и время. При всемъ этомъ, не слѣдуетъ забывать, что въ I классѣ, по мнѣнію г. Ройтмана, должны поступать дѣти, хорошо знакомыя лишь съ 4-мя дѣйствіями въ предѣлахъ первой сотни, т. е. что поступающіе въ I классъ будутъ почему-то съ меньшей подготовкой, чѣмъ поступающіе въ настоящее время въ подготовительный классъ, отъ которыхъ, кромѣ дѣйствій въ предѣлахъ первой сотни, требуется еще сложеніе и вычитаніе въ предѣлахъ первой тысячи ⁴⁾. Мудрено, чтобы за два года (I и II классы), даже при 5 урокахъ въ недѣлю въ каждомъ

¹⁾ Plan d'études et programmes de l'enseignement secondaire 1902—1905.

²⁾ Ан. Билимовичъ. Реформа преподаванія математики въ Германіи. Кіевъ. 1907.

³⁾ См. выше, стр. 138.

⁴⁾ Въ „Правилахъ объ испытаніяхъ“, утвержд. 1891 г., говорится: „Отъ поступающихъ въ подготовительный классъ требуется умѣть считать до 1000, а также производить сложеніе и вычитаніе въ предѣлахъ до этого числа“ (§ 14). Цирк. по управл. Кіевск. Учебн. Окр. 1891 г., № 4.

классѣ, былъ пройденъ и пропедевтическій, и систематическій курсъ ариѳметики цѣлыхъ чиселъ и дробей въ связи съ рѣшеніемъ задачъ на такъ называемыя тройныя правила.

Докладъ Н. Завадскаго.

Кромѣ доклада Дм. Ройтмана, заслуживаетъ вниманія также и докладъ, сдѣланный на томъ же съѣздѣ Н. Завадскимъ,—„Къ вопросу о реформѣ преподаванія математики“¹⁾.

Отмѣтимъ важнѣйшіе изъ выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ доклада.

1) „Слишкомъ продолжительное задерживаніе ума учениковъ въ сферѣ чисто ариѳметическихъ соображеній не столько подготавливаетъ ихъ къ воспріятію болѣе общихъ умозаключеній, сколько тормозитъ это дѣло“ (положеніе IV доклада).

2) „Математику полезно преподавать концентрическими курсами, т. е. пройти съ учениками извѣстный законченный районъ, и затѣмъ въ старшихъ классахъ заниматься повтореніемъ, дополненіемъ и всестороннимъ усвоеніемъ курса“ (полож. VП).

3) „Начала дифференціального и интегрального исчисленія, аналитическая геометрія и начала начертательной геометріи должны входить въ программу не только среднихъ техническихъ и общеобразовательныхъ школъ, но даже въ программу нѣкоторыхъ низшихъ техническихъ училищъ“ (полож. IX).

4) „Слѣдуетъ избѣгать того, чтобы ученики набивали себѣ руку въ рѣшеніи задачъ, пользуясь извѣстными шаблонами, а потому желательное вывести изъ преподаванія по ариѳметикѣ тройныя правила и рѣшать всѣ (!) задачи при помощи уравненій“ (полож. VI).

5) „Слѣдуетъ знакомить учениковъ съ алгеброй значительно раньше, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ“ (полож. VШ).

6) „Преподаваніе математики должно итти такимъ образомъ, чтобы крайняя наглядность и даже эмпиризмъ постепенно смѣнялись умозрѣніями все болѣе и болѣе общаго характера“ (полож. X).

7) „Составленіе новой программы математики должно быть работою коллективной“ (изъ полож. XII).

¹⁾ Импер. Русское Технич. Общество. Третій съѣздъ русскихъ дѣятелей по технич. и профессион. образ. въ Россіи 1903—1904 г. Секція П-я. Средн. и низшія технич. учебн. завед. „Къ вопросу о реформѣ преподаванія математики“. Докладъ Н. Завадскаго. Стр. 1—24.

По мнѣнію Н. Завадскаго, „составленіе упомянутыхъ нормальныхъ программъ было бы очень желательно и вполне возможно соединить съ трудомъ по составленію первыхъ, соответствующихъ новымъ программамъ учебниковъ и задачникъ по математикѣ... Новыя программы безъ учебниковъ на первыхъ порахъ создали бы очень много затрудненій преподавателямъ и даже можно сказать, что едва ли привели бы къ положительному результату“¹⁾.

Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы всѣ задачи на такъ называемыя тройныя правила слѣдовало рѣшать только при помощи уравненій²⁾; мы думаемъ, что алгебраическій приемъ рѣшенія не можетъ замѣнить собою ариметическаго, что каждый изъ приемовъ имѣетъ особую цѣль и особую цѣнность съ общобразовательной, а не практической точки зрѣнія; общобразовательная же точка зрѣнія здѣсь для насъ обязательна. Кроме того, намъ внушаетъ нѣкоторое сомнѣніе и опасеніе вопросъ о наглядности въ преподаваніи математики. Этотъ вопросъ не такъ простъ, какъ, судя по докладу, онъ представляется автору, со взглядами котораго по поводу наглядности едва ли можно согласиться. Въ связи съ этимъ, авторомъ проводится другой взглядъ, противъ котораго можно сказать многое. „При составленіи учебнаго плана всего строя школы,—говоритъ г. Завадскій,—слѣдуетъ имѣть въ виду только вопросъ о матеріальной сторонѣ преподаванія. Если будемъ сообщать учащимся только очевидно нужныя имъ свѣдѣнія и умѣнія, то окажется, что такое сочетаніе предметовъ будетъ какъ нельзя лучше удовлетворять и формальной сторонѣ обученія“³⁾. Односторонность такого взгляда, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ общобразовательной школѣ, очевидна. Есть учащіеся, которые думаютъ, что для нихъ является излишнимъ даже ознакомленіе съ ариметическими дробями, а ужъ почти весь курсъ алгебры съ этой точки зрѣнія для многихъ учениковъ представится излишней роскошью.

Соглашаясь во многомъ съ общими положеніями, высказанными г. Завадскимъ въ докладѣ, нельзя того же сказать относительно практическаго примѣненія этихъ взглядовъ. Стоитъ бросить хотя бѣглый взглядъ на излагаемую ниже программу занятій, которую выработалъ авторъ доклада послѣ болѣе десяти лѣтъ практической дѣятельности, чтобы притти къ заключенію о малой пригодности этой программы.

Въ основу обученія математикѣ слѣдуетъ поставить, по мнѣнію докладчика, геометрію, какъ наиболѣе конкретный отдѣлъ математики.

¹⁾ Докладъ Н. Завадскаго, стр. 23, 24.

²⁾ О рѣшеніи задачъ на тройныя правила мы высказали свой взглядъ раньше. См. стр. 18—19.

³⁾ Докладъ Н. Завадскаго, стр. 5.

„Пропедевтика геометріи“ раздѣляется на три концентра.

Первый концентръ ведется безъ всякаго участія ариѳметики и служить, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы, съ одной стороны, вызвать основныя понятія, а съ другой—возбудить интересъ къ предмету.

Во второмъ концентрѣ необходимы нѣкоторыя познанія по ариѳметикѣ; онъ служитъ „для образованія понятія объ открываніи свойствъ геометрическихъ формъ и примѣненіяхъ добытыхъ знаній“. Способы установленія геометрическихъ теоремъ должны быть исключительно экспериментальными.

Третій концентръ составляетъ переходъ отъ экспериментальнаго метода къ умозрительному и сводится къ краткому курсу планиметріи и стереометріи.

На эти три концентра уходитъ, по словамъ Н. Завадскаго, обыкновенно отъ одного до полутора года ¹⁾. По нашему мнѣнію, указанный курсъ геометріи, съ одной стороны, потребуетъ очень много времени, такъ какъ здѣсь выступаетъ на первый планъ работа, главнымъ образомъ, психологическая, а не логическая (въ данномъ случаѣ только такая работа и можетъ принести пользу); съ другой же стороны, долго останавливаться на пропедевтическомъ курсѣ—это значитъ затруднять переходъ къ курсу систематическому, съ чѣмъ соглашается и авторъ доклада (какъ можно заключить изъ положенія IV). Нужна большая осмотрительность и опытность, чтобы при такомъ курсѣ геометріи получить хорошіе результаты.

Пропедевтическій курсъ ариѳметики въ изложеніи, предлагаемомъ г. Завадскимъ, ничего оригинальнаго не представляетъ, и мы на немъ не будемъ останавливаться. Что касается систематическаго курса ариѳметики, то авторъ доклада строго придерживается въ этомъ случаѣ сжато написаннаго учебника „въ видахъ пріученія дѣтей пользоваться книгой, потому что пропедевтика велась безъ всякаго участія книги“.

„Особенность преподаванія началъ ариѳметики состояла въ слѣдующемъ:

а) Ариѳметика изучалась, какъ вспомогательная наука для геометріи, и задачи рѣшались, по преимуществу, изъ области геометріи.

б) Всякая теорема, или такъ называемое правило (sic!), формулировалось послѣ полнаго усвоенія при помощи буквъ и знаковъ положеній, принятыхъ въ алгебрѣ.

в) Послѣ того, какъ усваивали дѣти сложеніе и вычитаніе, имъ уже давалось понятіе о положительныхъ и отрицательныхъ числахъ.

д) По усвоеніи дѣтьми дѣйствій надъ цѣлыми положительными и отрицательными числами, они знакомились съ уравненіями первой степени

¹⁾ Тамъ же, стр. 6, 7.

съ однимъ неизвѣстнымъ съ численными коэффициентами и рѣшали задачи посредствомъ уравненій. Это велось въ параллель съ двумя концентрами преподавтики геометріи“¹⁾).

Во время прохожденія 3-го концентра геометріи по счисленію проходилъ дальнѣйшій курсъ алгебры, соответствующій курсу III класса гимназіи; при чемъ этотъ курсъ пополнялся еще выведеніемъ множителя за скобки, рѣшеніемъ уравненій первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ съ буквенными коэффициентами. Кромѣ того, проходило еще разложеніе чиселъ на первоначальные множители, нахожденіе общаго наименьшаго кратнаго, обыкновенныя и десятичныя дроби.

„Тройное правило, учетъ векселей, цѣпное правило были упразднены. Задачи на проценты, пропорціональное дѣленіе рѣшались при помощи уравненій. Ариѳметическія пропорціи не проходились. Послѣ геометрической пропорціи преподавались геометрическая и ариѳметическая прогрессіи. затѣмъ шло извлеченіе квадратнаго корня изъ чиселъ и квадратныя уравненія“²⁾).

Наконецъ, г. Завадскій приводитъ программу, выработанную имъ въ послѣднее время (въ послѣдніе 3 года) при занятіяхъ съ учениками, прошедшими курсъ вачальныхъ училищъ. Курсъ математики разсчитанъ на 4 года. По распредѣленію учебнаго матеріала и характеру изложенія его, этотъ курсъ мало чѣмъ отличается отъ вышеуказаннаго. Здѣсь, кромѣ обычныхъ отдѣловъ математики, введено еще изученіе основъ аналитической геометріи, дифференціального и интегральнаго исчисленія, къ чему можно отнести только съ большимъ сочувствіемъ³⁾).

¹⁾ Тамъ же, стр. 10.

²⁾ Тамъ же, стр. 10.

³⁾ По ариѳметикѣ опущено было: 1) изученіе періодическихъ дробей, 2) изученіе ариѳметической пропорціи и 3) учетъ векселей. По алгебрѣ мы не встрѣчаемъ здѣсь очень многого и очень важнаго: 1) объ ирраціональныхъ и мнимыхъ числахъ, 2) дѣйствій съ радикалами, 3) геометрической прогрессіи, 4) изслѣдованія уравненій. Опущены также неопредѣленныя уравненія и непрерывныя дроби.—Помѣщаемъ здѣсь программу Н. Завадскаго.

К у р с ъ I к л а с с а. По исчисленію (терминъ автора) входитъ повтореніе 4-хъ ариѳметическихъ дѣйствій въ связи съ пріученіемъ къ употребленію алгебранческихъ знаковъ положеній. Далѣе, курсъ алгебры, заканчивая умноженіемъ. — Послѣ этого: Численныя уравненія первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ. Упражненія въ рѣшеніи задачъ при помощи уравненій.—Главнѣйшіе признаки дѣлимости. Разложеніе чиселъ на первоначальные множители. Общее наименьшее кратное. Простыя дроби и дѣйствія надъ ними.— Дѣленіе одночлена на одночленъ и многочлена на одночленъ.—

Предложенная программа занятий въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ намъ нынѣшнія программы французскихъ школъ (программы 1902—1905 г.); только въ программѣ Н. Завадскаго еще въ большей степени сказываются недостатки, присущіе этимъ послѣднимъ: та же пестрота и несистематичность матеріала; то же обиліе его, а слѣдовательно, неизбежно связанное съ этимъ поверхностное усвоеніе учебнаго матеріала; наконецъ, практическій характеръ прохожденія курса, а вмѣстѣ съ этимъ, необоснованность многихъ положеній. Однимъ словомъ, мы имѣемъ здѣсь не то, что нужно для серіозной общеобразовательной школы, гдѣ математика являлась бы дисциплиной, всесторонне, гармонически развивающей духовныя силы учащагося.

Авторъ доклада, желая убѣдить въ правильности практическаго пути, имъ избраннаго, прибѣгаетъ къ рискованной аргументаціи. Онъ увѣряетъ,

Выведеніе множителей за скобки. Рѣшеніе уравненій первой степени съ буквенными коэффициентами.—Десятичныя дроби.

Курсъ II класса. *По исчисленію*: Извлеченіе квадратнаго корня изъ чиселъ. Квадратныя уравненія. Геометрическая пропорція. Арифметическая прогрессія. Рѣшеніе уравненій съ двумя и нѣсколькими неизвѣстными.—Понятіе о функціи.—Ознакомленіе съ прямоугольными осями координатъ. Построеніе точекъ, даваемыхъ уравненіями $ax+by+c=0$, $x^2+y^2=r^2$, $\frac{x^2}{a^2} + \frac{y^2}{b^2} = 1$ и нѣкот. др. — Задачи на проценты, правило смѣшенія и товарищества.—*По геометріи*: Планиметрія приблизительно въ объемѣ гимназическаго курса.

Курсъ III класса. *По исчисленію*: Ознакомленіе съ логарифмами. Теорія соединеній; биномъ Ньютона.—Основы дифференціального исчисленія. Дифференцированіе тригонометрическихъ функцій прямыхъ и обратныхъ. Дифференцированіе функцій: $\lg x$, $\ln x$, a^x , e^x . Теорема Ролля. Формулы Лагранжа, Тэйлора и Маклорена. Разложеніе функцій по стокъ Маклорена.—*По геометріи*: Стереометрія. Два центра тригонометріи. Пропедевтика аналитической геометріи (прямая линия).

Курсъ IV класса. *По исчисленію*: Понятіе о частныхъ производныхъ. Maximum и minimum функцій отъ нѣсколькихъ аргументовъ. Понятіе объ интегрированіи функцій. Квадратура площадей и опредѣленный интеграль. Понятіе объ интегрированіи черезъ подстановку и по частямъ. *По геометріи*: Аналитическая геометрія на плоскости. Приложеніе дифференціального и интегральнаго исчисленія къ геометріи. Квадратура и спрямленіе кривыхъ.

Число уроковъ въ недѣлю, необходимыхъ для прохожденія этого курса, не указано.

что у него получались „результаты болѣе чѣмъ удовлетворительные“. что это было засвидѣтельствовано особой комиссіей, образованной Обществомъ естествоиспытателей при Новороссійскомъ Университетѣ¹⁾, что отзывы начальства и компетентныхъ лицъ (профессоровъ и преподавателей) подтверждаютъ то же самое²⁾. Но онъ забываетъ прежде всего, что нѣтъ болѣе шаткой и неудобной аргументаціи, какъ ссылка на результаты собственной работы,—вѣдь субъективизмъ можетъ играть здѣсь большую роль; мы знаемъ, что приверженцы той или другой идеи лично могутъ достигать блестящихъ результатовъ, и что тотъ же самый путь для другихъ можетъ оказаться гибельнымъ; наконецъ, всѣмъ извѣстна неопровержимая истина, что хорошій преподаватель при неудовлетворительныхъ программахъ можетъ добиться прекрасныхъ результатовъ. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ именно одно изъ подтвержденій этого неопровержимаго положенія.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что хотя программы, предложенныя на третьемъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію не могутъ имѣть непосредственнаго практическаго примѣненія, но идеи, положенныя въ основаніе ихъ, далеко оставляютъ за собою все то, что носитъ на себѣ отпечатокъ, такъ сказать, официального творчества: справедливость требуетъ сказать, что въ этихъ программахъ чувствуется больше жизни, больше стремленія къ чему-то новому, оригинальному.

¹⁾ Тамъ же, стр. 6.

²⁾ Тамъ же, стр. 15.

IX.

Попытки улучшить программу математики въ кадетскихъ корпусахъ.

Хотя кадетскіе корпуса представляютъ собою спеціальныя учебныя заведенія, но мы намѣрены бросить взглядъ и на то, что было сдѣлано для улучшенія программъ математики въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ въ періодъ 1899 — 1907 г.г. Мы считаемъ это умѣстнымъ, во-первыхъ, потому, что курсъ математики въ кадетскихъ корпусахъ имѣетъ общеобразовательный характеръ, а во-вторыхъ, потому, что программы даже узко спеціальныхъ учебныхъ заведеній могутъ дать многое для усовершенствованія программъ общеобразовательной школы.

Въ кадетскихъ корпусахъ въ настоящее время дѣйствуетъ общая программа и инструкція для преподаванія учебныхъ предметовъ, утвержденная въ маѣ 1898 г. Уже вскорѣ послѣ введенія этой программы, въ Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній возникъ вопросъ объ улучшеніи ея. Результатомъ работъ въ этомъ смыслѣ былъ проектъ программы и инструкціи для производства опыта преподаванія математики въ трехъ кадетскихъ корпусахъ (1-мъ, Псковскомъ и Донскомъ) съ начала 1903—1904 уч. г. ¹⁾). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ намѣреніе рассмотреть этотъ послѣдній проектъ. Мы не будемъ подвергать его обстоятельному критическому разбору, не будемъ касаться вопроса, насколько предлагаемая программа отвѣчаетъ своему назначенію: это не входитъ въ нашу задачу,—

¹⁾ Проектъ общей программы и инструкціи для производства опыта преподаванія учебныхъ предметовъ въ 1-мъ, Псковскомъ и Донскомъ Императора Александра III кадетскихъ корпусахъ, съ начала 1903—1904 уч. г. Математика. Стр. 1—73.

мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, программы общеобразовательной школы; кромѣ того, проектъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, былъ подвергнутъ обстоятельному разбору въ засѣданіяхъ Кіевскаго Физико-Математическаго Общества въ 1903 и въ 1904 г. ¹⁾ Мы же остановимъ наше вниманіе только на тѣхъ вопросахъ и указаніяхъ въ проектѣ, которые могутъ дать матеріалъ для выработки нормальной программы математики въ общеобразовательной школѣ.

Прежде всего нужно отмѣтить, что проектъ программы и инструкции отличается необычайнымъ многословіемъ, мало присущимъ математическому изложенію: здѣсь мы находимъ введеніе, объяснительныя записки, довольно обстоятельныя программы по каждому предмету, а по алгебрѣ даже программы двухъ родовъ—систематическія (лит. А) и методическія (лит. Б)

Изъ общихъ положеній укажемъ слѣдующія требованія инструкции: 1) „Примѣры, освѣщающіе данный математическій вопросъ, надобно брать изъ разныхъ отдѣловъ курса математики, совершенно независимо отъ того, какому ея отдѣлу слѣдуетъ посвятить тотъ или иной урокъ по расписанію“ ²⁾. 2) Въ старшихъ, а отчасти и въ среднихъ классахъ, нѣкоторыя части учебника могутъ быть предлагаемы ученикамъ для самостоятельнаго изученія ³⁾. 3) При удовлетворительной постановкѣ обученія, такъ называемое повтореніе всего курса не целесообразно“ ⁴⁾.

Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ согласиться нельзя ⁵⁾; тѣмъ болѣе, что въ объяснительной запискѣ по алгебрѣ мы находимъ довольно основательныя соображенія въ защиту повторительныхъ курсовъ. „Въ VII классѣ,— читаемъ въ запискѣ,—должны быть построже обоснованы наиболѣе существенныя части предшествующаго курса алгебры по учебнику предыдущихъ классовъ, при чемъ слѣдуетъ обращать вниманіе учениковъ на тонкости и главнѣйшія трудности той или другой статьи. Учитель имѣетъ возможность дѣлать при этомъ нѣкоторыя разъясненія, которыя почему-либо признавались неумѣстными при первоначальномъ прохожденіи курса, въ виду недостаточнаго математическаго развитія учениковъ, или которыя почему-либо не усвоены учениками“ ⁶⁾.

¹⁾ Сообщенія: а) И. И. Зехова „По поводу новыхъ программъ по арифметикѣ въ кадетскихъ корпусахъ“ и б) А. П. Зонненштраля „По поводу новыхъ программъ по алгебрѣ въ кадетскихъ корпусахъ“ (Отчетъ и Протоколы Физ.-Матем. Общ. при Унив. св. Владиміра за 1903 г.); в) Проф. Г. К. Сулова „По поводу новыхъ программъ по тригонометріи въ кадетскихъ корпусахъ“ (Отч. и Прот. за 1904 годъ).

²⁾ Проектъ программы и инструкции, стр. 3.

³⁾ Тамъ же, стр. 5.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 6.

⁵⁾ Соображенія по сему поводу см. выше, стр. 57 и 20.

⁶⁾ Проектъ программы и инструкции, стр. 16.

Обратимся, въ частности, къ отдѣльнымъ предметамъ.

Ариѳметика. Приѣмныя требованія отъ поступающихъ въ I классъ обычные: въ программѣ нѣтъ указаній ни относительно ознакомленія съ приѣмами непосредственнаго измѣренія и съ употребительными единицами мѣръ, ни о приготовительномъ курсѣ дробей, ни о приготовительномъ курсѣ геометріи.

I классъ (4 урока) и II классъ (4 урока). Обычный курсъ съ нѣкоторыми улучшеніями, какія можно считать теперь общепризнанными. Отмѣтимъ, что въ курсѣ I класса считаются неумѣстными дѣйствія надъ именованными числами, выраженными въ квадратныхъ и кубическихъ единицахъ мѣры. Этотъ отдѣлъ переносится въ приготовительный курсъ геометріи III класса.

III классъ (2 урока). Опущено ученіе о пропорціяхъ. Задачи на пропорціональное дѣленіе и на смѣшеніе въ ариѳметикѣ не разсматриваются; онѣ рѣшаются при помощи уравненій.

По этому поводу мы уже высказывали свой взглядъ ¹⁾.

Намъ кажется страннымъ, что метрическая система мѣръ отнесена къ вопросамъ, которые могутъ быть вынуждены по усмотрѣнію преподавателя.

Дополнительнаго и повторительнаго курса ариѳметики въ старшихъ классахъ вовсе нѣтъ.

Алгебра. Здѣсь обращается серіозное вниманіе на курсъ приготовительный, которому посвящаются занятія въ III классѣ; а начиная съ IV класса, вводится курсъ систематическій ²⁾.

III классъ (1 урокъ въ недѣлю во 2-мъ полугодіи). Предварительныя упражненія, служащія для перехода отъ ариѳметики къ алгебрѣ.—Обстоятельная программа является вполне раціональной.

IV классъ (2 урока въ 1-мъ полугодіи и 3 во 2-мъ). 4 дѣйствія надъ цѣлыми и дробными алгебраическими количествами въ связи съ рѣшеніемъ уравненій первой степени и неравенствъ первой степени. Геометрическія пропорціи. Рѣшеніе задачъ на пропорціональное дѣленіе и правило смѣшенія второго рода.

V классъ (2 урока). Уравненія со многими неизвѣстными. Степени и корни второй степени. Извлеченіе квадратнаго корня изъ чиселъ. Понятіе объ ирраціональномъ числѣ. Дѣйствія надъ радикалами второй степени. Квадратныя уравненія. Рѣшеніе

¹⁾ См. выше, стр. 90, а также 18—19, и ниже, стр. 106.

²⁾ Программа алгебры (систематическая) приведена въ извлеченіи.

простѣйшихъ уравненій, приводимыхъ къ квадратнымъ. Рѣшеніе уравненій съ радикалами второй степени.

VI классъ (2 урока). Возвышеніе одночлена въ степень и извлеченіе корней высшихъ степеней изъ одночленовъ. Дѣйствія надъ радикалами. Символы $\frac{0}{0}$, $+\infty$, $-\infty$ и $\frac{a}{0}$. Количества съ условными показателями. Обыкновенные логарифмы. Прогрессии. Безконечныя десятичныя дроби и ихъ обращеніе въ обыкновенныя.

VII классъ (2 урока). а) Перемѣнныя величины и предѣлы. Ирраціональныя числа. Непрерывныя дроби. Неопредѣленныя уравненія. б) Обоснованіе наиболѣ существенныхъ частей предшествующаго курса алгебры по учебнику (напр., ученіе о равносильности уравненій, приложеніе алгебры къ геометріи, рѣшеніе показательныхъ уравненій, понятіе о функціи и т. п.).

„Отдѣльныя статьи объ изслѣдованіи уравненій изъ курса алгебры исключены; но всякій разъ, когда рѣшается задача съ буквенными данными, ограниченія, которыя необходимы для рѣшенія полученнаго уравненія, должны выставляться на видѣ, и окончательное рѣшеніе въ общемъ видѣ должно быть тщательно изслѣдовано“¹⁾.

При настоящемъ и умѣломъ проведеніи этого взгляда черезъ весь курсъ, быть можетъ, получатся болѣе плодотворные результаты, чѣмъ при обычномъ изложеніи; но, во-первыхъ, слѣдуетъ опасаться, что указанія объяснительной записки останутся въ области благихъ пожеланій, а во-вторыхъ, это не исключаетъ необходимости въ концѣ концовъ подвести итоги, исходя изъ рѣшенія уравненія въ общемъ видѣ.

Изложенная нами въ извлеченіи „систематическая“ программа по объему и расположенію учебнаго матеріала мало чѣмъ отличается отъ обычныхъ программъ, а посему не нуждается въ особыхъ замѣчаніяхъ, кромѣ тѣхъ, какія были уже сдѣланы нами. Можно отмѣтить только, что такія понятія, которыя по современнымъ взглядамъ на преподаваніе математики должны проходить черезъ весь курсъ и возможно раньше быть введенными въ сознаніе учениковъ, какъ понятія о переменныхъ и постоянныхъ величинахъ и о функціональной зависимости, отодвигаются на конецъ курса, а слѣдовательно, теряютъ свое важное значеніе въ отношеніи математическаго развитія учащихся.

Кромѣ систематической программы по курсу алгебры, приложена еще обстоятельная „методическая“ программа. Хотя эта программа

¹⁾ Проектъ программы и инстр., стр. 16.

можетъ вызвать много возраженій и замѣчаній, но мы, въ силу соображеній, указанныхъ нами раньше, не будемъ останавливаться на полномъ разборѣ ея; отмѣтимъ только нѣкоторыя стороны, характеризующія ее.

Исходя изъ того положенія, что „въ курсѣ алгебры всякое новое представленіе, всякое новое понятіе и всякая новая точка зрѣнія должны вытекать изъ цѣлесообразныхъ задачъ и вопросовъ“, программа предлагаетъ, прежде чѣмъ приступить къ выводу правила для производства дѣйствія надъ алгебраическими количествами, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ составить, изъ условія напередъ подобранной задачи, такое уравненіе, чтобы рѣшеніе его приводило къ этому дѣйствию; такъ, напр., прежде чѣмъ вывести правило вычитанія многочленовъ, требуется составить уравненіе вида $(ax+b)-(cx+d)=f$ ¹⁾. Очевидно, каждый разъ, составивши уравненіе, приходится откладывать его въ сторону, приступать раньше къ выводу или установленію правила дѣйствія, а затѣмъ уже вновь браться за рѣшеніе прерванной задачи и то въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ, вообще, рѣшеніе такихъ уравненій невозможно до обобщенія дѣйствій; составленіе же уравненій безъ рѣшенія ихъ совершенно нецѣлесообразно. Подобное требованіе проводится недантично во всѣхъ случаяхъ, даже при извлеченіи кв адратнаго корня²⁾. Искусственность, однообразіе и монотонность такого изложевія очевидна; излишняя растянутость курса и скука являются обычными спутницами при такомъ яко бы наглядномъ обученіи.

Кромѣ того, мы держимся того взгляда, что не слѣдуетъ навязывать преподавателю детальныя программы въ методическомъ отношеніи: для опытныхъ преподавателей онѣ не нужны, а для начинающихъ существенной пользы принести не могутъ по своей краткости. Правда, нужно помнить, что эта программа предложена только для производства опыта преподаванія и, при томъ, лишь въ трехъ кадетскихъ корпусахъ, и что въ объяснительной запискѣ сказано: „точное выполненіе этой послѣдней программы для преподавателей необязательно; но желательно, чтобы заключающимися въ ней указаніями они пользовались возможно полнѣе³⁾. Нельзя, наконецъ, умолчать, что такой существенный вопросъ, какъ вопросъ объ эквивалентности уравненій, въ программахъ игнорируется, а въ объяснительной запискѣ упоминается только вскользь.

¹⁾ Проектъ прогр. и инстр., стр. 45.

²⁾ Встрѣчается въ программѣ, напр., и такой куріозъ (стр. 46): „Составленіе изъ условій задачи и рѣшеніе уравненій вида $(ax+b)(cx+d)=f$, гдѣ $f=mx^2+nx+p$ и гдѣ числа подобраны такъ, чтобы послѣ преобразованія получились уравненіе первой степени“. Очевидно, это понадобилось для иллюстраціи умноженія многочлена на многочленъ въ IV классѣ.

³⁾ Проектъ прогр. и инстр., стр. 14.

Рѣзко отрицательно отнеслось къ разсмотрѣнной нами программѣ по алгебрѣ Кіевское Физ.-Математическое Общество, давшее характеристику этой программы въ одномъ изъ пунктовъ общихъ положеній, принятыхъ послѣ разбора программы¹⁾.

Геометрія. Программа имѣетъ въ виду два курса: **приготовительный** (въ III классѣ) и **систематическій** (въ IV—VI кл.). „Въ основу подготовительнаго курса геометріи долженъ быть положенъ послѣдовательный рядъ цѣлесообразныхъ задачъ изъ области первоначальнаго геометрическаго черченія. Въ курсъ этотъ не входятъ доказательства болѣе или менѣе очевидныхъ истинъ, лежащихъ въ основѣ планиметріи“²⁾.

III классъ (2 урока въ 1-мъ и 1 урокъ во 2-мъ полугодіи). *Приготовительный курсъ геометріи*³⁾. I. Прямая линия. А. Употребленіе линейки. Б. Употребленіе циркуля, мѣрильная лента и линейка съ нанесенными на нее единицами мѣры.— II. Центральные углы и дуги. А. Проведеніе угловъ. Б. Дѣйствія надъ углами. Симметрія относительно прямой.— III. Треугольники.— IV. Параллельныя линии. Параллелограммы.— V. Площади.— VI. Объемы прямоугольных параллелепипедовъ.— VII. Подобіе фигуръ. Центръ подобія.— VIII. Правильные многоугольники и прямая въ кругѣ.

Программа подготовительнаго курса изложена въ проектѣ болѣе, чѣмъ на 11 страницахъ; кромѣ того, объяснительная записка къ ней занимаетъ около 3 страницъ. Составлена программа извѣстнымъ педагогомъ С. И. Шохорь-Троцкимъ: на это есть указаніе въ книгѣ его „Геометрія на задачахъ“⁴⁾.

¹⁾ „Отсутствіе научной системы въ разбираемой программѣ, игнорированіе ею основныхъ положеній алгебры и, на ряду съ этимъ, погоня за несущественными мелочами, небрежность терминологіи заставляютъ признать примѣненіе этой программы нежелательнымъ и могущимъ внести полную смуту въ умы какъ учениковъ, такъ и начинающихъ педагоговъ“. Отчетъ и Протоколы Физ.-Матем. Общ. при Унив. св. Владимира за 1903 г., стр. 19.

²⁾ Проектъ прогр. и инстр., стр. 18.

³⁾ Приводимъ программу этого курса въ самыхъ общихъ чертахъ.

⁴⁾ С. И. Шохорь-Троцкій. „Геометрія на задачахъ. Книга для учителей: а) начальныхъ школъ съ продолжительнымъ курсомъ; б) низшихъ и среднихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній; в) профессиональныхъ школъ и курсовъ и т. п. (400 политип. въ текстѣ). Курсъ основанъ на методическихъ упражненіяхъ въ геометрическомъ черченіи.—Доказательства теоремъ вводятся по мѣрѣ возникновенія потребности въ нихъ у учащихся“. М. 1908. Стр. XII.—Относительно того, принималъ ли С. И. Шохорь-Троцкій участіе въ составленіи программъ по остальнымъ отдѣламъ математики, прямыхъ указаній мы не имѣемъ.

Чтобы имѣть болѣе ясное представление о проектируемомъ курсѣ геометріи, слѣдуетъ обратиться къ книгѣ С. И. Шохоръ-Троцкого. Для характеристики этого почтеннаго труда достаточно отмѣтить, что въ „Геометріи на задачахъ“ — книгѣ, предназначенной для учителей и заключающей въ себѣ, главнымъ образомъ, содержаніе тѣхъ упражненій, которыя ученики должны проработать подъ непосредственнымъ руководствомъ учителя, мы видимъ XXVI+428 страницъ; при чемъ для усвоенія пригготовительнаго курса предлагается ученикамъ передѣлать болѣе 1200 упражненій—подъ руководствомъ учителя и самостоятельно; изъ нихъ въ книгѣ для учителей помѣщено только около 450 упражненій, остальные же будутъ изложены, очевидно, въ книгѣ для учениковъ¹⁾. Кроме того, въ книгѣ для учителей помѣщено еще до 240 упражненій дополнительныхъ, такъ что для усвоенія пригготовительнаго курса геометріи намѣчено болѣе 1400 упражненій.

Если даже согласиться съ тѣми взглядами на пригготовительный курсъ геометріи, какіе высказываются въ проектѣ, если примириться съ излишней детализаціей программы и съ крайнимъ обиліемъ учебнаго матеріала, то и въ такомъ случаѣ можно сдѣлать противъ предлагаемаго курса существенныя возраженія.

Дѣйствительно, матеріаль, предлагаемый программой для первоначальнаго изученія пригготовительнаго курса, можетъ быть, по нашему мнѣнію, пригоднымъ лишь для второй или даже для третьей ступени этого курса. О крайней необходимости пригготовительнаго курса геометріи въ I-мъ, а гдѣ есть возможность, даже и въ пригготовительномъ классѣ, мы уже высказывались раньше²⁾. Дѣти еще до поступленія въ I классъ такъ или иначе запасаются „совокупностью воспріятій геометрическаго содержанія“ и приобрѣтаютъ, безъ надлежащаго руководства и системы запасъ „частныхъ, наглядныхъ основныхъ геометрическихъ представленій“. Уже въ I классѣ необходимо въ значительной степени пользоваться этими представленіями напр. при занятіяхъ географіей. Не безъ основанія, нѣкоторые педагоги считаютъ болѣе естественнымъ въ основу обученія математики ставить геометрію, какъ наиболѣе конкретный отдѣлъ математики, а ариметику трактуютъ, какъ науку вспомогательную по отношенію къ геометріи³⁾. Такой взглядъ мы также считаемъ одностороннимъ. И если бы курсъ геометріи былъ начатъ, напр., съ I класса (первая ступень), то, быть можетъ, въ III классѣ курсъ, проектируемый С. И. Шохоръ-Троцкимъ, явился бы доступнымъ для усвоенія даже въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ намѣчается программой.

¹⁾ Книга для учениковъ, по заявленію автора, готовится къ печати.

²⁾ См. выше, стр. 64—65.

³⁾ См. выше, взглядъ Н. Завадскаго, стр. 90.

Но при этомъ является вопросъ, слѣдуетъ ли расширять до такихъ предѣловъ приготовительный курсъ геометріи. Мы считаемъ положительное рѣшеніе этого вопроса нежелательнымъ и рискованнымъ.

Мы признаемъ, что и въ программѣ приготовительнаго курса, и въ „Геометріи на задачахъ“ есть много интересныхъ оригинальныхъ мыслей, какъ вообще въ работахъ С. И. Шохорь-Троцкаго, но реальное осуществленіе ихъ вызываетъ и много возраженій. Тотъ методъ, котораго придерживается С. И. Шохорь-Троцкій, если и можетъ дать хорошіе результаты, то лишь при томъ необходимомъ условіи, чтобы не проводить его такъ неапатично, такъ однообразно-искусственно. „Лабораторный способъ“ преподаванія математики, защитникомъ котораго является авторъ программы, состоитъ не въ передѣлкѣ всѣхъ теоремъ въ задачи, приобретающія очень часто искусственную форму, а въ болѣе разнообразныхъ приемахъ реального характера, оживляющихъ преподаваніе ¹⁾.

Программа систематическаго курса геометріи (IV—VII кл.) составлена по учебнику „Элементарная геометрія“ А. Киселева ²⁾; по этому учебнику указаны даже параграфы, только ученію о предѣлахъ не дано мѣста въ курсѣ V класса,—этотъ вопросъ перенесенъ въ курсъ VII класса, что нельзя признать рациональнымъ: идея функциональной зависимости, идея непрерывнаго измѣненія величинъ, въ связи съ понятіемъ о предѣлѣ, въ элементарной формѣ должны быть по возможности раньше введены въ курсъ.

Тригонометрія ³⁾. Полезно, по словамъ объяснительной записки, предпосылать рѣшеніе треугольниковъ теоретическому изученію свойствъ триго-

¹⁾ Интересно сравнить въ этомъ отношеніи „Геометрію на задачахъ“ С. И. Шохорь-Троцкаго съ „Наглядной геометріей“ В. Кемпбеля (М. 1908 г.) или же съ курсомъ геометріи, намѣченнымъ съѣздомъ учителей математики и черченія городскихъ училищъ подольской губерніи въ 1871 г. (Циркуляръ по управл. Кіевск. Учебн. Округ. 1872 г., № 1, стр. 35—44).

²⁾ Программа систематическаго курса геометріи (въ извлеченіи).

IV классъ (3 урока въ 1-мъ полугодіи и 2 урока во 2-мъ).
Курсъ IV-го класса мужскихъ гимназій.

V классъ (2 урока). Оканчивается планиметрія. Длина окружности и площадь круга излагаются безъ теоріи предѣловъ.

VI классъ (2 урока въ недѣлю въ теченіе года или 3 урока въ 1-мъ полугодіи и 1 урокъ во 2-мъ). Прямые и плоскости въ пространствѣ. Многогранники. Основы проекціоннаго черченія.

VII классъ (1 урокъ). Длина окружности и площадь круга. Круглая тѣла.

³⁾ Приводимъ программу тригонометріи въ извлеченіи.

VI классъ. Ознакомленіе съ синусомъ угла, меньшаго 45° (въ связи съ устройствомъ логарифмическихъ таблицъ). Рѣшеніе

нометрических функций, т. е. рекомендуется распределение материала в два концентра (в VI класс 1 урок в течение года или 2 урока в неделю в течение 2-го полугодия и в VII класс 2 урока в неделю в 1-м полугодии). „Наиболее целесообразным в образовательном и практическом отношении будет такое расположение учебного материала, при котором ученики постепенно переходят от менее изящных способов решения треугольников к более изящным“.

Предложенная программа не может дать ничего поучительного для улучшения программы по тригонометрии. В особенности неудачно и в то же время с претензией на оригинальность составлена программа VI класса. Такое распределение учебного материала, помимо других неудобств, потребует много времени и внесет большую смуту в сознание учащихся. Совершенно противоречит требованиям педагогики основное положение программы — сначала (в VI класс) учить таким приемам решения задач, от которых впоследствии (в VII класс) приходится отучать¹⁾.

прямоугольного треугольника при помощи синуса. Ознакомление с косинусом. Решение соответствующих прямоугольных треугольников с помощью косинуса. Синус и косинус острого угла, большего 45° . Зависимость между синусом и косинусом. Решение прямоугольных и равнобедренных треугольников (без помощи тангенса). Тангенс угла, меньшего 45° , тангенс 45° , тангенс острого угла, большего 45° . Котангенс острого угла. Соотношение между тригонометрическими функциями. Решение прямоугольного треугольника с помощью тангенса и котангенса. Квадрат стороны остроугольного треугольника. Решение остроугольного треугольника в соответствующих случаях (без приведения формул к логарифмическому виду). Теорема синусов. Синус и косинус прямого и тупого углов. Зависимость между синусом и косинусом дополнительных углов. Квадрат стороны треугольника, противолежащий тупому углу. Теорема синусов для тупоугольного треугольника. Решение косоугольных треугольников.

VII класс (2-й концентр). Тригонометрические функции суммы и разности двух углов, двойного угла, половины угла. Преобразование выражений к виду, удобному для логарифмирования. Периодичность функций. Изменение тригонометрических функций от 0 до ∞ . Простейшие тригонометрические уравнения. Функции \sec и \csc . Обратные тригонометрические (круговые) функции.

¹⁾ По мнению Киевского Физ.-Мат. Общества, выразившемуся в положениях, принятых в собрании Общества, „редакция, частности, содержание и изложение программы по тригонометрии того же качества, что и по алгебре“. Отчет и Протоколы Ф.-Мат. Общ. при Унив. св. Владимира за 1904 г., стр. 12.

Аналитическая геометрія (2 урока въ недѣлю во 2-мъ полугодіи). „Ближайшая цѣль ознакомленія учениковъ съ нѣкоторыми ученіями аналитической геометріи, — по словамъ объяснительной записки, — сводится: а) къ усвоенію ими смысла графическаго изображенія хода измѣненій какой-либо величины въ зависимости отъ измѣненій другой, съ помощью системы прямоугольныхъ координатъ, и б) къ усвоенію ими смысла и основныхъ свойствъ уравненій прямой линіи, окружности, эллипса и параболы, отнесенныхъ къ прямоугольнымъ координатамъ. Общаго вида уравненія коническихъ сѣченій и вообще слишкомъ общихъ точекъ зрѣнія курсъ этотъ разрабатывать не можетъ“¹⁾.

Судя по цѣлямъ, какія намѣчены въ предисловіи къ объяснительной запискѣ, можно было ожидать отъ этихъ программъ значительно большаго: можно было думать, что преподаваніе математики, дѣйствительно, будетъ поставлено въ уровень съ современными научными и педагогическими требованіями; между тѣмъ, при ближайшемъ ознакомленіи съ программами, оказывается, что такія ожиданія далеко не оправдываются: идея функциональной зависимости, въ связи съ понятіемъ о переменныхъ величинахъ и ихъ предѣлахъ, вводится только въ концѣ курса, т. е. программа по духу остается рутинной, а тѣ нововведенія, которыя мы отмѣтили, едва ли можно признать положительными. Но мы должны сказать, что и въ объяснительныхъ запискахъ и въ самихъ программахъ есть интересныя и полезныя мысли, которыя, быть можетъ, въ будущемъ найдутъ себѣ болѣе удачное осуществленіе.

¹⁾ Проектъ процр. и инстр. стр. 25.

Х.

Двѣ журнальныя статьи по вопросу о программахъ математики.

Говоря о работахъ, появившихся въ связи съ проектомъ школьной реформы, предпринятой министромъ П. С. Ванновскимъ, мы уже сдѣлали въ одной изъ предыдущихъ главъ обзоръ двухъ журнальныхъ статей, которыя были написаны по этому поводу ¹⁾). Въ настоящей главѣ, слѣдуя хронологической послѣдовательности трудовъ, мы имѣемъ въ виду рассмотреть еще двѣ статьи. Одна изъ нихъ „О возможныхъ и некоторыхъ облегченіяхъ въ программахъ гимназій по математикѣ“ принадлежитъ П. С. и помѣщена въ „Русской Школѣ“ за 1904 г. (№ 4, стр. 219—224), а другая „Математика и средняя школа“ ²⁾ написана С. Поляковымъ и помѣщена въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ за 1907 г. (№ 1, стр. 24—36, и № 2, стр. 119—135).

Статья П. С. — „О возможныхъ и некоторыхъ облегченіяхъ въ программахъ по математикѣ“.

Въ этой статьѣ предлагаются и некоторые измѣненія въ гимназическихъ программахъ по математикѣ, имѣющія цѣлью облегченіе учениковъ. Эти измѣненія сводятся, главнымъ образомъ, къ обычнымъ сокращеніямъ.

¹⁾ См. выше, стр. 66—70.

²⁾ Эта статья не была еще извѣстна автору настоящаго „Обзора“, когда онъ дѣлалъ свой докладъ въ засѣданіяхъ Кіевского Физ.-Математическаго Общества.

Въ курсѣ III класса по **арифметикѣ** рекомендуется ¹⁾ „ограничиться наиболѣ простыми задачами на сложное тройное правило и рѣшать ихъ только по способу приведенія къ единичѣ... Правило процентовъ и правило учета векселей можно соединить въ одно общее правило процентныхъ вычисленій“ (Позволительно спросить, какое отъ этого будетъ удобство). „Цѣльное правило и правило смѣшенія давно пора бросить. Особенно куріозно правило смѣшенія. Искусственность его видна уже изъ того, что понадобилось раздѣлить его на два отдѣльныхъ правила: перваго и втораго рода“ (Мы думаемъ, что такое раздѣленіе вовсе не служитъ признакомъ искусственности). „Отъ слабыхъ учениковъ достаточно требовать умѣнія рѣшать ихъ алгебраически, при помощи уравненій. Этотъ способъ рѣшенія подобныхъ задачъ легче дается ученикамъ, хотя приходится позднеѣ.—Послѣднія соображенія намъ кажутся неосновательными: на вычислительныхъ машинахъ производятся нѣкоторыя вычисленія очень легко, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что не нужно обучать производству этихъ вычисленій безъ машины²⁾).

Ученіе о періодическихъ дробяхъ предлагается перенести въ курсъ алгебры и излагать при изученіи свойствъ геометрической прогрессіи.

Въ курсѣ **алгебры**, по мнѣнію автора, „было бы весьма полезно перенести систематическое прохожденіе отдѣла—разложеніе многочленовъ на сомножители въ курсъ VII класса“. Въ курсѣ IV класса оставить только вынесеніе за скобки и разложеніе $a^2 - b^2$, $(a \pm b)^2$. „При упражненіяхъ надъ дробями не слѣдуетъ выбирать трудныхъ примѣровъ“ ³⁾. Не усложнять задачъ въ этихъ отдѣлахъ рекомендуется также объяснительной запиской къ программамъ 1890 г.

Далѣе, предлагается выбросить извлеченіе квадратнаго корня изъ многочленовъ ⁴⁾, исключить теорію соединеній и биномъ Ньютона ⁵⁾.

Въ курсѣ **геометріи** считается желательнымъ: опустить теорему о сторонахъ правильнаго десятиугольника, потому что проще вычислять по общимъ способамъ тригонометріи; отбросить задачу о дѣленіи прямой въ крайнемъ и среднемъ отношеніи. „Способъ предѣловъ,—по мнѣнію автора,—можно было бы нѣсколько упростить ⁶⁾. Понятіе о перемѣнныхъ и по-

¹⁾ Р. Шк. 1904 г., № 4, стр. 221.

²⁾ См. выше, стр. 90, а также стр. 18—19.

³⁾ Р. Шк. 1904 г., № 4, стр. 221.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 222.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 223.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 222.

стоянныхъ величинахъ и о предѣлахъ можно ввести въ математику при изученіи свойствъ бесконечно-нисходящихъ прогрессій и періодическихъ дробей“¹⁾.—Это возможно было бы сдѣлать,—хотя послѣднее было бы нераціональнымъ,—если бы прогрессіи входили въ курсъ не VI-го, а V-го класса, гдѣ приходится уже пользоваться теоріей предѣловъ.

Наконецъ, относительно экзаменаціонныхъ требованій въ VIII классѣ въ замѣткѣ говорится, „что въ учебной программѣ по тригонометріи требуется нѣсколько менѣе, чѣмъ въ правилахъ объ испытаніяхъ“, а именно—предлагаются для рѣшенія тригонометрическія уравненія; между тѣмъ „такія задачи,—по мнѣнію автора,—искусственны и далеки отъ практики жизни“, а слѣдовательно, ихъ не нужно предлагать ученикамъ.—Мы не можемъ признать такой взглядъ правильнымъ: указанный критерій — черезчуръ шаткій.

„Задачи по алгебрѣ, предлагаемыя на испытаніяхъ зрѣлости, носятъ,— по мнѣнію П. С.,—еще болѣе искусственный характеръ.. Не лучше ли тогда задавать нѣсколько отдѣльныхъ естественныхъ и близкихъ къ жизни задачъ на отдѣльныя ванболѣ важныя правила?“²⁾

Дѣйствительно, это было бы болѣе рационально. Вообще, вопросъ объ окончательныхъ испытаніяхъ нуждается въ особомъ разсмотрѣніи.

Статья С. Полякова—„Математика и средняя школа“.

Болѣе содержательной и интересной является статья С. Полякова, въ которой заключаются, по существу, тѣ же основныя мысли, какія провоздятся въ статьѣ „О программахъ математики“, подписанной инициалами С. П. и помѣщенной въ № 2-мъ „Пед. Сборн.“ за 1902 г.³⁾ Въ статьѣ С. Полякова руководящія идеи выражены еще болѣе обстоятельно и убѣдительно и подкрѣвлены историческимъ обоснованіемъ, а проектъ программы средней школы, тоже во многомъ общій съ программами въ статьѣ С. П., изложенъ болѣе детально⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 223.

²⁾ Тамъ же, стр. 224.

³⁾ Эта статья разсмотрѣна нами раньше; см. стр. 66–69.

⁴⁾ Въ статьѣ С. Полякова нерѣдко встрѣчаются тѣ же фразы, что и въ статьѣ С. П. и при томъ безъ всякаго упоминанія объ этой послѣдней. Ср., напр., стр. 33 и 35 „Пед. Сб.“ 1907 г., № 1, съ стр. 146 и 147 „Пед. Сб.“ 1902 г., № 2. Въ виду этого (инициалы авторовъ одни и тѣ же) у насъ является предположеніе, что обѣ статьи принадлежатъ одному и тому же лицу.

Самъ авторъ такъ резюмируетъ основныя положенія своей статьи ¹⁾.

„1) Средняя школа должна ознакомить учащагося съ элементарными методами научнаго изслѣдованія и развить соотвѣтствующія способности. 2) Исторически сложившееся аналитическое направленіе въ математикѣ служить наиболѣе могучимъ орудіемъ научныхъ изслѣдованій, какъ удовлетворяющее стремленію наукъ къ количественному сравненію и къ выраженію своихъ обобщеній языкомъ формулъ. 3) Средняя школа должна освоить учащихся съ этимъ могучимъ орудіемъ, съ этимъ ключомъ методовъ количественнаго сравненія, и развить способности къ математическому анализу. 4) Чтобы достигнуть этого, средняя школа должна: а) выработать навыкъ къ вычисленіямъ надъ цѣлыми и дробными числами, б) освоить съ понятіемъ о функціональной зависимости и съ методомъ уравненій и в) дать основы элементарнаго приложенія счисленія безконечно-малыхъ величинъ къ изслѣдованію непрерывныхъ измѣненій. 5) Для этой цѣли потребуется сократить традиціонный курсъ математики исключеніемъ нѣкоторыхъ ненужныхъ отдѣловъ и ввести наиболѣе существенныя отдѣлы изъ элементарной теоріи функцій и безконечно-малыхъ величинъ“.

Въ началѣ своей статьи авторъ, ссылаясь на историческій ходъ развитія математики, краснорѣчиво и основательно доказываетъ, что характеръ учебнаго курса математики далеко не соотвѣтствуетъ высотѣ современнаго развитія этой науки, что методъ координатъ, въ связи съ ученіемъ о безконечно-малыхъ величинахъ, даетъ новое освѣщеніе всѣмъ математическимъ теоріямъ и формуламъ, и что это направленіе должно господствовать и въ учебной математикѣ,—только это направленіе сохранить за учебной математикой ея огромное значеніе „основы и ключа всего человѣческаго знанія“ (слова Эйлера). Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ авторъ приводитъ еще слова Вс. Шерскаго ²⁾, полныя глубокой правды и неотразимой убѣдительности: „Въ то время какъ спѣшатъ заносить въ учебники физики послѣднія изобрѣтенія, иногда не оправдывающія возбужденныхъ ими ожиданій, въ географіи слѣдятъ за подробностями новѣйшихъ открытій.—по геометріи довольствуются свѣдѣніями изъ обихода Александрійской школы III в. до Р. Х., не идутъ дальше алгебры индусскихъ браминовъ VII-го и тригонометріи ученыхъ Самарканда XV в. по Р. Х. Изъ всего богатства методовъ, внесенныхъ въ европейскую науку со временъ эпохи Возрожденія, посчастливилось только практикѣ логарифмическихъ вычисленій: но всѣ великія изобрѣтенія еще XVII в., составляющія самую суть

¹⁾ Пед. Сб. 1907 г., № 2, стр. 129.

²⁾ Вс. П. Шерскій. Математика, какъ наука, и ея школьныя суррогаты. Русская Мысль 1895 г., № 5, стр. 106—107.

математики, какъ науки, обусловливаюція великое значеніе ея въ научномъ и техническомъ прогрессѣ новаго времени, остаются за предѣлами школьной программы. Молодые люди конца XIX в., готовящіеся принять официально удостовѣреніе въ умственной зрѣлости, искусственно задерживаются на средне-вѣковомъ уровнѣ математической мысли; считаются неспособными усвоить хотя бы элементы математики, какъ науки новаго времени. Великія открытія творцовъ математики, труды Декарта, Лейбница, Ньютона игнорируются, чтобы сберечь время для гиппократовыхъ луночекъ, эратосѣеновыхъ рѣшетъ, мелочей буквеннаго счисленія и тригонометрическихъ преобразованій¹⁾...

Далѣе, С. Поляковъ краснорѣчиво отмѣчаетъ недостатки и излишества современныхъ курсовъ математики въ средней школѣ.

Что касается курса ариметики, то авторъ статьи возстаетъ противъ существующаго выдѣленія задачъ на составныя именованныя числа и тройныя правила и утверждаетъ, что это „и качественно и количественно тормозитъ изученіе математики“²⁾.

Мы также не сочувствуемъ постановкѣ этого вопроса въ нынѣ дѣйствующихъ программахъ и признаемъ, что программа курса III класса по арифметикѣ—характерный остатокъ средне-вѣковой рутины, но мы нѣсколько иначе рѣшаемъ вопросъ о распредѣленіи задачъ по курсу³⁾ и не придаемъ ему доминирующаго значенія.

Затѣмъ, авторъ находитъ, что можно значительно сократить и упростить ученіе о періодическихъ дробяхъ. По мнѣнію автора, „центральный методъ арифметики“ должно быть приложеніе 4-хъ дѣйствій къ яснымъ и опредѣленнымъ вопросамъ вычисленія и измѣренія; сложнымъ же задачамъ долженъ соответствовать уже „алгебраическій методъ уравненій“⁴⁾.

И въ данномъ случаѣ мы не можемъ стать вполне на точку зрѣнія автора. Мы также противъ того, чтобы давать ученикамъ по арифметикѣ

¹⁾ Мы не приводимъ остальной части выдержки, взятой С. Поляковымъ изъ статьи В. Шерскаго, гдѣ на ряду съ вѣрными мыслями встрѣчаются соображенія совершенно неосновательныя и даже вредныя. Напр., будто бы у насъ въ школьной практикѣ встрѣчается увлеченіе мелочной обработкой такихъ вопросовъ, какъ статьи объ отрицательныхъ или ирраціональныхъ числахъ и т. п. Въ эту сторону увлеченіе почти не распространяется: къ сожалѣнію, обыкновенно надъ этими важными и поучительными вопросами почти не задумываются; справедливость нашего взгляда подтверждается и характеромъ существующей учебной литературы.

²⁾ Пед. Сб. 1907 г., № 2, стр. 122.

³⁾ См. выше, стр. 18—19.

⁴⁾ Пед. Сб. 1907 г., № 2, стр. 123.

замысловатая задача; что же касается применения уравнений къ рѣшенію задачъ вмѣсто арифметическаго приѣма, то объ этомъ мы уже высказывались ¹⁾; мы утверждаемъ, что одинъ приѣмъ рѣшенія не можетъ замѣнить собою другого.

Въ курсѣ алгебры „даже главные идеи этого самаго языка формуль—идеи отвлеченія и обобщенія—мы не въ силахъ ярко подчеркнуть въ нашихъ курсахъ. Да и понятно... развѣ можно безнаказанно выдѣлять эти блѣдныя тѣни могучихъ живыхъ идей математическаго анализа? ²⁾... Безъ идеи функциональной зависимости и непрерывнаго измѣненія учебная алгебра выливается въ сухое ученіе о формулахъ, гдѣ формулы постоянныхъ величинъ являются искусствомъ для искусства, гдѣ идеи обобщенія и отвлеченія блѣднѣютъ и незамѣтно скрываются въ массѣ упражненій для упражненій или въ логическихъ лабиринтахъ теоретической арифметики“ ³⁾.

Есть полная возможность, по мнѣнію г-на Полякова, удалить изъ курса средней школы статьи: о неопредѣленныхъ уравненіяхъ, о соединеніяхъ, о биномѣ Ньютона и о непрерывныхъ дробяхъ. Сокращеніе курса освободитъ, какъ думаетъ г. Поляковъ, около 20—25 уроковъ ⁴⁾.

Несомнѣнно, замѣчанія по поводу курса алгебры заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

„Относительно курса геометріи.—по мнѣнію автора статьи,—слѣдуетъ только замѣтить, что многое зависитъ отъ выбора учебниковъ: къ сожалѣнію, наиболѣе распространены учебники, гдѣ тонкостямъ логическаго построенія удѣлено больше вниманія, чѣмъ лучшему обоснованію нѣкоторыхъ методовъ геометрическаго изслѣдованія; особенно не везетъ способу предѣловъ: боязнь введенія бесконечно-малыхъ величинъ заставляетъ авторовъ учебниковъ уродовать способъ предѣловъ въ интересахъ сомнительнаго упрощенія“ ⁵⁾.

Интересно было бы знать, въ какихъ это учебникахъ тонкостямъ логическаго построенія удѣлено много вниманія (можетъ быть, въ учебникахъ гг. Малинина или Давидова?) Вообще, замѣчанія относительно курса геометріи поверхностны: не обращено вниманія на существенный пробѣлъ нынѣ дѣйствующихъ программъ—отсутствіе подготовительнаго курса геометріи.

¹⁾ См. выше, стр. 90 и 91.

²⁾ Пед. Сб. 1907 г., № 2-й, стр. 123.

³⁾ Тамъ же, стр. 124. О „логическихъ лабиринтахъ“ мы уже слѣдали указаніе раньше въ подстрочномъ замѣчаніи на предыдущей страницѣ.

⁴⁾ Пед. Сб. 1907 г., № 2, стр. 124.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 125.

О тригонометриі ничего не сказано.

Пожеланія относительно состава и распредѣленія математическаго матеріала сводятся къ слѣдующему.

Что касается преподаванія ариѳметики, авторъ дѣлаетъ между прочимъ, такія замѣчанія ¹⁾. „Строго логическаго обоснованія соответствующихъ истинъ и правилъ нельзя приводить для учащихся первыхъ двухъ классовъ средней школы, а потому здѣсь слѣдуетъ добывать эти истины и правила эмпирическимъ путемъ, сопровождаемымъ обобщающими объясненіями съ постепеннымъ переходомъ къ болѣе отвлеченнымъ доказательствамъ“. Далѣе, „полезно рѣшать задачи по вопросамъ, при чемъ къ каждому вопросу составлять формулу и уже по окончательной формулѣ рѣшать“.

Для того, чтобы освоить учащагося съ языкомъ формулъ, намъ кажется, вовсе нѣтъ надобности уже въ I классѣ составлять формулы рѣшенія задачъ; при составленіи формулъ требуется умѣнье владѣть скобками, а это мало доступно даже для учениковъ съ болѣшимъ развитіемъ (кстати замѣтимъ, что почти во всѣхъ учебникахъ алгебры статья о скобкахъ излагается слабо, и это, несомнѣнно, явленіе не случайное); наконецъ, часто рѣшеніе незамысловатой задачи выражается формулой сложной въ смыслѣ обозначеній. Мы держимся того взгляда, что при первоначальномъ обученіи ариѳметикѣ къ скобкамъ совсѣмъ не слѣдуетъ прибѣгать, что употребленіе скобокъ въ ариѳметикѣ—это остатокъ рутины, что къ скобкамъ при рѣшеніи задачъ въ ариѳметикѣ полезно обращаться, только имѣя въ виду переходъ къ алгебрѣ. Съ этой цѣлью необходимо въ свое время подбирать и подходящія задачи, а не продѣлывать вышеуказанныя упражненія надъ всѣми задачами въ продолженіе всего курса ариѳметики.

Кромѣ того, авторъ статьи, намѣчая программу курса ариѳметики, обращаетъ вниманіе на слѣдующіе вопросы ²⁾: упрощенные способы вычисленій, особенно при устныхъ задачахъ; измѣненіе результатовъ и зависимость между данными и искомыми числами въ четырехъ дѣйствіяхъ; произведеніе нѣсколькихъ сомножителей, ихъ свойства; умноженіе и дѣленіе надъ произведеніемъ; разложеніе чиселъ на простые сомножители выдѣленіемъ крупныхъ дѣлителей; вычисленія надъ десятичными числами съ данной точностью.

„Вычисленія съ данной точностью,—говоритъ авторъ,—необходимы во многихъ практическихъ вопросахъ и съ цѣлью опредѣленія погрѣшности приближенныхъ вычисленій, и съ цѣлью вычисленія съ данной точностью“.

¹⁾ Тамъ же, стр. 125 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 127.

Курсъ ариѳметики, думаетъ С. Поляковъ, въ такомъ случаѣ „можетъ быть пройденъ въ I-мъ и во II-мъ классахъ при 9 — 10 недѣльных урокахъ“.

Курсъ математики въ слѣдующихъ классахъ, начиная съ III-го по VII-й включительно (авторъ почему-то совершенно неосновательно предѣлываетъ семилѣтній составъ средней школы), распределяется до нѣкоторой степени по центрамъ, основнымъ положеніемъ которыхъ является понятіе о функціи въ связи съ понятіемъ о непрерывности и о бесконечно-малыхъ величинахъ ¹⁾.

„Реальнымъ освѣщеніемъ“ въ области алгебры и геометріи „будетъ ученіе о пропорціональности величинъ, гдѣ будутъ имѣть мѣсто элементарныя понятія о функціяхъ, о бесконечно-малыхъ величинахъ, о непрерывности измѣненій, о предѣлѣ, о несоизмѣримыхъ числахъ; конкретный матеріалъ для этого найдется въ главахъ объ измѣреніи линій, о квадратныхъ корняхъ, о несоизмѣримыхъ отношеніяхъ въ геометріи“.

„Послѣ теоріи степеней и корней и теоріи квадратныхъ уравненій послѣдуетъ второй концентръ ученія о функціяхъ и бесконечно-малыхъ величинахъ; обоснованіе основного начала способа предѣловъ и теорія логарифмовъ“.

Въ третій концентръ войдетъ теорія производныхъ функцій, теорія максіма и мініма и элементарная теорія рядовъ.

„Весьма важную роль должны имѣть составленіе и изслѣдованіе уравненій... Геометрическая теорія и задачи тѣсно влетутся въ курсъ алгебры, какъ ближайшія приложенія алгебраическаго анализа; изъ курса же тригонометріи окажутъ не малую услугу ученіямъ о функціяхъ и уравненіяхъ изученіе тригонометрическихъ функцій и рѣшеніе тригонометрическихъ уравненій. Наконецъ, курсъ математики слѣдуетъ увѣнчать теоріей прямой и кривыхъ второго порядка изъ аналитической геометріи“.

Приведа краткій перечень содержанія курса математики для III—VII классовъ при 21—22 годовыхъ урокахъ (не мало ли?), авторъ помѣщаетъ въ заключеніе, какъ онъ называетъ, „планъ-программу“ курса. Такъ какъ эта программа болѣе другихъ изъ разсмотрѣнныхъ нами можетъ дать матеріалъ для реорганизации программъ математики въ средней школѣ, то мы приведемъ ее здѣсь и, при томъ, лишь съ незначительными сокращеніями ²⁾.

1. *Основные законы четырехъ дѣйствій и отрицательныя числа* (пропедевтическій курсъ алгебры); рѣшеніе и состав-

¹⁾ Тамъ же, стр. 127 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 131 и слѣд.

вление уравнений первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ изъ арифметическихъ вопросовъ.

2. *Преобразование рациональных алгебраическихъ выражений.* Четыре дѣйствія надъ одночленами и многочленами и надъ алгебраическими дробями.

3. *Уравненія первой степени* съ однимъ и со многими неизвѣстными.

4. *Первыя геометрическія представленія и опредѣленія* (приготовительный курсъ геометріи)¹⁾.

5. *О линіяхъ и прямолинейныхъ фигурахъ* (курсъ систематическій); окружность и свойства линій въ кругѣ. (Аналитическій способъ и способъ геометрическихъ мѣсть для рѣшенія задачъ на построеніе).

6. *Линіи и плоскости въ пространствѣ*; параллелепипеды.

Примѣчаніе. Отдѣлы 4—6 слѣдуетъ, по замѣчанію автора, проходить параллельно съ 1—3 отдѣлами.

7. *Пропорціи и пропорціональныя величины.*

8. *Первоначальныя понятія о функціи и предѣль.* Функциональная зависимость; бесконечно-малыя величины; понятіе о непрерывности функцій; методъ координатъ; графика функцій. Сумма и разность бесконечно-малыхъ величинъ; произведеніе бесконечно-малой величины на конечное число; равенство предѣловъ; равенство несоизмѣримыхъ отношеній.

9. *Измѣреніе угловъ.*

¹⁾ Приводимъ программу этого курса полностью.

„Тѣло, поверхность, линія, точка, прямая и аксіомы о прямой, плоскость и плоскія фигуры, окружность и кругъ, углы, смежные углы, прямой уголъ и перпендикуляръ, параллели и четырехугольники, разсмотрѣніе моделей шара, цилиндра, конуса, куба, призмы, пирамиды: черченіе при помощи линейки, треугольника и циркуля прямоугольниковъ, вписанныхъ и описанныхъ правильныхъ четырехугольниковъ, шестиугольниковъ и треугольниковъ. Численные задачи на прямую. Съемка (и черченіе) несложныхъ фигуръ перпендикулярами“.

„Число перпендикуляровъ, возставленныхъ изъ одной точки къ прямой; равенство прямыхъ угловъ и слѣдствія отсюда о смежныхъ, послѣдовательныхъ и вертикальныхъ углахъ; дѣленіе прямого угла на градусы, минуты и секунды; численные примѣры на опредѣленіе однихъ угловъ въ зависимости отъ другихъ. Равенство дугъ и центральныхъ угловъ; транспортирь и астролябія; съемка (и черченіе) несложныхъ фигуръ обходомъ“.

10. *Подобіе фігуръ и пропорціональныя лінії* въ треугольни́кѣ и въ кругѣ (способъ подобія для рѣшенія геометрическихъ задачъ). Задачи, относящіяся къ правильнымъ многоугольникамъ. Параллельное сѣченіе пирамиды.

11. *Измѣреніе площадей*. Боковыя поверхности призмъ и пирамидъ. Практическія работы по вычисленію и дѣленію площадей.

12. *Измѣреніе объемовъ*. Объемъ параллелепипедовъ, призмъ, пирамидъ; отношеніе объемовъ. Вычисленіе объемовъ по вѣсу и обратно.

13. *Извлеченіе квадратныхъ корней*.

14. *Квадратныя уравненія*. Нѣкоторыя уравненія высшихъ степеней. Задачи на пропорціональныя лінії.

15. *Ирраціональныя выраженія* и ихъ преобразованія. Степени и корни.

Примѣчаніе. Отдѣлы 12 - 15, по указанію автора, слѣдуетъ проходить параллельно съ 8—11 отдѣлами. Здѣсь, должно быть, опечатка: вѣроятно, отдѣлы 13—15 проходятся параллельно 9—12.

16. *Вычисленія съ даннымъ приближеніемъ* суммы, разности, произведенія и частнаго; величина погрѣшности этихъ вычисленій. Задачи на вычисленіе площадей и объемовъ.

17. *Методъ предѣловъ и его приложенія въ геометріи*. Предѣлы суммы, произведенія, дроби, степени, корня, алгебраической функціи. Классификація функцій; непрерывныя функціи и ихъ предѣлы. Данна окружности, площадь круга, поверхности и объемы круглыхъ тѣлъ.

18. *Логарифмы*. Задачи на вычисленіе поверхностей и объемовъ круглыхъ тѣлъ.

19. *Тригонометрическія функціи, ихъ измѣненія, зависимость между ними*. Простѣйшія тригонометрическія уравненія.

20. *Зависимость между сторонами и углами треугольника*: рѣшеніе треугольниковъ.

21. *Алгебраическій методъ рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе*.

22. *Прямая лінія и ея уравненіе* при прямоугольныхъ координатахъ.

23. *Изслѣдованіе кривыхъ второго порядка*. Уравненіе кривыхъ второго порядка; его преобразованіе.

24. *Дифференціальное счисленіе*. Производная и дифференціалъ; дифференцированіе суммы, произведенія, частнаго, функціи

отъ функцій, тригонометрическихъ функцій; прогрессіи и сходимость рядовъ; строки Маклорена и Тейлора; биномъ Ньютона; дифференцирование степени, корня, показательной функцій и логарифма; разложеніе функцій въ ряды; maximum и minimum функцій. Касательныя и нормальныя.

25. *Определенные интегралы* и ихъ приложеніе къ вычисленію площадей и объемовъ, а также къ вопросамъ механики.

Замѣтимъ, что въ программѣ нѣтъ упоминанія ни относительно обобщенныхъ степеней, ни относительно изслѣдованія уравненій; а также обращено мало вниманія на теорію уравненій.

Постараемся быть краткими, подвергая разбору эту программу, такъ какъ обоснованіе нашихъ взглядовъ читатели могутъ найти въ предыдущихъ главахъ.

1) Пропедевтическій курсъ алгебры въ томъ видѣ, въ какомъ предлагается авторомъ, т. е. упражненія надъ „формулами въ видѣ уравненій“ въ связи съ дѣйствіями надъ отрицательными числами, мы считаемъ мало состоятельнымъ. Въ пропедевтическомъ курсѣ нужно сосредоточить главное вниманіе на выработку понятія объ общемъ числѣ, общей задачѣ, формулѣ; однимъ словомъ, мы болѣе сочувствуемъ тому, что предложено „Проектомъ программы для производства опыта“ въ нѣкоторыхъ кадетскихъ корпусахъ съ начала 1903—1904 уч. г. ¹⁾

2) Нужно признать не отвѣчающей интересамъ дѣла постановку приговорительнаго курса геометріи. Находя содержаніе курса мало соответствующимъ своему назначенію, мы считаемъ крайне нераціональнымъ приговорительный курсъ геометріи во всемъ объемѣ помѣщать непосредственно передъ систематическимъ курсомъ. Мы уже указали раньше на необходимость начинать этотъ курсъ еще въ приговорительномъ классѣ и продолжать въ слѣдующихъ ²⁾, т. е. располагать по центрамъ.

3) Мы считаемъ очень полезнымъ, если систематическій курсъ геометріи нѣсколько предваряется курсомъ алгебры, что не отмѣчается предлагаемой программой.

¹⁾ Заслуживаетъ также вниманія, какъ этотъ курсъ излагается въ первой половинѣ „Методики приговорительнаго курса алгебры“ В. Евтушевскаго и А. Глазырина (С.-Пб. 1876 г.)—руководства, не встрѣтившаго въ свое время сочувствія педагоговъ.

²⁾ См. выше, стр. 64—65 и 61—62, а также см. ниже, стр. 137—139, программу этого курса въ проектѣ учебнаго плана по матем. Киевск. Физ.-Мат. Общ.

4) Въ геометріи не обращено вовсе вниманія на симметрію, а также перемѣщеніе фигуръ въ плоскости—вопросы, которые получили право гражданства въ элементарной геометріи и оживляютъ этотъ предметъ.

5) Если располагать геометрической матеріалъ по методамъ доказательствъ, какъ это сдѣлано въ приведенномъ „планѣ-программѣ“, то въ такомъ случаѣ требуется программа болѣе детальная, а можетъ быть, даже учебникъ (такого мнѣнія придерживалась и комиссія на второмъ съѣздѣ директоровъ коммерческихъ училищъ ¹⁾).

6) Съ графикой функцій нужно знакомить не за одинъ разъ (см. п. 8 „плана-программы“), а постепенно въ продолженіе курса.

7) Авторъ статьи совершенно упускаетъ изъ вида важное значеніе рациональной подготовки для поступающихъ въ I классъ ²⁾; ничего не упоминается о пропедевтическомъ курсѣ дробей.

8) Вѣроятно, исходя изъ односторонняго взгляда на повтореніе пройденнаго и имѣя въ виду идеальную, а не реальную постановку преподаванія математики, авторъ не останавливается вовсе на повторительныхъ курсахъ ³⁾.

9) Мы увѣрены, что при семилѣтнемъ курсѣ и выше указанномъ числѣ уроковъ вовсе не хватитъ времени для прохожденія дифференціального исчисленія и аналитической геометріи въ намѣченномъ объемѣ.

10) Наконецъ, мы должны привѣтствовать введеніе въ курсъ средней школы основъ такъ называемой высшей математики, а также надлежащее отношеніе къ вопросу о приближенныхъ вычисленіяхъ, имѣющихъ большое значеніе и въ практическомъ и въ образовательномъ смыслѣ ⁴⁾.

Мы отмѣтили въ предлагаемой программѣ значительные пробѣлы, но несомнѣнно, что авторъ статьи добросовѣстно ознакомился съ тѣми требованіями, какія выдвигаются современной школой на Западѣ и какія начинаютъ мало-по-малу проникать въ сознаніе педагоговъ у насъ въ Россіи. Онъ создалъ программу, хотя еще и не пригодную для немедленнаго проведенія въ жизнь, но по своему духу болѣе отвѣчающую запросамъ

¹⁾ См. выше, стр. 75, 76.

²⁾ Объ этомъ см. выше, стр. 52, а также ниже, стр. 136,—„Требованія при поступленіи въ приготовит. классъ“ въ проектѣ учебн. плана К. Ф.-М. О.

³⁾ Нашъ взглядъ на это см. выше, стр. 57 и 20.

⁴⁾ Интересующихся вопросомъ о приближенныхъ вычисленіяхъ отсылаемъ къ оригинальной и интересной работѣ П. А. Долгушина „Вычисленія по приближенію“. Кіевъ. 1908.

современности, чѣмъ другія программы, разсмотрѣнныя нами раньше. Нельзя не сказать, что болѣе убѣдительною статья въ защиту введенія элементовъ высшей математики въ курсъ средней школы и при томъ статья, доступной для широкой публики, мы не встрѣчали въ русской литературѣ. Намъ кажется, что основательная аргументація и горячая искренность тона этой статьи произведутъ неотразимое впечатлѣнїе даже на предубѣжденнаго читателя. а поэтому можно только пожелать ей болѣе широкаго распространенія.

XI.

Проекты реформы средней школы, выработанные въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія послѣ П. С. Ванновскаго.

Проекты реформы средней школы при министрахъ Г. Э. Зенгерѣ и В. Г. Глазовѣ.

Дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія по реформѣ средней школы не остановилась на проектахъ, разработанныхъ при министрѣ П. С. Ванновскомъ, а продолжалась и при послѣдующихъ министрахъ.

При министрѣ Г. Э. Зенгерѣ (1902--1904 г.) Ученый Комитетъ въ подготовительныхъ работахъ по преобразованію средней школы долженъ былъ исходить изъ слѣдующихъ основныхъ положеній, которыя напередъ были ему предугаданы ¹⁾.

„1) Гимназіи сохраняютъ восьмиклассный составъ; въ нихъ преподаются оба древніе языка, но обученіе греческому языку въ большей части ихъ необязательно. Усвоеніе гимназическаго курса открываетъ доступъ къ высшему университетскому образованію.“

„2) За реальными училищами, коихъ учебный планъ подлежитъ тоже пересмотру, сохраняется составъ шести основныхъ классовъ и седьмого дополнительнаго. Окончаніе курса сего послѣдняго открываетъ доступъ въ высшія техническія заведенія“.

„3) Помимо гимназій и реальныхъ училищъ, должны быть организованы среднія учебныя заведенія съ законченнымъ образовательнымъ курсомъ

¹⁾ С. Л. Степановъ. Обзорніе проектовъ реформы средней школы въ Россіи. Ж. М. Нар. Пр. 1907 г.; № 2, стр. 106.

при шестиклассномъ составѣ. Окончаніе курса этихъ учебныхъ заведеній даетъ право на службу въ губерніи“, т. е. какъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ учрежденіяхъ земскаго и городского самоуправленія и въ разнаго рода частныхъ предпріятіяхъ.

Вмѣсто пригготовительныхъ классовъ Ученый Комитетъ проектировалъ открывать, гдѣ это будетъ нужно, подготовительныя школы.

При выработкѣ устава гимназій, прогимназій и подготовительныхъ школъ въ основу положенъ былъ Ученымъ Комитетомъ проектъ устава, выработанный комиссіей К. П. Яновскаго, параллельно съ дѣйствующимъ уставомъ и проектомъ „Положенія“ комиссіи П. С. Ванновскаго.

По проекту „Устава гимназій, прогимназій и подготовительныхъ школъ“, составленному Ученымъ Комитетомъ, въ подготовительныхъ школахъ учащіеся проходятъ курсъ начальнаго училища и двухъ первыхъ классовъ гимназіи.

Отмѣтимъ, что на математику и космографію въ гимназіяхъ отводится 29 уроковъ, на физику—10; естествовѣдѣніе вводится только въ курсъ гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ (при 9 урокахъ). Предоставляется министру отступить отъ установленной таблицы часовъ по предметамъ, но только „съ цѣлью усиленія занятій древними языками“¹⁾.

Въ шестиклассной средней общеобразовательной школѣ, которая должна быть вполне законченнымъ самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ, между прочимъ, на ариметику отводится 10 уроковъ, алгебру—8, геометрію съ тригонометріей—7, на физику—7, естествовѣдѣніе съ химіей и гигиеной—13

Къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній о томъ, были ли разработаны программы по предметамъ соответственно каждому изъ типовъ школы.

Со вступленіемъ въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія генераль-лейтенанта В. Г. Глазова (1904—1905 г.), выработанный проектъ „Устава гимназій и пр.“ былъ отложенъ въ сторону, какъ и всѣ предыдущіе проекты, и приступлено было къ составленію новаго законопроекта о средней школѣ. „Эта работа была поручена комиссіи изъ пяти лицъ подъ предѣлательствомъ директора департамента народнаго просвѣщенія А. А. Тихомирова. Результатомъ ея трудовъ были Положенія о подготовительныхъ школахъ и гимназіяхъ. Согласно этому проекту, отъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, прежде всего, отдѣляются два младшихъ класса, которые вмѣстѣ съ трехгодичнымъ начальнымъ училищемъ образуютъ пятиклассную подготовительную школу... Программы подготовительной школы только въ одномъ отличаются отъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 109.

программъ двухклассныхъ начальныхъ училищъ, именно—введеніемъ въ курсъ ея новыхъ языковъ, которые, впрочемъ, факультативно могутъ быть введены и въ низшую школу¹⁾.

Что касается устава гимназій, то „составители проекта задались цѣлью дать такое построеніе курса средней школы, «чтобы была возможность выбора между различными сочетаніями учебныхъ предметовъ, т. е.—чтобы существовало нѣсколько равноцѣнныхъ общеобразовательныхъ учебныхъ плановъ». Таковыхъ указано въ проектѣ Положенія о мужскихъ гимназіяхъ—три: классическій, классическо-реальный и реальный,—всѣ рассчитаны на 6 лѣтъ обученія²⁾. Математикѣ предоставлено въ первомъ случаѣ 20 уроковъ, во второмъ—22 и въ третьемъ—24, на естествовѣдѣніе и физику отведено соответственно 12, 14 и 20 уроковъ. „Кромѣ того, ученики двухъ высшихъ классовъ изучаютъ специально нѣкоторые изъ учебныхъ предметовъ, по своему желанію и наклонностямъ и съ одобренія педагогическаго совѣта, подъ ближайшимъ руководствомъ и наблюденіемъ преподавателей соответственныхъ предметовъ. На спеціальныя занятія въ V и VI классахъ отводится по 4 урока въ недѣлю³⁾. О разработкѣ плановъ и программъ преподаванія предметовъ никакихъ свѣдѣній въ печати не имѣется.

Программа математики въ реальныхъ училищахъ 1906 г.

Наконецъ, уже при министрѣ народнаго просвѣщенія П. М. фонъ-Кауфманѣ (1906—1907 г.) дѣятельность по реформѣ преподаванія математики выразилась въ измѣненіи учебныхъ плановъ и программъ по этому предмету для реальныхъ училищъ⁴⁾.

Эти измѣненія, главнымъ образомъ, заключаются, какъ указано въ циркулярномъ предложеніи министра народнаго просвѣщенія, въ слѣдующемъ⁵⁾.

1) „Уничтожается въ дополнительномъ классѣ преподаваніе приложенія алгебры къ геометріи, при чемъ построеніе простѣйшихъ формулъ и корней квадратнаго уравненія, выясненіе начала однородности

¹⁾ Тамъ же, стр. 118, 119

²⁾ Тамъ же, стр. 120, 121.

³⁾ Тамъ же, стр. 121.

⁴⁾ Программа эта введена въ дѣйствіе съ 1907—08 уч. г. Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 9; Правит. распор., стр. 36 и слѣд.; Цирк. по Кіевск. Учебн. Окр. 1907 г., № 1, стр. 16 и слѣд.

⁵⁾ Циркуляръ М. Н. Пр. отъ 30-го іюня 1906 г., № 12414. Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 9.

и рѣшеніе типическихъ задачъ второй степени относится къ курсу геометріи V класса“.

2) „Тригонометрія раздѣляется на двѣ части: первая часть, относящаяся къ рѣшенію треугольниковъ, проходитъ въ VI классѣ, а вторая, обнимающая теорію тригонометрическихъ функцій, изучается въ дополнительномъ классѣ“.

3) „Въ дополнительномъ классѣ сообщаются свѣдѣнія изъ аналитической геометріи и основанія анализа бесконечно-малыхъ“.

4) „Исключается: извлеченіе квадратныхъ корней изъ многочленовъ и кубическихъ корней изъ чиселъ и многочленовъ, учетъ векселей и цѣпное правило, задача о курьерахъ, равенство трехъ угловъ, условія равенства и подобія призмъ и пирамидъ“.

5) „Иначе распредѣляется учебный планъ перенесеніемъ изученія нѣкоторыхъ статей въ послѣдующіе классы, каковое усматривается изъ программъ“.

„Преподаваніе проекціоннаго черченія въ дополнительномъ классѣ уничтожается, при чемъ на счетъ сего уничтоженія увеличивается число уроковъ математики въ этомъ классѣ на два“ (для ознакомленія съ началами аналитической геометріи и съ основами анализа бесконечно-малыхъ).

„Уроки черченія, по нынѣ дѣйствующимъ учебнымъ планамъ, присоединялись къ урокамъ математики.. Назначенное число уроковъ по математикѣ достаточно для основательнаго прохожденія, и 4 урока черченія — одинъ въ IV классѣ, одинъ въ V-мъ и два въ VI-мъ — отдаются на усиленіе преподаванія иныхъ предметовъ, въ томъ числѣ и математики, давая сей послѣдней въ V классѣ 6 уроковъ вмѣсто 5.—Учебный планъ черченія въ III классѣ остается безъ измѣненія“.

По поводу новой программы математики можно замѣтить слѣдующее.

1) Упрощенія и исключенія, предлагаемая этой программой, вполне естественны. Нужно имѣть въ виду, что тѣ указанія, которыя были сдѣланы подкомиссіей Н. И. Билибина по поводу измѣненія программъ математики, даже со всѣми недостатками ¹⁾, перенесены и въ программы реальныхъ училищъ 1906 г. ²⁾, а потому мы не будемъ повторять всего, что было сказано нами по этому поводу въ своемъ мѣстѣ ³⁾.

¹⁾ Напр., не указаны требованія отъ поступающихъ въ I классъ, отсутствуетъ пропедевтический курсъ ариметики и подготовительный курсъ геометріи, не упоминается о приближенныхъ вычисленіяхъ.

²⁾ Отмѣтимъ, что въ курсѣ III класса безъ всякой надобности введено ученіе о пропорціяхъ (чего нѣтъ въ программѣ Н. И. Билибина). Находимъ и

2) Намъ кажется, что сохраненіе статьи „приложеніе алгебры къ геометріи“ въ курсѣ дополнительнаго класса въ видѣ повторительнаго отдѣла, въ которомъ приводилось бы въ систему то, съ чѣмъ познакомились ученики во время прохожденія геометріи,—было бы полезнымъ и не требовало бы много времени.

3) Вообще, къ недостаткамъ программы нужно отнести отсутствіе повторительныхъ курсовъ съ цѣлью обобщеній и дополненій.

4) Съ раздѣленіемъ тригонометріи на два курса можно примириться только въ виду того соображенія, что не всѣ ученики VI класса поступаютъ въ VII-й дополнительный классъ, а слѣдовательно, хорошо, если оставляющіе училище познакомятся хотя съ первымъ концентромъ этого предмета.

5) Уничтожая проекціонное черченіе, какъ отдѣльный курсъ, нужно было сдѣлать соотвѣтствующее дополненіе въ программѣ по геометріи: да и, вообще, можно пожалѣть, что уничтожено нѣсколько уроковъ (3) черченія, которые могли служить для математики хорошимъ подспорьемъ.

6) Введеніе въ курсъ дополнительнаго класса основаній аналитической геометріи и основаній анализа бесконечно-малыхъ мы должны привѣтствовать, какъ первое завоеваніе въ этомъ направленіи, хотя постановку самого дѣла мы считаемъ далеко несовершенной: идеи и принципы, которые должны, такъ сказать, проникать весь курсъ математики въ средней школѣ, по-прежнему искусственно устраниаются изъ курса первыхъ шести классовъ. Мы имѣемъ въ виду идеи функциональной зависимости и непрерывности, въ связи съ понятіемъ о координатахъ; къ нимъ нужно пріучать по возможности раньше, дѣлая это съ крайней осторожностью и постепенностью; тогда только въ дополнительномъ классѣ не придется переучивать, только при такихъ условіяхъ курсъ VII класса не представитъ, и въ смыслѣ содержанія и въ смыслѣ объема, тѣхъ затрудненій, которыя являются въ настоящее время. Однимъ словомъ, программы вновь введенныхъ въ курсъ VII класса отдѣловъ математики мало имѣютъ органической связи съ программами курса первыхъ шести классовъ: эти отдѣлы какъ бы искусственно присоединены къ остальному курсу математики. Необходимо перестроить и программу первыхъ шести классовъ такъ, чтобы она болѣе отвѣчала взглядамъ, какіе уже устанавливаются на характеръ преподаванія такъ называемой элементарной математики; основы же аналитической геометріи и анализа

нѣкоторыя незначительныя исправленія программы, выработанной въ подкомиссіи Н. И. Билибина: статья о радикалахъ помѣщена въ программѣ 1906 г. на своемъ мѣстѣ.

²⁾ См. выше, стр. 52, 53.

безконечно-малыхъ величинъ можно было бы покаместъ, въ силу новизны дѣла, нѣсколько упростить.

• Хотя вопросъ о реформѣ общеобразовательной средней школы въ настоящее время находится почти въ томъ же состояніи, какъ и девять лѣтъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе, съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія можно сказать, что труды и работы по улучшенію программъ математики не пропали даромъ, если программа 1906 г., (обладающая, впрочемъ, значительными недочетами) уже введена въ реальныя училища.

ХІІ.

Общє выводы.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сдѣлать главнѣйшіе общє выводы изъ всего нашего обзора.

1. Преподавая въ средней общеобразовательной школѣ математику, необходимо поставить цѣлью познакомить съ нею: а) какъ съ наукой, какъ съ научной системой, вносящей стройность и порядокъ въ наше міро-созерцаніе; б) какъ съ могучимъ методомъ, дающимъ возможность изучать явленія окружающей насъ дѣйствительности и в) наконецъ, какъ съ цѣннымъ орудіемъ для развитія всѣхъ сторонъ духа и въ особенности мыслительныхъ способностей ученика.

2. Намѣченныя цѣли могутъ быть достигнуты только въ томъ случаѣ, когда въ курсѣ средней школы будутъ введены основы такъ называемой высшей математики. При этомъ необходимо, чтобы вновь вводимые отдѣлы имѣли органическую связь со всѣмъ курсомъ математики средней школы, для чего нужно перестроить курсъ элементарной математики такъ, чтобы идея функціональной зависимости въ связи съ ученіемъ о бесконечно-малыхъ и съ понятіемъ о координатахъ проникала бы весь курсъ математики въ средней школѣ.

3. Чтобы представилась возможность оживить указаннымъ образомъ курсъ средней школы безъ обремененія ея, необходимо сократить и упростить учебный матеріалъ нынѣ дѣйствующихъ программъ. Это слѣдуетъ сдѣлать не только съ цѣлью изыскать время для ознакомленія съ болѣе существенными вопросами, но и для того, чтобы освободить курсъ отъ всего, что не является особенно необходимымъ и что не заключаетъ въ себѣ общеобра-

звательнаго элемента. Съ этой цѣлью изъ курса нужно опустить тѣ статьи, которыя отмѣчены нами при обзорѣ программъ ¹⁾).

4. Для упрощенія элементарнаго курса распределение геометрическаго матеріала по методамъ доказательствъ, какъ предлагала комиссія по математикѣ на съѣздѣ директоровъ коммерческихъ училищъ (въ юнѣ 1901 г. и въ январѣ 1902 г.), а также примѣненіе съ этой цѣлью высшаго анализа при опредѣленіи поверхностей и объемовъ въ элементарной геометріи, какъ предлагаетъ Дм. Ройтманъ (слѣдуя указаніямъ Евг. Дюринга), мы считаемъ преждевременнымъ. Быть можетъ, это дастъ прекрасные результаты, но нельзя признать общеобязательнымъ то, что не вышло изъ области предположеній и опытовъ.

5. Нельзя низводить математику на степень болѣе или менѣе интересной эквилибристики ума, выдвигая на первый планъ задачи, равно какъ ошибочно приписывать задачамъ только служебное значеніе; и теорія и задачи, гармонически сочетаясь, должны способствовать достиженію общаго математическаго развитія.

6. Слѣдуетъ признать желательнымъ и возможнымъ для лучшаго достиженія цѣлей средняго образованія распределить обученіе математикѣ въ средней школѣ по цикламъ. При этомъ первый циклъ можетъ обнимать приблизительно курсъ первыхъ трехъ классовъ теперешней средней школы; что же касается выдѣленія другого цикла, то этотъ вопросъ для насъ остается пока открытымъ: мы не можемъ считать его удовлетворительно рѣшеннымъ ни въ школѣ новаго типа П. Г. Виноградова, ни въ нынѣшнихъ норвежскихъ или французскихъ школахъ.

7. Въ виду нѣкоторой законченности курса первыхъ трехъ классовъ, а также въ виду другихъ соображеній, высказанныхъ нами въ настоящемъ „Обзорѣ“, необходимо ввести преподаваніе приготовительнаго курса геометріи и, при томъ, начиная съ курса подготовительной школы, какъ дѣлаютъ это въ Западной Европѣ и въ Америкѣ.

¹⁾ А р и м е т и к а Церковно-славянская нумерация. Пропорціи. Правило учета векселей и цѣнное.

А л г е б р а. Извлеченіе квадратнаго корня изъ многочленовъ. Извлеченіе кубическаго корня изъ чиселъ. Непрерывныя дроби. Рѣшеніе системы линейныхъ уравненій по способу Безу. Въ случаѣ крайней необходимости—теорія соединеній и биномъ Ньютона.

Г е о м е т р і я. Условія равенства трехгранныхъ угловъ, равенства и подобія призмъ и пирамидъ. Отношенія поверхностей и объемовъ подобныхъ цилиндровъ и конусовъ. Нѣкоторыя отдѣльныя теоремы.

8. Желательно, чтобы сознательный устный счет пользовался серьезным вниманием не только программ и объяснительных къ нимъ записокъ, но и преподавателей средней школы. Въ продолженіе всего курса математики не слѣдуетъ забывать, что этотъ вопросъ имѣетъ, помимо практическаго, и образовательное значеніе.

9. Вычисленія по приближенію игнорируются въ настоящее время и программами и практикой средней школы, а между тѣмъ опредѣленіе степени погрѣшности при вычисленіяхъ и вообще вычисленія по приближенію имѣютъ жизненное значеніе, — имъ должно быть отведено надлежащее мѣсто въ средней школѣ.

10. Первоначальная подготовка поступающихъ въ среднюю школу должна быть предметомъ особаго вниманія. Отсутствіемъ нормальной первоначальной подготовки объясняются многіе недостатки средняго математическаго образованія.

11. При выработкѣ новыхъ программъ слѣдуетъ обратить вниманіе на согласованіе курса различныхъ отдѣловъ математики между собою и съ курсами другихъ предметовъ (физики, космографии и др.)

12. Имѣя въ виду, при преподаваніи математики, болѣе успѣшное достиженіе намѣченной цѣли, нужно признать крайне желательнымъ время отъ времени подводить итоги сообщеннымъ знаніямъ; особенно это важно въ выпускномъ классѣ, гдѣ должны быть повторительные курсы съ необходимыми дополненіями и обобщеніями.

Но можно создать прекрасныя программы, и все-таки онѣ останутся сами по себѣ, а преподаваніе будетъ итти само по себѣ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служить, какъ было указано нами, отношеніе къ нимѣ дѣйствующимъ программамъ и планамъ по математикѣ. Говорили раньше, что присылка темъ изъ учебнаго округа извратила нормальный характеръ преподаванія математики. Но присылка эта уже отмѣнена, а характеръ преподаванія остался прежній, ничуть не измѣнился къ лучшему. Интересно отмѣтить, что и по настоящее время рѣшаются въ VIII классѣ гимназій тѣ типы задачъ, противъ которыхъ такъ возражали раньше. Косность, традиціи, рутинна имѣютъ и въ дѣлѣ преподаванія неотразимое значеніе: трудно отказаться отъ того, что усвоено въ дни дѣтства и юности, трудно перемѣнить тотъ путь, по которому привыкли итти. А отсюда ясенъ выводъ: хотя программы съ объяснительными записками имѣютъ вліяніе на улучшеніе преподаванія математики, но ихъ вліяніе сказывается медленно: первенствующее значеніе имѣетъ личность преподавателя, его научная

и педагогическая подготовка, — однимъ словомъ, методы преподаванія. Слѣдовательно:

13. Прежде чѣмъ начинать какую бы то ни было реформу школы, нужно организовать дѣло надлежащей подготовки преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Необходимо поставить на первую очередь этотъ вопросъ особой важности, — тѣмъ болѣе, что выполнить это легче, чѣмъ что-либо другое, да и матеріальныхъ затратъ для этого потребуется немного. Кромѣ того, большимъ подспорьемъ въ борьбѣ съ традиціями, хорошимъ средствомъ для оживленія педагогическаго дѣла могли бы служить періодическіе съѣзды преподавателей даннаго предмета.

14. Наконецъ, вельзя умолчать также о томъ, что сила рутины распространяется и на высшую школу; а вѣдь, надо помнить, что она ведетъ за собою среднюю школу. Нельзя ставить въ вину средней школѣ, что ея абитуриентъ не получаетъ соотвѣтствующаго математическаго образованія, не знаетъ, зачѣмъ онъ изучалъ въ школѣ математику, если нерѣдко окончившій математическій факультетъ не знаетъ цѣны тѣмъ сокровищамъ, которыя онъ могъ приобрѣсть; если на математическомъ факультетѣ по традиціи, по рутинѣ нѣтъ обыкновенно того, что объединяло бы разныя области математическаго вѣдѣнія, вносило бы въ нихъ свѣтъ, душу живую, — однимъ словомъ, ставило бы математическій факультетъ высоко въ ряду общеобразовательныхъ факультетовъ университета, а именно, нѣтъ кафедръ философіи и исторіи математики — кафедры первостепенной важности¹⁾.

При выполненіи двухъ послѣднихъ условій намъ пришлось бы значительно меньше толковать о программахъ преподаванія, о типахъ школы и т. п.; мы скоро бы подняли преподаваніе математики на должную высоту, и стало бы яснымъ для всѣхъ, какимъ могучимъ рычагомъ является математика для общаго подъема культуры.

¹⁾ Мы полагаемъ, что мнѣніе о необходимости въ университетѣ кафедры такъ называемой элементарной математики является общепризнаннымъ.

Уходъ за новорожденными и грудными дѣтьми и болѣзни ихъ.

Курсъ лекцій, читан. слушат. повив. школы при Кіев. факульт. акуш. клин. на званіе акушерки перваго разряда по прогр. Мин. Нар. Просв.

Измѣненія въ организмѣ и въ кровообращеніи, происходящія у новорожденнаго при рожденіи его на свѣтъ. Появленіе дыханія. Первый крикъ ребенка.

Человѣческой организмъ для существованія постоянно нуждается въ питательномъ матерьялѣ въ видѣ бѣлковъ, жировъ, углеводовъ и т. п. Вещества эти, химически измѣненныя въ пищеваарительномъ каналѣ, поступаютъ затѣмъ въ кровь и ею разносятся во всѣ ткани тѣла. Въ тканяхъ подъ вліяніемъ кислорода крови эти питательныя вещества окисляются—сгораютъ, въ результатъ чего получается та многообразная и сложная работа, которой отличается человѣческой организмъ. Въ замѣнъ же необходимыхъ для питанія тканей веществъ въ кровь поступаютъ вещества, отработанныя тканями и ненужныя для нихъ.

Эти процессы питанія и жизнедѣятельности тканей можно уподобить горѣнію.

Горѣніе, какъ извѣстно, заключается въ поглощеніи кислорода изъ топлива и выдѣленіи углекислоты. Если кислорода недостаетъ—пламя потухаетъ. То же можно сказать и о человѣческомъ тѣлѣ, если ему не хватаетъ матерьяла для окисленія тканей—кислорода—жизнь прекращается въ немъ.

Доставляется тканямъ кислородъ при помощи крови. Въ кровь онъ попадаетъ черезъ легкія изъ воздуха при каждомъ вздохѣ. Кровь разноситъ его по всѣмъ частямъ тѣла и передаетъ тканямъ, въ которыхъ и происходятъ процессы окисленія.

Пока младенецъ находится въ утробѣ матери это поглощеніе кислорода и выдѣленіе углекислоты въ его организмѣ производится материнской кровью при помощи дѣтскаго мѣста. Легкія плода въ

этомъ процессѣ не участвуютъ. Въ это время они находятся еще въ спавшемся состояніи.

Но какъ только ребенокъ родится первымъ его движеніемъ является вздохъ, т. к. кислорода, получаемого имъ изъ материнской крови теперь уже для него не достаточно. Накопляющаяся же въ крови углекислота раздражаетъ дыхательный центръ.

Эта разница въ способахъ поглощенія кислорода изъ воздуха влечетъ за собою и измѣненіе кровообращенія у новорожденного младенца.

Чтобы легче себѣ представить это измѣненіе вспомнимъ, какъ совершается кровообращеніе у человѣка во время виѣтробной жизни.

Главнымъ органомъ, распредѣляющимъ кровь по всему тѣлу человѣка, является сердце. Сердце представляетъ изъ себя какъ бы мѣшокъ, въ стѣнкахъ котораго заложены въ значительномъ количествѣ мышечныя волокна, благодаря которымъ оно периодически расширяется и сжимается, разгоняя при этомъ, подобно насосу, кровь по всему тѣлу. Сердце состоитъ изъ двухъ половинъ—правой и лѣвой, раздѣленныхъ другъ отъ друга сплошной перегородкой. Каждая изъ половинъ въ свою очередь раздѣляется на два отдѣла: верхній, называемый предсердіемъ и нижній—желудочкомъ. Изъ предсердій въ желудочки ведутъ отверстія, закрываемыя клапанами. Клапаны не даютъ возможности вливающейся въ желудочки изъ предсердій крови переходить обратно (въ предсердія). Изъ лѣваго желудочка выходитъ самый большой въ тѣлѣ кровеносный сосудъ—аорта, черезъ которую сердце, при каждомъ своемъ сокращеніи, разгоняетъ кровь по всему тѣлу. Отъ аорты отходятъ болѣе мелкіе кровеносные сосуды, называемые артеріями, по которымъ пробѣгаетъ кровь, насыщенная кислородомъ. Распадаясь постепенно на все болѣе и болѣе мелкія вѣтви, артеріи переходятъ, наконецъ, въ густую сѣть тончайшихъ трубочекъ, волосныхъ сосудовъ, или, какъ ихъ называютъ, капилляровъ. Въ этихъ то капиллярахъ и происходитъ обмѣнъ газовъ между кровью и тканями организма. Кровь поглощаетъ изъ тканей ненужныя для нихъ углекислоту и воду, отдавая нужный имъ для работы кислородъ. Теперь кровь, насыщенная углекислотою и называемая венозною, черезъ сѣть капилляровъ переходитъ въ вены, которыя направляются къ сердцу. Сливаясь постепенно вены образуютъ, наконецъ, два большихъ ствола—верхнюю и нижнюю полныя вены.

впадающія въ правое предсердіе. Изъ праваго предсердія кровь идетъ въ правый желудочекъ, а изъ желудочка идетъ большая легочная артерія, развѣтвляющаяся исключительно въ легкихъ. Въ легкихъ снова происходитъ обмѣнъ газовъ между венозною кровью и воздухомъ, наполняющимъ легкія, т. е. отдача кровью углекислоты и поглощеніе ею кислорода. Очищенная, такимъ образомъ, отъ углекислоты кровь по легочнымъ венамъ переходитъ въ лѣвое предсердіе, изъ него въ лѣвый желудочекъ, а изъ послѣдняго снова въ аорту. Такимъ образомъ, кровь изъ лѣваго желудочка разносится по всему тѣлу и возвращается въ правое предсердіе—этотъ путь называется большимъ кругомъ кровообращенія. Изъ праваго же желудочка кровь поступаетъ исключительно въ легкія и возвращается въ лѣвое предсердіе—это малый кругъ кровообращенія.

Нигдѣ при этомъ, какъ видимъ мы, артеріальная кровь не смѣшивается съ венозною.

Посмотримъ теперь, какъ происходитъ кровообращеніе въ организмѣ утробнаго плода.

Развѣтвившись на множество артерій, аорта распадается, наконецъ, на двѣ подвздошныя артеріи, назначенныя для питанія нижней половины тѣла. Во время утробной жизни отъ этихъ подвздошныхъ артерій отходятъ двѣ пупочныя артеріи, которыя черезъ пуповину направляются къ дѣтскому мѣсту. Въ дѣтскомъ мѣстѣ и происходитъ обмѣнъ газовъ между кровью матери и кровью плода, подобный легочному газообмѣну внѣутробнаго организма. Въ послѣдѣ кровь утробнаго плода поглощаетъ изъ материнской крови кислородъ и отдаетъ ей углекислоту и воду. Насыщенная, такимъ образомъ, кислородомъ, или артеріальная кровь течетъ отъ послѣда по пупочной венѣ къ плоду.

Этотъ кровеносный сосудъ, не смотря на то, что несетъ артеріальную кровь, называется веной. Онъ, такимъ образомъ, уподобляется легочнымъ венамъ внѣутробнаго организма, несущимъ тоже артеріальную кровь изъ легкихъ въ лѣвое предсердіе.

Пупочная вена, пройдя въ пупочномъ канатикѣ черезъ пупочное кольцо въ полость живота, раздѣляется на двѣ вѣтви: одна изъ нихъ направляется къ печени и соединяется съ *Воротной веной* (*Vena porta*), несущей къ печени венозную кровь изъ желудка, кишекъ и поджелудочной железы, а другая, носящая названіе *Аранциево протока* (*Ductus venosus Arantii*) соединяетъ пупочную вену

съ нижней полой веной, отчего происходитъ смѣшеніе артеріальной крови плода съ венозною.

Далѣе нижняя и верхняя полая вены несутъ кровь въ правое предсердіе.

Изъ праваго предсердія во время внѣутробной жизни плода кровь переходитъ въ правый желудочекъ, т. к. никакого сообщенія между правой и лѣвой половинами сердца нѣтъ. Но въ утробной жизни изъ праваго предсердія кровь частью переходитъ въ правый желудочекъ, частью же черезъ *овальное отверстие (foramen ovale)*, находящееся въ перегородкѣ между предсердіями, переходитъ въ лѣвое предсердіе и потомъ въ лѣвый желудочекъ, благодаря чему снова происходитъ смѣшеніе артеріальной крови съ венозною.

Слѣдующею особенностью кровообращенія внутриутробнаго плода является *Боталловъ протокъ (ductus arteriosus Botalli)*, соединяющій легочную артерію съ аортой. (См. рис. 1).

Изъ праваго желудочка во время внѣутробной жизни кровь поступаетъ въ легочную артерію, несущую всю кровь къ легкимъ и отъ нихъ въ лѣвое предсердіе. Во время же утробной жизни кровь, поступившая въ легочную артерію, не идетъ цѣликомъ въ легкія, а переходитъ большей своею частью черезъ Боталловъ протокъ въ аорту. Смѣшавшись въ аортѣ съ кровью, идущей изъ лѣваго желудочка, она разносится дальше по всѣмъ артеріямъ тѣла, а въ томъ числѣ и въ пупочныя артеріи, которыя черезъ пупочное кольцо и затѣмъ пуповину несутъ насыщенную углекислотою кровь къ дѣтскому мѣсту.

Какъ только ребенокъ родится на свѣтъ, кровь его начинаетъ бѣднѣть кислородомъ и насыщаться углекислотою, т. к. обмѣнъ газовъ въ дѣтскомъ мѣстѣ прекращается. Такая кровь возбуждаетъ *дыхательный центръ* въ продолговатомъ мозгу, вызывая у ребенка первый вздохъ. Легкое расширяется и кровь усиленно приливаетъ къ нему по легочной артерин, минуя Боталловъ протокъ. При расширеніи легкихъ сердце измѣняетъ свое положеніе, переходя изъ горизонтальнаго въ вертикальное, благодаря чему Боталловъ протокъ перегибается, просвѣтъ его сдавливается и протокъ закрывается.

Съ закрытіемъ Боталлова протока давленіе въ большомъ кругу кровообращенія уменьшается, т. к. правый желудочекъ не нагнетаетъ больше крови въ аорту. Благодаря этому, а также сокращенію пупочныхъ сосудовъ, прекращается кровообращеніе въ пупо-

винѣ, что въ свою очередь ведетъ къ закрытію Аранціева протока, получавшаго кровь изъ пупочной вены.

Одновременно съ этимъ закрывается и овальное отверстіе.

Вслѣдствіе усиленнаго поступленія крови въ легкія, присасывающія кровь при своемъ расширеніи, давленіе въ правомъ предсердіи уменьшается. Овальное же отверстіе снабжено особымъ клапаномъ, который при уменьшенномъ давленіи является вполнѣ достаточнымъ, чтобы предупредить переходъ крови изъ праваго предсердія въ лѣвое предсердіе. Впослѣдствіи между 5-мъ и 18-мъ мѣсяцами жизни оно и совершенно зарастаетъ.

Первый крикъ. Послѣ нѣсколькихъ дыхательныхъ движеній ребенокъ по выходѣ изъ полости матки начинаетъ громко кричать. Крикъ является результатомъ раздраженія новорожденного холодной температурой окружающаго его воздуха, перемѣной внутриутробнаго кровообращенія, прикосновенія къ кожѣ постороннихъ тѣлъ и т. п. Онъ способствуетъ болѣе быстрой установкѣ правильнаго дыханія и внѣутробнаго кровообращенія.

При крикѣ легкія расширяются. Воздухъ входитъ во всѣ альвеолы, расправляя ихъ. Сразу устанавливается глубокое и правильное дыханіе. вмѣстѣ съ тѣмъ и кровь сильнѣе приливаетъ къ расширеннымъ легкимъ, въ силу чего болѣе быстро и правильно совершается переходъ отъ внутриутробнаго кровообращенія къ внѣутробному.

По крику можно опредѣлить, насколько ребенокъ доношенъ и крѣпокъ. У недоношенныхъ, слабыхъ дѣтей и крикъ бываетъ слабый, похожій на пискъ; наоборотъ, доношенные и крѣпкіе дѣти кричатъ сильно и звучно.

Если ребенокъ родится въ состояніи удушья (асфиксіи) и если при этомъ у него во рту и дыхательныхъ путяхъ будетъ кровь и слизь, попавшія къ нему изъ полового канала матери, то тогда онъ не только кричать, но и дышать не сможетъ. Въ такихъ случаяхъ прежде всего необходимо освободить его дыхательные пути отъ постороннихъ тѣлъ, высасывая послѣднія катетеромъ, а затѣмъ приступить къ оживленію его помощью искусственнаго дыханія, раздраженія кожи и т. п.

Отпаденіе пуповины и уходъ за пуповиннымъ остаткомъ.

По рожденіи плода съ первымъ его глубокимъ вздохомъ кровообращеніе въ пупочныхъ сосудахъ мало по малу прекращается. Ребенокъ начинаетъ дышать, жить новой самостоятельной жизнью и не нуждается болѣе въ пуповинѣ, а слѣдовательно и въ дѣтскомъ мѣстѣ. Поэтому по рожденіи младенца приступаютъ къ отдѣленію отъ него пуповины и дѣтскаго мѣста. Отдѣленіе это производится обычно путемъ перевязки и перерѣзыванія пуповины. При этомъ преслѣдуются двѣ цѣли: во-первыхъ, предупрежденіе кровотечения изъ пуповиннаго остатка и, во-вторыхъ, предупрежденіе зараженія пупочной раны.

Правильные роды должны происходить безъ посторонней помощи. А потому, казалось бы, и отдѣленіе послѣда отъ младенца должно происходить самопроизвольно. Но, какъ показываетъ опытъ, этого въ дѣйствительности не бываетъ.

При перерѣзкѣ пуповины нарушается цѣлость крупныхъ кровеносныхъ пупочныхъ сосудовъ и потому естественно является вопросъ, насколько опасно возникающее послѣ этого кровотеченіе.

Природа сама принимаетъ мѣры для защиты организма новорожденнаго отъ гибели и эта самозащита организма заключается въ прекращеніи пляцентарнаго кровообращенія (кровообращенія въ пуповинѣ) по рожденіи младенца, которое зависитъ съ одной стороны отъ установки правильнаго дыханія плода и связаннаго съ нимъ измѣненія внутритрубногаго кровообращенія, а съ другой—отъ сокращенія стѣнокъ пупочныхъ сосудовъ.

Съ появленіемъ дыханія у младенца давленіе въ большомъ кругу кровообращенія плода уменьшается, т. к. правый желудочекъ,

нагнетавшій кровь черезъ Боталловъ протокъ въ большой кругъ кровообращенія, теперь посылаетъ кровь только въ легкія. Благодаря уменьшенному давленію въ большомъ кругу кровообращенія, поступленіе крови въ пупочные сосуды очень затрудняется.

Пупочные сосуды снабжены мощной мышечной стѣнкой и обладаютъ поэтому очень большой сократительной способностью. Пуповина же по рожденіи плода подвергается цѣлому ряду раздраженій въ видѣ: охлажденія ея, растягиванія, разминанія, перерѣзки ея, измѣненія внутриутробнаго кровообращенія и т. п. Въ силу этихъ раздраженій наступаетъ сокращеніе пупочныхъ кровеносныхъ сосудовъ, а слѣдовательно и прекращеніе кровообращенія въ пуповинѣ.

Но такъ какъ и установка правильнаго дыханія у новорожденнаго и сокращеніе пупочныхъ сосудовъ существенно зависятъ отъ правильности родовъ, доношенности плода, питанія его, строенія пупочныхъ сосудовъ и т. п., то, понятно, что съ измѣненіемъ этихъ условій будетъ измѣняться и время остановки кровообращенія въ пупочныхъ сосудахъ.

И хотя природа сама, какъ мы видѣли, принимаетъ мѣры для защиты организма отъ смертельнаго кровотеченія послѣ перерѣзки пуповины, но опытъ показываетъ, что такія кровотеченія бывали и возможны. А разъ такъ, то при всякихъ родахъ мы должны принимать мѣры для предупрежденія такихъ кровотеченій. Для достиженія другой задачи при перерѣзкѣ пуповины—предупрежденія зараженія пупочной раны, необходимо, чтобы все, что соприкасается съ пупочной раной и пуповиннымъ остаткомъ—руки ухаживающаго персонала, перевязочный матерьялъ, инструменты и т. п. было совершенно обеззаражено.

Слѣшить съ отдѣленіемъ младенца по рожденіи его не слѣдуетъ, такъ какъ чѣмъ дольше онъ остается въ связи съ матерью, тѣмъ онъ богаче кровью, которая, въ противномъ случаѣ, напрасно остается въ дѣтскомъ мѣстѣ. Къ перевязкѣ пуповины слѣдуетъ приступать тогда, когда ребенокъ своимъ крикомъ и движеніями указываетъ на полные признаки жизни. Въ это время обычно прекращается и кровообращеніе въ пуповинѣ, а слѣдовательно и пульсація въ ней. Это такъ называемая *поздняя перевязка пуповины*.

Бываютъ случаи преждевременнаго отдѣленія пуповины—когда пуповина самопроизвольно разрывается во время родовъ при чрезмерной короткости ея, при значительныхъ перекручиваніяхъ ея, а также

при паденіи ребенка во время родовъ, если роды наступили быстро при стоячемъ положеніи роженицы. Случаи эти встрѣчаются рѣдко и дѣти при этомъ нерѣдко умираютъ отъ кровотечения изъ пуповиннаго остатка. Разрывъ пуповины во время родовъ можетъ произойти также при быстромъ извлеченіи плода, когда пуповина обвита вокругъ тѣла плода, коротка и т. п.

Но если по рожденіи плодъ не дышетъ, т. е. онъ находится въ состояніи асфиксіи, то слѣдуетъ сейчасъ же по рожденіи плода отдѣлить его, не смотря на пульсацію пуповины и затѣмъ приступить къ высасыванію слизи изъ дыхательныхъ путей и оживленію помощью искусственнаго дыханія. Такое отдѣленіе пуповины до прекращенія пульсаціи въ ней носитъ названіе *ранняго*.

Наиболѣе распространенный теперъ способъ отдѣленія плода состоитъ въ перевязкѣ пуповины стерилизованной тесьмой. Перевязываютъ пуповину пальца на 4 выше пупочнаго кольца. Отступя пальца на два отъ этой перевязки, выше ея, накладывается вторая такая же. Между обѣими перевязками пуповина перерѣзается. Перевязывать пуповину нужно особенно тщательно, такъ какъ при небрежной перевязкѣ ребенокъ можетъ истечь кровью. Обусловливается это наступающимъ вскорѣ послѣ перевязки съживаніемъ пуповины, благодаря высыханію Вартоновой студени—веществу, окружающему пупочные сосуды и придающему упругость пуповинѣ. Въ силу этихъ условій даже и туго наложенная на пуповину перевязка, черезъ нѣсколько часовъ послѣ наложенія становится свободной и можетъ обусловить вторичное кровотеченіе изъ пуповиннаго остатка.

Во избѣжаніе такого явленія, а также для достиженія скорѣйшаго высыханія пуповины предлагаютъ тесемочную перевязку пуповины замѣнить наложеніемъ на пуповину зажимныхъ торсіонныхъ или Кохеровскихъ пинцетовъ, употребляемыхъ въ хирургіи для остановки кровотечения (Д-ръ *Какушкинъ*). Такимъ пинцетомъ можно сдавить пуповину до полного уничтоженія просвѣта пупочныхъ кровеносныхъ сосудовъ. Тесьма, наложенная на пуповину, остается на пуповинномъ остаткѣ до отпаденія его. Зажимной же пинцетъ снимается съ пуповины часа 2—3 спустя по наложеніи его и по снятіи его другой перевязки не накладывается. Вторичное кровотеченіе изъ пунка, даже и при наложеніи пинцета, возможно только въ случаѣ неправильнаго строенія сосудистыхъ стѣнокъ (такъ называе-

мой гемофилин или врожденной кровоточивости). Въ виду этого, послѣ снятія пинцета, какъ и при лигатурномъ способѣ, необходимо въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ слѣдить за пуповиннымъ остаткомъ. И если бы кровотеченіе возобновилось—необходимо снова наложить пинцетъ.

Отпаденіе пуповиннаго остатка. Что же дѣлается съ тѣмъ кускомъ пуповины, который остается при ребенкѣ? Теперь онъ не находится въ условіяхъ, въ которыхъ находился во внутритрубной жизни, онъ не погруженъ въ околоплодную жидкость. Питаніе его, происходившее частью изъ околоплодной жидкости, частью изъ пробѣгавшей по пуповинѣ крови теперь прекратилось. Лишенный питанія и ненужный больше организму ребенка остатокъ пуповины долженъ умереть и отпасть отъ тѣла ребенка. Это умираніе пуповиннаго остатка происходитъ постепенно и заключается въ высыханіи ея, такъ называемой мумификаціи. Спустя нѣсколько часовъ послѣ перерѣзки остатокъ пуповины сокращается, дѣлается болѣе вялымъ и дряблымъ; цвѣтъ его становится болѣе синеватымъ, розоватый же оттѣнокъ исчезаетъ. Поверхность пуповиннаго остатка становится матовой, морщинистой. На поверхности его появляются черные островки—засыхающія мѣста. Спустя 48 часовъ послѣ родовъ остатокъ пуповины представляется весь засохшимъ, мумифицированнымъ, чернаго, или желтаго цвѣта, въ такомъ случаѣ черезъ него просвѣчиваютъ пупочные сосуды въ видѣ черныхъ зигзагообразныхъ линій. Поверхность его неровная, бугристая. Онъ твердъ, пергаментенъ и ломокъ. Высохшій кусокъ пуповины укорачивается сантиметра на 3. Омертвѣвшій кусокъ пуповины является тѣломъ постороннимъ для организма ребенка и, слѣдовательно, долженъ отдѣлиться отъ него. Мѣстомъ соединенія пуповины съ тѣломъ ребенка является пупочное кольцо. Какъ всякая омертвѣвшая ткань, высохшій кусокъ пуповины вызываетъ раздраженіе, а затѣмъ и воспаленіе въ окружающей ткани, т. е. въ пупочномъ кольцѣ.

Тотчасъ по рожденіи младенца мы видимъ, что пупочное кольцо окружено краснымъ ободкомъ—это мѣсто перехода амниотической оболочки пуповины въ кожную часть пупка. Краснымъ оно является потому, что здѣсь заложена богатая сѣтъ капилляровъ (*Circulus arteriosus umbilicalis*).

По мѣрѣ высыханія пуповиннаго остатка въ пупочномъ кольцѣ, начиная съ наружной его стороны, т. е. краснаго ободка, поя-

вляется воспалительное припухание съ небольшимъ нагноеніемъ. Послѣ того какъ пуповина окончательно высохла, т. е. въ концѣ вторыхъ сутокъ по рожденіи младенца, начинается отдѣленіе ея отъ пупочнаго кольца. Это отпаденіе совершается постепенно и заканчивается обыкновенно между 4-ми и 5-ми сутками. На здоровье новорожденнаго отпаденіе пуповины никакого вліянія не оказываетъ. Такимъ образомъ, при правильномъ теченіи отпаденіе пуповины хотя и сопровождается незначительнымъ воспаленіемъ, но никакихъ болѣзненныхъ явленій въ организмѣ ребенка не вызываетъ. Иногда, и это бываетъ сравнительно рѣдко, наблюдается болѣе раннее отпаденіе пуповины, чѣмъ въ концѣ 4-хъ сутокъ, или болѣе позднее, чѣмъ на 5-ыя сутки. Болѣе раннее или болѣе позднее отпаденіе пуповины зависитъ отъ многихъ причинъ, вліяющихъ на самый процессъ отпаденія.

Болѣе раннее отпаденіе пуповины наблюдается у тѣхъ дѣтей, у которыхъ и перевязка пуповины была болѣе ранняя. При правильномъ уходѣ за пуповиннымъ остаткомъ, когда высыханіе его происходитъ быстрѣе, отпаденіе его совершается также быстрѣе. У новорожденныхъ доношенныхъ отпаденіе пуповины совершается скорѣе, чѣмъ у новорожденныхъ недоношенныхъ.

Наоборотъ, у новорожденныхъ слабыхъ, плохо упитанныхъ, хилыхъ отпаденіе пуповины совершается медленнѣе, чѣмъ у здоровыхъ и упитанныхъ дѣтей. Толстыя пуповины отпадаютъ позже тонкихъ. У дѣтей съ большимъ вѣсомъ пуповина отпадаетъ позже, чѣмъ у дѣтей съ меньшимъ вѣсомъ. Полъ ребенка и здоровье матери не оказываютъ никакого вліянія на процессъ отпаденія пуповины.

Такъ происходитъ высыханіе пуповиннаго остатка и отпаденіе его, если не наступитъ какое-нибудь осложненіе. Но само собой понятно, что какъ пуповинная рана, такъ и соединенный съ ней остатокъ пуповины, особенно при температурѣ тѣла ребенка, представляютъ богатую почву для развитія микроорганизмовъ. Тотчасъ по рожденіи плода внутри пуповиннаго остатка микроорганизмовъ не бываетъ. Но, если наступитъ зараженіе раны, тогда, понятно, не только процессъ отпаденія пуповины и заживленія пупочной раны можетъ итти не обычнымъ путемъ, но, благодаря близости брюшины и непосредственному сообщенію пупочной раны съ большими кровеносными сосудами, идущими внутрь тѣла, легко можетъ наступить

общее зараженіе крови плода слѣдствіемъ чего можетъ явиться смерть плода.

Съ другой стороны, при неправильномъ уходѣ за пуповиннымъ остаткомъ, послѣдній можетъ подвергнуться гніенію, не менѣе опасному для жизни плода. Поэтому при уходѣ за пуповиннымъ остаткомъ слѣдуетъ: 1) способствовать правильному и скорѣйшему его высыханію, 2) предохранять рану отъ зараженія микроорганизмами и 3) предупреждать гніеніе пуповиннаго остатка.

Еще не такъ давно при перевязкѣ пуповиннаго остатка употребляли маслянистыя вещества въ видѣ различныхъ мазей, но теперь это признано негоднымъ, т. к. при нихъ нерѣдко наступаетъ загниваніе пуповины. На смѣну масляной повязкѣ явилась сухая, состоящая въ томъ, что пуповина обсыпается порошкомъ гипса, талька, бисмута, ксероформа и т. п. Всѣ эти порошки, способствуя скорѣйшему высыханію пуповины, предупреждаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *развитіе въ ранѣ микроорганизмовъ*. Наболѣе пригоднымъ изъ нихъ оказывается гипсъ, т. к. при немъ процессъ высыханія пуповиннаго остатка и заживленія пупочной раны происходитъ быстрѣе.

Хорошіе результаты при уходѣ за пуповиной даетъ также водный растворъ марганцовокислаго кали (KMg NO_4) въ разведеніи 1 : 1500, 1 : 2000, а также пикриновая кислота (1 : 200). Повязка производится такъ: пуповинный остатокъ покрывается со всѣхъ сторонъ тонкимъ слоемъ ваты, смоченнымъ въ растворѣ марганцовокислаго кали или пикриновой кислоты; поверхъ этой повязки ложится слой гигроскопической ваты и все это прикрѣпляется бинтомъ къ животу ребенка. Повязка мѣняется ежедневно.

Къ числу гигроскопическихъ и обеззараживающихъ веществъ, предложенныхъ для перевязки пуповины, принадлежатъ также глицеринъ и алкоголь. Глицеринъ предложенъ докторомъ Львовымъ. По его способу ребенка не купаютъ и повязки съ пуповиннаго остатка не снимаютъ до отпаденія послѣдняго, послѣ чего уходъ за пуповинной раной ведется по обыкновенному способу.

При алкогольѣ пуповинный остатокъ быстро мумифицируется, но иногда при употребленіи его въ первые часы послѣ рожденія ребенка наблюдается кровотеченіе изъ пупочныхъ сосудовъ. Кромѣ

того, не смотря на быстрое высыханіе пуповиннаго остатка, отпаденіе его нѣсколько замедляется.

Кромѣ перечисленныхъ антисептическихъ способовъ ухода за пуповиннымъ остаткомъ предложенъ также [асептической, при которомъ перевязка пуповиннаго остатка производится обеззараженнымъ гигроскопической ватой или марлей безъ примѣси лѣкарственныхъ веществъ. Но опытъ показываетъ, что при этомъ способѣ нерѣдко получается *влажная мумификація* пуповиннаго остатка, т. е. медленное высыханіе, а также и отпаденіе его.

Лучшимъ изъ предложенныхъ способовъ ухода за пуповиннымъ остаткомъ надо считать въ настоящее время обсыпаніе пуповиннаго остатка гипсомъ, такъ какъ сильныя гигроскопическія свойства послѣдняго, способствуютъ быстрому высыханію пуповины и заживленію пупочной раны.

По отпаденіи пуповиннаго остатка остается пупочная рана, заживленіе которой тождественно съ заживленіемъ всякой чистой раны, поэтому и уходъ за ней долженъ быть такой же, какъ за всякой раневой поверхностью. При этомъ надо помнить, что пупочная рана предрасположена къ различнаго рода заболѣваніямъ, благодаря близости брюшины и нахожденію въ пупочной ранѣ 3-хъ крупныхъ кровеносныхъ сосудовъ. Кромѣ того пупочная рана предрасположена къ чрезмѣрному разращенію грануляцій, что нерѣдко ведетъ къ заболѣванію, называемому *fungus umbilici* -- *грибовикъ пупка*, замедляющему заживленіе пупочной раны. Въ нормальныхъ случаяхъ пупочная рана заживаетъ черезъ 12—14 дней по рожденіи ребенка. При небрежномъ же уходѣ легко наступаетъ зараженіе пупочной раны, воспаленіе пупочныхъ сосудовъ и нерѣдко смерть плода.

Что касается вліянія купанья на отпаденіе пуповиннаго остатка и заживленіе пупочной раны, то относительно этого вопроса существуютъ два противоположныхъ взгляда. Одни врачи совѣтуютъ купать новорожденнаго ежедневно и даже по 2 раза въ день, другіе же (*Львовъ, Гошинскій, Артемьевъ* и др.) послѣ первой ванны и до отпаденія пуповиннаго остатка не рекомендуютъ купать дѣтей. Противники купанья въ защиту своего взгляда приводятъ возможность зараженія пупочной раны водой изъ ванны. Но наблюденія показываютъ, что при правильномъ уходѣ за пуповиннымъ оста-

ткомъ, если для ванны берется переваренная, а слѣдовательно и обеззараженная вода, то на процессъ отпаденія пуповины ванна вліянія не оказываетъ. Въ виду этого нѣтъ достаточныхъ основаній запрещать купанье новорожденныхъ. Въ виду же возможности зараженія пупочной раны грязной водой изъ ванны, необходимо, чтобы вода для ваннъ обязательно бралась переваренная.

Осмотръ новорожденнаго. Пороки развитія его. Осмотръ полости рта, глазъ и мочеполовыхъ органовъ.

Послѣ отдѣленія пуповины и первой ванны младенца на сухо вытирають и производятъ осмотръ его тѣла. При этомъ обращаютъ вниманіе, нѣтъ ли у него какихъ нибудь уродствъ въ тѣлѣ. Это необходимо дѣлать не только потому, что при нѣкоторыхъ уродствахъ своевременная помощь можетъ спасти жизнь плоду, но и по закону (ст. 179 Врач. Устав.) повивальная бабка обязана доводить до свѣдѣнія медицинскаго начальства о роженіи уродливо развитыхъ дѣтей.

Какая бы уродливость ни была замѣчена, о ней не слѣдуетъ говорить тотчасъ матери, чтобы не огорчить ее. Если же уродство это можетъ угрожать жизни или здоровью плода, то повивальная бабка должна сообщить объ этомъ роднымъ или близкимъ роженицы и требовать приглашенія врача.

Изъ пороковъ развитія, имѣющихъ болѣе важное значеніе и чаще встрѣчающихся, отмѣтимъ слѣдующіе: *Мозговая грыжа*—это мѣшеччатая опухоль, мягкой консистенціи, величиною отъ орѣха до кулака и больше, увеличивающіяся при крикѣ и уменьшающіяся при вправленіи. Находятся онѣ на головкѣ или спинкѣ плода и представляютъ собою выпячиванія головного или спинного мозга или мозговыхъ оболочекъ черезъ промежутки между костями черепа или позвоночника на мѣстѣ родничковъ и швовъ. Дѣти, рожденные съ такимъ уродствомъ, нерѣдко умираютъ вскорѣ послѣ роженія. Но бываютъ случаи, когда мозговая грыжа излечивается помощью операціи.

При осмотрѣ полости рта могутъ встрѣчаться слѣдующія уродства: *заячья губа и волчья пасть*. Заячья губа есть врожденное рас-

щепленіе верхней губы, а волчья пасть—врожденное расщепленіе твердаго неба. Расщепленіе губы обыкновенно помѣщается не по срединѣ губы, а нѣсколько сбоку. Уродство это наблюдается въ различной степени. При высшихъ степеняхъ расщепленіе бываетъ настолько велико, что въ него свободно помѣщается палецъ. При расщепленіи твердаго неба (волчьей пасти) ротъ непосредственно соединяется съ полостью носа. При заячьей губѣ затрудняется сосаніе, т. к. ребенокъ долженъ захватывать сосокъ не губами, а челюстями. При волчьей же пасти ребенокъ совершенно не въ состояніи сосать и кормить его въ такомъ случаѣ приходится съ ложечки, приподнимая при этомъ голову вверхъ, т. к. въ противномъ случаѣ молоко затекаетъ въ носъ и ребенокъ захлебывается. *Леченіе* этихъ уродствъ можетъ быть только оперативное. Если ребенокъ крѣпкій и хорошо упитанъ, то операцію возможно дѣлать и въ первые мѣсяцы жизни. У слабыхъ же дѣтей операцію дѣлаютъ въ концѣ года, а иногда и позже.

Приращеніе языка. Уродство это состоитъ въ томъ, что уздечка языка слишкомъ коротка и прикрѣплена у верхушки языка, слѣдствіемъ чего бываетъ затрудненность сосанія, такъ какъ ребенокъ не можетъ высунуть языкъ. Недостатокъ этотъ легко замѣчается при попыткѣ ребенка кричать, т. к. при крикѣ языкъ не только не выдвигается изъ рта, но кончикъ его даже втягивается. *Леченіе* оперативное. Короткую уздечку подрѣзаютъ ножницами. Кровотеченіе при этомъ бываетъ незначительное. При подрѣзываніи уздечки надо быть осторожнымъ, помня, что у новорожденныхъ языкъ обыкновенно прилегаетъ къ небу; при вздохѣ, если уздечка длинна, языкъ втягивается назадъ и можетъ совершенно закрыть просвѣтъ зѣва и задушить ребенка.

Пупочная грыжа. Среди другихъ уродствъ у новорожденныхъ встрѣчаются также пупочныя грыжи, или грыжи пупочнаго канатика. Онѣ представляютъ изъ себя выхожденіе внутренностей, главнымъ образомъ кишокъ, черезъ расширенное пупочное кольцо и происходятъ благодаря расхожденію прямыхъ мышцъ брюшной стѣнки. При врожденной пупочной грыжѣ выступившія внутренности лежатъ въ пупочномъ канатикѣ не покрытыя брюшиной. Пуповина въ такихъ случаяхъ прикрѣпляется къ брюшнымъ покровамъ большею частью воронкообразно-широкимъ основаніемъ.

Въ силу чего широкое прикрѣвленіе пуповины къ брюшнымъ покровамъ даетъ намъ основаніе заподозрить существованіе врожденной пупочной грыжи. При существованіи такой грыжи необходимо выступившія въ пупочный канатикъ внутренности предварительно вправить обратно въ брюшную полость и только тогда перевязать пуповину, т. е. бывали случаи, что при перевязкѣ пуповины захватывали съ пупочной и петлю кишокъ, лежавшую въ нераспознанной грыжѣ пупочнаго канатика, въ результатѣ чего получался пупочно-каловой свищъ.

Наблюдали очень большія грыжи пупочнаго канатика, въ которыхъ находили большую часть кишечныхъ петель, а также желудокъ и селезенку. Такіе дѣти умирали очень скоро послѣ рожденія.

При леченіи этихъ грыжъ вначалѣ вправляютъ содержимое ихъ въ брюшную полость, затѣмъ перевязываютъ пуповину и накладываютъ на пупочное кольцо легкую антисептическую давящую повязку. Пупочное кольцо постепенно закрывается.

Заращеніе задняго прохода. Уродство это въ первое время по роженіи плода бываетъ трудно замѣтить, т. к. на мѣстѣ задняго прохода остается углубленіе, по виду напоминающее его. Дѣло выясняется только полѣ того, какъ неспражняющемуся въ теченіи первыхъ 24-хъ часовъ ребенку хотя бы поставитъ клистиръ, наконечникъ котораго не входитъ въ прямую кишку, встрѣчая препятствіе. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ не наблюдается даже и слѣда заднепроходнаго отверстія. Иногда же прямая кишка открывается во влагалище, въ мочевой пузырь и др. органы. *Леченіе* оперативное. При полномъ заращеніи заднепроходнаго отверстія дѣти рѣдко выживаютъ.

Заращеніе мочеиспускательнаго канала. Чаше встрѣчается склеиваніе слизистой оболочки мочеиспускательнаго канала, при которомъ также происходитъ задержаніе мочи у новорожденныхъ. Въ такихъ случаяхъ моча, не находя себѣ выхода, скопляется въ мочевомъ пузырьѣ, растягиваетъ его и вызываетъ такимъ образомъ сильныя боли у младенца, усиливающіяся при давленіи на нижнюю часть живота. Растянутый мочевой пузырь выдается при этомъ надъ лобкомъ въ видѣ зыблящейся опухоли. Простое склеиваніе отверстія мочеиспускательнаго канала, встрѣчающееся почти исключительно у мальчиковъ, легко устраняется введеніемъ въ мочеиспускательный каналъ верхушки дѣтскаго катетера. При этомъ склеиваніе разрушается или катетеромъ, или напоромъ мочи, вслѣдствіе сильнаго сокращенія мочевого пузыря подъ вліяніемъ раздраженія катетеромъ. Конечно.

надо очень осторожно, такъ какъ въ проти-
причинить сильное раненіе. Если существуетъ
міе и катетера ввести не удастся, то только
сти жизнь младенцу.

жаніе мочи можетъ зависѣть также и отъ силь-
испускательнаго канала (спазма запирающей
где чѣмъ пригласить врача, нужно примѣнить
кое сокращеніе устраняется, а именно: теплую
ессы на низъ живота и растираніе животика

ность склейкѣ или заращенію моченспуска-
юдается иногда недоразвитіе, или расщепленіе
чаютъ двѣ формы болѣзни: 1) когда отверстіе
на концѣ его, а на нижней поверхности, оста-
канала часть представляетъ открытый книзу
и страданія называется *гипоспадія* (*hypospadiā*).
ихъ расщепленнымъ представляется не только
ый каналъ, но мошонка и даже промежность
рывается въ эту расщелину.

аѣ, называемомъ *эписпадія* (*epispadiā*), моче-
оказывается расщепленнымъ на верхней своей
и степенями этого уродства является расще-
пнаго канала на всемъ его протяженіи и вы-
я. *Леченіе* оперативное.

теноловыхъ органовъ надо имѣть также въ виду
; половыхъ органовъ, или такъ называемый
этомъ уродствѣ половые органы развиваются
этѣ трудно опредѣлить полъ не только у но-
взрослаго человѣка. *Истиннымъ гермафродити-*
кое уродство, когда у одного и того же лица
и оказываются не только наружные мужскіе
ганы, но и внутренніе. Уродство это встрѣ-
Тожный гермафродитизмъ—когда наружные
гы какъ у одного пола, а внутренніе какъ у
олѣе часто. Но полнаго развитія наружные
омъ случаѣ почти никогда не достигаютъ.

эворождемаго. При осмотрѣ новорожденнаго
ное вниманіе на глаза его. Во время родовъ

въ глазки ребенка могутъ попасть отдѣленія (бѣли) изъ влагалища матери. Нерѣдко эти бѣли бывають крайне заразительны. Вызываются онѣ микробомъ—гонококкомъ *Нейссера* (*Neisser'a*) и носятъ названіе триперныхъ, или бленнорройныхъ. Если такія бѣли попадутъ въ глазки, рѣсницы или на вѣки новорожденнаго, то вскорѣ послѣ рожденія у младенца развивается сильное воспаленіе глазъ, которое трудно поддается леченію и не рѣдко ведетъ къ слѣпотѣ. Между тѣмъ какъ предупредить это заболѣваніе очень легко. Съ этою цѣлью сейчасъ же по рожденіи младенца и отдѣленіи отъ него пуповины съ дѣтскимъ мѣстомъ всю наружную поверхность глазъ быстро очищаютъ кусочкомъ чистой гигроскопической (лучше стерилизованной) ваты. Затѣмъ другимъ кусочкомъ ваты, смоченнымъ въ переваренной водѣ тщательнo вымываютъ кожу еще нераскрытыхъ вѣкъ. При этомъ удаляется съ вѣкъ та липкая смазка, которая покрываетъ все тѣло новорожденнаго, а также и заразительныя части слизи, или бѣлей матери, которыя во время родовъ могли прилипнуть къ рѣсницамъ или вѣкамъ. Затѣмъ раскрываютъ вѣки и въ каждый глазъ впускають по одной каплѣ 2-хъ процентнаго, или однопроцентнаго раствора ляписса (азотно-кислаго серебра). Глазную щель при этомъ надо раскрывать пошире, чтобы растворъ ляписса омылъ весь мѣщечекъ глаза, такъ какъ только при такомъ условіи мы уничтожаемъ всѣ малѣйшія частицы заразнаго начала, которыя могли попасть въ глаза. Способъ этотъ, предложенный *Credé*, носитъ его имя и является надежнымъ средствомъ защиты глаза отъ бленнорройнаго воспаленія его. Само собой понятно, что вся эта операція съ глазами должна производиться безусловно обеззараженными руками и матерьяломъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ сами руки могутъ явиться источникомъ зараженія глаза.

Взвѣшиваніе ребенка. Средній вѣсъ новорожденнаго. Дѣти малаго вѣса. Дѣти большаго вѣса.

Осмотромъ новорожденнаго мы рѣшаемъ вопросъ, правильно ли развитъ его организмъ, нѣтъ ли въ немъ какихъ-нибудь уродствъ; для того же, чтобы судить, насколько онъ упитанъ, здоровъ и доношенъ, необходимо точное взвѣшиваніе его тѣла, а также измѣреніе длины тѣла и отдѣльныхъ его частей, въ особенности головы и груди. Первое взвѣшиваніе производятъ послѣ первой ванны и осмотра глазъ. Для взвѣшиванія употребляютъ простые или десятичные вѣсы, одна чашка которыхъ представляетъ изъ себя желобъ, приспособленный для того, чтобы въ него можно было положить ребенка. При неизмѣннн специальныхъ вѣсовъ взвѣшиваніе можно производить и на простомъ безменѣ. Ребенка взвѣшиваютъ вмѣстѣ съ бѣльемъ, въ которое онъ завернуть; и такъ какъ для опредѣленія вѣса ребенка вѣсъ бѣлья нужно отбросить, то удобнѣе бѣлье взвѣсить отдѣльно до взвѣшиванія ребенка, а затѣмъ изъ общей суммы вѣса ребенка съ бѣльемъ вычесть вѣсъ бѣлья.

Ребенокъ считается доношеннымъ и правильно развитымъ, если онъ вѣситъ отъ 2500 до 5000 граммъ, т. е. около 8 фунтовъ. Дѣти первороженицъ вѣсятъ меньше дѣтей многороженицъ. Дѣти пожилыхъ многороженицъ обычно больше дѣтей молодыхъ многороженицъ. Вѣсъ ниже 2500 граммъ встрѣчается у недоносковъ, или указываетъ на недоразвитіе младенца. Дѣти съ вѣсомъ въ 4000 граммъ (около 12 фунтовъ)—дѣти большаго вѣса—встрѣчаются сравнительно рѣдко. Опубликованы случаи, когда вѣсъ новорожденнаго равнялся 18½ фунтамъ. Представляя очень большое препятствіе во время родовъ, большой вѣсъ дѣтей особеннаго вліянія на дальнѣйшее раз-

витіе ихъ не оказываетъ. Въ этомъ отношеніи гораздо больше оказываетъ вліянія наследственность и правильный уходъ за дѣтми. Нерѣдко приходится наблюдать, что дѣти малаго вѣса и даже недоноски при правильномъ уходѣ за ними развиваются быстрѣе своихъ сверстниковъ дѣтей большаго вѣса.

Длину тѣла измѣряютъ тесьмой, раздѣленной на сантиметры. Для измѣренія ребенка укладываютъ на кровать и расправляютъ его ножки. Разстояніе отъ макушки до пятокъ и укажетъ длину тѣла его. Длина тѣла доношеннаго ребенка равняется въ среднемъ 50 см. (наименше 45, наибольше 58 см.). Быстрѣе всего растетъ ребенокъ въ первые мѣсяцы жизни. Въ первый мѣсяцъ ростъ его въ среднемъ увеличивается на 4 см., въ слѣдующіе отъ 3-хъ до 2-хъ см., а начиная съ 7-го мѣсяца только на 1 см. въ мѣсяцъ. Весною ростъ дѣтей происходитъ быстрѣе. Недостаточное питаніе, болѣзнь, слишкомъ холодный или жаркій климатъ замедляютъ ростъ. Къ концу года длина тѣла ребенка увеличивается въ среднемъ на 20 см.

Окружность головы новорожденнаго по прямому размѣру равняется 34—35 см., а окружность груди на уровнѣ сосковъ—32—33 см. У хорошо развитою новорожденнаго окружность головы превышаетъ окружность груди на 1—2 см., а окружность груди превышаетъ половину длины тѣла на 9—10 см. (наименше на 7 см.) Если разница между окружностями головы и груди больше двухъ, а груди половина длины тѣла меньше семи, то это указываетъ на врожденную слабость ребенка, на его малую жизнеспособность. При дальнѣйшемъ ростѣ эти отношенія сглаживаются, а именно: чѣмъ ребенокъ крѣпче сложенъ, чѣмъ лучше идетъ его питаніе, тѣмъ скорѣе грудь по своимъ размѣрамъ сравнивается съ головкой и у очень крѣпкихъ дѣтей окружность груди сравнивается съ окружностью головы къ концу первой половины года, обычно же эти окружности сравниваются къ концу 2-го года.

Переводъ граммовъ на русскій фунтъ. Еще не очень давно общепринятой у насъ медицинской мѣрой былъ аптекарскій фунтъ, но теперь его почти всюду замѣнили десятичный вѣсъ, представляющій то удобство, что каждая единица слѣдующаго порядка въ 10 разъ больше, или меньше предыдущей. Для большаго удобства приведемъ сравнительную таблицу обихъ вѣсовъ. Нашъ аптекарскій фунтъ ⁽¹⁾ равняется $\frac{7}{8}$ фунта торговаго вѣса=12 унціямъ.

1 унція (ξ) = 8 драхмамъ.

1 драхма (δ) = 3 скрупуламъ.

1 скрупуль (ς) = 20 гранамъ (gr).

За единицу десятичнаго вѣса принять граммъ = вѣсу одного кубич. сантиметра перегнанной воды при 4° Ц.

1000 граммъ = 1 килограмму = почти 2¹/₂ фунтамъ торговаго вѣса.

1 аптекарскій фунтъ = 360 граммамъ = ⁷/₈ торговаго фунта.

1 унція = 30 граммамъ = 7 золотникамъ = 672 долямъ.

1 драхма = 4 граммамъ = ⁷/₈ золотника = 84 долямъ.

1 скрупуль = 1,244 грамма = 28 долямъ.

1 гранъ = 0,0622 грамма = 1²/₅ доли.

Если мы граммы переведемъ въ граны, то получимъ слѣдующую таблицу.

1 граммъ (1,0) = 16 гранамъ.

1 дециграммъ (0,1) = 1,6 грана.

1 центиграммъ (0,01) = 0,16 грана.

1 миллиграммъ (0,001) = 0,016 грана.

10 граммъ (10,0) = декаграмму = 2 драхмамъ и 2 скрупуламъ.

100 граммъ (100,0) = гектограмму = 1607 грн. = ξiii, δii, ςii, 7,55 грн.

1000 граммъ (1000,0) = килограмму = ιii, ξix, δiii, ςii, 15,5 грн.

На практикѣ не всегда можно имѣть подъ руками необходимые для измѣренія приборы. Поэтому для удобства не мѣшаетъ запомнить приблизительную емкость наиболѣе часто употребляемыхъ въ обиходѣ предметовъ: чайной ложки, стакана и т. п. Чайная ложка вмѣщаетъ въ себѣ около 5 граммъ жидкости. Десертная ложка содержитъ двѣ чайныхъ ложки = 10,0 = ξiis. Столовая — 3 чайныхъ ложки = 15,0 = ξiv.

Обыкновенный чайный стаканъ средней величины содержитъ около ξvii или 200 граммъ, или полъ фунта.

Если взять напр., одну чайную ложку карболовой кислоты и растворить ее въ стаканѣ воды, то получимъ 2% растворъ карболки.

Акушерскія измѣренія головки, плечъ и таза. Размѣры пряные и косые. Объемы плечъ, груди и таза.

Измѣреніе различныхъ частей тѣла плода имѣетъ значеніе не только для опредѣленія общаго состоянія здоровья плода, но и для объясненія механизма родовъ и различныхъ неправильностей родового акта. Нерѣдко по формѣ головы новорожденного можно сказать, въ какомъ положеніи онъ родился. Измѣренія эти производятся при помощи тесьмы, раздѣленной на сантиметры, и циркуля. Ножки этого циркуля устанавливаются на точкахъ, между которыми мы желаемъ измѣрить разстояніе. На одной изъ ножекъ циркуля немного выше мѣста соединенія ихъ укрѣплена пластинка, раздѣленная на сантиметры. При установкѣ ножекъ циркуля на изслѣдуемыхъ точкахъ, стрѣлка, составляющая продолженіе другой ножки, указываетъ намъ искому величину въ сантиметрахъ.

Для акушерскихъ цѣлей необходимо знать слѣдующіе средніе размѣры головки доношеннаго плода:

- 1) *Прямой размѣръ* отъ переносья до затылочнаго бугра $11\frac{3}{4}$ см.
- 2) *Большой косой*—отъ подбородка до наиболѣе выдающейся точки на затылочной кости— $13\frac{1}{2}$ см.
- 3) *Малый косой*—отъ середины большого родничка до границы между затылкомъ и шейей— $9\frac{1}{2}$ см.
- 4) *Большой поперечный*—между темянными буграми (наибольшій размѣръ головки въ поперечномъ направленіи)— $9-9\frac{1}{2}$ см.
- 5) *Малый поперечный*—между наиболѣе отдаленными другъ отъ друга точками вѣнечнаго шва—8 см.

Наибольшая *окружность головки* по большому косому размѣру 38—40 см.

по прямому размѣру—35 см. и

по малому косому—33—34 см.

Нѣкоторые акушеры измѣряютъ еще *отвѣсный* или *вертикаль-ный* размѣръ—отъ основанія черепа до макушки 9,5—10 см.

Обычно головки мальчиковъ нѣсколько больше (0,5 см.), чѣмъ головки дѣвочекъ. Большія головы у доношенныхъ дѣтей встрѣчаются у больныхъ англійской болѣзью (рахитомъ). Въ этихъ случаяхъ нерѣдко бываютъ выражены и другіе признаки англійской болѣзни: четкообразная грудь, искривленіе ногъ, большой животикъ и т. п. Очень большія головки бываютъ также и при водянкѣ головы. При этомъ заболѣваніи наблюдается несоразмѣрность между огромнымъ черепомъ и маленькимъ личикомъ ребенка. При неправильномъ вставленіи головки въ тазъ нерѣдко младенецъ рождается съ головной опухолью, придающей головкѣ иногда ассиметрическія формы. При ягодичномъ предлежаніи головка обычно сохраняетъ правильную шаровидную форму.

Кромѣ измѣреній головки, производятъ также измѣренія плечиковъ и таза младенца. Ширина плечиковъ (разстояніе между большими буграми плечевой кости) равняется $11\frac{1}{2}$ см. Наибольшая ширина младенческаго таза равна 10 см. Ножки циркуля для этого измѣренія устанавливаются на наиболѣе отдаленныхъ точкахъ верхней части бедеръ—соотвѣтственно большимъ вертлужнымъ буграмъ большеберцовыхъ костей.

Такъ измѣряется ширина различныхъ частей тѣла новорожденного ребенка; что же касается измѣренія окружностей, то онѣ производятся при помощи тесьмы, раздѣленной на сантиметры. Окружность головы, какъ выше сказано, равняется по прямому размѣру 35 см. Сантиметръ укладывается на головку такимъ образомъ, чтобы онъ прошелъ по наиболѣе выдающимся частямъ лба и затылка, т. е. по лобнымъ, темяннымъ и затылочнымъ буграмъ.

Купанье и подмывание новорожденных. Уходъ за глазами и полостью рта. Уходъ за грудями матери. Сравненіе главныхъ составныхъ частей молока домашнихъ животныхъ съ женскимъ.

Послѣ того какъ младенецъ отдѣленъ отъ матери и родильница убрана, приступаютъ къ купанью ребенка съ цѣлью удалить съ его тѣльца сыровидную смазку, кровь и слезъ.

Сыровидная смазка (vernix caseosa), бѣловатымъ налетомъ мѣстами густо покрывающая тѣло новорожденнаго, состоитъ изъ жира, отлагаемаго солями железами плода еще во время его утробной жизни, эпителиальныхъ клетокъ кожи, волосковъ съ поверхности тѣла ребенка, а также щелочныхъ солей (калія, натрія и амміака).

Наиболѣе удобной ванночкой для купанія является цинковая, или вообще металлическая, неглубокая, желобоватой формы. Такую ванну легко не только тщательно вымыть, но, въ случаѣ необходимости, даже обеззаразить ее обжиганіемъ спиртомъ. Въмѣсто металлической ванны можно взять простое новое деревянное корыто (ночвы). Но деревянное корыто труднѣе содержать чистымъ, такъ какъ дерево, впитывая въ себя грязную воду, подвергается гніенію, легко плесневѣетъ и потому, при неопратномъ уходѣ можетъ явиться источникомъ зараженія ребенка. Во избѣжаніе этого, лучше корыто выкрасить бѣлой масляной краской. Для ванны необходимо брать переваренную воду, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, грязная вода въ ваннѣ можетъ быть источникомъ зараженія пупочной раны. Температура воды въ ваннѣ должна быть не ниже 28° и не выше 29° по R. Температуру воды слѣдуетъ измѣрять термометромъ и не довѣрять ощущенію только руки. Надо помнить, что высокая t° ванны (выше 35° R.) можетъ легко вызвать судороги у ребенка.

Купанье производится слѣдующимъ образомъ: завернувъ ребенка въ пеленку, осторожно погружаютъ его въ воду. Подъ головку ребенка подкладываютъ валикъ изъ полотенца, пеленки, простынки и т. п. такъ, чтобы головка младенца была приподнята надъ поверхностью воды. Дѣлается это для того, чтобы ребенокъ не захлебнулся и чтобы вода не попала ему въ уши и въ глаза. Остальная же часть тѣла должна быть покрыта водой. Головку моютъ мыломъ, смывая его назадъ, чтобы не попало въ глазки. Сыровидная смазка не удаляется простымъ обмываніемъ даже мыльной водой. Для удаленія ея слѣдуетъ передъ ванной смазать тѣло плода какимъ-нибудь жиромъ—вазелиномъ, яичнымъ желткомъ, прованскимъ масломъ и т. п. Жиръ со щелочами сыровидной смазки образуетъ мыла, легко растворяющіяся въ теплой водѣ и въ такомъ видѣ легко удаляемыя съ кожи. Въ складкахъ кожи—за ушками, подъ мышками, въ пахахъ, на половыхъ органахъ, между ягодицами и т. п. сыровидной смазки больше и ее удаляютъ губкою, осторожно прикладывая губку къ тѣлу, но не вытирая, чтобы не вызвать ссадинъ.

Глазки надо вытирать кусочками гигроскопической ваты или марли, смоченной въ чистой переваренной водѣ.

Обмывъ ребенка, его вынимаютъ изъ ванночки и окачиваютъ чистой водой изъ кувшина. Вода для окачиванія должна быть той же температуры, какъ и въ ваннѣ (27—28° R.). Первая ванна продолжается, въ виду необходимости удалить первородную смазку, отъ 10 до 15 минутъ. Слѣдующія же—не больше 10 минутъ. Послѣ ванны ребеночка заворачиваютъ въ нагрѣтое бѣлье и обсушиваютъ, а затѣмъ перевязываютъ пуповинный остатокъ.

Какъ часто слѣдуетъ купать новорожденныхъ? Относительно этого вопроса существуетъ два различныхъ взгляда. Одни, какъ напр. д-ръ *Львовъ*, изъ опасенія зараженія пупочной раны, благодаря ваннѣ, совѣтуютъ послѣ первой ванны и перевязки пуповины купанье приостанавливать до отпаденія пуповины. Все это время вмѣсто общей ванны ребенку необходимо дѣлать ежедневно подмываніе наружныхъ половыхъ органовъ и вообще всѣхъ мѣстъ, гдѣ можетъ наступать опрѣлость (подъ мышками, за ушками, между ножками, ягодицами и т. п.). По отпаденіи пуповины, младенца купаютъ снова; далѣе купаніе производится черезъ день. Другіе—наоборотъ, совѣтуютъ купать новорожденного каждый день и даже первые 9 дней по два раза въ день, а затѣмъ по одному разу на день. При ежедневномъ

купаньѣ новорожденнаго перевязка пуповины дѣлается послѣ каждой ванны.

Послѣ купанья пуповину слѣдуетъ хорошенько высушить гигроскопической ватой. Чтобы избѣжать раздраженія кожи во время купанья, хорошо дѣлать смягчительныя ванны (съ отрубями, глицериномъ, крахмаломъ), или передъ ванной вытирать тѣло младенца какимъ-нибудь жиромъ, масломъ, глицериномъ и т. п. Это бываетъ особенно умѣстно въ тѣхъ случаяхъ, когда обычная ванна съ мыломъ вызываетъ раздраженіе кожи ребенка.

Выше было уже сказано, что по отдѣленіи ребенка особенное вниманіе должно быть обращено на глаза его. Послѣ тщательнаго промыванія ихъ чистой водой и обсушиванія ватой въ глаза пускаютъ по 1—2 капли 1—2% раствора ляписа. Дальнѣйшій уходъ за глазами состоитъ въ томъ, что ихъ ежедневно послѣ каждой ванны промываютъ чистой водой и затѣмъ обсушиваютъ кусочками обеззараженной ваты или марли. Не слѣдуетъ вытирать оба глазика однимъ и тѣмъ же кусочкомъ ваты. При появленіи признаковъ воспаленія глаза необходимо сейчасъ же обратиться къ врачу.

Уходъ за полостью рта. Полость рта ребенка должна постоянно обращать на себя наше вниманіе. При отсутствіи ухода за полостью рта остающіяся послѣ кормленія во рту ребенка частицы молока легко разлагаются и загниваютъ. Поступая въ такомъ видѣ изъ полости рта въ желудокъ, онѣ могутъ явиться причиной заболѣванія желудка и кишокъ. Нерѣдко при этомъ на слизистой оболочкѣ рта развивается грибокъ молочницы, вызывающій истощеніе ребенка. Въ виду этого передъ каждымъ кормленіемъ ротикъ ребенка необходимо осторожно вытирать мягкой марлей, или ватой, смоченной перваренной водой, 2% растворомъ борной кислоты и т. п. Эта очистка полости рта можетъ быть произведена пальцемъ (мизинцемъ), покрытымъ марлей. При вытираніи надо заботиться, чтобы всѣ остатки молока во рту были удалены изъ него и чтобы энергичнымъ вытираніемъ не произвести ссадинъ на слизистой оболочкѣ¹⁾. Въ виду этого вытираніе полости рта должно производиться очень осторожно

¹⁾ Такъ какъ при вытираніи полости рта легко произвести ссадины слизистой оболочки его, то многіе врачи совѣтуютъ у здоровыхъ дѣтей совсѣмъ не вытирать ротика.

(безъ надавливанія на слизистую оболочку рта) и безусловно чистыми руками

Уходъ за грудями матери. Груды представляютъ изъ себя железистые органы, расположенные симметрично на передней поверхности грудной клѣтки между 3-мъ и 7-мъ ребрами. Почти правильной полушаровидной формы у дѣвиць, онѣ измѣняютъ эту форму послѣ родовъ и особенно кормленія въ болѣе удлиненную коническую.

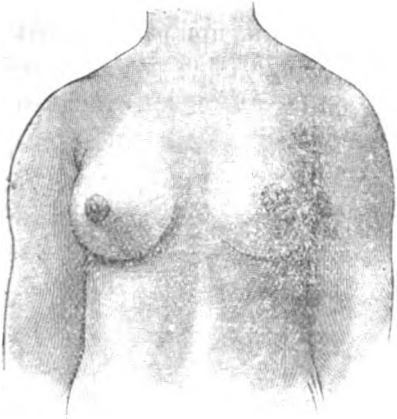

Рис. 2.

Грудныя железы у первородившей.

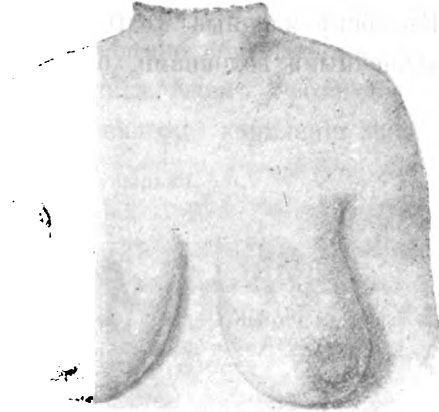

Рис. 3.

Грудныя железы у многорожавшей

Величина ихъ бываетъ различна въ зависимости отъ расы, возраста, отложенія жира и т. п. Назначеніе грудей—выдѣлять молоко для питанія новорожденнаго. Груды причисляютъ къ половымъ органамъ, такъ какъ отправление ихъ совпадаетъ съ періодомъ беременности и послѣродового періода. Кромѣ того раздраженіе грудныхъ железъ послѣ родовъ—при кормленіи ими ребенка, вызываетъ сокращеніе матки.

Грудная железа принадлежитъ къ типу гроздевидныхъ железъ. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ долей—отъ 15 до 24, окруженныхъ жировою и соединительною тканью. Долька же образуется изъ железистыхъ, грушевидныхъ пузырьковъ величиною съ просяное зерно, которые и вырабатываютъ молоко. Каждый пузырекъ имѣетъ особый выводной канальчикъ. Пузырьки эти располагаются группами, напоминающими по виду виноградную гроздь (рис. 4). Канальцы пузырьковъ, соединяясь другъ съ другомъ, образуютъ млечный протокъ. Нѣсколько такихъ гроздей своими млечными про-

токами открываются въ общій выводной протокъ дольки—млечный ходъ, проходящій черезъ всю толщу грудной железы до околососковаго кружка. По дорогѣ млечные ходы расширяются, образуя такъ называемые млечные воспріемники. Подъ самой кожей соска млечные ходы вновь суживаются и открываются особымъ для протока каждой дольки отверстиемъ. Дольки нигдѣ не соединяются, не перекрещиваются другъ съ другомъ (рис. 5). У вершины грудной железы помѣщается грудной сосокъ. Это—конусообразное возвышеніе кожи. Въ соскѣ млечные ходы окружены эластическою тканью и гладкомышечными волокнами, благодаря которымъ сосокъ, при раздраженіи,

Рис. 4.

Долька грудной железы. На рисункѣ видно соединеніе млечныхъ протоковъ въ общій млечный ходъ.

способенъ напрягаться, увеличиваться. Кожа, покрывающая сосокъ, морщиниста, богата солями железа и темнаго цвѣта. Во время кормленія ребенка грудныя железы значительно увеличиваются и начинаютъ отдѣлять молоко. При уходѣ за грудями наибольшее вниманіе должно быть обращено на чистоту ихъ. Такъ какъ сосокъ покрытъ очень тонкой, нѣжной кожицей (эпидермисомъ), то, при захватываніи его младенцемъ, на немъ легко образуются ссадины, переходящія при ненадлежащемъ уходѣ въ трещины. Это бываетъ чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда сосокъ настолько малъ, что ребенокъ съ трудомъ можетъ захватить его и то челюстями, а не губами; въ

силу чего актъ сосанія затрудняется. Сильно сдавливая сосокъ челюстями, ребенокъ легко въ такихъ случаяхъ причиняетъ ссадины и даже трещины на соскахъ. Трещины, при каждомъ прикладываніи ребенка, вызываютъ ужаснѣйшія боли, ссадины же менѣ чувствительны. Но наиболѣе неблагопріятнымъ послѣдствіемъ трещинъ можетъ явиться воспаленіе, или нарывы грудной железы. Во избѣжаніе трещинъ слѣдуетъ еще во время беременности заботиться о томъ, чтобы кожа на соскахъ нѣсколько загрубѣла. Это достигается частымъ обмываніемъ сосковъ мыломъ, смазываніемъ ихъ какимъ-нибудь жиромъ, а при очень нѣжной кожѣ полезно обмывать ихъ какими-нибудь вяжущими веществами—крѣпкимъ чаемъ, розовой настойкой, краснымъ виномъ и т. п. Во время же кормленія забота

Железистые пузырьки.

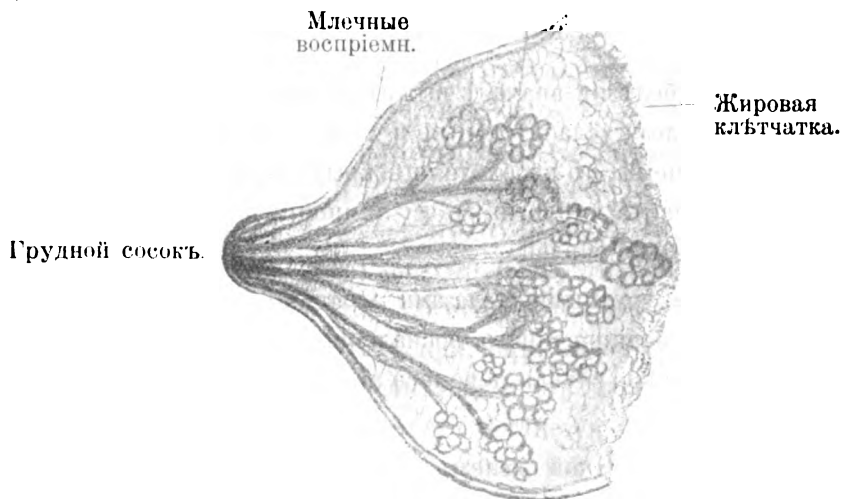

Рис. 5. Схематическое строеніе грудной железы.

о чистотѣ сосковъ должна стоять на первомъ планѣ. До каждого кормленія и послѣ него соски должны быть обмыты тепловатой перерваренной водой. Послѣ обмыванія сосковъ ихъ слѣдуетъ обсушить (гигроскопической ватой). При появленіи же ссадинъ, послѣ обмыванія сосковъ, слѣдуетъ ихъ смазывать какой-нибудь дезинфицирующей мазью, напр.:

Rp. Bismuti Subnitrici 3,0
 Lanolini 30,0
 Balsami Peruviani gtt III
 M. f. unguentum.

Если же, несмотря на всѣ принятыя мѣры, появляются признаки начинающагося воспаления, тогда необходимо сейчасъ же пригласить врача. Воспаленіе грудныхъ железъ (*mastitis*) обусловливается проникновеніемъ микробовъ черезъ трещины и ссадины въ ткань грудной железы. Микробы распространяются или по лимфатическимъ сосудамъ, или по млечнымъ ходамъ, въ силу чего воспаление нерѣдко ограничивается областью только одной дольки. Въ началѣ развитія воспаления на мѣстѣ образованія нарыва появляется ограниченное затвердѣніе и болѣзненное припуханіе грудной железы. Опухоль постепенно увеличивается, становится болѣе плотной, кожа, покрывающая ее, краснѣетъ; боли достигаютъ очень сильной степени. Температура тѣла можетъ подняться до 40°. Черезъ нѣсколько дней опухоль размягчается. Воспаленіе чаще всего появляется въ первые 4 недѣли послѣ родовъ, но иногда наблюдается и во время беременности.

Леченіе этой болѣзни вначалѣ выжидательное (согрѣв. компрессъ на заболѣвшую железу, слабительныя и т. п.). Если же въ опухоли появляется размягченіе, то необходимо вскрыть нарывъ и лечить его дальше по правиламъ хирургіи, т. е. тампонировать вскрытую полость стерилизованной марлей.

При уходѣ за грудными железами особенно надо быть осторожнымъ въ случаѣ бленнорройнаго воспаления глазъ новорожденнаго, такъ какъ наблюдались случаи переноса этого воспаления на грудныя железы.

Отъ нарывовъ грудной железы надо отличать, такъ называемыя *молочныя кисты* (*galactocoele*). Онѣ образуются благодаря закупориванію или заращенію млечнаго хода дольки грудной железы и растяженію ея застаивающимся молокомъ. Кисты эти могутъ достигать громаднхъ размѣровъ. Описаны случаи, гдѣ молочная киста доходила до бедра (*Scarpa*). Но при этихъ опухоляхъ нѣтъ признаковъ воспаления: повышенія т°, покраснѣнія кожи и т. п. Леченіе молочныхъ кистъ заключается въ удаленіи содержимаго ихъ посредствомъ прокола, или разрѣза и послѣдовательномъ дренированіи ихъ.

При кормленіи не слѣдуетъ позволять ребенку засыпать у груди матери, такъ какъ благодаря этому легче образуются ссадины на соскахъ, а у ребенка легче развиваются различныя заболѣванія по-

лости рта. Послѣ cadaго кормленія осторожно вынимають сосокъ и обмываютъ его тепловатой водой, или 2% борной кислотой. Если отдѣленіе молока становится слишкомъ обильнымъ, такъ что ребенокъ не можетъ его использовать, и груди въ силу этого нагрубають и становятся чувствительными, то стараются ограничить количество жидкой пищи, принимаемой матерью, отсасываютъ молоко груднымъ насосомъ и назначаютъ слабительныя съ цѣлю отвлеченія крови къ кишечному каналу. Такъ же поступаютъ и въ томъ случаѣ, если мать не можетъ, или не желаетъ кормить ребенка. Мѣсячныя обыкновенно во время кормленія грудью отсутствуютъ; но, еслибы они появились, то прерывать кормленіе грудью, на время ихъ появленія, не слѣдуетъ.

Сравненіе главныхъ составныхъ частей молока домашнихъ животныхъ съ женскимъ. Молоко, какъ мы знаемъ, представляетъ изъ себя бѣлую непрозрачную жидкость. При разсматриваніи капли молока въ хорошее увеличительное стекло, мы увидимъ, что она состоитъ изъ большого количества капелекъ жира, плавающихъ въ прозрачной жидкости. Этимъ жировымъ шарикамъ молоко обязано своей непрозрачностью и бѣлымъ цвѣтомъ. Въ поставленномъ на нѣсколько часовъ въ холодное мѣсто парномъ молокѣ эти жировые шарики поднимаются вверхъ и образуютъ сливки. Если сливки снять и остальную часть молока опять оставить на нѣкоторое время, то оно, какъ извѣстно, скисаетъ, при чемъ изъ него выдѣляется снѣжно-бѣлая масса—сыренина-казенинъ; если эту массу отдѣлить отъ жидкости выжиманіемъ въ холстѣ, то останется сыворотка. Она при изслѣдованіи оказывается состоящею изъ воды, соли, сахара и незначительнаго количества постороннихъ веществъ. Такимъ образомъ главными составными частями молока будутъ: вода, бѣлокъ, жиръ, сахаръ и соли. Если сравнить молоко домашнихъ животныхъ съ женскимъ, то наиболѣе подходитъ по составу своему къ молоку женщины молоко ослицы; но его въ общепитіи достать трудно и потому наиболѣе распространеннымъ у насъ для кормленія дѣтей является молоко коровы. Разнится оно отъ женскаго молока тѣмъ, что оно содержитъ меньше сахара и воды и больше казеина и солей чѣмъ женское. Казенинъ коровьяго молока при створаживаніи послѣдняго образуетъ болѣе плотныя и обьемистыя хлопья, чѣмъ казеинъ женскаго. При створаживаніи одинаковыхъ количествъ женскаго и коровьяго молока, въ коровьемъ молокѣ получается свертокъ казеина

въ 5 разъ большій, чѣмъ въ женскомъ. Кромѣ казеина и другіе бѣлки молока—альбуминъ и геміальбумоза въ коровьемъ молокѣ содержатся въ иныхъ отношеніяхъ. Въ то время какъ въ женскомъ молокѣ количество альбумина и геміальбумозы въ общей сложности равны количеству казеина, въ коровьемъ молокѣ (*Шмидтъ*) альбумина въ 10 разъ меньше, чѣмъ казеина, а геміальбумозы въ 19 разъ меньше.

На 100 частей бѣлковъ молока по *Шмидту* приходится:

въ женск.: казеина 49,8 част., альбум. 25,7 ч. и геміальбумозы 24,5 ч.
въ коровьемъ: „ 87,3 „ „ 8,2 ч. „ „ 4,5 ч.

Эта разница содержапія бѣлковъ вліяетъ на усваиваніе молока ребенкомъ, такъ какъ найдено, что чѣмъ больше въ молокѣ казеина и меньше альбумина и геміальбумозы, тѣмъ молоко легче свертывается и осадокъ его грубѣе, объемистѣе и труднѣе растворимъ; наоборотъ, чѣмъ меньше казеина по отношенію къ другимъ бѣлкамъ, тѣмъ осажденіе его будетъ труднѣе, менѣе полно, осадокъ нѣжнѣе и легче растворимъ отъ малѣйшаго избытка кислоты. Сахаръ коровьяго молока легче подвергается броженію. Реакція женскаго молока (должна быть обязательно) щелочная, коровьяго же—амфотерная, т. е. такая, что красная лакмусовая бумажка отъ нея сплѣтеть, а синія—краснѣть. Оставаясь на воздухѣ, молоко постепенно измѣняется и реакція его становится болѣе кислой, оттого что молочный сахаръ подъ дѣйствіемъ микроорганизмовъ переходитъ въ молочную кислоту.

Микроорганизмы, попавшіе въ молоко изъ воздуха, быстро размножаются въ немъ. Въ виду этого коровье молоко слѣдуетъ обязательно кипятить, чтобы убить въ немъ всѣхъ болѣзнетворныхъ зародышей и предупредить броженіе его.

Если мы сравнимъ въ ‰ женское молоко съ молокомъ коровы, то получимъ слѣдующія отношенія:

	казеина	жира	сахара	солей
женское молоко	20‰	35‰	50‰	2‰
коровье молоко	40 „	35 „	40 „	6‰

Слѣдовательно, чтобы уравнять коровье молоко съ женскимъ, нужно коровье молоко вдвое развести водой и затѣмъ прибавить жира и сахара, что обыкновенно и продѣлывается на практикѣ. Но

при такой обработкѣ молока уравнивается количество казеина въ коровьемъ и женскомъ молокѣ, что же касается другихъ бѣлковъ (альбумина и геміальбумозы), то количество ихъ въ томъ и другомъ молокѣ остается различнымъ и разница эта значительно понижаетъ удобоваримость коровьяго молока, сравнительно съ женскимъ.

Кормленіе ребенка матерью. Выборъ кормилицы. Изслѣдованіе женскаго молока.

При рожденіи ребенка пищеварительный аппаратъ его значительно недоразвитъ. Такъ до 4-го мѣсяца жизни у дѣтей почти не существуетъ слюноотдѣленія. Мышцы желудка слабо развиты. Мало пепсиновыхъ железъ. Поджелудочный сокъ не содержитъ фермента, превращающаго крахмалъ въ сахаръ. А между тѣмъ ростъ организма въ это время бываетъ наиболѣе быстрымъ, слѣдовательно и потребность въ питательномъ матерьялѣ должна быть велика. Въ силу недоразвитія пищеварительнаго аппарата новорожденный не можетъ усваивать обыкновенной пищи взрослога человѣка и былъ бы обреченъ на гибель, если бы сама природа не позаботилась о немъ и не приготовила для него спеціальной пищи въ видѣ материнскаго молока. Послѣднее является для младенца идеальной пищей.

При кормленіи ребенка материнскимъ молокомъ пищевареніе у здороваго ребенка совершается очень быстро (пища въ желудкѣ остается не болѣе 2-хъ часовъ), переваривается молоко почти безъ всякаго остатка и перевариваніе его почти не сопровождается процессами броженія и гніенія. Доказательствомъ этого служитъ отсутствіе противнаго запаха въ испраженіяхъ.

Кормленіе ребенка грудью матери является полезнымъ не только для ребенка, но и для матери, такъ какъ при кормленіи грудью обратное развитіе матки у родильницы совершается правильнѣе и быстрѣе.

Къ сожалѣнію, есть случаи, когда мать не можетъ, или не должна кормить. *Не можетъ кормить мать* въ томъ случаѣ, когда у нея

нѣтъ молока, или когда имѣются заболѣванія груди—воспаленія ея, язвы и т. п., препятствующія сосанію, или вліяющія на составъ молока.

Мать не должна кормить, если она больна чахоткой, золотухой ракомъ, эпилепсіей, психическимъ разстройствомъ и т. п. При сифилисѣ мать не должна кормить ребенка только въ томъ случаѣ, если сифилисомъ она заразилась въ послѣднія недѣли беременности и ребенокъ при рожденіи не проявляетъ никакихъ признаковъ этого заболѣванія. Что же касается заразныхъ болѣзней: дифтерита, скарлатины, тифа и т. п., то все зависитъ отъ того, какъ переносится ребенкомъ молоко и много ли его. Если молоко переносится хорошо, то кормленіе можно продолжать. Не должна также кормить мать и въ томъ случаѣ, если она настолько слаба и истощена, что кормленіе грудью можетъ окончательно подорвать ея здоровье.

Полное отсутствіе сосковъ встрѣчается рѣдко. Если же они мало развиты, то еще во время беременности слѣдуетъ попытаться увеличить ихъ, осторожно и постепенно оттягивая пальцами, или прикладывая вантузы, которыя употребляются для сдаиванія молока. Послѣ родовъ, если соски все же оказываются малыми, кормленіе грудью иногда удается при помощи специальныхъ колпачковъ и особенно насоса *Озарда-Бюдена*, видоизмѣненнаго *Гиевскимъ*.

Это грушевидной формы колбочка, съ одной стороны которой имѣется стеклянный колпачекъ, имѣющій форму соска. На верхній вытянутый конецъ колбочки надѣвается резиновая трубка со стекляннымъ наконечникомъ, при помощи котораго мать сама насасываетъ молоко (въ колбочку). Нижній конецъ колбочки также вытянутъ въ видѣ короткой трубки. На послѣднюю надѣвается резиновая трубка съ соской для ребенка. Закрывая нижнее отверстіе и придерживая колпачекъ на соскѣ, мать насасываетъ молоко въ колбочку, изъ которой ребенокъ и получаетъ молоко. Приборъ этотъ очень хорошъ, но его надо содержать въ идеальной чистотѣ: послѣ кормленія промывать водой, кипятить его лучше въ содѣ и затѣмъ держать въ перваренной водѣ.

Ребенка прикладываютъ къ груди послѣ того, какъ родильница немного отдохнетъ. Но обыкновенно молоко появляется въ грудяхъ на 2-ія или 3-ія сутки послѣ родовъ. Въ первые дни ребенка можно кормить какъ только у него появляется аппетитъ. Но хорошо уже съ самаго начала приучать его къ извѣстному порядку, а именно:

въ первый мѣсяцъ—черезъ 2 часа днемъ и раза 3 ночью, во второй—черезъ 3 часа днемъ и раза 2 ночью. Впослѣдствіи достаточно давать ребенку грудь разъ 6 въ сутки.

При кормленіи грудью слѣдуетъ обращать вниманіе, чтобы ребенокъ не сосалъ слишкомъ долго грудь въ одинъ пріемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ у ребенка легко развивается заболѣваніе желудка и кишокъ.

Кормить ребенка слѣдуетъ, попеременно чередуя груди при разныхъ кормленіяхъ. такъ какъ молоко выдѣляемое грудью въ началѣ кормленія болѣе водянисто, подъ конецъ же болѣе жирно и имѣетъ желтоватый оттѣнокъ.

На качество молока вліяетъ образъ жизни матери. Правильный образъ жизни, хорошее питаніе, по возможности устраненіе душевныхъ волненій—вотъ условія, при которыхъ питаніе ребенка будетъ наиболѣе успѣшно.

Если у матери молока мало, отнять же отъ груди ребенка она не желаетъ, тогда примѣняютъ такъ называемое смѣшанное кормленіе или прикармливаніе, при которомъ, не лишая ребенка материнскаго молока, начинаютъ приучать его и къ другой пищѣ. Прикармливаніе всегда также должно предшествовать естественному отнятію ребенка отъ груди.

Наиболѣе подходящей пищей для прикармливанія является молоко коровы. Если прикармливать приходится въ первые мѣсяцы жизни (3—4), то молоко коровы слѣдуетъ соответственно возрасту разводить водой (см. искусственное кормленіе). Для прикармливанія же передъ естественнымъ отнятіемъ отъ груди, молоко берется цѣльное.

При прикармливаніи поступаютъ слѣдующимъ образомъ: коровье молоко вначалѣ даютъ ребенку одинъ разъ въ сутки, остальное время—грудь. слѣдующіе 1—2 дня кормятъ, какъ раньше. Если на пищевареніи ребенка коровье молоко дурно не отражается, пріемъ этотъ повторяютъ. Если и въ другой разъ коровье молоко переносится хорошо, его даютъ чаще, затѣмъ раза 2 въ день—въ остальное время грудь. При этомъ надо слѣдить, хорошо ли ребенокъ переноситъ коровье молоко, правильно ли онъ развивается.

Если ребенокъ здоровъ и молока у матери достаточно, то въ концѣ 6-го мѣсяца жизни, или въ началѣ 7-го у него прорѣзываются первые зубы—два верхніе рѣзца. Съ этого времени и можно

начать прикармливать ребенка. Если коровье молоко переносится хорошо, то съ 8-го мѣсяца прикормъ можно разнообразить крахмалистой пищей (манная молочная каша, французская булка, только не сдобная и т. п.). Къ этой пицѣ вскорѣ можно прибавить яйцо въ сметку. Мясо (бульонъ) рекомендуютъ давать не ранѣе года, а то и на второмъ году. Если ребенокъ хорошо переноситъ и усваиваетъ постороннюю пищу и при этомъ онъ совершенно здоровъ (въ это время у ребенка должно быть не меньше 6 зубовъ), то можно его отнять отъ груди. Чаще всего это бываетъ на 10-мъ или 11-мъ мѣсяцѣ жизни. При наступленіи же новой беременности у матери кормленіе грудью надо прекратить и ранѣе этого срока.

Но, отнимая отъ груди, необходимо быть осторожнымъ. Если дитя слабое, болѣзненное и развивается плохо, то на материнскомъ молокѣ слѣдуетъ держать его дольше. Въ виду развитія лѣтомъ желудочно-кишечныхъ заболѣваній у дѣтей, въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы слѣдуетъ избѣгать отнимать отъ груди.

Выборъ кормилицы. Если мать почему либо не можетъ кормить ребенка, тогда лучше всего замѣнить ее кормилицей. Но при выборѣ кормилицы надо быть особенно строгимъ, такъ какъ хорошая кормилица все же хуже средняго достоинства матери.

Отъ кормилицы требуется, чтобы 1) она была здорова, 2) чтобы молока у ней было достаточно, и 3) чтобы молоко было хорошее.

Лучшими кормилицами будутъ женщины послѣ вторыхъ или третьихъ родовъ, въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ. Важно также, чтобы ребенокъ мамки и ребенокъ, къ которому она нанимается, были бы одного возраста и чтобы, во всякомъ случаѣ, разница во времени родовъ кормилицы и матери не превышала 2—3 мѣсяцевъ. Необходимо, чтобы кормилица отличалась ровнымъ, добродушнымъ характеромъ и была чистоплотна.

При опредѣленіи здоровья кормилицы надо обращать вниманіе, нѣтъ ли у нея золотухи, чесотки, сифилса и другихъ кожныхъ болѣзней въ видѣ сыпей, рубцовъ, язвъ на кожѣ или припухшихъ лимфатическихъ железъ; нѣтъ ли признаковъ англійской болѣзни, чахотки и т. п.

Для рѣшенія этихъ вопросовъ нуженъ не только наружный осмотръ, но и внутреннее изслѣдованіе, осмотръ полости рта, зубовъ, изслѣдованіе груди, изслѣдованіе влагалища при помощи зеркала и т. п. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ необходимо предоставить врачу.

О достаточномъ количествѣ молока у кормилицы мы судимъ на основаніи кормленія ею своего ребенка. Если ребенокъ при сосаніи часто глотаетъ, сосеть грудь не долго (10—15 минутъ), послѣ чего спокойно засыпаетъ; если и послѣ кормленія изъ груди кормилицы при сдавливаніи соска молоко брызжетъ сильными струйками, мы можемъ быть убѣждены, что молока достаточно. Чтобы еще точнѣе убѣдиться, достаточно ли молока у кормилицы, мы можемъ взвѣсить ребенка до и послѣ кормленія и если ребенокъ послѣ кормленія прибудетъ на 100—150 грм. (около 25—35 золотн).— молока достаточно.

Качество молока кормилицы зависитъ не только отъ ея здоровья, но и отъ питанія и вообще отъ ея образа жизни. Молоко будетъ хорошее въ томъ случаѣ, если она будетъ вести правильный образъ жизни и хорошо питаться. Но надо имѣть въ виду, что и питаніе и образъ жизни не должны рѣзко отличаться отъ тѣхъ, какіе вела кормилица до родовъ. Лучшимъ доказательствомъ хорошаго качества молока можетъ служить вскармливаемый ребенокъ. Если онъ веселъ, растетъ, прибавляется въ вѣсѣ и отпаиваніе желудка и кишокъ у него правильное, то молоко несомнѣнно хорошее.

При болѣе точномъ изслѣдованіи молока узнаютъ его реакцію, удѣльный вѣсъ, содержаніе жира въ немъ и видъ его подъ микроскопомъ.

Реакція женскаго молока должна быть обязательно щелочная.

Удѣльный вѣсъ женскаго молока колеблется отъ 1,026 до 1,036. Въ среднемъ хорошемъ молокѣ онъ равенъ 1,028—1,034.

Удѣльный вѣсъ опредѣляется посредствомъ прибора, называемаго лактоденсиметромъ (см рис. 6). На верхней суженной части этого прибора нанесены дѣленія, отмѣченныя цифрами. При погруженіи его въ молоко, цифра, указывающая удѣльный вѣсъ молока, находится на одной плоскости съ уровнемъ молока въ сосудѣ.

На удѣльный вѣсъ молока сильно влияетъ присутствіе жира и воды въ немъ. Чѣмъ жирнѣе молоко, тѣмъ оно легче, т. е. удѣльный вѣсъ его меньше. Въ силу этого напр. вечернее молоко кормящей женщины имѣетъ меньшій удѣльный вѣсъ, чѣмъ утреннее.

Рис. 6.
Лактоденсиметръ

У здоровой, хорошо питающейся женщины болѣе высокій удѣльный вѣсъ, у плохо питающейся, наоборотъ, болѣе низкій.

Для опредѣленія *жира* въ молоко употребляются различные приборы; лучшимъ изъ нихъ считается лактобутирометръ *Marchand'a*, видоизмѣненный *Conrad'омъ* (См. рис. 7). Это особой формы пробирка съ дѣленіями. Исслѣдованіе производится такъ: до замѣтки М. наливаютъ молока, затѣмъ прибавляютъ каплю ѣдкой щелочи (Na OH), взбалтываютъ. Снова прибавляютъ эфира до замѣтки Aeth. взбалтываютъ. Потомъ прибавляютъ 80—90° спирта и, взболтавъ все, ставятъ приборъ въ теплую 35—40° воду, оставляя его въ вертикальномъ положеніи. Черезъ 10—15 минутъ весь жиръ соберется кверху, гдѣ нанесены дѣленія. Каждому дѣленію пробирки соответствуетъ извѣстное количество жира.

Подробные химическіе анализы женскаго молока показываютъ слѣдующій составъ его:

Воды въ женскомъ молоко бываетъ въ среднемъ 88,8%; количество ея можетъ колебаться отъ 83,7 до 91,9%. У очень молодыхъ матерей, у истощенныхъ молоко водянистѣе, во время менструацій наоборотъ оно гуще.

Сахаръ въ молоко содержится въ видѣ молочнаго сахара (лактоза). Онъ составляетъ переходъ отъ винограднаго къ тростниконому сахару. Въ женскомъ молоко содержаніе его въ среднемъ равняется 5,5%. Сахаръ этотъ не способенъ къ спиртному броженію. Подъ вліяніемъ молочнокислой бациллы (*bacillus acidi lactici*), которая постоянно находится въ желудочно-кишечномъ каналѣ ребенка молочный сахаръ переходитъ въ молочную кислоту, въ силу чего молоко киснетъ.

Количество *жира* въ женскомъ молоко колеблется отъ 2% до 7%, въ среднемъ отъ 3 до 4%. Во время одного кормленія первая порція молока обыкновенно болѣе водяниста и бѣднѣе жиромъ. У женщинъ истощенныхъ, анемичныхъ молоко менѣе жирно.

Изъ *бѣлковъ* молока первое мѣсто занимаетъ *казеинъ*, который растворяется только въ щелочной средѣ (при скисаніи молока онъ свертывается и выпадаетъ). По количеству онъ равенъ половинѣ всѣхъ бѣлковъ женскаго молока.

Рис. 7. Лактобутирометръ *Конрада*.

Вторую половину бѣлковъ молока поровну занимають *альбуминъ* и *геміальбумоза*. Альбуминъ служитъ для образованія казеина. Геміальбумоза наиболѣе растворимый изъ бѣлковъ молока. Онъ не свертывается ни отъ кипяченія, ни отъ дѣйствія на него кислотъ. Геміальбумоза способствуетъ свертыванію казеина въ видѣ нѣжныхъ мелкихъ хлопьевъ.

Изъ *солей* въ молокѣ встрѣчается фосфорно-кислая известь, желѣзо, магnezія и др.; изъ нихъ преобладають въ молокѣ фосфорно-кислыя соединенія. Въ среднемъ солей въ женскомъ молокѣ бываетъ 0,2%, въ коровьемъ же 0,6—0,7%. Количество солей (особенно фосфатовъ) бываетъ наибольшее въ первые мѣсяцы кормленія (въ первое полугодіе). У молодыхъ женщинъ солей въ молокѣ меньше, чѣмъ у пожилыхъ.

Изъ солей наиболѣе необходимой для растущаго организма является фосфорно-кислая известь. Недостатокъ ея въ организмѣ и молокѣ матери можетъ быть причиною развитія англійской болѣзни у ребенка. Наблюденія показываютъ, что дѣти матерей, молоко которыхъ богаче солями, развиваются лучше, бывають крѣпче, растутъ быстрѣе; у нихъ скорѣе появляются зубы и они раньше начинаютъ ходить, чѣмъ у тѣхъ кормящихъ, молоко которыхъ бѣдно солями.

Въ молокѣ очень молодыхъ женщинъ отъ 15 до 20 лѣтъ содержаніе бѣлка и жира бываетъ наибольшимъ, сахара же наименьшимъ. Въ возрастѣ же отъ 25 до 30 лѣтъ бѣлка бываетъ меньше, а сахара больше.

Молоко первородящихъ богаче водой и бѣднѣе казеиномъ, сахаромъ и жиромъ, чѣмъ у многородящихъ. У истощенныхъ и голодающихъ кормящихъ количество бѣлковъ уменьшается; при постной пищѣ ихъ тоже мало, но при усиленномъ кормленіи питательной пищей количество ихъ сильно и быстро увеличивается.

При появленіи менструацій у кормящей женщины питательныя свойства молока понижаются. При наступленіи новой беременности во время кормленія молоко бѣднѣетъ всѣми составными частями.

Въ первое полугодіе кормленія молоко бываетъ бѣднѣе водою, жиромъ и сахаромъ, но богаче бѣлками и солями. Женское молоко съ высокимъ удѣльнымъ вѣсомъ и малымъ содержаніемъ жира мало пригодно для кормленія дѣтей.

На качество молока оказываютъ вліяніе многія пищевыя и лекарственныя вещества. Такъ напр. извѣстно, что алкоголь выводится

съ молокомъ изъ грудной железы. При обильномъ употребленіи кормилицей алкоголя дѣти становятся возбужденными, страдаютъ бессонницей, иногда у нихъ появляются конвульсіи, рвота и поносъ. Съ молокомъ кормилицы могутъ также попадать къ ребенку слабительныя и другія лекарственныя вещества, принимаемыя кормилицей.

Доказано также, что черезъ грудную железу ребенку могутъ передаваться ядовитыя вещества (токсины) при заболѣваніи кормилицы, или матери инфекціонными болѣзнями (столбнякъ, дифтеритъ, брюшной тифъ и т. п. заболѣванія).

Въ случаѣ отравленія молока ядовитыми веществами ребенокъ не переноситъ его.

При разсматриваніи капли молока подъ микроскопомъ, въ ней должны преобладать жировыя шарики средней величины, отсутствовать гнойныя и кровяныя шарики, а послѣ 3-хъ недѣль послѣ родовъ и молозивныя тѣльца.

Отправление кишечника. Цвѣтъ, консистенція, запахъ и реакція испражнений. Реактивныя бумажки. Отправление почекъ. Мочекислый инфарктъ.

Вскорѣ послѣ родовъ, а при затяжныхъ родахъ, если ребенокъ находится въ состояніи асфіксіи, т. е. временной пріостановки дыханія, то и во время самыхъ родовъ у новорожденнаго появляется первое испражненіе. Испражненіе это называется *первороднымъ каломъ, меконіумъ*. Оно представляетъ изъ себя клейкую, темно-бурую, густую массу, слабо-кислой реакціи, безъ всякаго запаха. Меконіумъ состоитъ изъ слизи, остатковъ желчи, кишечнаго эпителія, клѣтокъ поверхностнаго слоя кожи (эпителіальныхъ), мелкихъ волосковъ, жира и другихъ составныхъ частей околоплодной жидкости, которую плодъ проглатываетъ во время утробной жизни. Кромѣ того въ первородномъ калѣ имѣются красящія вещества желчи: кристаллы холестеарина и билирубина. Нормальный меконіумъ не содержитъ продуктовъ гніенія. Въ первые часы послѣ родовъ первородный калъ совершенно свободенъ отъ микроорганизмовъ, но уже очень скоро послѣ родовъ, иногда черезъ 3 часа въ немъ появляются и быстро размножаются зародыши бактерій. Попадаютъ они въ кишечникъ изъ воздуха черезъ ротъ.

Освобождаются кишки отъ меконіум'а въ первые 2—3 дня. Съ третьяго же дня испражненія дѣлаются свѣтлѣе и, если ребенокъ здоровъ, то они выдѣляются 2—3 раза въ сутки (первые 2 дня— раза 3—4 въ сутки), бываютъ кашицеобразной консистенціи и не содержатъ избытка воды, т. е. попавши на бѣлье они должны промачивать его не больше какъ на 1 см. вокругъ себя. Испражненія должны быть равномѣрно желтаго, или оранжеваго *цвѣта*.

Слизь не должна выдѣляться въ видѣ отдѣльныхъ комковъ, а равномерно распределена во всей массѣ.

Реакція испражнений узнается при посредствѣ особой, такъ называемой, лакмусовой реактивной бумаги. Бумага эта бываетъ двухъ цвѣтовъ—красная и синяя. Отъ кислой реакціи синяя бумага краснѣетъ, а отъ щелочной красная—синѣетъ. При кормленіи ребенка материнскимъ молокомъ нормальныя испраженія имѣютъ кислую реакцію (вслѣдствіе разложенія жира и незначительнаго содержанія казеина), при кормленіи же коровьимъ молокомъ реакція испражнений—щелочная вслѣдствіе продуктовъ гніенія казеина. Поэтому и *запахъ испражнений* при кормленіи коровьимъ молокомъ нѣсколько гнилостный, въ то время какъ при кормленіи материнскимъ молокомъ онъ бываетъ кисловатый и не противный.

Въ первые 2 мѣсяца жизни при нормальномъ пищевареніи *число испражнений* бываетъ отъ 2—4 разъ въ сутки, начиная же съ 3-го мѣсяца отъ 2-хъ до 1-го раза въ сутки. Число испражнений можетъ зависѣть отъ пищи ребенка. Такъ при кормленіи ребенка сливками, значительная часть сливокъ не всасывается и дѣйствуетъ на кишечникъ, какъ слабительное. Такое же дѣйствіе на кишечникъ производитъ избытокъ казеина. Недостатокъ въ молокѣ жира напротивъ способствуетъ уменьшенію числа испражнений.

При заболѣваніяхъ кишечнаго канала характеръ испражнений измѣняется и иногда настолько характерно, что по виду испражнений можно судить о характерѣ заболѣванія кишекъ.

Такъ напр. нормальный желтый *цвѣтъ* испражнений нерѣдко переходить въ *зеленый* при различныхъ процессахъ броженія въ кишечникѣ, особенно когда нормально кислая реакція содержимаго кишекъ переходитъ въ щелочную.

Глинистый цвѣтъ испраженія обуславливается недостаткомъ желчи въ испраженіяхъ. Рѣзче всего это бываетъ выражено при желтухѣ, когда желчь почти не поступаетъ въ кишечникъ.

Очень характерный видъ имѣютъ испраженія при диспепсіи кишокъ; желтый цвѣтъ испражнений при этомъ заболѣваніи перемѣшанъ съ зеленымъ и бѣлымъ. Испраженія въ такихъ случаяхъ похожи на рубленныя яйца.

Очень важное значеніе имѣетъ примѣсъ крови въ испраженіяхъ. Если кровь свѣжая, она окрашиваетъ испраженія въ *красный цвѣтъ*. Чаще всего это случается при запорахъ, ведущихъ къ

трещинамъ слизистой оболочки прямой кишки или полнахъ прямой кишки. Кровь въ такихъ случаяхъ покрываетъ испражненія снаружи въ видѣ полосокъ. Если же имѣется внутреннее кровотеченіе въ кишкахъ и при томъ кровь долго не выдѣляется изъ кишекъ и задерживается въ нихъ, то испражненія обычно пріобрѣтаютъ темный, а иногда и *черный дитеобразный цвѣтъ*.

Черный цвѣтъ испражненій можетъ зависѣть также и отъ пріема внутрь лекарствъ, напр. желѣза; при употребленіи внутрь бисмута испражненія окрашиваются въ зеленовато-черный цвѣтъ.

Консистенція испражнений въ зависимости отъ болѣзни кишокъ измѣняется отъ слишкомъ густой при запорахъ до слишкомъ жидкой, водянистой при поносахъ.

Если испражненія обильны, часты и очень водянисты, то можетъ быстро наступить истощеніе организма.

Число испражнений при различнаго рода заболѣваніяхъ также бываетъ различно. При остромъ катаррѣ кишокъ, особенно прямой кишки испражненія бываютъ очень часты. Въ другихъ же случаяхъ развивается зачоръ. Испражненія наступаютъ черезъ 2—3 дня.

Важно также обращать вниманіе на *составъ испражнений*. При различныхъ заболѣваніяхъ, кромѣ обычныхъ составныхъ частей, въ испражненіяхъ могутъ быть: непереваренныя части пищи, особенно при кормленіи ребенка неподходящей пищей; гной при тяжелыхъ формахъ воспаленія кишокъ; кровь при кровотеченіи изъ кишокъ; слизь въ большомъ количествѣ при заболѣваніи прямой кишки. Наконецъ глисты, ихъ яйца и постороннія тѣла, которыя дѣти могутъ проглатывать при плохомъ присмотрѣ за ними.

Отправленіе почекъ. Первое мочеиспусканіе по рожденіи ребенка наступаетъ на первый, или второй день жизни, рѣдко на 3-ій. Въ первые дни послѣ рожденія почки выдѣляютъ очень мало мочи. Впослѣдствіи количество мочи увеличивается сообразно количеству выпиваемаго молока. Такъ, въ первый день послѣ родовъ суточное количество мочи равняется 15—30 куб. см., къ 10-му же дню оно увеличивается до 300, а къ концу мѣсяца и до 400 куб. см. Моча новорожденныхъ мутна, богата мочекислыми солями, содержитъ бѣлокъ, кислой реакціи и почти не имѣетъ запаха, высокаго удѣльнаго вѣса 1010—1020; но уже къ 10-му дню бѣлокъ исчезаетъ, моча дѣ-

дается свѣтлѣе, водянистѣе, совершенно прозрачной, низкаго удѣльнаго вѣса и пріобрѣтаетъ нейтральную реакцію.

До 4-го мѣсяца жизни выдѣленіе мочи бываетъ произвольное. Въ первые дни послѣ рожденія, какъ сказано, мочи выдѣляется мало; ея бываетъ недостаточно для растворенія мочевоѣ кислоты, которая у новорожденныхъ образуется, повидимому, въ относительно большемъ количествѣ.

Нерастворенная мочевоѣ кислота осаждается въ почкахъ, образуя въ нихъ такъ называемыя *мочекислыѣ инфаркты*. Такимъ образомъ мочекислымъ инфарктомъ называется переполненіе прямыхъ мочевоѣхъ канальцевъ въ почкѣ мочевоѣ кислотой. Они появляются обыкновенно въ почкѣ между 2-мъ и 10-мъ днемъ. Выдѣляются изъ почки они постепенно въ теченіи первыхъ двухъ недѣль. При выдѣленіи мочекислаго инфаркта изъ почекъ количество мочевоѣ кислоты въ мочѣ увеличивается.

Хотя мочекислый инфарктъ и считается явленіемъ физиологическимъ, но осажденіе мочевоѣ кислоты въ почкахъ ведетъ иногда къ образованію почечныхъ камней и почечнаго песка. Самое же выдѣленіе мочевоѣ кислоты у дѣтей вызываетъ иногда раздраженіе, жженіе и зудъ въ наружномъ отверстіи моченспускательнаго канала. При большомъ же скопленіи мочевоѣ кислоты могутъ появиться сильныя, въ видѣ приступовъ, боли. Для облегченія этихъ болей полезны продолжительныя теплыя ванны, согрѣвающій компрессъ на животъ и поясницу и обильное питье для скорѣйшаго растворенія мочевоѣ кислоты.

Кромѣ избытка мочевоѣ кислоты въ мочѣ новорожденныхъ можетъ быть гной при заболѣваніи почекъ и мочевоѣго пузыря; кровь не только при заболѣваніи почекъ и мочевоѣхъ путей, но и при общихъ заболѣваніяхъ напр. дѣтскомъ скорбутѣ, при камняхъ мочевоѣхъ путей и т. п.

Съ 10-го дня моча новорожденныхъ не должна содержать бѣлка. Нахожденіе его въ мочѣ послѣ этого времени указываетъ на заболѣваніе почекъ. Бѣлокъ въ мочѣ можетъ появиться также при общемъ септическомъ заболѣваніи, при употребленіи дегтярныхъ препаратовъ и карболки.

**Слушивание кожицы. Убытие вѣса новорожденныхъ. Причины.
Мѣры для устранения этого явленія.**

При появленіи новорожденнаго на свѣтъ почти вся поверхность кожи его за исключеніемъ ладоней и подошвъ покрыта слоемъ жирной *первородной* смазки (*vernix caseosa*), выдѣляемой сальными железами кожи. Съ первой ванной смазка эта обыкновенно удаляется и поверхность кожи становится красной, благодаря сильному приливу крови къ кожѣ подѣ влияніемъ внѣшнихъ раздраженій: температуры воздуха, ванны и т. п. Такое состояніе кожи называется *физиологической эритемой* (краснотой) кожи. Дня черезъ 2 краснота эта исчезаетъ, смѣняясь иногда желтушнымъ окрашиваніемъ кожи. По исчезновеніи красноты наступаетъ обыкновенно слушивание кожицы.

Слушивание кожицы обуславливается омертвѣніемъ поверхностныхъ эпителиальныхъ клѣтокъ кожи, благодаря переходу плода изъ околоплодной жидкости въ окружающую насъ атмосферный воздухъ. Слушивается кожа или отдѣльными чешуйками или даже цѣлыми пластами. Слушивание это продолжается обыкновенно въ теченіе 10—20 дней, но иногда затягивается и дольше. Болѣе рѣзко слушивание выражено и продолжается болѣе 20-ти дней у недоношенныхъ и слабыхъ дѣтей. Шелушеніе кожицы бываетъ сильнѣе выражено на лицѣ, животѣ и груди.

Въ складкахъ кожи, въ паховыхъ сгибахъ, подѣ мышками, за ушками и т. п., если кожа слушивается большими пластинками, легко наступаютъ опрѣлости, такъ какъ обнаженная и еще неуспѣвшая ороговать кожа выдѣляетъ жидкость. Это надо имѣть въ виду, чтобы предупредить опрѣлости.

Это—такъ называемое *физиологическое шелушеніе кожи*; его надо отличать отъ *воспалительнаго шелушенія* кожи. При этой болѣзни, встрѣчающейся только у новорожденныхъ, также появляется краснота кожи, а затѣмъ шелушеніе, но только явленія эти выражены болѣе сильно, чѣмъ при физиологическомъ шелушеніи, хотя въ общемъ ребенокъ также остается совершенно здоровымъ. Но помимо болѣе рѣзкихъ явленій болѣзнь эту можно отличить и потому, что начинается она не ранѣе конца первой недѣли и протекаетъ довольно характерно, какъ бы ползеть по тѣлу.

Кромѣ шелушенія кожи слѣдуетъ отмѣтить еще у новорожденныхъ и грудныхъ дѣтей усиленное выдѣленіе жира салными железами въ особенности на волосистой части головы. Если къ этому салу пристанетъ пыль и грязь, то вскорѣ, благодаря высыханію сала, образуются вначалѣ желтовато-сѣрыя, потомъ коричневая и даже черная чешуйки. Постепенно сливаясь другъ съ другомъ и увеличиваясь, онѣ могутъ образовать сплошную кору, покрывающую волосистую часть головы въ видѣ шапки (*Seborrhea capitis*). Въ закрытой, такимъ образомъ, кожѣ затрудняется кожное дыханіе; подъ вліяніемъ прилива крови происходитъ раздраженіе кожи и даже экзема. Все это, несомнѣнно, дурно отражается на здоровьѣ ребенка. Предупредить образованіе такихъ чешуекъ можно опрятнымъ содержаніемъ ребенка. Каждый разъ, купая ребенка, слѣдуетъ головку (волосистую часть головы) мыть съ мыломъ. Если же приходится имѣть дѣло съ уже образовавшеюся корою засохшаго сала и грязи, то для удаленія ея хорошо предварительно смазать кору какимъ нибудь масломъ (напр. прованскимъ) и затѣмъ обмывать головку щеткой съ мыльной водой.

Убываніе вѣса новорожденныхъ. Причины. Мѣры для устраненія. Въ первые 3—4 дня послѣ рожденія вѣсъ тѣла новорожденнаго обыкновенно уменьшается и достигаетъ наибольшей потери на 4-ый день до 130—200 грам. Убываніе это происходитъ частью вслѣдствіе испражнений, частью вслѣдствіе потери жидкости организмомъ ребенка, благодаря испареніямъ кожи и выдѣленію жидкости при дыханіи черезъ легкіе, при мочеиспусканіи и т. п., но самое главное благодаря недостатку питанія, такъ какъ молоко у матери начинаетъ выдѣляться только на 3-й или 4-й день. Съ 4-го дня вѣсъ начинаетъ увеличиваться и къ концу первой недѣли новорожденный вѣснѣтъ столько же, какъ и послѣ родовъ. Такъ бываетъ у здоровыхъ доно-

шенныхъ дѣтей при кормленіи ихъ молокомъ матери. У недоносковъ же и у дѣтей вскармливаемыхъ искусственно потеря вѣса бываетъ больше и выравнивается позднѣе. Но и у совершенно доношенныхъ и хорошо развитыхъ дѣтей убываніе вѣса можетъ быть больше и держаться дольше нормального. Причиной этого будетъ всегда какая нибудь болѣзнь новорожденнаго, чаще всего плохое кормленіе и въ силу этого заболѣваніе желудочно-кишечнаго канала, диспепсія, желтуха новорожденныхъ и т. п.

Мѣрами къ устраненію этого явленія будутъ: леченіе развитой болѣзни, если она есть, и, главнымъ образомъ, устраненіе причинъ ее вызывающихъ: правильное питаніе, уходъ за полостью рта ребенка и грудями кормилицы, или матери и вообще правильный уходъ за ребенкомъ.

Увеличеніе вѣса новорожденнаго по мѣсяцамъ. При правильномъ питаніи и уходѣ ребенокъ съ 4-го дня жизни начинаетъ прибывать въ вѣсѣ. И чѣмъ здоровѣе ребенокъ, чѣмъ правильнѣе идетъ его питаніе, тѣмъ замѣтнѣе эта прибыль въ вѣсѣ. Наоборотъ, если ребенокъ боленъ, онъ можетъ не только не прибывать въ вѣсѣ, но въ тяжелыхъ случаяхъ даже уменьшаться. Поэтому систематическое взвѣшивание ребенка, хотя бы разъ въ недѣлю, но при одинаковыхъ условіяхъ до кормленія, или послѣ кормленія, можетъ служить для насъ большимъ подспорьемъ при опредѣленіи здоровья младенца.

Къ концу недѣли, а иногда къ 10-му дню послѣ родовъ вѣсъ тѣла новорожденнаго снова достигаетъ первоначальнаго вѣса. Наибольшее увеличеніе вѣса младенца бываетъ въ 1-ый и 2-ой мѣсяць по рожденіи его. При правильномъ питаніи и хорошемъ уходѣ за ребенкомъ вѣсъ тѣла его къ концу 5-го мѣсяца удваивается, а къ концу года утраивается. Такимъ образомъ къ концу года вѣсъ ребенка равняется около 9000 грм. (22 фунта). Этотъ вѣсъ удваивается приблизительно къ 6 годамъ. Ежегодная прибавка въ это время равняется 1500—1800 грм. Въ теченіе первыхъ 5 мѣсяцевъ ежемѣсячная прибавка = 650 грм. = $1\frac{3}{8}$ фунта. Отъ 5-го же до 12-го мѣсяца она равна 470 грм. = $1\frac{1}{8}$ фунта въ мѣсяць.

По таблицѣ Бушо (*Bouchaud*) прибавка вѣса идетъ такимъ образомъ:

I-й мѣсяць	750 гр.	въ день	25 грм.	(6 золотн.)	. 4000 грм.
II	700	"	23	" (5 $\frac{1}{2}$ ")	. 4700 "
III	650	"	22	" (5 ")	. 5350 "

IV-й мѣс.	600 гр.	въ день	20 грм.	(4 ¹ / ₂ золот.)	. 5950 грм.
V "	550	"	18 "	(4 ")	. 6500 "
VI "	500	"	17 "	(4 ")	. 7000 "
VII "	450	"	15 "	(3 ¹ / ₂ ")	. 7450 "
VIII "	400	"	13 "	(3 ")	. 7850 "
IX "	350	"	12 "	(2 ³ / ₄ ")	. 8200 "
X "	300	"	10 "	(2 ¹ / ₃ ")	. 8500 "
XI "	250	"	8 "	(2 ")	. 8750 "
XII "	200	"	7 "	(1 ³ / ₄ ")	. 8950 ¹⁾ "

При искусственномъ же кормленіи въ первые 5 мѣсяцевъ увеличеніе въ вѣсѣ бываетъ на 20—50 грм. меньше чѣмъ у вскармливаемыхъ молокомъ матери. Отъ 5-го до 12-го мѣсяца эта разница равняется отъ 40 до 100 грм.

Приведенныя выше цифры указываютъ приблизительно средній нормальный вѣсѣ ребенка, отъ котораго даже и при правильномъ развитіи ребенка возможны отклоненія въ ту или въ другую сторону. Но если и не съ указанною выше правильностью, все же здоровый ребенокъ постоянно долженъ прибывать въ вѣсѣ.

Для правильнаго сужденія о развитіи ребенка одного взвѣшиванія, конечно, не достаточно. Такъ напр. случается, что золотушные и рахитичные дѣти бываютъ весьма тучны и имѣютъ иногда сравнительно большой вѣсѣ, съ другой стороны дѣти карлики могутъ имѣть вѣсѣ значительно ниже приведенныхъ выше цифръ и въ то же время совершенно правильно развиваться.

1) Вѣсѣ тѣла младенца къ концу года.

Отличительные признаки доношенного плода. Вѣсъ, длина, размѣры головы, плечъ, таза. Отличительные признаки недоношенного плода. Вѣсъ, длина, размѣры головы. Уходъ за новорожденными слабыми и недоношенными. Купанье.

Доношенный плодъ характеризуется слѣдующими признаками: длина тѣла его равняется въ среднемъ 50 см. при вѣсѣ 3250 грм. ($7\frac{1}{2}$ фун.). Кожа розовато-бѣлаго цвѣта, почти на всей поверхности покрыта сыровидной смазкой (*vernix caseosa*). Благодаря значительному отложенію жира въ подкожной клѣтчаткѣ тѣльце плода упруго, съ округлыми формами. На плечахъ остатки пушка. Волосы на головѣ по большей части темнаго цвѣта, длиною въ 3—4 см. Ногти твердые, выступаютъ изъ-за края пальцевъ. Яички у мальчиковъ ощупываются въ хорошо развитой морщинистой мошонкѣ; у дѣвочекъ большія губы прилегаютъ одна къ другой. Хрящи ушей и носа тверды на ощупь. Кости головы плотно прилегаютъ одна къ другой; швы узки, роднички выдаются. Окружность головы по прямому размѣру равняется 34—35 см., а груди (на уровнѣ сосковъ) 32—33 см. Ширина плечъ $11\frac{1}{2}$ см., таза 10 см. Вскорѣ послѣ родовъ ребенокъ громко кричитъ и быстро двигаетъ руками и ножками. Пуповина прикрѣпляется по срединѣ между мечевиднымъ отросткомъ и лобкомъ.

У недоношенного незрѣлаго плода, т. е. рожденнаго между 28 и 38 недѣлями, длина тѣла будетъ меньше 45 см., вѣсъ его меньше 2500 грм. Окружность головы и груди меньше 30 см. и пуповина прикрѣпляется ближе къ лонному соединенію. Кромѣ этихъ главныхъ признаковъ недоношеннаго плода, недоноски вообще характеризуются недоразвитіемъ своего тѣла. Они представляются худыми. съ морщинистой красной кожей, безъ подкожно-жирнаго слоя, со

старческимъ лицомъ, кожа ихъ на большомъ протяженіи покрыта обильнымъ пушкомъ. Волосы на головѣ тонки и рѣдки. Ногти не достигаютъ верхушекъ пальцевъ. Головка плода несоразмѣрно велика сравнительно съ остальною частью тѣла, кости ея тонки, швы и роднички широки. Мошонка пуста, гладка. Большія срамныя губы у дѣвочекъ раскрыты, малыя срамныя губы выступаютъ изъ-за большихъ. Голосъ недоносковъ слабъ и пискливъ, кричатъ они рѣдко, плохо берутъ грудь и слабо сосутъ. Мало двигаются. Больше спятъ. Чѣмъ болѣе недоношенъ плодъ, тѣмъ рѣзче выступаютъ всѣ эти особенности. Кромѣ этихъ внѣшнихъ признаковъ недоноски характеризуются постоянной склонностью къ охлажденію тѣла. Этому много способствуетъ недостатокъ у нихъ подкожно—жирнаго слоя, который, являясь дурнымъ проводникомъ тепла, защищаетъ тѣло отъ охлажденія. А такъ какъ дыханіе и дѣятельность сердца у недоносковъ слабы, а слѣдовательно и процессы окисленія недостаточны, то эта потеря тепла однѣми силами организма недоноска пополнена быть не можетъ.

Если къ этому прибавить особенное предрасположеніе недоносковъ къ различнаго рода заболѣваніямъ, благодаря ослабленію всѣхъ функцій организма, а также невозможность правильного сосанія груди, особенно если соски тверды, то намъ станетъ понятно, что недоноски труднѣе выживаютъ, чѣмъ вполнѣ доношенные плоды. Всякое неблагоприятное вліяніе сильнѣе отражается на нихъ и скорѣе вызываетъ всякаго рода заболѣванія. Поэтому за ними нуженъ особенно тщательный уходъ. При разумномъ уходѣ выживаютъ недоноски даже неполныхъ 28 недѣль. Помимо кормленія главная забота должна быть направлена на то, чтобы T^o окружающаго ихъ воздуха была бы немного ниже той T^o , при которой они развивались бы до нормальнаго срока въ утробѣ матери, т. е. около 25—30° по R.

Лучше всего эта цѣль достигается, если температуру дѣтской, въ которой находится недоносокъ, постоянно поддерживать на 30—33° C, заботясь при этомъ, чтобы и въ остальныхъ отношеніяхъ комната удовлетворяла своему назначенію, т. е. была свѣтла, суха, чиста и хорошо вентилирована. Но такъ какъ такія условія трудно достижимы, то предложенъ цѣлый рядъ приборовъ, ящичковъ, грѣлокъ (термостатовъ), въ которыхъ постоянно поддерживается одинаковая температура—около 30—33° C. (24—26° R).

Болѣе старый типъ этихъ приборовъ представляетъ изъ себя ванночку, въ которую вставляется другая меньшая ванночка съ широкими краями, прикрывающими разстояніе между стѣнками обѣихъ ванночекъ. Въ пространство между стѣнками ванночекъ наливается горячая вода, благодаря которой воздухъ въ меньшей ваннѣ можетъ быть нагрѣтъ до желаемой t° . Сверху ванночка закрывается простынкой. На такомъ же принципѣ устраиваются грѣлки—термостаты. Это цинковые ящики съ двойными стѣнками, между которыми наливается вода. Чтобы уменьшить потерю тепла стѣнками термостата ихъ покрываютъ снаружи асбестомъ. Температура воды удерживается на одной высотѣ при помощи лампы. Одна изъ стѣнокъ, или крышка термостата должна быть стеклянной и представлять изъ себя дверцы. Внутри такой грѣлки помѣщается кроватка для недоноска, термометръ и вентиляціонная трубка для очистки воздуха.

Кромѣ металлическихъ предложены были также и деревянные грѣлки-теплички *Оварда*. Это деревянный ящикъ съ двойными стѣнками длиною въ 65 см., шириною въ 36—и высотой въ 50 см. Внутри такого ящика имѣется термометръ, вентиляціонная трубка и кроватка для недоноска. Воздухъ въ грѣлкѣ нагрѣвается глиняными или цинковыми кувшинами, въ которые наливается вода. Кромѣ такихъ ящиковъ для недоносковъ существуютъ особыя жестяныя корытки также съ двойными стѣнками для наливаія теплой воды. Вода по мѣрѣ охлажденія замѣняется болѣе горячей. Если никакихъ приспособленій для согрѣванія недоносковъ нѣтъ, то въ обыкновенную постельку по бокамъ младенца кладутъ бутылки съ теплой водой, окутываютъ недоноска теплѣе, укладываютъ его возлѣ печки и т. п.

Наиболѣе выгодно для недоноска если его кормить мать, а въ случаѣ невозможности этого—кормилица. Если ребенокъ настолько слабъ, что не можетъ сосать, то его кормятъ съ ложечки, а въ крайнемъ случаѣ и съ помощью зонда.

Къ искусственному кормленію можно прибѣгнуть только въ крайнемъ случаѣ. При искусственномъ кормленіи недоноска нужна еще большая педантичность, чѣмъ при кормленіи доношенныхъ дѣтей. Его кормятъ такъ же какъ и всякаго новорожденного черезъ 2 часа, но если онъ очень слабъ, то можно кормить и чаще.

Что касается купанья, то въ виду вреднаго вліянія на недоносковъ рѣзкой перемены t° воздуха при переносѣ изъ грѣлки въ ванну и обратно, совѣтуютъ, пока младенецъ находится въ грѣлкѣ.

не купать его, ограничиваясь при этомъ обмываніемъ его въ грѣлкѣ. Если же ванну находятъ необходимой для ребенка, то температура воды въ ваннѣ должна быть выше чѣмъ для доношенныхъ дѣтей въ среднемъ около 32—33°.

Послѣ купанья ребенка слѣдуетъ тщательно обсушить и припудрить тѣ мѣста, гдѣ имѣются складки тѣла, чтобы предупредить опрѣлость.

Кромѣ купанья, ребенка послѣ каждого испражненія и выхожденія мочи слѣдуетъ обмыть и обмытыя мѣста затѣмъ обсушить и припудрить.

Такой же уходъ, какъ за недоносками, долженъ быть и за доношенными, но слабыми, или недоразвитыми дѣтьми.

Искусственное вскармливание. Способъ Сокслета и его приборъ. Количество пищи, необходимой для насыщениа новорожденнаго. Вещества замѣняющія молоко.

Наибольшій процентъ смертности грудныхъ дѣтей бываетъ при искусственномъ ихъ вскармливаниі, при которомъ грудные дѣти умираютъ въ 5 разъ больше, чѣмъ при кормленіи ихъ грудью. Поэтому къ искусственному вскармливаниіу надо прибѣгать только въ крайнемъ случаѣ и при примѣненіи его быть крайне осторожнымъ и точнымъ.

Выше мы уже говорили, что молоко матери всего лучше можетъ быть замѣнено молокомъ животныхъ, а именно ослицы, или кобылицы, но у насъ употребляется почти исключительно молоко коровы, которое легче достать. Оно, какъ мы знаемъ, отличается отъ женскаго молока тѣмъ, что легче подвергается броженію (киснетъ), составъ его нѣсколько иной, въ немъ менѣе сахара, чѣмъ въ женскомъ, больше казеина и казеинъ его выпадаетъ плотными и болѣе объемистыми хлопьями, чѣмъ въ женскомъ молокѣ. Для того, чтобы приблизить по составу коровье молоко къ молоку женщины, нужно коровье молоко разбавить равнымъ количествомъ воды и прибавить къ нему сливокъ и сахару, лучше молочнаго въ такой пропорціи, чтобы на 100 частей смѣси молока съ водой пришлось 6 частей сахара и 35 частей сливокъ. Большая удобоваримость коровьяго молока, т. е. болѣе легкая свертываемость казеина его достигается прибавленіемъ къ молоку слизистыхъ или крахмальныхъ отваровъ: камеди (чайная ложка на стаканъ воды), отваровъ ячменя, овса, риса и т. п. Для приготовленія ихъ берутъ десертную ложку зеренъ и кипятятъ ихъ въ стаканѣ воды, пока зерна не разварятся совсѣмъ.

Отваръ процѣживаютъ и прибавляютъ къ молоку въ разныхъ порціяхъ соотвѣтственно возрасту ребенка. Если ребенокъ слабъ, или предрасположенъ къ желудочно-кишечнымъ заболѣваніямъ, то эти разведенія молока дѣлаются приблизительно въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

На 1-мъ мѣсяцѣ на 1 часть молока берутъ 3 части воды или отвара

„ 2	„ 1	„ „	2	„ „	„
„ 3	„ 2	„ „	3	„ „	„
„ 4	„ 1	„ „	1	„ „	„
„ 5	„ 4	„ „	3	„ „	„
„ 6	„ 2	„ „	1	„ „	„
„ 7	„ 3	„ „	1	„ „	„

Съ 8-го можно брать цѣльное молоко.

Но при этомъ надо слѣдить, какъ ребенокъ переноситъ молоко. Если онъ здоровъ и усваиваетъ молоко хорошо, то кормленіе неразведеннымъ коровьимъ молокомъ можетъ быть начато значительно раньше.

Въ послѣднее время все чаще начали раздаваться голоса въ пользу ранняго кормленія дѣтей цѣльнымъ коровьимъ молокомъ. Несомнѣнно, что не всякій ребенокъ можетъ справиться съ цѣльнымъ молокомъ, но опытъ показываетъ, что если ребенокъ крѣпкій и здоровый, то уже и на 3-мъ мѣсяцѣ жизни онъ можетъ хорошо переносить цѣльное молоко, а слѣдовательно и дальнѣйшее разведеніе молока является для него уже лишнимъ.

Конечно, при кормленіи надо обращать также вниманіе, не является ли у вскармливаемого разстройство желудочно-кишечнаго пищеваренія (отсутствія аппетита, рвоты, болей, поноса и т. п.), и прибавляется ли онъ въ вѣсѣ. Если при соблюденіи всѣхъ остальныхъ условій правильнаго кормленія все же наступаетъ разстройство пищеваренія, то слѣдуетъ сильнѣе разбавлять молоко.

Въ виду худшей усваиваемости коровьяго молока сравнительно съ женскимъ для полнаго его перевариванія въ желудкѣ требуется больше времени, чѣмъ при перевариваніи женскаго молока. Поэтому при искусственномъ кормленіи надо кормить ребенка и въ 1-ый мѣсяцъ черезъ 3 часа, а не черезъ 2, какъ при кормленіи материнскимъ молокомъ.

Молоко коровы загрязняется микробами уже во время доенія. Микробы попадаютъ въ него изъ сосковъ коровы, рукъ доильщицы, воздуха и т. п. Если такое молоко предоставить самому себѣ, то попавшіе въ него микробы начинаютъ очень быстро развиваться и выдѣлять ядовитыя вещества (токсины), которыя могутъ значительно измѣнять составъ молока. Поэтому, чтобы предупредить развитіе микроорганизмовъ въ молокѣ, его кипятятъ. Но кипяченіе уничтожаетъ только микробы, а не ихъ токсины. Поэтому, если хотятъ обеззаразить молоко, то его слѣдуетъ кипятить сейчасъ же послѣ удою, въ противномъ случаѣ, даже и прокипяченное передъ кормленіемъ оно можетъ содержать ядовитыя вещества (токсины) и быть причиной желудочно-кишечнаго заболѣванія. Прокипяченное молоко слѣдуетъ тщательно защищать отъ воздуха, такъ какъ оно представляетъ изъ себя очень хорошую питательную среду для микробовъ. Микробы, попавшіе изъ воздуха въ прокипяченное молоко развиваются въ немъ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ сыромъ.

Для кипяченія молока въ настоящее время предложено нѣсколько способовъ, при чемъ лучшимъ изъ нихъ считается способъ *Сокслета*. Этотъ способъ состоитъ въ томъ, что молоко кипятятъ въ особыхъ бутылочкахъ, вмѣщающихъ количество молока, необходимое для насыщенія ребенка въ одинъ пріемъ. Каждая такая бутылочка послѣ кипяченія остается герметически закупоренной до кормленія ребенка. Передъ кормленіемъ резиновая пробка бутылочки замѣняется соской, изъ которой ребенокъ непосредственно и сосетъ молоко. Понятно, что соска должна содержаться идеально чисто. Молоко передъ употребленіемъ нагревается до 28° С, или до 20° по R. Нѣсколько такихъ бутылокъ на особой подставкѣ опускаются въ приспособленную для этого металлическую кастрюлю съ крышкой, въ которой и кипятятся.

Успѣшное питаніе зависитъ также и отъ качества молока, а послѣднее съ свою очередь отъ здоровья и корма коровы. Корова можетъ быть больной, и нерѣдко молоко больной коровы служитъ носителемъ заразы. Это доказано по отношенію къ туберкулезу; поэтому лучше брать молоко сборное отъ нѣсколькихъ коровъ, такъ какъ химическія изслѣдованія показываютъ, что сборное молоко постоянно сохраняетъ одинъ и тотъ же составъ. Кромѣ того доказано, что въ сборномъ молокѣ молоко больной коровы теряетъ свои зара-

зительныя свойства, а слѣдовательно и опасность зараженія молокомъ больной коровы слабѣть.

Кормить корову надо хорошимъ сѣномъ, а не травой и поить чистой водой съ отрубями, а не кухонными помоями, или бардой съ винокуренныхъ заводовъ.

Козье молоко сравнительно съ коровьимъ болѣе жирно и содержитъ больше казеина.

Какъ для взрослога, такъ и для ребенка количество пищи, необходимой для насыщенія его въ одинъ приѣмъ, бываетъ различно и зависитъ отъ возраста, жизнеспособности, здоровья ребенка и т. п. Но въ среднемъ ребенку до 5-го мѣсяца жизни на одно кормленіе считается достаточнымъ столько унцій молока, сколько ему мѣсяцевъ отъ роду плюсъ еще одна унція. Съ 5-ти же мѣсяцевъ и до конца года 6 унцій. (Унція, какъ мы знаемъ=30 граммамъ=2 столовымъ ложкамъ).

Бушо высчитываетъ количество пищи, необходимое для 1-го дня жизни ребенка равнымъ 30 грм., для 2-го—150, для 3-го—400, 4-го—550, далѣе въ первомъ мѣсяцѣ ежедневно требуется 630 грм., во 2-мъ—700, въ 3-мъ—850 грм., съ 4-го до 9-го—950 грм. въ сутки. Это среднія величины. Но для опредѣленія суточного количества молока, необходимаго для насыщенія ребенка, слѣдуетъ считаться съ особенностями каждаго организма. Лучшимъ контролемъ въ такихъ случаяхъ служитъ взвѣшивание ребенка. Лѣтомъ, благодаря меньшей потерѣ тепла тѣломъ, количество пищи необходимой для насыщенія его бываетъ также меньшимъ.

Если ребенокъ не переноситъ молока, или хорошаго молока почему-либо достать нельзя, тогда приходится прибѣгать къ различнымъ питательнымъ веществамъ, замѣняющимъ молоко. Лучше другихъ переносятся *сливочныя* или, такъ называемыя *Бидертовскія смѣси*.

Преимущество этой смѣси заключается въ томъ, что сливки принадлежатъ къ тѣмъ веществамъ, которыя обволакиваютъ казеинъ и мѣшаютъ ему створаживаться крупными или плотными комками. Поэтому смѣсь эта легко переваривается дѣтскимъ желудкомъ. Стоитъ она изъ одной чашки свѣжихъ сливокъ, трехъ чашекъ воды и чайной ложки молочнаго сахара. Какъ и молоко, смѣсь эту передъ употребленіемъ слѣдуетъ прокипятить. Такую смѣсь употребляютъ на 1-мъ мѣсяцѣ жизни. Для дѣтей отъ 2-хъ до 3-хъ мѣся-

цевъ къ этой смѣси прибавляютъ полъ чайной ложки молока. Для 4-хъ мѣсячныхъ дѣтей берутъ молока и сливокъ поровну. Съ 5-го мѣсяца молока берутъ вдвое болѣе чѣмъ сливокъ. Количество же воды и сахара во всѣхъ разведеніяхъ остается одно и то же. Если ребенокъ сливочную смѣсь переноситъ хорошо, то прибавленіе молока къ смѣси можно начать раньше и быстрѣе переходить къ цѣльному молоку.

Чтобы придать молоку болѣе питательности, проф. *Гертнеръ*, разбавивъ молоко на половину водой, подвергнулъ его дѣйствию центробѣжной машины. При быстромъ вращеніи машины молоко дѣлится на два слоя—болѣе жирный 3,3% жира и болѣе тощій 0,2% жира. Казеинъ распредѣляется поровну между обѣими половинами молока. Прибавляя къ болѣе жирному слою молока молочнаго сахара проф. *Гертнеръ* получилъ смѣсь близко подходящую по составу къ молоку женщины. Препаратъ этотъ, извѣстный подъ именемъ *Гертнеровскаго молока*, является питательнѣе сливочной смѣси *Бидерта*. И какъ временная пища ребенка онъ очень хорошъ. Какъ и сливочную смѣсь, его надо стерилизовать.

Вообще предложено много средствъ, замѣняющихъ молоко груднымъ дѣтямъ. Но нѣтъ ни одного препарата, который могъ бы вполне замѣнить материнское молоко. Даже коровье молоко и то почти не находитъ себѣ вполне замѣстителей.

Лучшими изъ искусственныхъ питательныхъ веществъ будутъ тѣ, которыя не содержатъ сахара и крахмала, такъ какъ до 5-го мѣсяца дѣтскій организмъ не въ состояніи переваривать и усваивать эти вещества. Къ такимъ препаратамъ относится, напр. *сгущенное молоко безъ примѣси сахара*.

Оно продается въ герметически закупоренныхъ жестянкахъ. Передъ употребленіемъ разбавляется водой въ различныхъ пропорціяхъ для каждаго возраста. Для дѣтей отъ 1-ой до 4-хъ недѣль на 1 часть молока берутъ 16 частей воды, для ребенка отъ 4—6 мѣсяцевъ—1 : 10, къ концу года 1 : 3. Вода употребляемая для разведенія молока должна быть прокипяченная и профильтрованная.

Сгущенное молоко не слѣдуетъ употреблять для постоянного кормленія ребенка. Но оно бываетъ иногда очень умѣстно для временной замѣны обыкновеннаго коровьяго молока, котораго ребенокъ почему-либо не переноситъ. Удобно оно также въ дорогѣ, когда свѣжаго молока нельзя достать. Въ виду того, что даже въ закупорен-

ной жестянкѣ молоко это можетъ испортиться (прокиснуть) надо каждый разъ передъ употребленіемъ контролировать доброкачественность продукта.

Изъ искусственныхъ препаратовъ въ большомъ употребленіи *Молочная мука Нестле*, но въ нее входитъ кромѣ молока сахаръ и пшеничная мука, часть крахмала которой обращена въ декстринъ. Такъ какъ препаратъ этотъ содержитъ крахмалъ, то онъ совершенно не подходитъ для кормленія дѣтей до 4-хъ мѣсяцевъ. Его можно употреблять при прикармливаніи дѣтей послѣ полугода или для замѣны коровьяго молока при леченіи поносовъ. Назначаютъ его или въ видѣ каши (1 часть муки на 6 частей воды) или въ видѣ молока (1 часть муки на 12 частей воды). Для приготовленія этого препарата воду постепенно приливаютъ къ мукѣ, смѣсь постоянно помѣшиваютъ и потомъ еще разъ кипятятъ.

Къ такой же группѣ веществъ, содержащихъ крахмалъ, измѣненный въ декстринъ и сахаръ, принадлежатъ: *сущенное пептонизированное молоко (Лёфлюнда) Löflunda*. Молоко въ этомъ препаратѣ предварительно подвергается дѣйствию пепсина. Препарат этотъ довольно стойкій. Употребляется въ разведеніи смотря по возрасту ребенка: одна часть препарата на 6—12 частей воды. Но и этотъ препаратъ не долженъ употребляться для кормленія дѣтей до 4-хъ мѣсяцевъ жизни.

Свойство сливокъ обволакивать казеннъ и способствовать его лучшему усваиванію дѣтскимъ желудкомъ имѣютъ также слизистые отвары изъ риса, овса и особенно ячменя. Эти отвары благотворно дѣйствуютъ и на [большую слизистую оболочку желудка и кишекъ.

Неудивительно поэтому, что очень большое распространеніе получил американскій препаратъ, извѣстный подъ названіемъ *Геркулеса*, представляющій изъ себя обработанную паромъ овсяную крупу. Вскорѣ послѣ Геркулеса появился Финляндскій «*Чемпионъ*», отличающійся отъ Геркулеса меньшимъ количествомъ бѣлковъ и большимъ крахмала. Нисколько не уступаетъ имъ по питательности и пригодности для прикорма грудныхъ дѣтей и наше русское *толокно*, употребляемое въ пищу жителями нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ мѣстностей Россіи. Толокно представляетъ изъ себя муку изъ овсяныхъ зеренъ, обработанныхъ паромъ и высушенныхъ въ жаркой печкѣ. Подъ вліяніемъ такой обработки большая часть бѣлковъ зеренъ переходитъ въ пептоны, а крахмалъ развари-

вается и переходитъ частью въ декстринъ. Такимъ образомъ толокно представляетъ изъ себя хорошо усваиваемый и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевый препаратъ.

Но всѣ эти препараты, какъ содержащіе крахмалъ, должны употребляться въ пищу грудного ребенка не раньше, какъ съ 6-го, 7-го мѣсяца жизни, т. е. когда желудокъ ребенка можетъ уже переваривать и усваивать крахмалъ.

Вообще для искусственнаго кормленія новорожденныхъ и грудныхъ дѣтей предложено много препаратовъ, изъ которыхъ одни совершенно оставлены, какъ неудовлетворяющіе своему назначенію, другіе же, хотя и пользуются большимъ распространеніемъ, но замѣнить материнское молоко они никогда не могутъ и потому къ нимъ слѣдуетъ прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ. Нерѣдко результаты кормленія бываютъ вполне удовлетворительны. Но это можетъ быть только въ томъ случаѣ, если ребенокъ отъ природы очень крѣпокъ. На первомъ планѣ стоитъ здѣсь полное обеззараживаніе пищи ребенка, во-вторыхъ, подходящій для кормленія составъ пищи. Въ этомъ отношеніи помимо возраста ребенка, нельзя совершенно игнорировать и индивидуальность его. Этимъ и обуславливаются случаи пригодности искусственныхъ питательныхъ веществъ въ одномъ случаѣ и совершенной ихъ непригодности въ другомъ.

Въ третьихъ, наконецъ, соблюденіе правильныхъ сроковъ кормленія.

Несоблюденіе этихъ правилъ не только при искусственномъ кормленіи, но и при кормленіи грудью матери одинаково ведетъ всегда къ однимъ и тѣмъ же плачевнымъ результатамъ.

Въ виду этого особенно много хлопотъ причиняетъ искусственное кормленіе лѣтомъ, такъ какъ для загрязненія пищи ребенка микроорганизмами эта пора является наиболѣе благопріятной. Для полнаго же обезпложиванія пищи младенца требуется слишкомъ большая аккуратность и терпѣніе.

Этимъ и обуславливается частота такъ называемыхъ лѣтнихъ дѣтскихъ поносовъ, ежегодно уносящихъ съ собою громадное количество жертвъ.

Комната для новорожденныхъ. Одежда. Постель. Пять виѣшнихъ чувствъ новорожденнаго. Народныя предразсудки при уходѣ за новорожденными. Причина большой смертности новорожденныхъ.

Если для взрослога чловѣка важны окружающія его условія въ смыслѣ чистаго воздуха, свѣта и тепла, то для новорожденнаго, организмъ котораго отличается чрезвычайно быстрымъ ростомъ, эти условія имѣютъ еще большее значеніе.

Какъ необходимы новорожденному свѣтъ, воздухъ и тепло, можно судить по громадному проценту дѣтей больныхъ англійской болѣзью и золотухой. Эти болѣзни, главнымъ образомъ, развиваются въ помещеніяхъ, гдѣ сыро, холодно и испорченный воздухъ.

Для правильнаго развитія и роста новорожденнаго необходимо, чтобы въ комнатѣ для него было достаточное количество воздуха и свѣта, т. е. чтобы комната была обширная—не меньше 6 кубическихкихъ сажень, чтобы воздухъ въ комнатѣ былъ чистый и температура его была (не ниже) 14—16°. Надо заботиться также, чтобы въ комнатѣ не было сырости. Комнату не слѣдуетъ загромождать излишней мебелью и коврами. Въ дѣтской не слѣдуетъ просушивать мокрыя и грязныя пеленки, хранить грязное бѣлье и вообще слѣдуетъ заботиться, чтобы воздухъ въ ней былъ чистый. Для этого также слѣдуетъ нѣсколько разъ въ день провѣтривать дѣтскую, унося на это время ребенка въ другую комнату.

Одежда новорожденнаго должна приготовляться изъ легкой удобной для мытья матеріи. Состоитъ она изъ рубашонки съ разрѣзомъ на спинѣ, или груди, чтобы легче было ее снять, и чепчика, который надѣваютъ только первыя недѣли. Рукава рубашечки должны быть длиннѣе рукъ, чтобы новорожденный не поцарапалъ себѣ

личика. Зимой кромѣ рубашечки надѣваютъ теплую бумазейную кофточку. Необходимой принадлежностью дѣтскаго гардероба будутъ пеленки, которыя должны быть всегда чисты и сухи. Лучше всего готовить ихъ изъ холста, или модепалана. За ними слѣдуетъ особенно тщательно слѣдить и мѣнять ихъ каждый разъ, какъ ребенокъ ихъ смочить.

Чтобы защитить ребенка и предохранить его отъ неловкихъ движеній ручонками, которыми ребенокъ самъ можетъ нанести себѣ вредъ, его обыкновенно пеленаютъ.

Русскій способъ пеленанія заключается въ томъ, что поверхъ пеленокъ ребенокъ забинтовывается „свивальникомъ“. Это родъ широкаго бинта изъ холста, или бумази длиной въ 2—2½ арш., на одномъ концѣ котораго пришиты тесемки, которыми свивальникъ и укрѣпляется.

Какой бы способъ пеленанія ни употреблялся, но надо помнить, чтобы при бинтованіи ребенокъ не туго затягивался, такъ какъ при тугомъ бинтованіи кровообращеніе ребенка нарушается и это можетъ дурно отозваться на его здоровьи.

При нѣмецкомъ способѣ пеленанія ребенокъ укладывается въ такъ называемый конвертикъ, состоящій изъ двухъ частей: наволочки и матрасика. Наволочка, или собственно конвертикъ имѣетъ форму креста. Длина нижней части и боковыхъ сторонъ его равны, верхняя же часть значительно меньше другихъ. Вмѣстѣ со средней частью она и составляетъ наволочку, въ которую вкладывается матрасикъ такой же формы, какъ и наволочка. Матрасикъ набивается ватой, или волосомъ. Конвертикъ дѣлается изъ полотна, или какой нибудь бумажной матеріи (напр. шкэ). Въ сложенномъ видѣ конвертикъ имѣетъ сходство съ почтовымъ конвертомъ. Къ боковымъ краямъ его пришиваются тесемки, которыми концы его и связываются. Ребенокъ въ такомъ конвертикѣ лежитъ свободно, такъ какъ онъ не стягивается.

Новорожденный долженъ имѣть свою особую кроватку. Укачивать ребенка въ люлькахъ, или коляскахъ не слѣдуетъ, такъ какъ это дурно отражается на здоровьи младенца. Также не слѣдуетъ, чтобы ребенокъ засыпалъ возлѣ матери, такъ какъ мать легко можетъ во снѣ придавить его своимъ тѣломъ и задушить его. Надо, чтобы кроватка не стояла возлѣ печки, или на сквознякѣ. Собственно постель новорожденнаго должна состоять изъ волосяного матрасика,

покрытаго клеенкой и простынкой и небольшой подушечки. Укрывать ребенка слѣдуетъ легкимъ одѣяльцемъ. Защищая ребенка отъ простуды, не слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ кутать его, такъ какъ благодаря этому ребенокъ становится еще болѣе воспримчивъ къ простудѣ. Надъ кроватью хорошо устроить легкій кисейный пологъ для защиты ребенка отъ мухъ и пыли; плотныхъ занавѣсокъ дѣлать не слѣдуетъ, такъ какъ онѣ мѣшаютъ свободному движенію воздуха.

Пять внѣшнихъ чувствъ у новорожденнаго. Организмъ ребенка при рожденіи его на свѣтъ оказывается недоразвитымъ почти во всѣхъ отношеніяхъ, недоразвитой оказывается и его нервная система. Въ первый день послѣ рожденія всѣ 5 внѣшнихъ чувствъ его находятся почти въ зачаточномъ состояніи. Этимъ обуславливается отсутствіе мимики на фізіономіи новорожденнаго и, такъ называемое, сосательное выраженіе лица его. Первое время ребенокъ не отличаетъ отдѣльныхъ предметовъ—какъ у слѣпого взглядъ его скользитъ по предметамъ, не останавливаясь ни на чемъ; но черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія, онъ начинаетъ отличать свѣтъ отъ тьмы. Черезъ нѣсколько недѣль онъ тянется уже къ яркому свѣту и блестящимъ предметамъ. А на третьемъ мѣсяцѣ начинаетъ узнавать уже лицо матери, или кормилицы.

Слухъ. Въ первые два дни жизни всѣ дѣти бываютъ глухими, но уже на второй недѣлѣ, а иногда и раньше, они совершенно отчетливо различаютъ громкій шумъ. Если ребенокъ въ концѣ мѣсяца не слышитъ громкаго звука, то весьма вѣроятно, что онъ глухъ, или идіотъ. Около конца 2-го мѣсяца ребенокъ различаетъ и направленіе шума.

Вкусъ и обоняніе бываютъ развиты даже въ первые дни жизни ребенка. Такъ напр. въ первые дни жизни ребенокъ отличаетъ вкусъ молока отъ другихъ особенно горькихъ веществъ, которыя онъ не желаетъ брать.

Осязаніе у новорожденныхъ дѣтей развито значительно. Такъ при обмываніи глазъ, ребенокъ смыкаетъ вѣки, при вытираніи ротика ребенокъ морщится. Онъ безпокоится отъ холода и боли и успокаивается въ теплѣ.

На 6-омъ мѣсяцѣ ребенокъ узнаетъ уже многіе предметы. Въ это время дѣти любятъ слушать музыку и пѣніе. Особенно мало развитъ у новорожденнаго головной мозгъ, въ силу чего всѣ движенія

въ это время произвольны и неразумны. Произвольныя же движенія появляются не раньше 3-го мѣсяца. Около этого же времени ребенокъ начинаетъ правильно держать головку.

Наиболѣе развитыми при рожденіи оказываются двигательные нервы. Сейчасъ же послѣ родовъ ребенокъ энергично двигаетъ ручками и ножками. Но, какъ сказано выше, нервная система въ первыя же недѣли жизни плода развивается очень быстро—быстрѣ другихъ частей тѣла. Около 8-ми мѣсяцевъ ребенокъ безъ поддержки сидитъ, къ концу года стоитъ, а въ началѣ 2-го года начинаетъ ходить. Понятно, что развитіе нервной системы находится въ связи съ развитіемъ всего организма. Если ребенокъ хвораетъ, питаніе его идетъ плохо, тогда и нервная система будетъ медленно развиваться.

Народныя предрасудки при уходѣ за новорожденными. При уходѣ за новорожденными и грудными дѣтьми очень большое значеніе имѣютъ народныя предрасудки. И это вполне понятно, такъ какъ на обширномъ пространствѣ нашей родины есть еще много уголковъ, гдѣ не только врача-акушера, но и повивальной бабки не имѣется. И во всѣхъ случаяхъ родовъ, какъ легкихъ, такъ и трудныхъ народъ долженъ обходиться своими силами. Не зная, какъ предупредить несчастье, какъ облегчить страданія, не умѣя правильно объяснить тѣ явленія, которыя приходится наблюдать во время родовъ, народъ придумываетъ для нихъ свои объясненія. При этомъ по большей части случайныя обстоятельства, зачастую никакого отношенія къ акту родовъ не имѣющія, ставятся въ причинную связь съ происходящими явленіями. Такъ напр. многія неудачи объясняются „дурнымъ глазомъ“, „встрѣчей съ покойникомъ“ и т. п.

Народная фантазія по различнымъ внѣшнимъ признакамъ старается предугадать несчастье и заговорами, а иногда и неразумнымъ вмѣшательствомъ въ родовую актъ предупредить его.

Передаваясь изъ устъ въ уста предрасудки становятся достояніемъ народа и нерѣдко ложатся въ основу веденія родовъ и ухода за новорожденными.

Въ виду того, что ребенокъ рождается совершенно безпомощнымъ существомъ и что благодаря неразумному уходу дѣти очень часто болѣютъ и даже гибнутъ, народныхъ предрасудковъ особенно много приурочено къ уходу за новорожденными и грудными дѣтьми.

ВОЗЗВАНІЕ

Союза для борьбы съ дѣтской смертностью въ Россіи.

Обращаемся къ людямъ добрымъ и милосерднымъ. Остановитесь. Выслушайте. Помогите.

Среди бѣдствій народа русскаго есть одно неизмѣримое, отнимающее столько жизней, сколько не уноситъ ни война, ни холера, ни чума, соединившись вмѣстѣ. Это бѣдствіе—ужасающая дѣтская смертность. По отзыву ученыхъ, нигдѣ на свѣтѣ не умираетъ такъ много грудныхъ младенцевъ, какъ въ Россіи. Ни христіанскій, ни мусульманскій міръ, ни даже язычники не знаютъ этого бѣдствія въ такихъ размѣрахъ, и оно не ослабѣваетъ, а все растетъ.

Съ древнихъ временъ признакомъ счастья народнаго служить долголѣтіе. Чѣмъ больше людей достигаетъ зрѣлаго и преклоннаго возраста, тѣмъ обезпеченнѣе жизнь. Россія еще сто съ небольшимъ лѣтъ считалась страной благополучной въ этомъ отношеніи. По словамъ профессора Ю. Э. Янсона, въ концѣ XVIII вѣка смертность въ Россіи опредѣлялась въ 20 человѣкъ (на тысячу). Но уже въ 1816—20 г. смертность повысилась до 23, а къ концу XIX вѣка перевалила за 30, и теперь кое-гдѣ доходитъ до 50 и выше. Мѣстами рождаемость уже не покрываетъ смертности и население идетъ на убыль. Между тѣмъ, во всѣхъ христіанскихъ странахъ, гдѣ быстро двинулось просвѣщеніе, смертность за то же столѣтіе быстро понизилась, дойдя въ Норвегіи до 16, а въ Австраліи даже до 11—12 на тысячу. Такимъ образомъ сравнительно съ этими странами мы теряемъ нѣсколько милліоновъ человѣкъ ежегодно, которые погибли напрасно и могли бы жить. Столь огромная и все растущая смертность въ Россіи вызывается множествомъ причинъ,

но главная изъ нихъ, по свидѣтельству врачей,—это губительныя условія, въ которыхъ находятся только что родившіеся младенцы. Еще до рожденія многія изъ нихъ обречены на гибель. Тяжкій трудъ матерей, изнуренье, зимній холодъ, пьянство, нравственныя тревоги—все это ведетъ къ тому, что дѣти уже рождаются на свѣтъ малоспособными къ жизни. Самые роды обставлены варварскими условіями. Бабы-повитухи пускаютъ въ ходъ средства дикарей. подвѣшиваютъ родильницъ, встряхиваютъ, перетягиваютъ, вмѣсто акушерскихъ щипцовъ ковыряютъ простой палкой во внутренностяхъ роженицы; родившагося младенца парятъ въ банѣ, обкуриваютъ. правятъ, трясутъ головой внизъ, сажаютъ въ горячую печь на лопатѣ, опаиваютъ и т. п. Спеленатый въ грязныхъ тряпкахъ и часто брошенный на присмотръ малолѣтнихъ ребятъ, грудной младенецъ заживо гниетъ въ собственныхъ изверженіяхъ, заѣдаемый насѣкомыми. Въ гнилой подстилкѣ и даже на тѣлѣ ребенка, въ язвахъ, часто заводятся черви. Младенцы, выдержавшіе эти муки, всего чаще гибнутъ отъ голода или отъ отравы, которая дается въ видѣ гнилой соски вмѣсто матерняго молока. По свидѣтельству врачей. эта соска (изъ жеваннаго хлѣба, каши и т. п.) уноситъ въ Россіи болѣе жизней, чѣмъ всѣ непріятельскія нашествія. Лѣтомъ, когда бабы въ полѣ, по деревнямъ свирѣпствуетъ ужасающій дѣтскій поносъ, которымъ „смываетъ“ иной разъ всѣхъ грудныхъ младенцевъ. Изъ тѣхъ-же, что остаются въ живыхъ, вырастаетъ населеніе хилое и малосильное, далеко не такое, какимъ могло бы быть по природѣ. И такъ какъ смертность, подобно лавинѣ, растетъ, то по словамъ доктора В. И. Гребенщикова. „мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что не пройдетъ и 150 лѣтъ, какъ начнется безусловное вымираніе населенія“.

Что всего поразительнѣе, особенно высока дѣтская смертность въ коренномъ великорусскомъ населеніи. У евреевъ, у татаръ, даже у вотяковъ-язычниковъ смертность дѣтей гораздо ниже, такъ какъ у инородцевъ, въ силу религіознаго закона, кормленіе дѣтей признается какъ священный долгъ. Ни еврейки, ни татарки не замѣняютъ собственнаго молока соской, это исключительно русскій обычай и одинъ изъ самыхъ губительныхъ. По общему свидѣтельству. отказъ отъ кормленія младенцевъ грудью—главная причина ихъ вымиранія. Повышенная смертность влечетъ за собою повышенную рождаемость, которая напрасно обременяетъ семьи бѣдняковъ трудомъ беременности и болѣзней съ нею связанныхъ, муками родовъ, тревогами ухода за дѣтьми и, наконецъ, горемъ преждевременной потери ихъ. Въ то время какъ въ Псковской губерніи, по словамъ

д-ра Рауха, въ 1890 г. умерло изъ каждой тысячи моложе года 829 человекъ, въ Норвегіи умираеть на тысячу 95.

Это, сплошное мученичество и вымираніе русскихъ младенцевъ слѣдуетъ разсматривать какъ непрерывную и все растущую катастрофу. Откладывать спасеніе гибнущихъ нельзя. Необходимо изъ всѣхъ силъ спѣшить, иначе бѣдствіе можетъ сдѣлаться неодолимымъ. Въ Петербургѣ основанъ и утвержденъ правительствомъ Всероссийскій Союзъ борьбы съ дѣтской смертностью. Много лицъ самаго разнообразнаго положенія примкнули къ нему и 12-го декабря 1904 г. Союзъ открылъ свои дѣйствія.

Обращаемся къ людямъ разума и сердца. Знайте, что съ этихъ поръ уже есть раскинутая по всей Россіи организація для борьбы съ народной гибелью. Помните, что есть Союзъ, зовущій васъ на помощь и готовый вамъ помочь. Помните, что каждая жертва ваша, каждое участіе будетъ принято съ молитвой и безконечной благодарностью въ тѣхъ лачугахъ, гдѣ одичавшія отъ горя матери рождаютъ дѣтей для того, чтобы почти тотчасъ же зарыть ихъ въ могилу. Обращаемся къ людямъ всякаго состоянія, къ помѣщикамъ, священникамъ, народнымъ учителямъ, къ крестьянамъ и торговымъ людямъ. Обращаемся къ преосвященнымъ архіереямъ, къ губернаторамъ и властямъ губернскимъ и уѣзднымъ, къ дѣятелямъ земства и городовъ. Примите участіе въ этой начинающейся борьбѣ со смертностью, войдите въ союзъ, который только тогда будетъ действительнымъ, когда охватитъ всю страну.

Изъ устава Союза (онъ можетъ быть высланъ каждому желающему) вы увидите, какія даны огромныя права этой организаціи и какъ широко открытъ въ него доступъ всѣмъ, безъ различія состояній, вѣры, званія и матеріальнаго достатка. Даже круглые бѣдняки могутъ быть участниками святаго дѣла, и ихъ жертва—личнымъ трудомъ—самая желанная и необходимая.

Опытомъ дознано, что наиболѣе дѣйствительными средствами для борьбы съ дѣтской смертностью служатъ дѣтскіе ясли и пріюты, учрежденія для раздачи молока, лечебные и санитарные пункты, а также вмѣстѣ съ общимъ подъемомъ народной жизни—живая проповѣдь просвѣщеннаго и нравственнаго воспитанія. Нужны средства, еще нужнѣе—знаніе, и всего необходимѣе горячее сочувствіе къ гибнущимъ. Уставъ Союза даетъ право открывать по всей Имперіи мѣстные отдѣлы всюду, гдѣ соберется нѣсколько десятковъ лицъ, желающихъ начать эту борьбу. Съ самыми маленькими средствами есть возможность принести крайне существенную помощь.

На первых порахъ всероссійскій Союзъ для борьбы съ дѣтской смертностью нуждается во вниманіи къ нему, въ ознакомленіи съ его задачами. По всей Россіи разсѣяны благородные и сострадательные люди, которые уже давно, въ мѣрѣ силъ, ведутъ борьбу съ тѣмъ же грознымъ зломъ, лечатъ, устраняють ясли и т. п., но ихъ усилія парализованы одиночествомъ. „Одинъ въ полѣ не воинъ“, думаетъ каждый, и сдается. Пусть же знаютъ эти великодушные люди, что они могутъ быть соединены въ одну великую армію, въ одинъ тѣсный Союзъ, который единеніемъ создастъ силу. Тяжелыя времена переживаетъ Россія и каждый, кто можетъ помочь народу, обязанъ поспѣшить это сдѣлать.

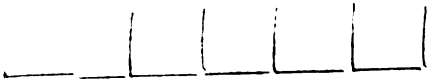
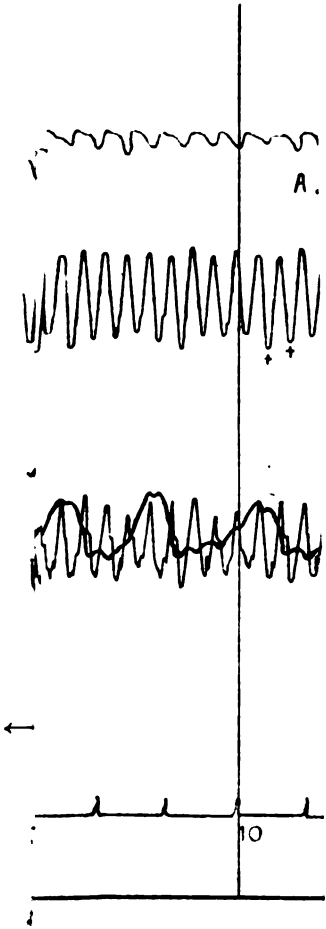
Съ требованіями устава, членскими взносами, пожертвованіями, запросами, предложеніями и т. п. слѣдуетъ обращаться въ Правленіе „Союза“, Спб., Галерная, 7. Предсѣдатель союза—Членъ Государственнаго Совѣта генераль Христофоръ Христофоровичъ Роопъ. Секретарь—докторъ В. Г. Дементьевъ. Членами совѣта и правленія состоятъ профессоры, врачи, писатели и д. общественные дѣятели Петербурга. Членскій взносъ—отъ 50 к. до 5 р. въ годъ. Литературнымъ источникомъ для ознакомленія съ вопросомъ о дѣтской смертности можетъ служить брошюра д-ровъ Гребенщикова и Соколова „Смертность въ Россіи и борьба съ нею“, ц. 50 коп. (продается въ пользу деревенскихъ яслей), а также диссертация д-ра В. П. Никитенка „Дѣтская смертность въ Европейской Россіи“. Спб. 1901.

Отъ Директора Историко-Филологическаго Института Князя
Безбородко въ Нѣжинѣ.

Въ виду того, что освободилась кафедра исторіи церковно-славянскаго и русскаго языка и важнѣйшихъ славянскихъ нарѣчій и на основаніи постановленія Конференціи 16 сентября сего 1908 г. объявляется конкурсъ на замѣщеніе означенной кафедры.

Лица, желающія принять участіе въ конкурсѣ, приглашаются представить не позже 16-го декабря 1908 г.: а) заявленіе о своемъ желаніи выступить кандидатами, б) curriculum vitae и в) свои ученые труды.

Директоръ Института *Ив. Ивановъ*.

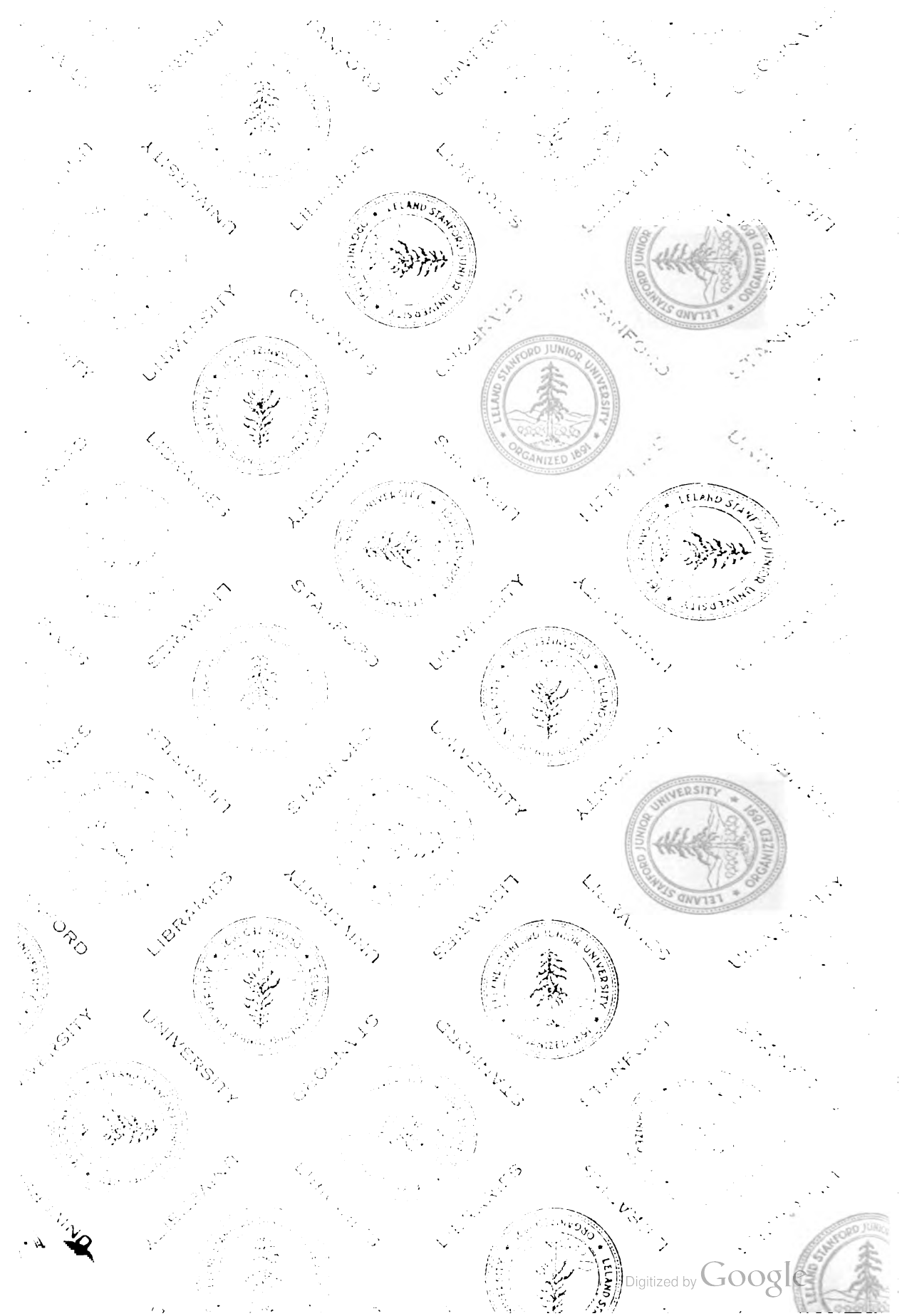
Университетскія Извѣстія въ 1909 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, Екатерининская улица, № 4-й, и въ Кіевѣ, Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ В. Иконниковъ.

AS
262
K5A36
v. 48
no. 9-12
1908

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

JUN 4 1981

